

ИВВА

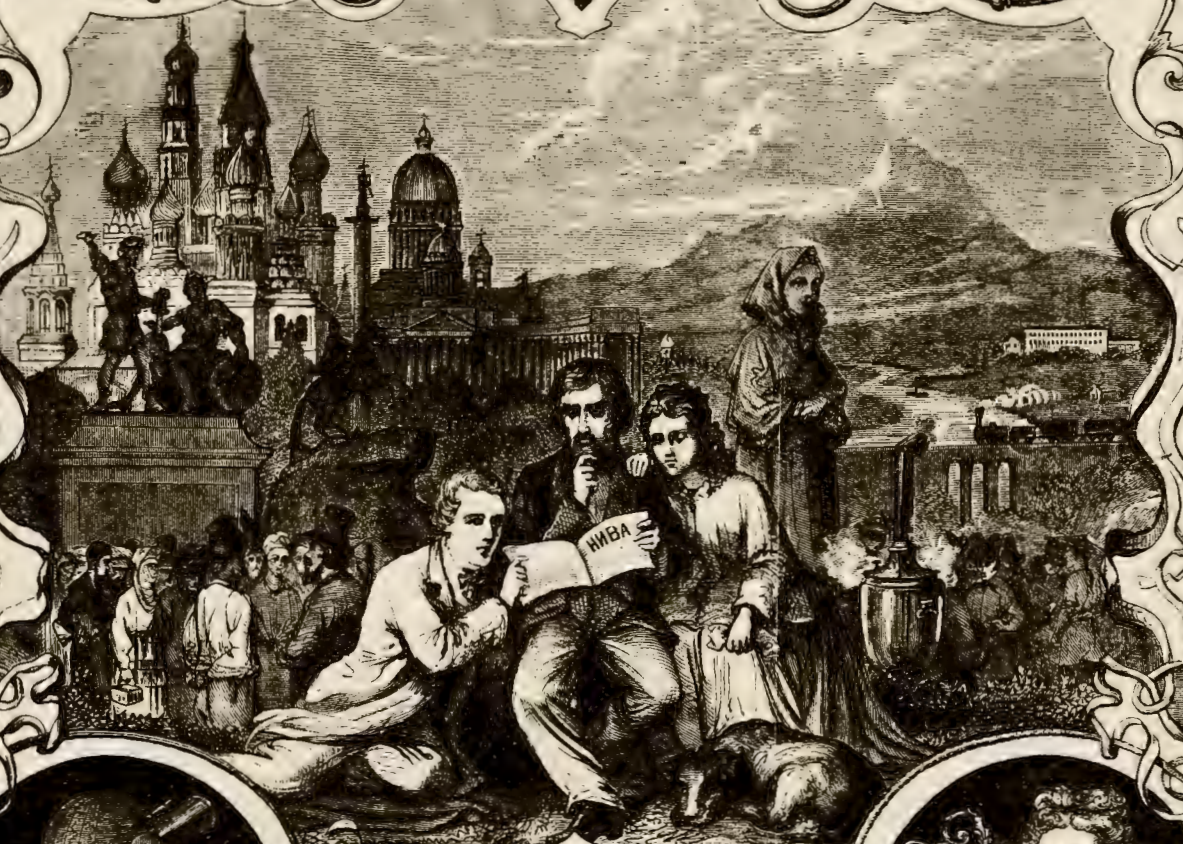
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

1877

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

П.МАРКОВ.рис.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ПЕЧАТАНИИ
П. П. МАРКСОМЪ

КВЕЙЕРМАНЪ.

Большой Морской
и углу Невского просп.
д. Росмана, № 9.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 1 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 3 Января 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕНЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Подписная цѣна «Нивы» на 1877 г. }	I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжныя магазины	4 р. 50 к.
	II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города	5 р. 50 к.
	На полгода безъ доставки	2 руб., съ доставкой 2 р. 50 к.,	съ пересылкою иногороднымъ	3 руб.
	На четверть года безъ доставки	1 р., съ доставкой 1 р. 25 к.,	съ пересылкою иногороднымъ	1 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за ЯНВАРЬ съ 26 рисунками, большой листъ съ 23 чертежами
выкроекъ въ натуральную величину и съ 29 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Съ новымъ годомъ! Оригин. рис. Дмитрія Оренбургскаго, грав. Вишневскій.

СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ.

Грозныя, темныя тучи, тяжелыя
Низко плывутъ все туда—на востокъ;
Лица встрѣчаются все невеселыя...
Въ воздухѣ душно... Блеститъ огонекъ
Ярко-лиловой далекой зарницы
Тамъ, на окраинѣ темныхъ небесъ;
Но вѣдь для насъ свѣтлый лучъ не исчезъ:
Вѣрится въ силу славянской десницы!

* * *

Льется чугуны темно-красной струею,
Пушекъ ужъ много готовыхъ лежить...
Мать уже креститъ дрожащей рукою
Рашика-сына... Господь да хранитъ!
То, что начертано въ книгѣ незримой,
Книгѣ Судебъ, то и будетъ друзья!

Мрачныя думы, идите вы мимо,
Лейся въ стаканы, хмѣльная струя!

* * *

Темныя, грозныя тучи, тяжелыя
Все-же пройдутъ, прояснится востокъ;
Снова намъ встрѣтятся лица веселыя—
И, можетъ быть, этотъ день не далекъ.
Пусть-же лиловыя блещутъ зарницы
Тамъ, на окраинѣ темныхъ небесъ—
Солнечный лучъ вѣдь для насъ не исчезъ:
Вѣрится въ силу славянской десницы!

Чу! Бьетъ полночь... мы готовы
Встрѣтить съ радостью живою
Новичка-младенца.. Новый,
Здравствуй—можетъ быть бѣдовый—
Здравствуй, семьдесятъ седьмой!

Щ—въ.

ДВѢ КАПЛИ ВОДЫ.

(Сцены изъ жизни петербургскихъ окраинъ).

I.

На Пескахъ, въ одномъ изъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ, въ маленькой комнаткѣ, сидѣла у окна старушка, занимаясь пошивкой бѣлья; на диванѣ лежалъ молодой человекъ, лѣтъ 30-ти, и читалъ книгу.

Старушка была Аграфена Степановна Миროнова, вдова чиновника, а молодой человекъ, сынъ ея, Александръ Матвѣевичъ.

— Когда у насъ заговѣнье-то? спросила Аграфена Степановна, продолжая накладывать заплатки.

— Не знаю, маменька, отвѣтилъ сынъ, не отрываясь отъ книги.

— Посмотри-ка въ календарь-то.

— Послѣ; дайте мнѣ дочитать.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

— Ты когда думаешь говѣть? заговорила опять Аграфена Степановна. Я хочу на второй или на третьей недѣлѣ—не такъ тѣсно будетъ. И ты бы, Саша, вмѣстѣ со мной говѣлъ.

— Хорошо, хорошо.

Опять молчаніе воцарилось въ комнатѣ, но продолжалось недолго; Аграфена Степановна снова заговорила:

— Что это у насъ давно Наталья Егоровна не была? Ты, Саша, не встрѣчалъ ее у Штуховыхъ?

— Нѣтъ.

— Странное дѣло, сгинула да пропала; сколько времени ужъ не была, продолжала старушка, не обращая вниманія на отрывистый и нетерпѣливый тонъ своего сына.—Ты не помнишь, когда она къ намъ въ послѣдній-то разъ приходила?

— Не помню.

— Можетъ быть и больна. Развѣ сходить къ ней, провѣдать? Далеко только очень... А, можетъ быть, и потому не идетъ, что сынъ прѣбхалъ; вѣдь она ждала его. Ты помнишь Васю-то, Саша?

— Какого Васю? чуть не со злостью спросилъ Александръ Матвѣевичъ.

— Сына Натальи Егоровны.

— Не помню.

Снова тихій ангелъ пролетѣлъ по комнатѣ, и, какъ всегда случалось, задѣлъ крыломъ Аграфену Степановну.

— Что это прачка долго бѣлья не несетъ, заговорила старушка.

Сынъ молчалъ.

— Саша, у тебя есть еще чистыя рубашки?

Александръ Матвѣевичъ оставилъ книгу и повернулся къ матери.

— Что это, маменька, у васъ за странная такая привычка, сказалъ онъ.

— Какая привычка? удивилась старушка.

— Разговаривать, когда человекъ занятъ.

— Когда-жь и это дѣлала?

— Да вотъ хоть бы сейчасъ: я читаю, а вы разговариваете, вопросы мнѣ ежеминутно предлагаете.

— Ну, такъ что-жь?

— Да больше ничего, какъ то, что вы мѣшаете мнѣ; чтонибудь одно—или читать, или разговаривать.

— Отчего-жь и не поговорить? что-жь въ молчанку-то играть? отвѣчала старушка, недоумѣвая къ чему сынъ эту рѣчь завелъ.

— Говорить можно, только во время, сказалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Какъ-же это во время?

— Когда я ничѣмъ не занятъ.

— Да вѣдь ты и теперь ничего не дѣлалъ.

— Какъ ничего не дѣлалъ? съ удивленіемъ спросилъ Александръ Матвѣевичъ.—Вы, кажется, видѣли, что я читалъ.

— Ну, это какое дѣло! съ пренебреженіемъ сказала Аграфена Степановна.—Ужъ если это дѣломъ считать, такъ что-жь тогда не дѣло-то будетъ.

— Все таки, я васъ прошу, не разговаривайте со мной, когда я читаю.

— Ну, ладно, ладно, не буду. Не могу, видишь-ли, не сказать, когда чтонибудь въ голову придетъ сейчасъ и скажу, и спрошу; удержаться-то трудно. Да и ты-то вотъ безъ мѣста, ну и думается...

— Не высккивается мнѣ мѣста-то, со вздохомъ сказалъ сынъ, впадая въ тонъ матери. Ужъ, кажется, я ни ногъ, ни спины не жалѣлъ, и ходилъ, и кланялся—ничего не помогаетъ.

— Одна надежда на Бога, можетъ быть, Онъ, Милосердный, поможетъ, сказала вздыхая мать, а то не знаю ужъ, чѣмъ намъ и жить...

— Мнѣ, маменька, надо жениться...

— Жениться? повторила съ недоумѣніемъ Аграфена Степановна.

— Да, жениться.

— На комъ-же ты жениться хочешь?

— Все равно, на комънибудь; главное надо жениться. Я не могу быть ни портнымъ, ни сапожникомъ, ни носильщикомъ, ни торговцемъ; слѣдовательно, чтобы не умереть съ голоду и жить какъ слѣдуетъ порядочному человеку, остается только одно—жениться на богатой.

— Въ эту минуту въ комнату вошла довольно пожилая женщина съ испитымъ лицомъ и очень бѣдно одѣтая. Она вошла какъ-то по кошачьи, точно подкрадывалась къ чему-то или боялась повредить полъ своими ногами. На лицѣ какъ будто застыла заискивающая улыбка; вся поза выражала раболѣпіе и прини-

женность. Сейчас было видно, что нужда порядочно пообдѣлала эту женщину.

— А вотъ вамъ сваха, закричалъ сынъ. Легка на поминѣ.

— Здравствуйте, мои господа, заговорила Ивановна, кланаясь всѣмъ корпусомъ. Какъ живете—можете?

— Ничего, слава Богу; какъ ты поживаешь?

— Какое наше житье! День да ночь и сутки прочь; день прошелъ, съ голоду не умерли—и слава Богу.

— Что дѣлать? Одному Богъ много пошлетъ, другому—ничего, назидательно замѣтила Аграфена Степановна.

— Ты сядь, Ивановна, сказалъ Александръ Матвѣвичъ; въ твой лѣта не приходится стоять.

— Ничего, баринъ, я постою; ноги у меня еще крѣпки. съ молодыми еще поспорить.

— Да нѣтъ, ты все таки сядь, сдѣлай такую милость; тогда какъ-то легче и разговаривать.

— Садись, садись, присоединилась къ сыну и Аграфена Степановна; что и въ самомъ дѣлѣ стоятъ-то.

— Покорно благодарю, отвѣтила Ивановна, и смиренно присѣла на кончикъ стула.

— Знаешь-ли что, Ивановна? началъ Александръ Матвѣвичъ.

— Что, мой милый баринъ?

— Я жениться хочу.

— Ну чтожь, дѣло доброе; дай Богъ счастливо.

— Да горе въ томъ—невѣсты нѣтъ.

— Ужь и нѣтъ! Чего другого, а этого добра хоть прудъ пруди.

— Можетъ быть и много, да у меня-то ни одной нѣтъ на примѣтѣ.

— Онъ, видишь-ли, на богатой хочетъ жениться, объяснила Аграфена Степановна.

— Ну извѣстно, на богатой, сказала Ивановна; что же на бѣдной-то жениться, только лишнюю обузу себѣ на шею навязать.

— Ты, Ивановна, удивительно разсудительная женщина! замѣтилъ Александръ Матвѣвичъ.

— Что-жь, развѣ не правда?

— Правда, правда!

— Трудно найти богатую-то невѣсту, сказала Аграфена Степановна.

— Такому красавчику-то барину трудно найти! Что вы, барыня! Посмотрите, какіе уроды женятся на богатыхъ, а чтобы моему милому барину не найти богатой невѣсты. Вѣйка съ радостью пойдетъ.

— Нѣтъ-ли у тебя на примѣтѣ? спросилъ Александръ Матвѣвичъ.

— И, милый баринъ, гдѣ намъ съ богатыми господами знаться.

Надо замѣтить, что Ивановна жила поденной работой въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ или совсѣмъ не было прислуги, или было очень мало; гдѣ полы вымоетъ, гдѣ посуду вычиститъ, гдѣ бѣлье выполощетъ.

— Ну, такъ поищи, сказалъ Александръ Матвѣвичъ.

— Гдѣ-жь будешь искать? отвѣтила Ивановна, и голосъ ея принялъ нѣкоторый оттѣнокъ грусти. — И рада бы душой, милый баринъ, да нѣтъ у меня невѣсты-то, которые вамъ-то бы годились.

— А я ужъ тебя, ухъ, какъ-бы поблагодарилъ.

— И, баринъ, я и такъ вами по горло довольна; и рада бы вамъ всей душой всякое удовольствіе сдѣлать, а ужъ невѣсту-то и общать не могу. Есть у меня знакомыя барышни, и хорошія барышни, да все небогатенькія.

— Ну, такихъ мнѣ не надо.

— Ты какъ-то о какой-то богатой купчихѣ говорила, сказала Аграфена Степановна.

— Ну эта, милая барыня, не годится.

— Отчего не годится, когда она богатая? встрепе-

нулся Александръ Матвѣвичъ.

— Первое дѣло, не молода ужъ, а второе, и изъ себя некрасива.

— Это ничего.

— Вишь какъ вамъ жениться-то захотѣлось.

— Большой у нея капиталъ?

— Доподлинно-то не могу вамъ сказать, а, кажется, есть кое что, отвѣчала Ивановна; домъ есть.

— Большой домъ?

— Нѣтъ, невеликъ; деревянный одноэтажный. Домикъ—ничего себѣ, чистенькій, въ 22-й ротѣ Измайловскаго полка.

— Ты говоришь, что она ужъ не молода.

— Да, тридцать съ хвостикомъ будетъ, коли не всѣ сорокъ.

— И собой некрасива?

— Некрасива, милый баринъ, отвѣчала Ивановна.— Что-жь, скрывать нечего, дѣло такое, что не скроешь.

— Очень некрасива?

— Да какъ бы вамъ сказать, кому какъ; другому можетъ и ничего. Она эдакая полная изъ себя-то, говорила Ивановна, изображая руками полноту невѣсты. Оно, видите-ли, милый баринъ, протяжно произнесла она, все бы ничего, да губа-то у нея заячья.

— Губа заячья! удивился Александръ Матвѣвичъ. Какъ-же это, у человѣка да губа заячья?

— Да точно разсѣчена, и отъ этого зубы видны, отвѣтила Аграфена Степановна.

— Вотъ это самое и называется заячьей губой, подтвердила Ивановна.

— Заячья губа!... какъ-бы про себя говорилъ Александръ Матвѣвичъ.— Поразила ты, Ивановна, нечего сказать; никакъ не ожидалъ такого сюрприза.

— Вѣдь я, баринъ, и говорила, что она некрасива.

— Да пусть-бы была некрасива, а то... Нѣтъ, Ивановна, ищи другую; такую не хочу.

— Другихъ нѣту, милый баринъ.

— Пусть она будетъ стара, некрасива, только чтобы звѣринаго-то у ней ничего не было.

— Такихъ, милый баринъ, не знаю...

— А ты поищи Ивановна, постарайся, сказала Аграфена Степановна.— Пойдемъ-ка я тебя угощу.

— Спасибо, милая барыня, дай Богъ вамъ здоровья, отвѣтила старуха.

Аграфена Степановна и Ивановна ушли, Александръ Матвѣвичъ остался одинъ. Онъ всталъ съ мѣста и началъ ходить по комнатѣ.

— Гм... размышлялъ онъ.— Вѣдь бываютъ-же у природы такія глупыя шутки. Вдругъ ни съ того, ни съ другого прилѣпится человѣку заячью губу. А невѣста-то какая! И домъ есть. Вѣдь другую такую, пожалуй, и не сыщешь; а если и сыщешь, то когда это еще будетъ. Вотъ тутъ и выбирай: или съ голоду умирать, или жена съ заячьей губой.

— Эхъ, была не была, рѣшилъ онъ отчаянно махнувъ рукой, сочетаюсь, дѣлать нечего.

Съ этими словами Александръ Матвѣвичъ отправился въ кухню и объявилъ Ивановнѣ о своемъ согласіи жениться на предлагаемой невѣстѣ.

— И въ добрый часъ, милый баринъ; вѣдь не съ губой жить, а съ человѣкомъ, сказала Ивановна и обѣщала немедленно приняться за дѣло.

II.

Въ 22-й ротѣ Измайловскаго полка въ одноэтажномъ домѣ съ мезониномъ и флигелемъ на дворѣ жила купеческая дочь Маремьяна Ильинишна Крундылева, предлагаемая невѣста Миронова.

Войдя въ квартиру Крундылевой, сейчасъ можно было замѣтить что-то праздничное; какъ-то все особенно тщательно прибрано, вычищено. Кухарка облечена въ лучшія свои одежды, и сама Маремьяна Ильинишна,

Новыя русскія владѣнія: Берега озера Иссыкъ-Куль. (Въ Семирѣченской области).

Оригин. рис. Н. Н. Каразина, грав. Куренковъ.

Новыя русскія владѣнія: Берега озера Иссык-Куль. (Въ Семирѣченской области).
Оригин. рис. Н. Н. Каразина, грав. Куренковъ.

сидящая въ гостиной со своей теткой, Василисой Евстигнѣвной Самсоновой, тоже очень принаряжена.

Маремьяна Ильинишна и Василиса Евстигнѣвна сидятъ на диванѣ передъ круглымъ столомъ и стараются прозрѣть въ будущее или, проще сказать, гадаютъ на довольнo засаленныхъ картахъ.

— Для тебя, говоритъ Василиса Евстигнѣвна, взявъ одну изъ кучекъ картъ, разложенныхъ на столѣ: червовый король думаетъ о тебѣ, ну хлопоты разные... Извѣстное дѣло, сватанье безъ хлопотъ не обходится.

— Ну, дальше, торопитъ Маремьяна Ильинишна.

— Для дому: тоже хлопоты, только хлопоты все неселье.

— А трефовая десятка что такое значить? спросила Маремьяна Ильинишна.

— Это любовь.

— Ну ужъ и любви! сказала Маремьяна Ильинишна не то съ досадой, не то въ смущеніи.

— Какъ же, разумѣется трефовая десятка любви означаетъ, утверждала Василиса Евстигнѣвна.

— Богъ съ ней и съ любовью! промолвила Маремьяна Ильинишна, и даже рукой махнула.—Быль бы только человекъ непьющій.

— Не говори, Маремьянушка; коли мужъ жену любить, такъ онъ и бережетъ ее и балуетъ, а коли не любить, такъ тогда ужъ плохое житье.

— Слышала я про эту любовь Развѣ какой мѣсяць, другой, а тамъ, смотришь, любви какъ не бывало, и пошли ссоры да брань...

— И, Маремьянушка! Живучи на свѣтѣ и отъ чужихъ натерпишься, а ужъ отъ мужа-то и Богъ велѣлъ терпѣть.

— Нѣтъ, ужъ покорно благодарю; и этого не хочу, сказала Маремьяна Ильинишна, нежелавшая въ качествѣ дѣвицы соглашаться съ житейской философіей тетки. Ужъ лучше тогда и замужъ не выходить.

— Ну, у тебя мужъ будетъ благородный, чиновникъ, замѣтила Василиса Евстигнѣвна; все-жъ таки человекъ воспитанный.

— Всякіе и чиновники бываютъ.

— Ну, твой-то не такой. Ивановна говоритъ, что онъ тихій, смиренный, мухи не обидитъ, не то что человекъ.

— Да развѣ можно Ивановѣ вѣрить, извѣстное дѣло, сваха; не станетъ же она хулить жениха.

— Такъ что-жъ, если боишься замужъ выходить, такъ и не выходи, возразила Василиса Евстигнѣвна; вѣдь никто не неволитъ.

Въ это время въ комнату быстро вошла запыхавшаяся женщина съ краснымъ лицомъ и съ шляпкой съѣхавшей на затылокъ. Войдя, она тотчасъ же бросилась на стулъ, тяжело дыша.

Это была нѣкто Марья Петровна, старая знакомая Маремьяны Ильинишны. Она посѣщала многія семейства и была непремѣннымъ лицомъ при всѣхъ семейныхъ событіяхъ, какъ-то: при свадьбахъ, похоронахъ, крестинахъ и т.п. Кто она такая — никто изъ знакомыхъ хорошо не зналъ, никто не зналъ даже ея фамиліи, знали только, что зовутъ ее Марьей Петровной.

(Продолженіе будетъ).

ОЗЕРО ИССЫКЪ-КУЛЬ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

Громадная Семирѣчская область, занимая сѣверо-восточную часть туркестанскаго края, по своему географическому положенію и по характеру природы, раздѣляется на двѣ половины, рѣзко отличающіяся одна отъ другой!

Одна изъ этихъ половинъ, обращенная къ сѣверу и сѣверо-западу, представляетъ собою чистую равнину, безкопечныя степныя пространства, покрытыя нескомъ и солощамн, непереносимыя множествомъ степныхъ озеръ, остатковъ древняго-среднеазиатскаго моря. Вся эта низменность носитъ на себѣ ясныя слѣды — доисторическаго, центрального вѣдствіища воды, и цѣлый рядъ изысканій въ этомъ направленіи убѣдительно окончательно ученыхъ въ фактическомъ существованіи того, что прежде не ясно представлялось, выражаясь только въ догадкахъ, гипотезахъ и предположеніяхъ.

Эти низменные равнины, мѣстами представляютъ совершенно мертвыя, голодныя степи, негодныя не только для осѣдлой жизни и хлѣбопашества, но избѣгаемыя даже неприхотливыми кочевниками; мѣстами же, эти самыя кочевники находятъ здѣсь громадныя пространства, со всѣми условіями для ихъ жизни, условіями до такой степени счастливо сгруппированными, что помаду не остается даже и желать ничего лучшаго, и они считаютъ свои родныя равнины раемъ, неиссякаемымъ для него милостью Аллаха.

На тучныхъ пастбищахъ этихъ равнинъ пасутся бесчисленныя стада лошадей, барановъ и верблюдовъ, всюду, словно напикъ грибовъ изъ подъ моху, чернѣютъ и бѣлѣютъ полукруглыя крыши войлочныхъ кибитокъ, струйки дыма тамъ и сямъ привѣтливо вьются въ воздухѣ... Даже зимою, когда снѣжный покровъ мететъ на равнины, даже и тогда эти равнины, даютъ неприхотливому степному скоту достаточно корма, настолько достаточно, чтобы перебитъ до повои весны, до новаго избытка и приволья.

Только за исключеніемъ русскихъ колонизаторовъ, пріютившихся по берегамъ рѣкъ и по городкамъ, все остальное населеніе — чистые кочевники, въ общирнѣйшемъ значеніи этого слова, и много пройдетъ времени, пока среди ихъ замѣтятся хотя бы какая нибудь попытка къ переходу изъ такого первобытнаго состоянія.

Въ противоположность первой — вторая половина Семирѣчской области, вся состоитъ изъ колоссальныхъ горныхъ массъ, захватывая собою всю сѣверную часть Тяньшаньской группы, громаднѣйшей группы въ мірѣ.

Здѣсь уже пейзажи мѣняются; всюду куда только достигаетъ глазъ путешественника — всюду вырѣзные зубчатые края горъ, то скалистыя, мрачныя, то покрытыя блестящими массами вѣчныхъ снѣговъ и колоссальныхъ глетчеровъ; на скатахъ этихъ кражей поросли густыя, вѣковые лѣса, сползающіе ниже, на самое дно долинъ и ущелій, по днамъ которыхъ, съ ревомъ и шумомъ, покрытыя клокочущею пѣною, стремительно рвутся

бѣшенныя горныя рѣки и потоки. Всѣ эти рѣки рождены ледниками или выходятъ изъ высоко лежащихъ горныхъ озеръ, спускаясь въ долины.

Въ этой горной странѣ находятъ самыя колоссальныя въ мірѣ вершины, самыя высокіе перевалы и горныя проходы, доходящіе до двадцати тысячъ футъ абсолютной высоты — какъ наприимѣръ, извѣстный перевалъ Музартъ, проложенный по сплошнымъ полямъ вѣчныхъ льдовъ Музартскаго глетчера...

Здѣсь чисто кочевая жизнь уже немыслима, и обитатели здѣшней страны — каракиргизы — значительно отличаются отъ своихъ степныхъ сородичей, какъ родомъ жизни, такъ и своими нравами и обычаями; даже типъ лица горнаго обитателя получилъ уже нѣкоторую разность отъ типа лица неаго кочевника степей, — вы, приглядываясь внимательнѣе, легко отличите киргиза степей отъ киргиза горъ; на это различіе повліяло главнымъ образомъ природа страны, отразившись и на характерѣ обитателей и на всемъ ихъ жизненномъ складѣ.

Первое мѣсто между озерами этой горной страны безспорно занимаетъ Иссыкъ-Куль, лежащій въ высокой горной котловинѣ — верстахъ въ етодвадцати отъ города Вѣрнаго на востокѣ.

Котловина этого озера достигаетъ въ длину, отъ входовъ въ него рѣки „Чи“ въ ущельѣ Боамъ, на западѣ, до горнаго перевала Санъ-Ташъ на востокѣ — 250 верстъ; ширина отъ южной подошвы въ заалійскомъ Алатау до сѣверной подошвы Тянь-шаня отъ 70 до 80 верстъ. Бассейнъ озера занимаетъ самую глубокую часть этой котловины и имѣетъ до 100 верстъ длины и до 50 верстъ ширины. Такимъ образомъ между берегами озера и подножьями горныхъ хребтовъ, ограничивающихъ котловину, остаются плоскія или слабопокатныя береговья долины и окранны отъ 10 до 15 верстъ ширины. Мѣстами эта береговая полоса расширяется; у входа рѣкъ образуются болотистыя низменности, поросшія густымъ камышемъ, мѣстами видѣются оголенные песчаныя полосы, усыяныя колоссальными валунами, занесенными Богъ вѣтеръ съ какихъ высотъ, движеніемъ сползающихъ ледниковъ, образовавшихъ таяніемъ своимъ, впоследствии этотъ водный бассейнъ. Мѣстами съ юго-восточной стороны, горныя скаты почти отвѣсно спускаются въ воду, нависая надъ ея темно-синей поверхностью. Въ такихъ мѣстахъ береговая полоска суживается, образуя едва удобныя для прохода пути, часто заливаемый водою при періодическихъ поднятіяхъ уровня озера.

Собственно-водная поверхность Иссыкъ-Куля ровняется 105 квадратнымъ милямъ или 5,145 квадратнымъ верстамъ. Пространство весьма внушительныхъ размѣровъ — и съ одного берега на другой только въ ясную погоду можно видѣть очертанія горныхъ массъ противоположнаго берега, очертанія, въ котормъ исчезаютъ и теряются въ сплошной снѣгѣ всѣ даже крупныя детали.

Берега Иссыкъ-Куля представляютъ собою цѣлую безконечно

разнообразную коллекцию восхитительных пейзажей. Таких пейзажей, которыми не всегда может похвастаться даже Швейцария.

Животная и растительная жизнь этих берегов тоже представляет много разнообразия и интереса, особенно первая, дикая дз этого чудного края — завлтную мечту натуралиста и охотника.

А здоровый, чудный климат страны, соединенный съ годами хозяйственной жизни—и плодородием береговых пологъ и горных котловин, съ обиліем строительнаго материала и топлива, съ неисчерпаемыми запасами еще скрытыхъ благъ природы, не разработанныхъ лежащихъ подъ спудомъ—предвѣщаютъ этому уголку современемъ самую цвѣтущую будущность.

Но оставимъ это будущее и посмотримъ, что намъ представляется въ настоящее время при обзорѣ этого озера и его восхитительныхъ окрестностей.

Взбирался по ущельямъ на крутые подъемы и спускался съ нихъ, путешественникъ видитъ Иссыкъ-Куль въ первый разъ только съ вершины послѣдняго перевала, откуда передъ его глазами разомъ развертывается роскошная, блистательная панорама всего озера и окружающихъ его береговъ.

Воды Иссыкъ-Куля весьма прозрачны; цвѣтъ озера ярко-синій съ прелестнымъ бирюзовымъ налетомъ, этотъ налетъ скользитъ по горизонтальной поверхности, измѣняя при каждомъ малѣйшемъ дуновении вѣтра изъ ущелій, свои причудливыя линіи и формы. За озеромъ, по ту сторону видѣнъ весь хребетъ Кунге-Алатау, нижняя часть этого хребта подернута туманомъ, нѣжно-лиловою дымкою, а снѣговые зубцы гребней, ярко освѣщенные солнцемъ, необыкновенно отчетливо рисуются на густомъ синемъ, ультрамариновомъ небѣ.

Синіе небо, синій-же Иссыкъ-Куль, между тѣмъ и другимъ бѣлая, зубчатая стѣна, и на первомъ планѣ, прямо подъ ногами зрителя, грозные скалистые отвѣсы, темно-зеленыя группы хвойныхъ деревьевъ, кустарникъ цѣдящийся въ трещинахъ, а дальше, подступающій съ самой водою, ярко-желтая, глинистая полоска берега окомѣленная волнующеюся лентой озерной вѣны... Отъ этого вида не скоро оторвется взглядъ очарованнаго наблюдателя. И кака я нѣжность колорита, какая безконечная, прозрачная глубина, какъ вязицы и легки очертанія снѣгового хребта, за которымъ еще ясно видны высочайшія вершины снѣжнаго хребта, трехглавый Талгаръ и остроконечный Алматинскій пикъ.

Скатныя массы широкими пластами залегаютъ въ выемкахъ гребней, отсюда они сползаютъ все ниже, и ниже и причудливыми бѣлыми змѣйками спускаются внизъ, будто къ самому озеру. тѣряясь въ дымкѣ берегового тумана: черными пятнами рисуются на бѣломъ фонѣ вѣчныхъ снѣговъ разстертанныя группы деревьевъ и островочныя, выдающіеся скалы: высоко въ воздухѣ носятся орлы и грифы, надъ самымъ зеркаломъ водою шныряютъ серебристо бѣлыя чайки; мірады водяной птицы стаями снуютъ у береговъ и крикливыми вереницами тинутся съ одного залива къ другому, испуганныя нежданно за шуршавшими тростниками подъ ногою тяжелаго неуклюжаго дикаго кабана, или осторожно подкрадывающагося локчаго, изворотливаго нестраго хищника кошачей породы, барса, а то такъ даже хоть шрѣдка, но посѣщающаго эти привольныя мѣста подосатаго разбойника, джудбарса, какъ называютъ туземцы тигра. Человѣку охотнику и крупному звѣрю хищнику приволье въ этихъ богатыхъ всякимъ звѣрьемъ мѣстахъ, и тотъ и другой находятъ здѣсь себѣ вдоволь добычи, для удовлетворенія самого колоссальнаго алетита, самой ненасытной, безграничной охотничьей страсти.

Достаточно только перечислить главнѣйшіе виды здѣшней фауны, чтобы убѣдиться въ ея разнообразіи и многочисленности:

Въ горахъ у Иссыкъ-Куля и на Кегетенскомъ плоскогорьѣ водится множество Аркаровъ (*ovis karelini nob.*) и Тековъ (*capra sibirica*)—эти виды держатся ближе къ вершинамъ горы, выше ельниковъ и почти не досягаемы для охотника; много трудовъ и усилій, а главное терпѣнія надо, чтобы овладѣть такимъ рѣдкимъ экземпляромъ горнаго барана.

Ниже, въ чертѣ ельниковъ бродятъ и пасутся на угесахъ въ громадномъ количествѣ дикія козы, здѣсь уже начинается и царство пушныхъ звѣрей: мелкорослые мѣдвѣди съ весьма пушистымъ, но не густымъ мѣхомъ и великолѣпныя куницы, да еще не одинъ видъ, а нѣсколько, какъ на примѣръ бѣлодупни, перлы пушной торговли и рѣдкая „*Mustelaintermedia*“, у которой мѣхъ чернѣе и пушистѣе, приближаясь къ соболонному. Волки и лисцы вездѣ во множествѣ; первые отличаются здѣсь отъ своихъ степныхъ и низменно дѣсныхъ собратьевъ, родомъ гривы на шеѣ и части хребта чернаго цвѣта. Въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ встрѣчается даже крайне рѣдкій экземпляръ краснаго волка (*canis alpinus*), по своему длинному хвосту и короткимъ ногамъ, наноминующій скорѣе лисицу, только ужъ очень крупнаго размѣра. Этотъ звѣрь чисто ночной разбойникъ, онъ такъ хитеръ и остороженъ, что почти никогда

не попадается въ руки человѣка, хотя весьма исправно слѣдитъ за перекочевками киргизовъ въ горахъ и уже не упуститъ случая ночью поживиться на счетъ ихъ стада, таская молодыхъ козъ и барановъ. Впрочемъ и простой волкъ здѣсь осторожнѣе чѣмъ въ Россіи, хотя очень дерзко нападаетъ на оплошныя стада и даже плохо огороженные загоны. Волкъ въ горахъ весьма рѣдкая добыча для охотника, рѣже мѣдвѣда даже, который во всякомъ случаѣ малочисленнѣе волка.

По безлѣснымъ горамъ и плоскогорьямъ водятся еще степныя караганки или сѣроватыя, темнобрюхія лисцы (*canis melanotis*) и множество сурковъ, испестрившихъ своими норами, прирубляя солнцемъ плоскія горныя сваты.

Спускаясь ниже, къ берегу озера, въ лѣсныхъ чащахъ и въ густыхъ заросляхъ берегового тростника бродятъ многочисленные кабаны и робко прячутся, монгольскія зайцы — милые видные родичи нашего „косога“ — вѣчныя жертвы хитраго барса или кровожадной, подло трусливой рыси — и, какъ я уже упоминалъ, охотникъ долженъ осторожно относиться къ району своихъ операций; легко можетъ случиться что ему, неприготовленному къ опасной встрѣчѣ, придется лицомъ къ лицу столкнуться съ тигромъ, опаснѣйшимъ конкурентомъ человѣка по истребленію четвероногой дичи.

А если прибавить ко всему этому — горностаевъ, хорьковъ, даже выдръ по низовьямъ рѣчекъ, барсуковъ и пр. пр.—то уже можно составить себѣ ясное понятіе о разнообразіи и многочисленности мѣстной фауны.

Перейдемъ теперь къ человѣку, обитателю этой счастливаго уголка.

Дикая, горная мѣстность, обиліе звѣрей создали изъ каракиргиза естественнаго охотника, а это уже шагъ къ разбойнику.

Самая неприступность мѣстности — укрывая кочевья горцевъ отъ лишняго посѣтителя, позволяя ему безнаказанно совершать свои подвиги — выработало въ немъ это послѣднее качество, и каракиргизъ, понятно, предпочтаетъ охоту и воровскіе пабѣги на низменныхъ сосѣдей, на проѣздныя дороги, по которымъ съ трудомъ и величайшими усиліями пробираются небогатыя купеческія караваны.

Эта безнаказанность развила въ горахъ духъ своеволия и безначальности — самыя подчиненности ихъ тому или другому хану коканскому или кашгарскому — были часто фиктивны. Чаще даже что каракиргизы вовсе не признавали никакой подчиненности, подчиняясь или самими выбранному бѣю или старшинѣ, главѣ отдѣльнаго кочевого рода. Пабѣги этихъ рыцарей горъ и частыя междоусобія, въ самой средѣ ихъ сдѣлали изъ нихъ неприятныхъ, нетерпимыхъ сосѣдей, для жителей степей и равнинъ — а ханы Кашгарскій и Коканскій были слабы и не могли смирить силою оружія буйныхъ горцевъ — и терпѣли зло, даже заискивали у ихъ старшинъ, ласка имъ, полагая и размѣниваясь подарками.

Отношеніе горцевъ къ сосѣднимъ ханствамъ во многомъ номинально отношеніе тюрменъ къ хивинскому хану. Какъ тому и другому положили предѣлы русскіе, у которыхъ достало и мужества и настойчивости, чтобы положить узду и усмирить свособольныхъ кочевниковъ.

Легкіе казачьи отряды, за послѣдніе десять лѣтъ, глубже и глубже проникли въ самое сердце Тянь-Шанскихъ горъ, за этими отрядами шли поселенцы и основывали свои колоніи, выбиравъ мѣста, наиболѣе удобныя для этой цѣли. Теперь, далеко по ту сторону Иссыкъ-Куля, прочно засѣли горныя колоніи, выстроились ряды укрѣпленій, и прижатые со всѣхъ сторонъ каракиргизы волей и не волею должны были подчиниться пришлой силѣ.

Но это все свершилось очень недавно, и старый духъ правовъ и обычаевъ каракиргизовъ еще не успѣлъ вывѣтриться и сгладиться, рѣзко отличая ихъ отъ своихъ степныхъ сородичей.

Каракиргизы выбираютъ для своихъ кочевьевъ или низменныя террасы горъ или узкія скалистыя, заросшія лѣсомъ долины; здѣсь они ставятъ свои легкія кибитки, крытыя войлокомъ, устраиваютъ кое какіе загончики для скота, а то и просто пользуются естественными укрытіями, пещерами или чѣмъ нибудь въ томъ же родѣ, дороги къ такимъ кочевьямъ всегда едва замѣтны и трудно проходимы. — Колесныхъ повозокъ здѣсь не употребляютъ вовсе, а привычныя горныя лошади, цѣпки какъ козы, умѣютъ пробираться по самымъ опаснымъ, едва проложеннымъ тропинкамъ.

Одинъ изъ такихъ ауловъ изображенъ на нашемъ рисункѣ, со всею своею незащѣпивою, но въ высшей степени живописною обстановкою.

Пока мужчины охотятся или праздно шляются и рыщутъ по горамъ, женщины занимаются уходомъ за домашними животными, преимущественно баранами и козами (коровы встрѣчаются рѣдко) заготавливаютъ сыр (крутъ) и айранъ, (закисшее молоко), выдѣлываютъ самыя грубыя шерстяныя ткани и войлоки и няньчатъ своихъ дѣтей. Въ этихъ заботахъ проходитъ у нихъ вся жизнь.

Каракиргизы живутъ небогато, скорѣе даже бѣдно и высказываютъ сильное отвращеніе отъ осѣлости и земледѣлія, гораздо сильнѣе, чѣмъ степныя номады, научившіеся наконецъ, кое какъ вспахивать землю, сѣять просо и заготавливать на зиму запасы сѣна.

(*) Сперцевъ «Исслѣдованія Тянь-Шаня».

Впрочемъ при всѣхъ недостаткахъ гордець они обладаютъ и нѣкоторыми достоинствами, свойственными, однако, почти всѣмъ дикарямъ, близко-стоящимъ къ первобытному состоянію. Они гостеприимны, пріятливы, положительно храбры, и, не смотря на страсть къ легкой наживѣ, по своему довольно честны—каракиргизы, наприимѣръ, не украдутъ у васъ ничего, пока вы состоите въ качествѣ гостя въ какомъ нибудь аулѣ, но это не помѣшаетъ имъ ограбить васъ тотчасъ же, едва вы выйдете изъ района того аула, гдѣ вы нашли себѣ радушный пріемъ и пріютъ.

ный бессознательности, приближаетъ ихъ къ первобытному диклу человѣческихъ вѣрованій, къ обоготворенію природы и ея явленій.

Надо не забывать, что и самая обстановка, эта давящая грандіозность явленій окружающей ихъ природы, много способствуетъ къ усиленію фантазіи дикаря, развитію его воображенія, рисующаго ему явленія природы какъ осмысленное дѣйствіе невидимыхъ духовъ то благо, то зло расположенныхъ къ человѣку.

Костюмомъ своимъ и семейными отношеніями, а также и язы-

Церковь Рождества Богородицы, въ Путинкахъ, въ Москвѣ.

Рис. Иванъ Васильевичъ, грав. Шлитте.

Они любятъ подарки, и охотно размѣниваются съ вами таковыми же—особенно они дорожатъ подарками оружіемъ и боевыми принадлежностями и во всякомъ случаѣ предпочтутъ ихъ чистымъ деньгамъ, къ которымъ каракиргизы относятся хладнокровно съ отгѣнкомъ даже нѣкотораго презрѣнія.

Официально каракиргизы признаны магометанами, но на дѣлѣ они также чужды исламу, какъ и христіанству. Цикль ихъ вѣрованій и обрядности, близокъ къ идолопоклонству, а суевѣріе и страхъ передъ сонмомъ злыхъ духовъ, пол-

комъ горцы мало отличаются отъ степныхъ номадовъ, только въ складѣ тѣла, въ типѣ и выраженіи лица выработалось больше силы, энергіи и рѣшительности.

Во всякомъ случаѣ, здѣсь въ горахъ каракиргизы долго еще останутся опасными для насъ соперниками, и полное обладаніе горами и умиротвореніе кочевниковъ, придетъ еще не всѣмъ въ близкомъ будущемъ.

Н. Карзинъ.

Литературный альбомъ: Русалка. Драматическія сцены А. С. Пушкина.
Оригин. рис. Васнецова, грав. Куренковъ.

Церковь Рождества Богородицы, въ Путинкахъ, въ Москвѣ.

Для изслѣдователя нашей отечественной старины Москва служить неисчерпаемой сокровищницей, безцѣннымъ музеемъ—гдѣ древніе памятники тѣснятся толпой, живо повѣствуя о минувшихъ временахъ великокняжескаго и царскаго периодовъ.

Старинныя стѣны и башни, терема и ворота, колокольни и храмы сохранились въ изобиліи въ нашей первопрестольной столицѣ, отличаясь древностью постройки, своеобразностью стили или воспоминаніями и легендами, съ ними связанными. Они обращаютъ на себя вниманіе не только специалиста, изучающаго наше старинное зодчество, но и обыкновеннаго зрителя.

Между многими другими древностями Москвы не послѣднее мѣсто занимаетъ одинъ изъ древнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ памятниковъ старины—церковь Рождества Богородицы въ Путинкахъ. Такое названіе она получила отъ урочища, находящагося въ сѣверной части Земляного города. Названіе урочища объясняется различнымъ образомъ: одни производили его отъ слова *путь*, узъ, прибавляя при томъ, что въ прежнія времена между Деревяннымъ и Бѣлымъ городами былъ широкій оврагъ, куда нискали лошади на подножный кормъ *стутаньяю* *сверками*; другіе полагаютъ, что названіе это произошло отъ слова *путьница*, которая покрывала росшія тамъ черемухи; думали, наконецъ, что оно произошло отъ *путьники* бывшихъ здѣсь нѣкогда переулковъ. Лучшее объясненіе даетъ по нашему мнѣнію Мартыновъ. Онъ утверждаетъ что названіе это произошло отъ слова *путь*. Въ бѣлорусскомъ нарѣчій есть даже слово *путьника*—означающее окольные дороги („Не ѣзди путьникомъ, а путьемъ“). Такъ какъ церковь Рождества Богородицы находилась на старомъ Посольскомъ Дворѣ, то на немъ на перепутьи останавливались *путьники*,—говоритъ г. Мартыновъ, т. е. дорожные люди, путешественники, странники, которые должны были поворачивать къ нему съ Тверской и Смоленской дороги *путьниками* т. е. кривыми улицами и закоулками!

О времени основанія этой церкви нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ: ни на стѣнахъ ея, ни на образахъ не сохранилось никакой надписи, изъ которой можно было-бы вывести какое нибудь положительное заключеніе объ этомъ вопросѣ. Устная преданія возводятъ ея основаніе ко времени, когда установлено было праздновать 8-го сентября Рождество Богородицы, т. е. къ концу XIV-го столѣтія. Въ письменныхъ памятникахъ о ней упоминается не раньше XVI-го столѣтія.

О происхожденіи церкви сложилось слѣдующее сказаніе:

Какая-то княгиня на пути своемъ изъ Дмитрова въ Москву разрышилась въ Путинкахъ отъ бремени, и въ память благополучнаго исхода родовъ воздвигнула здѣсь церковь въ честь Рождества Пресвятой Богородицы и женскій монастырь, который потомъ былъ, по тѣмъ же сказаніямъ, перенесенъ въ Бѣлый городъ въ Трубу. Строитель церкви неизвѣстенъ, равно какъ и позднѣйшіе ея реставраторы послѣ пожаровъ и нашествія поляковъ.

Главный храмъ обставленъ двумя придѣлами, трапезою и палаткою, рассматривая каждое изъ этихъ зданій отдѣльно не

трудно убѣдиться что онѣ построены были въ разныя времена, различными зодчими и подъ вліяніемъ нѣсколькихъ стилей.

Въ стилѣ церкви преобладаетъ русскій элементъ надъ византійскимъ и ломбардскимъ.

Не нарушая усвоеннаго нашей церковью плана, зодчій позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя отступленія въ фасадѣ и деталяхъ. вмѣсто главъ онъ увѣнчалъ храмъ тремя пирамидальными осмигранными верхами или шпильми, какіе встрѣчаются на церквяхъ въ Арменіи или на пагодахъ въ Индіи; вмѣсто обычнаго квадрата, вывелъ узкій прямоугольникъ. (Нужно замѣтить, что подобныя церкви теперь уже очень рѣдки въ Москвѣ, осталась только одна на Гончарахъ—церковь Воскресенія Христова). Къ восточной стѣнѣ пристроенъ физическій алтарь, посвященный на себѣ слѣды позднѣйшихъ передѣловъ. Возносящіяся надъ кровлей три верха увѣнчаны четырёхконечными прорѣзными крестами съ полумѣсяцами при подножій ихъ.

Другой храмъ придѣльный отличается отъ перваго планомъ, фасадомъ и орнаментами, которая, не смотря на свою мелкость и сложность, сдѣланы такъ отчетливо и прочно, что въ теченіи болѣе чѣмъ двухъ вѣковъ сохранились въ цѣлости. На двухэтажномъ квадратномъ зданіи возвышается одна глава съ такимъ же четырёхконечнымъ, нагнущимъ подъ собою полумѣсяцъ крестомъ. Между этими двумя церквями изъ средины зданія выступаетъ колокольня; восемь пролетовъ ея открываютъ со всѣхъ сторонъ прекрасный видъ на необозримое пространство Москвы, выше идетъ еще рядъ пролетовъ съ маленькими фронтонами. Всѣ колокола здѣсь новыя, кромѣ одного, который представляетъ собою образецъ литейнаго искусства XVII и XVIII вѣковъ. Изъ надписи на немъ видно, что онъ перелитъ 1715 году извѣстнымъ тогда литейщикомъ Иваномъ Магориннымъ изъ прежняго, поврежденнаго во время пожара 1712 года.

Во внутренности храма сохранилось менѣе слѣдовъ древности чѣмъ во внѣшнемъ его видѣ; хотя первоначальная его основа—стѣны и своды—остались, но вездѣ видны слѣды позднѣйшихъ передѣловъ и поновленій.

Низменная ея трапеза довольно обширна; своды ея съ желѣзными связями опираются на массивный столбъ занимающій средину. На юго-восточной сторонѣ устроенъ предѣлъ, неизвѣстно только когда; придѣлъ, единственный въ Москвѣ, во имя Св. Великомученика Θεодора Тирона, гдѣ иконостасъ, новѣе самыхъ образовъ.

Количество престоловъ, множество образовъ разныхъ временъ, размѣровъ и стилей; наконецъ самое устройство всего зданія—дѣлаютъ весьма правдоподобнымъ преданіе о существованіи здѣсь нѣкогда монастыря.

Въ эту старинную двойную церковь стекается постоянно много народа молиться передъ чудотворнымъ образомъ Рождества Богородицы о благополучномъ разрышеніи отъ родовъ, передъ образомъ Неопалимыя Купины—о сохраненіи домовъ отъ пожара и, наконецъ, передъ образомъ св. Θεодора Тирскаго—о избавленіи отъ обидящихъ.

Ваг—ій.

Литературный альбомъ. Русалка. Драматическія сцены А. С. Пушкина.

Произведенія нашего безсмертнаго поэта не перестаютъ служить предметомъ вдохновенія нашихъ художниковъ и, понятно, не перестанутъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать на землѣ русская рѣчь.

Въ № 7 «Нивы» 1874 года мы имѣли случай помѣстить оригинальный рисунокъ, изображающій сцену изъ Русалки; сцену, почти приближающуюся къ помѣщенной въ настоящемъ номерѣ «Нивы». Разница въ томъ, что въ прежнемъ рисункѣ изображалось послѣднее прощаніе Наташи съ княземъ, здѣсь же—ея свиданіе съ нимъ.

Мы увѣрены, что наши читатели знакомы съ содержаніемъ Русалки, но все таки вкратцѣ напомнимъ его, зная, что хорошее никогда не лишне и повторить.

Наташа, дочь мельника любима княземъ и сама его любитъ, но князь, увлеченный любовью къ другой, оставляетъ Наташу, наградивъ ее и отца ея подарками. Наташа не перенесла горя и утопилась. Князь мучитъ раскаяніе. Онъ часто бродитъ по берегамъ Днѣпра, въ мѣстахъ прежняго своего счастья съ Наташей, гдѣ теперь, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ ея смерти, уже нѣтъ слѣда ни мельницы, ни другихъ построекъ—все развалилось. Бродя по берегамъ Днѣпра, томимый тоскою князь встрѣчаетъ отца Наташи,—но какая встрѣча! Старикъ отъ горя помѣшался. Даже великій поэтъ изображаетъ сцены на днѣ рѣки. Днѣпръ, теремъ русалокъ, и ихъ самихъ и ихъ царю—Наташу, бывшую дочь мельника. У ней есть маленькая дочь—плодъ любви князя. Наташа поручаетъ ей пойдти на берегъ и звать въ свой теремъ князя, блуждающаго въ тоскѣ по берегу. Великій поэтъ не успѣлъ окончить этого произведенія и послѣдняя его сцена оборвана на первыхъ словахъ князя, удивленнаго появленіемъ предъ нимъ престелнаго ребенка. Что я вижу, гово-

рить онъ—откуда ты, престелное дитя.

Но несмотря на незаконченность этого произведенія, оно въ высшей степени художественно во всѣхъ своихъ частностяхъ и въ томъ общемъ, которое успѣло вылиться изъ-подъ пера безсмертнаго нашего Пушкина.

Здѣсь необходимо сказать, что нашъ даровитый и тоже уже умершій теперь композиторъ Даргомыжскій взялъ тему этого произведенія для своей оперы «Русалка», въ либретто которой сохранилъ много стиховъ поэта. Но не въ этомъ сохраненіи стиховъ поэта заслуга композитора, а въ прекрасной музыкѣ оперы.

Прелестей ея уже не передать словами. Искренно советуемъ всѣмъ послушать прелестную, изящную музыку Даргомыжскаго. Сцена, изображенная на нашемъ рисункѣ, представляетъ тотъ моментъ, когда князь прѣзжаетъ въ гости къ дочери мельника. Она говоритъ ему:

Ахъ, наконецъ, ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить
Меня пустынь, жестокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какимъ себя я страхомъ не пугала?
То думала, что конь тебя занесъ
Въ болото или пропасть; что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ;
Что болень ты; что разлюбилъ меня...
Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ
И любишь все по прежнему меня,
Не правда-ли?

(Соч. Пушкина. Т. III, стр. 422. Изд. 1859 г.).

ПРЕЖНИЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

Положеніе Петербурга въ отдаленномъ Сѣверо-Западномъ углу обширной Русской Имперіи, вдали отъ второстепенныхъ административныхъ центровъ, въ мѣстности, отличающейся неплодородною почвою, плохимъ климатомъ, обуславливается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь именно впадаетъ въ Балтійское море стокъ обширной рѣчной и озерной системы—рѣка Нева, которая, будучи связана тремя водными путями съ обширнѣйшею въ Россіи рѣчною областью Волги, служить для этой послѣдней единственнымъ выходомъ къ морю, не замкнутому со всѣхъ сторонъ, подобно Каспійскому и не затертому льдами, подобно Бѣлому морю.

Благодаря этимъ гидрографическимъ особенностямъ, С.-Петербургъ представляетъ какъ-бы морское устье для Волги, „главной водной артеріи всего государства“. Только этимъ значеніемъ мѣстности С.-Петербурга и можно объяснить, что столица Россійской Имперіи, сдѣлавшейся великою послѣ того, какъ она проложила путь къ морю, могла возникнуть именно здѣсь (почти подъ 60° сѣв. шир.), въ климатическихъ условіяхъ, самыхъ неблагоприятныхъ для развитія, но и достигнуть до такихъ громадныхъ размѣровъ, которые упрочили ей одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду главныхъ городовъ цѣлой Европы. Но это развитіе нашей столицы, доведеніе ея до такого положенія, совершилось не вдругъ, но постепенно, путемъ многихъ невѣроятныхъ усилій и жертвъ. Чтобы понять это, стоитъ только развернуть страницы исторіи этого города, его основанія и дальнѣйшаго развитія. Для этого мы должны перенестись мыслью за сто семьдесятъ лѣтъ назадъ.

Берега Невы представляли тогда голую, безлюдную мѣстность, покрытую болотами и тундрами, поросшими кустарникомъ. Холодный и гнилой воздухъ господствовалъ на всемъ невискомъ побережьи; вся мѣстность на большомъ протяженіи, будучи крайне неплодородной, представлялась въ самомъ печальномъ заброшенномъ видѣ. Къ довершенію всего этого—наводненія Невы до того часты, что финскія племена, населявшія берега Невы не строили себѣ домовъ, а ограничивались небольшими рыбацкими хижинами. „Какъ только, по прилѣтамъ, ожидалась сильная буря, крестьяне ломали хижины, бревна и доски складывали въ видѣ плотовъ и привязывали ихъ къ деревьямъ, а сами спасались на Дудерову гору, находившуюся въ 6 миляхъ отъ ихъ жилищъ“^{*)}. При такихъ условіяхъ, казалось, въ этой мѣстности не было мѣста для человѣка; ничто не могло привлечь его къ столь негостеприимнымъ берегамъ. Никому, даже человѣку съ смѣлымъ воображеніемъ, не приходило въ голову, что на этомъ мѣстѣ можетъ возникнуть городъ, который сдѣлается столицей Россійской Имперіи. Здѣсь было царство дикихъ звѣрей. Медвѣди, волки, лисы, рыси и проч. водились во множествѣ. Голодные волки зимою ходили иногда цѣлыми огромными стаями, никому не давая покоя. Чтобы составить себѣ понятіе—до какой степени ихъ было много и до какой дѣрзости доходили эти хищныя животныя, достаточно сказать, что даже спустя немало времени по основаніи Петербурга волки нападали на жителей на городскихъ улицахъ. Такъ въ 1714 г. волки напали на часового у Литейнаго моста. Около того-же времени, одна женщина, среди бѣлаго дня, была заѣдена волками недалеко отъ дому князя Меншикова (гдѣ теперь Павловское военное училище, на Васильевскомъ острову^{**}). Такихъ случаевъ было много^{***}).

Съ другой стороны—С.-Петербургская мѣстность представляла такое же богатство разной дичи. Тетерева, рябчики, кулики, дикія утки и проч. водились въ такомъ изобиліи, что пара тетеревовъ стоила 8 коп.; столько же стоила и другая дичь.

Обращаясь къ исторіи города, мы видимъ, что вся мѣстность, на которой стоитъ теперь Петербургъ, все побережье Невы, начиная отъ истока и кончая устьемъ, съ давнихъ поръ принадлежала Великому Новгороду подъ именемъ „Водской Пятины“^{****}) и затѣмъ по Столбовскому договору была уступлена Швеціи, обратившись въ шведскую провинцію. Здѣсь поселились ингерманландцы и корелы—народъ сильный, неутомимый, способный перенести все на свѣтѣ. „Они занимались большою частью рыбной ловлей; одѣвались въ лапти, плохіе кафтанъ изъ домашнего сукна изъ грубой шерсти, жили въ домахъ построенныхъ по русскому образцу изъ бревенъ“. Въ этихъ хижинахъ помѣщались вмѣстѣ съ людьми и домашнія животныя; „въ нихъ же производились всѣ домашнія работы—отъ мытья бѣлья до варки и жаренья рыбы и прочей нищизни. Что же удивительнаго, что по словамъ путешественниковъ-очевидцевъ въ подонныхъ комнатахъ за грязью и дымомъ ничего не было видно даже въ нѣсколькихъ шагахъ. Такова незавидная жизнь первобытныхъ поселенцевъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышаются великолѣпнѣйшіе дворцы^{*****}).

За нѣсколько лѣтъ до основанія Петербурга мѣстность представляла слѣдующій видъ: на правомъ берегу Невы, отъ Лахты

до Охты разсыяно было нѣсколько финскихъ деревень; на самой Охтѣ, около корабельной верфи, была небольшая шведская крѣпость Ниеншканцъ. На другомъ берегу Невы, немного ниже теперешняго „Смольнаго“, находилось русское село Спасное съ церковью. По р. Фонтанкѣ, между Чернышевымъ и Семеновскимъ мостами, расположилось селеніе Усадинъ; по той же рѣкѣ, около Каликина моста, была деревня Каллина, которая и дала названіе этому мосту. Сверхъ того было нѣсколько отдѣльныхъ хижинъ расположенныхъ на Выборгской, Петербургской и Васильевскомъ островѣ. Вотъ каковъ былъ Петербургъ до того времени, когда Петръ Великій, увлекшись желаніемъ, во что-бы то ни стало, ввести русскихъ въ Европейскую семью, 1-го Мая 1703 г. взялъ крѣпость Ниеншканцъ и затѣмъ 16 Мая въ день Св. Троицы, послѣ многихъ соображеній, заложилъ крѣпость на другомъ мѣстѣ, ближе къ морю и назвалъ ее „С.-Петербургомъ“ (нынѣ Петропавловская крѣпость). Скорость постройки крѣпости была такъ велика, что 29 Юня, день окончанія, былъ отпразднованъ въ казармахъ, построенныхъ въ бастионѣ генераль-губернатора, князя Меншикова. Немудрено, что эта быстрота изумляла всѣхъ иноземцевъ. Но сколько жертвъ стоило сооруженію этой крѣпости. Тысячи рабочихъ умирали отъ дурныхъ санитарныхъ условій, отъ сырости, холода, недостатка припасовъ, подвозъ которыхъ часто прекращался, благодаря бурямъ, свирѣствовавшимъ на Ладожскомъ озерѣ. Современники утверждаютъ, что постройка крѣпости стоила 100 тысячъ переселенцевъ. Но Петръ, какъ извѣстно, не останавливался предъ гибелью единичныхъ жертвъ; для блага отечества онъ готовъ былъ пожертвовать собственной жизнью: „А о Петрѣ вѣдайте, писалъ онъ самъ, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія во славу и благоденствіи“. Спустя годъ, 1-го Апрѣля 1704 г., была освящена небольшая церковь и названа Петропавловскою.

Такимъ образомъ основаніе Петербурга было положено на Петербургской сторонѣ. Прежде всего начала застраиваться мѣстность, лежащая по берегу Большой Невы, по направленію къ Б. Невѣ. Первыми зданіями были—домикъ Петра Великаго и домъ князя Меншикова. Первый былъ построенъ, какъ извѣстно, сардамскими плотниками, по образцу домовъ, въ которыхъ жили рабочіе въ Сардамі. Онъ состоитъ изъ двухъ комнатъ; изъ первой сдѣлана молеяня, а другая осталась въ томъ же видѣ, въ какомъ была и при Петрѣ, со всѣми уцѣлѣвшими вещами, шкапами, коммодами, стульями—изъ дубоваго дерева. Въ настоящее время надъ этимъ домикомъ сдѣланъ красивый каменный навѣсъ и разведенъ небольшой садъ на берегу Невы, украшенный красной бесѣдкой. Домъ Меншикова находился вправо отъ дворца, гдѣ теперь живутъ церковные служители Петропавловскаго собора. По Большой Дворянской были построены дома: Брюса, Головкина (одно изъ первыхъ каменныхъ зданій), Шафирова, Сибирскаго губернатора князя Гагарина и друг., на той же улицѣ помѣщались и шалаши рабочихъ. Вблизи моста, который ведетъ теперь, какъ и тогда, отъ Троицкой площади въ Петропавловскую крѣпость, была построена первая „австерія“ (нѣчто въ родѣ кабака или ресторана), въ которой продавались: вино, карты, пиво, водка и проч. Въ эту австерію Петръ иногда самъ заходилъ послѣ обѣдинъ выпить рюмку водки, вмѣстѣ съ корабельными мастерами и шкиперами.

Центромъ жизни тогдашняго Петербурга была Троицкая площадь, на которой какъ и теперь помѣщалась церковь Св. Троицы; неподалеку, ближе крѣпости, находился гостинный дворъ, построенный Петромъ, состоявшій изъ цѣлаго ряда деревянныхъ лавокъ, въ которомъ сосредоточивалась вся торговля новой столицей. Этотъ гостинный дворъ сгорѣлъ, а на его мѣсто былъ выстроенъ новый—довольно обширное зданіе съ путями дворовъ внутри. Зданіе принадлежало царю и купцы должны были вносить извѣстную плату въ царскую казну. Въ 1713 г. на мѣстѣ Сытинской площади были выстроены два ряда лавокъ, въ которыхъ продавали пироги, разныя закуски, а также лапти, веревки и проч. необходимые для простаго народа предметы. Тутъ кипѣла жизнь чернаго народа и происходила страшная давка. „Чтобы сохранить въ чѣстности кошельки, шапки и даже парики, нужно было проходить по этой площади, носить ихъ въ рукахъ“. Эта толкучка, грязь, отсутствіе приспособленій для сколько нибудь сносной въ санитарномъ отношеніи жизни простаго народа, развитіи среди ихъ разныя болѣзни—цингу, поносъ, чахотку и проч. Люди умирали въ огромномъ количествѣ. Таковъ былъ Петербургъ въ началѣ его существованія. Пути сообщенія были такъ плохи, что къ Петербургу вела только одна дорога, и содержали ее такъ плохо, что осенью и весной встрѣчались на ней десятками дохлая лошади, павшія въ упряжкѣ между трясинами.

Петръ, одушевленный великою идеей, не замѣчалъ тѣхъ неблагоприятныхъ условій, которыми ожидали здѣсь переселенца: гнилой и сырой воздухъ, скудость и неприводимость почв. Онъ глядѣлъ въ будущее и жилъ въ немъ. Ему было тепло и отрадно въ этомъ невеселомъ уголкѣ; самая болота казалась ему раемъ. Вотъ что онъ писалъ своему другу, князю

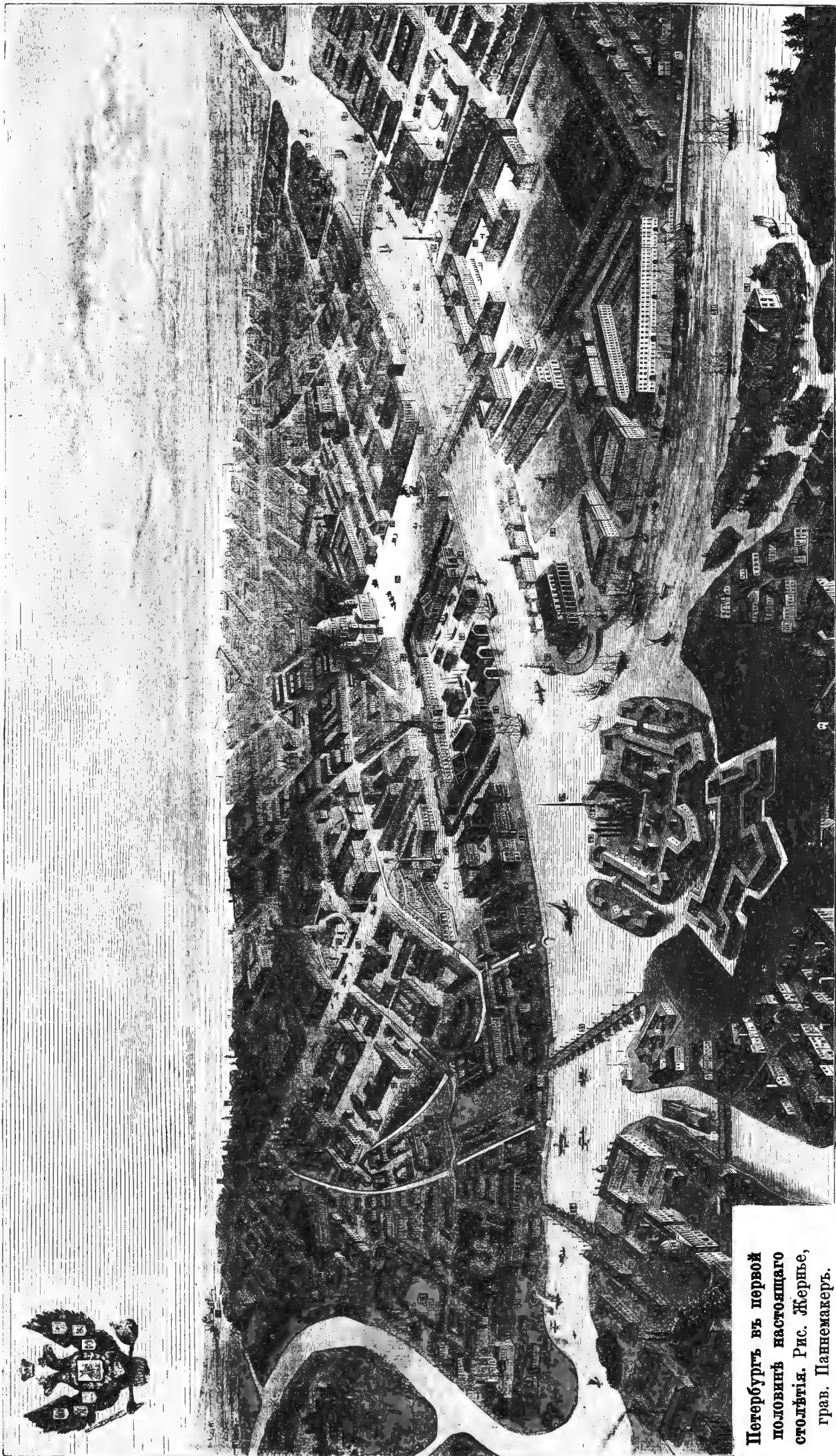
*) Петербургъ при Петрѣ Великомъ.

** Петербургъ при Петрѣ Великомъ.

*** Петербургская старина Царскаго ка. (Современн. т. 81, 82 и 83).

**** Исторія царствованія Петра Великаго Н. Устрялова т. 4, стр. 24.

***** Петербургъ при Петрѣ Великомъ.

Петербургъ въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Рис. Жернье, грав. Паннемакеръ.

- 1) Охта.
- 2) Смольный институтъ.
- 3) Таврический дворецъ.
- 4) Галерейная набережная.
- 5) Лѣтний садъ.
- 6) Марсово поле (царичинъ лугъ).
- 7) Императорскій замокъ (дворецъ Павла Петровича).
- 8) Михайловскій дворецъ (Благороднаго Митрополита).
- 9) Памятникъ Суворову (на Суворовской площади).
- 10) 1) 12) Дома частныхъ владѣльцевъ и Дворца В. Кн. Звѣздный дворецъ.
- 13) Звѣздный дворецъ.
- 14) Адмиралтейство.
- 15) Памятникъ Петру Великому.
- 16) Сенатъ.

- 17) 18) Дома частныхъ владѣльцевъ (на Английской набережной).
- 19) Юнкъ для постройки военныхъ кораблей.
- 20) Советская площадь.
- 21) Колонгадская улица (бульваръ).
- 22) Казанскій соборъ.
- 23) Военное министерство.
- 24) Генеральскій штабъ.
- 25) Колонна Александра Благословеннаго.
- 26) Невскій проспектъ.
- 27) Каванскій соборъ.
- 28) Гостиный дворъ.
- 29) Аничкинъ дворецъ Государя Паскадія.
- 30) Александро-Невская Лавра.
- 31) Свѣная площадь.

- 32) Церковь Николая Чудотворца.
- 33) Колонгадарейскія казармы.
- 34) Лѣтний (Воскресенскій) мостъ.
- 35) Троицкій (С.-Петербургскій) мостъ.
- 36) Исаакиевскій мостъ (перенесенный теперь къ Зимнему дворцу).
- 37) Никольскій мостъ.
- 38) Малая Нѣва.
- 39) Большая Нѣва.
- 40) Императорскія Медико-Хирургическая Академія.
- 41) Академическія клиники (Никольскій военный Сухопутный госпиталь).
- 42) Александровскій паркъ.
- 43) 44) 45) Петропавловская крѣпость.
- 46) Виржа.

- 47) Маяки (2 колоны).
- 48) Туманка.
- 49) Туманскій дворъ.
- 50) Академія наукъ.
- 51) Тоска.
- 52) Университетъ.
- 53) Садъ таможи.
- 54) Павловское военное училище (бывшій домъ князя Меншикова).
- 55) Памятникъ Гумилеву.
- 56) Академія Художествъ.
- 57) Горный институтъ.
- 58) Навская триумфальная ворота (жарская застава).
- 59) Складъ таможенный.
- 60) Складъ таможенный.
- 61) Пенный буваръ.

Молодая египтянка, картина Верне Леконта, грав. Жоннаръ.

Меньшикову: „не могу не писать вамъ изъ здѣшняго парадиза: истинно, что въ рай здѣсь живемъ“. Но далеко не всѣ раздѣляли эти очарованія великаго царя. „Сестра царя, царица Марія Алексіевна“, напр., часто говаривала его сыну Алексѣю: „Петербургъ не устоитъ за нами; быть ему пусту; многіе о томъ говорятъ“ *). Точно также относились къ этому и другіе. Никто не вѣхалъ изъ внутренней Россіи въ Новую столицу. Петръ принужденъ былъ прибѣгнуть къ силѣ. Указъ слѣдовалъ за указомъ, которыми вызывались люди разныхъ сословій, рабочіе, ремесленники, купцы, дворяне, которые, въ особенности послѣдніе съ неохотою покидали свои дома и тащились въ далекій негостепримный край, къ берегамъ Финскаго залива. Вотъ что по этому поводу говорить одинъ изъ современниковъ, Веберъ. „Зимой 1716 г. прибыло въ Петербургъ до 200 дворянскихъ семействъ, высланныхъ на жительство во исполненіе царскихъ указовъ и, разумѣется, съ великой неохотою оставившихъ свои насиженные гнѣзда въ провинціи. Дворяне жаловались, что при переселеніи лишили ихъ 2/3 состоянія. Ихъ потомъ и кровью, ихъ трудами и костями удобрена почва, на которой возвысился Петербургъ“. Эти переселенія продолжались только до 1720 г. Около этого времени пріостановилась высылка купцовъ и мастеровыхъ; сверхъ того постояннымъ жителямъ столицы позволялось уѣзжать въ деревни по дѣламъ и не долѣе какъ на 5 мѣсяцевъ и не иначе, какъ по запискамъ сената.

Петербургъ постепенно сталъ расширяться и съ той стороны перешелъ на эту, гдѣ въ настоящее время расположена лучшая часть города. Тогда эта величественная часть города представляла еще пустырь, поросшій лѣсомъ, на которомъ, кое гдѣ стали воздвигаться разныя постройки. На этой сторонѣ находилось только адмиралтейство и дома служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ. На мѣстѣ нынѣшняго царицына луга стояли войска лагерьмъ. У истока Фонтанки раскинулись 3 деревни. Эта часть города стала застраиваться когда переведенъ былъ сюда Сенатъ. Около 1713 г. на берегу Невы, близъ Фонтанки, былъ построенъ лѣтній дворецъ Петра, который и сохранился до сихъ поръ (въ лѣтнемъ саду). „Въ Петровскія времена въ лѣтній садъ собирався весь дворъ; сюда же могли приходять всѣ, исключая носившихъ сѣрый армякъ, а также бороду“. На мѣстѣ нынѣшняго дворца Елены Павловны былъ дворецъ царицы Екатерины Алексіевны. По берегу, къ адмиралтейству былъ расположенъ рядъ зданій; между прочимъ почтовый домъ, въ которомъ останавливались пріѣзжіе до принсканія квартиры и въ которомъ Петръ давалъ свои асамблеи. На мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца были дома частныхъ владѣльцевъ: графа Апраксина, Ягужинскаго, Крейса и проч. Между нынѣшнимъ памятникомъ Петра и Адмиралтействомъ находилась небольшая церковь Исаакія Далматскаго. Самая величественная и роскошная теперь улица—Невскій проспектъ, былъ ничто иное, какъ длинная, тянувшаяся въ отдаленіи аллея вымощенная камнемъ и

съ обѣихъ сторонъ обсаженная деревьями. Въ мѣстности лицейскаго моста производилась торговля въ шалахахъ. Тутъ же недалеко, противъ дома корабельнаго мастера Крейца (теперь Елисѣева) былъ гостинный дворъ, сгорѣвшій въ 1836 г., а позади его были мясные и рыбные ряды. Въ мѣстности отъ набережной Мойки къ дворцовой площади заключалась финская слобода, въ которой жили Финны и Шведы. Передъ Адмиралтействомъ, по направленію къ Исаакіевской площади, находились бѣдныя слободы Пушкарская, Большая и Малая Морская, въ которыхъ жили главнымъ образомъ служившіе во флотѣ. Въ 1736 г. онѣ выгорѣли и мѣстность стала застраиваться каменными домами. Самое лучшее зданіе, не исключая и дворца—былъ домъ князя Меншикова на Васильевскомъ острову (нынѣ Павлов. училище) и затѣмъ домъ его дворецка Федора Соловьева. Садъ, окружавшій дома, былъ обширенъ и спускался къ самому взморью; а оранжереи, теплицы были самыя лучшія въ Россіи.

Позднѣйшія постройки и расширеніе города послѣ Петра шло медленно. Тѣ зданія, которыя украшаютъ теперь столицу,—позднѣйшаго происхожденія и относятся къ послѣднему 50-лѣтію. Общественной жизни почти не существовало и вся она сосредоточивалась около царя и его приближенныхъ. Теперь Петербургъ, конечно, не то, что представлялъ прежде. Независимо отъ его внѣшнихъ качествъ, его величественности и роскоши, его не избѣгаютъ, какъ прежде, а стремятся теперь всѣ, какъ къ центру умственной и общественной жизни. Помѣщаемый въ этомъ № Нивы общій видъ Петербурга относится къ первой половинѣ настоящаго столѣтія. И въ теченіи этого сравнительно недолгаго времени въ планѣ и постройкахъ Петербурга произошло тоже немало перемѣнъ, такъ, напримѣръ: на Адмиралтейской и Сенатской площадяхъ въ послѣднее время разведенъ роскошный садъ, въ которомъ строится великолѣпный фонтанъ и будетъ готовъ къ будущей осени; застроенная и загороженная набережная р. Невы, противъ Адмиралтейства, обдѣлана гранитомъ и сдѣлалась такимъ образомъ одной изъ лучшихъ набережныхъ, подобно Дворцовой и Англійской. Послѣ постройки каменнаго Николаевского моста, такъ называемый Исаакіевскій мостъ перенесенъ къ Зимнему дворцу; дворцовая набережная въ послѣднее время украсилась дворцами и превосходными частными зданіями. На мѣсто Литейнаго деревяннаго моста воздвигается новый каменный, на постройку котораго ассигновано до 3½ мил. рублей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сооруженъ памятникъ Императрицѣ Екатерицѣ близъ Александринскаго театра, на Александринской площади, и обнесенъ скверомъ.

Вообще въ послѣднія 20 лѣтъ сѣверная столица обогатилась прекрасными многочисленными постройками и скверами, изъ году въ годъ сооружаемыми въ виду улучшеній санитарныхъ условій города.

В—овъ.

МОЛОДАЯ ЕГИПТЯНКА:

(Картина Вернэ Леконта).

Рисунокъ этотъ—снимокъ съ картины извѣстнаго французскаго живописца Вернэ Леконта, который назвалъ созданную имъ смуглянку-красавицу «дочерью Клеопатры», т. е. дочерью той страны, гдѣ когда-то родилась и жила великолѣпная царица Клеопатра. Леконтъ хотѣлъ создать на полотнѣ типъ женской красоты въ Египтѣ, доказать, почему Антоній у ногъ египетской царицы могъ забыть весь міръ и такъ безславно погибнуть. По правдѣ сказать, въ Египтѣ мало красивыхъ женщинъ, но ужъ если встрѣтится красавица—такъ ужъ такая, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать, а кистью—можно, что и доказалъ Вернэ Леконтъ. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните въ эту дочь Клеопатры: какой роскошный станъ, какія прекрасныя руки, а эта

грациозная, темная головка и большіе черные глаза! Тутъ невольно запоешь или продекламируешь такіе, напр., стихи:

Нѣтъ у нея безплатныхъ крылій,
Чтобъ отдѣлиться отъ людей;
Она—сіянье розъ и лилій,
Цвѣтущихъ для земныхъ очей.
Она манитъ во храмъ чудесный,
Но этотъ храмъ не свѣтлый рай...
Не называй се небесной
И у земли не отнятай!

Щ—въ.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Плзъ ночи въ ночь на небесахъ
Однѣ и тѣ-же звѣзды блещуть,
Плзъ ночи въ ночь онѣ трепещуть
Въ своихъ безчисленныхъ лучахъ.
Не ясенъ свѣтъ ихъ... но порою,
Когда надучею звѣздой
Скользнетъ во вѣракѣ метеоръ—
На мигъ весь дивный, звѣздный хоръ
Блеснетъ красую неземною.

*) Петербургъ при Петрѣ Великомъ

II.

Наединѣ съ безмолвной ночью
Къ тебѣ я шлю мои мечты,
И каждый разъ по ихъ призыву
Приходишь ты.
И каждый разъ я, счастья полный,
Снѣгу припасть къ твоимъ ногамъ,
Слова любви шепчу и волю
Даю слезамъ.
И плачу я, пока разсвѣтомъ
Не озарится небосклонъ,
И не придетъ тебѣ на снѣгу
Тяжелый сонъ.

Л—въ.

ОСТАТКИ ДРЕВНѢЙШЕЙ ВАВИЛОНСКО-АССИРІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Д-ръ Германъ Деличъ перевелъ съ англійскаго книгу Георга Смита „Халдейскій генезисъ. Клинообразный текстъ, повѣствующій о міросозданіи, грѣхопадѣніи, столотвореніи вавилонскомъ и о Нимеродѣ, съ прибавленіемъ разсказовъ и отрывковъ изъ древнѣйшей вавилонско-ассирійской литературы“. Къ этой книгѣ докторъ Фридр. Деличъ, изслѣдователь древностей, издалъ комментарий и сообщилъ результаты собственныхъ своихъ ученыхъ изслѣдованій. Книга эта снабжена 27 рисунками. О томъ значеніи, какое имѣютъ сообщаемыя имъ изслѣдованія, авторъ говоритъ слѣдующее: — „Памятники, открытые и открываемые ассиріологами, разсвѣщаютъ мракъ, окутывавшій до сихъ поръ древнѣйшую исторію передней Азіи; они проводятъ связующія нити въ исторіи культуры, литературы, языковѣдѣнія и религіи, дополняютъ древнѣйшій *дневникъ человечества*, представляя намъ невѣдомыя до сихъ поръ страницы его. Но и кромѣ обще-историческаго интереса, съ этими памятниками связывается другая, болѣе живой интересъ. Халдея—колыбель израильскаго народа, отчина предковъ его; въ Халдеѣ—корни этой народности и религіи, связанной съ нею, слѣдовательно, тамъ зерно христіанства. Надписи, разбираемыя въ этомъ сочиненіи, относятся къ весьма отдаленному времени, къ эпохѣ, можетъ быть, *первымъ израильтянамъ*. Надѣюсь, что и этого достаточно, чтобы обратить вниманіе всякаго образованнаго человѣка на эти надписи, такъ краснорѣчиво говорящія сами за себя“.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ содержанію вышеозначенной книги, представимъ краткій очеркъ исторіи открытія этихъ важныхъ памятниковъ, въ дополненіе къ тому, что уже сказано нами въ № 47 „Нивы“ 1876 г., въ статьѣ: „О чѣмъ повѣствуютъ развалины Ассиріи и Вавилона“.

Уже въ началѣ XVII вѣка путешественники по Азіи сообщали о странныхъ надписяхъ, видѣнныхъ ими на обломкахъ, въ развалинахъ Персеполя и въ другихъ мѣстностяхъ. Пытались разбирать снимки съ этихъ надписей, но въ теченіи двухъ столѣтій невѣдомыя буквы и слова оставались мертвыми, пока, наконецъ, въ 1802 г., ганOVERцу Гратефенду не удалось путемъ отгаданныхъ и остроумныхъ комбинацій (сооставленій) разобрать первый клинообразный текстъ. Георгъ Гратефендъ доказалъ также, что эти надписи слѣдуетъ читать слѣва. На такомъ блестящемъ открытіи, какъ на надежномъ фундаментѣ, основывались всѣ дальнѣйшія изысканія, изслѣдованія, расширенія по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, добытыхъ на востокѣ. Важную услугу оказала въ данномъ случаѣ счастливая находка Генри Роулинсона—„Бегистунская надпись“ (см. № 47 „Нивы“, 1876 г.). Такъ какъ одновременно съ разборомъ Бегистунской надписи шло основательное изученіе и самаго языка (Оппертъ, Шпигель и др.), то древне-персидскій языкъ уже много лѣтъ тому назадъ могъ быть включенъ въ большой кругъ индогерманскихъ языковъ.

Раскопки въ Месопотамской землѣ начались не такъ давно. Вавилонъ—имя города, знакомое намъ съ дѣтства. Тамъ было „столпотвореніе“, тамъ произошло смѣшеніе языковъ; на рѣкахъ вавилонскихъ „тамъ сѣдохомъ и плакохомъ...“ Да, на тѣхъ берегахъ сидѣли иудейскіе изгнанники и плакали, вспоминая о Сіонѣ. Что существуютъ развалины великолѣпнаго града Навуходоносора—это знали и прежде, но городъ этотъ открытъ только въ началѣ текущаго столѣтія англичаниномъ Ричемъ, который произвелъ тамъ раскопки просто изъ любознательности, не составивъ даже опредѣленнаго плана для своихъ работъ. Что касается Ниневіи, то на географическихъ картахъ вовсе не указывалось мѣстонахожденіе этого города, и тутъ Ричъ первый открылъ (въ 1820 г.) въ горахъ шебня, на лѣвомъ берегу р. Тигра, противъ Мозула, слѣды знаменитой ассирійской столицы. Камни, фигуры и др. остатки Ниневіи наполняютъ теперь европейскіе музеи; въ одномъ британскомъ пять залъ заняты этими древностями. Тамъ вы видите колоссальныхъ быковъ съ человѣческими головами (физиономіи эти такія серьезные, украшенныя бородами) и множество другихъ скульптурныхъ произведеній удивительной отдѣлки. Созерцая рельефныя изображенія осады, сраженій, шествія плѣнныхъ, охоты на львовъ и т. п. событія, вы невольно переноситесь въ отдаленнѣйшія времена, когда вся эта сѣдая ассирійская старина имѣла живой колоритъ. Въ стеклянныхъ шкафахъ хранятся теперь исписанные кирпичи, остатки подножій троновъ, гробы, оружіе, вѣсы, сосуды, различные предметы раскопки и, наконецъ, что всего важнѣе и драгоцѣннѣе—библіотека Сарданапала. Слава перваго пioniра въ Месопотамской землѣ и честь извлеченія пераго дворца съ его сокровищами изъ пѣдръ земли—принадлежитъ французу Эмилію Ботта. Богатая добыча, откопанная имъ въ 1843—1845 гг., была отправлена въ Парижъ для помѣщенія въ Лувръ. Въ 1847 г. на мѣсто раскопки поѣхалъ англичанинъ Лэйардъ, который и открылъ четыре большихъ дворца: дворецъ Салманассара I, Ассарвазирпала библейскаго Тиглатилезара и Азаргаддона (этотъ послѣдній одинъ изъ величайшихъ открытыхъ нынѣ дворцовъ).

Имя Лэйарда будетъ занимать всегда почетное мѣсто въ ряду именъ тѣхъ, которые трудились надъ раскопками ассирій-

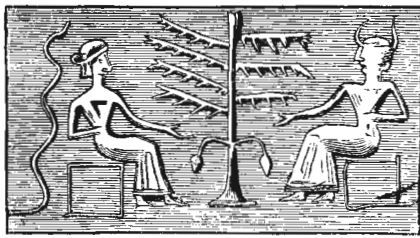
скихъ древностей. Достояннымъ преемникомъ его въ настоящее время является Георгъ Смитъ. Окончивъ труды свои по исторіи Ассурбанпала, издалъ монографію „Завоеваніе Вавилона Эламитами (2280 г. до Р. Х.) и „Ассирійскій календарь“. Смитъ въ 1873 г. оставилъ Англію и отправился на дальній востокъ съ единственною цѣлью—отыскать новыя сокровища въ классической землѣ Месопотаміи. Послѣ шестинедѣльной ѣзды, онъ прибылъ черезъ Алеппо и покрытый снѣгомъ горный кряжъ Карадачъ—къ тѣмъ таинственнымъ холмамъ, къ которымъ такъ давно уже стремился. Но приступить къ раскопкамъ оказалось вовсе не такъ легко, какъ полагалъ Смитъ. Дѣло въ томъ, что паспортъ его нашли и *надлежащимъ*, недовѣрительнымъ, а потому мѣстный паша запретилъ Смигу даже поглядѣть на эти холмы изъ мусора и шебня. Дѣлать нечего, и вотъ ученый путешественникъ изъ Мозула поплылъ на паромѣ внизъ по Тигру въ Багдадъ и между прочимъ посѣтилъ развалины Вавилона. Тутъ съ грустью увидѣлъ онъ, какъ исчезаютъ понемногу остатки древняго города, благодаря невѣжеству туземцевъ, которые смотрятъ на эти руины, какъ на собственный свой *кирпичный заводъ*, и ведутъ правильную торговлю классическими кирпичами. Занявшись здѣсь кое-какими изслѣдованіями и заручившись „надежащимъ видомъ“, Смитъ поспѣшилъ обратно въ Ниневію, мимоходомъ осмотрѣвъ Эрвилъ (Арбелла), гдѣ Александръ разбилъ Дарія, и, прибывъ на мѣсто, началъ раскопки близъ храма Набо, наспротивъ Мозула. Тутъ прежде всего, какъ оказалось, хлѣбный амбаръ; въ грудѣ мусора была проведена глубокая штольня, которую и нашли наполненную сгнившимъ отъ времени житомъ. Въ южной и восточной частяхъ этого холма наткнулись при рытвѣ на гробы разнообразной формы; въ этихъ гробахъ обрѣли много жемчуга, колець, разныхъ украшеній (нныя изъ нихъ относятся къ эпохѣ Александра Македонскаго) и др. мелкихъ предметовъ. 15-е Мая ознаменовалось счастливою находкой: среди всякаго хлама во дворцѣ Сеннахериба вдругъ попался желанный отрывокъ, содержащій именно тѣ 15 строкъ, которыхъ не доставало въ халдейскомъ повѣствованіи о всемірномъ потопѣ. Смитъ отрылъ еще таблицы съ текстомъ и, кромѣ того, извлекъ изъ мусора великолѣпный хрустальный тронъ, или скорѣе—части этого трона, разбитого на куски. Къ великому сожалѣнію и, пожалуй, досадѣ усерднаго раскопщика, онъ долженъ былъ оставить разрытые холмы: его вызвали домой. Много труда стоило Смигу убѣдить турецкое начальство, выдать ему открытыя имъ сокровища и дозволить увезти этотъ драгоцѣнный хламъ въ Англію. Такъ прошелъ 1873 г., но уже 1-го Января 1874 г. Смитъ снова былъ въ Мозулѣ. На этотъ разъ Британскій музей отправилъ его туда, вручивъ ему субсидію въ размѣрѣ 1000 ф. ст. Разныя неприятели съ турецкимъ начальствомъ заставили Смита ограничиться раскопкою только одного холма—Куюндумскаго, причемъ, изслѣдуя бібліотеку Сеннахериба (Лэйардъ не успѣлъ разобрать и половины ея), онъ сдѣлалъ много важныхъ открытій. Здѣсь Смитъ нашелъ слишкомъ 8000 остатковъ отъ письменныхъ таблицъ, которыя, судя по положенію и качеству ихъ, хранились въ первомъ этажѣ дворца, откуда и свалились. Таблицы эти доставили Смигу отчасти матеріалъ при составленіи его книги и, кромѣ того, послужили новымъ доказательствомъ того, что еще до появленія вавилонянъ и ассирійцевъ въ Месопотаміи—здѣсь жилъ замѣчательный народъ, о которомъ упоминается въ Библии. По имени города Аккада и народъ этотъ назывался *аккадѣйскимъ*.

Блестящимъ успѣхамъ сравнительнаго языковѣдѣнія мы обязаны тѣмъ, что для насъ, такъ сказать, воскресъ давно исчезнувшій съ лица земли цивилизованный народъ, свѣдѣнія о которомъ находятся въ уцѣлѣвшемъ клинообразномъ текстѣ.

Юліи Оппертъ было сначала изумленъ, усмотрѣвъ нѣкоторыя уклоненія въ клинообразномъ письмѣ, но потомъ узналъ, что знаки этого письма употреблялись *дволю* (фонетически или звукоподражательно, какъ слоги, и идеографически, какъ образные знаки), а дальнѣйшія изслѣдованія его обнаружилъ, что въ клинообразныхъ текстахъ филологамъ приходится имѣть дѣло съ двумя языками, принадлежащими къ двумъ совершенно различнымъ группамъ: одинъ изъ нихъ, болѣе древній, языкъ *не семитическій*, а другой позднѣйшій, *семитическій*.

Къ самымъ важнымъ и интереснымъ открытіямъ Смита принадлежитъ найденная имъ *Халдейская Книга Бытія*. Въ книгѣ Смита подробно изложено содержаніе этой находки и приложено снимковъ съ одной изъ разбитыхъ глиняныхъ табличекъ, покрытой клинообразнымъ письмомъ. Халдейскій текстъ представляетъ очень много общихъ чертъ и вообще сходства съ библейскими разсказами объ этомъ предметѣ. Другая глиняная находка Смита также весьма интересна—это „Вавилонское повѣствованіе о грѣхопадѣніи“. Къ сожалѣнію, и тутъ текстъ является въ довольно жалкомъ видѣ, но все-таки можно еще разобрать и прочесть о томъ, какъ боги проклинали дракона (змѣю-искусительницу, имя которой въ текстѣ *Тіамитъ*) и согрѣшившаго человѣка. Драконъ этотъ изображается обыкновенно въ видѣ нашихъ грифовъ, но есть и змѣеподобное изобра-

женіе Тіамита: въ Британскомъ музеумѣ хранится въ высшей степени замѣчательный, древне-вавилонскій драгоценный камень, на которомъ вырѣзаны двѣ сидящія фигуры и дерево между ними, въ видѣ елки; у фигуръ руки протянуты къ плодамъ „древа“, а позади одной изъ нихъ выгибается подносящаяся змѣя. Правая фигура, по видимому, мужчина, лѣвая—

Изображеніе грѣхопаденія, вырѣзанное на древне-вавилонскомъ камнѣ.

женщина. Замѣчательно то, что черезъ весь халдейскій рассказъ тянется описаніе борьбы боговъ съ злымъ началомъ, съ дракономъ Тіамитомъ. Драконъ этотъ, боролся съ богами, соблазнилъ человѣка и въ концѣ концовъ погибъ въ борьбѣ съ небомъ. Изображеніе этой борьбы часто встрѣчается, на древне-вавилонскихъ каменныхъ цилиндрахъ (второй рисунокъ). Въ

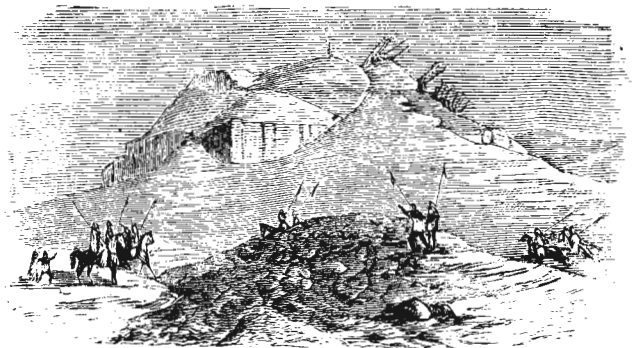
Борьба Ваала съ Дракономъ.

клинообразныхъ тексахъ, кромѣ повѣствованія о сотвореніи міра и грѣхопаденіи, упоминается также о всемірномъ потопѣ и Вавилонскомъ столпотвореніи. Найти рассказъ о столпотвореніи стоило Смитѣ большихъ трудовъ, и только въ прошломъ году ему удалось отыскать таблички съ этимъ текстомъ. Онѣ оказались разбитыми, однако кое-что еще можно было разоб- рать. Смитъ могъ, напр., прочесть такое мѣсто:

„Онъ смѣшалъ языки большихъ и малыхъ.
Крѣпкое зданіе свое сооружили они днемъ,
И крѣпкое ихъ зданіе Онъ разрушилъ ночью...“

На громадномъ холмѣ Нимврода можно и теперь еще видѣть остатки исполинской башни, состоявшей изъ семи этажей, возведенныхъ на широкомъ фундаментѣ. Каждый этажъ былъ окрашенъ надлежащей краской, т. е. цвѣтъ этажей не былъ одинаковъ. Вся эта руина, имѣющая и теперь 154 фута вышины, образуетъ тамъ самый большой холмъ изъ щебня. Башня была посвящена семи планетамъ, оттого и число этажей ея было семь.—Въ клинообразныхъ текстахъ, кромѣ рассказовъ, соответствующихъ библейскимъ рассказамъ (о сотвореніи міра, грѣхопаденіи, потопѣ и пр.), встрѣчаются и многія другія названія и имена, имѣющія связь съ событиями, подтвержденными впоследствии книгою Бытія. Правда, въ этой послѣдней праотцы наши являются почти всегда подъ другими именами, но нѣкоторые изъ этихъ именъ попадаются и въ клинообразныхъ надписяхъ, какъ, напр.: Каинъ — Киннъ, Энохъ—Энукъ, Ной—Нуль, Тубалкаинъ (отецъ кузнецовъ)—Бил-Капъ.—Имя „Авраамъ“ мы встрѣчаемъ въ ассирійскихъ надписяхъ, относящихся ко временамъ Азаргаддона. Послѣ отвода

десяти племенъ, нѣкоторымъ израильтянамъ посчастливилось занять въ ассирійскомъ царствѣ важныя государственныя должности. Однимъ изъ нихъ былъ Авраамъ, „великій служитель“ или министръ Азаргаддона. Итакъ, найдена и родина патриарха Авраама: у халдейцевъ подъ именемъ Уръ, нынѣшній Муггейръ.

Муггейръ (Уръ—у халдейцевъ), родина Авраама.

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ юная наука—ассиріология проливаетъ яркій свѣтъ на библейскіе рассказы. Книга Георга Смита представляетъ много интереснаго и, конечно, нашла уже себѣ на родинѣ большой кругъ читателей. Этотъ почтенный ученый, такъ много потрудившійся на избранномъ имъ поприщѣ, къ сожалѣнію, умеръ во цвѣтъ лѣтъ. Весною истекшаго года онъ снова отправился къ своимъ холмамъ, въ чудесную страну Тигра и Евфрата, гдѣ и умеръ въ Августѣ, не будучи въ состояніи вынести чрезмѣрныхъ трудовъ.

Пер—ъ.

ПОЧТОВЫИ ЯЩИКЪ.

1) Поступившіе въ контору „Нивы“ въ пользу пострадавшихъ славянъ: отъ гг.: Луиискаго 2, Литовскаго 9, Цегеръ 8, Гарнизона Нижне-Эмбенскаго укрѣпленія 56, Кривяцкаго 1 р. 50 к., Морджинской 1 р. 50, и отъ гг. Десятискаго, Сольскаго, Стрѣганьева, Ефимова, Потемкина, Бровинскаго, Сташевскаго, Лаврова, Таранова — по 50 к. отъ каждаго, а всего 82 р. 50 к. и кромѣ того, два узла съ битами и корпѣй, сданы въ Главное Управ. Общ. Почеч. о ранен. и болѣхъ, воннахъ—денгми 18 декабря, а узлы 16 и 22 ноября 1876 г. подъ квитанціи за №№ 1112, 1133 и 2436

2) Никольская, д. № 3, Л—ву. Прѣ случаи зайдите. Два стихотворенія возьмите и переговорамъ о дѣлѣ.

3) Нишинева, подписчикамъ „Нивы“. Не сомнѣваемся, что совѣты ваши искренны, но думаемъ, что резонерствовать о дѣлѣ не надо, но меньшей мѣрѣ, неудобно. Заботы издателя о распространеніи „Нивы“ объясняются тѣмъ, что на извѣстное количество публики образованной, у насъ, въ сожалѣнію, есть большинство такой, для которой нужны напоминанія и объясненія о томъ: что за журналъ, гдѣ издается, какой имѣетъ успѣхъ и т. д. Вспомните, что не только въ провинціи, а здѣсь, въ Петербургѣ, часто оказываются письма въ церковныхъ кружкахъ, въѣсто установленныхъ для нихъ почтовыхъ ящиковъ. Кажется, въ кружокъ и письма-то не втиснуть, а вотъ втисываютъ же, не имѣя понятія о почтовыхъ ящикахъ, существующихъ, между тѣмъ, не первое десятилѣтіе. Припомните это, и успокоившись, можете быть, будете въ состояніи извѣстить себя и насъ отъ траты времени на безплодную переписку.

СОДЕРЖАНІЕ. Съ новымъ годомъ! (стихотвореніе, съ рисункомъ). Щ—въ.— Дѣвѣ капли воды (Сцены изъ жизни петербургскихъ окраинъ). Ивановъ.—Озеро Иссыкъ-куль и его окрестности (съ двумя рисунками). Н. Назаринъ.—Черновъ Рождества Богородицы въ Путиннахъ, въ Москвѣ (съ рисункомъ).—Литературный альбомъ: Русалка, драматическія сцены А. С. Пушкина (съ рисункомъ).—Преній Петербургъ (съ рисункомъ).—Молодая египтянка (съ рисункомъ).—Антологическія стихотворенія. Л.—Остатки древнѣйшей вавилонско-ассирійской литературы (съ 3-мя рисунками) Пер—ъ.—Почтовый ящикъ.—Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІИ МОДЫ за ЯНВАРЬ съ 26 рисунками, большой листъ съ 23 чертежами въ кроекъ въ натуральную величину и съ 29 рисунками руководѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

„НИВА“, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

1871 годъ
1872 годъ
1873 годъ
1874 годъ
1875 годъ
1876 годъ

Каждый годъ «Нивы» заключаетъ въ себѣ 20 — 25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч., и около 300 рисунковъ въ каждомъ томѣ. Помѣщенныя въ теченіи года повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома «Нивы» за прошлые года—имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нимъ приложенныхъ бесплатныхъ премій, а именно: за 1874 г.—«Неронъ»—картина Каульбаха, «Грѣшница»—Семирадскаго, за 1875 г.—«Юлій Цезарь».—Пилоти, «Мадонна—Мурильо». (Эти шесть томовъ «Нивы» составляютъ самый лучший подарокъ). Покупатели «Нивы» 1876 года получаютъ премію: олеографическую картину на деревянной скалкѣ: «Спящая красавица».

Цѣна каждому тому, т. е. годовому изданію:

	Брошюрованному:	Въ простомъ переплетѣ:	Въ коленкоромъ переплетѣ съ золотомъ.
Безъ пересылки	4 р.	4 р. 75 коп.	5 р. 50 коп.
Съ пересылкою	5 " "	5 " 75 "	6 " 50 "

Желающіе выписать заразъ всѣ шесть лѣтъ: 1871, 1872, 1873, 1874 1875 и 1876 «НИВЫ» пользуются уступкой 25% съ цѣны изданія (по не съ цѣны за пересылку и за переплетъ) и высылаютъ за всѣ шесть томовъ:

Брошюрованыя:	Въ простомъ переплетѣ.	Въ коленкоромъ переплетѣ:
24 руб.	28 руб. 50 коп.	33 руб. 50 коп.

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписчиковъ объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ. МОДЪ
 Выданъ 10 Января 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫНРОЕНЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

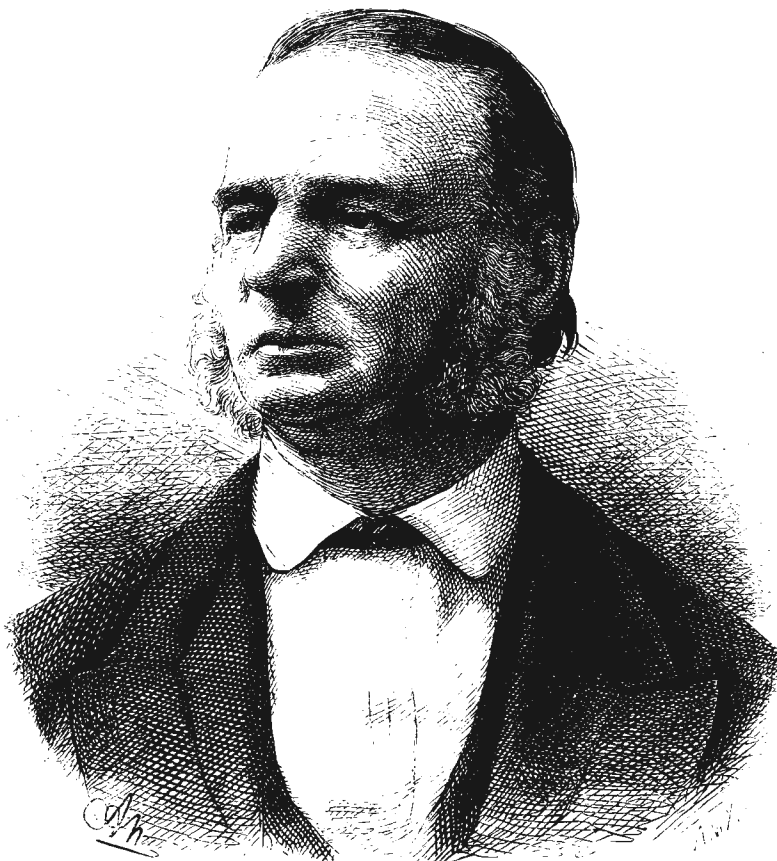
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
 на журналъ „НИВА“ на 1877 годъ.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лагъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. номера „Нивы“.

Николаевская Главная Астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ.

Въ средніе вѣка, когда громъ оружія почти не умолкалъ, когда кулачное право процвѣтало открыто, — наука должна была искать себѣ тихаго пріюта, безопаснаго убѣжища, но гдѣ-же, какъ не въ стѣнахъ монастыря могла она найти его? И монастырь отвелъ ей келью, далъ ей спрятаться. Вслѣдствіе такого отчужденія отъ вѣшняго міра, добровольнаго, или лучше — необходимаго ареста, наука сдѣлалась не только достояніемъ немногихъ избранныхъ, но и стала недоступною для массы, недоступною пониманію ея, благодаря непонятному языку своему, т. е. страннымъ техническимъ выраженіямъ. Такая участь въ особенности постигла астрономію. Таинственный мракъ облекалъ дѣянія человѣка, который, будучи окруженъ какимъ-то удивительными, причудливыми инструментами и толстыми книгами, съ непонятными знаками на страницахъ, начиналъ свою работу въ такое время, когда другіе отходили ко сну. Темныхъ людей пугали эти занятія въ потемкахъ; невольный трепетъ и ува-

Астрономъ Оттонъ Струве Директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи въ Пулковѣ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

женіе внушало имъ человѣкъ, одаренный способностью „узнавать по звѣздамъ судьбу каждаго“... Все это кануло уже въ вѣчность, какъ дѣла давноминувшихъ дней! Въ настоящее время изрядное количество популярныхъ сочиненій, по естествознанію вообще, сдѣлали и астрономію доступною пониманію каждаго грамотнаго человѣка, а неграмотному открыты двери въ тѣ залы, гдѣ идутъ народныя чтенія, съ туманными картинами. Теперь изъ двадцати человѣкъ развѣ одного еще удивишь тѣмъ, что современные астрономы ничего не знаютъ о таинственномъ вліяніи небесныхъ тѣлъ на обыкновенную жизнь сего міра. Для этихъ ученыхъ солнце, луна, планеты и миллионы звѣздъ — небесныя тѣла, движущіяся въ безконечномъ пространствѣ вселенной. Задача астрономовъ — изученіе законовъ движенія этихъ тѣлъ, но это только часть астрономіи и именно та ея часть, которая со временъ Кеплера и Ньютона занимаетъ въ ней первое мѣсто; она-то и поставила астрономію во главѣ точныхъ естест-

вѣнскихъ наукъ. Въ обширномъ смыслѣ предметомъ астрономіи является изученіе вселенной и дѣйствующихъ въ ней силъ. Численность, сила свѣта, цвѣтъ и расположеніе звѣздъ, форма и проляженіе туманныхъ пятенъ, устройство поверхности солнца, луны и планетъ—все это принадлежитъ къ объектамъ астрономическаго изучения такъ-же, какъ и опредѣленіе скорости движенія небесныхъ тѣлъ. И вотъ именно на изученіе законовъ движенія обращено въ настоящее время все вниманіе астрономовъ. Въ этой области изслѣдованія имъ удалось согласовать, съ математическою точностью, массу наблюдений съ теоріею. Строго-точные наблюденія и выводы, основанные на нихъ, характеризуютъ сущность астрономическаго изслѣдованія. Итакъ, астрономы занимаются главнымъ образомъ измѣреніями и основанными на нихъ вычислениями. Они смотрятъ на сводъ небесный, какъ на искусственный часовой механизмъ; они задаются задачей изучить всѣ—большія и малыя—колеса его, опредѣлить путь и скорость движенія каждаго, вычислить и указать на соотношенія частей механизма. Для достиженія этого, астрономы тѣлые недѣли, мѣсяцы, годы слѣдятъ за движеніемъ какаго нибудь небеснаго тѣла, опредѣляютъ это движеніе съ строжайшею точностью, чтобы затѣмъ согласовать его съ своими вычислениями.

Результаты, добытые астрономическими наблюденіями, имѣютъ большую частью чисто-научное, теоретическое значеніе. Но, совершенствуя методы наблюденія и улучшая способы вычисленія при измѣреніи движенія планетъ, астрономы тѣмъ самымъ побуждаютъ механическихъ трудности и праздноуютъ своего рода побѣду, которая косвенно приноситъ пользу и другимъ точнымъ наукамъ.

Астрономамъ необходимо было рѣшить вопросъ: какъ наилучшимъ образомъ воспользоваться массою фактовъ, наблюдений, какъ комбинировать (связать) ихъ, чтобы неизбежныя ошибки при процессѣ наблюдений оказывали возможно меньшее вліяніе на вѣрность выводовъ? Занявшись этимъ вопросомъ, почтенные ученые открыли извѣстную правильность въ возникновеніи ошибокъ, даже опредѣлили количество ихъ и построили на основаніи этой правильности точный методъ для отысканія самыхъ вѣрныхъ данныхъ. Представивъ съ доказательствомъ, наибѣрѣйшій способъ комбинировать наблюденія, астрономы, рядомъ съ выводомъ, указываетъ всегда и вѣроятную ошибку въ немъ, давая такимъ образомъ мѣрilo точности и безопасности вывода. Правила пользованія числовыми данными, придуманныя астрономами, были приняты при работахъ и въ другихъ научныхъ изысканіяхъ, такимъ образомъ *теорія вероятностей* и пользуется, такъ сказать, правомъ гражданства не только въ естественныхъ наукахъ (физикѣ, метеорологіи, химіи и проч.), но и въ политико-экономическихъ; она, напр., легла въ основу статистики и явилось значительнымъ подспорьемъ въ операціяхъ по страхованію.

Сложность астрономическихъ вычисленій заставила астрономовъ изыскивать болѣе простые способы для числовыхъ выкладокъ. Потребность эта создала между прочимъ важное вспомогательное средство для скорѣйшаго и вѣрнаго вычисленія—*таблицы логарифмовъ*. Въ настоящее время всѣ, сколько нибудь сложные числовыя выкладки, производятся съ помощію этихъ таблицъ.

Для изготовленія хорошихъ, точныхъ обсервационныхъ инструментовъ, необходимо ближайшее знакомство съ мельчайшими частями ихъ, а равно и съ назначеніемъ самыхъ инструментовъ; поэтому механикъ-оптикъ дѣлаетъ такіе инструменты всегда по плану, составленному астрономомъ. За то и не дешево обходятся они заказчику. Однако, для астронома недостаточно еще имѣть инструментъ, созданный по его указаніямъ, ибо все-таки онъ дѣло рукъ человеческихъ, а "совершенства" въ твореніи человѣка не бываетъ. Поставивъ, гдѣ нужно, новый инструментъ, астрономъ принимается за изученіе особенностей его, наблюдаетъ за измѣнчивостью его подъ вліяніемъ температуры и вообще стремится обнаружить всѣ тѣ свойства инструмента, которыя могутъ такъ или иначе повліять на измѣряемые величины. Теоретическія и практическія указанія астрономовъ принимаются, конечно, во вниманіе при изготовленіи инструментовъ, нужныхъ и въ другихъ отрасляхъ естествознанія. Въ этомъ отношеніи Браддэй, Бессель и В. Струве оказали современной наукѣ громадные услуги.

Кромѣ чисто-научнаго значенія, нѣкоторые результаты астрономическихъ изслѣдованій имѣютъ значеніе и для обыденной, практической жизни, такъ, напр., можно указать на точность обозначенія времени и распредѣленія его, на исправность календаря, на возможность точнаго опредѣленія мѣста нахождения корабля въ открытомъ морѣ, а также географическаго положенія какой либо данной мѣстности. Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что именно Пулковской обсерваторіи мы обязаны тѣмъ, что у насъ имѣются теперь прекрасныя географическія карты Россіи. До постройки этой обсерваторіи нельзя было получить астрономическихъ опредѣленій мѣста, а потому изготовить точную карту Имперіи было невозможно. Уже одно это обстоятельство вполнѣ оправдываетъ затрату со стороны государства значительныхъ суммъ на учрежденіе обсерваторіи и поддержку ея.

Астрономическія работы на счетъ государства начались въ

Россіи только съ Петра Великаго. Онъ, первый изъ русскихъ царей, путешествуя по Европѣ, усмотрѣлъ важное значеніе этой науки и, посѣтивъ многія заграничныя обсерваторіи (между прочими и Гринвичскую, гдѣ самоллично наблюдалъ прохожденіе одной звѣзды), пожелалъ, по возвращеніи своемъ въ Россію, устроить обсерваторію въ юной столицѣ. У Великаго Царя слово и дѣло не были въ разладѣ, но преждевременная смерть этого исполина разрушила многое; однакоже, два года спустя послѣ его смерти, а именно въ 1727 г., на Васильевскомъ островѣ явилась первая руссійская обсерваторія, устройство которой вполнѣ соответствовало тогдашнимъ требованіямъ науки. Первымъ астрономомъ и директоромъ Василеостровской обсерваторіи былъ французъ Иосифъ-Николай Делиль (Joseph Nicolas de l'Isle). 5-го декабря 1747 года обсерваторія эта сгорѣла, но вскорѣ снова была отстроена и поступила въ вѣдѣніе академія *Гришова*, извѣстнаго многимъ своими сочиненіями. Гришовъ приобрѣлъ нѣсколько новыхъ инструментовъ въ надеждѣ поставить ихъ въ новой обсерваторіи, которую предполагалось выстроить, такъ какъ подновленная старая уже не удовлетворяла требованіямъ науки, сдѣлавшей въ то время громадные успѣхи. Но Гришову не пришлось даже окончить проекта новой обсерваторіи—онъ умеръ въ 1760 г. и мѣсто его занялъ *Румовскій*. Въ эпоху 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія развитіе астрономіи въ Россіи приняло значительные размѣры. Явленіе это обуславливалось двумя обстоятельствами: пріѣздомъ знаменитаго геометра Леонарда Эйлера въ С.-Петербургъ и двумя прохожденіями Венеры черезъ дискъ солнца (въ 1761 и 1769 гг.). Л. Эйлеръ, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Берлинѣ, снова поселился на берегахъ Невы и, вмѣстѣ съ сотрудниками и учениками своими—Альбертомъ Эйлеромъ (сыномъ), Крафтомъ, Лекселемъ и Фуссомъ—принялся за серьезные математическія и астрономическія работы. По поводу второго обстоятельства (прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца) въ Петербургъ и въ др. пункты Россіи пріѣхало много заграничныхъ ученыхъ. Были сдѣланы по этому необходимымъ поправки въ академической обсерваторіи. Но горячему желанію Румовскаго и другихъ—обзавестись новой, лучшей обсерваторіей, удовлетворяющей требованіямъ науки—не суждено было скоро осуществиться. Однако, это не помѣшало такимъ солиднымъ астрономамъ, какъ Румовскій, Иноходцевъ, Шубертъ, Эйлеръ, Фуссъ и Лексель, выполнить нѣсколько серьезныхъ и важныхъ астрономическихъ работъ, особенно по опредѣленію географическаго положенія нѣкоторыхъ пунктовъ въ Россіи. Въ 1798 г., когда Румовскій и Иноходцевъ не могли уже работать, а Шубертъ былъ занятъ исключительно теоретическими изслѣдованіями, академія пригласила для практическихъ астрономическихъ работъ аббата Ганри, который, впрочемъ, скоро вышелъ въ отставку, такъ какъ оказался неспособнымъ къ этому дѣлу. Въ 1803 г. управленіе обсерваторіей было поручено Шуберту. Сотрудникомъ его былъ талантливый астрономъ *Виннескій*, который неоднократно предпринималъ давленія побѣдип съ цѣлью дать точныя астрономическія опредѣленія различныхъ пунктовъ въ Россіи. По смерти директора Шуберта, мѣсто его было предложено Виннескому, но, не смотря на всю талантливость и дѣятельность послѣдняго, Петербургская обсерваторія, вслѣдствіе устарѣвшаго своего устройства, не могла успѣшно конкурировать съ другими, заграничными. И такъ, постройка новой обсерваторіи становилась дѣломъ необходимымъ, откладывать его было нельзя, а потому давнишнія желанія нашихъ ученыхъ осуществились и притомъ—самымъ блестящимъ образомъ.

Въ 1830 г. В. Струве (знаменитый въ то время директоръ Дерптской обсерваторіи), по возвращеніи своемъ изъ-за границы, куда онъ ѣздилъ съ научною цѣлью, имѣлъ въ декабрѣ аудіенцію у Императора Николая Павловича. На этой аудіенціи В. Струве представилъ докладъ Государю о результатѣ своей побѣдки. Государь, выслушавъ докладъ, сталъ подробно спрашивать о состояніи академической обсерваторіи. Струве откровенно высказалъ свое мнѣніе, представивъ въ надлежащемъ свѣтѣ эту обсерваторію, тогда Его Величество объявилъ, что устроитъ совершенно новую гдѣ нибудь въ окрестностяхъ столицы—дѣло необходимое. Въ октябрѣ 1833 г. указомъ Его Императорскаго Величества было повелѣно возвести новую обсерваторію, а затѣмъ составлена была коммисія изъ гг. Струве, Виннескаго, Фусса и Пиррата, подъ предсѣдательствомъ адмирала Грейга, которому и была поручена дальнѣйшая разработка вопроса по этому сооруженію. Коммисіи нужно было прежде всего опредѣлить характеръ и организацию новаго учрежденія и затѣмъ рѣшить вопросъ относительно выбора мѣста для обсерваторіи. Выборъ палъ на *Пулково*, такъ какъ мѣстоположеніе его представляло много преимуществъ въ метеорологическомъ отношеніи. 24-го февраля 1834 г. архитекторы Тонъ и Брюловъ, представили академіи проектъ новой обсерваторіи. Брюловскій проектъ былъ одобренъ и 3-го апрѣля того-же года утвержденъ. Императоромъ, причѣмъ будущимъ, первымъ директоромъ обсерваторіи въ Пулковѣ былъ назначенъ Вильгельмъ Струве. Вскорѣ послѣ того, подъ руководствомъ Брюлова, приступлено было къ закладкѣ массивно-стѣнныхъ подваловъ и фундаментальныхъ построекъ главнаго зданія. Струве отправился за-границу для заказа разныхъ обсервационныхъ инструментовъ; ему разрѣшено было не жалѣть на это денегъ; новые инструменты *должны* выйти

изъ мастерскихъ лучшихъ механиковъ и вполне удовлетворить современнымъ строгимъ требаніямъ науки. Струве, закаавъ что нужно, ревностно принялся за дѣло: онъ дѣлалъ недѣли проводилъ въ мастерскихъ механиковъ-оптиковъ, сдѣла за работой и обещая вмѣстѣ съ мастерами даже мельчайшія части инструментовъ. Инструменты оказались дѣйствительно великолѣпными. 7-го августа 1839 г. праздновалось торжественное открытіе Пулковской обсерваторіи—величайшей изъ существующихъ нынѣ обсерваторій. — Какъ тщательно, аккуратно были обдуманъ планъ постройки этого зданія во всѣхъ его частностяхъ—это лучше всего видно изъ того обстоятельства, что до сихъ поръ не понадобилось сдѣлать никакихъ сколько нибудь существенныхъ улучшеній относительно обсервационныхъ помѣщеній и самихъ инструментовъ.

Пулковская обсерваторія, называемая „Николаевской“, построена на возвышенности, около деревни Пулково, лежащей на разстояніи 17 верстъ къ югу отъ С.-Петербурга. Въ Пулково ведетъ шоссеиная дорога, составляющая продолженіе Обуховскаго проспекта. Обсерваторія состоитъ изъ главнаго зданія и нѣсколькихъ отдѣльно стоящихъ домиковъ. Въ главномъ зданіи, съ великолѣпнымъ порталомъ въ дорическомъ стилѣ, находятся три большія обсервационныя залы: восточная, западная и южная. Въ первой помѣщается одинъ только инструментъ—большой *меридианальный кругъ* (работы Репсальда въ Гамбургѣ). Инструментъ этотъ одно изъ важнѣйшихъ современныхъ астрономическихъ орудій. Обсерваторія, снабжена хорошимъ меридианальнымъ кругомъ и вѣрными часами, вмѣстѣ, можно сказать, все, что нужно имѣть для опредѣленія географическаго положенія какаго-нибудь пункта, для опредѣленія времени и мѣстоахожденія какаго-либо звѣзды. Въ западной залѣ стоятъ пассажныя инструменты и большой вертикальный кругъ (работы Эртеля въ Мюнхенѣ); въ южной помѣщается другой пассажныя инструментъ. Къ главному зданію принадлежатъ три вращающіяся башни; въ средней изъ нихъ поставленъ большой рефракторъ (телескопъ)—гордость Пулковской обсерваторіи; въ восточной башнѣ находится гелиометръ, въ западной—меньшій рефракторъ, предназначенный для занятій молодыхъ астрономовъ. Въ галереѣ главнаго зданія знаменитая библиотека Пулковской обсерваторіи (15,000 томовъ и до 30,000 диссертаций); всѣ сколько нибудь замѣчательныя сочиненія по астрономіи включены въ каталогъ ея. Въ библиотекѣ этой хранится драгоценное, почти полное собраніе манускриптовъ, оставленныхъ безсмертнымъ реформаторомъ астрономіи—Иоанномъ Кеплеромъ. Манускрипты эти, сто лѣтъ тому назадъ, были куплены Императрицей Екатериной II и переданы ею Академіи Наукъ, которая, съ своей стороны, уступила эту драгоценность Пулковской обсерваторіи. Въ библиотекѣ находятся также три тома рукописей Иоанна Мюллера, великаго астронома, умершаго въ концѣ XV вѣка. Въ томъ-же этажѣ, гдѣ южная зала, есть двѣ комнаты, изъ которыхъ одна, западная, украшенная портретами мужей, трудившихся на пользу обсерваторіи, служитъ рабочимъ кабинетомъ директору, а другая, восточная, отдана въ распоряженіе пулковскихъ астрономовъ. Обѣ эти комнаты квадратной формы, необыкновенно толстыя стѣны ихъ служатъ фундаментомъ для сводовъ, поддерживающихъ двѣ меньшія вращающіяся башни. Большая, средняя башня, стоитъ на сводѣ, который опирается на столбы такъ называемой *круглой залы*, занимающей центръ обсерваторіи. Круглая зала украшена портретами знаменитыхъ астрономовъ какъ древнихъ, такъ и современныхъ; тутъ же стоитъ бюстъ Императора Николая, а рядомъ съ портретомъ его—портретъ нынѣ царствующаго Государя. По одну сторону этой залы находится особо устроенная комната, предназначенная для хранения и проверки хронометровъ, принадлежащихъ частью обсерваторіи, частью-же присылаемыхъ сюда изъ Генеральнаго Штаба и Адмиралтейства. По другую сторону—довольно большое помѣщеніе для склада инструментовъ и разныхъ механическихъ приспособленій, въ которыхъ въ данное время не представляется надобности.

Въ западномъ флигелѣ главнаго зданія находятся: квартиры секретаря, архивъ, канцелярія и телеграфная камера. Подвалъ подъ „Круглой залой“ служитъ также научнымъ цѣлямъ: тамъ поставлены *нормальные* часы, которые, вслѣдствіе постоянно одной и той же температуры въ подвалѣ, должны идти правильно, вѣрнѣе самыхъ лучшихъ провѣренныхъ часовъ. Въ одной изъ пристроекъ обсерваторіи помѣщается мастерская механика, гдѣ производится не только починка инструментовъ, но и изготовленіе новыхъ, превосходныхъ астрономическихъ орудій. Мастерскою этою завѣдуетъ въ настоящее время механикъ Гербстъ, который несмотря на свои весьма ограниченныя средства, отпирывалъ генералу Черняеву въ подарокъ три подзорныя трубы и бинокль, приспособленный къ военнымъ цѣлямъ. Въ другихъ домикахъ стоятъ инструменты меньшихъ размѣровъ, предназначенные для специальныхъ цѣлей, а также для практическихъ занятій молодыхъ астрономовъ. Въ этой богатой коллекціи инструментовъ есть и физическіе, какъ напр., фотометры, гелиографы, аппараты для спектральнаго анализа и т. п.

Въ двухъ большихъ флигеляхъ устроены обсерваторіи меньшихъ размѣровъ: на одной изъ нихъ работаютъ офицеры геодезическаго отдѣленія Военной Академіи Генеральнаго Штаба. Высокое деревянное зданіе (100 фут. вышины), около главной обсерваторіи, принадлежащее обсерваторіи *геодезической*, служитъ башней сигналовъ во время работъ офицеровъ-геодезистовъ. Въ остальныхъ флигеляхъ устроены помѣщенія для астрономовъ, чиновниковъ и вообще служебнаго персонала обсерваторіи. Обширный паркъ, окружающій всѣ эти зданія, является не только украшеніемъ, но и необходимою принадлежностью Пулковской обсерваторіи: масса высокихъ, густыхъ деревьевъ приноситъ ей существенную пользу тѣмъ, что мѣшаетъ проникать вѣтры изъ окрестныхъ дорогъ туда, гдѣ стоятъ инструменты. Благодаря высокому мѣстоположенію и этой живой темно-зеленой стѣнѣ, воздухъ въ Пулковѣ гораздо чище, прозрачнѣе чѣмъ въ столицѣ.

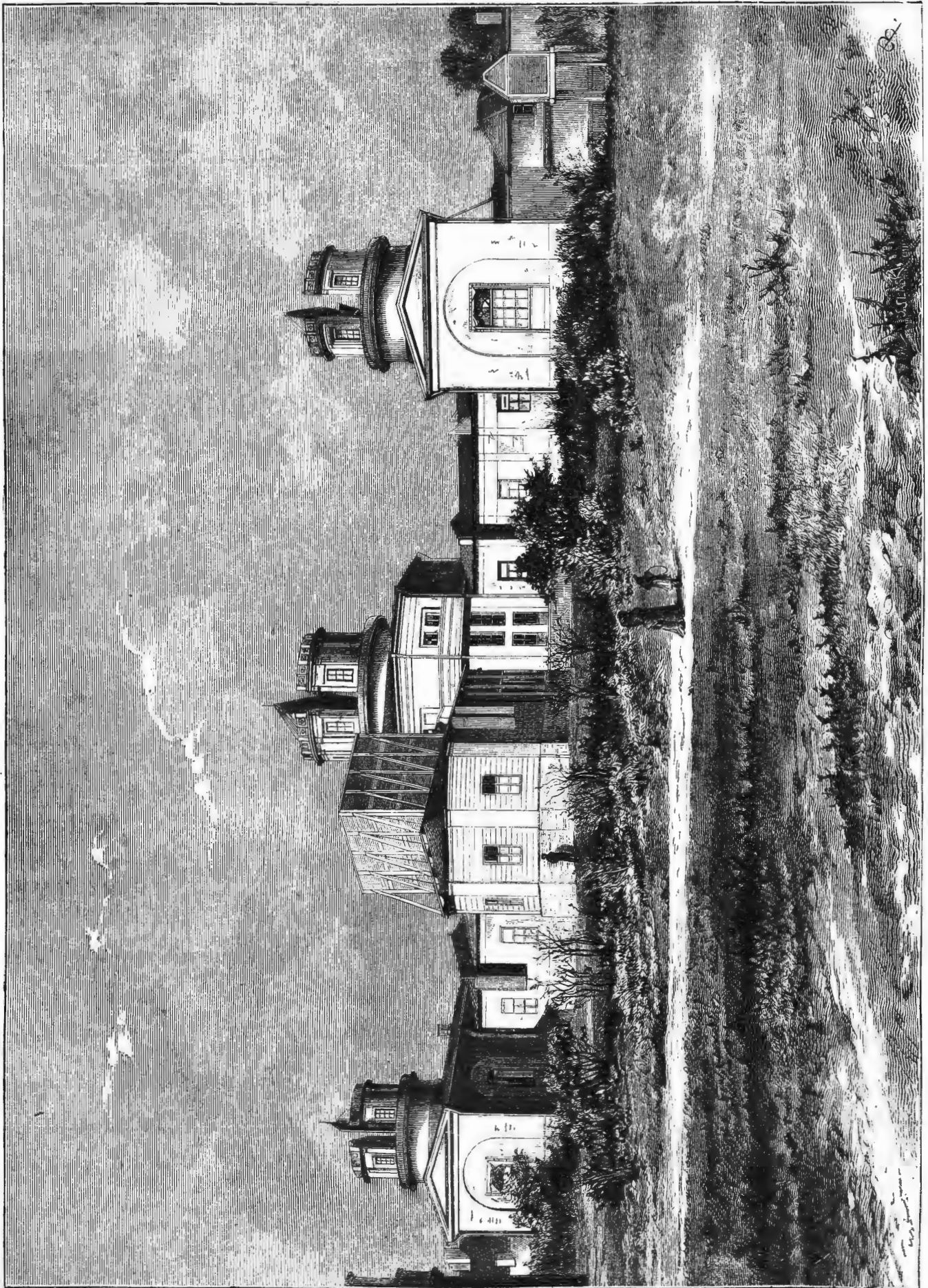
Кромѣ главнаго своего назначенія—служить чисто-научнымъ цѣлямъ, Пулковская обсерваторія исполняетъ нѣкоторымъ образомъ еще роль учебнаго заведенія: молодые ученые, по окончаніи университетскаго курса (по физико-математическому факультету), привѣзжаютъ въ Пулково, чтобы тамъ, подъ руководствомъ специалистовъ, усовершенствоваться въ наукѣ. Въ настоящее время всѣ почти мѣста астрономовъ въ Россіи заняты людьми, порабатывавшими нѣкоторое время на Пулковской обсерваторіи. Геодезисты, руководящіе обширными математико-географическими операціями въ Россіи—всѣ ученики этой обсерваторіи.

Въ административномъ отношеніи Николаевская обсерваторія находится въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и въ то же время она тѣсно связана съ Академіею Наукъ, которой предоставлено избраніе директора обсерваторіи и четырехъ старшихъ астрономовъ. По уставу 1862 г. персоналъ обсерваторіи въ Пулковѣ долженъ быть такой: 1) директоръ, 2) четыре старшихъ астронома, изъ которыхъ одинъ вице-директоръ, 3) два адъюнкты-астронома, 4) два счетчика, 5) механикъ, 6) инспекторъ, 7) секретарь и 8) врачъ.

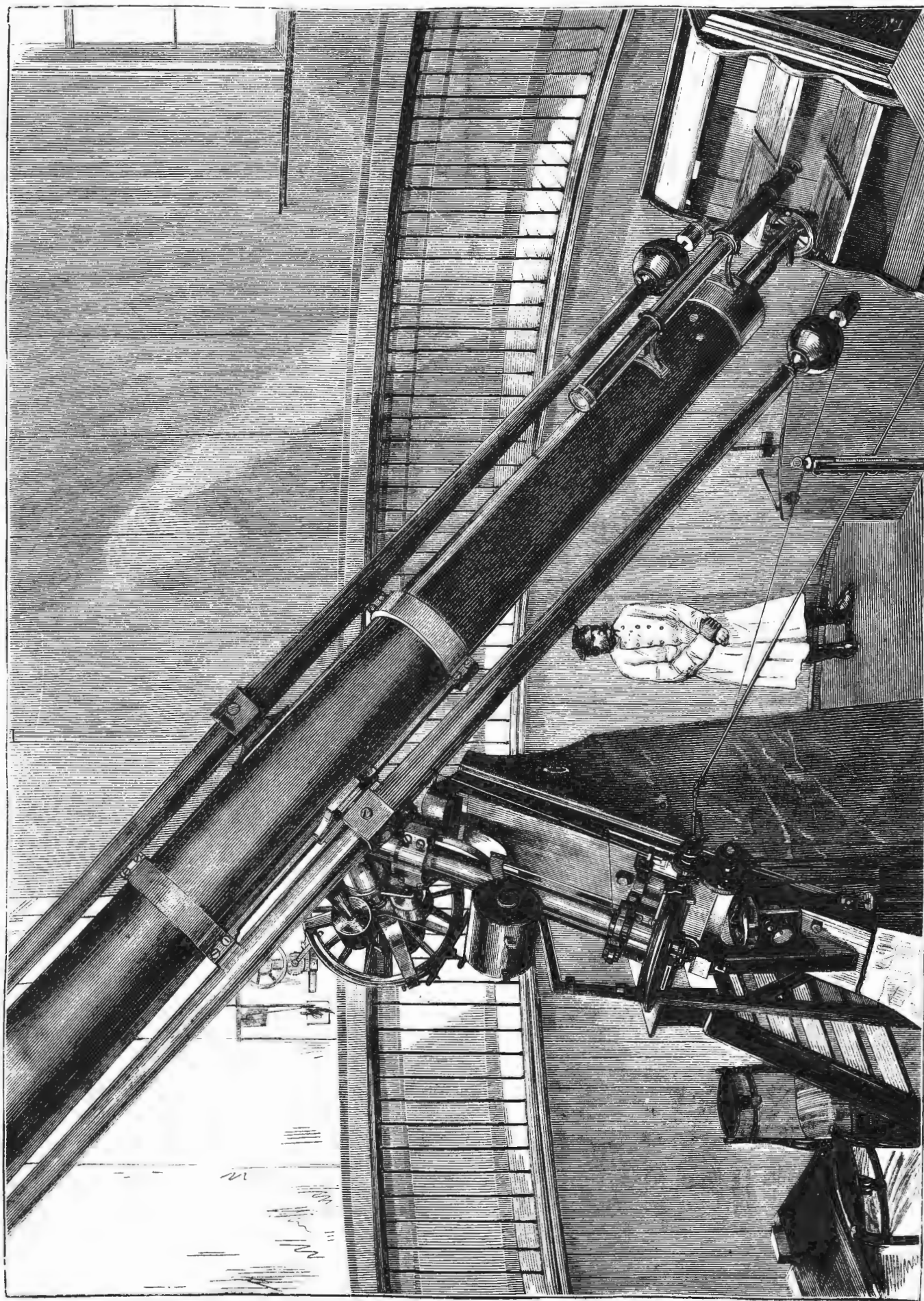
До 1862 г. директоромъ Пулковской обсерваторіи былъ самъ строитель ея—Вильгельмъ Струве (Василій Яковлевичъ). Въ 1858 г., когда онъ опасно заболѣлъ, обсерваторіей временно управлялъ сынъ его—Оттонъ Струве, вице-директоръ, котораго Академія Наукъ въ 1862 г. избрала въ директоры.

Помѣщая въ настоящемъ № нашего журнала портретъ Оттона Васильевича Струве, мы подѣлимся съ нашими читателями нѣкими краткими биографическими свѣдѣніями, которыя Оттонъ Васильевичъ любезно сообщилъ намъ о себѣ. Онъ родился 25 апрѣля 1819 г. въ Дерптѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ въ мѣстной гимназіи, а затѣмъ окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ. Пробывъ сначала три года помощникомъ директора тамошней обсерваторіи, Оттонъ Васильевичъ назначенъ былъ, при основаніи Пулковской обсерваторіи въ 1839 г., вице-директоромъ послѣдней. Въ 1840 г. онъ сдалъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ надлежащій экзаменъ и, защитивъ извѣстную диссертацию свою (О движеніи солнечной системы), удостоенную впоследствии золотой медали Лондонскаго Королевскаго астрономическаго общества, получилъ отъ здѣшняго университета степень магистра астрономіи и геодезіи. Въ 1848 году молодой Струве былъ назначенъ совѣщательнымъ астрономомъ военно-топографическаго депо, а черезъ шесть лѣтъ—совѣщательнымъ астрономомъ гидрографическаго департамента. Обѣ эти обязанности онъ исполнялъ до 1862 г., когда Академія наукъ избрала его въ директоры, считая его уже своимъ членомъ съ 1852 г. Международное астрономическое общество въ 1868 г. предложило Оттону Васильевичу занять президентское кресло; предложеніе было принято, и съ тѣхъ поръ, чрезъ каждые два года, Оттонъ Васильевичъ постоянно вновь избирался президентомъ этого общества. Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ ученыхъ трудовъ его упомянемъ: объ опредѣленіи прецессіи, о большихъ хронометрическихъ экспедиціяхъ для опредѣленія долготы Пулково отъ Гринвича, Альтоны, Москвы и Варшавы, о многочисленныхъ астрономо-геодезическихъ работахъ внутри Имперіи, давшихъ главныя основанія для картографіи Россіи, объ изслѣдованіи системы Сатурна, объ опредѣленіи массъ спутниковъ Урана и Нептуна, о вычисленіи параллаксъ разныхъ звѣздъ, объ открытіи измѣненій въ туманностяхъ и пр. Главнѣйшій же и долготѣйшій трудъ Оттона Васильевича, начатый имъ еще въ Дерптѣ (1835 г.), а теперь близкій къ концу, составляютъ наблюденія и изслѣдованія двойныхъ звѣздъ, изъ которыхъ болѣе 500 открыты имъ самимъ, чрезъ посредство большаго Пулковскаго рефрактора.

Такая разнообразная и полезная дѣятельность незамедлительно доставитъ Оттону Васильевичу Струве не только высокоуважаемое положеніе въ отечествѣ, но и громкое имя въ чужомъ мѣрѣ. Всѣ почти Академіи Наукъ и ученые общества (по физико-математическимъ наукамъ) считаютъ его въ числѣ своихъ членовъ.

Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторія въ Пулковѣ. Южная сторона. Рис. съ фотогр. Подбѣльскій, грав. Шляскій.

Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторія въ Пулковѣ. Большой Рефракторъ для изслѣдованія двойныхъ звездъ. Рис. Подольскій, грав. Кононжевскій.

ДВѢ КАПЛИ ВОДЫ.

(Сцены изъ жизни петербургскихъ окраинъ).

(Продолженіе).

Василиса Евстигнѣвна не очень дружелюбно взглянула на Марью Петровну, зная, что она постоянно кочевала изъ дома въ домъ, отличалась юркостью и страстью совать всюду свой носъ.

— Что, еще не пріѣзжалъ? спросила Марья Петровна, тяжело дыша.

— Нѣтъ еще, рано, угрюмо отвѣтила Василиса Евстигнѣвна.

— А я то торопилась, чуть не бѣгомъ бѣжала—все опоздать боялась... Ухъ, Господи, уморилась совсѣмъ! Вѣдь шутка-ли, какой конецъ сдѣлала! На Обуховскомъ даже на какого-то мужчину натолкнулась, такъ лбомъ ему въ грудь и стукнулась.

— Чего жъ вы спѣшили-то такъ? иронически спросила Василиса Евстигнѣвна.

— Да все думала, что опоздаю; ну какъ, думаю, да онъ безъ меня пріѣдетъ, какъ онъ тамъ сдѣлаются?

— Да вы тутъ что-жъ такое сдѣлать можете?

— Все-же таки могу рассказать, показать.

— Господи, мудрость какая! покачивая головой сказала Василиса Евстигнѣвна. И безъ васъ бы все сдѣлалось; слава Богу и мы понятіе имѣемъ, не безголовья какия.

— Мудрости, разумѣется, большой нѣтъ, а все-таки надо знать, какъ и что. Вотъ, перво - на - перво, какое платье на Маремьянѣ Ильинишнѣ надѣто? спросила Марья Петровна, съ нѣкоторымъ торжествомъ указывая на платье Крундылевой, которая сидѣла не шевелясь и тупо поводи глазами.

— А такое, какого вы, можетъ быть, и съ роду не видывали, отвѣтила Василиса Евстигнѣвна, и матерію то назвать не умѣете.

— Не въ томъ дѣло, изъ какой матеріи, а въ томъ, что не къ лицу Маремьянѣ Ильинишнѣ.

— Такъ по вашему, какое же надо было надѣть?

— Да по моему, надо было надѣть голубое, шелковое.

— Мужчины не знаютъ толку въ матеріяхъ, замѣтила Марья Петровна.

— Какъ же, не знаютъ.

— Да знаете ли еще что, горячо заговорила Марья Петровна: иной мужчина фундаментальный, да серьезный, такъ еще и не любить, коли невѣста-то расфуфырится очень; нѣтъ, скажетъ, это ужъ не жена — франтить больно любить; шаркнетъ ножкой, да и помпай какъ звали.

— Знаемъ мы этихъ фундаментальныхъ, сказала Василиса Евстигнѣвна; всѣ они на одинъ покрой; имъ денежки надо, вотъ они что любятъ; ну, а коли невѣста богато одѣта, такъ, значить, и деньги у ней есть.

Этотъ споръ видимо начиналъ волновать Маремьяну Ильинишну; она склонялась на сторону Марьи Петровны, такъ какъ эта говорила очень горячо и съ убѣжденіемъ, и притомъ же была извѣстна своей опытностью по части устройства разныхъ торжествъ.

— Не пойдти ли мнѣ переодѣться? спросила Маремьяна Ильинишна, шевелясь на диванѣ.

— Зачѣмъ это? строго спросила Василиса Евстигнѣвна.

— Да вотъ Марья Петровна говорить.

— Пустяки! Марья Петровна сама не знаетъ, что говорить.

— Еще бы, гдѣ-жъ за вами угоняться! проворчала Марья Петровна.

— Да разумѣется, только пугаете.

— По мнѣ какъ угодно, сказала Марья Петровна тономъ смиренницы, было бы съ моей стороны сказано, чтобы потомъ попрековъ не было, что вотъ, молъ, Марья Петровна и поучить-то не хотѣла.

— Никто васъ попрекать не будетъ... Да и когда переодѣваться, сейчасъ пріѣдетъ.

— Ахъ—страшно! воскликнула Маремьяна Ильинишна, сердце замираетъ.

— Чего страшно-то? спросила тетка.

— Да какъ же, говорить съ нимъ надо.

— И совсѣмъ не надо, заговорила Марья Петровна, входя въ роль руководительницы въ семейныхъ торжествахъ: это ужъ его дѣло, потому что кавалеръ даму занимается, а не дама кавалера. Это ужъ такой порядокъ, и у большихъ господъ также ведется.

— Что намъ за господами тянуться, замѣтила Василиса Евстигнѣвна.

— Все-же оно лучше, возразила Марья Петровна: по крайности пусть видитъ, что Маремьяна Ильинишна не какая-нибудь, а дѣвица образованная, и съ благородными можетъ компанію водить.

Въ комнату вошла Ивановна своею граучей, кошачьей походкой и съ заискивающей улыбкой на исхудаломъ лицѣ. Ивановна сколько могла приварядилась и даже надѣла бѣлый коленкоровый чепчикъ.

— Что-жъ, сваха любезная, гдѣ пропадала такъ долго? обратилась къ Ивановнѣ Марья Петровна.

— Здравствуйте, милыя мои, все ли по добру, по здорову? проговорила Ивановна, кланяясь присутствующимъ.

— Женихъ-то скоро пріѣдетъ? спросила Марья Петровна.

— Скоро, матушка, скоро, я сію минуточку отъ него.. Что Маремьяна Ильинишна, готовы ли, родная моя.

— Готова, отвѣчала Маремьяна Ильинишна.

— И слава Богу; дай Господи благополучно.

— Ты говорила ему, что у Маремьяны Ильинишны губа-то... спросила Марья Петровна.

— Говорила, матушка, говорила. Что-жъ скрывать-то, вѣдь и самъ увидитъ.

— Что-жъ онъ?

— Ничего. Мнѣ, говорить, не съ губой жить, а съ челоуѣкомъ. Одно слово, отличный баринъ, за нимъ жить и горя не знать. Ужъ я Маремьянѣ Ильинишнѣ худого бы не посоветовала.

— Никакъ кто-то подѣхалъ, сказала Василиса Евстигнѣвна.

Ивановна и Марья Петровна подбѣжали къ окну.

— Мужчина какой-то, сказала Марья Петровна, не женихъ-ли ужъ?

— Онъ и есть, удостовѣрила Ивановна.

— Господи, помилуй меня грушную! воскликнула Маремьяна Ильинишна и перекрестилась.

— Усаживайтесь, усаживайтесь, Маремьяна Ильинишна, засуетилась Марья Петровна. Да какъ войдетъ, такъ вы не очень съ нимъ раскланивайтесь, а такъ только головкой мотните. А вы сюда сядьте, Василиса Евстигнѣвна.

— Ужъ, меня, пожалуйста, не учите, и безъ васъ найду мѣсто, гдѣ сѣсть, отгрызнулась Василиса Евстигнѣвна.

— Какъ угодно; съ моей стороны было бы сказано.

Вошелъ Александръ Матвѣевичъ. На немъ былъ надѣтъ бѣлый жилетъ и бѣлыя перчатки, въ рукахъ онъ держалъ лоснящійся цилиндръ, голова была напомажена и завита. Однимъ словомъ, явился во всеоружіи жениха, желающаго плѣнить богатую невѣсту.

— Честь имѣю рекомендоваться: Александръ Матвѣевичъ Мионовъ.

Маремьяна Ильинишна не пошевелилась. Василиса Евстигнѣвна молча поклонилась, и только Марья Пе-

тровна, какъ свѣтская дама, съ пріятностью произнесла:

— Пріятно-съ, очень пріятно-съ... А вотъ-съ и Маремьяна Ильинишна, прибавила она, указывая на Крупдылеву, которая сидѣла неподвижно.

— Гм... промычать Александръ Матвѣвичъ и потомъ прибавилъ:

— Позвольте познакомиться, очень быль бы счастливъ,—если бы могъ надѣяться заслужить ваше расположение.

Со стороны Маремьяны Ильинишны отвѣта не послѣдовало.

— Покорнѣйше прошу садиться, сказала Марья Петровна.

Александръ Матвѣвичъ сѣлъ, бросая взгляды на невѣсту. Въ комнатѣ царствовало молчаніе.

— Очень хорошая сегодня погода, началъ Александръ Матвѣвичъ.

— Да-съ, прекраснѣйшая, сказала Марья Петровна съ свойственною ей любезностью.

— Какая-же хорошая? цѣлое утро дождикъ моросилъ, замѣтила Василиса Евстигнѣвна.

— Да, утрожь, а теперь дождя нѣтъ.

Разговоръ изсякъ, всѣ замолчали.

— Вы чиновникъ? спросила Марья Петровна, нарушая молчаніе.

— Чиновникъ.

— А гдѣ служить изволите?

— Я-то? затруднился Александръ Матвѣвичъ, но сейчасъ же нашолся и смѣло проговорилъ:

— Да теперь служу въ экспедиціи...

— Такъ-съ.

— Господи, какихъ только должностей нѣтъ! со вздохомъ замѣтила Василиса Евстигнѣвна.

— Да, ваша правда, всякія есть.

Снова хотѣло воцариться молчаніе, но Марья Петровна не допустила до этого.

— Извините-съ, позвольте спросить, большое жалованье изволите получать? спросила она.

— Да, порядочное, развязно отвѣтилъ Александръ Матвѣвичъ; а вотъ скоро буду получать еще больше.

— Такъ-съ.

На этомъ разговоръ и пресѣкся. Марья Петровна, какъ женщина смѣтливая и знающая свое дѣло, стала дѣлать Василисѣ Евстигнѣвнѣ знаки, что надо, мотъ, выйти изъ комнаты. Какъ ни неприятно было почтенной женщиной повиноваться какой-нибудь Марьѣ Петровнѣ, но дѣлать было нечего. Василиса Евстигнѣвна встала.

— Извините-съ... начала Марья Петровна. Нмя и отчество не имѣю удовольствія знать.

— Александръ Матвѣвичъ.

— Извините, Александръ Матвѣвичъ, намъ вотъ съ Василисой Евстигнѣвной надо кое-чѣмъ по хозяйству заняться.

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь.

Марья Петровна, Василиса Евстигнѣвна и Ивановна вышли изъ комнаты. Александръ Матвѣвичъ и Маремьяна Ильинишна остались одни. Послѣдняя сидѣла, нешевелясь, точно она замерла; глаза были опущены внизъ и только иногда изподлобья взглядывали на Александра Матвѣвича и сейчасъ снова опускались, какъ только встрѣчались съ его глазами. Александръ Матвѣвичъ тоже посматривалъ на невѣсту и чувствовалъ себя очень неловко, какъ оттого, что она была очень некрасива, такъ и оттого, что она не подавала никакого признака жизни.

— У васъ очень хорошенькій домикъ, началъ, наконецъ, Александръ Матвѣвичъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія. И на хорошемъ мѣстѣ стоитъ — ихъ, никакого ни шума, ни стука, точно въ деревнѣ. Александръ Матвѣвичъ замолчалъ и ждалъ отвѣта;

Маремьяна Ильинишна не издала ни малѣйшаго звука.

Александръ Матвѣвичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— У васъ, вѣрно, зубы болятъ?

И не дождавшись отвѣта продолжалъ.

— Это несносная болѣзнь. Кажется, что такое зубъ,—пустяки, вздоръ, а вѣдь какъ иной разъ измучить человѣка, хуже всякой серьезной болѣзни.

Но и это не подѣйствовало—Маремьяна Ильинишна продолжала изображать невозмутимую статую.

Александръ Матвѣвичъ нетерпѣливо завертѣлся на стулѣ.

„Что-жь это она не отвѣчаетъ-то ничего?“ подумалъ онъ.

И опять попытался завести разговоръ.

— У васъ есть родственники какіе-нибудь? спросилъ онъ.

Нѣтъ отвѣта. Александръ Матвѣвичъ крикнуть и продолжалъ:

— Скучно жить на свѣтѣ одному; лучше, какъ есть близкій человѣкъ, съ которымъ можно раздѣлить и радость и горе и, разумѣется, состояніе, у кого оно есть. По моему мнѣнію зачѣмъ и деньги, когда не съ кѣмъ ими подѣлиться; знаете, и въ нѣспѣ поется: „Есть много золота, серебра, но съ кѣмъ ихъ раздѣлить“. Согласны вы со мной?

„Да что она нѣмая, что ли?“ подумалъ Александръ Матвѣвичъ, не получивъ и на этотъ разъ никакого отвѣта.

Онъ нѣсколько времени внимательно смотрѣлъ на невѣсту, не понимая, что съ ней происходитъ и чувствуя себя въ очень затруднительномъ положеніи.

— Эти дамы, которыя сейчасъ здѣсь были, ваши родственники или такъ знакомы? началъ опять Александръ Матвѣвичъ.

Маремьяна Ильинишна повела только глазами.

Александръ Матвѣвичъ вскочилъ со стула и началъ нетерпѣливо ходить по комнатѣ.

„Вотъ бѣда! думалъ онъ. Какое однако дурацкое положеніе... Развѣ приступить прямо къ дѣлу? что бобыто разводитъ“.

И Александръ Матвѣвичъ рѣшительно подошелъ къ Маремьянѣ Ильинишнѣ.

— Вамъ, разумѣется, извѣстно, зачѣмъ я къ вамъ пріѣхалъ, сказалъ онъ. Извѣстно?.. Да говорите, ради Бога!... Ну, положимъ, неизвѣстно; такъ я вамъ скажу, что желаю сочетаться законнымъ бракомъ, имѣть, такъ сказать, подругу въ моей многотрудной жизни, и пріѣхалъ посмотрѣть, не можете ли вы быть этой подругой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и себя показать. По осмотру оказалось, что вы можете быть моей подругой, теперь остается узнать, какъ вы находите мою особу... А?... Нравлюсь я вамъ?

Но Маремьяна Ильинишна продолжала хранить молчаніе, только тяжелѣе стала дышать—ужь очень приставалъ къ ней Александръ Матвѣвичъ, да и уставать стала отъ сидѣнья въ одномъ положеніи.

Александръ Матвѣвичъ опять заходилъ по комнатѣ.

„Вотъ несчастіе! сердился онъ про себя. Что тутъ дѣлать? Эхъ, была не была, выкину я штуку!...“

И Александръ Матвѣвичъ, быстро подошелъ къ Маремьянѣ Ильинишнѣ.

— Щекотки боитесь? сказалъ онъ, угрожая ее пощекотать.

Маремьяна Ильинишна громко взвизгнула.

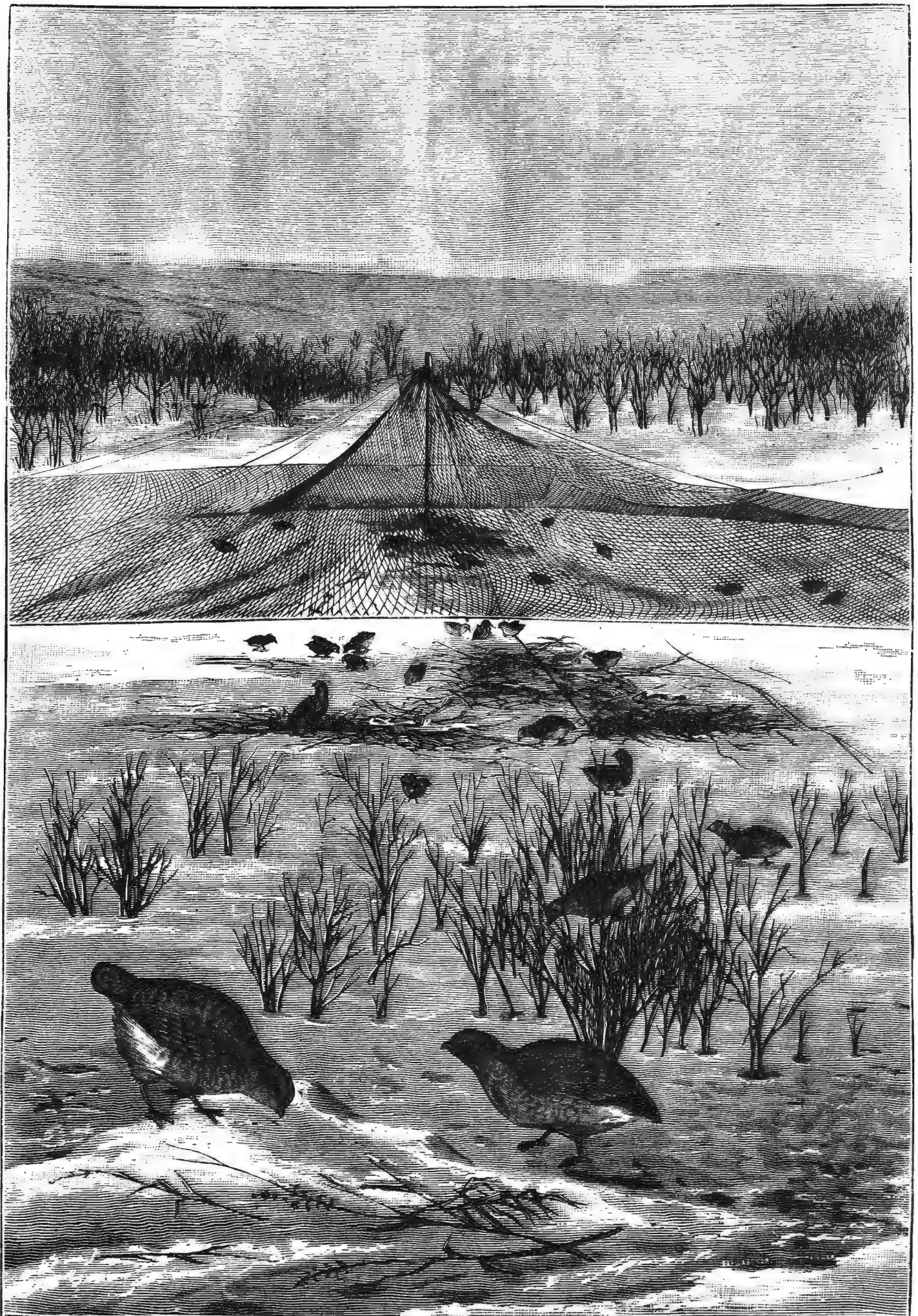
Марья Петровна, Василиса Евстигнѣвна и Ивановна, испуганнымъ крикомъ, вбѣжали въ комнату.

— Что, что такое? затараторила Марья Петровна.

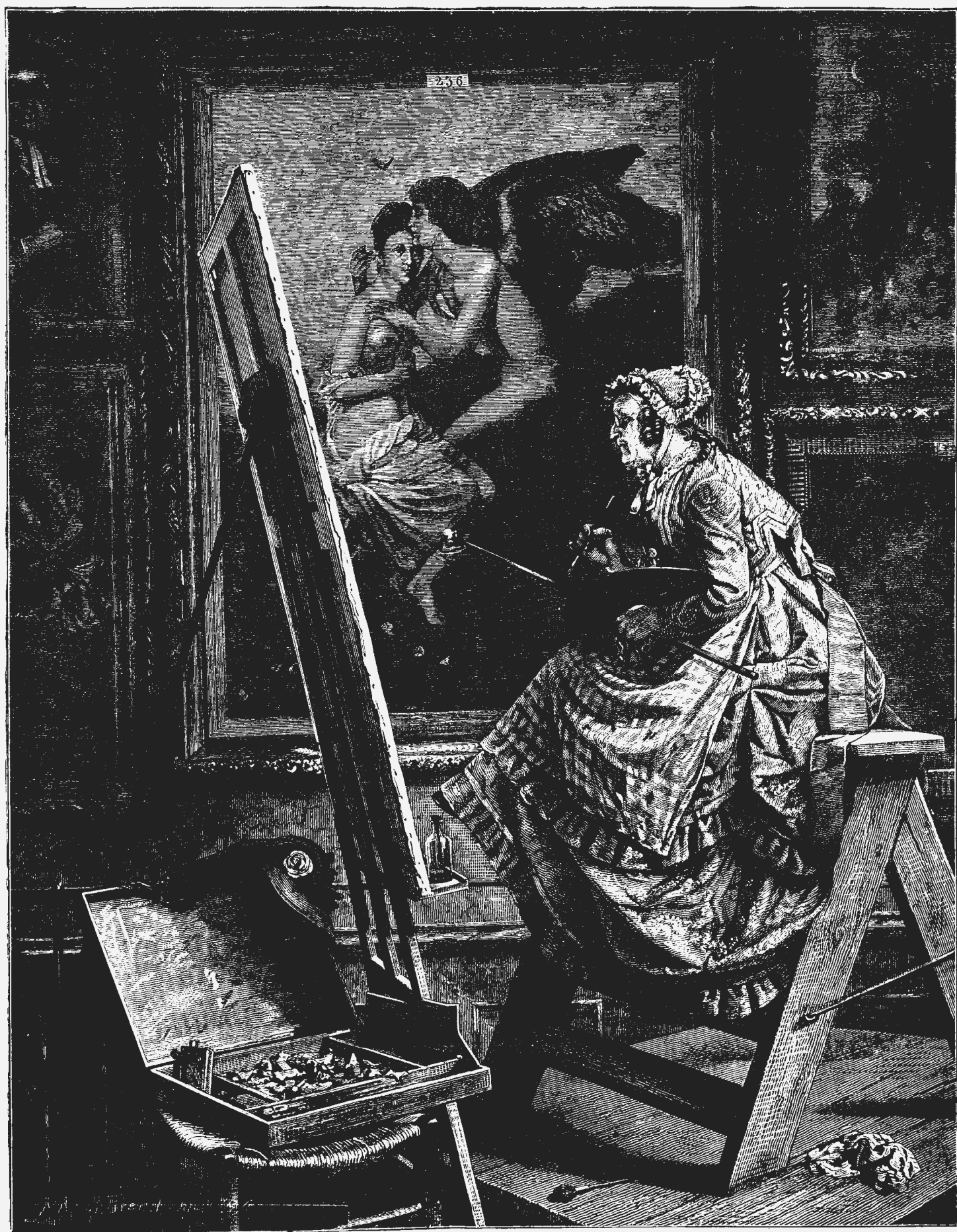
— Ничего, это такъ, отъ полноты чувствъ, отвѣчалъ Александръ Матвѣвичъ.

— А мы перепугались, думали не случилось ли чего.

— Все благополучно; мы объясняемся...

Зимняя ловля куропатокъ сѣтью. Съ наброска Мордвинова, рис. Ваньюра.
Библиотека "Руниверс"

Мечты, мечты! Где ваша сладость?
(А. Пушкинъ).

Картина Э. Шульца, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

— Объяснитесь, объяснитесь... мы не мѣшаемъ.

И въѣхавшія дамы снова удалились.

„А вотъ она губа-то, подумалъ Александръ Матвѣвичъ, смотря на невѣсту, которая отъ испуга и руку отъ лица отняла.—Некрасиво... ну, да ничего: домъ-то вѣдь это ее собственный!

— Такъ скажите-же, благо заговорили, правлюсь и я вамъ или пѣтъ? обратился онъ къ невѣстѣ.

— Да-съ.

— Правлюсь?

— Да-съ.

— И вы согласны за меня замужъ выйдти?..

— Да-съ.

— Ну вотъ и все, больше ничего и не требуется. Позвольте же поблагодарить васъ за снисхожденіе. Этотъ домъ принадлежитъ собственно вамъ однимъ, больше никому?

— Никому.

— Доходъ онъ приносить?

— Какой доходъ! вдругъ разговорилась Маремьяна Ильинишна. Домъ маленькій—всего триста рублей въ годъ.

— Немного; ну, со временемъ мы съ вами приду-маемъ, что сдѣлать, чтобы увеличить доходъ; я въ этомъ толкъ знаю, да и счастливъ всегда быть, что ни пред-приму, все удастся. А капиталъ есть у васъ?

— Есть.

— Сколько?

— Восемь тысячъ.

— Восемь тысячъ! воскликнулъ Александръ Матвѣвичъ. — Знаете что?... позвольте узнать имя и отче-ство.

— Маремьяна Ильинишна.

— Чѣмъ больше смотрю на васъ, Маремьяна Ильинишна, тѣмъ болѣе нахожу, что вы достойны полнаго уваженія. Вы—дѣвица, существо, такъ сказать, неостепенившееся, вѣтреное, и вдругъ скопили восемь ты-сячъ.

— Мнѣ тятенька оставилъ.

— Ну и все таки вы ихъ не растратили, сберегли!

— Ахъ, какъ можно растратить! я очень бережлива.

— И хорошо дѣлаете: бережливость—это-съ хоро-шо-съ!... Такихъ дѣвицъ, какъ вы, не часто можно встрѣ-тить. Не даромъ же я съ перваго раза почувствовалъ къ вамъ влеченіе. Я какъ увидѣлъ васъ, такъ меня къ вамъ и потянуло.

— Ахъ, что выдумали! жеманно проговорила Маремьяна Ильинишна.

— Ей Богу! Вы думаете что если у васъ губа не-много... тово... такъ вѣдь, ей Богу-съ, повѣрьте... это для меня все-равно...

Невѣста помолчала, вздохнула и вдругъ торопливо спросила:

— А вы воровъ боитесь?

— Что-жъ ихъ бояться.

— А я такъ ужасно, какъ боюсь; я вотъ и замужъ-то хочу выйдти больше потому, чтобы мужчина въ до-мѣ былъ, чтобы не такъ ужъ страшно было; а вѣдь иной разъ глазъ не сомкнешь цѣлую ночь отъ страху.

— Повѣрьте, что я буду защищать васъ до послѣд-ней капли, торжественно объявилъ Александръ Матвѣ-вичъ.—У меня есть кинжалъ, пистолеть, ружье еще кунюл. Такъ вы согласны принять мою руку и сердце?

— Да-съ... я согласна...

— Такъ, значитъ, мы женихъ и невѣста?

— Да-съ.

Александръ Матвѣвичъ подошелъ къ двери и, ши-роко отворивъ ее, провозгласилъ:

— Пожалуйте, мы все переговорили.

Вошли Марья Петровна, Василиса Евстигѣевна и Ивановна.

— Поздравьте!

— Поздравляю, поздравляю, заторопилась Марья Пе-тровна, и въ качествѣ свѣтской женщины подала руку жениху и невѣстѣ.

— Дай Богъ совѣтъ да любовь, сказала Василиса Евстигѣевна.

— Поздравляю васъ, Маремьяна Ильинишна... Поз-дравляю, милый баринъ, говорила Ивановна, подходя къ жениху и невѣстѣ и низко кланяясь.

— Надо бы теперь шампанскаго выпить, сказалъ Александръ Матвѣвичъ.

— При такихъ случаяхъ всегда шампанское пьютъ, вмѣшалась Марья Петровна; это ужъ такъ заведено; для этого самаго и вино это французы выдумали!

— Ну, дѣлать нечего, со вздохомъ проговорила Ма-ремьяна Ильинишна. Пойдемъ, Ивановна, я деньги дамъ; сходи ужъ ты, ты потолковѣ будешь Авдотьи-то.

— Схожу, матушка, схожу, съ моимъ удовольствіемъ, отвѣтила Ивановна и поплелась за Маремьяной Ильи-нишной.

— А, кажется, Маремьяна-то Ильинишна дѣвица раз-счетливая? освѣдомился Александръ Матвѣвичъ.

— Кто-жъ свои деньги не бережетъ, сказала Васи-лиса Евстигѣевна; начнешь бросать туда да сюда, такъ и ничего не останется.

— Совершенно справедливо, согласился Александръ Матвѣвичъ; проживать легко, а наживать трудно.

— Ну, и непривычка еще, какъ и что куда слѣдуетъ. прибавила съ своей стороны Марья Петровна.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вплыла Ма-ремьяна Ильинишна, а за нею Ивановна съ подпосомъ въ рукахъ, на которомъ стояла бутылка шампанскаго и нѣсколько бокаловъ, отысканныхъ въ грудѣ хранившей-ся посуды.

Начались поздравленія и разныя благія пожеланія. Такимъ образомъ Александръ Матвѣвичъ приобрѣлъ то, что желалъ—богатую невѣсту, а Маремьяна Ильи-нишна—защитника отъ воровъ. На другой день въ до-микѣ Маремьяны Ильинишны была мать жнниха вмѣ-стѣ съ нимъ; невѣста и ей поправилась.

— Ничего, Саша, что у ней губа такая... Она скром-ная и расчетливая: будешь жить въ довольствѣ...

Такъ говорила мать сыну, возвращаясь съ нимъ отъ невѣсты.

Сынъ вздохнулъ и промолчалъ. Ему было не совѣмъ пріятно извѣстіе, переданное невѣстой, о томъ, что деньги восемь тысячъ хранятся въ госуд. банкѣ и при томъ еще въ именномъ билетѣ; но онъ еще не терялъ надежды, быть главой въ домѣ жены, нетерялъ пото-му, что видѣлъ пока въ ней весьма застѣчивую и про-стодушную женщину.

Черезъ мѣсяцъ была свадьба. Послѣ свадѣбы Але-ксандръ Матвѣвичъ съ матерью переселились въ домъ новобрачной.

III.

Прошло три мѣсяца послѣ женитьбы Александра Мат-вѣвичъ на Маремьянѣ Ильинишнѣ. Нельзя сказать, чтобы они были очень пріятны для новобрачнаго—на-дежды его не исполнились, исключая одной, что онъ не умеръ съ голоду. Это была единственная выгода, ко-торую онъ приобрѣлъ, жениась на богатой невѣстѣ.

Мы застаемъ Александра Матвѣвича, рассказываю-щаго по комнатамъ. Выраженіе лица не доказываетъ хо-рошаго расположенія духа.

„Скверное дѣло!... раздумываетъ онъ.—Вотъ еще го-ворять, что если молодой человѣкъ женится на стару-хѣ, такъ онъ можетъ изъ нея веревки вить; нѣтъ, изъ моей не совьешь, не такой комплекціи; бревно, пожа-луй, выйдеть, если пообтесать немного, а ужъ веревка нѣтъ... Зачѣмъ же я въ такомъ случаѣ женился на ней? Вотъ тебѣ и капиталъ въ восемь тысячъ! Мнѣ его и поюзать не удалось, не только что попользоваться“.

Въ комнату вошла Маремьяна Ильинишна и прервала невеселыя размышления своего супруга. Видъ она имѣла сердитый, раздраженный. Александръ Матвѣвичъ продолжалъ ходить, не обращая никакого вниманія на вошедшую супругу.

— Вы сколько-же это денегъ-то истратили? строго спросила Маремьяна Ильинишна.

— Сколько надо, столько и истратилъ, отвѣтилъ Александръ Матвѣвичъ, не прекращая своей прогулки.

— Вотъ то-то и есть, что не сколько надо.

— Какъ же это такъ?

— Да такъ; по моему счету двадцати трехъ копѣекъ не хватаетъ.

— Ну, этого быть не можетъ.

— Чего не можетъ быть, когда я сама считала.

— Вѣрно плохо считали, равнодушно замѣтилъ Александръ Матвѣвичъ, мѣряя шагами комнату отъ угла до угла.

— Ну, ужъ это позвольте, не хуже васъ сосчитаю, даромъ что вы чиновникъ, крикнула обиженная Маремьяна Ильинишна.—Я три раза пересчитала, все тоже выходитъ.

— Четвертый разъ пересчитайте.

— Ну какъ же, буду я для васъ по десяти разъ считать? Я вамъ говорю, что двадцати трехъ копѣекъ не хватаетъ.

— Куда я ихъ дѣлъ по вашему? спросилъ Александръ Матвѣвичъ, остановившись передъ женой.

— Я почему знаю.

— Ну то-то и есть; значить, нечего и говорить пустяковъ; а вы лучше посчитайте-ка еще разъ.

— Да чего еще считать-то, коли я ужъ и такъ три раза считала? Ну считай самъ. Голова сахару въ двѣнадцать фунтовъ по двадцати копѣекъ—два рубля сорокъ копѣекъ.

— Ну, два рубля сорокъ копѣекъ.

— Да два фунта кофею по четвертаку—полтинникъ; значить, будетъ два рубля девять гривенъ.

— Ну дальше.

— Да цинорію два фунта по пятачку—гривенникъ, всего будетъ три рубля. Такъ-ли по твоему?

— Продолжайте.

— Да четвертку чаю въ полтинникъ; значить, будетъ три съ половиной. Вотъ и все.

— Нѣтъ, позвольте, не все; а за извозчика двадцать копѣекъ.

— За какого извозчика? спросила Маремьяна Ильинишна, удивленно уставивъ глаза на мужа.

— Такъ что-жъ по вашему, цѣлыхъ почти полнуда я на синѣхъ погачу?

— Эка, подумаешь, тяжесть кака!

— А не тяжело, такъ и таскайте сами.

— А ты что-же станешь дѣлать? Ваклуши бить?

— Я исправляю должность вашего мужа.

— Что-жъ, развѣ мужа ничего и не дѣлаютъ.

— Другіе мужа — другая и статьи — для нихъ и жены другія... сказалъ Александръ Матвѣвичъ и опять принялся шагать по комнатѣ.

— Пожалуйста безъ комплиментовъ! петрибливо крикнула Маремьяна Ильинишна, махнувъ рукой: ну двуривенный на извозчика истратилъ, а три-то копѣйки гдѣ?

— Какія еще три копѣйки?

— Ну какія извѣстно, мѣдныя. Вѣдь я тебѣ пять рублей дала.

— Совершенно справедливо.

— Значить, ты долженъ былъ полтора рубля сдачи принести.

— А извозчикъ?

— Ну двугривенный скинуть, будетъ рубль тридцать копѣекъ, а ты мнѣ отдалъ рублевую бумажку, двугри-

венный, пятакъ да двѣ копѣйки, значить, трехъ копѣекъ не хватаетъ.

— Ну ужъ не знаю.

— Поищи въ карманахъ-то, можетъ быть, тамъ какъ нибудь завалились.

Александръ Матвѣвичъ сталъ рыться въ карманахъ, но ничего не нашель; наконецъ, вывернуть всѣ карманы и все таки трехъ копѣекъ не оказалось.

— Видите ничего нѣтъ; сказалъ онъ, показывая свои вывороченные карманы.

— Куда-жъ онѣ дѣвались?

— А кто ихъ знаетъ!

— Какъ-же это?

— По крайней мѣрѣ, я не знаю; можетъ быть, и лавочникъ обсчиталъ.

— Такъ, поди, вытребуй отъ него.

— Что-съ? спросилъ Александръ Матвѣвичъ, вытираивъ глаза на жену.

— Къ лавочнику сходи, да вытребуй у него три копѣйки, которыя онъ тебѣ не додалъ.

— Это за три-то копѣйки идти Богъ знаетъ куда.

— А что-жъ такое?

— Нѣтъ ужъ, покорно благодарю. Прогуляйтесь сами, это вамъ здорово.

— Да ты что-жъ это, изъ ума, что-ли, выжилъ? накинулась Маремьяна Ильинишна на мужа.—Не принесъ трехъ копѣекъ, да и знать ничего не хочетъ, точно такъ и надо.

— Что-жъ мнѣ изъ-за трехъ-то копѣекъ плакать, что-ли?

— Знаю, что тебѣ не жаль, не твои вѣдь деньги-то. Ты вѣдь на словахъ только большое жалованье получалъ, а на дѣлѣ-то вышло, что тебя и со службы-то выгнали.

— Не выгнали, а за штатомъ оставили.

— Ну это все одно; значить, не годишься никуда, коли отставили.

— Если вы чего не понимаете, такъ лучше о томъ и не говорите.

— Гдѣ намъ понимать! Поди-ка мудрость кака. По моему тутъ и понимать-то нечего; ты больше ничего какъ прощальга, а не чиновникъ—вотъ и понятіе все.

— Вы что-жъ такое о себѣ воображаете? Что вы красавица, что-ли, кака неписаная? что вамъ и титулъ принеси, да еще и денегъ дай? Это ужъ много будетъ, довольно того, что я вамъ титулъ предоставилъ, а деньги ужъ ваши должны быть.

— Какой такой титулъ ты мнѣ предоставилъ?

— Развѣ вы теперь купчиха? сказалъ съ нѣкоторой важностью Александръ Матвѣвичъ, остановившись передъ женой и заложивъ руки за спину.—Вы теперь жена титулярнаго совѣтника.

— Что мнѣ твое совѣтничество! отрѣзала раздраженная супруга.

— Вѣдь вы теперь дама; понимаете-ли? благородная дама.

— Важное дѣло!

— Да вѣдь вамъ никогда и не спилось сдѣлаться когда нибудь благородной дамой.

— Эка невидаль кака!

— Да вѣдь вамъ что, сказалъ Александръ Матвѣвичъ, махнувъ рукой и отходя отъ жены.—Вамъ только деньги и дороги; вамъ дай мѣшокъ денегъ, вы и будете сидѣть на немъ, какъ насѣдка; а что касается возвышенныхъ чувствъ, то вы объ этомъ и понятія не имѣете, потому что образованія никакого не получили.

— Какая есть, такая и есть. А ты теперича отъ меня ни копѣйки не получишь, потому что ты транжирникъ; лучше ужъ кухарку пошлю, а гебѣ ужъ ничего не поручу—вотъ тебѣ и весь сказъ.

И Маремьяна Ильинишна съ чувствомъ достоинства и сознанія своей власти вышла изъ комнаты.

Александръ Матвѣвичъ остановился и изумленно смотрѣлъ вслѣдъ ухидившей супруги.

„Каково! подумалъ онъ, когда Маремьяна Ильинишна исчезла за дверью. — Изъ-за трехъ-то копѣекъ какъ раскололи! Вотъ тебѣ и капиталъ, вотъ тебѣ и домъ!... Лакеемъ лучше быть, чѣмъ такимъ мужемъ, какъ я; лакей, но крайней мѣрѣ, жалованье получаетъ, всегда деньги свои имѣетъ, а тутъ табаку четвертку надо купить и то иди просить... Что мнѣ съ ней дѣлать? Одно средство — воровать у неѣ деньги, больше ничего не остается.

Раздумье Александра Матвѣвича опять было прервано приходомъ какого-то господина очень бѣдно одѣтаго, съ небритой бородой.

— Добраго здоровьясь, обратился онъ къ Александру Матвѣвичу.

— Мое почтеніе. Что вамъ угодно?

— По дѣлу-сь.

— По какому дѣлу?

— На счетъ денеженокъ-сь.

— Какихъ денеженокъ?

— Вы изволите быть должны господину Птичкину.

— Къ сожалѣнію, это правда, сказалъ Александръ Матвѣвичъ, опуская голову.

— Такъ векселью срокъ скоро будетъ, да еще проценты за прошедшій мѣсяцъ вы не внесли!

— И это правда, хотя горькая, но все таки правда; впрочемъ, правда, кажется, всегда бываетъ горька.

— Такъ вотъ господинъ Птичкинъ поручилъ мнѣ узнать, когда вы можете заплатить, продолжалъ незнакомецъ, не желая, какъ дѣловой человѣкъ, поддерживать философскія размышленія Александра Матвѣвича.

— Вы его родственникъ? ни съ того, ни съ другого спросилъ Александръ Матвѣвичъ.

— Нѣтъ-сь, повѣренный.

— Пріятно познакомиться съ человѣкомъ, который пользуется чѣмъ нибудь довѣріемъ. Хотя ихъ и много нынче появилось, выпло, такъ сказать, изъ мрака

Домашній бытъ въ Абхазіи. Рис. Мукаровскій, грав. Яссь.

неизвѣстности, но мнѣ не удавалось встрѣчаться съ ними.

— Такъ какъ-же насчетъ долга, когда изволите упла-

тить?

— Да мнѣ взять ихъ не откуда?

— Какъ не откуда-сь? Домикъ свой изволите имѣть,

питалець не рассчитывайте, потому что ни тотъ, ни другой не мои.

— Супруги вашей—вѣдь это все равно.

— Совсѣмъ не все равно; я не хочу жить на счетъ жены и ея деньгами уплачивать свои долги — это неблагородно, съ достоинствомъ сказалъ Александръ Матвѣвичъ.

— Позаимствоваться у нихъ можете, убѣждаю повѣренный. Своему человѣку тогда будете должны, а не чужому; супруга ваша, вѣрно вамъ не откажетъ.

— Разумѣется, не откажетъ, да я самъ не хочу.

— Напрасно-сь. Мой совѣтъ — раздѣляйтесь скорѣе съ Птичкинымъ; а то что хорошаго? Не заплатите въ срокъ — въ долговое посадить.

— Неужели посадить?

— Это непременно; онъ на этотъ счетъ очень строгъ; снисхожденія никакого не сдѣлаетъ.

— Это скверно

— Чего хуже, согласился повѣренный. Полагаю, что и вашей супругѣ это будетъ большое огорченіе; лучше постарайтесь заплатить.

— Постараюсь.

— Я такъ и передамъ г. Птичкину, оно и мнѣ-то меньше будетъ хлопотъ, сказалъ повѣренный, вставая со стула, не придется туда да сюда ходить... Позвольте папирочки.

— Папироску... съ большимъ удовольствіемъ...

Александръ Матвѣвичъ схватился за портъ-сигаръ, раскрылъ его — ни одной папиросы не было; впрочемъ, объ этомъ обстоятельстве Александръ Матвѣвичъ зналъ прежде.

— Ахъ, извините, сказалъ онъ съ любезностью, ни одной нѣтъ, все выкурилъ.

— Ну, дѣлать нечего-сь... Покурить, знаете ли, захотѣлось... Мое почтеніе.

— Прощайте.

вѣрно, и капиталець за супругой приобрѣли, значить, можете заплатить.

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, на домикъ, да на ка-

— Такъ ужъ это вѣрно, что въ срокъ заплатите? спросилъ повѣренный уже у двери.

— Непремѣнно, непременно, съ увѣренностью отвѣтилъ Александръ Матвѣевичъ, хотя рѣшительно не

зналъ, гдѣ онъ возьметъ деньги.

— Имѣю честь кланяться.

— Будьте здоровы.

Повѣренный ушелъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Куропатки и охота на нихъ.

Сѣрая куропатка по нраву и виду, напоминаетъ нашу домашнюю курицу. Величиной она съ голубя, но ловче и красивѣе его, не смотря на свое простое, безъ яркихъ тоновъ, перо. Самецъ отличается отъ самки ржавымъ пятномъ на груди. Эта птица любитъ открытыя мѣста: покосы, хлѣбныя поля и мелкій кустарникъ, въ лѣсу не водится и встрѣчается только на его опушкѣ. Она большою частью бродитъ по землѣ и рѣдко приближаетъ къ помощи своихъ короткихъ, но сильныхъ крыльцевъ; бѣгаетъ она очень скоро, если же рѣшается летѣть, то полетъ ея при быстротѣ невысокъ и непродолжителенъ.

Въ концѣ Марта, или въ началѣ Апрѣля, самка выбираетъ себѣ самца и не разстается съ нимъ до осени, когда куропатки начинаютъ стаяться. Гнѣздо свое самка устраниваетъ на землѣ въ небольшой ямкѣ, устилаея ея травой и мелкими стебельками. Гнѣзда встрѣчаются чаще: въ хлѣбахъ, горохахъ, покосахъ и порубленномъ лѣсу. Въ гнѣздо самка кладетъ отъ 10 до 15 яицъ и высидываетъ ихъ около 3-хъ недѣль. Нагрѣваніе ею такого количества яицъ, даю поводъ предполагать, что самецъ сидитъ съ нею вмѣстѣ. Чѣмъ больше насижены яйца, тѣмъ крѣпче сидитъ на нихъ куропатка; за нѣсколько дней до вылупленія птенцовъ, она позволяетъ не только подходить близко къ мѣсту ея сидѣнья, но даже гладить себя.

Около половины Юня, изъ яицъ вылупляются цыплята и, не успѣвъ хорошенько обсохнуть, часто съ остатками скорлупки на своей пушистой, сѣро-бураго цвѣта одеждѣ, покидаютъ гнѣздо.

Молодые куропатки, подобно своимъ родителямъ, бойки, живы и вертлявы и чрезъ нѣсколько дней послѣ выхода изъ яицъ, уже начинаютъ перепархивать, имѣя почти сформированныя крылья.

Самецъ раздѣляетъ съ самкой все попеченіе о дѣтяхъ: учить ихъ добывать кормъ, не позволяя далеко отходить и зорко оберегаетъ отъ опасностей; въ случаѣ крайности, онъ подымается, привлекая на себя вниманіе врага,—молодые же, чувствуя свою безпомощность, разбѣжавшись въ разсыпную, прячутся такъ ловко, что ихъ трудно отыскать. Мать, не желая выдать своимъ присутствіемъ дѣтей, взлетаетъ на воздухъ и, представляясь больною, или сильно утомленною, заманиваетъ неприятеля легкою добычей и, чуть ей удался этотъ маневръ, возвращается окольнымъ путемъ къ покинутымъ дѣтямъ. Какъ самецъ, такъ и самка, въ это время, легко могутъ быть подстрѣлены и становятся такимъ образомъ жертвой своей страстной любви къ дѣтямъ. Осиротѣлый выводокъ присоединяется къ другому, если таковой имѣется по близости, и родители послѣдняго не только не чуждаются такому случайному увеличенію своего семейства, но и заботятся о чужихъ дѣтяхъ, точно также, какъ и о своихъ собственныхъ. Если выводка вблизи нѣтъ, то сиротки, не имѣя опытности стариковъ, чаще всего дѣлаются легкой добычей безчисленнаго множества лакомокъ до ихъ нѣжнаго мяса.

Настоящій, „образованный“ охотникъ никогда не позволитъ себѣ лишиться безпомощныхъ птенцовъ ихъ необходимой опоры; онъ скорѣе употребитъ все мѣры для размноженія и охраненія дичи, чѣмъ для ея уничтоженія. Охотнику аматеру, всегда горячему любителю природы, истинное удовольствіе доставляетъ рѣдкій случай наблюдать молодой выводокъ и онъ ловитъ эти минуты, цѣня ихъ на столько, что ему и въ голову не придетъ мысль о добычѣ въ такую раннюю пору.

Цыплята, выростая, мѣняютъ пухъ на перо и становятся нѣсколько самостоятельными. Въ это время, въ случаѣ опасности, весь выводокъ подымается и, не разбиваясь, быстро перемѣщается на другое мѣсто; если же такой выводокъ поднятъ вторично, то цыплята разлетаются въ разсыпную и каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ удобное мѣсто для защиты. Притаивъ къ землѣ, и имѣя не яркое опереніе, куропатки такъ мало замѣтны, что только съ доброй собакой можно ихъ отыскать. Выждавъ пѣкоторое время, по минованіи опасности, самецъ начинаетъ скликать свою молодежь, которая и собирается снова въ стаю.

Пищей молодымъ, въ первые дни ихъ жизни, служатъ разного рода насѣкомыя, которыхъ онѣ, подъ руководствомъ родителей, выучиваются очень ловко ловить. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, молодые куропатки очень похожи на нашихъ домашнихъ цыплятъ; самка, точно также какъ и курица, найдетъ кормъ, скликаетъ своихъ дѣтей, а послѣдніе, точно также какъ цыплята, услышавъ знакомый голосъ матери, цѣлой гурьбой сбѣгаются къ предлагаемой пищѣ. Куропатка очень любитъ рыться въ землѣ, грѣясь на солнцѣ и собирать подъ крыльями все свое молодое потомство.

Подростая, молодцы начинаютъ питаться, точно также какъ и старая, хлѣбными зернами и сѣменами другихъ растений. Любимымъ мѣстопребываніемъ куропатокъ служатъ хлѣбныя поля; здѣсь живутъ онѣ влодь до жатвы и затѣмъ уже перебираются въ близъ-лежащіе овраги, мелкій кустарникъ и лѣсныя опушки. Къ осени ихъ часто можно найти въ молодыхъ озимяхъ. Къ октябрю куропатки образуютъ стаю. выводка по два, по три, и дѣлаются, какъ и всякая, живущая большимъ обществомъ, птица, чрезвычайно осторожны и боязливы.

Зима, настоящій бичъ для куропатокъ, въ особенности неблагоприятенъ для нихъ настѣ, покрывающій поля не только весною, но и послѣ большихъ ростепелей, если разомъ наступятъ сильныя холода. Твердая, обледѣлая корка снѣга недоступна для лапокъ куропатокъ и изъ-подъ нея онѣ не могутъ отрыть себѣ кормъ; въ это бѣдственное время, голодная и холодная куропатка забываетъ свою осторожность и боязливость и подходитъ близко къ гумнамъ, къ скирдамъ еще невывощеннаго хлѣба; если же вблизи такихъ кормныхъ мѣстъ не находится, то цѣлыя стаи куропатокъ гибнутъ голодною смертью. Зимой куропатки по неволѣ измѣняютъ свой образъ жизни—имъ уже нельзя подъ каждымъ кустомъ найдти „и столъ“, и домъ“; два раза въ сутки, утромъ и вечеромъ, онѣ цѣлыми стаями перелетаютъ на кормныя мѣста, а въ остальное время сидятъ полухарыши въ снѣгу.

Охота на куропатокъ начинается обыкновенно къ концу юня, т. е. въ такое время, когда и хлѣба снимаютъ, да и молодые становятся уже взрослыми. Лучшій способъ охоты, конечно, съ ружьемъ и хорошей собакой; но, обладая тѣмъ и другимъ, не всякій можетъ быть увѣреннымъ въ удачу, такъ какъ для полнаго успѣха необходимо умѣть быстро прицѣливаться и ловко стрѣлять. Куропатка летаетъ чрезвычайно быстро и очень скоро выходитъ изъ-подъ выстрѣла. Безъ собаки охота мало занимательна да и недобычлива: выводки срываются, хотя и изъ-подъ самыхъ ногъ охотника, но неожиданно, такъ что ему чаще приходится ахать чѣмъ стрѣлять. Молодую, не совсѣмъ хорошо натасканную собаку, лучше не брать на куропатку; въ этомъ случаѣ чаще получишь неприятности, чѣмъ удовольствіе, не говоря уже о томъ, что можно совсѣмъ испортить собаку. Большое количество птицъ въ выводкѣ и особый, характерный и весьма сильный запахъ отъ нихъ, хотя и помогаютъ собакѣ вѣрно выслѣдить куропатокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и горячатъ ее—дѣлаютъ непослушной волѣ хозяина, въ особенности когда куропатки, разъ перемѣстившись на близкое разстояніе, начинаютъ быстро бѣжать. Только хладнокровный охотникъ, съ такъ называемой „въжливой“ собакой, можетъ рассчитывать на вѣрный успѣхъ. Легче всего, конечно, добыть самца, который поднимается первымъ и какъ бы парочно летитъ медленно, отвлекая собаку въ сторону отъ выводка. Вся задача охотника заключается въ томъ, чтобы разбитъ выводокъ—заставить его разлетѣться въ стороны, замѣтить гдѣ разбѣлись куропатки и уже потомъ подходить съ собакой къ затанувшей и крѣпко сидящей птицѣ. Замѣтить перемѣщающуюся въ разсыпную выводку, въ особенности въ кустахъ, бываетъ весьма трудно, а отыскивать на удачу—большою частью неусибно; въ этомъ случаѣ лучше всего обождать и прислушаться къ призывному крику самца, который не замедлитъ, по минованіи тревоги, снова собрать въ стаю цѣлый выводокъ. Много куропатокъ погибаетъ въ глухую зимнюю пору отъ удачныхъ выстрѣловъ охотника, замѣтившаго посѣщеніе куропатками гумна, тутъ стрѣляютъ въ цѣлую кучу и въ одинъ разъ убиваютъ по нѣсколько штукъ. Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ уничтоженіемъ куропатокъ, которое производятъ промышленники, добывая ихъ различными способами. Къ числу самыхъ добычливыхъ снастей принадлежитъ шатеръ. Шатеръ есть ничто иное, какъ огромная сѣть, которая, будучи растянута, имѣетъ видъ палатки или шатра, что и послужило поводомъ къ ея названію. Сѣть эта выжета изъ крѣпкихъ нитокъ, и чѣмъ толще послѣднія, тѣмъ лучше, потому что тогда сѣть не такъ рѣзко бросается въ глаза, а слѣдовательно птица не такъ боится засады. Зная гдѣ водятся куропатки, промышленникъ расчищаетъ снѣгъ на полѣ, сообразно величинѣ сѣти, и посредствѣмъ расчищеннаго мѣста ставитъ овсяные сноны, а отойдя въ сторону сажень пять, складываетъ ворохъ соломы; послѣдній предназначается на будущую шалашу. Затѣмъ, для черезъ два, онъ приходитъ навѣдаться и, если увидитъ, что куропатки были на привадѣ, вполне можетъ рассчитывать на успѣхъ. При осматриваніи привады необходимо наблюдать осторожность, не приходитъ пѣшомъ, а приѣзжать въ саняхъ и въ такое время,

когда куропатокъ не бываетъ на привадѣ, т. е. въ полдень. Кругомъ привады набиваются небольшія колышки, они напачаются для привязыванія шатра. Изъ вороха соломы дѣлается шалашка, а по срединѣ привады устанавливается коль. Онъ будетъ поддерживать шатеръ; коль этотъ ставится на маленькую дощечку, чтобы не углублялся въ снѣгъ. Шатеръ привязывается къ вбитымъ кольямъ такъ, чтобы куропатки могли свободно входить въ него. Внизу кола, поддерживающаго шатеръ, привязывается веревка и проводится въ шалашъ. Веревка засыпается снѣгомъ. Когда все готово, промышленникъ садится въ шалашку и ожидаетъ куропатокъ. Какъ только куропатки собрались на знакомое уже имъ кормное мѣсто и подошли подъ шатеръ, промышленникъ дергаетъ за веревку, коль падаетъ и шатеръ покрываетъ всю стаю. Этимъ способомъ можно переловить всѣхъ куропатокъ въ данной мѣстности и лишить ее этой птицы чуть ли не на всегда. Куропатка, птица мѣстная, очень лю-

бить свою родину и держится на ней крѣпко. Въ тѣхъ поляхъ, гдѣ ее вывели до послѣдней штуки, новыхъ поселенцевъ не заведется—это не перелетная птица. Неумѣлое и алчное пользование дарами природы всегда ее истощаетъ, но повробуйте объяснить это нашему простолюдину-промышленнику — онъ вамъ или не повѣритъ, или возразитъ, что „на нашъ вѣкъ хватить“.

Бывали удачныя примѣры поселенія пойманныхъ куропатокъ на новыхъ мѣстахъ и разведенія этой птицы тамъ, гдѣ она повывелась. Для этой цѣли весной куропатокъ выпускали парами въ удобныя для ихъ жизни мѣста и заготовляли тутъ же для нихъ кормъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ способъ поселенія куропатокъ хотя и возможенъ, но гораздо болѣе труденъ, чѣмъ сохраненіе ихъ тамъ, гдѣ онѣ сами водятся.

Е. В—овъ.

АБХАЗІЯ И АБХАЗЦЫ.

Вдоль восточнаго берега Чернаго моря протягивается полоса земли, лежащая между 50—59° восточн. долг. и 43—45° сѣвер. широты, по возвышенностямъ покрытая роскошными лѣсами и почти не пересѣкаемая долинами. Естественныя произведенія этой страны весьма разнообразны: растутъ въ изобиліи фрукты и плоды, въ долинахъ пасутся многочисленные стада рогатаго скота. Эта страна называется *Абхазіей*, или, по другому произношенію: абхазети, авхаза, абхазии, абаза, абасса. По значенію, это названіе синонимично „транскубинскимъ“ жителямъ береговъ Чернаго моря. Древній географъ Страбонъ, вмѣстѣ съ другими древними географами, ясно упоминаетъ, что въ этой полосѣ жилъ въ его время народъ, называемый *ателми*, вмѣстѣ съ *геніогами* и *цигами*, и всѣ эти племена, по мнѣнію Страбона, были потомками древняго великаго греческаго племени ахейцевъ. Они занимались морскимъ разбоемъ и торговлей рабами. Впослѣдствіи они стали называться абазгами, а отсюда уже позднѣе образовалось названіе абасси. Народъ, жившій въ этой странѣ, именно подъ этимъ именемъ, былъ извѣстенъ во времена греческаго императора Юстиніана. Онъ управлялся тогда двумя князьями, но затѣмъ Юстиніанъ подчинилъ его своей власти и старался искоренить у абасковъ язычество и просвѣтить ихъ свѣтомъ Христовой вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и искоренить у нихъ многіе варварскіе обычаи, напримѣръ, обычай кастраціи. Послѣ подчиненія византійцамъ, абаски подпали подъ власть персовъ, а потомъ подъ власть грузинъ. Подъ властью персовъ большая часть племени приняла исламъ и слѣды христіанства вскорѣ исчезли. Въ настоящее время благородные потомки абхазцевъ всѣ исповѣдуютъ магометанскую вѣру. Въ періодъ татарскихъ нашествій на Россію, ханы Чингисханъ и Тимуръ покорили Абхазію, хотя на короткое время своей власти. Затѣмъ, въ періодъ мусульманскаго нашествія на Европу, пытались было Абхазіей завладѣть турки и построили уже тамъ свои укрѣпленія, изъ коихъ до нашего времени сохранилась Анапа, недалеко отъ устья Кубани. Кабардинскіе черкесы ослабляютъ потомъ Абхазію, истребивъ или взявъ въ плѣнъ родоначальниковъ абхазской знати. По Адрианопольскому договору (1829 г.) Абхазія перешла во власть Россіи, и затѣмъ извѣстна продолжительная, съ цѣлью усмиренія непокорныхъ племенъ, стоявшая намъ много крови и денегъ, война наша съ дикимъ горнымъ населеніемъ Кавказа. Въ эту войну входила и Абхазія, на „мирныхъ“ князей которой столь же мало можно было положиться, какъ и на мирныхъ князей черкесскихъ.

Абхазцы вообще распадаются болѣе чѣмъ на 40 малыхъ племенъ. Это весьма красивый, крѣпкаго сложенія, мужественный народъ (какъ можно судить по характеру фигуръ абхазцевъ, изображенныхъ на нашемъ рисункѣ). Женщины замѣчательно красивы и ихъ весьма охотно раскупаютъ турки для своихъ гаремовъ. Признакомъ женской красоты служитъ высокій ростъ. Для мужчинъ самое любимое занятіе—охота, если только нѣтъ войны. Что касается языка абхазцевъ, то онъ оригинальный, хотя многія слова и обороты и заимствованы изъ языка черкесскаго.

Фруктовъ и плодовъ родится множество: яблоки, груши, абрикосы, персики, сливы, фиги и проч. Роскошные лѣса, покрывающіе почти всю страну, состоятъ изъ дуба, сосны, ели, пихты, бука, платановъ, клена, тисоваго дерева, ясени и проч., всѣ эти деревья доставляютъ великолѣпный строевой лѣсъ; но полудикій абхазецъ какъ лѣсъ, такъ и другія произведенія природы никогда не эксплуатировалъ надлежащимъ образомъ. Абхазцы-земледѣльцы всегда ограничивались только воздѣлываніемъ на своихъ роскошно-плодородныхъ поляхъ маиса, проса—и только! Подобно своему сосѣду—черкесу, абхазецъ издавна любилъ свою незатѣливую саблю, типъ кавказскихъ построекъ. Домашній скотъ состоитъ у абхазцевъ изъ быковъ, буйво-

ловъ, коровъ, лошадей (употребляющихся только для верховой ѣзды), козъ, овецъ и свиней. Падо притомъ замѣтить, что абхазская овечья шерсть весьма плоха по качеству. Такъ какъ въ странѣ луговъ почти нѣтъ, то рогатый и проч. скотъ возможно пасти только въ лѣсахъ; въ виду этого многіе жители занимаются исключительно свиноводствомъ, такъ какъ свинья находитъ себѣ обильную пищу въ дубовыхъ лѣсахъ. Часто внезапно наступающіе здѣсь холода производятъ падежъ на скотъ, которому способствуетъ общее изнуреніе животныхъ, потому что кормовыхъ запасовъ безпечные абхазцы обыкновенно не дѣлаютъ. Что касается до торговли Абхазіи, то она всегда была весьма незначительна. Единственные предметы вывоза: медь, воскъ и холодное оружіе (сабли, шашки, кинжалы), въ производствѣ послѣдняго продукта абхазцы являются замѣчательными мастерами.

Весь край, называемый Абхазіей, можно раздѣлить на *две* части: а) *западную* „великую“ или иначе Старую Абхазію, простирающуюся по всему юго-западному склону главнаго гребня горъ, идущаго вдоль береговъ Чернаго моря, и б) сѣверо-восточную, „малую“ или Новую Абхазію, лежащую по сѣверо-восточному склону упомянутого хребта. Это различіе въ названіяхъ объясняется различіемъ въ густотѣ и отличительномъ характерѣ населенія той и другой части страны. Великая Абхазія заселена такъ называемыми „*джигитами*“ или „*абхазуами*“ составляющими корень или ядро всего абхазскаго племени. Здѣсь обрѣтается много памятниковъ, украшенныхъ фресками христіанскихъ построекъ временъ Юстиніана и феодальнаго господства.

Что касается нравовъ и обычаевъ жителей, то въ нихъ замѣчается много заимствованнаго отъ черкесовъ, имеретинцевъ и грузинцевъ. Семейный и социальный бытъ тоже напоминаетъ таковой же бытъ сосѣднихъ первобытныхъ народовъ. Жена—раба мужа, обязанная безусловно слушаться его; такимъ же послушаніемъ обязаны младшіе относительно старшихъ. Воровство и разнаго рода похищенія развиты у нихъ въ широкихъ размѣрахъ; весьма понятно, что они соединены часто съ разбоемъ; оттого абхазцы, подобно черкесамъ, всегда ходятъ съ оружіемъ. Не у однихъ разноплеменниковъ они крадутъ; нѣтъ, они обкрадываютъ и своихъ ближайшихъ сосѣдей—единоплеменниковъ. Во время войны у нихъ издавна существовалъ обычай продавать туркамъ взятыхъ у непріятеля плѣнныхъ. Хитрость, обнаруживаемая при кражѣ, считается у абхазцевъ большою славою. Плохъ или куда негоденъ тотъ женихъ, который не можетъ доказать своей невѣстѣ, что угналъ когда либо стадо или укралъ изъ табуна коня.

Абхазцы, живущіе на самомъ берегу Чернаго моря, занимаются и рыбною ловлей, а также ловлей дельфиновъ, изъ которыхъ они добываютъ жиръ. Этотъ промыселъ могъ бы составлять значительный предметъ торговли, если бы абхазецъ не былъ лѣнивъ и не пренебрегалъ всякаго рода промыслами.

Съ 1863 г. социальный бытъ всѣхъ кавказскихъ жителей, какъ извѣстно, совершенно измѣнился. Съ незадолго передъ тѣмъ случившимся паденіемъ Шамиля, окончена долготѣлая наша непрерывная война на Кавказѣ. До этого времени жизнь абхазцевъ, наравнѣ съ другими жителями Кавказа, представляла особую форму феодальныхъ отношеній. Своеволіе какаго-нибудь князя не знало себѣ предѣловъ. Пославъ развѣдчиковъ для того, чтобы узнать, гдѣ вѣрше и удачнѣе произвести разбой, угнать стадо и проч., князь въ нетерпѣливомъ ожиданіи, уже вооруженный, сидѣлъ у своей сабли.

Прилагаемая нами картинка представляетъ именно одну изъ такихъ сценъ домашняго быта абхазскихъ князей.

М. С.

Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?

(Картина Эдуарда Шульца).

Старушка въ чепчикѣ, въ букляхъ и очкахъ сидитъ за полотромъ въ картинной галлерей. Она занимаетъ весьма высокое положеніе, по крайней мѣрѣ, въ физическомъ отношеніи, т. е. находится на подмосткахъ, на нѣкоторомъ возвышеніи отъ поверхности пола галлерей. Покрой платья старушки, обиліе лентъ и оборокъ, фасонъ ея шляпки съ розаномъ весьма солидныхъ размѣровъ, наконецъ самая ея поза и выраженіе ея лица указываютъ, что она принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ чопорныхъ старушекъ. Старушка занята кашпированіемъ картины, изображающей Амура и Психею. Она, видимо, сдѣлавъ два-три серьезныхъ мазка, съ любовью обозрѣваетъ на сколько хорошо они положены. Впрочемъ, трудно рѣшить, тѣмъ ли она любитъ, тѣмъ ли, что хорошо идетъ ея работа или самымъ сюжетомъ картины.

Не знаю, какъ для другихъ, а по нашему мнѣнію картина эта отчасти имѣетъ въ себѣ комическую сторону, и, конечно,

комизмъ ея заключается именно въ томъ, что чопорная старушка рисуетъ то, что всего менѣе идетъ къ ея лѣтамъ. Можетъ быть она вовсе непредназначенно выбрала такой сюжетъ для своей копии, можетъ быть даже оны ей заказанъ, и она волей неволей должна за нимъ сидѣть; но такъ или иначе, а комизмъ все-таки остается при этомъ въ своей силѣ и нельзя неудобнаться, глядя на сопоставленныя художникомъ двѣ жизни. Самое названіе картины указываетъ на то, что художникъ не прочь былъ пошутить надъ чопорной старушкой. Такъ или иначе, но сопоставленіе двухъ почти крайнихъ точекъ чело-вѣческой жизни приводитъ на мысль стихи Пушкина:

Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты, живая радость?
Исчезнулъ оны, веселый сонъ...

Л.

Политическое обозрѣніе.

Мы оставили наше обозрѣніе на томъ политическомъ моментѣ, когда общественное вниманіе сосредоточивалось на предварительныхъ засѣданіяхъ конференціи; эти засѣданія уже были кончены и предстояли засѣданія настоящей конференціи. На этихъ-то засѣданіяхъ до сихъ поръ сосредоточено вниманіе всей Европы, насколько оно касается восточнаго вопроса. Случилось такъ, что при началѣ перваго засѣданія конференціи, при громѣ пушекъ, провозглашена въ Константинополѣ турецкая конституція, возбудившая множество обсужденій въ различныхъ органахъ европейской печати, хотя, по правдѣ говоря, дѣло этого далеко не стоило, не представляя ничего, кромѣ пустого шума.

Съ самыхъ первыхъ засѣданій настоящей конференціи обнаружился ея характеръ. Уполномоченные Турціи «спорили и торговались» изъ-за каждаго мелочнаго условія, между тѣмъ какъ уполномоченные великихъ державъ выказывали миролюбіе и согласіе между собою.

Органы европейской печати даже упрекаютъ представителей великихъ державъ въ непонятной деликатной уступчивости Портѣ, представители которой сейчасъ же извлекли для себя пользу изъ этого обстоятельства и стали смѣлы и рѣшительны въ своихъ требованіяхъ. Уже вскорѣ послѣ предварительныхъ обсужденій, Портѣ сообщенъ былъ державами проектъ реформъ, состоящихъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: Болгарія будетъ раздѣлена на *два* провинціи. Мэры, или муниципальные чиновники избираются населеніемъ. Генераль-губернаторъ долженъ располагать военными силами, достаточными для прекращенія злоупотребленій. Организация судовъ будетъ предоставлена международной комиссіи. Иностранцы получаютъ право быть избираемыми на должности судей, если комиссіею будетъ признано это необходимымъ. Портѣ должно быть выплачиваемо только 30% нынѣшнихъ налоговъ. Къ службѣ въ милиціи будетъ призываемо только 1% населенія. Военная сила, назначенная для гарантіи выполнения реформъ, будетъ называться «жандармеріею» и будетъ состоять изъ трехъ или четырехъ тысячъ иностранныхъ солдатъ. Что касается Герцеговины и Босніи, то мѣры, предложенныя касательно ихъ, почти тождественны. Для Сербіи сохраняется *status quo*, при этомъ на своей западной границѣ она получаетъ Малый Зворникъ. Территорію Черногоріи предполагалось значительно расширить—при чемъ къ ней присоединить приморскіе порты.

На *пятомъ* засѣданіи конференціи, послѣднемъ изъ тѣхъ, предметъ обсужденій которыхъ мы до сихъ поръ довольно отчетливо знаемъ (происходившемъ 23 декабря (4 января), Савѣтъ наша прочелъ меморандумъ, цѣль котораго—выясненіе нѣкоторыхъ положеній съ турецкой стороны, обсуждавшихся въ предшествовавшемъ *четвертомъ* засѣданіи конференціи, въ которомъ турецкіе уполномоченные объявили, что они даже не могутъ входить въ обсужденіе такихъ предложеній, какъ учрежденіе *международной жандармеріи* и *допущеніе международной наблюдательной комиссіи* (?). Турецкій совѣтъ министровъ, обсудивъ эти пункты, отвергнулъ ихъ и вотъ это-то отклоненіе и отрицаніе предложенныхъ мѣръ и составляли содержание предложеннаго меморандума. Представители Портѣ особенно спорятъ противъ того пункта рѣшеній державъ, по которому Портѣ предлагается употреблять на уплату своего государственнаго долга не болѣе 30% доходовъ христіанскихъ провинцій; остальные же доходы употреблять на удовлетвореніе нуждъ этихъ провинцій. Что Портѣ не понутру этотъ пунктъ—это весьма понятно; но вотъ что для насъ представляется крайне непонятнымъ: получивъ этотъ меморандумъ, представители державъ собрались на частную сходку, чтобы сверхъ сдѣланныхъ Портѣ уступокъ, сдѣлать еще важнѣйшія, съ цѣлью во чтобы то ни стало достигнуть согласенія. Такъ, специальную международную комиссію, долженствующую гарантіровать реформы, предполагаютъ замѣнить просто *комиссіей изъ местныхъ консуловъ*, а вмѣсто упомянутой уже выше жандармеріи учредить лишь *кадры*, набранные въ Европѣ,

въ которые поступали бы волонтеры изъ болгаръ. Раздѣленіе Болгаріи на двѣ провинціи отмѣняется; вопросъ о Западной границѣ Сербіи и о Маломъ Зворникѣ представляется третейскому суду. И—странно сказать! даже эти предложенія съ такими уступками Портѣ отвергла, какъ противорѣчащія ея самостоятельности!.. Вотъ что значитъ съ самаго же начала поощрять чванство и высокомѣріе азіатскаго государства!.. Пессимисты выводятъ изъ этого заключеніе, что конференція не достигнетъ никакихъ результатовъ, кромѣ, можетъ быть, потери времени. Страшали Порту и отъѣздомъ представителей великихъ державъ, слѣдовательно, прерваніемъ дипломатическихъ сношеній, и это ни къ чему не повело.

Положеніе становилось затруднительнымъ; но отъ 11-го января (30-го декабря) разрѣшилось извѣстнѣе, что большой совѣтъ высшихъ сановниковъ Портѣ рѣшилъ *принять предложеніе соролейскихъ уполномоченныхъ на конференціи*, если они согласятся примирить ихъ съ основами ноты графа Андраши отъ 30 декабря 1875 года. Этого только пока и достигла конференція—результатъ не богатый. Подождемъ, что будетъ далѣе.

На бывшемъ театрѣ войны турки, по обычаю, нарушаютъ перемиріе и практикуютъ свои варварскія нападенія на бѣдныя деревни, въ долині Моравы и около Тимока. Случаи нарушенія ими демаркаціонной линіи стали повторяться теперь чаще.

Въ одномъ изъ нашихъ обозрѣній мы уже упоминали о разрѣшеніи бывшего министерскаго кризиса во Франціи въ томъ смыслѣ, что послѣ президента министровъ занялъ Жюль-Симонъ, на мѣсто Дюора, слѣдовательно политика Франціи приняла тьеровскія традиціи, противныя Гамбеттѣ. Теперь уже достаточно опредѣлилась политическая программа новаго президента министровъ. Умѣренно-республиканскіе органы Франціи, какъ бы «Temps», «Siècle», «Débats» и «National», безусловно одобряютъ ее. Въ вопросахъ иностранной политики Жюль-Симонъ слѣдуетъ совѣтамъ Тьера и не предоставляетъ министру иностранныхъ дѣлъ, герцогу Деказу, такой свободы дѣйствій, какую предоставлялъ ему Дюоръ. Но Деказъ, съ своей стороны, употребляетъ все силы, чтобы сохранить свое вліяніе на маршала Макъ-Магона. На дняхъ (28 декабря (9 января) палата депутатовъ большинствомъ 340 голосовъ противъ 326 вновь выбрала Гриви своимъ президентомъ. Наши отношенія къ Франціи и Франціи къ намъ продолжаютъ быть весьма дружественными.

Въ общемъ политическомъ водоворотѣ на минуту всплыло было такое маленькое государство, какъ Бельгія. Дѣло въ томъ, что существовала нѣсколько времени молва о проектѣ занятія Болгаріи, въ видѣхъ гарантіи исполненія реформъ со стороны Турціи, бельгийскими войсками. Бельгийское правительство отклонило такое предложеніе.

— Въ Мадридѣ недавно закрыта сессія кортесовъ. При этомъ президентъ министровъ, Кановасъ-дель-Кастильо увѣрилъ въ своей заключительной рѣчи, что испанское правительство будетъ слѣдовать мирной политикѣ.

— Изъ Сербіи слышно, что бывший сербскій военный министръ Николитчъ недавно возвратился въ Бѣлградъ и снова приметъ портфель военнаго министерства. Такъ называемый «постоянный отборъ скупщины» требовалъ отъ правительства, чтобы скупщина была созвана до 12 января, съ цѣлью безотлагательнаго обсужденія бюджета и общихъ финансовыхъ мѣръ, касающихся *продолженія военныхъ дѣйствій*.

По поводу приказа по дивизіи, изданнаго генераль-лейтенантомъ Никитинимъ, чтобы все русскіе добровольцы были отнесены въ вѣдѣніе сербскаго военнаго министерства, 20 декабря (1 января) какъ извѣстно, вышло недоразумѣніе. Четвертый батальонъ русскихъ добровольцевъ, являсь къ княжескому конаку (дворцу), сталъ требовать возвращенія принадлежащаго батальону знамени, съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ Россію. Но затѣмъ недоразумѣніе это разрѣшилось довольно мирно.

(Продолженіе на стр. 33 и 34).

НИВА

№ 3

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдастъ 17 Января 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕНЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1877 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. номера „Нивы“.

Кандидаты на мѣсто Президента Американскихъ С. Штатовъ.

М. Рутерфордъ Гейсъ.
Кандидатъ Республиканцевъ.

М. Самуилъ Тильдонъ.
Кандидатъ Демократовъ.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ ВЪ АМЕРИКѢ

Для сторонниковъ „свободы“ даже самый злѣйшій врагъ ея не могъ придумать болѣе дурного зрѣлища чѣмъ то, которое въ настоящее время происходитъ въ „свободной Америкѣ“. Въ классической странѣ свободы совершается въ настоящее время такой актъ политическаго насилія, какой немислимъ въ Европѣ*).

Президентскіе выборы въ продолженіи уже несколькихъ недѣль держатъ Соединенные Штаты сѣверной Америки въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи, въ напряженномъ до нелзя состояніи, какого быть можетъ не пенитывало до сихъ поръ ни одно изъ европейскихъ государствъ въ періоды даже самыхъ ожесточенныхъ избирательныхъ кризисовъ. Борьба демократовъ противъ республиканцевъ длится въ Америкѣ уже болѣе мѣсяца, и результаты ея все-таки еще не выяснились на столько, чтобы можно было съ достовѣрностью предсказать, которая изъ двухъ сторонъ останется побѣдительницею.

Въ Америкѣ президентъ не выбирается, какъ въ Швейцаріи и во Франціи, парламентомъ, а избраніе его производится народомъ, хотя и не прямо, но чрезъ посредство избирателей. Выборы избирателей происходитъ во вторникъ, послѣ перваго понедѣльника въ ноябрѣ, т. е. на этотъ разъ 7-го ноября. Каждый штатъ выбираетъ столько избирателей, сколько имѣетъ права выбрать сенаторовъ и членовъ палаты представителей. Эти избиратели совершаютъ въ главныхъ городахъ своихъ штатовъ избраніе президента и вице-президента. Избирательные бюллетени перечитываются и удостовѣряются въ началѣ 1877 года. 4 марта, тѣ два кандидата, на сторонѣ которыхъ окажется большинство всѣхъ голосовъ, принесутъ присягу, въ качествѣ президента и вице-президента. Но выборы дали на этотъ разъ совершенно неожиданный результатъ, а именно: ни республиканской, ни демократической партіи не удалось добиться необходимаго для торжества своего кандидата большинства. Демократами предложенъ въ президенты Самуилъ Тильденъ изъ Нью-Йорка, а республиканцами—Рутерфордъ Гэйзъ, изъ Огіо.

Тильденъ—человѣкъ уже дряхлый; съ легкимъ параличемъ праваго бока. Онъ старый хлостакъ, любящій конить миллионы. Во время возстанія, Тильденъ спокойно оставался дома, протестовалъ противъ войны и открыто высказывалъ свои симпатіи къ Югу. Этотъ старый „политиканъ“ нажилъ себѣ десять миллионновъ адвокатскою практикою. Имя его стоитъ во главѣ самыхъ смѣлыхъ спекуляцій. Специальность его, какъ адвоката, заключалась въ спасеніи обанкротившихся компаній желѣзныхъ дорогъ. Поэтому, противники, называють его „великимъ желѣзнодорожнымъ крушителемъ“. Онъ разбогатѣлъ и приобрѣлъ большое вліяніе, дѣйствуя заодно съ своими друзьями, а потомъ, когда надъ ними разразилась гроза, онъ оказался не „пойманнымъ“ и принялся преслѣдовать ихъ же. Тильденъ съ нѣкоторыми „изъ спасенныхъ имъ дорогъ“ вцутанъ въ разные процессы, вслѣдствіе отказа въ представленіи отчетности и въ выдачѣ акцій на сумму 300,000 долларовъ, и сверхъ того, ему угрожаетъ судебное преслѣдованіе за то, что онъ съ 1852 года подъ присягою показывалъ ложно свои доходы въ незначительной цифрѣ, чтобы платить меньше налоговъ. Побочное качество его—маленькая слабость къ горячительной влагѣ.

Республиканскій кандидатъ Гэйзъ прошелъ карьеру знаменитаго адвоката, прославившись защитою бѣглыхъ негровъ. Въ сѣверо-американскую войну онъ храбро дрался въ рядахъ сѣверянъ, а по замиреніи былъ два раза выбранъ членомъ конгресса и 3 раза губернаторомъ своего родного штата Огіо. Онъ, конечно, имѣлъ много случаевъ разбогатѣть, какъ это сдѣлали во время господствовавшей тогда страсти къ спекуляціямъ весьма многие политики по сю и по ту сторону „Большой Воды“. Губернаторъ Гэйзъ не увлекся общераспространенною страстью, не участвовалъ въ учрежденіи желѣзнодорожныхъ компаній, банковъ, въ разработкѣ каменно-угольныхъ копей и желѣзныхъ и серебряныхъ рудъ. Онъ не разбогатѣлъ, но за то имя его передъ націей ничѣмъ не запятано.

Будучи членомъ конгресса, онъ всегда вотировалъ за реформу государственнаго управленія, за восстановленіе обращенія звон-

кой монеты и т. п.; но по части подоходнаго налога, говорить, и онъ не совсѣмъ чистъ.

Въ настоящую же минуту голоса раздѣлились такъ, что никто не можетъ навѣрное предвидѣть, будетъ ли избранъ республиканскій кандидатъ Гэйзъ или демократическій Тильденъ. Голоса между ними раздробились поровну, и для того, чтобы тотъ или другой получилъ большинство, не достаетъ одного голоса, отъ котораго и зависить теперь рѣшить вопросъ, кому быть президентомъ и кому торжествовать—республиканцамъ или демократамъ. Избирательная борьба приняла такой характеръ, что всѣ средства, какъ бы пресудительны и противозаконны они ни были, кажутся теперь хорошими, лишь бы достигнуть цѣли. Американцы прямо обсуждаютъ вопросъ о томъ, за что можно кунить этотъ одинъ голосъ, отъ котораго, такъ сказать, зависить участь республики.

Демократическая партія не прочь принести такую жертву, вознаграждая себя за которую не будетъ стоить особенныхъ усилій. Если Тильденъ будетъ избранъ, то вся нынѣшняя республиканская администрація будетъ уволена, и новый легионъ демократическихъ чиновниковъ съ удовольствіемъ составитъ сборъ, чтобы возратить затраченный на покулку голоса капиталъ. Обѣ партіи угрожаютъ, въ случаѣ пораженія, вооруженнымъ возстаніемъ. Вотъ въ какомъ положеніи дѣло, и вопросъ о томъ, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы, Тильденъ или Гэйзъ, все еще не рѣшенъ.

Явленіе это въ высшей степени замѣчательное и свидѣтельствуешь объ упрямствѣ, съ которымъ стремятся противныя стороны завладѣть управленіемъ страной и сопряженными съ этимъ выгодами; тѣмъ не менѣе, оно не составляетъ исключительнаго факта, которому не нашлось бы примѣра въ лѣтописяхъ исторіи великой заатлантической республики. Многие президенты Соединенныхъ Штатовъ были обязаны своимъ избраніемъ большинству одного голоса, и нерѣдко вашингтонскому конгрессу приходилось рѣшать участь президентскихъ выборовъ закрытою баллотировкою. Исторія американскаго союза изобилуетъ такими казусами. Такъ, напр., въ 1801 году, соперничествовавшие въ ту пору кандидаты, Джефферсонъ и Буррь, получили каждый по 73 голоса, и окончательное рѣшеніе между ними было предоставлено вашингтонскому конгрессу. Баллотировка началась 7-го февраля и продолжалась болѣе недѣли. Въ конгрессѣ присутствовало 104 члена и баллотировка возобновлялась 36 разъ; наконецъ, послѣдній кругъ поставилъ въ пользу Джефферсона однимъ бюллетенемъ болѣе, и онъ вышелъ побѣдителемъ.

Самые интересныя выборы происходили въ 1853 году. На должность президента избранъ былъ простой адвокатъ изъ Нью-Гемпшира, Франклинъ Пьеръ, человѣкъ, не заявившій себя ничѣмъ на своемъ общественномъ поприщѣ; а между тѣмъ, въ пользу его оказалось большинство 254 голосовъ, тогда какъ конкурентъ его, генералъ Винфильдскотъ, получилъ только 20 голосовъ.

Четырнадцатый президентъ, Авраамъ Линкольнъ, былъ избранъ въ 1862 году; но тогда голоса раздѣлились почти поровну между нѣсколькими кандидатами, такъ что, въ сущности, Линкольнъ восторжествовалъ надъ своими конкурентами только при помощи самаго ничтожнаго большинства двухъ или трехъ голосовъ. Такимъ образомъ внутренній миръ и спокойствіе, даже вся ближайшая будущность заатлантической республики зависить нерѣдко отъ голоса одного избирателя...

Неомѣрное развитіе принципа индивидуализма, опирающагося на всеобщую подачу голосовъ, привело къ тому, что вся исторія Союза обратилась въ исторію партій. Въ былое время демократы были защитниками невольничества и сторонниками того ученія, что каждый штатъ по своему усмотрѣнію можетъ отказаться отъ союза. Вслѣдствіе того, республиканцы являлись противниками рабства и защитниками цѣлости союза. Нынѣ обстоятельства перемѣнились; ни у одной партіи нѣтъ убѣжденій; обѣ преслѣдуютъ лишь одну цѣль—захватить въ свои руки бразды правленія во что бы то ни стало.

ДВѢ КАПЛИ ВОДЫ.

(СЦЕНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ОКРАИНЪ).

(Окончаніе).

Александръ Матвѣевичъ среди семейныхъ сладостей совсѣмъ забылъ о долгѣ, который онъ сдѣлалъ до свадьбы для приведенія своей особы въ приличный новобрачному видъ и въ надеждѣ уплатить занятыя деньги изъ капитала своей будущей супруги. Но, какъ мы видѣли, эту надежду пришлось отнести къ разряду не-

сбывшихся; Александръ Матвѣевичъ не только не могъ пользоваться этимъ капиталомъ, но даже ему не удалось, какъ онъ самъ выразился, и понюхать его. По-настоящему, что появленіе повѣреннаго господина Птичкина застало Александра Матвѣевича въ очень затруднительномъ положеніи и преизвело далеко не пріятное впечатлѣніе. Откуда взять деньги? Просить у жены? Но это все равно, что обращаться съ просьбою къ камню.

*) См. Политическое обозрѣніе „Нивы“ за 1876 г. №№ 45 и 50 и за 1877 г. № 2.

„Что я теперь буду дѣлать? раздумывалъ мужъ богатой жены. Гдѣ найти тотъ источникъ, изъ котораго я бы могъ почерпнуть сто рублей, чтобы отдать ихъ Птичкину?“

Въ раздумьѣ Александръ Матвѣевичъ взялся за портъ-сигаръ, чтобы утѣшить себя папироской.

„Да вѣдь папиросъ-то нѣтъ, вспомнилъ онъ. — Вотъ несчастіе! Курить хочется, а курить нечего... Идти просить у своей благовѣрной? Опять обругаетъ и вѣрно не дастъ за то, что двадцать три копѣйки передержать... Никогда не былъ въ такомъ сквернѣйшемъ положеніи“.

Дверь тихо отворилась и въ комнату вошла Ивановна, неслышно ступая по полу и сжась, какъ будто желая какъ можно меньше занять мѣста своей особой.

— Ты чѣмъ припелась? спросилъ Александръ Матвѣевичъ, принявъ грозный видъ.

— Провѣдать пришла, милый баринъ, отвѣчала Ивановна самымъ смиреннымъ тономъ.

— Покорно благодарю за вниманіе, иронически отвѣтилъ Александръ Матвѣевичъ.

— Какъ поживаете, милый баринъ?

— Какъ сыръ въ маслѣ.

— Ну и слава Богу, съ умиленіемъ произнесла Ивановна. А вотъ меня, старушку, и забыли, милый баринъ.

— Ошибаетесь, прекрасная женщина; напротивъ, каждую минуту вспоминаю.

— Вы, милый баринъ, обѣщали наградить меня, старуху, за хлопоты, когда я найду вамъ богатую невѣсту, а я до сихъ поръ и синя пороха не видала.

— Наградить! вскричалъ Александръ Матвѣевичъ, сверкая глазами. Тебя награждать! Повѣсить тебя надо.

— За что-жъ это? спросила Ивановна, съ изумленіемъ смотря на Александра Матвѣевича.

— Какую ты мнѣ невѣсту сосватала? спросилъ Александръ Матвѣевичъ, наступая на Ивановну.

— Какую сами желали, милый баринъ, такую и сватала.

— Врешь, самымъ безсовѣстнымъ образомъ! Я хотѣлъ, чтобы ты отыскала мнѣ невѣсту богатую.

— Развѣ Маремьяна Ильинишна бѣдная? спросила Ивановна, пугаясь и ничего не понимая.

— Я этого не знаю, горячился Александръ Матвѣевичъ. Знаю только одно, что у меня ничего нѣтъ, и потому думаю, что ты сосватала мнѣ нищую.

— Куда же деньги-то дѣвались? съ недоумѣніемъ проговорила Ивановна. Вѣдь у нея были; это я навѣрно знаю, что были.

— Что-жъ изъ того, что ты знаешь? Ты, можетъ быть, знаешь, что у какой-нибудь Матрены Антиповны миллионъ есть; что-жъ мнѣ отъ этого легче, теплѣе.

— Чѣмъ я тутъ виновата, милый баринъ?

— Какъ чѣмъ виновата? Ты говорила, что я буду полнымъ хозяиномъ въ домѣ, что въ моихъ рукахъ будетъ и капиталъ и домъ, чего мнѣ и нужно было; а что изъ этого вышло? Ну! И ты еще награды смѣешь требовать! Развѣ ты стоишь ея? Да и откуда я ее возьму.

Ивановна была совершенно поражена—надѣялась получить награду, а вмѣсто того, получила строжайшій выговоръ.

Бурную сцену между Александромъ Матвѣевичемъ и Ивановной прекратила Аграфена Степановна, вошедшая въ комнату. Старушка была печальна и вообще какъ-то одурилась. Видно было, что женитьба сына на богатой невѣстѣ и на нее не произвела благотворнаго вліянія.

— Слышите, маменька, что говоритъ эта старуха? обратился къ матери Александръ Матвѣевичъ.

— Что? равнодушно спросила Аграфена Степановна.

— Награды требуетъ за свое сватовство.

— Вы сами, милый баринъ, просили!

— Да, Ивановна, удружила ужъ ты! съ упрекомъ сказала Аграфена Степановна.

— Да чѣмъ же, милая барыня, я-то виновата?

— Да, вѣдь, должна же ты была знать, какая это женщина; вѣдь ты знала, что она дрожитъ за каждую копѣйку; а ты между тѣмъ расхваливала ее, что она и такая, и сякая, что добрѣе ея и на свѣтѣ нѣтъ.

— Вѣдь какъ-же въ душу-то человѣка влѣзешь? оправдывалась попавшая въ просакъ сваха.

Повздорили, погорѣвали и разошлись, оставшись каждый при своемъ, такъ сказать, печальномъ интересѣ.

IV.

Прошло нѣсколько недѣль еще. Александръ Матвѣевичъ томился, томился и вдругъ открылъ средство къ улучшенію своего положенія. Было это снова при Ивановнѣ.

Александръ Матвѣевичъ сидѣлъ мрачный слушая жалобы матери на скудость его „молодой супруги“ и вдругъ вскочивъ съ мѣста, трагически прошепталъ: нашель.

Аграфена Степановна и Ивановна даже вздрогнули. — Что такое опять нашель? съ неудовольствіемъ спросила Аграфена Степановна, не довѣрявшая уже этимъ внезапнымъ находкамъ сына.

— Средство сдѣлаться полновластнымъ хозяиномъ въ домѣ своей жены, торжественно отвѣтилъ Александръ Матвѣевичъ.

— Ну ужъ ты разъ тоже нашель средство жить, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, а вышло житье хуже прежняго; и теперь, вѣрно, то же самое будетъ.

— Нѣтъ, ужъ теперь будетъ не то...

Въ сосѣдней комнатѣ слышались тяжелые шаги.

— Тсъ! Маремьяна приближается, сказалъ Александръ Матвѣевичъ, и я начинаю.

И какъ только Маремьяна Ильинишна показала въ дверяхъ, Александръ Матвѣевичъ, какъ будто не замѣчая ея, заговорилъ:

— Знаете, маменька, опять убійство случилось.

Маремьяна Ильинишна, пришедшая съ цѣлью поворчать и побраниться, остановилась и насторожила уши; лицо ея нѣсколько поблѣднѣло.

— Неужели? спросила Аграфена Степановна.

— Да; вотъ сейчасъ знакомый у меня былъ, такъ сказывалъ.

— Кого же убили? нетвердымъ голосомъ спросила Маремьяна Ильинишна, присоединяясь къ обществу.

— Какую-то пожилую женщину, отвѣтилъ небрежно Александръ Матвѣевичъ. Жила она одна, ну и деньги были; добрые люди объ этомъ провѣдали, взяли да и убили.

— Экія страсти нынче! воскликнула Маремьяна Ильинишна, очень перепуганная.

— И знаете чѣмъ убили? продолжалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Чѣмъ? спросила Аграфена Степановна, тоже не чувствовавшая себя совершенно спокойною.

— Ухватомъ.

— Господи, ухватомъ! опять воскликнула Маремьяна Ильинишна.

— Да, ухватомъ, повторилъ Александръ Матвѣевичъ, наслаждаясь произведеннымъ впечатлѣніемъ.

— Господи, Господи! восклицала Маремьяна Ильинишна, блѣднѣя все больше и больше.

— Нынче, просто, хоть не живи на свѣтѣ, замѣтила Аграфена Степановна.

— Да, барыня, ваша правда, подтвердила Ивановна.

— И все унесли, что было, продолжалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Ты бы, Александръ Матвѣевичъ, пистолетъ завель, сказала Маремьяна Ильинишна.

— Зачѣмъ мнѣ онъ?
 — Да такъ, на всякій случай.
 — Меня не убьютъ и не ограбятъ, потому что грабить нечего.
 — Не одинъ же ты здѣсь живешь.
 — Я здѣсь жить не буду.
 — Какъ не будешь? вскрикнула Маремьяна Ильинишна, испугавшись и блѣднѣя.
 — Такъ, не буду, равнодушно отвѣтилъ Александръ Матвѣевичъ.
 Маремьяна Ильинишна была совершенно поражена.

— А я-то какъ же? спросила Маремьяна Ильинишна, не имѣя силы придти въ себя отъ неожиданной вѣсти.
 — Какъ знаете, такъ и живите, все такъ же небрежно продолжалъ отвѣчать Александръ Матвѣевичъ, не смотря на жену.
 — Какъ же ты отъ жены можешь уйти? нашлась наконецъ Маремьяна Ильинишна.
 — Жена отъ мужа не можетъ уйти а мужъ отъ жены можетъ.
 — Не можетъ быть, чтобъ такой законъ былъ.
 — Ну, а я вамъ докажу, что есть.

Въ полярныхъ льдахъ. Оригинальный рис. Н. Каразина, грав. Куренковъ.

она потеряла всякое соображеніе и тупо смотрѣла на мужа.

— Что ты говоришь тутъ такое, произнесла она заикаясь.

— Больше ничего, что я не буду здѣсь жить, то есть въ этомъ домѣ, вмѣстѣ съ вами, а буду жить одинъ.

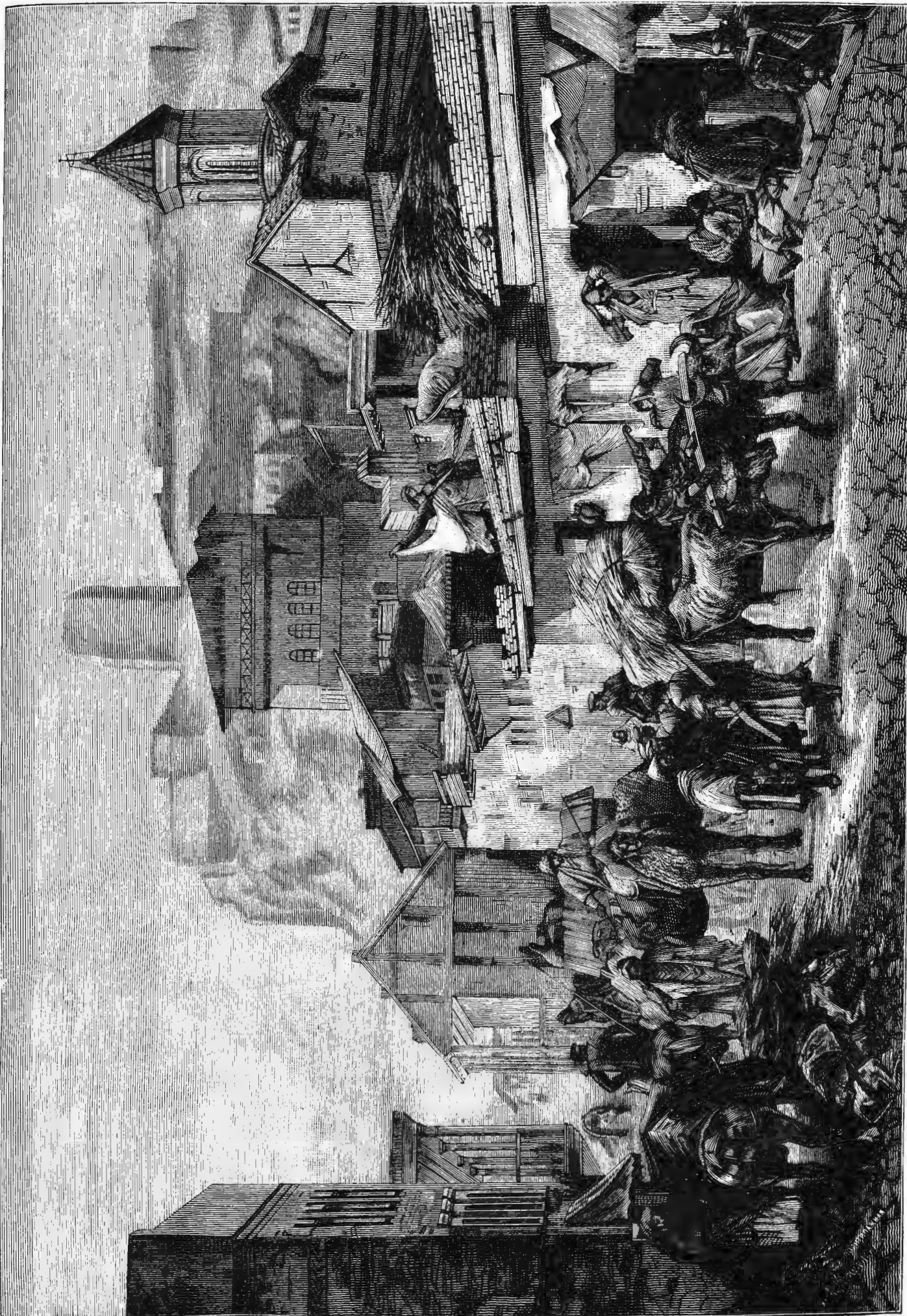
— Какъ же это?

— Очень просто: найму квартиру и буду жить съ маменькой, какъ прежде жилъ, когда не былъ еще вашимъ счастливымъ супругомъ.

— Съ чего-жъ тебѣ это въ голову пришло? спросила Маремьяна Ильинишна.

И въ голосѣ ея послышалась необычная мягкость и нѣжность.

— Я не хочу оскорбленій переносить, заговорилъ Александръ Матвѣевичъ съ чувствомъ собственнаго достоинства; не хочу играть роль сторожа или собаки, которая должна стеречь чужое добро. Я привыкъ быть хозяиномъ, распоряжаться въ домѣ; а здѣсь я что такое? Богъ одинъ знаетъ. Десять лѣтъ вѣрой и правдой прослужилъ своему начальству, заслуживалъ повышения

Улица въ Тифлисѣ. Картина профессора Горшельга, рис. на деревѣ Ваньюра, грав. Ковнацкій.

и награды, пользовался довѣріемъ начальства, понимаете-ли? довѣріемъ начальства — и вдругъ вы мнѣ не довѣряете; да развѣ вы выше начальства, умнѣе его.

— Да съ чего-жь ты это все въ голову забралъ?

— Какъ съ чего? Да развѣ я здѣсь хозяинъ? развѣ я могу хоть одной копѣйкой распорядиться? Десятокъ папирсовъ надо купить, и за этимъ долженъ къ вамъ обратиться, да еще съ три короба нотаций выслушать.

— Ты наживи свои деньги, да тогда и распоряджайся, сказала Маремьяна Ильинишна, и появившаяся было въ ея голосѣ мягкость вдругъ при первыхъ словахъ о деньгахъ исчезла, голосъ по прежнему сталъ грубъ и раздражителенъ.

Крѣпко стояла Маремьяна Ильинишна на стражѣ у своихъ сокровищъ.

— Ну, и конечно дѣло, и живите съ своими деньгами однѣ, а я не хочу съ вами жить, продолжалъ Александръ Матвѣвичъ. Изволите видѣть, она будетъ сидѣть на своихъ деньгахъ, а я защищай ихъ, да и ее еще, подвергай свою жизнь опасности, проливай кровь. Нѣтъ, покорно благодарю, зачѣмъ же. Одному мнѣ спокойнѣе будетъ жить, бояться нечего, а вамъ пусть грозить ухватъ, а можетъ и еще что-нибудь похуже.

Маремьяна Ильинишна въ ужасѣ перекрестилась.

— Я еще самъ стану вездѣ разсказывать, что у васъ много денегъ есть, пусть къ вамъ приходятъ.

— Полно, Саша, глупости говорить, остановила Александра Матвѣвича мать.

— Нѣтъ, не глупости; я это сдѣлаю, непремѣнно сдѣлаю, говорилъ Александръ Матвѣвичъ, сильно размахивая руками. О, я дѣлаюсь страшень, когда меня оскорбятъ. Я буду мстить.

— Да полно тебѣ... начала Маремьяна Ильинишна, дрожа отъ страха.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите ни слова! горячился Александръ Матвѣвичъ! Я вамъ говорю, что я страшень! Пусть васъ убиваютъ, грабятъ, я стану смѣяться.

— Александръ Матвѣвичъ!... воскликнула Маремьяна Ильинишна видѣ себя.

— Нѣтъ, вы меня оскорбили, и я вамъ отомщу.

— Да чѣмъ же я тебя оскорбила?

— Всѣмъ.

— Да чѣмъ-же всѣмъ-то.

— Своимъ недовѣріемъ, тѣмъ, что вы не позволяете мнѣ ничѣмъ распорядиться.

— Да распоряджайся, кто тебѣ мѣшаетъ.

— Я хочу быть полнымъ хозяиномъ.

— И будь, Богъ съ тобой.

— Вы это теперь только такъ говорите, а потомъ, какъ страхъ пройдетъ, опять въ свои руки заберете.

— Что мнѣ обманывать, слабымъ голосомъ сказала Маремьяна Ильинишна. Распоряджайся...

Но Александру Матвѣвичу не долго пришлось распоряджаться. Маремьяна Ильинишна была себѣ на умѣ. Она въ тотъ же день пригласила плотника и слесаря, передѣлала заново двери, замки и ставни у своей спальни и стала держать ее всегда на запорѣ, крѣпко запираясь на ночь.

— Что мнѣ съ ней дѣлать? охаль Александръ Матвѣвичъ, не зная, какъ выйдти изъ затруднительнаго положенія.

По векселю стали требовать уплаты. Маремьяна Ильинишна, конечно, не уплатила, и Александръ Матвѣвичъ оказался въ долговомъ.

Супруга его часто навѣщала въ его новомъ помѣщеніи и утѣшала, что вотъ Богъ дастъ скоро и срокъ его заключенія окончится.

— Высидишь, голубчикъ, все равно, за то денежки-то у меня цѣлы будутъ.

Онъ высидѣлъ.

Теперь опять живутъ вмѣстѣ. Она по прежнему считаетъ каждую копѣйку, а онъ уже снова задолжалъ и видимо не миновать ему опять долгового.

Счастливое супружество! и Богъ знаетъ, кто изъ нихъ болѣе достоинъ сожалѣнія. Кажется, оба одинаково, ибо въ нравственномъ отношеніи похожи одинъ на другого, какъ двѣ капли воды.

NN

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

(КЪ ОРКЕСТРОВОЙ ФАНТАЗИИ „DANSE MACABRES, СЕНТЬ-САНА“).

Съ старой башни на кладбищѣ,
Въ царствѣ смерти и могилъ
Заунывно-хриплымъ звономъ
Полночь колоколъ пробилъ.
Лучъ луны какъ будто вздрогнулъ,
И сверкала, пробѣжала
По покрытымъ мохомъ камнямъ,
На травѣ затрепетала.
Онъ холоднымъ, мертвымъ блескомъ
Все кладбище освѣтилъ...
Словно саваномъ одѣтый
Поблѣлъ весь рядъ могилъ.
Подъ камнями застонали
Мертвецы, и задрожали
Сѣрый камень, что близъ башни
Сотни лѣтъ въ землѣ лежалъ.
Онъ поднялся, отвалился,
Подъ собой открылъ онъ ходъ;
И тамъ слышно: по ступенямъ
Подъ землю Смерть идетъ.
Вышла... Мрачно-глухо кости
Рукъ и ногъ у ней стучать,
Вмѣсто глазъ—большія дыры
Тусклымъ пламенемъ горятъ,
Вмѣсто рта—въ широкой щели
Длинный, бѣлый рядъ зубовъ,
И рѣшетиной сквозною
Гнутся ребра съ двухъ боковъ.
У нея въ рукахъ скрипница...
Подойдя къ ряду могилъ,
Гдѣ такъ ярко каждый камень

Лучъ луны осеребрилъ.
Въ тактъ ногой своей костлявой
Начинаетъ Смерть стучать,
Глухо щелкаетъ зубами,
Мертвецовъ зоветъ плясать.
Все кладбище застонало...
Изъ-подъ камней поднялись
Мертвецы, и съ дикимъ воемъ
Вкругъ нея они сошлись.
Танецъ бѣшеный играетъ
Смерть собравшимся гостямъ,
Пробѣгаетъ дрожь восторга
По истлѣвшимъ ихъ костямъ.
Заплясали, закружились
Сумасшедшею толпой...
Тѣни быстрыя мелькаютъ
Подъ сверкающей луной.
Слышно щелканье зубами,
Слышенъ хряскъ и стукъ костей,
Слышенъ хохотъ дичій, страшный...
Средь разваленныхъ камней.
Мертвецы какъ вихрь несутся,
Ихъ глаза огнемъ горятъ,
И они, обнявшись крѣпко,
Въ вальсъ бѣшеномъ летятъ...

* * *

Сквозь хаосъ безумной пляски
Звукъ скрипки такъ и льются,
Съ страстно-чувственнымъ задоромъ

Надъ могилами несутся;
И подъ звукъ неотразимый
Всякій кустъ вѣтвями машетъ
Всякій памятникъ и камень
Сорвался съ земли и пляшетъ.
Часть пробило съ старой башни...
Пляшутъ гости все быстрые,
Съ странной скрипки льются звуки
Все любовный и страстный.
Вдругъ, далеко за кладбищемъ,
На селѣ вѣтухъ пропѣлъ...
Мертвецы остановились...
Какъ то странно заскрипѣлъ
Звукъ столь дивной прежде скрипки...
И смѣшавшейся толпой
Гости всѣ бѣгутъ къ могиламъ,
Всѣ торопятся домой...
Въ мигъ исчезли всѣ по ямамъ...
Съ трескомъ камни поднялись,
Навалились на могилы
И съ землею вновь срослись.
Смерть исчезла... Въ тихомъ царствѣ
Снова миръ и тишина,
Снова камни освѣщаетъ
Серебристая луна.
Снова тихо шепчетъ вѣтеръ
Пробѣгая надъ травой,
И скрипитъ тихонько дверью
У сторожки отпертой.

А. Размадзе.

ПОЛЯРНЫЕ ЛЬДЫ, ИЛИ АЙСБЕРГИ, И ПОЛЯРНОЕ ОТКРЫТОЕ МОРЕ.

Полярные льды заслуживают особеннаго вниманія. Это вовсе не тѣ льды, которые всѣ мы привыкли видѣть каждую зиму; айсберги представляютъ такія колоссальныя громады, которыя возвышаются надъ уровнемъ моря отъ 300 до 400 даже 500 футовъ вверхъ; въ глубину же вода опускается на 700 и 800 футовъ и справедливо называются плавающими *ледяными горами*, предъ которыми огромный трехналубный корабль покажется самымъ маленькимъ предметомъ. Морской ледъ бываетъ иногда ослѣнительно бѣлъ, какъ снѣгъ, иногда восхитительно зеленого, голубого и фіолетоваго цвѣта, а иногда совершенно прозраченъ, какъ хрусталь, формируясь то впадинами, то большими массами, то громадясь неприступными, неизмѣрными стѣнами, въ которыхъ, какъ въ настоящихъ горахъ, образуются обширныя расщелины и пещеры—эти залы и гостиныя моржей, бѣлыхъ медвѣдей, пингвиновъ, пушистыхъ гагъ и безчисленныхъ гусей и журавлей. Часто въ плавающихъ льдахъ бывають цѣлыя минеральныя пласты и громадные камни, силою оторванные отъ земли, иногда вымершія огромныя деревья, которыя отъ тренія этихъ ледяныхъ горъ воспламеняются.

Ледяныя горы, называемыя обыкновенно у мореплавателей *айсбергами*, весьма различны по своему характеру въ сѣверныхъ и южныхъ полярныхъ пространствахъ. Въ Арктическомъ океанѣ льдины или вѣрнѣе ледяныя горы медленно двигаются необозримыми сплошными массами и чрезвычайно громадны, какъ по своему протяженію и объему, такъ и высотѣ. Айсбергъ, замѣченный Дюмонъ-Дюрвилемъ, имѣлъ 13 миль въ длину. Даже меньшіе уступы его отвѣсныхъ окраинъ имѣли отъ 100 до 180 футовъ въ вышину, не говоря уже о среднихъ вершинахъ и пикахъ. Льды же Антарктическаго океана отличаются, на оборотъ, своею разбросанностью, быстро подвижностью и относительно малымъ объемомъ: если на сѣверѣ айсбергъ Дюмонъ-Дюрвиля имѣлъ 13 миль въ длину, то антарктическіе, самыя большіе айсберги сэра Джемса Росса едва имѣли $\frac{1}{4}$ мили въ окружности. Южный Ледовитый океанъ почти всегда волнуется, на немъ видна постоянная зыбь и самыя страшныя бури весьма обыкновенны; онѣ взламываютъ и сбрасываютъ ледъ, отчего плаваніе становится крайне опаснымъ. Громадныя массы измѣльченнаго волненіемъ льда яростно зыблются на протяженіи 1000 и 1200 миль. При этомъ качаніи льдовъ слышится страшный ревъ переваливающихся одна чрезъ другую волнъ и трескъ льдинъ, сопровождаемый визгомъ и стономъ бури. Эти зыблющіеся неизмѣримыя площади южныхъ льдовъ известны у моряковъ подъ именемъ *пика*. Сплошныя, гигантскія массы арктическихъ айсберговъ доходятъ до 30, 50 и 100 миль въ діаметрѣ. Онѣ имѣють видъ мѣловыхъ утесовъ съ изумруднымъ взломомъ. На обширной и блестящей поверхности ихъ образуются голубыя озера чистѣйшей воды, перемежающейся ледяными и снѣжными полями. Съ нихъ текутъ въ море и извивающіяся ручейки и стремительныя потоки, съ нихъ свержаются и шумные, ревущіе водопады и льются небольшіе каскады. Днемъ ледяныя горы рѣзко обозначаются темно-синимъ колоритомъ атмосферы, а ночью рисуются отраженіемъ снѣжнаго отвѣта на горизонтѣ.

Мореплаватели, посѣщавшіе полярныя воды, увѣряютъ единогласно, что въ сосѣдствѣ съ полюсомъ, за 82 параллелью, находится открытый океанъ (собственно Арктическій океанъ), имѣющій отъ 3 до 4 тысячъ миль въ діаметрѣ и окаймленный, въ зимнее время, ледянымъ поясомъ, который съ появленіемъ теплыхъ лучей весенняго солнца, ломается на огромныя массы или отдѣльныя ледяныя горы по 100 миль въ длину и по 500 футовъ въ вышину, и по нѣскольку десятковъ миллионновъ пудовъ вѣсомъ, которыя иногда приходятъ въ вращательное движеніе, ударяясь другъ о друга съ ужасной силой, и подвигаются на югъ громадными массами, имѣющими тысячу по двадцати квадратныхъ миль. Айсберги удаляются отъ полюсовъ на югъ тысячами на четыре версты, гдѣ они не только сильно охлаждають воду, но и окружающій воздухъ миль на 40 и даже на 50.

Капитанъ Парри, командиръ корабля „*Леди Франклинъ*“, нашелъ въ высокихъ широтахъ (80°) проливъ, названный по его

имени, который вовсе не былъ покрытъ льдомъ. Кроме того, съ высокихъ ледяныхъ горъ онъ видѣлъ на обширномъ горизонтѣ открытое море и такъ называемое *водно небо* *) изъ чего и пришелъ къ заключенію объ открытіи полярнаго океана. Капитанъ Инглфильдъ, проходя въ полдень около 79-й параллели, когда солнце ярко свѣтило на горизонтѣ, увидѣлъ съ вершины мачты безпредѣльное пространство открытаго океана, катившаго свои волны въ направленіи отъ сѣвернаго полюса. Капитанъ Кэпъ достигнулъ 82½ параллели, т. е. сѣверной, ближайшей къ полюсу окраины Гренландіи, до которой едва ли достигалъ кто изъ людей, кроме его. По причинѣ неизмѣрной суровости этой страны, имѣвшей среднюю температуру—41° по Р., страны вѣчно закованной въ ледъ, гдѣ хлористый эфиръ замерзъ въ первый разъ отъ естественнаго холода, не говоря уже о крѣпко отвердѣвшихъ масляныхъ эссенціяхъ или о замерзшихъ 57 собакахъ, которыя тащили на саняхъ путешественника, провизію и инструменты. И онъ, также какъ другіе, замѣтилъ взбѣгавшую на ледяные берега большую зыбь, гонимую волнами далекаго безпредѣльнаго океана. Эти волны то подымались, то опускались при дѣйствіи прилива и отлива, имѣвшихъ колебель свою въ полюсѣ.

Какъ ужасны и опасны морскія экспедиціи въ полярныя страны, можно заключить изъ описанія самаго сэра Джемса Росса, командира двухъ кораблей, испытавшихъ всѣ ужасы полярной бури среди льдовъ и ночной мглы. „Вскорѣ послѣ полночи мы вступили въ океанъ волнующихся льдинъ, твердыхъ, какъ плавающія громады скалы и ударяющихся о корабль съ такою силою, что мачты дрожали, готовыя упасть при каждомъ послѣдующемъ ударѣ; разрушеніе нашихъ судовъ казалось неизбежнымъ отъ получаемыхъ ими страшныхъ ударовъ. Въ началѣ шторма руль „*Эребуса*“ былъ такъ сильно поврежденъ, что оказался ни къ чему негоднымъ; почти въ то же самое время я узналъ по сигналу отъ „*Террора*“, что и его руль совершенно раздробленъ и почти оторванъ отъ кормы. Время проходило часъ за часомъ, а страшныя условія, въ которыя мы были поставлены, не измѣнялись. Одного громкаго треска отъ сдавленныхъ бизсовъ и надубѣ, по мѣрѣ того какъ на нихъ сыпались удары льдинъ, неотразимые при всѣхъ усиліяхъ экипажа, было достаточно, чтобы переполнить отчаяніемъ самыя твердыя сердца, неподкрѣпленныя вѣрою въ Провидѣніе, руководящее всѣми событіями, но, не смотря на это, я былъ бы въ высшей степени несправедливъ къ своимъ соотечественникамъ, если бы не выразилъ удивленія ихъ мужеству во время такого испытующаго бѣдствія. Въ теченіе 28 часовъ сряду, изъ которыхъ, кажется, не выпало ни одного такого, когда бы можно было надѣяться дожить до слѣдующаго часа, хладнокровіе, непоколебимая покорность и неистощимая энергія каждаго были вполне достойны мужественныхъ англійскихъ матросовъ!

„Штормъ достигъ наибольшей своей силы въ два часа пополудни, когда барометръ упалъ до 28° 40', но послѣ этого ртуть начала опять подыматься. Втиснутые въ глубину многихъ миль въ *пика*, мы однако же не замѣчали, чтобъ волненіе совершенно прекратилось, и наши корабли, перебрасываемые съ мѣста на мѣсто, все еще стонали среди тяжелыхъ, дробившихся другъ о друга ледяныхъ глыбъ, чрезъ которыя океанъ перекатывалъ свои гигантскія волны, набрасывая огромныя льдины одна на другую, и затѣмъ снова погребая ихъ глубоко подъ своими ибняющимися водами и размельчая съ страшною силою“.

На помѣщенномъ въ этомъ № рисункѣ мы видимъ тихую полярную ночь, глубокой мракъ которой озаряется блѣднымъ, какъ бы умирающимъ отъ холоду, свѣтомъ луны. Уныло глядится она въ воды океана и освѣщаетъ мертвенныя ледяныя горы. Единственный предметъ, напоминающій жизнь—это корабль, оледенѣвшій, какъ и вся окружающая природа, и удрученный намершимъ на мачтахъ и парусахъ льдомъ, склонился отъ тяжести къ тому же безжизненному льду, на которомъ, быть можетъ, снасаясь гибнущій экипажъ и пропавшій, конечно, безъ вѣсти, въ мятеляхъ снѣжныхъ полей.

Н. Зуевъ.

ТИФЛИСЬ И ЕГО УЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ.

Какъ Москву когда-то князь Меньшиковъ назвалъ: „великомученицей“, такъ и Тифлисъ запержитыя имъ въ теченіе многихъ вѣковъ невзгоды, можетъ быть названъ „многострадальнымъ“. Будучи сдѣланъ въ 455 году столицей Грузіи, такъ какъ до этого времени столица царства была въ Мхцетѣ, онъ вплоть до 1800 года, т. е. до времени занятія его русскими войсками, становится открытой стѣною для набѣговъ дикихъ и кровожадныхъ народовъ какъ-то: арабовъ, монголовъ, персовъ и сосѣднихъ лезгинъ. Такъ, въ 1226 году Джеланъ-Еддинъ, султанъ хорасанскій, осадилъ Тифлисъ, взялъ его и разграбилъ, а жителей умертвилъ великое множество. Безчеловѣчный Тимуръ шесть

разъ былъ въ Тифлисѣ, каждый разъ производя страшно опустошеніе, предавая все огню и мечу, а часть жителей увлекая за собою въ рабство. Даже въ 1795 году, при грузинскомъ царѣ Иракліѣ II, персидскій шахъ, Ага Магомедъ, ограбилъ городъ и увелъ въ плѣнъ множество жителей, несмотра на то, что въ 1783 г. Иракліѣ II заключилъ съ Россіей трактатъ, которымъ признавалъ надъ собою верховную власть Россіи. По смерти сына его Георгія XIII царство грузинское окончателно присоедини-

*) Небо, отражающее воду. Подъ этими высокими широтами у горизонта видъ неба, раскинутаго надъ водою, отличается отъ его вида надъ льдами.

лось къ Россійской имперіи, а въ 1799 году Тифлисъ былъ занятъ русскими войсками. Съ тѣхъ поръ населеніе города, не боясь болѣе непріятельскихъ набѣговъ, могло спокойно совершенствоваться свое благосостояніе; развитіе Тифлиса, дѣйствительно, шло такъ усильно, что въ настоящее время онъ безспорно занимаетъ первое мѣсто между всѣми городами Кавказскаго наместничества.

Населеніе Тифлиса по послѣдней переписи простирается до 71051 жит., изъ которыхъ однихъ ремесленниковъ насчитывается до 6000, и нѣтъ сомнѣнія, что Тифлису предстоитъ блестящая будущность.

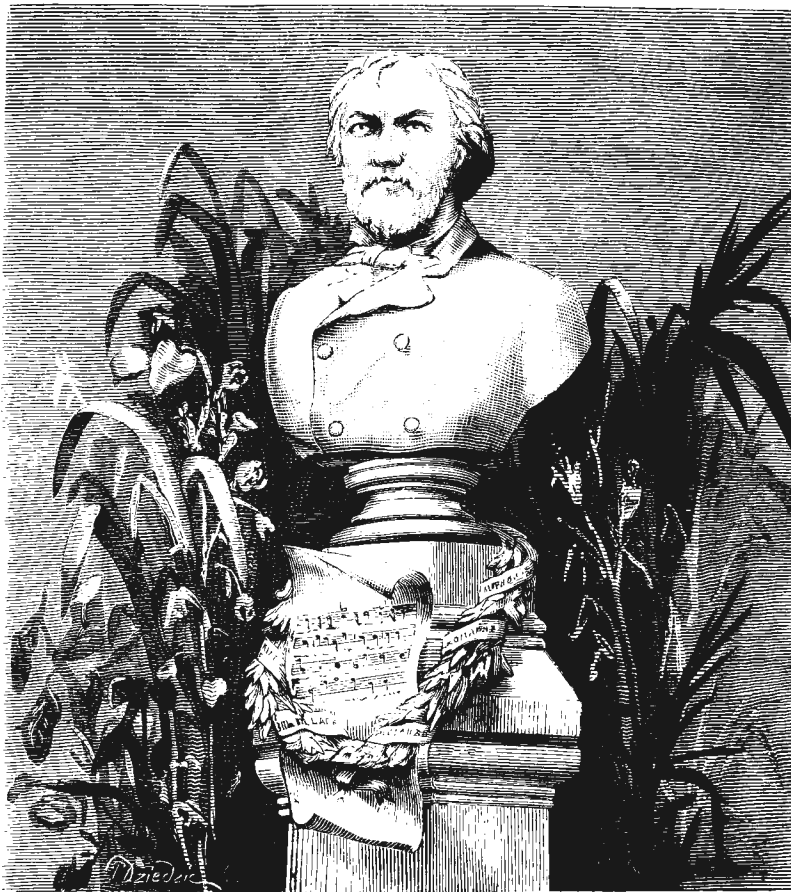
Пока здѣсь еще замѣтенъ востокъ съ свойственнымъ ему живописнымъ хаосомъ зданій, но европейское вліяніе рѣшительно беретъ верхъ надъ старымъ порядкомъ вещей, и городъ, вступивъ во владѣніе русскаго правительства, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе улучшается. Видность зданій значительно измѣнилась и лишь въ нѣкоторыхъ немногихъ частяхъ города еще преобладаютъ старыя постройки съ террасами и плоскими крышами, тогда какъ еще очень недавно такія постройки встрѣчались повсюду, а при занятіи города русскими скученность зданій была такова, что, по рассказамъ современниковъ, особы прекраснаго пола, не смѣя по обычаю выходить на улицу, прогуливались по крышамъ домовъ, посѣщая своихъ подругъ и обходя такимъ образомъ цѣлыя улицы и даже кварталы. Много труда стоило приучать Тифлисцевъ къ необходимой чистотности и порядку и прекратить страшную вошь отъ боенъ и кожевенныхъ заводовъ (теперь они за городомъ). Тифлисъ долго не могъ отстать отъ своихъ азиатскихъ привычекъ, и Грузины неохотно принимали всякое нововведеніе, помня свою родную поговорку „не оставяи ни стараго друга, ни старой дороги“. Пушкинъ посѣтившій Тифлисъ въ 1828 г., назвалъ городъ еще съ совершенно азиатскимъ характеромъ, съ низкими домами, похожими на землянки и плоскими кровлями. Теперь все измѣнилось: множество прекрасныхъ общественныхъ и частныхъ зданій украшаютъ собою улицы города и особенно ту его часть, которая

лежитъ на правомъ берегу быстрой, хотя и довольно мелкой рѣки Куры, разделяющей Тифлисъ на двѣ части, соединяемыя четырьмя постоянными мостами. Дворецъ Намѣстника, зданіе театра и прекрасный публичный садъ, называемый александровскимъ могли-бы служить украшеніемъ самой роскошной столицы. По берегамъ рѣки попадаются узкія, извилистыя, кривыя улицы, остатки добраго, стараго времени. Въ этихъ улицахъ, встрѣчаются представители самыхъ разнообразныхъ народностей; персы, армяне, татары, курды, лезгины и хозяева города—грузины. Вся эта толпа галдитъ на различныхъ нарѣчіяхъ и не даетъ ни кому дороги. Но вотъ кто то кричитъ во все горло: *Хабирда* (посторонись), и толпа разступается пропуская или неуклюжю! тяжелую арбу, запряженную волами, или цѣлую вереницу ословъ, сопровождаемыхъ погонщиками, которыхъ обычный крикъ: *аим, аим!* сливается съ общимъ гуломъ. Туземный водоносъ (тулухчи)

и посыльщикъ тяжестей (Муша) попадаютъ здѣсь почти на каждомъ шагѣ. Смиренный тулухчи въ валеной, конической шапкѣ тихо шествуетъ по пятамъ своей лошади, навьюченной мѣхами, наполненными водой. Муша же—это мускулистый, сильный армянецъ, вѣчно несущій какую нибудь тяжесть на своей спинѣ, покрытой подушкой, набитой шерстью. Тутъ же въ этой толпѣ, часто шагаетъ неуклюжій верблюдъ и тѣснитъ еще болѣе и безъ того узкую дорогу. По обѣимъ сторонамъ улицы тянутся ряды ветхихъ лавочекъ и навѣсовъ, хозяева которыхъ въ одно время и производители и торговцы, работая въ лавкѣ, загромождаютъ своими произведеніями узкій тротуаръ предназначенный для пѣшеходовъ. Особенно живая дѣятельность кипитъ на армянскомъ базарѣ—цѣломъ лабиринтѣ разныхъ лавочекъ и закутковъ. Здѣсь торгуютъ и промышленяютъ чѣмъ угодно; тутъ все найдете: и булочныя, и питейныя, и кофейни, и цирюльни, и харчевни. Около фруктовыхъ лавокъ постоянно стоитъ толпа самой разнохарактерной публики, привлекаемая ла-

комымъ товаромъ, а также громкимъ зываніемъ торговцевъ, кричащихъ во все горло: „ай яблуку, ай виноградъ, ай персикъ“ и перечисляющихъ другія мудренныя названія мѣстныхъ, разнообразныхъ лакомствъ. Посѣтивъ базаръ и караванъ-сарай, въ которомъ производится весьма крупныя торговлыя операціи, путешественникъ не можетъ оставить безъ вниманія тифлискія горячія бани, устроенныя въ чисто-восточномъ вкусѣ. Онѣ всѣ каменные, со сводами, и расположены въ мѣстности, богатой горячими минеральными источниками, которыми обязаны Тифлисъ не только своей древней славой, но и самымъ названіемъ (Тбили по-грузински значить теплый.) Здѣсь баньщики по большей части персы и, по завѣренію многихъ путешественниковъ, а въ томъ числѣ А. Пушкина и А. Дюма, замѣчательные артисты по части ломанія суставовъ и вытягиванія членовъ, доставляющія туземцу при процессѣ мятія невыразимое наслажденіе. Въ то время какъ мужское населеніе блаженствуетъ и пируетъ въ баняхъ, женщины проводятъ время въ дѣланіи другъ другу визитовъ, въ совѣщаніяхъ съ мѣстными гадальщицами и ворожеями и въ посѣщеніи по обѣту церквей и преимущественно древняго Сіонскаго собора и церкви на горѣ св. Давида, около которой, среди прелестной мѣстности, покоится прахъ Грибоедова. При совершеніи такихъ паломничествъ можно вдоволь налюбоваться дѣльными красавицами въ ихъ живописныхъ и своеобразныхъ нарядахъ. Здѣсь некрасивыя женщины очень рѣдки; всѣ онѣ, почти безъ исключенія, обладаютъ правильными чертами лица, стройнымъ станомъ и большой граціей въ движеніяхъ. Къ сожалѣнію, при прелестной видности, рѣдки изъ нихъ отличаются умственнымъ развитіемъ, свободнымъ отъ множества старыхъ предрассудковъ и давно отжившихъ обычаевъ.

А. Н.

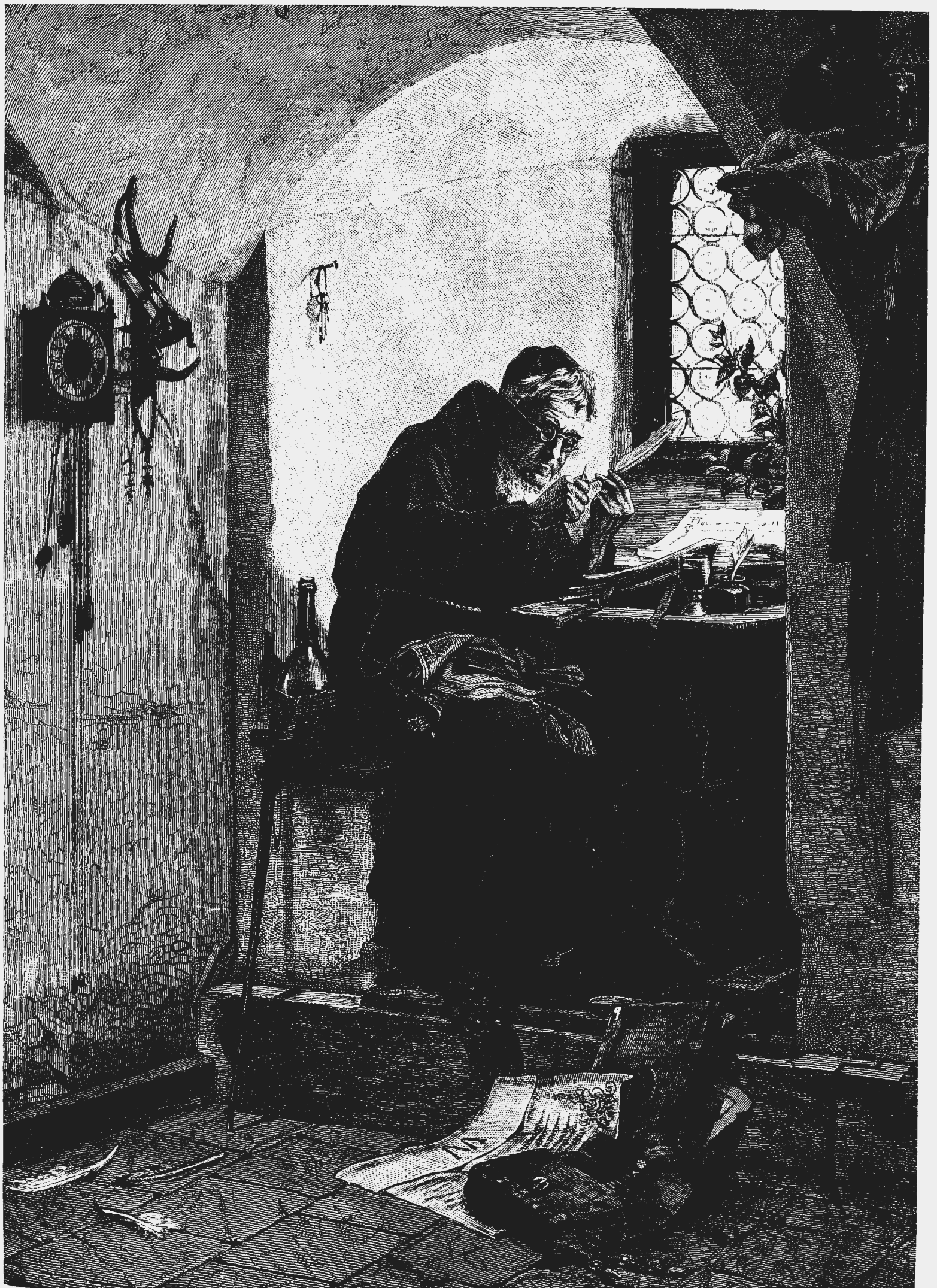
Бюстъ М. А. Глинки въ Фойѣ СПб. Имп. Маринскаго Театра.
Рис. Лосевъ, грав. Боярскій.

Бюстъ М. И. Глинки.

На страницахъ „Нивы“ былъ помѣщенъ портретъ нашего славнаго композитора Михаила Ивановича Глинки и биографическія свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности (см. Ниву 1874 г. № 48). Въ настоящее время, пользуясь случаемъ постановки его бюста въ главное фойѣ Маринскаго театра (противъ царской ложи), мы сообщаемъ нашимъ читателямъ о всѣхъ подробностяхъ, кото-

рымъ сопровождалась эта постановка. Бюстъ поставленъ 26 ноября 1876 г.

Это число было днемъ сорокалѣтія со времени появленія на сценѣ оперы „Жизнь за Царя“. Въ этотъ день шла именно эта опера. Прошла она лучше, чѣмъ когда либо прежде. О. А. Петровъ, конечно, исполнялъ партію Сусанина и, можетъ быть, онъ

Въ монастырской кельѣ. Картина Ференца Вебера, грав. Бренд'Амуръ.
Библиотека "Руниверс"

никогда не был великопѣнѣ, чѣмъ въ день этого сорокалѣтія оперы.

„Богъ знаетъ, говоритъ одинъ критикъ. явится-ли когда-нибудь еще на русской сценѣ человекъ, который съ такою потрясающею правдою способенъ былъ воплотить собою всю неподражаемую простоту, искренность и могучую силу народнаго русскаго типа, какъ его создалъ Глинка“. Последняя сцена, эпилогъ оперы, со знаменитымъ „Слався“, была вся посвящена торжественному вѣчанію Глинки. Бюстъ его, на высококомъ пьедесталѣ, окруженный цвѣтами и зеленью, освѣщенный пальмами, стоялъ посреди театральнаго сцены, освѣщенной лучемъ электрическаго свѣта. По сторонамъ стояли густою толпою всѣ главные артисты русской оперы, въ костюмахъ изъ „Жизни за Царя“ и „Руслана и Людмила“: съ одной стороны—Сусанинъ, Вая, Сабининъ, Антопидъ, съ другой Русланъ, Людмила, Свѣтозаръ, Горислава и т. д. Въ нѣсколько минутъ, сотни лавровыхъ

вѣнковъ, брошенныхъ изъ ложъ и партера, устилали все пространство, оставшееся еще пустымъ передъ подножіемъ бюста, и дублика, разомъ поднявшаяся со своихъ креселъ, прослушала стоя гениальный гимнъ Глинки и заставила его повторить. И все это время голова Глинки стояла увѣнчанная лавровымъ вѣнкомъ. Осипъ Аванасьевичъ Петровъ и сурруга его, Анна Яковлевна Петрова, съ глубокимъ талантомъ исполнявшіе крупныя роли глинковскихъ оперъ съ перваго появленія этихъ оперъ (онъ—Сусанинъ, Руслана и Фарлафа, она—Вая и Рагмира), занимали, по всему праву, первое мѣсто у подножія монумента Глинки, и они же возложили на голову своего великаго учителя давно ожидавшій его лавровый вѣнокъ. А. Я. Петровъ принесла вѣнокъ къ подножію пьедестала, О. А. Петровъ взшелъ на верхнюю ступеньку и, при громкѣ рукоплесканій цѣлою залы, надѣлъ вѣнокъ на голову бюста. Ни кому въ цѣлой Россіи эта роль не принадлежала въ такой степени, какъ этимъ двумъ высоко-талантливымъ людямъ.

МОНАШЕСТВО.

(По поводу рисунка).

Слово *монахъ* (отъ греч. *μοναχος* одинъ и *αχος* скорбь) означаетъ человекъ уединеннаго и вмѣстѣ скорбящаго о суетѣ міра и несовершенствѣхъ своей нравственной природы и затѣмъ вообще о несовершенствѣхъ нравственной природы всего человѣчества. Такой идеалъ монаха дѣйствительно и представляетъ намъ православная восточная церковь въ многочисленныхъ примѣрахъ своихъ подвижниковъ. Скорбь святыхъ подвижниковъ, каковы Антоній, Пахомій и др. далеко не личная только скорбь, а многообъемлющая, вытекающая непосредственно изъ ученія Христа.

Но это, такъ сказать, уже готовая идея монашества.

Что касается внѣшней формы въ которой представляется намъ въ первые вѣка монашеская община, то она была нѣсколько подготовлена отшельническими сектами *Иессеевъ* и *Ферапентовъ*, жившихъ въ цѣломудріи и дѣвственности общинами на Иорданѣ еще во времена Тиберія и, слѣдовательно, во время земной жизни Спасителя. Объ этихъ сектахъ было писано много, хотя мы знаемъ о нихъ все-таки мало. Говорили, что монастыри и лавры восточные суть копіи общежитія Иессеевъ и Ферапентовъ. Форма общежитія Иессеевъ, кромѣ того, имѣетъ для насъ интересъ и потому, что она поразила и заставила задуматься одного изъ образованныхъ римлянъ—Плинія. Онъ обрисовалъ жизнь этихъ пустыльниковъ въ слѣдующихъ словахъ: „Это во всемъ мірѣ самый удивительный народъ, немѣющей женщинъ, отказавшейся отъ всякаго плотскаго возжеланія, безъ всякихъ денегъ живущій подлѣ пальмъ. И такъ онъ живетъ тысячу вѣковъ (просто невѣроятно) и у нихъ никто не рождается. Такъ велико у этихъ людей презрѣніе къ жизни другихъ“.

Такой же взглядъ видѣнъ въ сужденіяхъ о христіанскомъ отшельничествѣ у разныхъ языческихъ писателей.

Если Плиній даетъ намъ описаніе образа жизни тѣхъ пустынническихъ сектъ, которыя по дѣвственному и общинному образу жизни близко подходили къ монастырской киновійской или лаврской общинѣ, то другіе, впрочемъ, малоизвѣстные языческіе писатели IV и V вѣка по Р. Хр. (напримѣръ извѣстный лат. египетскій поэтъ Клавдій Рутилій Нуманціанскій) даетъ намъ описаніе настоящихъ монаховъ и настоящей монашеской общины, уже сформировавшейся въ его время. Для насъ интересно это свидѣтельство римлянина, почти единственное въ устахъ язычника собственно о западномъ монашествѣ. Во время одного изъ своихъ морскихъ путешествій поэтъ, вмѣстѣ съ другими пассажирами корабля, былъ занесенъ бурей на о—въ Капрарію (Капрера). „Весь этотъ о—въ, говоритъ Рутилій, былъ заселенъ и кишѣлъ странными людьми, скрывающимися отъ свѣта. Они были грязны, неприятны, называли себя монахами или пустынниками, скрывшимися для того, чтобы избѣжать глазъ людскихъ. Эти люди боятся житейскаго счастья и удачи и боятся потому, что счастье *всегда* можно потерять; такъ лучше, чтобы не быть *насилно* бѣдными они избираютъ добровольную бѣдность. Станный выборъ! Я думаю, что у нихъ извращенъ смыслъ, потому что они боятся человѣческихъ несчастій и не могутъ выносить счастья. Или, можетъ быть, это печальное сумасшествіе есть слѣдствіе болѣзни; или какое-то сознаніе своей тяжелой вины заставляетъ несчастныхъ терзать свое исхудалое тѣло тѣми пытками, которыми у насъ въ Римѣ, правосудіе называетъ только бѣглыхъ рабовъ?“ *).

Изъ словъ Рутилія предъ нами рисуется полная картина монашеской общины на Западѣ въ IV и V вѣкѣ по Р. Хр. Рутилій—совершеннѣйшій представитель того недоумѣнія и смущенія, которыми были поражены язычники римляне по поводу монашеской жизни. Римская стоическая философія не мирилась съ идеей монашества, потому что не могла понять ее. Изъ словъ Рутилія видно, что стоицизмъ римскій, гордо выставившій грудь на встрѣчу

бѣдствіямъ, посылаемымъ судьбою, жалокъ и ничтоженъ, сравнительно, съ идеей монашества, потому что монахи отвергли и бѣдствія, и радости жизни, во имя Христа, а стоикъ-римлянинъ не чуждался житейскихъ утѣхъ и радостей, и, слѣдовательно, не могъ стать выше поражающей смертныхъ судьбы (*fatum*).

Современемъ наибольшаго развитія монашества въ III и IV вѣкахъ совпадаетъ и время необыкновенной нравственной силы, съ какою дѣйствовали отшельники на окружающее ихъ общество; эта самоотверженная жизнь въ пустыняхъ дѣйствовала на народную массу уже самою своею необычайностью. Святые отцы Восточной церкви, какъ на примѣръ Златоустъ, содѣйствовали своими писаніями этому громадному вліянію монаховъ на тогдашнее общество. Въ гостеприимныя стѣны тогдашняго монастыря были отверзты двери всѣмъ и каждому. Нищій, убогій, крестьянинъ, ремесленникъ, рабъ, ограбленный, потерявшій богатство—всѣ шли къ порогу обители, съ твердою вѣрою, что труднымъ путемъ монашеской жизни, они вступаютъ въ жизнь вѣчную. Случалось часто такъ, что изъ дома отца убѣгалъ единственный сынъ и присоединялся къ какой-либо общинѣ. Отецъ же, въ свою очередь, отъ горя, тоже шелъ въ монастырь. Пожертванія на монастыри особенно принимались на Западѣ и превозносились часто до неба. Извѣстная римская матрона Паула за множество милостынь, розданныхъ на монастыри, была названа *божей свекровью* (*Socras Dei*). Объ этомъ титулѣ Паулы упоминаетъ блаженный Иеронимъ.

Что касается топографіи, т. е. мѣстъ перваго монашескаго подвижничества, то на Востокѣ это были пустыни Сириі, Палестины и Египта. Здѣсь раскаленные пески Ливійской пустыни приняли многочисленныя монашескія общины, затѣмъ по берегамъ Нила и въ Тебодѣ основалось также много общинъ. Особенно знаменита была въ IV и V вѣкѣ Нитрійская пустыня. Она лежала къ югу отъ Александріи и начиналась за скалистою обрывистой горой. Эта пустыня была населена болѣе чѣмъ 5,000 анахоретовъ, едва покрытыхъ жалкими рубищами. Еще теперь, спустя столько вѣковъ предъ изумленнымъ путешественникомъ встаютъ изъ раскаленныхъ Нитрійскихъ песковъ ясныя слѣды 50 монастырей. Убогая утварь этихъ монастырей весьма первобытна. По многимъ основаніямъ надо рѣшить, что вмѣстѣ ножей монахамъ и особенно анахоретамъ служили острые края устричныхъ раковинъ (*tegula*). Огромное множество этихъ раковинъ до сихъ поръ находится по африканскимъ берегамъ Средиземнаго моря. Что касается собственно западныхъ монашескихъ общинъ и поселеній анахоретовъ, то, по свидѣтельствамъ латинскаго писателя Рутилія, они встрѣчаются густо скученными на островахъ Средиземнаго моря, напр., на Капраріи и Горгонѣ. Эти святые островитяне возбудили въ однихъ изъ римлянъ ужасъ и презрѣніе, въ другихъ—изумленіе и уваженіе. Гдѣ бы однако не существовала такая монашеская община, одною изъ ея нравственныхъ обязанностей было прославленіе мучениковъ за Христа. Тѣми же устричными раковинами, служившими имъ для другихъ потребъ, монахи выпарывали на скалахъ имя мученика, эмблемы его мученій, его славы, выпарывали символическую фигуру Иисуса, въ формѣ рыбы.

Древняя монашеская одежда въ монастыряхъ Запада и Востока сообразовалась съ климатомъ и образомъ жизни различныхъ монашествующихъ обществъ. Въ Египтѣ можно было встрѣтить монаховъ, носившихъ овечьи шкуры въ подражаніе тогдашнему костюму египетскихъ крестьянъ, или просто въ жалкихъ лохмотьяхъ, и даже совсѣмъ безъ одежды. За то въ нѣкоторыхъ общинахъ монахи облакались въ величественную тогу греческаго философа. Затѣмъ существовала разница между монахами Западной и Восточной церквей относительно ношенія полотняныхъ одеждъ и волосъ. Тогда, какъ монахи Восточной церкви носили полотняныя одежды—въ тѣхъ частяхъ Египта, гдѣ были эти ткани туземнаго издѣлія и, слѣдовательно, дешевле,—а также и носили волосы—западные монахи съ презрѣніемъ от-

вергали полотняныя одежды, какъ ненужную роскошь, и стригли свои волосы или уже начисто брили, и покрывали голову особаго рода покрываломъ, напоминающимъ нашъ башлыкъ, но только свѣшивающійся съ головы и называвшійся „калупе“ (отсюда и произошло впоследствии въ XVI уже вѣкъ название *калупиновъ* нищенствующихъ монаховъ, принадлежащихъ собственно къ Францисканскому ордену. Въ эту-то калупу западный монахъ завертывалъ бритую голову, чтобы избѣгать, какъ говорилось въ монашескомъ уставѣ, „взгляда на свѣтскіе предметы“. Обувя западный монахъ не употреблялъ, развѣ только въ жестокіе зимніе холода. Длинный посохъ, поддерживалъ его слабыя и медленные шаги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, за исключеніемъ болѣзни и слабости, запрещалось обмывать тѣло водою и смазывать по восточно-греческому обычаю, масломъ. Правило гласило: „все тѣло никто не долженъ намазывать, развѣ въ случаѣ слабости, и никто не долженъ омывать водою голое тѣло, развѣ въ случаѣ очевиднаго изуревенія.“ Наиболѣе строгой жизни монахи спали на голой землѣ, или на жесткой подстилкѣ, или грубой ткани. Пальмы доставляли имъ листья, и пучекъ такихъ листьевъ служилъ имъ сдѣльемъ днемъ и подушкою ночью. Первобытныя монашескія кельи были низки, тѣсны и построены изъ плохихъ матеріаловъ. Но такъ какъ эти убогія хижины расположены были равномерно и регулярно, то каждое устроенное такимъ образомъ братство напоминало большую деревню, раскинувшуюся въ песчаной равнинѣ. Внутри этой деревни находились: общественная церковь, больница, священные свитки, составившіе особую библиотеку; дальѣ воздѣланный иноческими руками садъ съ водоемомъ или цистерною внутри. Отъ 30 до 40 монаховъ составляли *братство* или *семейство*, руководившееся общею дисциплиною и жившее на общія издержки.

Первый, познакомившій Римъ съ монашескою жизнью былъ Св. Аванасій, ученикъ знаменитаго египетскаго отшельника, Св. Антонія.

Громадныя богатства западныхъ монастырей, рано давшія импульсъ къ роскошной жизни западнаго монаха, получили свое начало именно отъ многочисленныхъ и щедрыхъ пожертвованій. Многие изъ богатыхъ кающихся грѣшниковъ и особенно богатыхъ грѣшницъ слѣпили нести свои богатые вклады святымъ (какъ называли монаховъ) съ цѣлью искупить свою душу отъ погибели и изъ когтей діавола. Изъ богатыхъ „грѣшницъ“—жертвовательницъ на монастыри въ первые вѣка, на Западѣ, особенно упоминаются Меланія и Паула. Первая пожертвовала въ монастырь свою серебряную утварь, состоящую изъ 300 серебряныхъ сосудовъ. Паула вдала въ неоплатные долги, пожертвовавъ, съ своей стороны въ монастыри цѣлыя массы серебряныхъ сосудовъ. Принимая во вниманіе тогдашнюю цѣну серебра, нужно сказать, что подобныя пожертвованія могли считаться громадными. Блаженный Геронимъ свидѣтельствуемъ*), что одинъ изъ монаховъ облагоустроенной Паулою обители, Памбо,—когда жертвовательница просила сдѣлать подробную формальную оцѣнку своихъ пожертвованій,—далъ ей слѣдующій отвѣтъ:

— Что же? Ты жертвуешь мнѣ или Богу? — Если Богу, то пуждается ли Онъ въ исчисленіи твоего серебра, Онъ, который на всѣхъ своей Правды держитъ цѣлыя громадныя горы?

Нѣкоторые греческіе писатели, язычники, свидѣльствамъ которыхъ, однакоже, нѣтъ основанія не довѣрять, говорятъ, что пожертвованія на монастыри западные расплодили массу нищихъ, конечно вслѣдствіе непосильныхъ податей и поборовъ на монастыри. Затѣмъ, существовалъ для молодыхъ людей обоего пола большой соблазнъ поступать въ такъ назыв. „смѣшанныя“ монастыри, т. е. состоящіе изъ мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ. До Трульскаго собора, по крайней мѣрѣ, мы не находимъ никакого запрещенія подобному злоупотребленію монастырской жизни. Въ этомъ послѣднемъ Трульскомъ соборѣ уже запрещаются смѣшанные монастыри, а равно переночевка женщинъ у монаховъ и мужчинъ у монахинь. Но, какъ свидѣтельствуемъ безпристрастный писатель Вальсамонъ, и соборныя запрещенія еще на долгое время оставались тщетными.

Раздѣлялись монашескія общины или, говоря точнѣе, сами члены этихъ общинъ на двѣ категории: *ценобитовъ* и *анакоретовъ* (эремитовъ), т. е. уединенныхъ пустынниковъ. Западные ценобиты или киновіи скопированы съ восточныхъ лавръ, находившихся въ Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ. Кодексъ правилъ жизни для западныхъ монаховъ вышелъ гораздо позднѣе, чѣмъ на Востокѣ. Этотъ западный „Codex regulorum“ составленъ Св. Бенедиктомъ Анианскимъ въ началѣ IX вѣка и содержитъ въ себѣ 30 различныхъ правилъ для монаховъ и монахинь. Но нѣкоторые предписанія, напр. о воздержаніи отъ пищи, уже были установлены. Воздержаніе отъ пищи требовалось ради цѣломудрія Блаженнымъ Геронимомъ, въ нѣсколько рѣзкихъ выраженіяхъ объясняющимъ необходимость поста и воздержанія для монаховъ: „Не потому нужно воздержаніе, чтобы Богу, Творцу и Господу міра, были пріятны страшный ревъ у насъ въ животѣ, пустота въ желудкѣ и воспаленіе внутренностей, но потому, что безъ поста совершенно невозможно цѣломудріе.“

Впрочемъ на Западѣ существовали и чрезвычайно суровыя

правила ирландца Колумбана, которыми предписывалось каждому хотя въ малѣйшей степени нарушившему уставъ монаху давать по 100 ударовъ плетью или палками. При Карлѣ Великомъ, по тѣмъ же правиламъ Колумбана, аббаты и настоятели монастырей позволяли себѣ изувѣчивать подчиненныхъ имъ монаховъ, напр. выкалывали имъ глаза, выбивали зубы и пр. Затѣмъ была изобрѣтена варварская пытка, специально прилагавшаяся къ западнымъ монахамъ. Она называлась: „иди съ миромъ“ и состояла въ томъ, что провинившагося монаха съ торжественной церемоніей вталкивали въ сырое и мрачное подземелье, имѣвшее форму гроба.

Но вообще, за исключеніемъ этихъ правилъ Колумбана, въ западномъ монашествѣ, по сравнительно нестрогимъ правиламъ относительно воздержанія, существовала удобная почва для развитія лѣни, роскоши, извѣженности, какъ это и подтверждаетъ вся исторія западнаго монашества.

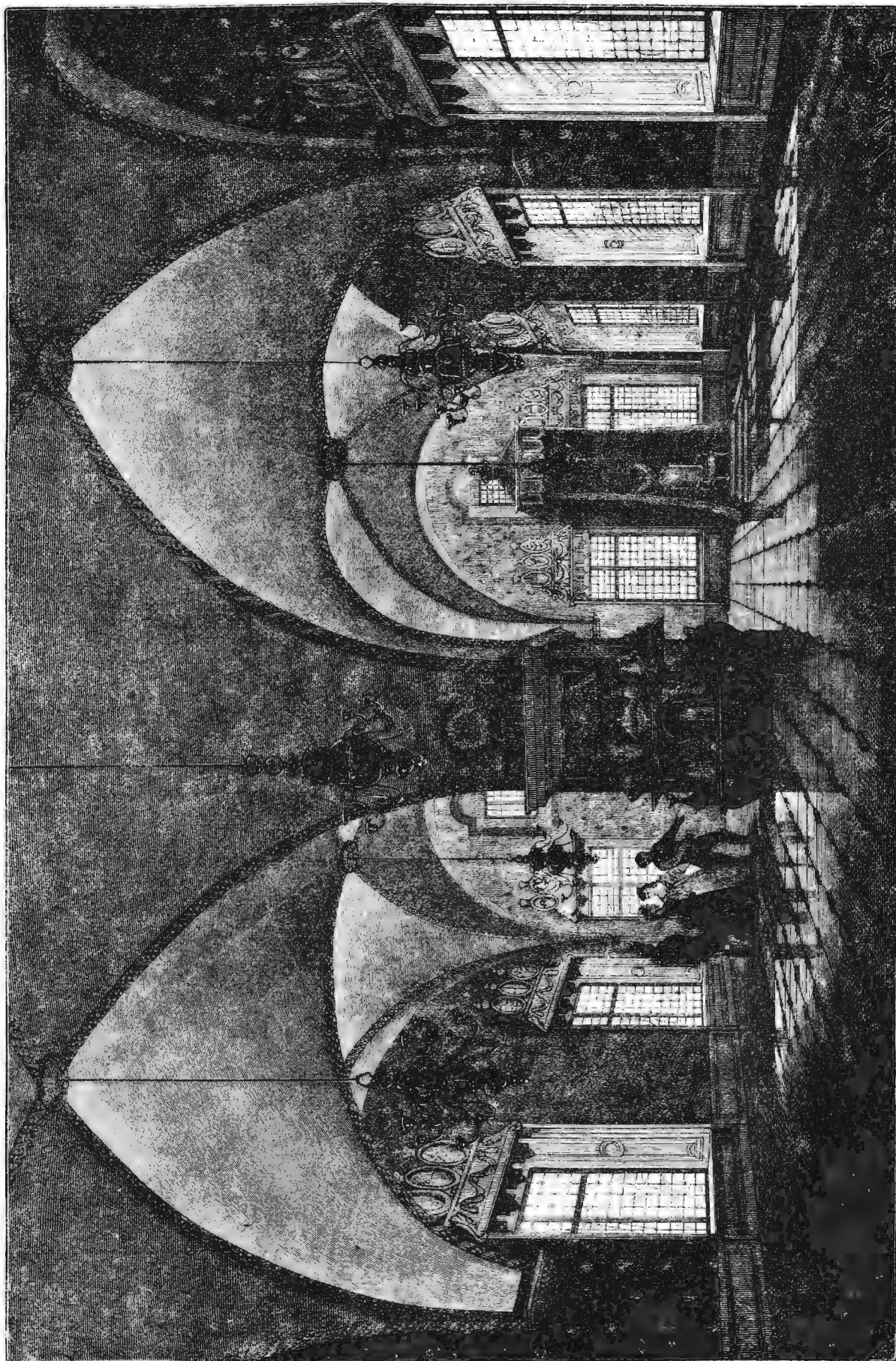
Преобразователемъ монашеской жизни на Западѣ былъ Св. Бенедиктъ, преобразовавшій монашество на началахъ евангельской нищеты и безкорыстія. Отъ него получило начало нищенствующій орденъ монаховъ на Западѣ. Отличительною чертою громаднаго вліянія этого монашескаго ордена служатъ многочисленные школы, распространенныя имъ на всемъ Западѣ, (особенно нужно здѣсь отмѣтить пункты: Сен-Галленъ (въ Швейцаріи), Фульда, Корвей, Бременъ, Герсфельдъ). Какъ на горахъ склоняются мощные глетчеры, такъ въ монастыряхъ и школахъ бенедиктинцевъ хранилась и все скоплялась и скоплялась масса рукописей, и, слѣдовательно, всѣ сокровища средневѣковаго знанія. Самое неустрашимое воображеніе отступить назадъ передъ этою массою рукописей и фоліантовъ, какую создали неутомимые бенедиктинцы, и эти фоліанты представляются цѣнными источниками для исторіи—но только для тѣхъ, кто сумѣетъ не заблудиться и не растеряться въ ихъ массѣ. Т. Н. Грановскій въ своей знаменитой рѣчи по поводу юбилея Московскаго университета выразился, что массы рукописей бенедиктинскихъ монаховъ могутъ „навести страхъ на самаго предприимчиваго изслѣдователя“. Этотъ орденъ, слѣдовательно, стоялъ во время средневѣковаго мрака на стражѣ просвѣщенія, хотя самъ не сознавалъ этого. Но вмѣстѣ съ развитіемъ знанія росли съ громадною быстротою и матеріалами средства этого ордена,—эти средства въ свою очередь ускоряли развитіе школъ и массы книгъ, пока отъ преизбыточества теченія богатствъ въ одинъ и тотъ же пунктъ не возникла роскошь и извѣженность, влившая верхъ надъ благородными и возвышенными стремленіями къ знанію. Старые дравы, привычка къ нищетѣ во имя Христа исчезли. Обильная яства, вина, грѣшныя наслажденія стали отличительными чертами не только бенедиктинскаго но и вообще западнаго монаха. Нужно, конечно, исключить такую возвышенную личность, какъ Св. Бернардъ и нѣкоторые другіе. Исключенія есть вездѣ. Но вообще западный монахъ съ его склонностью къ вину, обильной пищѣ, лѣни, покою, сладострастію послужилъ типомъ и мишенью для цѣлаго ряда каррикатуръ, недостатка въ которыхъ не было, начиная съ дореформаціоннаго періода и до нашего времени.

Мы видимъ, что на Западѣ довольно рано получили начало, развитіе и затѣянныя могущества первые монашескіе ордена, возвышеніе которыхъ шло параллельно съ возвышеніемъ власти римскаго папы, послѣ памятнаго періода раздѣленія церкви на Восточную и Западную. Соответственно возвышенію могущества римскаго первосвященника, и монастыри, принадлежавшіе монашескимъ орденамъ, такъ сказать, втягивали въ себя сокровища просвѣщенія. Эта процвѣтавшая въ западныхъ монастыряхъ наука сдѣлала своимъ громадную пользу просвѣщенію; но она же послужила и важнымъ тормазомъ развитія реальныхъ, служащихъ къ благосостоянію челоуѣчества, наукъ въ эпоху возрожденія. Почему западный монахъ сдѣлался инквизиторомъ—весьма понятно. Гордость, сознание своей исключительности въ обладаніи просвѣщеніемъ и самая односторонность этого просвѣщенія сдѣлали западнаго монаха нетерпимымъ, фанатикомъ, и что всего хуже, отстаивая унаслѣдованную имъ въ теченіе вѣковъ идею и не признавая научнаго прогресса, западный монахъ опирался при этомъ на авторитетъ священнаго писанія. Кому изъ великихъ подвижниковъ новой мысли западные патеры не противопоставляли этого авторитета? Колумбу говорили, что самая попытка плыть за Океанъ, признавая землю шаромъ, противна св. писанію. Галилею, отстаивавшему движеніе земли, говорили тоже. Что же говорить о философѣ Джордано Бруно, о слишкомъ раннемъ реформаторѣ западной церкви Саванароллѣ? Ихъ и должны были сжечь на кострѣ — лучшей участи имъ не могло простоять, при томъ духѣ фанатизма и нетерпимости, какой усвоила себѣ отдѣлившаяся отъ православнаго Востока западная церковь?..

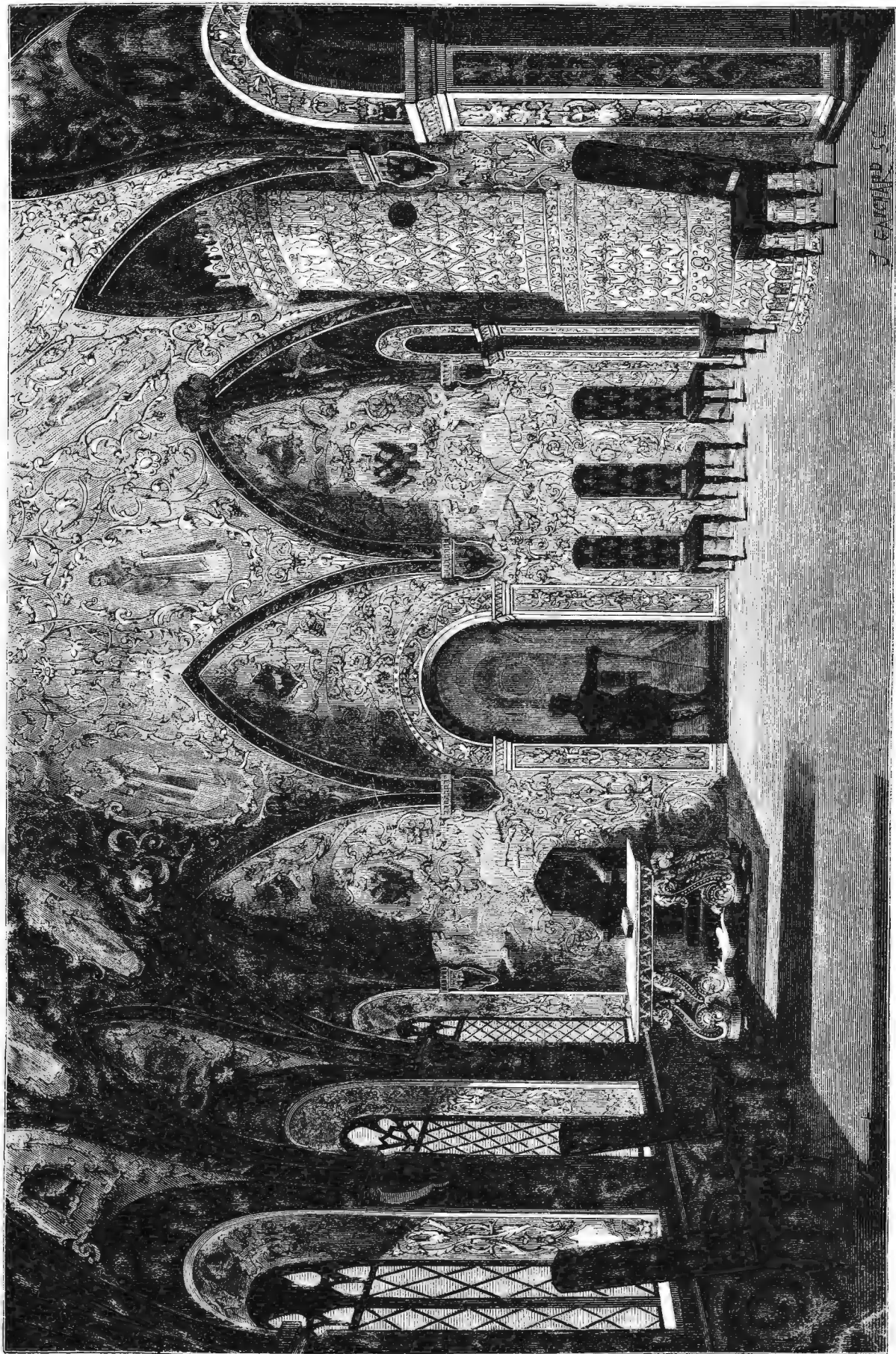
Замѣтимъ въ заключеніе, что какъ ни много было попытокъ прекратить роскошь въ средѣ бенедиктинцевъ, но все было безуспѣшно. Реформы разрушались сами собою, въ виду многочисленныхъ мірскихъ соблазновъ, чему, конечно, по существу дѣла, благопріятствуетъ папство, такъ какъ оно слило идею цelibатства или безбрачія съ идеею монашества. Безбрачіе не помогаетъ добродѣтели, а развиваетъ только манихейское лицемеріе.

М. С.

*) Твор. Sancti Jeron. Tom. I, p. 176—183.

Тронная палата въ Теремъ Московскаго Кремля. Рис. Веберъ, грав. Ланлантъ.

Большая Золотая или Грановитая палата въ Московскомъ Кремлѣ. Рис. Мойне, граф. Гошаръ.

Большая Золотая или Грановитая палата и терема въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ.

Прежде чѣмъ сказать что либо о такъ называемой Золотой комнатѣ или иначе—Грановитой палатѣ и теремахъ Большаго Кремлевскаго дворца, считаемъ нелишнимъ познакомить нашихъ читателей съ самымъ дворцомъ.

Встарину великокняжескіе дворцы заключали въ своихъ оградахъ храмы Божіи, хоромы княжескіе и все, что составляло „чинъ правленія и хозяйства государева“. Тутъ на дворцахъ или малыхъ дворахъ жили: духовенство, бояре, дружина, художники и ремесленники, словомъ все, что такъ или иначе служило князю; здѣсь же хранились сокровища и припасы.

Московскій великокняжескій или царскій дворецъ занималъ съ основанія Москвы то самое мѣсто, которое занимаетъ и теперь, въ Кремлѣ на высокой набережной Москвы рѣки, и его эпохи какъ будто соотвѣтствовали эпохамъ Россіи. Сначала, когда еще существовали удѣлы, дворецъ Великаго князя состоялъ изъ многихъ отдѣльныхъ хоромъ и избъ за обшею оградой. Царь Іоаннъ Васильевичъ III, соединивъ удѣлы, подвелъ и подъ все удѣльные зданія своего двора общее каменное основаніе, соединивъ ихъ „сбѣями или переходами“.

При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ набережныя зданія царскаго дворца были разобраны и построены дворецъ въ итальянскомъ вкусѣ, примыкавшій со стороны „краснаго крыльца“ къ грановитой палатѣ. Императрица Екатерина имѣла мысль, по проекту Баженова, обратить весь Кремль въ одинъ громадный дворецъ; мысль эта была ужь близка къ осуществленію, и дворецъ, (модель въ Московской оружейной палатѣ.) былъ заложенъ 1 іюля 1775 г. Основной камень, съ надписями на мѣдныхъ доскахъ, положенъ былъ на мѣстѣ Тайницкой башни. Къ счастью, строеніе было только начато, затѣмъ оставлено и матеріалъ употребленъ на поправленіе кремлевскихъ стѣнъ: теперь все завѣтное цѣло, дворецъ царскій на старомъ мѣстѣ и новый императорскій дворецъ составитъ одну нераздѣльную связь существовавшихъ нѣкогда палатъ: „средней золотой“, „столовой“ и „набережной или посольской“. Онъ былъ построенъ по желанію покойнаго императора Николая Павловича, который въ 1838 году, во время своего пребыванія въ Москвѣ, лично изложилъ мысли свои о постройкѣ дворца. Исполненіе поручено было извѣстному профессору архитектуры К. Н. Тону, а самыя работы по постройкѣ производились подъ руководствомъ талантливаго профессора архитектуры Рихтера и архитекторовъ—Чичагова и Бокарева, новый дворецъ былъ соединенъ съ древнимъ теремнымъ, нисколько не утративъ своего великолѣпія.

Въ древности такъ называемыя „престольныя“ или столовыя палаты назывались гридницами или гридьями, въ значеніи „малый градъ“ (citadelle). Здѣсь совершались торжества восшествія на престолъ и свадьбы, здѣсь принимались и угощались послы иноземные, духовенство, бояре и гости (convives). Древнюю гридню въ Москвѣ замѣнила „Грановитая Палата“. Она первоначально называлась просто Большою Палатой. Въ 1547 г., при царѣ Іоаннѣ IV, послѣ пожара въ Кремлѣ, она возобновлена вмѣстѣ со всемъ дворцомъ и съ этого времени называлась „Большой Золотой и Грановитой Палатой; потомъ при Фѣдорѣ Іоанновичѣ „Большой Золотой подписной палатой“, т. е. украшенной живописью по золоту.

Изъ описанія золотыхъ палатъ, составленнаго въ 1672 г. по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, видно, что на сводахъ и стѣнахъ Грановитой палаты были изображены: Господь Саваофъ, Творенія ангеловъ и человѣка, Событія изъ исторіи Вѣхаго Завѣта, Раздѣленіе вселенной между тремя братьями и Раздѣленіе Руси между тремя сыновьями Владимира Св., и т. п.

Маскевичъ, жившій въ Москвѣ во время нашествія поляковъ въ 1611 году, упоминаетъ объ этой же самой живописи Грановитой палаты и между прочимъ говоритъ: „печь устроена подъ землею, съ душниками для нагрѣванія комнаты“.

Древней живописи въ Грановитой палатѣ издавна уже не существуетъ; теперь стѣны ея обтянуты малиновымъ бархатомъ, съ золотыми орлами и гербами царствъ и княжествъ, изъ которыхъ образовалась единая и нераздѣльная Россія. На томъ, мѣстѣ, гдѣ прежде былъ столъ великокняжескій и царскій, теперь находится тронъ императорскій.

Въ этой палатѣ въ теченіи пяти столѣтій совершилось много торжествъ вѣнчанія на царство, бракосочетанія, приема пословъ отъ христіанскихъ державъ, празднествъ побѣдъ и воспоминаній священныхъ, царскихъ и народныхъ; три раза видѣла въ себѣ палата и незваныхъ гостей; но имъ худо въ ней погостило.

Грановитая палата соединялась такъ называемымъ Краснымъ крыльцомъ съ папертью Благовѣщенскаго собора, чрезъ которую былъ общій ходъ; красная же лѣстница съ южной стороны палаты была царскою, подобно священной лѣстницѣ въ чертогахъ греческихъ царей. Кромѣ этихъ двухъ выходовъ, со стороны площадки на Красное крыльцо, между ними была третья лѣстница для иновѣрныхъ пословъ и гостей. Сѣни предъ Грановитой Палатой называются Святыми сѣнями по бывшимъ на стѣнахъ изображеніямъ святыхъ. Между прочимъ у входа

было представлено видѣніе Іисусомъ Навиномъ Архангела Михаилъ, который говоритъ ему: „изуй сапогъ твой, ибо мѣсто сіе свято“.

Предъ вѣнчаніемъ на царство великіе государи вступали въ Грановитую палату и отсюда посылали на „казенный дворъ“ за животворящимъ крестомъ, св. бармами, царскимъ вѣнцомъ и цѣлью, присланными греческимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ внуку своему Владиміру Всеволодовичу и которыми со времени его вѣнчались все великіе князья и цари русскіе. По принесеніи царскаго чина (регалий) съ казеннаго двора, крестъ, св. бармы, вѣнецъ и скипетръ торжественно несли митрополиты и архіепископы на золотыхъ блюдахъ, покрытыхъ пеленою, унизанныхъ драгоценными камнями, въ Успенскій соборъ, при звонѣ колоколовъ, куда слѣдовало и самъ царь къ вѣнчанію.

Торжественныя приемы пословъ совершались также въ Грановитой палатѣ; по вторые отпускныя приемы—въ Средней Золотой, гдѣ представлялся царю и послы иновѣрные: персидскіе, ногайскіе и проч.

Вступая въ корридоръ, отъ церкви „Словущаго Воскресенія“ (построенной при старомъ Кремлевскомъ дворцѣ), называемый теперь чугуннымъ, по который нѣкогда составлялъ сѣни верхняго яруса дворца Іоанна III, или жилыхъ покоевъ царевнъ, вы поднимаетесь налѣво по лѣстницѣ въ теремъ, надстроенный царемъ Михаиломъ Фѣодоровичемъ для сыновей своихъ царевнъ—Алексѣя Михайловича и Іоанна Михайловича въ 1636 году. Это—царскіе хоромы, или жилые покои русскихъ царей въ XVII столѣтіи, единственный памятникъ и образецъ древней религіозной жизни, это—подобие храма, гдѣ свято совершались по закону обряды жизни. Послѣ того, какъ императрица Елизавета построила новый дворецъ, теремъ былъ въ полномъ забвеніи еще полстолѣтія, безъ поддержки, и онъ былъ бы, конечно, въ развалинахъ; но, благодаря заботамъ Николая Павловича, который хотѣлъ почтить обитель своихъ предковъ правомъ святости нерушимой, теремъ былъ восстановленъ навсегда; онъ былъ, при постройкѣ новаго дворца, соединенъ съ послѣднимъ; все удѣльные образцы украшеній и древней утвари царской были возобновлены соответственно господствовавшему вкусу времени царя Михаила Фѣодоровича.

Вступая въ рядъ покоевъ, предназначенныхъ имъ для наслѣдника, вы вступаете въ гостиную и престольную, имѣющія расположеніе и подобіе храма; за ними, какъ бы въ придѣлѣ, оничивальну и образную. Живопись стѣнъ храмовая, съ святыми изображеніями, и узорами. Здѣсь, въ престольной палатѣ, у краснаго окна, подлѣ котораго царское мѣсто, былъ устроенъ опускавшійся внизъ ларецъ для просьбъ прямо въ руки царю отъ безпомощныхъ, и Алексѣй Михайловичъ посвящалъ утренніе часы милосердію (подъ краснымъ окномъ, на террасѣ, находился челобитный столбъ). Въ образной или молельнѣ царской замѣчательныя древніе образа, складни, креслы. Эта святыня издавна составляла родовое наслѣдіе и благословеніе Великихъ Князей русскихъ. Вѣхость нѣкоторыхъ изъ нихъ свидѣтельствуетъ о глубокой ихъ древности. Разныя драгоценныя вещи, принадлежавшія царю Алексѣю Михайловичу, золотая и серебряная посуда наполняютъ створцы, находящіяся въ тронной (смотри рисунокъ: внутренность терема), въ трапезной и въ боковомъ покоѣ; словомъ, здѣсь все старое по старому, какъ было при прежнихъ хозяевахъ—Михаилѣ и сынѣ его Алексѣѣ. Изъ боковаго покоя въ сторонѣ отъ „тронной“ выходъ по круглой лѣстницѣ на вышку или верхній этажъ терема, составляющій одинъ покой, теремную горницу, съ башенкой или фонаремъ съ южной стороны. Съ открытой площадки вышки, нѣкогда за стѣнами Кремля, взоръ обнималъ обширную Москву, обнесенную каменными стѣнами и стѣльницами Китай-города, Бѣлаго города или Царь-града.

Выходя изъ церкви Словущаго Воскресенія на паперть, образующую корридоръ, нельзя не обратить вниманія на двери вправо, ведущую на лѣстницу внизъ, и на окно, находящееся противъ дверей. Изъ этого окна выбросился Дмитрій Самозванецъ. По извѣстіямъ современниковъ его—Маржерета, Бера, Пифле и др., когда народъ вломился съ площади во дворецъ, самозванецъ бросился въ каменный дворецъ, въ теремъ, гдѣ жила его молодая жена Марина, занимавшая покой царицы; отсюда пробрался онъ въ верхній этажъ, къ сторонѣ умывальни, надѣясь, безъ сомнѣнія, малымъ сходомъ внизъ (лѣстницей *) при церкви Словущаго Воскресенія) сбѣжать на сытный дворъ; но и этотъ выходъ былъ уже занятъ и Лжедмитріемъ, какъ не путемъ вошелъ въ царскіе хоромы, такъ не путемъ и вышелъ изъ нихъ: онъ бросился на сытный дворъ въ окно.

*) Эта лѣстница, составлявшая выходъ изъ терема на задній дворъ, открыта была при исправленіи каменныхъ стѣнъ терема при церкви Славущ. Воскресенія въ 1840 г. Государь Императоръ повелѣлъ возобновить этотъ древній выходъ изъ терема, служившій историческимъ доводомъ причины, по которой Самозванецъ прыгнулъ въ окно, выбросившись изъ него, противъ задней лѣстницы, по которой онъ надѣялся спастись отъ преслѣдованія.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СОВѢТЫ.

Супъ изъ курицы. Взять хорошо откормленную курицу, выпотрошить ее, вымыть водой, разрезать на части и поставить, налив кастрюлю водою, на огонь, посолить, а когда будет кипѣть, снимать хорошенько пѣну, и когда хорошо уварится, процедить сквозь чистое сито бульонъ, сполоснуть чистою водою кастрюлю, еще разъ перемыть части курицы, положить нѣсколько цѣлыхъ луковицъ (печеныхъ), прибавить кореньевъ зелени, положить крупы немного, кому какой угодно, манной, перловой, рису или овсяной, поварить еще около часа и подавать на столъ.

Мозговой соусъ. Взять свѣжихъ мозговъ, очистить жилки, и, вымывъ хорошо, сварить въ соленой водѣ, потомъ дать стечь, посмотреть, не осталось ли еще перепонокъ, если есть, снять ихъ, облить сырыми яичами съ сухарями и поджарить въ маслѣ. Подливку къ этому соусу дѣлають вотъ какъ: кусокъ крѣпкаго бульону (кускомъ) положить на стаканъ бульону, подцвѣтитъ сженимъ сахаромъ, облить блюдо съ мозгами, обсыпать петрушкою, всыпать и подавать.

Битоеъ по новому. Возьми мягкой говядины, избей ее хорошенько скалкой, нарежь ее ломтиками, обваляй въ гречневой мукѣ, растопи на сковородѣ побольше масла, накроши достаточно луку, положи куски мяса на сковороду и жарь, немного обсып петрушкою, поджарь картофелю, обложи битки имъ и подавай.

СМѢСЬ.

Для истребленія полевыхъ мышей. Совѣтуемъ употребить слѣдующее средство: взять шпекъ, растопить его и опустить въ него отравленной пшеницы. Затѣмъ къ массѣ этой прибавить мышьяку и полученное такимъ образомъ тѣсто можетъ быть съ успѣхомъ употребляемо для истребленія мышей. Для сего въ каждое сдѣланное ими отверстие слѣдуетъ класть кусочекъ теста не болѣе орѣха величиной. Не пройдетъ нѣсколько минутъ, какъ мыши, привлеченныя запахомъ свиного сала, начнутъ выходить изъ своихъ норъ и оспаривать одна у другой

отраву. Доказательствомъ практичности этого способа служить слѣдующій фактъ: десять смежныхъ гекторовъ земли, на которыхъ употребленъ былъ описанный выше способъ, избавились отъ мышей, тогда какъ все находящееся вокругъ этихъ участковъ посѣвы, на которыхъ, относительно истребленія мышей, метода эта причѣнена не была, оказались совершенно уничтоженными этими вредными животными.

Средство для чистки золотыхъ и высеребряныхъ галуновъ, пуговицъ и пр. Если съ галуновъ, пряжекъ, застежекъ, пуговицъ и т. п. сошла позолота, то взявъ 3 лота камеди брусковой 1/2 кв. змѣиной крови и 1/2 кв. короля куркума, распустить ихъ въ крѣпкомъ винномъ спиртѣ и влить жидкость, которая получитъ цвѣтъ рубина. За тѣмъ посредствомъ волосной кисточки слѣдуетъ смазать этой краской тѣ предметы, которымъ желательно придать обновленный видъ и поддержать продолженіи нѣсколькихъ минутъ надъ галунами и т. п. вещами горячей утюгъ. Такимъ же образомъ слѣдуетъ поступать и при чисткѣ золотого шитья. Серебряные галуны или шитье можно чистить алебастромъ, который слѣдуетъ раскалить и затѣмъ гасить его водою. Такимъ образомъ алебастръ превращается въ бѣлый порошокъ который нужно просушить хорошенько надъ пламенемъ виннаго спирта и сыпать въ мѣшочекъ изъ бѣленнаго холста. Черезъ этотъ мѣшочекъ слѣдуетъ осыпать алебастровымъ порошокомъ галуны и пр. и затѣмъ стереть съ нихъ порошокъ щеткой, употребляемой для чистки бархата.

Случай замѣчательнаго проявленія электричества Какъ велика способность проводниковъ, напримѣръ металлическихъ, наэлектризовываться, можетъ служить доказательствомъ слѣдующій примѣръ изъ воздухоплавания Грина. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1850 г., когда шаръ вступилъ въ область электрическихъ тучъ, то одинъ изъ спутниковъ Грина былъ сильно взволнованъ, увидѣвъ, что изъ его стальныхъ шпоръ безпрестанно сыплются электрическія искры.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Восточный вопросъ остается такимъ жгучимъ вопросомъ нашего времени, что средства дипломатіи разрѣшить мирно или по крайней мѣрѣ отсрочить рѣшеніе его оказываются крайне бессильными. Азіатская орда, называемая Турціей, далеко не бессильна; непримиримый фанатизмъ составляетъ ея силу, такъ что если неизбежна вооруженная борьба, то она потребуетъ многихъ жертвъ. Практическій, дальновзоркій канцлеръ Германской имперіи высказался наконецъ, что восточный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только оружіемъ и что рѣшеніе его потребуетъ много крови.

Во все время засѣданій конференціи, Порты какъ будто издѣвалась надъ великими державами и даже не скрывала или плохо скрывала это. То она изъявляла полное согласіе на представленія державъ, то брала назадъ это согласіе, или дѣлала такіа контръ-предложенія, которыя на половину или вовсе уничтожили бы результаты мирныхъ соглашеній, еслибы таковыя состоялись. «Честь», «независимость», «неприкосновенность» — вотъ тѣ громкія слова, которыми представители Порты старались придать силу своимъ контръ-предложеніямъ. Никогда въ такой мѣрѣ не выказывалась эластичность понятія о «честь», какъ теперь. Съ турецкою «честью» совершенно примиряется и избіеніе болгаръ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій конференціи, представитель Франціи, г. Бургозъ, высказалъ это. Тогда одинъ изъ турецкихъ уполномоченныхъ отвѣчалъ, что у французовъ у самихъ была «Варооломеевская ночь». На это представитель Франціи отвѣчалъ запальчиво, что «Варооломеевская» ночь во Франціи была давно, и что эту ночь нельзя ставить въ сравненіе съ убійствами болгаръ.

Этотъ приведенный сейчасъ примѣръ показываетъ, что у европейскихъ дипломатовъ не было недостатка въ доброй волѣ и искренности; они не старались затемнить дипломатическими софизмами сущность дѣла. Непонятная уступчивость, можетъ быть вытекающая и изъ почтенныхъ мотивовъ, сдѣлала Порту дерзкою и высокомерною. Она приняла уступчивость за робость. Коль скоро дѣло поставлено было такъ, успѣха отъ переговоровъ ожидать было нельзя.

Тѣмъ не менѣе, нужно же было Портѣ мотивировать чѣмънибудь свое вяданье, свою игру словъ въ «достоинство», «независимость», «неприкосновенность» и т. д.—назначено было засѣданіе *Большаго совѣта*.

Всѣ интересующіеся политическими событіями, не безъ нѣкотораго нетерпѣнія, ожидали засѣданія такъ называемаго «*Большаго Совѣта*». Въ этомъ засѣданіи сама Порты рѣшилась вывести дѣло, какъ говорится, «на чистоту». Что же наконецъ: война или миръ—подчиненіе предложеніямъ Европы или рѣшительное упорство, рѣшительный отказъ? Первое засѣданіе Большаго Совѣта

состоялось 6 (18) января. Оно было весьма торжественно, потому что въ немъ принимали участіе болѣе 200 турецкихъ сановниковъ, въ числѣ которыхъ было 60 христіанъ. Засѣданіе открыто чтеніемъ очерка событій, съ самаго начала возстанія балканскихъ христіанъ, затѣмъ изложены по порядку предложенія державъ и находящаяся съ этимъ въ тѣсной связи контръ-предложенія самой Турціи. Далѣе Митхадъ-паша приступилъ къ самому существу дѣла: назвалъ положеніе дѣла «весьма серьезнымъ», указалъ на опасности угрожающей войны и на плохое состояніе турецкихъ финансовъ. Затѣмъ, религиозныя главы греческой и армянской отвергли предложенія великихъ державъ и затѣмъ уже Большой Совѣтъ отвергъ эти предложенія единогласно. Восклицанія «лучше смерть, чѣмъ безчестье!» огласили залу засѣданія. И на обращенный Митхадомъ-пашею къ Большому Совѣту запросъ: можетъ ли онъ, Митхадъ-паша, продолжать переговоры съ Болгаріей относительно отвергнутыхъ пунктовъ, Совѣтъ отвѣчалъ отрицательно и предоставилъ великому визирю обсужденіе на будущихъ засѣданіяхъ конференціи *только однимъ контръ-предложеніемъ Турціи!*

Важнѣе для насъ результаты второго засѣданія Большаго Совѣта. На другой день послѣ этого памятнаго засѣданія происходило новое засѣданіе Большаго совѣта. 7 (19) января на совѣщаніи собралось уже 240 членовъ; число христіанъ на этомъ вторичномъ совѣщаніи осталось прежнее, т. е. 60. Патріархи греческой и армянской, по случаю болѣзни, на засѣданіи не присутствовали. Митхадъ-паша произнесъ длинную рѣчь, объяснивъ въ ней, что если Турція отвергнетъ предложенія Европы, то послы шести великихъ державъ выйдутъ изъ Константинополя; что Франція и Англія объявили, что онѣ не начнутъ войны противъ Турціи, однакожъ и не будутъ на ея сторонѣ. Австрія, покажьтесь, добавилъ Митхадъ-паша, остается нейтральною; но опасность замѣчается съ этой стороны въ томъ, что, уступая настроенію 17 милліоновъ славянъ, она впоследствии войдетъ въ соглашеніе съ Россіею. *Принятіе* предложеній Европы поведетъ за собою, горячо продолжаетъ Митхадъ-паша, утрату независимости Турціи. Затѣмъ Мехметъ-Ружди-паша произнесъ, въ свою очередь, рѣчь, обильную риторическими метафорами. Государство безъ независимости, сказалъ онъ,—это бездушное тѣло, что «нѣтъ возможности жить безъ чести», вслѣдствіе чего каждый турецкій патріотъ «обязанъ подать свой голосъ противъ принятія предложеній Европы». Затѣмъ единогласно состоялось постановленіе *объ отринутіи предложеній европейскихъ уполномоченныхъ на конференціи* и рѣшено было выразить довѣріе теперешнему турецкому министерству. На этомъ же засѣданіи Мехметъ-Ружди-паша назначенъ министромъ безъ портфеля. Телеграфъъ, правда, на ряду съ этимъ передалъ сообщеніе константинопольской газеты «Levant-Herald», что по вопросу касательно отклоненія

Портою предложеній державъ будетъ сдѣлано дополненіе представленіемъ новаго контръ-проекта, въ примирительномъ духѣ. Если въ этомъ извѣщеніи есть доля правды, то это тѣмъ хуже для Турціи, хуже для самаго дѣла, которое только выяснилось было съ надлежащей рѣшительностью. Телеграфъ сообщаетъ далѣе, что еслибы контръ-предложенія турокъ заслуживали уваженія, (?) то конференція вновь отерочила бы свои засѣданія, для окончательнаго рѣшенія.

Самую яростную и необузданную рѣчь противъ предложеній великихъ державъ произнесъ на этомъ послѣднемъ засѣданіи делегатъ антихасунитовъ. Делегаты греческой, армянской, а также еврейской раввинъ, также высказались за отклоненіе предложеній державъ.

Послѣ закрытія конференціи естественнымъ послѣдствіемъ будетъ отъѣздъ изъ Константинополя пословъ европейскихъ державъ. Мѣсто пословъ замѣнятъ повѣренные въ дѣлахъ державъ. Со стороны Россіи, какъ слышно, такимъ повѣреннымъ будетъ совѣтникъ посольства Нелидовъ, со стороны Франціи — графъ де-Мунъ, Германіи—легационный совѣтникъ Бушъ, Англіи — секретарь посольства Джоселингъ. Маркизъ Салисбери отъѣзжаетъ изъ Константинополя немедленно, лордъ же Эліотъ останется здѣсь на нѣсколько времени. Что касается представителя Австро-Венгріи, графа Зичи, то онъ останется въ Константинополѣ. Салисбери совѣтовалъ Портъ распространитъ реформы на всю Оттоманскую имперію, представляя, что греки въ такой же степени недовольны своимъ положеніемъ, какъ и славяне.

Другой уполномоченный предостерегъ Порту отъ нарушенія перемирія въ Сербіи и Черногоріи, прибавивъ, что подобное нарушеніе, а равно возобновленіе звѣрствъ и убійствъ будетъ уже *вызовомъ* со стороны Порты всей Европѣ.

Изъ Сербіи телеграфъ извѣстилъ насъ, что 8 (20) января въ Бѣлградѣ происходили произвольный парадъ русскимъ добровольцамъ и панихида по русскимъ, павшимъ въ бою, отступленія подъ открытымъ небомъ. Всѣ русскіе добровольцы построены были въ каре въ нижней бѣлградской крѣпости, и въ срединѣ этого каре находились, въ ожиданіи прибытія князя Милана, сербскій митрополитъ, русскіе офицеры съ Межениновымъ во главѣ и много другихъ почетныхъ лицъ. Прибывшіе въ 11 часовъ князь Миланъ и княгиня Наталія были встрѣчены криками «ура»; затѣмъ послѣ совершеннаго здѣсь богослуженія, князь Миланъ произнесъ звучнымъ голосомъ рѣчь по сербски, выразивъ въ ней, что онъ пріѣхалъ проститься съ героями — братьями русскими и благодаритъ ихъ за ихъ героическую дѣятельность, затѣмъ князь выразилъ горячее желаніе, чтобы сербы влѣглись съ русскими снова выступили въ борьбу за святое славянское дѣло. Въ заключеніе, князь сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ въ память павшихъ на бранѣ, въ минувшую войну, воинствъ и благодарилъ добровольцевъ отъ имени княгини Наталіи, сербскаго народа и сербской арміи. Рѣчь князя была заключена торжественными звуками русскаго національнаго гимна. Затѣмъ, княгиня Наталія роздала нѣкоторымъ офицерамъ знаки ордена Такова. Парадъ закончился дефилірованіемъ войскъ передъ княжескою четой. Съ штабъ-офицерами князь и княгиня простились лично.

Итакъ, первый актъ драмы заключенъ совершенно; минувшая сербская война окончательно поступила въ область исторіи. Отраднo здѣсь то обстоятельство, что недоразумѣнія между сер-

бами и русскими сгладились совершенно, и боевые товарищи-единоплеменники простились братски.

— Недоразумѣнія между Портою и Румыніею, возникшія по поводу статей 1, 7 и 8-й турецкой конституціи, не согласныхъ съ государственными интересами Румыніи, повидимому плохо улаживаются. Недавно, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Савереть-паша препроводилъ официальную ноту къ румынскому дипломатическому агенту въ Константинополь, генералу Гикъ, потребовавшему, какъ извѣстно, отъ Порты удовлетворенія, въ которой онъ завѣряетъ этого послѣдняго, что турецкое правительство вовсе не имѣло намѣренія смѣшивать Молдавію и Валахію съ оттоманскими провинціями; но что въ то же время Порта не можетъ относиться къ Румыніи какъ къ самостоятельному государству, поставленному внѣ всякой зависимости отъ верховныхъ правъ турецкой имперіи. Дилемма эта до того темна, что Румыніи не можетъ считать себя удовлетворенною ею. Мы знаемъ, что въ виду господствующаго въ Румыніи дома Гогенцоллерновъ, Германія не можетъ относиться къ затрудненіямъ Румыніи равнодушно, а потому весьма интересно будетъ видѣть, какъ отнесется Германія къ восточному вопросу съ этой стороны.

— Вѣнскія газеты извѣщаютъ, что венгерскій министръ-президентъ Тисса твердо намѣренъ настоять на принятіи австрійскимъ императоромъ его отставки. Такая настойчивость Тиссы мотивируется, по его словамъ, невозможностью ужиться съ австрійскими министрами. Итакъ дву-единая имперія опять обнаруживаетъ живыя нитки, которыми она спита. Нитки эти еще болѣе обнаружатся естественнымъ тяготѣніемъ 17 милліоновъ австрійскихъ славянъ къ своимъ борющимся братьямъ. Вражда къ Венгріи, со стороны славянскаго элемента особенно обнаружилась недавно по поводу пребыванія генерала Черняева въ Прагѣ.

— Въ Америкѣ уже давно журнальный мѣръ до того увѣренъ въ неизбежности войны, что военнымъ корреспондентамъ большихъ американскихъ газетъ и журналовъ было предложено приготовиться къ отъѣзду на Востокъ. Теперь уже фактически ясно, что въ близкомъ будущемъ на Востокъ Европы обѣщаютъ произойти важныя событія.

— Изъ Мексики телеграфъ принесъ намъ извѣстіе, что одинъ изъ трехъ претендентовъ на президентство Мексики (эти трое Лердо-де-Техادا, Иглесіасъ и Порр-Диасъ), именно Иглесіасъ, предводитель многочисленной арміи, разбитъ 3 января Порр-Диасомъ. Вся армія Иглесіаса сдалась Диасу въ Гванахуато. Иглесіасъ просилъ у Диаса позволенія вернуться къ частной жизни.

Здоровье Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго дѣйствующею арміею, заболѣвшаго, какъ извѣстно, простудою въ концѣ декабря, все еще недостаточно удовлетворительно.

СОДЕРЖАНІЕ. Нандидаты на мѣсто Президента Американскихъ С. Штатовъ (съ 2-ми портретами).— Дѣтъ напли воды (сцены изъ жизни петербургскихъ окраинъ) Окончаніе NN.— Святотѣпный расказъ. (Смѣхотвореніе) А. Размадзе.— Полярные льды, или айская жизнь (съ рисункомъ) Н. Зуева.— Тифлисъ и его уличная жизнь (съ рисункомъ) А. Н.— Бюстъ М. И. Глинни (съ портретомъ).— Монашество (съ рисункомъ).— Большая Золотая или Грановитая палата и терема въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ (съ 2-ми рисунками) Н. Б.— Хозяйственные совѣты.— Смѣсь.— Политическое обозрѣніе.— Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разказы В. В. Респольско (автора «Петербургскихъ Трущобъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВЪ» 1877 года 90 к. съ пересылкою.
 Семья вольнодумцевъ. Историческая повѣсть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключикова. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «НИВЪ» 1877 года 75 к. съ пересылкою.
 Про что цѣбетала вѣсточка. Сочиненіе Шмидта. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р., для подписчиковъ «НИВЪ» 1877 г. 1 р. съ пересылкою.

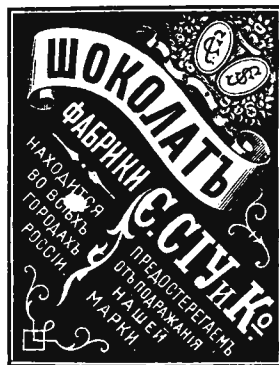
ПРОДАЮТСЯ ИМѢНІЯ

Мурской губ. Корочанскаго уѣз. д. Павлова, въ 15 вер. отъ Г. Корочи и въ 25 вер. отъ Ново-Оскола. съ лѣсомъ, сѣнокосами, усадьбой, постройками и садомъ. Всей земли 240 дес., самаго хорошаго качества. Можетъ быть поставлена небольшая водная мельница. Вѣрной аренды даетъ по 1450 руб. и Воронежской губ. Землянскаго уѣз. въ д. Ивановѣ, Висло-Полянскій дачи, 111 дес. земли, арендуемой за 770 руб. Земля—вездѣ отличный черноземъ и нигдѣ не заломана. Продаются на весьма выгодныхъ условіяхъ. За болѣе подробными свѣдѣніями обращаться Воронежской губ. на станцію Уразова къ владѣльцѣ Екатеринѣ Александровнѣ Поповой. № 108

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Каразина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовые картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 80 для подписчиковъ «НИВЪ» на 1877 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ для вскармленія грудныхъ дѣтей. ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Занковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Цѣна жестианки 1 р. безъ пересылки, въсь 1 1/4 ф.

Имя чести довести до свѣдѣнія публики, что я отъѣзжаю только за тѣ жестианки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи. № 2. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія). 26-16

№ 4

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Выданъ 24 Января 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Подписная цѣна «Нивы» на 1877 г.	I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжныя магазины	4 р. 50 к.
	II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города	5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. номера «Нивы».

Гансъ Макартъ и его мастерская въ Вѣнѣ.

Тотъ, кому удалось побывать на вѣнской выставкѣ 1873 года, конечно посѣтилъ и художественный отдѣлъ ея, гдѣ была выставлена великолѣпная картина Ганса Макарта „Катерина Барнаро“. Картина эта невольно поражала всякаго громадною размѣровъ своихъ, смѣлостью композиціи, силой и гармоніей колорита. Гансъ Макартъ пользуется уже громкою извѣстностью, какъ художникъ. Знаатоки живописи признають колоритъ картинъ его неподражаемымъ. Что касается композиціи, самаго рисунка, то читатели нашего журнала знакомы уже нѣсколько съ манерою Ганса Макарта (снимокъ съ картины его „Клеопатра, отправляющаяся на свиданіе съ Антоніемъ“, помѣщенъ въ № 45 „Нивы“ за 1876 г.).—Давая мѣсто въ настоящемъ номерѣ нашего журнала и ортрету Макарта и части его громадной мастерской, скажемъ нѣсколько словъ по этому поводу. Гансъ Макартъ даже ниже средняго роста... Но уже было кѣмъ-то когда-то замѣчено, что „великіе“ люди побольшей части были „маленькими“. Ма-

Гансъ Макартъ. Профессоръ живописи. Рис. Руткошскій, грав. Стифель.

картъ учился живописи въ Мюнхенѣ, въ школѣ Пилоти, и затѣмъ, окончивъ свое артистическое образованіе, переселился въ Вѣну, гдѣ и началъ работать, обнаруживъ замѣчательное творчество. Смѣлостью рисунка и особенно, свойственною ему, роскошью колорита молодой художникъ сразу обратилъ на себя вниманіе знатоковъ живописи и публики и очень скоро приобрѣлъ громкую славу. Труды его начали хорошо оплачиваться. Одна изъ первыхъ картинъ его „Ромео и Юлія“ была куплена императоромъ Францемъ Іосифомъ и, по желанію его, помѣщена въ Бельведерѣ. Вскорѣ послѣ того, въ знакъ милости его величества къ молодому художнику, Гансъ Макартъ получилъ въ полное свое распоряженіе площадь и зданіе, въ которомъ съ давнихъ поръ помѣщалась императорская литейная мастерская памятниковъ. Ставъ хозяиномъ такого обширнаго помѣщенія, Макартъ не пожалѣлъ ни денегъ, ни труда, чтобы сдѣлать мастерскую свою настоящимъ храмомъ искусства. Онъ далъ волю фантази — и,

как бы по мановению жезла волшебницы—площадка и старая лигтейная преобразились: явился предестный садъ, а самое здание внутри превратилось въ сказочный замокъ, въ чудный дворецъ изъ „Тысячи и одной ночи“. Предель мастерскихъ великихъ художниковъ заключается въ томъ, что эти „студии“ являются, такъ сказать, отраженіемъ творческой фантазіи художника и, кромѣ того, нѣлымъ арсеналомъ крайнѣ интересныхъ предметовъ—старинной мебели, посуды, оружія и костюмовъ, необходимыхъ для живописца при воспроизведеніи имъ картинъ съ историческимъ сюжетомъ. Самыми знаменитыми мастерскими считаются теперь мастерскія Пилоти, Рихтера и Яна Матейки, но студія Макарга, по роскоши убранства и богатству предметовъ, затмила названныя мастерскія. Старая лигтейная снаружи имѣетъ довольно мизерный видъ, но за то внутри, когда вы войдете въ мастерскую художника, васъ поразитъ обстановка ея. Мастерская помѣщается въ главной, огромной залѣ, занимающей весь первый этажъ зданія. Зала эта высока и расположена оконъ позволяетъ художнику пользоваться какимъ угодно освѣщеніемъ. Стѣны ея покрыты дорогими гобеленами и, кромѣ того украшены изящной драпировкой изъ тяжелой матеріи. Замѣчательнъ огромный каминъ съ балюстрадой и порткомъ: онъ сдѣланъ изъ мрамора въ старо-венеціанскомъ стилѣ. Старомодныя кресла, столики, табуреты и греческіе треножники разставлены въ живописномъ беспорядкѣ. Вотъ—лежитъ на полу тигровая шкура, а тамъ, у стѣнки, пріютился диванъ, покрытый мѣхомъ сибирскаго медвѣдя. У великолѣннаго балкона какъ-бы на стражѣ, стоитъ рыцарь; тамъ и сямъ развѣшаны древніе браслеты, ожерелья, поясы, оружіе и т. п. вещи. По лѣвой стѣнѣ мастерской стоятъ мольберты, приспособленные къ установкѣ на нихъ самыхъ большихъ картинъ; посредствомъ

особаго механизма онѣ могутъ легко опускаться и подниматься, что представляетъ большое удобство при работѣ. Тутъ же лежатъ и стоятъ начатыя портреты, эскизы, наброски—и вездѣ видна рука великаго мастера. Во второмъ этажѣ жилия комнаты, также богато разукрашены: и тамъ много чудесныхъ вещей, начиная съ старомодной драгоцѣнной мебели и кончая антиками. Но не всякому доступенъ входъ въ этотъ волшебный замокъ: нужна довольно сильная протекція, чтобы попасть въ него. Послѣ смерти жены своей Гансъ Макаргъ сдѣлался почти отшельникомъ; вообще онъ отличается нелюдимостью, отъ людей сторонится и довольствуется весьма небольшимъ кружкомъ пріятелей. Макаргъ получаетъ большія деньги за свои произведенія, но деньги у него не держатся: онѣ идутъ на покупку разныхъ рѣдкостей, которыя всегда высоко цѣнятся продавцами антиковъ. Стоитъ ему прочесть въ газетѣ или такъ услышать, что напр., въ Парижѣ продается такая-то рѣдкостная вещь—и онъ уже летитъ туда, покупать эту драгоцѣнную диковинку, которая затѣмъ и попадаетъ въ его мастерскую.

Вотъ перечень наилучшихъ произведеній этого даровитаго художника: „Юлія и Ромео“, „Виндзорскія думушки“, „Катарина Кармаро“, „Забавы во дворцѣ дождей“, „Клеопатра“, „Мессалина“, „Фаустъ и Гретхенъ“, „Ариадна“ и „Праздникъ вакханокъ на морскомъ берегу“. Картины эти поставили имя его на ряду съ именами первоклассныхъ европейскихъ художниковъ. Что касается портретовъ работы Макарга, то они отличаются всегда необыкновеннымъ сходствомъ съ оригиналомъ и, кромѣ того, имѣютъ еще ту особенность, что личности изъ современнаго намъ общества являются на этихъ портретахъ или въ фантастическихъ, или въ историческихъ костюмахъ.

Избытокъ жизни.

(Идиллія въ прозѣ).

Въ одну изъ суровыхъ зимъ, въ концѣ Февраля, чудное происшествіе взволновало всѣ умы въ столицѣ. Объ этомъ происшествіи носились страшныя слухи. Когда всѣ говорятъ и рассказываютъ, не зная въ точности дѣла, тогда по необходимости необыкновенное превращается въ чудесное, быть—въ сказку.

Тревога произошла въ одной изъ самыхъ узкихъ улицъ довольно - населеннаго предмѣстья. Говорили, что тамъ открытъ опасный злоумышленникъ, отчаянный негодяй, который, собравъ многочисленную шайку, хотѣлъ пуститься на грабежи, разбои и убійства, но что, послѣ упорнаго сопротивленія, онъ принужденъ былъ отдаться въ руки правосудія. Увѣряли, что онъ долго защищался, отстрѣливаясь изъ ружей и даже изъ пушки, которою будто-бы запасся заблаговременно, что много крови было пролито прежде нежели онъ сдался, и что судъ собирается приговорить его къ ссылкѣ въ мѣста удаленныя. „Два журналиста да портной“ утверждали, что этотъ злодѣй былъ разбойникъ, намѣревавшійся возмутить не только Туркестанъ, но и Индію, а оттуда пламя мятежа, вмѣстѣ съ холерою, распространить по всему міру.

Но вотъ что было дѣйствительно: въ небольшомъ домѣ предмѣстья сдѣлался шумъ; призвана была полиція, собралось много народа; въ толпѣ замѣчено было нѣсколько лицъ значительныхъ; потомъ все успокоилось, и ничего не объяснилось. Въ домѣ остались нѣкоторые слѣды разрушенія. Всякій толковалъ по своему, давалъ воображенію своему полную волю теряться въ догадкахъ, пускаться на выдумки, а между тѣмъ плотники и столяры исправили то, что было испорчено.

I.

Въ этомъ домѣ жилъ человѣкъ, котораго не зналъ никто изъ сосѣдей. Былъ-ли это ученый, политикъ, туземецъ, или иностранецъ? никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы; знали только, что незнакомецъ жилъ очень тихо. Его не видно было ни на какихъ гуляньяхъ. Онъ былъ еще молодъ, хорошъ собою, а молодая жена его, раздѣлявшая съ нимъ уединеніе, могла назваться красавицею.

За нѣсколько времени до происшествія, молодой человѣкъ сидя въ своей комнатѣ прижавшись къ печ-

кѣ, разговаривалъ со своей женою: „Ты знаешь, милая Катя, какъ я люблю и почитаю Полю; но, признаюсь, для меня остается загадкою, какъ бы выпутался изъ бѣды этотъ герой нашего юмориста, если бы онъ былъ приведенъ въ такое положеніе, какъ мы... Кажется, всѣ средства истощены. Не такъ-ли?“

— Правда, Валеріанъ,—отвѣчала Катя, улыбувшись и вздохнувъ,—но пока ты будешь бодръ и веселъ, до тѣхъ поръ, возлѣ тебя, я не буду почитать себя несчастною.

— Несчастье и счастье—пустыя слова,—возразилъ онъ, когда ты согласилась послѣдовать за мною изъ отцовскаго дома, когда ты великодушно пожертвовала всѣмъ для меня, тогда участь наша рѣшилась на вѣки. Любить и жить—вотъ нашъ жребій; а какъ жить—для насъ все равно. И я отъ глубины души спрашиваю: есть-ли въ цѣлой Европѣ еще такой полный счастливцевъ, какимъ я признаю себя по всей справедливости и со всею искренностью сердечнаго убѣжденія.

— У насъ ничего нѣтъ,—сказала она,—кромѣ насъ самихъ. Я знала, выходя за тебя, что ты не богатъ,—тебѣ было извѣстно, что я ничего не могла взять изъ родительскаго дома. Бѣдность сдружилась съ нашею любовью и сидѣтъ въ этой комнатѣ, разговаривать другъ съ другомъ, смотрѣть другъ другу въ глаза,—вотъ наша жизнь.

— Такъ! вскричалъ онъ, и въ радости своей вскочилъ, чтобы прижать къ сердцу свою Катю. Какъ были-бы мы развлечены, вѣчно одиноки, вѣчно разлучены въ этомъ вихрѣ большаго свѣта, еслибы все устроилось обыкновеннымъ порядкомъ. Здѣсь мы, какъ Адамъ и Ева, въ земномъ раю и ни одинъ ангелъ не является, чтобы изгнать насъ изъ этого рая.

— Жаль только,—сказала Катя вполголоса,—что дровъ не остается у насъ ни полѣна, а нынѣшняя зима такая холодная, какихъ я не запомяну.

— Смотри,—сказалъ онъ,—я смѣюсь, хотя вовсе не отъ отчаянія, а такъ отъ маленькаго замѣшательства, потому что я, право, не знаю, какъ добудемъ мы денегъ: но средства должны отыскаться—нельзя же, чтобы мы замерзли при такой пылкой любви, съ такою горячею кровью! Нѣтъ, это невозможно.

Катя улыбулась дружески и отвѣчала: еслибы я мог-

ла продать свои платья, набрать въ маленькомъ нашемъ хозяйствѣ лишніе пожевые черенки, ступки и мѣдные котлы, то мы легко бы вышли изъ затрудненія.

— О, конечно! отвѣчалъ Валеріанъ шутливо, — если бы мы были тысячниками, то не мудрено было бы достать дровъ и даже лучшую пицу.

Катя заглянула въ печь, гдѣ кипѣла вода, въ которую накрошенъ былъ хлѣбъ. Эта похлебка и въ заключеніе ломтикъ хлѣба съ масломъ—вотъ все, что составляло ихъ обѣдъ.

— Пока ты, — сказалъ онъ, — и стряпаешь и хлопчешь въ кухнѣ, я сяду за работу. Какъ охотно сталъ бы я писать; если бы у меня были чернила, бумага и перья! Я не отказался бы и отъ чтенія, если бы осталась у насъ хоть одна книга.

— Думай, другъ мой, — сказала Катя, лукаво взглянувъ на него, — надѣюсь, что въ мысляхъ нѣтъ еще у тебя недостатка.

— Любезная жена! возразилъ онъ, — наше хозяйство такъ обширно, что требуетъ всего твоего вниманія; не отвлекайся отъ занятій, чтобы хозяйственные наши дѣла не пришли въ разстройство. И такъ какъ я отправляюсь въ свою библиотеку, то оставь меня въ покоѣ: мнѣ нужно распространить мои свѣдѣнія и доставить пицу душѣ.

— Онъ все тотъ же! подумала жена и засмѣялась, — а какъ онъ хорошъ!

— И такъ, — сказалъ онъ, — раскроемъ опять дневникъ, который я вель, пока было чѣмъ писать; любопытно пробѣжать его съ конца, и такимъ образомъ мало по малу дойти до начала. Каждое истинное знаніе, всякое искусство и всѣ основательныя идеи должны составлять кругъ, въ которомъ бы начало и конецъ соприкасались, подобно змѣѣ, пожирающей свой собственный хвостъ. Это символъ вѣчности, какъ утверждаютъ другіе, а я такъ думаю—символъ всего разумнаго, истиннаго и справедливаго.

Онъ прочелъ вполголоса на послѣдней страницѣ: „Разсказываютъ басню, что одинъ бѣшенный преступникъ, приговоренный къ голодной смерти, пожиралъ самъ себя. Въ сущности, это аллегорія жизни каждаго человѣка: тамъ остался только желудокъ и зубы, у насъ остается душа. Я въ отношеніи къ виѣннымъ предметамъ поступилъ съ собою почти также: обобралъ и проѣлъ почти все до чиста. Мнѣ казалось смѣшно, что у меня былъ еще фракъ съ принадлежностями, тогда какъ я нигуда не выхожу. Въ день рожденія моей жены, я явился къ ней въ камзолѣ, безъ фрака, потому-что между людьми порядочными считается неприличнымъ ухаживать за дамами въ изношенномъ шлафрокѣ“.

„Здѣсь конецъ страницы и книги, сказалъ Валеріанъ.

„Всему свѣту извѣстно, что наши фраки — глупая и вовсе не изящная одежда. Всѣ ругаютъ этотъ безобразный костюмъ, но никто не рѣшается, подобно мнѣ, отъ него избавиться. Ни въ одной газетѣ не говорятъ еще, чтобы хоть одинъ благомыслящій человѣкъ послѣдовалъ смѣлому моему примѣру“.

Онъ перевернулъ страницу и прочелъ на предпоследней: „Можно жить и безъ салфетокъ. Когда я только подумаю, какъ много мелочей, лишняго и бесполезнаго, подъ предлогомъ бережливости, вкрадывается въ нашу жизнь, то я болѣе и болѣе негодую на нашъ скудой и скаредный вѣкъ, и утверждаюсь въ рѣшимости жить по примѣру нашихъ праотцевъ, которые были несравненно щедрѣе и гостеприимнѣе насъ. Эти дрянныя салфетки, которыхъ и теперь еще гнушаются англичане, явно придуманы для сбереженія скатерти. Не падать ея есть признакъ щедрости, великодушія, но я дѣлаю болѣе: я объявляю и самую скатерть вещью бесполезною: и она и салфетки будутъ проданы; мы будемъ ѣсть съ непокрытаго стола, по примѣру праотцевъ, по примѣру..... какихъ-бишь, народовъ? Все равно, сколько есть людей,

которые ѣдятъ даже и не со стола! Но какъ я уже сказалъ, я изгоняю скатерть и салфетки не изъ цинической скупости, подобно Дюгену, а по чувству собственного благосостоянія, чтобы не сдѣлаться, какъ нынѣшнее поколѣніе, отъ безразсудной бережливости, расточительнымъ“.

— Чудесно сказано. — прервала его Катя, засмѣявшись, — однако, на деньги, вырученныя продажей всѣхъ лишнихъ вещей, жили мы еще расточительно. У насъ бывало въ иной день два блюда.

Супруги сѣли за скудный свой обѣдъ. Если бы кто взглянулъ на нихъ, то почелъ бы ихъ людьми достойными зависти: такъ веселы, такъ беззаботны они были за столомъ. Когда миска съ похлебкою была опорожнена, Катя съ плутовскою миною вынула изъ печи накрытую тарелку и предложила изумленному мужу нѣсколько жаренаго картофеля. „Вотъ что называется“ сказалъ онъ „приготовить радостную нечаянность человѣку, который прокорпѣлъ цѣлое утро надъ книгами! Это земляное яблоко привезено въ Европу для великихъ переворотовъ“. Они чокнулись стаканами. Валеріанъ тщательно осмотрѣлъ ихъ и бережно поставилъ, удостовѣрившись, что они нисколько не пострадали отъ его восторга. „Это произведеніе нашей изобрѣтательности“, сказалъ онъ, — „наши стаканы, которые мы употребляемъ ежедневно, могли бы служить предметомъ зависти для богатѣйшихъ царей древняго міра. Не скучно ли было пить изъ золотыхъ кубковъ такую прекрасную, чистую здоровую воду? Въ нашихъ стаканахъ освѣжительная влага представляется такою прозрачною, она такъ сходна со стекломъ, что, глядя на насъ, когда мы утоляемъ свою жажду, можно подумать, что мы пьемъ эфиръ, приведенный въ жидкое состояніе. „Обѣдъ нашъ конченъ—обнимемъ“.

— Для разнообразія мы можемъ придвинуть наши стулья къ окну, — сказала Катя.

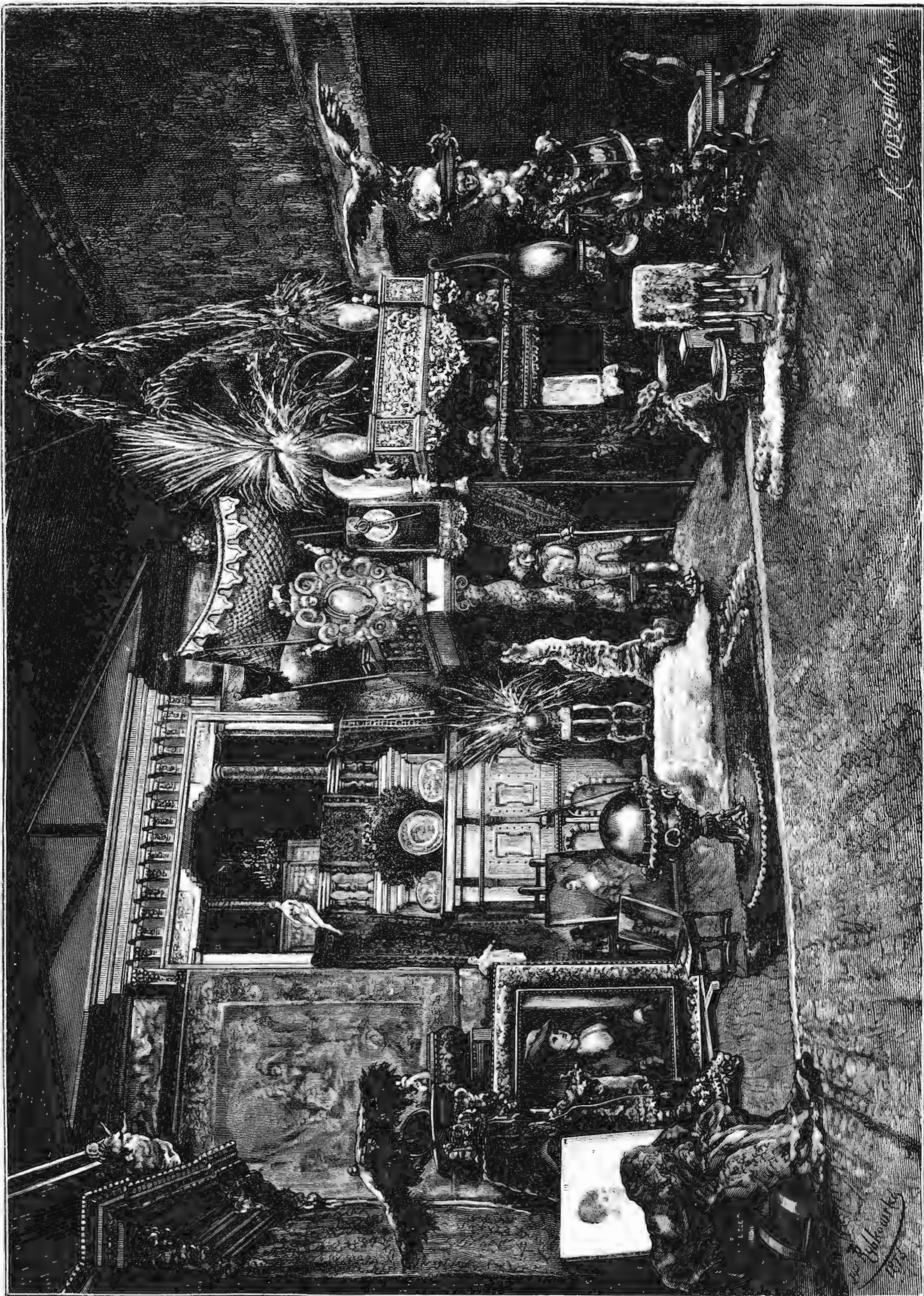
— У насъ простора довольно, — возразилъ онъ, — истинный дворецъ въ сравненіи съ тѣми клетями, въ которыхъ сажаютъ людей подозрительныхъ. Невѣроятно, сколько счастья уже въ томъ, чтобы можно было протянуть руки и ноги по произволу. Помышляя о желаніяхъ, которыя въ иной часъ возбуждаются въ душѣ, я увѣряюсь болѣе и болѣе, что мы живемъ въ цѣпяхъ: Психея попала, — а какимъ образомъ, одному Богу извѣстно, — въ сѣти, изъ которыхъ не можемъ вырваться: мы и сѣти составляемъ одно и тоже, такъ что наша тюрьма кажется намъ раемъ.

— Не углубляйся въ такую мудрость, — сказала Катя, взявъ его за руку своими нѣжными и гибкими пальчиками, — посмотри лучше, какими чудными цвѣтами разрисовалъ морозъ наши окна. Тетка моя утверждала всегда, что когда окна покрыты толстымъ слоемъ льда, то въ комнатѣ теплѣе, нежели при чистыхъ стеклахъ.

— Можетъ быть — сказалъ онъ — однако я не намѣренъ, полагаясь на ея слова, прекратить топку. Въ противномъ случаѣ стекла отъ нарастающаго льда могутъ сдѣлаться такъ толсты, что сократятъ нашу маленькую комнатку, и мы напослѣдокъ очутимся въ ледяномъ домѣ.

— Какъ чудно, — вскричала Катя, — выведены эти цвѣты, и какое разнообразіе! Глядя на нихъ, подумаешь, что мы ихъ уже гдѣ-то видѣли, и между тѣмъ всѣ они несходны между собою. Посмотри, какъ одинъ прикрывается другимъ и какъ они разрастаются, пока мы говоримъ о нихъ.

— Пусть ботаники, — сказалъ онъ, — разсматриваютъ эту флору, срисовываютъ ее и включаютъ въ свои ученые книги; пусть они спорятъ, проявляются ли эти цвѣты и листья по неизмѣнному рисунку, или фантастически образуются всегда въ новомъ видѣ: я знаю только, что твое дыханіе, твое сладкое дыханіе вызываетъ эти признаки цвѣтовъ изъ угасшаго минувшаго. Какъ ты при-

Мастерская Макарта. въ Вѣнѣ. Рис. Руткошскій, грав. Ольцевскій.

Погонщикъ ословъ въ Каирѣ. Съ фотографии рѣзальи Мукаровскій.

лтно и сладостно думаешь и мечтаешь, такъ точно юмористическій геній списываетъ здѣсь, посредствомъ этихъ узоровъ, твои мысли и чувства: я читаю въ нихъ, какъ ты вѣрна и предана мнѣ, какъ обо мнѣ думаешь, хотя находишься возлѣ меня.

— Очень мило! отвѣчала Катя дружески. Вы умѣете также остроумно и поучительно объяснять снѣжные цвѣты, какъ искусно растолковали и объяснили мнѣ шекспировы драмы.

— Потихе, душа моя,—сказалъ онъ,—не увлекай меня въ любимую сферу и не говори мнѣ никогда вы, даже въ шутку... Я намѣренъ заняться опять дневникомъ моимъ. Эти монологи и теперь даже знакомятъ меня съ самимъ собою: что же будетъ въ старости? Можетъ-ли дневникъ заключать въ себѣ что-нибудь другое, кромѣ монологовъ? Но великій художническій умъ могъ бы составить изъ него драму... Къ несчастію, намъ рѣдко слышится другой голосъ въ насъ самихъ, и мудрено-ли? Изъ тысячи людей едва-ли найдется одинъ, который выслушалъ бы и принялъ совѣты и отвѣты разсудительнаго человѣка, если они не согласны съ его мыслями и не соотвѣтствуютъ его ожиданіямъ.

— Правда,—замѣтила Катя,—и для этого данъ намъ бракъ во всей его святости. Въ любви женщины раздается тотъ второй отвѣтный голосъ, истинный отзывъ души. И повѣрь, вы, мужчины, въ гордости своей, называете часто нашу глупостью, недалководностью, недостаткомъ философіи, неспособностью проникать въ сущность предметовъ и подобными именами, тотъ неподдѣльный говоръ сердца, который глубоко проникаетъ въ тайны вашего духа и сливается съ ними въ полное и гармоническое созвучіе. Правда, многіе мужчины довольствуются всеопровергающихъ эхо, и называютъ голосомъ природы, согласіемъ души то, что въ сущности не болѣе какъ рабское и буквальное повтореніе громкихъ, не безсмысленныхъ фразъ. Часто это эхо принимаете вы за идеалъ женщины, въ который смертельно влюбляетесь.

— Ангель! Небо! вскричалъ восторженный молодой человѣкъ,—такъ мы понимаемъ другъ друга; любовь наша истинный брачный союзъ въ полномъ значеніи слова; ты озаряешь и обогащаешь тѣ уголки моей души, которые мрачны и пусты. Будь моимъ оракуломъ: у меня достанетъ вниманія и смысла, чтобы выслушивать твои прорицанія и ихъ разгадывать!

Продолжительное объятіе прервало и объяснило этотъ разговоръ. „Поцѣлуй“,—сказалъ Валеріанъ, „также оракулъ. Желать бы я знать, были ли на землѣ такіе люди, которые при такомъ сердечномъ поцѣлуѣ могли думать о чемъ-нибудь дѣльномъ и умномъ?“

Катя разсмѣялась, но вдругъ нахмурилась и сказала вполголоса, даже съ видомъ горести, „да, такъ поступаемъ мы съ служителями и домоправителями, конюхами и егерями, которымъ такъ часто бываемъ многимъ обязаны. Веселы ли мы, угрюмы ли, мы смѣемся надъ ними или пренебрегаемъ ими. Отецъ мой перескочилъ однажды на своемъ ворономъ конѣ чрезъ ровъ. Всѣ дивились ему, дамы хлопали въ ладоши; одинъ только старый конюхъ, находившійся по близости, покачивалъ значительно головою. Неловкій и неповоротливый, съ своей длинной косой и краснымъ носомъ, онъ былъ смѣшонъ. А ты? спросилъ его вспылчивый отецъ мой: намолъ опять что-нибудь хулить и порицать? Конюхъ не смѣшался и спокойно отвѣчалъ: во первыхъ, ваше сіятельство, вы не довольно опустили поводья, потому что были въ страхѣ, вы могли упасть, потому что лошади мало дали воли и затруднили прыжокъ ея; во вторыхъ, лошадь отличалась тутъ не менѣе васъ, и въ третьихъ, еслибы я не обучилъ ее, на что требовалось много времени, большой запасъ терпѣнія и борьба со скукою, то ни ваша смѣлость, ни вся готовность вашего коня не принесли бы вамъ никакой пользы. Ты

правъ старикъ, сказалъ отецъ, и щедро наградилъ его... Такъ и мы. Мы тогда только можемъ фантазировать, предаваться любви и страсти, мечтать и щеголять остроуміемъ, когда разсудокъ, этотъ строгій и сухой судья, обвѣздилъ уже всѣхъ этихъ коней и коньковъ. Если всадникъ и конь, не приготовившись, захотятъ сдѣлать смѣлый прыжокъ, то они, къ ужасу или смѣху зрителей, упадутъ въ ровъ и тамъ останутся.

— Правда—замѣтилъ Валеріанъ,—и въ наши дни это подтверждается примѣромъ многихъ сумасбродовъ и даже поэтовъ. Есть стихотворцы, которые садятся на коня даже не съ той стороны, и, несмотря на то, беззаботно рѣшаются на опасный скачекъ.—О! твой отецъ!..“

Катя взглянула на него съ состраданіемъ; онъ не могъ устоять противъ этого взгляда. „Да, твой отецъ“,—повторилъ онъ съ нѣкоторою досадою:—„однимъ словомъ сказано очень много. И чего мнѣ еще надобно? Ты могла же его покинуть, какъ ни горячо любила его!“

— Оба задумались. „Я хочу приняться за работу“,—сказалъ молодой человѣкъ.

Онъ взялъ свой дневникъ, перевернулъ назадъ страницу, и прочелъ вслухъ:

„Сегодня продалъ я скупому книгопродавцу мой рѣдкій экземпляръ Чосера, *) древнее, драгоценное изданіе Какстона. Другъ мой, добрый, благородный Андрей Щербатовъ, подарилъ мнѣ его въ день моего рожденія. Мы были тогда въ университетѣ. Онъ выписалъ книгу нарочно изъ Лондона, дорого заплатилъ за нее и заказалъ для нея особеннаго рода, по своему собственному вкусу, прекрасный и богатый переплетъ. Старый скряга, который выманилъ ее у меня за безцѣнокъ, вѣроятно уже отправилъ ее въ Лондонъ, чтобъ выручить вдесятеро болѣе противъ того, что за нее заплатилъ. Зачѣмъ я не вырѣзалъ, по крайней мѣрѣ, того листка, на которомъ я описалъ, какъ достался мнѣ этотъ экземпляръ, и на которомъ означилъ мѣсто теперешняго нашего жительства. Все это вмѣстѣ отправится въ Лондонъ или поступитъ въ бібліотеку какого нибудь богача. Разставаться съ дорогою книгою, отдать ее за безцѣнокъ было больно, и едва не впала мнѣ въ голову мысль, что я дѣйствительно бѣденъ и терплю нужду. Безспорно, эта книга составляла драгоценнѣйшую собственность, какою я только владѣлъ, и сколько воспоминаній пробуждала она во мнѣ о немъ, о единственномъ моемъ другѣ! Добрый Андрей, живъ ли ты еще? Гдѣ ты? Вспоминаешь ли обо мнѣ?“

— И видѣла твою горестъ,—сказала Катя,—когда ты отдавалъ книгу; но ты мнѣ не описалъ еще подробно друга твоей юности.

— Молодой человѣкъ,—сказалъ онъ,—подобный мнѣ, но только нѣсколько старѣе меня и гораздо степеннѣе. Мы познакомились еще въ школѣ, и я долженъ тебѣ сказать, что онъ преслѣдовалъ меня своею страстной дружбой и насильно ее мнѣ навязывалъ. Онъ былъ богатъ и, не смотря на огромное свое богатство, на нѣгу и роскошь, въ которыхъ его воспитали, былъ добръ и чуждъ эгоизма. Онъ жаловался на то, что я слабо отвѣчаю его привязанности, что дружба моя холодна и для него неудовлетворительна. Мы учились вмѣстѣ и жили въ одной комнатѣ. Онъ желалъ, чтобы я требовалъ отъ него пожертвованій, потому что у него былъ во всемъ избытокъ, а мнѣ отецъ могъ удѣлять очень немного. Когда мы воротились въ столицу, онъ думалъ отправиться на дальній югъ; онъ былъ уже тогда совершенно независимъ. Туда, въ страну чудесъ влекло его сердце; тамъ хотѣлъ онъ довершить свое ученіе, обозрѣть новые предметы и утолить страсть свою къ знаніямъ и путешествіямъ. Конца не было увѣщаніямъ, просьбамъ и мольбамъ, чтобъ я ему сопутствовалъ; онъ увѣрялъ, что тамъ, при его пособіи, я долженъ соста-

*) Чосеръ (Chaucer), отецъ англійской поэзіи, родился 1328 году.

вить свое счастье, въ чемъ онъ ручался. Но въ это самое время умерла моя мать, отецъ былъ боленъ, и я не могъ принять предложеніе друга. При томъ же я не приобрѣлъ нужныхъ для этого путешествія свѣдѣній, не учился языкамъ, въ которыхъ онъ, по страсти своей къ путешествіямъ и въ особенности по стремленію своему, побывать на востокъ, оказалъ большіе успѣхи. При помощи друзей и покровителей, я получилъ мѣсто по дипломатической части, котораго давно искалъ. Имѣніе моей матери доставило мнѣ средствъ ообзавестись прилично моему назначенію, и я простился съ отцомъ, къ выздоровленію котораго было мало надежды. Другъ мой потребовалъ, чтобы я ввѣрилъ ему часть своего капитала, которую онъ намѣревался пустить въ оборотъ и возвратитъ мнѣ впоследствии съ прибылью. Я думаю, что подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ, онъ хотѣлъ только когда нибудь сдѣлать мнѣ значительный подарокъ. Я пріѣхалъ къ вамъ—и рѣшилась моя участь, какъ тебѣ извѣстно.

— И ты ничего не узналъ потомъ объ этомъ добромъ другѣ? спросила Катя.

— Два письма я получилъ отъ него изъ той отдаленной части свѣта, что называется Индией,—отвѣчалъ Валеріанъ.—Потомъ дошелъ до меня вѣрный слухъ, что онъ умеръ отъ холеры... Такъ былъ онъ у меня похитенъ смертью; отца моего не было уже на свѣтѣ, и я предоставленъ былъ самому себѣ. Я пользовался благоклонностью посланника и могъ полагаться на покровительство сильныхъ лицъ, какъ вдругъ все это рушилось“...

— Да,—сказала Катя,—ты всѣмъ для меня пожертвовалъ, и я также навсегда отвергнута моими родственниками!

— Любовь вознаграждаетъ за все,—освѣчалъ онъ:—кажется, я не ошибаюсь: медовый нашъ мѣсяцъ, какъ называютъ счастливое время брака прозаическіе люди, продолжается у насъ гораздо болѣе года.

— Но твоя прекрасная книга, твоя неподобная поэма... Если бы намъ получить хоть списокъ съ нея! Сколько удовольствія и развлеченія доставила бы она намъ въ эти длинные зимніе вечера! Впрочемъ, присоветовала она вздохнуть, намъ понадобились бы тогда свѣчи....

— Утѣшься, Катя,—отвѣчалъ ей мужъ:—мы болтаемъ, а это лучше; я слышу твой голосъ, ты поешь или вос-

хитительно смѣешься. Такого звучнаго, мелодическаго хохота, какъ твой, я еще нигдѣ не слыхивалъ: въ немъ отражается такое чистое веселье, такая неземная радость, и притомъ такое тонкое и трогательное чувство, что я съ восторгомъ слушаю эти звуки, извлекаемые изъ груди твоей веселости: я ихъ изучаю и размышляю о нихъ. Бываютъ случаи, другъ мой, когда человѣкъ, давнымъ-давно намъ знакомый, вдругъ пугаетъ насъ, наводитъ на насъ ужасъ своимъ хохотомъ, который идетъ прямо отъ сердца, но котораго до тѣхъ поръ мы отъ него не слыхивали. Тоже самое опущеніе испыталъ я, услышавъ подобный хохотъ прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя мнѣ до той минуты нравились. Какъ во многихъ сердцахъ дремлетъ незнаемо кроткій ангелъ, который ждетъ только генія, долженствующаго его пробудить, такъ въ другихъ, впрочемъ, привлекательныхъ и любезныхъ людяхъ, сокрыто въ глубинѣ ихъ сердца совершенно пошлое чувство, которое вырывается наружу, когда смѣшное вдругъ и съ силою ворвется въ сокровенную область души ихъ. По инстинкту узнаемъ мы, что въ этихъ существахъ есть что-то такое; чего мы должны остерегаться. Какъ полно значенія, какъ выразителенъ смѣхъ человѣка! Твой смѣхъ, душа моя, я хочу когда-нибудь воспѣть стихами.

— Берегись,—замѣтила Катя,—слишкомъ пристально наблюдать человѣка: легко сдѣлаться человѣконенавистникомъ.

— Случай, по которому тотъ молодой, легкомысленный книгопродавецъ,—продолжалъ Валеріанъ,—сдѣлался банкротомъ и съ моею превосходною рукописью отправился по міру, можетъ послужить также къ нашему счастью. Какъ легко могло случиться; что распросы, ему сдѣланные, обнародованная книга, молва о ней въ городѣ, привлекли бы на насъ даже сюда вниманіе любопытныхъ. Отецъ мой и родственники не прекратили вѣроятно своего преслѣдованія; паспортъ мой разсмотрѣли бы снова и внимательно; родилось бы подозрѣніе, что имя мое не настоящее, а вымышленное, и тогда, при моей безпомощности и при такой малой надеждѣ на заступничество со стороны моего начальства, котораго гнѣвъ я навлекъ на себя своимъ побѣгомъ,—насъ бы разлучили, тебя отослали къ отцу твоему, а меня подвергли бы суду. Здѣсь, ангелъ мой, сокрытые отъ всѣхъ взоры, мы счастливы, невыразимо счастливы!

(Продолженіе будетъ).

ПАМЯТИ ДРУГА

Высокая въ порывахъ неизмѣнныхъ
Душа его рвалась всегда къ добру,
Безъ славныхъ дѣлъ, безъ подвиговъ свещенныхъ,
Томился онъ на жизненномъ пиру:

* * *

Онъ презиралъ пустыя наслажденія,
Бѣжалъ душой отъ шума суеты,
Въ груди носилъ онъ раннія сомнѣнія
И жизнию развитыя мечты...

* * *

Я помню взглядъ унылый, но прекрасный,
Исполненный сомнѣній и тревогъ;

И вдругъ блеснулъ въ немъ лучъ надежды ясный;
Герой узналъ, что „дѣйствовать“ онъ могъ...

* * *

И ожилъ онъ, внимая той годинѣ,
Что такъ давно ждала его мечта,
И смертью палъ, за братьевъ на чужбинѣ,
Сражаясь тамъ подъ знаменемъ Христа...

* * *

И умеръ онъ, судьбою не забытый:—
Онъ былъ въ тотъ мигъ надеждами богатъ,
Когда лежалъ въ стени полуубитый,
И звалъ впередъ отпрянувшихъ солдатъ.

Н. В.—скій.

ПОГОНЩИКИ ОСЛОВЪ ВЪ КАИРѢ.

(къ рисунку).

Говоря о Каирѣ, нужно разумѣть, во первыхъ, общую его физономію, знакомую всѣмъ путешественникамъ, и затѣмъ, Каиръ, переустроенный въ новѣйшее время, стараніями вице-короля Измаила-паши.

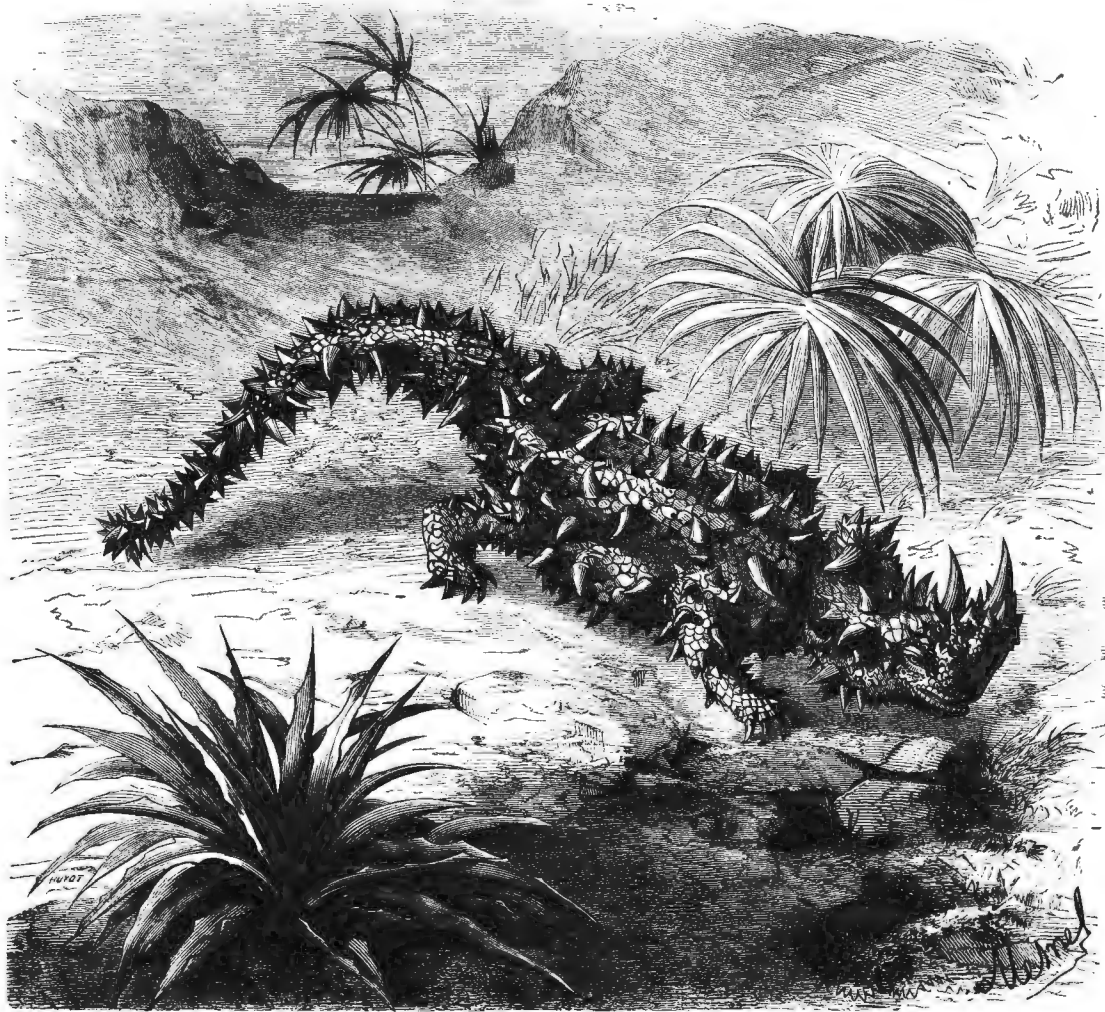
Название Каіро, по словопроизводству съ арабскаго языка, значитъ „побѣдоносный“ и, по требованію арабскаго произношенія, должно писаться *Kahira*. Полное арабское названіе го-

рода — Масръ-эль-Кагіра. Это названіе столицы современнаго Египта, однаго изъ величайшихъ и великолѣпнѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ. Городъ расположенъ на восточномъ берегу Нила, въ песчаной долинѣ, и состоитъ собственно изъ трехъ частей и какъ-бы отдѣльныхъ городовъ: Старога Каира или Фостата, Новаго Каира и Булака. Геній аравійской, или точнѣе, сарацинской архитектуры развернулся здѣсь во всемъ блескѣ: величе-

ственные здания, общественные и частные, поражают взоры. Эти здания, а также и дома для жилья, построенные большей частью из кирпича, снабжены плоскими кровлями, выглядят весьма красиво и оригинально: — но посетители Каира назадь тому 20 лѣтъ сразу поражали въ немъ общій недостатокъ мусульманскихъ городовъ: тѣснота и кривизна улицъ, отсутствие мостовой и грязь, грязь!.. Нужно было нарочно нанимать осла, чтобы пройти какую-либо изъ каирскихъ улицъ. Для этого-то на площадкахъ или у поворотовъ улицъ и стояли осла къ услугамъ каждаго, среднимъ числомъ всѣхъ ословъ, предлагаемыхъ для этой цѣли погонщиками, считалось всегда 30.000 и болѣе на весь Каиръ. Въ настоящее время ѣзда на ослахъ въ Каирѣ уже совершается не изъ опасенія пройти грязную улицу, а составляетъ скорѣе развлеченіе — потому что всѣ улицы, стараніями Измаила-пашы, передѣланы на новый ладъ. Упряжь этихъ ословъ, какъ читатель уже видитъ изъ рисунка, красива и удобна: мягкое сѣдло, стремена. Кроткое животное печально полускрывъ глаза, послушно ждетъ своей очереди вѣсти сѣдока.

ственная библиотека, особенно изобилующая сочиненіями по исторіи Египта. Общественныхъ бань, построенныхъ со всею роскошью Востока, имѣется до 70 есть также множество большихъ фабрикъ. Что касается торговли, то она всегда придавала Каиру громадно-важное значеніе; нечего и говорить, до какой степени увеличилось это значеніе теперь, съ открытіемъ Суэзскаго канала; формулируя точнѣе торговую важность Каира, нужно сказать, что онъ издавна составлялъ средоточіе всѣхъ торговыхъ сношеній между Европою, Средиземнымъ моремъ, Азіей и Сѣверо-восточною Африкой. Уже въ тридцатыхъ годахъ текущаго вѣка между Александріей и Каиромъ проведена была телеграфная линія.

Изъ особыхъ достопримѣчательностей Каира нужно указать на укрѣпленіе, построенное на скалѣ, въ которомъ жили прежніе египетскіе пашы: такъ называемый „Колодезь Юсіфа“, высѣченный въ скалѣ и имѣющій глубину въ 276 фут.; великолѣпный дворецъ, называемый дворцомъ Юсіфа, множество кофеенъ, снабженныхъ всѣмъ восточнымъ комфортомъ, огромная

Молохъ. Рис. Менель, грав. Лаплантъ.

Лукаво улыбающійся берберъ, съ живописною чапмой на головѣ — это и есть каирскій погонщикъ осла, предлагающій свои услуги прохожимъ. Группа все-таки гораздо привлекательнѣе, чѣмъ та, какую представляютъ наши ваньки, съ ихъ вздерженными клячами и „сокрушительными“ дрожками.

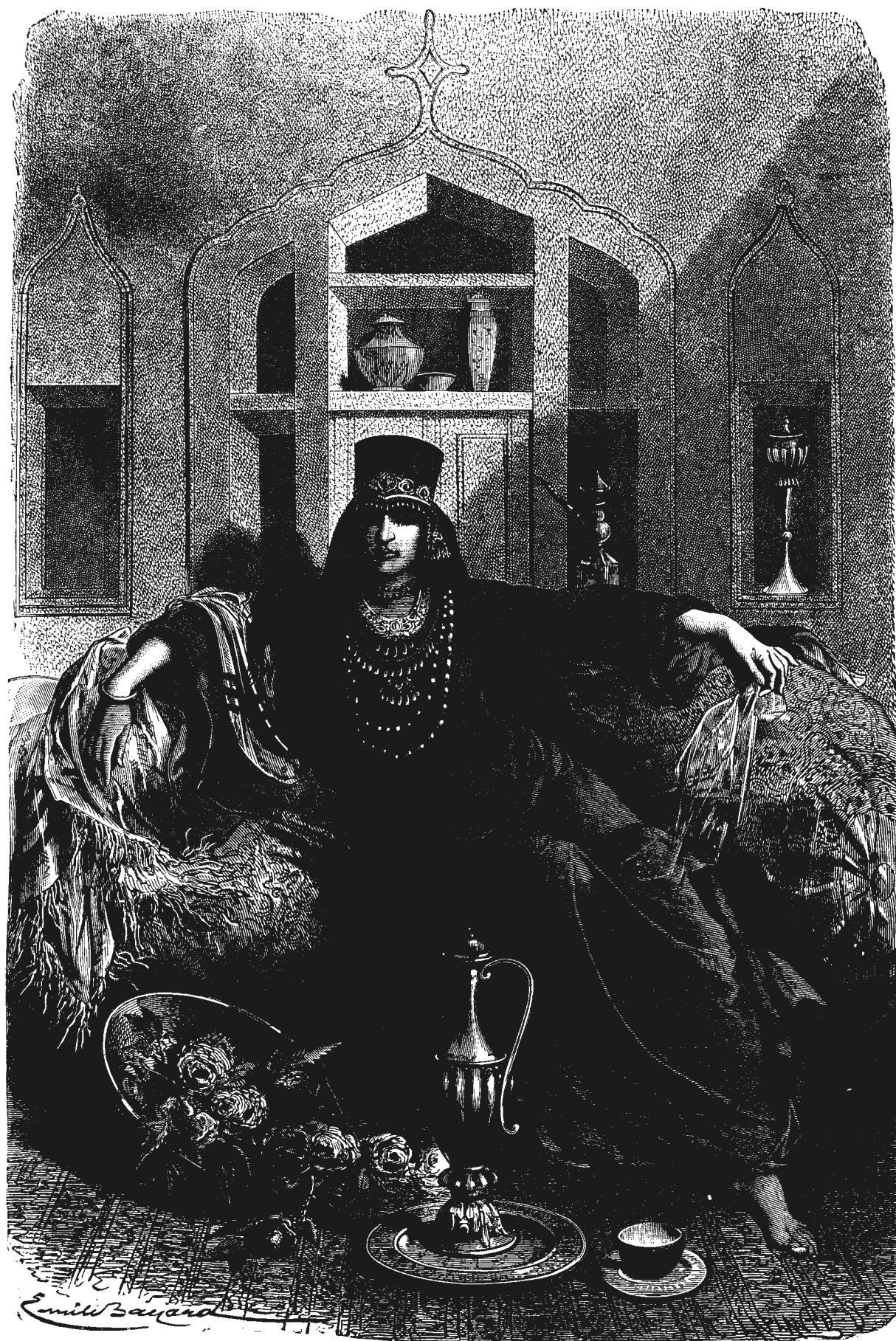
Жители Каира состоятъ большей частью изъ арабовъ, коптскихъ христіанъ, мамелюковъ, грековъ, сирійцевъ, армянъ, европейцевъ и евреевъ. Общее число жителей издавна колебалось между 350.000—400.000. Въ настоящее время, вслѣдствіе торговаго оживленія Египта по прорытію Суэзскаго канала, это число на цѣлыхъ 100.000 больше, а именно 450.000 чел.

Въ Каирѣ находится до 300 мечетей; изъ нихъ великолѣпнѣйшая извѣстна подъ названіемъ „Сама-эль-адгеръ“, а мечеть султана Гассона, громаднѣйшая по своимъ размѣрамъ. Изъ христіанскихъ храмовъ въ Каирѣ находится 12 коптскихъ, и 2 греко-восточныхъ церкви. Существуетъ 1 католическій монастырь, 36 еврейскихъ синагогъ, 1 высшее магометанское училище, военная и артиллерійская школы; весьма богатая обще-

тинографія, огромнѣйшая по размѣрамъ постройки во всемъ Египтѣ таможня, гдѣ оплачиваются пошлиною всѣ товары, идущіе по направленію въ Даміету, Рашиду и проч.

Теперешній египетскій вице-король, Измаиль-паша, при помощи займовъ и тяжелыхъ налоговъ, „гаусманизировалъ“ свою столицу, т. е. приложилъ къ украшенію ея столько же стараній, сколько и знаменитый наполеоновскій префектъ Парижа. Гаусманъ относительно столицы Франціи. Благодаря этому гаусманизированію, теперь уже не узнать Каира. То ли онъ теперь, чѣмъ былъ лѣтъ 10 тому назадъ! Улицы выпрямились, роскошно освѣщены газомъ. Построено множество новыхъ парковъ, скверовъ, отелей, магазиновъ. Явилась итальянская опера, французскій театръ, циркъ, роскошный кафе-шантанъ, рулетка и проч. и проч.

За то интеллектуальная сторона населенія столицы египетскаго вице-короля такъ же точно бѣдна, какъ была лѣтъ 20—30 тому назадъ. Нѣтъ ни одной газеты, ни одной книжной лавки. Это тѣмъ болѣе поразительно, что „гаусмановскія“ постройки

Ваядерка. Рис. Э. Баяръ, грав. Лаплантъ.

возведены съ истинно-безумною роскошью, напрасно и непроизводительною для страны. Египетскій земледѣлец-феллахъ до сихъ поръ пашетъ землю деревянною сохою, какъ это было и въ періодъ Фараоновъ. Подати феллахъ несетъ изнурительныя, далеко превышающія его силы. И вотъ, благодаря поту и крови этого феллаха, построенъ въ Каирѣ оперный театръ, стоимость постройки котораго 800,000 рублей. Болѣе роскошнаго театра, чѣмъ здѣсь, нѣтъ ни въ одной европейской

столицѣ, хотя, собственно говоря, и охотниковъ-то слушать италійскую оперу найдется въ Каирѣ весьма мало.

Самая великолѣпная улица въ Каирѣ—это улица Муски. Ее можно назвать Невскимъ проспектомъ Каира.

Дворецъ вице-короля, построенный на берегу Нила, называется Кафъ-Эль-Нилъ; па противоположной же сторонѣ Нила расположенъ дворецъ Гезирехъ, одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій въ свѣтѣ.

М. С.

Молохъ.

Въ отрядѣ пресмыкающихся есть одно семейство, а именно бородавчатая и панцирная ящерицы, которое отличается отъ другихъ особенно-отталкивающимъ внѣшностью и производитъ неприятое впечатлѣніе. Къ самымъ, можно сказать, диковиннымъ существамъ изъ этого семейства принадлежитъ некрасивое животное, изображенное на нашей картинкѣ—это такъ-называемый молохъ (*moloch horridus*). Австралія—родина его. Это весьма непривлекательное созданіе, имѣющее въ длину всего какихъ-нибудь 12—15 сантиметровъ, отличается неуклюжимъ тѣлосложениемъ, неповоротливостью и, не смотря на яркую окраску своей одежды, возбуждаетъ только отвращеніе. Въ самомъ дѣлѣ, все тѣло молоха, не исключая ногъ, покрыто не только чешуйками, но и бородавками, изъ которыхъ вырастаютъ во всѣ стороны острые шипы разныхъ размѣровъ; большой шипъ окруженъ обыкновенно тремя или четырьмя меньшими, идущими отъ корня бородавчатого нароста, что особенно хорошо видно на головѣ молоха. Всѣ эти бородавки и шипы строеніемъ своимъ нѣсколько напоминаютъ рога рогатаго скота, слѣдовательно они полы. Основной цвѣтъ этой ящерицы коричневый, съ металлическимъ отблескомъ; продольно по коричневому тѣлу ея тянутся довольно широкія полосы, отливашія въ свѣтло-желтымъ, то блѣдно-краснымъ цвѣтомъ; нижняя часть тѣла и тыльная сторона лапокъ испещрены бѣлыми пятнами. Молохъ не ночное животное; онъ любитъ сидѣть

на тепломъ пескѣ и понѣжиться на солнцѣ; лучи солнца, преломляясь въ металлически-блестящихъ чешуйкахъ и шипахъ верхней части тѣла ящерицы, играютъ разноцвѣтными блесками, и тогда кажется, что на пескѣ лежитъ какая-то драгоценная вещьца, отливающая всѣми цвѣтами радуги... Но, увы, какое разочарованіе! Эта прелестная игра цвѣтовъ представляется еще болѣе рѣзкій контрастъ съ отвратительной, отталкивающей внѣшностью австралійской ящерицы. Молохъ водится преимущественно въ наиболѣе жаркихъ мѣстностяхъ Австраліи; относительно его образа жизни и о томъ, какіе имѣются у него враги—свѣдѣній весьма мало; впрочемъ, съ нѣкоторою достовѣрностью предполагаютъ, что неприятелей у этой ящерицы очень немного: едва ли въ лѣсахъ и горахъ австралійскаго материка найдется животное на столько голодное, неразборчивое и жадное, чтобы почувствовать желаніе съѣсть такую блестяще-радужную гадину, не смотря на ея колючій панцирь и жесткую кожу, да и самъ по себѣ молохъ представляется малопитательную пищу. Въ новомъ звѣриницѣ Парижскаго музея въ „Jardin des plantes“, обитало нѣсколько живыхъ экземпляровъ этой ящерицы. Ихъ кормили мухами, пастькомыми, муравьиными яйцами и т. п. сырымъ „съѣстнымъ“ матерьяломъ. Прежде думали, что молохъ принадлежитъ къ разряду ядовитыхъ гадинъ, но ужъ это было бы слишкомъ: онъ оказался вполне безвреднымъ для человѣка.

III.

Баядерка.

Представленіе о баядеркѣ неразрывно связано съ понятіемъ о томъ религіозномъ культѣ у индусовъ, въ которомъ баядерка является какъ служительница божества. Вишну (одно изъ трехъличныхъ индійскихъ божествъ),—олицетворенная сила природы въ ея благотворномъ дѣйствіи, дружелюбное божество живого бытія. Когда міръ, погрязая въ лукавствахъ, когда правда ослабляется, а неправда усиливается, и міръ приходитъ въ опасность погибнуть,—Вишну принимаетъ тѣлесный видъ, воплощается и восстанавливаетъ порядокъ въ мірѣ. Такихъ воплощеній было 9. Въ восьмомъ воплощеніи онъ явился подъ именемъ Кришны, воспитавшись въ пастушеской семьѣ, посреди своихъ однолѣтокъ, сыновей и дочерей пастуховъ. Изъ послѣднихъ онъ выбралъ себѣ семерыхъ любимыхъ (гописъ). Онъ забавлялъ Кришну своими играми, пѣснями и плясками и былъ его постоянными спутниками. Пураны (мифо-историческія записки) повѣствуютъ, что гописы во время своихъ игръ и плясокъ, искусно группируясь, образовали такія же фигуры звѣрей и птицъ, какія образуютъ на небесахъ купы свѣтилъ въ созвѣздіяхъ. Стѣны многихъ индусскихъ храмовъ украшены чудными изображеніями разныхъ животныхъ, составленныхъ изъ женскихъ фигуръ. Превращенная въ звѣзды послѣ своей смерти, гописы и донныя постоянно поютъ и пляшутъ на видимой тверди. Въ память этихъ любовницъ Кришны образовалась въ глубокой древности корпорація изъ молодыхъ, красивѣйшихъ дѣвушекъ, названныхъ дева-дасы, т. е. служительницы божія. Онѣ обязаны были напоминать правотѣ индусамъ гописъ Кришны своими нравами и образомъ жизни.

Эти-то дева-дасы и извѣстны въ Европѣ подъ именемъ баядерокъ (отъ португальскаго байгадейра—танцовщица). При каждомъ храмѣ содержится отъ 8 до 12 баядерокъ. Съ дѣтства обученныя грамотѣ, музыкѣ, пѣнію и танцамъ, онѣ обязаны дважды въ день пѣть въ храмахъ гимны и танцовать. Кромѣ того, онѣ должны участвовать во всякой религіозной церемоніи и на всѣхъ религіозныхъ торжествахъ, гдѣ, подобно гописамъ, онѣ также съ необыкновеннымъ искусствомъ, перегибаясь корпусомъ, перешагивая другъ съ другомъ руками и ногами, составляютъ фигуры орла, рыбы, тигра, черепахи, вепря, слона и т. п. Эта пантомимная пляска ихъ удивительно выразительна; пѣсни дышутъ любовью, а взоръ и тѣлодвиженія очаровательно нѣжны и сладострастны. Блескъ и обаяніе ихъ прелестей еще болѣе возвышаются отъ умѣйнаго искусно скрывать ихъ и тѣмъ сильнѣе говорить воображенію. Онѣ распускаютъ свои длинные черные волосы или небрежно по плечамъ, или, собравъ

на головѣ въ косы, украшаютъ цвѣтами и алмазами. На рукахъ и ногахъ ихъ блестятъ тѣми же алмазами дорогіе браслеты—приношенія правотѣ индусовъ. Вообще, весь парядъ приспособленъ къ тому, чтобы въ большемъ блескѣ выказать и украсить то, что дано природою.

Баядерки раздѣляются на нѣсколько классовъ. Самый почетный—собственно дева-дасы, посвященныя Вишну. Онѣ живутъ въ районѣ храма своего божества и не имѣютъ права выходить изъ окрестностей его. Будучи дочерьми браминовъ или воинновъ, онѣ могутъ избирать мужей только равнаго происхожденія, но непринлежащихъ къ общинѣ того же храма; многія изъ нихъ нерѣдко даютъ обѣтъ дѣвственности. Выбранное сожителство съ этими баядерками влечетъ позорное и строгое наказаніе. Впрочемъ, съ теченіемъ времени чистота культа значительно попортилась, и символъ его даже забытъ, отчего являются баядерки, посвященныя и другимъ божествамъ. Эти составляютъ уже 2-й классъ и происходятъ изъ касты судурв.

Не будучи причислены къ какой либо пагодѣ, онѣ живутъ въ городахъ и селахъ также при храмахъ, но въ полной свободѣ, переходя вмѣстѣ съ музыкантами изъ одного мѣста въ другое. 3-й классъ баядерокъ состоитъ изъ дѣвушекъ, отданныхъ родителями на воспитаніе или проданныхъ ими старой дева-дасѣ, которая, выучивъ ихъ пляскѣ, пѣнію и музыкѣ, образуетъ изъ нихъ корпорацію танцовщицъ-пѣвицъ для публики. Баядерки послѣднихъ двухъ классовъ могутъ быть приглашаемы, за извѣстное вознагражденіе, на свадьбы, парадные обѣды и другія пиршества, гдѣ онѣ поютъ и пляшутъ подъ аккомпаниментъ тамбуриновъ. Хотя эти два класса служительницъ божіихъ пользуются репутаціей разгульныхъ женщинъ, но тѣмъ не менѣе онѣ, внѣ храма или мѣста, куда приглашены для пѣтхъ, держатъ себя чрезвычайно скромно и безкоризненно-благопристойно. На улицѣ, напр., ни одна изъ нихъ не рѣшится не только заговорить съ мужчиной, даже взглянуть на него; да, впрочемъ, и ни одинъ индусъ, со своей стороны, никогда не выжметъ баядеркѣ на улицѣ или въ публичномъ мѣстѣ неприличной ласки. Манера баядерокъ держать себя на улицѣ, ихъ одежда, походка—все носитъ на себѣ отпечатокъ дѣвственной стыдливости. Но самая эта стыдливость—въ сущности искуснѣйшее, разсчитливѣйшее кокетство, дѣйствующее сильнѣе улыбокъ и подмигиваній европейскихъ камелій. Такова въ Индіи такъ-называемая баядерка!

Н. Б.—овъ

Проектъ здания городской думы въ Москвѣ.

Извѣстно, что мы не можемъ похвалиться обиліемъ такихъ зданій, архитектура которыхъ поражала бы своею красотогою, величественностію и гармоніей всѣхъ частей зданія. Можно съ увѣренностію предположить, что не только въ Москвѣ, но и здѣсь, въ Петербургѣ, едва ли насчитается десятокъ, другой домовъ, которые, по своей красотѣ, дѣйствительно могли бы оставить въ зрителѣ большое впечатлѣніе, такое, напримѣръ, какое оставляютъ въ памяти путешественника многія изъ зданій европейскихъ столицъ. Но нужно замѣтить, что и для насъ видимо уже подходитъ то время, когда строители зданій начинаютъ обращать вниманіе не только на внутреннія ихъ удобства, но и на ихъ красоту внѣшнюю. Не думаемъ, конечно, чтобы эта „красота зданій“ составляла въ настоящее время для многихъ уже потребность, но пока можно ограничиваться и тѣмъ, что на это обращается уже вниманіе. Богъ дастъ со временемъ эта потребность войдетъ въ жизнь общества и будетъ собою опредѣлять известную высоту его вкуса и, слѣдовательно, общаго его развитія.

Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ „Нивы“ рисунокъ проектированнаго зданія городской думы въ Москвѣ, что онъ составленъ въ стилѣ, отчасти приближающемся къ характеру старинныхъ русскихъ построекъ.

Нужно сказать, что московская городская дума, при прежнемъ ея устройствѣ, до открытія въ Москвѣ новаго городского общественаго управленія, занимала часть верхняго этажа зданія присутственныхъ мѣстъ, находившагося между Воскресенскими (Иверскими) воротами и Кремлевскою стѣною. Помѣщеніе это оказалось недостаточнымъ для думы въ новомъ ея составѣ; увеличить же его не было возможности, такъ какъ остальные части зданія были заняты разными губернскими и присутственными мѣстами. Эти обстоятельства побудили нанять для городского управленія помѣщеніе на Воздвиженнѣ, въ домѣ гр. Шереметева.

За сѣмъ въ видахъ заявленія домохозяина о томъ, что онъ, по истеченіи срока контракта съ думою, отдавать домъ въ наймы болѣе не желаетъ, — учреждена была для обсужденія дѣла объ устройствѣ новаго помѣщенія для думы, особая временная коммиссія, которая обратилась къ присканію удобнаго участка

изъ числа земель, городу принадлежащихъ.

Вниманіе коммиссіи остановилось на правомъ корпусѣ зданія присутственныхъ мѣстъ, т. е. на томъ именно, гдѣ помѣщалась дума при прежнемъ ея устройствѣ съ 1785 г.

Коммиссія просила предсѣдателя своего, теперь уже покойнаго профессора Рихтера, какъ техника, подробно осмотрѣть корпусъ, гдѣ помѣщалась прежняя дума, а затѣмъ положила: 1) Ходатайствовать передъ правительствомъ о передачѣ въ собственность города зданія присутственныхъ мѣстъ, находящагося между Воскресенскими воротами и Кремлемъ, именно праваго корпуса отъ Воскресенскихъ воротъ. 2) Въ этомъ зданіи помѣстить московское городское управленіе въ цѣломъ его составѣ, т. е. какъ общую, такъ и распорядительную городскія думы, для чего перестроить его сообразно назначенію и дать такую наружность, чтобы оно составило украшеніе площади. Главнѣйшій фасадъ вывести на Красную площадь, прямо противъ церкви Василія Блаженнаго. 3) Пригласить архитектора, по усмотрѣнію коммиссіи, для снятія съ натуры вѣрныхъ плановъ и фасадовъ зданія и для составленія проекта отстройки, то есть перестройки. 4) Поручить коммиссіи обязать приглашеннаго ею для составленія проекта архитектора представить къ чертежамъ и смѣту въ столь возможно кратчайшій срокъ и, по разсмотрѣніи проекта коммиссіею, представить на утвержденіе общей думы, причемъ должна быть приложена и программа исполненія постройки, съ планами расчетомъ, чтобы зданіе было совершенно готово до окончанія срока условія съ гр. Шереметевымъ.

Въ половинѣ 1867 г., составленіе проекта думы было предложено покойному профессору Ф. Ф. Рихтеру, а по смерти его, по указанію многихъ гласныхъ, для составленія этого проекта приглашенъ былъ архитекторъ Резановъ. Его проектъ нѣсколько разъ разсматривался, пополнялся, измѣнялся, вслѣдствіе постепеннаго приращенія площади строенія, увеличеніе которой коммиссія признавала необходимымъ то для расширенія главнаго зала, то для введенія новыхъ помѣщеній, не назначавшихся первоначальной программой. Только послѣ семилѣтней передѣлки проектъ, кажется, удовлетворилъ коммиссію. Впрочемъ, Богъ знаетъ, будетъ-ли онъ принятъ.

С.

Высотомѣръ или новый барометръ профессора химіи въ Имп. СЛФ. Университетѣ, Д. И. Менделѣева.

Во множествѣ практическихъ случаевъ необходимо знать измѣненія въ уровняхъ почвы или разность высотъ двухъ мѣстъ. При проведеніи дорогъ, въ особенности желѣзныхъ, при отводѣ воды, напр. изъ болотъ, и при устройствѣ многихъ другихъ сооружений, столь же важно имѣть профиль мѣстности, какъ и знать ея планъ. Весьма легко опредѣлять склоны почвы на небольшихъ разстояніяхъ; для этого служатъ простѣйшіе приемы нивелировки. Но когда изслѣдованіе должно быть произведено на далекихъ разстояніяхъ, тогда нивелированіе требуетъ много труда, потому что тогда весь путь, подлежащій изслѣдованію, долженъ быть свободенъ, для того чтобы при помощи зрительныхъ трубъ, какими обыкновенно снабжаются нивелирные инструменты, можно было опредѣлять склоны почвы. По этому въ мѣстной мѣстности должно дѣлать для этой цѣли просѣки, въ городахъ должно дѣлать обходы по улицамъ, иногда вовсе не лежащимъ на томъ пути, который долженъ быть прослѣженъ. Въ холмистой мѣстности тогда должно дѣлать много промежуточныхъ, иногда вовсе не нужныхъ, опредѣленій. Въ этихъ случаяхъ большую услугу можетъ оказать барометръ, потому что при помощи его есть возможность судить о разности высотъ двухъ точекъ, не сообщаящихся непосредственно между собою и находящихся въ такихъ условіяхъ, что съ одной точки не видно другой. Опредѣленіе разности высотъ при помощи барометра основывается на томъ, что поднятіе уровня ртути въ барометрѣ зависитъ отъ веса того воздуха, который находится надъ барометромъ. Воздухъ, какъ вода и всякая другая жидкость, давитъ на предметы подъ нимъ находящіеся, и чѣмъ выше подымаются въ слои воды или въ слои воздуха, тѣмъ давленіе будетъ меньше; слѣдовательно, высота барометра будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ выше уровень. Паскаль въ Парижѣ, на башнѣ св. Якова (tour St. Jacques), въ прошломъ столѣтіи, а затѣмъ его ученикъ, на горѣ Пюя-де-Домъ, показали это непосредственнымъ опытомъ: на вершинѣ горы или башни барометръ стоялъ ниже тѣмъ при подошвѣ. Съ тѣхъ норъ барометръ составляетъ постоянную принадлежность путешественниковъ, отправляющихся для изслѣдованій въ гористыя страны. На высокой горѣ или на высоко лежащей мѣстности, барометрическія показанія будутъ всегда меньше, чѣмъ въ низменности. Для того, чтобы сдѣлать сужденіе о высотѣ мѣста, необходимо одновременно производить наблюденія на данномъ уровнѣ и на той точкѣ, высоту которой хотятъ опредѣлить — потому что высота ртути въ барометрѣ не-

только мѣняется отъ высоты мѣста, но и въ данномъ мѣстѣ отъ измѣненій въ воздухѣ или отъ погодныхъ вліяній: тепла, влаги, вѣтра, отъ времени дня и года. Въсѣ того столба (даннаго поперечнаго размѣра) воздуха, который лежитъ между двумя мѣстами, находящимися на разныхъ уровняхъ, будетъ равенъ вѣсу столба ртути, составляющаго разность барометрическихъ высотъ, опредѣленныхъ въ обѣихъ мѣстахъ. Если мы представимъ себѣ кубъ, у котораго каждая сторона равняется 1 метру (1 метръ немногимъ менѣе $\frac{1}{2}$ сажени, а именно = 0,47 сажени), то при обыкновенныхъ дѣтнихъ температурахъ такой кубъ воздуха вѣситъ около 1,1 килограмма (1 килограммъ = 2,44 фунта): такой же кубъ ртути вѣситъ 13600 килограммовъ. Поэтому если между двумя мѣстностями разность высотъ составляетъ 100 метровъ, то столбъ воздуха, находящійся между мѣстами, представитъ вѣсъ 110 килограммовъ. Эти 110 килограммовъ соотвѣтствуютъ высотѣ ртутнаго столба въ 0,008 метра или въ 8 миллиметровъ (1 миллиметръ есть тысячная доля метра или почти равенъ $\frac{14}{10000}$ аршина), слѣдовательно, если въ 2-хъ сосѣднихъ мѣстахъ разность барометрическихъ показаній для даннаго времени будетъ равна 8 миллиграммъ, то одно мѣсто лежитъ надъ другимъ на высотѣ 100 метровъ. Зависимость между барометрическими показаніями и разностью высотъ измѣняется съ переменною температурою и барометрическаго давленія; но эта зависимость, во всякомъ случаѣ, въ обыкновенныхъ условіяхъ близка, къ тому, что разность въ 1 миллиметръ высоты ртутнаго столба въ барометрѣ отвѣчаетъ примѣрно 12 метрамъ возвышенія почвы. 12 метрѣвъ близки къ 6 саженимъ, а 1 миллиметръ къ $\frac{1}{25}$ доли дюйма; слѣдовательно надо очень тщательно наблюдать барометрическія высоты для того, чтобы опредѣлять такія разности въ уровняхъ, которые составляютъ 6 сажень. Многія причины, вліяющія на показанія ртутныхъ и aneroidныхъ барометровъ, дѣлаютъ невозможнымъ опредѣленіе при помощи этихъ приборовъ малыхъ разностей давленія и слѣдовательно малыхъ разностей высотъ.

Вотъ для этой-то цѣли, точнаго опредѣленія давленій, профессоръ Д. И. Менделѣевъ устроилъ свой высотомѣръ. Этимъ приборомъ возможно легко опредѣлять разность давленій въ 16 разъ точнѣе, чѣмъ ртутнымъ барометромъ, а потому есть возможность опредѣлять такіе сравнительно малыя склоны почвы, которые нѣтъ возможности измѣрять ртутными барометрами. Разность въ $\frac{1}{10}$ долю миллиметра на переносномъ

ртутномъ барометрѣ, чрезвычайно трудно опредѣлять съ увѣренностью въ точности, а такая разность уже отвѣчаетъ разности высотъ около двухъ аршинъ; въ высотомѣрѣ же получается при этомъ показаніе близкое къ 2-мъ миллиграммъ, а такую величину ясно видно на глазъ и легко измѣрять съ точностью.

Устройство высотомѣра основывается на сжимаемости или упругости воздуха, а потому этотъ барометръ относится къ числу тѣхъ которые называются симпиеометрами *)). Воздухъ, какъ всѣ газы, сжимается, по мѣрѣ увеличенія давленія, во столько разъ, во сколько увеличивается давленіе. Представимъ себѣ, что мы заперли въ нѣкоторомъ сосудѣ воздухъ подъ тѣмъ давленіемъ, подъ которымъ онъ находится въ нѣкоторомъ мѣстѣ. Перенесемъ теперь нашъ сосудъ съ воздухомъ въ другое мѣсто, расположенное выше перваго. Давленіе въ этомъ мѣстѣ будетъ меньше, чѣмъ въ предшествующемъ, слѣдовательно запертый газъ будетъ имѣть большее давленіе, чѣмъ давленіе окружающаго его воздуха. Представимъ далѣе, что нашъ сосудъ снабженъ трубкой, наполненной легкою жидкостью, и вообразимъ, что эта трубка загнута въ видѣ буквы U. Если давленіе въ обѣихъ вѣтвяхъ трубки будетъ одно и то же, уровень жидкости въ трубкѣ жидкости будетъ одинаковъ въ обѣихъ вѣтвяхъ трубки; если же въ одной изъ вѣтвей станемъ давленіе увеличивать, то въ этой вѣтви жидкость будетъ понижаться. Такая трубка съ жидкостью носитъ названіе манометра. Одна вѣтвь манометра соединяется съ сосудомъ, въ которомъ запирается воздухъ, а другая вѣтвь остается открытою; слѣдовательно, въ то время, когда запирается сосудъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ, уровень жидкости въ обѣихъ вѣтвяхъ манометра будетъ одинъ и тотъ же, потому что давленіе съ обѣихъ сторонъ будетъ одинаково: съ открытой вѣтви и съ той, которая сообщена съ сосудомъ. Это потому, что въ послѣднемъ давленіе или упругость воздуха тѣ же самыя, какъ и въ окружающемъ воздухѣ. Если же мы перенесемъ нашъ сосудъ съ манометромъ въ другое мѣсто болѣе возвышенное, гдѣ атмосферное давленіе меньше, уровень жидкости въ той вѣтви, которая сообщена съ сосудомъ, понизится, а въ той вѣтви, которая открыта, повысится. Разность высотъ жидкости или въ столбѣ жидкости той самой высоты, которая замѣтится въ манометрѣ, будетъ находиться въ прямой зависимости отъ вѣса столба воздуха, лежащаго между двумя мѣстами, а слѣдовательно и отъ разности ихъ высотъ, и чѣмъ легче

детъ наблюдаемо поднятіе жидкости въ манометрѣ при данной разности давленія или при данной разности уровней въ двухъ мѣстахъ. Если въ манометрѣ налить ртути, то разность уров-

ней въ обѣихъ вѣтвяхъ его была бы равна разности барометрическихъ высотъ; но если взять жидкость въ 10—20 разъ болѣе легкую, чѣмъ ртуть, то при той же разности давленій или при

той же разности уровней мѣстности—получится въ манометрѣ поднятія въ 10—20 разъ большее, чѣмъ при употребленіи ртути. Вода въ 13,5 разъ легче ртути, но ее

ее взять нельзя при устройствѣ подобнаго рода приборовъ, потому что вода испаряется и упругость ея паровъ измѣняется отъ разности температуръ, а потому показанія водяного манометра не будутъ отличаться простотою и точностью. Для манометра нужна такая жидкость, которая, какъ ртуть, не испаряется или, правильнѣе сказать, почти не испаряется при обыкновенной температурѣ и отличается притомъ болѣею легкостью. Таковы напр. маслянистыя жидкости. Но обыкновенныя жирныя масла, напр. прованское, густы и потому въ манометрѣ двигаются весьма медленно и медленно стекаютъ со стѣнокъ трубки, въ которой происходятъ ихъ движенія. Легкую, подвижную жидкость, не способную испаряться при обыкновенной температурѣ, представляютъ тяжелыя масла, добываемыя вмѣстѣ съ керосиномъ изъ нефти. Нефтяное масло разъ въ 16 легче ртути, а потому если въ манометрѣ прибора налить нефтяное масло, разность уровней въ обѣихъ вѣтвяхъ манометра будетъ въ 16 разъ превышать разность барометрическихъ отчетовъ. Слѣдовательно, если въ двухъ мѣстахъ разность барометрическихъ высотъ составляетъ только $\frac{1}{2}$ миллиметра ртутнаго столба, на нефтяномъ столбѣ получится разность уровней въ 8 миллиметровъ, т. е. около $\frac{1}{3}$ дюйма, что составляетъ величину легко подраздѣляемую еще на многи доли, въ особенности вслѣдствіе того, что оба столба жидкости въ манометрѣ можно помѣстить рядомъ другъ съ другомъ.

Вотъ основное начало устройства высотомѣра. Фиг. 1 представляетъ внѣшній видъ прибора, фиг. 2 его разрѣзъ. Размѣръ рисунковъ примѣрно въ четыре раза меньше натуральнаго размѣра обыкновенныхъ высотомѣровъ. Буквы стоящія на обѣихъ рисункахъ отвѣчаютъ однимъ и тѣмъ же частямъ прибора. Въ разрѣзѣ (фиг. 2) видѣтъ сосудъ AA, который представляетъ пространство занимаемое воздухомъ. Изъ этого сосуда идутъ двѣ тонкія металлическія трубки a и b; первая трубка соединена съ манометромъ CD, вторая трубка b оканчивается у крана R; этотъ послѣдній запирается въ одномъ изъ мѣстъ наблюденія, а именно въ томъ, отъ котораго ведется счетъ высотъ. Сосудъ AA заключенъ вполнѣ въ другой металлическій сосудъ BB, наполненный водою; послѣдній служитъ здѣсь для того, чтобы сохранить температуру воздуха, запертаго въ сосудѣ A. Термометръ O, равно какъ и внутренняя его часть EFG служатъ для того, чтобы опредѣлять температуру воды и слѣдовательно воздуха, заключеннаго въ сосудѣ AA. Часть прибора, обозначенная буквами GH, служитъ для взмѣшиванія

Проектъ новаго зданія Московской Городской Думы. Состав. Резановъ, грав. Бони.

*) Главныя особенности высотомѣра, дѣлающія его точнымъ приборомъ, состоятъ въ томъ, что воздухъ въ приборѣ возобновляется при каждомъ запираніи крана, а особый, новаго вида, дифференціальный термометръ даетъ возможность совершенно точно знать вѣдніе температуры.

бы сохранить температуру воздуха, запертаго въ сосудѣ A. Термометръ O, равно какъ и внутренняя его часть EFG служатъ для того, чтобы опредѣлять температуру воды и слѣдовательно воздуха, заключеннаго въ сосудѣ AA. Часть прибора, обозначенная буквами GH, служитъ для взмѣшиванія

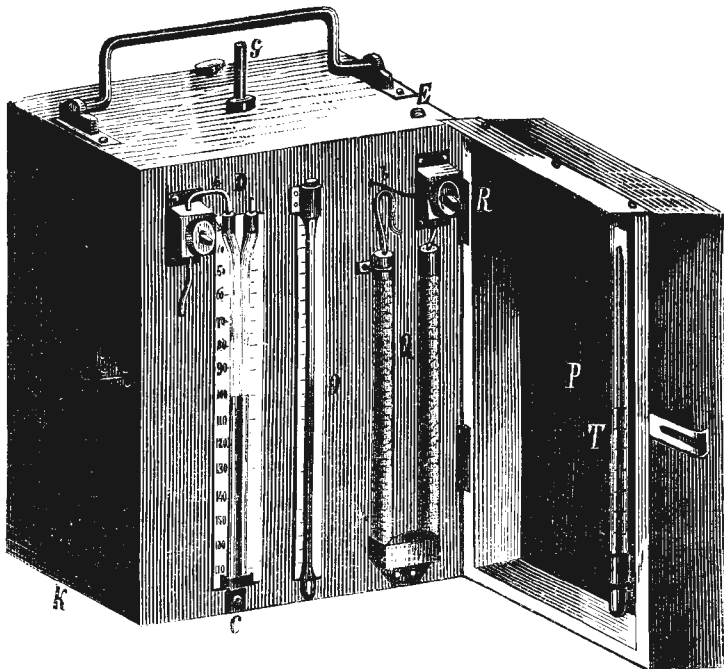
воды, налитой въ приборъ. При движеніи этой мѣшалки вода перемѣшивается и температура всѣхъ частей прибора уравнивается. Весь приборъ, т. е. сосудъ съ воздухомъ *АА* и окружающій его сосудъ съ водою *ВВ* вмѣщенъ, сверхъ того, въ деревянный ящикъ *KL*, для того, чтобы обезопасить внутреннія части отъ скорого охлажденія или нагрѣванія и отъ случайныхъ поврежденій. На наружной сторонѣ ящика изъ упомянутыхъ частей прибора находятся только манометръ *CD*, термометръ *O* и кранъ *R*; они то и видны на фиг. 1 съ передней стороны прибора, которая при переносѣ закрывается дверцею или крышкою *P*, какъ видно на той же фиг. 1. Около крана *R* помѣщается снаружи прибора сушило *Q*, назначенное для того чтобы входящій въ приборъ воздухъ былъ освобожденъ отъ влажности и термометръ *T* для опредѣленія температуры воздуха. Весь приборъ бываетъ различныхъ размѣровъ, обыкновенный размѣръ есть 6 вершковъ въ высоту и 4 вершка по бокамъ прибора.

Чувствительность высотомера, служащаго для опредѣленія разности высотъ, можетъ быть показана слѣдующимъ простымъ опытомъ. Откроетъ кранъ *R*; для этой цѣли ключъ, подобный часовому, надѣвается на выдающуюся головку крана и поворачивается справа налево, т. е. отвинчивается. Послѣ того поставимъ приборъ на полъ, взмѣняемъ воду мѣшалкой и закроемъ

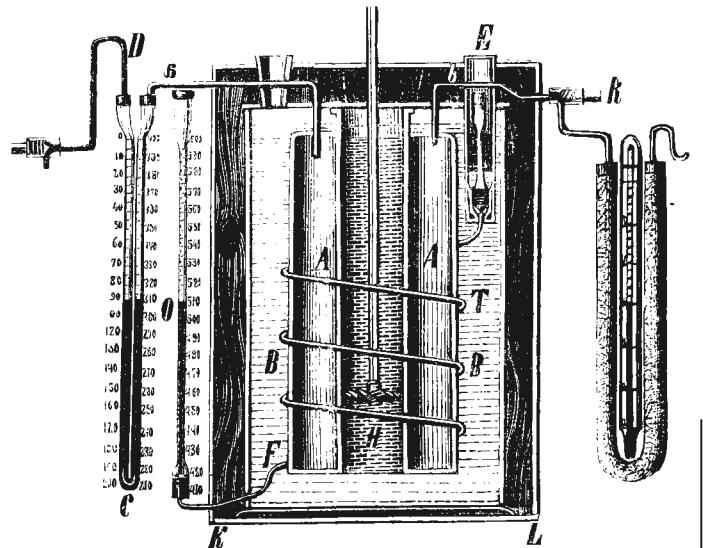
или гора, какую выемку должно сдѣлать для того, чтобы дать крутой дорогѣ извѣстный уклонъ и вообще рѣшить много практическія важныя задачи. Можно на основаніи сдѣланныхъ опытовъ съ увѣренностію сказать, что никакой другой извѣстный способъ нивелированія не даетъ возможности столь скоро и просто сдѣлать опредѣленіе высотъ, какъ то можно производить съ помощію высотомера.

Высотомѣръ г. Менделѣева былъ первоначально описанъ имъ въ 1874 году въ Физическомъ Обществѣ, состоящемъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, затѣмъ онъ былъ на всемірной выставкѣ новыхъ изобрѣтеній, бывшей въ томъ же году въ Лондонѣ. Тамъ была присуждена этому прибору медаль. Затѣмъ онъ былъ выставленъ тѣмъ же Императорскимъ Русскимъ Техническимъ Обществомъ, которое послало этотъ приборъ въ Лондонъ, на собственной выставкѣ въ 1875 году, бывшей въ С.-Петербургѣ, и съ тѣхъ поръ практики стали примѣнять этотъ приборъ для изслѣдованій. Въ 1876 г. Генеральный Штабъ поручилъ полковнику г. Савицкому, Эрфелъду и Обломіевскому испытать этотъ приборъ въ примѣненіи къ съемкамъ, производимыхъ для всенныхъ цѣлей, и въ трудахъ военно-топографическаго отдѣла генеральнаго штаба, за 1876 г. появился отчетъ г. Обломіевского о весьма благоприятныхъ результатахъ, полученныхъ при многихъ опредѣленіяхъ, сдѣланныхъ въ Финляндіи

(Фигура 1).

(фигура 2).

Высотомѣръ Проф. СПб. Унив. Д. И. Менделѣева.

ключемъ кранъ *R* прибора, повертывая ключъ слева направо, какъ это дѣлается при заворачиваніи винта. Когда это сдѣлано, воздухъ находящійся на полу, замкнется въ сосудѣ *АА*. При этомъ уровни нефти въ манометрѣ будутъ одинаковы, т. е. не будетъ никакой разности между высотами нефти въ обѣихъ вѣтвяхъ манометра, какъ это изображено на рисункѣ. Теперь если мы поднимаемъ приборъ на высоту роста человѣка или даже на еще меньшую высоту, напр. на высоту стола, то будетъ тотчасъ замѣтна разность высотъ нефти въ обѣихъ вѣтвяхъ манометра, отвѣчающая разности давленій на полу и на той небольшой высотѣ, на которую произведено поднятіе. На высотѣ стола разность высотъ будетъ около 1 миллиметра, а на высотѣ роста человѣка она достигнетъ 2 миллиметровъ.

Въ особой книгѣ, послѣдней названіе «*О барометрическомъ нивелированіи и о примѣненіи для него высотомера*». (Д. Менделѣева, съ таблицею рисунковъ. С.-Петербургъ. 1876 г.) съ большою подробностію описываются всѣ необходимыя свѣдѣнія, относящіеся какъ до барометрическаго опредѣленія высотъ или нивелированія, такъ и до прибора, устроеннаго профессоромъ Менделѣевымъ. Всѣ тѣ, которые пожелають примѣнять этотъ приборъ, найдутъ въ названной книгѣ указаніе на необходимыя подробности.

Съ высотомеромъ и этою книгою въ рукахъ легко и скоро можно опредѣлять разность высотъ двухъ или нѣсколькихъ точекъ, напримѣръ можно узнать существуетъ ли склонъ почвы необходимый для отвода воды, какую высоту имѣетъ холмъ

или въ теченіи лѣта 1875 года. Въ этомъ же году генеральный штабъ отправилъ высотомеръ на выставку географическихъ предметовъ, бывшую въ Парижѣ. Тамъ высотомеръ г. Менделѣева также заслужилъ вниманіе и за него была присуждена медаль. Приборъ этотъ находился также на двухъ всемірныхъ выставкахъ 1876 года, а именно: въ Лондонѣ, на выставку научныхъ предметовъ, высотомеръ былъ посланъ военно-топографическимъ отдѣломъ, а въ Филадельфійскомъ приборъ этотъ былъ выставленъ отъ Педагогическаго Музея. Мы помѣщаемъ эту статью о высотомерѣ именно по тому, что по отчетамъ о Филадельфійской выставкѣ видно, что на приборъ г. Менделѣева и тамъ обращено было большое вниманіе.

Такъ какъ измѣненіе воздушнаго (барометрическаго) давленія составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ, служащихъ для предугадыванія измѣненій погоды, то высотомеръ, очевидно, можетъ служить съ большою пользою, въ этомъ отношеніи. Такія малыя измѣненія въ давленіяхъ, которыя на ртутномъ барометрѣ будутъ незамѣтны, выразятся на высотомерѣ очень ясно. Примѣненіе высотомера въ этомъ послѣднемъ отношеніи разсматривается Д. И. Менделѣевымъ въ его сочиненіи «*Объ упругости газовъ*» ч. I, но дальнѣйшей разработкѣ и практическому примѣненію этотъ послѣдній предметъ еще до сихъ поръ не подвергнутъ. Особенной пользы можно ждать отъ примѣненія высотомера, какъ указателя погоды, на корабляхъ и въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ особенно важно имѣть ясныя указанія объ измѣненіи погоды на ближайшее время.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Конференція закрыта вслѣдствіе отверженія Портою 8 (20) января предложеній делегатовъ великихъ державъ. Первый и непосредственный результатъ закрытія Константинопольской конференціи—это выѣздъ изъ Стамбула конференціонныхъ делегатовъ великихъ державъ и ихъ пословъ. Отъ 13 (25) января телеграфъ извѣстилъ насъ, что англійскій уполномоченный, сэръ Генри Эллиотъ, уже выѣхалъ изъ Константинополя. Нашъ посолъ, генералъ Игнатьевъ, вслѣдствіе неблагоприятной погоды, отложилъ было отъѣздъ до субботы, 15 (27) января, но другія извѣстія констатируютъ фактъ, что генералъ Игнатьевъ теперь уже съ своимъ семействомъ на пути въ Одессу.

Что же намѣревается теперь дѣлать Порты, исполненная, по выраженію ея прислужниковъ, «благихъ намѣреній», и такъ смѣло и дерзко отвергнувшая предложенія державъ? Отвѣты на этотъ вопросъ въ настоящее время возможны весьма неопредѣленные и противорѣчивые. Съ одной стороны намъ говорятъ, что Порты готова на *мирныя переговоры съ Сербіей и Черногоріей*, вслѣдствіе моральнаго давленія Англии на Порту; съ другой стороны въ правительственныхъ кружкахъ Бѣлграда (по сообщенію отъ 12 (24) января), открыто увѣряютъ, что Миланъ и Сербское правительство примутъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, если возникнетъ война между Россіей и Турціей. Военныя приготовления Сербіи продолжаются. Въ настоящее время у нея находится подъ ружьемъ 30,000 человекъ. Очевидно, что воинственные намѣренія Сербіи находятся въ прямой зависимости отъ рѣшенія Россіи. Съ другой стороны о мирѣ между Турціей, Сербіей и Черногоріей хлопочетъ и Австрія, такъ что Англія является, по видимому, только безстрастной и безкорыстной совѣтницей мира. Порты и переговоры-то о мирѣ съ Сербіей и Черногоріей ведетъ при посредствѣ Австріи. Порты готова заключить мирный договоръ съ Сербіей на основахъ *status quo ante bellum*, т. е. на тѣхъ же жалкихъ основахъ, о которыхъ такъ много говорили и писали, когда Сербія была изнурена войною, мѣсяца два тому назадъ. Далѣе порты, по австрійскому наученію, умиливается даже до того, что обѣщаетъ сложить со счетовъ всю сумму недоплаченной Сербіей за послѣднее время дани. Но вѣдъ такое положеніе мира, какъ поймутъ уже и не политиками, крайне не прочно. Ретроградное шествіе вопроса объ улучшеніи участи Балканскихъ христіанъ до того зашло въ непроходимую тѣсную чащу, что обязательные совѣтчики и наставники Порты даже забыли съ чего начали...

Въ Константинополѣ, по извѣщенію «Daily Telegraph», 29 января (нов. ст.), будутъ происходить парламентскіе выборы. (!!) Послѣ умиротворенія Балканскихъ христіанъ, Европа услышитъ такимъ образомъ интересныя турецкія парламентскія пренія. Курьезно только то, что эти пренія не будутъ особенно гласными, такъ какъ въ силу 56 статьи турецкой конституціи, допущеніе газетныхъ корреспондентовъ въ залу засѣданій турецкаго парламента не можетъ имѣть мѣста. Могутъ присутствовать въ залѣхъ засѣданія той или другой палаты, по словамъ газеты «Bassiret», только министры, ихъ уполномоченные и чиновники, получившія особыя приглашенія. Очевидно, что эта турецкая говорильня—чисто турецкое, а не европейское учрежденіе.

Курьезны недавно производившіеся выборы въ турецкій парламентъ въ Босніи. Они производились въ глубокой тайнѣ, какъ по-турецки и слѣдуетъ. Выбраны 3-е мусульманъ, 1 католикъ, 1 православный и 1 еврей.

— Англія, если представителемъ ея общественнаго мнѣнія считать Кандлера казначейства Норткота и министра внутреннихъ дѣлъ Кросса, выражаетъ убѣжденіе, что сохраненіе мира существенно важно для ея интересовъ. Британское правительство, выразился лордъ Норткотъ, питаетъ живое сочувствіе къ балканскимъ христіанамъ, но, выѣвъ съ тѣмъ оно находитъ, что вопросъ о вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла иностранныхъ странъ требуетъ серьезнаго обсужденія. Всякія принудительныя мѣры въ рѣшеніи восточнаго вопроса должны быть отвергнуты (т. е. принудительныя мѣры относительно нѣжно-любимой Турціи?).

Конечно, Турція, отклонивъ предложенія конференціи, поступила неблагоприятно, но это еще не можетъ служить поводомъ къ изгнанію ея изъ Европы.

Да и какъ же, въ самомъ дѣлѣ, вытѣснять въ Азію страну съ представительными учрежденіями, которыя, надо сказать правду, ловко состряпаны и подоспѣли въ самый критическій моментъ для Турціи. Теперь всякій союзъ имѣетъ формальное основаніе говорить о государственномъ преуспѣяніи Турціи!

Немногожко не то говорить Франція, т. е. говоря точнѣе, она говорить, чтобы скрыть свое настоящее отношеніе къ восточному вопросу, слѣдуя правилу Талейрана: «языкъ данъ намъ дьяволу, чтобы скрывать свои мысли!» Но для характеристики общественнаго мнѣнія Франціи на первомъ планѣ стоитъ ея легучая и болтливая пресса.

Французамъ почему-то показалось, что представитель Германіи на конференціи, баронъ Вертеръ, принявъ на конференціи слишкомъ энергическое положеніе, неоправдываемое индифферентнымъ отношеніемъ Германіи къ дѣламъ Востока. Но затѣмъ французы сдѣлали заключеніе, что баронъ Вертеръ намѣренъ былъ поддержать графа Шоторди, которому было поручено дѣйствовать на конференціи въ пользу сближенія Россіи съ Англіей и положить основаніе *тройственному* союзу между Франціей, Англіей и Россіей. Шоторди дѣйствительно, удалось примирить Британію съ Россіей (?) и французскій «Moniteur» превозноситъ за это маркиза похвалями.

— Австрія, служа посредницею мирныхъ переговоровъ между Турціей, Сербіей и Черногоріей, немного странно относится къ Босніи, намѣреваясь занять эту страну своими войсками! Объ этомъ въ Австріи говорятъ открыто. Мобилизація войскъ уже быстро подвигается впередъ. На Савѣ сдѣланы приготовления къ переходу черезъ эту рѣку. Какъ согласить подобный образъ дѣйствій съ умиротвореніемъ Турціи съ Сербіей и Черногоріей ревностно практикуемымъ со стороны Австріи?

Но самъ-то государственный организмъ Австріи не совѣтъ здоровъ.

Между австрійскою и венгерскою половинами Австро-Венгрии идетъ препирательство по дѣлу банка. Дѣло въ томъ, что Венгрія изъявила намѣреніе имѣть свой національный венгерскій банкъ. Учрежденіе такого банка было бы, по понятной причинѣ, противно интересамъ австрійской половины имперіи. Отъ соглашенія или не соглашенія по вопросу о банкѣ, а также отъ неуживчивости венгерскаго премьеръ-министра Тиссо съ другими министрами, зависитъ паденіе министерства Тиссо, который въ послѣднее время только и говорилъ объ отставкѣ. Въ виду улаженія дѣла, за умиротвореніе и поддержку кабинета Тиссо взялся самъ графъ Андраши, этотъ оракулъ нашего времени. По этому предмету скоро состоится совѣщаніе австрійскихъ министровъ въ Пештѣ. Графъ Андраши однако, не смотря на свое мадьярское происхожденіе далеко не является сторонникомъ самостоятельнаго банка въ Венгрии. Но вопросъ о самостоятельномъ банкѣ далеко не такъ поверхностенъ, чтобы его можно было рѣшить временными соглашениями. Съ этимъ вопросомъ венгры связываютъ другіе, важные и существенные съ ихъ точки зрѣнія, вопросы.

— Герой минувшей сербской войны, генералъ М. Г. Черняевъ, путешествуетъ теперь по Европѣ и всюду встрѣчаетъ восторженныя оваціи. Восторженный приемъ его жителями Праги вызвалъ, какъ извѣстно, наружу подпольную австро-венгерскую ненависть къ славянамъ, выразившуюся въ грубомъ обращеніи полиціи съ генераломъ. 2 (8) января Черняевъ былъ уже въ Парижѣ, гдѣ ему Парижскій Славянскій Комитетъ поднесъ почетную саблю.

Къ числу отраднѣхъ извѣстій съ пункта сосредоточенія нашихъ мобилизованныхъ войскъ изъ Кишинева принадлежитъ извѣстіе объ улучшеніи здоровья августѣйшаго главнокомандующаго дѣйствующею арміей. По послѣднимъ извѣстіямъ, силы Его Высочества возстановляются появившимся аппетитомъ и исчезновеніемъ лихорадочнаго состоянія.

М. С.

МАНДОЛИНАТА.

Помѣщая въ настоящемъ номерѣ «Нивы» прекрасный рисунокъ «Мандолината» мы прилагаемъ къ нему въ видѣ сюрприза ноты, такъ какъ многими изъ нашихъ читателей и не разъ уже было выражаемо желаніе получить таковыя при «Нивѣ». Прилагаемыя ноты могутъ служить такъ сказать пополненіемъ идеи художника. Приятность и выразительность мелодіи этой пѣски, размѣръ, сообщающій жизнь и характеръ ея пе-

реливамъ—даютъ намъ увѣренность, что приложенныя ноты понравятся подписчикамъ. Композиція картины принадлежитъ Р. Тайлору. Отдаемъ картинку на судъ читателей «Нивы», думая, что они сами оцѣнятъ ея достоинство. Подписчикамъ, желающимъ получить пѣску «Мандолинату» въ отдѣльномъ изданіи, заявляемъ, что ее можно достать въ музыкальномъ магазинѣ П. Юргенсона въ Москвѣ.

Венеціанка, играючая на мандолинѣ (Мандолината). Рис. и гравюра Гибльера. "Руниверс"

МАНДОЛИНАТА.

ВОСПОМИНАНИЕ О РИМЪ

Э. ПАЛАДИЛЕ.

Для Сопрано и Тенора.

PLANO. *Allegretto vivo* MM $\text{♩} = 108$. *sempre arpeggiando*

The piano introduction consists of two staves. The right hand plays a series of arpeggiated chords in a rhythmic pattern, while the left hand provides a steady accompaniment. The tempo is marked 'Allegretto vivo' with a metronome marking of 108 beats per minute. The dynamics range from piano (p) to mezzo-forte (mf).

The vocal line begins with a piano (p) dynamic. It features a melodic line with eighth and sixteenth notes, accompanied by a steady piano accompaniment.

Друзь-я, какъ ночь пре-крас - на, какъ въ чистыхъ не-бе-сахъ блес - тить лу-на, кра-
 A - mis la nuit est bel - le, La lu-ne va bril - ler, A sa clarté. En

leggierissimo

The piano accompaniment continues with a light and delicate texture, marked 'leggierissimo'. It features a consistent arpeggiated pattern in the right hand and a supporting bass line in the left hand.

trainez

The vocal line continues with a melodic line that includes a trill-like figure, marked 'trainez'. The piano accompaniment remains consistent.

сы пол-на, гля-дясь въ рѣчныхъ стру-яхъ. — Сре - ди ноч-на - го мра - ка Въ э-тотъ блажен - ный
 li - ber-té, A - mis, allons rê-ver... L'amour qui nous ap - pel - le nous dit qu'il faut ai -

The piano accompaniment continues with the same arpeggiated texture, providing a steady accompaniment for the vocal line.

The vocal line continues with a melodic line that includes a trill-like figure, marked 'trainez'. The piano accompaniment remains consistent.

часъ — Мы бу - демъ пѣть и ли - ко-вать смѣ - ять - ся и пля - сать Гром-че
 мер... Sou - pirs et pleurs, Cha - grins, douleurs, Je - tons sur tout des fleurs. Que le

The piano accompaniment concludes with the same arpeggiated texture, providing a steady accompaniment for the vocal line.

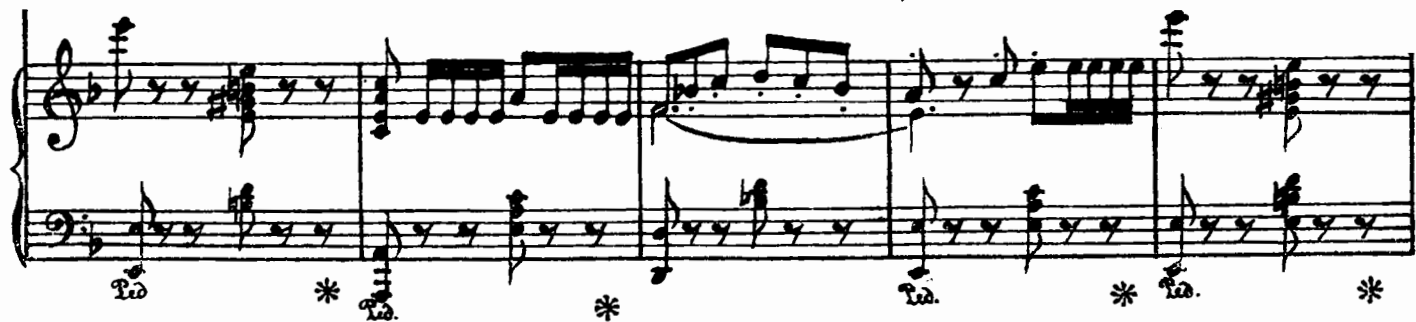
пой - те пусть зву-читъ на-ша пѣснь да - ле - ко Чтобъ кра
chant so - no - re di - se l'a - mour A ces beau - tés Jus - qu'au

сот - ка у-слышавъ взгля-ну - ла въ ок - но, ————— чтобъ пѣснь доле - ть - ла къ ней —————
jour, jusqu'aux feux de l'au - ro - re A-mis, chan - tez ————— La belle enten - dra, Chantez —————

— ско-рый ско - рый ————— въ ок-нѣ промельк-нетъ о-на, ————— какъ ут - ро вес -
Se mon - tre - ra ————— Passer nous ver - ra, Ve - nez ————— Son coeur faibli -

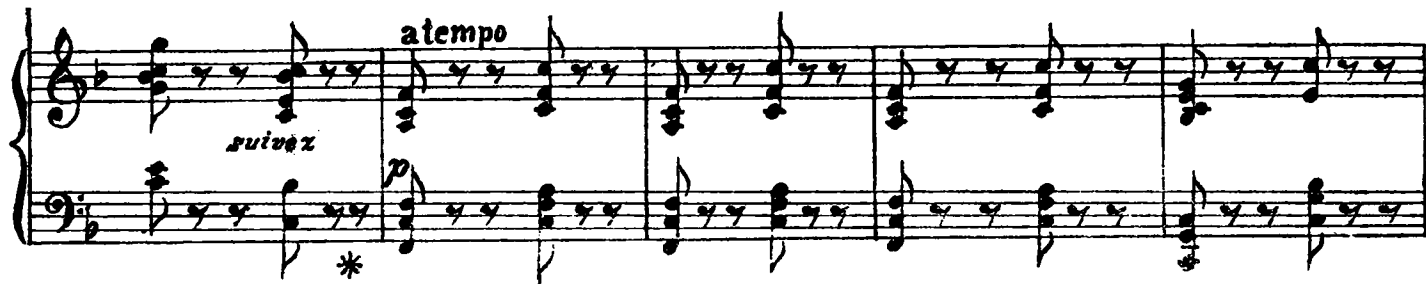

ны свѣтла, ————— какъ ут - ро вес - ны свѣтла, пре - крас - на и чие - та мо-я кра -
ра, Hé - las ————— Son coeur fai-bli - ra il fai - bli - ra. Et sa voix pu - re ré - pon -

са ————— Друз - я, какъ ночь пре - крас - на какъ въ чистыхъ не - бе - сахъ ————— блес -
dra! ————— А - mis, la nuit est bel - le, La lu ne va brill - ler ————— А

нетъ лу - на кра - сы под - на, гля - дясь въ рѣч-ныхъ стру - яхъ ————— Сре -
sa clar - té En li - ber - tè, А - mis al - lons rê - ver ————— L'a -

ди ноч - на - го мра - ка Въ э - тотъ бла - жен - ный часъ ————— Мы бу - демъ пѣть и
mour qui nous ap - pel - le Nous dit qu'il faut ai - mer ————— Sou - pirs et pleurs, Cha -

ли - ко - вать смѣ - ять - ся и пля - сать! —————
grins, douleurs, Je - tons sur tout des fleurs! —

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Славянскъ, А. М. Миш... 2. Москва, А. А. Неудобо. 3. Епифанъ, А. Н. Сав-ову. 4. Ставрополь (Кавказскій), Н. Роз-ву.

Встаю, огонь провожно зажигаю; Сажусь за столъ—и ну писать Пашу, а что? и самъ не знаю".

СОДЕРЖАНИЕ. Гансъ Макартъ и его мастерская въ Вѣтѣ (съ портретомъ и рисункомъ).—Избытокъ жизни (Идилля въ прозѣ).—Памяти друга (Стихотвореніе) Н Б-скій.—Погонщики оловъ въ Каирѣ М. С. (Съ рисункомъ).—Молюхъ Щ. (съ рисункомъ) — Баядерга, Н. К-ова (съ рисункомъ). — Проектъ зданія городской думы въ Москвѣ (съ рисункомъ)—Высотомѣръ или новый барометръ Профессора химіи въ Имп. СПб. Университетѣ. Д. И. Менделѣева (съ 2-я рисунками). — Политическое обозрѣніе. — Мандолината (съ рисункомъ и нотами). — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Въ музыкальномъ магазинѣ „Фр. Поздирекъ“ Москва, Б. Лубянка, д. Мазуриной, поступили въ продажу слѣдующія

НОВОСТИ:

Шпиндлеръ Фр. (Spindler Fr.) Фантазія изъ оперы „Жизнь за Царя“ ор. 287. Цѣна 1 руб.

Эта фантазія включаетъ въ себѣ самыя любимыя тоны, а именно: Трио: „Не томи родимый“, „Мазурку“, „Браковлькѣ“, „Польскій“ и „Славяскі“. Известно, изъ оперы „Жизнь за Царя“ нѣтъ хорошихъ фантазій; предлагаемая одна изъ самыхъ удачныхъ Шпиндлера, приобрѣвшая такую громкую известность какъ за границей, такъ и у насъ въ Россіи.

Шпиндлеръ Фр. Фантазія на любимыя русскіе романсы и пѣсни, положенныя для фортепіано въ въ 2 руки, ор. 288. Цѣна въ одномъ томѣ 2 р. 50 к.

О Т Д Ѣ Л Ы Н О:

- № 1. Ангелъ . . . Ц. 50 к.
№ 2. Царганская пѣсня . . . „ 50 „
№ 3. Скажите ей . . . „ 50 „
№ 4. Пляска . . . „ 50 „
№ 5. Колыбелья. пѣсня „ 50 „
№ 6. Соловей . . . Ц. 50 к.
№ 7. Красн. сарафанъ „ 50 „
№ 8. Тройка . . . „ 50 „
№ 9. Лучъ надежды „ 50 „
№ 10. Боже Царя храни. „ 50 „

Предлагаема пѣсни составляютъ альбомъ чрезвычайно элегантныхъ, бравуриныхъ и эффектныхъ салонныхъ пѣснь. Изъ всѣхъ существующихъ фантазій на русскіе романсы и пѣсни несомнѣнно эти наиболее удачныя.

Кругъ Д. (Krug D.) Perles de la Russie. Легкія фантазіи безъ отъѣвъ на русскія оперы.

- № 1. Жизнь за Царя . . . Ц. 45 к.
№ 2. Гальца . . . „ 45 „
№ 3. Громобой . . . „ 45 „
№ 4. Аскольдова могила . . . „ 45 „

Аранжировки Круга давно пользуются извѣстностью; это тоже весьма эффектная пѣсня, хотя несравненно легче чѣмъ Шпиндлера.

Гернеръ. Первая радость. Музыкальный альбомъ. 300 дѣтскихъ, народныхъ пѣсень и оперныхъ пѣснь поставленной трудності систематически составленныя. Въ двухъ томахъ. Цѣна каждого тома 1 р. 50 к.

ЛѢСЪ-КАПИТАЛЬ-МЕХАНИКЪ

Лѣсной техникъ-механикъ, капиталистъ, присоединяетъ себѣ компанію владѣльца дѣса, съ которымъ-бы устроить механическую стеларню невиданныхъ еще выдѣлѣи и слядѣ.

Адресъ: Батуринъ, Китча Александръ Шуницкой.

ПАНСИОНЪ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ въ городѣ Марбургѣ въ Гессенѣ (Пруссія) Подробности узнать подъ Р. О. 361 въ конторѣ объявленій Г. Л. Даубе и К^о. въ Франкфуртѣ—на Майнѣ.

МАГАЗИНЪ

Изящныхъ Рукоделій и Модныхъ Басонныхъ Отделовъ А. А. Бетцъ.

Перинная линія № 20 въ Гостиномъ дворѣ.

Получены въ большомъ выборѣ различныя новыя вышивки по канвѣ, сукну, атласу и прочихъ матерій, лучшія варшавскія и франкфуртскія домовы и новыя вышивки обивки, шерстяныя и шелковыя тесемки, морabu и бахрому. Подробныя русскія и нѣмецкіе Прейсъ-Куранты, по требованію высылаю немедленно, безплатно, по почтѣ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА А. САФРОНОВА

ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, д. № 88.

Выдаетъ ссуды подъ % бумаги и акціи. Выдаетъ дополнительныя ссуды по банковымъ коніямъ съ обязательствъ, съ поручаюми бумагъ въ конторѣ.

Учитываетъ до срочна купоны и вышедшія въ тиражъ бумаги. Продажа 5% съ выигрыш. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по 20 р. на билетъ, страхованіе билетовъ обоихъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ.

По 25 коп. за билетъ.

Отъ гг. иногороднихъ, включая почтовые расходы.

По 35 коп. за билетъ

Гербовый сборъ, 5 коп., со страховой квантаціи уплачивается страхователями. Всѣ баржевыя и банкірскія операціи по покупке, продажѣ и залогу бумагъ отъ гг. иногороднихъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту. Подробную програму операцій можно получить въ Контора № 118.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ и продаются въ музыкальномъ магазинѣ „Фр. Поздирекъ“ Москва, Б. Лубянка, домъ Мазуриной.

Альбомъ извѣстныхъ салонныхъ танцовъ соч. „Шульгофъ“ въ роскошномъ изданіи а именно:

- Op 6 Valse Aя—dur . . . Цѣна 60 коп.
„ 20 Valse Des—dur . . . „ 50 „
„ 48 Valse Cis—moll . . . „ 65 „
„ 53 № 6 Valse Des—dur . . . „ 30 „
„ 17 Galop di bravura . . . „ 30 „
„ 30 Souvenir de Vaugerie Masurka . . . „ 30 „

Всѣ въ одномъ томѣ цѣна 1 руб 50 коп.

НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ для вскоренія и грудныхъ дѣтей. Цѣна ЖЕЛОТНИ 1 р. безъ пересылки, всѣ 1¼ ф. Имѣю честь довести до свѣдѣній публич., что я отъѣзжаю только за тѣ жстанія, на которыхъ находится СИНІЙ ПИЩЕПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи.

ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Вене (Швейцарія). 26—17

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е О В Ъ И З Д А Н І И въ 1877 году НАРОДНОЙ ГАЗЕТЫ „МІРСКОЕ СЛОВО“.

Съ 1-го января 1877 года, съ помощію Божіей, народная газета «МІРСКОЕ СЛОВО» вступаетъ въ четырнадцатый годъ своего существованія и въ восьмой годъ со времени своего поступления подъ нашу редакцію.

Не входимъ въ разсмотрѣніе направленія нашей газеты: всѣмъ извѣстно, что она всегда имѣла въ виду сколько съ одной стороны духовно-нравственную и учительную (педагогическую) потребность простаго народа, столько же съ другой —житейскую сторону его. Заявленія нашихъ подписчиковъ давали намъ знать, что мы, по возможности, удовлетворяемъ и той, и другой потребности нашихъ читателей. Мы, однакоже, искренне желаемъ достигнуть улучшенія нашего изданія и обязались своевременный выпускъ ММ газетъ, что представляется особенно необходимымъ въ виду современныхъ политическихъ событий.

Съ благодарностью должны мы сказать, что нашли для себя особенную поддержку въ средѣ добрыхъ сельскихъ вѣстителей, которые, по всей справедливости, заслуживаютъ названія самыхъ разумныхъ и естественныхъ проводниковъ въ нашъ народъ истинъ св. вѣры и просвѣщенія. Надѣемся на благотворную поддержку ихъ и въ слѣдующемъ 1877 году.

Въ наступающемъ году «МІРСКОЕ СЛОВО» издается въ томъ же духѣ, по тому же предначертанію и въ томъ же объемѣ (52 №№), какъ и въ истекшій 1876 г.

1-й отдѣлъ будетъ завѣтъ распоряженіями и постановленіями правительствъ, какъ общенародными, такъ и преимущественно касающимися мѣщанскаго и крестьянскаго быта.

Во 2-мъ отдѣлѣ (бесѣда) будетъ помѣщаться статьи духовно-нравственнаго содержания, рассказы изъ русской исторіи и общедоступныя статьи по естественнонаучнымъ вопросамъ.

3-й отдѣлъ будетъ состоять изъ внутренняго, а 4-й —изъ внешнего обозрѣнія замѣчательныхъ современныхъ, государственныхъ и общественныхъ событій, насколько нужно и полезно знать о нихъ простолюдину.

Въ 5-мъ отдѣлѣ по ирешенію найдутъ себѣ место разныя необходимыя свѣдѣнія въ хозяйственномъ и домашнемъ быту какъ средняго, такъ и низшаго сословія.

Въ 6-мъ отдѣлѣ —разныя извѣстія, касающіяся народнаго образованія и народнаго житія.

Въ 7-й отдѣлѣ войдетъ книжное обозрѣніе, заключающее въ себѣ, какъ перечень вновь выходящихъ, пригодныхъ для народа книгъ, такъ и краткій отчетъ о замѣчательныхъ изъ нихъ.

Въ самомъ концѣ газеты будутъ помѣщаться книжныя и промышленныя объявленія.

Подписная цѣна и прочія условія подписки остаются тѣ же, то есть, желающіе подписаться на «МІРСКОЕ СЛОВО» въ 1877 году присылаютъ ТРИ рубля серебромъ въ контору духовнаго журнала «Странникъ» и народнаго газеты «Мірское Слово», въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ д. № 108. Редакторъ-издатель священникъ Сергій Протопоповъ.

Въ конторѣ редакціи Московскихъ Вѣдомостей поступили въ продажу только-что отпечатанныя

Стихотворенія Н. А. Малышева.

Москва. Униввер. типогр. 1876 годъ цѣна 70 коп. съ пересылкою 1 р. Тамъ-же: драматическіе переводы

Н. А. Малышева.

Москва. Университетская типографія, 1874 годъ цѣна 2 руб.

Книгопродавцамъ уступка.

ПОЛНЫЯ ОПЕРЕТКИ ВЪ РОСКОШНОМЪ ИЗДАНІИ „SONZOGNO“.

Table listing operettas by Anber, Donizetti, Meyerbeer, Hervé, Jonas, Lecocq, Offenbach with prices. Includes titles like 'Fenella', 'Lucresia', 'Le petit Faust', 'Le chignon d'or', 'La fille de Mme Angot', 'Fleurs de Thé', 'Le beau Dupois', 'Le Testament de m. Crac', 'Belle Hélène', 'Barbe bleue', 'Orphée aux enfers', 'La Princesse de Trébizonde', 'Geneviève de Brabant', 'Les brigands', 'Le chanson du Fortunio', 'Le mariage aux lanternes', 'Le Pont des soupirs', 'Choufery', 'Lischen et Fritzchen', 'La vie Parisienne'.

Получать можно только въ музыкальномъ магазинѣ „Фр. Поздирекъ“ Москва, Б. Лубянка, д. Мазуриной. Гг. иногороднимъ, выписывая почтой, прилагаютъ 20 коп. за пересылку оперетки.

СВѢЖІЯ СЪМЕНА

Огородныя, хлѣбныя, травяныя, цвѣточныя и древесныя

имѣтъ честь предложить сѣменная торговля А. УШАКОВА

въ С.-Петербургѣ, Большая Кономовна д. 1.

Подробный преісъ-курантъ на рускомъ и нѣмецкомъ языкахъ рождается а высылаются по требованію безплатно. 1—8

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 5 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдавъ 31 Января 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕНЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕНЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1877 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ.

I. Везъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 р.

III. Везъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лагъ и А. Живарева 4 р. 50 к.
IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1877 г. номера „Нивы“.

Иванъ Александровичъ Мельниковъ.

Опера, будучи исполняема на сценѣ театра, является соединеніемъ во едино различныхъ, чуть-ли не всѣхъ изящныхъ искусствъ, какія способны создавать человѣскій гений. Тогда она соединяетъ въ себѣ: музыку, живопись, литературу, драматическое искусство.

Отъ исполнителей оперы, кромѣ хорошаго голоса, обуславливающаго ихъ поступленіе на сцену, требуется полное музыкальное образованіе, обладаніе музыкальной техникой, пониманіе и вѣрная передача выражений тѣхъ или другихъ моментовъ въ исполняемой музыкѣ; необходимо развитіе эстетическаго чувства, составляющаго свойство таланта.

Въ числѣ пѣвцовъ-артистовъ, служащихъ украшеніемъ и славою нашей оперной сцены, находится Иванъ Александровичъ Мельниковъ, портретъ котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ „Нивы“.

Голосъ г. Мельникова баритонъ, отличающійся необыкновенной красотой и мягкостью тембра. Онъ имѣетъ теноровый отбѣнокъ, что итальянцы называютъ

Тенор serio; кромѣ того г. Мельникова отличаетъ рѣдкою членораздѣльностью и ясностью звуковъ, что и составляетъ неоспоримое достоинство этого пѣвца и даетъ ему мѣсто на ряду съ лучшими европейскими знаменитостями на поприщѣ оперныхъ сценъ. Здѣсь необходимо замѣтить, что не смотря на всѣ трудности, которыя переноситъ русская оперная сцена, шествуя чрезъ различныя преграды къ своему улучшенію,—это улучшеніе, тѣмъ не менѣе, замѣчается въ ней съ каждымъ годомъ. Такие пѣвцы, какъ Иванъ Александровичъ Мельниковъ, служащіе несомнѣнно ея украшеніемъ, конечно, не мало способствуютъ къ преуспѣванію оперы и увеличиваютъ въ обществѣ число ея почитателей. Мы беремъ на себя смѣлость замѣтить вообще, что тотъ изъ слушателей русской оперы, которому придется прослушать еѣ случайно и не одинъ разъ, а нѣсколько и въ особенности при участіи такихъ пѣвцовъ, какъ г. Мельниковъ (а ихъ число, хотя и не весьма большое теперь, все таки

Иванъ Александровичъ Мельниковъ.

Артистъ СПб. Имп. Русской оперы. Рис. Благовѣщенская, грав. Нейманъ.

увеличивается) и при исполненіи такихъ оперъ, какъ, напримеръ, Русланъ и Тангейзеръ,—такой слушатель сдѣлается навѣрное поклонникомъ Русской оперы и, такъ сказать, „отвратитъ свой слухъ“ отъ итальянцевъ—этихъ дорогихъ пѣвцовъ, хотя сильно поощряемыхъ, но за малыми исключеніями, значительно страдающихъ безголосицей и отсутствіемъ сценическихъ талантовъ.

Г. Мельниковъ въ равной степени хорошъ, какъ пѣвецъ и какъ артистъ. Партіи, требующія драматическихъ движеній и пассіи, не менѣе удаются ему какъ и лирическія партіи, требующія большого спокойствія, ровности и плавности въ выраженіи чувствъ. Репертуаръ оперъ, въ которыхъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненъ, постепенно увеличивается. Оперы, въ которыхъ пѣлъ до сихъ поръ г. Мельниковъ, слѣдующія: „Лючія“, „Травиата“, „Трубадуръ“, „Фаустъ“, „Пуритане“, „Карль Смѣлый“, „Донъ-Жуанъ“, „Гугеноты“, „Ратклифъ“, „Галька“, „Нижегородцы“, „Каменный гость“, „Борисъ Годуновъ“, „Опричнинъ“, „Тангейзеръ“, „Виндзорскія кумушки“, „Рогнеда“, „Сарданпаль“, „Анджелло“, „Вакула кузнецъ“ и „Русланъ“. По по-

воду исполненія этой послѣдней нельзя не замѣтить, что въ ней г. Мельниковъ является во всей силѣ своего таланта, какъ пѣвецъ и какъ актеръ. Можно съ увѣренностью сказать, что такого чуткаго и лучшаго пониманія музыки Глинки едва-ли можно требовать.

Ив. Ал. Мельниковъ родился въ Петербургѣ въ 1831 году. Первоначальное образованіе получилъ въ коммерческомъ училищѣ; затѣмъ, чувствуя страсть къ музыкѣ, онъ обратилъ вниманіе на развитіе своихъ музыкальныхъ способностей. Состоя членомъ безплатной музыкальной школы, управляемой Ламакинымъ, онъ пѣлъ съ большимъ успѣхомъ въ концертахъ и удостоился пѣть при Высочайшемъ Дворѣ. Въ 1866 году г. Мельниковъ началъ изучать пѣніе подъ руководствомъ извѣстнаго профессора пѣнія Репетто. Въ 1867 году онъ участвовалъ въ оперѣ „Пуритане“, произвелъ на слушателей сильное впечатлѣніе и съ этого времени сдѣлался любимымъ пѣвцомъ. Въ 1869 г. ѣздилъ въ Лондонъ и очаровалъ Англичанъ своимъ пѣніемъ. Въ настоящее время г. Мельниковъ, какъ слышно, назначается профессоромъ пѣнія въ Петербургской консерваторіи.

С—а.

ОТРЫВОКЪ.

.....И какъ же умиралъ ты? Какъ свершился
Ужасный этотъ переходъ отъ здѣшней
Къ загробной жизни?.....
.....И на вопросъ мой началъ духъ.....
.....Боль унялася, и я вдругъ
Почувствовалъ, иль лучше—догадался,
Что умираю. Несказанный страхъ
Меня объялъ. Все близкое, земное
Передо мной исчезло. Страхъ одинъ—
И точно врагъ *извне*—бороль меня.
А *изнутри* меня — я живо помню —
Живое нѣчто бросилося съ нимъ
Бороться и отстаивать меня —
И этого бѣ союзника я назвалъ
Надеждой—такъ, быть можетъ, стала бѣ мать
За своего ребенка биться.....
Умъ между тѣмъ—онъ бодрствовалъ, и жадно
Среди борьбы ихъ вглядывался, слушалъ,
И отстранялъ ихъ, силясь проглянуть
Впередъ, глубоко, въ даль и безконечность.

Но тьма завѣса передъ нимъ лежала.
Я думалъ: мигъ еще—и тьма меня

Охватить и удушить..... Но внезапно
Надежда, страхъ, все смолкло. Впереди
Завѣса дрогнула и разступилась
И вокругъ меня все—люди и предметы
Какимъ-то чуднымъ озарились свѣтомъ,
Который имъ какъ бы прозрачность придалъ—
—И этотъ свѣтъ шелъ сверху—и ужасенъ
Мнѣ въ первый мигъ казался. „Это Смерть?“
Я спрашивалъ себя. „Нѣтъ, быть не можетъ!“
И все не вѣрилъ и глядѣлъ упорно
Въ ужасную зарю—и ждалъ, все ждалъ—
А между тѣмъ давно ужъ совершилось—
Все кончено—я понялъ наконецъ,
И ужъ извнѣ смотрѣлъ на трупъ свой—и
Былъ пораженъ загадочной улыбкой,
Застывшей на губахъ: какъ будто въ ней
Навѣкъ отпечатлѣлся переходъ
Отъ изумленья къ радости... Рыданья
Раздались вокругъ—о, милые мои!
Какъ мнѣ хотѣлось ихъ обнять, утѣшить—
Сказать имъ, что я пережилъ—но тщетно—
И было мнѣ ихъ жалъ.....

А. Майковъ.

ИЗЫТОКЪ ЖИЗНИ.

(Идилія въ прозѣ).

II.

Проснувшись утромъ, Катя побѣжала въ сосѣднюю комнату, чтобъ открыть искру огня въ пеплѣ и развести огонь. Мужъ пришелъ къ ней на помощь и они смѣялись, какъ дѣти, тому, что дѣло ихъ не удавалось. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, отъ которыхъ раскраснѣлись ихъ лица, лучина вспыхнула и небольшая вязанка дровъ, тонко-расколотыхъ, была искусно положена въ печь, такъ чтобы, безъ ущерба для хозяйства, она могла нагрѣть и печь, и комнату. Ты видишь, другъ, сказала жена, что на завтра станетъ еще дровъ, что же будетъ послѣ?

— Достанемъ, отвѣчалъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто сказалъ что нибудь совершенно лишнее.

Разсвѣло. Хлѣбъ съ водою—вотъ въ чемъ состоялъ ихъ завтракъ, приправленный шутками.

—Я радуюсь заранѣе,—сказалъ онъ,—приближаясь къ тому мѣсту въ моемъ дневникѣ, гдѣ описанъ нашъ побѣгъ съ тобою.

— О Боже! вскричала она,—какъ этотъ чудный мигъ изумилъ и поразили насъ неожиданно! Уже нѣсколько дней замѣчала я въ моемъ отцѣ перемену; онъ говорилъ со мною не такъ, какъ обыкновенно. Его прежде

еще удивляли частыя твои посѣщенія; теперь онъ, не называя тебя, говорилъ о людяхъ средняго класса, забывающихъ свое положеніе и простирающихъ слишкомъ высоко свои желанія. Я не отвѣчала, онъ досадовалъ; я заговорила—и досада его превратилась въ сильный гнѣвъ; я видѣла, что онъ ищетъ ссоры со мною, а потомъ, что онъ за мною наблюдаетъ и поручилъ другимъ не спускать меня съ глазъ. Прошла недѣля, мнѣ нужно было отлучиться; на лѣстницѣ мнѣ встрѣтилась вѣрная моя служительница, и отправила впередъ слугу. Подъ предлогомъ, что нужно поправить мнѣ платье, она шепнула мнѣ, что все открыто, что шкафъ мой былъ взломанъ и тамъ найдены твои письма, что черезъ нѣсколько часовъ я буду отправлена къ одной изъ моихъ тетокъ въ заточеніе... Какъ скоро я рѣшилась! Я приказала кучеру остановиться передъ лавкой съ галантерейными товарами, куда вошла, подъ предлогомъ закупки разныхъ вещей. Я отослала кучера и лакея, приказавъ имъ черезъ часъ за мною заѣхать...

— И какъ я удивился, испугался и обрадовался,—вскричалъ онъ,—когда ты вдругъ вошла въ мою комнату! Я только что воротился отъ начальника, и былъ одѣтъ. Онъ говорилъ мнѣ странныя рѣчи и совсѣмъ не

такъ, какъ прежде, вмѣшивая въ нихъ угрозы, предостереженія, хотя все еще привѣтливо. По счастью, при мнѣ было нѣсколько паспортовъ. Мы торопливо и безъ дальнихъ приготовленій, взяли первую наемную карету; потомъ сѣли на желѣзную дорогу и очутились здѣсь. Здѣсь мы обвинчались и стали счастливы.

— Потомъ,—присовокупила она,—тысяча препятствій на пути, плохія гостинницы, недостатокъ въ одеждѣ и прислугѣ, тысяча удобствъ, къ которымъ мы привыкли и отъ которыхъ должны были отказаться, и, наконецъ страхъ, когда мы отъ одного проѣзжаго узнали, что насъ преслѣдуютъ, что все сдѣлалось гласнымъ и что съ нами хотятъ поступить безъ пощады.

— Да, да, моя милая,—сказалъ онъ:—это былъ самый дурной день, проведенный нами въ дорогѣ. Помнишь ли ты, какъ мы, чтобъ не возбудить подозрѣній, принуждены были смѣяться съ болтливымъ проѣзжимъ, когда онъ распространился въ описаніи похитителя, который, по его мнѣнію, могъ служить образцомъ плохаго дипломата, и называлъ твоего мужа глушцемъ, бессмысленнымъ простакомъ, несдѣлавшимъ никакихъ приготовленій къ побѣгу; какъ ты едва не вспыхнула отъ гнѣва, но по знаку, мною данному, принудила себя опять смѣяться и даже бранить и себя, и меня, называть насъ легкомысленными сумасбродами,—и, наконецъ, какъ ты, по удаленію болтуна, которому однакожь мы обязаны были благодарностію за предостереженіе, залилась горячими слезами“.

— Да,—вскричала она,—да, Валеріанъ, это былъ и горестный, и радостный день. Нашъ перстень и коекакія драгоценности, которыя мы случайно увезли, послужили намъ пособіемъ. Но то, что мнѣ не удалось спасти своихъ писемъ, считаю я невозвратною, невознаградивимою потерю. И меня бросаетъ въ жаръ, когда я только подумаю, что другіе глаза, кромѣ моихъ, пробѣгаютъ безцѣнные строки, тобою начертанныя, эти пламенные выраженія любви, которыя составляли мое блаженство, а теперь тамъ возбуждаютъ только гнѣвъ и досаду.

— Еще хуже,—сказалъ онъ,—что я второнихъ оставилъ всѣ записки, которыя ты ко мнѣ посылала, или которыя передавала мнѣ тайно. Во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ раскрывается тайна, особенно въ дѣлѣ любви, бѣлое является всегда въ черномъ видѣ: въ письмахъ твоихъ были слова, отъ которыхъ сердце мое готово было выпрыгнуть изъ груди.

Они обнялись и торжественная тишина наступила.

—Какая бібліотека,—сказалъ наконецъ онъ,—сравнилась бы съ моимъ дневникомъ, если бы еще спасены были твоя и мои письма.

Онъ взялъ дневникъ свой и прочелъ:

„Вѣрность—это чудное явленіе, которому человѣкъ удивляется въ собакѣ,—рѣдко надлежащимъ образомъ оцѣнивается въ людяхъ. Невѣроятно, какое странное и превратное понятіе составляютъ себѣ многіе объ обязанностяхъ. О слугѣ, который совершилъ дѣло, превышавшее его силы, мы говоримъ, что онъ исполнилъ свою обязанность, а когда дѣло дойдетъ до насъ самихъ, мы считаемъ себя необязанными никому и ничѣмъ, хотимъ быть независимы. Посмотрите, къ чему хотятъ увлечь себя и насъ всѣ эти мнимые мудрецы нашего вѣка, къ тому, чтобы и себя и, насъ освободить отъ всякихъ обязанностей и величаютъ это громкими именами независимости, самостоятельности, свободы; они не размысливъ, что, приближаясь къ цѣли, они умножатъ только собственныя свои обязанности, сдѣлаютъ ихъ болѣе сложными, увеличивъ массу отношеній. И на кого же обрушатся тогда тѣ обязанности, которыя съ благороднымъ самоотверженіемъ, ко благу всѣхъ и cadaго, выполняетъ нынѣ правительство. Кто соблюдетъ ихъ также точно и вѣрно? Всѣ жалуются на притѣсненія

другихъ, а сами хотятъ быть притѣснителями. Никто не старается выполнять своихъ обязанностей въ отношеніи къ окружающимъ, но всякій требуетъ, чтобы другіе въ отношеніи къ нему исполняли ихъ. Безумцы хотятъ ниспровергнуть порядокъ вещей, при которомъ только и возможно счастье и истинное образованіе человѣчества.

„Но вѣрность, истинная вѣрность,—во сколько разъ она выше всего того, что мы называемъ долгомъ, обязанностями! И какъ прекрасна является она въ старыхъ служителяхъ, въ ихъ самоотверженіи, когда они, съ неподкупною своею привязанностію, какъ въ древнія поэтическія времена, живутъ единственно и исключительно для господъ своихъ!“

„Я почитаю большимъ счастьемъ имѣть слугу, который не знаетъ ничего выше, не можетъ придумать ничего благороднѣе своего господина. Тогда онъ непоколебимъ, вѣренъ; въ привязанности къ господину вся жизнь его.

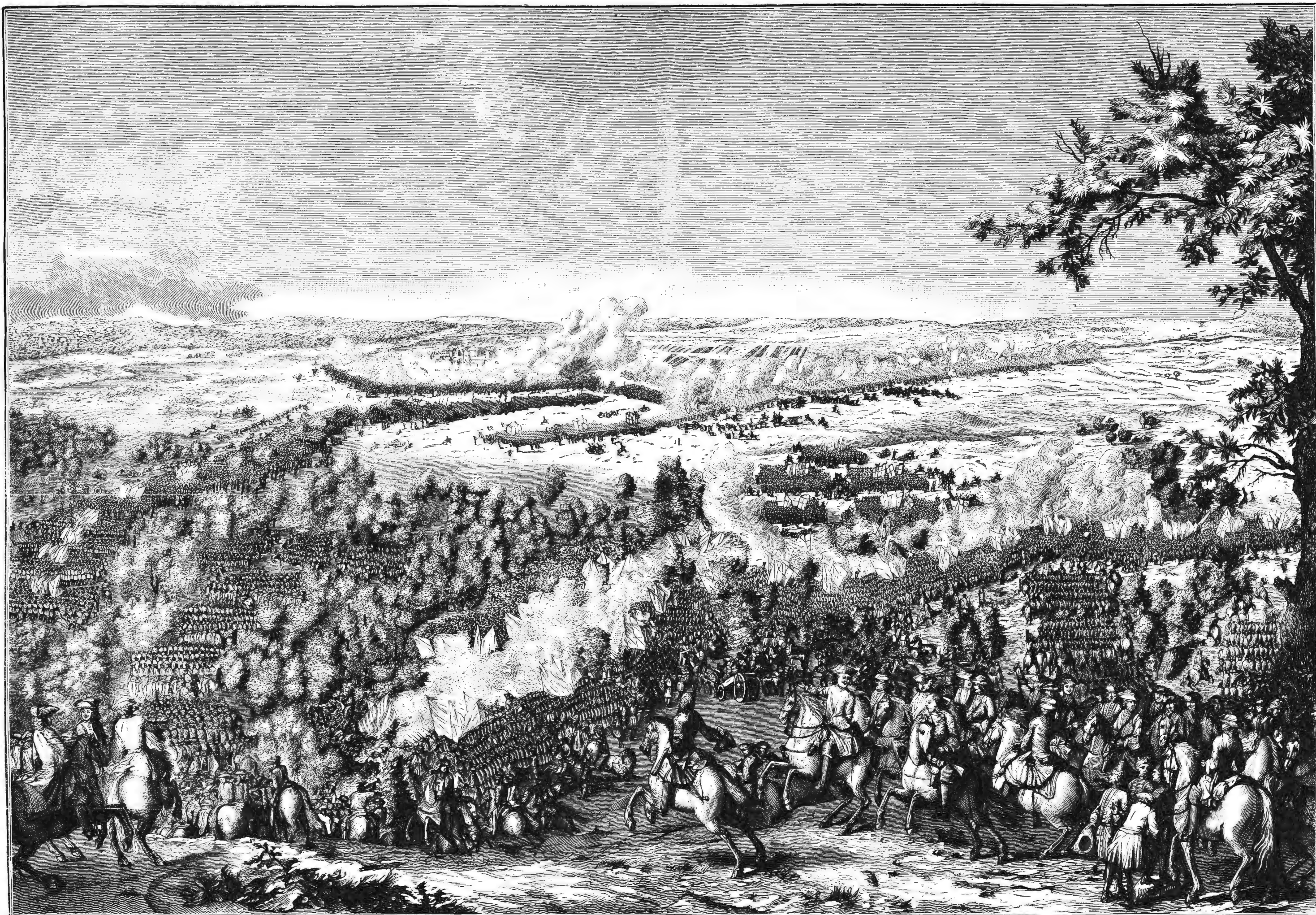
„И неужели мы ничѣмъ не обязаны такимъ служителямъ? Мы должны исполнять свой долгъ въ отношеніи ко всѣмъ; но для такихъ людей, сверхъ условленной платы, надобно припасти что-нибудь получше, подрагоценнѣе: заплатить истинною любовью, искреннею привязанностію за безусловную ихъ преданность. Чѣмъ мы отплатимъ, чѣмъ вознаградимъ,—о деньгахъ здѣсь и рѣчи нѣтъ,—нашу старую Христину за то, что она для насъ сдѣлала? Она была кормилицей моей жены; мы встрѣтились съ нею на первой станціи, и она почти насильно заставила насъ взять ее съ собою. Мы ей рассказали все, потому что она скромна и осторожна. Она прекрасно выдержала роль, которую должна была дорогою и здѣсь разыгрывать, и какъ предана она намъ, особенно моей Катѣ!.. Она живетъ внизу въ небольшой, темной каморкѣ, и кормится только тѣмъ, что успѣетъ заработать въ домахъ сосѣднихъ. Намъ казалось непонятнымъ, что она можетъ за ничтожную плату содержать бѣлье наше въ чистотѣ и порядкѣ, покупать всегда дешево, пока мы не провѣдали, что она всѣмъ, кромѣ самаго необходимаго, намъ жертвуетъ. Теперь она отправляется чаще на работу и остается внѣ дома болѣе, чтобы имѣть возможность намъ служить, съ нами не разставаться...“

„Итакъ, Чосеръ, изданный неизвѣстно мнѣ кѣмъ! я долженъ тебя бросить и согласиться на тяжкія условія сребролюбиваго книгопродавца. Слово „бросить“ поражало меня всегда неприятнымъ образомъ. Оно звучитъ такъ, какъ будто дѣло идетъ о дѣтяхъ.—Бросить!.. какъ Лиръ бросилъ Корделію, такъ и я покидаю моего Чосера.—Но развѣ Катя не продала своего единственнаго платья, которое было на ней въ день побѣга, еще дорогою?—Такъ, Христина гораздо дороже Чосера; на ея долю надобно удѣлить что-нибудь изъ выручки. Едва-ли только возьметъ она...“

Чтеніе прервано было приходомъ старой, сторбленной, одѣтой въ рубище Христины, которая объявила, что она проведетъ ночь внѣ дома, но что въ слѣдующее утро она закупить для насъ по обыкновенію всѣ нужные припасы. Катя вышла вслѣдъ за нею и нѣсколько еще времени разговаривала съ ней за дверью. Валеріанъ ударилъ кулакомъ по столу и вскричалъ, обливаясь слезами: „Зачѣмъ и я неработаю, какъ поденщикъ? Я здоровъ и крѣпокъ... Нѣтъ, нельзя; тогда она почтетъ себя несчастною; и она захочетъ трудиться, будетъ заботиться, терзаться, отыскивая всюду работу. Мы оба принуждены будемъ сознаться, что мы несчастны. Вѣдь живемъ же мы, и счастливы!“

Катя воротилась съ веселымъ лицомъ, и они принялись за скудный свой обѣдъ съ такимъ самодовольствіемъ, какъ будто за самыя роскошныя яства.

— Мы не терпѣли бы теперь,—сказала Катя послѣ обѣда, — ни въ чемъ недостатка, еслибы только были

ИЗОБРАЖЕНІЕ БАТАЛІИ МЕЖДУ ЧАСТІЮ ВОЙСКЪ РОСІИСКІХЪ КОТОРЫЯ БЫЛИ ТОГДА ВЪ ПРІСУДСТВІИ КОМАНДЫ ЕГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ІСВѢСКИХЪ ПО КОМАНДОЮ ГЕНЕРАЛА ГРАФА ЛЕВЕНГОУПТА ПРІ ДЕРЕВНѢ ЛЕСНОЙ КОТОРАЯ ОТЬ ПРОПОЙСКА ВЪ ДВУХЪ МІЛЯХЪ СЕНТЯБРЯ ВЪ 28 ДЕНЬ 1708

еще у насъ дрова; но Христина не знаетъ, какъ пособить горю.

— Жена! сказалъ Валеріанъ съ важностію, — мы живемъ въ вѣкъ образованности, въ благоустроенной странѣ, не между язычниками и людоедами; средства должны найтись. Еслибъ мы были въ пустынь, то я, конечно, какъ Робинзонъ Крузе, срубилъ бы нѣсколько деревьевъ. Кто знаетъ, не отыщется ли лѣсъ тамъ, гдѣ его наименѣе ожидаемъ. Развѣ бирнамскій лѣсъ не пришелъ самъ къ Макбету, правда, для того, чтобы его погубить? Въ морѣ вдругъ возникаютъ острова; въ разсѣлинахъ, среди дикихъ камней, растутъ иногда пальмовое дерево; терновникъ обрываетъ клочья шерсти съ овецъ и ягнятъ, когда они близъ него проходятъ, а коноплинка собираетъ эти клочья и уноситъ въ свое гнѣздо, чтобы изъ нихъ приготовить мягкую постельку для своихъ птенцовъ.

III.

Катя проспала въ этотъ разъ долѣе обыкновеннаго, и, пробудясь, удивилась, что уже разсвѣло, а еще болѣе потому, что не нашла возлѣ себя мужа. Удивленіе ея удвоилось, когда она услышала странный пронзительный шумъ, похожій на визгъ пилы, распиливающей дерево твердое и крѣпкое. Поспѣшно она одѣлась, чтобы скорѣе развѣдать о случившемся.

— Валеріанъ, — спросила она, входя, — что ты дѣлаешь?

— Я распиливаю дрова для нашей печи — отвѣчалъ онъ, задыхаясь отъ усталости.

— Но скажи мнѣ, какъ добылъ ты пилу и гдѣ взялъ этотъ огромный обрубокъ такого прекраснаго дерева?

— Ты знаешь, — сказалъ онъ, — что пять или шесть ступенекъ ведутъ отсюда къ небольшому чулану, который стоитъ пустой. Въ немъ увидѣлъ я недавно, сквозь замочную скважину, пилу и топоръ, принадлежащіе нашему хозяину, или Богъ-знаетъ кому. Я не пропустилъ этого безъ вниманія. Сегодня утромъ, пока ты еще сладко покоилась, я пробрался въ темнотѣ туда наверхъ, вышибъ деревянную, тонкую дверь и досталъ эти два смертоносныя орудія. Потомъ, зная совершенно расположение нашего дома, я отправился на лѣстницу и не безъ труда, не безъ усилій, съ помощью топора, снялъ съ нея это длинное, толстое, тяжелое перило, которое загроздило всю нашу комнату. Не правда ли, Катя, наши предки были люди догадливые и солидные? Разсмотри эту массу отличнаго и плотнаго дубоваго дерева, такъ хорошо выполированную и покрытую лакомъ: она дастъ намъ огонь лучше того, какой доставляли намъ до сихъ поръ дрянныя сосновыя и еловыя дрова.

— Но портить домъ! вскричала Катя, всплеснувъ руками.

— Никто къ намъ не заглядываетъ, — сказалъ Валеріанъ, — намъ совершенно-знакома наша лѣстница. Притомъ же мы никогда по ней не ходимъ. Одна Христина ею пользуется. Какъ она удивится, когда я ей скажу: не тревожься старый другъ, мы поручимъ вырубить лучшую дубовую трость изъ всего лѣса, и отдадимъ ее обдѣлать столяру, чтобы ты, веходя по ступенямъ, могла на нее опираться. Какъ разсѣется добрая Христина! Подобныя перила должно также отнести къ предметамъ излишнимъ въ жизни. Лѣсъ пришелъ къ намъ, замѣтивъ, что мы въ немъ крайне нуждаемся. Я волшебникъ: нѣсколько ударовъ магическимъ топоромъ, и прекрасное дерево отдалось въ мою власть. Всею виною образованности: еслибы здѣсь, какъ во многихъ старыхъ хижинахъ, перила замѣнялись веревкою, или были чугунныя, какъ во дворцахъ, то я обманулъ бы въ расчетѣ и долженъ бы былъ прискаты и избрѣсти другія средства.

Катя, преодоливъ свое удивленіе, громко засмѣялась, потомъ сказала: такъ какъ дѣло уже сдѣлано, то мнѣ

остается только помочь тебѣ. Примемся вмѣстѣ рубить дрова.

Они положили дерево на два стула, стоявшіе въ противоположныхъ концахъ комнаты, потому что такова была его длина, и начали пилить пополамъ. Дѣло было не легкое, по непривычкѣ ихъ къ подобной работѣ и по крѣпости дерева. Смѣясь и обливаясь потомъ, они медленно подвигались впередъ. Наконецъ дерево распалось на двое. Тогда они сѣли отдохнуть и отерли потъ съ лица. „На первый случай“ сказала Катя, „намъ и топить не падобно: вотъ ужъ и выгода.“ Они забыли о завтракѣ и проработали все утро, пока не распилили дерева на такіе куски, которые можно было расколоть на полѣнья.

— Какъ внезапно — сказалъ Валеріанъ въ минуту отдыха — комната наша превратилась въ мастерскую! Эта грубая масса дерева, лежавшая тамъ въ потьмахъ, никѣмъ незамѣченная, обращена теперь въ прелестные кубики, которые я посредствомъ топора сдѣлаю годными къ принятію и поддержанію огня.

Онъ взялъ первый попавшійся кусокъ дерева и приступилъ къ новой, но менѣе легкой работѣ; колоть было труднѣе, нежели пилить. Катя между тѣмъ отдыхала и смотрѣла съ удивленіемъ и радостью на своего мужа, который, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ, получилъ наконецъ сваровку.

Счастіе ихъ, что въ то самое время, когда производилась эта работа, отъ которой стѣны дрожали, хозяйинъ дома, занимавшій нижнюю комнату, былъ въ отлучкѣ, и потому стукотня никѣмъ въ домѣ не могла быть замѣчена. Сосѣди мало обращали на нее вниманія, потому что въ предмѣстїи, и особенно въ той улицѣ, было множество ремесленниковъ, исправлявшіе самыя шумныя работы.

Наконецъ, дровъ наготовлено было достаточное количество и огонь запылалъ въ печи. Въ этотъ достопримѣчательный день завтракъ и обѣдъ пришлись въ одно время. Обѣдъ былъ отличенъ отъ того, какой былъ накануне и въ предшествовавшіе дни.

— Не дивись, милый другъ, — сказала Катя, — наша Христина отъ ночной стирки разбогатѣла. Она принесла домой много припасовъ, и рада, что можетъ своимъ добромъ подѣлиться съ нами. У меня не достало духа ей отказать и ты вѣрно примешь дары ея также благосклонно.

Онъ улыбнулся и сказалъ: „Старуха давно уже намъ благодарствуетъ: она работаетъ ночью, чтобы доставлять намъ помощь, отрываетъ сама отъ самой-себя пищу, чтобы насъ кормить. Если мы станемъ роскошничать, чтобы ее тѣшить, и если она умретъ прежде, нежели мы докажемъ ей благодарность свою на дѣлѣ, или если никогда не будемъ имѣть къ тому возможности, то по крайней мѣрѣ, заплатимъ же ей за всѣ ея услуги искреннею любовью.“

Обѣдъ былъ въ самомъ дѣлѣ роскошенъ: старуха принесла имъ нѣсколько яицъ, овощей и мяса, и даже кружечку кофе. Какое счастье! — присовокупила Катя, что для этихъ людей превращается въ радость и удовольствіе то, что намъ представляется мукою и тяжкимъ рабскимъ трудомъ. Такъ въ жизни услаждается многое. И развѣ мы сами не испытали, что бѣдность имѣетъ свою привлекательную сторону?

— Такъ точно, — отвѣчалъ онъ, съ наслажденіемъ поглощая мясо, котораго онъ такъ давно не ѣлъ. Если бы лакомки, вѣчно-пресмыщепные, знали, сколько сладости заключено для голодавашаго бѣдняка въ коркѣ черстватаго хлѣба, то они позавидовали бы ему и стали бы прискивать искусственныя средства, чтобы доставить себѣ подобное наслажденіе. Однако, какъ кстати подоспѣлъ этотъ сардананаловъ обѣдъ, именно сегодня, когда мы столько поработали! Онъ подкрѣпитъ наши силы для дальнѣйшихъ трудовъ. свѣжныя цвѣты на

стеклахъ стали таять, потому ли, что морозъ уменьшился или потому что теплота, распространившаяся въ комнатахъ отъ дубовыхъ дровъ, начала сильно дѣйствовать.

День былъ ясный, и они увидѣли голубое небо,— правда, очень небольшую его частичку; но они радовались, глядя сквозь прозрачный ледъ, какъ топки, снѣжной бѣлизны облачка плавали въ лазуревомъ морѣ и, встрѣчаясь, какъ-будто обнимались дружески.

Домикъ, въ которомъ они жили, былъ странно построены. Комната о двухъ окнахъ и другая объ одномъ наполнили все пространство его. Внизу помѣщался хозяинъ, сердитый старикъ, который, имѣя недостатокъ, переѣхалъ на зиму въ другой городъ, и, страдая подагрой, поручилъ тамъ лечить себя одному знакомому врачу. Строитель этого дома былъ вѣроятно большой чудакъ: непостижимо, для какой цѣли подъ самыми окнами втораго этажа, гдѣ жили друзья наши, выдавался черепичный довольно широкій навѣсъ, такъ что имъ совершенно невозможно было смотрѣть на улицу. Такимъ образомъ, даже въ лѣтнее время, когда они раскрывали окна, они были отдѣлены совершенно отъ людей, тѣмъ болѣе, что въ противоположномъ низенькомъ одноэтажномъ домикѣ жилье устроено было наравнѣ съ землею. Отъ нихъ видна была только черная, закопченная крыша этого домика, а справа и слева его возвышались двѣ каменные стѣны, построенныя для защиты двухъ сосѣднихъ высокихъ домовъ отъ огня въ случаѣ пожара. Въ первые дни лѣта, когда они только-что тутъ водворились, услышавъ шумъ или споръ на улицѣ, они тотчасъ, по невольному и весьма естественному побужденію, подбѣгали къ окнамъ, и— не тутъ-то было: они ничего не могли видѣть, кромѣ черепичнаго навѣса и кровли напротивъ. Ихъ это забавляло, и Валеріанъ говаривалъ часто: „если сущность эпиграммы, какъ опредѣляли ее въ нѣкоторыхъ старинныхъ теоріяхъ, состоитъ въ обманутомъ ожиданіи, то вотъ намъ и эпиграмма.“

Немногимъ людямъ удавалось жить въ такомъ совершенномъ уединеніи, въ какомъ проводили дни свои наши счастливцы, находясь въ одномъ изъ самыхъ шумныхъ предмѣстій вѣчно-оживленной столицы. Такъ отлучены они были отъ всего міра, что имъ казалось великимъ событіемъ, когда кошка пробѣжитъ по кровлѣ противолежащаго дома. Лѣтомъ ласточки, вылетая изъ своихъ гнѣздъ, прилѣпленныхъ къ каменной стѣнѣ, и

возвращаясь туда къ птенцамъ своимъ, были для нихъ важнымъ и занимательнымъ явленіемъ. Они почти испугались самаго ничтожнаго обстоятельства, когда въ одно утро мальчикъ-трубочистъ, съ своей метелкой, высунулся противъ нихъ изъ узкаго отверстія трубы и затянулъ что-то похожее на пѣсню.

Это уединеніе нравилось имъ. Они не боялись, что ихъ увидятъ любопытные сосѣди и переносились въ мечтахъ въ Италію: тѣ двѣ каменные стѣны казались имъ скалами, ограждающими ихъ убѣжище, они любовались игрою лучей заходящаго солнца, золотившихъ верхушки этихъ мнимыхъ скалъ. Съ удовольствіемъ помышляли они и теперь о лѣтнихъ вечерахъ, припоминали себѣ всѣ рѣчи, которыя они говорили, ощущенія, которыя испытывали, и шутки, которыми тогда, лѣтомъ, веселили другъ друга.

Теперь запаслись они оружіемъ противъ стужи на случай, еслибы она еще продлилась или усилилась. Такъ какъ у мужа было много досужаго времени, то онъ облегчилъ свой трудъ при раскалываніи дровъ тѣмъ, что выточилъ нѣсколько колышковъ, которые вкладывалъ въ ращепъ полѣна; отъ этого дерево раздавалось скорѣе и легче.

Нѣсколько дней спусти, Катя, глядя внимательно на его работу, спросила: Валеріанъ, когда выйдетъ этотъ запасъ дровъ, который ты нагромоздилъ здѣсь, — что тогда?— Дружокъ мой, — отвѣчала онъ, — между прочими мудрыми изрѣченіями, сказалъ нѣкій мудрецъ коротко и ясно: пользуйся днемъ, который передъ тобой, предайся ему, завладѣй имъ совершенно, потому что онъ въ другой разъ не воротится. Ты не достигнешь этой цѣли, если будешь помышлять о невѣрномъ завтра. вмѣстѣ съ этими мыслями явятся заботы, сомнѣнія, и тогда нынѣшній день, этотъ часъ, которымъ ты пользуешься, потеряешь для тебя. Мы тогда только сознаемъ свое бытіе, тогда только живемъ и можемъ быть счастливы, когда совершенно поглощаемся настоящимъ. Или развѣ не знаешь ты пѣсенку: „До завтра всѣ заботы: для завтра лишь онѣ пригодны?“

— И конечно, — отвѣчала Катя, — мы уже цѣлый годъ проповѣдуемъ эту философію—и счастливы.

Такъ проходили дни, и въ молодыхъ супругахъ нисколько не ослабѣло сознание ихъ счастья, хотя они жили, какъ нищія.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Петровскія войны *).

(Сраженіе при деревнѣ Лѣсной, 28 сентября 1708 года).

Не мало сопротивленія и недоразумѣній встрѣчалъ Петръ въ Россіи отъ своихъ подданныхъ, при предпринимаемыхъ имъ нововведеніяхъ; но внутреннимъ сопротивленіемъ дѣло не ограничилось: явились враги внѣшніе, борьба съ которыми была не менѣе трудна, какъ и война внутренняя.

Внѣшнимъ врагомъ была Швеція, государство, сосѣднее Россіи. Петръ, для полноты своихъ преобразованій, нуждался въ морѣ, которое открывало бы Россіи безпрятственный и удобнѣйшій путь къ наиболѣе образованнымъ странамъ тогдашняго міра. Лучшимъ моремъ въ этомъ случаѣ было море Балтійское. Но всѣ его берега, прилежащіе къ Россіи, были во властншведовъ. И надобно сказать, что въ числѣ этихъ береговъ были земли, составлявшія исконную собственность Россіи; таковы именно земли, составляющія сѣверную часть нынѣшней Петербургской губерніи, по тогдашнему Ингерманландіи. Земли эти захвачены были шведами въ недавнее и несчастное для Россіи время, лѣтъ за восемьдесятъ до самодержавія Петра, именно во время такъ называемой самозванщины, когда у насъ не было царя и терзали Россію какъ свои внутренніе, такъ и чужіе, пришлые раз-

бойники. Шведы въ это время призваны были нами на помощь; сговорились о помощи, но, вмѣсто помощи, отторгнули отъ насъ часть земель, въ томъ числѣ и прибалтійскія наши владѣнія. Петръ потребовалъ теперь отъ Шведовъ этихъ владѣній, или по крайней мѣрѣ части оныхъ. Шведы отказали и началась война.

Война эта началась 1700 года и окончилась только черезъ двадцать лѣтъ. Она извѣстна подъ именемъ великой сѣверной войны. Она измѣнила видъ восточной Европы: прежде здѣсь принадлежала первенствующая роль Швеціи; послѣ войны главной державою на востокѣ дѣлалась Россія. Въ войнѣ принимали болѣе или менѣе дѣятельное, болѣе или менѣе продолжительное участіе нѣсколько державъ, но главными борющимися сторонами были Россія и Швеція. Онѣ силились одолѣть другъ друга, пока, наконецъ, одолѣла Россія.

Швеція до сѣверной войны была, какъ мы сказали, перво-классною, сильною державою. Ей принадлежало въ то время гораздо болѣе областей и собирала она больше доходовъ, чѣмъ нынѣ, главное же она имѣла превосходное войско, съ отличными офицерами и генералами. На войскѣ собственно и основывалось могущество шведовъ. Что касается до тогдашней Россіи, то естественныя средства ея были далеко богаче и сильнѣе, чѣмъ средства Швеціи, но эти средства не были разработаны. Россія не получала и трети тѣхъ доходовъ, какіе могла бы получать и какіе дѣйствительно стала получать впоследствии. Между правительствомъ и населеніемъ была крѣпкая нравственная связь, то есть правительство любило и уважало страну и въ свою очередь было любимо ею, но если бы

* Въ этомъ номерѣ мы помѣщаемъ картину, изображающую битву при деревнѣ Лѣсной. Въ теченіи настоящаго года будутъ помѣщены еще нѣсколько гравюръ, относящихся къ той же великой эпохѣ преобразованія. Картины, какъ помѣщаемая нынѣ, такъ и вмѣстѣ появляющіяся въ послѣдствіи, въ особенности заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что составляютъ точный до мельчайшихъ подробностей снимокъ съ старинныхъ гравюръ, изображающихъ Петровскія войны. Въ настоящее время такіе гравюры составляютъ рѣдкость. Мы сохраняемъ въ точности и надписи подъ картинами, желая такимъ образомъ представить факсимиль какъ гравюръ, такъ и надписей подъ ними, въ видахъ ознакомленія нашихъ читателей съ замѣчательнымъ произведеніемъ стариннаго гравернаго искусства.

потребовало правительство отъ страны большихъ жертвъ и эти жертвы надобно было бы доставить скоро, къ опредѣленному сроку, то едва ли бы народъ могъ отвѣчать на такое требованіе при всей готовности къ нему. Не были для такой спѣшности подготовлены тогдашніе порядки въ Россіи. Войско, если брать въ расчетъ его численность и усердіе, мы могли бы поставить тогда въ три, пять, даже въ десять разъ больше, чѣмъ шведы, но въ томъ-то и дѣло, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, уже не одна численность и усердіе составляли силу войска. Для того, чтобы войско съ честью носило свое имя, нужна была особая выправка, обученіе. Этой-то выправки и не имѣли, вслѣдствіе чего происходили нерѣдко какія грустныя для насъ явленія, что наши многочисленныя, одушевленные любовью къ отечеству, но плохо обученныя войска были побѣждаемы небольшими, но хорошо подготовленными отрядами неприятелей. Недостатокъ этотъ замѣтили въ Россіи и стали вводить въ войска правильный регулярный строй, стали обучать войска. Но прежде чѣмъ успѣли достигнуть какого-нибудь результата, успѣха, въ этомъ отношеніи, началась великая означенная война, которая и застала насъ на рубежѣ между старымъ порядкомъ и новымъ, когда, какъ говорится, отъ одного берега мы отстали, а къ другому не пристали. Какъ было неблагонадежно наше войско для борьбы съ искуснымъ неприятелемъ въ то время, показано будетъ впоследствии при описаніи Нарвской битвы.

Трудно было бы Петру начинать войну притакихъ условійхъ; еще труднѣе было рассчитывать на счастливыи ея исходъ. Но Петру помогли въ этомъ случаѣ обстоятельства, чѣмъ онъ и умѣлъ воспользоваться. Обстоятельства эти заключались главнымъ образомъ, (кто бы могъ этого ожидать?) въ характерѣ противника Петрова, шведскаго короля Карла XII. Карлъ XII самъ предводительствовалъ своими войсками въ эту войну. За три года до ея начала, именно въ 1697 году, вступилъ онъ на престолъ, по смерти своего отца, 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ. Стало быть, при началѣ войны ему было 18 лѣтъ. До войны этой Карлъ не показывалъ ни особаго трудолюбія, ни особыхъ способностей, и большая часть какъ шведскихъ государственныхъ людей, такъ и иностранныхъ, бывшихъ при штокгольмскомъ дворѣ, пословъ, считали его очень посредственнымъ человѣкомъ. Война пробудила его дремавшія силы. Когда, при объявленіи войны, въ шведскомъ государственномъ совѣтѣ большинствомъ голосовъ склонялись къ уступкамъ въ пользу какой нибудь изъ противныхъ сторонъ (Швеція объявила одновременно войну Россіи, Польша и Данія), для того, чтобы съ большими надеждами на успѣхъ дѣйствовать противъ остальныхъ враговъ, Карлъ рѣшительно и съ негодованіемъ отвергъ такое осторожное мнѣніе, онъ сказалъ, что „не началъ бы самъ несправедливой войны, но въ справедливомъ дѣлѣ онъ иначе не

положить оружія, какъ совершенно уничтоживъ своихъ враговъ“. Въ этихъ смѣлыхъ, но не совѣмъ благоразумныхъ словахъ, показавшихъ героя или скорѣе искателя приключеній, но не государственнаго человѣка, Карлъ очертилъ себя вполне, онъ и былъ искателемъ приключеній. Онъ первый показывалъ своему войску путь къ опасностямъ, дѣлилъ съ нимъ труды и пищу, одѣвался и жилъ очень просто, былъ простымъ солдатомъ въ душѣ, чѣмъ и приобрѣлъ безграничную преданность своего войска. При этомъ онъ былъ хорошимъ полководцемъ, умѣлъ оцѣнить мѣсто и силы противника и указать полкамъ способъ дѣйствія. Вездѣ, гдѣ Карлъ встрѣчался съ врагомъ на ратномъ полѣ, вездѣ онъ оставался побѣдителемъ. Такъ было до Полтавскаго сраженія, гдѣ неисчислимыя ошибки Карла довели его до совершеннаго пораженія. Какъ человѣкъ Карлъ былъ честенъ, религиозенъ и трезвъ. О простотѣ его жизни выше мы

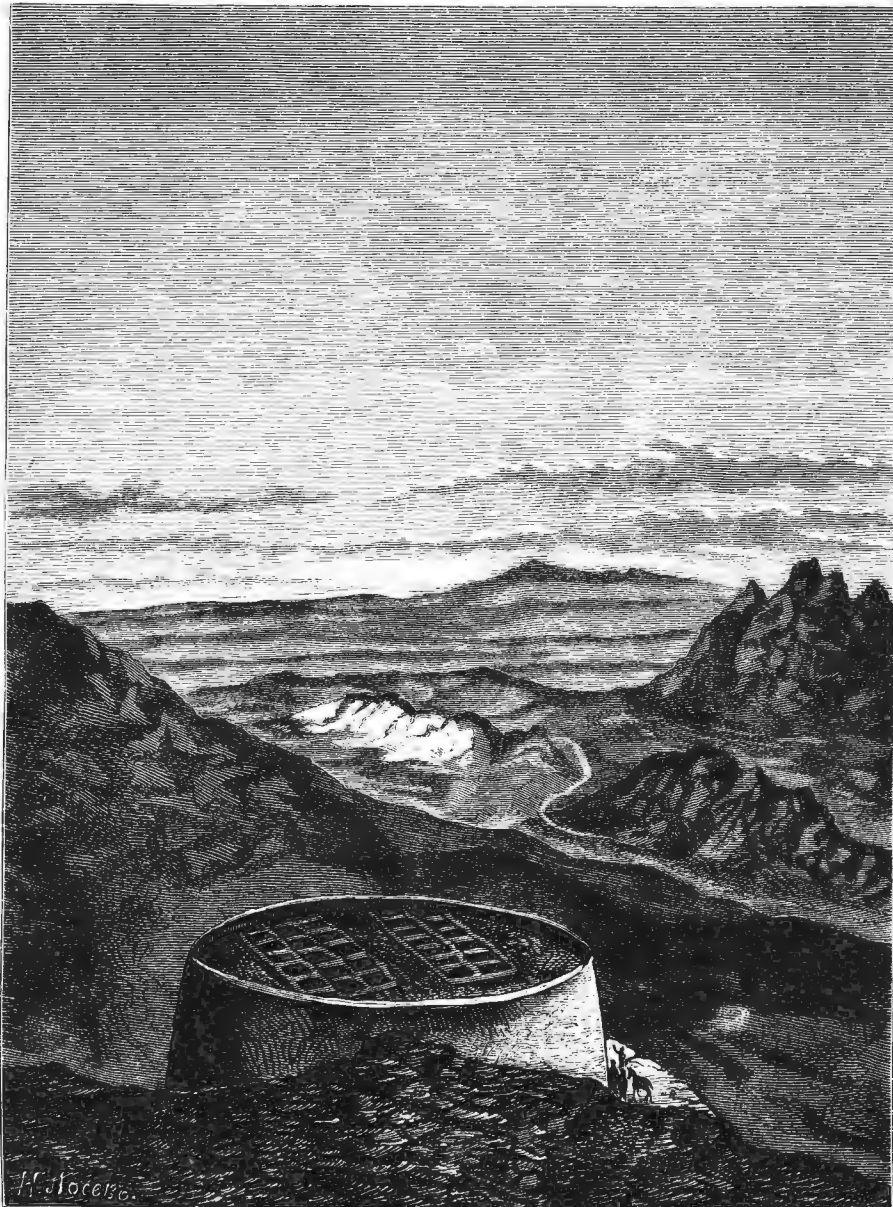
уже сказали; тутъ въ этомъ отношеніи прибавимъ еще, что онъ сохранилъ себя дѣвственно чистымъ въ такой вѣкъ, когда, по понятіямъ людскимъ, знатымъ и высокопоставленнымъ лицамъ дозволялось *е*е. Карлъ въ этомъ отношеніи не хотѣлъ быть особымъ отъ прочихъ смертныхъ человѣкомъ. Но при такихъ высокихъ качествахъ Карлу не доставало необходимѣйшаго для государя качества, — благоразумія и пронапительности, вслѣдствіе чего онъ не сумѣлъ воспользоваться случаемъ заключить выгоднѣйшій и почетнѣйшій миръ для своего государства, онъ продолжалъ вести войну съ тѣмъ, чтобы къ пожатымъ лаврамъ присоединить еще новыя, не разсуждая что удобные случаи къ окончанію войны не всегда представляются. Совѣтниковъ, которые преостерегли его на счетъ такого образа дѣйствій, онъ не слушалъ, ибо былъ страшно упрямъ. Этими недостатками Карла мастерски воспользовался Пѣтръ.

Война шла отъ начала и до 1709 г. слѣдующимъ образомъ:

Когда Россія, Польша и Данія объявили Швеція войну, Карлъ обратился сначала противъ датчанъ.

Съ небольшимъ отборнымъ войскомъ отправился онъ туда на флотъ, подѣхавъ къ столицѣ Данин, корабли не могли за мелководіемъ подойти къ берегу и высадка должна была совершиться на перевозочныхъ, мелкихъ судахъ. Нетерпѣливый Карлъ не хотѣлъ дожидаться этой продолжительной, по его мнѣнію, операціи и, обнаживъ шпагу, выскочилъ въ море, за нимъ съѣзжали тоже восторженные его примѣромъ шведы. Подъ градомъ ядеръ гремѣвшей съ берега батареи достигли они, съ Карломъ во главѣ, земли, взяли батарею и навели такой страхъ на датчанъ, что тѣ тотчасъ согласились на всѣ условія, какія продиктовалъ имъ Карлъ. Между условіями, какъ и слѣдовало ожидать, было обязательно для Данин отстать отъ союза противъ Швеція.

Управившись съ Даніею, Карлъ обратился противъ русскихъ. Русскіе тогда осаждали Нарву съ войскомъ 35000—40000 чело-

Кладбище Гебровъ въ Тегеранѣ.

Рис. съ фотографіи Н. Лосевъ, грав. К. Вейерманъ.

Женщина съ ребенкомъ, въ рыбацьемъ домигѣ, на островѣ Маркенѣ (въ Голландіи).
Картина Ефельмана, грав. Богарти.

вѣкъ. Войско это по числу своему легко могло бы противостоять шведам, если бы только и качества его были надежны: но въ этомъ то послѣднемъ отношеніи оно и прихрамывало. Войско, стоявшее подъ Нарвою въ 1700 году именно отличалось тѣми недостатками, о которыхъ выше сказано, то-есть отъ одного берега отстало, а къ другому не пристало. За исключеніемъ двухъ-трехъ полковъ, сравнительно старыхъ и порядочно подученныхъ, остальные части войска болѣе единообразіемъ одежды и оружія напоминали солдатъ, чѣмъ своимъ духомъ. Къ этому присоединилось еще раздвоеніе между начальствующими и подчиненнымъ составомъ арміи. Офицеры высшихъ и низшихъ чиновъ были почти все иностранцы, непонимавшіе духа русскаго человѣка, непонимавшіе зачастую его языка. Главнѣйшюю командующій тоже былъ иностранецъ, недавно явившійся въ Россію. Русскіе о своихъ иностранныхъ офицерахъ думали какъ о людяхъ самыхъ ненадежныхъ и дурныхъ. Они думали, что офицеры ихъ, при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ измѣнятъ. Противъ такого-то войска шель теперь Карлъ.

19 ноября 1700 года явился шведскій герой передъ нашимъ войскомъ съ 8000 корпусомъ. Помимо нравственныхъ недостатковъ и недостатковъ въ составѣ своемъ, наше войско растянута было еще по ошибочнымъ распоряженіямъ на такомъ большомъ пространствѣ, что прорваться сквозь его ряды было очень легко. И, по пословицѣ: „на быдлаго Макара и шишки в'алитъ“ 19 ноября утромъ, въ моментъ начала битвы, поднялась такая сильная снѣжная буря, которая въ 20 шагахъ не давала ничего видѣть, и эта буря была прямо въ лицо русскимъ. Съ войскомъ въ восемь разъ меньшимъ ударилъ смѣло Карлъ на нашъ лагерь и войско, и все пришло въ смятеніе, солдаты, увидѣвшіе непосредственно около себя непріятеля, закричали: „*тыми измѣнитъ*“ и бросились на офицеровъ. Скоро зараза сообщилась и тѣмъ частямъ, которая не сошлись еще съ непріятелемъ. Побѣжали черезъ рѣку (Нарову) конница и пѣхота, стоявшія въ сторонѣ: первая вплавъ, вторая по мосту; при этомъ много народа потонуло въ рѣкѣ. Карлъ одержалъ полную побѣду. Вся артиллерія, обозъ и большая часть генералитета попали въ руки шведовъ.

Послѣ этой побѣды надо было ожидать, что Карлъ двинется внутрь Россіи и принудитъ Петра къ миру, выторговавъ для себя выгодныя и почетныя условія. Положеніе Петра дѣйствительно было бы очень тяжело, если бы Карлъ означеннымъ образомъ вздумалъ воспользоваться побѣдой. Артиллеріи у насъ вовсе не было; матеріала для нея даже не было подъ рукою. Чтобы помочь первой нуждѣ въ этомъ отношеніи, снимали съ церкви лишніе колокола; не было укрѣпленныхъ мѣстъ въ областяхъ, прилежавшихъ къ театру войны. Войска оставалось 20,000 деморализованныхъ недавнимъ пораженіемъ. Внутри государства недовольство и ропотъ противъ Петра за его нововведенія и заморскія затѣи. Петръ не падалъ духомъ и дѣятельно готовился встрѣтить врага, но судьба избавила его отъ этой встрѣчи. Карлъ пошелъ въ Польшу наказатъ послѣдняго своего врага. Что заставило Карла поступить такимъ страннымъ образомъ, рѣшить трудно: говорятъ, что онъ презиралъ русскихъ, считая ихъ *мужиками*, недостойными того, чтобы долго имъ заниматься. Кажется вѣрнѣе будетъ искать разгадки этого явленія въ неутоленномъ, чуждомъ яснаго и спокойнаго взгляда на вещи, умѣ Карла.

Карлъ двинулся въ Польшу и *уязъ* тамъ, по выраженію Петра. На польскомъ престолѣ сидѣлъ въ это время одинъ изъ пѣмецкихъ князей, саксонскій владѣлецъ Августъ II *). Онъ велъ войну на собственный счетъ и собственными, то есть саксонскими, войсками съ Карломъ. Разбивъ нѣсколько разъ войска Августа, причемъ иногда доставалось и русскимъ полкамъ, посылавшимся отъ Петра къ Августу на помощь, чтобы задержать подольше шведа въ польскихъ предѣлахъ, Карлъ возымѣлъ несчастную мысль низвергнуть Августа съ польскаго престола и посадить на его мѣсто другого. Оказалось, что это предпріятіе не такъ-то легко исполнить. Августъ II, хоть и не уважаемый поляками и въ свою очередь не уважавшій ихъ, имѣлъ однако многочисленную и сильную партію приверженцевъ. Карлъ началъ ходить по Польшѣ, чтобы образовать приверженцевъ своему избраннику и нашелъ нѣсколько людей, которые согласились дѣйствовать въ его видахъ. Тогда Карлъ заставилъ избрать на польскій престолъ прирожденнаго поляка Станислава Лещинскаго, а Августа объявить низложеннымъ; но тутъ вышло новое затрудненіе: приверженцы Августа, а ихъ было больше, чѣмъ сторонники Станислава, считали послѣдняго узурпаторомъ, похитителемъ престола, а законнымъ королемъ—Августа. Для Карла новое дѣло: ходить по Польшѣ и выгонять отсюда людей, поддерживавшихъ нелюбимаго имъ Августа. И гдѣ не былъ шведскій искатель приключеній, чтобы достигнуть своей цѣли! Былъ онъ въ областяхъ теперешней Пруссіи, близъ Балтійскаго моря, былъ на Волынѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, въ бассейнѣ Припечи. Какимъ неудобствамъ и лишениямъ подвергалъ себя и свое войско изъ-за того, чтобы въ Польшѣ король назывался Станиславомъ, а не Ав-

густомъ. Зиму съ 1701 на 1702 г. провели шведы въ лагеряхъ, причемъ самъ король, помѣщаясь въ соломенномъ палацкѣ, отогревалъ себя иногда горячими ядрами. Въ походѣ на Волынѣ, зимою 1706 г., попали они въ такія топи, что погубили почти всѣхъ подъемныхъ лошадей; возы принуждены были вытаскивать изъ земли воротами. Желая показать своему войску примѣръ, Карлъ шель ишкомъ передъ солдатами, причемъ ему доводилось постоянно идти по колѣно, а иногда даже и по грудь въ водѣ. И все это напряженіе, весь этотъ трудъ шведскаго героя потрачены были даромъ. Августъ продолжалъ считаться королемъ польскимъ вездѣ, гдѣ не было шведскихъ войскъ. Наконецъ, послѣ пятилѣтнихъ, напряженныхъ усилій догадался Карлъ, что надо сдѣлать: вступилъ въ Саксонію, родное владѣніе Августа и Августъ смирился. Владѣтелю Саксоніи не жаль было Польши, которая выбрала его своимъ королемъ, потому что въ Польшѣ потомство его могло и не получить престола, но Саксонію, родное свое владѣніе, онъ сдѣлалъ. И смирился наконецъ Августъ передъ Карломъ; въ угоду гордому побѣдителю, онъ даже написалъ сопернику своему, Станиславу Лещинскому поздравительное письмо съ восшествіемъ его на польскій престолъ. Карлъ вступилъ въ Саксонію въ сентябрѣ 1706 г., чрезъ шесть, стало быть, лѣтъ послѣ Нарвской битвы. Правду говорилъ Петръ о Карлѣ, что онъ уязъ въ Польшѣ.

Этимъ временемъ, пока „визнулъ“ Карлъ въ Польшѣ, мастерски воспользовался Петръ. Онъ собралъ и обучилъ новое войско, отлѣлъ пушки и началъ дѣйствовать опять противъ шведовъ. Въ 1701 г. посланъ былъ Шереметевъ съ сильнымъ войскомъ въ Лифляндію и Эстляндію, которыя и разгромилъ совсѣмъ въ этомъ и слѣдующемъ 1702 годахъ. Слабые шведскіе отряды, стоявшіе въ сихъ областяхъ, не могли остановить русскихъ войскъ и дѣлались ихъ жертвою. Но дѣйствія въ Лифляндіи были ширмою, за которою закрывались настоящіе планы Петра. Съ 1702 же года начинаются движенія Петра по Ингрин, этой старинной области Россіи, хищнически отторгнутой Швеціею. Осенью этого 1702 г. взяты были городокъ, открывавшій входъ изъ Ладожскаго озера въ Неву, старинный нашъ Орѣшекъ, нынѣшній Шлиссельбургъ. На слѣдующій годъ весною войско, подвигаясь по Невѣ, пришло къ устью этой рѣки. Здѣсь, при впаденіи рѣчки Охты въ Неву, стояло маленькое укрѣпленіе Шанцы, или Нѣншаницъ, а насупротивъ его, на другомъ берегу, посады изъ 400 деревянныхъ домовъ. Послѣ небольшого бомбардированія, въ которомъ участвовалъ и бомбардирный капитанъ Петръ Михайловъ (Петръ Великій), крѣпостца сдалась. Это было 1 мая 1703 года. 5 мая вошли въ Неву со взморья два шведскихъ военныхъ судна, невзавшихъ еще о прибытіи сюда русскихъ. Ночью бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ съ поручикомъ Меньшиковымъ подкрался на лодкахъ, посадивъ на оныя солдатъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, къ непріятельскимъ судамъ и взяли оныя, не смотря на то, что суда были вооружены пушками, которыхъ у русскихъ не было. За сию „никогда бываемую викторию“, какъ выразился бомбардирскій капитанъ, самъ онъ и поручикъ Меньшиковъ пожалованы Андреевскими кавалерами *). На радостяхъ пошли пиры: вступили побѣдители въ бой съ „Ивашкою Хмѣльничикомъ“, и Ивашка побѣдилъ **).

„Никогда бываемая виктория“ казалась, конечно, сподвижникамъ бомбардирскаго капитана ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ актовъ розыгрывавшейся тогда великой драмы. Никто не думалъ о томъ, что будетъ на мѣстѣ Нѣншаницъ новая столица. Не такъ думалъ капитанъ Михайловъ, какъ выражается поэтъ:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ
И вдаль глядѣлъ...

И думалъ онъ:
Отсель грозитъ мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ...
И запируемъ на просторѣ.

16 мая 1703 г., въ устьяхъ Невы закладывали городъ, которому дали имя Петербургъ. Негостепримны и незаманчивы были берега Невы въ то время, низкіе, вязкіе, состоявшіе изъ напосаго ила и покрывавшіеся водою при первомъ сильномъ вѣтрѣ съ моря. Но Петръ ни на что не смотрѣлъ. Вызваны были изъ внутреннихъ губерній Россіи десятки тысячъ рабочихъ возвышать грунтъ и строить новый городъ. Для населенія города указано было сюда переѣхать изъ разныхъ мѣстъ

*), Петръ между прочими нововведеніями, учъ едвалъ въ Россіи для вознагражденія отличныхъ заслугъ орденъ св. Анны (Первозваннаго). Уже было нѣсколько кавалеровъ, прежде чѣмъ Петръ надѣлъ этотъ орденъ.

**), Петръ, вопреки своему брату Карлу, нецѣлешу ничего, любилъ подѣ слушать гулянуть съ своими сподвижниками, шажутя, что есть работъ время и досугъ часть. Въ то время питье, и даже сильное, не считалось порокомъ: пили люто во всей Европѣ.

*) Въ Польшѣ престолъ былъ избирательный. Со смертью каждаго короля собирався сеймъ и опредѣлялъ, кто долженъ быть вновь королемъ. Августъ былъ избранъ въ король въ толь же 1697 годѣ, въ которомъ и Карлъ XII наслодовалъ своему отцу.

государства тысячамъ дворянскихъ и купеческихъ фамилій. Въ то же время Петръ спустилъ на море корабли, взявъ лѣсъ для нихъ на берегахъ Свири, и устроилъ на взморьѣ крѣпость Кронштадтъ для защиты юнаго города. Ногою твердою стали мы теперь при морѣ. Вотъ что сдѣлалъ Петръ въ то время, какъ братъ его Карлъ взынулъ въ Польшѣ. Но это еще не все: въ Эстляндіи, сосѣдней съ Петербургскою нынѣшнею губерніею, мы стали брать города и такимъ образомъ подчинять и эту область себѣ, и дѣлали понеки въ Финляндіи. Швеція боязливо смотрѣла на новыя пріобрѣтенія наши и не смѣла серьезно насъ тревожить. Мы сами перешли въ этихъ мѣстахъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Во время всѣхъ этихъ дѣйствій

тѣлъ сдавать города, но его потребовалъ Карлъ для объясненій; едва была пріотворена половина воротъ, какъ шведскій король ворвался туда, сопровождаемый лишь небольшою горстію своихъ и обезоружилъ гарнизонъ. Въ Гродно онъ не посмѣлъ этого сдѣлать. Тутъ онъ видѣлъ передъ собою, по выраженію поэта, уже не

„Несчастливыхъ нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ“.

Карлъ видѣлъ перемену, совершившуюся съ русскими, не къ

Внутренній видъ церкви (во имя Св. Николая) въ Брестъ - Литовской крѣпости. Рис. Афонсенко, грав. Даугель.

сформировали многочисленное новое войско, непохожее на то, съ которымъ первый разъ встрѣтили шведовъ, а войско выработанное, обстрѣленное, окрѣпшее въ бояхъ. Генералы въ этомъ войскѣ были русскіе и опытные. Самъ Карлъ, встрѣтивъ это войско въ Гродно *), въ началѣ 1706 года, не посмѣлъ напасть на него въ его укрѣпленіяхъ, хотя шелъ именно затѣмъ, чтобы уничтожить его и хотя укрѣпленій не боялся, если сидѣли тамъ враги, но его мнѣнію не страшные. Въ Краковѣ онъ ворвался, можно сказать, наглостью. Комендантъ не хо-

его выгодъ. Но это его ни мало не удержало отъ мысли идти въ Россію и наказать царя. Онъ былъ убѣжденъ, что сокрушить Петра совершенно. Когда Петръ, по окончаніи польскихъ дѣлъ Карла, видѣлъ, что теперь война обрушится всею тяжестью на Россію, то онъ хотѣлъ отклонить отъ себя это испытаніе и предложить Карлу миръ. Не боялся Петръ войны, но опасался ея случайностей; въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно противоположною своему соперника. Между тѣмъ, какъ послѣдній велъ войну для войны, Петръ видѣлъ въ войнѣ зло, и если рѣшался на это зло, то въ виду какихъ нибудь важныхъ цѣлей, которыхъ иначе достигнуть было нельзя; а разъ достигнуты были эти цѣли, война казалась Петру невыносимою

*) Петръ послалъ полки на помощь польскому королю Августу, чтобы задерживать тамъ подолѣе Карла. Съ этою цѣлью послано было въ 1705 году войско, которое Карлъ хотѣлъ захватить въ Гродно.

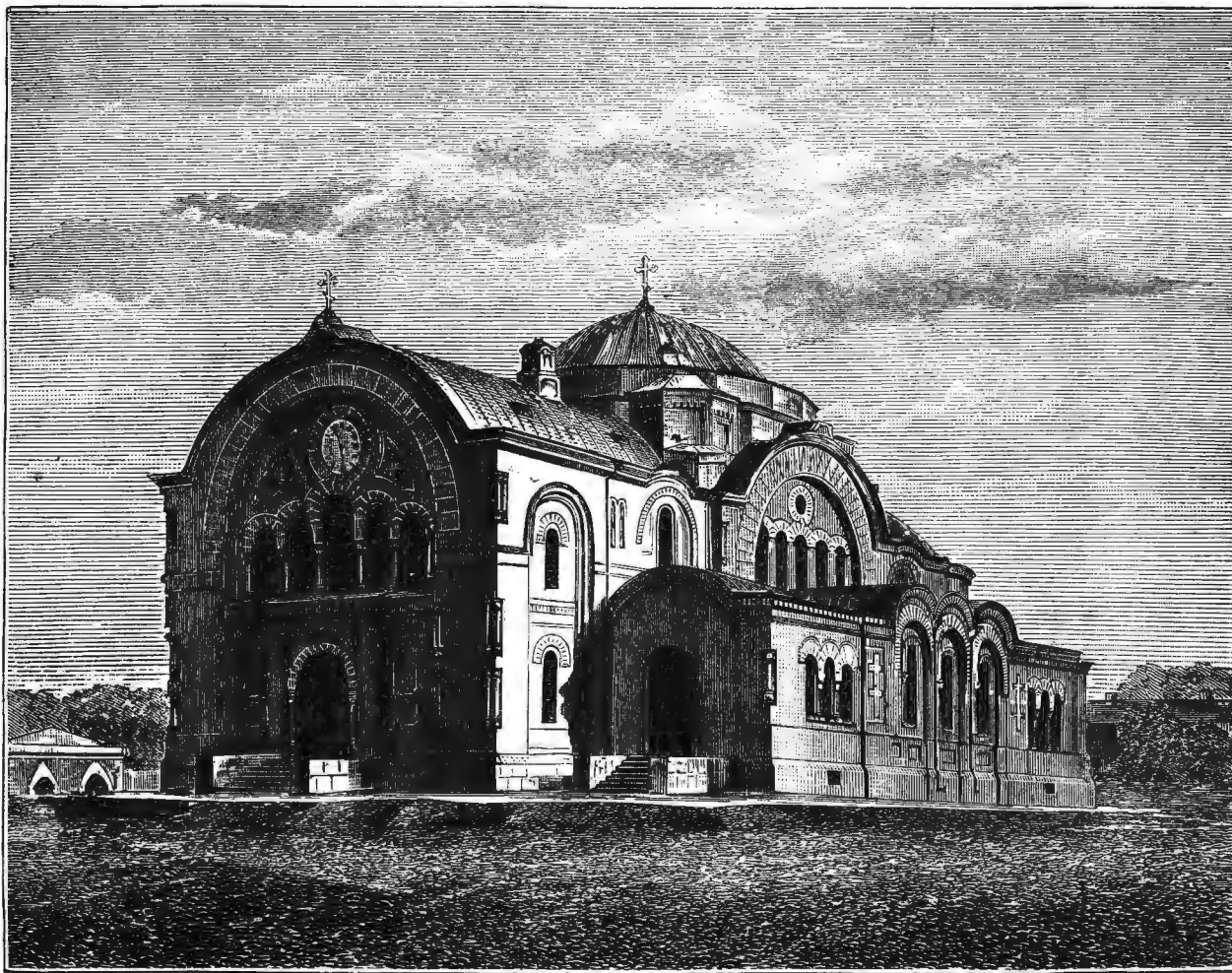
тягостью. Петръ предлагалъ Карлу возвратить всѣ завоеванія, сдѣланныя русскими въ шведскихъ владѣнiяхъ, одно лишь теченiе Невы съ Петербургомъ выговаривая себѣ, и за это даже готовъ былъ дать вознагражденiе. Карлъ и слышать не хотѣлъ ни о какихъ переговорахъ.

Къ 1707 году, когда Карлъ думалъ выступить противъ Россiи, онъ достигъ апогея своей славы и могущества. Никогда, ни прежде, ни послѣ этого, не былъ онъ въ такомъ блестящемъ положенiи. Знаменитые государственные люди и полководцы европейскихъ сильныхъ государствъ являлись въ походную квартиру Карла въ Саксонiи, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтенiе. Карлъ распоряжался въ областяхъ такого государя, какъ цезарь,—первый потентатъ тогдашней Европы.

Предъ выступленiемъ въ Россiю военныя силы Карла, укомплектованныя и пополненныя новыми наборами, состояли изъ 74,000 человекъ, превосходно обученныхъ, вооруженныхъ и одѣтыхъ. Изъ нихъ 44,000 онъ бралъ съ собою въ Россiю.

Петръ, когда увидѣлъ, что отъ войны внутри Россiи не отдѣлаться, принялъ свои мѣры: Не вступая тотчасъ въ битву съ предприимчивымъ и смѣлымъ врагомъ, онъ думалъ напередъ

корпусомъ. Левенгаупту было приказано взять столько телѣгъ и фуръ, сколько онъ можетъ ихъ достать и, нагрузивъ оныя хлѣбомъ, идти на соединенiе съ королемъ къ Могилеву на Днѣпрѣ. Левенгауптъ такъ и сдѣлалъ. Между тѣмъ Карлъ частью по политическимъ соображенiямъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, частью-же по легкомыслию вышелъ изъ Могилева и направился къ югу. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Петръ, чтобы пресѣчь Левенгаупту путь къ соединенiю съ королемъ. Картина, помѣщаемая въ настоящемъ номерѣ, и представляетъ встрѣчу шведскаго генерала царемъ. Встрѣча произошла у д. Лѣсной, Могилевской губернiи, недалеко отъ м. Пропойска. Упорно и вполне достойно своего имени сражался Левенгауптъ съ царемъ, понимая всю важность этого сраженiя. Шведы были укрывшись сначала въ лѣсу и русскiе пошли оттуда выбивать ихъ. Шесть разъ русскiе бросались въ штыки на шведовъ, столько же разъ шведы бросались на русскiхъ. Наконецъ шведы были сломлены и Левенгауптъ принужденъ былъ бѣжать. Его преслѣдовали казаки и калмыки. Изъ 16,000 корпуса, которымъ командовалъ Левенгауптъ, едва 6,000 были приведены или къ Карлу; остальные покрывали собою поле

Новая церковь (во имя Св. Николая) въ Врестѣ-Литовской крѣпости. Рис. Афонсенко, грав. Даугель.

ослабить его переходами и недостаткомъ продовольствiя, для чего на пути, по которому должны были идти шведы, все было истребляемо. Эти мѣры не замедлили произвести свое дѣйствiе. Шведы, вступившіе въ предѣлы Россiи среди лѣта 1708 года, въ августъ того же года почувствовали такой недостатокъ въ продовольствiи, что для поддержанiя своей жизни срывали колосья съ полей и молоди ихъ между камнями. Напрасно Карлъ, въ видахъ улучшенiя дѣла, львомъ бросался на русскiя войска, думая ихъ сбить съ дороги и обезпечить себѣ доступъ въ неопустошенныя мѣстности. Русскiе при переправахъ черезъ рѣки, въ лѣсахъ принимали битву, ничѣмъ рѣшительнымъ не ованчивавшуюся, и отступали опять назадъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Карлъ рѣшился вызвать генерала своего Левенгаупта изъ Лифляндiи, гдѣ тотъ стоялъ съ 16,000 шведскимъ

сраженiя, или взяты были въ плѣнъ; но что важнѣе всего, весь обозъ, который былъ съ Левенгауптомъ, погибъ; большая часть его досталась въ руки русскiхъ, а нѣкоторыя фуры съжегъ самъ Левенгауптъ, не находя возможнымъ ихъ спасти. Русскiхъ въ этомъ дѣлѣ, по нашимъ показанiямъ, было 14,000 чел., изъ коихъ неуступно 4,000 человекъ выбыли изъ строя; по иностраннымъ-же источникамъ, русскiе при Лѣсной далеко превосходили шведовъ числомъ. Какъ бы то ни было, побѣда при Лѣсной была одержана и главная армiя Карла, начинавшая страдать отъ безкормицы, не получила подмоги. Въ этомъ смыслѣ побѣду при Лѣсной Петръ называетъ матерью полтавской побѣды. Битва была 28 сентября 1708 года и съ русской стороны командовалъ въ ней самъ Петръ.

И. Звѣревъ.

Вура въ горахъ Утаха (въ странѣ Мармоновъ). Рис. Марондъ, грав. Тайлоръ.
Библиотека "Руниверс"

КЪ РИСУНКАМЪ.

КЛАДБИЩЕ ГЕБРОВЪ ВЛИЗЪ ТЕГЕРАНА.

Къ юго-востоку отъ Тегерана дорога идетъ каменнымъ путемъ. Высятся кругомъ крутыя скалиныя горы, немѣющія никакой растительности и дающія убѣжище шакаламъ и дикобразамъ. На вершинахъ горъ царствуютъ орлы и ягнятники, зоркими глазами слѣдящіе за медленно - движущимся караваномъ. Когда утомленный далекой дорогой и недостаточной пищей верблюдъ, лошакъ или осель падаетъ, чтобъ не встать болѣе, эти цари пустыни бѣлыми стаями опускаются въ долину и скоро только одніи кости бѣлѣютъ на солнцѣ, напоминая путнику о непродолжительности жизни.

Чѣмъ далѣе отъ города, тѣмъ болѣе идетъ въ гору дорога, осколки камней замедляютъ путь. При небольшомъ поворотѣ дороги путники видятъ особаго рода строеніе, много похоее на круглую башню безъ дверей. Это кладбище гебровъ.

Строеніе почти до верха наполнено землею, въ которой находятся пять рядовъ продолговатыхъ, четырехугольныхъ отверстій, довольно значительной глубины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны бѣлые какъ свѣтъ скелеты и человѣческіе черепа.

Когда умираетъ гебръ, родственники и знакомые покойнаго, завернувъ его въ бѣлыя тряпки, и оставивъ только одну голову открыто, отправляются процессією въ это мѣсто, кладутъ тѣло умершаго надъ однимъ изъ выше описанныхъ отверстій кладбища, а сами удаляются на вершины скалъ, гдѣ прачутся и ждутъ пока не налетятъ орлы, ягнятники и вороны. Если птицы выклюютъ у трупа правый глазъ сперва, то общая радость между родными, они пируютъ и веселятся, зная, что душа покойнаго отправилась въ рай. Если же лѣвый глазъ, — то всѣ съ тоскою и слезами ищутъ домовъ своихъ, чтобъ помолиться за окаянную душу родственника.

Подъ именемъ Гебровъ извѣстны теперь потомки древнихъ Парсовъ (Персовъ), слѣдующіе ученію Зороастра. Имя это означаетъ — *нестеримые*: такъ названы они Арабами еще въ эпоху распространения послѣдними ислама. Парсы вѣрили, что міромъ управляютъ два божества: одно свѣтлое и доброе, другое темное и злое. Эту естественную религію о двойственности Зороастръ опредѣленно изложилъ въ книгѣ *Зенд-Авеста* (духовный огонь). Изъ нея видно, что Свѣтлое Божество (Ормуздъ-многосвѣдущій) предъ концемъ міра побѣдитъ темное (Аримана-злоумышляющаго). Поэтому-то свѣтила небесныя — солнце, луна, звѣзды, а также и огонь считались проявленіями добраго божества. Огонь постоянно поддерживался на жертвенникахъ чистыми, сухими, благовонными дровами; ничто грязное или нечистое не должно было бросаемо въ огонь, чтобъ не осквернить его. Исходя изъ понятія о свѣтѣ какъ о божественной чистотѣ, Зороастръ требовалъ отъ читателей своего ученія строгой чистоты физической и нравственной. Если — училъ онъ — человѣкъ тщательно обработкою оплодотворитъ землю, истребитъ вредныхъ животныхъ, принятыми мѣрами сокрушитъ дѣйствіе зима, пустынь и грозъ, и притомъ стараются быть правдивымъ и чистымъ, сохранить душу отъ грѣховъ и чрезъ молитву и очищеніе возвратится къ богамъ свѣта, тогда все это послужитъ ему вѣрнѣйшимъ средствомъ отвратить вліяніе враждебныхъ силъ и держать ихъ вдали отъ себя. Такимъ образомъ мы и теперь видимъ въ Гебрахъ или, какъ ихъ иначе называютъ, огнепоклонникахъ, имѣющихъ даже у насъ, не далеко отъ Баку (22 версты), свой монастырь Агешъ-Га, трудолюбивыхъ земледѣльцевъ. Баку считаютъ они священнымъ городомъ, потому что горящіе огни (нефтяные колодцы) около города принимаютъ за жертвенники, построенные Зороастромъ во время его путешествій.

МАРКЕНСКАЯ РЫБАЧКА.

(Картина Эфельмана).

Есть, читатель, такіе уголки на земномъ шарѣ, гдѣ людямъ живется хорошо, спокойно, гдѣ жизнь идетъ мирно, безъ тревогъ и волненій, какъ будто эти уголки и не на землѣ нашей, а гдѣ-то на другой планетѣ, жители которой не знаютъ ни холода, ни холода, ни повальныхъ болѣзней — въ родѣ эпидеміей тифа, холеры, и не имѣютъ въ своемъ словарѣ такихъ словъ, какъ напр., солдатъ, война, пушки, крѣпость... Человѣку, одаренному извѣстною дозою чувствительности, умѣнемъ мысленно ставить себя въ положеніе ближняго своего, сострадать ему, словомъ, человѣку съ *сердцемъ*, всегда пріятно видѣть и знать, что вотъ въ такомъ-то уголочкѣ простому, работающему люду живется хорошо, что есть у него достатокъ, что онъ доволенъ, потому что есть у него хлѣбъ и все необходимое, другими словами — есть работа, трудъ, дающіе средства къ жизни. Французскій король Генрихъ IV желалъ, чтобы у каждаго подданнаго его въ супѣ была курица... Доброе сердце было у этого короля! Да, чтобы положить даже половину курицы въ супъ, для этого нужно имѣть *известную* обстановку, такой именно достатокъ, при которомъ куриная похлебка не была бы роскошью — праздничнымъ только кушаньемъ.

Такія мысли невольно какъ-то зарождаются при взглядѣ на

картинку жанриста-художника М. О. Эфельмана, помѣщенную въ настоящемъ № нашего журнала: „Маркенская рыбацка“. Эфельманъ попалъ теперь на настоящую свою дорогу, обратившись къ изученію и воспроизведенію типовъ, костюмовъ и вообще обстановки жилищъ въ тѣхъ голландскихъ провинціяхъ, гдѣ сохранился еще первобытный характеръ жителя-бытля, незатрутаго новѣйшимъ временемъ, какъ, напр., на островкѣ Маркенъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое пріятное впечатлѣніе оставляетъ сценка, изображенная талантливымъ художникомъ! Вы видите молодую здоровую женщину, рыбацку, счастливую мать, въ довольно характерномъ костюмѣ. Какъ она любовно гладитъ на своего, можетъ быть, перваго ребенка! Онъ только что проснулся и звонко, благодаря здоровымъ легкимъ, изъявилъ желаніе оставить люльку и перейти на руки матери. Осмотримъ теперь внимательно обстановку комнаты. Вотъ, хоть эта колыбелька — какая она изящная, а этотъ пращѣдовскій шкафъ, съ столѣтнею массивною посудой, развѣ не интересенъ? Истинно голландская чистота и опрятность царятъ въ этой комнаткѣ, и вы можете быть увѣрены, что тутъ курица попадетъ въ супъ, ну, хоть раза два въ недѣлю, именно — курица, а не тараканъ, находимый ежедневно въ *другихъ* супахъ.

КРѢПОСТНАЯ БРЕСТЬ-ЛИТОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Брестъ-Литовскъ, при рѣкахъ Бугъ и Муховцѣ, уѣздный городъ Гродненской губерніи, благодаря своему географическому положенію, имѣетъ важное значеніе въ стратегическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Въ торговомъ — потому что стоитъ на рѣкахъ, соединенныхъ Днѣпровско-Бугскимъ каналомъ съ Днѣпромъ; въ стратегическомъ — такъ какъ представляетъ собою естественную крѣпость. Крѣпость Брестъ-Литовская въ настоящее время одинъ изъ сильнѣйшихъ опорныхъ пунктовъ на западѣ Россіи. Съ проведеніемъ чрезъ Брестъ-Литовскъ желѣзныхъ дорогъ на Москву, Кіевъ, Варшаву и Бѣлостокъ значеніе Бреста еще болѣе увеличилось.

Основаніе Бреста, или какъ онъ назывался прежде, Берестова — принадлежитъ великому князю Ярославу I. Съ самаго своего основанія онъ играетъ видную роль въ исторіи. Въ періодъ удѣловъ, Берестовъ часто упоминается лѣтописцами какъ городъ, принимавшій участіе въ ссорахъ князей. Владимиръ Мономахъ, желая опредѣлить закономъ дѣла торговой несостоятельности и лихвы, ссылакъ сюда для совѣта киевскаго тысяцкаго Ратибора и тысяцкаго Переяславскаго (Бряцлавскаго) Прокопія. Въ концѣ періода удѣловъ, Берестовъ былъ управляемъ особыми князьями, называвшимися Подляшскими, такъ какъ они жили на самой границѣ съ землей Ляховъ. Въ 1820 году Гедеминъ присоединилъ Берестовъ къ княжеству Литовскому, а при соединеніи Литвы съ Польшей древній Берестовъ утратилъ и свое русское имя, принявъ новое — Брестъ (Brzesc) также и названіе Полѣсья. Въ 1436 г. въ Брестѣ былъ заключенъ достопамятный миръ между Польшею и Нѣмецкимъ орденомъ, имѣвшій печальное значеніе для послѣдняго. Съ переходомъ Бреста въ руки поляковъ, въ Брестѣ быстро утвердилось католическое духовенство и настроило здѣсь свои монастыри. Съ помощью различныхъ интригъ, католицизму удалось произвести раздоръ между мѣстными православными и въ 1595 г. на Брестскомъ соборѣ была провозглашена Унія. Въ 1791 г., по послѣднему раздѣлу Польши, Брестъ возвращенъ Россіи, а при учрежденіи Гродненской губерніи, въ 1802 году, вошелъ въ составъ этой губерніи какъ уѣздный городъ. Не смотря на переходъ Полѣсья подъ власть Россіи, католическое духовенство оставалось въ немъ по прежнему въ своей силѣ и во всѣхъ возмущеніяхъ открыто держало сторону Польши, вотъ почему послѣ польскаго возстанія въ 1831 г. Императоръ Николай нашелъ нужнымъ разомъ сдѣлать переустройство Бреста: на мѣстѣ города имъ построена первоклассная крѣпость, а самый городъ снесенъ за гласисъ, на 600 саженовую черту отъ крѣпости.

До настоящаго года въ Брестъ-Литовской крѣпости была только одна домашняя - госпитальная, очень небольшая церковь. Къ закладкѣ постоянной крѣпостной церкви было приступлено въ 1851 году. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ церковь была вчернѣ почти окончена, но въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ доколь ея передѣланъ и закрытъ временной крышей. Въ 1872 году доколь снова передѣланъ. Въ 1874 году была начата постройка новой церкви и только 1 сентября 1876 г. гарнизонъ крѣпости дождался окончательно сдѣланной постоянной крѣпостной церкви, во имя св. Николая Чудотворца.

Мы предлагаемъ нашимъ читателямъ въ этомъ № „Нивы“ два рисунка, представляющіе наружный и внутренній виды Брестъ-Литовской крѣпостной церкви. Какъ наружный видъ, такъ и внутренняя отдѣлка храма поражаютъ зрителя своей простотой и необыкновенной гармоніей и прелестью во всѣхъ частяхъ, прекрасно задуманныхъ и тщательно выполненныхъ.

Строителемъ крѣпостной церкви былъ инженеръ Ивановъ. Проектъ принадлежитъ архитектору профессору Гриму, а вся

внутренняя отдышка и всё живописная работы храма произведены художниками, членами недавно возникшего въ Петербургѣ „Общества взаимнаго вспомошествованія русскихъ художниковъ“.

Нельзя не порадоваться возникновению такого общества въ томъ случаѣ, если оно дѣйствительно будетъ оправдывать свое названіе. При существованіи такого общества, лица, имѣющія надобность въ художественныхъ работахъ, могутъ избѣгнуть необходимости отдавать свои заказы въ руки совсѣмъ неумѣлымъ въ дѣлѣ, но ловкихъ въ денежныхъ соображеніяхъ подрядчиковъ, а художники избавятся отъ эксплуатаціи со стороны подобныхъ подрядчиковъ. Кому не извѣстно, какъ эти послѣдніе наживаются чужимъ трудомъ. Обыкновенно бываетъ такъ, что подрядчикъ принимаетъ заказъ, по расцѣнкѣ котораго за каждый, напримѣръ, образъ взято имъ по 300 рублей, а онъ съ своей стороны отдаетъ художнику за написаніе образа всего какихъ нибудь 50 рублей.

Случается, что крайняя нужда загоняетъ къ подрядчику дѣйствительные таланты, но такъ какъ посредственности вообще встрѣчаются чаще, то и у подрядчика работы чаще производятся малоумѣлыми художниками. Подрядчику даже это на руку: дешево заплатитъ за работу и больше останется ему самому отъ заказа.

Вотъ въ силу этихъ-то печальныхъ обстоятельствъ нельзя не пожелать искренно полнѣйшаго успѣха обществу взаимнаго вспомошествованія русскихъ художниковъ. Успѣхъ его, по нашему мнѣнію, можетъ быть полезенъ не только ему самому и его членамъ, но и заказчикамъ. Они могутъ быть увѣренными, что заказы ихъ отданы въ руки знающихъ свое дѣло специалистовъ-художниковъ, которые, не только въ силу устава ихъ общества, но и изъ видовъ благоразумія, конечно, всегда строго отнесутся къ исполненію своихъ задачъ.

Инженерное начальство поручило обществу взаимнаго вспомошествованія всю отдышку кружной Брестъ-Литовской церкви за 48,000 рублей и даже не приняло установленныхъ залоговъ, на что собственно и слѣдуетъ обратить вниманіе, какъ на доказательство, что общество уже успѣло нѣсколько заслужить довѣріе со стороны не только частныхъ лицъ, но и правительства.

Буря въ горахъ Утаха (въ странѣ Мармоновъ).

Утахъ населенъ Мармонами, послѣдователями одной изъ многочисленныхъ американскихъ религиозныхъ сектъ. Только упорный трудъ могъ призвать къ жизни суровую и дикую природу этой мѣстности. Утахъ представляетъ громадную плоскость среди горъ, достигающихъ въ нѣкоторыхъ точкахъ до 10,000 футовъ высоты. Вся эта мѣстность раздѣляется на двѣ, почти равныя, части: на долину, гдѣ течетъ Колорадо съ ея притоками и на округъ, извѣстный подъ именемъ Большого или внутренняго бассейна. Около горъ, гдѣ почва отъ таинія горныхъ снѣговъ получаетъ значительную влагу, встрѣчаются

повсюду полосы плодородной и богатой растительностью земли, но за то въ другихъ мѣстахъ, лежащихъ вокругъ большаго бассейна, простирается громадная, безмолвная пустыня. Пробираясь по ущельямъ горъ, путешественникъ натѣкается здѣсь на каждое шагу на горные потоки чистой, прозрачной воды, которые съ шумомъ низвергаются со скалистыхъ обрывовъ. Изъ такихъ горныхъ ущелій вытекаютъ всѣ главныя мѣстныя рѣчки, какъ-то: Юрданъ, Медвѣжья, Сѣверная и другія, хотя и мелкія, но тѣмъ не менѣе не безполезныя для плодородія долинъ ихъ окаймляющихъ. Въ горахъ Утаха суровая природа является во всемъ своемъ величій. Повсюду висятъ скалы, сложенные изъ разноцвѣтныхъ, каменныхъ породъ и увѣчанныя густымъ, преимущественно хвойнымъ, лѣсомъ. Повсюду видны массивные утесы самыхъ разнообразныхъ формъ, несущіе на себѣ несомнѣнные слѣды вулканическихъ переворотовъ; всюду зияютъ пропасти. Особенно бываетъ живописна эта дикая, суровая природа во время бурь, свирѣствующихъ здѣсь довольно часто и обыкновенно сопровождаемыхъ сильною грозой и проливнымъ дождемъ. Теперь, съ проведеніемъ въ Утахъ линіи желѣзной дороги, путешествіе не представляетъ уже тѣхъ опасностей, какъ въ былое время, когда переселенцы должны были бороться съ силами дикой природы, съ хищными животными и не менѣе хищными, нынѣ уже вымирающими индѣйскими племенами. Такая страствованія новообращенныхъ мармоновъ, не лишены были въ прежнее время высокой, легендарной поэзіи. Цѣлыя семьи карабкались по скаламъ, рискуя сломать шею, но ободрили себя постоянно пѣніемъ псалмовъ и надеждою увидѣть вскорѣ цѣль путешествія—святой городъ, Новый Сіонъ,—обтотванную землю для каждаго мармона. Не мудрено, что послѣдслыханныхъ трудностей пути, сопряженнаго съ различнаго рода лишениями и опасностями, этотъ святой городъ казался имъ какимъ-то земнымъ раемъ. Увидя его издали, они, какъ новые крестоносцы, падали на колѣни, цѣловали священную землю, оглашали воздухъ восторженнымъ пѣніемъ псалмовъ, а женщины впадали въ безчувственность и даже подвергались конвульсіямъ. По сознанію очевидцевъ, совершенно неучастныхъ мармонству, такое зрѣлище толпы людей, охваченныхъ глубокимъ и неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ, производило сильное впечатлѣніе.

Нынѣ все измѣнилось; проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ глубь страны, а также открытіе и разработка въ Утахѣ богатыхъ, серебряныхъ рудниковъ, наводнило тихое убожище мармоновъ множествомъ разнаго рода приплековъ, не всегда строгихъ правилъ и пуританской нравственности. Нашествіе такихъ безбожниковъ въ землю, предназначенную Богомъ, по мнѣнію мармоновъ, лишь для нихъ, его святыхъ и праведниковъ, а также несогласія, возникшія среди самихъ членовъ общины, все это готовитъ мармонству печальную будущность. Можетъ быть немного пройдетъ времени, когда святые развѣются, какъ овцы безъ пастыря, и только развалины будутъ напоминать будущимъ жителямъ Утаха о существованіи въ этой мѣстности странной и загадочной секты мармоновъ.

А. Н.—ош.

Политическое обозрѣніе.

Предложенія, выработанныя конференціею, Порты должна была принять «въ принципѣ», что допускало-бы возможность второстепенныхъ измѣненій и дополненій; основныя условія выработаны лордомъ Салисбері; съ ними были согласны представители всѣхъ шести великихъ державъ, — но Порты не приняла предложеній даже въ принципѣ, что, по правиламъ дипломатіи, еще болѣе усиливаетъ и безъ того громадную ответственность передъ Европою.

Изъ недавнихъ сообщеній газетъ выяснилось, что Порты, дѣлая смѣлый шагъ, пыталась да еще и теперь пытается свѣтлыя надежды на Австро-Венгрію, или точнѣе на Венгрію, на графа Андраши и Тиссо; она думала, что поднесеніе почетной сабли Кериму-пашѣ депутаціей пештскихъ студентовъ обезпечиваетъ за нею сочувствіе Австріи, тогда какъ это просто-на-просто шуговская мадьярская демонстрація, неимѣющая ничего общаго съ политикою графа Андраши, государственныя способности котораго, конечно, выше хитрыхъ но рутинныхъ азіатскихъ изворотовъ, свойственныхъ мужамъ Высокой Порты. Но пріемъ, употребленный въ настоящемъ случаѣ Турціей, до того не хитеръ, что просто представляется наивно-грубымъ. Еще не успѣли развѣхаться представители державъ изъ Константинополя, какъ Порты дерзко попыталась поселить раздоръ между державами, склонивъ Австрію на свою сторону. Телеграфъ извѣстилъ насъ отъ 19 (31) января, что австрійскій кабинетъ самымъ положительнымъ образомъ отвергъ всякое посредничество въ этомъ смыслѣ.

Но о мирныхъ переговорахъ между Турціей, Сербіей и Черногоріей получены уже свѣжія извѣстія. Черногорія является при этомъ въ своемъ спокойномъ геройскомъ величій. «Она ждала, по словамъ телеграммы, турецкаго уполномоченнаго для *вслушанія ея предложеній*».

Нѣтъ сомнѣнія, что богатырская Черногорія заключитъ миръ на почетныхъ условіяхъ, чему благоприятствуетъ уже самая фор-

ма мирныхъ переговоровъ. Къ Черногоріи идутъ — а не она идетъ, передъ ней какъ будто заискиваютъ. Совсѣмъ не такимъ представляется положеніе Сербіи. Ей предлагаетъ Турція миръ въ готовой уже формѣ, и формѣ, надо сказать, варварской. Первымъ условіемъ поставляется предопнутое statu quo и затѣмъ, въ видѣ *гарантій* за будущее спокойствіе Сербіи—занятіе Сербскихъ крѣпостей турецкими войсками (!) и посылка сербскаго уполномоченнаго въ Константинополь. Но Австрія совѣтуетъ Турціи принять миръ на основаніи простаго Statu quo, т. е. безъ упомянутыхъ гарантій, и продолжаетъ двигать свои войска къ Босніи (о чемъ мы уже упоминали въ прошломъ обозрѣніи «Нивы», № 4) Порты готовится сдѣлать запросъ Австріи, въ виду непонятнаго поведенія этой послѣдней. Затѣмъ, уже по послѣднимъ извѣстіямъ телеграфа, сербское правительство обратилось къ западнымъ державамъ съ просьбою склонить Турцію къ принятію благопріятныхъ для Сербіи условій и принять на себя ручательство въ ихъ сохраненіи. Турція настаиваетъ на одной изъ *гарантій*—на занятіи турецкимъ гарнизономъ Алексинца, хотя все-таки турки представляются теперь болѣе сговорчивыми, чѣмъ прежде.

Не смотря, однако, на эти мирныя событія, къ Кладову и Неготину отправляется на дняхъ батальонъ арнаутовъ и два болгарскихъ батальона, находившихся до сихъ поръ въ Крагевцѣ и дивизія добровольцевъ, стоявшая до сихъ поръ на Дринѣ.

Между тѣмъ, какъ шансы мира начали повидимому, становиться твердыми, — вдругъ судьба снова бросаетъ свои желѣзныя кости, чтобы начать кровавую игру. Телеграфъ отъ 20-го января (1 февраля) извѣстилъ, что на о—въ Критъ, а также въ Босніи и Герцеговинѣ, снова начались вепшыки, предвѣщающія начало серьезныхъ столкновеній. Итакъ, миръ не улаживается. Заборы и загородки, поставленные для отсрочки рѣшенія грознаго восточнаго вопроса, оказываются гнилыми и рушатся. Начи-

находящее возстаніе, еще болѣе разжигается турецкимъ звѣрствомъ и фанатизмомъ, который не прерывается. Такъ, на дняхъ магометаны сожгли христіанскій кварталъ города Тузлы въ Босніи.

Достоинны вниманія волненія въ Критѣ. На сцену выступилъ, стало быть, греческій элементъ.

Съ недѣлю тому назадъ вниманіе политическаго міра обратилось на Грецію, и именно потому, что нашъ посолъ при Высочайшемъ Портѣ генералъ, Игнатъевъ, увѣхавъ изъ Константинополя, держалъ маршрутъ на Аѳины, и, сверхъ того, въ Аѳины же отправился и уполномоченный Англіи на минувшей конференціи, маркизъ Салисбери. Генералъ Игнатъевъ намѣренъ пробыть въ Аѳинахъ два дня, какъ полагаютъ, для важныхъ совѣщаній съ премьеръ-министромъ Греціи, Комундуромъ. О результатахъ совѣщаній Комундуромъ съ Салисбери уже сообщилъ телеграфъ, хотя весьма коротко. Комундуромъ выяснилъ Салисбери «требованія Греціи и указалъ какія были бы послѣдствія, если бы эти требованія были оставлены безъ вниманія». Салисбери, какъ ходятъ слухи, призналъ эти требованія справедливыми. Какія собственно подробности этихъ требованій — неизвестно до сихъ поръ, хотя и можно о нихъ догадываться. На выясненіе дѣла намекаютъ параллельно совершающіеся факты, имѣющіе отношеніе къ Греціи. Напримѣръ: Порта 18-го (30-го) января предписала Мухтаръ-пашѣ немедленно отправиться на о—въ Критъ, снабдивъ его при этомъ чрезвычайными полномочіями. Мухтаръ-паша, получивъ это приказаніе, тотчасъ же выѣхалъ съ крайнею поспѣшностью и въ тотъ же вечеръ—слѣдовательно положеніе дѣла на Критѣ тревожное. Затѣмъ мы уже знаемъ, что Порта ищетъ средствъ «мирно устроитъ съ Греціей», не жертвуя многими, но предупреджая нѣкоторыя изъ ея требованій. Напр., Порта намѣрена снова подчинить болгарскую церковь греческой. Эти обещанія высказывалъ великій визирь греческому патріарху, дѣлая ему неоднократно визиты. Но Греція не довольна еще тѣсною своихъ теперешнихъ территориальныхъ границъ и съ новою силою обнаруживаетъ свое естественное тяготѣніе къ Эпиру, Фессалии и Македоніи. Дѣлежъ Оттоманской имперіи еще не наступилъ, но Греція заблаговременно указала на свою долю участія въ этомъ дѣлежѣ.

Все эти факты указываютъ на то, что для Порты существуютъ плохіе шансы уладить мирныя отношенія съ греками. Еще болѣе освѣщаютъ дѣло слова, которыя недавно сказалъ премьеръ-министръ Комундуромъ, обращаясь къ англійскому посланнику въ Аѳинахъ, Стюарту: «Если греки возстанутъ въ турецкихъ провинціяхъ или на о—въ Критъ, то Греція не будетъ играть роль жандарма».

Предлагается теперь многими политиками и не политиками вопросъ: почему же Греція не принимала участія въ сербско-турецкой войнѣ, если отношенія ея къ Турціи такъ непріязненны,

что грозитъ вспыхнуть возстаніе въ греческихъ провинціяхъ Турціи? Отвѣчать на это нетрудно. Съ одной стороны внутреннія неурядицы, продажность и взяточничество предшествовавшихъ Комундуромъ министровъ—Болгариса и Трикуписа, и крайняя неподготовленность къ войнѣ; съ другой стороны греки, по самому существу дѣла, не могутъ особенно сочувствовать славянамъ—потому что эллинизмъ и славянизмъ, двѣ силы, совершенно самобытныя, съ важными преимуществами на сторонѣ послѣдней. Потомуки Перикла и Кимона, не смотря на крайнюю вырожденность своей національности, все еще мечтаютъ о мощномъ возрожденіи. Хотя возвращеніе преняго гелленскаго величія есть не болѣе какъ иллюзія.—

Но въ Греціи теперь на нашихъ глазахъ совершается много знаменательныхъ и оригинальныхъ фактовъ, доказывающихъ нравственную живучесть эллиновъ. Все учащее юношество, по призыву Швейцаріи, обязано учиться воинскимъ занятіямъ. Аѳинскій университетъ представилъ недавно трогательное и почти безпримѣрное въ наше время зрѣлище. 600 студентовъ составляли такъ-называемую «университетскую фалангу», которая составила батальонъ. Все офицеры въ этомъ батальонѣ—университетскіе профессора. Одушевленное воспоминаніемъ объ Аристидѣ, Кимонѣ, Сократѣ, Эсхилѣ и древней славы страны, это юношество съ увлеченіемъ учится строевой службѣ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ студенты и профессора дѣйствительно сдѣлали успѣхи и съ отличіемъ принимали участіе на парадѣ весною прошлаго года.

— Здоровье Его Императорскаго Высочества, главнокомандующаго дѣйствующею арміею, совершенно возстановилось.

— Изъ-за Атлантическаго океана извѣщаютъ, что уже разрѣшенъ вопросъ о процедурѣ, которой будетъ слѣдовать при утвержденіи полномочій президентскихъ избирателей въ Соединенныхъ Штатахъ. Союзный Сенатъ и затѣмъ палата представителей *) Если выборы этихъ избирателей будутъ совершаться по общему принципу выборовъ на конгрессъ, то каждыя 93,000 чел. населенія Штатовъ выберутъ *одного* избирателя. Но затѣмъ это еще только первая половина дѣла: полномочія избирателей нужно провѣрить. Эту провѣрку Вашингтонское правительство возлагаетъ на *смѣшанный* комитетъ, выбранный обѣими палатами (т. е. сенатомъ и палатою представителей). Комитетъ этотъ будетъ имѣть право, по выслушаніи сторонъ, утверждать или не утверждать полномочія избирателей. Послѣ надлежащей провѣрки, списокъ избирателей будетъ принятъ комитетомъ, и съ этимъ принятіемъ рѣшится вопросъ о томъ: кто изъ двухъ кандидатовъ соперниковъ—Тильденъ или Гейсъ—сдѣлается президентомъ Соединенныхъ Штатовъ на слѣдующее четырехлѣтіе (съ 4 марта). Каковы-то будутъ результаты этой мѣры—увидимъ. Самое важное въ этомъ дѣлѣ—это сама задача смѣшаннаго комитета—провѣрка полномочій избирателей.

С М Ъ С Ъ .

Мысли Даніила Стерна I. Есть люди, которые малымъ числомъ словъ умѣютъ заставить много думать; другіе, напротивъ, и чрезвычайнымъ многорѣчиемъ возбуждаютъ очень мало мыслей. Они походятъ на стрѣлки: одна изъ нихъ идетъ скоро, показываетъ только минуты, другая двигается медленнѣе, но означаетъ часы.

II. Въ охотѣ за идеями (когда гоняются за ними) многіе быстрые и поверхностные умы походятъ на тѣхъ горяченькихъ и дурно дрессированныхъ собакъ, которыя *поднимаютъ* дичь, но не имѣютъ *стойки*.

III. Различіе между тѣмъ, что называютъ здѣсь счастіемъ и несчастіемъ, такъ мало, что не слѣдовало бы никогда ни о чемъ сожалѣть и никому не завидовать.

Императрица Екатерина II, присутствуя въ Эрмитажѣ на пробѣ Олега, (исторической драмы собственного ея сочиненія), замѣтила, что Дмитревскій, игравшій роль Олега, говоритъ съ Игоремъ о государственныхъ дѣлахъ при всѣхъ, и довольно громко. Государыня подозвала къ себѣ П. А. Соймонова и приказала ему сказать отъ Ея имени Дмитревскому, что, говоря о важныхъ дѣлахъ съ наследникомъ Киевскаго престола, ему надлежало бы удалиться въ сторону, и понизить голосъ. Къ тому присовокупила она съ улыбочкою, что хотя Дмитревскій лучше ея знаетъ драматическое искусство, но въ этомъ случаѣ онъ можетъ воспользоваться ея совѣтомъ.

Средство сводить со стали и желѣза ржавчанину. Для этого надо истереть въ крупный порошокъ простой карандашъ, и этимъ порошкомъ чистить стальныя или желѣзныя вещи, подвергшіяся ржавчинѣ.

Средствомъ для изцѣленія отморозенныхъ частей тѣла служатъ танины (дубильная кислота). Танины пристаеетъ легко къ человѣческой кожѣ. Танины отнюдь не препятствуютъ отдѣленію отъ кожи испарины, и медикаментомъ этимъ за нѣсколько копѣекъ можно заставить на все зимнее время. Употребленіе танина уже во множествѣ случаевъ предотвращало появленіе шишекъ на отморозенныхъ частяхъ тѣла.

Средство противъ муравьевъ. Самое дѣйствительное средство противъ муравьевъ представляетъ соль, которою надо посыпать муравьиныя кучки и въ случаѣ сухой погоды, смочить водою, чтобы соль скорѣе растворилась и проникла въ подземныя убжища наскѣкомыхъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Спасскъ (Наз губ.), Пр—у. Помѣщаемъ одну строфу вашихъ стиховъ:

«Пришелъ къ небольшой я полянѣ,
Сухое мѣстечко намолъ,
И сѣлъ на траву межъ кустами
И ридомъ ружье положилъ...»

«Все это можно сказать «облагородно» и «дай Богъ всякому», но затѣмъ же объ этомъ писать, да еще и увѣрять, что «эти сочиненія сочинены мной и на одного слова не заимствовано изъ чьихъ либо сочиненій».

Ну еще бы!

2. Подписчикамъ «Нивы». На о нованіи почтовыхъ правилъ мы не можемъ пересылать журналы въ наглую въклеенныхъ конвертахъ. Мы очень-бы этого желали для избавленія нашихъ читателей отъ безплатныхъ членствъ-парзитовъ; но пока противъ нихъ, увы, нѣтъ дѣйствительныхъ средствъ!

Относительно другія, весьма разнообразныя указанія по изданію «Нивы», въ болѣе обширнѣ и съ большими подробностями предлагаемыхъ нѣкоторыми изъ нашихъ подписчиковъ, мы соизволимъ имъ мысленно представить себя въ положеніи человека, идущаго давно знакомой ему дорогой и вдругъ останавливаемаго со всѣхъ сторонъ лицами, увѣряющими, что онъ заблудился...

3. Село Порѣцкое, И. Л—у Вы, конечно, говорили своими словами, но не замѣчаете, что въ нихъ вашего ничего нѣтъ: все Колдунъ.

4. Ярославль, Н. Мор—ву. «Необыкновенное сватовство» неудобно.

*) Въ Северо-Американской республикѣ каждый штатъ имѣетъ Сенатъ и Палату представителей или, что тоже, Палату депутатовъ, такъ что каждый штатъ въ административномъ и правительственномъ отношеніи представляется повтореніемъ общей правительственной формы въ малыхъ размѣрахъ. Каждыя 93,000 жителей населенія штатовъ посылаютъ на конгрессъ одного члена въ Палату представителей и слѣдовательно менѣе 93 000 не можетъ быть населеніе каждаго штата, какъ бы малъ онъ ни былъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Иванъ Александровичъ Мельниковъ. (Съ портретомъ). С—ой. — Островъ (Стихотвореніе) А. Майкова. — Избытокъ жизни (Идиллія въ прозѣ). — Петровскія войны (Сраженіе при деревнѣ Лѣсной, 28 сентября 1708 года). (Съ рисункомъ). И. Забѣра — Владбище гебровъ близъ Тегерана (съ рисункомъ). — Мариенская рыбака. Карина Эффельмана (съ рисункомъ). — Ирѣвская Брестъ-Литовская церковь. (Съ двумя рисунками). — Бура въ горахъ Утаха въ странѣ Мормоновъ (съ рисункомъ) А. Н—ого. — Политическое обозрѣніе. — Сибирь. — Почтовый ящикъ.

Издатели А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

При этомъ № прилагается для гг. иногородъ подписчиковъ объявленіе отъ чайнаго магазина О. Корещенко въ Москвѣ.

№ 6

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 7 Февраля 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕНЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

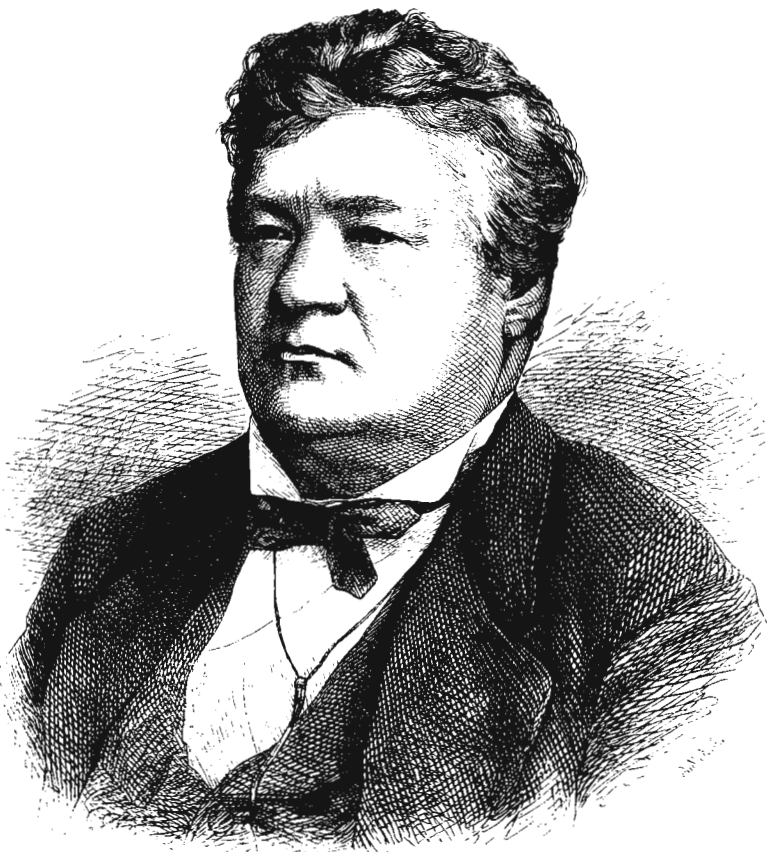
I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины
Г. Гр. Соловьева, А. Ланя и А. Жигарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и
мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. номера „Нивы“.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за ФЕВРАЛЬ съ 30 рисунками и большой листъ съ 27 чертежами
выкроекъ въ натуральную величину и разнообразныхъ бубвъ для вышивки и мѣтки бѣлья.

Василій Ивановичъ Виноградовъ.

Василій Ивановичъ происходилъ изъ бѣднаго мѣщанскаго семейства Нижняго-Новгорода. Родился онъ въ 1822 году и дѣтство провелъ въ Нижнемѣ. Образованія онъ не получилъ никакого. Съ восьми лѣтъ сталъ онъ усердно твердить «буки и вѣди», чтобы въ награду за прилежаніе получить нѣсколько грошей и на нихъ, по протекціи капельдйнеровъ, попасть въ театръ, къ которому мальчикъ съ самаго ранняго дѣтства чувствовалъ влеченіе. Подросткомъ В. И. старался войти въ сношеніе и подружиться съ театральными портными и служителями, и съ ихъ помощью онъ пробирался за кулисы. Ему вскорѣ удалось попасть на сцену въ качествѣ «народа» и нѣмныхъ личностей; наконецъ 16 лѣтъ въ 1838 году директоръ нижегородскаго театра соглашается принять его въ свою труппу съ жалованьемъ въ 14 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ.

Въ первые годы артистической дѣятельности молодому актеру пришлось претерпѣвать много неудачъ: его нѣсколько разъ освистали,

Василій Ивановичъ Виноградовъ.
Артистъ СПб. Имп. драматическаго театра († 23 января 1877 г.).
Съ фотогр. рисов. и грав. А. Вейманъ.

и въ Пензѣ, гдѣ В. И. пришлось играть главную роль въ пьесѣ «Братъ и Сестра» даже громко обругали, гоме-рическимъ хохотомъ, притѣствуя самыя трагическіе его монологи.

Неудача эта такъ поразила В. И., что возвратившись домой, онъ всю ночь прорыдалъ, слегъ въ постель и проболѣлъ нѣсколько дней.

Не разъ совѣтовали ему бросить сцену: товарищи его были убѣждены, что у В. И. рѣшительно нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы сдѣлаться мало-мальски порядочнымъ актеромъ. В. И. и самъ усомнился въ своемъ талантѣ, но привязанность къ театру была сильнѣе его воли и не позволила ему растаться со сценой. Онъ продолжалъ двигаться по разъ избранному пути, надѣясь что твердостью и терпѣніемъ ему удастся побѣдить всѣ трудности. Дѣйствительно онъ съ каждымъ сезономъ сталъ играть все лучше и лучше, и переѣзжая изъ одного города въ другой, съ возрастающимъ постоянно успѣхомъ подвизался на театральныхъ подмосткахъ. Перваго

блестящаго пріема В. И. удостоился въ Казани за игру въ одной изъ пьесъ Островскаго. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался уже виднымъ дѣятелемъ провинціальныхъ сценъ.

Всѣ значительные провинціальные города познакомились въ его игрѣ съ главными типами въ произведеніяхъ лучшихъ нашихъ писателей. За многолѣтнюю сценическую дѣятельность В. И., Кіевская молодежь поднесла ему покрытый нѣсколькими стами подписей благодарственный адресъ.

Любимая мечта всякаго провинціальнаго актера—понасть на Императорскую сцену въ Москвѣ или Петербургѣ. В. И. давно къ этому стремился. Шесть лѣтъ тому назадъ ему пришлось играть въ Тифлисѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ Никитинымъ, и В. И., получивъ однажды извѣстіе, что нѣкоторые изъ старыхъ товарищей его приглашены на Александринскую сцену, высказалъ Никитину свое желаніе. Никитинъ посоветовалъ ему послать въ Дирекцію Императорскихъ театровъ телеграмму, съ предложеніемъ своихъ услугъ. Телеграмма была послана, и въ

отвѣтъ на нее Дирекція предложила В. И. пріѣхать для пяти дебютовъ въ Петербургъ. В. И. пріѣхалъ и съ такимъ успѣхомъ игралъ въ „Свадьбѣ Кречинскаго“, „Ревизорѣ“ и „Не въ свои сани не садись“, что Дирекція послѣ трехъ спектаклей предложила ему условія, какихъ до этого никто еще изъ вновь поступающихъ не удостоивался (полный окладъ жалованья, тридцать пять руб. разовыхъ, бенефисъ, и отпускъ).

В. И. былъ связанъ контрактомъ съ тифлисскимъ театромъ, дирекція взяла на себя уладить это затрудненіе, и онъ остался въ Петербургѣ, и занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ столичной труппѣ, постоянно удостоиваясь самыхъ лестныхъ пріемовъ со стороны публики. Скончался Василій Ивановичъ 23 января, будучи боленъ всего только одну недѣлю; болѣвъ онъ былъ тифомъ, быстро и съ чрезвычайной силой развившимся. Въ лицѣ этого умершаго артиста петербургскій театръ (весьма бѣдный талантами) понесъ замѣтную утрату.

Избытокъ жизни.

(Идиллія въ прозѣ)

(Окончаніе).

IV.

Дни, недѣли и мѣсяцы проходили, и бѣдные, удаленные отъ всего міра изгнанники по прежнему считали себя величайшими счастливыми. Чтобы оставаться въ подобномъ положеніи, потребно было все легкомысліе этихъ людей, которые думали только о настоящемъ мгновеніи.

— Дни становятся длиннѣе,—сказалъ мужъ,—скоро и весеннее солнышко засіяетъ на кровлѣ, которая противъ насъ.

— Да,—отвѣчала Катя,—и не далеко то время, когда можно будетъ растворить опять окно, садится къ нему и вдыхать въ себя свѣжій воздухъ. Помнишь, какъ было весело, когда прошедшимъ лѣтомъ вѣтерокъ приносилъ къ намъ сюда изъ парка запахъ липоваго цвѣта?

Она достала изъ угла два маленькіе горшка, наполненные землею, въ которыхъ были посажены цвѣты. Посмотри,—сказала она:—этотъ глицинтъ и тюльпанъ принялись, не смотря на то, что мы считали ихъ погибшими. Если они поднимутся, то это будетъ служить знакомъ, что вскорѣ участь наша переменится къ лучшему.

— Но, милая,—сказалъ онъ нѣсколько оскорблѣсь.—чего же намъ не достаетъ? Огня, воды, хлѣба вдоволь. Погода примѣтно становится теплѣе, дровъ будетъ менѣе нужно; потомъ наступятъ жары. У насъ, правда, ничего нѣтъ такого, чтобы можно было продать, но я надѣюсь напастъ на такую работу, которая доставитъ мнѣ деньги. Подумай, какъ мы счастливы, что ни одинъ изъ насъ до сихъ поръ не хворалъ, ни даже Христина.

— Что съ нею сдѣлалось?—спросила Катя. Я ее давно не видала; ты отпускаешь ее рано утромъ, когда я еще сплю; ты берешь отъ нея закупки, хлѣбъ и воду. Она много работаетъ, она стара,—пища ее дурна. Что, если силы ей измѣнятся и она занеможетъ? Отчего она такъ давно ко мнѣ не приходила?

— Когда-нибудь увидишься опять съ нею, подожди еще нѣсколько времени—отвѣчалъ мужъ не безъ замѣшательства, которое Катя замѣтила и которое поразило ее.

— Нѣтъ, другъ мой!—вскричала она съ обыкновенною ея живостью:—ты что-то отъ меня скрываешь, что-то случилось... Не удерживай меня, я сбѣгу внизъ, узнаю, тамъ ли она въ своей коморкѣ, не больна ли она, не сердится ли на насъ за что-нибудь.

— Ты такъ давно не ходила по этой гадкой лѣстницѣ,—замѣтилъ мужъ,—на ней такъ темно, можешь упасть!

— Нѣтъ,—вскричала она,—не удерживай меня; я знаю хорошо лѣстницу; я и въ темнотѣ не оступлюсь.

— Но такъ какъ мы сняли съ нея перила,—сказалъ онъ,—которые намъ казались вещью бесполезною, то я боюсь, что ты удержишься, споткнешься и упадешь.

— Ступеньки,—возразила она,—могу перечестъ по пальцамъ, такъ онѣ мнѣ знакомы. Онѣ покойны и крѣпки, и по нимъ я буду еще часто ходить.

— По нимъ,—произнесъ онъ торжественно—ты никогда уже не будешь ходить!

— Что это значитъ?—вскричала она, остановившись противъ своего мужа, и смотря ему пристально въ глаза,—что-то недоброе случилось въ домѣ; говори, что хочешь,—я сбѣгу внизъ, чтобы повидаться съ Христиной.

Она повернулась, чтобы отворить дверь; но онъ вскопчилъ поспѣшно и обхватилъ ее, вскричавъ:—дитя! неужели ты хочешь сломить себѣ шею?

Такъ какъ долѣе скрываться было бы напрасно, то онъ самъ отворилъ дверь; они вышли на площадку, и когда онъ подвелъ жену свою къ самому краю, не выпуская, однакожъ, ея изъ рукъ, она увидела, что не было уже лѣстницы, которая вела къ нимъ. Катя всплеснула руками, нагнулась и посмотрѣла внизъ; потомъ воротясь въ комнату, сѣла и начала разсматривать своего мужа. Онъ представилъ наблюдательнымъ ея взорамъ такое комически-важное лицо, что она не могла не расхохотаться. Послѣ того, она подошла къ печи, взяла одинъ изъ кусковъ дерева, осмотрѣла его со всѣхъ сторонъ и сказала: теперь понимаю, отчего эти дрова совершенно отличны отъ тѣхъ, какія были прежде. И такъ, мы и лѣстницу сожгли!

— Да,—отвѣчалъ мужъ, спокойно и смѣло,—теперь тебѣ извѣстно, что я сдѣлалъ, и надѣюсь, что бранить меня не станешь. Не понимаю, зачѣмъ до сихъ поръ я таилъ отъ тебя это. Какъ ни стараешься освободиться отъ предрасудковъ, все-таки не можешь ихъ искоренить совершенно, особенно этотъ ребяческій ложный стыдъ! Ты—единственное существо въ мірѣ, въ которому я питаю безпредѣльную довѣренность, единственное, которое вижу, потому что о минутныхъ свиданіяхъ съ старою Христиною и упоминать не стоитъ. Зима была такъ холодна, а дровъ взяты негдѣ; смѣшно бы было раздумывать долго, когда дрова самыя крѣпкія и самыя лучшія, самыя сухія и самыя годныя для топки, были подъ нашими ногами; притомъ же мы вовсе не пользовались лѣстницею. И я совѣстился тебѣ сказать, совѣстился тогда, какъ за исключеніемъ нѣсколькихъ ступенекъ, всѣ прочія сожжены уже. Ты не повѣришь, какъ трудно было ихъ пилить и колоть. Иногда я такъ разогрѣвался, что послѣ того въ комнатѣ мнѣ было нестерпимо жарко.

— Но Христина?... спросила Катя.

— Она совершенно здорова,—отвѣчалъ мужъ,—какъ

дое утро я спускаю къ ней веревку, къ которой она привязываетъ корзину; я втаскиваю сначала эту корзину, потомъ кувшинъ съ водою, и такимъ образомъ въ хозяйствѣ нашемъ все идетъ своимъ чередомъ.

— Мы живемъ,—отвѣчала Катя,—какъ во снѣ, живемъ такъ чудно, какъ только могло бы быть описано въ „Тысячѣ и одной ночи“. Но что будетъ впередъ? Противъ моей воли, это такъ называемое будущее вмѣшивается иногда въ наше настоящее.

— Видишь-ли, милая,—сказалъ мужъ,—что ты рождена съ душею болѣе прозаическою, нежели я? Въ Михайловъ день уѣхалъ угрюмый хозяинъ нашего дома въ тотъ отдаленный городъ, гдѣ живетъ его другъ докторъ, чтобы лечиться у него отъ подагры. Мы были тогда чрезмѣрно богаты, такъ что заплатили ему впередъ не только за четыре мѣсяца, но даже за все слѣдующее время до праздника Пасхи. Онъ улыбался отъ удовольствія, принимая отъ насъ деньги. И такъ, со стороны его, по крайней мѣрѣ до Пасхи, намъ нечего опасаться. Время морозовъ миновалось, дровъ будемъ трагить меньше, а на случай надобности у насъ въ запасѣ четыре ступеньки, и сверхъ того, старыя двери, доски пола и другіе сгараемые предметы. Утѣшимся этимъ и будемъ наслаждаться невозмутимымъ счастьемъ, живя здѣсь отдѣльно отъ цѣлаго міра, независны ни отъ кого и ни въ комъ не нуждаясь. Мудрецы постоянно желаютъ приобрести это счастье и очень немногимъ достается оно въ удѣлъ.

Однако не сбылось такъ, какъ предполагалъ мужъ. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, повозка подѣхала къ домику. Они слышали, какъ она прогремѣла по мостовой, какъ остановилась подъ самыми ихъ окнами, и какъ изъ нея начали выходить пріѣзжіе. Черепичный навѣсъ препятствовалъ имъ узнать, кто пріѣхалъ.

Въ Валеріанѣ родилась тревожная мысль, что это могъ быть хозяинъ дома, избавившійся отъ припадка подагры ранѣе, нежели онъ расчитывалъ.

Ясно было слышно, что вошли въ нижній этажъ домика, и тогда всякое сомнѣніе исчезло. Чемоданы и ящики были отвязаны и внесены въ домъ, многіе голоса говорили на улицѣ, пріѣзжій здоровался съ сосѣдями. Рѣшено: Валеріанъ долженъ будетъ выдержать борьбу сегодня же. Онъ прислушивался съ недоувѣрчивостью, прислонясь къ двери. Катя устремила на него вопрошающій взоръ; но онъ, усмѣхаясь, покачивалъ головою и молчалъ. Внизу все успокоилось; старикъ удалился въ свою комнату.

Валеріанъ сѣлъ возлѣ Кати и сказалъ нѣсколько измѣнившимся голосомъ: „Право жаль, что мало на свѣтѣ людей съ такимъ пылкимъ воображеніемъ, какимъ обладалъ Донъ-Кихоть. Когда задѣлали дверь въ его бібліотеку и объявили ему, что волшебникъ похитилъ не только книги, но и всю комнату, онъ постигъ тотчасъ, въ чемъ дѣло, не пускаясь въ дальнѣйшія изслѣдованія. Прозаическаго было въ немъ такъ мало, что онъ даже не освѣдомился, куда могъ дѣваться такой отвлеченный предметъ, какъ пространство... И что такое пространство? Вещь безусловная, ничто, форма нашего разумѣнія. Что такое лѣстница? Вещь условная, но вовсе несамостоятельная, средство, предлогъ поднимаешься снизу на верхъ, и какъ относительныя понятія наши о томъ, что такое верхъ, и что низъ! Разувѣрится ли нашъ старикъ, что тамъ, гдѣ теперь пустое пространство, была когда-то лѣстница? Онъ столько склоненъ къ эмпиризму и рационализму, что не убѣдится въ бесполезности для созерцательной жизни многихъ предметовъ, которые въ прозаическомъ быту кажутся необходимою. Какъ сообщу я ему отсюда—сверху, туда—внизъ, высшіе взгляды на жизнь и людей?“

— Да, да,—сказала Катя, улыбаясь,—мечтай и шути; это истинный юморъ тоски и грусти.

— Нимало,—возразилъ Валеріанъ,—неужели печаль-

ная существенность разрушить идеалъ моихъ созерцаній? Обыкновенное, земное, силится всегда подчинить и поработить духовное.

— Тише! сказала Катя,—внизу опять зашевелились. Валеріанъ помѣстился опять возлѣ двери и растоворилъ ее немного. „Пойду, повидаясь съ моими жильцами“—произнесъ голосъ внизу очень явственно—„надѣюсь, что жена такъ-же прелестна и оба такъ-же здоровы и веселы, какъ были прежде.“ — „Вотъ теперь-то“—сказалъ Валеріанъ тихо—„предстоитъ ему задача.“

Минута молчанія. Старикъ во мглѣ сумерекъ бродить оцупью, заноситъ высоко ногу. „Что это?“ вскричалъ онъ. „Неужели домъ мой сталъ мнѣ незнакомъ? Ни здѣсь, ни тамъ! Что бы это значило? Илья, Илья, поди сюда!“

Старый слуга, который въ небольшомъ хозяйствѣ старика былъ всѣмъ во всемъ, явился на зовъ. „Помоги мнѣ взойти на лѣстницу“—сказалъ хозяинъ дома,—„я какъ-будто ослѣпъ или околдованъ,—не могу найти большихъ, широкихъ ступенекъ. Что бы это значило?“

— Извольте идти, господинъ Захарченко,—сказалъ слуга съ досадою—вы съ дороги не совсѣмъ еще поправились.

— И наткнулись — замѣтилъ Валеріанъ вверху—на такой случай, который собьетъ васъ еще болѣе съ толку.

— Тыфу пропасть! вскричалъ слуга—я ударился здѣсь головою; я точно одурѣлъ; насъ какъ будто домъ не принимаетъ.

— Онъ хочетъ,—замѣчалъ про себя Валеріанъ—объяснить себѣ непонятное посредствомъ чудеснаго: такъ глубоко вкоренена въ насъ склонность къ суевѣрію!

— Я поворачиваюсь вправо, поворачиваюсь влѣво—сказалъ владѣлецъ дома,—шагаю впередъ—мнѣ почти сдается, что чортъ унесъ всю нашу лѣстницу.

— Почти! тихо подсказалъ Валеріанъ—вотъ повтореніе сцены изъ Донъ-Кихота; но страсть къ изслѣдованію не допустить его остаться при этой мысли; впрочемъ, предположеніе ложно: мы сваливаемъ вину на чорта, когда чего не понимаемъ, или когда, понявъ, находимъ это неприятнымъ.

Слышно было, что внизу ворчатъ, произносятъ шопотомъ ругательства, и что догадливый слуга отправился за огнемъ. Онъ принесъ свѣчу и, поднявъ ее твердою рукою, освѣтилъ пустое пространство... Захарченко взглянулъ вверхъ съ любопытствомъ — и остолбенѣлъ отъ страха и удивленія. Онъ простоялъ нѣсколько минутъ въ этомъ положеніи, съ разинутымъ ртомъ, и наконецъ закричалъ такъ громко, какъ только позволяли ему легкія:

Чортъ возьми! Вотъ одолжили! Выйдите г. Валеріанъ Тсрлецкій ко мнѣ, мнѣ необходимо нужно видѣть васъ.

Дѣлать было нечего: Валеріанъ явился, нагнулся надъ пропастью, гдѣ при мерцающемъ сіяніи свѣчи стояли въ сумракѣ сѣней два адекіе призрака, и сказалъ дружески: „А! здравствуйте; г. Захарченко! это добрый знакъ, что вы воротились раньше, нежели предполагали. Очень радъ, что здоровье ваше поправилось.“

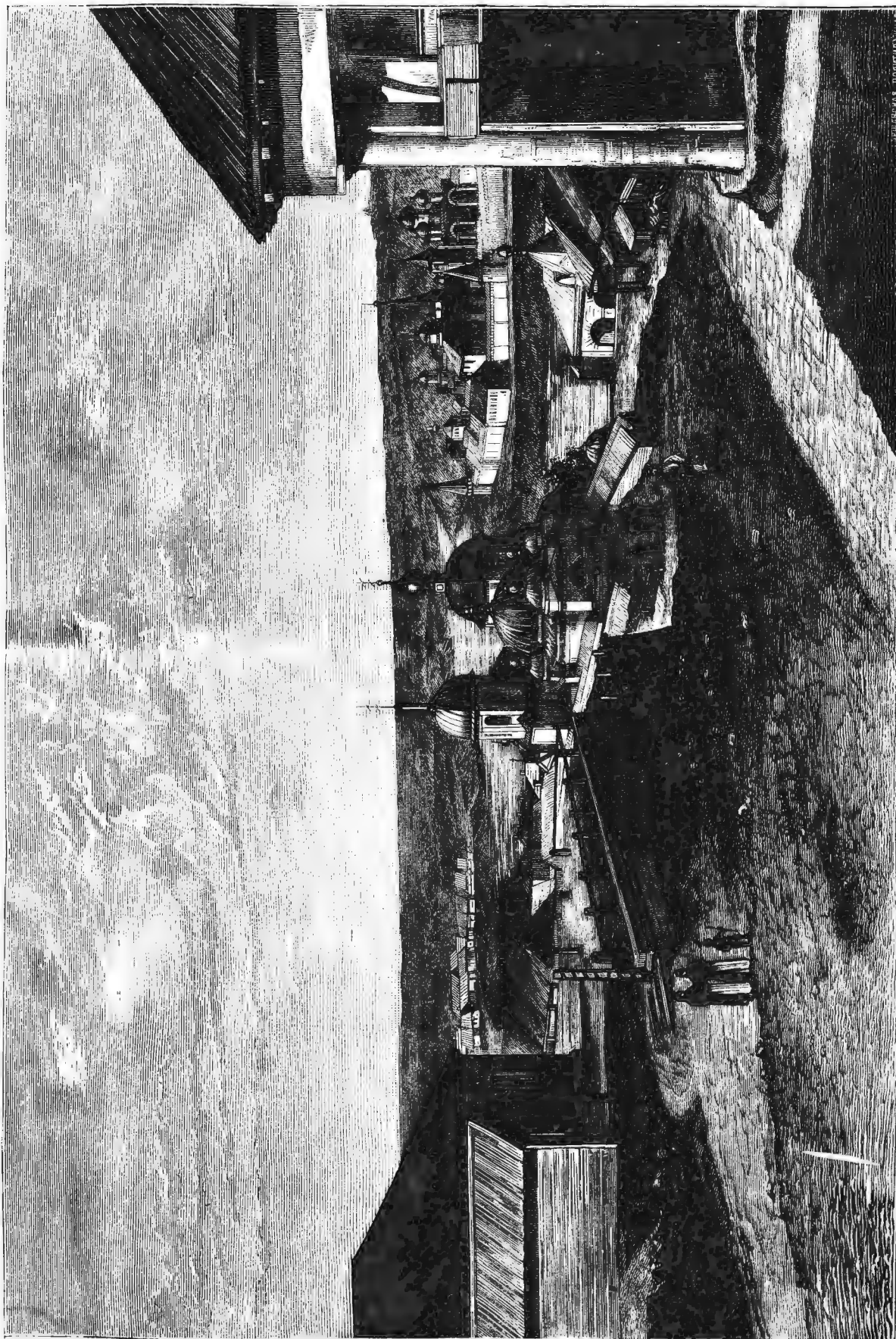
— Слуга покорный! отвѣчалъ хозяинъ,—но не о томъ здѣсь рѣчь. Гдѣ, сударь, моя лѣстница?

— Ваша лѣстница? возразилъ Валеріанъ,—а мнѣ какое дѣло до вещей, вамъ принадлежащихъ? развѣ передъ отѣздомъ своимъ вы отдали мнѣ ее на сохраненіе?

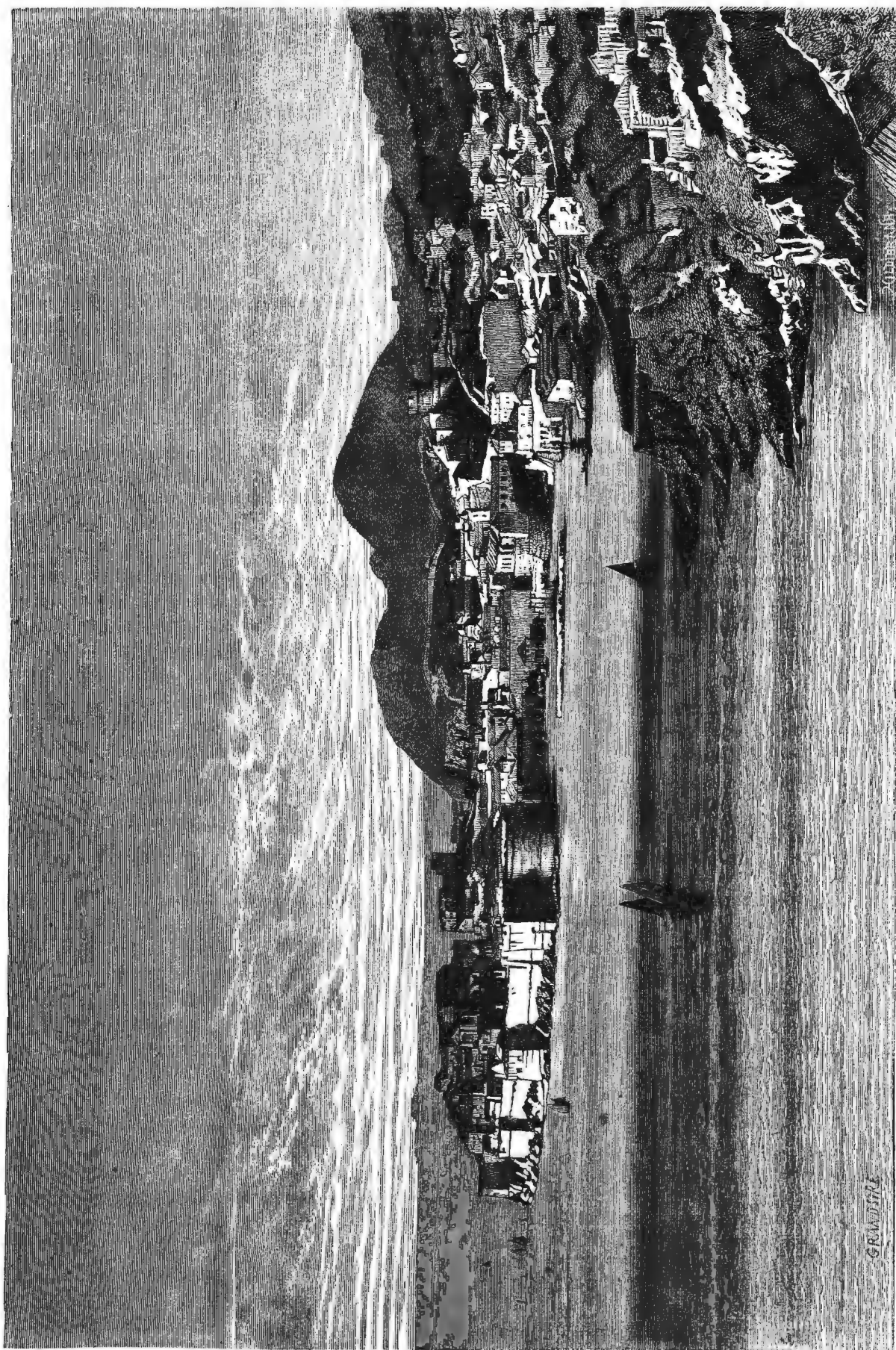
— Не притворяйтесь такимъ простакомъ! закричалъ хозяинъ. Гдѣ моя лѣстница? Моя прекрасная, широкая, прочная лѣстница?

— А тутъ развѣ была лѣстница? спросилъ Валеріанъ. Я выхожу очень рѣдко, или, лучше сказать, вовсе не выхожу изъ дому, и знаю только то, что дѣлается въ моей комнатѣ. Я занимаюсь учеными изслѣдованіями, работаю, и ни о чемъ другомъ не забочусь.

— Я говорю съ вами не шути! вскричалъ хозяинъ. Гнѣвъ отнимаетъ у меня языкъ; но я переговорю съ

Городъ Старица, Тверской губерніи. Рис. Подольскій, грав. Вишневскій.

Городъ Рагуза (въ Далмаціи). Рис. Грандсиръ, грав. Гильдебрандтъ.

вами иначе. Вы единственный жилецъ въ моемъ домѣ; передъ судомъ вы должны будете открыть, что все это значитъ.

— Не сердитесь такъ,—сказалъ Валеріанъ,—и если вы охотники до историческихъ разсказовъ, то я вамъ сейчасъ могу удружить этимъ. Теперь я вспомнилъ, что тутъ прежде точно была лѣстница, но, какъ мнѣ сдается, я ее истратилъ.

— Истратили? закричалъ старикъ и затопалъ ногами. Грабить мой домъ?

— Боже сохрани!—Вы все преувеличиваете въ гнѣвѣ своемъ! Комната ваша, вижу, осталась въ цѣлости и неприкосновенности, наша вверху также; только эта дрянная лѣстница,—этотъ проводникъ для охотниковъ взбираться вверху, это орудіе опоры для слабыхъ ногъ, это вспомогательное средство и ослиный мостъ для скучныхъ посѣтителей и дурныхъ людей, эта связь для докучныхъ пролазовъ,—только она, по моему рѣшенію, моими стараніями, и даже, могу сказать, тяжкими усиліями, сокрушена и уничтожена.

— Но эта лѣстница,—возразилъ Захарченко,—съ ея безцѣнными, несокрушимыми перилами, эти двадцать двѣ ступеньки, широкія, крѣпкія, составляли неотъемлемую часть дома! Какъ я ни старъ, однако ни отъ кого не слыхалъ, чтобы позволительно было разрушать и тратить, какъ будто щепку, хозяйскую лѣстницу.

— Я бы желалъ,—отвѣчалъ Валеріанъ,—чтобы вы сѣли и выслушали меня спокойно. По этимъ двадцати двумъ ступенямъ взбѣгалъ сюда часто безсовѣстный человѣкъ, который выманилъ у меня дорогую рукопись, хотѣлъ ее напечатать, объявилъ себя банкротомъ, и исчезъ съ нею. Другой книгопродавецъ, безъ усталости всходилъ по этимъ дубовымъ ступенькамъ и опирался на ваши перила, чтобы легче и удобнѣе взбираться ко мнѣ на верхъ; онъ приходилъ и уходилъ, всходилъ и сходилъ до тѣхъ поръ, пока, воспользовавшись затруднительнымъ моимъ положеніемъ, не получилъ моего экземпляра Чосера, перваго дорогого изданія, который онъ вынесъ отсюда подъ мышкою, заплативъ за него ничтожную цѣну. Охъ, сударь! послѣ такихъ опытовъ, не взлюбится поневолѣ лѣстница, которая даетъ дурнымъ людямъ возможность проникать въ верхній этажъ!

— Проклятыя мысли! кричалъ Захарченко.

— Укротите гнѣвъ свой! сказалъ Валеріанъ нѣсколько громче. Вы желаете знать всю связь событий. Я былъ обманутъ и обобранъ, какъ ни велика Европа, не говоря уже объ Азіи и Америкѣ; я не получалъ ни откуда векселей, какъ будто кредиты всѣ подорваны и всѣ банки закрыты. Суровая, немилосердная зима требовала дровъ для топки; у меня нисколько не было денегъ, на которыя я могъ бы добыть ихъ обыкновеннымъ путемъ. Я прибѣгнулъ къ искусственному займу, который нельзя назвать насильственнымъ: я не полагаю, что вы, сударь, воротитесь ранѣе лѣта.

— Сьумасшедшій! сказалъ хозяинъ. Неужели вы думали, несчастный, что въ огнѣ лѣстница моя вырастетъ, сама собою, какъ спаржа?

— Я никакого понятія не имѣю о томъ, какъ растутъ лѣстницы, и какъ растетъ спаржа, и потому судить объ этомъ не могу,—отвѣчалъ Валеріанъ. Мы терпѣли крайній недостатокъ въ дровахъ, и такъ какъ я нигде не выхожу, жена моя тоже, да и къ намъ никто не ходитъ съ тѣхъ поръ, какъ у насъ взяли нечего, то лѣстницу эту слѣдовало отнести къ излишествамъ жизни, къ предметамъ пустой роскоши, къ числу безполезныхъ изобрѣтеній. Если похвально, какъ утверждаютъ мудрецы міра, ограничивать свои нужды, довольствоваться самимъ собою, то я поступилъ благоразумно, уничтоживъ эту лѣстницу; по крайней мѣрѣ, она принесла мнѣ ту пользу, какую только я могъ отъ нея ожидать: она спасла меня отъ опасности замерзнуть. Развѣ вы не читали никогда, какъ Діогенъ откинулъ

отъ себя деревянную кружку, когда увидѣлъ, что мальчикъ черпаетъ рукою воду и такимъ образомъ утоляетъ свою жажду.

— Вздорь! замѣтилъ хозяинъ. Я видѣлъ человѣка, который приложился губами къ тростинкѣ и сквозь нее втягивалъ въ себя воду; не смотря на то, едва ли вашъ господинъ Діогенъ рѣшился бы отрубить себѣ руку... Но, что тутъ толковать! сбѣгай скорѣе за полиціей, Шля! Надобно дать этому дѣлу другой оборотъ.

— Не спѣшите! вскричалъ Валеріанъ. Вы должны наконецъ убѣдиться, что я, избавивъ домъ вашъ отъ излишества, сдѣлалъ вамъ существенное улучшеніе.

Хозяинъ, взявшій уже за ручку двери своей комнаты, воротился.

— Улучшеніе? спросилъ онъ съ величайшимъ гнѣвомъ. Вотъ еще новость!

— Это очень просто,—отвѣчалъ Валеріанъ,—и всякій въ этомъ убѣдится: вѣдь домъ вашъ не застрахованъ, не такъ-ли? А я во все это время видѣлъ страшные сны о пожарахъ; и въ самомъ дѣлѣ нѣсколько домовъ по сосѣдству сгорѣло; во мнѣ родилось рѣшительное предчувствіе, даже, можно сказать, предвѣдніе, что такое же несчастіе постигнетъ вашъ домъ. Теперь спрашиваю всѣхъ архитекторовъ: можетъ-ли быть что-нибудь опаснѣе въ домѣ деревянной лѣстницы? Полиція должна была бы запретить подобную постройку. Когда пожаръ вспыхнетъ, то во всѣхъ городахъ, гдѣ существуетъ еще это злоупотребленіе, деревянныя лѣстницы становятся настоящею гибелью. Онѣ не только проводятъ огонь во всѣ этажи, но и поставляютъ живущихъ въ совершенную невозможность спастись. Такъ какъ я навѣрное зналъ, что скорѣе здѣсь или по сосѣдству сдѣлается пожаръ, то съ большимъ трудомъ и усиліями разломалъ собственными руками дрянную, пагубную лѣстницу, чтобы по возможности уменьшить вредъ и опасность, какіе могутъ произойти отъ такого бѣдствія.

— Вотъ что,—сказалъ хозяинъ,—если бы я долѣе пробылъ въ отлучкѣ, то этотъ сорванецъ, подъ такимъ же благодивнымъ предлогомъ, истратилъ бы весь домъ мой. Истратилъ!... Какъ будто можно тратить дома? Но постой, любезный!.. Пришли ли полицейскіе? спросилъ онъ воротившагося слугу.

— Мы устроимъ, сударь, здѣсь большую, каменную лѣстницу, и вашъ дворецъ, равно какъ городъ и государство, выиграютъ чрезъ это.

— Вотъ сейчасъ зажмутъ вамъ ротъ,—отвѣчалъ хозяинъ и обратился къ городовому, который явился въ сопровожденіи нѣсколькихъ полицейскихъ служителей.

— Господинъ городской,—сказалъ онъ,—слышали ли вы когда-нибудь о подобномъ злодѣйствѣ? Выломать въ моемъ домѣ просторную лѣстницу и во время моего отсутствія употребить ее на дрова!

— Это внесется въ вѣдомость о происшествіяхъ,—отвѣчалъ городской грозно. Виновникъ, похититель лѣстницъ, будетъ наказанъ. Это хуже грабежа! Сверхъ того, онъ принужденъ будетъ вознаградить всѣ убытки. Милости просимъ сюда къ намъ, господинъ проказникъ!

— Никогда! вскричалъ Валеріанъ. Англичанинъ правъ, называя свой домъ святилищемъ, а мое здѣсь неприступно и недосягаемо. Опускной мостъ мой поднятъ.

— Этому горю пособить не трудно! вскричалъ городской.—Ребята, принесите сюда большую пожарную лѣстницу, взберитесь по ней и притащите сюда преступника, связавъ ему руки веревками, если онъ будетъ сопротивляться.

V.

Домъ внизу наполнился людьми, жившими по сосѣдству; шумъ привлекъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей,

и толпа любопытных собралась на улицѣ, чтобы развѣдать, что случилось и увидѣть, что изъ всего этого выйдетъ. Катя сидѣла у окна; она была въ величайшемъ смущеніи, однако сохраняла твердость, видя, что мужъ ея не теряетъ бодрости и, повидимому, мало заботится о послѣдствіяхъ. Она не постигала только, чѣмъ это кончится. Валеріанъ вошелъ въ эту минуту къ ней, чтобы ее утѣшить и взять кое-что изъ комнаты. Онъ сказалъ:

— Видишь ли, Катя, мы осаждены, трубачъ требовалъ уже, чтобы я сдался безусловно, и теперь я готовлюсь отвѣчать.

Катя дружески ему улыбнулась и проговорила только:

— Твоя участь будетъ моею; я думаю, однакожъ, что если бы отецъ мой увидѣлъ меня теперь въ этомъ положеніи, онъ простилъ бы намъ!

Валеріанъ вышелъ на площадку и, замѣтивъ, что въ самомъ дѣлѣ хотятъ приставить лѣстницу, произнесъ торжественно:

— Господа, подумайте, что вы дѣлаете!

— Его —ство, его —ство! раздалось въ это время на улицѣ. Всѣ отступили, тѣснѣя другъ къ другу. Блестящій экипажъ медленно подвигался сквозь толпу. Лакеи, въ ливреѣ съ галунами, стояли на запяткахъ; нарядный и ловкій кучеръ управлялъ лошадьми. Карета остановилась, и изъ нея выскочилъ богато-одѣтый господинъ.

— Не здѣсь-ли живетъ господинъ Терлецкій,—спросилъ знатный баринъ.—Но что это за сборище?

— Тамъ затѣвается что-то недоброе, ваше сіятельство,—сказалъ одинъ лавочникъ. Полиція уже тамъ.

— Открыта опасная секта, ваше превосходительство,—сказалъ мясникъ,—которая хочетъ уничтожить всѣ лѣстницы въ домахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! кричала одна женщина.—не то, совсѣмъ не то: это, говорятъ, какое-то симоново отродье, которое хочетъ, чтобы и у насъ дрова и все было общее.

Незнакомцу трудно было пробраться въ двери дома, хотя все уступало ему дорогу. Старый Захарченко бросился къ нему на встрѣчу и съ величайшею вѣжливостью рассказалъ ему въ чемъ дѣло, присовокупивъ, что они еще не придумали, какъ овладѣть преступникомъ. Незнакомецъ вошелъ въ темныя сѣни и закричалъ громогласно: точно-ли живетъ здѣсь г. Терлецкій.

— Да,—отвѣчалъ Валеріанъ;—кто это еще меня спрашиваетъ?

— Лѣстницу! вскричалъ незнакомецъ. Я пойду къ нему.

— Я не допущу сюда никого,—отвѣчалъ Валеріанъ,—до меня никому не можетъ быть дѣла.

— Ну, а если я принесъ „Чосера“,—возразилъ незнакомецъ,—изданіе Какстона съ листкомъ, исписаннымъ рукою г. Терлецкаго?

— Небо! воскликнулъ Валеріанъ, — я сдаюсь. Ты, добрый ангелъ, можешь сюда взойти.—Катя,—закричалъ онъ весело, но со слезами на глазахъ нашъ другъ, Андрей Щербатовъ, явился къ намъ на помощь.

Катя вскрикнула отъ восторга и бросилась не шепомъ мужу, не будучи въ силахъ удержаться отъ слезъ. Но эти слезы были слезы благодарности къ Богу за помощь въ тяжелой минутѣ.

Незнакомецъ переговорилъ съ хозяиномъ и успокоилъ его совершенно; полиція была отпущена; труднѣе было удалить толпу; но когда и она разошлась, Илья приставилъ большую лѣстницу и знатный незнакомецъ одинъ отправился въ жилище друга.

Улыбаясь, окинулъ онъ взоромъ комнату, вѣжливо поклонился Катѣ и бросился въ объятія къ растроганному Валеріану, который могъ произнести только два слова: „мой Андрей!“

Они оправились немного отъ радости, отъ удивленія. Участъ бѣдныхъ супруговъ тронула до глубины души Андрея; потомъ онъ смѣялся, слушая рассказъ о затруднительномъ положеніи, въ которомъ они находились, и о средствахъ, къ которымъ прибѣгали, чтобы изъ него выйдти; потомъ восхищался опять красотою Катя, и оба друга обновили въ своей памяти всѣ случаи, всѣ радости юношескаго своего возраста.

— Теперь поговоримъ о дѣлѣ,—сказалъ Андрей.—Капиталь, ввѣренный мнѣ тобою передъ моимъ отъѣздомъ, возросъ до неимоверности, такъ что ты можешь считать себя теперь богатымъ человекомъ; ты можешь жить независимо, гдѣ и какъ хочешь. Въ радости, что съ тобою скоро увижусь, я вышелъ на берегъ въ Лондонѣ: тамъ надобно было мнѣ окончить кое-какія денежные дѣла. Зная твою страсть къ древностямъ, я отправился опять къ моему книгопродавцу-антикварію, чтобы тебѣ привезти пріятный подарокъ. У него увидѣлъ я экземпляръ „Чосера“, въ такомъ точно переплетѣ, въ какомъ я подарилъ тебѣ его нѣкогда. Беру книгу и ужасаюсь, увѣряясь что это твой экземпляръ. Одна ужасная нужда могла заставить тебя разстаться съ нимъ, если только у тебя его не украли. Случайно попался мнѣ на глаза листокъ, исписанный твоею рукою, гдѣ ты называешь себя бѣднякомъ, гдѣ подписанъ имя Терлецкаго и означилъ городъ, улицу и домъ, въ которомъ ты живешь. Ты перемѣнилъ имя, ты скрываешься: какъ бы отыскалъ я тебя, если бы не эта безцѣнная книга? Прими же ее отъ меня во второй разъ и береги тщательно: она чуднымъ образомъ сдѣлалась лѣстницей, по которой я приведенъ къ тебѣ... Я сокращаю мое пребываніе въ Лондонѣ, слѣшу сюда — и узнаю отъ твоего начальника что ты увезъ его дочь.

— Отецъ мой здѣсь? вскричала Катя, блѣднѣя.

— Да,—продолжалъ Андрей,—но не пугайтесь; еще не знаетъ онъ, что вы находитесь здѣсь въ городѣ. Онъ оплакиваетъ теперь свою жестокость, упрекаетъ себя самого и въ отчаяніи, что потерялъ всякій слѣдъ своей дочери. Давно уже онъ простилъ вамъ и рассказалъ мнѣ, что вы совершенно пропали, что онъ, не смотря на всѣ поиски, не могъ открыть вашего убѣжища. Это понятно, другъ, если только взглянуть на образъ жизни, который ты ведешь здѣсь какъ пустыжникъ, и если вспомнить, что ни одно извѣстіе, ни одна газета до тебя не доходила; иначе ты узналъ бы, что твой тестъ живетъ близъ тебя, и какъ я радъ, что могу это сообщить тебѣ,—онъ простилъ тебя. Я сейчасъ отъ него, но я не сказалъ ему, что питаю надежду сегодня же тебя увидѣть. Онъ желаетъ, чтобы ты, когда отыщешься вмѣстѣ съ его дочерью, жилъ въ его имѣніи, потому что, вѣроятно, ты самъ не захочешь вступить на прежнее свое поприще.

Все было радостью. Свѣтлая будущность раскрылась для супруговъ. Охотно покинули они вынужденную философію бѣдности, которой утѣшенія и горечь испили до послѣдней капли.

Другъ дѣтства отвезъ ихъ сначала въ свое жилище, гдѣ онъ позаботился о ихъ нарядахъ, чтобы въ пріличномъ одѣяніи представить ихъ отцу. Что старая, вѣрная Христина не была забыта, объ этомъ не нужно и упоминать. Она была счастлива по своему не менѣе господь.

По стѣздѣ Валеріана въ домѣ Захарченко работали плотники. Они строили новую лѣстницу. Хозяинъ, улыбаясь, надзиралъ за работами. Убытокъ его вознагражденъ былъ такъ щедро, что старый скряга весело потиралъ руки, и охотно отдавалъ бы опять въ наймы свою квартиру подобному жильцу.

По истеченіи трехъ лѣтъ, онъ принималъ у себя съ низкими поклонами знатныхъ особъ, которыя пріѣзжали

къ нему въ богатой каретѣ. Онъ самъ повелъ ихъ по новой лѣстницѣ въ верхнюю комнату, въ которой жилъ тогда одинъ бѣдный переплетчикъ. Держась за руки, они подошли къ окну, взглянули опять на законченную кровлю противуположнаго домика, на печальныя каменные стѣны, возвышавшіяся по бокамъ его, на которыхъ по прежнему трепетали лучи солнца. Эта противополо-

пость тогдашней ихъ нищеты и настоящаго благосостоянія поразила ихъ до глубины души.

— Другъ нашъ Андрей ждетъ насъ,—сказала Валеріанъ,—и богато наградивъ переплетчика, удалился съ своею женою. Дорогою они оба размышляли о жизни, о нуждахъ и избыткахъ, о тайнѣ бытія нашего...

Н. Про—на.

Городъ Старица.

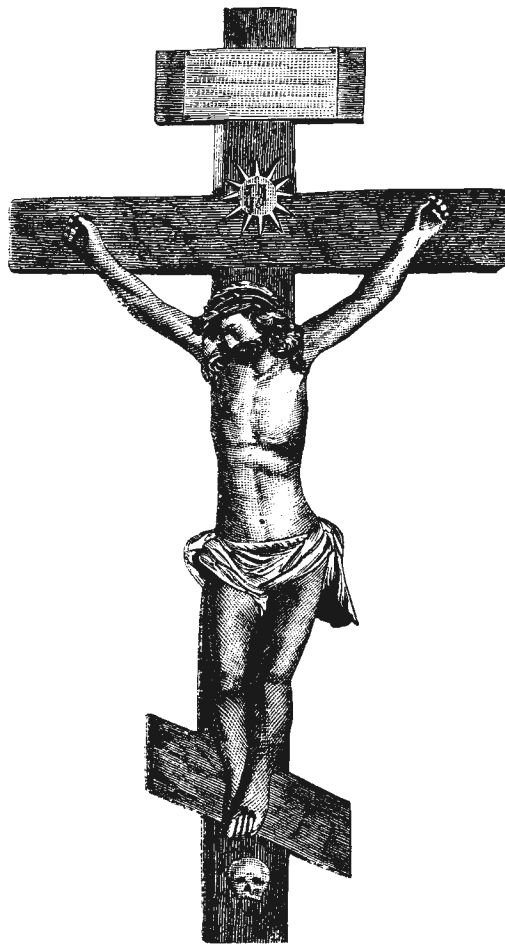
Городъ Старица, незначительный уѣздный городокъ въ Тверской губерніи, занимаетъ гористое и возвышенное мѣстоположеніе по обоимъ берегамъ рѣки Волги. Лѣвый берегъ Волги,

Населеніе Старицы достигаетъ до семи тысячъ душъ. Теперь главные промыслы составляютъ огородничество и извозъ; послѣдній, впрочемъ, съ открытіемъ Новоторжской желѣзной

дороги почти прекратился. Эта дорога, проходя отъ Старицы въ десяти верстахъ, отбила у старицкихъ ямщиковъ довольно порядочный заработокъ и принудила ихъ взяться за соху.

На прилагаемомъ рисункѣ изображены: на правой сторонѣ перваго плана гауптвахта, за нею на отлогой покатоности, идущей къ Волгѣ, видна часть рядовъ, церковь и часовня. На правой сторонѣ рѣки находится Старицкій Успенскій 2-го класса мужской монастырь.

Старицкій Успенскій монастырь основанъ княземъ Андреемъ Ивановичемъ вскорѣ послѣ полученія въ свой удѣлъ Старицы. Подъ колокольней главнаго соборнаго храма монастыря (Успенія Пресвятыя Богородицы) сохранилась до сихъ поръ келія патріарха Іова и каменная его гробница, а подъ сводами самаго храма находятся (по преданію) слѣды подземнаго хода подъ Волгу на старое городище, гдѣ находились палаты старицкихъ князей и царя Ивана Васильевича Грознаго. Кромѣ соборнаго храма въ монастырѣ находится старинная каменная Введенская церковь и надъ воротами ограды церковь св. Іоанна Богослова, построенная первоначально княземъ Андреемъ Ивановичемъ Старицкимъ, дядею царя Ивана Васильевича Грознаго. Въ монастырѣ находится при Введенской церкви деревянный крестъ собственноручной работы Императора Петра I съ слѣдующею надписью:

Крестъ собственноручной работы Императора Петра I, хранящійся въ Старицкомъ Успенскомъ монастырѣ.

„Изображеніе Иисуса Христа распята. Трудомъ Государя Императора Петра Великаго и его собственными руками сооруженное, во

время употребленія минеральныхъ водъ въ Кончозерѣ“.

Какимъ образомъ этотъ крестъ попалъ въ Старицкій монастырь—неизвѣстно. Можно предположить, что Императоръ Петръ I, проѣзжая чрезъ г. Старицу, захотѣлъ поощрить его труженниковъ по кузнечному мастерству и во время пребыванія въ Кончозерѣ соорудилъ своими руками крестъ, изображенный на нашемъ рисункѣ.

Въ заключеніе нашего краткаго очерка города Старицы считаемъ нужнымъ присовокупить, что первымъ архимандритомъ Успенскаго монастыря былъ Іовъ, внослѣдствіи патріархъ, а за нимъ Діонисій, келарь Троицко-Сергіевской Лавры. Какъ память о доблестномъ Діонисіи, въ Успенскомъ Старицкомъ монастырѣ сохраняется его серебряное кадило.

И. Красницкій.

принимая въ себя маленькую рѣчку Старицу, пробѣгающую глубокимъ оврагомъ, образуетъ почти отвѣсную скалу, гдѣ на самой ея вершинѣ въ 1297 году „бысть срубленъ городокъ на Волгѣ ко Зубцову на р. Старицы“. Этотъ городокъ, принадлежавшій Тверскому княженію подъ именемъ Новаго городка, въ концѣ XIV столѣтія „погорѣлъ отъ грома“ и затѣмъ вновь былъ отстроенъ, находясь уже во владѣніи князей изъ дома князя Михаила Ярославича. Когда пала гордая Тверь, присоединенная къ Московскому государству, то вмѣстѣ съ нею преклонилась передъ первопрестольной Москвою и городъ Старица. Изъ князей Московскаго рода Старицею владѣлъ сынъ Великаго князя Ивана Васильевича III, Андрей, отъ котораго г. Старица перешелъ въ наслѣдство, какъ родовой удѣлъ, сыну его Владимиру Андреевичу. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный любилъ г. Старицу и послѣ смерти своего племянника, Владимира Андреевича, посѣщать этотъ городъ довольно часто, укрѣпилъ его каменною оградой и большимъ землянымъ валомъ. За валомъ находились царскіе терема и старый соборъ (во имя св. Бориса и Глѣба), построенный по приказанію грознаго владыки въ стилѣ Покровскаго собора въ Москвѣ (церковь св. Василія Блаженнаго). Уничтоживъ послѣдняго удѣльнаго князя, Иванъ Васильевичъ укрѣпилъ свой любимый городъ Старицу, сохранившій до настоящаго времени названіе „Любимъ Города“. Со смертію Грознаго, г. Старица утратилъ свое прежнее значеніе и испытывая неоднократное раззореніе отъ Литвы и самозванца (тушинскаго вора), болѣе и болѣе приходилъ въ упадокъ и въ 1708 году былъ причисленъ къ Смоленской губерніи. Въ 1719 году онъ значился принадлежащимъ къ Тверской провинціи С.-Петербургской губерніи, гдѣ и находился до 1727 года. Послѣ того его отчислили къ Новгородской губерніи, въ составъ которой онъ пробылъ до 1775 года и, наконецъ, послѣ причисленія къ Тверскому намѣстничеству, онъ съ 1796 года составляетъ уѣздный городокъ Тверской губерніи.

Нужно замѣтить, что Старица въ недавнемъ прошломъ была довольно замѣтнымъ городомъ по кузнечному производству. Въ немъ производилась ручнаяковка топоровъ, серповъ, подковъ и косъ. Кромѣ того, доходъ жителей составляло добычаніе бѣлаго камня. Кузнечное производство, упавъ постепенно подъ давленіемъ такого же производства въ другихъ городахъ, въ настоящее время уже не обезпечиваетъ существованіе жите-

Рагуза.

Прежде глава славной республики, теперь незначительный городъ Далмаціи, Рагуза обязана своимъ основаніемъ переселенцамъ греко-романскаго происхожденія изъ Епидавра и Салони, бывшихъ древнихъ городовъ на Адриатическомъ побере-

жьѣ. Скалистый полуостровъ при подошвѣ крутой горы, гдѣ расположена теперь Рагуза, началъ заселяться епидаврианами со второй половины III вѣка, когда ихъ городъ былъ разрушенъ Готами. Три вѣка спустя, когда славяне разрушили Са-

Египтянки у водоёма. Картина Ганса Макарта, грав. Клюсь.
Библиотека "Руниверс"

лону, пришли сюда и поселились салоняне — и вот является новый город, который назывался сначала *Лауза* (скалнстий), а потом, под влиянием произношения, изменился в *Рагуза* и, наконец, *Рагуза* *). Выгодное приморское положение и равенство всех граждан перед законом привлекали сюда новых поселенцев, а предприимчивость и трудолюбие жителей обогащали рагузскую общину посредством торговли. Новый город был окружен врагами: с моря грозили пираты, с суши — славяне из Требинье. Община боялась расширять свои границы, крепко держась своей малодоступной для неприятеля скалы. Первое увеличение города приписывают Павяомиру, королю Кроацин, который за оказанное ему рагузянами убежище обвел их город укрепленьями, построил церкви св. Сергия и св. Стефана и исходатайствовал у папы, чтобы архиепископ епидаврский перенес свою резиденцию из Брено в Рагузу (690 г.). В VIII вѣкѣ рагузяне славутъ уже за отважных мореходцевъ, которые сами справляются съ пиратами. В IX вѣкѣ они уже ведутъ торговлю въ Герцеговинѣ, Боснии и далѣе къ Балканамъ и участвуютъ въ союзѣ, образовавшемся изъ папы, французскаго короля и византийскаго императора, съ цѣлью изгнать изъ Апуліи сарацинъ. Венеціанцы, встрѣтивъ въ рагузянахъ себѣ соперниковъ по торговлѣ, пытались было завладѣть доврѣчивой Рагузой посредствомъ хитрости, прося у рагузскаго сената позволенія высадить эскадру своего флота у города для запаса будто бы провизіей: но одинъ священникъ города донесъ сенату, что св. Василій, явившись ему во снѣ, открылъ ему о злонамѣреніи венеціанцевъ — и городъ былъ спасенъ. Съ той поры св. Василій сталъ считаться покровителемъ республики; во имя его былъ воздвигнутъ храмъ; изображение его было принято на національномъ знамени, а день памяти его сдѣлался народнымъ праздникомъ.

Территориальное расширеніе республики шло теперь быстрыми шагами; но земли приобретались не завоеваніями, а подарками отъ соседнихъ славянскихъ королей или купкою. У республики былъ возведенъ въ основной законъ принципъ — оказывать убежище всемъ угнетаемымъ, къ какой бы націи они не принадлежали. Многія царственные особы укрывались въ Рагузѣ въ годную смутъ борьбы за престолы, а потомъ, сдѣлавшись обладателями власти, дарили они республикѣ города и земли.

Въ началѣ XIII вѣка между гражданами Рагузы возникли важныя раздоры, такъ что сенаторъ призвалъ на помощь венеціанцевъ. Съ той поры, въ продолженіи 1½ вѣковъ, глава рагузской республики (ректоръ) былъ назначенъ венеціанскимъ сенаторомъ, рагузяне платили Венеціи опредѣленную дань и помогали своимъ флотомъ. Въ половинѣ XIV вѣка они вышли изъ-подъ власти сената св. Марка, но должны были искать покровительства у могущественнаго тогда короля Венгрии Людовика. Они платятъ ему ежегодную дань, 3 раза въ годъ воздаютъ ему *славу* въ церквахъ Рагузы и плаваютъ подъ венгерскимъ флагомъ. Въ это время турки уже ступили на европейскую почву. Рагузяне поняли ихъ силу и заключили дружественный договоръ съ Орканомъ, выговоривъ, конечно, себѣ право торговли на востокъ. Вообще Рагуза умѣла пользоваться торговыми преимуществами: платя дань всемъ своимъ соседямъ, она сторицею возвращала свои деньги черезъ торговлю въ тѣхъ же земляхъ. Правилomъ политики рагузянъ было: „лучше имѣть въ повелителѣ міра союзника, нежели врага“. Въ первой половинѣ XVI вѣка является такимъ повелителемъ Карлъ V, союзъ съ которымъ дорого стоилъ рагузянамъ: помогая ему въ войнахъ, они потеряли болѣе 320 судовъ. Но не смотря на трудность своего политическаго положенія, маленькая республика широко распространила свою торговлю: у нея были торговля конторы въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англии и на всемъ востокѣ; флагъ республики развивался на всехъ моряхъ, омывающихъ берега и материкъ новаго и стараго свѣта; флотъ ея имѣлъ болѣе 500 большихъ судовъ...

Находясь въ апогеѣ своего могущества, Рагуза была поражена въ 1667 году ужаснымъ несчастіемъ: страшное землетрясеніе разрушило большую часть города, похоронивъ подъ раз-

валинами зданій болѣе 5 тысячъ человекъ жителей. Замѣчательно, что это событіе произвело какую-то роковую панику на республику; духъ народа замѣтно упалъ, живительная сила націи какъ будто истощилась. Въ концѣ слѣдующаго столѣтія французы ослабили республику, потребовавъ отъ нея *безвозвратной ссуды* въ миллионъ франковъ, а въ 1806 г. они взяли Рагузу, уничтоживъ ея независимость. Съ 1814 г., когда Австрія, по вѣнскому конгрессу, получила себѣ Далмацію, территория Рагузской республики, вмѣстѣ съ своимъ главнымъ городомъ, вошла въ составъ Австрійской имперіи.

Такъ окончилось самостоятельное существованіе свободнаго города, въ которомъ въ цвѣтущую его эпоху, было до 30 тысячъ жителей, 47 церквей, 2 аббатства и 8 монастырей. Скажемъ кстати, что масса населенія республики принадлежала къ славянскому племени, но жители Рагузы были греко-романскаго происхожденія. Господствующая церковь была католическая, и только католики имѣли право гражданства. Литературный и дѣловой языкъ былъ латинскій или итальянскій: все ученія сочиненія писаны исключительно на этихъ языкахъ, славянскій встрѣчается только въ проповѣдяхъ и стихотвореніяхъ.

Теперешняя Рагуза — жалкая копія прежняго города; нынѣ въ ней только 6 тысячъ жителей. Вышнимъ своимъ видомъ напоминаетъ она средневѣковой городъ съ толстыми изъ дикаго камня стѣнами, башнями, рвами и подъемными мостами. Съ сѣверозападной стороны города, на крутой скалѣ, возвышается крѣпостца св. Лаврентія, господствующая надъ городомъ, а съ восточной — крѣпостца Равелинъ. Черезъ весь городъ идетъ въ запада на востокъ, совершенно прямая улица — Страдона, на протяженіи 150 саж. при ширинѣ до 5 саж. по ней много лавокъ съ галантерейными вещами и золотощейныхъ мастерскихъ, въ которыхъ дѣлаютъ красивыя вышивки на жилетахъ и короткихъ камзолахъ теперешнихъ жителей. Дома построены все изъ гранита, со многими балконами и молотками у воротъ, вмѣсто палихъ звонковъ. Отъ Страдоны идутъ въ обѣ стороны переулки, шириною не больше одной сажени. Такъ какъ эта улица идетъ при подошвѣ крутой скалы, то переулки въ эту сторону представляютъ собою крутыя лѣстницы, въ сотню ступеней каждая. На главной площади города, въ восточномъ концѣ Страдоны, замѣчательны слѣдующія зданія: таможня, кафедральный соборъ св. Власія и большой дворецъ, гдѣ жилъ ректоръ, т. е. правитель республики. Таможня снаружи имѣетъ видъ дворца, внутри ея находится дворъ со многими аркадами и магазинами подъ ними. Здѣсь собирались пошлины съ привозимыхъ товаровъ, чеканилась монета, происходили академическія собранія ученыхъ и поэтовъ, а также давались драматическія представленія. На зданіи таможни замѣчательна латинская надпись: „когда я вѣшу товары, Богъ держитъ мои вѣсы“. Соборъ св. Власія выстроенъ вновь послѣ землетрясенія; въ немъ находятся мощи: голова св. Лаврентія, голова св. Власія и рука того же святого. Зданіе дворца было въ 2 этажа, но верхній упалъ во время той же катастрофы 1667 года. Онъ напоминаетъ по архитектурѣ, какъ и прочія зданія Рагузы, постройки въ Венеціи; на фасадѣ его находится портикъ, подъ которымъ, на разставленныхъ кругомъ скамьяхъ, воссѣдали нѣкогда члены совѣта, а теперь укрываются тутъ жители въ ненастное время. Замѣчательны также 2 монастыря — доминиканскій и францисканскій, при которыхъ, въ бібліотекахъ, хранится много рукописей. Въ обоихъ концахъ Страдоны было устроено по фонтану, въ которыхъ шла вода изъ-за нѣсколькихъ верстъ отъ города, изъ источниковъ. Все улицы города вымощены плитою; чистота на нихъ замѣчательная. Населеніе вообще отличается опрятностью и честностью. Рагузская крестьянка идетъ въ городъ или въ новое или въ лучшее платьѣ, а чтобы не запачкались у нея дорогомъ чулки и башмаки, она идетъ до города босикомъ, а у городскихъ воротъ надѣваетъ свои чистые чулки и башмаки... Но теперь нѣтъ тамъ прежней кипучей жизни: Рагуза утратила все, чѣмъ прежде гордилась — свободу и богатство, науку и искусство, торговлю и промышленность, общественное управленіе и обычай.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Дочери сфинкса.

(Очеркъ П. фонъ-Винценти).

Между моремъ и пустыней лежитъ эта страна, страна, которую можно сравнить съ гранитнымъ ядникомъ. Рука Господня положила на дно этого ящика чудесный, райскій даръ на пользу людямъ — и съ тѣхъ поръ тамъ струится вѣчный Нилъ, тамъ вѣчное плодородіе. Имя страны благодатной — *Мизраимъ*. Подъ этимъ словомъ скрывается великая тайна африканской культуры, чарующей дѣтей XIX вѣка.

„Мизраимъ“ породилъ сфинкса — этого громаднаго символиче-

* Почему впоследствии славяне назвали Рагузу Дубровникомъ, рѣшить трудно. Объясненіе названія отъ *дуброва* оказывается несостоятельнымъ: скала, на которой построенъ городъ, совсемъ голая, безлѣсная. Можетъ быть, *Дубровникъ* получился изъ *Добровникъ*; тогда названіе намекаетъ на *доброту* жителей, оказывавшихъ у себя убежище всемъ недовольнымъ.

скаго гермафродита (двуполое существо), который въ продолженіи четырехъ тысячелѣтій стоитъ на стражѣ пирамидъ и глядитъ на священную рѣку — кормилицу людей...

Мы стоимъ на вершинѣ пирамиды Хеопса.

Какой видъ! Какаѣ страна! Вонъ тамъ — золотисто-зеленымъ вѣромъ раскинулись низменности дельты, изукрашенныя звонко-журчащими ручьями; вѣнцомъ того края является большой, свѣтлый городъ — около Мокаттама: съ высокыхъ, красивыхъ башенъ раздается призывный звонъ къ молитвѣ... А тамъ — что за улья, прильнувшіеся къ пагодамъ? Это — темныя хижины фелаховъ. Среди роскошной, сочной зелени катитъ свои волны величественный Нилъ, ослѣпленный вѣчно цвѣтущими пальмами.

Но сойдемъ съ Хеопсовой пирамиды.

Вотъ мы на землѣ, которую Всевышній осыпаетъ своимъ щедротами. У подножія чешуйчатыхъ стволовъ пальмъ волнуется

цѣлое море золотистыхъ колосевъ; сахарный тростникъ, индigo и хлопчатобумажныя плантаціи даютъ богатый доходъ; финиковыя пальмы, исполнискіе стручья рожковаго дерева, золотое пшено, фасоль—все это хлѣбъ для всѣхъ, только не для фелаховъ... Фелахъ, неутомимый радѣтель всей этой роскоши и изобилія—одинъ онъ голодаетъ, одинъ онъ терпитъ нужду!.. И такъ было испоконъ вѣка. Въ тѣ времена, когда упрямство, капризы фараоновъ воздвигали пирамиды изъ гранитныхъ глыбъ и человѣческихъ жизней, когда эти фараоны смогрѣли, какъ изъ Ливійской скалы выскочилъ сфинксъ—и тогда было не лучше фелахамъ. Въ этой благодатной странѣ народъ всегда былъ жалокъ несказанно: подъ лучами вѣчно, яркаго солнца онъ жилъ какъ бы въ потемкахъ, влача мрачную жизнь; у богатыхъ источниковъ бытія ему приходилось умирать отъ недостатка въ пищѣ; кругомъ него все ликовало, цвѣло, а онъ едва прозябалъ. Вотъ что мрачный Амру сказалъ Омару, хранителю государственной печати исламистскаго религіознаго фанатизма: „Есть народъ на берегахъ Нила, который, подобно пчеламъ, неутомимо работаетъ на всѣхъ, но только не на себя“. Это рабы—плуга! „Народъ фараона!“ восклицаетъ презрительно бедунинъ, да и самъ фелахъ, подъ гнетомъ суевѣрнаго страха, бормочетъ такія рѣчи: „Дѣти сфинкса, мы люди загадочнаго происхожденія... Мы обречены на вѣчное страданіе... О, добрая кровь, эта сфинксова кровь!“... Всѣ хищническіе народы, сосавшіе кровь Мизрама—эфиопы, персы и македоняне, римляне и арабы, мамелюки и турки—всѣ они или уже сгнули, или готовы сгнуться, только „дѣти сфинкса“ держатся, живутъ... Варварскія, разбойничьи племена вымирали подъ этимъ небомъ, а народъ фараона, этотъ червь, почти растоптаный въ песокъ Нила, сохранилъ свою физиономію, обнаружилъ невѣроятную живучесть, выносливость; цѣлыя тысячелѣтія не могли не только стереть его съ лица земли, но и измѣнить наружный видъ его... Хижины фелаховъ, какъ грибы послѣ дождя, вырастаютъ безостановочно среди развалинъ бывшихъ храмовъ.

Фелахъ, исконный рабъ этой земли, былъ рабомъ предъидущихъ и всѣхъ послѣдующихъ „славныхъ“ фараоновъ, которымъ онъ изъ собственной кожи вырѣзывалъ ремни для сандалій, кормя трудомъ своимъ этихъ людоедовъ. Въ былыя времена этотъ труженикъ могъ считать треть жатвы своею, а теперь—ему отдають только пятую часть ея... Вотъ какъ быть его удручилъ! Сборщики податей изъ Мемфиса и Фивъ стаскивали съ него послѣднюю рубашку, а вампиры изъ Каира и Сіута, за одно съ рубашкой, сдираютъ и кожу фелаха. Въ теченіе многихъ вѣковъ земледѣліе на равнинахъ Нила сдѣлало крупныя успѣхи, да преуспѣвали и бдствія „дѣтей сфинкса“; такъ что въ настоящее время нищета ихъ дошла до крайней степени.

Какъ, однако, не тяжело положеніе фелаха на берегахъ Нила—судьба фелахской женщины, „дочери сфинкса“, еще тяжелѣе, печальнѣе. Если мужнинъ иногда удастся стряхнуть бремя съ одного плеча, то женнинъ и такого облегченія не выпадаетъ на долю: она постоянно на обоихъ плечахъ тащитъ тяжесть, да еще вдобавокъ—за спиною у нея ребенокъ.

Фелахская женщина ввухаетъ глубокое состраданіе. Жизнь ея полна скорби; это въ полномъ смыслѣ жизнь безирровѣтная, безотрадная, какъ будто удрѣ этого существа—страданіе. Ребенкомъ растетъ она въ грязи, въ компаніи съ гусями, утками и рабочими буйволами. До шести лѣтъ фелашка весьма непривлекательна, но какъ только шесть лѣтъ исполнится ей—она разомъ преобразается: формы тѣла развиваются и становятся пластически-прекрасными, какъ у древней жейской статуи; черты лица дѣлаются поразительно похожими на тинчскія черты физиономіи сфинкса, изображеніе котораго вы встрѣчаете на каждомъ шагу въ Нильской странѣ. Перемѣна эта съ юной фелашкой совершается необыкновенно быстро—почти замѣтить нельзя перехода отъ дѣтства къ зрѣлому возрасту. Дѣвушка египтянка мгновенно, такъ сказать, становится такою, какою изобразилъ ее художникъ Макартъ... Прелестная картина его передъ нами: вотъ эта дѣвушка, стройная, какъ пальма, изящная, быстрая въ движеніяхъ своихъ, какъ воплощенная Изида. Взгляните на фелашку, вытаскивающую кувшинъ изъ воды—да это сама Батянті, любимая, быстроногая дочь великаго Сезостриса, подъ золотой тувелькой которой изнывали три фараона! Кому довелось видѣть позолоченныя ножки мумій въ гробницахъ царицъ египетскихъ, тотъ увидитъ на картинѣ Ганса Макарта указаніе на отличительный признакъ расы „дочерей сфинкса“—маленькую ножку. А какъ хороша эта тонкая, изящная рука фелашки!... Таія, увѣчанная лотосомъ, держала въ такой же нѣжной ручкѣ тяжелый скипетръ Аменоиса въ продолженіи двадцати одного года.

Кожа фелахскихъ женщинъ бронзоваго цвѣта; лобъ у нихъ короткій и узкій, но выразительный, типичный; носъ, какъ и у сфинкса, нѣсколько вздернутъ, а глаза, по формѣ, продолговатыя, цвѣтъ ихъ черный, они глубоки и блестящи, и всегда большіе, глядятъ какъ-то неподвижно изъ черной рамки (фелашки чернятъ вѣки). Какою изображена двѣнадцатилѣтняя фелахская дѣвушка на скульптурныхъ украшеніяхъ пещеръ Бэни-Гассана и Эль-Каба, такую же является она и теперь.

Фелашка, достигнувъ 11—12 лѣтняго возраста, становится уже женою и—наивная, чарующая прелесть ея лица, роскошь формъ исчезаютъ съ поразительной быстротой. Въ двадцать

лѣтъ лѣтъ она уже старуха, и часто производитъ даже отталкивающее впечатлѣніе.

Въ дни мимолетной, скоропроходящей молодости, „дочерей сфинкса“ величаютъ поэтическими именами; ихъ называютъ, напримеръ, *бреюмъ Нила, шафранной розой, цвѣткомъ жасмина* и т. п.

Одинъ изъ „Цвѣтковъ жасмина“ памятенъ мнѣ, и, конечно, я никогда не забуду его. Дѣвушка эта производила какое-то ошьяняющее впечатлѣніе. Она была единственнымъ ребенкомъ деревенскаго шейха въ Саидѣ, гдѣ фелахская раса отличается необыкновенною красотой.

Жаркій выдался денекъ,—казалось, будто солнце хотѣло высушить Нилъ. И въ такую-то знойную пору я въ первый разъ встрѣтилъ эту бронзовую красавицу у золотистаго просянаго поля: она медленно шла по тропинкѣ полевой, держа на правомъ плечѣ пузатый кувшинъ съ удлинненнымъ горлышкомъ... О, какое это было очаровательное видѣніе!.. На этомъ „Цвѣткѣ жасмина“ было нѣчто въ родѣ длинной тупики изъ тонкой голубой сѣтской матеріи; на головѣ у нея былъ платокъ, какіе обыкновенно носятъ фелахскія женщины, а въ ушахъ красовались большія серебряныя серьги въ видѣ трапецій; на темной изящной шейкѣ позвякивалъ уборъ изъ стеклянныхъ бусъ. Фелашки рѣдко когда закрываютъ лицо—и я видѣлъ черныя очи дѣвушки и полныя, алыя губки ея. Мнѣ хотелся пить, сказалъ я, и оба мы встали другъ противъ друга на колѣни. Тихо дыша, она медленно наклонила кувшинъ, къ которому я нагнулся... Освѣжающая влага не могла залить во мнѣ внезапно вспыхнуваемаго огня отъ этихъ черныхъ глазъ красавицы „дочери сфинкса“. На смуглой ручкѣ ея я замѣтилъ ярко-зеленую полоску, на которой было начертано что-то изъ корана... Дѣвушка навѣрно не могла прочесть этого стиха изъ священной книги, а если и знала, что написано на зеленой полоскѣ, то этимъ и ограничивались ея познанія въ религіи... Да, *дочери сфинкса* молятся мало, работаютъ много и строго соблюдаютъ цѣломудріе.

„Да освѣжитъ эта вода сердце твое“, проговорила она поднимаясь, и проговорила такимъ мелодичнымъ голосомъ, котораго сладко-болѣзненно сжимаешь сердце...

Дѣвушка пошла своей дорогой, а я стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ, слушаая, какъ позвякивали на ногахъ ея браслеты... Это именно и есть тѣ „соблазнительные“ звуки, отъ которыхъ, какъ извѣстно, даже коранъ предостерегаетъ богобоязненныхъ юношей.

Въ тотъ же день я узналъ, что эта „дочь сфинкса“ уже замужемъ нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ я увидѣлъ и мужа—истаго Антиноя. Спустя годъ я опять встрѣтилъ ее, но уже въ Сіутѣ, передъ дворцомъ мудира (губернатора). У груди ея лежалъ ребенокъ. Я спросилъ ее: гдѣ же мужъ? Она отвѣтила, что мужа успали воевать въ Бѣлый Нилъ, а что отецъ ея—въ тюрьму посаженъ за долги. Молодая женщина, продавъ свои послѣдніе, жалкіе уборы, притащилась въ Сіутъ, чтобы внести за отца часть денегъ. Въ мудиратѣ были того мѣня, что старикъ шейхъ долженъ заплатить собственною шкурою за вину другихъ, да къ тому же онъ и самъ тугъ на платежи—и вотъ ему прописана была „горячая бамбуковая каша“, какъ наилучшее, испытанное *лѣтотонное* средство. Шейхъ этотъ имѣлъ челоуѣческое сердце—ну, а это и довело его до бѣды. Его били палками до тѣхъ поръ, пока онъ не отдалъ послѣдней золотой монеты, или вѣрнѣе—пока эта монета сама изо рта его не выскочила отъ невыносимой боли... Изъ тюрьмы старикъ вышелъ полу-калѣкой, а „Цвѣтокъ жасмина“ поблѣкъ въ одинъ годъ, что же касается мужа ея, то наврядъ-ли ему вернуться съ Бѣлаго Нила... Впрочемъ, смерть солдата *лучше* смерти фелаха!

Взберемъ опять на Хеопсову пирамиду.

Вечерѣтъ. Солнце клонится къ Ливійскому горному хребту. Голая цѣпь Мокаттама окрашивается яркой лиловой краской. Вонъ тамъ, среди песчанной пустыни, залитой розоватымъ свѣтомъ, висится голова сфинкса, а пирамиды уже бросаютъ длинныя косыя тѣни, доходящія до самой рѣки. Со стороны степи подуваетъ легкій, но порывистый вѣтерокъ. Бедунны, улегшись у подножія сфинкса, затянули свои монотонную пѣсню... Они называютъ этого исполнскаго идола „отцомъ ужаса“ и всетаки снятъ беззаботно у его горячей, гранитной груди. „Дѣти сфинкса полагають, что судьба ихъ не удачится до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ съ окраины пустыни этотъ каменный, странный звѣрь, упорно глядящій на нихъ; они вѣрятъ, что когда пустыня поглотитъ сфинкса—тогда и проклятіе, давящее ихъ со временъ фараоновъ, потеряетъ свою силу, и фелахъ узнаетъ свободу.“

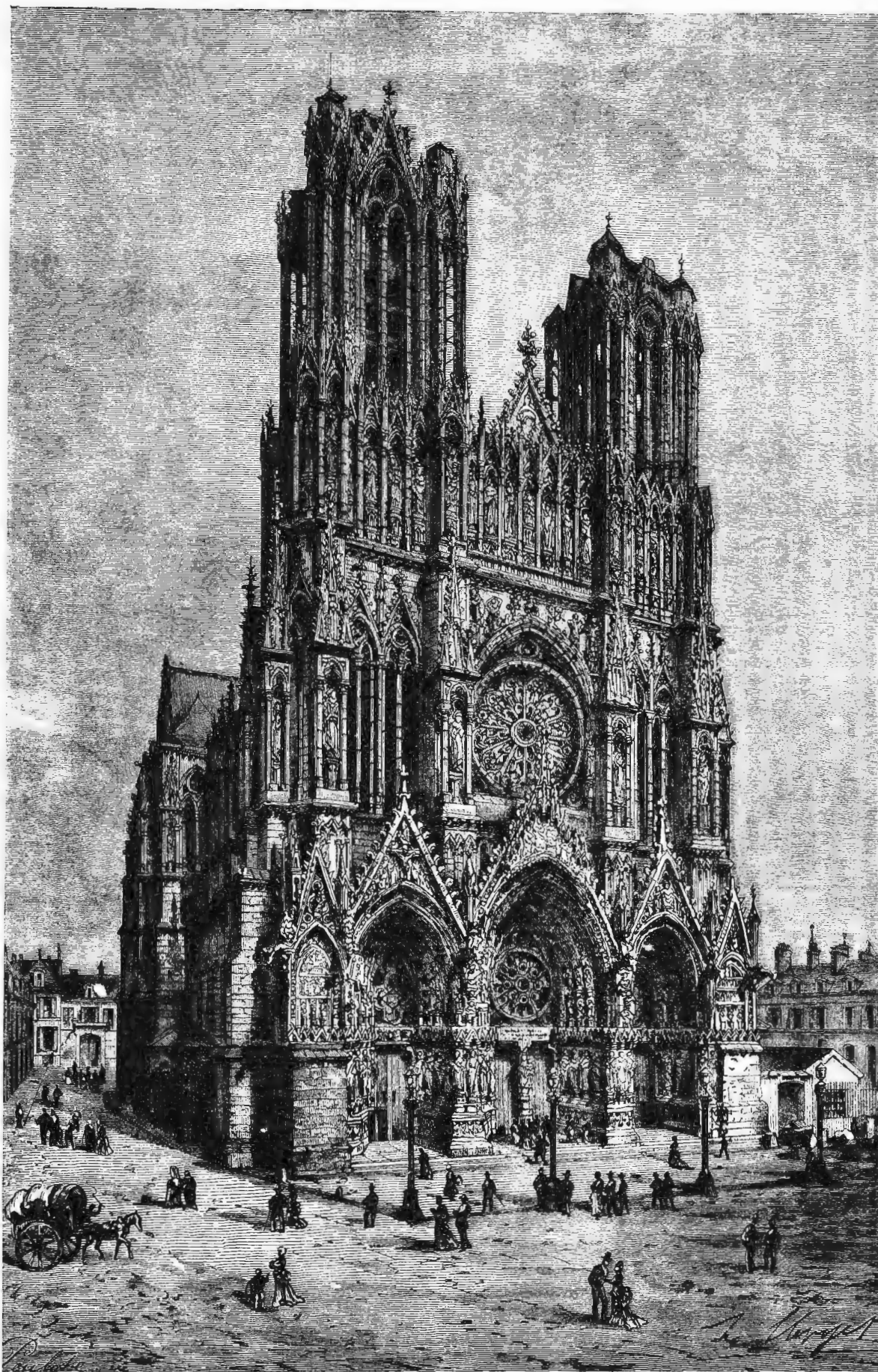
Пер—ъ.

РЕЙМСКІЙ СОБОРЪ.

Соборная церковь въ Реймсѣ принадлежитъ къ самымъ изящнымъ, великолѣпнымъ и величественнымъ памятникамъ среднихъ вѣковъ. Она извѣстна еще тѣмъ, что въ ней совершалась торжественная церемонія коронаванія почти всѣхъ французскихъ королей. Первая-же соборная церковь (по свидѣтельству реймскаго лѣтописца—ваноника) находилась за чертою горо-

Народы Россіи: Сванеты (Обит. въ горахъ западнаго Кавказа). Съ фотографіи г-на Микашевскаго.

Соборъ въ Реймсѣ. Рис. Марже, грав. Пелоти.

да и только въ IV вѣкѣ по Р. Х., была перенесена въ самый городъ. Въ слѣдующемъ столѣтїи св. Николай воспользовался древнимъ храмомъ въ цитадели реймской, посвященнымъ когда-то Венерѣ, и устроилъ въ немъ соборную церковь во имя Богоматери (Notre Dame).

Эбонъ, тридцать второй архіепископъ, распорядился (въ 822) перестроить этотъ храмъ, сдѣлать его болѣе обширнымъ, и затѣмъ освятилъ соборъ, хотя постройка его и не была окончена. Людовикъ Благочестивый отправилъ къ этому архіепископу своего архитектора Румольда и дозволилъ ему воспользоваться матерьяломъ, имѣющимся въ Реймсѣ, а именно развалинами городскихъ стѣнъ и воротъ, которыя разрушены были по повелѣнію Карла Мартела. Этотъ второй храмъ былъ оконченъ только въ X вѣкѣ при епископѣ Гинкмарѣ, который вторично освятилъ его въ присутствїи короля Карла Лысаго, коронованнаго въ Метцѣ (Лотарингїи).

24 іюля 1210 г. огонь истребилъ эту церковь, причемъ сгорѣла часть города. Робертъ де Кусси, знаменитый реймскій архитекторъ, взялся отстроить храмъ (1212 г.) и послѣ тринадцати лѣтъ труда далъ ему тотъ видъ, какой имѣетъ онъ въ настоящее время.

Въ 1481 г., и также 24 іюля, пять колоколенъ собора сдѣланы жертвою пламени. Дѣйствіе огня такъ было разрушительно, что одинадцать колоколовъ, вѣсившіе вмѣстѣ 34,000 фунт., расплавились, Карлъ VIII, прибывъ въ Реймсъ для коронаціи, ассигновалъ изъ доходовъ, получаемыхъ съ соляныхъ амбаровъ, значительную сумму на поправку собора.

Реймскій соборъ въ длину имѣетъ 107 метровъ (метръ нѣсколько болѣе аршина), въ ширину—31 м., въ высоту—82 м. Порталъ состоитъ изъ трехъ аркадъ, украшенныхъ статуями, надъ которыми (а также и надъ сводомъ средней аркады) находятся пять рядовъ маленькихъ изваяній, передѣланныхъ въ 1786—1792 годахъ. Башни состоятъ изъ аркадъ, колоннъ, капителей, пирамидъ (ажурной и рѣзной работы) и оканчиваются фигурами въ видѣ скошенныхъ кубовъ. Около капителей размѣщено 30 статуй епископовъ. На обѣ башни можно взойти, такъ какъ въ той и другой имѣется лѣстница въ 500 ступенекъ. Въ южной башнѣ помѣщается огромный колоколъ, извѣстный подъ именемъ „Charlotte“, имѣющій въ высоту и ширину по 2½ метра. Надпись на этой Шарлоттѣ (готическими буквами) гласитъ, что она отлита въ 1570 г. Піеромъ Дешаномъ въ Реймсѣ, вѣситъ двадцать три тысячи фунтовъ и имѣла воспріемникомъ кардинала Карла Лотарингскаго, а воспріемницею сестру его Ренэ.—На краю кровли виситъ колокольня „Ангела“, съ колоколомъ отлитымъ въ 1439 г., который увѣнчанъ статуей изъ позолоченной мѣди. Статуя эта имѣетъ высоты 2 метра.

Реймскій соборъ окруженъ 22 столбами или наклонно-поставленными подпорками, соединенными двойными арками. На каждой подпоркѣ стоитъ статуя какого-нибудь короля или ангела. Въ лѣвой боковой стѣнѣ собора—двѣ большія смежныя двери; пара такихъ же дверей и въ главномъ фасадѣ церкви. Храмъ освѣщается довольно хорошо, благодаря массѣ оконъ и четырехъ круглымъ амбразурамъ съ разноцвѣтными стеклами.—До 1779 г. по срединѣ собора, на пятахъ пола существовала лабиринтъ, сдѣланный въ 1240 г., т. е. устроена была цѣлая сеть извилистыхъ дорожекъ, изъ которыхъ смежныя отдѣлялись взаимно низенькой стѣнкой изъ кирпичиковъ, окрашенныхъ въ голубой цвѣтъ. На четырехъ углахъ этой „пѣшеходной задачи“—лабиринта—помѣщалось по портрету строителей собора, все-же вмѣстѣ служило памятникомъ для нихъ. По приказанію одного каноника (въ 1779 г.) лабиринтъ этотъ уничтожили; каноникъ, замѣтивъ, что какъ взрослые, такъ и дѣти обратили этотъ памятникъ въ забаву, въ особый родъ интересной прогулки, порѣшилъ покончить съ такимъ соблазномъ. Въ полукруглой части собора находится девять приделовъ. Въ 1747 г. сломанъ былъ амвонъ, закрывавшій хоры.

Во времена великой революціи реймскій соборъ былъ обращенъ въ храмъ богини Разума, вѣнчанъ его отъ этого не пострадала. Правда, въ 1793 году его хотѣли отдать какимъ-то коммерсантамъ изъ Шалона, но одинъ изъ реймскихъ гражданъ предложилъ правительству устроить въ упраздненной церкви Notre Dame политической клубъ. Предложеніе это было принято и клубисты имѣли свои застѣвкія на хорахъ собора, что и спасло такимъ образомъ этотъ средневѣковый памятникъ отъ рукъ націонскихъ подрядчиковъ-коммерсантовъ.

СВАНЕТИЯ И СВАНЕТЫ.

Дикая и суровая мѣстность Кавказа отражаетъ всѣ эти свойства и въ характерѣ своихъ обитателей—горцевъ. Замкнутые въ своихъ долинахъ, окруженные со всѣхъ сторонъ громадными горами, преграждающими всякое сообщеніе съ сосѣдями, горскія племена распадутся на множество отдѣльныхъ обществъ, непріязненныхъ и враждебныхъ между собою. Часто небольшое племя, изолированное дикою мѣстностью отъ остальнаго міра, представляетъ изъ себя какую-то первобытную породу людей, по бѣдности своего умственного и нравственного развитія и по незатѣйливости своихъ жизненныхъ потребностей. Однимъ изъ такихъ, живущихъ въ первобытной дикости, племенъ, по справедливости могутъ назваться Сванеты или Ша-

ны, населяющіе въ числѣ 11,000 душъ одинъ изъ возвышеннѣйшихъ пунктовъ западнаго Кавказа. Высокія горы и глубокой, долго не тающій снѣгъ, въ теченіе зимы почти совершенно уединяетъ эту страну отъ остальнаго міра и замкнутые въ своей котловинѣ, сванеты представляютъ изъ себя какъ бы жителей уединеннаго острова среди цѣлага океана горъ. Такъ черезъ латпарскій перевалъ, служащій предѣломъ между Дадіановой и вольной Сванетїей, можно только перейти двумя путями; однимъ доступнымъ лишь лѣтомъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ и другимъ—зимнимъ, на который могутъ отваживаться лишь самыя смѣлые и ловкіе пѣшеходы. Чтобы пройти здѣсь и не свалиться въ какую-нибудь бездонную кручу, необходимо обладать опытностью и смѣлостью горца. Тутъ приходится то лазить по карнизамъ скалъ, то спускаться по обрывамъ, то переправляться черезъ бурные потоки или переходить по мостикамъ, настроеннымъ изъ нѣсколькихъ черекладнѣвъ и качающимся отъ малѣйшей тяжести. Неудивительно, что такая негостепримная страна долгое время была положительно terra incognita и лишь въ 1847 году ее посѣтилъ первымъ изъ русскихъ, бывшій кутанскій вице-губернаторъ Колобякинъ и получилъ отъ семи обществъ заявленіе покорности русскому правительству. Нужно сознаться, что эта покорность нѣрѣдко въроломно нарушается туземцами и часто законныя требованія власти или появленіе начальства въ ихъ горы съ какимъ-нибудь официальнымъ порученіемъ влечетъ за собою открытое сопротивленіе, сопровождаемое кровавой схваткой. Такъ еще весьма недавно, въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ вольной Сванетїи, въ селенїи Холдахъ, состоящемъ изъ пятнадцати домовъ, расположенныхъ въ неприступной мѣстности, пронзали весьма серьезные беспорядки, потребовавшие вмѣшательства вооруженной силы для арестованія скрывшихся тамъ преступниковъ. Сванеты въ своей запальчивости убили при этомъ случаѣ многихъ лицъ изъ мѣстнаго начальства и вообще пролито было много крови, пока не заставили ихъ смириться. Такая склонность сванета къ мятежу и неповиновенію является результатомъ его широкой, независимой натуры. Она не допускаетъ никакихъ мѣръ, которыя бы клонились къ ограниченію его необузданной свободы; онъ дикъ и суровъ по природѣ и въ отношенїи развитія находится въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ сванетахъ замѣчаются самыя крайнія противоположности характера и самая странная смѣсь хорошихъ и дурныхъ свойствъ. Они веселаго нрава, добродушны, гостепримны и въ то же время мстительны, горды и недоверчивы, особенно къ русскимъ. Лично они храбры, но неспособны къ дружному дѣйствію противъ общаго врага. Одна корысть и зависть можетъ ихъ побудить къ какому-нибудь опасному или рискованному предпрїятію. Сванеты не падаютъ открыто, но притаясь за кустомъ или камнемъ выжидаютъ противника. Убить человѣка за какіе-нибудь пустяки ничего не значить для сванета; оттого въ Сванетїи съ давнихъ поръ деревня враждуетъ противъ деревни, общество противъ общества. Сванеты должны постоянно бороться встрѣчи съ кровомѣстникомъ; онъ всегда на сторожѣ и рѣдко ночью отваживается выйти изъ дому. Чужому человѣку въ Сванетїи на каждомъ шагу представляется затрудненіе въ отысканїи самаго необходимаго. Вслѣдствіе рѣдкихъ сношеній съ другими племенами, сванеты не способны вѣрно оцѣнивать свой трудъ и свои услуги и придаютъ имъ непомѣрно высокую цѣну. Горный инженеръ Гилевъ, посѣтившій Сванетїю для изслѣдованія ея минеральныхъ богатствъ, по его словамъ, долго и напрасно старался прїучить сванетовъ къ правильно организованному труду и къ опредѣленной заработной платѣ. А то, напримѣръ, по его разсказу, наймутся сванеты везти за извѣстную плату вещи и везутъ спокойно одинъ день, а на другой говорятъ, что вещи стали тяжелѣе и требуютъ надбавочнаго вознагражденія. Если же подраятъ копать землю, то четыре человѣка работаютъ, а десять смотрятъ на нихъ и болтаютъ, что такъ работать неприлично и что такъ трудятся лишь въ Сибирѣ; работники бросаютъ начатую работу и ни за что не хотятъ продолжать ее. Цѣнность нашихъ кредитныхъ бумажекъ имъ очень мало извѣстна и не очень давно былъ случай, что такія бумажки, принятые за красивыя картинки, пошли на обклеивку сажи. При всемъ этомъ нужно замѣтить, что сванеты замѣчательно честны. Случай воровства здѣсь чрезвычайно рѣдкъ и всякій считаетъ себя виноватымъ убить врага съ спокойною совѣстью.

Жилища сванетовъ отличаются особенной оригинальностью. Обитая въ деревняхъ, раскинутыхъ по скаламъ и горнымъ долинамъ, они укрѣпляютъ свои жилища четырехугольными, высокими башнями, сложенными изъ необтесанныхъ камней. Въ башню входятъ по деревянной приставной лѣстницѣ, которая можетъ быть отнята во всякое время. Такого рода башня составляетъ какъ бы цитадель каждаго жилища и въ виду опасности семья сванета укрывается въ ней со всемъ своимъ скотомъ и имуществомъ.

Разнообразіе въ климатѣ верхней и нижней Сванетїи отражается въ наружности ихъ жителей; обитатели нижней Сванетїи смуглы и отличаются довольно мягкими чертами лица, тогда какъ верхніе сванеты большею частью бѣлокуры и суроваго вида. Высокіе ростомъ, сильные и здоровые сванеты часто страдаютъ зубами, достигающими до безобразной величи-

ны—недугомъ, столь часто встрѣчаемымъ у горныхъ жителей. Умопомѣшательство считается у сванетовъ самымъ страшнымъ наказаніемъ и вообще всякое психическое расстройство приписывается дѣйствію невѣдомыхъ и темныхъ силъ. Сванеты вообще крайне суевѣрны и множество самыхъ пелѣвыхъ предразсудковъ и вздорныхъ обрядностей уродуютъ исповѣдуемое ими христіанство. Всѣ обряды церкви здѣсь до крайности перепутаны. Церквей много, но внѣшность ихъ и внутренность мало напоминаютъ христіанскіе храмы. Это—неуклюжія зданія, построенныя изъ грубовытесаннаго, пористаго камня и покрыты тесомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ украшены аляповатыми арабесками, состоящими изъ крестовъ и головъ животныхъ. На стѣнахъ нарисованы или святые, или разные баснословныя герои въ борьбѣ съ разными чудовищами. На паперти, а иногда и внутри, видны остатки костровъ и валяются обгорѣлыя кости, что происходитъ отъ дѣшняго обычая разводить въ храмѣ огонь и варить мясо приносимыхъ въ жертву барановъ и козъ и тутъ же пожирать ихъ въ общей трапезѣ. Сванеть поощряетъ церковь весьма рѣдко, входитъ въ нее постоянно въ шапкѣ и съ трубкой и не оказываетъ никакого уваженія къ своимъ духовнымъ пастырямъ, составляющимъ здѣсь отдѣльное сословіе, въ которомъ священство переходитъ наследственно отъ отца къ сыну. Священники, не отличаются отъ мірянъ ни одеждой, ни образомъ жизни; они также носятъ оружіе, но при входѣ въ церковь снимаютъ его, кромѣ кинжала. Большинство ихъ неграмотно и все ихъ священнослуженіе состоитъ изъ чтенія разныхъ отрывковъ молитвъ и псалмовъ. Они совершаютъ церковную службу не постоянно, а лишь по приглашенію желающихъ лицъ, обязанныхъ при этомъ принести *незмзурухъ*, т. е. жертвоприношеніе, состоящее изъ барана или чего либо съѣстнаго, для общей трапезы. Вообще нужно сознаться, что эти представители церкви мало чѣмъ отличаются отъ народа въ своихъ суевѣріяхъ и грубыхъ заблужденіяхъ.

Извѣстный археологъ Бартоломей, во время своей поѣздки въ Сванетію, увидѣлъ въ одномъ храмѣ древнюю бронзовую лампаду, имѣвшую форму башмака и которую мѣстные священники считали ничѣмъ инымъ, какъ башмакомъ самаго дьявола, передавая, что этотъ башмакъ онъ носилъ тогда, когда соблазнилъ Еву и что онъ его потерялъ при сошествіи на землю Спасителя. При такомъ грубомъ невѣжествѣ духовнаго сословія немудрено, что народъ погруженъ въ мракъ самаго первобытнаго фанатизма. Такъ, въ одной изъ деревень Ушкульскаго общества хранился прежде кусокъ краски, которую считали священнойю. Разъ въ годъ разводили водою немного этой краски и пекли изъ нея хлѣбъ, съѣдаемый въ храмѣ всей общиной. Лѣса, окружающіе развалины церквей, народъ считаетъ священными и не рѣшается при всемъ недостаткѣ топлива, вырубить въ нихъ хѣтъ одинъ прутникъ. Всѣ христіанскіе обряды и таинства сванетъ передѣлываетъ по своему, уродуя ихъ смыслъ и значеніе. Такъ все таинство крещенія заключается въ томъ, что отецъ бросаетъ въ колыбель новорожденнаго двѣ пули, одну за себя, другую за него. Въ этомъ обычаѣ выражается то народное возрѣніе, что отецъ видитъ въ сынѣ прежде всего помощника въ священномъ для него дѣлѣ кровомщенія. Совершая клятву, сванетъ становится передъ образомъ и бросаетъ въ него пулю. Священникъ, поднимая пулю, бросаетъ ее въ кланущагося и такая клятва, какъ говорятъ, рѣдко нарушается. Иконы пользуются у сванета глубокимъ уваженіемъ, которое онъ простираетъ до того, что не считая себя достойнымъ лобызать ихъ, лишь чмокаетъ при видѣ ихъ губами, какъ бы цѣлуя окружающій ихъ воздухъ. Послѣ Спасителя, Богородицы, св. Георгія и архангела Гавріила, однимъ изъ главныхъ предметовъ народной любви и уваженія является грузинская царица Тамара. По народному преданію она жила въ Грузіи, но особенно любила свою Сванетію, строила въ ней многочисленныя церкви и щедро украшала ихъ. Народъ до сихъ поръ не забылъ ея благодѣяній. По ея вѣрованію, Тамара и теперь еще жива и скрывается въ подземельѣ въ Ушкули, подъ церковью Божіей Матери, гдѣ она сидитъ въ кувшинѣ и держитъ въ рукахъ свѣчу. Открыть ее нельзя, потому что за этимъ открытіемъ Сванетіи угрожаютъ страшныя бѣдствія. И въ своихъ духовныхъ пѣсняхъ сванетъ прославляетъ Тамару и въ одной изъ нихъ описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Царица Тамара,—поетъ онъ,—подобна Божіей Матери. Голова ея увѣнчана золотомъ діадемою, въ ушахъ висятъ брильянтова серги, на шеѣ одѣто ожерелье изъ драгоценныхъ камней зеленого

и красного цвѣта. Вся она, облеченная въ свѣтопосныя ризы, сіяетъ какъ Божія Матерь. Она въ теченіе 6-ти дней, въ честь Пресвятой Дѣвы, созидаетъ церковь и украшаетъ по образу своему. Говоритъ сванетамъ: я воздвигла вамъ храмъ Бога безсмертнаго. Я не безсмертна. Къ нему единому обращайтесь въ молитвахъ вашихъ, и онъ будетъ васъ хранить во имя Иисуса Христа. Аминь“.

Благоговѣя передъ Тамарой, какъ передъ святой и безсмертной женщиной, сванетъ съ презрѣніемъ относится къ женщинамъ вообще и считаетъ ее существомъ низшаго разряда, рожденнымъ для вѣчнаго рабства и подчиненія его волѣ. Рожденіе дѣвочки считается семейнымъ несчастіемъ и сванетъ часто употребляетъ въ дѣло даже убійство, чтобы отдѣлаться отъ такого ненавистнаго чада. Обычай умерщвлять поворожденныхъ дѣвочекъ былъ прежде весьма распространенъ въ Сванетіи, но теперь, благодаря участію правительства, становится все рѣже и рѣже. Сванетъ убѣжденъ, что убійство дочери ведетъ за собою рожденіе сына—гордость и надежду каждой семьи. Спрашивать сванета о здоровьѣ его жены, значитъ обидѣть его и самому сдѣлать неприличный поступокъ. Говорить съ женой или сидѣть съ нею рядомъ, сванетъ считаетъ за стыдъ и по возможности избегаетъ ея общества. Но не смотря на такое рабское и унижительное положеніе сванетской женщины, мѣстные нравы представляютъ ей нѣкоторыя льготы, потерпимыя у другихъ кавказскихъ племенъ. Она можетъ свободно вступать въ разговоръ съ посторонними мушкетерами, шутить съ ними и даже кокетничать. Не только убійца, но даже ударить или обругать женщину считается у сванетовъ большимъ проступкомъ. При частыхъ дракахъ, женщины иногда бросаются въ толпу дерущихся и одно ихъ появленіе тогчасъ же прекращаетъ рѣзню. По понятіямъ мѣстной эстетки, красивая женщина должна обладать широкими плечами, маленькой ножкой, полною грудью и тонкимъ станомъ. Для сбереженія изящныхъ формъ стана, многіе родители обшиваютъ своихъ дочерей съ десятилѣтняго возраста кускомъ сырой кожи отъ бедеръ до груди и заставляютъ ихъ носить этотъ страшный корсетъ до самаго замужества. Браки совершаются въ Сванетіи очень просто. Послѣ сговора и уплаты калыма невеста переходитъ въ домъ жениха. Здѣсь молодыхъ сажаютъ и священникъ связываетъ полу платья жениха съ рукавомъ платья невесты, произнося сначала: „во имя Отца, и Сына, и Святаго духа“, а потомъ „Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу“. Затѣмъ всѣ поздравляютъ молодыхъ—и обрядъ оконченъ. Каждый сванетъ одновременно можетъ имѣть лишь одну жену, но при желаніи жениться на другой, никто не помѣшаетъ ему прогнать первую.

Нарядъ сванета мало чѣмъ отличается отъ наряда имеретинца и мингрельца; его составляетъ та же неизмѣнная череска изъ грубаго чернаго или сѣраго сукна съ двѣнадцатью патронами на груди; на ногахъ одѣты сафьянные башмаки безъ подошвы, а чаще всего простые лапти. Сванетъ щеголяетъ однимъ лишь оружіемъ и любитъ, чтобы оно было у него дорогое и изящное по отдѣлкѣ. Въмѣсто шапки сванетъ часто накрываетъ голову маленькимъ шелковымъ кружкомъ, подшитымъ кожею и подвязаннымъ на подбородкѣ тоненькимъ чернымъ шнуркомъ. Замѣчательно, что этотъ страшный головной уборъ ни что иное, какъ самое первобытное, метательное орудіе, а именно праща, изъ которой древній человѣкъ металъ камни при встрѣчѣ идущаго на него врага. Женщины въ Сванетіи ходятъ подъ покрываломъ; носятъ на головѣ повязки или красныя шапки, а къ ногамъ иногда подвязываютъ деревянныя сандалы, а большею частью ходятъ босикомъ.

Главное занятіе сванетовъ—это земледѣліе. Скотоводство ничтожно, а торговля и промышленность, конечно, не могутъ развиваться у такого бѣднаго и отчужденнаго народа. Замѣчательно, что торговля ихъ, при всей ея незначительности, находится въ рукахъ евреевъ, живущихъ въ небольшомъ числѣ въ княжеской Сванетіи. Хотя они нынѣ христіане, но сванеты ненавидятъ ихъ, относятся къ нимъ съ презрѣніемъ, въ торговыхъ же сношеніяхъ не могутъ обойтись безъ ихъ содѣйствія. Вообще эти дѣти природы крайне нуждаются въ посторонней опеке и помощи, и нѣтъ сомнѣнія, что при многихъ хорошихъ качествахъ, присущихъ сванету, благоразумная опека, не насилующая его завѣтныхъ обычаевъ, можетъ и среди этого забытаго племени положить начало умственному и нравственному совершенствованію.

А. Н.—свій.

Политическое обозрѣніе.

Циркулярная депеша нашего государственнаго канцлера, князя А. М. Горчакова, отъ 19 января, къ нашимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ, является естественнымъ послѣдствіемъ недавно закрытой и неудавшейся конференціи. Она есть прямой и энергическій, хотя въ то же время миролюбивый запросъ со стороны сознающей свое достоинство державы, какова Россія, къ европейской дипломатіи. «Отказъ Порты—удовлетворить желаніямъ Европы, вводитъ восточный вопросъ въ новое

положеніе»—такъ начинается депеша. Затѣмъ существенный пунктъ ея заключается въ словахъ: «Его Императорскому Величеству желательно, прежде чѣмъ опредѣлить Свой послѣдующій образъ дѣйствій, узнать, какъ полагаютъ поступить кабинеты, съ которыми мы старались до сего времени, и впредь полагать, насколько это будетъ возможно, дѣйствовать сообща. Намъ необходимо знать, какъ отзовутся на этотъ отказъ и чѣмъ намѣреваются обезпечить исполненіе своихъ требованій кабине-

ты, действовавшие за одно съ нами?»

На этот, полный достоинства, голос еще нет прямого ответа. Замѣчательно, что какъ бы въ отвѣтъ на циркулярную ноту Россійскаго канцлера, вдругъ въ Стамбулт совершается важный переворотъ. Мидхадъ-паша, великій визирь, низверженъ и высланъ изъ Константинополя, а на мѣсто его поставленъ Эджемъ-паша, бывшій турецкій посланникъ въ Берлинъ.

Изъ этого неожиданнаго событія явствуетъ, что съ низверженіемъ Митхада измѣняется и самый характеръ турецкой политики. Говорятъ, можно надѣяться теперь на мирныя соглашенія по восточному вопросу; но къ чему они поведутъ и на долго-ли?

Что касается хода мирныхъ переговоровъ между Сербіей и Турціей въ Вѣнѣ, о которыхъ мы говорили въ прошломъ № «Нивы», то, благодаря упорству Порты, дѣло подвигается не впередъ, а назадъ, наступилъ даже на нѣкоторое время полный застой. Порты все возвышаетъ и возвышаетъ степень своихъ «гарантій». Отъ 25 янв. (6 февраля) Порты дала приказаніе своему послу въ Вѣнѣ, Алеко-пашѣ, предложить Сербіи слѣдующіе 7 пунктовъ для заключенія мирныхъ условій:

- 1) выслаку турецкихъ подданныхъ, укравшихся въ Сербію;
- 2) уничтоженіе (!!) Омладинъ и другихъ тайныхъ обществъ;
- 3) запрещеніе инсургентскимъ бандамъ переходить въ Турцію;
- 4) турецкій флагъ надъ Българскою крѣпостью;
- 5) постоянное пребываніе въ Сербіи турецкаго агента;
- 6) запрещеніе строить новыя крѣпости;
- 7) statu quo съ признаніемъ вассальной зависимости отъ Порты. Въ видѣ дополнительныхъ подробностей, нужно еще прибавить, что Порты требуетъ, чтобы Сербія сохранила свои крѣпости въ исправности и чтобы на нихъ, рядомъ съ сербскимъ флагомъ, былъ выставленъ турецкій флагъ, чтобы уравнены были права католиковъ и евреевъ, наравнѣ съ сербами. Условія крайне тяжелыя, и очевидно, что Порты къ истощенной войною Сербіи намѣрена приложить варварскій принципъ: *«iure victor dominat»*! Вѣнскія газеты выражаютъ твердую увѣренность, что Сербія приметъ эти тяжелыя условія, и затѣмъ отправитъ въ Константинополь своихъ специальныхъ уполномоченныхъ. На этомъ последнемъ условіи особенно настаиваетъ Порты.

Но подобное возмутительное преобладаніе варварскаго неправдаго государства надъ правымъ и побѣжденнымъ, изнуреннымъ въ борьбѣ за своихъ братьевъ, едва ли возможно при настоящихъ обстоятельствахъ, не смотря даже на европейское туркофильство.

Что касается Черногоріи, то телеграфъ извѣстилъ отъ 27 января (8 февраля), что великій визирь послалъ на дняхъ къ князю Черногорскому депешу, въ отвѣтъ на которую князь Николай изъяснилъ готовность немедленно заключить миръ съ Портою на основаніи сохраненія status quo и начать переговоры объ исправленіи границъ княжества. Отправилъ въ Константинополь делегатовъ князь Николай считаетъ бесполезнымъ, а желаетъ, чтобы переговоры велись въ Вѣнѣ съ тамошнимъ турецкимъ посломъ. Трудно думать, чтобы это извѣстіе было исполнено; точно также трудно допустить мысль о томъ, что «восточный вопросъ» снова уладится мирно. Если это случится, то, само собою понятно, весьма не надолго, ибо паденіе Турціи, уже давнымъ давно начавшееся, конечно, нельзя остановить, какими бы искусственными мѣрами для этого не предпринимались ея западно-европейскими друзьями.

— Изъ Лондона телеграфъ принесъ намъ отъ 26 января (7 февраля), извѣстіе, что въ этотъ день нашъ посолъ въ Лондонѣ, графъ Шуваловъ, вручилъ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ, лорду Дерби, циркулярную депешу нашего государстнаго Канцлера, князя Горчакова. Вскорѣ назначено открытіе засѣданій Англійскаго Парламента—и тогда парламенту будетъ представлена дипломатическая переписка по восточному вопросу.

— Специальная телеграмма изъ Кишинева (отъ 25 января), напечатанная въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», извѣщаетъ, что Его Императорское Высочество, главнокомандующій дѣйствующею арміею, отправился съ ближайшею свитою на нѣсколько дней въ Одессу, и затѣмъ телеграфъ извѣстилъ, что Его Высочество изволилъ прибыть благополучно въ Одессу во вторникъ (25) въ 5 часовъ.

С М Ъ С Ъ.

Мысли Лафатера. Забыть себя—есть лучший способъ насладиться собой.

Когда возрастаетъ эгоизмъ, наслаженіе самимъ собою уменьшается; когда эгоизмъ уменьшается, оно возрастаетъ.

Истинно добрый человѣкъ забываетъ свои печали въ чужихъ печаляхъ и радости свои въ радостяхъ себѣ подобныхъ.

Въ составъ хорошихъ часовъ входятъ 902 штуки; онѣ занимаютъ 215 человѣкъ сорока различныхъ мастерствъ; желѣзо, необходимое для главной пружины, не стоитъ двухъ копейкъ; бывъ обращено въ сталь, оно продается за 42 к., а сдѣланный изъ этой стали волосъ или пружина въ 2,972 метра стоитъ уже 325 рублей.

ПОЧТОВЫЯ ЯЩИКЪ.

1. Нижний-Новгородъ, А. М. Гидъ — у. Отъ предложеній вашихъ отказываемся. Изъ длиннаго стихотворенія «Жизнь человѣка» беремъ только двѣ строки:

Жизнь человѣка, какъ лѣтній цвѣтокъ:
Проживъ четверть вѣка, онъ веселъ и бодръ.

Эти строки, по ясности своей мысли, напоминаютъ изрѣченіе одного мудреца, который говоритъ: «Жизнь человѣка подобна цвѣтку въ долинѣ: онъ цвѣтетъ во всей своей красотѣ; вдругъ приходитъ козелъ, съѣдаетъ его — и человѣка нѣтъ».

2. Ставрополь, Евг. П. Сухаръ — у. Никакихъ статей и стиховъ вашихъ мы не получили, сохотѣмъ внимательнѣе взглянуть въ редакторскую подлинъ на «Нивѣ».

3. Москва, Чистые Пруды, Э. Оле — Б — гъ. Помѣщаемъ первую строфу вашихъ стиховъ:

Въ роскошномъ залѣ на диванѣ
Передъ Глѣзпой и сидѣлъ,
Очень мило и пріятно
Въ прелестнаа очі ей глядѣлъ...»

Счастливицкѣ!

СОДЕРЖАНІЕ: Василій Ивановичъ Виноградовъ (съ портретомъ) — Избытокъ жизни (Идиллія въ прозѣ). Окончаніе Н. Про — на. — Городъ Старица (съ двумя рисунками). И Красничаго. — Рагуза (съ рисункомъ) — Дочь Свиниса. Очеркъ П. фонъ-Винценци (съ рисункомъ). Перъ — Реймскій Соборъ (съ рисункомъ). — Сванетія и Сванети (съ рисункомъ) А. И — сяго. Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Почтовый ящикъ. — Объявленія. — Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ФЕВРАЛЬ съ 30 рисунками и большой листь съ 27 чертенеми выкроекъ въ натуральную величину и разнообразныхъ буквъ для вышивки и мѣтки бѣлья.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ «Ф. ПАЗДИРЕКЪ.»

въ Москвѣ, на Большой Лубянкѣ въ домѣ Марцеловой; поступила на комисію слѣдующія книги:

1. **СОЗРЕВАНІЕ ТЕОРИИ МУЗЫКИ И ТЕОРИИ ЗВУКОВОЙ ГАРМОНИИ,** выработана на практикѣ и свойствами существующихъ инструментовъ, основанная на естественныхъ законахъ съ приложеніемъ статьи о мелодіи и подраженіяхъ, сочиненіе **М. КНОПФЪ.** цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою ко всеѣ города Россійской Имперіи 1 р. 70 коп.

Предлагаемая здѣсь мною книга выработанная съ цѣлью помочь на сколько возможно г-мъ любителямъ — музыкантамъ, которые, желая ознакомиться съ теоріей музыки, вынуждены сознавать, что существующія сочиненія не достигаютъ желаемой цѣли, и не удовлетворяютъ потребности г-дъ любителей. Эти сочиненія или не снѣ своей сложности, или черезъ-чуръ растауютъ, касаются совершенно нашинихъ подробностей для любители-дилетантовъ, или касаются одной только части теоріи музыки, или же наконецъ безосновательно дороги. Имѣя это въ виду, я старался исполнить удовлетворить всѣмъ требованіямъ г. дилетантовъ, сдѣлать удобно-понятнымъ и яснымъ тѣ законы и правила, на основаніи которыхъ пишется и исполняются музыкальныя произведѣнія. При томъ цѣль моя была та, чтобъ всякій могъ ознакомиться съ теоріей музыки безъ помощи учителя, что при другихъ сочиненіяхъ почти не возможно; и надежда, что трудъ мой доставитъ пользу какъ въ исполненіи лнцѣмъ будетъ служить мнѣ вполнѣ наградою.

М. КНОПФЪ.

2. **ПУТЕВОДИТЕЛЬ при обученіи ИГРѢ НА ФОРТЕПИАНО** педагогическое практическое руководство съ планомъ обученія отъ перваго начала до высшаго усовершенствованія. Посвящено юности.

Составилъ Карлъ Веберъ

инспекторъ музыки Московскаго Маріинскаго института, бывшій профессоръ-Адъюнктъ Московской Консерваторіи.

1—1

2—1 **ИЗЪ БУМАГИ**

и изъ бумаги яркой полотною зороганна, манишки и манжеты. Дешевле стирки. Высылаютъ (по мѣрѣ) не менѣе чѣмъ на 3 руб. Въ депю амер. бумажнаго бѣла, подъ фирмою «Городъ Цюрихбергъ» въ старомъ Газетномъ пер. домѣ Шаховскаго въ Москвѣ. Тутъ же **ЦѢПОЧКИ**

накладнаго золота и чрезъ огонь золочена единственныя нечернѣющія, короткіи отъ 2-хъ до 6-ти руб., шейныя отъ 4-хъ до 7-ми р., и отъ **30 КОП.**

до 1 р. 50 к. пара запонокъ съ пружиною, чрезвычайно удобныя и не портища бѣлья.

При этомъ № прилаг. для г. иногород. подписч. объявленіе отъ Общества Взаимнаго Кредита для содѣйствія Ремесленной промышленности въ Спб.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1877 ГОДУ

„МОТИВЫ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ“

(4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Сборникъ чертежей и рисунковъ фасадовъ, плановъ и деталей всякаго рода деревянныхъ и каменныхъ строеній (относящихся преимущественно до сельской архитектуры), какъ то: проекты загородныхъ домовъ со службами, дачъ, мостовъ, бесѣдокъ и проч., проекты церквей, иконостасовъ, крѣтъ, рисунки мебели, золотыхъ и серебряныхъ вещей и т. п.

Часть рисунковъ хромофотографированнымъ. Сборникъ выходитъ въ тетрадахъ, отъ 4-хъ до 5-ти листовъ въ каждой, а всего въ годъ въ 12-ти тетрадахъ 50 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГODOBое ИЗДАНІЕ:

въ 12 тетрадей безъ доставки и пересылки 8 руб.
съ доставкою или пересылкою 9 »

Лица, желающія помѣстятъ въ изданіе свои произведенія, обращаются въ редакцію въ С.-Петербургѣ: Васильевскій островъ, набережная, противъ сквера, д. № 1—5, въ № 6, Рейнботъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: по Невскому проспекту, на углу Адмиралтейской площади, въ магазинѣ естествовъ Дацаро и въ магазинѣ Веггера, у винопродавцевъ: Исакъ, Колесова-Михаила и у Вольфа.

Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, въ магазинѣ Дацаро.
Лица, желающія приобрѣсти «МОТИВЫ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ» за 1874, 1875 и 1876 годы, обращаются съ требованіемъ въ тѣ же магазины.

1—1

ПАРОВОЙ РУЧНОЙ АППАРАТЪ

НЕОБХОДИМЫЙ СПОСОБЪ

для истребленія насѣкомыхъ вообще и клоповъ въ особенности во всеѣхъ мѣстахъ ихъ нахожденія, — безъ всякаго порошкова, жидкостей и составовъ — единственно лишь силою пара. Изготовленіе и продажа развѣшена Г-мъ СПб. Градоначальникомъ. Цѣна съ пересылкою 2 руб. Косметическій магазинъ А. Штейнберга Невскій проспектъ д. Казаискаго сабора № 25.

1—1

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 7 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ ДВА ЛИСТА съ 4—6 РИСУНКАМИ и ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 14 Февраля 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на журналъ „НИВА“ на 1877 годъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ на 1877 годъ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. номера „Нивы“.

Молдаване и ихъ промыслы.

Молдавія—небогатая страна. Чтобы воочию увидѣть ея бѣдность, стоитъ только взглянуть въ любую молдавскую деревню.

обрабатывается первобытнымъ способомъ и отъ нераціональнаго ухода за ней и пользованія ею, родитъ немного хлѣба.

Молдавскій караванъ въ степяхъ Вессарабіи. Рис. Александръ де-Баръ, грав. Паннемакеръ.

Изытая и грязная улица раздѣляетъ двѣ группы безпорядочно разбросанныхъ бѣдныхъ мазанокъ.
Земледѣіемъ въ Молдавіи занято большинство сельскаго населенія, но не смотря на это, оно тамъ не процвѣтаетъ. Земля

Садоводство молдаванина производитъ лишь нѣсколько самыхъ незатѣпчивыхъ огородныхъ овощей и фруктовъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ дыни. Дынями молдаване засѣваютъ цѣлыя поля и она служитъ въ незатѣпчивомъ хо-

зайствѣ бирничи т. е. хлѣбонашца главною пищею, а иногда и суррогатомъ хлѣба.

Пчеловодство развито довольно хорошо и у иныхъ пчеловодовъ (преимущественно у помѣщиковъ) число ульевъ достигаетъ до 6,000 и даже до 10,000.

Въ Молдавіи находится нѣсколько довольно обширныхъ конскихъ заводовъ, и вообще скотоводство и его продукты составляютъ послѣ земледѣлства—самый распространенный промыселъ. Горныя богатства Молдавіи, за исключеніемъ соли, почти не разрабатываются.

Но главнымъ промысломъ Молдавіи можетъ считаться винодѣліе, которое дѣйствительно обширно. Склоны холмовъ во-кругъ деревенекъ густо засажены виноградниками. Вино добываемое на молдавскихъ виноградникахъ охотно покупается для вывоза за границу: въ Россію, Австрію, Венгрію, Польшу, куда идетъ также и виноградъ, свѣжій и сушеный. Лучшіе виноградники находятся въ Никорештѣ, Гушѣ, Яссахъ, Одешестѣ и проч., откуда добывается вина отъ трехъ до четырехъ миллионѣ ведеръ.

Этотъ краткій очеркъ молдавской промышленности съ перваго взгляда не согласуется съ высказаннымъ нами заключеніемъ, что Молдавія бѣдная страна. Для Молдавіи, сравнительно небольшой страны, имѣющей около двухъ миллионѣ населенія, промыслы въ такомъ размѣрѣ довольно значительны и можно бы ждать большаго благосостоянія страны. Но, вник-

нувъ въ дѣло поглубже, мы вполне поймемъ причину такой бѣдности. Дѣло въ томъ, что всѣ промыслы Молдавіи, вся ея торговля, внутренняя и внѣшняя, почти всецѣло сосредоточена въ рукахъ разныхъ пришлецовъ - иностранцевъ. Жидовско-нѣмецкій элементъ преобладаетъ въ торговомъ мѣрѣ, цыгане забрали въ руки конскую промышленность; потомъ греки и армяне эксплуатируютъ промышленность страны и обогащаются на счетъ простоватаго молдаванина. Къ тому же Молдавія, будучи странкою, гдѣ большинство населенія исповѣдуетъ православленную, грековосточную религію, и состоя вассальнымъ государствомъ Порты, платитъ туркамъ большія подати, что не можетъ не отзываться и на хозяйство страны. Молдавскій языкъ представляетъ смѣсь латыни, славянскихъ, турецкихъ и татарскихъ словъ.

Къ Молдавіи, какъ извѣстно, отошла, въ силу парижскаго трактата, часть нашей Бессарабской Области. Нѣтъ сомнѣнія, что мѣстное населеніе, вспоминая прошлую жизнь, тяготится своимъ подданствомъ Молдавіи и мечтаетъ только о присоединеніи къ Россіи. Вѣсть о заявленіи пословъ, при закрытіи константинопольской конференціи, объ уничтоженіи парижскаго трактата, заставила порадоваться здѣшнее населеніе и подумать, что время ихъ освобожденія если не настало еще, то наступитъ въ недалекомъ будущемъ. Можетъ быть объ этомъ же „толкуютъ“ между собою изображенныя на нашемъ рисункѣ молдаванѣ, остановившіеся съ своимъ караваномъ „на кормежкѣ“.

В о т ъ м ѣ .

(СОВРЕМЕННАЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ БЫЛЬ).

I.

...Живой, пестрой, безконечной панорамой летить, вертится, кружится около насъ жизнь; встаютъ откуда-то образы, вьются и потомъ какъ облако мчатся куда-то въ даль и пропадаютъ безслѣдно. Всмотритесь сколько разнообразія, разнохарактерности въ этой длинной вереницѣ—и яркости и блѣдности красокъ. Иной мелькнетъ только на мгновеніе, а память о немъ такъ и врѣжется неизгладимо въ душу на всю остальную жизнь, такъ и останется тамъ. Есть личности какъ-то особенно рѣзко выдающіяся отъ остальныхъ, съ какой-то исключительно имъ принадлежащей нравственной физиономіей. Не таланты они, не гени, — можетъ быть даже выше уровня посредственности не поднимаются, а глядя на нихъ невольно скажешь „а онъ необыкновенный какой-то, въ немъ есть что-то такое, чего у другихъ нѣтъ“. И сколько ни искать, никогда не найти въ нихъ этого „чего-то такого“. Вотъ именно подобное впечатлѣніе произвела на меня Аргѣевъ.

Дѣло происходило въ недавнее время. Я былъ студентомъ петербургскаго университета, Аргѣевъ былъ тоже студентъ, моложе меня двумя курсами, встрѣчался я съ нимъ у однихъ знакомыхъ,—тамъ мы и сошлись другъ съ другомъ.

Ему было лѣтъ двадцать — много двадцать одинъ. Стройный, невысокаго роста, съ подвижнымъ блѣднымъ лицомъ и слегка вьющимися волосами; онъ меня съ перваго-же раза поразилъ нервиозностью своей природы. Мнѣ казалось, что подъ этой сквозной, серебристой кожей у него вовсе нѣтъ крови, а всюду только одни нервы. Онъ былъ какъ-то женственно нервенъ: упадетъ что нибудь, стучитъ кто слишкомъ громко—онъ вздрогнетъ всѣмъ тѣломъ, рѣчь оборветъ на серединѣ и потомъ съ трудомъ переводитъ дыханье. Движенія его были то медлительны, то холерично проворны. Глаза были у него темные, глубокие и тоже—порою апатично-сонные, порою всѣхивали какимъ-то жгучимъ огнемъ. Во всемъ лицѣ замѣчались что-то... вотъ именно то „что-то“, о которомъ я говорилъ выше и котораго опредѣлить невозможно.

Сошлись мы съ нимъ очень скоро. Не прошло и мѣсяца послѣ нашей первой встрѣчи,—то я у него, то онъ у меня стали бывать чуть не ежедневно. Впрочемъ у него было удобнѣе сходиться: моя холостая студенческая комната не представляла особеннаго комфорта, а у Аргѣева былъ не только комфортъ, даже роскошь:—ковры, мозаика, бронза, на стѣнахъ Айвазовскій въ лучшихъ своихъ оригиналахъ, люстры, рояли,—словомъ мать

Аргѣева, вдова, видная красивая женщина, жила не стѣсняясь. Да и стѣсняться-то было нечего—доходъ она получала большой, дѣтей у нея, кромѣ Володи (такъ звали Аргѣева), не было,—жить, правда, въ домѣ ея братъ: да у того у самого были громадныя помѣстья въ степныхъ полосахъ Россіи. Дядя Володи былъ существо самое добродушное, кругленькое, коротенькое, какъ мячикъ катавшееся изъ комнаты въ комнату, любовно глядящее на весь мѣръ божій, а любовнѣе всего на своего Володю. И какъ мнѣ нравились отношенія между дядей и племянникомъ, такъ не нравились мнѣ отношенія самой m-me Аргѣевой къ сыну. Она слишкомъ холодно слишкомъ свысока относилась къ нему, даже ея поцалуй въ лобъ дышалъ чѣмъ-то нематеринскимъ. Она была слишкомъ свѣтская дама,—если можно такъ выразиться,—и семейныя отношенія у нея стояли, повидимому, на второмъ планѣ. Мнѣ не нравился ея небрежный, нетерпящій возраженій тонъ, какимъ она говорила съ Володей, не нравилась та брезгливость, съ какой она отзывалась о его впечатлительности. „Точно дѣвушка красная“, — говорила она,—„настоялъ чтобъ электрическіе звонки въ домѣ подѣлать: столовые колокольчики пугаютъ его,—и въ кого онъ такой уродился!“—Въ мелочахъ онъ всегда уступалъ матери, подчиняясь во избѣжаніе спора ея требованіямъ.—„Ты, мой другъ, въ оперу сегодня ѣдешь?“ спроситъ она въ день абонементъ своимъ пѣвучимъ снисходительнымъ голосомъ, небрежно застегивая крошечную перчатку.—Нѣтъ, мамаша, не хочется что-то, да и занятія есть, отвѣтитъ онъ.—„Сегодня Патти поетъ первый разъ по пріѣздѣ, какъ же не быть,—нѣтъ ужъ пожалуйста поѣзжай, не одной-же мнѣ въ ложѣ сидѣть, дядя твой будетъ, либо нѣтъ,—еще неизвѣстно: какъ пообѣдали, такъ и пропасть куда-то. Одѣвайся скорѣе, карету закладываютъ“.—И онъ ѣдетъ не возражая. Но коль скоро дѣло касалось крупнаго обстоятельства, у него являлась настойчивость, которую поколебать было трудно. Лѣтомъ мать тянетъ его за-границу, а онъ упреется на своемъ и кончится тѣмъ, что поѣдутъ въ имѣнье „дяди Коля“. Здѣсь онъ оживалъ душой, сбрасывалъ всю грязь и волненья сезона,—степной просторъ, ружье, лошадь, а вечеромъ въ постелѣ книжка новаго журнала,—вотъ была его настоящая сфера.

II.

Я сталъ чутко къ нему присматриваться съ первыхъ же дней знакомства. Отчего онъ такой странный? Отчего онъ бываетъ порою расцѣянъ, задумчивъ, то нѣс-

сколько дней подъ рядъ весель, шутливъ, то опять мраченъ, сосредоточенъ? Что или кто влѣяетъ на него такъ сильно? Разгадки пришлось ждать не долго.

По четвергамъ у нихъ были *jeu's fix'ы*. М-ме Аргѣва просила меня бывать именно по этимъ днямъ. Гостей наѣзжало къ нимъ множество и время проходило довольно весело, такъ какъ бывали тутъ и дѣвицы. Между ними ярче всѣхъ выдавалась дальняя, даже очень дальняя родственница Аргѣвыхъ — Юлія Александровна Миклашевская, ѣздившая къ нимъ съ своей теткой. Это была премиленькая брюнетка, худенькая, съ быстрыми глазенками, нѣсколько бойкая для ея девятнадцати лѣтъ, но весьма *способная* правиться мушкетъ. Не трудно было замѣтить, что Володя былъ отъ нея безъ ума, любилъ ее со всею страстностью его натуры, при ней ловилъ каждый ея взглядъ и движеніе, безъ нея только и думалъ о ней, не спалъ ночей на пролетъ, — однимъ словомъ велъ себя такъ, какъ ведетъ себя почти каждый въ его лѣта. Но къ несчастью Юлія Александровна мало обращала на него вниманія, и видимое предпочтеніе отдавала нѣкоему Гальнбеку.

Гальнбекъ былъ тоже студентъ, Богъ вѣсть какъ сюда втѣршійся, юркая, вертлявая, самодовольная фигурка, неопредѣленной національности — не то полякъ, не то нѣмецъ. не то еврей. Звали его: Яковъ Ивановичъ — имя, какъ видите, говорившее въ пользу послѣдняго предположенія, на чемъ сильно настаивалъ Володя, не терпѣвшій его. Гальнбекъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которымъ всегда все удается, изъ числа людей талантливыхъ, ярыхъ и исполнительныхъ въ своемъ дѣлѣ, готовыхъ служить и нашимъ, и вашимъ, забирать въ свои руки тѣхъ, кто хоть чуть слабѣе ихъ и съ усердіемъ плясать по дудкѣ тѣхъ, кто ихъ хоть немного сильнѣе. Онъ обладалъ величайшимъ даромъ — попадалъ въ тонъ всѣмъ и каждому, отчего м-ме Аргѣва находила его *très comme il faut*. — Дѣйствительно, держалъ онъ себя съ нею чрезвычайно прилично, не облакачивался на ручку кресла, не позволялъ себѣ закинуть ноги на ногу, словомъ не подавалъ никогда никакого повода къ неудовольствію.

Для Юліи Александровны онъ былъ несравненно интереснѣе Володи и разговоромъ, и предупредительностью. Онъ такъ мило подставитъ ей когда нужно стулъ, передастъ вазу съ фруктами, подниметъ платокъ. Все онъ знаетъ: и какой романъ Тургеневъ пишетъ, и когда Нильсонъ прѣдетъ, и гдѣ дрессированныхъ собакъ показываютъ. Знаетъ не только всѣ новости западной Европы, знаетъ что дѣлается въ Китаѣ, въ Японіи, на Сандвичевыхъ островахъ, — и все изъ самыхъ достойныхъ источниковъ. О чемъ не спроси, не заговори — на все отвѣтъ есть милый, остроумный, пикантный. Попроситъ Володя ее спѣть и сыграть что-нибудь (она премило пѣла, особенно романсы Чайковскаго), она откажется, скажетъ: „голова болитъ, не въ голосѣ“; Гальнбекъ скажетъ слово, — она бѣжитъ къ роюлю, щелкнетъ ключикомъ, откинетъ крышку, и свѣчи еще не успѣютъ зажечь, а ужъ она на память беретъ первые аккорды. Володя былъ серьезнѣе, молчаливѣе Гальнбека, она въ шутку звала его мѣшкомъ, Обломовымъ, увѣряла что онъ самый холодный человекъ въ мірѣ, и не замѣчала, какъ безпокойно вспыхивали его глаза, когда они говорили съ Гальнбекомъ.

И такъ, мнѣ почти сразу довелось узнать тайну Володи. Впрочемъ, нѣсколько времени спустя онъ самъ признался мнѣ, что любить ее: молодое чувство не выдержало — вылилось въ наружу потокомъ горячихъ рѣчей. И съ какимъ горемъ онъ передавалъ мнѣ свои сомнѣнія, что *кажется* она не вполне раздѣляетъ его чувство, и увлекается пошленькою личностью Гальнбека. Я утѣшалъ его, какъ могъ.... Признаться — мнѣ самому Миклашевская нравилась; впрочемъ и то сказать: — кто мнѣ тогда не нравился, — возрастъ-то я какой тогда переживалъ!..

III.

Юлія Александровна была дѣвушка милая, можетъ быть, съ очень добрымъ сердцемъ, но тѣмъ не менѣе мучившая несчастнаго Володю самымъ ужаснѣйшимъ образомъ. Кокетничая иногда съ нимъ, она, кажется, воображала, что и онъ съ ней кокетничаетъ. А онъ порою не отличалъ шутки отъ правды, не понималъ самыхъ простыхъ вещей. „Вы какой себѣ идеаль женской наружности составили?“ однажды спросила она его.

— Брюнеточку, стройную, невысокаго роста, съ темными глазками, слегка курносенькую, простодушно отвѣтилъ онъ, глядя на нее.

Она засмѣялась. — А я, — сказала она, въ свою очередь оглядывая собесѣдника, — я представляю себѣ идеального мушкетера непременно съ черными волосами, высокого роста, съ свѣтло-сѣрыми глазами...

Она хотѣла нарисовать контрастъ наружности Володи, а вышла Гальнбекъ.

Володя нахмурился. — Значитъ жидка? спросилъ онъ.

Она оторопѣла. — Какъ жидка?

— Конечно, сѣрые глаза и черные волосы характеристическій признакъ еврейскаго племени.

— Полноте, а вотъ Яковъ Ивановичъ такой.

— Ну-съ, такъ что-же? спросилъ было Володя, да вдругъ замаялся.

— Вѣдь онъ же русскій?

— Гальнбекъ? (Онъ нарочно сдѣлалъ удареніе на фамилію), — должно быть чистокровный славянинъ.

Она какъ-то странно посмотрѣла на него и во весь вечеръ не сказала ему больше ни одного слова.

Я думаю, онъ очень плохо спалъ въ эту ночь.

Послѣ подобнаго разговора, Володя часто цѣлую недѣлю мечется изъ угла въ уголь, да губами пожимаетъ. Вотъ именно въ такіе-то моменты, особенно сквозило въ выраженіи его лица то неуловимое *ничто*, что отличало его отъ другихъ. Въ эти минуты онъ былъ положительно способенъ на все: нервы его были такъ напряжены, что малѣйшій намекъ, уколъ вызывалъ съ его стороны цѣлую бурю. Помню, разъ въ такое время Гальнбекъ осмѣлился въ разговорѣ съ обычнымъ цинизмомъ отозваться о Миклашевской. „Юлька, дескать, дѣвчонка ничего себѣ, только зелена еще очень; вотъ когда черезъ огонь, воду и мѣдныя трубы пройдетъ, — тогда смачной бабенкой будетъ“.

Володя вспыхнулъ. — Однако, послушай, — крикнулъ онъ, — или выражайся объ нашихъ знакомыхъ приличнѣе, или убирайся къ чорту и не смѣй переступить здѣшняго порога.

Тотъ переконфузился.

— Да помилуй, — оправдывался онъ, — что же я скажешь?

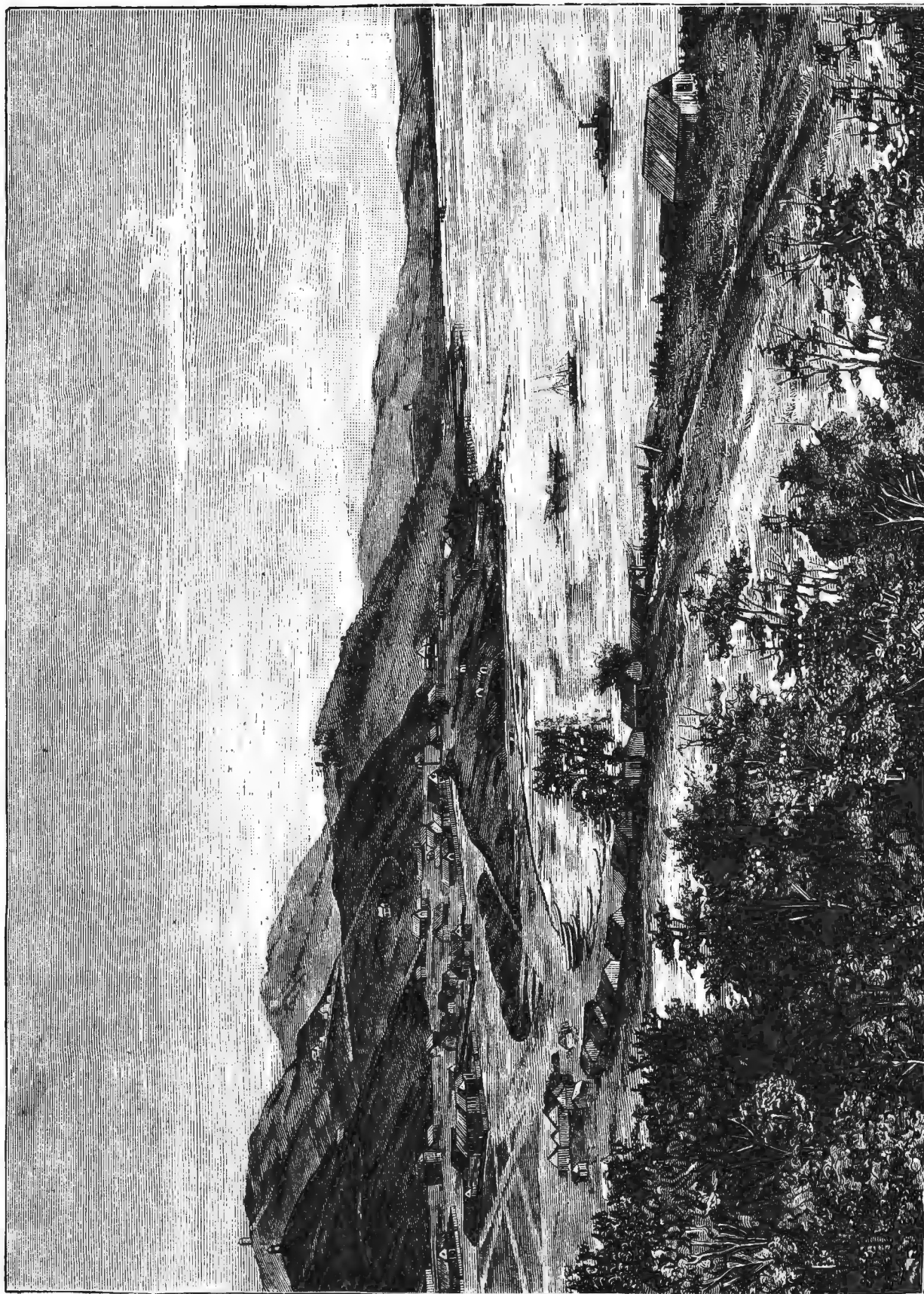
— Не въ томъ дѣло *что*, а *какъ* сказалъ... Не только о порядочной дѣвушкѣ, а даже о... даже о лошади я такъ не выражусь.

— Однако я не зналъ, что ты такой раздражительный, — замѣтилъ съ улыбкой онъ, — ты...

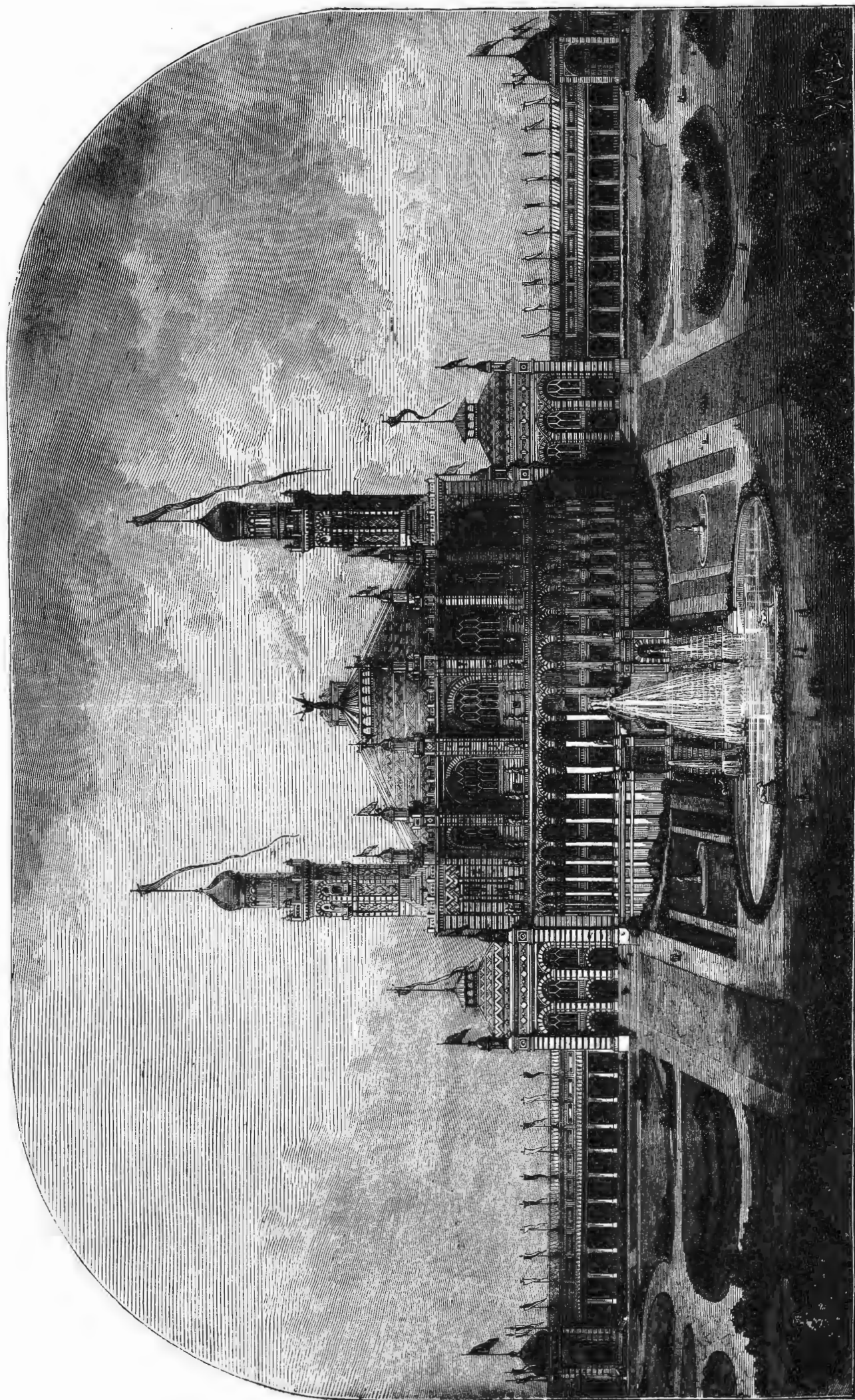
— Ну, довольно объ этомъ, прошу тебя, — я за себя не ручаюсь.

„А у него темпераментъ ой-ой-ой“, подумалъ я, поскорѣй отодвигая отъ него лампу, боясь какъ бы онъ не пустилъ ея въ несчастнаго. Гальнбекъ замѣтилъ маневръ и, струсивъ окончательно, забормоталъ какое-то извиненіе. Мнѣ кажется, что еслибы не мое присутствіе, дѣло кончилось бы менѣе миролюбиво, — при мнѣ они сдерживались. „За нимъ присматривать надо, — рѣшилъ я, — съ такими нервами до бѣды не далеко“.

Однажды по какому-то случаю у нихъ давался балъ. То есть, собственно говоря, это былъ не балъ, потому что танцевали подъ фортепьяно, а такъ — вечеръ съ

Общій видъ города Владивостока (Въ Приморской Области Восточной Сибири). Рис. на деревѣ Подбельскій, грав. Цихомскій.

Фасадъ главнаго зданія Всемирной выставки въ Парижѣ 1878 г. По проектамъ архитекторовъ Давіу и Бурде, грав. Вальмисли.

танцами. Да оно и странно было бы давать тамъ балъ, гдѣ дѣвицъ не было. Просто съѣхалось много родственниковъ и гостей,—чуть ли не по случаю именинъ т-те Аргѣевой: ее Александрой Федоровной звали. Дѣло было въ срединѣ марта,—помѣщеніе обширное, зала свободна, отчего же и не потанцевать молодежи. Володя, кажется, давно предугадывалъ этотъ вечеръ и мечталъ о разговорѣ съ Юліей Александровой tête-à-tête, и даже чуть ли планъ бесѣды себѣ не составилъ. Но судьба просто не благоволила къ нему. Онъ долго почему-то не рѣшался подойти къ ней и, наконецъ, когда пригласилъ ее, оказалось, что она ангажирована на всѣ кадрили. Я бы съ удовольствіемъ уступилъ ему свою вторую кадрили, но чѣмъ мотивировать мой отказъ отъ танцевъ?.. Володѣ было крайне не по себѣ; онъ танцевалъ съ какой-то рыхлой дамой, vis-à-vis Миклашевской; послѣдняя, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, весело болтала съ своимъ кавалеромъ, закрываясь вѣеромъ отъ смѣха. Мнѣ просто жаль стало Володи, и я рѣшился поговорить о немъ съ Юліей Александровной.

Когда она сѣла возлѣ меня, слегка оправляя шумѣвшее и топырившееся вигзагами голубое шелковое платьѣ и взглянула вопросительно на меня, ожидая съ чего я начну разговоръ, мнѣ она вдругъ показалась такой пустенькой свѣтской дѣвочкой, которая не доросла, да едва ли и доростетъ до истиннаго пониманія любви. Но другой темы для разговора у меня не было, *vo-lens-polens* приходилось или говорить объ этомъ или молчать.

— Вы замѣчаете какой сегодня Володя, — началъ я,—точно въ воду опущенный?

— Да онъ всегда такой,—улыбнулась она въ отвѣтъ, —смотреть какимъ-то разочарованнымъ Гамлетомъ...

— Характеръ такой.

— Очень жаль; что касается меня, то я не Офелія и подобные характеры мнѣ не нравятся.

— Я знаю, что вы не Офелія.

Она, слегка прищурившись, глянула на меня. — Почему вы знаете?

— Для этого не много нужно наблюдательности... Но дѣло не въ томъ,—если не ошибаюсь, вы танцуете съ нимъ *monstre*?

— Нѣтъ, съ Гальнбекомъ. А что?

— Ему, кажется, очень хотѣлось танцевать съ вами, ужъ не оттого-ли онъ такой?

Она молчала, покусывая кончики вѣера, и потомъ слегка поморщившись сказала: какой онъ тюфякъ!

— За то добрый, прямодушный, открытый.

— Вы думаете?

— Не только думаю, знаю навѣрное.

— Мнѣ кажется, что онъ эгоистъ, человѣкъ холодный, относящійся ко всему съ презрѣніемъ...

— Онъ эгоистъ? да что вы! Душу свою „за други“ отдать готовъ...

— Да вы взгляните на него только, такъ по лицу и видно, что онъ скрываетъ что-то, все изъ-подлобья смотритъ, молчать.

— Онъ неговорливъ—правда, но я думаю, это скорѣе достоинство, чѣмъ порокъ.

— Смотри потому гдѣ: въ залѣ, за танцами, это порокъ, да еще какой!

— А можетъ быть, танцуя съ вами, онъ былъ бы самый занимательный человѣкъ въ мірѣ.

— Не думаю. Съ нимъ какъ-то неловко глазъ на глазъ быть. Онъ говоритъ, точно... Она засмѣялась,—точно въ любви объясняться хочетъ.

Я тоже засмѣялся. — Почему вы знаете,—можетъ быть и да.

— Ну вотъ видите,—значитъ слава Богу, что его здѣсь нѣтъ, подлѣ меня.

— А вы развѣ... началъ я.

— Вѣдь онъ еще мальчикъ, съ пренебреженіемъ сказала она,—еще на школьной скамейкѣ сидитъ.

„А вы то сами давно-ли изъ Смольнаго“, вертѣлось у меня на языкѣ: „меньше года кажется“.

— Вы вѣдь съ нимъ очень близки, — продолжала она,—друзья съ нимъ.

— Совершенно вѣрно-съ.

— Такъ передайте ему пожалуйста, что я... впрочемъ нѣтъ, не надо: пусть онъ думаетъ, что хочетъ.

— Договаривайте, Юлія Александровна,—все равно.

— Нѣтъ, не надо...

Она круто перемѣнила разговоръ, спросивъ что-то о литературныхъ новостяхъ.

И такъ надежды на сочувствіе съ ея стороны для Володи никакой нѣтъ,—рѣшилъ я,—и, разумѣется, положить не говорить ему объ этомъ ни слова.

Передъ „*monstre*“ Володя подошелъ къ Миклашевской и, пользуясь маленькимъ промежуткомъ, заговорилъ о чемъ-то, между прочимъ спросилъ, кѣмъ она ангажирована.

— Гальнбекомъ кажется,—сказала она.

Гальнбекъ, вертѣвшійся возлѣ, услышалъ это и очевидно былъ сильно уколотъ небрежнымъ *кижется*. Онъ быстро подошелъ къ нимъ и косо усмѣхаясь сказалъ:

— Если тебѣ хочется, я уступлю тебѣ мою даму.

Вся кровь кинулась въ голову Володи, онъ быстро поднялся съ своего мѣста, хотѣлъ что-то сказать, но только стиснулъ зубы и сухо поклонившись отошелъ въ сторону.

Monstre танулся долго, очень долго. Я искалъ глазами среди танцующихъ Володю,—его тутъ не было. Меня это крайне беспокоило: не надѣлалъ бы онъ какихъ-нибудь глупостей послѣ этой пошлой сцены.

Тотчасъ по окончаніи кадрили я бросился къ нему въ комнату. На письменномъ столѣ, подъ синимъ колпакомъ, горѣла лампа. Онъ сидѣлъ бросивъ на столъ руки и склонившись на нихъ головой. На стукъ моихъ шаговъ онъ не оглянулся.

— Володя,—тихо сказалъ я, догrogиваясь до его плеча.

Онъ поднялъ голову. Я просто испугался выраженію его лица: въ немъ не было кровинки, глаза смотрѣли дико, на лбу крупными каплями выступилъ потъ.

— Полно, перестань, изъ-за чего ты волнуешься,— началъ уговаривать я,—глупая дѣвочка, вертушка, и экстрактъ пошлости въ лицѣ Гальнбека,—стоятъ ли они этого волненія.

— Стоять-ли? переспросилъ какъ-то беззвучно-механически онъ. А если стоять?

— Да не стоять, повѣрь.

— Нѣтъ, я такъ продолжать не могу, еще глуше проговорилъ онъ.

Я съ безпокойствомъ глянулъ на него.

— Володя, да неужели стоить обращать вниманіе на такіе пустяки...

— Пустяки? Хороши пустяки! съ горькой насмѣшкой въ голосѣ сказалъ онъ. Вѣдь я человѣкъ, я жить хочу.

— Да кто-жъ тебѣ мѣшаетъ,—живи!

— Не даютъ мнѣ! А кровь-то у меня, какъ у всѣхъ людей, своего требуетъ.

Онъ молча отодвинулъ одинъ изъ ящичковъ стола и вынулъ оттуда хорошо мнѣ знакомый карманный кинжалъ, острый какъ бритва...

— Что ты, Володя! крикнулъ я...

Онъ отстранилъ мою руку и прямо посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Неужели ты думаешь, что я рѣшусь на это? серьезно спросилъ онъ.

Мнѣ стало неловко передъ нимъ, что я понялъ такъ его настроеніе.

— Я самъ себя по крайней мѣрѣ за теленка не счи-

таю,—продолжалъ онъ, тихо выдвигая изъ ноженъ четырехгранный клинокъ.

— А ты какого воззрѣнія на самоубійство? небрежно спросилъ онъ.

— Какъ на отсутствіе характера и силы воли.

— Говорятъ жены германцевъ закалывали себя, чтобъ не попасться въ плѣнъ галламъ, — это тоже недостатокъ характера?

— Ну, ты берешь какіе примѣры...

— Грубые, чисто физическіе, — а ты думаешь моральное рабство легче...

Какое то странное чувство, въ родѣ легкаго цекотанья, почувствовать я у корней волосъ...

(Продолженіе будетъ).

Г—ъ С—свій.

НА БИВУАКЪ.

— „И, дяди, въ дѣлѣ не бывалъ,
И, право, сердце замираетъ
При мысли—смерть-то вѣдь летаетъ
Незримо..... Щель—и на повалъ!
На кулакахъ, бывало, ловки
Мы были драться, ну, а тутъ
Направить пушки, да винтовки....
Издалека, каналы, бьютъ!
Стоишь, примѣрно—вдругъ уложитъ
Свистунья, чертъ ее дерн!
Тутъ струшишь, что ни говори“.....
— „А ты не трусь,—вѣдь не поможетъ...
Вотъ, на-ко трубку—покури“.

* * *
— „Чай, скоро зададимъ имъ страху!
Ужъ будетъ сватка... Ну—да, и
Надѣи чистую рубаху
И образочекъ. Мать моя
Его дала мнѣ и велѣла
Носить при крестикѣ всегда:
„Благословенъе будетъ цѣлю,

И самъ ты будешь цѣль тогда“...
А все меня одно тревожитъ—
Возьмуть въ полонъ, потомъ—гори
Живемъ-то! Дьяволъ ихъ дерн!“...
— „А ты не думай... Не поможетъ!
Вотъ, на-ко лучше—покури“.

* * *
— „Гляди-ка, иташечка порхнула!
Вонъ-вонъ она... Туда летитъ!...
Меня за нею потянуло
Въ село родное... И стучитъ,
И ноетъ сердце по Алѣнѣ!
Сыншкю съ ней оставилъ я...
Ужъ годъ, какъ съ ней живу въ законѣ.
Тебѣ, Алѣнушка моя,
Придется овдовѣть, быть можетъ...
Какъ знать!... Эхъ, дядя, не смотри!
Ну, уронилъ слезинки три“.....
— „Зачѣмъ ронять? Вѣдь не поможетъ...
Вотъ, на-ко трубку—докури!“—

Щ.

ЧТО ТАКОЕ СОЛНЦЕ?

Тамъ огненные валы стремятся
И не находятъ береговъ!
Тамъ вихри пламенные крутятся,
Борючись множество вѣровъ.
Тамъ камни какъ вода бьются,
Горащи тамъ дожди шумятъ.

М. Ломоносовъ.

„Что такое солнце? Что это за лучезарное, могущественное свѣтило, разгоняющее мракъ ночи, проливающее на землю свѣтъ, дающее намъ тепло, освѣщеніе, обуславливающія жизнь, и своею таинственною силою притяженія удерживающее около себя цѣлую группу планетъ, что способствуетъ поддержанію порядка въ мірозданіи?“

Вотъ вопросъ, которымъ задается всякій человѣкъ, любящій размышлять о великихъ явленіяхъ природы, т. е. *человѣкъ*, неутолимимымъ наблюдателемъ его?... Аббатъ Секки, знаменитый директоръ римской обсерваторіи, въ прекрасной книгѣ своей — самой интересной книгѣ нашего времени — повѣдалъ міру о результатахъ трудовъ всей своей жизни, посвященной на изученіе этого великолѣпнаго, несказанно-важнаго свѣтила. Книга эта, замѣчательная также и по ясности изложенія, признанная единогласно полнымъ сборникомъ всѣхъ данныхъ, добытыхъ современною наукою относительно вопроса о солнцѣ, послужитъ единственнымъ руководствомъ при составленіи очерка, предлагаемаго теперь нами нашимъ читателямъ.

Гдѣ-же искать удовлетворительнаго отвѣта на вышеноставленный вопросъ, какъ не въ сочиненіи ученаго, который является „историкомъ солнца“, постояннымъ, страстнымъ, неутомимымъ наблюдателемъ его?... Аббатъ Секки, знаменитый директоръ римской обсерваторіи, въ прекрасной книгѣ своей — самой интересной книгѣ нашего времени — повѣдалъ міру о результатахъ трудовъ всей своей жизни, посвященной на изученіе этого великолѣпнаго, несказанно-важнаго свѣтила. Книга эта, замѣчательная также и по ясности изложенія, признанная единогласно полнымъ сборникомъ всѣхъ данныхъ, добытыхъ современною наукою относительно вопроса о солнцѣ, послужитъ единственнымъ руководствомъ при составленіи очерка, предлагаемаго теперь нами нашимъ читателямъ.

Солнце, какъ извѣстно, центръ планетной системы, въ составъ которой входитъ и обитаемая нами земля. Диаметръ (поперечникъ) солнца въ *сто восемь* разъ больше диаметра земного шара. Солнце въ *миліонъ триста тысячъ* разъ (беремъ круглое число) болѣе земли и отстоитъ отъ нея на разстояніи 250 милліоновъ верстъ.

Вопреки существовавшимъ мнѣніямъ, доказано было, на основаніи данныхъ новой астрономіи, что мнимый фактъ восхода и заката солнца—естъ только результатъ обмана нашихъ чувствъ, что не небесная система къ намъ тяготеетъ, а, напротивъ, земля наша является только одною изъ „свиты“ солнца, и что земной шаръ, какъ и другія планеты, получаетъ свѣтъ и теплоту отъ центральнаго свѣтила. Когда все это было доказано, многіе ошибочно стали полагать, что солнце *неподвижно*, — „ошибочно“ потому, что считаютъ солнце неподвижнымъ, въ силу центральнаго его положенія, значило бы дѣлать невѣрный выводъ изъ данныхъ, доказывающихъ неопровержимую истину. Движеніе—непредложный міровой законъ, по этому естественно, что ученые, признавшіе центральное положенія солнца, были въ то-же

время убѣждены въ томъ, что это центральное свѣтило *должно* имѣть собственное движеніе. Но убѣжденіе это, какъ ни было оно глубоко, основывалось лишь на логикѣ мышленія, не имѣя подтвержденія въ фактическихъ данныхъ.... И такъ, доказать эту новую истину было предоставлено будущему, которое и сдѣлало это: наука, двигаясь впередъ, подтвердила ту остроумную догадку.

Для проверкн предположенія, что и солнце вращается, современные астрономы воспользовались нѣкоторыми явленіями, замѣченными на поверхности (дискѣ) солнца. Наблюденія надъ этими феноменами, какъ сперва казалось, не могли привести къ заключеніямъ важнаго свойства, но время показало, что изученіе этихъ явленій имѣло для науки великое значеніе, ибо оно послужило не только основой для неопровержимаго доказательства движенія солнца, но и явилось необходимымъ отдѣломъ въ ряду работъ вообще о центральномъ источникѣ свѣта. Мы говоримъ тутъ именно о наблюденіи и изученіи *пятенъ* на солнцѣ.

Замѣчать и положительно видѣть пятна на солнцѣ начали только въ началѣ XVII столѣтія, т. е. съ того времени, когда въ распоряженіи астрономовъ уже были сильныя телескопы. До XVII ст., если явленія подобнаго рода и обращали на себя вниманіе наблюдателей, то они, астрономы, объяснили существованіе этихъ пятенъ такъ: появленіе пятенъ обуславливалось прохожденіемъ какой нибудь планеты передъ дискомъ солнца. Самъ великій Кеплеръ, замѣтивъ одно изъ такихъ пятенъ, полагалъ, что оно явилось вслѣдствіе прохожденія Меркурія.... Любопытно, что въ китайскихъ астрономическихъ таблицахъ (составителями ихъ записанъ цѣлый рядъ наблюденій съ IV по XIII вѣкъ нашей эры надъ солнечными пятнами) упоминается о множествѣ пятенъ на солнцѣ, которыя наблюдатели сравниваютъ (по виду) то съ яйцомъ, то съ финишомъ или со сливой.

Но какъ-бы то ни было, нахожденіе пятенъ на видимой поверхности солнца не представляло въ то время никакого важнаго значенія. Астрономы признавали просто какъ фактъ, что дискъ солнечный можетъ покрываться точками относительно болѣе темнаго цвѣта, да и подобное наблюденіе было доступно каждому: извѣстно, что сквозь закопченное стеклышко можно довольно ясно видѣть и невооруженнымъ глазомъ значительной величины пятна, появляющіяся по временамъ на солнечномъ дискѣ. Этотъ феноменъ какъ-то наталкивалъ въ то время на особаго соображенія, и даже знаменитый Галилей, показывая нѣкоторымъ изъ своихъ современниковъ солнечныя пятна, не сразу провидѣлъ въ этомъ явленіи великую важность для наблюденій надъ нимъ. Вскорѣ, однако, другой астрономъ, заявившій тщательнымъ изученіемъ этихъ пятенъ, подмѣтилъ извѣстную степень постоянства въ формѣ и нѣкоторую правильность въ появленіи и перемѣщеніи ихъ—и этого было достаточно для гениальнаго Галилея, чтобы придти къ слѣдующему выводу:

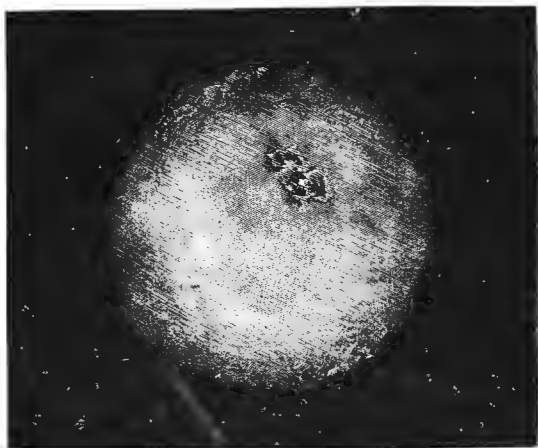
«Если пятно, видимое сегодня на таком-то пункте солнца, можно признать за то же самое, увидевъ его завтра и послѣ-завтра—но уже на другомъ пунктѣ солнечнаго диска, то изъ этого не слѣдуетъ, что само пятно перемѣстилось: напротивъ, самъ солнечный шаръ, на которомъ оно находится, вслѣдствіе самовращенія перемѣнилъ положеніе пятна относительно наблюдателя. Подобное-же явленіе мы можемъ наблюдать, если возьмемъ яблоко, воткнемъ въ него булавку до головки ея и станемъ яблоко это вращать. Головка булавки, видимая нами сначала около одного края яблока, постепенно передвинется къ срединѣ, а затѣмъ, двигаясь все дальше, исчезнетъ за другимъ краемъ его.»—Съ этимъ выводомъ, сдѣланнымъ Галилеемъ назадъ тому два съ

которое для міровъ тоже, что жизнь для всего живущаго.

Однако изъ того, что извѣстная степень постоянства въ контурахъ солнечныхъ пятенъ позволяетъ слѣдить за ними, узнавать ихъ, не смотря на перемѣненія, доказывающія самовращеніе солнца, не слѣдуетъ заключать, что явленія эти возникаютъ и повторяются въ строго-опредѣленномъ порядкѣ.

Солнечныя пятна, эти случайныя отверстія въ солнечной поверхности, не имѣютъ ни точнаго бытія во времени, ни опредѣленнаго расположенія относительно одного къ другому, и, кромѣ того, такъ какъ они возникаютъ вслѣдствіе волненія и колебанія составныхъ элементовъ этой поверхности, возможно и быстрое исчезновеніе ихъ. Въ томъ даже случаѣ, если пятна

Фиг.

Фотографическій снимокъ съ солнца.

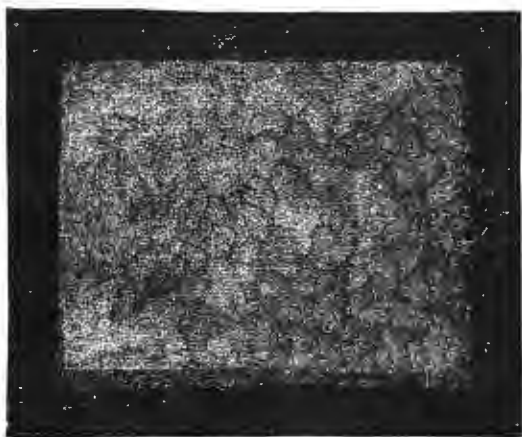
половиною вѣка (1612 г.), конечно, соглашаются и наши современные астрономы. Обладая превосходными инструментами, они подтверждаютъ вѣрность Галилеева умозаключенія цѣлымъ рядомъ наблюдений, которыя, будучи приведены въ систему, составляютъ науку о солнечныхъ явленіяхъ.

Выше помѣщенные на этой страницѣ два рисунка довольно наглядно представляютъ группу пятенъ на солнцѣ и кажущееся движеніе ихъ.

Фиг. 1 представляетъ фотографическій снимокъ съ солнца, сдѣланный въ 1860 г., въ тотъ день, когда небольшая группа пятенъ занимала мѣсто почти въ центрѣ диска.

Если мы теперь предположимъ (согласно неопровержимымъ

Фиг. 3.

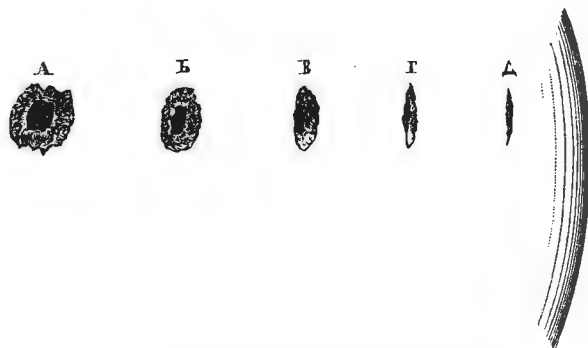

Поверхность солнца. Общій видъ.

даннымъ, какъ это увидимъ ниже), что пятна на солнцѣ суть впадины, углубленія, то Фиг. 2, чисто „примѣрная“, наглядная, выяснитъ слѣдующее: пятно, занимая, напримѣръ, вчера центръ диска, имѣло форму показанную подъ буквою (А), сегодня приняло уже другой видъ (Б) и засимъ съ каждымъ днемъ измѣняясь, (какъ показано подъ буквами В, Г, Д) это пятно, превратившееся уже въ полоску, исчезнетъ за краемъ солнца.

Этимъ выясняется и подтверждается, что солнцѣ имѣетъ движеніе вокругъ своей оси. По приблизительнымъ вычисленіямъ астрономовъ, полный оборотъ оно дѣлаетъ въ теченіи двадцати семи дней. И такъ, изъ этого слѣдуетъ, что и центральное свѣтило подчинено великому естественному закону движенія,

Фиг. 2.

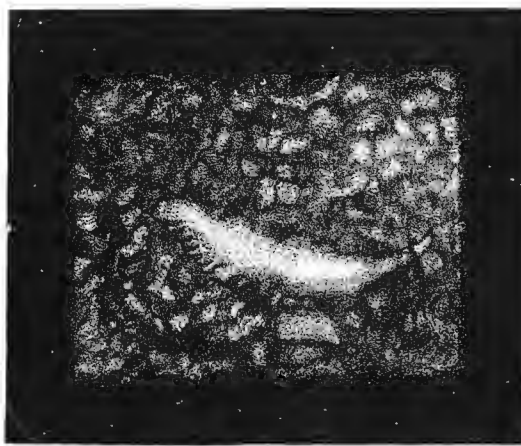
Наглядное представленіе перемѣщенія солнечнаго пятна.

остаются довольно долгое время на дискѣ (рѣдко долге времени полнаго оборота солнца вокругъ своей оси), они всегда видоизмѣняются и принимаютъ другія положенія относительно другъ друга. Если одна какая-нибудь группа пятенъ, появившаяся у одного края солнца, пройдетъ черезъ весь дискъ, сохранивъ въ общемъ характеръ своего контура, по которому ее и можно узнать, то въ частностяхъ группа эта все-таки измѣнится; другая же, напротивъ, не выдерживаетъ контура въ продолженіи одного или двухъ дней; очертанія пятенъ (сравнительно) быстро измѣняются.

Но что-же такое эти пятна?

Галилей, въ распоряженіи котораго были только весьма не-

Фиг. 4.

Рисовыя зерна и свѣлое пятно.

совершенные инструменты, усматривалъ въ этихъ пятнахъ облака или пары, носящіяся въ солнечной атмосферѣ. Два вѣка спустя, не смотря на то, что орудія наблюдений были уже значительно усовершенствованы, французскій ученый Лаландъ полагалъ, что эти пятна суть горы, отлогости которыхъ (болѣе или менѣе круглыя) обусловливали это явленіе полутѣни на дискѣ солнца. Другіе ученые, представляя себѣ солнцѣ въ видѣ шарообразной жидкой массы, раскаленной добѣла, думали, что эти пятна—громоздкіе шлаки, плавающіе въ огненномъ океанѣ небеснаго свѣтила. Въ настоящее время всѣ эти предположенія можно считать одинаково ошибочными.

Если мы будемъ разсматривать солнечный дискъ, вооружив-

Я-ли не полковникъ?! Картина Гакеля, грав. Вренд'Амуръ.

лись сильным телескопомъ, то поверхность его представляется намъ далеко не гладкою и вовсе не однообразною: напротивъ, вся площадь диска волнистая, напоминающая море во время бури.

На *фиг. 5* представленъ общій видъ поверхности солнца. Эту массу рябинъ и изъвилинъ подробно описать невозможно. Мѣстами, особенно по краямъ диска и въ соседствѣ съ пятнами, однообразность рисунка нарушается болѣе свѣтлыми массами, которыя нерѣдко занимаютъ сравнительно весьма значительное пространство. На *фиг. 4*, а также и на *фиг. 1*, мы видимъ, что на солнечномъ дискѣ появляются не только группы пятенъ болѣе темныхъ, но и тѣ рѣзко-блестящія клочки, которые астрономы называли „свѣтлыми пятнами“. Рябины и вообще разнovidные бугорки, покрывающіе почти равномерно, сплошь весь дискъ солнца, называются (на языкѣ астрономовъ) или „рисовыми зернами“, или „ивовыми листьями“, смотря потому, какую форму они принимаютъ.

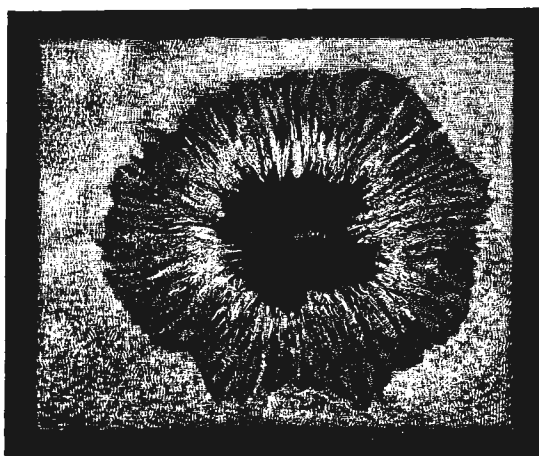
Аббатъ Секки, считающій *фотосферу* (наружную, блестящую оболочку солнца) сходною по виду своему съ облаками земли, замѣчаетъ, что было бы естественно предположить, что „зерна“ суть вершины округленныхъ холмиковъ, увѣнчивающихъ эти газообразныя массы, солнечныя облака, которыя, подобно нашимъ кучковатымъ облакамъ, досягаютъ въ солнечной атмосферѣ. Поднявшись на вершину высокой горы (прибавляется оны), мы можемъ и здѣсь, на землѣ, наблюдать сколько угодно подобнаго рода явленія. Громадные размѣры солнечныхъ облаковъ, занимающихъ пространство въ нѣсколько сотъ километровъ, дѣлаютъ такое объясненіе еще болѣе правдоподобнымъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что иногда на нѣкоторыхъ пунктахъ ряби появляются небольшія пустоты или провалы, которыя не могутъ считаться настоящими пятнами, хотя присутствіе ихъ и замѣчается, благодаря болѣе темному тону этихъ пустотъ или проваловъ. Провалы эти, названные порами, исчезаютъ довольно быстро, иногда существованіе ихъ длится менѣе часа.

Что касается „свѣтлыхъ пятенъ“, то они стоятъ въ тѣсной связи во 1) съ образованіемъ пятенъ вообще и во 2) съ существованіемъ ихъ, поэтому говорить о нихъ отдѣльно нельзя.

Обыкновенно появленіе пятна на дискѣ солнца возмѣщается за нѣсколько дней: въ фотосферѣ замѣчается сильное волненіе, и первымъ результатомъ его являются весьма блестящія „свѣтлая пятна“, порождающія одну или нѣсколько поръ (скажишь). Зачастую можно также наблюдать появленіе цѣлыхъ группъ маленькихъ черныхъ точекъ, причемъ кажется, будто лучезарный слой дѣлается въ этомъ именно пунктѣ тоньше и вотъ-вотъ совсѣмъ исчезнетъ и обнаружитъ скрывающееся за нимъ темное мѣсто. Эти поры очень безпокойны, быстро перемѣщаются и, наконецъ, одна изъ нихъ, повидному, поглощаетъ остальные, превращаясь такимъ образомъ въ широкую скважину. Въ первый мгновеніе такого образованія не видно на немъ рѣзко-очерченной полутѣни; полутѣнь эта идетъ прогрессивно и получаетъ ясныя очертанія по мѣрѣ того, какъ пятно принимаетъ кругловатую форму, что хорошо видно на рисункѣ—*фиг. 5*.

Фиг. 5

Пятно, окаймленное „свѣтлыми пятнами“.

Таковъ обыкновенный ходъ развитія этого феномена, но, повторяемъ, нѣтъ ничего точнаго, строго опредѣленнаго въ развитіи подобныхъ явленій на солнечномъ дискѣ: они возникаютъ порою медленно, *нервничательно*, такъ сказать,—порою же весьма бурно и крайне многосложно... Вдаваться въ подробности здѣсь не умѣсто, ибо подробности эти уже относятся къ области точныхъ наблюдений. Намъ приходится ограничиться однимъ указаніемъ на то, что солнечное пятно вообще (см. *фиг. 5*) состоитъ: изъ темнаго центра (ядра), изъ весьма яркаго бахромистаго ободка, образуемаго „свѣтлыми пятнами“, которыя примыкаютъ другъ къ другу и походятъ на края жерла вулкана, и, наконецъ, изъ наружнаго пояса съ сильно-освѣ-

щеннымъ вѣнчикомъ, похожимъ, какъ мы сказали, на край кратера. Поясъ этотъ можно сравнить съ подошвою горы, на которую края кратера бросали бы тѣнь отъ себя.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что пятна появляются рѣдко въ одиночку; напротивъ, они чаще сгущиваются въ подошву горы, а передъ исчезновеніемъ своимъ сливаются и образуютъ одно пятно довольно значительнаго размѣра. Случается, что въ моментъ исчезновенія въ фотосферѣ происходитъ сильное волненіе.

Нахожденіе темнаго центра въ лучезарномъ вѣнцѣ, окаймленномъ полутѣнью, довольно вѣрно указывается на то, что всѣ эти пятна ничто иное, какъ впадины, углубленія въ дискѣ солнца. Однако, для проверки этой гипотезы (предположенія), вздумали воспроизвести два фотографическихъ снимка съ одного и того же пятна, что и было исполнено, причемъ второй снимокъ былъ сдѣланъ по прошествіи 24 часовъ, слѣдовательно уже подъ другимъ угломъ зрѣнія, такъ какъ солнце совершило часть оборота около своей оси и пятно поэтому перемѣстилось. Оба снимка разматривались потомъ въ стереоскопѣ, и тутъ убѣдились, что это дѣйствительно *впадины*: онѣ *вообще* были видны. Это, впрочемъ, не было новинкой, такъ какъ еще въ началѣ прошлаго столѣтія астрономъ Киссини замѣтилъ и объявилъ, что въ такое-то время на солнечномъ дискѣ появилось столь громадное пятно, что, достигнувъ окраины диска, оно сдѣлало весьма замѣтную выемку въ немъ (а такое явленіе могло быть именно въ томъ случаѣ, если это пятно на самомъ дѣлѣ было глубокой впадиной на поверхности солнца). Слѣды внимательно за обыкновенными солнечными пятнами въ моментъ приближенія ихъ къ краю диска, можно нерѣдко видѣть, какъ темная середина пятна умалывается, исчезаетъ и видимымъ остается только одна сторона бугорчатаго лучезарнаго ободка, состоящаго изъ „свѣтлыхъ пятенъ“.

Нѣкоторые астрономы, обращающіе особенное вниманіе на бурныя волненія въ фотосферѣ, сопровождающія образованіе пятенъ, и опираясь на тотъ фактъ, что „свѣтлыя пятна“ представляются иногда въ видѣ спирали (винтообразными), полагаютъ, что на поверхности солнца существуютъ циклоны (смерчи), какіе часто бывають въ извѣстныхъ поясахъ земнаго шара. Аббатъ Секки находитъ, что дѣлать подобныя заключенія—значитъ выводить изъ частнаго случая общій законъ. Какъ бы то ни было, по этому почтенный ученый держится того мнѣнія, что солнечныя пятна являются результатомъ великихъ „революцій“, переворотовъ, совершающихся въ той массѣ, изъ которой состоитъ солнце. Эти революціи вызываютъ волненіе во вѣнцѣ оболочкѣ, называемой *фотосферой*: нѣкоторыя пункты ея поднимаются, другіе понижаются, образуютъ впадины, которыя кажутся темными не потому, что сквозь нихъ будто бы видно самое ядро свѣтила (солнечное ядро, по мнѣнію Гершеля, темное), а потому, что углубленія эти наполнены парами, проникающими болѣе или менѣе глубоко въ лучезарную массу. Пары задерживаютъ, поглощаютъ лучи, поэтому эти пункты темнѣе. Впрочемъ, кризисы эти (первѣйшая, главная причина явленій, видимыхъ на поверхности нашего солнца) совершаются въ нѣдрахъ ближайшихъ къ ядру солнца, или, лучше сказать, внутри солнечнаго шара. Что касается фотосферы, то можно предположить, что она состоитъ изъ пламени, т. е. изъ газообразнаго вещества, до-бѣла раскаленнаго; ее слѣдуетъ считать характернымъ „лучезарнымъ туманомъ“, состоящимъ въ газовой и прозрачной атмосферѣ,—также точно, какъ въ земной атмосферѣ носится облака, состоящія изъ сгущенныхъ водяныхъ паровъ; разница въ томъ, что лучезарныя облака солнца (фотосферы) въ меньшей степени подвижны, летучи и отличаются чрезвычайно высокою температурою.

Для того, чтобы узнать характеръ (природу) и самый составъ этихъ лучезарныхъ облаковъ—прибѣгли къ помощи спектральнаго анализа и такимъ путемъ узнали, что атмосфера, окружающая солнце, содержитъ въ себѣ въ газообразномъ видѣ большую часть земныхъ металловъ: мѣдь, никель, кобальтъ, натрій, магній и нѣсколько другихъ тѣлъ, неизвѣстныхъ намъ. Кромѣ того замѣтили (наблюденіе это было сдѣлано во время одного изъ полныхъ солнечныхъ затмѣній), что водородъ, самый легкій изъ земныхъ газовъ, носясь около крайнихъ предѣловъ солнечной атмосферы, занимаетъ тамъ весьма значительное пространство.

И такъ оказывается, что центральная масса солнца газовидна; въ ней совершаются весьма важныя химическія процессы, порождающіе очень сложныя физическія явленія; но причинами, намъ еще неизвѣстными, значительныя массы изъ центральной части солнца двигаются къ его поверхности и производятъ тѣ явленія (разрывы въ фотосферѣ), которыя обуславливаютъ существованіе „пятенъ“, впадинъ, наложенныхъ парами, поглощающими блестящія лучи изъ центральной части солнца; наконецъ, надъ собственно-лучезарною оболочкою находится атмосфера, состоящая изъ прозрачныхъ паровъ.

Подобныя свѣдѣнія, какъ замѣчается и самъ аб. Секки, конечно, весьма не полны, но слѣдуетъ поставить на видѣ, что одно наше поколѣніе сдѣлало въ этой отрасли знанія *болѣе*, чѣмъ всѣ предыдущія. Конечно, это *многое* есть ничтожная капля, въ сравненіи съ тѣмъ, что предстоитъ, повидному, узнать человечеству въ дальнѣйшихъ вѣкахъ его земнаго бытія.

Пер—ъ.

Здания Всемирной Выставки въ Парижъ 1878 г.

1 мая 1878 г. предполагается открытіе Всемирной Выставки въ Парижѣ.

Здания Выставки строятся на Марсовомъ Полѣ и на Трокадеро. Они должны соединиться мостомъ, бронепнымъ чрезъ Сену.

Зданіе на Марсовомъ Полѣ будетъ сдѣлано изъ желѣза и чугуна. Возвышаясь на длинной терасѣ, на которую изъ парка ведутъ широкія ступени, оно будетъ состоять изъ трехъ навильоновъ, соединенныхъ между собою галереями. Крайніе угловые навильоны т. е. на всѣхъ углахъ зданія, имѣютъ въ вышину 44 метра. Они заканчиваются куполами; по бокамъ ихъ четыре колоколенки съ прорѣзными аркадами. Украшены въ полу-восточномъ вкусѣ. Центральный навильонъ почти такого-же рисунка, какъ и угловые, исключая того, что онъ на 4 метра менѣе возвышенъ. Въ основѣ арки центрального навильона будутъ хоры, откуда откроется видъ на Трокадеро и часть города.

Галерея изящныхъ искусствъ будетъ помѣщаться въ среднѣмъ зданіи. Она должна состоять изъ 8 группъ залъ, совершенно отдѣленныхъ одна отъ другой. Это зданіе будетъ изъ кирпича; кровли желѣзные. Каждая группа залъ будетъ имѣть одну главную залу и четыре маленькія по угламъ. Дверей многое множество. По среднѣмъ зданіи Выставки будетъ садъ. Средину сада займетъ бассейнъ, а въ кюветѣ на бассейнѣ помѣстится ор-

кестръ. По бокамъ группъ залъ для изящныхъ искусствъ и сада пойдетъ длинный рядъ галерей съ угловыми кровлями. Зданія на Марсовомъ Полѣ назначаются для изящныхъ искусствъ и промышленности.

На холмѣ Трокадеро, которому около 1825 г. данъ свое имя испанецъ, взятый арміей герцога Ангулемскаго, и на которомъ Наполеонъ мечталъ воздвигнуть дворецъ Римскаго императора, теперь будетъ возвышаться зданіе, грандіозное безъ сравненія, которое переживетъ выставку и составитъ великолѣпное украшеніе Парижа. Общій видъ этого зданія мы помѣщаемъ въ настоящемъ № „Ивы“.

Залъ въ этомъ зданіи будетъ расположенъ амфитеатромъ и вмѣститъ въ себя до 8000 зрителей.

Что-бы дополнить великолѣпіе и придать движеніе чудной картинѣ гг. Давіу и Бурде придумали устроить водопадъ, онъ будетъ падать въ бассейнъ на 20 ступеняхъ. Въ вершинѣ водопада поставится группа статуй, представляющихъ Францію, приветствующую четыре страны свѣта. На бьющихъ фонтанахъ поставится также фигуры различныхъ морскихъ животныхъ.

Всда должна останавливаться въ послѣднемъ нижнемъ бассейнѣ парка. Паркъ на Трокадеро вмѣститъ въ себя всевозможныя постройки: kiosки, ротонды, аквариумы, шале выставщиковъ, образчики архитектуры, шатры и оранжереи садоводства и т. п.

Я-ли не полковникъ?!

(Картина Гакеля).

Маленькій пѣмцкій городокъ, одинъ изъ герцогствъ, живетъ мирною жизнью. На политическомъ горизонтѣ его нѣтъ, ни единого облачка, всѣ довольны и счастливы. Эта „тишь да гладь, да Божья благодать“ нарушается весьма рѣдко, но можно сказать радикально. Въ особые, высокотожественные дни, трудно узнать мирный городокъ: онъ весь преобразается, суетится, горюхится, хлопочетъ; на лицахъ всѣхъ и каждая видна забота и тревога. По улицамъ то и дѣло, взадъ и впередъ, снуютъ занявшіеся граждане; ихъ и узнать нельзя — кажется тѣже люди, да не тѣ. Всюду шумъ, гвалтъ, барабанный бой, звуки трубъ и на каждомъ шагу — солдаты. Таковъ высокотожественный день рожденія владѣтельнаго герцога. Въ этотъ день всѣ булочники, пирожники, портные, сапожники и т. п. дѣятели преобразуются въ воиновъ и устраиваютъ парадъ, на который собирается публика со всего городка. Добрѣйшій Иванъ Ивановичъ Спись занять больше другихъ; онъ изображаетъ изъ себя весьма важную персону, не болѣе ли менѣе какъ полковника пароднаго ополченія своего родного городка. Иванъ Ивановичъ, утромъ высокотожественнаго дня, съ ужасомъ замѣтилъ, что его военный мундиръ сталъ нѣсколько тѣсновать, онъ то и дѣло торопиль свою домовитую сожительницу Амалию Андреевну кончать поскорѣе перешиваніе нѣкоторыхъ пуговицъ.

Но вотъ, какъкъ все готово, все пригнано, все по формѣ и сидитъ на Иванѣ Ивановичѣ съ нѣкоторымъ, можно сказать, шикомъ. Ивану Ивановичу остается надѣть перчатки, пахлобучить киверъ, пристегнуть заново отчищенную саблю и предстать предъ мирными согражданами во всей своей красѣ, во всемъ блескѣ. Онъ поразитъ своимъ воинственнымъ видомъ, въ этомъ, надо полагать, не можетъ быть сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что находящіеся на лицо домочадцы его, дв е дѣтокъ и мальчикъ подмастерье, уже залобовались на добасетнаго воина. Одна Амалия Андреевна какъ будто не сознаетъ воинственныхъ способностей своего муженька, она, какъ то коварно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродушно улыбается, кончая прическу своего сожителя. Самъ Иванъ Ивановичъ бросилъ взглядъ въ зеркало, взглянулъ... да такъ и заглядѣлся. Для него уже нѣтъ домашней обстановки, это уже не булочникъ, а воинъ, да еще какой!..

Все это вѣсѣ старинной, теперь не то... Не найдешь, пожалуй, такого мирнаго городка, да и не встрѣтншься съ добродушнѣйшимъ Иваномъ Ивановичемъ, булочникомъ по ремеслу и полковникомъ пароднаго ополченія. Политическій горизонтъ затапуть тучами, которыя и на мирный городокъ бросаютъ свою зловѣщую тѣнь!

Е. В.—овъ.

Преступная демонстрація у Казанскаго собора.

Минувшій годъ, весьма памятный отряднымъ единодушнымъ глубоко-человѣчнымъ движеніемъ нашего общества въ пользу страждущихъ балганскихъ славянъ, оставилъ намъ съ другой стороны и память объ одномъ нелѣпомъ, возмутительномъ, безмысленномъ дѣлѣ. Сущность этого дѣла заключается въ слѣдующемъ: 1876 г. 6 декабря, толпа молодыхъ людей, выйдя изъ Казанскаго собора скученною массою, остановилась на площади, недалеко отъ портика собора. Выдѣлившись изъ толпы, молодой человекъ произнесъ возмутительную рѣчь о гнетѣ нашего правительства, о сѣдствахъ крестьянъ, у которыхъ за недоимки продаютъ послѣднюю корову, и т. д. Говорящій рѣчь горячился и размахивалъ руками, а остальная изъ этой толпы молодежь, столпившаяся въ тѣсный кружокъ, слушала его и, по окончаніи рѣчи, аплодировала, кричала «браво! браво!» и бросала въ верхъ шапки. Въ тотъ же моментъ выкинутъ былъ надъ толпою красный флагъ съ надписью «Земля и Воля». Прибывшимъ на мѣсто безпорядка чинамъ полиціи толпа оказала сопротивленіе дѣйствіемъ. Толпа, скучившись плотно въ видъ процессіи, предводимой молодой женщиной, кричавшей: впередъ за мной! дошла до Кутузовскаго памятника, намереваясь идти далѣе, но здѣсь была остановлена и, послѣ упорнаго сопротивленія, арестована полиціей и частными лицами.

Дѣло это разсматривалось особымъ присутствіемъ сената. Виновными оказались нѣсколько молодыхъ людей изъ медико-хирургической академіи, института путей сообщенія, академіи художествъ и изъ сословій дворянскаго, купческаго, мѣщанскаго и крестьянскаго; кромѣ того нѣсколько молодыхъ дѣвицъ. 26 января по этому дѣлу объявлена слѣдующая резолюція: подсудиныхъ 1) Боголюбова—24 лѣтъ, Бибергала—22, Чернавскаго—22, Бочарова—21 года и Гервасія—19 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы: Боголюбова, Бибергала и Чернавскаго—въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а Бочарова и Гервасія—

въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ; 2) Фалина—24 лѣтъ, Новаковскаго—25, Николаевскую—21, Ильяшенко—22, Иванову—20 и Гуровича—18 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе; 3) Шефтель—16 лѣтъ, Потапова—16, Геллера—20, Попова—21 года, Громова—23, Григорьева—18 и Тимофеева—23 лѣтъ признать подлежащими по лишеніи всѣхъ правъ состоянія ссылкѣ: Шефтель—въ каторжныя работы на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, а всѣхъ прочихъ шестерыхъ—въ Сибирь на поселеніе; но, во вниманіе къ свойственному ихъ лѣтамъ легкомыслію, къ отсутствію той обдуманности въ дѣйствіяхъ, которая представляется относительно лицъ, оказавшихся болѣе виновными по настоящему дѣлу, и наконецъ—къ тому, что трое изъ сихъ подсудимыхъ, принадлежа къ крестьянскому сословію, могли быть вовлечены въ преступленіе только вліяніемъ той чуждой этому сословію среды, изъ которой исходятъ преступныя стремленія, порождающія дѣла, подобныя настоящему,—повергнуть сіе особое уваженіе на милостиво воззрѣніе Государя Императора и ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ упомянутымъ выше семерымъ подсудимымъ опредѣленнаго имъ по закону наказанія ссылкойю: Шефтель, Геллера, Попова и Громова на житы въ Тобольскую губернію, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а въ отношеніи крестьянъ Потапова, Тимофеева и Григорьева—отдачею ихъ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей на пять лѣтъ, съ порученіемъ ихъ тамъ особому попеченію монастырскаго начальства для исправленія ихъ нравственности и утвержденія ихъ въ правилахъ христіанскаго долга; 4) Надеждина, Иванова и Морошкина оправдать; 5) настоящій приговоръ относительно Бочарова, Ильяшенко и Ивановой, на основаніи 945 ст. Уст. Угол. Суд., представить, режде исполненія, на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе.

Флизи

Рисоваль съ натуры нашъ спеціальный

Помощаемъ нѣсколько рис. перомъ нашего спеціальнаго корреспондента Н. К. знакомящихъ съ жизнью окрестности Кишинева. Бойкіе наброски дають весьма цѣльное

хорошее состояніе; впрочемъ на сценкѣ, изображающей движеніе транспорта видно, что дорога не вездѣ плоха. Не дуренъ способъ перевозки сѣна, измышленный, впрочемъ,

Казакі донцы. Практическій способъ перевозки сѣна.

представленіе о нѣкоторыхъ частностяхъ этой жизни. Пути сообщенія, по которымъ телѣга съ двумя сѣдоками съ большимъ трудомъ тянется, углубляясь въ грязи по ступицы колесъ, видимо находятся тамъ не въ весьма

изстари нашими молодцами казаками съ Дона и Урала; и скоро и просто: перекинулъ съ сѣдла на сѣдло палку— и готова телѣга, вали на нее сѣна сколько выдержитъ. Жидъ-маркитантъ, изображенный на третьемъ ри-

Проселочная дорога въ окрестностяхъ Кишинева.

КИШИНЕВА.

КОРРЕСПОНД. М. КАРАЗИНЪ, ГРАВ. БОЯРСКИЙ.

сункъ,—давно уже знакомое всякому русскому лицу; въ особенности наши южно-русскія губерніи знаютъ его. Теперь ему праздникъ—народу много: дери за все сколько сможешь. Онъ, разумѣется, нисколько не заботится о томъ, какъ о немъ отзываются всѣ, поставленные въ необходимость имѣть съ нимъ дѣло. Лишь бы „гешефтъ“ былъ, думаетъ онъ, а все остальное—прахъ и суета. Иной разъ поругаютъ, иной разъ случается, что и въ шею накладываютъ,— что за бѣда: вѣдь „ге-

щи, они давно уже пришли къ тому, путемъ наблюденія и опыта сдѣланному выводу, что, какъ тараканъ заводится въ домъ, прежде чѣмъ въ немъ поселятся жильцы, такъ и еврей заводится вездѣ — и средствъ спасенія ни отъ того, ни отъ другого нѣтъ.

Мѣстность Кишиневскаго уѣзда волнообразна, склоняется на юго-востокъ и перерѣзана множествомъ овраговъ. Кишиневскій уѣздъ занимаетъ пространство въ 3075 квад. верстѣ.

Жидъ маркитантъ.

шефтъ“ сдѣланъ, значить брань и толчки не въ счетъ. И тѣ, которымъ по роковой силѣ обстоятельство приходится имѣть дѣло съ жидомъ, тоже въ концѣ концовъ мирятся съ своей долей: дадутъ жиду ветренку и рѣшатъ, что „заплачено за обманъ сполна“. Относительно же вопроса, о законности жидовской эксплуата-

относительно самого города Кишинева, сказать многого нельзя. Городъ весьма унылый и лишенный жизни, несмотря на то, что онъ послѣ Одессы лучшій городъ въ Новороссійскомъ краѣ. Расположенъ онъ на р. Быкъ, притокъ Днѣпра; жителей въ немъ около 105,000 душ. об. пола.

Транспортъ въ походѣ.

УССУРИЙСКИЙ КРАЙ И ПОРТЪ ВЛАДИВОСТОКЪ,

На крайнемъ востокѣ нашихъ азиатскихъ владѣній лежитъ такъ-называемый Уссурійскій край, приобретенный нами окончательно по пекинскому договору 1860 года. Онъ составляетъ южную часть Приморской области, омывается съ востока водами Японскаго моря, съ запада ограничивается рѣкою Уссури, а на юго-западѣ прилегаетъ къ Корейскимъ и Манчжурскимъ владѣніямъ. Такимъ образомъ этотъ край заключаетъ въ себѣ бассейны правыхъ притоковъ Уссури, бассейны озера Ханка (на юго-западѣ) и побережье Японскаго моря; географическая широта его заключается между 42 и 48° на сѣверъ отъ экватора. Слѣдовательно страна эта лежитъ подъ одною широтою съ сѣвѣрною Испаніею, южною Франціею, сѣвѣрною и среднею Италіею и южною Россіею, но, подъ влияніемъ различныхъ физическихъ условій, имѣетъ климатъ совершенно другой, чѣмъ эти европейскія мѣстности.

Топографическій характеръ края опредѣляется положеніемъ главнаго хребта, который, подъ именемъ Сихотэ-Алннѣ, тянется изъ Манчжуріи, недалеко и параллельно берега Японскаго моря, доходя до самаго устья Амура. Средняя высота его 3—4 тысячи футовъ, и только въ нѣкоторыхъ точкахъ своихъ южныхъ частей онъ поднимается до 5 тысячъ футовъ. Восточные отроги его высоки и оканчиваются у моря отвѣсными утесами. Западные отроги ниже и длиннѣе; они наполняютъ собою все пространство между главною осью хребта и рѣкою Уссури.

Орошеніе края весьма обильно. Уссури составляетъ главную водную жилу всей страны. Эта рѣка вытекаетъ, въ видѣ небольшого горнаго ручья, изъ южныхъ частей Сихотэ-Алннѣ, въ верстахъ 70 отъ берега Японскаго моря. До принятія справа рѣки Лифудинъ она носитъ названіе Сапдогу, потомъ, отъ устья Лифудина до устья лѣваго своего притока, рѣки Дауби-хэ, называется Ула-хэ и, наконецъ, отсюда течетъ подъ манчжурскимъ своимъ названіемъ Уссури. По принятіи Дауби-хэ, Уссури имѣетъ сажень 70 ширины, но, по причинѣ быстрыхъ теченій и частыхъ мелей, можетъ быть удобна для плаванія небольшихъ пароходовъ только во время высокой воды. Къ постоянному пароходному сообщенію дѣлается она годною лишь отъ устья рѣки Сунгачи, лѣваго своего притока, выходящаго изъ озера Ханка, т. е. на разстояніи около 500 верстъ отъ своего устья *). Начиная отсюда, Уссури течетъ въ прямомъ направленіи съ юга на сѣверъ и принимаетъ нѣсколько большихъ рѣкъ: справа Има, Бикниъ и Поръ, а слѣва Мурень и Поръ; послѣ этихъ притоковъ она дѣлается многоводною рѣкою и достигаетъ при устьѣ почти двухъ верстъ ширины. На правомъ берегу Уссури преобладаютъ возвышенности, а на лѣвомъ — равнины и болотистыя низменности. Такъ, на правой сторонѣ нижняго теченія ея воздымаются тысячи на 3—4 футовъ хребты Хехцыръ, сплошь покрытый лиственными и хвойными лѣсами, а въ среднемъ теченіи горы сопровождаютъ оба берега рѣки, подходя къ ней то пологими скатами, то крутыми или отвѣсными утесами. Всѣ правые притоки Уссури имѣютъ быстрое теченіе, болѣею частью высокіе берега, покрытые дремучимъ лиственнымъ и хвойнымъ лѣсами, которые славятся обиліемъ соболей и служатъ главнымъ мѣстомъ зимняго промысла инородцевъ Уссури.

Въ составъ бассейна озера Ханка входятъ многіе притоки его, изъ которыхъ самыя большіе впадаютъ въ него съ юга и запада, таковы: Лефу и Мо съ юга, Сянъ-хэ и Усачи съ запада. Общій характеръ поверхности здѣсь — равнины, которыя на сѣвѣрной, восточной и южной сторонахъ озера переходятъ въ обширныя, непроходимыя болота, а на юго-западѣ и частью на западѣ представляютъ холмистую степь, очень удобную для земледѣлія и скотоводства. Наружный видъ озера Ханка не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго. Огромная площадь мутной воды, низкіе болотистые или песчаные берега и далекія горы, синющія на противоположной сторонѣ — вотъ видъ озера отъ истока Сунгачи, гдѣ находится нашъ постъ № 4. По очертанію своему озеро имѣетъ видъ эллипсиса, сѣвѣрный конецъ котораго шире южнаго; наибольшая длина его, съ юга на сѣверъ, около 80, а ширина, съ востока на западъ, до 60 верстъ. Озеро это вообще мелко: у береговъ, на разстояніи полуверсты, глубина его въ 5—6 футовъ, а въ самой срединѣ не находилъ болѣе 3½ сажень. Во время сильнаго вѣтра, часто налетающаго вдругъ, порывами, пронсходитъ на немъ, отъ такой малой его глубины, вертикальное волненіе, которое мутитъ воду до самаго его песчанаго дна и дѣлаетъ рѣшительно невозможнымъ плаваніе на малыхъ пароходахъ, пока не стихнетъ волненіе.

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Ханка, только по Лефу могутъ подыматься пароходы верста на 40 и то въ большую воду, прочія же рѣки носятъ характеръ горныхъ рѣчекъ и неудобны для плаванія даже на лодкахъ.

Единственный стокъ озера Ханка, рѣка Сунгачи, имѣетъ быстрое и чрезвычайно извилистое теченіе: отъ ея истока до устья по прямому направленію только 90 верстъ, а въ самой рѣкѣ

болѣе 250. Наши солдаты довольно мѣтко прозвали крутя извилины рѣки *сосмерками*. Такая извилистость, при незначительной ширинѣ рѣки — отъ 20 до 25 саж. — на всемъ теченіи, много затрудняетъ плаваніе даже небольшихъ пароходовъ, которые на поворотахъ выскакиваютъ носомъ на берегъ. Мѣстность, орошаемая Сунгачею, представляетъ совершенную равнину, которая начинается на лѣвой сторонѣ Уссури и переходитъ мало по малу, въ среднемъ и верхнемъ теченіи Сунгачи въ болотистую низменность.

Полоса по берегу Японскаго моря, гдѣ проходятъ восточные отроги Сихотэ-Алннѣ, состоитъ изъ узкихъ долинъ, по которымъ протекаютъ быстрыя береговыя рѣчки; наибольшія изъ нихъ: Сайфунъ, Сучанъ, Вай-Фудинъ и Тазунъ. Море образуетъ здѣсь нѣсколько большихъ заливовъ: св. Владимира, св. Ольги и обширную впадину, известную подъ общимъ именемъ залива Петра Великаго. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ меньшихъ заливовъ: Америка, Уссурійскій, Амурскій и Поссета. Между двумя средними, т. е. Амурскимъ и Уссурійскимъ, лежитъ полуостровъ Муравьевъ-Амурскій, на южной оконечности котораго находится портъ Владивостокъ, выстроенный на берегу прекрасной бухты — Золотой Рогъ.

Флора и фауна Уссурійскаго края представляютъ громадное богатство и вмѣстѣ съ тѣмъ, оригинальную смѣсь формъ, свойственныхъ какъ далекому сѣверу, такъ и далекому югу. Разнообразная по своимъ формамъ растительность распределяется на всемъ протяженіи края, отъ самыхъ южныхъ его предѣловъ до самыхъ сѣверныхъ, такъ что тотъ же самый хвойный лѣсъ, какой растетъ при устьѣ Уссури, можно найти и возлѣ залива Поссета, а пробковое дерево, грецкій орѣхъ и виноградъ, растущій по всему краю, встрѣчается уже на среднемъ Амурѣ. Впрочемъ, въ южно-уссурійскомъ краѣ появляются новыя виды деревьевъ, кустарниковъ и травъ, которыхъ нельзя встрѣтить на устьѣ Уссури, какъ напр. абрикосъ, мелколистный кленъ и древовидный можжевельникъ; но эти виды не составляютъ преобладающихъ типовъ и своимъ присутствіемъ не измѣняютъ много общій характеръ растительности. Гораздо большую разницу во флорѣ можно встрѣтить, направляясь отъ берега Уссури на востокъ, къ морскому побережью. Здѣсь, съ одной стороны горы, а съ другой неблагоприятное вліяніе холоднаго теченія, идущаго съ сѣвера отъ Амурскаго лимана, значительно измѣняютъ условія климата, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется самый характеръ растительности. Въ лѣсахъ начинаютъ преобладать хвойныя деревья, а лиственные являются въ небольшомъ числѣ и не достигаютъ такихъ роскошныхъ размѣровъ, какъ въ мѣстностяхъ ближайшихъ Уссурійской долины. На самомъ же морскомъ побережьи растительность вообще бѣднѣе, чѣмъ внутри страны, заслоненной отъ моря Сихотэ-Алннѣю, и развивается весною гораздо позднее, нежели по западную сторону горъ. Хвойныя породы растутъ только на предгорьяхъ, сначала въ смѣси съ лиственными деревьями, а затѣмъ, по мѣрѣ удаленія къ главному хребту, составляютъ преобладающую массу лѣсной растительности. Назовемъ нѣкоторыя въ порядкѣ ихъ преобладанія по горнымъ лѣсамъ края: кедръ, ель, лиственница даурская и японская, пихта сибирская и аянская, сосна и тисъ. Характерную черту всѣхъ дѣшннхъ лѣсовъ, въ особенности лиственныхъ и мѣшанныхъ, составляетъ густой подлѣсокъ различныхъ кустарниковъ, каковы: максимовичія китайская, барбарисъ, бузина, калина, жимолость, и друг. Въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтра, роскошно развивается виноградъ, то стелаясь ковромъ по землѣ, то обвиваясь, какъ лианы тропиковъ, вокругъ кустарниковъ и деревьевъ; но ягоды его, не крупнѣе обыкновенной клюквы, имѣютъ кислый вкусъ... Луговая и вообще травянистая растительность края еще болѣе разнообразна; равнины зачастую представляютъ собою роскошныя, разноцвѣтные ковра. Не будемъ перечислять многочисленныхъ цвѣтовъ дѣшннхъ флоры, а упомянемъ только о *неомбии*, растущей по береговымъ озерамъ и заливамъ Сунгачи. Это водное растеніе — близкій родственникъ гвианской царственной викторіи. Огромныя, болѣе аршина въ диаметрѣ, круглыя кожистыя листья не много приподнимаются надъ водою, а надъ ними висятъ, на толстыхъ стебляхъ, цѣлыя сотни розовыхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ иные имѣютъ 6 вершковъ въ диаметрѣ своихъ развернутыхъ лепестковъ.

Сообразно такой богатой флорѣ, богата и фауна Уссурійскаго края. Въ его лѣсахъ водятся: тигръ, барсъ, рысь, дикая кошка, медвѣдь бурый и тибетскій, барсукъ, куница, соболю, колоннокъ, горностаи, ласка, выдра, волкъ сѣрый и красный, лисица, енотовидная собака, кабанъ, антилопа, кабарга, лось, изюбрь, аксисъ, дикая коза, заяцъ манчжурскій и бѣлякъ, бѣлка обыкновенная и летяга и проч. Птицъ чрезвычайно много, въ особенности водныхъ и голенастыхъ. Утокъ насчитывается до 15 видовъ. Много лебедей, гусей, баклановъ. Изъ голенастыхъ птицъ замѣчательны бѣлые журавли, цапли, аисты, колпицы; изъ куринныхъ — фазаны; изъ хищныхъ — орланы, соколы, луны и другія. Изъ многочисленныхъ пѣвчихъ птицъ упомянемъ только красиваго соловья-красношейку, пѣніе котораго, впрочемъ, далеко уступаетъ европейскому. Для полноты богатства фауны до-

*) Длина всей Уссури, отъ истока до устья, около 800 верстъ.

бавить, что рѣки Уссурийскаго края изобилуютъ всякаго рода рыбово, которую буквально кишитъ, въ теченіи дѣлаго лѣта, р. Сунгача...

И вотъ въ этомъ - то краю переселенные съ Амура казаки терпятъ голодъ, холодъ и всякаго рода нужды! Длинною вереницей тянутся по всему правому берегу Усури ихъ 28 станицъ, изъ которыхъ каждая представляетъ собою одну улицу, въ версту длиною. Въ трехъ станицахъ выстроены церкви, а въ болѣе обширныхъ живутъ торговцы, занимающіеся главнымъ образомъ продажей казакамъ водки и покупкою соболей и китайцевъ. Всѣхъ казаковъ по Усури считается до 3 тысячъ человекъ, а вмѣстѣ съ ихъ женами населеніе достигаетъ до 5½ тысячъ. Каждый годъ, съ половинъ зимы до снятія жатвы, казна должна кормить большую часть населенія, чтобы хоть сколько нибудь спасти его отъ голода. За недостаткомъ провіанта, къ мужъ подмѣниваютъ сѣмена различныхъ сорныхъ травъ, иногда даже глину. Поистинно, каковъ получается изъ этой смѣси хлѣбъ! Нѣкоторые имѣютъ подспорьемъ кирпичный чай, завариваемый съ солью, или такъ называемый бурдукъ, т. е. болтушку изъ изъ ржаной муки съ водой. За непмѣнѣемъ же того и другого, казаки приготавливаютъ изъ высушенныхъ гнилушекъ березы и дуба особый напитокъ, называемый шульта, и пьютъ его вмѣсто чаю. Рыбную и мясную нищу имѣетъ зимою едва-ли и двадцатая часть населенія. Цѣны на всѣ предметы торговли стоятъ весьма высокія по отсутствію конкуренціи: соляныя свѣчи, напримѣръ, продаютъ по 20 р. пудъ, сахаръ — тоже 20 р. Немного дешевле можно купить всѣ вообще товары только лѣтомъ, когда съ верхъ-бвевъ Амура приходятъ въ Хабаровку баржи съ различными товарами. Самая выгодная статья дохода торговцевъ — водка. Купцы покупаютъ въ Николаевскѣ алкоголь (въ 93°), разводятъ его двойн ой порціей воды и получаютъ такимъ образомъ отъ 200 до 400° прибыли.

Сообщеніе въ краѣ лѣтомъ на пароходахъ (два побольшихъ), буксирующихъ по Усури, Сунгачъ и оз. Ханка баржи съ провіантомъ и фуражемъ для войскъ; а зимою — на почтовыхъ лодкахъ, которыхъ обязаны содержать въ станицахъ казаки. Поселенія, лежащія по берегу оз. Ханка, находятся въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ относительно сообщенія какъ съ побережьемъ Японскаго моря, такъ въ особенности съ бассейномъ р. Усури. Болота по р. Сунгачъ совсѣмъ недоступны для переклада и нимъ къ Усури въ теченіи лѣта. Затѣмъ, отъ истока Сунгачи единственная наша почтовая дорога идетъ по сѣверному берегу оз. Ханка; слѣдов. въ китайскихъ предѣлахъ, гдѣ стоитъ одноконечный нашъ постъ № 5; и тѣмъ эта дорога обитаетъ западную сторону озера и направляется на югъ, по степной полосѣ, къ р. Сайфуну (впад. въ Амурскій заливъ) и далѣе на югъ, къ порту Владивостокъ.

Кромѣ казачьихъ станицъ, въ Южно-Уссурийскомъ краѣ и на побережьи Японскаго моря находится до 13 крестьянскихъ деревень, съ населеніемъ до 1½ тысячъ душъ обоего пола. Крестьянское населеніе живетъ лучше казаковъ, но терпитъ недостатокъ въ скотѣ, сѣменахъ и земледѣльческихъ орудіяхъ.

Иногородское населеніе края состоитъ изъ китайцевъ, голландъ и орочей или тазовъ; кромѣ того въ пашинхъ предѣлахъ живутъ корейцы, переселившіеся изъ своихъ земель.

Китайцы или, какъ они называютъ себя здѣсь, манза составляютъ частью осѣдлое, частью приходящее населеніе. Осѣдлое занимается земледѣліемъ, которое доведено у нихъ до совершенства. Сѣютъ сорго, бобы, фасоль, кукурузу, ячмень и пшеницу; на огородахъ: огурцы, дыни, капусту, рѣдьку, чеснокъ, лукъ, красный перецъ и табакъ.

Приходящее населеніе манзъ — бездомные скитальцы, искатели дѣлезнаго корня Жень-Шеня, который цѣнится въ Китаѣ на вѣсь золота, или промышленные соболемъ. Ихъ одиночныя фанзы встрѣчаются посреди глухого, дремучаго лѣса. Гольды и орочи живутъ только звѣроловствомъ и рыбной ловлей, не зная земледѣлія.

Фанзы гольдовъ встрѣчаются по берегамъ Усури и Дауби-

Хэ, отъ 3 до 10 вмѣстѣ. Гольды народъ тихій, добрый, миролюбивый. Отправляясь на промыселъ, они берутъ съ собою своихъ боговъ или бурхановъ, представляющихъ изображенія человека китайскаго тина. Гольды вѣшаютъ бурхана у своего шалама, молятся ему и брызгаютъ на него водкой, мажутъ его саломъ или варенымъ просомъ, если промыселъ удаченъ. Водящіеся здѣсь довольно крупныя тигры производятъ паническій страхъ на гольдовъ, которые не только не стѣбляютъ по нимъ, но боготворятъ ихъ. Поэтому нерѣдко случается, что обитатели одиночныхъ фанзъ стѣбаются тигромъ. Орочи или тазы обитаютъ по берегамъ Японскаго моря, начиная отъ устья Суйфуна до р. Талуни, встрѣчаются также по большому правому притоку Усури. По образу жизни раздѣляются они на бродячихъ и осѣдлыхъ. Первые стоятъ на самой низкой степени развитія. Тѣ и другіе эксплуатируются манзами, не выходя у нихъ изъ долговъ, которые они платятъ манзамъ соболями.

Эмиграція корейцевъ въ наши владѣнія вызвана, вѣроятно, грубымъ деспотизмомъ родной для корейцевъ стороны и, плодородною, нетропутою почвою нашихъ владѣній. Корейскія деревни состоятъ изъ фанзъ, похожихъ на китайскія; онѣ окружены полями, тщательно обработанными, какъ у манзъ...

О климатѣ Уссурийскаго края слѣдуетъ замѣтить, что онъ скорѣе континентальный, чѣмъ морской. Зимніе морозы доходятъ иногда до 28°, а лѣтній жаръ до 25° въ тѣни, по средней зимняя температура — 13°, а лѣтняя +15.

Вотъ въ этомъ-то невоздѣланномъ краѣ и находится нашъ портъ при Японскомъ морѣ — Владивостокъ, отстоящій отъ С.-Петербурга чуть не 10 тысячъ верстъ (именно 9974)!

Городъ вытянутъ, на протяженіи болѣе версты, по сѣверному берегу бухты „Золотой Рогъ“, обширной, глубокой *), со всѣхъ сторонъ обставленной горами и потому очень удобной для стоянки судовъ. Кромѣ солдатскихъ казармъ, офицерскаго флигеля, механическаго заведенія, различныхъ складовъ провіанта и другихъ запасовъ, въ немъ одна церковь, около 50 казенныхъ и частныхъ домовъ, да десятка два китайскихъ фанзъ. Число жителей, кромѣ китайцевъ, по вмѣстѣ съ войсками, простирается до 800 человекъ. Частные дома принадлежатъ, болѣею частью, оставшимъ солдатамъ и восьми иностраннымъ купцамъ, у которыхъ здѣсь есть лавки. Въ 1873 году въ Владивостокъ переведенъ портъ изъ Николаевска. Главный предметъ торговли составляетъ такъ-называемая морская капуста — особый видъ морскаго водоросля (Fucus). Главный рынокъ ея бываетъ въ Владивостокѣ въ концѣ августа и въ началѣ сентября, когда сюда собирается всѣмъ только сотъ манзъ, привозящихъ на продажу всю добычу своей лѣтней ловли. Замѣтимъ кстати, что эти водоросли (морская капуста) добываются на всемъ нашемъ побережьи Японскаго моря, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ сильнаго волненія, и гдѣ глубина не болѣе двухъ, трехъ сажень; они обыкновенно прикрѣпляются къ камнямъ, раковинамъ и т. п.; китайцы достаютъ ихъ со дна деревянными вилами, сушатъ на солнцѣ и связываютъ въ пучки отъ 1 до 2 пудовъ; въ этомъ видѣ морская капуста и поступаетъ въ продажу. Изъ Владивостока отправляютъ ее купцы для продажи въ Шанхай или Чу-фу, гдѣ цѣнится она около рубля за пудъ. Въ 1869 году было вывезено ее 360 тысячъ пудовъ. Но торговля эта находится въ рукахъ иностранныхъ купцовъ, которые хорошо наживаются также и отъ предметовъ, составляющихъ насущную потребность мѣстныхъ жителей, продавая товары самаго низкаго качества по цѣнамъ въ 3 и 4 раза болѣе, чѣмъ въ Европѣ. Впрочемъ, относительно качества (но не по цѣнѣ) товара слѣдуетъ сдѣлать исключеніе для водки, которая производится здѣсь изъ чистаго американскаго алкоголя и составляетъ чуть ли не главный продуктъ потребления въ здѣшнихъ мѣстахъ, вообще, какъ на Усури. Объ общественной и умственной жизни населенія города не можетъ быть, конечно, и рѣчи: тутъ на первомъ планѣ стоитъ еще вопросъ удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ прошломъ обозрѣніи мы замѣтили, что, не смотря на сверженіе Митхада-наши и замѣщеніе его Эджемъ-нашею, шансы на мирное соглашеніе между Турціей и Сербіей и Черногоріей нисколько не увеличиваются.

Хотя 3 (15) февраля послѣдовалъ отъѣздъ изъ Българда сербскихъ и турецкаго уполномоченныхъ въ Константинополь, хотя вообще въ масѣ сербскаго населенія существуетъ вѣра въ заключеніе мира съ Турціей; но та же телеграмма, которая извѣстила насъ объ отъѣздѣ сербскихъ уполномоченныхъ, сообщила и о сильномъ возбужденіи въ Сербіи, принимающемъ опасный характеръ. Вслѣдствіе этого, открытія большой скупщины ожидаютъ съ значительными опасеніями и въ виду рѣзкаго настроенія партій въ Сербіи, можно ожидать всякихъ случайностей. За сими, не смотря на мирный, повидимому, обмѣнъ военно-плѣнными между Сербіей и Турціей, на дняхъ башни-бузуки разстрѣляли большинство сербскихъ военно-плѣнныхъ; изъ русскихъ же военнопленныхъ не осталось въ живыхъ ни одного человека. По наше-

му мнѣнію, этихъ фактовъ достаточно, чтобы придти къ заключенію, что истинное положеніе дѣлъ уничтожаетъ всѣ доводы въ пользу мира. И въ самомъ дѣлѣ: значитъ ли что-нибудь вынужденное обстоятельствомъ подписаніе кн. Миланомъ уполномочивающаго на заключеніе мира документа, въ виду возбужденнаго состоянія страны и все продолжающихся звѣрствъ башни-бузуковъ?

Въ Англии недавно открыты засѣданія парламента, въ которомъ, разумѣется, уже обсуждались дѣла Востока и та общія политика, которой должна держаться Англія въ восточномъ вопросѣ. Вопреки ожиданіямъ, парламентскія пренія по дѣламъ Востока и восточной политики вышли безцвѣтны и обличаютъ только крайнюю шаткость политики теперешняго торійскаго кабинета. Въ палатѣ лордовъ ораторы Дерби и Биконсфильдъ про-

* Длина бухты 3 версты, ширина отъ 1½ до 2-хъ в.рствъ, а глубина отъ 5 до 14 сажень.

изнесли рѣчи, блестящія софизмами и скрывающія отъ неопытныхъ тѣ рѣшачихъ глазъ прорѣхи, какія все болѣе и болѣе становятся замѣтны въ политикѣ Англїи. За то въ нижней палатѣ, канцлеръ казначейства, сэръ Стэффордъ Норткотъ, какъ разъ и показалъ на видъ публикѣ эти прорѣхи. Онъ, къ величайшей досадѣ Дербѣ и Биконсефлуда, порицалъ турецкую конституцію, говорилъ, что смѣшно было бы полагаться на то, что она можетъ повести къ хорошимъ результатамъ для балканскихъ христіанъ, и что гарантіи для христіанъ должны быть дѣйствительны, и ничего общаго съ конституціей имѣть не могутъ. Итакъ—нужны серьезныя гарантіи—но какія? Правительство, по словамъ Норткота, не желаетъ умыть въ этомъ дѣлѣ руки, не желаетъ отдѣлаться отъ остальной Европы и считать, что единичное вмешательство Австріи и Россіи въ дѣла Балканскаго полуострова было бы подозрительнымъ.

— Изъ Вѣны отъ 25-го января (6-го февраля) телеграфъ сообщилъ намъ, что переговоры между министрами обѣихъ частей Австро-Венгерской монархїи по банковому вопросу не привели ни къ какому результату и что венгерскіе министры отправляются обратно въ Буда-Пешту. Смерть (въ прошломъ году) такого государственнаго человѣка, каковъ Деакъ, положила начало неурядицамъ въ Австро-Венгрии. Дѣло въ томъ, что венгерскій элементъ въ Имперіи не кому теперь регулировать. Отправлена была торжественная депутація къ знаменитому оратору и венгерскому патриоту, Кошуту—но это не помогло, потому что Кошутъ, какъ извѣстно, ультра-патриотъ, одинаково-ненавидящій какъ славянъ, такъ и нѣмцевъ. Въ виду такихъ плохо сложившихся обстоятельствъ, Тисса подалъ уже императору просьбу объ отставкѣ всего венгерскаго министерства. Но по новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Австріи, кабинетъ Тиссы останется въ должности до тѣхъ поръ, пока не будетъ образовано новое венгерское министерство. Кто будетъ во главѣ этого министерства, пока не извѣстно. Кандидаты на министровъ, Сеніей и Майлотъ, уже представлялись императору Францу-Иосифу. Тотъ и другой принадлежатъ къ венгерской старо-консервативной партіи. Существуетъ увѣренность, что, не смотря на многія препятствія, Сеніей и Майлотъ все-таки примутъ на себя образование новаго кабинета.

— Въ Америкѣ извѣстная уже намъ специальная коммисія для рѣшенія вопроса о президентскихъ выборахъ продолжаетъ свои засѣданія, и на одномъ изъ этихъ засѣданій предводители демократической партіи внесли предложеніе о назначеніи *независимо отъ официальныхъ отчетовъ* слѣдствія для доказательства неправильностей, происходившихъ при выборахъ въ Флоридѣ. Далѣе, по поводу подобныхъ же злоупотребленій, коммисія Палаты представителей въ Вашингтонѣ донесено, будто бы президентъ Кассационнаго Суда въ Луизианѣ, Уэльсъ, велъ въ одно и тоже время переговоры и съ демократами и съ республиканцами объ обращеніи счета голосовъ въ пользу той партіи, которая уплатитъ ему за это *миллионъ долларовъ!* Исторія эта произвела большое волненіе. Это несправное доллароліе ужъ слишкомъ позорно для великой Заатлантической республики. Затѣмъ ходятъ слухи, хотя еще не подтвердившіяся, что Грантъ къ концу срока выборовъ президента намѣренъ произвести «coup d'état» и сдѣлаться диктаторомъ.

— Не совсѣмъ-то ладны становятся, также, отношенія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ Англїю. Недавно завязался между тѣмъ и другимъ государствомъ довольно серьезный споръ по поводу владѣнія Ласенедовыми О—вами, у сѣверо-западныхъ береговъ Австраліи.

— Во Франціи, какъ извѣщаетъ телеграфъ, дипломатическая переписка по восточному вопросу уже печатается и будетъ вскорѣ роздана депутатамъ. Жюль-Симонъ объявилъ недавно, что въ виду согласія всѣхъ министровъ, нечего опасаться министерскаго кризиса.—Петербургъ посвятилъ недавно извѣстный претендентъ на Испанскую Корону, Донъ-Карлосъ, герцога Мадридскій, въ сопровожденіи генерала Гонзолеса и маркиза Бойто.— Нашъ посольствъ при турецкомъ дворѣ Генераль Игнатъевъ прибылъ въ Петербургъ 1 февраля.

СМѢСЬ.

Мысли Данїила Стерна. Угрызенія совѣсти соразмѣрны въ насъ не съ нашими проступками, но только съ остающеюся въ насъ добродѣтелью.

Изнанка нѣкоторыхъ нашихъ добродѣтелей отвратительнѣе многихъ пороковъ.

Учителі сказали человѣку: склони, побѣди, задужи въ себѣ гордость. Я сказалъ ему: оправдай ее!—Вотъ тайна всякой, великой жизни.

Горе сердца благороднаго гордо, радость его смиренна.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Рыбинскъ, П. Ер—ову. Произведеніе не утратившее съ 1830 года своего достоинства, конечно заслуживало того, о чемъ вы намъ пишете. Это подтверждаетъ только то истину, что хорошее всегда хорошо и на какую почту вы его ни перешлите—оно, будучи кѣрно правдѣ жизни, вездѣ найдетъ сочувственный отзывъ.

4. Горбатовъ, Ф. П. Чин—нѣ. Неудобно.
5. Павловскій Посадъ, Жум—ву. У Державина есть превосходное стихотвореніе, начинающееся такъ:

Рѣка времени въ своемъ стремлени
Уносить всѣ дѣла людей
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей...
Вы ихъ передѣляли по своему:
«Все вѣчное увлекать
Быстрый времени потокъ.
Все плынуть и проплыть—
Лира, снѣптеръ и вѣвочъ».

Вышло худо. Соглашаемся, что стихи можно еще хуже сдѣлать; но передѣлывать хуже и выдавать за свое—уже этого не знаемъ что и называть.

6. Глуховъ, В. Б.—ону. Подражаніе Жуковскому фальшиво и въ нѣкоторыхъ стихахъ (ужъ невнятные за правду) не имѣетъ смысла, напримѣръ:

Тебя, рожденнаго для музъ,
Судьба твоя язвала,
Свалила черной жизни грузъ
И больше не снимала.

Нужно угадывать, куда же это судьба свалила грузъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Молдаване и ихъ промыслы (съ рисункомъ) Во тѣнѣ (Современная петербургская бльз) Г—съ С—скій.— На бивуахъ Щ. (стихотвореніе).— Что такое солнце? (съ 5-ю рисунками) Пер—ъ.— Зданіе Всемирной Выставы въ Парижѣ 1878 г. (съ рисункомъ).— Я-ли не половинный! (съ рисункомъ) Е. В.—овъ.— Преступная демонстрація у Казанскаго собора.— Уссурийскій край и портъ Владивостокъ (съ рисункомъ).— Политическое обозрѣніе.— Смѣсь.— Почтовый ящикъ.— Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ 1877 Г. ЯНВАРСКАЯ

КНИЖКА

„СТРАННИКА“.

СОДЕРЖАНІЕ ЕЯ СЛѢДУЮЩЕЕ:

1. Энзархъ Грузинъ. Биографіи Русановъ и его гроловѣди (Биографическія свѣдѣнія о жизни Оеофлакта. Дѣятельность этого лица въ Кадетскомъ корпусѣ и въ св. Синодѣ въ санѣ архимандрита.— Назначенъ Оеофлакта въ Калугу и вызовъ отуда въ коммисію по прообразованію духовныхъ училищ.— Служба въ СПб. духовной академіи въ званіи профессора словесности.— Удавленіе изъ Петербурга.— Дѣятельность Оеофлакта въ Грязни.— Переводъ его въ Грузію и дѣятельность въ званіи группскаго епархіала) *И. В. Покровскаго*.
 - II. Сназаніе о чешскомъ святыхъ Іоаннѣ Непомучѣ. *Ю. С. Аннискова*.
 - III. «Востону Востоника» (Стихотвореніе) *Л. И. Вуновскаго*.
 - IV. Бѣсѣда на новый годъ. Протоіерей Петра Полидорова.
 - V. Владычній судъ. (Былъ, изъ воспоминаній прошлаго).
 - VI—VIII. *И. Лискова* (Стеблянка).
 - VIІ Размышленія христіанина при чтеніи св. Евангелія. *Л. П.*
 - VII. Наша дуэванная журналистика за прошлый годъ. (Статья 1) Архимандритъ *Юсифа*.
 - VIII. Внутреннее церковное обозрѣніе. (Общій обзоръ епархіальной жизни за истекшій годъ.—Общественныя и общинныя начала, въ жизни духовенства.—Открытіе обществій; устройство женскихъ епархіальныхъ школъ; экономическія оцераціи.—Русское миссіонерство среди инородцевъ и протавораскольничья наши миссіи, какъ практическое рѣшеніе вопроса о свободѣ совѣсти.—Школы.—Протоіерей-публицистъ и священникъ-экономистъ.—Впечатлѣніе пастырской дѣятельности на русское общество и славянское дѣло). *А. В.—ва*.
 - IX. Иностранное церковное обозрѣніе. (Смерть кардинала Антонелли.—Вертепъ разбойниковъ.— Два противоположныхъ взгляда въ дѣтствѣ и юности Антонелли.—Его возвышеніе.—Пала III IX и политическая дѣятельность его покойнаго старшесекретаря.—Бѣство въ Гагугу.—Кардиналъ Самеоми.—Вопросъ объ избраніи новаго папы.—Распорядительность итальянскаго правительства на случай смерти Пала IX). *С. Е. С.*
 - X. Текущая хроника. (Опредѣленіе св. Синода.—Обяснительная записка къ проекту о классныхъ чинахъ.—Леонидъ архіепископъ ароставскій. (*Некролотъ*).
 - XI Замѣтки: 1. Братская свѣча (этнографическій очеркъ). Свящ. *І. Сумпуражскаго*.—2. Христіанство въ Япоіи.
 - XII. Объявленія.
- Подписка продолжается. Цѣна ПЯТЪ руб. съ пересылкою. Адресоваться: въ редакцію *дуэванная* журнала „Странника“ въ С.—Петербургѣ. Петербургъ, подписчики обращаются въ которую журнала (Невскій пр. 108, близъ Знаменн. М.) Можно выписывать и отъ Кораблева и Сырцова, а также и отъ Мелье (Полтавскій мостъ).
Редакторъ-издатель священникъ С. В. ПРОТООПОВЪ.

ПОПРАВКА.

Въ послѣднемъ № журнала „Нива“, въ которомъ было напечатано объявленіе отъ Музыкальнаго Магазина Фр. Иохидека въ Москвѣ, пропущены слова: Всѣ эти оперы и оперетки аранжированы для фортепіано безъ словъ. 1—1

РУССКАЯ ВОРОЖЕНЬ.

Новое гаданье, забава для всѣхъ возрастовъ. 36 карточекъ. 72 хромотографированные картинки съ рисункомъ профессора Лагорю. 288 отгѣвъ послѣднимъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Продастся въ Гостинный Дворѣ, въ вянжнхъ магазинахъ Колесова и Михина № 22, Исакова, Битинажа и Початкина, Лт. № 36. 1—1

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ“

Педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ, будетъ выходить въ 1877 г. по прежней программѣ. Кроіи официальныхъ свѣдѣній о женскомъ образованіи, въ журналѣ войдутъ общія статьи о положеніи женскаго образованія у насъ и заграничю, психологическія очерки, методическія статьи, образцовые уроки. Хроника и педагогическая библиографія (разборъ учебниковъ и дѣтскихъ книгъ) Кроіи 10 № № „Листка“, 2 раза въ годъ будутъ выданы приложения (борникъ статей для учащихся) Сюда войдутъ біографіи, историческіе, этнографическіе очерки и проч. Всего съ приложеніями журналъ будетъ содержать въ себѣ болѣе 40 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна за годъ—2 р. 50 к. безъ доставки, съ доставкою 3 р., съ пересылкою 3 руб. 50 коп.

Подписка принимается: въ главную конторѣ редакціи (В. О. 9-я линія д. № 6, въ женской гимназіи), въ книжномъ магазинѣ Колесова и Михина (Гостинный дворъ, № 22) и въ „Русской книжной торговлѣ“ (Невскій пр., д. армянской церкви). 1-й № выйдеть въ концѣ января. Редакторъ-издатель В. СИПОВСКІЙ 1—1

ДЛЯ РОЩЕНИЯ ВОЛОСЪ

Китайская вода изъ личины желткова, изсѣдывавшая и дозволенная въ продажу СПб. Врачебной управой. Цѣна съ пересылкою 2 руб. *Итальянская вода* чиститъ отъ перхоти, укрѣпляетъ волосы и корни оныхъ, а по прошестьи нѣсколькихъ ведѣлъ она обязательно производитъ новый ростъ волосъ тамъ, гдѣ остались еще слабыя корни. Гдѣ же нѣтъ корней то уже никакое средство не поможетъ. Косметическій магазинъ А. Штейнберга Невскій просп. д. Казанскаго Собора № 25. 1—1

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА В. КУМАНИНА.

Москва, Тверская улица, домъ Манушкина
Страхуютъ билеты 1 и 2 съ выиграннымъ займомъ отъ Тараха погашенія по 20 вое. съ гг. игородныхъ по 40 вое. 1—1

№ 8

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Выданъ 21 Февраля 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины Г. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. номера „Нивы“.

Статуя Баваріи и Пантеонъ въ Мюнхенѣ

Зданіе Пантеона и колоссальная статуя, изображенныя на нашей картинкѣ, сооружены на небольшомъ холмѣ, прилегаю-

Кленца, предназначенъ для помѣщенія бюстовъ знаменитыхъ сыновъ Баваріи и другихъ славныхъ мужей, къ каковой бы на-

Статуя Баваріи и Пантеонъ въ Мюнхенѣ. Рис. Квартлей.

щемъ къ Мюнхену. Пантеонъ этотъ, построенный въ 1843—1853 годахъ, по желанію короля Людвигъ I и по плану Лео фонъ-

ци они не принадлежали, если только имъ пришлось оказать услуги этой странѣ. Пантеонъ имѣетъ видъ открытаго храма,

украшенного колоннадой въ до-
рическомъ стилѣ. Зданіе это,
можно сказать, одно изъ удач-
нѣйшихъ произведеній его гени-
альнаго строителя. Храмъ сло-
женъ изъ мрамора. Въ Пантеонѣ,
теперь уже находится около ста
бюстовъ (въ настоящую вели-
чину знаменитыхъ мужей, начи-
ная съ филолога Руд. Агрико-
лы († въ 1485 г.) и кончая
лучшими художниками послѣдней
половины текущаго столѣтія. На
фризѣ, окружающемъ зданіе, изо-
бражены сцены изъ исторіи куль-
туры Баваріи, изъ которыхъ
многія исполнены по рисункамъ
Шванталера. Этотъ же худож-
никъ сдѣлалъ модель и статуи
Баваріи, которая стоитъ теперь
передъ пантеономъ, на сферомъ
мраморномъ пьедесталѣ въ 9
метровъ вышины. Людвигъ фонъ-
Шванталеръ трудился надъ мо-
деллю этого колосса въ тече-
ніи семи лѣтъ (1838—1845 годъ):
Ферд. фонъ - Миллеръ взялъ на
себя отливку изъ бронзы этой
статуи, имѣющей 16 метровъ
вышины; по величинѣ—это един-
ственная въ свѣтѣ бронзовая ли-
тейная работа. Великолѣпная
женская фигура въ правой рукѣ

Помѣщеніе въ головѣ статуи „Баварія“ для восьми
человѣкъ (на двухъ диванахъ).

держитъ мечъ, а въ высоко | внизу только $\frac{3}{4}$ дюйма, а сверху $\frac{1}{2}$ дюйма.

поднятой лѣвой — лавровый вѣ-
нокъ; возлѣ нея помѣщается левъ.
Внутри статуи устроена желѣз-
ная лѣстница, по которой мо-
жно подняться до самой голо-
вы, гдѣ на двухъ скамейкахъ мо-
гутъ свободно уѣсться 6—8 че-
ловѣкъ и смотрѣть въ продѣлан-
ныя отверстія. Масса мегалла
(3853 пуда), потребовавшаяся для
отливки этой колоссальной фи-
гуры, добыта изъ слюва турец-
кихъ пушекъ, вытѣщенныхъ изъ
моря, гдѣ онѣ затонули послѣ
морской баталіи при Наваринѣ.
Статуя Баваріи принадлежитъ
къ самымъ блестящимъ произве-
деніямъ современнаго искусства.
Кто внимательно осматривалъ
обломки модели ея на королев-
скомъ бронзо-литейномъ дворѣ
или въ Шванталеровскомъ му-
зее, тотъ не можетъ не почув-
ствовать искренняго уваженія и
удивленія къ ея творцу. Длина
головы статуи безъ шевъ — 1,85
метр., длина руки, вмѣстѣ съ
кнью — 7,22 м., а длина ука-
зательнаго пальца — 92 сантим.
Не смотря на колоссальность
фигуры (отлита она безукоризнен-
но), толщина стѣнокъ ея имѣетъ

Во тьмѣ.

(СОВРЕМЕННАЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ БЫЛЬ).

(Продолженіе).

IV.

Что дѣлать? Какъ поступить въ данномъ случаѣ? ду-
малъ я послѣ этого вечера, ворочаясь на постелѣ, му-
чимый бессонницей, тревожно прислушиваясь къ мѣр-
ному тиканью часовъ. Тикаютъ, тикаютъ, и знать боль-
ше ничего не хотятъ! Гдѣ отвѣтъ на мои вопросы, гдѣ
искать его? Сказать матери, дядѣ? Какая-же польза
будетъ изъ всего этого,—отравить ихъ покой и только.
Ей сказать, Миклашевской... Да что же ей дѣлать, ес-
ли она его не любитъ? Ну, не станеть она ѣздить къ
нимъ, ну, можетъ быть, на оборотъ, притворится влюб-
ленной въ него,—что-же изъ этого всего выйдетъ? Мнѣ
одному онъ повѣрилъ страшный секретъ: — „я такъ про-
должать не могу“, а Гамлетомъ оказался не онъ, а я.
—Я мысленно перебиралъ въ головѣ всевозможные фак-
ты, событія искалъ примѣра, какъ я долженъ посту-
пить и гдѣ, ни въ чемъ не находилъ даже подобія
тому положенію, въ какомъ я находился.—Человѣкъ почти
прямо говорить: „не сегодня,—такъ завтра мнѣ не здо-
бровать“,—любишь его, чувствуешь въ его дѣйствіяхъ ка-
кую-то фальшивую ноту, и ничѣмъ не можешь помочь
ему, видя его гибель... Это ужасное, адское положеніе!

Къ счастью въ этотъ годъ у меня экзаменовъ не бы-
ло,—я бы положительно не могъ заниматься подъ влія-
ніемъ мучившей меня мысли. А Володя, на оборотъ,
готовился, къ моему удивленію, тщательно, просиживая
цѣлые дни за записками. Онъ сталъ повидимому по-
койнѣе, точно забывалъ свою любовь, видался съ Ми-
клашевской рѣдко, даже съ Гальнбекомъ разговаривалъ
довольно миролюбиво.

Наступило теплое время — былъ уже май. Душный
воздухъ такъ и гналъ всѣхъ изъ столицы. Я ждалъ
только присылки денегъ изъ деревни, чтобъ уѣхать
скорѣй отсюда; то просиживалъ я цѣлые дни въ пуб-
личной библиотекѣ, то шатался по всевозможнымъ ху-
дожественнымъ и техническимъ музеямъ, ничего разу-
мѣется не понимая ни въ Гвидо-Рени, ни въ машинахъ
Гольца,—однимъ словомъ убивалъ время какъ могъ, а
желанной повѣстки не было и не было.

Однажды утромъ ко мнѣ влетѣлъ въ комнату Воло-
дя, сіяющій, веселый.

— Ты свободенъ? было первымъ его вопросомъ.

— Совершенно, отвѣтилъ я, удивленно глядя, на него.

— Такъ одѣвайся и ѣдемъ въ Петергофъ къ Микла-
шевскимъ.

— Что ты,—вѣдь я не ѣзжу къ нимъ... съ какой-же
статіи мнѣ вдругъ...

— Сегодня именины Юліи Александровны — гостей
будетъ много,—повѣрь что и тетка и Юлія будутъ очень
тебѣ рады.

— Да, помилуй,—незванный гость хуже татарина: они
можетъ и видѣть меня не желаютъ... Наконецъ, неловко.

— Да вѣдь это-жъ не городъ, дача — все на лѣтнемъ
положеніи и зимній этикетъ недѣйствителенъ. Посмотри
погода какая—преlestь! По заливу на пароходѣ теперь
отлично проѣхать — морскимъ вѣтеркомъ пообдуетъ.
У меня отъ этихъ записокъ голова ужасно разболѣлась,
— три дня почти не вставая читалъ: мнѣ прогулка очень
полезна.

— У тебя вѣдь завтра экзаменъ?

— Да.

— Не совѣтывалъ бы я тебѣ ѣхать—вдругъ не вы-
держишь; что за радость два года на курсѣ сидѣть,
займись лучше.

— Э, полно—университетъ не гимназія. Да и нако-
нецъ, прибавилъ онъ:—мнѣ нельзя не быть.

— Это почему?

— Она мнѣ сказала, чтобъ я непременно былъ въ
этотъ день у нихъ—иначе разсердится.

— Да пусть себѣ сердится на здоровье, посердится
и перестанеть.

— Ну нѣтъ,—я не желаю, чтобъ она сердилась на
меня.

— Ты любишь ее, Владиміръ, по прежнему?

— Люблю, даже, можетъ быть, больше чѣмъ прежде.

Мы помолчали.

— Такъ чтожъ ѣдемъ? спросилъ онъ меня черезъ
минуту.

Я на отрѣзъ отказался.

— Ну, как хочешь,—я одинъ поѣду. Кланяться?

— Кланяйся и поздравляй.

— Поздравлю и скажу, что звалъ тебя и получилъ отказъ—ужь не миновать тебѣ головомошки...

Онъ остановился на минуту передъ зеркаломъ, поправляя себѣ галстухъ.—У меня сегодня противъ обыкновенія счастливое и здоровое лицо,—сказалъ онъ,—я такъ счастливъ, что могъ бы умереть теперь не задумавшись. Да, я вѣрю теперь, что сильный приливъ счастья также располагаетъ къ смерти, какъ и безвыходное страданье.

— Откуда же явился этотъ приливъ счастья? спросилъ я.

Онъ на секунду замаялся. — Она мнѣ въ послѣдній разъ сказала нѣсколько словъ, только нѣсколько словъ,—и я жизнь охотно отдамъ за нихъ: она весьма прозрачно намекнула, что я ей нравлюсь, что мое присутствие на ея именинахъ ей болѣе чѣмъ пріятно... Вѣдь я въ первый разъ слышалъ такіа слова отъ женщины, отъ дѣвушки! У меня теперь какой-то бѣсенокъ сидитъ въ груди, и больно мнѣ отъ чего-то, и радостно, такъ радостно... Да ты не поймешь, если не испыталъ этого чувства!..

Я смотрѣлъ на него и, дѣйствительно, не вѣрилъ глазамъ: это былъ другой человѣкъ,—въ немъ жизнь влокотала, билась. Онъ любилъ, любилъ всѣмъ существомъ своимъ и вѣрилъ, что ему ствѣчаютъ взаимностью. Какъ ни фальшиво было его теперешнее положеніе, но оно во-сто разъ было лучше прежняго... Только долго-ли оно продолжится.

— Такъ прощай,—сказалъ онъ протягивая мнѣ руку,—еще увидимся до твоего отъѣзда?

— Разумѣется,—отвѣтилъ я.

Мы пожали другъ другу руки, и онъ уѣхалъ.

V.

Я былъ золъ самъ на себя, что не поѣхалъ къ Миклашевскимъ. Цѣлый день просидѣлъ я дома за книжкой и только подъ вечеръ, почти ночью, вышелъ прогуляться. Ызда уже стихала—пробѣжающихъ было меньше, за то пѣшеходовъ по тротуарамъ бездна. Теплый вечеръ всѣхъ выманилъ изъ домовъ. На Невскомъ чуть не толкотня была. Я вышелъ на гранитную пристань Дворцоваго моста и долго сидѣлъ здѣсь, смотря на мелькающіе ялики, на разношерстныхъ людъ, переѣзжавшій на другую сторону. „А въ Петергофѣ хорошо теперь“, думалъ я, глядя на алѣвшій западъ, и на золотистыя нити недвижныхъ облаковъ, повиснувшихъ надъ смутно темнѣвшимъ зданіемъ Академіи Художествъ. Если здѣсь Нева такъ хороша, прозрачна, какъ-же хорошо тамъ, на взморьѣ. И мнѣ еще досаднѣе стало на мой отказъ.

Я не торопясь подходилъ къ дому, какъ вдругъ столкнулся съ Володей. Онъ былъ блѣденъ, растерянъ, пальто на распаху, глаза сверкають...

— Володя, что ты, куда? спросилъ я.

— Къ тебѣ... пойдѣмъ, пойдѣмъ скорѣе... тамъ рассказку...

— Ты изъ Петергофа такъ поздно?..

— Да, я на послѣднемъ поѣздѣ... Теперь уже часа два есть... Идемъ, идемъ...

„Что тамъ у нихъ вышло?“ безпокойно думалъ я, поднимаясь въ слѣдъ за нимъ по лѣстницѣ.

Войдя въ мою комнату, онъ сбросилъ пальто, шляпу и сѣлъ на кровать.

— Фу, какъ я усталъ! сказалъ онъ. — Есть у тебя ромъ? и лимону дай — я грогъ сдѣлаю. Давай скорѣй.

Онъ наскоро приготовилъ грогъ и отпилъ нѣсколько глотковъ.

Я ждалъ, чтобъ онъ самъ рассказалъ все, и не говорилъ ни слова.

— Я часовъ въ десять отъ нихъ вышелъ,— началъ онъ,—да вотъ до сихъ поръ все по парку шатался, и

едва на послѣдній поѣздъ неопоздалъ... Ахъ, еслибъ ты зналъ, что было со мной...

— Да въ чемъ дѣло-то, —я ничего не понимаю...

— Она не любитъ меня.

— Да вѣдь ты самъ говоришь, что она просила тебя пріѣхать, намекала на симпатію къ тебѣ...

— Все это вздоръ, притворство.—Слушай. Послѣ чая вечеромъ, я вышелъ въ садъ. Гости сидѣли на балконѣ, а ни Гальнбека, ни ея не было. Иду по тропинкѣ, ночь свѣтлая, и вижу подъ акаціей на скамейкѣ сидитъ она...

Онъ перевелъ дыханье.

— Сидитъ на колѣняхъ у Гальнбека, обвила его шею руками, смотритъ ему въ глаза, смѣется, говоритъ что-то... А онъ тоже обнялъ ее за талію и улыбается такъ мерзко, пошло...

— Да полно, что ты! воскликнулъ и изумленный: — это можетъ быть тебѣ показалось.

Онъ покачалъ головой отрицательно.—Показалось? Я, слава Богу, не въ горячкѣ... Я все готовъ отдать, чтобъ только повѣрить, что это была галлюцинація.

— Они тебя замѣтили?

— Нѣтъ. Я сейчасъ же бросился за шляпой, выбѣжалъ въ паркъ, и вотъ пробродилъ тамъ до этого времени. Ну, какъ тебѣ это кажется? хорошо, мило?..

— Чортъ знаетъ что такое,—могъ только выговорить я,—вертушка, вѣтеръ...

— Она дѣвочка, дитя... По этотъ жидъ завлекаетъ ее.. И что она нашла въ немъ хорошаго, честнаго, достойнаго любви. И еще прикрываетъ это—жметъ и глазами, и языкомъ, и улыбкой... Что-жъ я—игрушка, кукла, которую она вертитъ какъ хочетъ... Нѣтъ, это все надо распутать, разрѣшить разомъ!..

— Ты опять за старое?..

— Не безпокойся пожалуйста изъ пустяковъ-то.

Да и вдобавокъ... я завтра экзаменъ держать буду...

— Ты будешь держать экзаменъ?

— Да, буду,—и выдержу, чтобъ не говорили про меня нелѣпностей, что я въ принадлежъ сумасшествія...

— Володя! воскликнулъ я, путаясь въ мысляхъ,—да вѣдь все то, что ты говоришь есть колоссальная нелѣпность. Вѣдь ты именно теперь и есть сумасшедшій...

— Ну, найди мнѣ исходъ другой, очень благодаренъ буду... Да вѣдь пѣть его,—не найти...

— Поѣзжай въ деревню, стряхни съ себя все это,— начинай жить снова...

— Не могу я! Не могу я жить, вычеркнувъ ее изъ памяти. Ее вычеркнуть—и жизнь вычеркнуть надо. Она мнѣ все.—Ты, значить, никогда не любилъ, не понимаешь, что значить любовь. У меня нѣтъ другой связи съ этимъ міромъ, какъ она, все остальное — пустота, ветость...

— Пойми, Володя, что твоя любовь не любовь, а какое-то бѣшенство, животная страсть... Это любовь не достойна человѣческаго достоинства...

— Все это фразы, фразы...

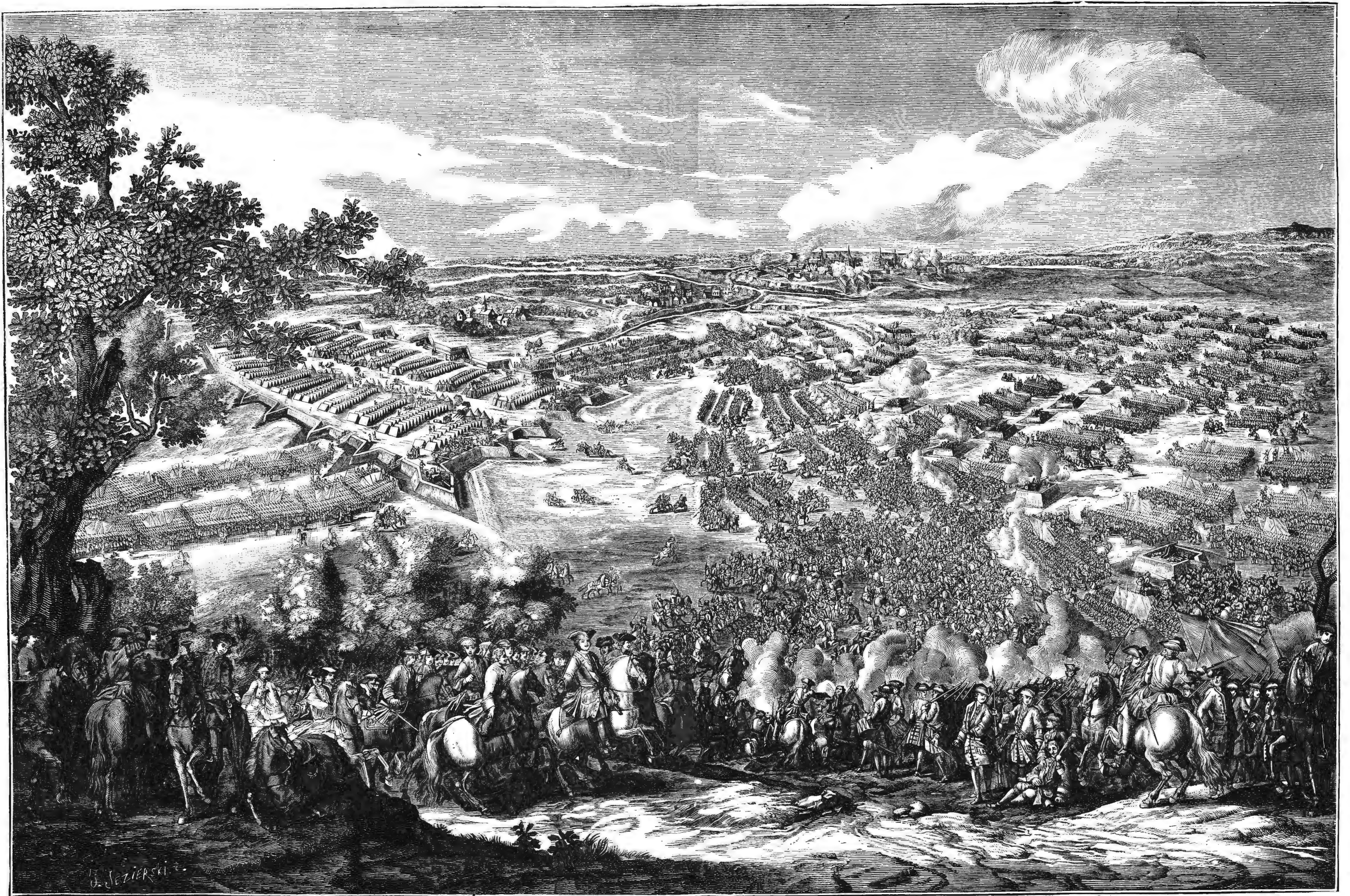
— У тебя нѣтъ общественныхъ интересовъ; нѣтъ ничего святого, кромѣ этой дѣвочки—гдѣ-жъ умъ, разсудокъ?

— Разсудокъ?.. Не знаю гдѣ!.. Я люблю, и этого довольно,—люблю не разсудкомъ, а чѣмъ-то другимъ. Любовь безъ волевои, страстей — не любовь, а глупое картофельничанье, гдѣ умъ наверху, а сердце гдѣ-то тамъ внизу... Я такъ любить не умѣю. Если тамъ я встрѣчусь съ нею,—очень радъ буду, нѣтъ — бѣда не велика,—продолжалъ онъ,—допивалъ стаканъ и утирая губы душистымъ платкомъ.—Ну, прощай!

— Куда ты? оставайся ночевать здѣсь, я тебя не пушу.

— Ты боишься за меня? спросилъ онъ.

— Да, боюсь — ты нездоровъ, за тобой присмотръ нуженъ.

ЗОБРАЖЕНІЄ ПРЕСЛАВНОЙ БѢТАЛІИ МЕЖДУ ВОЙСКЪ РОСІЙСКИХЪ СВѢЙСКИХЪ ПРИСУТСТВІИ ВЫСОКОЙ КОМАНДЫ НАДЪ РОСІЙСКИМИ ВОЙСКАМИ ЕГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕРОСІЙСКАГО ПЕТРА ПЕРВАГО НАДСВѢЙСКИМИ ЕГО КРОЛЕВСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КАРОЛА XII ПУРНИВШЕЙСЯ НЕ ПОДАЛЕКУ О ПОЛТАВЫ ІЮНІА ВЪ 27 ДЕНЬ 1709

— Даю тебѣ слово, что ты завтра вечеромъ найдешь меня совершенно здоровымъ, кончившимъ экзаменъ. Приходи къ чаю. Пусти,—я не могу здѣсь оставаться —миѣ воздуху мало. До завтра!

Спать я не могъ положительно въ эту ночь.

VI.

Гроза близка, думалъ я; она вотъ тутъ, тутъ разразится, какъ разъ надъ нами. Что дѣлать, какъ спасти его?.. Ахъ, хоть бы изъ Петербурга уѣхать поскорѣй, чтобъ не душилъ меня этотъ кошмаръ!

Повѣстки опять цѣлый день не было.

Часовъ въ восемь вечера я позвонилъ у Аргѣвевыхъ.

— Что Владиміръ Григорьевичъ? спросилъ я у отворившей дверь горничной. Она какъ то странно взглянула на меня и сказала: „дома-съ“.

Въ залѣ встрѣтилъ меня дядя Володи, Николай Ѳедоровичъ.

— А Володи-то нашъ,—слышали? было первымъ его вопросомъ.

У меня сердце замерло.

— Нѣтъ. Что такое?

— Экзаменъ не выдержалъ.

„Ну, слава Богу,“ подумалъ я.

— Теперь онъ какъ потерянный ходитъ. Голубчикъ, хоть вы уговорите его, онъ васъ такъ любитъ. Есть изъ-за чего убиваться, — вѣдь не мальчикъ онъ. Съ кѣмъ грѣха не бываетъ—велика важность, что не выдержалъ! Пройдите къ нему, поговорите съ нимъ...

Я прошелъ къ нему. Я думалъ, что онъ лежитъ ничкомъ на постелѣ, а онъ преспокойно книгу читалъ. Только при моемъ входѣ быстро задвинулъ ящикъ стола.

— Слышалъ? спросилъ онъ.

Я кивнулъ утвердительно головой.

— Я буквально ничего не могъ сказать изъ вынутаго билета, а зналъ его отлично.

— Этого надо было ожидать,—сказалъ я.

— Да это пустяки, вздоръ, годомъ раньше, годомъ позже,—возразилъ онъ. Я этому не придаю никакого значенія. Дядя съ матерью думаютъ, что я отъ этого хмурюсь,—какъ наивно это. Я теперь на волоскѣ вишу,—сказалъ онъ, немного погодя. И я не знаю кто или что подорветъ этотъ волосокъ, и когда, и гдѣ.

Я прошелъ въ уголъ и поднялъ ружье.

— Не заряжено, повѣрь,—остановилъ меня Володи. Ты не вѣришь мнѣ?

— Вѣрю,—отвѣтилъ я, опуская ружье не осматривая.

— А кинжалъ мой я тебѣ дарю,—сказалъ онъ, вынимая его и кладя на столъ,—это все для предупрежденія всякихъ случайностей.

— Володя, положишь на время: оно залѣчиваетъ, залѣчить и твою рану,—сказалъ я.

— Да пойми, что моя натура этого лѣченья не вынесетъ, оно слишкомъ грубо для меня. Да оставимъ лучше это. Скажи, ты когда ѣдешь отсюда?

Разговоръ перешелъ на мой отъѣздъ. Я удивлялся Володѣ: онъ былъ какъ-то странно спокоенъ, не было вчерашней лихорадочности. Точно онъ судьбѣ покорился. Къ чаю онъ вышелъ въ столовую съ такимъ лицомъ, что его мать начала благодарить меня за то, что я „разговорилъ“ его. Николай Ѳедоровичъ пошлепалъ его по плечу и сказалъ: „ну вотъ, молодчина!“ Но на грѣхъ вдругъ явился Гальнбекъ.

Володю такъ и передернуло, когда онъ входилъ въ комнату; даже ложка, выскользнувъ изъ его руки, звякнула глухо ударившись о столъ.

— Можно поздравить? любезно спросилъ онъ Володю, здороваясь съ нимъ.

— Не съ чѣмъ,—сухо отвѣтилъ Володя.

— Неужто не выдержалъ, огорченно изумился Гальнбекъ,—ай-ай-ай! какъ-же это ты такъ? Жаль, очень жаль! А я, признаюсь, надѣялся: мой Владиміръ такъ

въ гимназіи блистательно экзаменъ сдать, что объ университетскихъ и говорить нечего... А тутъ вдругъ... Да расскажи, какъ это вышло?

— Что тутъ рассказывать, не выдержалъ и конецъ.

Я старался, замять эту тему, но вышло еще хуже. — Куда ты вчера такъ быстро испарился изъ Петергофа.—спросилъ Гальнбекъ, мы оглянуться не успѣли—ужъ и нѣтъ. Даже не простился ни съ кѣмъ. Юлія Александровна сердилась.

— Ей что за дѣло?

— Помилуй,—да какъ-же: провалился вдругъ какъ сквозь землю. Мы всею облавою на тебя въ паркъ ходили, думали не тамъ-ли ты. Ужъ Юлія Александровна хохотала, хохотала надъ такой пропажей. — Гости, говоритъ, потеряли.

Володя небрежно сидѣлъ на стулѣ, не поднимая глазъ.

— Она все различныя предположенія дѣлала,—продолжалъ Гальнбекъ,—увѣряла что у тебя въ карманѣ были лекціи, и ты читаешь ихъ гдѣ-то подъ кустикомъ; но я, конечно, увѣрилъ, что ты знаешь все какъ дважды два и читать тебѣ нечего.

— Дядя, у васъ спички есть? перебилъ его Володя, вынимая папироску.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—посмотри тамъ на камнѣ въ залѣ.

Володя всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направлению залы, потомъ вдругъ повернулся и пошелъ въ противоположную сторону—къ своей комнатѣ.

— Весело было вчера у Миклашевскихъ? спросила Аргѣва.

Я не слышалъ отвѣта Гальнбека. Вдругъ я вспомнилъ слова: „жизнь виситъ на волоскѣ, не знаю когда, гдѣ“. Я быстро допивалъ горячій чай, обжигаясь, дѣлая видъ, что не тороплюсь. Вѣдь ему стоитъ только патронъ изъ ствола вынуть — дѣло минуты. Скорѣе, скорѣй! отчего онъ былъ такъ блѣденъ, выходя изъ комнаты?..

Вдругъ что-то грохнуло вдали. Точно громадный библиотечный шкафъ Володи грянулся на полъ, брошенный нечеловѣческой силой. Вѣдь это не выстрѣлъ. Развѣ такъ ружье стрѣляетъ?..

Я въ недоумѣннн оглянулся. Нѣтъ никого,—все бро- силось куда-то. Зачѣмъ? На шкафъ посмотрѣть,—молніей мчались въ моей головѣ мысли. И вдругъ донеслось восклицаніе, какое-то подавленное, испуганное.

— Володя, что съ тобой!

Это Николай Ѳедоровичъ сказалъ, подумалъ я. Зачѣмъ это говорить онъ? Зачѣмъ опять идти сюда!

Я опомнился, вскочилъ съ мѣста; ноги мои дрожали, дыханье спиралось. Въ дверяхъ я столкнулся съ Николаемъ Ѳедоровичемъ.

— Что съ нимъ? вырвалось у меня.

— Сумасшедшій! Въ грудь себѣ выстрѣлилъ...

Синевато-сѣрое облако дыма плавными струями волновалось въ воздухѣ; вся комната была какъ въ туманѣ. Сбросивъ съ себя жакетъ, безъ салога, тѣломъ на полу, головой на кушеткѣ, лежалъ онъ, полуоткрывъ глаза и ротъ. Возлѣ валялось ружье. Рубашка съ одного бока тлѣлась.

— Живъ-ли? съ ужасомъ подумалъ я, подхватывая его голову и поднимая съ другими тѣло на кушетку.

Алая струйка извилистой змѣйкой забила отсюда. Я разорвалъ воротъ рубашки. Громадная рана краснѣла на лѣвой сторонѣ груди...

VII.

Вотъ она, вотъ та гроза, которую я чувствовалъ издалека! Къ чему здѣсь эти доктора, къ чему эти хлопоты, бѣготня. Ну, вылѣчатъ его, а онъ опять застрѣлится, „спичекъ въ шампанское наломаетъ“ да выпьетъ. А вѣдь тотъ приставъ, что въ сосѣдней комнатѣ протоколъ составляетъ, думаетъ что это вслѣдствіе экзамена, — „какъ наивно это“ повторилъ я слова Володи.

Она въ его комнатѣ отворены настежь. На улицѣ тихо — кисейная занавѣска не шелохнетъ. Въ воздухѣ все еще пахнетъ слегка порохоми, но какой-то новый, специфическій, одуряющій запахъ примѣшался къ нему. Я въ первый разъ его слышу — это свѣжая кровь. Всюду беспорядокъ, чуть слышно суетятся въ потемнѣвшихъ комнатахъ, ночь льетъ свой бѣлосватый свѣтъ въ окна. Несчастная мать лежитъ у себя въ комнатѣ — не знаю въ какомъ положеніи: не входилъ туда. Николай Федоровичъ и Гальнбекъ тихо говорятъ съ докторами и полицейскими. А здѣсь... здѣсь умираетъ онъ... Изъ-за кого, изъ-за чего?..

Онъ лежитъ уже не на кушеткѣ, а на кровати, посреди комнаты. Возлѣ него копошатся два доктора со свѣчами; худенькое, бѣлое, словно алебастровое тѣло смутно бѣлѣетъ и слабо стонетъ. Свѣтъ огня мѣшается съ отблескомъ свѣтлой ночи. На грязномъ кухонномъ

табуретѣ стоитъ кувшинъ съ водой, возлѣ него на полу тазъ съ кровью, на паркетѣ темныя капли и лужи, скомканный, брошенный коверъ въ углу. Лакей покалываетъ ледъ и набиваетъ имъ какой-то мѣшечекъ, весь окровавленный. Какой контрастъ съ опрятнымъ убранствомъ кабинета Володи.

Доктора вышли въ залу. — Ну что, каковъ онъ? спросилъ я одного изъ нихъ.

Тотъ пожалъ плечами.

— Плохъ! сказалъ онъ. Пуля на вылетъ пробилла легкое выше сердца. Конечно и безъ легкаго жить можно, — только не знаю какъ онъ перенесетъ послѣдствія раны, тутъ столько процессовъ сегодня да завтра поднимется въ организмъ... а, впрочемъ, выздоравливали и такіе.

Я понялъ, что нѣтъ спасенія.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ТѢТЕ-А-ТѢТЕ.

Себя я помню съ пяти лѣтъ:
Сестра мнѣ чѣмъ-то досадила,
До драки дѣло доходило —
Съ тѣхъ поръ мамаша запретила
Намъ оставаться тѣте-à-тѣте.

* * *

Насъ воспитали, поучили,
По институтамъ размѣстили;
Я рѣдко видѣлся съ сестрой
И тѣте-à-тѣте'й той порой,
Совсѣмъ характеръ измѣнили.

* * *

Но вотъ сестрѣ пятнадцать лѣтъ,
И мнѣ сестры моей подруга
Милѣй всего, дороже друга,
И съ ней оставивъ тѣте-à-тѣте,
Я забывалъ вѣсь бѣлый свѣтъ!..

* * *

Ахъ, я васъ помню, дни былые,
Я помню глазки огневые,
Твой разговоръ, моя Annette,

Когда, мой другъ, съ тобой впервые,
Мы оставались тѣте-à-тѣте...

* * *

И полусловъ, полунамековъ.
Не понимали мы тогда...
Мы только вѣрили глубоко,
Что счастье гдѣ-то недалеко,
И не измѣнитъ никогда!

* * *

То было время золотое,
Какъ тихій сонъ прошло оно...
Теперь ты стала мнѣ женою
И тѣте-à-тѣте вдводемъ съ тобою,
Всегдашней прозою полно!..

* * *

Тутъ тѣте-à-тѣте ужь не выходитъ,
Мы на землѣ, не въ облакахъ,
И кто чужой случайно входитъ

Она насъ въ смущеніе не приводитъ:
Мы остаемся на мѣстахъ...

* * *

Года проходятъ. Подростаетъ
У насъ и дочка — пальч портретъ...
Теперь въ ней все такъ насъ плѣняетъ,
Но отчего-жъ порой пугаетъ,
Какъ кто-нибудь съ ней тѣте-à-тѣте?..

* * *

Она для насъ — очарованье,
Но тѣте-à-тѣте не чуждѣ и ей...
Спасеть, конечно, воспитанье
И долга строгое сознанье,
Но лучше — замужъ поскорѣй.

* * *

Пойдутъ у насъ, на склонѣ лѣтъ,
Внучата, милыя созданья,
И нуженъ будетъ намъ, Annette,
Одинъ, послѣдній тѣте-à-тѣте,
Чтобы составить завѣщанье!..

З—овъ.

Рудольфъ, австро-венгерскій наслѣдннй принцъ.

Эрцгерцогъ Рудольфъ-Францъ-Иосифъ-Карлъ, наслѣдникъ императора австрійскаго Франца-Иосифа родился 21 августа 1858 г. Главнымъ руководителемъ воспитанія кронпринца былъ назначенъ (1864 г. 1 ноября) генераль-майоръ графъ Леопольдъ Гонд-рекуръ, мѣсто котораго въ слѣдующемъ году занялъ генераль-майоръ фонъ-Лагуръ. При первоначальномъ обученіи кронпринца было обращено особенное вниманіе на наглядное преподаваніе, и такъ какъ для этого учитель прибѣгалъ къ разсматриванію предметовъ изъ природы, то въ воспитанникѣ скоро развилась любовь къ естественнанию. Одаренный отъ природы пытливымъ умомъ и наблюдательностью, кронпринцъ Рудольфъ, подъ руководствомъ учителей-специалистовъ, сдѣлался прекраснымъ зоологомъ и минералогомъ. Естественныя науки, а также геологія, обратили вниманіе юноши на географію. Онъ занимался съ особенною любовью этимъ предметомъ и приобрѣлъ въ землѣдѣніи такія обширныя познанія, что „Вѣнское географическое общество“ стало разчитывать на сочувствіе принца стремленіямъ и цѣлямъ своимъ и просить покровительства его. Кстати замѣтить

тутъ, что наслѣдникъ австро-венгерской короны — хорошій лингвистъ. — Благодаря правильному физическому воспитанію (гимнастика, плаваніе, фехтованіе и проч.) кронпринцъ Рудольфъ сдѣлался здоровымъ, сильнымъ, выносливымъ юношей, хотя и не принадлежалъ къ числу особенно крѣпкихъ мальчишковъ. Онъ превосходно владѣетъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и шпагой, отлично управляетъ конемъ и уже можетъ легко переносить трудности солдатской жизни. Уже теперь военный мундиръ придаетъ кронпринцу видъ красиво-мужественнаго воина. Кронпринцъ много путешествовалъ по Австріи, Венгріи, Богеміи, бывалъ и въ другихъ мѣстахъ, словомъ — видѣлъ свѣтъ, ознакомился и съ свѣтлыми, и темными его сторонами, а потому, не смотря на молодость (ему скоро минетъ 18 лѣтъ), обнаруживаетъ умъ человѣка зрѣлаго, опытнаго. Отличительной чертой юнаго наслѣдника австрійскаго престола является горячая любовь къ своему отечеству и такое же горячее желаніе блага Австро-Венгріи. Изрядное число благотворительныхъ учрежденій носитъ имя кронпринца.

ПЕТРОВСКІЯ ВОЙНЫ *).

II.

(Полтавская битва 27 июня 1709 г.).

Карлъ, какъ выше мы сказали, оставилъ генерала Левенгаупта на произволъ судьбы, направившись самъ къ югу — въ Малороссію. Что влекло его туда, сказать трудно. Что гетманъ малороссійскій, Мазепа, измѣнилъ Петру — это вѣрно и это Карлъ зналъ, но въ то же время было вѣрно и то, что Иванъ Степановичъ (имя Мазепы), желая снять съ себя подданство русское, хотѣлъ поступить въ этомъ случаѣ, какъ можно самолично, то есть хотѣлъ объявить о своемъ намѣреніи отторгнуться отъ Россіи

только тогда, когда бы такой шагъ не представлялъ никакой опасности. По мнѣнію Мазепы Карлъ долженъ былъ итти на Москву, побѣдить тамъ Царя и сдѣлать его такимъ образомъ безвреднымъ и нестрашнымъ для людей, подобныхъ Мазепѣ, — и тогда-то Иванъ Степановичъ объявилъ бы себя на сторонѣ шведовъ. Говоря коротко, Иванъ Степановичъ хотѣлъ загребать жаръ чужими руками. Впрочемъ, ему и поступать иначе было трудно. Власть его надъ войскомъ малороссійскимъ была ограничена: въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ онъ долженъ былъ совѣщаться съ войсковою старшиною и даже со всѣмъ

* См. «Иву» № 5.

войскомъ, а достигнуть тутъ какого-либо единства въ планѣ и дѣйствіяхъ — было вещь совершенно невозможная, такъ какъ войско и старшина имѣли мысли и желанія прямо, противоположныя мыслямъ и желаніямъ гетмановъ. Въ то время, какъ первые стремились ограничить власть гетмана, чтобы самими получить большее вліяніе на дѣла, гетманы старались сократить и ту долю вліянія войсковыхъ людей на управленіе, какая имъ принадлежала по старымъ порядкамъ. Затѣмъ, между войсковою старшиною и войскомъ вообще, то есть простыми казаками, опять не было ладу. Согласные въ томъ, чтобы не давать воли гетману старшина и казаки расходились по вопросу объ окончательномъ устройствѣ войсковыхъ дѣлъ. Полковники, сотники и эсаулы, составлявшіе такъ называемую войсковую старшину, ограничивая власть гетмана, имѣли въ виду усилить собственную свою власть и не давать усиливаться вліянію простыхъ казаковъ; эти же послѣдніе думали покончивая съ гетманомъ покончить вмѣстѣ и съ старшиною. По ихъ мнѣнію все рѣшеніе дѣлъ должно было зависѣть отъ приговоровъ казачьяго круга или казачьей сходки. Одни стремились устроить въ войскѣ бюрократическіе порядки, другіе — демократическіе.

Наконецъ, въ Малороссіи, кромѣ казачьяго войска съ его притязательною старшиною и непослушнымъ казачествомъ, жило еще населеніе мирное горожанъ и сельчанъ, далеко превышавшее своею численностью силу войска. Это мирное населеніе не одобряло войска за его польско-шляхетскія замашки. Казаки, какъ начальныя, такъ и простые, не прочь были бы закрѣпить мирныхъ обитателей Малороссіи, чтобы пользоваться ихъ трудами, а самими не дѣлать ничего. Эти замашки казаки позаимствовали отъ Польши, подъ властью которой долгое время находилась Малороссія. Но мирное населеніе Малороссіи ненавидѣло польскіе порядки и потому тянуло душою къ Москвѣ. Да и казаки любили Москву за ея единовѣріе и единоплеменность и, еслибы дала имъ Москва къ этому еще побольше воли какъ въ отношеніи къ мирному люду, такъ и вообще по казачьимъ дѣламъ, то лучше бы Москвы они ничего и не желали, но во многомъ Москва съ ними не сходилась, а потому казачество на первыхъ порахъ присоединенія къ московскому государству сильно высказывало свое неудовольствіе *). Это неудовольствіе выражалось и въ открытыя воз-

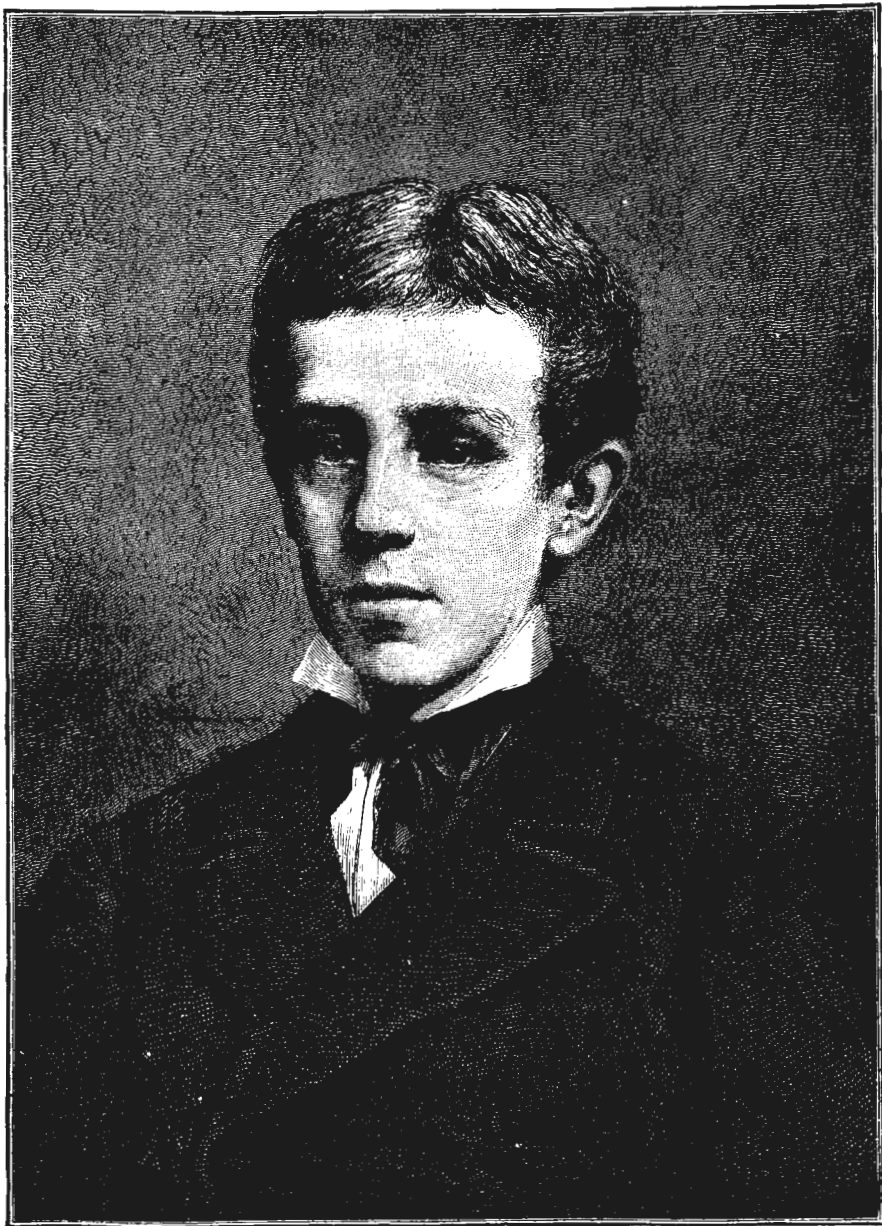
станія, и въ тайныхъ крамолахъ и всегда оканчивалось торжествомъ Москвы, частью по раздору, царившему между войсковыми чинами Малороссіи, частью по привязанности этой страны къ родственной ей Россіи.

Мазена все это зналъ, а потому когда замыслилъ измѣну, то дѣйствовать съ величайшею осторожностью и съ большимъ секретомъ. Три года строилъ онъ свой ковъ и не видѣлъ еще никакого ручательства въ томъ, что за нимъ пойдетъ Малороссія, поэтому онъ и поступалъ въ этомъ дѣлѣ нерышительно, какъ бы противъ воли. Когда Карлъ повернулъ на Сѣверскую Землю (Черниговскую губернію), Мазена, еще неготовый съ своими планами, и застигнутый врасплохъ, вскричалъ: „Дьяволъ его (т. е. Карла) сюда несетъ! всѣ мои интересы превратить и войска великороссійскія за собою внутрь Украйны впровадитъ на послѣднюю оной руну и на напу погубитъ“. Но Карлъ подвигался все далѣе и далѣе въ глубь Малороссіи, а съ нимъ рядомъ двигалось и царское войско, затрудняя шведамъ путь. Ивану Степановичу надобно высказаться, но сидитъ Иванъ Степановичъ въ сзоемъ Батуринѣ и — ни слова шведу. Наконецъ, къ Ивану Степановичу бокомъ придвинулся съ войскомъ князь Меншиковъ: Мазена сказывается большимъ; князь ѣдетъ его провѣдать, и тутъ только Мазена, опасаясь за свою шею, бѣжитъ къ шведскому королю, котораго передовые отряды стояли отъ Батурина въ какихъ нибудь сорока — пятидесяти верстахъ.

И для такого темнаго и ненадежнаго союзника Карлъ сворачиваетъ съ Московской на Украинскую дорогу и отдаетъ на жертву своего генерала, котораго самъ же вызвалъ!

Еще Карлъ могъ бы разсчитывать обаяніемъ своего имени и побѣдъ склонить большую или меньшую часть Малороссіи на свою сторону, но въ такомъ случаѣ опять долженъ былъ идти туда усиленными переходами,

чтобы предупредить тамъ царскія войска. Когда хотѣлъ, то онъ мастеръ былъ дѣлать форсированные марши, то есть ходить быстро, но въ походѣ, гдѣ все зависѣло отъ быстроты, Карлъ медлитъ. Въ двадцатыхъ числахъ сентября онъ посылаетъ своего генерала завладѣть Стародубомъ; туда же посылаетъ и Петръ своего генерала и послѣдній предупреждаетъ шведовъ въ Стародубѣ. Въ октябрѣ Карлъ отправляетъ отрядъ захватить ранѣ русскихъ Новгородъ-Сѣверскъ, но и тутъ опять русскіе его предупреждаютъ. Мало того: когда Мазена явно перешелъ на сторону шведовъ, то шведскіе отряды, стоявшіе, какъ сказано выше, въ 40 — 50 верстахъ отъ Батурина, могли бы занять этотъ городъ ранѣ русскихъ, а занять его ранѣ русскихъ тѣмъ болѣе было необходимо для шведовъ, что въ Батуринѣ засѣли единомышленники Мазены, которые могли своимъ влія-

Рудольфъ, австро-венгерскій наслѣдный принцъ.

Съ фотографіи грав. Самарскій.

*) Малороссія, о которой идетъ тутъ рѣчь, или нынѣшнія губерніи Черниговская, Подгавская и часть Киевской, составлявшая въ древности самую южную область Россіи, была во времена невзгод оторвана отъ Россіи, попала подъ власть Польши и, наконецъ, опять соединилась съ Россіей. Окончательное соединеніе состоялось при отцѣ Петра Великаго, Алексѣѣ Михайловичѣ, дѣтъ за пятьдесятъ до описываемыхъ событій.

„Отъ него!...“ Картина О. Эрдмана, грав. Шнауферъ.
Библиотека "Руниверс"

нием распространить возстаніе въ Малороссіи; тамъ же были богатые запасы провіанта, казапа гетманская и клейноды, но Карлъ упустилъ и этотъ городъ изъ своихъ рукъ. а взять его было легко! Мазепа явился среди шведскихъ войскъ, стоявшихъ отъ Батурина въ 50 или 40 верстахъ 25-го октября. Самъ Карлъ находился около восьмидесяти верстъ близъ Новгорода Сѣверска: тамъ же находился и царь. Меньшиковъ, бывшій у Батурина въ моментъ измѣны Мазены, успѣлъ съѣздить къ Петру, вернуться назадъ съ войскомъ и разгромить Батуричь 2-го ноября. Петръ, умѣвшій цѣлѣнъ случай и время, писалъ по поводу взятія Батурина Меньшикову: „получилъ я ваше зѣло радостное писаніе (о взятіи Батурина), за которое вамъ зѣло благодарны; паче же Богъ мздовоздаватель будетъ вамъ“.

Петру можно было радоваться; впрочемъ, онъ не ограничился одною радостью. Тотчасъ по полученіи извѣстія объ измѣнѣ Мазены, помимо распоряженія о взятіи Батурина, Петръ разослалъ указъ по Малороссіи съ извѣстіемъ, что гетманъ заблудъ долгу чести и присяги и съ приглашеніемъ избрать новаго гетмана. Къ 7-му ноября собрались въ Глуховъ старшины и архіереи и избрали новаго гетмана, Ивана Ильича Скоропадскаго, а старый гетманъ былъ преданъ проклятію и заочной казни: его изображение, съ андреевскимъ знакомъ, было вынесено на площадь и, по снятіи кавалеріи, передано въ руки палача, который и повѣсилъ это изображение. Въсѣтъ съ тѣмъ были казнены сообщники Мазены, взятые въ плѣнъ въ Батуричь. Малороссія осталась вѣрна своему долгу: немного спустя Петръ писалъ къ одному изъ своихъ приближенныхъ (адмиралу Апраксину): „Малороссійскій народъ такъ твердо съ помощію Божьей, стоитъ, какъ больше нельзя отъ нихъ требовать; король посылаетъ прелестныя письма, но сей народъ неизмѣнно пребываетъ въ вѣрности и письма королевскія приносятъ“. Карлъ ничего не выигралъ отъ измѣны Мазены.

Карлъ, двигаясь на югъ, могъ рассчитывать еще на донской мятежъ, начавшійся въ 1707 и подавленный только въ октябрѣ 1708 года. На Дону казаки съиздавна не исполняли распоряженій правительства, которая имъ не нравились. Въ числѣ этихъ распоряженій было требованіе не принимать къ себѣ и не укрывать бѣглыхъ, а бѣжали на Донъ многіе: бѣжали крестьяне отъ владѣльцевъ, бѣжали работники отъ хозяевъ, забравшие деньги впередъ, бѣжали солдаты изъ арміи, бѣжали, наконецъ, преступники, достойные казни. Милостивый Донъ принималъ всѣхъ. Еще и ранѣе Петра правительство стремилось ограничить эту вредную для государства привычку донскихъ казаковъ, но частью по недостатку средствъ, частью по мягкосердечію, не достигало своей цѣли. Строгий Петръ взглянулъ на дѣло иначе: подтвердивъ не разъ казакамъ не принимать бѣглыхъ, онъ въ 1707 году отправилъ туда полковника князя Юрія Долгорукаго съ приказаніемъ отыскать всѣхъ бѣглецовъ и выслать ихъ на прежнія мѣста жительства. Возволновался Донъ, увидѣвши, что право, за которое онъ такъ стоялъ, теперь отъ него отнимутъ и рѣшился сопротивляться. По всему пространству донскихъ земель началось возстаніе. Это возстаніе удалось усмирить, какъ сказано, только около половины октября. Еслибы Карлъ пришелъ въ Малороссію среди дѣла этого года и заручившись со одной стороны согласіемъ Малороссіи, или хотя нѣкоторой ея части, съ другой—вошелъ бы въ сношенія съ донскими мятежниками, то, конечно, онъ поставилъ бы Петра въ немалое затрудненіе. Но для этого надобно было снѣшить, а мы видѣли, какъ Карлъ снѣшилъ. О донскихъ волненіяхъ не зная онъ не могъ, если былъ въ сношеніяхъ съ Мазеною.

Походъ въ Малороссію, непринесшій Карлу ожидаемыхъ выгодъ, содѣйствовалъ къ ослабленію его силъ. Мы видѣли уже, какъ нуждалось шведское войско при вступленіи въ Россію. Когда Карлъ повернулъ на югъ, дѣла его не стали лучше, потому что русскія войска, продолжая идти рядомъ со шведами, истребляли все, что могло служить къ ихъ продовольствію. Вступилъ Карлъ въ Малороссію—затрудненія тѣ же: ожесточенный народъ, при приближеніи шведовъ, уходилъ изъ своихъ жилищъ и почти всегда успѣваетъ скрыть или унести съ собою все, что могло бы служить къ пользѣ врага. Если оставалось что, то оставалось немного и рѣдко. Къ довершенію бѣдствій, зима съ 1708 на 1709 годъ, которую довелось Карлу провести въ Малороссіи, была такъ сурова и жестока, что оставила воспоминаніе о себѣ во всей Европѣ. Птицы мерзали на лету. Карлъ, непоказавшій особой быстроты и дѣятельности при походѣ въ Малороссію, теперь, когда начались лютые морозы и войско нуждалось болѣе всего въ зимнихъ квартирахъ, началъ совершать и усиленные передвиженія. Впрочемъ, можетъ быть, Карлъ и не могъ стоять въ это время на одномъ мѣстѣ: у него не было снѣстныхъ припасовъ для войска. Какъ бы то ни было, люди его страшно терпѣли отъ этихъ зимнихъ прогулокъ: у нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ отморожены были руки и ноги; на постахъ ежедневно застывали часовые. Во время похода люди не шли, а бѣжали, чтобы не замерзнуть. Конечно, и для русскихъ солдатъ термометръ показывалъ не меньше стужи, чѣмъ для шведовъ, но русскіе, во первыхъ, были сыты накормлены и во вторыхъ, какъ хозяева страны, они были при лучшихъ условіяхъ чтобы обогрѣться, отдохнуть. При всемъ томъ и русскіе сильно пострадали отъ

памятной зимы; во время одного перехода въ декабрѣ замерзла или переморозилась въ арміи Петра не одна сотня людей. Если такъ страдали русскіе, то тѣмъ болѣе должны были страдать шведы, находившіеся въ худшихъ сравнительно условіяхъ противъ русскихъ. За морозами (съ половины февраля) наступила оттепель, превратившая всѣ ручьи и овраги въ рѣки. И шведамъ, вынужденнымъ ежедневно промышлять о своемъ продовольствіи, предстояла опять новая работа: ходить съ тяжестями и артиллеріею въ такое время, когда не ходитъ никто **).

Послѣ этихъ томительныхъ переходовъ въ концѣ апрѣля 1709 года, Карлъ подошелъ къ Полтавѣ. Войско его странно уменьшилось и упало духомъ. Изъ Саксоніи выступило шведовъ въ Россію 44,000 человѣкъ, въ Россіи присоединилось къ нимъ 6,000 чел. съ Левенгауптомъ послѣ битвы при Лѣсной. Изъ этой пятидесяти тысячной массы не осталось и половины къ концу апрѣля, когда Карлъ подошелъ къ Полтавѣ. И эта оставшаяся масса людей страшно, какъ выше сказано, упала духомъ. Не проиграли шведы ни одной генеральной битвы, не потеряли ни одного изъ своихъ видныхъ генераловъ, нообходимый имъ король по прежнему стоялъ среди нихъ, но всѣ видѣли, что совершается что-то недоброе. чувствовали, что попали въ какой-то заколдованный фальшивый кругъ, въ какую-то зачарованную изъ которой нѣтъ выхода; видѣли также, что вокругъ ихъ движется энергическій и многочисленный непріятель, который выдержанъ въ бояхъ, и что всѣ эти передвиженія и переходы, въ которыхъ закружились шведы, дѣлаются по волѣ этого же непріятеля.

Шведскіе генералы, собравшись на совѣтъ порѣшили между собою, что положеніе ихъ войска крайне опасно и что если можно еще что предпринять для своего спасенія, такъ это не медля отступить въ Польшу, гдѣ сидитъ на престолѣ избранный Карломъ государь и стоитъ еще главный корпусъ. Это мнѣніе свое генералы доложили Карлу и получили въ отвѣтъ: „еслибы Богъ послалъ ангела небеснаго съ приказаніемъ отступить отъ Полтавы, то и тогда бы я не отступилъ“.

Карлъ занялся осадой Полтавы и тратилъ напрасно въ этой осадѣ людей. Взятіе Полтавы собственно не составляло надлежащей надобности для Карла, но онъ попробовалъ приступить къ ней, былъ отбитъ и этого было достаточно для упрямаго короля, чтобы привязаться къ Полтавѣ.

Но между тѣмъ, какъ Карлъ игралъ въ полтавскую осаду, Петръ обдѣлалъ дѣло поважнѣе: разгромилъ Сѣчь Запорожскую, которая вступила въ союзъ со шведами, увлекшись примѣромъ Мазены. Петръ сначала ласково думалъ образумить запорожцевъ, но видя, что мигкія мѣры не помогаютъ, послалъ туда войско, которое и выкоренило гнѣздо мятежниковъ, 14 мая 1709 г. И это на виду шведовъ!

Наконецъ, Петръ увидѣлъ, что можно вступить въ рѣшительную „игру“ и со шведами: достаточно онъ ихъ поводилъ и достаточно они ослабли, чтобы отглаживать еще дѣло долѣе. При томъ же шведы, осаждая Полтаву, довели ее до крайности, такъ что можно было опасаться за паденіе города, а этого Петръ допустить не могъ при тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ находился. Войско его вдвое превосходило силы непріятельскія и войско это было отлично выдрессировано и выдержано въ бояхъ. Стыдно было въ такихъ условіяхъ дать пасть своему городу, Петръ рѣшился на сраженіе. Шведы были расположены на правомъ берегу Ворсклы близъ Полтавы, которую осаждали: русскія войска, стоявшія на лѣвомъ берегу, и отсюда поддерживавшіе Полтаву, 20 іюня переведены были на правый берегъ и 25 вступили въ позицію, гдѣ и произошла черезъ день знаменитая битва. Мѣстоположеніе, гдѣ была битва, представляло открытую площадь версты въ двѣ съ половиною длины и столько же ширины, съ двухъ сторонъ, сѣверозападной и южной примыкавшую къ лѣсу. Изъ этой площади открывался выходъ къ Полтавѣ, откуда произошла атака шведовъ. Русская армія, вступивъ на позицію, укрѣпилась лагеремъ и, кромѣ того, къ сторонамъ, откуда можно было ждать шведовъ, построено было шесть редутовъ, параллельно длинѣ лагуни, къ которымъ прибавлено было еще четыре редута въ перпендикулярномъ къ первымъ направленіи.

Редуты были на ружейный выстрѣлъ одинъ отъ другого, за редутами тотчасъ стояла наша кавалерія, пѣхота же была помѣщена въ лагерѣ. 27 іюня рано утромъ, около двухъ часовъ шведы пошли въ атаку двѣнадцатью колоннами и, „какъ выражается Петръ, бросились съ страшнѣйшѣмъ „фуріею“. Предводительствовалъ шведами фельдмаршалъ Реншильдъ за болѣзнью короля, раненнаго незадолго до битвы въ ногу и потому немощнаго сидѣть на конѣ. Впрочемъ Карлъ, не оставивъ своихъ вѣрныхъ товарищей въ такой важной день: онъ былъ среди нихъ на носилкахъ. Шведы при атакѣ сначала встрѣтили редуты, гдѣ закипѣлъ ожесточенный бой съ нашею кавалеріею. Послѣдняя хотя стояла твердо и взяла даже нѣ-

**) При одной гореврѣ черезъ плотину, совершавшейся почему-то ночью, перетонуло много людей, лошадей и повозокъ, а нѣкоторыя повозки, при оказавшейся невозможности перевезти, прижаты были къ жечѣ. Путь былъ такъ неудобенъ, что люди и лошади скользили и вадали въ воду. Страшно, говоритъ очевидецъ, раздался въ темнотѣ крикъ погибавшихъ, и къ довершенію несчастія, людьми перемокшимъ и переизбавшимъ во время этой переправы не представлялось никакой возможности обогрѣться и съ удобствомъ отдохнуть: всѣ дома на пути сожжены были русскими.

сколько штабс-артов, однако долго не могла сопротивляться соединенным усилиям шведских конницы и пѣхоты, почему Петръ и приказалъ ей перейти за лагерь и построиться у праваго фланга лагеря. Шведы взяли два редута, которыхъ построение еще не было кончено, бросились за кавалерію нашу, въ площадку между лѣсомъ, гдѣ стоялъ нашъ лагерь съ пѣхотою, но когда вышли передъ фронтъ лагеря, то встрѣчены были изъ него такимъ жестокимъ огнемъ, что, смѣшавшись, должны были укрыться въ лѣсъ, который былъ къ западу. Тамъ они снова стали строиться. Между тѣмъ часть шведскихъ войскъ, именно шесть батальоновъ, оставшихъ почему-то отъ своей армии, когда эта послѣдняя пошла на позицію передъ лагеремъ, искали спасенія въ лѣсу, который былъ съ юга. Этихъ оставшихъ шведовъ замѣтили изъ нашего войска и, пославъ особый отрядъ для преслѣдованія ихъ, истребили, при чемъ взяты были въ плѣнъ два шведскихъ генерала Шлиппенбахъ и Розенъ. Этимъ окончился первый актъ полтавской битвы.

Въ 9 часовъ утра начался второй актъ, рѣшительный и самый страшный. Вышла изъ лагеря русская пѣхота и, построившись въ двѣ линіи, съ кавалеріею по флангамъ, пошла къ лѣсу, гдѣ были шведы; послѣдніе тоже вышли на открытое мѣсто и стали сближаться съ русскими. При сближеніи оказалось, что русскіе настолько превосходили числомъ шведовъ, что могли одну переднюю свою линію не только стать противъ ихъ фронта, но и охватить ихъ съ фланговъ. Признакъ неблагопріятный для шведовъ! Для уравновѣшенія силъ, можетъ быть, лучше было бы шведамъ прямо штурмовать русской лагерь, когда они, преслѣдуя кавалерію нашу, вышли на поляну и подверглись странному его огню; тогда они захватили бы нашу пѣхоту на тѣсномъ пространствѣ, гдѣ она не могла развернуть своихъ силъ. Можетъ быть, Карлъ такъ бы и сдѣлалъ, если бы могъ носиться попрежнему передъ полками; но теперь это былъ убогій человекъ, передвигавшійся съ мѣста на мѣсто, не по своему усмотрѣнію, а по указанію обстоятельствъ. Реншильдъ же, замѣнявшій его въ командованіи, не имѣлъ того вліянія на войско, какое приобрѣлъ Карлъ, и, кромѣ того, его не совсѣмъ слушались прочіе генералы. Какъ бы то ни было, шведамъ надобно было вступить въ сраженіе: они въ него вступили и поддержали свою прежнюю славу. Два часа длился ожесточенный бой: не уступала ни та, ни другая сторона. Карлъ былъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ: носилки подъ нимъ были разбиты и онъ упалъ навзничь, его подняли солдаты на скрепченныхъ коныхъ. Петръ также не щадилъ себя и былъ въ самомъ сильномъ огнѣ: его шляпа и сѣдло были прострѣлены. Наконецъ, шведы дрогнули и показали тылъ. Карлъ, только что передъ этимъ моментомъ вышибенный изъ сполоха, когда поднятъ былъ на пиклы, пробовалъ остановить бѣгущихъ и кричалъ: шведы! шведы! но его никто уже не слушалъ. Все, что могло снагнѣе бѣгствомъ, бѣжало. Самъ Карлъ едва не попался съ плѣнъ. Его, хотя съ трудомъ, посадили на сѣдло и онъ скрѣпя сердце отправился въ слѣдъ своей армии, теперь бѣжавшей, передъ которой, однако, трепетала Европа. Надъ бѣжавшими принялъ командование генералъ Левенгауцъ.

Пораженіе было полное: слишкомъ 9.000 шведскихъ труповъ покрывало поле сраженія, въ плѣнъ взято болѣе 2.700 человѣкъ. Самые именитые и видные изъ слодвижниковъ Карла попались въ руки русскихъ: въ числѣ ихъ фельдмаршалъ Реншильдъ, командовавшій въ сраженіи, Пиперъ, главный министръ Карла, съ двумя своими секретарями и другъ Карла, дѣлавшій охотѣе другихъ его труды и опасности, принцъ Виртембергскій, Максимиліанъ Эммануилъ. Кромѣ того, взяты въ плѣнъ генералы Гамилтонъ и Стакельбергъ. О Шлиппенбахѣ и Розенѣ, взятыхъ въ этомъ же сраженіи, сказано раньше въ своемъ мѣстѣ. Русскихъ убито въ полтавскомъ бою 1,345 человекъ и 3,290 ранено.

Можно представить себѣ радость Петра и его слодвижниковъ послѣ такой побѣды. Восемь лѣтъ трудовъ и усилий увѣнчались наконецъ успѣхомъ. Армія, которую съ такимъ постоянствомъ и напряженнымъ вниманіемъ формировали и противъ которой вооружались русскіе старовѣры, теперь утверждена на прочномъ фундаментѣ. Флотъ, противъ котораго еще болѣе возставали подданные Петра, получить возможность существовать. „Нынѣ камень въ основаніе Петербурга, писалъ Петръ къ Апраксину послѣ полтавской побѣды, положенъ съ помощію Божіею“. Въѣздъ съ Петербургомъ была Нева и портъ для флота. Война, которая съ такимъ трудомъ и опасностями для Россіи велась до полтавской битвы, пойдетъ теперь легче. Перевѣсъ безспорно перешелъ на сторону Россіи. Но не на одной Россіи отразились слѣдствія полтавской битвы. Бывшіе союзники Петра, короли датскій и польскій, сошедшіе съ театра войны вслѣдствіе успѣховъ шведскаго оружія, нашли, послѣ полтавской битвы, что у нихъ не ладно сведены были счеты со шведами и вздумали поправить эти счеты. Оказались и еще владѣтели, которые послѣ 27 іюня 1709 г. дознали, что отношенія ихъ къ Швеціи несправедливы и что также въ ихъ отношеніяхъ слѣдуетъ сдѣлать перемѣну.

Побѣдитель Петръ радовался отъ души своей новой побѣдѣ. На веселомъ пиру, данномъ тотчасъ послѣ битвы, онъ обнималъ своихъ, честилъ плѣнныхъ шведовъ и пилъ за здоровье тѣхъ и другихъ, называя послѣднихъ своими учителями въ ратномъ дѣлѣ. Пошли пиры и въ Москвѣ, куда Петръ тотчасъ же сообщилъ „о зѣло превеликой и печалаемой викторіи“. Въ Москвѣ пирами распоряжался сынъ Петра, Алексѣй Петровичъ, который устроилъ „банкетъ“ для „неначаемой викторіи“ и созвалъ на опый всѣхъ иностранныхъ и русскихъ министровъ и знатныхъ офицеровъ и „трактовалъ ихъ веледѣпно“. Веледѣпно тоже трактовала многихъ знатныхъ особъ и сестра Петра, царевна Наталья Алексѣевна. Не забытъ былъ при этомъ и простой народъ: для него устраивались передъ домами на улицахъ столы, гдѣ предлагались обильно яства и питье. Для простого народа разрѣшенъ былъ, кромѣ того, осмидневный звопъ, въ которомъ по случаю большой радости, дозволено было участвовать и женщинамъ. Безъ такого случая, какъ полтавская викторія, дозволялось женщинамъ восходить на колокольню лишь въ пасхальную недѣлю.

Интересно одно поздравленіе, представленное Петру побѣдителя; оно написано Курбатовымъ, выведеннымъ, подобно многимъ другимъ, по волѣ Петра изъ простого званія въ люди *). Это поздравленіе сплываетъ по тону своему на акакисть. Курбатовъ, извѣщенный самъ ранѣе царемъ о полтавской битвѣ, писалъ: „...Прерадостно нынѣ веселится вся Россія увѣнчавая васъ прівітствы сицевыми: Радуйся, яко ваше цареве сердце содержитсяъ въ руцѣ Божіи неотмѣнно. Радуйся, яко исполняи словеса Божія слова, полагаеши душу твою за рабы твои. Радуйся, яко спискательнымъ вашимъ мудрохрѣствомъ переполеровася, яко злато въ горнилѣ ваши воинство. Радуйся, яко есть надежда на исполненіе издавна вашего желанія варяжскаго моря во одержаніи... Въ этомъ письмѣ, не очень замѣчательномъ по словесному художеству, вѣрно однако выражены чувства и понятія современниковъ о значеніи полтавской побѣды. И да не подумаетъ кто-нибудь, что знаменитый приблищикъ льстилъ тутъ Петру. Любя Петра, онъ тѣмъ не менѣе никогда не затруднялся высказывать ему свои мысли, хотя и зная, что Петръ смотритъ на дѣло иначе; случалось даже, что по простотѣ своей, Алексѣй Александровичъ въ докладахъ царю вставлялъ несомнѣнно печатныя слова. Умный монархъ не обижался этимъ.

И. Звѣревъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

«ОТЪ НЕГО...»

(Картина Отто Эрдмана).

Туманно, холодно... Летитъ
Листъ пожелтѣвшій надъ дорожкой;
Подъ вѣтромъ старый дубъ скрипитъ,
И въ теплой туфтѣ забвешь ножка --
Ахъ, у графини молодой
Мигрень сегодня!.. Грустно, скучно...
А дождь стучитъ такъ однозвучно,
Всѣ окна плачутъ... Боже мой!
— „Лизета—ты? Войди, другъ мой!“
Вошла Лизета, камеристка,
И подошла къ графинѣ близко.
— „Письмо“? — „Такъ точно-съ.“ — „Отъ кого?“
Лизета глазки опускаетъ,
Сказать не смѣя: *отъ него*...
Письмо графиня разрываетъ
Въ клочки и говоритъ: „Иди!“ —
— „Простите!... Нѣтъ, теперь не жди

Другого отъ нея отвѣта...

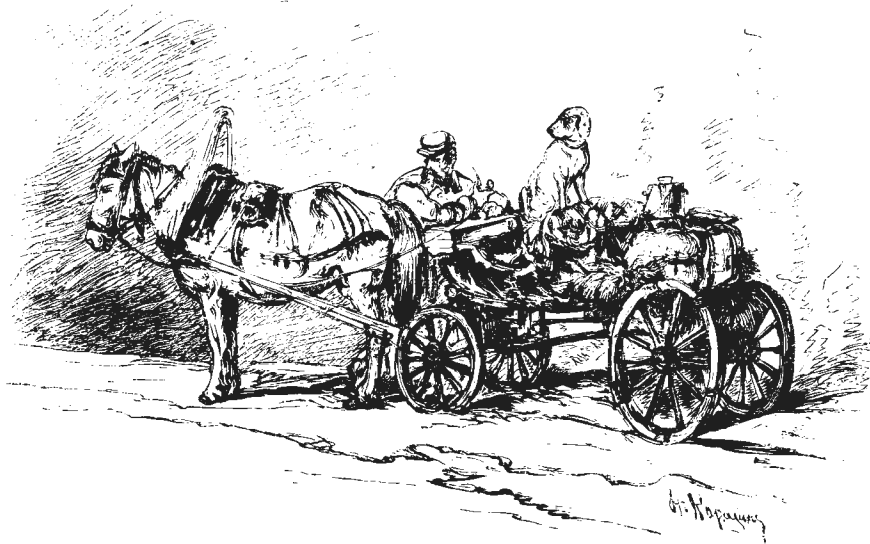
Ну, ладно!“ думаетъ Лизета.

* * *

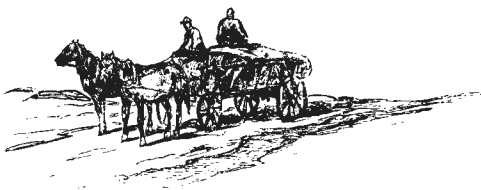
Прошли и осень, и зима --
Ахъ, какъ лазурно небо мая!
Цвѣтетъ сирень, -- и вотъ сама
Графиня, томность ощущая,
Прелестнѣй стала и свѣжѣй.
Мигрень вѣтъ, а что-то скучно...
Въ зазеленѣвшемъ паркѣ звучно
Уже защекалъ соловей...
— „Лизета—ты? Войди смѣлѣй“.

*) Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, бывший деуровый человекъ Бар. Петр. Шереметева, обратилъ на себя вниманіе Петра прозкомъ о гербовой сумкѣ и былъ сдѣланъ на это прибавщикомъ, то есть человекомъ, увеличивающимъ доходъ казны. Курбатовъ не въ однихъ доходахъ смыслилъ. Когда умеръ послѣдній патриархъ, онъ выявилъ мысль о несомнѣнности патриаршаго управленія. Своими развитіемъ Курбатовъ обязанъ вѣтешеству по Европѣ, сдѣланному имъ съ своимъ господиномъ. Вслѣдствіи приближенія занималъ важныя должности.

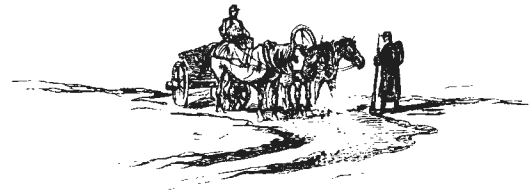
Близъ Кишинева. Сцены и типы

Офицерская подвода.

Двуконная телѣга изъ обоза.

Перекладная тройка.

Перевозка сѣна.

Деньщикъ съ офицерскимъ багажемъ.

Осиротѣвшая Косуля. Картина К. Беллуни грав. Молль.
Библиотека "Руниверс"

Вошла Лизета, камеристка.
И подошла къ графинѣ близко.
— „Письмо?“ — „Такъ точно-съ.“ — „Отъ кого?“
Служанка глазъ не опускаетъ...
Въ глазахъ отвѣтъ: *да отъ него!*...
Письмо графиня принимаетъ
И говоритъ: „Ступай теперь“...
— „Тамъ ждуть-съ... Я затворила дверь“...
— „Про...си!“...
Щ.

Близъ Кишинева. Сцены и типы.

Въ предыдущемъ № 7 „Нивы“ помѣщены уже нѣсколько подобныхъ рисунковъ. Помѣщенные теперь рисунки служатъ продолженіемъ ихъ.

Считаемъ нелишнимъ напомнить, что описаніе и видъ города Кишинева, были помѣщены въ № 45 „Нивы“ за 1875 годъ. Тогда, разумѣется, никто не могъ предполагать, что тихому и весьма мирному городу Кишиневу придется быть центромъ мобилизаціи нашей арміи. Нужно-ли объяснять, что въ настоящее время жизни въ городѣ и далеко во все четыре стороны отъ него значительно измѣнилась — вездѣ движеніе, вездѣ войска и своеобразныя, присущія военному времени сцены. Изъ помѣщенныхъ въ этомъ номерѣ нашего журнала рисунковъ читатели могутъ составить себѣ представленіе о характерѣ этихъ сценъ. Кто хотя отчасти соприкасался съ военною жизнью или бывалъ случайнымъ свидѣтелемъ ея быта, тому эти небольшие рисунки доставятъ много данныхъ для размысленія. И офицерская подвода, и двуконная телѣга изъ обоза, и наша столь знаменитая перекладная тройка все это такъ давно изстари бывало такого же вида и дурно-ли, хорошо-ли, а держится, не измѣняясь: перекладная тройка, какъ говорится, намнетъ бока, да за то не задержитъ торопливаго путника въ дорогѣ: сломается — другая ей на смѣну. Правда, можно было бы завести кое-что поудобнѣе и не до такой степени „человѣколомное“, но пока еще не заведено — нужно, слѣдовательно, подождать.

КОСУЛЯ (CERVUS CAPREOLUS).

Косули относятся къ семейству двукопытныхъ. Самцы этого семейства снабжены рогами, состоящими изъ плотной костяной массы, которые ежегодно сбрасываются и замѣняются другими, каждый разъ большими.

С М Ъ С Ъ.

Англичане обладаютъ въ настоящее время самымъ тяжелымъ и громаднымъ орудіемъ, какого не существовало до сихъ поръ никогда въ мірѣ. Прошло немного лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ пушка, вѣсившая 35 тоннъ и названная въ шутку «вуличскимъ груднымъ младенцемъ», производила фуроръ въ качествѣ величайшаго въ мірѣ орудія. Теперь изъ вуличскаго арсенала, послѣ пятнадцатимѣсячныхъ усилій появилось на свѣтъ Божій орудіе, вѣсомъ не менѣе 81 тонны или 1620 цент. Отливка этого гигантскаго орудія обошлась въ 8000 фун. стерлин. потребное для каждаго заряда его количество пороха и другихъ матеріаловъ стоитъ отъ 20 до 25 фун. стер. Стволъ имѣетъ 24 фута въ длину, вся же наружная длина этой новой пушки составляетъ 27 футовъ. Въ поперечникъ стволъ имѣетъ 14½ дюймовъ. Пушка, заряженная 300 фун. пороха, въ состояніи выпустить ядро, вѣсомъ въ 1650 фун. Первые опыты стрѣльбы изъ этого смертоноснаго орудія обошлись безъ всякаго несчастнаго приключенія и, сверхъ ожиданія, дали самые блестящіе результаты. Расчетано, что пушка, на дистанціи одной, а можетъ быть и двухъ англ. миль, въ состояніи будетъ пробить желѣзную броню въ двадцать дюймовъ толщины. Вѣсъ перваго выпущеннаго ядра составлялъ 1250 фун.; на зарядъ употреблено пороха 170 фун. Для того, чтобъ положить зарядъ въ пушку, потребовались усилія 12 артиллеристовъ; ядро же поднято было къ устью орудія посредствомъ гидравлическаго аппарата. Выстрѣлъ произведенъ былъ посредствомъ электрической силы; при этомъ — оказалось что ядро ушло въ землю на 45 фут. въ длину и что пушка отскочила назадъ на 23½ фута. Второй выстрѣлъ изъ нея произведенъ былъ ядромъ въ 1400 фун. вѣсу; на зарядъ пошло 190 фун. пороха. Ядро пробило земляной валъ, служившій при вто-

Косули вышнюю въ два съ половиною фута, лишены хвоста, по внѣшнему своему виду похожи на оленя; онѣ, можно сказать, изящны; черные глаза ихъ полны ума и кротости, движенія исполнены граціи. Живутъ косули стадами. Пищу ихъ составляютъ опенки, сѣно, молодые побѣги, особенно осиповые. Кормятся косули, болышею частью, по опушкамъ, прогалинамъ и берегамъ рѣчекъ. Въ жары любятъ купаться. Въ бурю и туманы косули обыкновенно стоятъ въ кучѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Изъ всѣхъ чувствъ у косули наиболѣе развито обоняніе. Слышать онѣ также хорошо, но зрѣніе ихъ весьма слабо, особенно въ пасмурную погоду. Косули рожаютъ каждый годъ и мечутъ почти всегда по два дѣтеныша, рѣдко по три. Первое время косулята очень слабы и только двухнедѣльные начинаютъ ходить съ матерью, да и то держась сплснкомъ небольшого пространства. Любовь материнская необыкновенно развита у косуль. Если поймаютъ дѣтеныша, то мать не замедлитъ прибѣжать на его голосъ. Молодые косули, впрочемъ, скоро и легко приучаются къ человѣку и ходятъ за нимъ какъ собаки.

Косули имѣютъ много враговъ и часто дѣлаются добычей хищныхъ звѣрей и даже птицъ. Но самый главный врагъ косули — это человѣкъ-охотникъ. Мясо косули вкусно. Сало употребляется вмѣстѣ съ масломъ. Кромѣ сала, мяса и шкуры косули, въ продажу идутъ и рога, для различныхъ костяныхъ издѣлій.

Вотъ что рассказываетъ охотникъ по поводу изображеннаго въ этомъ № „Нивы“ рисунка:

Однажды, охотясь, я убилъ косулю. Это была красивая, съ лоснящейся шерстью самка. Утомленный долгой охотой, я сѣлъ на траву небольшого рва, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моей добычи. Съ моего мѣста я могъ свободно наблюдать за тѣмъ, что происходило вокругъ, оставаясь въ тоже время незамѣченнымъ. Сначала все было тихо, и я спокойно любовался лучами заходящаго солнца, какъ вдругъ изъ ближайшаго кустарника показался черный носикъ, затѣмъ бѣлая головка и наконецъ тихо, выстукая маленькими шагами, показалась косуля. Она приблизилась къ убитой и осмотрѣла ее, а затѣмъ такъ отчаянно, такъ жалобно закричала и бросилась лизать сочившуюся кровь изъ ранки убитой. Смущеннымъ, глубоко смущеннымъ я почувствовалъ себя... О, еслибы я могъ вернуть жизнь мною погубленной матери!

На помѣщенномъ въ этомъ № „Нивы“ рисункѣ представлено зимній пейзажъ. Мертвая косуля лежитъ на снѣгу; стаи птицъ окружаютъ ее, но маленькая сирота погибшей стережетъ тѣло своей матери, отгоняя хищниковъ.

ромъ опытъ цѣлью, на протяженіи 50 фут., орудіе же отодвинулось назадъ на 32 фута. Произведено было всего шесть выстрѣловъ и по окончаніи этихъ опытовъ въ стволѣ пушки не оказалось ни малѣйшаго изъянъ.

Мысли Векана. Исторія научаетъ человѣка осторожности; поэзія — остроумію; математика — проникаемости; натуральная философія — глубокомыслію; всѣ нравственныя науки — степенности и воздержности; риторика и диалектика — успѣху въ борьбѣ рѣчи, въ спорѣ. Словомъ, науки обращаются въ нравы.

Осторожный человѣкъ находитъ, что въ поваренной книгѣ слова: «поставить въ вольный духъ», слѣдуетъ замѣнять словами: «поставить въ легкій жаръ».

Въ Японіи, говорятъ, есть машина, въ которую если положить просьбу и повернуть колесо, тотчасъ черезъ отверстие выйдетъ рѣшеніе. Примѣчаніе: машину надобно подмазывать.

Существуетъ раздѣленіе жениховъ на три класса: натуральныхъ, почетныхъ и заштатныхъ. Натуральные (до 35 лѣтъ) женятся по собственной волѣ; почетные (отъ 35 до 45) болышею частью не женятся, по переходу въ заштатныхъ (послѣ 45 лѣтъ) оказываются женатыми по волѣ другихъ.

Женщинамъ оттого нельзя повѣрять тайны, что у нихъ уши проколоты и тайна въ нихъ не удержится. Лучше всего повѣрять тайну лгунамъ: они хоть и разболтаютъ, но имъ никто не повѣритъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Руководство къ уходу за больными и ранеными и первая помощь до прибытія врача. М. Залюговскаго.

Желаніе помочь больному, облегчить его страданія, проявляется въ каждомъ человѣкѣ, вслѣдствіе нравственнаго чувства, свойственнаго человѣческой природѣ. Но сочувствовать страданіямъ больныхъ, принимать близко къ сердцу его боли и стоны, слѣдить у его изголовья, хотя бы и съ горемъ въ душѣ, но сожа-

руки, не значить еще приносить пользу. Чтобы дѣйствительно быть полезнымъ больному, нужно выполнять тѣ условія, которыя необходимы для правильнаго пользованія медицинскою помощью. Съ этою цѣлью во всѣхъ больницахъ, общинахъ сестеръ милосердія, богадѣльняхъ, на полѣ сраженія, вездѣ требуются люди, умѣющія ухаживать за больными и ранеными и помогать врачамъ въ достиженіи ихъ цѣли — въ облегченіи страданій боль-

наго и проч. Къ сожалѣнью—«много призванныхъ, но мало избранныхъ»; много желающихъ оказать помощь больнымъ или раненымъ, но мало людей, знающихъ дѣло; въ особенности недостатокъ этого чувствуется въ военное время на полѣ сраженія. Чтобы быть полезнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи, необходимо умѣть сдѣлать въ свое время перевязку больному, подать лекарство во время, иногда замѣнить, если помощь требуется безотлагательно. Случаевъ такихъ бываетъ, конечно, не мало, а для этого необходимы нѣкоторыя предварительныя знанія, но людей обладающихъ ими, людей опытныхъ, у насъ мало. Въ виду этого означенная книжка можетъ служить хорошимъ пособіемъ къ правильному уходу за больными, и теперь она является какъ

нельзя болѣе во время, въ виду угрожающихъ военныхъ событій. Г. Зябугонскій даетъ общія понятія если не о всѣхъ, то о многихъ болѣзняхъ, указываетъ какія средства нужно употреблять до прибытія врача во многихъ случаяхъ, какъ составить лекарства, знакомить съ разными способами перевязокъ и бинтованій въ безчисленномъ множествѣ случаевъ. Все это необходимыя свѣдѣнія, которыми не мѣшаетъ запастись всѣмъ и каждому, въ особенности людямъ семейнымъ, которые не всегда и не скоро могутъ прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительной помощи врача.

Книга написана толково и ясно и снабжена 40 хорошими рисунками, для нагляднаго ознакомленія съ различными инструментами, повязками и бинтами.

Донъ-Карлосъ Испанскій, Герцогъ Мадридскій

Донъ-Карлосъ, герцогъ Мадридскій, недавній высокій гость нашихъ обычныхъ столицъ—нынѣшній представитель тѣхъ непрерывныхъ притязаній Бурбоновъ на испанскій престолъ, которые начались еще въ началѣ текущаго вѣка. По имени перваго претендента изъ Бурбоновъ, Донъ-Карлоса-Маріи-Иозефа-Издора, эта партія издавна именуется также «карлистами». Упомянутый *первый* карлистъ-претендентъ, Донъ-Карлосъ-Марія-Иозефъ-Издоръ, былъ второй сынъ короля Карла VII испанскаго и братъ короля Фердинанда VII. Этотъ послѣдній имѣлъ дѣтей только отъ третьяго брака и притомъ женскаго пола; а такъ какъ по дѣйствовавшимъ издавна въ Испаніи салическимъ законамъ женское поколѣніе лишено было права престолонаслѣдія.—то, очевидно, Фердинанду VII нужно было отмѣнить салическій законъ, чтобы обезпечить престолонаслѣдіе за своей любимой дочерью, инфантой Маріей-Изабеллой. Такъ, дѣйствительно, и поступилъ Фердинандъ VII. Но Донъ-Карлосъ-Иозефъ-Издоръ, какъ и нужно было ожидать, не при-

зналъ ни отмѣны салическаго закона, ни права своей племянницы, инфанты Изабеллы, на престолъ, и, вслѣдствіе этого, подвергся изгнанію изъ Испаніи. Онъ скончался въ Триестѣ въ 1855 г., оставивъ трехъ сыновей. Въ 1861 г. двое изъ нихъ умерли отъ нервной лихорадки и наслѣдникомъ притязаній на испанскую корону является средній сынъ, Донъ-Иуанъ-Карлосъ-Марія-Издоръ, а затѣмъ, за смертію его, уже въ послѣднее время представителемъ этихъ притязаній является сынъ Донъ-Иуана-Маріи-Издора, Донъ-Карлосъ, съ такимъ упорствомъ на глазахъ Европы сражавшійся съ республиканскими войсками за свои права и недавно мирно путешествовавшій по Европѣ и побывшій въ Россію. Принцъ-претендентъ еще молодъ, какъ доказываетъ его портретъ, прилагаемый здѣсь. Карлисты всегда отличались большими жестокостями, а потому принцъ, какъ представитель принципа притязаній на престолъ, часто не разбирающихъ средствъ, далеко не пользуется общими симпатіями.

Политическое обозрѣніе.

Перемиріе между славянами и турками, срокъ котораго истекалъ на дняхъ, будетъ продолжено еще на *одинъ недѣлю*, до 15 марта; и одновременно съ этимъ обстоятельствомъ телеграфъ извѣстилъ насъ о продолжающихся значительныхъ вооруженіяхъ на о-вѣ Критѣ, на который на дняхъ отправлено много крупновскихъ орудій... Что-жъ изъ этого выходитъ? Выходитъ то, что самыя завзятые оптимисты-политики, мечтавшіе о прочномъ мирѣ, должны узрѣть вмѣсто мира только мирныя проволоочки. Разсчитать Порты, очевидно, такой: надо связать руки Сербіи и Черногоріи для того, чтобы можно было удобнѣе усмирить Кандію. Но если Порты не достигнетъ этой цѣли, тогда вспыхнетъ новое обширное возстаніе славянскихъ и греческихъ вассальныхъ Порть народностей, и, разумѣется, это возстаніе поведетъ къ гибельнымъ для Порты результатамъ...

Мы должны здѣсь повторить нѣсколько разъ сказанное прежде, что все доводы въ пользу прочнаго мира представляются намъ несостоятельными, къ какимъ бы махинаціямъ не прибѣгала Порты и ея европейскіе друзья.

Переговоры о мирѣ съ Сербіей заставляютъ будто бы ожидать скорого успѣха. Нѣкоторыя затрудненія представляетъ только вопросъ объ исправленіи границъ Сербіи (бездѣлица!)

О Черногоріи телеграфъ извѣстилъ насъ, что 21 (9) февраля черногорскіе сенаторы, Петровичъ и Родоничъ, отправились на пароходѣ въ Константинополь для мирныхъ переговоровъ. Какіе будутъ результаты—увидимъ. Что дѣло теперь дошло до самыхъ утонченныхъ хитростей и обходовъ со стороны Порты, только бы захлопнуть истощенныхъ сербовъ и простоудушно-героическихъ черногорцевъ въ «железную клітку» мира—явствуетъ изъ того, что Порты уже является теперь до такой степени умѣренной, что отступаетъ отъ своихъ требованій относительно присутствія турецкаго агента въ Бѣлградѣ и дарованія привилегій евреямъ въ Сербіи. Сербы желаютъ, чтобы миръ былъ заключенъ въ *формѣ трактата* между обѣими сторонами, а Порты желаетъ сдѣлать это въ видѣ султанскаго фирмана. Дѣло соглашенія и въ этомъ пунктѣ представляется нетруднымъ съ точки зрѣнія, напримеръ, австрійской печати, тогда какъ громадная разница между сербскими и турецкими условіями мира очевидна. Въдѣ, въ самомъ дѣлѣ, трактатъ предполагаетъ равнаго съ равнымъ, а султанскій фирманъ предполагаетъ нѣчто худшее, чѣмъ вассальная зависимость. И на такихъ-то условіяхъ думаютъ создать прочное зданіе мира!

Для насъ весьма понятно, почему Порты пытается теперь импровизировать не только Сербію и Черногорію, но, по возможности, Россію и даже всю Европу—это все для того, чтобы заключить миръ съ Сербіей и Черногоріей на условіяхъ, возмущающихъ всякое чувство справедливости. Не угодно ли знать цифру вооруженныхъ силъ Турціи, недавно обнародованная турецкой оффиціальной газетой? Газета эта утверждаетъ, что дѣйствующая армія въ Турціи простирается до 230,000 чел.; реди-фовъ перваго призыва 318 тыс., втораго призыва 280 тыс., а

всего 1,350,000 чел., съ 3,400 орудіями! Вся соединенная германія, одна изъ самыхъ грозныхъ силъ въ наше время, оказывается, по этому расчету, далеко слабѣе въ сравненіи съ Турціей! Но несомненно является подозрѣніе: не на бумагѣ ли существуетъ большая часть этихъ пресловутыхъ военныхъ силъ и не придумано ли это для того, чтобы кетати и во время запугать Сербію и особенно Черногорію, героически поднявшюю свой благородный голосъ?

Въ Англіи на парламентскихъ засѣданіяхъ продолжаютъ на этотъ разъ уже интересныя пренія по поводу восточнаго вопроса. Замѣтно концентрированіе въ Палатѣ Общинъ преній около вопроса: какъ отвѣчать на ноту князя Горчакова? Недавно въ Палатѣ Общинъ Боркъ заявилъ, что правительство *намеревается отвѣчать* на циркуляръ князя Горчакова, но что срокъ отвѣта этого отвѣта будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ (?). Въ отвѣтъ на это, проницательные аплодисменты раздались на скамьяхъ оппозиціи. Гладстонъ заявилъ, что англійское правительство до сихъ поръ лѣгко доктрину начинанія войны «въ защиту Турціи» и если отступило отъ нея теперь, то только подъ давленіемъ событий. Консервативный Гарди съ энергіей заявилъ, что Турція совсѣмъ не утратила своихъ правъ, какъ старается увѣрить оппозиція, что Турція являлась даже исполнительницей трактатовъ 1856 и 1871 гг., потому что уже въ 1872 г. она обязала обнародовать своимъ подданнымъ фирманы, гарантирующіе имъ свободу (?). Затѣмъ, продолжаетъ Гарди, Англія не могла дать своего согласія на оккупанцію, напримеръ, Болгаріи, потому что *окупанція*—это—*начало конца*, какъ въ этомъ убѣжденъ былъ еще въ 1861 г. лордъ Россель. Далѣе Гладстонъ весьма вѣско, рядомъ доводовъ, подтвердилъ, что движеніе въ пользу славянъ въ Британіи было глубоко-національнымъ, не только по формѣ, но и по сущности. При этомъ оппозиція выразила громкое одобреніе Гладстону.

Что касается Палаты Лордовъ, то здѣсь недавно герцогъ Аргайлъ довольно рѣзко осуждалъ политику англійскаго правительства за ея робость и колебаніе. На это лордъ Дерби отвѣчалъ, что уступки и перемѣны въ англійской политикѣ обуславливаются желаніемъ предотвратить близкую войну. Онъ высказался наконецъ, что англійское правительство побуждало Порту, Сербію и Черногорію къ скорѣйшему заключенію мира. Маркизъ Салсбери (представитель Британіи на конференціи) выразился, что «безуміе Порты» для него непонятно. Наконецъ, лордъ Биконсфилдъ, по своему обычаю, отстаивалъ принципъ цѣлости и независимости Турціи, приправляя свою блестящую рѣчь изысканными соизмами.

До какой степени англійскіе государственные люди запутались въ соизмахъ, желая спасти и защитить излюбленную ими Турцію, видно изъ рѣчи англійскаго военнаго министра, г. Гаторна-Гарди, который, отвѣчая недавно въ палатѣ общинъ на запросъ Гладстона, заявилъ, что «принужденіе Турціи къ принятію рѣшеній державъ противорѣчило бы *первымъ началамъ права и основнымъ правиламъ религіи* (!), но что съ другой стороны,

если нужно распутать узел восточного вопроса, то не настало еще для того время, чтобы вынуть мечь и разсечь его, так как Турция связана трактатами относительно Европы (которые она, прибавим мы, попирает ногами, как скоро дело коснется балканских христиан) и Англия связана этими трактатами относительно Турции.

Партия Виггов, одним из лучших представителей, которой является Гладстонъ, смотритъ на дѣла Востока глазами здраваго смысла. Она думаетъ, что для Англіи нужно совместное дѣйствіе съ Россіею для освобожденія балканскихъ христианъ, также точно, какъ она дѣйствовала въ 20 годахъ, по инициативѣ знаменитаго Каннинга, съ цѣлью освобожденія Греціи. Будь теперь въ Англіи министерство Вигговъ, вопросъ былъ бы поставленъ весьма прямо и ясно. Но въ томъ-то и дѣло, что торіи стоятъ во главѣ Англіискаго правительства, какъ нарочно въ такое время, когда они всего менѣе нужны съ точки зрѣнія здраваго смысла и въ видахъ исправленія фальшивой и вѣроломной политики по восточному вопросу.

— Въ Германіи, при недавнемъ открытіи парламента, императоръ германскій произнесъ тронную рѣчь, въ которой высказалъ, что опасности восточнаго кризиса угрожаютъ внѣшнему положенію Германіи болѣе чѣмъ положенію другихъ государствъ и что германская политика до сихъ поръ остается вѣрною тѣмъ началамъ, которымъ она слѣдовала съ самаго возникновенія усложненій на Востока.

— Въ Австро-Венгріи все еще продолжаются переговоры по поводу соглашенія съ Венгріей. Заключение этихъ переговоровъ теперь зависитъ отъ согласія партій на принятіе пункта, касающагося состава главнаго совѣта національнаго банка.

— Въ Испаніи, карнистамъ, скрывающимся за границей, разрѣшено возвратиться на родину, гдѣ они не будутъ подвергнуты никакимъ преслѣдованіямъ, за исключеніемъ преслѣдованій за общія преступленія.

— Изъ Америки сообщаютъ, что засѣданія коммисіи (о которой мы не разъ упоминали), назначенной для рѣшенія вопроса о президентскихъ выборахъ, будутъ публичны. Сенатъ и палата представителей имѣли недавно общее засѣданіе для счета голосовъ, поданныхъ въ разныхъ штатахъ. Штаты Элебема, Арканзасъ, Коннектикутъ и Делаваръ доставили большинство Тилдену, а въ штатахъ Калифорніи и Колорадо большин-

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ ПЕРВЫЕ 6 ТЕТРАДЕЙ „РАЦИОНАЛЬНОЙ МЕТОДЫ ФОРТЕШАННОЙ ИГРЫ“ СОЧИНЕНІЕ ЮСИФА РИБА СЪ СОДѢЙСТВИЕМЪ АДОЛЬФА ГЕНЗЕЛЬТЪ.

Цѣна каждой тетради 1 руб. съ пересылкою во все города. Продается въ музыкальномъ магазинѣ «Фр. Паздирекъ» Москва, Большая Лубянка, домъ Мазуриной.

Эта метода принята во всѣхъ казенныхъ институтахъ Россіи, а также во многихъ заграничныхъ. Это единственная, по которой самымъ практичнымъ и понятнымъ способомъ можно достигнуть совершенства въ игрѣ. Метода пригодна какъ для начинающихъ дѣтей и взрослыхъ, такъ и для играющихъ, желающихъ быстро подвигаться, особенно для тѣхъ, которые желаютъ сами давать уроки. 1—1

ПАТЕНТОВАННЫЙ АНГЛІЙСКИЙ НЕПРОМОКАЕМЫЙ АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ МАТЕРІАЛЪ фабрики М. Тривъ и К^о. въ Бендфастѣ, получилъ награжденную медаль на Всемирной Выставѣ въ Филадельфіи. Продается въ конторахъ Л. Э. Нубаричъ, въ СПб по Гадорной № 33; въ Москвѣ по Мясницкой, къ домъ церкви Св. Николы. Рекомендуются г-дамъ домовладѣльцамъ, фабрикантамъ, сельскимъ хозяевамъ и пр. Кусокъ 36¹/₂ кв. аршинъ, въсомъ 1 пудъ 32 ф. стоитъ въ СПб. 5 р. 45 к., въ Москвѣ 6 р. 20 в. Перевозъ по желѣзнымъ дорогамъ обходится отъ ¹/₂₀ до ¹/₁₀ к. съ пуда и версты. Образцы и подробное описаніе высылаются бесплатно по первому требованію. 1 1

При этомъ № прилагается для гг. иногор. подписч. объявленіе отъ чайнаго магазина К. Е. Биселева въ Москвѣ.

Донъ Карлосъ Испанскій, герцогъ Мадридскій.

ство оказалось на сторонѣ Гейса. Относительно выборовъ въ Флоридѣ получены извѣстія почти противорѣчивыя. Съ обѣихъ сторонъ (республиканской и демократической) предъявлены протесты. Специальная коммисія для рѣшенія вопроса о президентскихъ выборахъ, послѣ предварительныхъ засѣданій, приступила къ своимъ занятіямъ. Предсѣдательствуетъ судья Клиффордъ. Коммисіи доставлены уже все матеріалы, относящіеся до выборовъ въ Флоридѣ. Обѣ враждующія тамъ партіи представили свои доклады и будутъ имѣть своихъ представителей въ коммисіи адвокатовъ. По поводу злоупотребленій, бывшихъ при выборахъ въ Луизианѣ, Палата Представителей выбрала такъ называемую коммисію пятнадцати для повѣрки тамъ выборовъ, и коммисія раздѣлилась въ своихъ сужденіяхъ: одни члены коммисіи говорятъ, что только демократическіе выборщики могутъ считаться выбранными закономъ; но меньшинство коммисіи увѣрило, что выбранными должны считаться только республиканскіе выборщики. Это меньшинство обвиняетъ демократовъ въ насиліяхъ и подкупахъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, собраніе демократическихъ сенаторовъ и депутатовъ постановило признать рѣшеніе коммисіи 15-ти недѣйствительнымъ. Далѣе, рѣшено было продолжать счетъ голосовъ, и исполнить постановленія коммисіи сообразно съ постановленіями избирательнаго закона и былъ предъявленъ протестъ противъ нарушенія законовъ большинствомъ коммисіи 15-ти для обсужденія выборовъ въ Луизианѣ и Флоридѣ. Вотъ пока на чемъ стоитъ дѣло въ заатлантической республикѣ. Что будетъ далѣе—увидимъ.

ОПЕЧАТКА. Въ № 4 „Нивы“ на стр. 52, внизу первой колонки, по недосмотру выпущена выноска, слѣдовавшая къ заглавію календ., Избытокъ жизни, а именно: „Изь Л. Тика“.

СОДЕРЖАНІЕ: Статуя Баваріи и Пантеонъ въ Мюнхенѣ (съ 2-мя рисунками).— Во тѣмъ. (Современная петербургская быль).— Тѣтѣ-à-тѣтѣ (стихотвореніе) 3—ова.— Рудольфъ австро-венгерскій наслѣдн. принцъ (съ портретомъ).— Петровскій войны: II. Платовская битва 27 іюня 1709 г. И. Зѣрева (съ рис.).— Отъ него (стихотвор. съ рис.) Щ.— Близъ Кишинева (съ 5-ю рисунками). Н. Наранина.— Косуля (съ рисункомъ).— Слѣзь.— Библиографія.— Донъ Карлосъ Испанскій, герцогъ Мадридскій (съ портретомъ).— Политическое обозрѣніе.— Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

Н О В Ы Е К Н И Г И.

Сила характера, романъ въ 3-хъ час. Смирновой, цѣна 1 руб. 50 коп. Ручонскъ Мадмуазель Камилль, ром. Книгина А. Кошубей, п. 1 р. 50 к. Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы. Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія на имя издателя П. В. Смирнова, Невскій, д. № 100, кв. № 25. 1—1

КАЛЕНДАРИ НА 1877 ГОДЪ, ИЗД. А. ГАТЦУНА:

КРЕСТНЫЙ (цѣна 15 к.) и **КРЕСТОВЫЙ** (цѣна 10 к.), печатаемые въ 410,000 экз., получать можно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи. На пересылку по почтѣ прилагается, по расчету въ 1 фунтъ на 5 экз.-миллионовъ. Для иногороднаго свидка обычная; на 100 экземпляровъ 15%, 1,000 и болѣе экземпляровъ 25%. Адресъ редакціи: Москва, Арбатская глина, домъ общества русскихъ врачей. — 1

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ 1877 Г.

Покорнѣйше просимъ гг. подписч. нашихъ, при перем. адр. высылать: 1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . 60 коп. 2) " " Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . 50 " 3) " " Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 24 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

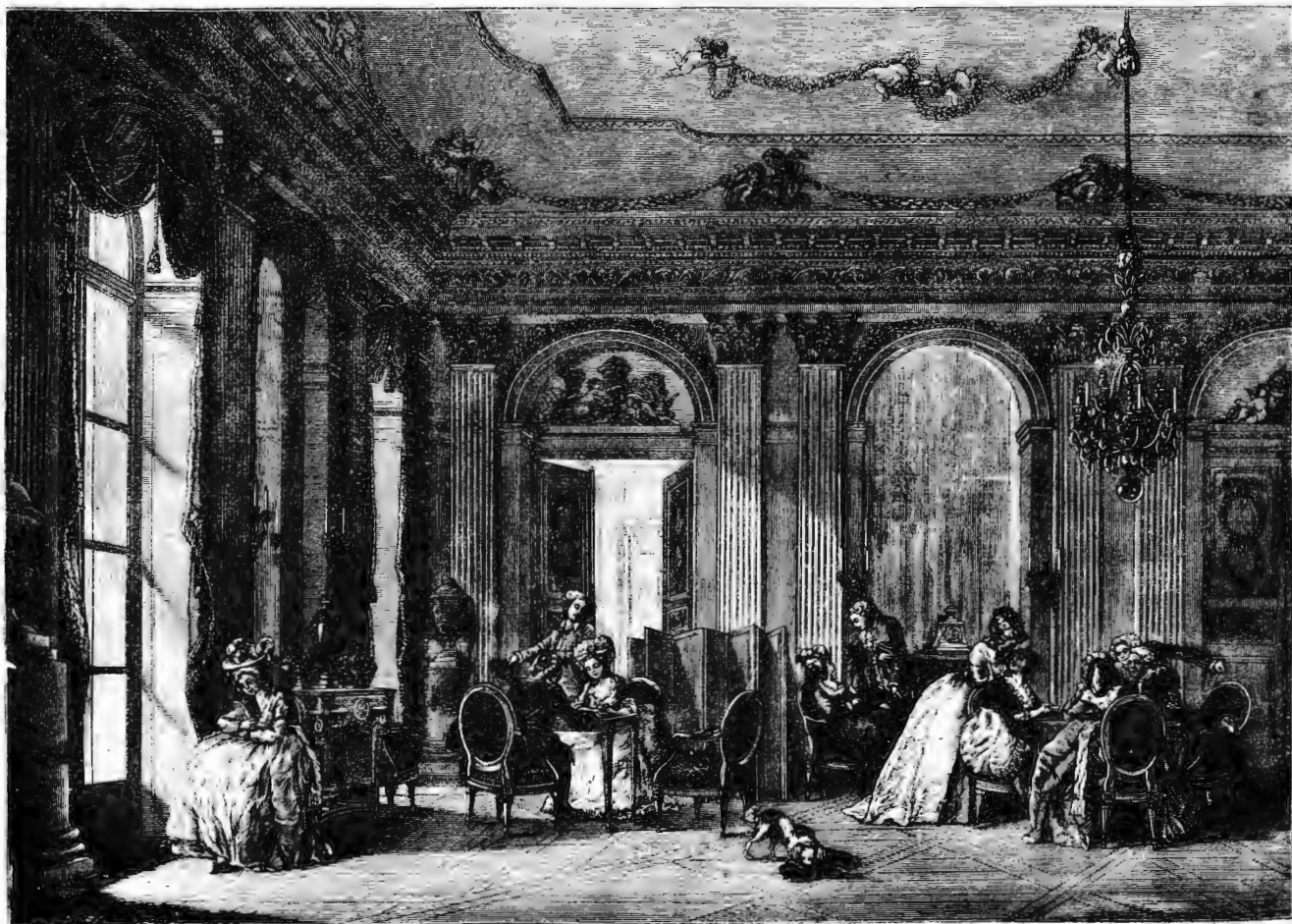
№ 9 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Изданъ 28 Февраля 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1877 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всея другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1877 г. номера „Нивы“.

Салонъ временъ Людовика XVI. Рис. Лауренцъ, грав. Бю.

САЛОНЪ ВРЕМЕНЬ ЛЮДОВИКА ХУ.

(По поводу рисунка).

Извѣстно, что существенныя черты измѣненности и нравственной распушенности вездѣ одиѣ и тѣ же: безумное мотовство, безсердечіе относительно бѣдныхъ, дерзость и безстыдство относительно священнѣйшихъ достояній разума и вѣры: напимѣръ, вѣры въ безсмертіе и будущую жизнь. Кто не вѣрнѣтъ этимъ двумъ основнымъ пунктамъ, обуславливающимъ самую возможность нашей нравственности, тому, разумѣется, нечего заботиться ни о преемственности ролей народовъ, ни о преемственности идей въ исторіи, ни о судѣ, произносимомъ исторіей, ни о потомствѣ... ни тѣмъ болѣе о нравственной вмѣняемости каждому его поступковъ, какъ продуктовъ свободной воли.

Но къ счастью, подобныя явленія называются въ исторіи только переходными, временами моральнаго и интеллектуальнаго кризиса. Духовная природа человѣка, вѣра въ идеалы, въ улучшение, всегда возьмутъ свое. Такъ было и во Франціи послѣ XVIII вѣка, въ періодъ реставраціи. Какъ бы ни порицали реставрацію за ея политическое ретроградство—у нея есть уже та неотъемлемая заслуга, что она гордо и съ энергіей указала подавленнымъ скептицизмомъ и сенсуализмомъ французамъ на права человѣческаго разума, на строгую преемственность и неумножаемость моральныхъ фактовъ въ общечеловѣческой цивилизаціи, слѣдовательно и на неизбежность вѣры въ результаты этой цивилизаціи, въ необходимости идеаловъ. Мы знаемъ, съ какимъ высокимъ талантомъ и энергіей работали въ этомъ направленіи Ройэ-Колларъ, Гизо, Токвилль и всѣ, громадная по влиянію на воспитаніе новыхъ поколѣній французскіе, такъ называемая доктринерная школа. Въ „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ“, Гизо проникнуть глубокой вѣрой въ совершенствованіе человѣка и моральное, и матеріальное, что представляется лучшимъ противоядіемъ сенсуализму и скептицизму. Рядомъ твердо построенныхъ посылокъ, Гизо доводитъ своего читателя до убѣжденія, что въ цивилизаціи (въ моральномъ мирѣ) ничто не уничтожается, какъ и въ матеріальномъ. Отъ этого твореніе Гизо (Исторія цивилизаціи) представляетъ эпоху въ направленіи французскихъ умовъ. Затѣмъ труды Ройэ-Коллара прекрасно завершаютъ построенное Гизо зданіе.

Салонъ, изображенный на картинѣ Лауренса, названъ салономъ временъ Людовика XVI, этого короля-мученика во время разразившейся революціи. Салоновъ въ Парижѣ было въ то время множество, и королевскій салонъ служилъ какъ бы прототипомъ, образцомъ другихъ салоновъ. И далеко нельзя сказать, чтобы французскіе (собственно парижскіе) салоны были исключительнымъ достояніемъ только XVIII вѣка. Нѣтъ, они существовали въ Парижѣ еще въ XVII вѣкѣ, получивъ начало со временъ Франциска I, когда роскошь водворилась во Франціи и французская столица начала дѣлаться законодательницею изящнаго вкуса. Не подозревали французы, что ихъ салоны—горькая насмѣшка надъ полными дѣйствительнаго изящества и поэзіи собраніями юношей у древне-греческихъ гетеръ. Греческая гетера Аспазія воспитала Перикла, одного изъ величайшихъ мужей древней Греціи, а французская Аспазія Нинонъ Ланкло только оскандализировала поклонявшіеся ей юношество. Обѣды у нея, пародіи на греческія симпосіи, сопровождались пьянствомъ, хохотомъ и плоскими шутками. Однажды, когда Ланкло находилась уже въ опалѣ отъ французскихъ властей и подвергалась уже опасности быть высланною изъ Парижа, она по обыкновенію обѣдала въ своемъ салонѣ въ кругу шумной и пьяной молодежи. Въ это время одинъ изъ гостей со всего размаха бросилъ за окно обглоданную кость, которая какъ разъ ударила по носу проходившаго въ то время мимо оконъ парижской гетеры благочестиваго монаха изъ монастыря св. Сульпиція—на бѣду, въ это время былъ постъ. Скандалъ вышелъ огромный. Монахъ не преминулъ громко возопить о развращеніи парижскаго юношества безбожною гетерою, объ опасности, въ какой находится св. церковь такъ, что въ концѣ концовъ Нинонъ должна была раскошелиться и заплатить монахамъ св. Сульпиція огромную сумму денегъ, чѣмъ и заставила замолкнуть ревнующіе о благочестіи голоса. Этотъ же скандалъ заставилъ Нинонъ переселиться изъ блестящаго квартала Марэ въ Сентъ-Жерменское предместье.

Нинонъ Ланкло умерла, но традиціи ея „куртизанства“ остались для восхищеннаго ею Парижа. По ея образцу и типу образовались и другія куртизанки и *merveilleuses* салоновъ: Дюбарри *), Помпадуръ, но уже съ тою большою разницею, что эти послѣднія были далеко высшаго полета, ибо были мѣтрессами королей и принцевъ, съ обыкновеннымъ въ этихъ случаяхъ титуломъ „*Maitresse en titre*“. Такъ у Людовика XV была мѣтресса Жанна Пуассонъ, на содержаніе которой расходъ за нѣсколько лѣтъ простирался до 36,924.140 ливровъ!

Затѣмъ, послѣ нея, мѣсто королевской любовницы заняла Дюбарри.

При Людовикѣ XIV, въ эту эффектную для Парижа эпоху, благоприятствовавшую процвѣтанію разныхъ гетеръ и фаворитокъ, салонная жизнь все болѣе и болѣе развивалась въ Парижѣ. Дворъ короля въ этомъ случаѣ служилъ изящнымъ образцомъ салона, которому съ большимъ или меньшимъ усиліемъ подражали всѣ. Мотовство прогрессивно увеличивалось вмѣстѣ съ развитіемъ салонной жизни; путемъ салоновъ красивыя женщины довольно темнаго происхожденія отыскивали себѣ знатныхъ и богатыхъ обожателей, съ ревностью, достойною лучшаго дѣла, выпрашивали для этихъ женщинъ титула маркизы и герцогини. Куртизанка, сначала нищад, потомъ быстро подымавшая на вершину блеска и счастья, Дюбарри—это прямое порожденіе салонной жизни Парижа.

Но были и другого рода салоны въ Парижѣ, составлявшіе исключеніе, гдѣ собиравлись тогдашнія звѣзды первой величины: Вольтеръ, Фонтенель (авторъ книги „о множествѣ міровъ“), Рамзай, Шальо, энциклопедисты и проч.. Подобныя знаменитые салоны для этихъ „звѣздъ“ были: салонъ *Hôtels de Sully*, салоны знаменитыхъ высоко-образованныхъ дамъ: герцогини du Maine à Sceaux и маркизы де-Ламбертъ, гдѣ любилъ проводить время Вольтеръ, этотъ юпитеръ, метавшій стрѣлы своихъ сарказмовъ подъ элегантною формою.

Какое же отношеніе имѣютъ парижскіе салоны къ вспыхнувшей во Франціи въ концѣ XVIII вѣка революціи и гибели короля и его семейства?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ сдѣлаемъ бѣглый очеркъ положенія дѣлъ во Франціи при вступленіи на престолъ Людовика XVI, этого страдальца за грѣхи предшественниковъ своихъ.

Та же роскошь, распушенность, легкомысліе, безконтрольность расходовъ, какія отличали дворы Людовика XIV, Герцога Орлеанскаго и Людовика XV, продолжали господствовать и при вступленіи на престолъ Людовика XVI. Неодаренный особю волей и рѣшительностью, Людовикъ не могъ измѣнить положеніе вещей. У молодого короля не было недостатка ни въ добрыхъ намѣреніяхъ, ни въ добрыхъ совѣтникахъ, по все это парализовалось общимъ духомъ времени и влияніемъ предшествовавшихъ царствованій. Бракъ короля съ австрійскою принцессой, Маріей Антуанеттой, нужно назвать весьма неудачнымъ въ этомъ смыслѣ, потому что Антуанетта была отъ природы склонна къ роскоши и неумѣренной расточительности, поступала крайне необдуманно, легкомысленно. Лишь только вступивъ на престолъ, Людовикъ XVI избралъ въ министры извѣстнаго Марена, этого послѣдняго изъ магнанъ эпохи Людовика XIV, человѣка весьма даровитаго, но легкомысленнаго какъ самъ вѣкъ, котораго онъ былъ истымъ сыномъ. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, легкомысліе этого времени выразилось въ слѣдующемъ поступкѣ: вообразите, государственный человѣкъ ишетъ фдкую энграмму на *m-me Помпадуръ*, эту изъ простыхъ гризетокъ паскоро испеченную маркизу. Послѣдняя приходитъ въ бѣшенство и требуетъ изгнанія министра. Его дѣйствительно сослали. Но Людовикъ XVI возвратилъ его изъ ссылки. Вотъ этотъ-то министр-энграммистъ и сдѣлался руководителемъ Людовика XVI. По вмѣстѣ съ Марена засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ знаменитый Тюрго. Онъ предложилъ свои преобразовательные либеральные планы, которые не совѣтъ согласовалъ съ планамъ Марена *), особенно въ дѣлѣ возстановленія стараго парламента, но которые громко привѣтствовали тогдашніе французскіе философы. Даровитыя дамы *m-me Гельвещіусъ*, *m-me Жоффреть*, *m-me Эспинасъ*, принцесса Бово и герцогиня д'Авивильская громко превозносили Тюрго въ парижскихъ салонахъ. Въ то же время благородный и добросовѣстный Малербъ, другъ Тюрго, сдѣланъ министромъ. Много начато было въ это время хорошаго отмѣнена отяготительная барщина, непопулярныя подати съ бѣдныхъ и уже истощенныхъ классовъ населенія, отмѣнено крѣпостное право въ нѣкоторыхъ областяхъ Юры, отмѣнена пытка и т. д. Но возстановленный Марена старый парламентъ возсталъ противъ всѣхъ этихъ нововведеній. Затѣмъ восставшіе въ роскоши привилегированные классы громко заявили свое неудовольствие и объявили, что государство погибнетъ въ случаѣ осуществленія плановъ Тюрго и Малерба... Король, робкій отъ природы, совершенно растерялся. А тутъ еще, какъ злой геній, присоединилась жаждущая роскоши Марія-Антуанетта и совѣтовала мужу не дѣлать никакой уступки кланамъ Тюрго. Послѣдній смѣло выставилъ на видъ, что собственно корона должна заплатить странѣ 102-милліонный долгъ, происшедшій отъ спеціальныхъ ассигнованій на содержаніе королевскаго двора. Король ужаснулся и выразилъ недоумѣніе къ Тюрго, приписавъ выставленную сумму долгу „философской“ видумкѣ министра. Тюрго, а за нимъ и Малербъ, должны были выйти въ отставку. Привилегированная партія побѣдила. Но въ это же время

*) Дюбарри, такъ сказать, съ улицы ввѣлъ графъ Жанъ дю-Барри.

*) Марена былъ тайный врагъ Тюрго.

тѣмъ рельефнѣ выдвинулось на сцену такъ-называемое *третье* сословіе (*tiers état*), оно громко заявило свое страстное желаніе матеріальнаго общественнаго улучшенія. Никто, однакожь, не желалъ радикальнаго переворота, какой потомъ совершился съ такою грозною силой. Самыя смѣлыя революціонныя желанія стояли въ границахъ только „моральнаго“ переворота. Но вспыхнувшая въ это время въ Америкѣ война за независимость доставила массу горячаго матеріала въ едва тлѣющій огонь.

Людовикъ XVI, по совѣту Марена, заключилъ союзъ съ Соединенными Штатами и этимъ только ускорилъ трагическую судьбу своего государства, потому что издержки на вспоможеніе американцамъ простирался до колоссальной цифры 1.400 миллионъ въ лировѣ. Франція пришла этимъ къ страшному, неисправимому дефициту, который не былъ бы въ состояніи излѣчить никакой Тюрго. И залѣмъ, французскіе офицеры, по-

могавшіе американцамъ, прониклись демократическими идеями и жадной свободой и общественныхъ улучшеній — и вотъ это-то грозное настроеніе народа и черни повлекло за собою созваніе представителей трехъ сословій Франціи. Мы знаемъ изъ исторіи, какой былъ результатъ этого собранія. Оно положило начало тому грозному радикальному перевороту, который въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи повелъ къ страшнымъ явленіямъ коммунизма, конвента и террора... Да, вскорѣ по возвращеніи изъ Америки французскихъ волонтеровъ и вскорѣ послѣ генеральнаго собранія всѣхъ сословій — такіе изящные салоны, какой читатель видитъ на помѣщенномъ въ этомъ номерѣ рисункѣ, огласили изступленные, яростные крики черни, требовавшей своей жертвы. Громоу ударъ раздался прямо надъ великолѣпнымъ чертогомъ.

При всей доброй волѣ, у короля не было никакихъ средствъ предотвратить этотъ ударъ...

В о т ѣ м ѣ.

(СОВРЕМЕННАЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ БЫЛЬ).

(Окончаніе).

Какимъ-то тяжелымъ сномъ, смутно мелькающимъ въ туманѣ, припоминается мнѣ эта ночь. Помню подъ утро я уснулъ на диванѣ въ гостиной измученный, усталый, а ужъ раннее солнце глядѣло черезъ неспущенныя шторы, играя золотыми столбами пыли. Ночная прохлада смѣнилась душнымъ днемъ. Былъ уже полдень, а въ квартирѣ Аргѣевыхъ все было не прибрано, все въ томъ же безпорядкѣ. На этажеркѣ въ гостиной среди дорогихъ бездѣлушекъ закапанный мѣдный подсвѣчникъ, на роялѣ мокрое полотенце. Прислуга ходила на цыпочкахъ, какъ-то испуганно переглядывалась. Слезъ и рыданій не было слышно: — все притихло подъ вліяніемъ страшнаго удара.

Проснувшись, я вошелъ къ Володѣ. Въ углу возился со льдомъ фельдшеръ, присланный однимъ изъ докторовъ. Я освѣдомился у него, о больномъ.

— Довольно крѣпки, — отвѣтилъ онъ, — и разговариваютъ свободно. Теперь у нихъ бредъ, забываются поминутно,

Я подошелъ къ нему. Глаза его были открыты, но не видѣли передъ собой. Это былъ взглядъ съ параллельными осями, ни на что не смотрѣвшій, устремленный въ пространство. Точно онъ смотрѣлъ далеко куда-то. Порою рѣсницы слегка вздрагивали, глазъ щурился, какъ подъ вліяніемъ какого-то свѣта, все лицо выражало умственное напряженіе, точно задачу какую онъ разрѣшить усиливался. Казалось, что передо мною лежалъ совсѣмъ не Володя, а какой-то другой человѣкъ, — какое-то загадочное существо не отъ міра сего. Грудь его высоко порывисто вздымалась и глубоко падала опять. Порою безсвязныя отрывочныя фразы вылетали изъ его раскрытыхъ губъ... Тотъ-ли это Володя, котораго я зналъ? сомнѣвался я. Нѣтъ, это что-то новое, странное.

Прямо противъ него стоялъ передвинутый отъ окна столъ. Бросивъ на него взглядъ, я слегка вздрогнулъ: изъ довольно большой орѣховой рамы, прямо на лицо Володи, смотрѣлъ кабинетный портретъ Миклашевской, счастливой, улыбающейся, здоровой. Онъ выпросилъ его у нея весной по праву родственныхъ отношеній, а вотъ теперь... Судьба и тутъ подсмѣивалась надъ нимъ.. Я глянулъ по направленію взгляда Володи, онъ смотрѣлъ выше портрета въ стѣну.

Я взялъ портретъ съ собой и прошелъ въ кабинетъ Николая Федоровича. Онъ мрачно сидѣлъ на патѣ, машинально покуривая сигару, не слушая того, что рассказывалъ Гальнбекъ, сидѣвшій подлѣ. Вчера, въ моментъ выстрѣла, Гальнбекъ былъ сильно перепуганъ, но потомъ, оправившись отъ страха, былъ почти доволенъ случившимся. Какая богатая тема для рассказовъ на все лѣто, какой прекрасный случай выставить себя героемъ съ желѣзными нервами, и вмѣстѣ съ тѣмъ милосердной сидѣлкой! Онъ ужъ успѣлъ домой съѣздить, выс-

паться, къ завтраку пріѣхать къ Аргѣевымъ, заѣхать по дорогѣ въ два-три знакомыхъ дома, рассказать о случившемся, и даже составить въ головѣ планъ статейки подъ заглавіемъ „Еще жертва экзамена“. — Я просто не могъ смотрѣть на этого человѣка, такъ онъ былъ мнѣ отвратителенъ.

Къ двумъ часамъ дня Володя пришелъ въ себя.

— Зовутъ къ себѣ кого нибудь, — сказалъ фельдшеръ, осторожно входя въ кабинетъ Николая Федоровича.

— Я пойду! внезапно вызвался Гальнбекъ и прежде чѣмъ я успѣлъ его остановить, юркнулъ за портьеру.

Я вслѣдъ за нимъ вошелъ къ Володѣ.

— Голубчикъ, ну что? сладко спросилъ его Гальнбекъ.

Володя заворочалъ головой. — Нѣтъ не тебя, — сказалъ онъ, — я тебя терпѣть не могу... Уйди, пожалуйста.

— Отойдите, Яковъ Ивановичъ, — сказалъ я сконфуженному Гальнбеку. — Тебѣ не нужно-ли чего?

— Посиди здѣсь, поговори.

— Да тебѣ вредно, доктора не велятъ.

— Вредно? Чтожь пусть — ужъ не выздоровѣю.

— Зачѣмъ отчаяваться, — доктора обнадеживаютъ.

— Да ты думаешь я комедію играю... нарочно все это для вашего удовольствія...

Меня удивляла сила и крѣпость его голоса. Никакой болѣзненности въ немъ не слышалось. Рѣчь его была торопливѣе, безпокойнѣе чѣмъ обыкновенно, но стоя въ другой комнатѣ никакъ нельзя было предположить, что это говорить умирающій.

— Вотъ что, — началъ онъ помолчавъ, — я хотѣлъ тебя просить: возьми вотъ тотъ жакетъ съ кресла. Гальнбекъ ушелъ?

— Ушелъ.

— Вынь записную книжку изъ кармана. Тамъ въ началѣ списокъ по алфавиту адресовъ... Нашелтъ?.. Буква М... Я понялъ въ чемъ дѣло и прочелъ петергофскій адресъ Миклашевскихъ. Это?

— Да... Выпиши его, и, пожалуйста, на первомъ же поѣздѣ... Скажи ей сейчасъ-же... Попроси хоть на минутку.

— Тебѣ, Владиміръ, волненія — ядъ, хуже всего.

Онъ нетерпѣливо сталъ перебирать ногами, очевидно мучимый жгучею болью.

— Ахъ, скорѣй, ради Бога, — ну что-жь, что волненія — ядъ... Тебѣ это ничего не стоитъ — съѣзди.

— Изволь, сейчасъ поѣду.

— Очень благодаренъ буду... Хотя въ послѣднія минуты я... Слушайте! обратился онъ къ фельдшеру, льду дайте, растаялъ.

Фельдшеръ набилъ новымъ льдомъ мѣшочекъ, выливъ изъ него предварительно растаявшую воду. Владиміръ самъ помогъ приложить его къ ранѣ, порывисто перебирая поблѣднѣвшими пальцами. — Вотъ изволь-

Изъ угла въ уголь. Рисунокъ Медвѣдева, грав. Вейермангъ.

Охота на медведя. Рис. Н. Каразина, грав. Боярский.

те за одно и вина принять, — сказал фельдшеръ, поднося къ его рту ложку шампанскаго. Онъ выпилъ его судорожнымъ глоткомъ.

— Я тебѣ еще что-то хотѣлъ сказать, припоминалъ онъ, что-то важное, да забылъ... Очень важное... Что я хотѣлъ такое?..

Онъ помолчалъ съ минуту и потомъ тихо прибавилъ.

— Вѣдь я въ Гороховой переодѣнусь

Бредъ начинался

VIII.

Свѣжій воздухъ рвался въ окошко вагона и билъ живыми порывами въ мое измятое, пожелтѣвшее за однѣ сутки лицо. Я радъ былъ хотя на время вырваться изъ душнаго, пыльнаго города, отрезвиться отъ опьяненія, въ которомъ я находился нѣсколько послѣднихъ часовъ. У меня голова кружилась, земля уходила изъ-подъ ногъ, мнѣ нужна была другая атмосфера, другія впечатлѣнія. Я смотрѣлъ на безконечную ленту лѣсовъ, селъ и полей, стрѣлою летѣвшихъ на встрѣчу. Все зеленѣло свѣжей, молодой весенней листвою, птицы стаями неслись надъ дугами, жемчужныя тучи купами бѣлѣли на синемъ небѣ, бѣлыя капустаницы, пеловки плюхая крылышками, порхали близъ самыхъ вагоновъ. Все цвѣло, зеленѣло, дышало полною жизнью, — какъ всегда, какъ прошлый годъ, сто, двѣсти, тысячу лѣтъ назадъ, — вѣковѣчное неизмѣнное *semper idem* природы!..

Наступалъ уже вечеръ, когда я, наскоро пообѣдавъ въ вокзалѣ, спускался съ дебаркадера съ цѣлью розыскать дачу Миклашевскихъ. Въ паркѣ было хорошо, прохладно, гуляющихъ мало: только няньки съ дѣтьми въ колясочкахъ, да дѣти подросточки съ середъ и веревочкой. Подходя къ ихъ дачѣ, я чувствовалъ, что отъ прежней моей „любви“ къ Миклашевской, впрочемъ еле-еле тлѣвшей когда-то, не осталось и искры. Напротивъ того, она мнѣ была теперь просто антипатична, я готовъ былъ излить на нее все то, что накипѣло у меня вслѣдствіе этого выстрѣла. Теперь я шелъ къ нимъ безъ приглашенія прямо и смѣло, желая только одного — переговорить съ Юліей Александровной не при теткѣ.

Я вошелъ въ миниатюрный садикъ, охватывавшій со всѣхъ сторонъ маленькую дачу, фантастическаго русско-китайскаго стиля. Въ концѣ дорожки, обрамленной по бокамъ клумбами, мелькало свѣтленькое платьѣ, до половины скрытое кустами акаціи.

„Она и есть“, — подумалъ я, — „кажется одна“.

Юлія Александровна слегка прищурилась мнѣ на встрѣчу — точно не узнавала меня и дала подойти почти вплотъ.

— А—а, наконецъ-то! весело воскликнула она. Съ повинной головой! Вы какъ смѣли здѣсь не быть третьяго дня? Просить прощенія пріѣхали?

Я весьма недружелюбно пожалъ ей руку.

— Нѣтъ, не прощенія просить, а по одному чрезвычайно неприятному дѣлу.

Улыбка пропала съ ея лица при видѣ моей разстроенной физиономіи.

Я остановился на мгновение, стараясь удобнѣе сложить фразу. — Владиміръ Григорьевичъ вчера ранилъ себя въ грудь... и довольно опасно...

Она приподнялась со скамьи, внезапно поблѣднѣвъ.

— Въ грудь? Опасно?

— Да...

Она опять опустила на мѣсто; глаза широко, испуганно смотрѣли.

— Но отчего же, что за причина?

— Про то онъ знаетъ.

— Онъ живъ?

— Живъ, и просить васъ пріѣхать къ нему, — онъ умираетъ...

— Да развѣ нѣтъ надежды?

— Вѣрнѣе, что нѣтъ.

— Когда-жъ это онъ, — вчера, сегодня?

Я передалъ ей нѣкоторыя подробности.

— Это ужасно, ужасно, — задыхаясь говорила она, — какъ тетѣ теперь сказать: она такъ любила Володю.

— Нелзя было и не любить, — возразилъ я, — въ немъ столько было открытаго, честнаго, милаго. Правда, были личности, которымъ онъ не казался такимъ. — можетъ быть они были и причиною выстрѣла.

— Послушайте, вѣдь не экзаменъ былъ причиною?

— Причина кроется въ томъ. *почему* онъ не выдержалъ экзамена.

— А почему?

Я пожалъ плечами и не отвѣтилъ.

— Онъ наканунѣ былъ здѣсь; былъ веселъ, очень веселъ. Потомъ вдругъ, не сказавъ никому ни слова, уѣхалъ... Неужели мои именины помѣшали ему заниматься?..

— Почему знать, можетъ быть; вѣдь вы ему велѣли быть въ этотъ день *непрѣменно*, онъ ослушаться не могъ.

— Такъ стало быть отчасти и я причиною?

— Извѣстный процентъ — да.

Она крѣпко провела рукой по лбу. — Хорошо, я завтра непременно буду. Сегодня ужъ поздно, намъ останется даже негдѣ; а завтра утромъ непременно. Скажите, — быстро прибавила она, — вы вѣрно все знаете, обо мнѣ ничего онъ вамъ не говорить?..

— Ничего. — отвѣтилъ я, прямо глядя на нее.

— У насъ третьяго дня былъ съ нимъ за чаемъ разговоръ, — сказала она, — мнѣ показалось, что онъ...

Она какъ будто нѣсколько смутилась, и не докончила фразы...

„Что-то еще было, о чемъ онъ не сказалъ мнѣ“, — подумалъ я.

— Можетъ быть я ему отвѣтила слишкомъ рѣзко, — сказала она, — но кто-же могъ предполагать... Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ его жалко, жалко...

— Да, теперь, когда онъ умираетъ, — рѣзко проговорилъ я, — при жизни вы его не жалѣли! Два дня тому назадъ онъ для васъ былъ мальчикъ, тюфякъ, Гамлетъ, — а теперь вы ему соболѣзнуете, да „жалкія“ слова расточаете. Опоздали вы немпожко, Юлія Александровна...

— Да, еслибъ я только знала, — начала она, и вдругъ слезы такъ градомъ и хлынули изъ ея глазъ. Она плакала непритворно....

IX.

Только съ позднимъ поѣздомъ я пріѣхалъ къ Аргѣевымъ.

Въ дверяхъ я встрѣтился съ какимъ-то тощимъ, длиннымъ господиномъ въ форменномъ пальто: это былъ новый докторъ — знаменитость по оперативной части, прискакавшій къ больному изъ окрестностей столицы по усиленной просьбѣ Николая Федоровича. Онъ сказалъ всѣмъ, что рана — пустякъ и черезъ двѣ недѣли больной плясать будетъ. Меня такъ поразилъ этотъ приговоръ, что, признаюсь, я ему даже повѣрилъ въ первую минуту. Мнѣ сказали, что Володя спрашивалъ меня нѣсколько разъ въ мое отсутствіе. Я отправился къ нему.

— Ну что — былъ? спросилъ онъ.

— Завтра утромъ онъ будетъ.

— Завтра? Не доживу пожалуй... Вотъ что. Возьми на чернильницѣ лежитъ ключъ отъ стола. И если умру, переברי тамъ все сейчасъ-же... Ну что она?

— Плачетъ.

— Плачетъ? Не говорить, что я подъ кустикомъ лекціи читаю?

— Жалѣетъ тебя.

— Я вотъ тоже... жалѣю.

— Кого?

Онъ подумалъ. — Доктора этого, что перевязку сейчасъ положить. Мнѣ безъ перевязки легче было... А вѣдь какъ больно, еслибъ ты зналъ...

— Вѣрю.

— Что дѣлать, ружье слишкомъ длинно, нельзя было рассчитать... Такъ ты ужь ключикъ-то пожадуйста... Я давеча тебѣ хотѣлъ сказать это, да вспомнить не могъ.

— Ты не сиди здѣсь, я спать хочу, — прибавилъ онъ, — ужь завтра... прощай!

Онъ началъ забываться. Мнѣ дѣйствительно пора было домой — я болѣе сутокъ тамъ не былъ. Я былъ измученъ, страшно измученъ, но почему-то долго не могъ заснуть. Лишь только я закрывалъ глаза, какъ мнѣ начинало казаться, что возлѣ меня стоитъ Аргѣевъ, блѣдный, окровавленный. Я повертывалъ голову, смотрѣлъ въ ту сторону, и опять лишь только опускался въ подушки, являлось неудержимое желаніе оглянуться, — вѣдь онъ тутъ, въ углу стоитъ. Только что мысли начинаютъ путаться, мѣшаться, только что вмѣсто Володиной комнаты замелькаютъ впечатлѣнія дороги, Петергофъ, глазки Юліи Александровны, накладка на головѣ ея тетушки, какъ вдругъ снова раздается роковой выстрѣлъ, я вздрагиваю и просыпаюсь. Наконецъ сонъ взялъ свое и я крѣпко заснулъ.

Когда на утро я пріѣхалъ къ Аргѣевымъ, Володя только что скончался. Въ комнатѣ у него никого не было, только фельдшеръ, подпивъ многозначительно брови, что-то такое прибиралъ въ углу: у него натура такая была — все копошился. Я подошелъ къ постели. Желтоватая восковая блѣдность покрывала его лицо. На немъ выражалась боль, страданіе, умств. нное напряженіе. И ротъ, и глаза были плотно сомкнуты, небольшие усики казались точно приклеенными къ тѣлу, во всемъ какая-то странная ненатуральность, дѣланность...

Фельдшеръ покрылъ трупъ бѣлой простыней, покрывъ его всего съ головою, только пальцы одной ноги выставились изъ-подъ складки съ своими синѣвшими ногтями; онъ и ихъ закрылъ.

Въ прихожей тихо брякнулъ колокольчикъ. Дверь отворилась и въ комнату вошла вчерашняя знаменитость, отирая потъ съ своей лысины.

— Кончился, отпартовалъ фельдшеръ.

Докторъ съ небрежной улыбкой приподнял простыню и взглянулъ на рану.

— Ну, конечно! оговѣтилъ онъ на какой-то собственный вопросъ, — что и требовалось доказать. Значитъ бюллетень закончить надо.

Онъ пошелъ въ залу и мимоходомъ остановился передо мной.

— Вы не знаете, — спросилъ онъ, — кто эти двѣ дамы, что со мной сюда пріѣхали.

— Это Миклашевскія должно быть, — сообразилъ я.

— Младшая особа смазливенькая, хотя и страдаетъ недостаткомъ пигмента, — это не изъ-за нея ли молодой человекъ грудь-то себѣ продырявилъ?

Я ничего не отвѣтилъ, а онъ отправился оканчивать на своемъ смѣшанномъ діалектѣ бюллетень: дескать — 21 mai, à 10 heures et demi — mortuus est.

Я отперъ ящикъ письменнаго стола Володи.

„Записки есть“, — думалось мнѣ, — „иначе зачѣмъ бы давать было мнѣ ключъ“. Предчувствіе меня не обмануло: въ боковомъ ящикѣ лежало письмо въ конвертѣ, съ надписью „передать Ю. А. Миклашевской“. Очевидно оно было приготовлено не за нѣсколько минутъ до выстрѣла, а гораздо раньше — почеркъ ровень какъ всегда, старателенъ, съ завитушками. Въ заклеякѣ видна не торопливость, въ адресѣ обдуманность.

Передать письмо надо было сейчасъ. Въ залѣ Юліи Александровны не было. Ея тетка сидѣла съ Александрой Ѳедоровной на диванѣ и обѣ плакали. Въ гостиной я нашелъ ее вмѣстѣ съ Гальнбекомъ.

— Я очень сожалѣю, — говорилъ онъ, — что не будетъ судебно-медицинскаго вскрытія — слѣдователь находитъ это излишнимъ. Мнѣ, какъ юристу, признаюсь, было бы это чрезвычайно интересно. Да и кромѣ того можетъ быть разъяснилась бы причина самоубійства: меланхолія, или чтонибудь подобное.

Юлія Александровна какъ-то странно взглянула на него и этотъ взглядъ мнѣ понравился чрезвычайно. Я переминался съ ноги на ногу и не хотѣлъ при Гальнбекѣ отдать ей письмо. Она съ женской чуткостью угадала мое положеніе.

— Яковъ Ивановичъ, нельзя-ли попросить стаканъ воды, — ласково сказала она.

Онъ бросился исполнять ея порученіе.

— Вы, кажется, что-то хотите мнѣ сказать? спросила она.

— Вотъ, Володя поручилъ мнѣ передать вамъ эту записку, сказалъ я.

— Мнѣ? испуганно-недоумѣвая спросила она и дрожащими руками сорвала конвертъ.

Письмо было написано мелкимъ сжатымъ почеркомъ — всего строкъ двадцать, не больше.

Она прочла и поблѣднѣла. Закусивъ нижнюю губу, наморщивъ лобъ, она въ раздумьѣ остановилась, комкая записку. Грудь ея порывисто волновалась...

Вошелъ Гальнбекъ и поднесъ ей стаканъ воды.

Она не взглянула на него и, повернувшись, быстро пошла черезъ залу въ ту комнату, гдѣ стояло тѣло. Ей теперь все было ясно, она все поняла, — но можетъ быть слишкомъ поздно...

...Летить, летить вереница образовъ въ томъ же пестромъ порядкѣ — отсутствіе одного и незамѣтно въ массѣ. Но нерѣдко то тамъ, то тутъ раздается выстрѣлъ — въ испугѣ отпрянуть сосѣди, посмотреть на павшихъ и вскорѣ потомъ забываютъ о нихъ въ суетѣ жизни. Но что выбиваетъ изъ строя несчастныхъ? Пустота-ли жизни, отсутствіе ли идеаловъ, невѣріе-ли, могучій-ли невѣдомый законъ, управляющій всѣмъ міромъ? Откуда берется этотъ туманъ, эта тьма, оковывающая ихъ умы?..

Г—ъ С—свій.

ОХОТА НА МЕДВѢДЯ.

Олонецкая губернія представляетъ широкое поле для всякаго рода охоты. Огромные лѣса, непроходимыя чащи, безчисленныя болота, тянущіяся на нѣсколько десятковъ верстъ, поминутно встрѣчающіяся озера съ группами островковъ — всѣ эти мѣста, обнимающія громадную площадь Олонецкой губерніи, представляютъ рѣдкую приманку для всякаго охотника. При видѣ ихъ, охотникомъ, а въ особенности охотникомъ страстнымъ, овладѣваетъ непреодолимое влеченіе уйти, окунуться въ эти мѣста, углубиться въ чащу, по безчисленнымъ пересѣкающимся тропинкамъ, которыя манятъ его и подмываютъ заглянуть въ самое сердце лѣса, посмотрѣть на новыя нетронутыя

мѣста, на дикія, но величественныя картины, полюбоваться своеобразиемъ и роскошью дѣвственнаго лѣса. А еще труднѣе охотнику удержаться отъ этого искушенія, когда онъ ѣдетъ или идетъ медленнымъ шагомъ по узкому проселку. Не успѣетъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ слышитъ, вотъ раздалось возлѣ самой дороги форканье тяжелыхъ крыльевъ тетерева, заклокотала матка, зафоркали потоньше на взлетѣ и молодяки, видятъ, тамъ и сямъ пересѣкаютъ дорогу зайцы; иной остановится посреди дороги, присядетъ на заднія лапы, потреплетъ себя по мордочкѣ передними, какъ бы подразнивая охотника и стремглавъ ринется въ густую лѣсную чащу; то выйдетъ изъ лѣсу

неуклюжая росомаха и раскрывши свои „зѣбки“, дико озирался во все стороны. Если тутъ, возлѣ самой дороги, такая пожива, то что же внутри, въ глубинѣ этого лѣса? думаетъ охотникъ; и вотъ такъ и тапчетъ его въ глубь, извѣдать рѣдкой охоты среди этихъ нетронутыхъ, спокойно-величавыхъ мѣстъ... Я знаю это по опыту. Каждый разъ, какъ только приходится мнѣ проѣзжать по этой губерніи, я сворачиваю съ большой Петрозаводской почтовой дороги въ сторону верстъ за тридцать въ с. Брусно.

Село Брусно находится въ полтора-два верстахъ отъ губернскаго города и расположено на самомъ берегу Онежскаго озера, которое образуетъ здѣсь широкую губу, ограничивающую большой дугой берегъ, возвышающійся всего фута на два-три надъ поверхностью озера. На берегу въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ озера уныло стоятъ три большихъ почернѣвшихъ избы, двѣ изъ

ромъ высятся вѣковыя деревья нашей сѣверной природы — ель, сосна и осина; посреди острова сдѣланы большія выемки, происхожденіе которыхъ относится къ постройкѣ Исаакіевского собора. Около одного берега до сихъ поръ еще уцѣлѣла деревянная простая пристань, съ которой нагружались громадные глыбы камня и отправлялись въ Петербургъ.

Вотъ къ этимъ-то мѣстамъ я и подѣхалъ два года тому назадъ.

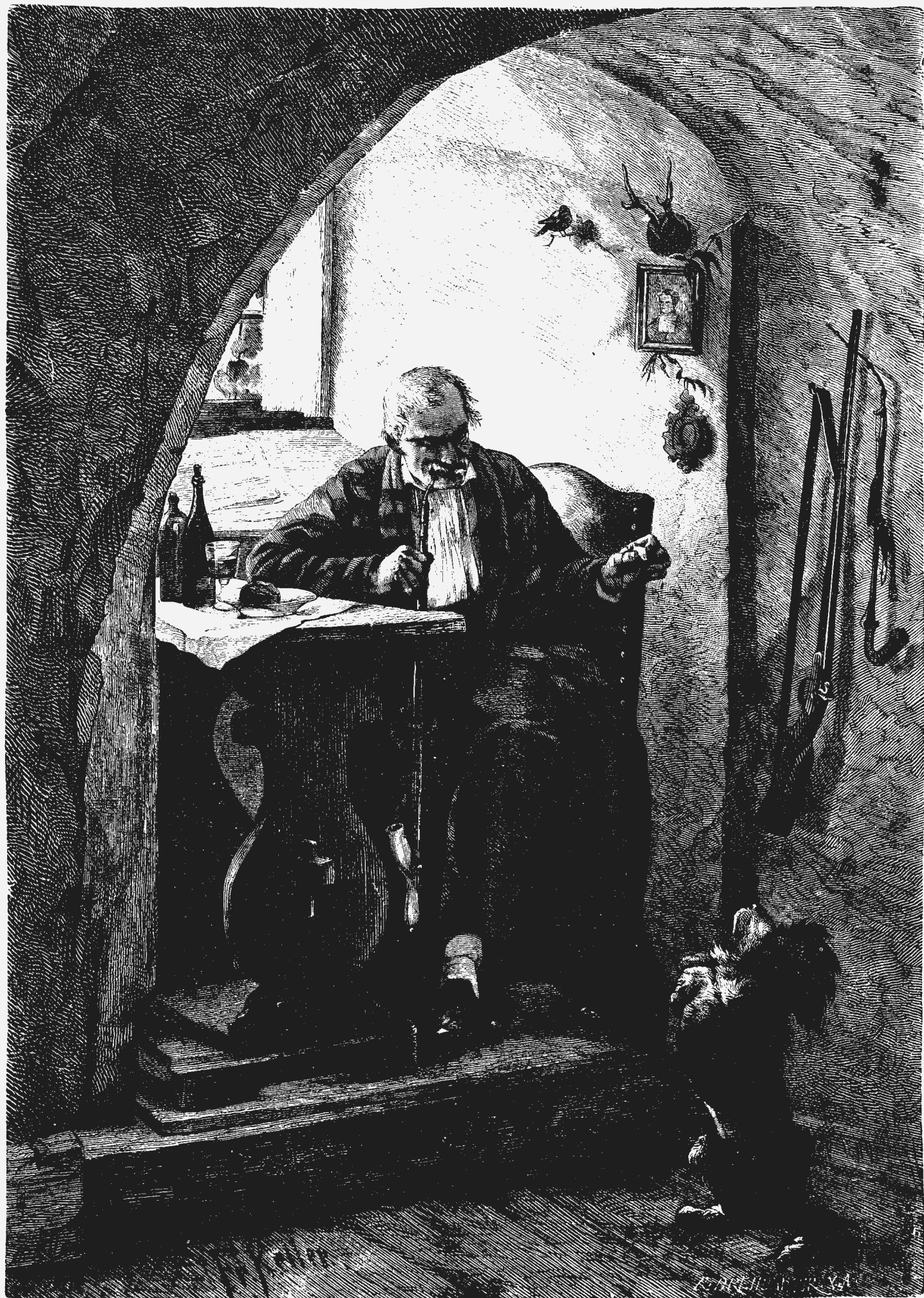
Чудный былъ вечеръ! Полнѣйшая тишина. Онежское озеро стояло неподвижно и расплавленнымъ стекломъ терялось гдѣ-то въ необозримой дали. Огненный солнечный шаръ медленно спускался на горизонтъ въ глубину водъ; озаря послѣдними лучами холодную и какъ-бы застывшую громадную площадь озера. Ни звука. Только весла мѣрно опускаясь въ воду хлопали и нарушали эту нѣмую вечернюю тишину. По мѣрѣ того, какъ я

Новоросійскій рельсо-прокатный заводъ. Съ фотогр. грав. Петцъ.

нихъ принадлежать церковному причту, а въ одной живетъ зажиточный крестьянинъ. Въ верстѣ разстоянія отъ берега выходитъ изъ воды небольшой, поросшій глумомъ непроходимый лѣсомъ островокъ Брусно, отъ котораго и получила названіе и вся береговая линія; на самомъ берегу поднимается небольшая деревянная ветхая церковь, покрытая тесомъ, почернѣвшимъ отъ времени; влѣво отъ церкви стоитъ строжка. Этотъ небольшой островъ, Богъ вѣсть когда и вслѣдствіе какихъ причинъ выдвинувшійся изъ глубины озера, замѣчателенъ въ двухъ отношеніяхъ. Каждое лѣто къ нему причаливаютъ небольшія „соймы“ съ богомольцами, плывущими въ Соловецкій монастырь; здѣсь послѣдніе считаютъ долгомъ отслужить молебенъ, и съ этою цѣлью, вѣроятно, и построена тутъ церковь; весь этотъ островъ состоитъ изъ твердаго камня-песчаника, покрытаго довольно толстымъ слоемъ земли и обросшаго мохомъ, на кото-

приблизился къ давно знакомому островку, очертанія предметовъ дѣлались яснѣе и опредѣленнѣе. Всплывъ и церковь, и опустѣлая избушка стоитъ накренившись къ ней, и гигантскихъ размѣровъ сосна, распустившая словно щупальцы, свои огромныя сучья; къ ней тянулась съ колокольни длинная во многихъ мѣстахъ связанная веревка. Надъ всемъ этимъ высится восьмиконечный крестъ, позодоченный заходящими лучами солнца. Я подѣхалъ тихо къ берегу и бережно привязалъ свою лодку къ небольшому вбитому въ землю колышку. На берегу не было никого. Разложенный костеръ или „пажокъ“, горѣлъ яркимъ ровнымъ пламенемъ, около него стоялъ небольшой горшечекъ, наполненный картофелемъ. Гдѣ же хозяинъ? Обойдя кругомъ церковь, я присѣлъ на пенъ, вблизи пыдаваго костра. Ночь шла и приближалась быстрыми шагами, и постепенно опускала свое темное покрывало на окружающій міръ.

Ну-ка, попляши. Картина Фр. Келлера, грав. Брендъ'Амми. Библиотека "Руниверс"

Я подбросил хворосту в огонь, который успеваясь, поднимал свои красные языки вверх, освещая близкие предметы и придавая им какой-то фантастический вид, при виде этой картины и глубокой окружающей тишины мною овладело поэтическое благоговение, под влиянием которого направление мыслей мбняется, эгоистические инстинкты уступают место другим лучшим порывам.

Вскорь пришел хозяин. Он — небольшого роста, в поярковой шляпке, подаренной, вброятно, каким нибудь проезжим богомольцем; в коротком казенстовом зипунке, подпоясанном ремнем; ноги его обуты были в коты, из-за плеча торчал невообразимой длины ствол, каких я еще не видывал, и высоко торчал над головою. Я узнал в этом человек старого знакомого. Выйдя из лбу, он сбросил с плеча грузную вязанку сухих сучьев.

— Давненько вас не видать, — сказал он после обычных приветствий. Пострелять прбхали?

— Да.

— Дичи — сила... И рябчики, и тетерки, и мошники (глухарь) есть, и бблая куропатка; а уток, так не приведи Бог... сбвомъ посяно.

— Хотелось бы на звбря, на медвбдя, примбрно. Есть?

— Как не быть... Наши мужики передь спасовымъ днемъ тутъ в 5-ти верстахъ на каменной ломкб уходили, медвбдя дубемъ да какого матерого...

Онъ пошевелил палочкой прогорбвшие угольки, поставил горшечек, подбросил дровецъ и начал: — онъ, ббдняга, забрел испугъ воиды, да попал между горами камня и вязнетъ. Только онъ хочетъ вылезти, а тутъ его и примутъ в колья, а онъ сверху-то кубаремъ; онъ — поотдохнетъ, да опять кверху; а его опять примутъ в колья, да такъ и уходили сердечнаго.

— А много было мужиковъ?

— Десятеро. Одна не все воротились по добру по здорову.

Долго продолжались рассказы, пока я убавляя тишиной, под влиянием дневной усталости, мягкаго влажнаго ночного воздуха незаметно для самаго себя заснул богатыремъ сномъ, укутавшись в дорожный плащъ и прикурнувшись у огонька. Я спал не болбе 2 — 3 часовъ. Къ утру сббилось свбжо; туманъ охватилъ меня со всехъ сторонъ сббдая обильными каплями на моемъ платьб. Костеръ едва дымился. Я проснулся рано отъ холода. Севастьяна (имя хозяина избушки) не было. Вброятно пошел стрблять утокъ, подумалъ я. Богъ сь нимъ. Подожду, пока разббется туманъ и побду на берегъ, чтобы какъ слбдуетъ отдохнуть до вечера. В ожидании охоты и подожилъ огня в костеръ. Было очень рано. Легкая, едва заметная збб пронеслась неслышно по озеру. Туманъ постепенно сталъ улетать, нечувствительно смываться, и на его мбсто начали выступать все рбзче и рбзче тбни. Расправила сь просонья широко свои длинные бблыя крылья чайка на голомъ камнб, взмыла в воздухъ и, сбблавъ крутой поворотъ на одномъ мбстб, точно смертельно раненая, пала внизъ и снова тихо опустилась на тотъ же камень, мягко, беззвучно сбблавъ нбсколько широкихъ круговъ на ровню распушенныхъ крыльяхъ. Высокий, дальний крикъ другой чайки звонко пронесся надъ застывшей картиной „и разбудилъ утро“. Тонкое зарево на востоке коснулось глаза; все шире и шире загоралось оно; все болбе оживалъ день. Послышались два-три выстрбля на островб, — это Севастьянъ шалить: я отвязалъ лодку и черезъ полчаса уже снова привязывалъ у берега, настрблявъ дичи вдоволь.

Часовъ в пять вечера нагруженные разными охотничьими принадлежностями, хорошо вооруженные мы вошли в лбсъ и направились по узкой тропинкб „на Шокоду“, надбсья тройти небольшое разстояние в часъ и затбмъ до ночи успбть приготовить все необходимое для усбнной охоты. Но я ошибся. Пройти четыре-пять верствъ в часъ по олонецкому лбсу — это наивная мечта. Мы прошли не болбе двухъ верствъ и, не смотря на то, усталость во мнб начала сказываться. Лбсъ сь каждымъ шагомъ, по какой бы тропинкб мы не пошли, ставилъ намъ баррикады, засбки, завалы, волчьи ямы — все лбсныя препятствб, словно мы шли на неприятеля, рбшившагося ни за что не пропустить насъ черезъ этотъ лбсъ. Гигантскбя деревья, вырванны сь корнемъ лежали поперекъ дороги. Мелкбй, полустгнивший сухопадъ, валежникъ, сббитый кучами, ломался подъ ногами и заставлялъ хвататься за деревья, чтобы не потерять равновбсб. Кучи камней, заросшихъ мохомъ, непролазная чаща сь застрявшими в ней сваленными стволами, сббнялись гнилыми пнями в мокрыхъ ямахъ — все это крайне замедляло движение и заставляло терять терпбние. — Скоро-ли, Севастьянъ, мы доберемъ до поляны? спросилъ я, теряя терпбние; скоро вбдъ ночь...

— Тутъ и есть. Экъ, вбдъ, какой ломъ. Точно-что вамъ, сударь, безъ привычки-то труденько... Ничего, сейчасъ доберемъ: версты подторы сь небольшимъ осталось...

Но это „тутъ и есть“ тянулось очень долго. Казалось, что и конца не будетъ. Наконецъ валежникъ и путаница „лома“ сббнились ровной четырехугольной поляной...

— Вотъ и поповы сббосы, — промолвилъ онъ; а вонъ и падалъ. Тут-то насилье сердешная; вона откуда вышелъ стервятникъ, — продолжалъ онъ описывать мб мбстность. Тб хоть и ранены, а уббжали, а „Бблянка“ была сзади и какъ онъ ухва-

тилъ ее за ребра, она все волокла его, все волокла по тропкб, свалилъ онъ не ухватился задней лапой за дерево, тутъ они и покатились, вотъ и слбды... или какъ бороздилъ... сказалъ онъ подходя къ изуродованному животному.

Нужно было, не теряя времени строить шалаши, чтобы къ ночи быть на своихъ мбстахъ. Эти шалаши устраиваются безъ всякихъ архитектурныхъ затбй и имбютъ форму маленькихъ „палатей“ или небольшой площадки, на которыхъ можно только сидбть не шевелиться; они дблаются на высотб полуторныхъ или двухъ саженъ отъ земли и устраиваются обыкновенно на нижнихъ сучьяхъ деревьевъ. В данномъ случаб обстоятельство мало благоприятствовало намъ при устройствб необходимого шалаша. Дерево, около которого мы догадны были устроить шалаши, до самой верхины не имбло сучьевъ и мы принуждены были приббгнуть къ искусству. Скоро зданб было готово. Воткнуты были четыре довольно высокихъ и здоровыхъ стбга по обб стороны дерева и вверху, при помощи связей и перекладинъ, было устроено сидбные, покрытое и уложенное еловыми вбтвями. Это основанное на четырехъ колоннахъ зданб было сббдено Севастьяномъ на скорую руку и представляло очень мало прочности, чтобы я могъ по слову „полбзай“ сь довбриемъ относиться къ нему. Оныгъ показалъ, что я не ошибся. Когда я вблзъ на эту площадку, то невольно чувствовалъ, какъ шатко и какъ непрочное было оно. Достаточно одного прикосновения медвбжьей лапы къ одному столбику, чтобы обратбть его в ничто, а насъ низвергнуть сь высоты двухъ саженъ прямо в объятия нашего врага.

Я сталъ наблюдать сь этой обсерватори за дбйствбями своего спутника. Прежде всего онъ натеръ подошвы травой и мохомъ и началъ ходить вь разные стороны, стараясь, очевидно, смбшать слбды, залутать ихъ, какъ дблаютъ зайцы, надбсья провестти охотника, и показать врагу, если только онъ будетъ дблать рекогносцировку, что были люди тутъ, но ушли обратно. Потомъ Севастьянъ набралъ полную шапку моху и вблзъ ко мнб, разббдилъ этотъ мохъ со мною, и, подавая мнб, сказалъ: „дыши вь мохъ!“ причемъ снялъ мою шапку, вблзъ мнб туда положить мохъ и дышать вь шапку. Я попробовалъ, но это было крайне неудобно; неприятно долго вдыхать сырой, своеобразный воздухъ, вь особенности вь то время, когда кругомъ и безъ того было сыро.

— Затбмъ это? спросилъ я.

— Нельзя: услышишь и не придетъ.

Уже совсмъ стемнбло. Верхушки высокихъ деревьевъ качались, колеблемыя вбтромъ, и слегка шумбли, словно разговаривали другъ сь другомъ. Темная облака заволкли все небо. Мы ждали. Время шло черепашьимъ шагомъ. Цблые часы дышать запахомъ моха сббилось для меня невозможнымъ. Я часто отнималъ лицо отъ шапки и вдыхалъ свбжий воздухъ влажной ночи, пропитанный смолистымъ запахомъ окружающихъ деревьевъ.

— Не покурить-ли, Севастьянъ?

— Ни, ни; ни Боже мой! Чуютокъ...

Еще прошелъ часъ вь томительномъ напряженномъ ожидании. Эти ожидания, смбшанные сь чувствомъ невольнаго страха, и холодная сырая ночь овладбли моими нервами до такой степени, что я буквально дрожалъ; зубы стучали, и я не вь силахъ былъ освободиться отъ этого совокупнаго влияния окружающихъ условий.

Но вотъ вь глубинб лбса послышался легкий трескъ и затбмъ все затихло, словно кто пробирался черезъ чащу и остановился прислушаться къ чему-то. Затбмъ опять трескъ и опять тишина. Я инстинктивно останавливалъ дыхание... снова трескъ и топанье, и все эти звуки постепенно приближались и дблялись ясвеннее и рбзче. Вотъ загремалъ и заломался вблизи валежникъ, я толкнулъ слегка Севастьяна; онъ молчалъ, какъ убитый. Какая-то масса, которую не видно, но слышно каждое движение, все близилась къ намъ. Медвбдь, подумалъ я. А вдругъ какъ ему вздумается пошатнуть наше зданб. Знаетъ ли онъ, что тутъ, надъ его головой, сидятъ его заклятые враги? А, ну, какъ онъ знаетъ?.. Все эти мысли быстро пронеслись предо мной, какъ вь кадбдоскопб, и я словно замеръ, ожидая своей участи. Я уббжденъ, что если бы мнб пришлось вь эту минуту выстрблить, я промахнулся бы вь 5 шагахъ.

Наконецъ я ясвенно слышу, что подъ нами что-то копошится. Очевидно идетъ пиршество. Кости трещатъ на зубахъ, что-то сочное, сырое жвакаетъ во рту... Вдругъ вь эту минуту рбзкбй свбтъ бблаго огня ударилъ мнб вь глаза и... послышался рбзкбй выстрбль. Вь это мгновение я вижу, какъ неопытному ужасу, что нашъ шалаши валится и мы, стремглавъ падаемъ... „Погибли“ пронеслось предо мной! Боже мой!.. Я упалъ на что-то мягкое и мохнатое и не смблъ встать, считая себя жертвою и мечтаю вь послбдней надеждб — что авось, какъ нибудь, и мысленно ишу соломенки...

Черезъ нбсколько мгновений я слышалъ, какъ что-то стремглавъ сбросило ббжать сквозъ чащу: отчаянный трескъ и топанье быстро затихало и умирало вь дали лбса.

Я привсталъ, ощупалъ кругомъ, никого нбтъ, только подо мною лежало что-то теплое, но не живое.

— Севастьянъ! проговорилъ я. Ни какого отклика. Странно.

— Севастьянъ! закричалъ я громко. Опять ни звука.

Баста! этот человек, думаю, или убится при падении, или успеет медведь в лапы и растерзанъ.

На мѣсто прояснившася, радостнаго сознанія, что я спасенъ, опять явилась мысль, что одного изъ насъ нѣтъ въ живыхъ. Главное—у меня не было спичекъ; я не могъ среди этой ужасной тьмы осмотрѣться, и такимъ образомъ сколько нибудь ориентироваться въ мысляхъ и дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, и такъ я сидѣлъ довольно долго, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, что долго, пока мѣсть не выведенъ былъ изъ недоумѣнія знакомымъ мнѣ голосомъ.

— Ишь, проклятые! хоть бы одного поймать за хвостъ... Прятки дожо.

— Про кого ты говоришь Севастьянъ?

— Да про волковъ. Всю корову почестъ слопали, окаянные!

— Да ты куда ходилъ-то?

— Ужь поймаю же котораго... задамъ трезвону!

— Пеужели ты преслѣдовалъ этихъ хищниковъ. Вѣдь они тебя какъ ягненка растерзають... не дадутъ и пикнуть...

— Знаемъ, ужь не одинока учень... На нихъ только смѣлѣе; они и тягу... а то за хвостъ да и о дерево. Зарядъ только зря потерялъ... провели, проклятые...

Мы заигли огонь, и я къ удивленію замѣтилъ, что упалъ на волка, сдѣлавагося жертвою перваго выстрѣла, о которомъ такъ соблаговѣствовалъ Севастьянъ.

Я считалъ, что результатъ охоты былъ болѣе или менѣе счастливый. Однимъ выстрѣломъ повалить волка—не шутка. Но мой спутникъ былъ совсемъ иного мнѣнія. Онъ ругалъ этихъ животныхъ за то, что они „задаромъ слопали“ чужую добычу. „Погляди, почестъ одиѣ кости остались“. А главное ему было досадно, что онъ самъ ошибся и принялъ волковъ за медвѣдя. Что же касается меня, то теперь, когда уже мы спокойно сидимъ у костра, я былъ очень доволенъ, что такъ обошлось счастливо. Еслибы былъ медвѣдь, то, какъ знать? чѣмъ бы это кончилось; тѣмъ болѣе, что наша засада была слишкомъ сомнительной прочности: отъ выстрѣла рухнула. Мы просидѣли до самаго разсвѣта и на зарѣ вернулись въ деревню. Это происходило въ половинѣ сентября, а въ половинѣ октября мнѣ пришлось дѣйствительно испытать медвѣжьей охоту.

Тогда мы добрались до чащи, гдѣ, по словамъ Севастьяна, находилась берлога. Онъ показалъ мнѣ снѣжный бугоръ, изъ-подъ котораго въ разныя стороны торчали сучья. Это и была берлога. Кругомъ въ разныхъ направленіяхъ лежали пни, сваленныя деревья, непролазный ломъ и валежникъ. Все это было прикрито снѣгомъ и представляло какія-то баррикады. Деревья торчали часто одно возлѣ другого и каждый шагъ впередъ приходилось завоевывать, причемъ цѣлыя шапки снѣга валились на насъ

Изъ угла въ уголъ.

Многимъ ли изъ читателей знакомы глукіе закоулки нашихъ столицъ, въ которыхъ гнѣздятся десятки тысячъ человѣческихъ жизней: многіе ли заглядывали хоть изъ простаго любопытства въ эти трущобы; кто знаетъ жизнь убитаго горя и разгульнаго веселья чердаковъ и подваловъ? Конечно немногіе, потому что заглядыванье изъ любопытства не всегда безопасно, а кто жилъ такую жизнь или живетъ, тотъ въ большинствѣ случаевъ молчитъ. Темная жизнь не многорѣчива, а между тѣмъ какая масса людей гомозится въ этихъ высокихъ пяти и шести этажныхъ домахъ, какъ разительно несходны между собой эти этажи, и еслибы только было возможно снять крыши съ этихъ величавыхъ зданій или разрѣзать ихъ пополамъ, какими контрастами поразила бы насъ такая картина. Это была бы въ полномъ смыслѣ смѣсь

.....одеждъ и лицъ,
элементъ, нарѣчій, состояній—

громадныя палаццо, бель-этажи въ 15 — 20 комнатъ, отели и *chambres garnies* съ зеркальными окнами на шумную улицу, приличные комнаты съ окнами на грязный мощный дворъ, маленькія каморки пятого, шестаго этажа, чердаки подъ самой крышей и, наконецъ, углы. Желаетъ остановить вниманіе читателя на помѣщеніяхъ послѣдней категоріи, т. е. на углахъ.

Вѣроятно часто приходилось вамъ читать у воротъ большихъ домовъ лучшихъ петербургскихъ улицъ безграмотныя лоскутки бумаги, нерѣдко прибитые вверхъ ногами, на которыхъ объявлялось, что въ квартирѣ N такой-то сдается *уголъ*. Отыскивая комнату, вы проходили мимо подобныхъ объявленій совершенно равнодушно, развѣ лишь немного досадуя на то, что пришлось понапрасну лишній разъ перейти черезъ улицу. „Сдается уголъ“, „сдается конюшня“—для васъ было безразлично.

И счастливы вы, читатель, если избѣгли горькой участи тѣхъ бѣдняковъ, которые селятся въ такихъ мѣстахъ.

Послушайте одного изъ нихъ, покойнаго литератора А. И. Воронова, который провель нѣсколько мѣсяцевъ среди такой ужасной обстановки и на себѣ испыталъ ея давленіе.

„Квартира,—говоритъ авторъ,—состояла изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одну занимала сама хозяйка, другая отдавалась въ наемъ. Эта послѣдняя была раздѣлена опять на двѣ части чѣмъ-то въ родѣ корридора; каждая часть въ свою очередь дѣлилась еще на двѣ; слѣдовательно, изъ комнаты, предназначавшейся для отдачи въ наемъ, выходило четыре покоя, отдѣленныхъ однимъ

съ деревьевъ. Тутъ и отступленіе невозможно: куда не пойдешь, всюду непреодолимыя преграды... Мною начало овладѣвать то смущеніе, при которомъ падаютъ человѣкъ духомъ. Меня одинъ вопросъ серьезно тревожилъ: а что если въ этой берлогѣ не одинъ, а два, и, можетъ быть, даже три медвѣдя. И это нерѣдко въ этихъ краяхъ... А что, если, съ другой стороны... Въ этотъ моментъ Севастьянъ выстрѣлилъ, чтобы поднять звѣря. Я вздрогнулъ. Вижу, что Севастьянъ отступаетъ по немногу и вытаскиваетъ изъ-за пояса рогатину. Я стоялъ неподвижно, ожидая врага, встрѣча съ которымъ становилась съ каждой минутой неизбежна.

Я попробовалъ предложить свое ружье Севастьяну, но онъ отказался, да я и не успѣлъ бы этого сдѣлать. Въ одно мгновеніе снѣжный холмъ съ трескомъ заколыхался, снѣгъ посыпался въ разныя стороны—и предъ нами словно изъ земли выросъ огромный ростъ, съ просѣдою, медвѣдь и, поднявшійся на заднія лапы, выбиралъ жертву. Медвѣдь было нечего, я выстрѣлилъ два раза—и когда разсѣялся дымъ, увидѣлъ разъяреннаго звѣря предъ собою, и только онъ хотѣлъ ударить меня, какъ острыя спицы рогатины вонзились ему въ животъ. Казалось, что ему остается нѣсколько минутъ жизни, но не прошло и мгновенія, какъ рогатина переломилась и одна половина дровка съ визгомъ летѣла мимо меня... Медвѣдь смялъ моего товарища, и они оба лежали въ снѣгу, обливаясь кровью. Севастьянъ успѣлъ только сказать „помогите“. Я моментально приблизился къ нему и въ упоръ выстрѣлилъ изъ винтовки въ голову медвѣдя и затѣмъ нѣсколькими быстрыми ударами окончательно размозжилъ черепъ животному, которое не успѣло испустить даже ни одного звука.

Первымъ дѣломъ, первую мою мыслью, было—высвободить товарища... Но что это былъ за человѣкъ! Не прошло и двухъ-трехъ секундъ, какъ онъ сталъ непохожъ на самого себя. Тяжелые, мучительные стоны выходили изъ его груди!... Лицо его было обезображено и все въ крови. Я не зналъ, что дѣлать... какъ помочь ему, я былъ безсиленъ, безсиленъ въ самомъ ужасномъ, безнадежномъ смыслѣ этого слова. Я наклонился, чтобы ближе видѣть—какъ и въ какой степени раненъ мой спутникъ, защитившій меня своею грудью отъ смертельнаго удара...

Черезъ нѣсколько часовъ въ первый разъ, быть можетъ, огласился этотъ дѣйствительный гласъ рыданій и причитаній человѣческихъ существъ. Двѣ женскія голоса надъ бездыханнымъ почти трупомъ...

И пришлось намъ неожиданно, негаданно,
Хоронить молодого стрѣлка“...

Н. В. В.—въ.

отъ другого неполной перегородкой—каждый такой покой величина равнялся конюшённому стойлу и въ такой-то тѣсотѣ нерѣдко помѣщались трое и четверо“.

„Я обязался,—разсказываетъ авторъ,—платить за свое помѣщеніе рубль семьдесятъ пять копѣекъ въ мѣсяцъ. Самоохотливая хозяйка долго-долго расхваливала мнѣ мою закуту.“

— Кто же живетъ въ сосѣдствѣ со мной? спросилъ я хозяйку послѣ осмотра новой моей квартиры.

— Да разные...

— То-есть какъ же это *разные*?

— Да ты не бойся, батюшка, у насъ ничего... У насъ этого нѣтъ, чтобы у свонхъ, то-есть... Ни, ни! хоть груды золота навали—не тронуть. На счетъ этого смирусь.

— О, за это-то я не опасаюсь, у меня и взять нечего.

— Ну и ладно, а народъ живетъ все хорошій. Разумѣется въ нашихъ мѣстахъ гдѣ ты его смщенъ человѣка, чтобы на отличку значить. Все маленько есть за нимъ что-то. Но только опять же въ фатерѣ онъ ничего этого...

— То-то, чтобы не слишкомъ безпокоили.

— Итѣ, безпокойства тебѣ не будетъ, потому на дѣву-то руку дѣвица живетъ смиренная, такая пресмирная, вотъ ровно ея и нѣтъ; опять по праву—тамъ старики у меня пушены, дочь у нихъ дѣвочка, да сынъ. Эти тоже ничего. Первая-то старикъ, признаться, баловаль, а теперь, должно, помрять собрался, такъ погине сталь и все изъ него эта слюна бѣжить, такъ бѣжить, что, можетъ, колып ужь ведерь ея вытекло! Насупротивъ опять смирный живетъ, англичанка у его тоже тихая, словно курица какая: когда ежели битъ начнеть, такъ и то она голосу не подаетъ, все больше въ себѣ придерживаетъ“.

Это страница изъ жизни...

Въ чѣмъ проходить жизнь у скученнаго въ этихъ притонахъ люда не трудно догадаться. У него, понятно, есть и свои радости, но онъ болѣею частью и начинаются виномъ, и въ немъ же тонуть.

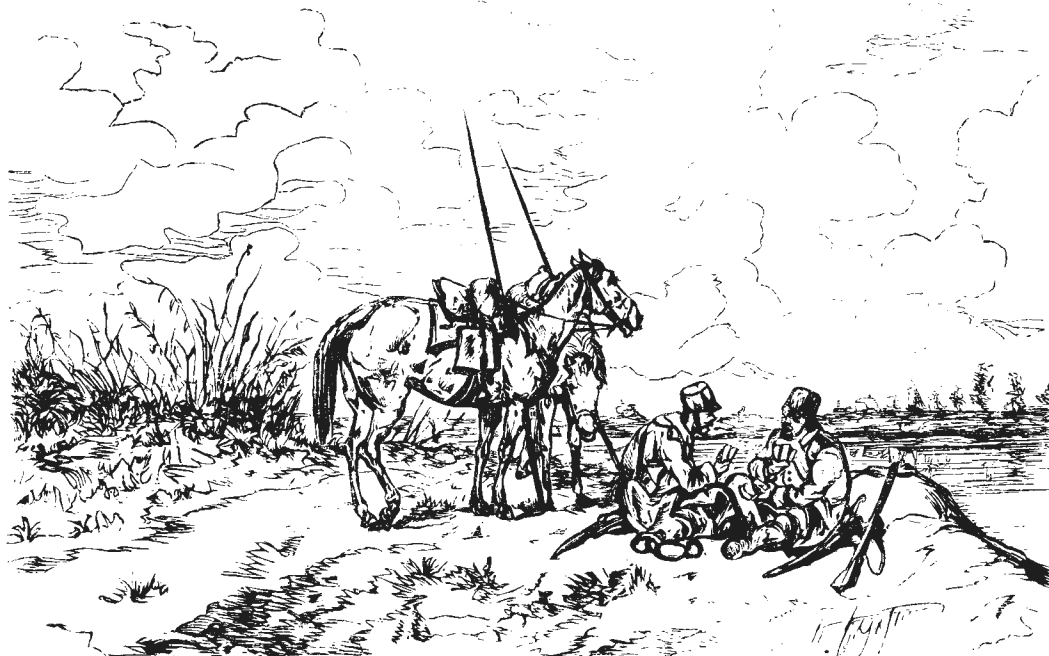
Жизнь складывается въ непрерывное свитанье изъ угла въ уголъ и немного, какъ видите, приходится перетаскивать съ квартиры на квартиру—не велика обстановка.

Какъ все выхваченное безъ прикрасъ изъ дѣйствительной жизни, приложенный рисунокъ заставляетъ о себѣ подумать.

W. W.

Кавалерійскіе развѣзды.

Донцы.

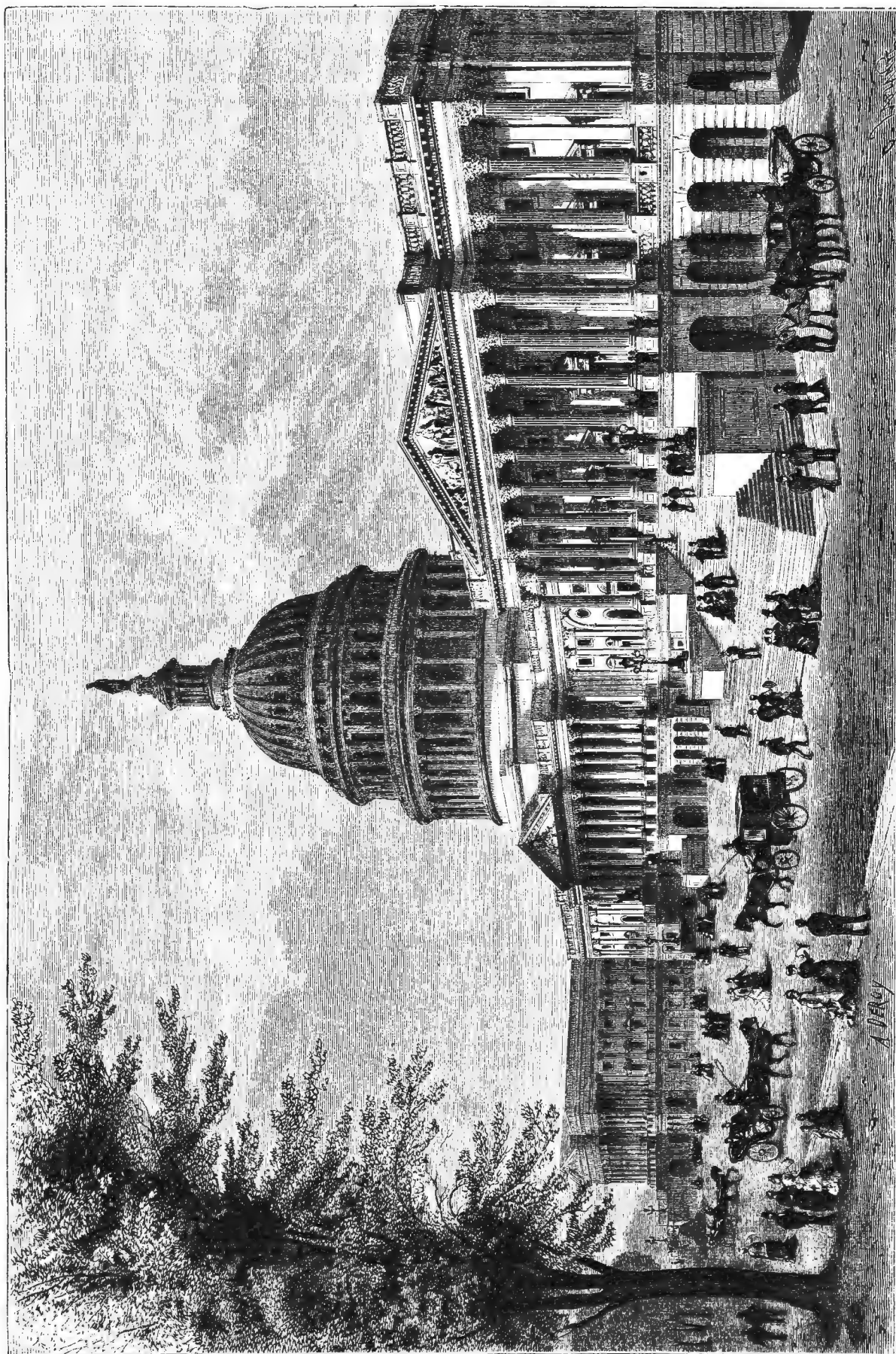
Продолжаемъ знакомить нашихъ читателей со сценами и типами изъ походной жизни. Нашъ специальный корреспондентъ самымъ выборомъ сюжетовъ для своихъ рисунковъ уже даетъ намъ понятіе о томъ, что въ настоящее время его окружаетъ и гдѣ онъ находится. Рѣка Прутъ, на берегахъ которой онъ успѣлъ набросать помѣщаемые въ этомъ № „Нивы“ рисунки, какъ извѣстно, составляетъ притокъ Дуная; начало этой рѣки въ Галиціи, на сѣверо-восточномъ склонѣ Карпатскихъ горъ. Теченіе имѣетъ тамъ она на сѣверъ, потомъ, протекая

Селенцаль.

чрезъ Буковину, идетъ на востокъ и засимъ направляется на югъ.

Рѣка Прутъ въ началѣ имѣетъ очень быстрое теченіе и только въ нижней своей части течетъ медленнѣе и дѣлается удобною для судоходства. Впадаетъ она въ Дунай на востокъ отъ Галаца. Галацъ, какъ извѣстно, важная въ торговомъ отношеніи гавань. Изъ всего этого читатель можетъ сдѣлать выводъ, что нашъ художникъ перемѣнилъ уже изъ Кишинева далѣе на югъ. Рисунки, присланные имъ, съ мѣсто своего пребыванія, послѣдовательно будутъ появляться въ „Нивѣ“.

Капитолій въ Вашингтонѣ. Рис. Лаллажъ, грав. Дерса.

КЪ РИСУНКАМЪ

НОВОРОССИЙСКИЙ РЕЛЬСО-ПРОКАТНЫЙ ЗАВОДЪ.

Въ концѣ шестидесятихъ годовъ въ Лондонѣ образовалось акционерное общество на устройство на югѣ Россіи доменныхъ печей для добыванія чугуна; разумѣется, прежде всего общество удостовѣрилось въ минеральномъ богатствѣ этого края, вълѣдствіе чего, въ 1870 г., устроился въ Бахмутскомъ уѣздѣ (Екатеринос. губ.), при истокѣ р. Калки, рельсо-прокатный заводъ, названный „Новороссійскимъ“. Учредитель и директоръ этого общества, г. Джонъ Юзъ, осматривъ мѣстности этого края, остановился на площади Бахмутскаго уѣзда (въ отношеніи сообщеній), почему, арендовавъ 350 десят. у князя Ливена съ правомъ пользоваться 96 лѣтъ, на остальныхъ 16 тысячахъ его десятинахъ изысканіемъ, принялся за добываніе каменнаго угля, главнаго матеріала для завода. Имѣя же въ виду удобный сбытъ этого горючаго матеріала въ центральныя губерніи Россіи чрезъ Харьковско-Азовскую желѣзную дорогу, отъ которой заводъ отстоитъ въ 25-верстномъ разстояніи, и чрезъ Константиновскую желѣзную дорогу и Мариупольскій портъ, во всю Кубанскую Область, — общество открыло семь шахтъ, изъ которыхъ добывается исключительно полу-антрацитъ; богатство залежей угля въ этой мѣстности изумительно, по увѣренію одного англійскаго инженера, одна такъ называемая „Смолиншновская шахта“ имѣетъ ежедневной работы на тысячу рабочихъ, полагая на каждого сто пудовъ, — эта шахта имѣетъ въ настоящее время 12 верстъ въ протяженіи, по которымъ проложенъ рельсовый путь для вывозки угля.

Весь добываемый уголь, за малымъ исключеніемъ, идетъ на топливо завода и его жилищъ помѣщеній, а часть переправляется на коксъ, который необходимъ для доменной печи. Въ настоящее время рабочихъ шахтарей до полторы тысячи человекъ, поденная плата не превышаетъ 1 руб. 50 коп., ежемѣсячный расходъ завода до ста тысячъ руб.

Постановка двухъ доменныхъ печей (изъ которыхъ работаетъ пока одна), зданія вальцовки съ двумя паровыми молотами и 24 петинговыми и двумя плавильными печами, слесарной мастерской, устройство жилищъ помѣщеній для служащихъ и рабочихъ шахтарей и устройство желѣзной дороги на 12-верстномъ протяженіи до ст. Александровки Константиновской ж. д., — обошлись обществу до 30 миллионъ рублей.

Заводъ вырабатываетъ въ мѣсяцъ до 15 тысячъ 19-фунтовыхъ рельсъ; до текущаго года общество уже приготовило три съ половиною миллиона такихъ рельсъ для русскихъ дорогъ, которымъ обошлись за пудъ по 1 р. 90 к., т. е. за штуку до 25 р. Доменная печь выпускаетъ чугуна ежедневно до двухъ съ половиною тысячъ пуд., для добыванія котораго требуется 1.200 пуд. руды и почти столько же коксу и извести (смотря по качеству руды).

Надо быть очевидцемъ, чтобы подивиться изобрѣтательности человека въ примѣненіи пара въ этомъ производствѣ. Съ какою легкостью и математическою точностью работаетъ здѣсь эта сила! — Тамъ, гдѣ мускульной пришлось-бы работать цѣлые дни, — паровое приспособленіе рѣшаетъ мгновенно всю задачу.

Скажемъ нѣсколько словъ о работахъ. Прежде всего о доменной печи. Доменная печь имѣетъ видъ усѣченного конуса. Четыре колосальныхъ паровыхъ котла ежеминутно работаютъ при столькихъ же воздушныхъ насосахъ для панора воздуха, который проведенъ общемою трубою въ колосники печи; еще за нѣсколько десятковъ саженей вы слышите оглушительные удары клапановъ насоса; это — поддувало для увеличиванія силы огня. Печь имѣетъ внизу два отверстія, которыя замазываются и затѣмъ пробиваются, какъ только окажется достаточно количество чугуна, другое же отверстие служитъ для выхода шлака. Чугунъ, вытекающій изъ упомянутого отверстия, идетъ по приготовленному просто изъ глины желобу въ видѣ цилиндра; какъ только чугунъ готовъ, его кладутъ по 30 п. въ петинговую печь, перемѣшивая до тѣхъ поръ, пока не вытекаетъ изъ него шлакъ, затѣмъ эту массу берутъ подъ паровой молотъ; молотъ, такъ сказать, выбиваетъ остальную шлакъ, придавъ ей видъ параллелограмма; эту еще грубую форму берутъ къ вальцовкѣ. Здѣсь ее прокатываютъ между двумя горизонтально лежащими желѣзными валами, образуя уже совершенно тонкую пластину длиною до 20 и болѣе футъ; порѣзавъ эту пластину, по принятой уже разъ на всегда мѣрѣ, и подбавивъ къ этимъ уже пластинкамъ куски стараго желѣза, кладутъ въ плавильную печь, откуда сваренныя эти пластины образуютъ одно цѣлое той же формы параллелограмма и затѣмъ начинаютъ прокатывать до тѣхъ поръ, пока изъ грубаго куска не образуется рельсъ, который рѣжутъ по размѣру, выправляютъ и кладутъ въ штабы.

Непознать замѣтитъ нѣсколько словъ объ административныхъ порядкахъ Новороссійскаго завода, который весь въ рукахъ „кровныхъ“ англичанъ. Отъ директора, механика до простого слесаря — вы не найдете ни одного русскаго; а если и попадется сюда русскій человекъ, то на него поглядываютъ искоса. Конечно, нельзя объ этомъ не пожалѣть.

НУ-КА ПОПЛЯШИ!

(Картина Келлера).

Старый холостякъ почувствовалъ на закатѣ дней своихъ скуку одиночества. Бывало, въ прежніе, молодые годы, забросивъ за плеча свою винтовку, онъ рыскалъ цѣлые дни по лѣсамъ и болотамъ. Вѣрный пестъ его, своимъ звизгивающимъ лаемъ, приводилъ въ жгучій трепетъ его охотничье сердце. Такъ проходили дни за днями, годы за годами, и пришло такое время, когда охотничьи прогулки по лѣсамъ потеряли свою прелесть. Старикъ холостякъ хандритъ по недѣлямъ и не заглядываетъ въ лѣсъ... Во время скучнаго одиночнаго завтрака или обѣда стараго холостяка развлекаетъ его „Жучка“, да и то, впрочемъ, изъ своекорыстныхъ видовъ. Если скучный хозяинъ не обращаетъ на нее вниманія, она приподнимается на заднихъ лапахъ, сдѣлаетъ прыжокъ, обернется кругомъ, тяфлетъ и снова, какъ солдатъ, стоитъ во фронтѣ, и такимъ образомъ выведетъ его изъ задумчивости, а передко совѣмъ развлекаетъ его, въ особенности когда онъ дразнитъ ее кускомъ сахара, приговаривая: „а ну-ка, попляши!“

КАПИТОЛИЙ ВЪ ВАШИНГТОНѢ.

Национальная столица Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, городъ Вашингтонъ, расположена на берегу рѣки Потомака, въ маленькомъ округѣ Колумбін. Мѣсто это избрано конгрессомъ въ 1790 г. по предложенію Вашингтона, основателя единства штатовъ, перваго президента республики. Городъ не представляетъ ни торговыхъ, ни промышленныхъ удобствъ и существуетъ, можно сказать, единственно для собраній конгресса. Онъ раскинулся довольно широко, такъ что американцы шутя называютъ его городомъ прекрасныхъ размѣровъ. Въ немъ считается до 75 тысячъ жителей, но тѣмъ не менѣе широкія его улицы пусты, а дома разбросаны рѣдко. Въ разныхъ концахъ города высятся съ сотнями колоннъ огромныя бѣлыя зданія всевозможнѣйшихъ стилей: все это правительственныя постройки. Между ними первое мѣсто принадлежитъ бесспорно Капитолю *) какъ по изящной, строго классической архитектурѣ коринтскаго стиля, такъ и по тому значенію, что въ немъ происходятъ засѣданія конгресса. Капитолий построенъ на холмѣ; его высокій куполъ украшенъ огромной статуей свободы, напоминающей одно изъ чудесъ древняго міра: статуя отъ пагубнаго солнца измѣняетъ свое вертикальное положеніе, отклоняясь около полудня на 4 дюйма въ своей верхней части. Передній фронтонъ Капитолия, съ широкимъ порталомъ и лѣтницей, обращенъ на западъ, къ улицѣ Пенсильванія-авеню, на другомъ концѣ которой стоитъ Бѣлый Домъ, скромное двухъ-этажное жилище президента. Зданіе Капитолия поражаетъ своею грандіозностью: длина его 107 саженъ, а высота 41 саженъ, считая отъ основанія до верха купола. Прилагаемый здѣсь рисунокъ представляетъ Капитолий съ этой стороны.

Въ самомъ центрѣ зданія находится обширная ротонда, до 14 саженъ высоты, при такомъ же диаметрѣ; простыя стѣны ея украшены 8 большими картинами, содержаніе которыхъ взято изъ исторіи Америки. Такъ, одна изъ нихъ изображаетъ высадку Колумба; другая — прибытіе отцевъ-пилигримовъ въ Новый Свѣтъ; третья — открытіе Миссисипи Фернадомъ де-Стоємъ и проч. Болѣе всѣхъ отличается по своей живописной картинѣ, изображающей объявленіе независимости Штатовъ. Изъ ротонды идутъ 4 выхода, надъ которыми находятся 4 барельефа. Надъ сѣверной дверью, ведущей въ Палату Сената, представленъ Уильямъ Пенъ, заключающій условіе съ индѣйцами о приобритеніи у нихъ земель для переселенцевъ. Надъ противоположною дверью, которая ведетъ въ Палату Представителей, изображенъ герой и пионеръ кентукскій, Даниэль Бунъ, въ борьбѣ съ индѣйцами. Надъ восточною дверью представленъ первый шагъ пилигримовъ по прибытіи въ Новый Свѣтъ: дикій подаетъ прившему съ семействомъ блѣлому плодъ манса, какъ знакъ дружбы и гостепримства. Барельефъ надъ западной дверью представляетъ избавленіе капитана Смита индѣйскою княжною Покахонтго отъ убійства его дикими.

Зала Сената имѣетъ въ длину болѣе 10, а въ высоту 6 саж. Амфитеатромъ расположены въ ней мѣста для сенаторовъ. У каждого изъ нихъ своя контора, а въ центрѣ — возвышенное мѣсто для президента Сената, которое по правилу принадлежитъ Вице-Президенту Штатовъ. Зрители имѣютъ помѣщеніе на хорахъ; корреспонденты газетъ и члены дипломатическаго корпуса — внизу, на особыхъ мѣстахъ. Зала очень красива, драпирована краснымъ, потолокъ поддерживается колоннами, и маленькій куполъ пропускаетъ свѣтъ сверху. Большой портретъ Вашингтона украшаетъ залу и какъ бы говоритъ присутствующимъ слова завѣщанія, которое оставилъ согражданимъ

*) Названіе „Капитолий“, взятое съ римской цитадели, получило изъ *capit* (голова) и *tolius* (соб. имя), потому что при рытіи фундамента для цитадели была найдена голова римлянина Толя.

этот Patriae Pater: „сохраните искреннюю, непоколебимую любовь къ союзу, къ *своему* правленію, сплотившему васъ въ одинъ цѣльный народъ. Единство—самый надежный краеугольный камень вашей независимости“...

Зала Палаты Представителей напоминает собою древнегреческій театр, съ 24 вокругъ мраморными колоннами и изицинымъ куполомъ. Она больше Сената, потому что число членовъ, заседающихъ въ ней, гораздо больше. Длина ея достигаетъ почти 14 сажень, а высота болѣе 8. Всѣ мѣста народныхъ Представителей сгруппированы около мѣста президента, который здѣсь называется спикеръ. Надъ нимъ, въ виду всѣхъ членовъ собранія, статуя Свободы; напротивъ—статуя Исторіи, вносящей въ книгу событія. Она стоитъ на колесницѣ, въ окрыленномъ колесѣ которой вѣданы часы. Хоры образуютъ огромный уступъ или этажъ, открытый въ задъ; они могутъ вмѣстить болѣе 3,000 человекъ зрителей. Мѣста представителей, состояща изъ креселъ съ конторками при нихъ, раздѣляются широкимъ проходомъ на двѣ стороны: одна занята членами республиканской партіи, другая—демократической. Демократы ставятъ основнымъ началомъ самодержавіе отдѣльныхъ штатовъ до пожертвованія цѣлостью союза; а республиканцы же—самодержавіе всего народа и цѣлость союза.

Сенатъ съ Палатой Представителей и составляютъ собою конгрессъ, которому принадлежитъ законодательная власть. Конгрессъ собирается въ первый понедѣльникъ декабря мѣсяца каждаго года. Всякій штатъ непременно посылаетъ въ него отъ себя двухъ сенаторовъ и по одному представителю на каждыя 100 тысячъ населенія. Такимъ образомъ, Сенатъ представляетъ собою коллективную личность федераціи Штатовъ; Палата Представителей выражаетъ собою всю націю республики. Дѣла на конгрессѣ производятся такимъ порядкомъ: всѣ проекты законовъ (биллы) должны сначала пройти черезъ Палату Представителей и Сенатъ, потомъ поступить на одобреніе Президента Штатовъ. Если Президентъ не согласенъ съ билломъ, то возвращаетъ его въ ту палату, гдѣ получилъ онъ свое начало. Послѣ этого онъ проходитъ снова черезъ обѣ палаты

и, если двѣ трети той и другой Принимаютъ его, обращается въ законъ, не смотря на возраженіе Президента. Кромѣ того, если какой-нибудь биллъ, представленный президенту, не будетъ отъ него возвращенъ въ теченіи 10 дней, то онъ становится закономъ, хоть бы и не получилъ согласія Президента. Палата Представителей имѣетъ право призывать къ суду каждаго общественнаго чиновника не исключая и самаго Президента республики; но Сенатъ можетъ осудить только по приговору двухъ третей наличнаго числа членовъ.

Президентъ Штатовъ, которому принадлежитъ исполнительная власть, избирается такимъ образомъ: каждый штатъ, по распоряженію своей законодательной власти, выставляетъ такое число избирателей на президентство, которое равно числу сенаторовъ и представителей, посылаемыхъ этимъ штатомъ на конгрессъ. Потомъ избиратели, въ каждомъ штатѣ, подаютъ посредствомъ баллотировки голоса въ пользу двухъ лицъ (кандидатовъ на Президента и Вице-Президента). Затѣмъ они должны составить списокъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, въ пользу которыхъ подаютъ голоса, и противъ каждаго отмѣтить число голосовъ. Подписанные и провѣренные списки эти отправляются къ Президенту Сената, который вскрываетъ ихъ въ присутствіи Сената и Палаты Представителей и считаетъ голоса... Такъ какъ при избраніи Президента Штатовъ происходитъ всегда ожесточенная борьба между сказанными двумя партіями, то результатомъ побѣды той или другой партіи бываетъ всегда сдѣла всѣхъ чиновниковъ побѣжденной партіи: Президентъ награждаетъ должностями союзнаго правительства своихъ сторонниковъ и такимъ образомъ является весь новый административный персоналъ, заключающій въ себѣ до 50 тысячъ человекъ. Это называется въ американской республикѣ *системою очищенія*. Въ настоящее время, какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ изъ политическаго обозрѣнія, ежедневно помѣщаемого въ „Нивѣ“, въ Вашингтонѣ производится повѣрка голосовъ по выбору Президента. О результатахъ этой повѣрки можно имѣть свидѣнія изъ обозрѣній, помѣщенныхъ въ этомъ и предъидущемъ номерахъ „Нивы“.

Волна.

(Изъ Томаса Мура).

Посмотри—волна клубится пѣной
Подъ лучами ласковой луны,
И блеститъ, какъ камень драгоценный,
Разлилась—и больше нѣтъ волны.

* * *

Человѣкъ—волна въ житнейскомъ морѣ:
На мгновеніе вспрягнетъ и блеснетъ,
И какъ этотъ валъ въ морскомъ просторѣ—
Въ океанѣ жизни пронадетъ.

Г—чѣ.

Библиографія.

Гимнастика въ вопросахъ и отвѣтахъ. ея исторія, цѣль и польза. Для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій, состав. К. А. Шмидтъ. СПб. 1876 года.

Хотя гимнастика въ Россіи уже давно занята мѣсто между воспитательными предметами, но еще и теперь между публикою и учащеюся молодежью встрѣчаются субъекты, которые относятся къ гимнастикѣ съ непониманіемъ ея пользы. Исторію гимнастики и значеніе ея въ древности—большинство даже образованныхъ людей не считаютъ нужнымъ прослѣдить, а учащаяся

молодежь вълѣдствіе этого, тоже занимается гимнастикой лишь потому, что она входитъ въ программу воспитанія.

Чтобы въ обществѣ и учебныхъ заведеніяхъ имѣлось болѣе правильное понятіе о гимнастикѣ и ея происхожденіи, К. А. Шмидтъ принялъ на себя трудъ изложить кратко, ясно и популярно въ вопросахъ и отвѣтахъ тѣ стороны гимнастики, которыя болѣе всего понимаются и объясняются неправильно. Нельзя не пожелать этой книжкѣ успѣха, тѣмъ болѣе что и цѣна ея (30 коп.) весьма умѣренная.

Политическое обозрѣніе.

Между Портою и Сербіей установилось окончательно *солгтшеніе* относительно того, чтобы мирныя условія были подписаны 16-го (28-го) февраля. Условенныя съ Портою основныя мѣра приняты великою скупщиною, послѣ чего она, по выполненіи лежавшей на ней задачи, закрыта. О ратификаціи мирныхъ условій скупщиною уже сообщено въ Константинополь. Въ протоколѣ соглашенія упомянуто о сохраненіи Status quo, объ амнистіи и очищеніи сербской территоріи турецкими войсками въ 12-ти-дневный срокъ. Вслѣдъ затѣмъ Сербія препроводитъ Портѣ ноту съ изложеніемъ гарантій (т. е. ручательствъ, что всѣ предписываемыя Сербіи Портою условія будутъ удовлетворены) именно: о постановкѣ оттоманскаго флага рядомъ съ сербскимъ, объ урваніи евреевъ въ правахъ съ сербами, о воспрещеніи формировать вооруженныя банды, возводить новыя укрѣпленія и учреждать враждебныя Турціи тайныя общества, но въ протоколѣ опущены пункты, касающіеся водворенія оттоманскаго комиссара и вопроса о Зворникѣ. Султанъ издаетъ особый фирманъ касательно этихъ мирныхъ соглашеній. Существенные пункты этого фирмана еще неизвѣстны. Затѣмъ, что касается своихъ отношеній къ великимъ державамъ, требующимъ гарантій исполненія обѣщанныхъ Турціей реформъ на Балканѣ, то Порга требуетъ отъ державъ для выполненія плана реформъ трехлѣтняго срока и при этомъ Порга обязывается, въ случаѣ неудачи системы реформъ, принять въ концѣ означен-

наго срока (трехлѣтія) предложенныя державами гарантіи (!?).

Горькая иронія, какъ видитъ читатель, дышетъ во всемъ этомъ. Посудите, въ самомъ дѣлѣ: три года нужны Портѣ, чтобы обдумать весьма простую вещь—дать человѣческія права играющимъ, и доселѣ играющимъ роль рабочаго скота балканскимъ христіанамъ!.. Мы думаемъ, что не только три года, но даже тридцать три года недостаточны Портѣ для осуществленія реформъ. Съ одной стороны отъ этого полудикаго государства нельзя ничего и требовать, кромѣ громкихъ хвастливыхъ фразъ на бумагѣ; это подтверждается и историческими доказательствами: давались Портѣ сроки и прежде, и тоже для введенія реформъ—именно въ 1829, 1856, 1861 и 1869 годахъ. Что-жъ она сдѣлала? ровно ничего. Пошумѣла, похрихтывалась и опять за старое! Съ другой стороны, было бы странно не видѣть настоящаго характера борьбы между славянами и турками; настоящее право славянъ простирается не на какія-нибудь нищенскія реформы, а на самостоятельную культуру, на участіе въ общечеловѣческой цивилизаціи. Если право славянъ не таково, если оно меньше, то стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, и хлопотать объ освобожденіи славянъ? Минувшая сербская война, какъ мы знаемъ, началась «во имя цивилизаціи» *). И это не фраза, а глубокая правда, которая по естественному порядку вещей и придавала вой-

*) Слова маиньства князя Милана.

из такой ожесточенный характеръ; отъ того-то всякій не предубиженный въ пользу турокъ европеецъ отнесся съ сочувствіемъ къ сербамъ и тому принципу, во имя котораго велась война. Могутъ обвинять сербовъ въ недостаткѣ мужества, но война сербская все-таки безсмертна, по мужеству и великому историческому значенію провозглашеннаго ею принципа. Какъ въ нашей исторіи Куликовская битва важна не сама по себѣ, а по одушевлявшей эту битву идее—изгнанія татаръ, такое же значеніе, хотя и при другихъ результатахъ, имѣетъ и минувшая сербская война. Поэтому-то совершенно права сербская газета «Истокъ», говоря, что «самоотверженная война, предпринятая Сербіей, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться безплодною для дѣла балканскихъ славянъ».

Какъ отнесется общественное мнѣніе Европы къ только что совершившейся новой дерзкой выходкѣ Нортъ противъ великихъ державъ (потому что требованіе трехлѣтней отсрочки нельзя иначе назвать, какъ дерзостью), мы не знаемъ, т. е., говоря точнѣе, мы не можемъ предугадать тѣхъ внѣшнихъ проявленій, которыя явятся результатомъ общаго настроенія въ Европѣ. Въ политикѣ мы не видимъ внутреннихъ движущихъ колесъ, а видимъ только результаты ихъ дѣйствій, часто совсѣмъ неожиданные. Сколько подпольной работы употребляла Англія для поддержанія чести и достоинства Турціи—это извѣстно только британскимъ государственнымъ людямъ вообще и сэру Биконсфильду въ особенности. Можетъ быть, все поражающее неожиданности въ обще-европейской политикѣ нужно приписать подпольной работѣ Англіи. Это покажетъ уже впоследствии исторія.

Черногорія согласилась на формальное продленіе мира съ Турціей на 20 дней. Въ пятницу 18 февраля (2 марта) должны прѣхать въ Константинополь Черногорскіе делегаты. Великій визирь Эдемъ-паша заявилъ уже Черногоріи о продолженіи перемирія официально.

— Изъ Америки получены извѣстія, что Палата представителей, обсуждая постановленія повѣрочной по выборамъ комисіи, недавно отвергла большинствомъ 172 голосовъ противъ 99, постановленіе комисіи, въ силу котораго голоса Луизианы считаются поданными за Гейза. Однакожъ, все таки, постановленіе комисіи остается въ силѣ. Далѣе, въ общемъ засѣданіи и Сенатъ, и Палата Представителей признали правильными голосованіями штатовъ, до Мичигана (разсмотрѣніе голосованій итд въ алфавитномъ порядкѣ). Относительно Мичигана, депутаты оспаривали право избираемости одного изъ выборщиковъ. Сенатъ отвергъ предложенія демократовъ; Палата Представителей рѣшила также признать правильнымъ голосованіе Мичигана. Затѣмъ, въ соединенномъ засѣданіи Сената и Палаты, была признана правильность голосованій и другихъ штатовъ, кромѣ Невады. По поводу этого послѣдняго демократы представили свои возраженія. Есть уже извѣстія, что Сенатъ отвергъ возраженія, представленныя противъ голосованія штата Невады.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Лубны, И. С. М — о. Ваше «пророчество» заслуживаетъ вниманіе, какъ образецъ подбора словъ, трудныхъ для произношенія:

Въ водахъ средиземнаго моря
Теченье теченью перечалъ...

Это, пожалуй, такъ же не легко выговорить, какъ напрямѣръ: „шять колѣвък не по-колѣвакскіи“.

СОДЕРЖАНІЕ. Салонъ времени Людовика XVI (съ рисункомъ). — Во тѣмъ. (Современная петербургская быль). (Окончаніе). Г.—а С—наго. — Охота на медвѣдя (съ рисункомъ). Н. В. Б.—ва. — Изъ угла въ уголъ (съ рисункомъ). W. W.—На берегахъ р. Пруга, сцены и типы изъ походной жизни (съ 3-ми рисунками). Н. Назарина. — Новороссійскій рельсо-прокатный заводъ (съ рисункомъ). — Нука поплини! (картина Беллера) (съ рисункомъ). — Капитолій въ Вашингтонѣ (съ рисункомъ). — Волна (Изъ Томаса Мура). (Стихотвореніе). Г.—а. — Библиографія. — Политическое обозрѣніе. — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА А. САФОНОВА,

Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 88.

- Выдастъ ссуды подъ проц. бумаги и акціи
- Выдастъ дополнителныя ссуды по банковымъ копіямъ съ обязательствъ, съ перезаключеніемъ бумагъ въ конторѣ.
- Учитываетъ до срока купоны и вышедшія въ тарачѣ бумаги.
- Продажа 5% съ выигрыш. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по 20 р. за билетъ, страхованіе билетовъ обоихъ внутреннихъ съ выигрышными займами
- По 25 коп. за билетъ.
- Отъ гг. иногородныхъ, включая почтовые расходы
- По 35 коп. за билетъ.
- Гербовый сборъ, 5 коп., со страховой квитанціи уплачивается страхователями.
- съ биржевыхъ и банкирскихъ операціи по покупке, продажѣ и залогу бумагъ отъ гг. иногородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.
- Подробную програму операцій можно получить въ Конторѣ. 1-1

Патентованный
англійскій
ВОЙЛОЧНЫЙ
КРОВЕЛЬНЫЙ
ТОЛЬ

Фабрики М. Тиръ и К° въ Вальфастѣ получили награжденіе медалью на всемирной выставкѣ въ Филадельфи. Рекомендуются гг. домовладельцамъ, фабрикантамъ, сельскимъ хозяевамъ и пр. Продается въ конторахъ Л. З. Нубаричъ, въ С.-Петербургѣ по Галерной № 33, въ Москвѣ по Мясницкой въ д. церкви Св. Николая.
Кусокъ 36 1/2 кв. аршинъ, вѣсомъ 1 п. 32 ф. стоитъ въ СПб. 5 р. 65 к. въ Москвѣ 6 р. 50 к. Перевозъ по желѣзнымъ дорогамъ обходится отъ 1/2 до 1/4 к. съ пуда и съ версты. Образцы и подробное описаніе высылаются бесплатно по первому требованію. Корреспонденція на всѣхъ языкахъ.

ИНЖЕНЕРЪ

Инжедръ, окончившій курсъ академіи, 30 лѣтъ, бывшій послѣдніе 3 года желѣзно-дорожнымъ инженеромъ англійскаго правительства при мѣстѣ Добрая Надежда, ищетъ мѣста въ Россіи. Имѣются хорошія рекомендаціи. Предложенія подъ лит. R. A. принимаетъ Ed. Pierer въ Clausthal (въ Пруссіи, въ провинціи Ганновера) 2-1

близъ Гороховой ул., № 8 и Владимирская, прот.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линия, № 56.

Товарищество Чежберсъ и К°.

Магазинъ: Адмир. плоч., Среднеиной, № 8.

Небольшой новый желѣзный винтовой пароходъ 17 футовъ длины, 5 футовъ ширины, 1 1/2 ф. въ водѣ и который легко можетъ быть перевезенъ по желѣзной дорогѣ, продается за дешую цѣну 1,200 р. с.; адресоваться: къ Фридриху Штейнхену, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 4 линия, домъ № 9. 1-1

Черноземное имѣніе до 1400 дес., близъ Волги и Самары, въ 48 вер. отъ станціи Оренбургской желѣзной дороги, съ новою усадьбою и всею движимостью, строениями и дроякимъ лѣсомъ, водною мельницею, съ переводомъ Банковаго долга, приносящее до 5-ти тысячъ руб. чистаго дохода, продается безъ комиссіонеровъ за пятьдесятъ тысячъ руб. Адресовать: Самарскаго уѣзда на станцію Красный Яръ, а отътуда въ деревню Николаевку, Владиміру Петровичу Березину. 1-1

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ“

Педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ. 31 января вышелъ 1 №. Содержаніе: 1) Больше свѣта (по поводу статьи А. Градовскаго «Значеніе идеала въ общественной жизни») В. Острогорскаго. 2) Фенологія (матеріалы взглядовъ на вопросъ о воспитаніи и образованіи женщинъ) Б. Павловича. 3) Про дѣтей и за дѣтей (очерки изъ школьной жизни) Е. Сеѣшиной. 4) Изъ иностранной педагогической литературы (равенство просвѣщенія).—Общественное образованіе въ Швеціи, Норвегій и Даніи.—Женщина и ея дѣятельность. 5) Педагогическая хроника (Общество покровленія о малолѣтнихъ дѣтяхъ.—Родительское соудѣйствіе школѣ и др.). 6) Библиографія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ, т. е. за 10 №№ журнала и двѣ книжки приложений (Сборникъ статей для учащихся).—2 р. 50 к., съ доставкою 3 р. съ пересылкою 3 р. 50 коп.

ПОДПИСА ПРИНИМАЕТСЯ въ кни. магазинѣ Колосова и Михина въ Гостинномъ дворѣ, № 23; въ «Русской книжной торговлѣ» на Н.-вскомъ пр. и др. и въ главной конторѣ редакціи (Васильевскій островъ, 9 лин. д. № 6) 1-1
Редакторъ-издатель В. Сиповскій.

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“

Педагогическій журналъ, бывшій «Дѣтскій садъ»
Въ 1877 г. редакція будетъ продолжать изданіе въ направленіи, принятомъ ею съ 1876 г., придавая своему изданію преимущественно психологическій характеръ. Правильное практическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда выяснена теорія. Основаніемъ теоріи воспитанія служатъ психологія. Редакція основаніемъ своимъ приняла новѣйшую психологическую теорію. Подъ практикою понимается, не слѣзное подражаніе иміной педагогическѣ, пустыя тѣмъ глубокіе корни въ нашей школѣ и педагогической литературѣ, но стройное развитіе нравственнаго чувства и интеллектуальныхъ способностей ребенка. Въ приложеніи помѣщаются статьи для дѣтскаго чтенія, что составляетъ въ концѣ года два сборника для дѣтей старшаго и младшаго возраста. Для младшаго приложенія будутъ рисунки. Въ журналѣ принимаются участіе М. Артемьева (псевдонимъ), Е. Бороздина, С. Б.—ва Е. Конради, А. Михайловъ, О. Попова, В. Португаловъ, И. Суриновъ, С. Самойловичъ, Н. Ш. и др. Съ 77 г. журналъ выходитъ въ увеличенномъ объемѣ отъ 5 листовъ и болѣе большого формата. Цѣна та же 4 р. 50 к. безъ доставки, 5 р. съ пересылкой и доставкой по почте. Подписка принимается: Галерная д. 46, кв. 7 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Гг. иногородныхъ подписчиковъ просимъ обращаться преимущественно въ редакцію.
Тамъ же продаются дѣтскія книги: Сборникъ журнала «Дѣтскій садъ» Т. I. для старшаго возраста ц. 1 р. 25 к., въ папѣ 1 р. 40 к., въ изощр. переплетѣ 1 р. 75 к. Т. II. для младшаго возраста съ рисунками, 1 р. 20 к., въ папѣ 1 р. 35 к., въ переплетѣ 1 р. 70, Быль и вымыселъ сборникъ М. Цебриковой для старшаго возраста цѣна 1 р., въ переплетѣ 1 р. 50 коп. 1-1

Въ музыкальномъ магазинѣ «Фр. Паздрекъ» въ Москвѣ, на Б. Лубянкѣ, въ докѣ Мазурной поступили въ продажу: **9 томовъ** заключающихъ **83 наиболее любимыхъ пьесъ** для фортепьяно въ 2 руки извѣстнѣйшихъ композиторовъ, а именно: Ardti, Beatzewska Beethoven, Cramer, Fesca, Goria, Iungmann, Ketterer, Kantski, Krüger, Lefebure-Wely, Leybach, Litolf, Richards, Spindler, Sutter, Wallace, Wollenhaupt, и многихъ другихъ. Всѣ пьесы средней трудности. Изданіе очень исправное, крупное и красивое. Отдѣльно эти пьесы стоятъ около 30 рублей.
Цѣна всѣхъ 9 томовъ съ пересылкою 6 руб.
Каждый томъ отдѣльно 75 коп. и 15 коп. на пересылку.

Въ № 4 журнала «Нивы» въ объявленіи музыкальной торговли «Фр Паздрекъ» вкрадлась ошибка, а именно: полныя оперетки въ роскошномъ изданіи «вопоздно» (пропущено было) для фортепьяно въ 2 руки.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми М. Синткина. Книга для матерей и воспитателей. Цѣна 1 р. 50 к. У книгопродавцевъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ у Соловьева. Складъ въ квартирѣ автора Максимовской улицѣ пер. д. Воронина № 1—13 кв. № 48. Книгопродавцамъ уступка. Пересылка за 2 фунта по разстоянію. 3-1

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 10

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 7 Марта 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 26 к.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ: 4 р. II. Съ доставкой въ С.-Петербургъ 5 р. III. Безъ доставки въ Москву: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднимъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1877 году.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за МАРТЪ съ 29 рисунками и большой листъ съ 25 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и „съ 12 рис. руководѣн. работъ и съ разнообразными буквами для мѣтки бѣлья“.

ВѢЧНАЯ ТКАНЬ.

(Н. Н. СТРАХОВУ).

Ткань природы міровая —
Риза Божья, можетъ быть...
Есть этой ризѣ, я — живая
Я непорванная нить.
Нить идетъ, трепещетъ, бьется,
И ужь если оборвется —
Никакіе мудрецы
Не сведутъ ея концы.
Вѣчный ткачъ ихъ такъ запрячетъ,
Что (— пускай кто хочетъ плачетъ!)
Нити порванной опять
Не найти и не связать...

Рис. Шарлери, грав. Паннемакеръ.

ССРЕДОТОЧИЛАСЬ.

(Эскизъ съ НАТУРЫ).

Зинаида Сергѣевна рассказывала по своей комнатѣ изъ угла въ уголь, неслышно ступая сапожками по мягкому персидскому ковру.

Это была чрезвычайно симпатичная брюнетка, небольшого роста, но стройная, съ черными какъ уголь глазами, мягко очерченными губами и вздернутымъ носикомъ. Ей только что минуло двадцать лѣтъ и она была, что называется, въ полномъ цвѣтѣ. Черное, ловко сшитое платье, вѣрно охватывая ея гибкую, изящ-

ную талию и упругую грудь, красивыми складками скатывалось внизъ, слегка шурша по ковру маленькимъ шлейфомъ, а черная бархатка на шеѣ, украшенная миниатюрной брильянтовой звѣздочкой, придавала еще болѣе прелести ея матовому личику.

Въ настоящее время она говѣетъ вмѣстѣ съ своей мамашей, и мы застаемъ ее рассказывающей по комнатѣ въ пять часовъ вечера, какъ разъ передъ всею ночью, послѣ которой должна была произойти исповѣдь.

Я. П. Полонскій.

Она ходитъ по комнатѣ, изрѣдка останавливаясь передъ окошкомъ. Видъ не изъ важныхъ: мокрая, вся въ выбоинахъ мостовая, съ мутно-желтыми лужами, поверхъ которыхъ вспрыгиваютъ и лопаются пузыри; сырыя стѣны необъятныхъ каменныхъ домовъ напротивъ; собака, совершенно безцѣльно сидящая на тротуарѣ, — и надо всѣмъ этимъ маленькій клочокъ грязнаго петербургскаго неба, — вотъ и все. Рѣдкіе прохожіе такіе мрачные, угрюмые, углубленные въ самихъ себя, съ такими великопостными физиономіями... На улицѣ такъ гадко, мокро, сыро, а дома такъ тепло, уютно, мягко.

Зинаида Сергѣевна оглянулась на свой кабинетикъ и отошла отъ окна. Какъ хорошо у меня, подумала она, и взгляды ея скользнули по растеніямъ, портъерамъ, кресламъ и остановились на голубомъ, висящемъ съ потолка фонарѣ.

Она опустила на отоманъ.

— Что бишь мнѣ такое сдѣлать надо, — мелькнуло у нея въ головѣ. Я чѣмъ-то хотѣла заняться послѣ обѣда?.. Что-то нужное... Да—а! вспомнила: нужно *сосредоточиться*. Сегодня, послѣ обѣда, отецъ Федоръ проповѣдь читалъ: говорить—сосредоточьтесь сами въ себя, откиньте всю суету мірскую, зрѣло обдумайте всѣ грѣхи ваши.

Она откинулась на спинку и полузакрываетъ глаза. Сосредоточиться... повторила она и остановилась; какъ эти постные обѣды мнѣ противны, постоянно отъ нихъ во рту это... неприятное—сосредоточиться... Но какіе же у меня могутъ быть грѣхи?.. Иногда скажешь чтонибудь рѣзкое маман, да вѣдь сейчасъ-же и извинишься. Кокетничаю я иногда немножко, но о кокетствѣ въ заповѣдяхъ ничего не сказано... Нѣтъ, надо серьезно собраться съ мыслями...

Она рѣшительно встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ. „Я думаю, что“... Взоръ ея упалъ на овальное зеркало, красиво притаившееся среди густыхъ складокъ кружевной обшивки туалета. Смуглое, милое личико все отдалось въ немъ. Она ступила еще два шага и опустилась на табуретъ передъ зеркаломъ.

— Я сегодня немножко блѣдновата, — промолвила она, вглядываясь въ свое отраженіе, — впрочемъ, это ко мнѣ идетъ. Она нѣсколько откинулась въ сторону, слегка наклонила голову и полуоткрыла ротъ... А у меня зубы недурны, не то что у Лели... И носъ у меня лучше, правильнѣе, не то что у нея, — да и вообще я лучше... А она туда-же—воображаетъ себя красавицей... ну-съ потягаемся! Къ кому изъ насъ болѣе льнуть кавалеры?... Вы-съ, Ольга Николаевна, и занять-то ихъ не умѣете, а отъ меня они по цѣлымъ вечерамъ не отходятъ, да-съ!

Зинаида Сергѣевна встала и, самодовольно улыбаясь, подошла къ окошку. Двѣ собаки играли, трепали другъ друга за шиворотъ и прелезобразно мотая ушами. — Да-съ, Ольга Николаевна, да-съ, я, кажется, могу нравиться и нравлюсь; вы хоть и подруга моя съ дѣтства, но въ этомъ случаѣ я вамъ не уступлю, извините...

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, что я говорю передъ исповѣдью! Я вѣдь должна сосредоточиться... Но какъ, на чемъ?.. Хотъ бы почитать чтонибудь такое...

Она повернулась на каблучкахъ и очутилась передъ письменнымъ столомъ. Тутъ у меня евангеліе гдѣ-то было... маленькое такое. Она потянула крошечную книжку изъ-подъ шелковистой куколки-собачки, служившей для обтиранія перьевъ. Ахъ, — это „Евгеній Онѣгинъ“. А это что?.. Альбомъ брата, какъ онъ сюда попалъ... А, — тутъ вѣроятно и „его“ портретъ есть, его, — моего Онѣгина.

Она отвернула нѣсколько страницъ массивнаго альбома и остановилась. На одной изъ восьми лежащихъ передъ нею карточекъ, былъ изображенъ въ три четверти видный мущина лѣтъ тридцати, съ окладистой красивой бородой и, повидимому, свѣтлыми волосами.

Лицо у него было въ общемъ симпатичное, здоровое, умное, но видно было, что жизнь его помяла таки исправно.

Зинаида Сергѣевна смотрѣла на него, слегка напѣвая, постукивая въ тактъ ногой и качая головкой. — Онъ некрасивъ, то есть особеннаго въ немъ ничего нѣтъ, а все таки недурень, право недурень, — сказала она. А ужъ умень, умень, — этого никто не отниметъ. Нѣтъ ни напыщенности, ни самоувѣренности, ни насмѣшки какъ у иныхъ. Просто милъ, — и какъ внимателенъ ко мнѣ!

Она снова начала ходить. — Что, если онъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе? Что-то похоже на это: — бываетъ такъ часто, просто въ глаза мнѣ глядитъ, очевидно влюбленъ ло уши... А что-жь? Я могу быть съ нимъ счастливой... Я почти увѣрена, что онъ въ первый день Пасхи сдѣлаетъ мнѣ въ видѣ сюрприза предложеніе... А ужъ онъ-то какъ радъ будетъ, когда я соглашусь!

Она, покачиваясь, остановилась опять передъ зеркаломъ и почему-то причмокнула губами. Потомъ, глядя на себя, въ полъ-оборота промолвила. — А жаль, что отецъ Федоръ старъ; мнѣ бы хотѣлось больше исповѣдываться у молодого. Страннѣе, но пріятнѣе... Такъ на чемъ я остановилась? Да, — онъ сдѣлаетъ на Святой мнѣ предложеніе...

Она подошла къ постели и, бросившись навзничъ, прищурилась на образъ, висѣвшій въ переднемъ углу. Темный ликъ сурово чернѣлъ изъ-подъ золотого нимба и какъ бы хмурился на ея веселое личико.

— Что это у меня все за мысли такія сегодня!.. Я должна каяться въ грѣхахъ, а тутъ... Какъ бы это сосредоточиться... Какъ нарочно день такой выпалъ, — мнѣ то скучно, то весело...

Она кружко провела рукой по щекѣ и, поправивъ выбившуюся прядь волосъ, еще болѣе зажмурила глаза. Комната смутно блѣдела какими-то пятнами просвѣтовъ. Сосредоточиться, — мелькнуло у нея въ головѣ, — сосредоточиться надо...

А комната уходитъ изъ глазъ все дальше и дальше. Нѣтъ ни мебели, ни стѣнъ, ни потолка... Въмѣсто пола, усланнаго ковромъ, — живой покровъ зеленой травы. Теплый, ласкающій вѣтерокъ бьетъ ароматической стружкой (съ прямо въ лицо. Переливчатою волною пробѣгаютъ его порывы по мириадамъ пестрѣющихъ цвѣтовъ, припадающихъ пугливо другъ къ другу и испуганно качающихся своими яркими головками. Вокругъ трещатъ кузнечики, гдѣ-то вверху заливается жаворонокъ, землеройки мелькаютъ подъ ногами. Янтарныя тучки тонутъ въ небесной синебѣ. Что за денекъ — прелесть!

— Съ кѣмъ же я это подъ руку иду, — думаетъ Зинаида Сергѣевна и оглядывается на своего спутника: это „онъ“... какимъ образомъ я съ нимъ одна, въ полѣ... Вѣдь мнѣ надо было сосредоточиться... Какъ это я такъ безъ спроса съ нимъ ушла, — что скажетъ маман. „Онъ“ не говоритъ ни слова, только глядитъ на нее такой милой, доброй, любовной улыбкой, что она вдругъ чувствуетъ, что нѣтъ лучше его человѣка на свѣтѣ. Что всѣ ея родные: и братья, и рара, два года тому назадъ умершій, и даже маман, — все это не то... Она такъ счастлива, такъ блаженна, такъ довѣрчиво оперлась на его руку...

— Поѣдемте въ лодкѣ, — говоритъ онъ ей, — какая чудесная погода, какъ хорошо должно быть на водѣ.

— Поѣдемте... да гдѣ же лодка?.. тутъ поле...

— Вотъ лодка, — говоритъ онъ. Ну, пожалуйста сюда, не бойтесь, здѣсь не топно: давайте вашу руку... Ну, вотъ такъ!..

И прелестная рѣчка волшебной декорацией береговъ проносится передъ нею. Какая тишь, — ни шелокнетъ на водѣ, только „онъ“, налегая на весла, будоражитъ ея голубое зеркало. — Да куда-же мы ѣдемъ? спрашиваетъ она. — Мы? въ море, — отвѣчаетъ онъ, и съ ка-

кой-то затаенной улыбкой поглядывает на нее из-под широких полей соломенной шляпы. Ей и страшно съ нимъ, и приятно, невыразимо приятно...

А вотъ и море. Два-три заворота межъ камнями и камышемъ—и лодка вылетѣла на просторъ. „Онъ“ бросилъ весла и скрестилъ на груди руки.

— Зинаида Сергѣевна,—говорить „онъ“,—знаете ли вы, зачѣмъ я поѣхалъ съ вами сюда, на взморье, съ какою цѣлью?

— Я не знаю,—смущенно отвѣчаетъ она.

— И не догадываетесь?.. Я ужъ давно собирался поговорить съ вами объ этомъ... о... о тѣхъ чувствахъ, которыя... я люблю васъ, и если вы меня тоже, я...

— Зина,—говорить онъ,—Зина! Но какой страшный у него голосъ... Зина!

— Зина, да что же ты заперлась у себя!

Зинаида Сергѣевна очнулась... Кто-то стучитъ въ дверь.

— Зина, да отвори же!..

Она быстро вскочила и поправивъ одною рукой смятую постель, другою волосы, пошла вмѣсто двери къ окну, не совѣмъ еще оправившись отъ сна.

— Ты спишь что-ли, Зина?!

Она отперла дверь. Вошелъ Гриша, старшій ея братъ, студентъ университета, брюнетъ, нѣсколько похожій на сестру, съ насмѣшливымъ, но добрымъ и открытымъ выраженіемъ лица...

— Ты готова? Мама прислала спросить одѣта-ли ты; сейчасъ ѣхать надо, уже карету закладываютъ.

— Во что-жъ мнѣ одѣваться,—я готова, въ этомъ платьѣ поѣду.

— Ну тѣмъ лучше,—проговорилъ онъ и опустился въ кресло возлѣ письменнаго стола.—А что это ты расрепанная такая?..

— Правда? Она подошла къ туалету.—Я сейчасъ лежала, такъ сбились волосы.

Онъ посмотрѣлъ на письменный столъ и остановился на раскрытомъ альбомѣ.

— Ты это что? Алексѣя Константиновича карточку разсматривала?

— Почему же именно Алексѣя Константиновича, а не кого-нибудь другого?

— Да ты изъ другихъ никого болѣе не знаешь.

— Такъ будто я ихъ не могу разсматривать.

— Это передъ исповѣдью грѣхъ.

— Карточки смотрѣть?

— Да, Алексѣя Константиновича.

— Говорю же я тебѣ, что не его...

— А зачѣмъ ты покраснѣла?

— Потому что ты глупости говоришь; и краснѣть-то я не думала, что мнѣ твой Алексѣй Константиновичъ!

— Ты скажешь, онъ тебѣ совѣмъ не нравится?

— Ни чуточки. Я его терпѣть не могу.

Гриша засмѣялся.—Зина, однако ты обо мнѣ невыгоднаго мнѣнія. Ты думаешь, что я дальше своего носа не вижу?

— Ахъ, Григорій Сергѣевичъ,—комически-насмѣшливымъ голосомъ произнесла она,—вы очень умны и гениальны, кто же въ этомъ сомнѣвается, но вѣдь чело-вѣчку свойственно ошибаться.

— Я не понимаю, что за охота у васъ, барышень, не говорить правды. Ну, нравится чело-вѣкъ, и говори: онъ мнѣ нравится. Точно въ преступленіи какомъ сознаться нужно. Коли нравится и слава Богу.

— Да ну, что ты ко мнѣ привязался? Я тебѣ сказала разъ на всегда что нѣтъ... Чего-жъ тебѣ еще?

Онъ опять засмѣялся и всталъ съ мѣста.—Такъ тебя ждетъ мама,—сказалъ онъ, взявши свой альбомъ со стола.—Да!... я забылъ тебѣ сказать:—сегодня... впрочемъ нѣтъ, если скажу тебѣ теперь, твоя исповѣдь разстроится.

— Да говори же, противный чело-вѣкъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же. Такъ до свиданія... Онъ пошелъ къ двери и остановился. А что-жъ ты у меня прощенья не просишь?

— Въ чемъ же это я передъ вами виновата?.. Впрочемъ, извольте. Она низко присѣла. Извините, Григорій Сергѣевичъ.

Онъ усмѣхнулся и вышелъ.

Зинаида Сергѣевна осталась среди комнаты одна, слегка покачиваясь на мѣстѣ и кусая губы.—Противный мальчишка,—сказала она,—онъ видитъ то, чего не долженъ видѣть... Неужели же я подала поводъ?.. Ну вотъ, извольте тутъ сосредоточиться, когда сердятъ на каждомъ шагу...

Она сѣла у стола, подперевъ голову руками.—Что такое я сейчасъ во снѣ видѣла?.. Ахъ, да!

Она вдругъ покраснѣла.—„Онъ“ сдѣлалъ мнѣ предложеніе; я была такъ счастлива, такъ счастлива, и вдругъ этотъ противный Гришка... Она стукнула съ яростью своимъ микроскопическимъ кулакомъ по столу.—И вѣдь говорятъ на яву случается всегда противное тому, что во снѣ видишь, такъ значить...

Она чуть-чуть не разразилась слезами, даже платокъ изъ кармана выхватила, да вдругъ вошла мама.

— Ты готова, Зина?

Мама была низенькая, толстая брюнетка, съ орлинымъ носомъ, блестящими, черными, какъ у дочери, глазами и значительными усами на верхней губѣ.

— Ты готова? повторила она, шелестя шелковымъ шлейфомъ и разливая по комнатѣ тонкій запахъ англійскихъ духовъ.—Надѣвай, ма сhère, шубку и приходи въ залу. Карета подана...

— Я сейчасъ, мама.

Карета несется по мостовой, попрыгивая на ухабахъ, обдавая проѣзжихъ и проходящихъ мутною жидкостью лужъ.

Мама молчитъ. Она серьезна передъ исповѣдью. Зина молчитъ тоже, откинувшись въ уголъ кареты.

„Сосредоточиться, сосредоточиться, сосредоточиться!“ какъ молотъ бьетъ у нея въ головѣ; она силится, напрыгаетъ всѣ свои умственные способности и... не можетъ. „Что я скажу отцу Федору, если онъ спроситъ, какіе у меня грѣхи? Господи, помоги мнѣ!“

— Однако-же какая дорога,—глубокомысленно замѣтила мама, когда на одной выбоинѣ, не смотря на мягкія патентованныя рессоры, ихъ чувствительно подбросило кверху.

— Да,—лаконически отвѣтила Зина.

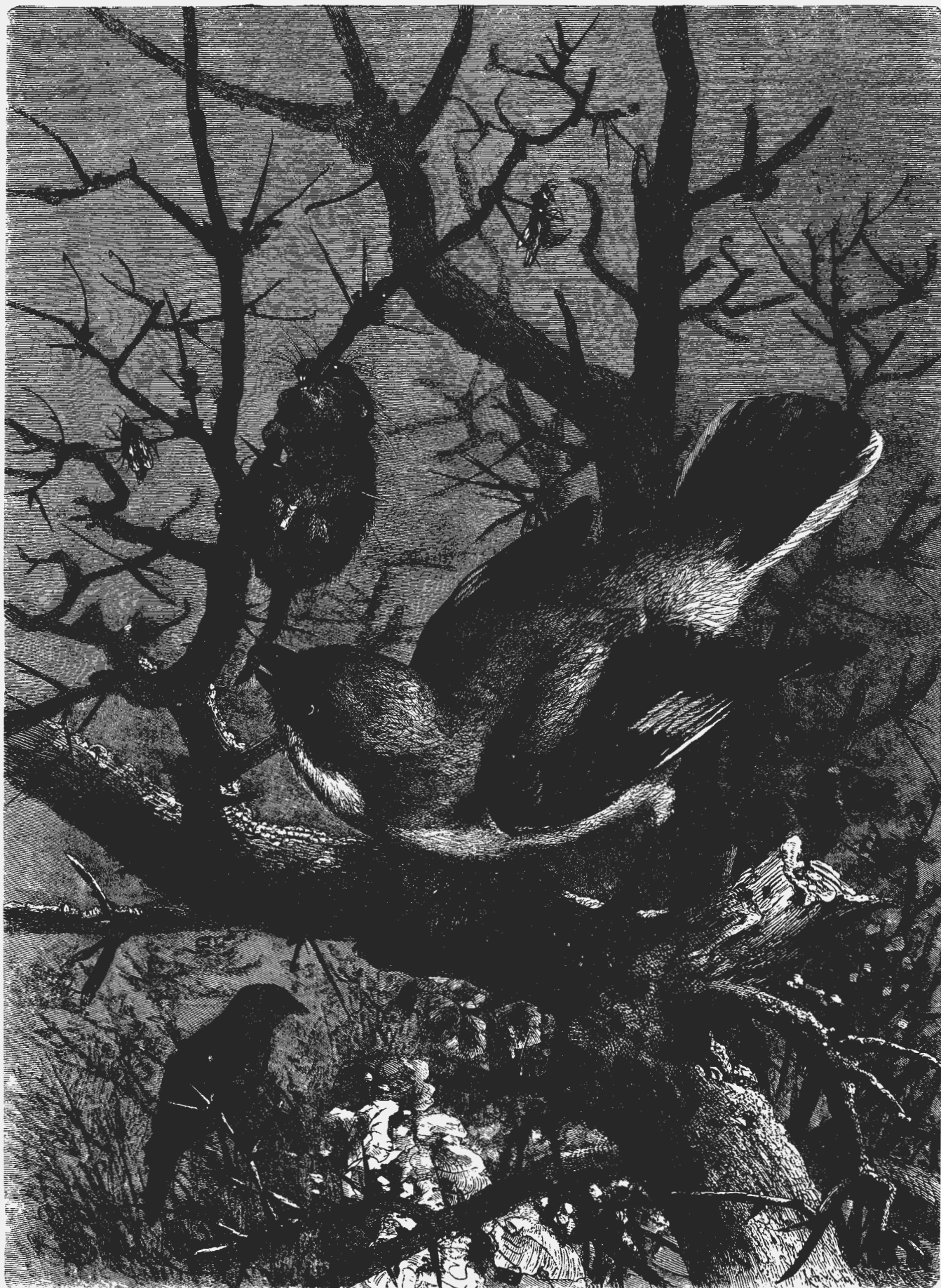
Она смотритъ на дождевыя капли, то крупными жемчужинами сидяція на каретномъ стеклѣ, то извилистыми змѣйками бѣгущія книзу, и онѣ ей напоминаютъ слезы... О, какъ грустно, какъ безнадежно грустно выраженіе личика Зины.

Домовая церковь *** довольно тускло освѣщена—по великопостному. Старикъ-священникъ, сѣдой, но бодрый, здоровый, задушевнымъ голосомъ читаетъ молитвы. Уныло гудитъ рѣдкое пѣніе. Дьячекъ читаетъ, читаетъ, читаетъ. Изрѣдка раздаются возгласъ священника, ектеня дьякона, и опять быстрая какъ дробь барабана, механическая читка дьячка.

Никто, кажется, такъ усердно не молился въ церкви, какъ Зина. Давно она такъ не молилась. Глядя на нее со стороны, можно подумать, что она подавлена Богъ-вѣсть какимъ безысходнымъ страданіемъ.

Олтарь темнѣетъ, служба близится къ концу. Зинаида Сергѣевна чувствуетъ, что она понемногу начинаетъ сосредоточиваться, религиозное настроеніе охватываетъ ее.

Вотъ онѣ стоятъ у ширмъ. Неясный шепотъ исповѣдниковъ волной переливается по церкви, нарушаясь иногда возгласомъ: „благодатію и щедротами своего чело-вѣколюбія“... Еще строже смотрятъ въ стусившемся

Сорокопутъ чернолобый, насаживающій на шишы терновника мышъ. Рис. съ натуры и грав. Шпехтъ.

Утесъ у береговъ острова Менанъ (Въ Сѣверной Америкѣ). Рис. Бричоръ, грав. Смитъ.

полумракъ строгіе лики угодниковъ, смутно мерцають позолота и камни на дорогихъ окладахъ. Теперь Зинаида Сергѣевна и грѣхи находить у себя, и не чувствуетъ той порывистой веселости, какъ послѣ объѣда.

Она посматрѣла въ сторону. Вдругъ сердце у нея и больно, и радостно сжалось... ей показалось, что въ толпѣ стоитъ „онъ“.

Нѣтъ, это кто-то другой, — ее обмануло сходство и полумракъ. А сердце, непокорное сердце, такъ и бьется, такъ и колотится въ груди... и съ чего это оно вдругъ! Дыханіе стало прерывисто... Даже маман замѣтила.

— Что ты, Зина, неужели такъ исповѣди боишься. Ужъ нѣтъ-ли у тебя какихъ нибудь тяжкихъ грѣховъ? Маман, очевидно, шутить, а ей... ей плакать хочется.

— Зина, тебѣ!

Она шагнула и очутилась за ширмами.

Теперь она сама испугалась этого шага. Именно въ этотъ моментъ она и была не приготовлена къ исповѣди.

Она стоитъ въ смущеніи, боясь поднять на свѣщенника глаза, собираясь съ духомъ.

Она какъ-то неловко положила земной поклонъ и какъ преступница стояла передъ о. Оедоромъ.

— Скоро, скоро, — подумала маман, услыша отпущекъ. Когда Зина вышла изъ-за ширмъ, ей вдругъ легко сдѣлалось. Ей казалось, что именно *теперь* она вполне сосредоточилась...

Маман оставалась за ширмами несравненно дольше.

Самоваръ кипѣлъ на столѣ, разбрасывая по сторонамъ теплыя влажныя облака пара. Маман, нѣсколько уставшая отъ службы, но все же бодрая и веселая по случаю окончанія исповѣди, уже заваривала чай. Горничная, молоденькая, свѣженькая дѣвушка, въ ситцевомъ платкѣ съ бѣлымъ передникомъ, торопливо придвигала къ столу стулья, стави изъ буфета на столѣ булки, лимонъ, сухари.

— Это кому еще ты лишній стаканъ поставила? спросила у нея хозяйка.

— У Григорія Сергѣича кто-то въ комнатѣ сидитъ, можетъ чай кушать будутъ.

— Кто такой?

— Не знаю-съ, не я отворила дверь, а Иванъ.

— Поди узнай — сюда придутъ они чай пить, или туда подать... Ну, что устала? обратилась она, къшедшей въ это время Зинаидѣ Сергѣевнѣ.

— Нѣтъ, ничего.—Она сѣла на стулъ возлѣ матери. Я рада, что я теперь сосредоточилась.

— Что такое?

— Сосредоточилась.

— Какъ сосредоточилась? Куда?

— Помните, сегодня утромъ отецъ Оедоръ сосредоточиться на своихъ грѣхахъ велѣлъ... такъ вотъ я теперь.

— Ну, матушка, это поздно, послѣ исповѣди да сосредоточиваться.

— А вы, мамаша, раньше?

— Я, душа моя, всю недѣлю сосредоточивалась...

Зина помѣшала ложечкой въ чашкѣ, она такъ хорошо, легко себя чувствовала. Вдругъ на порогѣ показался Гриша и съ нимъ... *онъ*.

— А-а! привѣтствовала ихъ маман. Алексѣй Константиновичъ! вотъ неожиданно, негаданно!.. Садитесь, очень рады... А мы прямо съ исповѣди.

Онъ, пожавъ ей руку, обошелъ уголь стола, чтобъ поздороваться съ Зиной и улыбнулся ей всѣмъ своимъ добродушнымъ веселымъ лицомъ, и пухлыми губками, и карими глазками.

— Завтра причащаться будете? спросилъ онъ, усаживаясь возлѣ маман *vis-à-vis* Зины, проводя рукой по своимъ стриженнымъ волосамъ и поглаживая бороду.

— Какъ-же, какъ-же... вотъ извольте стаканъ... Завтра непременно.

Алексѣй Константиновичъ кинулъ вопросительный взглядъ на Гришу, онъ улыбнулся въ отвѣтъ.

— Алексѣй Константиновичъ, а вы говѣли? спросила маман.

— Нѣтъ еще,—я на святой.

— Какъ на святой? изумилась Зина.

— То-есть на страстной,—поправился онъ, — на послѣдней, девятой недѣлѣ.

— На девятой?

Онъ совсѣмъ сконфузился:—я хотѣлъ сказать на седьмой...

— Ай-ай-ай,—покачала головой маман,—не знаете, сколько недѣль въ посту.

— Я знаю, помилуйте, — оправдывался онъ, — еще бы этого не знать.

— Что же вы заговариваетесь: ужъ не влюблены-ли?

Алексѣй Константиновичъ смутился окончательно. Всѣ трое съ любопытствомъ уставились на него. Онъ даже на стулѣ завертѣлся.

— Помилуйте, кто вамъ сказалъ,—и не думалъ даже. А гдѣ же Ваня, я его не вижу?..

— Братъ по пятницамъ уроки у какого-то товарища готовить,—отвѣтилъ Гриша, скрывая гримасой улыбку.

— Ага!

— А у васъ грѣховъ не мало,—продолжала маман,—да все грѣхи-то какіе!..

— Помилуйте, да противъ какой-же заповѣди?

— А отчего вы у насъ чуть не двѣ недѣли не были? Развѣ не грѣхъ забывать знакомыхъ.

Онъ опять завертѣлся. — Работы у меня много въ редакціяхъ было,—дѣло спѣшное.

— Неправда, неправда, — отчего же вы у Чембаровыхъ прошлое воскресенье были?

— Да я...

— И не оправдывайтесь! Ужъ нечего говорить — за были...

— Да какъ-же я могу забыть...

— Да ужъ коли забыли сколько недѣль въ посту, такъ какъ же насъ не забыть. А еще о политической экономіи статьи въ журналахъ пишете...

Маман встала.—Ты, Зина, нальешь кому нужно чаю; а я пойду переодѣнусь.

Она вышла. Всѣ помолчали съ минуту.

— Какой я сегодня страшный сонъ видѣлъ, — заговорилъ Алексѣй Константиновичъ.

Зинаида Сергѣевна такъ и уставилась на него.

— Вижу себя на лодкѣ, въ морѣ...

— Въ морѣ? спросила она, и даже со стула встала.

— Что съ вами, Зинаида Сергѣевна? чему вы удивляетесь?

— Ничего,—продолжайте!

— Будто я ѣду среди сильнаго волненія...

— Съ кѣмъ?

Онъ засмѣялся.—Вотъ ужъ этого я не помню. Чуть-ли не одинъ. Берегъ, повидимому, не далеко, а доплыть до него никакъ не могу; напрягаю всѣ усилія и лодка скрипитъ, и весла трещать, кажется вотъ-вотъ доплылъ, —нѣтъ, опять волной относитъ.

— Бр! страшно! сказала Зина, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ и нервно поводя плечами.—А я почему такъ удивилась вашему сну, — я тоже видѣла себя сегодня на морѣ, въ лодкѣ...

— Съ кѣмъ? улыбнулся Алексѣй Константиновичъ.

— Вотъ ужъ этого не помню, — нѣсколько насмѣшливымъ, но дрогнувшимъ голосомъ, сказала она. Только море было не бурное, а тихое, тихое...

— Ну, и что-же...

— Ну, и... и больше ничего.

— Тутъ страшнаго ничего нѣтъ.

— Да я и не говорю, что я страшное что-нибудь видѣла... Вы чаю еще хотите?

— Нѣтъ, merci.

— Пойдемте въ гостиную, — предложилъ Гриша, — что-же намъ здѣсь-то сидѣть...

Всѣ встали. Зинаида Сергѣевна прошла къ себѣ въ комнату, зажгла свѣчку, подошла къ зеркалу, взглянула внимательно на себя, поправила воротничекъ, плеснула на платокъ духами и тоже пошла въ гостиную.

На диванѣ, передъ ярко горящей лампой, сидѣли гость и хозяйня. Алексѣй Константиновичъ разсматривалъ альбомъ береговъ Рейна. Она сѣла, слегка облокотившись на столъ, скользя разсѣяннымъ взглядомъ то по альбому, то по Алексѣю Константиновичу. Она молчала, точно ждала чего-то.

— Знаешь, о чемъ мы сейчасъ говорили, — спросилъ Гриша, — о вашихъ сваяхъ.

Она внимательно прислушивалась.

— Ты знаешь, что, по словамъ нянюшекъ и мамушекъ, видѣнное во снѣ, на яву сбывается въ обратномъ видѣ.

У нея опять сердце захлопнуло.

— Такъ вотъ я и думаю, что если Алексѣй Константиновичъ не могъ никакъ выгresti къ берегу, то значить онъ въ дѣйствительности скоро къ нему пристанетъ; а если ты видѣла спокойное море, то тебѣ предстоитъ волненіе.

Онъ засмѣялся. Алексѣй Константиновичъ улыбулся. Она осталась серьезной.

— Нѣтъ, ты сегодня какаля-то странная, — продолжалъ Гриша, — ну чего ты хохлишься, скажи на милость?..

— Я только-что исповѣдывалась, и право не расположена шутить.

— Ну, да и плакать-то не о чемъ. — Хотя бы апельсиновъ въ утѣшеніе дали. Ты распорядилась?

— Не знаю, я сказала, кажется.

— Еще „кажется“. Ну я пойду, распоряджусь... А тебѣ все-таки предрекаю волненіе.

И онъ вышелъ.

Алексѣй Константиновичъ досмотрѣлъ альбомъ, закрылъ его и сталъ медленно надавливать на застѣжку.

— Да, сны наши совпали какъ-то, — замѣтилъ онъ и взглянулъ на нее, — лицо ея было холодно и безстрастно.

— Что съ вами?... Братъ вашъ правду сказалъ, вы сегодня необыкновенная какаля-то... Здоровы-ли вы?

— Я здорова, — отвѣтила она... и вдругъ почувствовала какую-то гнетущую скуку. А какъ во снѣ ей было хорошо съ нимъ.

Наступило молчаніе.

— Зинаида Сергѣевна!

— Что?

— Вы... я, извините, хочу сказать вамъ...

„Господи, да неужели“, мелькнуло у нея въ головѣ, — „также какъ и во снѣ“...

— Я избралъ, можетъ быть, несовсѣмъ подходящее время — я не зналъ, что вы сегодня исповѣдывались... Но, право, я больше ждать не могу... Братъ вашъ тоже говорить... Я хотѣлъ...

Онъ опять подыалъ взглядъ на нее. Холодность исчезла съ ея лица, нижняя губа чуть-чуть дрожала. Въ черныхъ глазахъ, какъ зарница далекой грозы, вспыхивали и погасали молніи.

„Быть волненію“, — подумалъ онъ, — „молнія — предвѣстникъ урагана“...

— Вы меня знаете болѣе двухъ лѣтъ и могли болѣе или менѣе составить мнѣніе обо мнѣ... Что же касается меня, то я вполне понялъ и оцѣнилъ васъ...

Молнія такъ и пышетъ... Или буря страсти забушуетъ, или ливень слезъ...

Но, кажется, слезъ не было и въ поминѣ. Теперь у нея не только губа дрожить, но и весь подбородокъ...

— Вы составите счастье каждаго человѣка... и если вы вѣрите въ мою къ вамъ любовь, уваженіе, дружбу, то...

Она задыхалась, — Господи, день какой сегодня!.. мелькало у нея въ головѣ.

— Если не вѣрите мнѣ, въ такомъ случаѣ...

Она порывисто встала и охватила его шею руками.

— Милый, милый! Вѣрю я тебѣ, вполне вѣрю... я... Раздался поцѣлуй. — На порогѣ стоитъ маманъ.

— Сосредоточилась! сказала она, качая головой.

Г — 2.

КЪ ИСТОРИИ МОРСКОЙ ЗМѢИ.

Хотя зоологи до сихъ поръ сомнѣваются въ существованіи морской змѣи, не имѣя предъ собою настоящаго экземпляра такого животнаго, но тѣмъ не менѣе свидѣтельства мореходовъ не перестаютъ время отъ времени подтверждать мнѣніе о дѣйствительномъ его существованіи. Такъ, напримеръ, цѣлый экипажъ корабля, возвратившагося недавно изъ кругосвѣтнаго плаванія, подтверждаетъ клятвенно, что дѣйствительно видѣлъ это громадное животное.

Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 8-го іюля 1875 года судно „Паулина“ находилось въ двадцати морскихъ миляхъ отъ сѣвернаго берега Бразиліи, подлѣ 5°13' южной широты и 35° западной долготы. Въ одиннадцать часовъ утра погода была ясная, вѣтеръ и волненіе на морѣ умѣренные. Въ это время, — говоритъ капитанъ Дрэверъ, — мы замѣтили на поверхности воды нѣсколько черныхъ пятенъ и бѣлесоватый столбъ надъ водою футовъ на тридцать. Съ перваго взгляда я принялъ это за образовавшуюся мель, о которую разбиваются морскія волны; но такъ какъ около того столба поднимались цѣлыя фонтаны воды съ массою брызгъ, то я счелъ его за башнеобразную скалу. Вдругъ столбъ этотъ упалъ съ шумомъ и плескомъ и на томъ же мѣстѣ поднялся другой. Явленіе это повторилось нѣсколько разъ: столбъ падалъ и поднимался снова съ необыкновенною быстротою. Вооружившись подозрною трубою, я разглядѣлъ ясно, что это была *испанская морская змѣя*, обвившаяся два раза около кита. Дѣйствуя головою и хвостомъ, змѣя поворачивала свою жертву чрезвычайно быстро. По временамъ оба они погружались въ воду и потомъ снова появлялись, непрерывно вертясь. Спротивленіе кита и тревога двухъ другихъ, присутствовавшихъ при этомъ поединкѣ, вызвали сильное волненіе моря, вода пѣнилась и до насъ доносился довольно громкій, смѣшанный гулъ. Это странное зрѣлище продолжалось минутъ пятнадцать и кончилось тѣмъ, что хвостъ кита поднялся отвѣсно въ воздухъ, потомъ началъ раскачиваться взадъ и впередъ, сильно ударя по водѣ. Затѣмъ китъ исчезъ въ волнахъ... Безъ сомнѣнія, змѣя по-

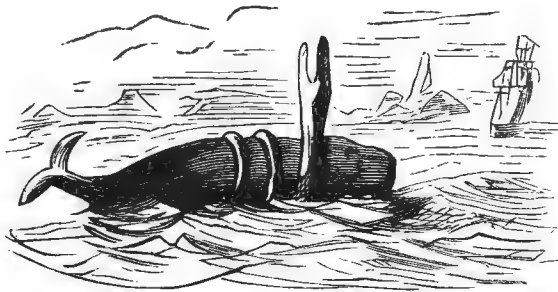
жирала свою громадную добычу уже на днѣ моря. Въ виду того обстоятельства, что змѣя дважды обвилась вокругъ кита (см. рисунокъ 1), капитанъ Дрэверъ предполагаетъ, что длина ея 160—170 футовъ; въ окружности она должна имѣть футовъ 7 или 8. Пасть животнаго была постоянно открыта; голова его очень велика (до 30 футовъ). 13 іюля въ 7 ч. утра экипажъ корабля опять увидѣлъ эту змѣю. Судно находилось подлѣ тѣмъ же градусомъ широты, на разстояніи 80 английскихъ миль къ востоку отъ мыса Санъ-Роккъ. Змѣя, высунувъ голову и часть туловища футовъ ца сорокъ изъ воды и вытянувшись горизонтально, проплыла мимо кормы корабля. Далѣе капитанъ рассказываетъ слѣдующее: „Въ то время, когда я раздумывалъ надъ тѣмъ, чему обязаны мы такимъ частымъ посѣщеніемъ этого страннаго гостя, снова услыхалъ я крикъ: „Вонъ она опять!“ Дѣйствительно, на нѣкоторомъ разстояніи отъ корабля я увидѣлъ огромнаго „Левіаана“, высунувшагося футовъ на 60 изъ воды и балансировавшаго въ воздухѣ; онъ яростно глядѣлъ на нашъ корабль. Я думалъ сначала, что чуднице это принимаетъ широкую бѣлую полосу, которая окаймляла мѣдную обшивку нашего корабля, за собрата своего, и этимъ объявлялъ частое появленіе змѣи; но такъ какъ мы не знали навѣрно — разглядываетъ-ли змѣя мнѣнаго своего собрата или собирается напасть на корабль, то и взялся за топоры, чтобы встрѣтить достойнымъ образомъ нашего Левіаана. Однако животное нырнуло и исчезло“. Этотъ рассказъ былъ подтвержденъ клятвенно не только капитаномъ, но и офицерами и матросами названнаго корабля въ магистратѣ города Ливерпуля 10 января текущаго года.

Нельзя отрицать, что въ исторію морской змѣи вкралось много баснословнаго, преувеличеннаго. Описанія морскихъ змѣй, различныхъ по вѣшнему виду и величинѣ, стали появляться съ 1734 г., часто съ рисунками. Описанія эти доставлялись путешественниками и капитанами кораблей, которые *видѣли* этихъ змѣй лично или же писали со словъ прибрежныхъ жителей. Такъ, наприм., рыбаки, живущіе на одномъ изъ Оркнейскихъ

острововъ, видѣли морское чудовище, выброшенное на берегъ въ 1808 году, имѣвшее 56 ф. длины и 12 ф. толщины. На спинѣ у этого чудовища была щетинистая грива, а само оно было снабжено тремя парами плавниковъ; кожа его была гладкая, голова небольшая въ одинъ футъ.

Съ береговъ Америки тоже могутъ доставить много „неопровержимыхъ“ доказательствъ существованія большихъ морскихъ змѣй. Въ 1817 г. Общество естествоиспытателей въ Бостонѣ получило одинъ экземпляръ змѣи по наружности очень странной. Животное это было убито у берега, неподалеку отъ мыса Аннъ.

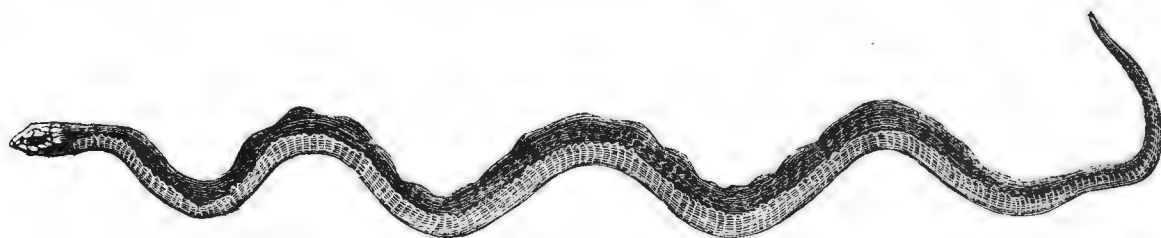
Полагаютъ, что это еще очень молодая змѣя. Видъ ея былъ описанъ и съ нея снятъ рисунокъ. Назвали ее *Icoliorphis atlanticus* (см. рис. 2). Нѣкоторые утверждаютъ, что видали морскихъ змѣй длиною въ 200 ф. Читатели, можетъ быть, помнятъ, что еще въ 1846 г. докторъ Кохъ показывалъ сначала въ Америкѣ, а потомъ и въ Европѣ скелетъ *допотопной морской змѣи*,

1) Морская змѣя въ борьбѣ съ нитомъ.

руки специалистовъ. Правда и то, что во многихъ случаяхъ ученымъ удалось вполне доказать ошибки многихъ „очевидцевъ-путешественниковъ“; такъ напр., животное, найденное въ 1808 г. на берегу одного изъ Оркнейскихъ острововъ, оказалось испанскою акулой (*Squalus maximus*), а животное, описанное капитаномъ Макъ-Оугей, признано за огромнаго тюленя (*Phoca proboscidea*). Однако не подлежитъ сомнѣнью, что въ солѣной водѣ обитаютъ довольно большія змѣи, какъ наприм. *Hydrophis* въ Индѣйскомъ морѣ. Эти змѣи рѣзко отличаются отъ земноводныхъ гадюкъ своимъ сжатымъ тѣлосложеніемъ, и

ихъ видовъ насчитываютъ до двадцати. Змѣи, принадлежащія къ нѣкоторымъ изъ этихъ видовъ, достигаютъ длины 3 метровъ; челюсти и зубы у нихъ гораздо меньше, чѣмъ у земноводныхъ змѣй одинаковой съ ними величины, голова обыкновенно весьма невелика. Животное это плаваетъ легко и граціозно, какъ рыба. Къ нижней поверхности его тѣла при-

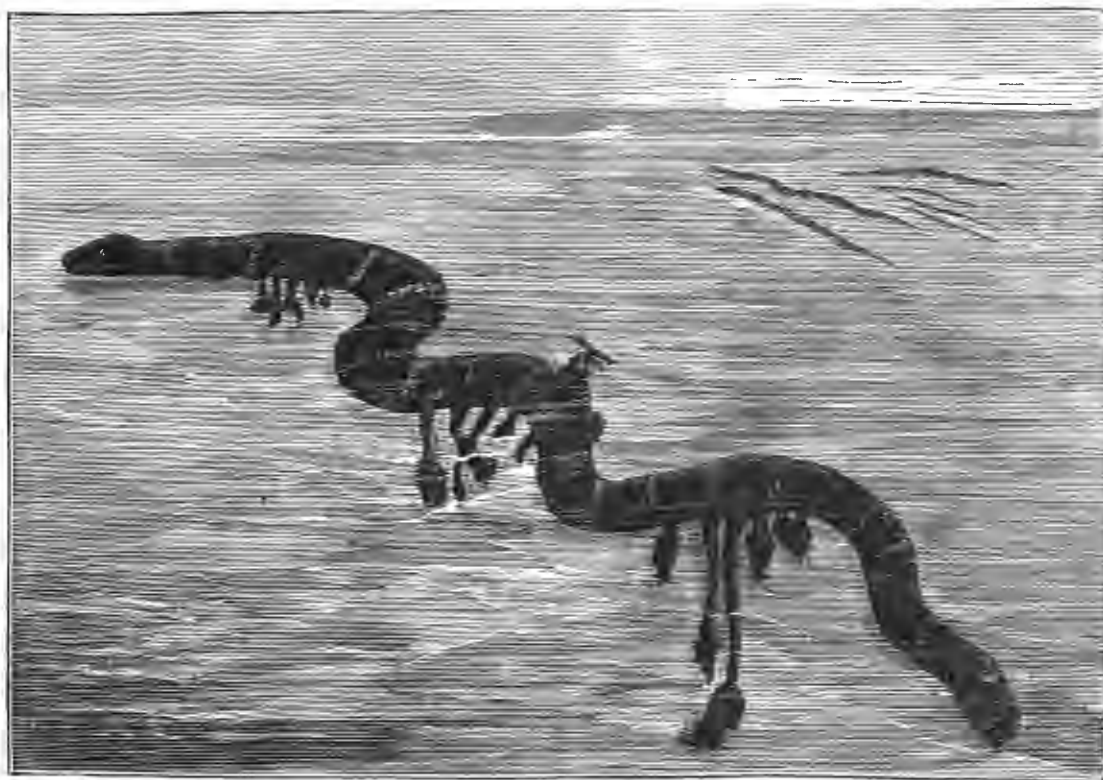

2) Змѣя, доставленная обществу естествоиспытателей въ Бостонѣ

такъ называемой *Hydrogarchos*. Замѣтятъ, пожалуй, что нѣсколько потомковъ этого допотопнаго 140 футоваго морского чудовища могутъ жить и въ настоящее время въ моряхъ, но скелетъ *Hydrogarchos*'а, купленный въ Берлинѣ за нѣсколько тысячъ талеровъ, *оказался поддѣльнымъ*. Герръ Кохъ просто-на-просто на-

цѣпляются иногда водоросли и морскія раковины, отъ которыхъ змѣя не можетъ отдѣлаться (см. рис. 3), что придаетъ ей довольно оригинальный видъ.

Въ виду существованія этихъ змѣй, можно было бы предполагать, что по временамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ могутъ

3) Змѣя, съ прицѣпившимися къ ней водорослями и морскими раковинами.

нижать позвонки разныхъ животныхъ съ цѣлью придать значительные размѣры мнимому скелету змѣи. Однако, не взирая на живость многихъ свидѣтельствъ, зоологи должны допустить, что въ морѣ можетъ водиться нѣсколько родовъ животныхъ, которыя рѣдко появляясь, не могли до сихъ поръ попасть въ

встрѣчаться и великаны этого вида, но тѣмъ не менее, естествоиспытатели не могутъ пока признать за дѣйствительность то, о чемъ рассказываютъ очевидцы, ибо для положительнаго заключенія нуженъ не рассказъ, а самый предметъ, о которомъ рассказывается.

Литературный альбомъ: „Шейлокъ“. Драма Шекспира. (Сцена прощанія Шейлока съ дочерью).
Картина М. Готлиба, грав. Кирхгеймъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

(„Шейлокъ“. Драма Шекспира).

Драма „Шейлокъ“ принадлежит къ числу лучших произведений Шекспира, занимающая видное мѣсто постѣ „Гамлета“, „Тира“, „Отелло“ и „Макбета“. На сцену она была поставлена въ первый разъ въ 1598 году. Сюжетъ ея заимствованъ изъ двухъ повелѣй Джіованни Фіорентинно: изъ одной Шекспиръ взялъ разсказъ о венеціанскомъ купцѣ и жидѣ-ростовщикѣ, хотѣвшемъ вырѣзать фунтъ мяса за неуплату купцомъ по векселю, и изъ другой повелѣя—о выборѣ одного изъ предложенныхъ трехъ ящичковъ для полученія невѣсты.*)

Въ характерѣ Шейлока Шекспиръ показалъ тѣ черты еврейскаго типа, которыя сложились и развились въ немъ влѣдствіе отчужденнаго и жалкаго положенія этого племени среди другихъ народностей. Въ обращеніи къ Шейлоку другихъ лицъ, Шекспиръ представилъ то презрѣніе, съ которымъ относятся вообще къ евреямъ.

Характеръ Шейлока отдѣланъ и законченъ болѣе другихъ лицъ въ этой пьесѣ; онъ особенно глубоко и вѣрно переданъ. Содержаніе пьесы слѣдующее:

Въ Венеціи живетъ ростовщикъ Шейлокъ. У Шейлока дочь Джессика; она любитъ христіанина Лоренцо и въ свою очередь любима имъ. Нѣкто Бассаніо желаетъ занять деньги подъ вексель, за поручительствомъ друга своего, венеціанскаго купца Антоніо. Антоніо очень богатъ; но весьма небрежно относится къ своимъ торговымъ дѣламъ, не могъ въ данное время ссудить своего друга Бассаніо деньгами, а предложилъ ему взаимно свое поручительство въ займѣ 3,000 червонцевъ у Шейлока. Шейлокъ въ некоторое время колеблется выдать деньги Бассаніо за поручительствомъ Антоніо, вспоминая съ какимъ презрѣніемъ этотъ послѣдній всегда относился къ нему, какъ онъ далъ ему нишка изъ-за его, Шейлока, денегъ и процентовъ. Въ дѣлѣ процентовъ Шейлокъ, желая оправдать себя, ссылается на доводы Св. Писанія, именно на Іакова, служившаго у Левана съ условіемъ, чтобы извѣстнаго цвѣта овцы въ стадѣ принадлежали ему за работу. На что Антоніо замѣчаетъ Шейлоку:

„Іаковъ тутъ служилъ на рискъ, сельскоръ,
Не отъ него зависѣла удача;
Его барышъ былъ Божьею рукою
Опредѣленъ и сдѣланъ. Развѣ згнать
Хотите вы проценты оправдать?
Иль серебро и золото у васъ
Одно и тожь, что овцы и бараны?“

Шейлокъ наконецъ соглашается выдать деньги, но съ неустойкой—получить съ Антоніо за неуплату въ срокъ фунтъ его мяса. Антоніо соглашается. Бассаніо получаетъ деньги и собирается ѣхать въ Бельмонтъ, гдѣ прекрасная Порція обѣщаетъ отдать свою руку тому изъ многочисленныхъ ея соискателей, который выберетъ изъ предложенныхъ ею трехъ ящичковъ тотъ, въ которомъ находится ея собственный портретъ. Въ день отъѣзда Бассаніо устраиваетъ ужины съ маскараромъ и на ужинѣ приглашаетъ Шейлока, а въ это время другъ Бассаніо, Лоренцо, предполагаетъ увезти Джессику, дочь Шейлока. Шейлокъ, прощаясь съ дочерью, говоритъ ей:

„На ужинѣ я сегодня приглашенъ —
Такъ вотъ возьми ключи мои. Однако,
Зачѣмъ бы мнѣ идти туда? Меня
Не изъ любви, конечно, пригласили;
Они мнѣ льстятъ. Но все-таки пойду
И буду ѣсть изъ ненависти только —
Пусть платится мой христіанинъ-мать!
Ну, Джессика, дитя мое, за домомъ
Ты присмотри. Какое-то несчастье
Готовится покою моему:
Сегодня мнѣ мѣшки съ монетой снились“.

Проводивъ отца, Джессика переодевается въ мужское платье и когда у окна ея раздастся ей знакомый окликъ замаскировавшаго Лоренцо съ пріятелями, Джессика похищается у отца шкатулку съ червонцами и драгоценными камнями и скрывается съ Лоренцо.

Шейлокъ въ отчаяніи, проклинаетъ свою дочь, стонетъ о пропавшихъ червонцахъ и брильянтахъ. „Двѣ тысячи червонцевъ пропали и сколько еще драгоценныхъ камней! кричитъ онъ. Я хотѣлъ бы, чтобы моя дочь лежала мертвая у моихъ

ногъ, съ драгоценными камнями и украшениями, и хотѣлъ бы, чтобы она похоронена была у моихъ ногъ и чтобы червонцы лежали въ ея гробѣ!“

Ненависть Шейлока къ христіанамъ еще сильнѣе вспыхиваетъ въ немъ и еще сильнѣе ему хочется отомстить Антоніо.

Онъ ругался надо мною, говоритъ Шейлокъ про Антоніо, и сдѣлалъ мнѣ убытку до полмилліона. Онъ всегда называлъ меня ростовщикомъ, давая самъ взаимны деньги безъ процентовъ. Онъ ругалъ мой народъ—все это за что? Я жидъ! Да развѣ у жидовъ нѣтъ глазъ, нѣтъ рукъ, чувства, привязанностей, страстей! Развѣ онъ не ѣсть той же пищи, что и христіанинъ, подверженъ не тѣмъ же болѣзнямъ, лечится не тѣми же средствами?“

Каждая мщенія, изыскивая средства погубить Антоніо, Шейлокъ распускаетъ слухъ, что корабли Антоніо потонули. Антоніо не можетъ выплатить въ срокъ по векселю. Шейлокъ торжествуетъ и настоятельно требуетъ неустойки, то есть фунтъ мяса Антоніо. Антоніо привлеченъ къ суду и, не смотря на всѣ старанія дожа уговорить Шейлока, Шейлокъ не хочетъ отречься отъ неустойки. Пока идетъ въ Венеціанскомъ судѣ дѣло Антоніо съ Шейлокомъ, въ Бельмонтѣ Бассаніо у Порціи выбираетъ именно тотъ ящикъ, въ которомъ былъ ея портретъ. Согласно условію, Бассаніо дѣлается ея мужемъ. Счастливымъ тѣмъ болѣе, что сама Порція питается къ нему любовью, Бассаніо получаетъ письмо Антоніо, въ которомъ тотъ увѣдомляетъ его о своемъ положеніи и изъявляетъ желаніе только повидаться передъ смертью съ Бассаніо. Порція видитъ горе мужа, узнаетъ въ чемъ дѣло, предлагаетъ уплатить Шейлоку за Антоніо вдвое, второе и посылаетъ скорѣе Бассаніо въ Венецію.

По Шейлокъ не хочетъ денегъ даже въ десятиро больше занятой суммы. Порція рѣшается на хитрость и, скрывая ее даже отъ мужа, она переодевается въ костюмъ юриста, является на судъ подъ видомъ доктора и умною рѣчью овладѣваетъ вниманіемъ собранія. Она убѣждаетъ, что „установленный законъ перемѣнить нельзя ничьею властью“ и что нарушеніемъ закона „вторгнется затѣмъ не мало зла въ республику по этому приговору“, что фунтъ мяса изъ тѣла Антоніо долженъ принадлежать Шейлоку. Шейлокъ, слушая такіе доводы приходитъ въ восторгъ и называетъ мнимого доктора „Давидомъ, судей праведнымъ, юнымъ мудрецомъ“. По Порція указываетъ, что и по отношенію къ Шейлоку должны быть строго соблюдены условія, а именно: что по распискѣ Шейлокъ имѣетъ право взять только одинъ фунтъ мяса, не болѣе ни менѣе и что расписка права не даетъ ни на одну кровинку, и если,—говоритъ она,—хоть каплю крови христіанской ты прольешь—

„Твои имущества и земли
Возьметъ казна республики себѣ.
Таковъ законъ Венеціи.“

Шейлокъ въ страхѣ отказывается отъ неустойки и проситъ только заплатить ему слѣдующія деньги. Но Порція указываетъ еще на другую статью закона, по которой, если иностранецъ косвенно или прямо посягнетъ на жизнь кого-либо изъ гражданъ и это предъ судомъ докажется, тогда

Жизнь
Виновнаго отъ милосердія дожа
Зависитъ вся. Одинъ лишь дождъ казнить
Иль миловать его имѣетъ право“.

Однакожь Дождь даритъ жизнь Шейлоку, но въ то же время съ Шейлока берутъ подписку, что онъ приметъ крещеніе и все свое имущество по смерти оставитъ дочери и зятю.

Такимъ образомъ благородная и умная Порція спасаетъ Антоніо и въ довершеніе, она представляетъ Антоніо письмо, которымъ онъ извѣщается, что его корабли съ богатымъ грузомъ пришли уже въ портъ. Въ заключеніе она говоритъ о писемѣ:

„Я не открою вамъ,
Благодаря какой довольно странной
Случайности оно въ моихъ рукахъ“.

Рисунокъ, помѣщенный въ этомъ № „Нивы“, изображаетъ моментъ, когда Шейлокъ, отираясь на ужинѣ къ Бассаніо, прощается съ Джессикой и оставляетъ ей ключи.

АНГЛІЙСКІЕ ПРАВЫ.

(ТРАВЛЯ КРЫСЪ).

Для англичанъ охота, скачки — удовольствіе, которому они предаются со страстью. Боксъ (у насъ кулачные бои), шту-

шинные бои, всякія травли, кромѣ имѣющихъ чисто охотничій характеръ, воспрещаются производимы открыто, но выхололку ими наслаждаются. Грубые инстинкты увлекаютъ.

Крысинныя травли также принадлежатъ къ запрещеннымъ (впрочемъ не очень строго) удовольствіямъ. Есть цѣлыя семьи,

* Переводы драмы Шекспира „Шейлокъ“ на русскомъ языкѣ слѣдующіе: 1833 г. „Венеціанскій купецъ“ Яямова, 1837 г. „Венеціанскій купецъ“ Павлова, 1862 г. „Шейлокъ“ Григорьева и 1865 г. „Венеціанскій купецъ“ Рейнберга.

которые добывают средства к жизни, благодари этой собственно-полезной забавы. Полезной, говорим мы, ибо благодаря ей, дрессируются собаки для уничтожения вредного звёрька, сильно расплодившагося в Лондонѣ. Особые ловцы достаютъ крысъ по деревнямъ и въ городѣ, въ амбарахъ, въ водосточныхъ трубахъ и сбываютъ гуртомъ приблизительно по 6—10 к. (2—3 пенса) за штуку содержателямъ, втайнѣ промышляющимъ крысами и зарабатывающими значительныя деньги на крысѣхъ травляхъ. Травля запрещена, а ловля крысъ не только дозволена, но поощряется правительствомъ и даже самой королевой. Вѣсьма недавно умеръ Джэкъ-Блэкъ, котораго зналъ весь Лондонъ. Онъ существовалъ тѣмъ, что за определенное вознаграждение вылавливалъ крысъ въ домахъ и кладовыхъ. Онъ такъ привыкъ обращаться съ ними, что дѣлать ихъ ручными ему не стоило никакого труда; онъ порабощалъ самыхъ суровыхъ и злыхъ звёрьковъ. Какъ онъ дѣлалъ это—неизвѣстно, но до конца жизни онъ ни разу не былъ даже укушенъ. Самую злую крысу Джэкъ-Блэкъ клалъ за пазуху, въ карманы и проч. безъ всякаго для себя вреда.

Слухи о подвигахъ Джэкъ-Блэка дошли до лицъ высокопоставленныхъ. Онъ былъ приглашенъ ловить крысъ въ пражителственныхъ здачійхъ и ему было дозволено называться крысоловомъ Ея Величества. Тогда онъ появился на улицахъ Лондона въ курезномъ мундирѣ: бѣлые кожаные брюки, красный съ свѣтлыми пуговицами жилетъ, зеленый широкогораспахнутый кафтанъ, золотой галуны, невысокая черная шляпа и кожаная широкая перевязь черезъ плечо; на перевязи у самага плеча двѣ буквы V. R. (Viktoria Regine), а даѣе, вдоль всего ремня, металлическія изображенія звёрьковъ, которымъ онъ обязанъ своей славой.

Но почтенный королевскій крысоловъ довольствовался только тѣмъ, что ловилъ крысъ и предавалъ ихъ казни; онъ ими не торговалъ. Ремесленники-же, о которыхъ мы упомянули выше, жили исключительно продажей наловленныхъ животныхъ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ винотравцевъ, которымъ эти молодцы поставляли свой товаръ, звали Джими-Шау. Этотъ Джими-Шау покупалъ въ годъ до 20,000 живыхъ крысъ. Въ его домѣ проживало въ проводочныхъ клѣткахъ по 2,000 этихъ гостей одновременно; въ недѣлю они съѣдали добрую четверть ячменной крупы... не покорми ихъ хорошенько, говоритъ онъ, проклятыя стануть другъ друга жѣть Это большой убытокъ.

Прибыль его была велика и тѣмъ, чѣмъ промышлялъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Шау, промышляють десятки тысячъ другихъ до сего дня, только не такъ открыто. Напримѣръ, какой-нибудь джентльменъ хочетъ попробовать храбрость вновь прибрѣтеннаго бульдога, привозить его къ Шау, или одному изъ его послѣдователей.

— Готова-ли комната? спрашиваетъ онъ, войдя для видимости въ портрную, и также для видимости выпивая стаканъ пива. Хозяинъ изъ-за прилавка подмигиваетъ. Бульдогъ и его обладатель отправляются въ эту комнату. Тамъ хозяйскій сыншю, лѣтъ 17—18 (у этихъ промышленниковъ всегда есть помощникъ этого возраста, усердно помогающій торговлѣ) является передъ джентльменомъ.

— Сколько прикажете? спрашиваетъ онъ, словно дѣло идетъ объ устрицахъ.

— Сотню, распоряжается джентльменъ. Бульдогъ душитъ сотню крысъ въ нѣсколько минутъ. Владѣлецъ въ восторгѣ. Удавишь еще сотню? А удавишь? допрашиваетъ онъ бульдога, раздраженнаго травлей почти до судорогъ.

— Мальчикъ! еще сотню!

Является еще сотня живыхъ крысъ, съ которой бульдогъ расправляется также какъ и съ первой.

Кто продаетъ собаку и хочетъ выказать ея достоинства, везетъ ее къ Шау; кто дрессируетъ крысоловку—тоже и т. д. За крысъ хозяину платятъ по 9 пенни *) и даже по шиллингу, смотря по времени года. Онѣ дешевле всего осенью, послѣ жатвы, дороже всего весной.

Впрочемъ описаніе крысиной травли, на которой намъ случилось присутствовать, дастъ лучшее понятіе объ этой охотѣ. Травли эти въ извѣстные дни устраиваются еженедѣльно торговцами крысъ. Всѣ, кому нужны эти люди, знаютъ о нихъ и посѣщаютъ ихъ. Полиція смотритъ на это конечно сквозъ пальцы. Впрочемъ дѣйствіе происходитъ въ такихъ трущобахъ, куда и лондонская полиція появляется рѣдко.

Газъ на улицѣ, по которой мы проходили, горѣлъ неярко и подвалъ, гдѣ должно было происходить побоище, словно хотѣлъ спрятаться. Окна подвала едва свѣтились, тогда какъ обыкновенно англійскія портерны сверкаютъ газомъ и украшениями изъ бронзы и фарфора, лучше всякаго магазина галантерейныхъ товаровъ. Внутри кабака было темно и грязновато, публика, попивая пиво и водку, разиѣщалась въ двухъ комнатахъ: собственно портерной и задней, исключительно для травли назначенной, комнатѣ. На темныхъ стѣнахъ выступали рѣзко только двѣ картины въ золоченыхъ рамкахъ. Передъ одной изъ нихъ толпилось человѣкъ пятнадцать:

— Это будетъ дѣдъ, пояснилъ мнѣ какой то господинъ съ нервнымъ террьеромъ подъ мышкой, при чѣмъ террьеръ твнуетъ

своими мокрымъ носомъ въ мою руку.

— Дѣдъ? кто дѣдъ? спросилъ я.

— Эта вотъ собака, чудо какая, продолжалъ пояснять онъ, указывая картину, на которой была изображена довольно безобразная моска. Эта собака, по имени Тренчъ, однажды задушила въ 5½ минутъ 607 крысъ... Повѣрите?... Я дѣйствительно готовъ былъ не повѣрить, но остальная публика также хвалила собаку и подтверждала слова моего собесѣдника. Одинъ старикъ прошамкалъ: «Да, да, я самъ видѣлъ!» Мнѣ, конечно, осталось только повѣрить.

— Такъ вотъ эта собака—дѣдъ Фи, что сегодня пойдетъ на крысъ.

— А, вотъ что! Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на фамильный портретъ, потомъ оглядѣлся кругомъ. Многіе изъ посѣтителей были съ собаками, и этихъ собакъ всѣ разсматривали. Нѣкоторые предлагали продать собаку, другіе торговались. Собаки вообще вели себя крайне непринлично, визжали, пищали, метались. Онѣ привыкли воевать съ крысами, чуяли близость своего врага и видимо приходили въ азартъ. Кто-то спросилъ довольно громко: готово? и кто-то тихо отвѣтилъ «готово». Странно было видѣть, что при этомъ звукѣ собаки заматались еще пуще прежняго.

Сигнала никто не подавалъ и отвѣтъ «готово», какъ оказалось, бывшій сигналомъ, не поднялъ всю публику на ноги. Изъ портерной и изъ задней комнаты посѣтители стали выбираться по одному, по два, осторожно, и проходить въ какую-то дверь, узкую и низкую, около стойки. Пошли и мы. Въ это время въ кабакъ съ улицы вошелъ джентльменъ-щеголь, небрежно и нетерпѣливо взглянувшій на преграждавшую ему путь толпу.

— Скоро? спросилъ онъ хозяина, который, низко поклонившись, отвѣчалъ: сію минуту, пожалуйста, полковникъ. Въ это время къ дому, только не со стороны портерной, быстро подѣхалъ и круто остановился экипажъ; хозяинъ бросилъ на руки своей помощницѣ стаканъ и полотенце, которымъ его вытиралъ, и исчезъ, словно сквозъ землю провалился. Когда мы подымались по узкой лѣстницѣ въ верхній этажъ, гдѣ должна была происходить травля, я видѣлъ какъ онъ ввелъ въ сѣни, на которыхъ эта лѣстница выходила, высокую даму, закутанную въ мѣховую шубку и статнаго господина въ модномъ барашковомъ пальто (признакъ богатства въ Лондонѣ), за ними выступалъ высочій лакей въ ливрѣ съ галунами, на рукахъ онъ несъ пушкетга и бѣлаго какъ снѣгъ, черноглазаго крошечнаго крысолова. Леди любовно взглянула на собачку, когда она встрепенулась, почувя ненавистнаго ей звѣрка.

Вся публика, въ томъ числѣ и мы, поднявшись по лѣстницѣ, вошли въ завѣтную комнату. Комната была просторная, но низкая, ставни были плотно закрыты, шторы спущены, посрединѣ комнаты круглое пространство, приблизительно саженъ въ диаметрѣ, было обнесено сплошной досчатой загородкой. Вышина ея не превышала полутора аршина. Внутри этой загородки и должна была происходить травля. Полъ и внутреннія стѣны ея были выкрашены бѣлой масляной краской. Нѣсколько яркихъ газовыхъ лампъ ярко освѣщали ее. Хозяинъ размѣтилъ почетныхъ гостей, въ томъ числѣ лорда съ супругой и красиваго полковника на почетныхъ мѣстахъ, въ креслахъ, поставленныхъ на возвышеніи возлѣ самой загородки; остальная публика, состоящая изъ торговыхъ людей, рабочихъ, прислуги и всякихъ разночинцевъ, размѣстилась какъ попало: по столамъ, по скамейкамъ, вскарабкалась и на окно, на какіе-то сундуки, быть можетъ, наполненные крысами. Представленіе началось.

Сынъ хозяина, коренастый шестнадцатилѣтній мальчикъ принесъ какую-то большую желѣзную клѣтку. Онъ ее едва держалъ; за проводочной рѣшеткой, что-то черное, какъ будто безформенно переливалось: это были крысы. Мальчикъ вошелъ на средину арены, поставилъ клѣтку на полъ, открылъ маленькое отверстіе, въ которое едва могъ просунуть свою жирную и мускулистую руку и сталъ шарить что-то въ этой черной массѣ. Онъ выбиралъ крысъ: выкинуть на полъ одну, другую, десятую, двадцатую.

— Смотри—по крупнѣе, крикнулъ кто-то въ толпѣ, мальчикъ продолжалъ выкидывать крысъ одну за другой. Изумительно, какъ онѣ не изглодали его руку. Безобразные звѣрки, выпущенные на свободу, поднимали вверхъ свои заостренные рыльца, обнюхивались, становились на заднія лапы и какъ зайцы чистили носъ. Собаки на рукахъ своихъ владѣльцевъ подняли адекій гвалтъ. Крысы, едва ихъ настоящій врагъ—плоскомордая съ кривыми, какъ у портного, ногами Фи, былъ впущенъ въ кругъ, всѣ бросились къ одной сторонѣ, скупчили одна на другую, одна къ другой, прижались—и не шелохнулись. Умная собака спокойно стала около этой отвратительной черной массы. Хозяинъ заведенія громко объявилъ, глядя на часы съ репетиціею, минуты и секунды. Одинъ человѣкъ, нѣчто въ родѣ загонщика тоже вскочилъ въ кругъ. Собака тихо подошла къ грудѣ крысъ и выхвативъ за шиворотъ, какъ кошка таскаетъ котятъ, одну изъ нихъ, ударила ее со всей силой объ полъ головой.

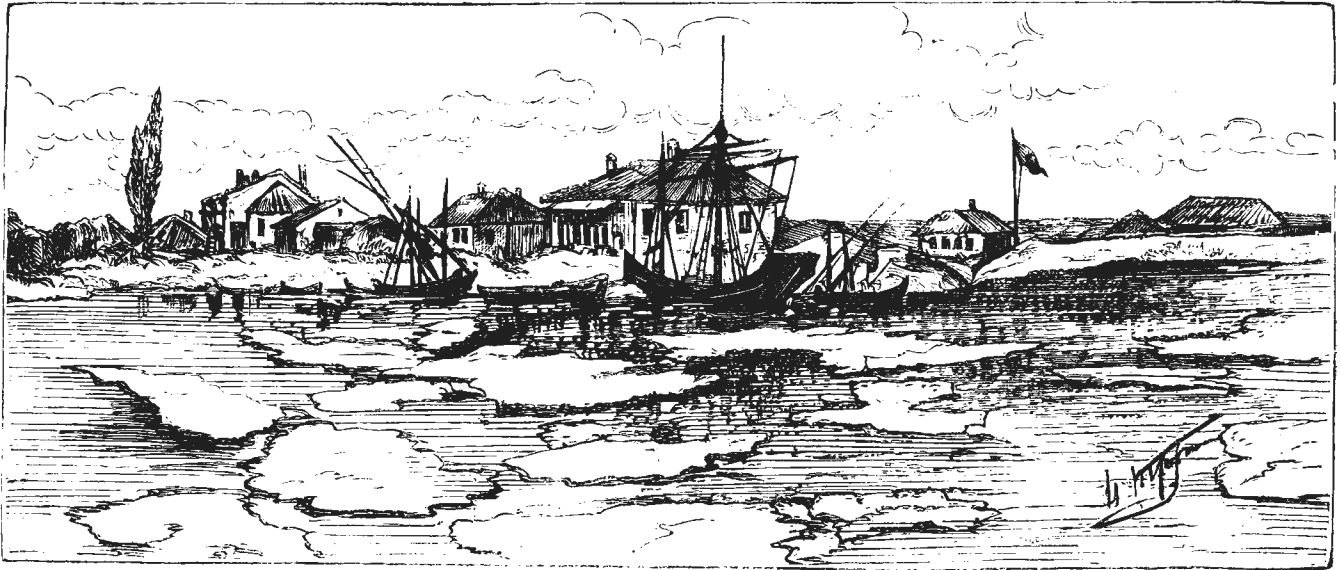
— Брось, мертвая! крикнулъ помощникъ, когда собака на мгноveníе задумалась. Собака бросила издыхающую тварь и схватила другую. Но другая умудрилась въ ея пасти изогнуться и вцѣпиться зубами въ носъ собаки. Фи, какъ истый англичанинъ, не потеряла присутствія духа, съ отвратительной вошей

*) Около 30 коп.

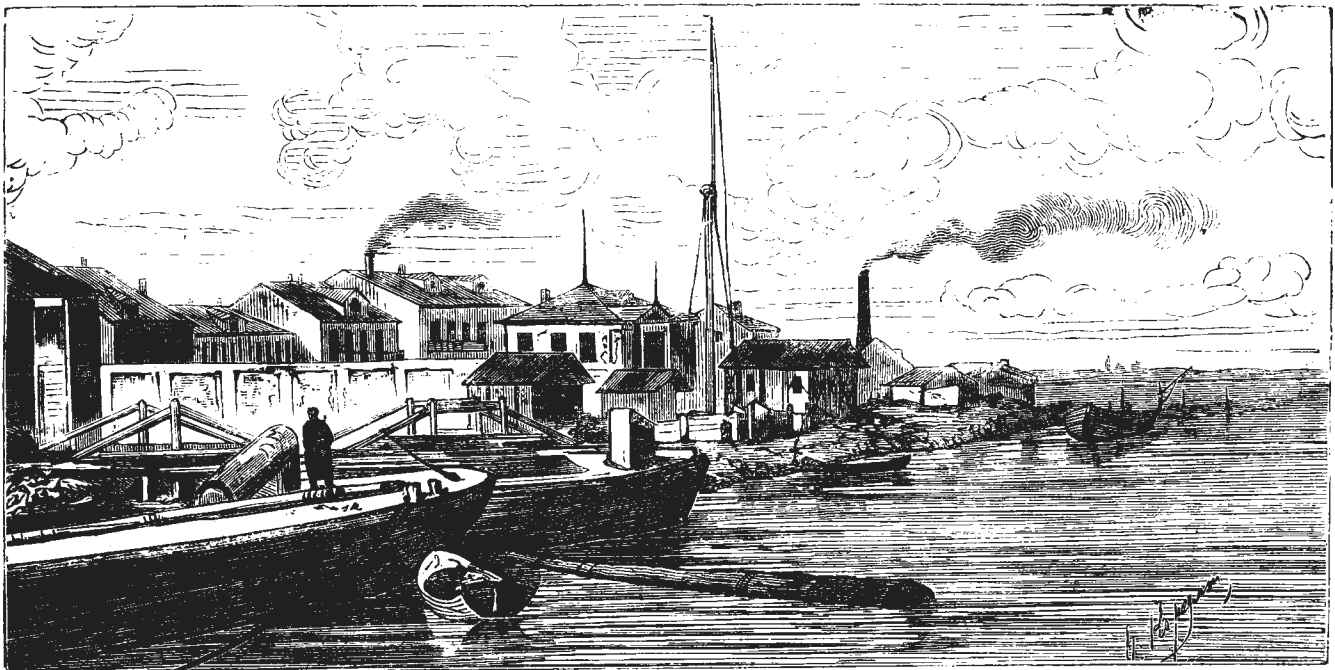

Въ Яссахъ (въ Румыніи). Тишы и сцены съ натуры. Рис. нашъ специальный корреспондентъ П. Каравинъ.
 1) Головные уборы лошадей. 2) Окрестные крестьяне. 3) Нисій. 4) Кавалеристъ въ домашней формѣ. 5) Кучеръ, читающій газету. 6) Щеголь. 7) Еврей предъ шабашемъ. 8) Женщины изъ состоятельныхъ классовъ.

На берегахъ р. Дуная. (Путевые эскизы нашего спеціального корреспондента).

Селеніе Затокъ, противъ Галаца. (Таможенный постъ).

Пароходная пристань въ Галацѣ.

Пристань въ Браиловѣ. Турецкій Галіотъ.

Рис. съ натуры Н. Карзиня, Грав. Боярскій

на мордѣ, которая душила ее, она отступила задомъ къ стѣнѣ и потомъ со всѣхъ ногъ бросилась на противоположную стѣну, къ которой точно пригвоздила врага. Рукоплесканія и браво! оглушили меня. Собака же, не тратя времени, уже работала надъ третьей, пятой, десятой и т. д.

Восемь! громко провозгласилъ хозяинъ; значитъ восемь минутъ прошло съ начала травли. Разъяренную собаку едва оттащили отъ арены: она, не смотря на то, что была вся въ крови, не смотря на то, что у нея были искусаны и ноги, и морда, рвалась въ бой и визжала, покуда ее не унесли, то отвратительно злобно, то жалобно, словно умаливая дать подраться.

Но хозяйскій сынъ уже считалъ на аренѣ побѣжденныхъ крысъ, онъ ихъ бралъ за хвостъ и бросалъ на середину, покрывшую кровью и крысиными внутренностями пола. Оказалось, что задавлено 87 штукъ. Въ минуту по двѣнадцать. Недурно, только дюжины не хватило до сотни. Фи не заслужила приза, но заслужила одобрения и рукоплесканія. Мѣдные деньги посыпались въ пустую корзину, которая какъ-то очутилась на аренѣ—это публика вознаграждала помощника собаки.

Когда поле брани было освобождено отъ мертвыхъ тѣлъ и подчищено насколько это было возможно, хозяинъ предложилъ желающимъ позабавить своихъ собакъ. Какой-то оборванецъ предложилъ сосѣду гущу продать принесенную имъ собаку... «Ладно, говорить, попробуемъ». Пустили собаку въ кругъ, пустили къ ней крысъ. Плохо. Собака больше боится крысъ, чѣмъ

онѣ ея. Сдѣлка не состоялась. Потомъ краснолицый фермеръ въ широкополой шляпѣ, пожелавъ позабавить себя и выпустилъ своего терьера.

— Подайте-ка ему дюжинки двѣ, прохрипѣлъ этотъ налитый пивомъ англичанинъ. Подали собакъ двѣ дюжины живыхъ крысъ, она на нихъ взглянула и не успѣла онѣ собраться въ кучу,—ни одной изъ нихъ не осталось уже въ живыхъ. Это произвело рѣшительный фуроръ.

— Продаете? крикнулъ хозяину героя полковникъ: сто гинеи (800 р.). Фермеръ только улыбнулся и отрицательно мотнулъ головой. Лэди что-то шепнула мужу, посматривая на собаку, мужъ что-то сказалъ хозяину заведенія. Я узналъ, выходя изъ портерной, что собака была куплена лордомъ за 250 гинеи, т. е. почти за 2.000 рублей.

Травля продолжалась почти до полуночи, и не только масса публики, но почетныя лица, какъ будто съ грустью оставляли это отвратительное зрѣлище. Въ заключение хозяинъ объявилъ, что въ слѣдующую пятницу назначается травля съ призами: собака, которая удавитъ менѣе чѣмъ въ 6 минутъ 100 крысъ получитъ серебряный ошейникъ.

Надо замѣтить, что публика, присутствовавшая при травлѣ, не переставала оказывать вниманіе разнымъ напиткамъ, и что при выходѣ изъ комнаты, въ которой давались представленія, съ каждаго было взято хозяиномъ по шиллингу.

Р.

КЪ РИСУНКАМЪ.

СОРОКОПУТЬ ЧЕРНОГЛОВАЯ.

(Lanius minor).

Между пѣвчими птицами встрѣчается много хищниковъ и притомъ чрезвычайно кровожадныхъ. Таковы сорокопуть (или греческія сороки), относящіяся къ семейству зубчатоклювыхъ. Семейство это, распространенное по всѣмъ частямъ свѣта, состоитъ изъ 12 родовъ, изъ которыхъ 8 водится у насъ въ Россіи. Это самыя задорныя птицы, которыя дерутся со всѣми другими, нападая даже на болѣе сильныхъ, чѣмъ сами. Они отличаются сильнымъ тѣломъ, большою круглою головою и крѣпкими острыми когтями на длинныхъ пальцахъ своихъ ногъ; широкія закругленные крылья ихъ и длинный хвостъ напоминаютъ нашихъ сорокъ, а сжатый съ боковъ крючковатый клювъ, оканчивающійся зубомъ, приближаетъ ихъ къ хищнымъ.

Представителемъ одного изъ этихъ родовъ является въ средней Европѣ сорокопуть черноглазый, довольно красивая птица, величиною съ дрозда.

Опереніе его на верхней сторонѣ свѣтлопепельнаго цвѣта, на нижней бѣлаго, съ розовымъ налетомъ на груди, лобъ и уздечка черныя, крылья также черныя, за исключеніемъ бѣлаго пятна, идущаго по корневой половинѣ девяти первыхъ маховыхъ перьевъ. Самка сходна съ самцемъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что ее трудно отличить отъ него.

Пѣніе черноглазого сорокопуга довольно разнообразно: онъ удачно подражаетъ многимъ пѣвчимъ птицамъ. Въ пѣснѣ его слышатся трель жаворонка, перебой перепела, чириканье воробья, щебетанье ласточки и проч.; но ко всему этому онъ прибавляетъ свой собственный призывной кликъ „гэ, гэ, гэ“ или „трую, трую“.

Держится сорокопуть постоянно по опушкамъ листовыхъ лѣсовъ, садясь на самыя верхушки высокихъ деревьевъ. Отсюда онъ быстро нападаетъ на свою добычу, которую составляютъ для него жуки, бабочки, кузнечики, мошки и даже маленькія птички. Схвативъ свою жертву, онъ садится съ ней опять на верхушку дерева и точась же сѣдаетъ, если голоденъ; въ противномъ случаѣ, онъ насаживаетъ ее на острые шипы терновника или акаци, какъ будто желая потѣшиться надъ своею жертвой. На приложенномъ рисункѣ сорокопуть насаживаетъ на шипы мышъ, которая еще жива и грызетъ въ предсмертныхъ своихъ мукахъ суку, сдѣлавшійся для нея висѣлицей.

Органы чувствъ этой птицы чрезвычайно остры, въ особенности зрѣніе. Мыслительныя способности ея также замѣчательны; она хорошо различаетъ опасныхъ и неопасныхъ для нея людей и животныхъ. Благодаря своему мужеству, сорокопуть выказываетъ сильную вражду ко всѣмъ хищнымъ птицамъ, нападая даже на ястребовъ и перепелятниковъ, отъ которыхъ, однакожь, ему достается немало. Съ своими собственными родичами онъ живетъ въ такомъ же плохомъ согласіи, и только во время поры любви царствуетъ полный миръ между супругами одной пары. Гнѣздо свое онъ вьетъ на большой высотѣ, среди густыхъ вѣтвей дерева, употребляя для этого хворостинки, сѣно, солому, шерсть и перья. Самка кладетъ 6—7 яичекъ зеленоватаго цвѣта съ бурными и фіолетовыми пятнышками. Самецъ помогаетъ ей въ высиживаніи птенцовъ, которые выходятъ обыкновенно черезъ 2 недѣли.

Въ неволѣ сорокопуть очень занимателенъ. Онъ скоро дѣлается ручнымъ, научается узнавать своего хозяина, привѣтствуетъ его громкимъ крикомъ, повторяя ему свои смѣшанныя

пѣсни. Конечно, нельзя держать его вмѣстѣ съ другими пѣвчими птицами по его разбойническому характеру. Въ прежнія времена, говорятъ, обучали сорокопуть ловить соколовъ.

Черноглазый сорокопуть принадлежитъ къ перелетнымъ птицамъ. Онъ является въ Европу только въ маѣ и уже въ концѣ августа собирается въ обратный путь. Зиму проводитъ онъ въ средней Африкѣ.

УТЕСЪ У БЕРЕГОВЪ ОСТРОВА Б. МЕНЭНЪ.

У восточныхъ береговъ Сѣверной Америки, въ штатѣ Мэнъ, нѣсколько южнѣе залива Фунди, лежитъ островъ Большой Менэнъ. Онъ расположенъ при самомъ входѣ въ Пассамондскую бухту и очень мѣшаетъ проходу судовъ, въ особенности при юговосточномъ вѣтрѣ. Но берега его, своей дикою красотой, очаровываютъ зрителя и приковываютъ къ себѣ его взглядъ. При лунномъ освѣщеніи, когда разбивающіяся у подножія скалы волны блестятъ серебромъ, берегъ принимаетъ фантастическій образъ. Чернымъ стражемъ съ отблескомъ на верхушкѣ торчитъ у берега обрывокъ отъ скалы и какъ будто хочетъ сказать: „какой корабль отважится подойти сюда!“... И пусто кругомъ,

Лишь вѣтра слышится дыханье
И шумное плесканіе валовъ...

На Дунаѣ и въ Яссахъ.

(Путевые эскизы нашего спеціального корреспондента).

3 первые наброска представляютъ берега Дуная въ Румыніи, т. е. въ Молдавіи и Валахіи. Эта многоводная рѣка, протекающая 2½ тысячами верстъ, беретъ начало въ горахъ Шварцвальда, въ Баденскомъ герцогствѣ, при городѣ Орсовѣ входитъ въ турецкія владѣнія, отъ устья р. Прута до Чернаго моря прежде граничила съ Россією.

„Ахъ, Дунай ты нашъ, Дунай, сынъ Ивановичъ Дунай“, припѣвается въ нѣкоторыхъ нашихъ пѣсняхъ; а въ былинахъ русскихъ Дунай Ивановичъ является храбрымъ, удалымъ молодецомъ, гуляющимъ изъ земли въ землю. И пѣсня, и былина напоминаютъ ту древнѣйшую пору, когда русскіе славяне, за одно съ прочими своими братьями, жили еще при Дунаѣ.

Дунай касается только южной части Молдавіи, а Валахія вся расположена въ Нижнедунайской равнинѣ, странѣ очень плодородной, которая могла бы быть житницею Европы, если бы земли здѣсь обрабатывались какъ слѣдуетъ. Отъ природы край этотъ надѣленъ, какъ нельзя лучше: плодородная почва хорошо орошена рѣками, климатъ здоровый, но не достаетъ дѣятельности со стороны жителей. Молдаво-Валахія или Румыны производятъ, какъ полагаютъ, изъ смѣси древнихъ Даковъ, завладѣвшихъ этими землями въ IV столѣтіи по Р. Х., Римлянъ и, наконецъ, Славянъ. Языкъ ихъ заключаетъ въ себѣ 9/10 псковскихъ латинскихъ словъ и только 1/10 словъ славянскихъ, турецкихъ, венгерскихъ и греческихъ. Румыны крѣпкаго сложенія, способны ко всякаго рода ремесламъ, но лѣнны и склонны къ горячительнымъ напиткамъ. Они занимаются преимущественно скотоводствомъ, предпочитая его тяжелому труду земледѣльца. Валахія производитъ значительное количество хлѣба, особенно кукурузы, любимой пищи Валаховъ; родъ пудинга изъ кукурузы, называемый у нихъ мамалыга, посыпанный бринзою, т. е. овечьимъ сыромъ, составляетъ ихъ національное блюдо.

Безъ большого ухода растутъ здѣсь виноградъ и всякаго рода плоды въ изобиліи. Тучные дуга питаютъ множество лошадей, буйволовъ и всякаго рода домашняго скота, а большіе дѣса даютъ дрова и дичь болѣе, чѣмъ нужно жителямъ; каменной соли также много. Нигдѣ почти нѣтъ столько соловьевъ, какъ въ Нижнедунайской равнинѣ, а по Дунаю и его притокамъ плаваютъ стада пеликановъ, у которыхъ здѣсь хорошей рыбной стоты.

Тремя устьями достигаетъ Дунай Чернаго моря. Дельта его представляетъ огромный дѣсь камыша, вышиною фуговъ въ десять, перерѣзанный рукавами рѣчки, озерами и лужами, гдѣ гнѣздятся стаи водныхъ и болотныхъ птицъ, прячутся буйволы и рыщутъ волки.

Изъ набросковъ видно, что тамъ началась уже весна: по Дунаю, у селенія Затокъ, идетъ ледъ, а рисунки Галаца и Браилова представляютъ рѣку уже свободною ото льда.

Селеніе Затокъ расположено на правомъ, турецкомъ берегу Дуная, какъ разъ противъ города Галаца; оно служитъ таможеннымъ постомъ.

Галацъ — молдавскій городъ, находящійся на лѣвомъ берегу Дуная, между устьями рѣкъ Серета и Прута. Въ немъ былъ заключенъ у насъ съ Турціей миръ въ 1791 г. Городъ составляетъ центръ торговли для всей Румыніи и первоклассный хлѣбный рынокъ: онъ окруженъ сѣбною, имѣетъ много греческихъ церквей, массу магазиновъ для разныхъ товаровъ. Гавань его наполнена русскими, английскими, турецкими и греческими судами. Русскіе привозятъ сюда главнымъ образомъ кожи и табакъ;

греки — сукно, шелковыя ткапи и мягкую рухлядь; турки — сафьянъ, пряности, ароматы; евреи — золотыя издѣлія и разныя камни.

Браиловъ — городъ Валахін, стоитъ также на лѣвомъ берегу Дуная, въ 60 верстахъ (вверхъ по рѣкѣ) отъ Галаца. Близъ устья рѣки Серета, протекающей по срединѣ Молдавіи. Городъ этотъ 3 раза былъ въ рукахъ русскихъ: при Екатеринѣ II въ 1770 г., при Александрѣ I въ 1809 г. и при Николаѣ I въ 1828 году. Онъ представлялъ прежде сильную крѣпость, приобрѣтеніе которой стоило большихъ усилій. По Адрианопольскому миру, въ 1829 году, положено было взорвать минами всѣ его укрѣпленія, съ тѣмъ, чтобы турецкое правительство никогда не возобновляло ихъ. Дунай у Браилова дѣлится на 6 рукавовъ, изъ которыхъ одинъ составляетъ его гавань. Въ послѣдней всегда множество судовъ. Они отправляются отсюда съ разными товарами въ Константинополь. Браиловъ, подобно своему сосѣду, принадлежитъ къ числу первыхъ хлѣбныхъ рынковъ. Жители его съ успѣхомъ занимаются рыбною ловлею; бѣлуги и осетры составляютъ главную добычу ея.

Наброски на предыдущій страницѣ представляютъ картинки изъ жизни Яссы. Хотя городъ этотъ считается молдавскимъ, но главную массу населенія составляютъ евреи, поляки и нѣмцы: молдаване здѣсь только чиновники, небольшое число лавочниковъ и простопародье. Вліяніе нѣмецкаго элемента наглядно показываютъ лошади въ шорахъ и кучеръ съ газетой въ рукахъ. Евреи, какъ видно на наброскѣ, имѣютъ полный просторъ заворачиваться въ свои дырявыя и грязныя тряпки. Выписка на стѣнѣ показываетъ, что и сюда зашла „русская чайная“.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми Д-ра Сниткина С.-Петербургъ 1876 г., тѣна 1 р. 50 к.

Для челоѣка еще недостаточно одной инстинктивной привязанности къ своимъ дѣтямъ, онъ долженъ *умѣть* любить ихъ и заботиться о томъ, чтобы дѣти выросли здоровыми, крѣпкими, умственно и нравственно развитыми. Это долгъ каждаго челоѣка. Къ несчастію, въ нашемъ обществѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаются примѣры самаго небрежнаго отношенія къ дѣтямъ, и полное неуменіе окружить ихъ правильнымъ уходомъ. Оттого-то у насъ и такая громадная смертность между дѣтьми, особенно въ первые мѣсяцы ихъ жизни. Рождаясь на свѣтъ слабымъ, вполне безпомощнымъ, ребенокъ можетъ жить только при условіи попеченій и заботъ о немъ Естественнымъ образомъ, чѣмъ заботы о ребенкѣ разумнѣе, чѣмъ правильнѣе развивается ребенокъ, тѣмъ вѣрнѣе обезпечивается его будущность. Между тѣмъ, въ простыхъ классахъ общества вмѣсто знанія ухода встрѣчается только масса предразсудковъ и различныхъ несообразностей — у людей богатыхъ, вмѣсто удовлетворенія правильныхъ требованій при уходѣ за ребенкомъ — множество совершенно ненужныхъ и даже вредящихъ дѣтямъ заботъ.

Возьмемъ для примѣра изъ числа предразсудковъ хотя одно леченіе отъ *глаза*. Ребенку, видимо не здоровому, онъ нездоровъ отъ недосмотра, отъ скверной, кислой соски, которую окружающіе, желая успокоить ребенка, всовываютъ ему въ ротъ. Но это въ расчетъ не принимается и нездоровье относятъ къ *глазу*. Тогда наговариваютъ надъ водой принятая въ этомъ случаѣ слова и этой водой вспрыскиваютъ ребенка совершенно неожиданно. Понятно эффектъ такого обращенія! Въ богатыхъ домахъ изъ множества неправильно понятыхъ ухаживаній за ребенкомъ воз-

мемъ хотя даже куреніе ароматическими веществами въ дѣтской комнатѣ, тяжелые занавѣсы, ширмы, ковры — тогда какъ необходимо одна лишь чистота, чистота самая безукоризненная, и больше свѣта и больше простора для объема воздуха.

Ухаживающіе за дѣтьми должны содѣйствовать правильному росту ребенка всѣми разумными мѣрами. Знаніе ухода необходимо какъ матерямъ, такъ и нянямъ, берущимся за дѣло воспитанія.

Вотъ потому-то и необходимо большое распространеніе въ публикѣ здоровыхъ понятій и научныхъ свѣдѣній по части воспитанія, чтобы наши женщины, въ рукахъ которыхъ находится первое воспитаніе рождающагося челоѣка, дѣйствовали сознательно, безъ грубыхъ ошибокъ, вредно вліяющихъ на правильный ходъ развитія молодого организма.

Вышедшая въ концѣ истекшаго года книга Д-ра Сниткина «Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми» истинно порадовала тѣмъ, что въ ней собраны совѣты опытнаго руководителя, основанные на научныхъ истинахъ и проверенные личнымъ опытомъ. Въ простомъ ясномъ изложеніи, Д-ръ Сниткинъ преподаетъ приемы пеленанія, кормленія, купанія ребенка. Даетъ совѣты для выбора кормилицъ, указываетъ способы искусственнаго кормленія. Онъ говоритъ о содержаніи дѣтской комнаты, о пріученіи ребенка къ прогулкамъ, о первыхъ играхъ; а во второй половинѣ книги сообщаетъ свѣдѣнія о всевозможныхъ болязняхъ, встрѣчающихся у дѣтей — ушибахъ, эпидемическихъ и заразительныхъ болязняхъ. Излагаетъ примѣры для распознаванія болязни и способы первоначальной помощи.

Книгу Д-ра Сниткина можно считать прекраснымъ приобретеніемъ, въ особенности же для лицъ, живущихъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ достать доктора представляется большой трудностью.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Выражаясь фигурнымъ языкомъ поклонниковъ всяческаго умиротворенія, Сербіи уже «преподнесена теперь пальмовая вѣтвь мира», потому что вотъ уже сербскіе делегаты, Христичъ и Матичъ, въ сопровожденіи Пертефъ-Эфенди, выѣзжаютъ изъ Константинополя. Пертефъ-Эфенди везетъ съ собою пресловутый, но все еще неизвѣстный со стороны содержанія, сострипанный султаномъ фирманъ, которымъ *возстановлены прежнія отношенія* между Портою и Сербіей. Черногорія тоже на пути къ примиренію съ Турціей, но примиренію почетному. По послѣднимъ извѣстіямъ, переговоры въ Константинополь между делегатами Черногоріи и представителями Порты подвигаются впередъ очень туго. Черногорцы требуютъ исправленія границъ княжества, съ присоединеніемъ къ Черногоріи порта Спицца, водворенія на родинахъ семействъ, бывшихъ изъ Герцеговины, и представленія черногорцамъ права свободнаго плаванія по Скутарійскому озеру и рѣкѣ Боянѣ; послѣдній пунктъ, впрочемъ, черногорскіе делегаты считаютъ второстепеннымъ, но за остальные пункты делегаты стоятъ твердо, признавая ихъ *основными*, не подлежащими никакимъ измѣненіямъ, а тѣмъ менѣ сокращеніямъ. Турецкій совѣтъ министровъ, по совѣщаніи, призналъ эти требованія «чрезмѣрными». Но черногорскіе делегаты остаются непреклонными и продолжаютъ съ энергіей настаивать на своихъ требованіяхъ. Предстоитъ новое обсужденіе дѣла въ совѣтѣ турецкихъ министровъ.

Въ Сербіи такъ называемая «великая сербская скуштина», имѣвшая цѣлью обсудить заключеніе мира съ Турціей, существовала всего *полтора часа*, и это потому, что цѣль, для которой она собиралась, была уже предрѣшена, такъ что открытіе ея было замедлено до послѣдняго дня перемирія. При открытіи ея произнесена была княземъ Миланомъ рѣчь о необходимости мира. Затѣмъ Ристичъ изложилъ условія мира. Нѣкоторые депутаты прерывали рѣчь Ристича. Далѣе послѣдовало голосованіе «за миръ или за войну». Понятно, что большинство оказалось за миръ. Въ заключеніи князь приказалъ министру прочитать указъ о закрытіи скупщины, изготовленный раньше. Но на слѣдующій день князю поданъ былъ адресъ, покрытый множествомъ подписей, въ которомъ выражена была горячая просьба о созваніи снова скупщины и не выискило дѣла. Но адресъ этотъ не былъ принятъ княземъ. Послѣ этого распространились слухи о протоколѣ скупщины, подписанномъ меньшинствомъ, о торжествѣ англійскаго вліянія въ Конатѣ сербскаго князя и т. д. Слухи эти какъ нельзя болѣе естественны. Сербія побѣждена превосходствомъ дикой силы и ей не должна вмѣняться въ моральномъ смыслѣ, ея посильность заключенія мира. Ей, изнемогшей, нужно вздохнуть отъ глубокихъ ранъ.

По поводу выборовъ депутатовъ въ турецкій парламентъ, производимыхъ въ разныхъ провинціяхъ Турціи, происходятъ все-

на забавныя столкновения. Такъ, недавно населеніе въ Ливанъ и Критъ отказалось выбрать депутатовъ въ національное собраніе. Но губернаторъ о—ва Крита приказалъ произвести выборъ насильственно (?). Мы, по всей вѣроятности, еще много встрѣтимъ въ будущемъ такихъ подвиговъ турецкихъ чиновниковъ по поводу выборовъ, если только судьба надолго опредѣлила игру турецкой конституціонной комедіи, къ несчастію, неразрывно связанной все съ новыми и новыми проявленіями турецкаго звѣрства надъ балканскими христіанами. Недавно одинъ, грекъ, выбранный въ турецкій парламентъ, сложилъ съ себя это званіе... Все эти эпизоды весьма знаменательны для quasi-конституціонной жизни Турціи.

Затѣмъ Турція дѣлаетъ выходки, уже просто непонятныя по своей дерзости. Такъ, недавно въ Дарданеллахъ турецкое правительство велѣло задержать нашъ пароходъ «Цесаревичъ», шедшій изъ Одессы съ грузомъ хлѣба въ Каттаро. Уже была послана телеграмма въ Дарданеллы съ приказаніемъ задержать пароходъ, но послѣдній прошелъ проливъ раньше получения телеграммы турецкими властями.

Въ рендантъ къ этому рзкому факту турецкой дерзости нужно присовокупить еще и другой. Австрійскіе пароходы возятъ военные снаряды въ Батумъ и Варну. Услужливость Турціи со стороны Австріи — неизбѣжная политическая комбинація. Впрочемъ, что касается Турціи, то почти изъ всѣхъ источниковъ подтверждается, что тамъ господствуетъ во всѣхъ дѣлахъ величайшая пуганица, прогрессивно растущая съ умерщвления Абдуль-Азиса. Государство колеблется изъ стороны въ сторону, и никто не знаетъ, въ состояніи ли Порты завтра выполнить сегодняшнія свои обѣщанія. Въ виду этого, становится въ туинку все остроумныя комбинаціи европейскихъ публицистовъ на счетъ возможности войны. Недавно произошло на всѣхъ странное впечатлѣніе то обстоятельство, что Порты отправила флотъ въ Средиземное море, но сама Порты объясняетъ это намѣреніемъ «привести морскіе маневры».

— Пребываніе въ Берлинѣ нашего константинопольскаго посла, генерала Игнатьева, дало, по обыкновенію, европейской прессѣ обильный матеріалъ для разнообразныхъ комбинацій въ пользу войны или мира. Вопросъ ставится такъ: имѣетъ ли политическое значеніе путешествіе генерала по Европѣ. Намъ кажется предрѣшеніе этого вопроса теперь излишне и преждевременно.

Въ засѣданіяхъ обѣихъ палатъ англійскаго правительства мы встрѣчаемъ обсужденіе различныхъ пунктовъ восточнаго вопроса, преимущественно со стороны знаменитой Парижской деклараціи 1856 г. Почему эта декларація интересуетъ Англію въ лицѣ ея ораторовъ, понятно. Парижская декларація создала для балканскихъ славянъ именно то положеніе, которое стало, наконецъ, невыносимо и произвело взрывъ возстанія. Для Англіи эта декларація выгодна и потому такъ много треплется на нее краснорѣчьи. Въ недавнемъ засѣданіи Палаты Общинъ происходили пренія объ этой деклараціи со стороны *морскаго права*. Читателю понятно, на что мѣтятся Англія, поднимая въ парламентъ обсужденіе вопроса о морскомъ правѣ въ настоящее время. Для Англіи ея сила есть именно морское право, т. е. право силы и злоупотребленіи этимъ правомъ. Ей надо, въ виду возможности войны, заручиться правомъ морскаго захвата и каперства, въ какомъ отношеніи парижская декларація 1856 г. связывала ей руки. Одинъ изъ ораторовъ, Биркъ, однакожъ, тонко далъ понять, что обсужденіе подобнаго вопроса, собственно говоря, пустошное; что стоить только разразиться войнѣ — и договоръ о неприкосновенности частныхъ судовъ на морѣ не будетъ даже стоить итѣмпелной бумаги, на которой находится имени подписавшихъ его! — Правда и откровенно!

— Въ Америкѣ выбранъ въ президентъ республиканскій кандидатъ Гейсъ — это уже совершившійся фактъ. Гейсъ уже занялъ присвоенное президенту Сѣверо-Американскаго Союза помѣщеніе въ Вѣдомъ Домѣ. Программу своего правительства новый президентъ отчасти уже выяснилъ въ своемъ посланіи, за-

явивъ, что *нормой* его управленія будутъ взгляды, выраженные имъ при принятіи имъ кандидатуры. Какіе же эти взгляды? Развитие ихъ и практическое примѣненіе, безъ сомнѣнія, не замедлятъ воспослѣдовать. Покажемъ новый президентъ указываетъ на необходимость улучшить положеніе обдѣившаго населенія южныхъ штатовъ и рекомендуетъ возстановить мѣстное самоуправленіе, которое сохранило бы ненарушимыми права всѣхъ гражданъ. Затѣмъ Гейсъ совѣтуетъ своимъ согражданамъ искренно подчиниться конституціи и государственному закону. Республиканцамъ рекомендуетъ онъ дѣйствовать единодушно съ демократами. Въ видѣ средства для улучшенія моральнаго положенія населенія Америки, Гейсъ предлагаетъ основывать свободныя училища. Направлены будутъ усилія *насеи* уничтожить *цветовое различіе* между сѣверомъ и югомъ штатовъ. Въ Сѣверо-Американской конституціи предпологается ввести измѣненія въ томъ смыслѣ, чтобы президентъ былъ избираемъ на *шест* лѣтъ и уже не могъ быть избираемымъ вновь. Шаткость торговли Гейсъ намѣренъ поправить изданіемъ закона относительно возобновленія платежей звонкою монетою. Относительно внѣшней политики провозглашается принципъ *немыслительства* въ дѣла другихъ государствъ. Третейскій судъ, по примѣру Гривта, будетъ примѣняться въ важныхъ международныхъ вопросахъ. Такова программа Гейса. Приведенные пункты ея, особенно же касающіеся отмены бумажныхъ денежныхъ знаковъ и возстановленія платежей золотою монетою — весьма важны (практическое примѣненіе этого пункта весьма поучительно, напримѣръ, для насъ). Мы будемъ имѣть случай познакомиться читателями съ практическимъ примѣненіемъ программы Гейса.

«Русскій Инвалидъ» надняхъ сообщилъ о состоявшемся распоряженіи по сформированію новыхъ девяти корпусовъ. По словамъ газеты, преобразование это есть ничто иное, какъ одна изъ частей общаго плана переустройства и расширенія нашей военной организаціи, разработаннаго и Высочайше утвержденного еще въ 1873 году, когда признано было необходимымъ развить и усилить наши вооруженныя силы и оборонительныя средства. Однакожъ, самая организація корпусовъ не была приведена въ исполненіе, частью по финансовымъ соображеніямъ, частью же потому, что въ то время не была еще осуществлена нормальная дислокація, на которой основывалось распредѣленіе войскъ по корпусамъ, а безъ этого части одного и того же корпуса оказались бы слишкомъ разбросанными.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

8. И. Куз — у. Изъ вашихъ стиховъ въ почтовый ящикъ трудно сдѣлать выборъ: одна строка лучше другой. Беремъ на удачу:

Въ эту ночь звѣзды блескали
А луна текла поэма
Тамъ въ Царградѣ сообрались мумии на звѣздахъ гадали
Счастлива ли будетъ война.

Или: Изъ за морей явились
Черныя тучи и потомъ
Розовыми патями онъ покрывался
И понеслись съ вѣтромъ.

Едва ли можно сочинить* что нибудь боѣ... странное.

9. Прага, Л. Марини. Разсказъ «Лобъ Гойдомъ», взять можеть, но времени его напечатанія нельзя опредѣлить. Увѣдомьте объ условіяхъ. Переводами обильно богаты и здѣсь.

2. Новгородъ, С. Бур — ому. Нужно подождать напечатанія статей; но не можеть сказать, чтобы это случилось очень скоро.

СОДЕРЖАНІЕ: Вѣчная ткань. (Стихотвореніе) Я. Полонскаго (съ рисункомъ). — Сосредоточилась. (Экзальзъ съ натуро) Г. — а. — Къ исторіи морской змѣи (съ 3-ми рисунками). — Литературный альбомъ. («Шойловъ». Драма Шекспира) (съ рис.) — Англійскія права. (Травля крысъ) Р. — Соролонутъ чернолобый (съ рисункомъ). — Утѣсь у береговъ острова Б. Менонъ (съ рисункомъ) На Дунаѣ и въ Яссахъ. (Путевые эскизы нашего спеціального корреспондента И. Каразина) (съ 11 рисунками). — Библиографія. — Политическое обозрѣніе. — Почтовый ящикъ. — Объявленія. — Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСІЯ МОДЫ за МАРТЪ съ 29 рисунками и большой листъ съ 26 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и «съ 12 рисунками руководящихъ работъ и разнообразными бумажками для шитья бѣльа».

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

ДЛЯ РУССКИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ.

Томъ III вып. I содержащее сочин. Р. И. Шредера («Русскій огородецъ, питомникъ и плодовой садъ»). Ц. 2 р.

Для непріобрѣтавшихъ «Настольную книгу» сочиненіе это поступило въ продажу и въ особомомъ изданіи подъ заглавіемъ:

РУССКІЙ ОГОРОДЪ, ПИТОМНИКЪ И ПЛОДОВЫЙ САДЪ.

Сочин. Р. И. Шредера, главнаго садовника и преподавателя садовод. въ Петрозев.

Землед. Академіи. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 руб. 75 коп.

Сочиненіе это представляетъ новѣйшее, полнѣйшее и самое дешовое руководство садоводства на русскомъ языкѣ; оно основано на 25-лѣтнемъ опытѣ автора и на изслѣдованіяхъ произведенныхъ имъ въ теченіи этого времени въ разныхъ климатическихъ поясахъ Россіи. Гг. Изягородиме, адресующие свои требованія прямо на имя издателя А. Ф. Маркса въ С.-Петербургъ (Вас. Остр., Большой пр., № 8) за пересылку не платятъ.

— НОВЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАНІЯ. —

Этимъ способомъ великій безъ малѣйшей подготовки можеть копировать всевозможные рисунки, фотографіи, эстампы, а также съ натуры: цветы, минералы и т. п. Цена за приборъ (съ приложеніемъ новаго способа умноженія посредствомъ скоженія) 2 руб. съ пересылкою. Адр.: въ контору объявленій Невскій пр. д. Ергеня въ С.-Петербургъ. 1—1

У книгопродавца Манухина въ Москвѣ:

КНИГА ПРОЦЕНТОВЪ.

вычисленные съ капиталовъ отъ рубля до ста тысячъ р. за время отъ дня до полнаго года. Состав. В. Колосинъ. М. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к. въ переплетѣ 3 р.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ПѢНИЯ

Собраніе пѣсень *всѣхъ націй*, романсовъ, оперныхъ арій, водевилныхъ куплетовъ, шансонетовъ, комическихъ, юмористическихъ и стихотвореній; съ прилаганіемъ при многихъ №№ обозначены ноты для голоса. Составилъ. Общ. Любителей пѣни и музыки. М. 1876. Ц. 3 р.

КАЛЕНДАРЬ ВРЯСОВЪ.

Съ портретами Брюса и предсказаніями будущности, таблицъ круга луннаго и пр., 19 отдѣловъ. Харьковъ. 1875 г. Ц. 2 р., въ переплетѣ 3 руб.

ДОМБИ И СЫНЪ

романъ въ 3 частяхъ Дикенса. М. 1877 г. Ц. 3 руб. ШУТЬ. Собраніе куплетовъ, сатарическихъ народныхъ сѣтъ и веселыхъ разсказовъ. Соч. Мушинскаго М. 1876 г. Цѣна 50 к.

Лицамъ интересующимся дѣломъ благопріятія и само—помощи рекомендуется новая книга составленная Г. Е. Землемейеръ:

— БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ЛОНДОНА —

содержащая критическую оцѣнку РУССКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ. Эта книга удостоена посвященія Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Ц. съ пересылкою 1 р. въ издѣл. переп. 2 р. Складъ у автора въ Центральное бюро объявленій и переводовъ Невскій пр. № 4 1—1

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы

№ 11 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Выдавъ 14 Марта 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ порес. 20 к.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины Г. Гр. Соловьева, А. Ланга и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во все другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1877 г. номера „Нивы“.

А. А. Непокойчицкій.

Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ дѣятелямъ на поприщѣ государственной службы, заслуги которыхъ можно, безъ всякаго преувеличенія, измѣрять полнымъ числомъ лѣтъ ихъ службы.

Окончивъ съ отличіемъ курсъ наукъ въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества Корпусѣ (въ 1832 г.) и вслѣдъ затѣмъ въ Военной Академіи (въ 1835 г.), Непокойчицкій поступилъ немедленно на службу въ 5-й пѣхотный корпусъ, въ которомъ, по зачисленіи въ Генеральный Штабъ, занималъ (съ 1836 по 1849 годъ) послѣдовательно должности: дивизионнаго квартирмейстера, старшаго адъютанта въ корпусномъ штабѣ, оберъ-квартирмейстера корпуса и принималъ, въ этотъ промежутокъ времени, участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ, въ кампанію 1841 г.— по особому назначенію, въ кампаніи же 1843, 1844 и 1845 годовъ — съ войсками 5-го пѣхотнаго корпуса подъ командою генерала отъ инфантерій Лидерса. Ему повезло, такимъ образомъ, пройти первую практическую школу военнаго дѣла подъ руководствомъ одного изъ самыхъ талантливыхъ и опытныхъ генераловъ нашей тогдашней арміи, какимъ былъ, безъ сомнѣнія, покойный графъ Александръ Николаевичъ, и пройти на столько успѣшно, что съ открыті-

Генераль-Адъютантъ, генераль отъ инфантерій, начальникъ штаба дѣйствующей арміи, Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій. Грав. съ фотогр. Вейерманъ.

емъ венгерской кампаніи Непокойчицкій уже является однимъ изъ сотрудниковъ своего славнаго руководителя: съ іюня 1849 года — исправляя должность начальника штаба отряда войскъ 5-го корпуса, дѣйствующаго въ Трансильваніи *), а съ сентября того же года — исправляя должность начальника штаба войскъ, находящихся въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи.

Дѣйствія генерала Лидерса въ Трансильваніи, блистательно выполненнаго совершенно самостоятельную часть общаго плана венгерской кампаніи нашей, достойны, конечно, занять почетное мѣсто въ военной исторіи, а насколько генераль этотъ цѣнилъ участіе въ подобномъ успѣхѣ своего начальника штаба, о томъ уже бесспорно свидѣлствуютъ послѣдующія назначенія Артура Адамовича Непокойчицкаго подъ команду къ тому же генералу Лидерсу: начальникомъ штаба 5-го корпуса (въ январѣ 1852 г.), начальникомъ штаба южной арміи (въ мартѣ 1855 г.), начальникомъ главнаго штаба южной арміи и войскъ, въ Крыму расположенныхъ (въ декабрѣ 1855 г.), и начальникомъ главнаго штаба вновь сформированной второй арміи (въ мартѣ 1856 г.).

*) Послѣ генерала Скаряткина смертельно раненаго въ сраженіи при Сечесварѣ.

В течение последних 20 лет мирного времени Артурь Адамович не переставал служить интересам той же армии, с которою такъ сблизился и сроднился въ эпоху своей боевой службы. Въ званіяхъ члена военного совѣта, председателя главнаго военно-кадрификаціоннаго комитета, председателя многихъ особыхъ временныхъ комиссій онъ принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и предложеній какъ административныхъ, такъ и законодательныхъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, Артурь Адамовичъ состоитъ начальникомъ штаба нашей дѣйствующей армии. Считаемо не лишнимъ сообщить здѣсь о недавней кавалерійской поѣздкѣ его изъ Кишинева въ Одессу. Разстояніе между этими двумя пунктами считается около 170 верстъ и, по первоначальному предположенію, кавалерійскій отрядъ, назначенный въ эту поѣздку, долженъ былъ пробѣжать данное разстояніе въ два дня, полагая на каждый день около восьмидесяти верстъ движенія. Цѣль поѣздки, кромѣ желанія проверить степень выносливости коней и всадниковъ, заключала въ себѣ еще и желаніе доставить неожиданное удовольствіе Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему, который, въ качествѣ генераль-инспектора кавалеріи, своими настойчивыми трудами довелъ русскую конницу до того, что для нея подобные переходы и пробѣжки стали самымъ обыкновеннымъ дѣломъ.

30-го января, въ 7 часовъ утра, генераль-адъютантъ Непокойчицкій, въ сопровожденіи свиты изъ охотниковъ-кавалеристовъ, выступилъ съ дивизиономъ терцевъ и кубанцевъ изъ Кишинева. Не успѣлъ отрядъ отойти отъ города и десяти верстъ, какъ поднялась жестокая буря. Студеный сѣверо-западный вѣтеръ вылъ, не переставая ни на минуту, и безпрестанно налеталъ столь порывистыми шквалами, что порою заливалъ съ ногъ не только пѣшеходовъ, но даже, какъ передаютъ очевидцы, опрокидывалъ и запряженныхъ телѣги. Страшно было и подумать, чтобы выѣхать куда-либо за городъ, и даже парные извозчики, такъ называемые „фазонщики“, поряженные нѣкоторы-

ми лицами, за 30 рублей каждый, до Гурь-Галбины, мѣстечка, лежащаго въ сорока верстахъ отъ Кишинева, возвращали напимателямъ задатки, наотрѣвъ отказываясь выѣхать въ такую непогодь. Очевидцы сказываютъ, что въ этомъ же краю помнятъ подобную бурю только двадцать два года назадъ, когда два батальона, посланные изъ Кишинева въ Измаилъ и Килію, совершенно погибли, закоченѣвъ въ стѣни отъ нестерпимаго холода. Понятно, что въ виду такого состоянія погоды, всѣ военные люди, оставшіеся въ Кишиневѣ, крайне тревожились и даже серьезно опасались за исходъ кавалерійской поѣздки, а въ особенности за здоровье генераль-адъютанта Непокойчицкаго. Только на третью сутки узнали изъ частныхъ телеграммъ, что 1-го февраля, въ часъ пополудни, отрядъ благополучно и въ полномъ своемъ составѣ прибылъ въ Одессу, прошелъ вдоль по городу до Ришельевского бульвара, на которомъ имѣетъ помѣщеніе во дворцѣ Его Императорское Высочество и былъ проведенъ генераль-адъютантомъ Непокойчицкимъ церемониальнымъ маршемъ мимо Главнокомандующаго, который изволилъ смотрѣть изъ окна. Его Императорское Высочество остался совершенно доволенъ бодрымъ видомъ людей и свѣжестью лошадей, прошедшихъ 170-верстный путь въ три перехода при такихъ ужасныхъ условіяхъ погоды, и нашелъ весь отрядъ въ полномъ порядкѣ. Заболѣвшихъ всадниковъ и лошадей не было; оказалось только нѣсколько расквашенныхъ коней. Въ первый день отрядъ непрестанно бурею сдѣлалъ 76½ верстъ и остановился въ селеніи Карагашъ, а 11-я бригада, прошедшая около 90 верстъ, расположилась бивуакомъ въ колоніи Страсбургъ. Остальной путь, въ виду ужаснаго состоянія погоды, былъ раздѣленъ на два перехода, одинъ въ 56 и другой въ 44 версты. Генераль-адъютантъ Непокойчицкій все время слѣдовалъ верхомъ во главѣ отряда и, какъ свидѣтельствуютъ телеграммы и частыя письма, по прибытіи въ Одессу чувствовалъ себя, не смотря на свои почтенные годы, совершенно бодрымъ, свѣжимъ и здоровымъ.

ЖЪ ФОРТЕПЯННОЙ ПЬЕСЪ „ГОССАТА“, ШУМАНА.

Съ неба теплымъ покрываломъ
Ночь осенняя спустилась;
Вся земля туманомъ сѣрымъ,
Словно саваномъ, укрылась.
Дождикъ мелкій бьетъ въ окошко,
Вѣтеръ грустно завываетъ...
Этотъ вой тоску мнѣ въ сердце
Поневолѣ нагоняетъ:
То заплачетъ какъ ребенокъ,
То съ рыданьемъ оборвется,
То съ какимъ-то дикимъ стономъ
Вилоть къ окошку принесется...
Вдругъ затихъ... По стекламъ струйки,
Словно слезы, полилися,
Стоны, плачь, рыданья вѣтра
Въ даль куда-то унеслися...
Еле слышенъ тихій ропотъ...
Этотъ стонъ изъ-за могилы
Преодо мною вызвалъ образъ,
Горько-памятный и милый...

* * *

Много, о много ты въ жизни страдала,
Счастливыхъ дней ты почти что не знала,

Ночью осеннюю ты умирала...
Я лишь рыдалъ, ты-жь меня утѣшала,
Слабой рукой мою руку сжимала:
„Полю, родной мой“, чуть слышно шептала...
Тихо душа разставалась съ землей,
Въ міръ навсегда отлетая иной...

* * *

Въ эту ночь тоски и горя,
Какъ со мною ты простилась,
Вся земля въ туманѣ сѣромъ,
Какъ теперь, до утра скрылась.
Дождикъ также билъ въ окошко
И, въ рыданьяхъ надрываясь,
Съ тѣмъ же самымъ дикимъ стономъ,
Вилоть къ окошкамъ порываясь,
Несся вѣтеръ. И по стекламъ
Также струйки слезъ лилися,
Также плачь и стоны чьи-то
Въ даль безвѣстную неслися.

А. Размадзе.

СОВРЕМЕННЫЙ ЖЕНИХЪ.

(ЖАРТИНКА СЪ НАТУРЫ).

До отхода поѣзда въ Москву осталось часъ времени; Петербургскій вокзалъ Николаевской желѣзной дороги полонъ суетящагося снующаго взадъ и впередъ народа. Уже началась та хлопотливо-суетливая, беспорядочно-хаотическая дѣятельность, которая достигаетъ своего апогея за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда, когда суетливая толкотня, переноска тяжестей багажа, говоръ, возгласы, гамъ, соединяясь съ безпрестаннымъ свистомъ и шипѣньемъ локомотивовъ, заставляютъ непривычнаго къ такой суетѣ и толкотнѣ выходить изъ себя и дѣлать возгласы, въ родѣ: „чертъ ихъ носить—угорь-лье“. Какъ не позавидовать тѣмъ счастливымъ, которымъ удалось уже получить билетъ, сдать свой багажъ и спокойно ожидать звонка. Къ числу такихъ можно отнести Алексѣя Алексѣевича Алексѣева, который уже сдалъ свой багажъ и неторопливо пробирается отъ кассы.

Алексѣй Алексѣевичъ Алексѣевъ—молодой человекъ лѣтъ двадцати шести, брюнетъ съ пробивающимися на верхней губѣ тонкими, темными усами; сѣрые глаза его изъ-подъ черныхъ тонкихъ бровей глядятъ спокойно, ясно, а на довольно красиво очерченныхъ губахъ его появляется едва замѣтная презрительная улыбка, что отчасти ему къ лицу; одѣтъ онъ по дорожному и нѣсколько щеголеватый костюмъ его сидитъ на немъ ловко и красиво; движенія его отличаются развязною неторопливостью, твердостью и увѣренностью; словомъ, онъ смотритъ человекомъ не только довольнымъ положеніемъ своихъ обстоятельствъ, но и довольнымъ собою.

Молодая дѣвушка въ драповомъ пальто съ перехваченнымъ у талии поясомъ, замѣтивъ Алексѣева, пошла было къ нему на встрѣчу, но, сдѣлавъ нѣсколько ша-

говъ, сложила руки и остановилась. Дѣвушка эта не поражала красотой; черты ея лица были хотя нѣжны и довольно пропорціональны, но далеко не отличались безукоризненною правильностью; тѣмъ не менѣе, видъ ея былъ весьма симпатиченъ, а озарившая было ея лице, при появленіи Алексѣева, улыбка была восхитительна. Но это было мгновеніе; вслѣдъ за радостною улыбкой свѣтлорусая ея головка, прикрытая круглой бархатной шляпкой съ повязаннымъ на ней бѣлымъ газовымъ вуалемъ, уже печально склонилась; и изподлѣбя устремленный на подходившаго молодого человѣка, взглядъ ея темно-синихъ глазъ выразилъ и робость, и душевную тревогу.

— Ну, слава Богу! Справился! сказалъ Алексѣевъ, подходя къ дѣвучкѣ, и, справляясь съ часами, прибавилъ: еще три четверти часа осталось! Да! какъ бы спохватясь сказалъ онъ — я, кажется, зонтикъ и сакъ оставилъ тамъ, на скамейкѣ!?

— Мама стережетъ вашъ зонтикъ, и мѣшокъ! замѣтно волнуясь, отвѣчала молодая дѣвушка, указывая по направленію, гдѣ сидѣла худоцавая пожилая дама въ атласномъ поношенномъ салопѣ.

— А, а! протянулъ Алексѣевъ.

Они пошли рядомъ. Люба вздохнула.

— Я никакъ не могу свыкнуться съ мыслью, что вы уѣзжаете! Какое-то зловѣщее предчувствіе тревожитъ мое сердце! И по правдѣ вамъ сказать, я не понимаю причины зачѣмъ вамъ ѣхать, — говорила Люба, и на рѣсницахъ ея навертывались слезы. Вы говорите, что меня любите, а не обращаете вниманія на то, какъ мнѣ тяжело переносить разлуку съ вами! Или вы перестали меня любить и вамъ не жаль меня, вашей невѣсты, которую, по словамъ же вашимъ, вы выбрали спутницей жизни и въ горѣ и радости?.. Не уѣзжай, милый! Дѣло не уйдетъ изъ рукъ, — будь въ томъ увѣренъ!.. Ужь послѣ свадьбы, — уѣхали бы вмѣстѣ жить и работать! А не то, — такъ мы съ мамою живо собрались бы и уѣхали бы съ вами вмѣстѣ?

— Люба, вы меня мучите! сказалъ ей Алексѣевъ. Я васъ дважды не понимаю! Мнѣ нужно ѣхать и ѣхать скорѣе; считаю, что дѣло это не терпитъ отлагательства, а я изо дня въ день, благодаря вамъ, и то откладывалъ поѣздку! Наконецъ, вѣдь я вамъ разъяснялъ и вы разсудили, что гораздо удобнѣе, сходяще мнѣ ѣхать теперь одному! И что за такая чепуха эти „зловѣщія предчувствія“.

— Да! отвѣчала Люба, — это чепуха! Не только чепуха—это жалко и смѣшно! Но какъ мнѣ не тревожиться: вы выбрали меня въ спутницы своей жизни, день свадьбы нашей уже былъ назначенъ — вдругъ вы рѣшаетесь отложить свадьбу, разстаться со мной и только потому, что получили предложеніе быть управляющимъ на какомъ-то тамъ заводѣ...

— Да... но вѣдь я же не отказываюсь отъ васъ, — перебилъ Алексѣевъ.

— Не отказываетесь! съ горькой усмѣшкой повторила Люба.

— Развѣ возможно, — перебилъ Алексѣевъ, — мнѣ легко отнестись къ случаю, доставляющему столько выгоды и средствъ къ жизни? Нѣтъ, Люба! Я пренебрегалъ бы этимъ развѣ въ томъ только случаѣ, еслибъ увлекался, какъ этого вамъ желательно; а такъ-какъ я не увлекаюсь, подобно вамъ, то и не желаю ставить на второй планъ свои выгоды изъ-за ничѣмъ необъяснимой поспѣшности сочетаться бракомъ!

— Вотъ что! обидчивымъ тономъ сказала Люба. Слѣдовательно, по вашимъ словамъ, выходитъ, что ко мнѣ и къ моей любви можно отнестись легко потому, что вы мною только увлекаетесь?!

— Вы даже неудачно придираетесь къ моимъ словамъ! отвѣчалъ ей Алексѣевъ. Я вами вовсе не увлекаюсь! И слава Богу! Увлеченіе я считаю безотчетнымъ,

разнуданнымъ и глупымъ чувствомъ, а потому стараюсь избѣгать всякихъ увлеченій, и отношусь ко всему разумно: несоблюденіе сего благого правила, по моему, служило и служитъ источникомъ многихъ золъ въ жизни. Небольшая еще заслуга — продолжалъ съ насмѣшливо-презрительнымъ тономъ Алексѣевъ—увлечься женщиной и затѣмъ, вмѣсто обоюднаго счастья, сдѣлать жизнь другъ другу невыносимымъ бременемъ.

— Но какое же чувство руководило вами, когда вы за меня сватались?

— Такое, которое гораздо прочнѣе безотчетнаго увлеченія! чувство того сознательнаго уваженія, расположенія, если хотите, той любви, которую я къ вамъ питаю и питаю, гдѣ самая сознательность служить какъ бы ручательствомъ, залогомъ будущаго счастья семейнаго очага!

— О, милый! съ нѣжностью говорила Люба. Но точно ли вы истинно любите меня? Любите ли вы меня такъ, какъ я васъ люблю! Мнѣ все кажется, что вы меня такъ мало любите, что я и моя любовь для васъ нисколько не дороже выгоднаго случая, въ родѣ мѣста съ большимъ жалованьемъ!

— Вѣроятно, вы хорошо знаете, — съ нѣкоторой досадою отвѣчалъ Алексѣевъ, — что я вамъ сдѣлалъ предложеніе, предварительно хорошо обдумавъ это дѣло! Я нашелъ въ васъ нѣкоторымъ образомъ цѣнность, которая оправдываетъ мой выборъ съ точки зрѣнія разума. Цѣнность эта состоитъ: во-первыхъ, въ нравственныхъ вашихъ достоинствахъ; во-вторыхъ, въ физическихъ вашихъ достоинствахъ, ибо недостатокъ привлекательности, молодости, здоровья и такъ далѣе все же составляетъ недостатокъ, а въ этомъ случаѣ тѣмъ паче; въ-третьихъ, равнымъ образомъ, и въ выгодахъ, приносимыхъ вами съ чисто матерьяльной хозяйственной стороны, другими словами, въ вашихъ 20 тысячахъ рублей и въ домѣ. Состоящая, какъ видите, изъ всего этого ваша цѣнность и послужила достаточнымъ поводомъ сдѣлать мнѣ предложеніе...

— А если вамъ встрѣтится особа, по вашему, имѣющая большую цѣнность, чѣмъ я? Тогда что? Не долго думая, вы смѣните меня на нее?

— Ахъ, Люба! Что говорить о томъ, чего еще нѣтъ? Можемъ ли мы вѣрно сказать, что съ нами будетъ и чего не будетъ? На все есть свои правила! съ достоинствомъ сказалъ Алексѣевъ. Правила эти вытекаютъ изъ самой природы вещей; и всякій порядочный человѣкъ, дорожащій своимъ благосостояніемъ, сообразуется съ этими правилами долга, чести, добра и справедливости, обусловливающими его личный интересъ и существованіе и неприкосновенность его семейнаго очага!...

Дѣвушка съ лихорадочнымъ напряженіемъ вслушивалась въ слова Алексѣева, и по лицу ея видно было какія душевныя страданія переживаетъ она, слушая его.

Раздался первый звонокъ. Двери залы открылись на дебаркадеръ настежь. Все еще больше задвигалось и масса пассажировъ, перегоняя другъ друга, повалила къ выходу на дебаркадеръ. Совсѣмъ затерявшаяся въ этой движущейся массѣ народа Люба, какъ бы ошеломленная чѣмъ-то, остановилась и остолбенѣла.

Алексѣевъ, подошедъ и подавъ Любѣ руку, вывелъ ее изъ этого состоянія и повелъ къ тому мѣсту, гдѣ была ея мать. Дѣвушка, склонясь къ плечу Алексѣева, заплакала....

— Ну, прощайте Анисья Захаровна! Пора мнѣ; боюсь опоздать! сказалъ Алексѣевъ, подошедъ вмѣстѣ съ Любою къ ея матери и, пѣлуя у нея руку, прибавилъ—вотъ, успокойте Любу, она очень встревожена!

— Прощайте, прощайте Алексѣевичъ! говорила Анисья Захаровна. Вспоминайте насъ почаще!

Алексѣевъ забралъ свои вещи; Люба съ красными отъ

слезъ глазами безмолвно стояла и слѣдила за всѣми движеніями молодого человѣка.

— Я думаю, продолжала говорить Анисья Захаровна, вы завтра утромъ раненько ужъ будете въ Москвѣ? Чтожъ! раздумывая, заключила она. А тамъ по чугункѣ живо доѣдете до вашихъ мѣстъ!...

— А скажите! Далеко будетъ отъ города избѣнище вашего батюшки? спрашивала Анисья Захаровна, когда Алексѣевъ, справившись окончательно, бралъ въ лѣвую руку свой сакъ-вожъ.

— Всего три версты! скоро отвѣтилъ онъ ей и, обратившись къ Любѣ, сказалъ — Прощайте Люба!

Дѣвушка не трогалась съ мѣста и не отвѣчала ему. Онъ взялъ и поцѣловалъ ея руку. Раздался второй звонокъ. Люба, какъ бы опомнившись, бросилась къ нему на шею, обнимая его, цѣлуя, прижимая крѣпко къ своей груди и, вновь заливаясь слезами, говорила:

— Милый мой! Ради Бога, не забывай меня! Пиши какъ можно чаще! Не разлюби, не погуби... Нѣтъ! вдругъ встревоженнымъ голосомъ заключила дѣвушка. Не могу! Мнѣ страшно разстаться съ вами! Я ѣду съ вами сама: вещей брать мнѣ не нужно никакихъ!.. Возьмите меня! Ради Бога! умоляла Люба.

— Что съ вами, Люба? Успокойтесь! урезонивалъ

Стихотвореніе.

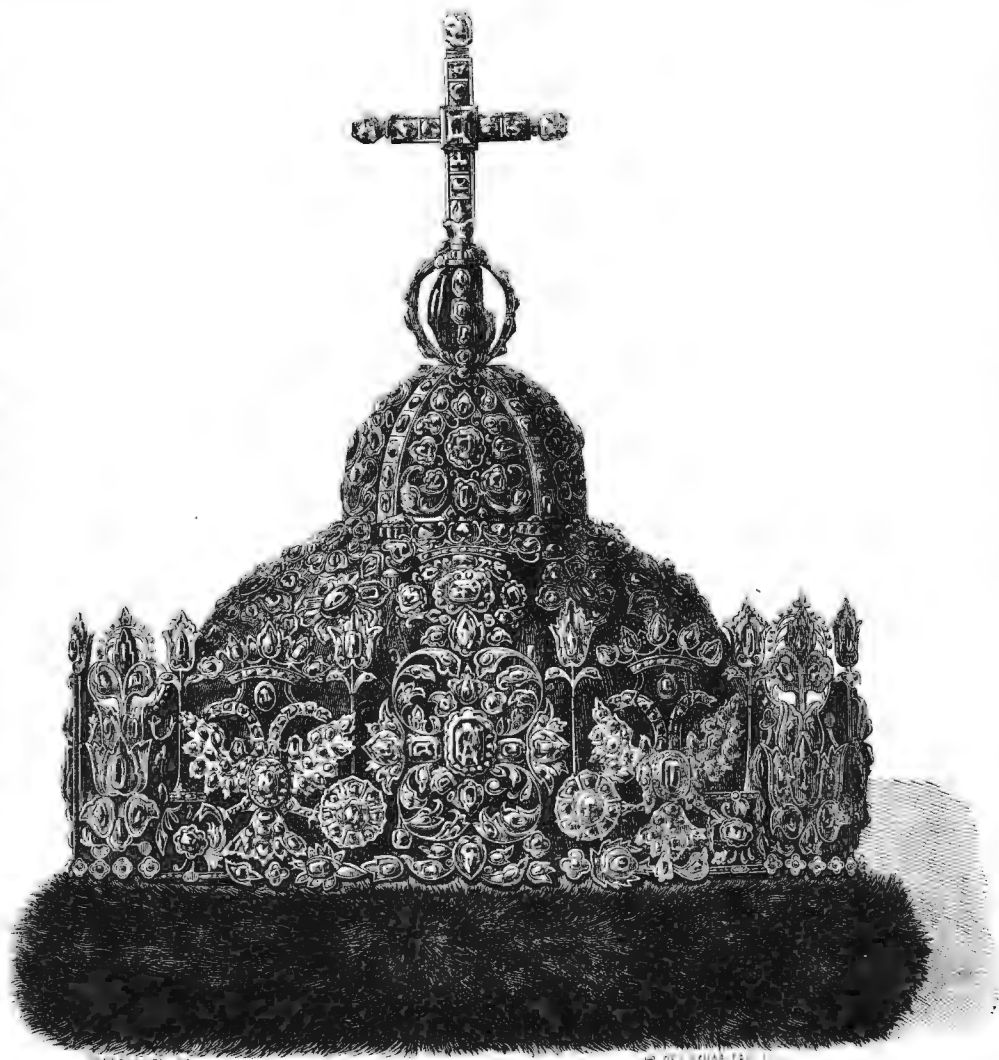

Рис. И. Пяновъ, грав. Вейерманъ.

Спокойное, звѣздное небо
Плыветъ надо мной...

О, еслибъ въ душѣ моей тотъ же
Былъ свѣтъ и покой!..

А. Майновъ.

Алмазная корона царя Иоанна Алексѣевича.

Рис. съ натуры Шарлерн, грав. Паннемакеръ.

ее Алексѣевъ. Анисья Захаровна, успокойте, пожалуйста, Любу! добавилъ онъ быстро затѣмъ отъ нихъ удаляясь.

— Ну, Любочка, ангелъ мой! Будь-же благо-разумна!... начала было Анисья Захаровна.

Но Любочка не слушала и не слышала ея словъ. По уходѣ Алексѣева, Любочка тотчасъ скорыми шагами пошла вслѣдъ за нимъ на дебаркадеръ. Она видѣла какъ Алексѣевъ вошелъ въ вагонъ третьяго класса. Жадно устремляя взоръ на окна этого вагона, ей хотѣлось еще разъ, хотя издали, увидать его, проститься съ нимъ, но онъ не показывался. Прозвонили третій звонокъ, засвистѣлъ свистокъ, затѣмъ раздался всеоглушающій свистъ локомотива и поѣздъ, шипя, началъ трогаться. А Люба все еще смотрѣла,

все еще надѣялась, что вотъ-вотъ онъ выглянетъ, ласково взглянетъ на нее, любовно простится съ нею; невольно даже побѣжала она вслѣдъ за двигающимися вагонами, добѣжала до конца, далѣе и бѣжать нельзя, но напрасно — она его не видала. Вотъ, уже скрывается поѣздъ за стоящими въ нѣсколько рядовъ пустыми вагонами, за строениями, за сараями, вотъ уже и совсѣмъ скрылся — а Люба все еще стоитъ на томъ же мѣстѣ, все еще смотритъ по тому же направлению точно въ какомъ-то оцѣпененіи. Анисья Захаровна подошла къ ней сза-

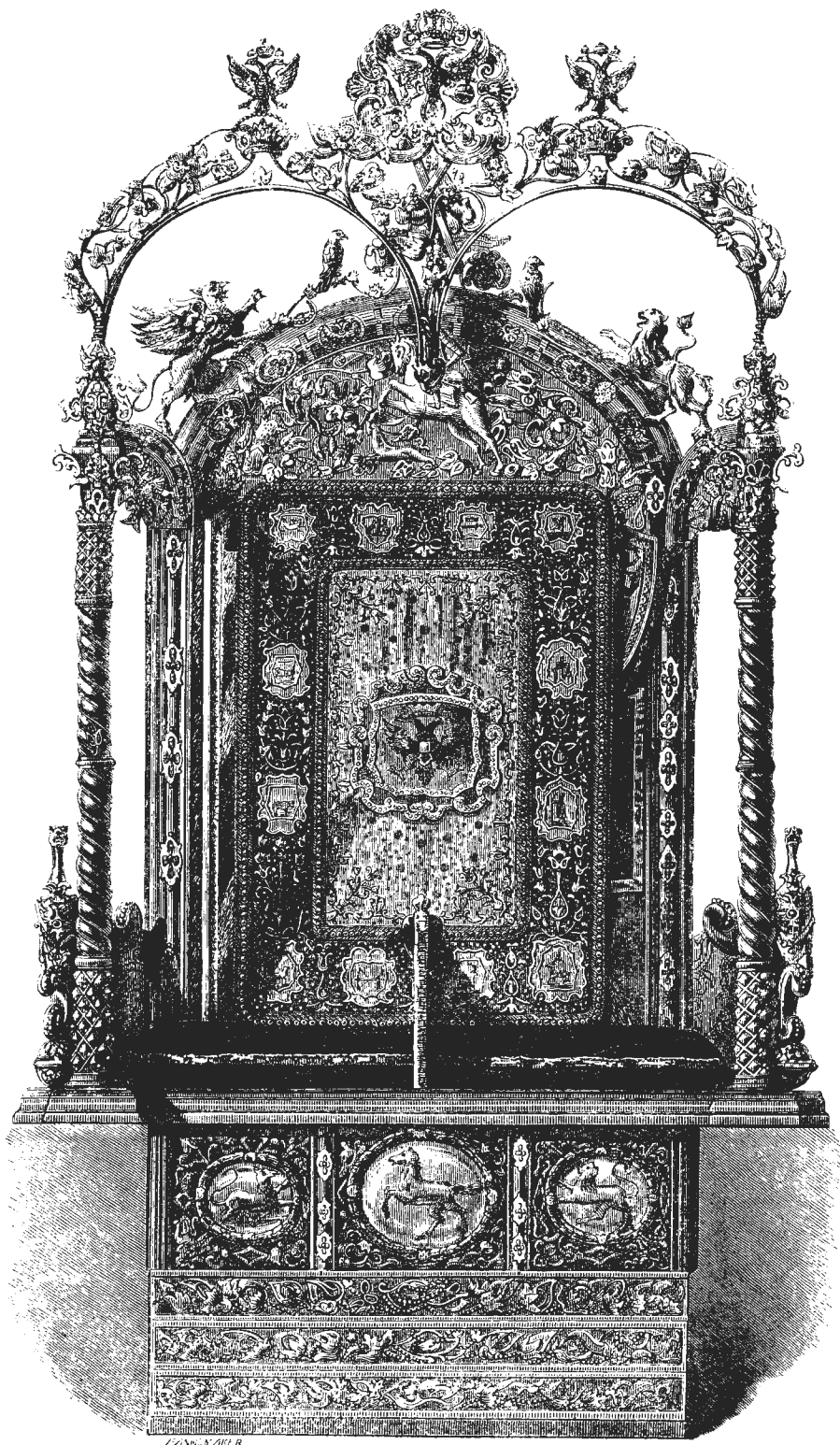
ди и, слегка до-
тронувшись до
ея плеча, ска-
зала.

— Ну, пора
Любочка! Пой-
демъ! Уже ни-
чего не ви-
дать!...

Любочка мол-
ча обернулась,
но не двигалась
впередъ. На
глазахъ у нее
слезъ уже не
было, но самые
глаза глядѣли
какъ-то тупо и
странно, а губы
нервически
слегка подер-
гивало судоро-
гой.

— Пойдемъ
же, Любочка, ан-
гель мой! Что
такъ стоять то
здѣсь? Вонъ и
двери запра-
ютъ! торопила
ее Анисья За-
харовна. Безсо-
знательно пови-
нуясь матери,
Люба сдѣлала
нѣсколько ша-
говъ и зашата-
лась. Анисья За-
харовна встре-
вожилась, стала
поддерживать
ее за талию и,
идя такимъ об-
разомъ съ нею,
старалась ее
успокоить и утѣ-
нить словами:

— Господь съ
тобою, Любочка!
Успокойся! По-
береги себя!
Можно ли такъ
безпокоиться!
Вѣдь скоро и
вернется Алек-
сѣй-то Алексѣ-
евичъ! Вѣдь
женихъ тебѣ!

Серебряный двойной тронъ царей Иоанна и Петра Алексѣевичей.

Рис. Шарлери. грав. Паннемакеръ.

Обоюдное царствованіе Иоанна и Петра Алексѣевичей (1682—1696 г.*)

Въ Московской оружейной палатѣ хранятся драгоценные оста-
тки движимаго богатства бывшихъ великихъ князей и царей
русскихъ. Здѣсь есть и утварь давнихъ дней, которая напоми-
нить „столованье“ и „почетные пиры въ гридницахъ“, есть и
вещи сравнительно позднѣйшихъ временъ, представляющія со-
бою изъ разныхъ эпохъ: а) *царскія чинъ* (регалии), какъ-то, одеж-
ды государей домашнія, торжественныя и военныя, вѣнцы, троны,
оружіе; б) одежды и вещи царицъ, и в) богатое собраніе
посуды и другого рода утвари.

*) Въ № 52 «Нивы» за 1875 г. былъ помѣщенъ рисунокъ трона царей Петра и
Иоанна, но не тотъ самый, который помѣщается въ настоящемъ № «Нивы», что
можно видѣть изъ сравненія ихъ между собою. Этотъ послѣдній значительно изящ-
нее и богаче прешаго, можетъ быть, ему предшествовавшаго.

Медленно
проходили
Анисья Заха-
ровна и Люба
опустѣвшую за-
лу вокзала, ка-
завшующаятеперь
странно безмол-
ною послѣ раз-
дававшася въ
ней шума. У
подъѣзда жда-
ла ихъ наем-
ная извозчикъ
кареता. На ок-
ликъ Анисья
Захаровны из-
возчикъ сталъ
старательно
хлестать не
сразу берущихъ
съ мѣста сво-
ихъ невзрач-
ныхъ большихъ
лошадей и не-
ловко подѣ-
халъ къ подѣ-
зду. Анисья
Захаровна, съ
трудомъ отво-
ривъ дверцу ка-
реты, заботливо
усадилась свою
дочку, а послѣ
уже сама безъ
посторонней по-
мощи усѣлась
рядомъ съ нею.
Дверца хлопну-
ла и карета по-
катилась.

Ну что же —
нашъ Алексѣй
Алексѣевичъ
вернется или
нѣтъ?... Ну,
какъ онъ встрѣ-
титъ тамъ нѣ-
что *представ-
ляющее больш-
ую цѣнность*,
которую полю-
бить болѣе со-
знательною
любовью?...

Бѣдная Лю-
ба!

Г. Чежмаревъ

Въ числѣ этихъ вещей есть тронъ обоюднаго царствованія,
или двойной тронъ царей Иоанна и Петра Алексѣевичей. Какъ
самое названіе показываетъ: *обоюдное царствованіе*—тронъ былъ
сдѣланъ въ такое время, когда у насъ было двудержавіе, были
два царя: Иоаннъ и Петръ, въ послѣдствіи Великій,—дѣти царя
и Великаго князя всей Россіи Алексѣя Михайловича.

Странное это было время и, по счастью, оно не повторилось
еще во весь тысячелѣтній періодъ нашей исторіи. Было у насъ
въ удѣльный такъ называемый періодъ по нѣскольку князей,
или правителей, сразу, но тогда и государство не было цѣль-
нымъ и единымъ, а дробилась на столько же самостоятельныхъ
областей, или участковъ, сколько было наличныхъ правящихъ
князей, такъ что каждый князь былъ въ своей области полно-

властнымъ господиномъ: издавалъ законы для своей области, начиналъ войну, или заключалъ миръ по своему усмотрѣнiю. Но по мѣрѣ того, какъ эти мелкія княжества ослаблялись, и возвышалось среди нихъ одно Московское,—удѣльные князья теряли свою власть и дѣлались простыми подданными Московскаго владѣльца. Пришло, наконецъ, время, что всѣ области подчинены были Москвѣ, и тогда князей-правителей этихъ областей не стало. Остался одинъ государь и правитель всей Руси—князь, въ послѣдствіи царь, Московскій. Съ этого времени на московскомъ царствѣ уже былъ постоянно одинъ государь-правитель, потому что и царство московское было единое и нераздѣльное царство. Но вотъ случилось къ концу XVII столѣтія, что въ православной, единой и нераздѣльной Руси явилось два государя: Иоаннъ и Петръ. Случилось это такъ:

Царь Феодоръ Алексѣевичъ, старшій сынъ царя Алексѣя Михайловича, наследовавшій своему отцу на престолѣ въ 1672 г., умеръ 27 апрѣля 1682 г. бездѣтнымъ. Послѣ него оставались въ царскомъ семействѣ братья Иоаннъ 16 лѣтъ и Петръ 10 лѣтъ и 8 сестеръ. Иоаннъ и шесть старшихъ сестеръ, изъ которыхъ выдавалась болѣе всѣхъ по уму и энергіи Софья, рождены были отъ одной матери, Марьи Милославской; Петръ съ двумя младшими сестрами родился отъ другой, Натальи Нарышкиной (царь Алексѣй Михайловичъ женатъ былъ два раза). Теперь представлялся вопросъ: кто долженъ наследовать Феодору на престолѣ—Иоаннъ или Петръ? По обыкновенному порядку вещей, престолъ долженъ бы переходить къ Иоанну, какъ старшему брату, и вопроса тутъ собственно не могло бы быть никакого, но люди, у которыхъ тогда была власть въ рукахъ, люди, игравшіе первую роль при умершемъ Феодорѣ, опасались отъ возведенія старшаго брата на престолъ послѣдствій лично для себя. Слабый тѣломъ и, какъ полагали, духомъ Иоаннъ приблизилъ бы къ себѣ съ вѣснѣею на престолѣ Милославскихъ, своихъ родственниковъ, съ ихъ сильною партией, а Милославскіе, отличавшіеся энергіею и талантами, не отличались совѣтливостію и разборчивостію средствъ: достигая власти, они начинали интриги и захватывали себѣ вліяніе и мѣсто, причѣмъ толкали всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ имъ на дорогѣ. При ихъ возвышеніи потерпѣли-бы напередъ всего люди, стоявшіе тогда въ числѣ управленія *). Кромѣ лицъ, пользовавшихся вліяніемъ при Феодорѣ, возвышенія Милославскихъ, а стало быть, и вступленія на престолъ Иоанна, боялись Нарышкины, составлявшіе партію Петра. У Нарышкиныхъ съ Милославскими была непримиримая вражда, со времени второго брака Алексѣя Михайловича. Вражда эта перешла въ царское семейство: между дѣтми перваго брака Алексѣева и второй его женой Натальей Кириловной, изъ рода Нарышкиныхъ, были самыя натянутыя, вовсе уже не родственныя отношенія, которыя и выразились всякій разъ въ притѣсненіяхъ или вдовы-царицы со стороны ея пасынковъ и падчерицъ, когда попадала въ ихъ руки власть, или на оборотъ. Во время управленія Феодора, Наталья Кириловна съ дѣтми удалена была отъ двора и находилась въ загоны. Еще болѣе горькой участи подверглись ея сторонники и родственники. Самый видный изъ нихъ, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, бывшій воспитатель Натальи Кириловны, въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя игравшій важную роль, былъ лишенъ имѣній и боярства и сосланъ въ Пустозерскъ. Партія Нарышкиныхъ съ Натальею Кириловною во главѣ и партія лицъ, пользовавшихся наибольшимъ вліяніемъ при Феодорѣ, соединились, чтобы устранить Иоанна и провозгласить царемъ Петра. Были тутъ, какъ говорятъ, и государственныя соображенія, которыя будто бы заставили тогдашнихъ орудователей дѣйствовать такъ, а не иначе. Приводили въ основаніе, что Иоаннъ не былъ одаренъ особымъ умомъ, былъ даже слабоумный, въ то время какъ Петръ отличался уже тогда смысленностью и бойкостью. Кромѣ того, Иоаннъ былъ слабъ и физически и не обѣщалъ долголѣтія, между тѣмъ какъ Петръ и тутъ бралъ явный перевѣсъ надъ братомъ. Какъ же возвести такого человѣка на престолъ?

Но эти умствованія для безпристрастнаго человѣка не имѣютъ особой силы. Никто, во-первыхъ, изъ рѣшавшихъ тогда дѣло не былъ на совѣтѣ съ Богомъ, чтобы удостовѣрять себя и другихъ въ большей долговѣчности цвѣтущаго здоровья Петра предъ слабосильнымъ и болѣзненнымъ Иоанномъ. Бываетъ нерѣдко, что люди, цвѣтущіе здоровьемъ и полные силъ, умираютъ ранѣе больныхъ и хилыхъ не только сверстниковъ, но и старшихъ себя. Притомъ же Иоаннъ если самъ былъ слабъ, то могъ имѣть крѣпкихъ и энергическихъ сыновей. Вѣдь имѣлъ же онъ дочерей въ послѣдствіи; что же мѣшало ожидать отъ него и сыновей? А если бы были сыновья, и Петръ бы между тѣмъ царствовалъ, что тоже бы изъ этого вышло? Не болѣе резона имѣть и предпочтеніе, отдававшееся нравственной природѣ Петра предъ духовнымъ складомъ старшаго брата. Но развѣ ежедневный опытъ не доказываетъ ненадежности и шаткости подобныхъ умозаключеній? Напримѣръ, въ Людовикѣ XV и Фридрихѣ II прусскомъ, судя по юности ихъ, никто не могъ бы угадать, въ первомъ короля съ девизомъ: „послѣ насъ хоть трава не расти“ (après nous le déluge), и

во второмъ скопидома, напоминовавшаго своего батюшку. Какъ ни смотрѣть на государственныя причины, приводившія въ основаніе распоряженія относительно престола въ апрѣлѣ 1682 г., видно, что причинами этими прикрывались корыстныя дѣйствія партій, распоряжавшейся тогда дѣлами. Замѣтить надобно еще при этомъ, что, устранивъ Иоанна отъ престола по скудости его умственныхъ силъ, эту скудость выставляли, хотя и не гласно, чѣмъ-то въ родѣ идиотизма: ибо при родственныя способности Иоаннъ могъ бы править. Братъ его, Феодоръ, тоже не обладалъ блестящими способностями, не отличался и энергіею характера, былъ также и крайне болѣзненный, такъ что и умеръ вслѣдствіе своей болѣзненности 21 года отъ роду, не смотря однако на это, правленіе Феодора такъ было хорошо, какъ только могло быть при тогдашнихъ государственныхъ условіяхъ. Также можно сказать, за исключеніемъ болѣзненности, и объ отцѣ ихъ „тишайшемъ“ Алексѣѣ Михайловичѣ. Мы не знаемъ, что сдѣлалъ бы Иоаннъ, бывши самостоятельнымъ правителемъ, потому что такимъ правителемъ онъ не былъ. Четырнадцатилѣтнее пошеніе имъ царскаго титула прошло подъ опекою энергическихъ лицъ, сначала сестры, а потомъ брата: а извѣстно, что характеры слабые ступенчатся предъ сильными волею людьми. Вспомнимъ, какъ терпѣлся и не находилъ словъ предъ Петромъ Великимъ сынъ его, несчастный Алексѣй. Также бы потерялся предъ желѣзною волею преобразователя отецъ и старшій братъ, и исчезновеніе Иоанна въ тѣни, при сильныхъ духомъ братѣ и сестрѣ, отнюдь не признакъ его *крайнею слабостию*. Идиотомъ Иоаннъ во всякомъ случаѣ, какъ намъ кажется, не былъ.

Какъ бы то ни было, Петра провозгласили царемъ, устранивъ Иоанна. Въ провозглашеніи участвовали патриархъ, бояре и Москва, то есть жители Москвы, представлявшіе при этомъ случаѣ Россію. Въ главѣ дѣла стали люди, принадлежавшіе къ партіи Петра, а также дѣльцы, заправлявшіе всѣмъ при Феодорѣ. Мать Петра объявлена была правительницею за малолѣтствомъ царя. Люди Петровой партіи, подвергшіеся опалѣ въ послѣднее царствованіе, снова вызывались ко двору, и въ числѣ ихъ бывшій воспитатель Наталья Кириловна, бояринъ Матвѣевъ. Онъ-то и предназначался быть главнымъ дѣятелемъ новаго правительствъ. По способностямъ и характеру онъ вполне заслуживалъ подобнаго отличія: былъ умный и опытный и, кромѣ того, отличался неощибеннымъ даромъ—стариково общоходиться съ людьми, знать съ кѣмъ и какъ вести дѣло, не оскорблялъ самолюбія другихъ. По этой-то уживчивости его и обходительности, люди предшествоваваго царствованія предпочли его партію съ Петромъ во главѣ, партіи Милославскихъ съ Иоанномъ.

Не долго однако пришлось новому правительству дѣйствовать. Партія Иоанна, обиженная вдвойнѣ: и самымъ устраненіемъ Иоанна, и тѣмъ, что съ этимъ устраненіемъ власть переходила въ руки ненавистной мячхи, рѣшилась предъявить свои права и захватить, если можно, власть въ свои руки. Средства къ этому скоро представились. Стрѣльцы, содержавшіе караулы въ Москвѣ, были приведены въ броженіе именно въ то время, когда умеръ Феодоръ и начались споры за престолъ. Стрѣльцы заводывались, вслѣдствіе безалаберныхъ дѣйствій правительства, сначала въ послѣдніе дни Феодора, а потомъ въ началѣ царствованія Петра. При Феодорѣ стрѣльцы жаловались на притѣсненія своихъ начальниковъ. За жалобы наказали ихъ жестоко; при воцареніи Петра, они повторили жалобу и тутъ также жестоко отнеслись, но только не къ жалобщикамъ, а къ ихъ начальникамъ. Стрѣльцы тогда увидѣли, что съ подобнымъ правительствомъ можно шугить безнаказанно. Въ это время партія Иоанна обратилась къ нимъ за услугами. Этими волненіями воспользовалась партія Иоанна и предъявила свои права. 15 мая 1682 года, то есть двѣ недѣли спустя послѣ провозглашенія Петра царемъ, въ подлѣнѣ явилась вооруженная масса стрѣльцовъ, съ намѣреніемъ отмстить за Иоанна, о которомъ имъ сказали даже, что онъ убитъ. Появленіе правительницы, Натальи Кириловны, съ обоими царевичами, Иоанномъ и Петромъ, на Красномъ крыльцѣ, въ виду всего народа, усмирило на время мятежниковъ, но тѣ, кто пригналъ ихъ сюда, конечно, не хотѣли такого окончанія. Стрѣльцамъ начали внушать, что если Иоаннъ еще и живъ, то все же находится въ опасности и что эта опасность не устранится до тѣхъ поръ, пока главные злодѣи, подкапывающіеся подъ его здоровье,—а злодѣи эти Матвѣевъ и Нарышкины,—не будутъ истреблены. Вожакамъ возстанія надобно было лишить царичу-правительницу такихъ подпоръ, какъ ея родственники, чтобы вѣрнѣе выхватить изъ ея рукъ власть. Умный и тихій Матвѣевъ попробовалъ уговорить ослабленныхъ стрѣльцовъ и успѣлъ было произвестъ на нихъ благотворное вліяніе; но тутъ вмѣшался въ дѣло другъ изъ числа тѣхъ, которые опаснѣе сотни враговъ. Молодой князь Долгорукій, Михаилъ Юрьевичъ, главный начальникъ стрѣльцовъ, допустившій своими распоряженіями имъ разнуздаться, доселѣ невидимый и недоступный стрѣльцамъ, теперь, когда дѣло всѣло на волоскѣ, вздумалъ учить ихъ и крикивать по-начальнически. Это было именно въ тотъ моментъ, когда благоразуміе Матвѣева стало, повидимому, приводить дѣло въ порядокъ. Возбужденная и разъяренная толпа бросилась на Долгорукаго и избрала его. Отвѣдавъ разъ кро-

*) При Феодорѣ, хотя и сынъ Милославской, родичи его по матери отгѣснены были отъ первыхъ мѣстъ и уступили вліяніе Измайловымъ, Ляховскимъ, Авраамьевымъ. Эти-то люди и не хотѣли теперь Иоанна.

ви, толпа охлянула и пошла истреблять всех, на кого указывали ей вожаки, или кто имел несчастье не понравиться ей самой. Были убиты трое Нарышкинских, в том числе два брата Натальи Кириловны. Один из братьев, Иван Кирилович, был выдан самой царицею Натальею на смерть. Стрѣльцы до тѣхъ поръ не хотѣли прекратить своей злѣйшей расправы, пока не будетъ имъ выданъ этотъ Нарышкинъ. Стрѣльцамъ сказали, что Иванъ Нарышкинъ будто бы пригласивъ къ себѣ корону и другія царскія украшенія. Справедливо требуетъ сказать, что этотъ Нарышкинъ велъ себя очень безтактно, когда сестра сдѣлалась правительницею; да и другая роденка, кромѣ Матвѣева, не отличалась благородіемъ. Были убиты двое князей Долгорукихъ, вышепоказанный Михаилъ Юрьевичъ и отецъ его, — прославленный воинъ, Юрій Алексѣевичъ, — не менѣе извѣстный воевода кн. Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, стольникъ Салтыковъ, Иванъ Максимовичъ Изыковъ, игравшій важную роль при Феодорѣ, и много другихъ, менѣе знатныхъ людей. Все это были сторонники Петра и Нарышкинскихъ. Три дня расправлялись стрѣльцы съ тѣми, кто по ихъ мнѣнію мучилъ государство и подкапывался подъ царское здоровье.

Изъ-за крови и смуты выяснились потомъ дѣли ихъ: стрѣльцы предъявили, что царемъ долженъ быть не только Петръ, но и Іоаннъ, и притомъ Іоаннъ долженъ именоваться старшимъ царемъ, а Петръ младшимъ. Единоутробныя сестры Іоанна, царевны, объявили, что стрѣльцы говорятъ въ этомъ случаѣ „по внушенію Божію“ и Дума государственная вмѣстѣ съ патриархомъ, 26 мая, рѣшила: Іоанну быть первымъ царемъ, а Петру вторымъ. Черезъ три дня, 29-го мая, стрѣльцы объявили опять боярскому синклиту, что цари Іоаннъ и Петръ, по молодости своей, править не могутъ, и что поэтому надобно вручить правительство кому-нибудь постарше. Этимъ старшимъ лицомъ, по мнѣнію стрѣльцовъ, должна быть царевна Софья Алексѣевна, опять единоутробная сестра Іоанна. Софья приняла на себя правительство. Софья была и руководительницею всего движенія въ пользу Іоанна. Она, по отзыву врага, „великаго ума“ и притомъ „мужескаго“ ума и самыхъ вѣжныхъ принципальностей исполненная дѣла“, могла менѣе, чѣмъ ктонибудь другой изъ ея семьи, снести оскорбленіе, нанесенное ея бра-

ту и въ его лицѣ всей роднѣ, и взялась поправить это. Она указала на стрѣльцовъ, какъ на подходящее орудіе для достиженія предположенной цѣли. Агентами ея, дѣйствовавшими на улицѣ, были князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, человекъ мужественный и рѣшительный, по нетвердыхъ правилъ, и стрѣлецъ Алексѣй Юдинъ. Какъ была ума и рѣшительна Софья Алексѣевна видно. — помимо стрѣлецкаго возстанія въ май, — изъ тѣхъ мѣръ, какія она потомъ употребляла для приведенія стрѣльцовъ въ границы законности и послушанія, а она привела ихъ въ эти границы, что не такъ-то легко было сдѣлать кому бы то ни было, а ей особенно, замѣшанной въ стрѣлецкія козни. Мачиху Софья ненавидѣла болѣе, чѣмъ кто либо изъ ея сестеръ. Царица Наталья Кириловна была „выброшена“ изъ правительства еще ранѣе, — до окончанія стрѣлецкаго бунта.

Такъ установилось у насъ двудержавіе. Двудержавіе это продолжалось 14 лѣтъ, семь лѣтъ подъ руководствомъ Софьи, а потомъ, когда Софья была низвергнута Петромъ и заключена въ монастырь въ 1689 году, Петръ и Іоаннъ царствовали еще вмѣстѣ до 1696 года. Въ январѣ этого года Іоаннъ умеръ и единодержавіе возстановилось и возстановилось прочно. Іоаннъ не оставилъ сыновей.

Памятникомъ этого двудержавія остался, между прочимъ, двойной тронъ, рисунокъ котораго здѣсь прилагается. Тронъ сдѣланъ былъ въ Гамбургѣ и состоитъ изъ серебра, частью изъ литого, частью накладного. Въ Оружейную палату тронъ поступилъ въ 1706 году, а дотошъ стоялъ въ Грановитой палатѣ. Для двухъ царей-братьевъ сдѣланы были два вѣнца, или, вѣрнѣе, шапки бриллантовыя. Мы прилагаемъ здѣсь изображеніе вѣнца Іоаннова. Подъ крестомъ въ этомъ вѣнцѣ или шапкѣ лалъ (рубинъ), по вѣнцу и тулѣ, въ орлахъ и травахъ, 881 алмазъ, частью древней греческой грани. Въ вѣнцѣ цари Петра совершенно сходномъ съ вѣнцомъ Іоанна, 847 алмазовъ, 4 рубина и 8 изумрудовъ. Замѣчательно, что вѣнцы Іоанна и Петра Алексѣевичей сдѣланы были изъ коронъ брата ихъ, бывшаго царя Феодора, которому въ свою очередь эти вещи сдѣланы были изъ головного украшенія царя Михаила Феодоровича. Такимъ образомъ многія вещи изъ древняго царскаго чина, нередѣлявшаяся для новыхъ царей, исчезали какъ памятники своего времени.

И. Зѣрзевъ.

Всякой мысли свое время.

(Этиодъ съ натуры).

I.

Иванъ Петровичъ, солидный господинъ, съ приличною лысиною, полудержитъ на турецкомъ диванѣ. Онъ въ драповомъ сѣромъ халатѣ съ малиновыми атласными отворотами; на ногахъ шитыя шерстью и шелкомъ туфли; въ рукѣ у него дымится сигара. Онъ осматриваетъ туфли и дѣлаетъ гримасу.

— Какой глупый узоръ! произноситъ вдругъ Иванъ Петровичъ. „И зачѣмъ это онъ на туфляхъ розы вышиваютъ? А все—рутина... О, эта проклятая рутинна! Для диванной подушки онъ непременно вышиваютъ либо албанца съ голыми ногами, либо болонку, а для туфель—розы!“

Иванъ Петровичъ отвелъ взоръ отъ рутинныхъ розановъ и пошелъ блуждать глазами по всему кабинету. Наконецъ, взглядъ его остановился опять на обуви, но на этотъ разъ на саногкахъ, хорошо вычищенныхъ, которые стояли у завѣски его постели... Показалось ему, что Кузьма (лакей Ивана Петровича) дурно ихъ вычистилъ сегодня, что онъ, Кузьма, чертъ его знаетъ, сталъ небреженъ.

— Кузьма!

Въ голосѣ слышно раздраженіе. Является Кузьма.

— Ты это какъ сегодня мнѣ саногки вычистилъ, а? Вѣдь ты знаешь, что мнѣ нужно вечеромъ въ клубъ!

— Какъ всегда-съ, обнаковенно, — отвѣчаетъ Кузьма, даже не взглянувъ на саногки.

— Обна-ко-венно! Что за дурацкое слово! Да ты посмотри—вонъ рыжее пятно, около носка...

Кузьма ворочаетъ бѣлками, искоса взглядываетъ на саногки и молчитъ.

— Ну... что-жь ты?

— Прикажете взять саногки?

— Обна-ко-венно! Такъ развѣ можно подавать? Возьми!

Кузьма беретъ саногки, уходитъ на цыпочкахъ и пригваряетъ дверь. Саногки онъ и не думаетъ чистить, потому что находить ихъ достаточно хорошо вычищенными, „значитъ, у барина просто капризъ“...

— Задурилъ намъ-то, — говоритъ онъ въ кухнѣ, обращаясь къ кухаркѣ Матренѣ.

— Что это съ нимъ? смѣется Матрена.

— Извѣстно, что: въ должностъ сегодня не пошелъ, а до обѣда еще часъ остался, ну, и дуритъ съ господскаго голоду. Не въ первый разъ.

Иванъ Петровичъ молча смотритъ на дверь, за которой скрылся Кузьма.

— А вѣдь я этой беснѣ подарки дѣлаю, а онъ вонъ какъ! Вообще родъ человѣчскій испортился, охъ, испортился! На что ни взглянешъ—все скверно. Такая вездѣ гадость пошла, все какъ-то смѣшалось, перевернулось... Гдѣ прежде требовалось уваженіе, тамъ теперь говорятъ: „плюйте!“

Что было прежде въ презрѣніи—нынче вознесено и восхваляется... Бывало сынъ говорилъ: „Какъ вамъ, папенька, угодно“, а теперь сынъ говоритъ: „Лучше мы, папенька, умолчимъ объ этомъ, а то разоидемя“... Дѣвица, въ наше время, не смѣла глазъ поднять, вышивала албанцевъ съ голыми ногами, а теперь—а теперь тоже голыми ногами занята, но ужъ не албанскими, а чертъ знаетъ какими—мертвыми! „И,—говоритъ,—препарирую!“... Скоро совсѣмъ не будетъ ни подушекъ съ албанцами, ни туфель съ розанами... Кому вышивать подобныя вещи и потомъ подносить ихъ, какъ именнинный подарокъ, родителямъ?... А все это—Америка. До чего тамъ дошло—уму непостижимо! Ужъ не говоря о томъ, что тамошніи барыни и дѣвочки въ доктора полѣзли, въ присяжные засѣдатели, въ профессора—онѣ еще дальше, выше лѣзутъ... Одна—мировымъ судьей сѣла, другая—адвокатъ, третья говоритъ: „И хочу на мѣсто Гейса, хочу въ президенты!“ Четвертая—священникомъ, но ихнему — патеромъ... Вотъ такъ сторонка!“ Иванъ Петровичъ даже протяжно свиснулъ.

— „Вѣдь это все равно,—продолжалъ онъ,—еслибы моя Настасья Егоровна вдругъ мнѣ сказала: „Иванъ Петровичъ!“—Чего-съ?—„Я желаю на ваше мѣсто“.—То есть, какъ же это-съ?—„Да такъ-съ, все хочу прибрать къ своимъ рукамъ и дѣйствовать самолично“.—А мнѣ-то куда прикажете дѣться?—„Да куда угодно. Перебѣжайте въ спальню, тамъ и капотъ мой надѣньте, а ужъ сюртукъ и вишундиръ мнѣ предоставьте... Справлюсь, не беспокойтесь!“

Иванъ Петровичъ умолкнулъ и какъ-то изумленно-вопросительно взглянулъ на свое изображеніе въ зеркалѣ. Сцена, нарисованная имъ, такъ живо ему представилась, что онъ ощутилъ даже небольшой жаръ въ лицѣ, а на спинѣ—мурашки...

— „А вѣдь будетъ, будетъ такъ... со временемъ! заговоритъ онъ опять, только я-то эдакого срама, должно быть, ужъ не увижу... И не знаю я, ну, чего нынѣшніе молодые мужчины смотрятъ? Вѣдь никакихъ мѣръ не принимается противъ женскаго возстанія, никакихъ!.. Ну, и дождетесь, господа, дождетесь! Будутъ на васъ верхомъ кататься, взнуздають... заплашете!..“

Въ кабинетъ вошла Настасья Егоровна и, мимоходомъ смахнувъ пылъ со спинки кресла, сказала, обращаясь къ мужу:

— Что это ты, Иванъ Петровичъ, валяешься? Всталъ-бы, скоро обѣдъ, придѣлся бы.

— Въ вашъ капотъ прикажете одѣться? спросилъ ехидно Иванъ Петровичъ, не пережѣнная позы.

— Да ты это во свѣтъ, что-ли? Какой капотъ?

— Сами знаете какой. А позвольте спросить васъ, Настасья

— Ну, пошла-бы... Вѣдь, жалованье хорошее! Почему же не пойти? Ну, такъ что-же?...
Только этого и ждалъ Иванъ Петровичъ. Онъ привсталъ, глаза его сверкнули и въ комнатѣ торжественно раздалось:

— И, мужъ вашъ, не пустилъ бы! Не позволилъ бы! Д-да-съ! Слышите?..

Кормленіе любимца. Картина Ингенмей, грав. Бренд'Амуръ.

Егоровна, пошли-ли бы вы въ директоры департамента, если бы вамъ сейчасъ предложили это?

— Право, ты бредишь... Что за вопросъ?.. Ну, развѣ могутъ это предложить! Вставай-ка лучше, да освѣжись, а то вишь— туманъ въ головѣ.

И Настасья Егоровна направилась къ дверямъ.

— Да нѣтъ, постойте! Вы отвѣтите: пошли ли бы вы, спрашиваю васъ, въ директоры?

— Такъ бы я и посмотрѣла!

Настасья Егоровна засмѣялась и прибавила: „Да-ну, встанай!“ и вышла изъ кабинета.

— Нѣтъ, ты бы посмотрѣла! Не пустилъ бы и конецъ!

Иванъ Петровичъ всталъ и принялся ходить.

— Все скверно, все гадко... Я думаю, точно также было передъ тѣмъ потопомъ, который все поглотилъ, кромѣ Ноева ковчега... Такъ не могло продолжаться и рухнуло,—а если те-

Каннъ и Авель. Картина Фальгера, грав. Шапонъ.

перь не рухнет?.. Однако, пора бы, кажется, и объесть... А вѣдь если пораздумаешь, то всему виной—женщина... Да! Это зло земли! Безъ нихъ, положимъ, не было бы мужчины, но если бы были, то гораздо лучше жилось бы... Не даромъ въ древности женщину называли „профессоромъ всѣхъ заблуждений“, а Августинъ такъ прямо и обозвалъ ее „дверью ада“, „подругою сатаны“...
И онъ отправился въ столовую.

II.

— А славные были вареники, ну и сметана, можно сказать, дѣла не испортила!..

Такъ говорилъ послѣ обѣда Иванъ Петровичъ, укладывався возможно удобнѣе на диванѣ, съ сигарой въ зубахъ, и дыша съ нѣкоторымъ затрудненіемъ.

— Да-а, а вѣдь вотъ выдумалъ же кто-нибудь вареники, а между тѣмъ имя автора неизвѣстно и вспомнить-то его никому!.. Но сколько наслажденія, наслажденія непосредственнаго, даетъ это блюдо! Смѣшно, а право, стоило бы изобрѣтателю варениковъ воздвигнуть памятникъ съ надписью: „Отъ благодарнаго потомства“... Очень вѣроятно, что это кушанье изобрѣла женщина и даже, можетъ быть, какая-нибудь мать семейства. Вотъ настояще поле дѣятельности женщины! Кулинарное искусство—не последнее дѣло. Конечно, я не говорю, чтобы весь прекрасный полъ стряпалъ, возился на кухнѣ—нѣтъ! Благородныя дамы и дѣвицы занимались бы кулинарною теоріею, онѣ сочиняли бы блюда, производили бы реформы и улучшения въ комбинаціяхъ различныхъ сѣдобныхъ веществъ царства растительнаго и животнаго, а простыя женщины занимались бы реализаціей, то есть—стряпали бы... Господи, какъ бы хорошо было!.. Приходишь, напримеръ, въ столовую. Жена ужъ тамъ; она встрѣчаетъ тебя, радостная, сіяющая, кроткая, и говоритъ: „Другъ мой, у насъ сегодня опять новое блюдо!“—Неужели?—„Да, мой другъ, я сочинила прелестную, дивную штучку“... Ну, и начинается тутъ описаніе этой штучки. Я, разумѣется, одобряю, хвалю, поощряю... Она рада, весела—да и чего же ей больше? Новое сочиненіе ея, дѣйствительно, выше критики! Оно переживетъ ее и выдержитъ тысячи изданій... Развѣ это не лестно, не заманчиво?..

Иванъ Петровичъ зажмурился, облизнулся и вдругъ вздохнулъ тяжело и какъ-то на распѣвъ.

— А вѣдь какіе мы эгоисты, охъ, какіе!..

И онъ покачалъ головою. Наслаждаясь пиццевареніемъ, онъ то закрывалъ, то открывалъ глаза и, наконецъ, взглядъ его остановился на тувельныхъ розанахъ.

— Гм... узоръ, положимъ, рутинный, но чѣмъ, однако, замѣнить его? Нѣтъ, тутъ дѣйствительно розы у мѣста. Гдѣ на сѣверѣ эти цвѣты? Такъ пусть хоть на туфляхъ они ласкаютъ взоръ!..

И вотъ опять заблуждали глаза Ивана Петровича и вдругъ остановились на сапогахъ.

— А вѣдь я обидѣлъ Кузьму“, подумалъ онъ.

Иванъ Петровичъ вздохнулъ, потомъ крикнулъ и произнесъ громкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкимъ голосомъ:

— Кузьма!

Кузьма не заставилъ себя ждать. Онъ мелькомъ взглянулъ на сапоги и спросилъ: что прикажете?

— Послушай, Кузьма, ты на меня серднишься? заговорилъ Иванъ Петровичъ, избѣгая смотрѣть на Кузьму.

— Помилуйте-съ, за что-же-съ? Мы вами, Иванъ Петровичъ, очень довольны и завсегда готовы угождать. Ежели, напримеръ, сапоги—ничего-съ, и второй разъ вычистимъ. Кузьма замолчалъ. Вишь размякъ какъ, послѣ обѣда-то, подумалъ онъ.

— Такъ, такъ... Всѣ мы люди, Кузьма, всѣ мы должны другъ другу прощать, по христіански, такъ?

— Покорнѣйше благодарю-съ.

— За чтожь ты благодарить? Ты долженъ тоже меня простить... Понимаешь? Вотъ въ томъ-то и бѣда ваша, что вы не разсуждаете. Ты впередъ разсуждай.

— Слушаю-съ.

— Да какъ ты будешь разсуждать?

— Извѣстно, ежели когда на досугѣ... станешь это раскидывать умомъ...

— Ну, и нагородишь глупостей. Нѣтъ, ты вотъ такъ разсуждай... Всѣ мы люди, ибо образъ у насъ одинъ, и права должны быть одинаковы, ибо нѣтъ нынче рабства и личность признана торжественно свободной единицей!

— Свободной дѣвицей? спросилъ въ удивленіи Кузьма.

— Что? Какой дѣвицей? Еди—ни—цей!

— Единницей.

— А что такое единица?

— Палочка-съ эдакая...

— Палочка! объясните... А палочка что?

— Да есть такія, что на бумагѣ обозначаются, а то и изъ дерева-съ...

— Самъ ты изъ дерева! Говори за мной: единицей называется все то, что... ну, все то, что само по себѣ. Ну, вотъ, я самъ по себѣ, значить я—единица. Понялъ?

— Понялъ-съ. И Матрена, теперича, тоже единица?

— Ну, разумѣется. Вѣдь она сама по себѣ, она одна? Ты чего-же улыбаешься?..

— А женихъ у пей теперича... Какъ-же она можетъ...

— Вотъ и извольте объяснять имъ что-нибудь! воскликнулъ Иванъ Петровичъ.

— Да помилуйте, извѣстно онѣ женщины... Вонъ и барышня Настя—какая единица? У Матрены женихъ ундеръ лейб-гвардіи, а у той—телеграфистъ. Самъ видѣлъ.

— Ну, поди, поди, Кузьма, довольно! Въ половинѣ восьмого меня разбудить.

Кузьма молча удаляется, думая о томъ, что баринъ его, пожалуй, единица, потому—старъ, а что касается его, Кузьмы, либо Матрены или Насти—извѣстно, грѣхъ одинъ, и разговаривать касательно единицъ нечего, облыжно только показывать...

Иванъ Петровичъ начинаетъ слегка дремать, но про себя разсуждаетъ и говоритъ:

— Вотъ, поди учи ихъ, паставляй—какъ-же! Не такъ у нихъ голова устроена, какъ у насъ. Отвлеченности для нихъ мракъ непроглядный. Нѣтъ, ужъ такъ, видно, положено, что всякому свое: мнѣ—писать административные проекты, задумываться надъ политико-экономическими вопросами, а Кузьмѣ—сапоги чистить и думать, что единица—палочка, и что Матрена, напримеръ, не индивиду, не единица, потому что у нея женихъ ундеръ... Чертъ знаетъ что!..

Иванъ Петровичъ зѣвнулъ, и мысль его сдѣлала скачекъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, если бы женщинамъ предложили наши мѣста, то развѣ это было бы худо?.. Пусть бы онѣ засѣли на директорскія кресла, а мы бы отдыхали. И что за сладость служить, соображать по поводу полученныхъ предписаній и нѣрѣдко слышать замѣчанія?.. Лучше гораздо сидѣть дома, сочинять проекты, читать что-нибудь, а по вечерамъ развлекаться въ клубѣ... Я бы съ охотой уступилъ свое мѣсто женѣ. Да! И вообще говоря, женщина современная мало въ чемъ уступаетъ мужчине.

Иванъ Петровичъ опять зѣвнулъ, потянулся и зажмурился. Сигара потухла и онъ положилъ ее въ пепельницу. Вдругъ легкая улыбка заиграла на его губахъ и онъ даже причмокнулъ...

— А молоденькія-то женщины? думать про себя Иванъ Петровичъ. Какъ онѣ нынче млы, развязны... Да вотъ хоть бы Сашенька у Якова Яковлевича... Гм!.. Ну, пусть она тамъ мертвую ногу рѣжетъ... Что за бѣда? Вѣдь не въ гостиной же она ее рѣжетъ, да и не дурнѣетъ отъ такого занятія... запаху тоже никакого не слышно... А чудесная дѣвочка! Иногда ужасно хочется ее эдакъ обнять и поцѣловать... Что-жь такое?.. Это, можно сказать, отеческій поцѣлуй и больше ничего...

Иванъ Петровичъ чуть-чуть открылъ глаза, взглянулъ на картину, изображающую нимфу, совсѣмъ готовую выкупаться, и опять зажмурился.

— Женщины... это украшеніе земли; это—атласъ и бархатъ, и шелкъ... Красота кривыхъ линий... А глаза?.. Сколько лукавства... Сколько гибели въ одномъ взглядѣ!.. Сашенька! брось, брось эту мертвую ногу... Фи, какая мерзость!..

Иванъ Петровичъ вздрогнулъ, вытаращилъ глаза и, взглянувъ опять на нимфу, улыбнулся и произнесъ сладкимъ голосомъ:

— Нѣтъ, мнѣ... хорошъ... Я бы весь мнѣ хотѣлъ обнять... Да, атласъ... бархатъ...

Тихій вздохъ послышался въ кабинетѣ и затѣмъ все стихло... Иванъ Петровичъ лежалъ, повернувшись къ стѣнѣ дивана; одна рука его обняла подушку съ албанцемъ. Наконецъ, тишину нарушилъ носъ Ивана Петровича, начавшій приятно, нѣжно пошвыстывать...

III.

КЪ РИСУНКАМЪ.

КОРМЛЕНІЕ ЛЮБИМЦА.

Картинка представляетъ молодую дѣвушку, кормящую голубка. Голубъ всѣмъ извѣстная и всѣми любимая птица. Голубъ быстро привыкаетъ къ человѣку, узнаетъ своего хозяина, ѣсть изъ его рукъ. Особенно скоро и сильно привыкаетъ голубъ къ дому. Расскажемъ здѣсь про одного нашего знакомаго—голубя. Его подобрали зимою 1875 года на улицѣ. Онъ

бился, стараясь взлетѣть, по одно крыло его было сломано и пальцы одной ноги были совсѣмъ отрѣзаны колесами проѣхавшаго экипажа. Его взяли въ домъ. Нѣкоторое время онъ былъ скученъ и дурно ѣлъ, оставаясь все время неподвижнымъ, но мало по малу къ нему начало возвращаться здоровье. Онъ сталъ дѣлать попытки взмахивать крыльями, къ сожалѣнію, крыло его оказалось сломаннымъ непоправимо. Онъ началъ пробовать держаться на ногѣ, для этого ухитрился при-

держивать равновѣсіе своего тѣла, опираясь клювомъ. Такимъ манеромъ онъ дѣлалъ перемѣненіе съ одного мѣста на другое. Наступило лѣто. Его увезли на дачу. Тамъ онъ свелъ дружбу съ курами, съ ними и гулялъ, и ѣлъ, и спать укладывался. На половину отрубанная нога его поправилась на столько, что онъ началъ приступать на нее; но коротко петербургское лѣто: пришлось голубю разстаться съ своими друзьями. Теперь онъ ковыляетъ по комнатамъ на своихъ неровныхъ ногахъ за людьми изъ одной комнаты въ другую и усаживается возлѣ на снушенныя платья сидящихъ, тихонько воркуя. Въ томъ домѣ, гдѣ онъ живетъ, есть нѣсколько собакъ. Онъ весьма благожелательно относится къ голубю, какъ бы признавая за нимъ одинаковыя права съ собою: даютъ дорогу ему и не претендуютъ, когда онъ приходитъ попробовать ихъ обѣдъ. Въ этомъ случаѣ самъ голубь оказывается менѣе вѣжливымъ: онъ сердито воркуетъ и щиплетъ собакъ.

Когда затопятъ печи, и собаки ложатся противъ огня — голубь также является и усаживается о бокъ съ ними. Вотъ какъ развита общительность въ голубѣ. Не даромъ же такъ нѣжно кормить своего любимца дѣвушка, изображенная на помѣщенномъ въ этомъ № „Нивы“ рисункѣ.

Д.

КАИНЪ И АВЕЛЬ.

(Картина Фальгьера).

„...И сказалъ Каинъ Авелю, брату своему: пойдемъ въ поле; и когда они были въ полѣ, возсталъ Каинъ на Авеля, брата своего, и убилъ его. И сказалъ Господь Богъ Каину: гдѣ Авель, братъ твой? Онъ сказалъ: не знаю, развѣ я сторожъ брату моему.“

И сказалъ Господь Богъ: что ты сдѣлалъ? Голосъ крови брата твоего вопіетъ ко мнѣ отъ земли.

И нынѣ проклятъ ты отъ земли, которая отвергла уста свои принять кровь брата твоего отъ руки твоей. Когда ты будешь воздѣлывать землю, она не станетъ болѣе давать силы своей для тебя; будешь ты изгнанникомъ и скитальцемъ на землѣ.

Каинъ отвѣчалъ Господу: наказаніе мое больше, нежели снести можно.“

Такъ повѣствуется въ книгѣ Бытія объ убійствѣ Каиномъ брата своего, Авеля. Художникъ, вдохновленный библейскимъ повѣствованіемъ, не выбралъ тѣмъ не менѣе того момента, въ который совершенно было первое преступное убійство; онъ, какъ можно видѣть изъ приложеннаго рисунка, задался мыслью представить послѣдствіе сдѣланнаго преступленія: убійца, какъ бы мучимый совѣстью, несетъ на своихъ плечахъ трупъ убитаго брата. Внутреннее терзаніе, обреченіе на вѣчную муку преступной души перваго убійцы на землѣ художникъ изобразилъ въ фигурѣ Каина, идущаго въ темнотѣ ночи, согнувшись подъ давящею тяжестью ужасной ноши. Библейское сказаніе не упоминаетъ о томъ, что Каинъ, убивъ брата, несъ его по томъ на своихъ плечахъ и, несомнѣнно, что художникъ въ своемъ произведеніи желалъ осуществить внутренній смыслъ библейскаго сказанія. Въ книгѣ Бытія повѣствуется, что Господь, изрѣкши проклятіе Каину, сказалъ, что: „всякому, кто убьетъ Каина, отмстится всемеро. И сдѣлалъ Господь знаменіе Каину, что-бы никто, встрѣтившись съ нимъ, не убилъ его“. Слѣдовательно, Каинъ обреченъ на терзанія совѣсти до тѣхъ поръ, когда Господу угодно будетъ прекратить ихъ. Видно, что эти терзанія, этотъ гнетъ и задумалъ художникъ реально изобразить въ своей картинѣ.

Художникъ, создавшій эту картину, г-нъ Фальгьеръ, скульпторъ и въ тоже время живописецъ. Живописныя работы его доказываютъ, что онъ съ кистями въ рукахъ предъ полотномъ съ неменьшимъ успѣхомъ и правдой умѣетъ передавать свои мысли, какъ и тогда, когда онъ стоитъ передъ кускомъ мрамора съ молотомъ и рѣзцомъ. Г-нъ Фальгьеръ имѣетъ за ваяніе нѣсколько медалей, премію Рима; въ 1870 г., сдѣланъ кавалеромъ почетнаго легіона. Въ 1875 г. награжденъ медалью за живопись. Картина „Каинъ и Авель“ была поставлена на Парижской Выставкѣ 1876 года.

Путевые эскизы нашего спеціального корреспондента (Яссы, Рушукъ, Разградъ).

До соединенія княжествъ Молдавіи и Валахіи въ одно, столицей Молдавіи былъ г. Яссы. Въ половинѣ XIV вѣка Молдавія называлась Богданіей, по имени славянскаго основателя княжества; позже получила она названіе Молдавіи, по имени протекающей въ ней рѣки Молдавы. Въ началѣ XVI вѣка, когда турки завладѣли Молдавіей и Валахіей вмѣстѣ, эти княжества были лишены всѣхъ своихъ избирательныхъ правъ, и господство на нихъ покупалось въ Константинополѣ. Конечно, такіе господа грабили только страну. Поэтому съ 1802 года Россія взяла княжества подъ свое покровительство,

продолжавшееся до окончанія Севастопольской войны, послѣ которой Молдавія и Валахія объявлены соединеннымъ княжествомъ подъ именемъ Румыніи. (О Молдавіи см. въ „Нивѣ“ № 7).

Городъ Яссы расположенъ въ 20 верстахъ отъ р. Прута, при подошвѣ отлогого и постепенно возвышающагося холма Копо. Возлѣ протекаетъ рѣчка Вахлуи, которая представляетъ собою лишь длинный рядъ болотныхъ прудовъ съ гнилостной водою, дающей вредныя испаренія. Городъ открытъ и дурно выстроенъ, имѣя кривыя и узкія улицы. Тѣмъ не менѣе въ немъ много великолѣпныхъ боярскихъ дворцовъ, построенныхъ посреди дворовъ, окруженныхъ каменными заборами; рядомъ съ этими дворцами тѣсятся низенькія и бѣдныя хижины простоянновъ. Здѣсь можно встрѣтить столъ же церемонную гостиную, какъ и въ любой изъ западныхъ столицъ. Въ городѣ болѣе 70 церквей и 10 монастырей. Кромѣ того, есть церковь евангелическая, армянская, католическая и нѣсколько синагогъ. Новый величественный соборъ и церковь грехъ святителей, относящаяся къ XIV в., весьма замѣчательны. Стѣны послѣдней сдѣланы изъ тесаныхъ камней и украшены сверху донизу высѣченными въ нихъ барельефами. На высокой окраинѣ долины стоитъ бывшій господарскій дворецъ, окруженный казармами; въ немъ помѣщаются министерства и генеральное собраніе. Самыя значительныя изъ частныхъ зданій—дворцы бояръ; многіе изъ нихъ большихъ размѣровъ, но всѣ расположены посреди грязныхъ дворовъ. Мощеніе улицъ здѣсь еще только начинается, да и мостятъ ихъ деревомъ, такъ какъ тѣсь въ край много: по рѣкѣ Серету постоянно сплавляютъ строевой и маточный тѣсь для отправки въ Константинополь. По немощеннымъ улицамъ непроходимая грязь, поэтому всякій старается не идти пѣшкомъ, а ѣхать. Оттого въ городѣ считается до 15 тысячъ лошадей, 2 тысячи частныхъ экипажей и 7 тысячъ дрожекъ. Въ самой возвышенной части Яссы разведенъ довольно красивый общественный садъ. По улицамъ множество магазиновъ, лавокъ и складовъ съ разнообразнѣйшими товарами. Также не мало хановъ или восточныхъ гостиницъ. Въ городѣ проведена чугунные трубы изъ окрестностей хорошая ключевая вода. Предмѣстье Покураръ составляетъ центръ пребыванія ремесленниковъ, ямщиковъ и раскольниковъ русской секты липовцевъ. Въ 4-хъ верстахъ отъ города, въ живописной долинѣ, между виноградниками, находится помѣстье Сокала съ прекраснѣйшимъ паркомъ; здѣсь живутъ потомки князя Стурдзы. Верстахъ въ двадцати есть также богатое помѣстье Стинка; отъ него недалеко русская пограничная таможня Скуляны.

Жителей въ Яссахъ считается болѣе 70 тысячъ, изъ нихъ 30 тысячъ галицкихъ и русскихъ евреевъ, до 6 тысячъ бояръ съ 3½ тысячъ слугъ, 3 тысячи цыганъ. Въ городѣ бываетъ значительный торгъ и ярмарки. Торговля идетъ по преимуществу съ Галацомъ и Браиловымъ. Вывозится: льняное сѣмя, ленъ, тѣсь, вино, кожи, смушки, свиное сало, шетина, воскъ и проч.; привозится: мануфактурные товары, сахаръ, шерстяныя матеріи и проч. Яссы были взяты русскими войсками въ турецкую войну 1828 года.

Слѣдующіе мелкіе наброски представляютъ: гусара, жандарма, часового и уличнаго пѣвца, которыхъ можно встрѣтить на улицахъ Яссы; далѣе сценка, какаѣ можетъ быть только тамъ, гдѣ никакъ не могутъ убѣдиться, что улицы нужно мостить: поневолѣ приходится тамъ *идти версомъ*.

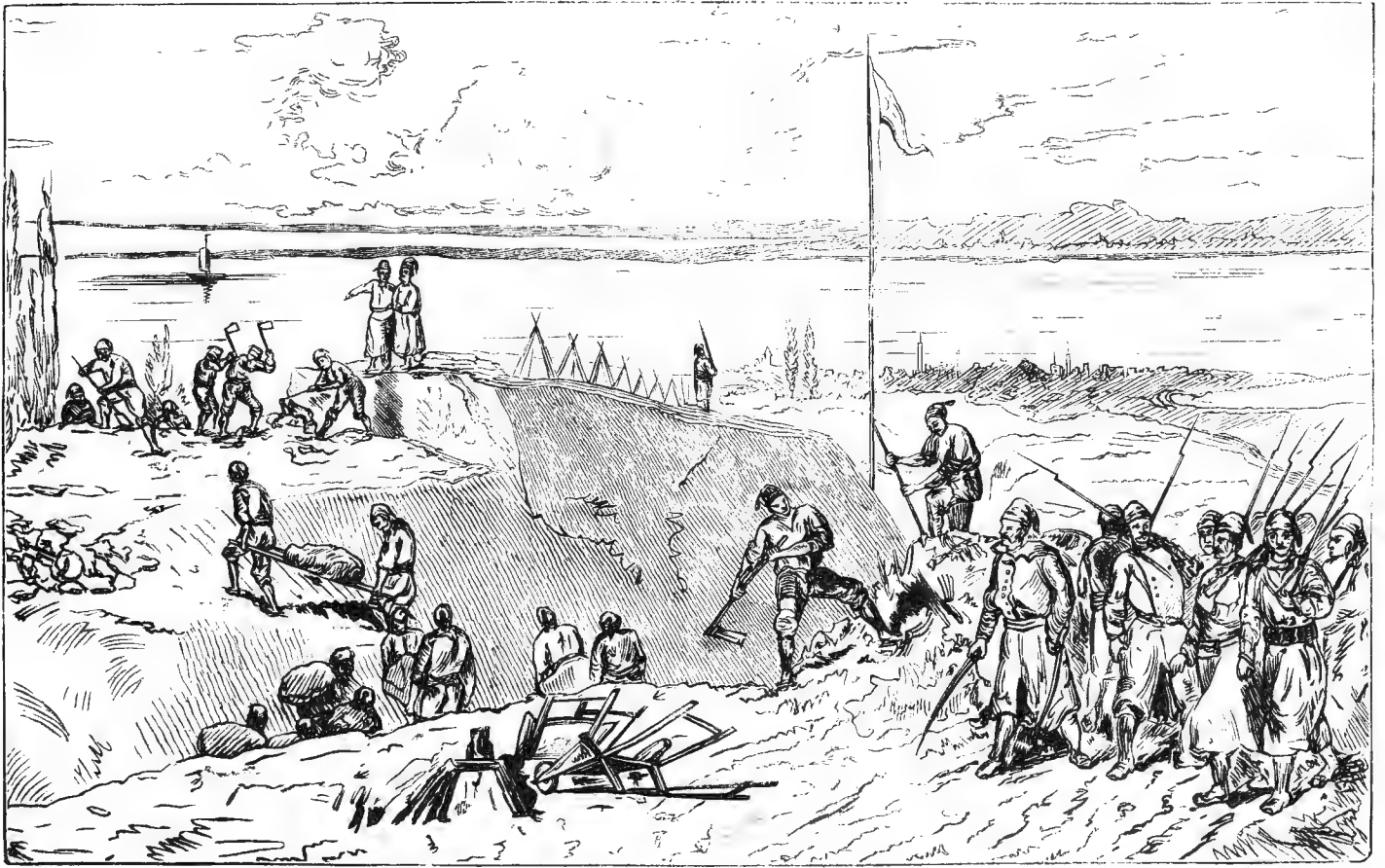
Слѣдующій затѣмъ набросокъ—турки изъ Мачина. Такъ называется турецкій городъ на правомъ берегу Дуная, недалеко отъ Браилова, стоящій на крутомъ, въ 30—40 аршинъ, обрывѣ. Городъ этотъ былъ взятъ русскими въ турецкую войну 1828 года.

Наконецъ, послѣдній набросокъ представляетъ работы по устройству шоссе отъ Рушукъ до Разграда. Крѣпость Рушукъ стоитъ на правомъ берегу Дуная, гдѣ впадаетъ въ него рѣка Ломъ, образуемая слияніемъ Чернаго и Бѣлаго Лома. Полагаютъ что тутъ былъ древній Переяславль, столица Болгарскаго царства, который такъ понравился Святославу, что онъ хотѣлъ перенести въ него свою резиденцію. Рушукъ довольно значительный и торговый городъ. Въ немъ болѣе 30 тысячъ жителей, состоящихъ изъ болгаръ, валаховъ и турокъ, а также греческихъ и еврейскихъ купцовъ. Въ городѣ 12 мечетей и большая баня съ городскими часами; онъ обнесенъ вокругъ стѣной, вооруженной пушками, особенно со стороны Дуная. На берегу рѣки устроены также батареи. Нынѣ Рушукъ еще болѣе укрѣпляется. Чтобы удобнѣе и скорѣе было доставлять въ Рушукъ жизненные и военные припасы, турки дѣлательно трудятся надъ устройствомъ шоссе въ городъ Разградъ, лежащій въ 12 верстахъ къ юго-востоку отъ Рушукъ, близъ Бѣлаго Лома. Разградъ—городъ открытый, съ весьма широкими улицами и съ населеніемъ до 15 тысячъ, которое все состоитъ изъ мусульманъ; въ немъ 7 мечетей съ минаретами, двѣ особенно большія и имѣютъ по нѣсколько куполовъ. Есть также городскіе часы.

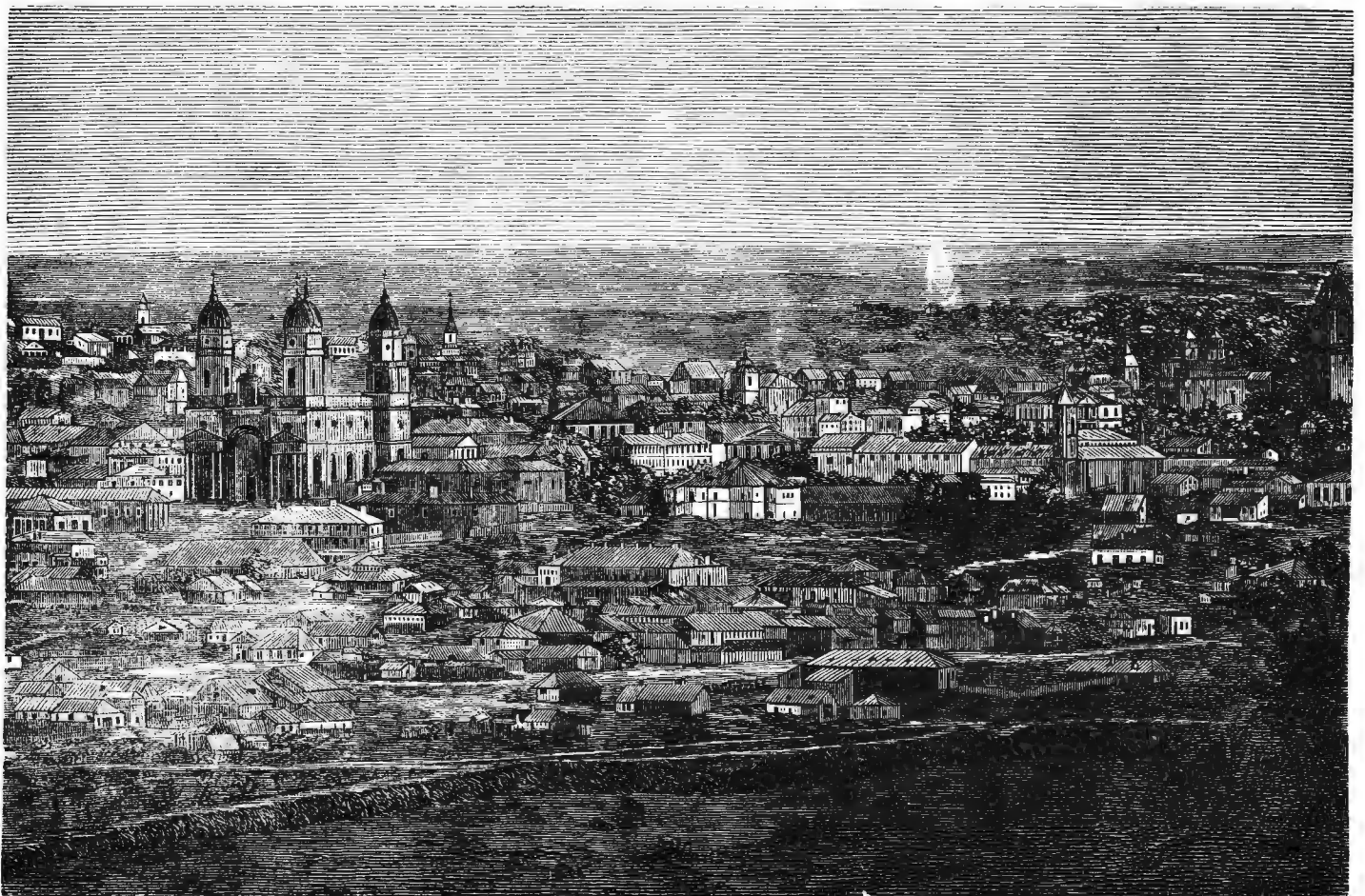
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЗОРЪНІЕ.

Англія, наиболѣе представляющаяся заинтересованною въ восточномъ вопросѣ, назначила 2 (14) марта срокомъ своего от-

вѣта на циркулярную ноту нашего государственнаго канцлера отъ 19 января. Однакожь срокъ прошелъ, а телеграфъ еще не

Спѣшныя работы на редутѣ по Разградскому шоссе, близъ г. Русука. Рис. Н. Караиль, грав. Вейерманъ.

Общій видъ г. Яссы. Съ фотогр. ризаль К. Вейерманъ.

Турки из Мачина на пристани въ ожиданіи парохода.

Уличный пѣвецъ

Часовой.

Гусаръ.

Жандармъ.

Уличная сцена. (Способъ передвиженія тяжестей).

Въ Яссахъ (въ Румыніи). Типы и сцены съ натуры. Рис. нашъ спеціальный корреспондентъ Н. Каразинъ

извѣстил насъ объ этомъ отвѣтѣ. Извѣстно только, что обсужденіе предложеннаго Россією британскому кабинету вопроса о подписаніи протокола по восточнымъ дѣламъ еще не было окончено въ засѣданіи совѣта министровъ, бывшемъ 1 (13) марта. Для этого потребуется еще нѣсколько засѣданій.

Цѣль путешествія генерала Игнатьева по Европѣ, по словамъ газеты «Темпс», состоитъ въ томъ, чтобы добиться формальной санкціи, принятыхъ конференціей постановленій, посредствомъ протокола, который былъ бы составленъ шестью державами, или посредствомъ дипломатическаго документа, подписаннаго одною Турціей, но скрѣпленнаго подписями державъ. Россія не желала бы давать Турціи для осуществленія реформъ срокъ, превышающій мѣсячный, и съ истеченіемъ этого срока державы не были бы обязаны дѣйствовать коллективно, но должны бы только допустить свободное вооруженное вмѣшательство со стороны одной или нѣсколькихъ державъ, подписавшихъ протоколъ.

Въ связи съ этими послѣдними извѣстіями находятся и слухи объ отзнаніи парижскаго трактата, какъ неимѣющаго въ настоящее время цѣли и разумнаго смысла своего существованія.

Возбужденіе вопроса объ этой отзнаніи европейскія газеты ставятъ въ связь съ путешествіемъ нашего константинопольскаго посла генерала Игнатьева по Европѣ. Не вдаваясь въ подробную характеристику тѣхъ существующихъ чертъ трактата, которыя дѣлаютъ его въ настоящее время крайне анахроничнымъ, — мы замѣтимъ, что трактатъ этотъ обезпечивалъ Портъ безнаказанность за всѣ злоупотребленія власти по отношенію къ балканскимъ христіанамъ. Пресловутая VII статья трактата, какъ извѣстно, гласитъ о гарантіяхъ территоріальной и политической цѣлости Турціи со стороны европейскихъ державъ. Этою-то заботою о территоріальной цѣлости Турціи и обуславливались до сихъ поръ всѣ возмутительныя варварства относительно балканскихъ христіанъ, оставшіяся безнаказанными. Но сила вещей и время берутъ свое. Общественное мнѣніе въ Англіи стоитъ теперь за отзнаніе трактата, какъ отжившаго свое время. Только лордъ Биконсфилдъ и братія его, по весьма понятной причинѣ, еще продолжаютъ отстаивать значеніе трактата и неотъемлемое его право на существованіе. Трактатъ этотъ, очевидно, главный устой политики Биконсфилда. Отзнаніе его покажетъ положеніе вещей въ истинномъ свѣтѣ, чего нынѣшнему английскому министерству крайне не хотѣлось бы. Ему хочется поддержать и въ Англіи, и въ европейскомъ обществѣ абсурдную мысль, что въ восточной политикѣ Россія полна честолюбивыхъ замысловъ. Разъ рухнетъ трактатъ—рухнетъ съ нимъ и устой политики Дизраэли, рухнетъ и его министерство.

Илишнее говорить, что отзнаніе трактата не повлечетъ за собою «мирнаго» рѣшенія восточнаго вопроса, какъ думаетъ большинство европейскихъ газетъ. Это только первый шагъ къ рѣшенію вопроса—это очистка отъ щепки той почвы, на которой должно воздвигнуться зданіе освобожденія славянъ. Иначе—стоитъ ли хлопотать о восточномъ вопросѣ?

Замѣтимъ, однако, что отзнаніе парижскаго трактата существуетъ пока только въ принципѣ. Далекое-ли практическое осуществленіе—еще неизвѣстно.

На Сербію въ нѣкоторыхъ кружкахъ слышится что-то въ родѣ негодованія, что она заключила миръ съ Турціей. Но люди понимающіе рѣшаютъ, что миръ или война со стороны Сербіи имѣютъ въ настоящее время слишкомъ мало значенія, такъ какъ самый вопросъ теперь разширился, поставленъ тверже, серьезнѣе. Не умнотворенія, въ самомъ дѣлѣ, только Сербіи и Черногоріи добивается Россія, она ратуетъ за общее дѣло славянъ. Богары, босняки, сербговины—развѣ чуждые элементы въ этомъ дѣлѣ. Выдѣлять въ общемъ вопросѣ сербовъ и черногорцевъ—значитъ суживать славянской вопросъ и отклоняться отъ задачи.

Что касается, однако, Черногоріи, то она, по своей настойчивости въ переговорахъ, является колоссомъ, возбуждающимъ большее удивленіе.

Хотя Сербія уже заключила миръ съ Турціей, но черногорскіе делегаты все еще продолжаютъ переговоры въ Константинополь и телеграфъ сообщаетъ, что въ положеніи дѣлъ, т. е. въ смыслѣ наступленія новаго фазиса въ переговорахъ, никакой перемѣны не послѣдовало, потому что черногорцы продолжаютъ настаивать на всѣхъ заявленныхъ ими требованіяхъ, а Порта все еще отказывается принять. Отъ 1 (13) марта телеграфъ сообщилъ, что въ Константинополь всюду прибыли прокламаціи, въ которыхъ выражено требованіе, чтобы предъявленныя черногорскими делегатами условія были категорически отвергнуты Портою и чтобы Митхадъ-паша былъ возвращенъ изъ ссылки. Полиція теперь срываетъ прокламаціи и арестуетъ лицъ, вывѣшавшихъ ихъ. Затѣмъ есть уже извѣстіе, что совѣтъ турецкихъ министровъ рѣшилъ, что «если Черногорія не откажется отъ большей части своихъ требованій, то миръ не возможенъ», а отъ 2 (14) марта уже сообщено, что совѣтъ турецкихъ министровъ постановилъ отвергнуть всѣ требованія черногорскаго князя. Константинопольская чернь и софты готовы къ взрыву. О—въ Критѣ отказалась отъ выбора депутатовъ въ турецкій парламентъ, не смотря на насильственные мѣры, принимавшіяся мѣстными властями. Ни одинъ депутатъ не прибылъ изъ Крита въ Константинополь. Всѣ греки о—ва Крита крайне агитированы. Очевидно, что эти страшные симптомы въ большомъ организмѣ Турціи предвѣщаютъ слишкомъ многое, чего нельзя еще угадать, но что можно формулировать фразой: «нечего надѣяться на миръ!»

— Въ Вашингтонскомъ сенатѣ, состоящемъ теперь изъ 39 республиканцевъ, 33 демократовъ и одного независимаго, происходила недавно бурныя пренія по поводу назначенія Шермана, демократа, на должность министра финансовъ. Часть республиканцевъ энергически противилась признанію за республиканскимъ президентомъ права назначать министрами демократовъ. Одинъ изъ членовъ этой группы (Кемерингъ) предлагалъ даже, въ видѣ изъясненія президенту неудовольствія сената, отвергнуть весь составленный имъ списокъ министровъ. Но другая республиканская группа, представителемъ которой былъ Мортонъ, настаивала на утвержденіи всего кабинета. Мортонъ горячо отстаивалъ право президента назначать министровъ безъ различій группъ и партій. Противиться этому—значило бы съ перваго-же шага связывать руки исполнительной власти президента. Выборъ Шермана былъ утвержденъ. Можно ожидать, что умѣренные республиканцы соединятся съ умѣренными демократами и составятъ въ сенатѣ правительственное большинство. Но собственно между республиканскими фракціями господствуютъ большія несогласія. Можно ожидать бурныхъ сценъ въ засѣданіяхъ конгресса. Словомъ, новому президенту хлопотъ и тревоженій предстоитъ много.

— Въ Германскомъ парламентѣ идутъ пренія по вопросу объ учрежденіи имперскихъ министерствъ, что, очевидно, было-бы противовѣсомъ Германскаго партикуляризма, часто проявляющагося. Но проницательный князь Бисмаркъ назвалъ подобное учрежденіе непрактичнымъ и несоотвѣствующимъ современнымъ потребностямъ Германіи. Въ своихъ организаторскихъ дѣйствіяхъ, сказалъ Бисмаркъ, имперія можетъ двигаться лишь медленно.

— Въ настоящее время турки очистили сербскую территорію, Лишанинъ занялъ Алексинацъ, а Харватовичъ—Зайчаръ. Сербское правительство особымъ указомъ объявило, что въ Сербіи упраздняется система миліціонной службы. Пертевъ-Эфенди, имѣвъ съ сербскими делегатами, ѣдетъ въ Сербію и беретъ князю Милану султанскій фирманъ, подтверждающій самостоятельность Сербіи, а также брилліантовую звѣзду съ почетною золотою саблей, «за подчиненіе».

С М Ъ С Ъ

Раскопки, производимыя въ послѣднее время д-р. Шлиманомъ въ Микенахъ, дали блестящіе результаты. Шлиману удалось открыть гробницы древнихъ аргивскихъ царей, въ которыхъ было найдено громадное количество золотыхъ украшеній и уварей. По случаю этой находки, д-ръ Шлиманъ отправилъ въ греческому королю слѣдующую телеграмму: «Съ неописанной радостью увѣдомляю Ваше Величество, что мнѣ удалось открыть тѣ памятники, которые преданіе, какъ сообщаетъ Павзаній, считало гробницами Агамемнона, Кассандры, Эвримедона и ихъ спутниковъ, убитыхъ во время обѣда Клитемнестрой и ея любовникомъ. Гробницы эти окружены двумя concentрическими рядами плитъ, положенныхъ, вѣроятно, въ честь упомянутыхъ историческихъ личностей. Въ этихъ гробницахъ я нашелъ неопытными археологическій сокровища, состоящія изъ различныхъ предметовъ изъ чистаго золота; одного этого сокровища достаточно, чтобы наполнить большой музей, который будетъ самымъ блестящимъ въ мірѣ и въ грядущія столѣтія станетъ привлекать тысячи иностранцевъ изъ всѣхъ странъ въ Грецію.

Такъ какъ я тружусь изъ одной безкорыстной любви къ наукѣ, то отказываюсь отъ всякихъ притязаній на это сокровище и предлагаю его съ искреннимъ одушевленіемъ въ пользу Греціи. Государь! Да образуютъ эти сокровища, съ Божьимъ благословеніемъ, краеугольный камень неизмѣнимаго народнаго пруссѣнія. Микены, 28-го ноября 1876 г. Д-ръ Генрихъ Шлиманъ».

Конская узда. На брюссельской выставкѣ 1876 года, во французскомъ отдѣлѣ, между прочимъ была выставлена интересная уздачка, предназначенная для усмирения строптивыхъ лошадей. Дѣло въ томъ, что по бокамъ продольныхъ ремней, подъ глазами, и на нижнемъ концѣ этихъ ремней находятся шарниры съ тупыми крючками, насаженными такимъ образомъ, что, при дерганіи вожами, соединенными съ нижней частью крючковой, поворачивающихся на шарнирахъ, крючки эти зажимаютъ ноздри у лошади и мѣшаютъ ей дышать, что, поневоля, заставляетъ смириться самую непокорную изъ нихъ и предотвращаетъ такимъ образомъ опасности отъ разбиванія лошади.

Американская реклама. Владѣлец одной изъ большихъ гостиницъ въ Нью-Йоркѣ придумалъ, для привлеченія посетителей, слѣдующее: «Каждому гостю подаютъ утромъ счетъ и ящикъ, въ которомъ находится столько номеровъ, сколько въ данный день состоитъ въ гостиницѣ гостей. Тотъ, кто вынулъ самый высшій №, живетъ сутки бесплатно, получаетъ полное содержание и, кромѣ того, 1 долларъ деньгами». Гостиница всегда переполнена посетителями.

Судъ надъ медузомъ. Исправительный судъ въ Юркиншрѣ осудилъ одного спирита на три мѣсяца въ каторжную тюрьму. Это былъ пасторъ-методистъ, почтенный Вильямъ Монкъ, оставившій богослуженіе, чтобы заняться профессіей медума. Весь его окучивательный аппаратъ былъ захваченъ и въ томъ числѣ оказались искусственныя руки, пропитанныя фосфоромъ. Пасторъ былъ осужденъ за шарлатанство. Понятно: гдѣ медъ—тамъ и мухи.

Охота на львовъ. Гельдесгеймъ, ганноверскій городокъ, былъ сильно встревоженъ львами. Однажды, рано утромъ, когда содержатель зверинца перемѣщалъ зверей изъ однихъ кѣтокъ въ другія, одинъ изъ прислужниковъ вздумалъ открыть кѣтку со львами, которые казались спящими, чтобы взглянуть на нихъ поближе. Не успѣвъ онъ снять засовы, какъ двѣ львицы выскочили изъ кѣтки и одна изъ нихъ тотчасъ же задушила лошадь, послѣ чего, дѣлая прыжки въ 12—15 футовъ, исчезла въ улицахъ. Къ счастью, вслѣдствіе раннего утра улицы были пусты. Преслѣдуемая солдатами, львица пріютилась въ одномъ саду. Когда, черезъ нѣсколько часовъ, ее все еще не могли поймать и она намѣревалась опять выбѣжать на улицу—солдаты дали по ней залпъ и убили ее. Другую, скрывшуюся въ погребѣ, удалось заманить въ кѣтку.

Весьма интересное, полезное и важное открытіе сдѣлалъ профессоръ эльзасской реальной школы, Шустеръ. Известно, какое огромное значеніе имѣетъ картофель въ народномъ продовольствіи; не менѣе известно, какъ часто онъ подвергается заболѣванію, или просто неудачному сбору. Въ 1872 году проф. Шустеръ посадилъ въ своемъ огородѣ, на обыкновенномъ навозѣ, два рода картофеля: синій и такъ называемый бискуитный, въ 60 центиметрахъ одинъ отъ другого. Когда картофельъ выросъ на 20—25 см., кустики, въ количествѣ 20, были снабжены кулышками, къ которымъ вѣтви привязывались мокрой соломой. Двѣ недѣли спустя, эти кустики уже рѣзко отличались отъ остальныхъ. Свѣнные шарики дошли до величины куриного яйца; сборъ же картофеля былъ чрезвычайно обилитенъ, такъ что каждый кустъ далъ до 30 огромныхъ мучнистыхъ картофелинъ. Главное то, что упомянутые 30 кустиковъ остались совершенно свободными отъ всякихъ слѣдovъ заразы, между тѣмъ какъ остальная плантація была сильно ею поражена какъ въ плодѣ, такъ и въ листьяхъ. Опыты эти, повторенные въ слѣдующихъ годахъ, дали точно такіе же результаты не только у профессора Шустера, но и въ другихъ плантаціяхъ, и заслуживаютъ быть сдѣланными у насъ.

До французской революціи 1789 г., въ приговорахъ къ пожизненной каторжной работѣ, во Франціи слово «пожизненной» замѣнялось выраженіемъ: «Къ каторжной работѣ на сто лѣтъ и одинъ день». Оказывается, что существуетъ человѣкъ, выдержавшій до конца это наказаніе на тулонскихъ галерахъ. Его зовутъ Жанъ-Батистъ Муро. Онъ въ 1776 году, будучи еще 16-лѣтнимъ юношей, былъ приговоренъ за убійство и поджогъ къ ссылкѣ на галеры, по вышеприведенной формулѣ. По видимому, онъ весь себя въ заключеніи хорошо, потому что ему нѣсколько разъ предлагали помилованіе, но онъ упорно отказывался принять его, рѣшившись отработать свой срокъ до конца. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, наказаніе ссылкой на галеры было отмѣнено во Франціи и тюрьмы галерныхъ ссыльныхъ были упразднены. Но Муро такъ убѣдительно просилъ, чтобы его оставили въ тюрьмѣ, что просьба его была уважена и его помѣстили въ арсеналъ, гдѣ ему дали кое-какое занятіе. Отъ продажи работъ, исполняемыхъ заключенными, приходилась на его долю довольно значительная сумма, которую ему выплачивали по освобожденіи его. Не смотря на свои 116 лѣтъ, Муро еще очень бодръ: походка у него быстрая, взглядъ смѣлый, движенія и разговоръ живые и бойкіе. Онъ задумалъ идти пѣшкомъ на свою родину въ Нормандію, расчитавъ, быть можетъ, что такое путешествіе будетъ для него выгодно. Расчетъ оказался вѣренъ: онъ собралъ по дорогѣ столько денегъ, что имѣетъ теперь возможность дожить остатокъ своихъ дней безбѣдно.

Крысы всюду неудобны, но на кораблѣ онѣ составляютъ истинное бѣдствіе. Капитанъ англійскаго корабля «Weels» случайно открылъ очень простое средство для того, чтобы отъ нихъ избавиться. Запахъ растенія, весьма распространеннаго всюду и называемаго «Synoglossus» (собачій языкъ), до того противенъ крысамъ, что когда на его корабль принесена была вязка этой травы, крысы стали съ большимъ безпокойствомъ метаться по всему кораблю и, наконецъ, бросились въ море и поплыли къ берегу. Капитанъ нѣсколько разъ испыталъ это средство и всегда съ полнымъ успѣхомъ.

Какія были театральныя афиши сто лѣтъ тому назадъ? Въ городскомъ музеѣ въ Брунсвилѣ хранится, какъ курьезъ, театральная афиша второй половины прошлаго столѣтія. Кромѣ крайне плохого нѣмецкаго текста, въ ней весьма любопытно напечатанное въ концѣ наставленіе: «NB. Для удобства публики (Bublikimes) постановлено: первый рядъ зрителей долженъ глядѣть на представленіе лежа, второй—стоя на коленяхъ, третій—сидя, а четвертый—стоя прямо. Такимъ образомъ всемъ будетъ хорошо видно. Смѣяться не дозволяется, потому что это—трагедія (Drauerspiel).

«Франкфуртская Газета» рассказываетъ фактъ, вѣроятно, единственный въ судебной практикѣ. Нѣкій купецъ выставилъ въ свидѣтели, по весьма для него важному дѣлу, свою жену. Судъ не допустилъ этого свидѣтеля. Купецъ развелся съ женой; при ея свидѣтельствѣ, какъ при посторонней уже особѣ, выигралъ дѣло—и опять на ней женился.

Этотъ анекдотъ напоминаетъ другой:

Миссіонеръ, распространявшій христіанство среди людоѣдовъ, убѣдилъ вождя одного племени принять христіанство и совершить обрядъ крещенія. Вождь явился въ условленное время и привелъ съ собою трехъ своихъ женъ. Миссіонеръ объяснилъ ему, что по христіанской религіи многоженство не дозволяется. Вождь ушелъ и, двѣ недѣли спустя, возвратился уже съ одною только женою.—«Куда же ты дѣвалъ двухъ другихъ женъ?» спросилъ миссіонеръ.—«Я ихъ съѣлъ», отвѣчалъ людоѣдъ.

ПОЧТОВЫЕ ЯЩИКЪ.

1. Курскъ, г. Ал-ву. Вы пишете въ своей «Исповѣди»:

«Вчера понесъ меня духъ нечистый
По улицѣ большой, кабацкой».

Ну, положимъ, духъ виноватъ въ вашей слабости къ кабацкой улицѣ; но такое ея названіе неужели онъ-же вамъ подсказалъ?

2. Г. А. Бр—ну. (Гребенская, на Петербургской). По вашему:

«Кто вина не можетъ лишь употреблять,
Тотъ долженъ тутъ стихи писать».

Послѣ подобныхъ писаній, обильно снабженныхъ «на затѣчку» словами въ родъ: «тутъ я лишь», нельзя не пожалѣть, что вы не употребляете вина.

3. Петербургъ, Кон—ову. Вы увѣряете, что готовы страдать:

«Пока враги не бросятъ
Въ яму... спать къ отцахъ».

Добрыя-же ваши враги, если вы предполагаете въ ихъ преслѣдованіяхъ такія мръслюбинныя дѣла. Въ другомъ своемъ стихотвореніи вы пишете:

«Работай душою и тѣломъ,
Искренно думай и дѣлай всегда;
Тогда тебѣ—кто съ врагомъ:
Будь пріятелемъ намъ до конца».

Очень благонамѣренно, но знаете-ли нельзя сказать, чтобы очень грамотно.

4. Воронезъ, Сер. Ис. По—ву. Выбѣте просимого вами «какъ можно скоро» увѣдомленія, печатаемъ нѣсколько строкъ изъ вашихъ «стихъ въ стихъ»:

Но вѣдь не котъ-же я,
А борода моя не хвостикъ,
Къ чему-же спалишь ты меня...

Что за слова, что за сравненія!

5. Вас. Остр., А. Х—въ. Стихи ваши напечатаны не будутъ.

6. Орель, Григ. Мессингу. Если желаете имѣть нѣсколько рисунковъ картинъ «Мандолината», то выпишите потребное число экземпляровъ того номера «Нивы», въ которомъ она помѣщена.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЮ

Христіанские благотворители и любители
Благодѣлнія Храма Вождя!

Въ 3-хъ вѣстахъ отъ г. Старой-Руссы, Новгородской губерніи, на мѣстѣ упраздненнаго въ 1764 году Мужскаго Косинскаго Николаевскаго Монастыря, нынѣ находится Приходская церковь, во имя Святителя Христова и Чудотворца Николая, существующая 650 лѣтъ, которая подъ кровомъ своимъ покоитъ уже седьмое столѣтіе мощи угодниковъ Божіихъ, основанныхъ около 1220 года древній Косинскій Монастырь, предположныхъ: Константина и Козьмы Косинскихъ, учениковъ Преподобнаго Варлаама Хутынскаго.

Она построена при самомъ началѣ основанія Косинской обители, изъ плиты, дикаго каменя булыжника; и по мѣстамъ ярника, известнаго въ древности подъ именемъ «Плино» съ дубовыми вмѣсто жѣлѣзныхъ связямъ; стѣны ея довольно толсты, что и даю возможность ей простоять шесть съ половиною столѣтій; но внутренность ея въ началѣ по бѣдности Монастыря, а потомъ по малочисленности прихожанъ и по недостатку средствъ ихъ не только не приходила въ лучшее состояніе, но даже потеряла первоначальный видъ своего совершенства, и въ настоящемъ времени пришла въ большую нечистоту; кирпичная арка въ ней дави большею трещиной и грозитъ обрушеніемъ, а потому требуютъ новой перестройки; дубовыя связи въ концѣхъ стѣнъ, штукатурка во многихъ мѣстахъ отвалилась; иконостаसъ и въ немъ Св. Иконы пологательно погнили; полы, рамы въ окнахъ, и въ е прочее обветшало до послѣдней крайности, такъ что если не приступить къ ея возобновленію въ настоящее время, то въ недалгомъ будущемъ она должна будетъ совсѣмъ разрушиться.

Но, при всемъ желаніи сохранить такой драгоценный памятникъ священной древности, мы, по бѣдности прихожанъ, не въ состояніи сдѣлать необходимое возобновленіе, а потому вынужденные крайнею необходимостью рѣшились испросить у Епархіальнаго Начальства книгу для сбора добродѣтельныхъ подаяній, которая и выдана изъ Новгородской Духовной Консисторіи, отъ 18 января 1877 года за № 331-имъ срокомъ на одинъ годъ—на имя довереннаго отъ насъ лица; а почему и обращаемся съ сими воззваніемъ по благословенію нашего Архiepіскупа, во всѣхъ добродѣтеляхъ дѣлаемъ, съ твердою вѣрою, что рад. молитвъ Угодника своего Святителя и Чудотворца Николая, Господь расположитъ сердца лицъ христіанскихъ сострадаемъ и милосердіемъ въ оказаніи намъ писанной помощи въ возобновленіи и древняго Храма Вождя. Всякая лепта будетъ принята нами съ чувствомъ искренней благодарности. Христіане въ царствіи помощи! Пожертвованія могутъ быть приниманы по сему адресу: въ г. Старую-Руссу Новгородской Губер. Священнослужителями и Старостъ Косинской Николаевской церкви.

2-й заемъ 1866 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ

22-й тиражъ 1-го марта 1877 г.

ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденного 14 февраля 1866 г. Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышной и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го марта 1877 г. Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совета Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С-Петербургской биржи и публична, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 г.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

Table with 15 columns: №№ серій, №№ билет., Сумма выигрыша. It lists serial numbers and ticket numbers for various prize amounts across multiple series.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С-Петербургѣ, съ 1-го іюня 1877 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 года, вышедшихъ въ тиражъ по аженію, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 1-го марта 1877 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

411, 568, 709, 783, 1069, 1498, 1505, 2053, 3465, 3698, 5007, 5351, 5372, 5430, 5541, 6285, 6492, 6562, 6814, 7129, 7784, 9142, 9149, 9322, 9442, 10270, 10887, 11336, 11428, 11472, 11770, 12245, 12476, 12854, 12978, 13728, 13918, 14394, 14748, 15224, 15924, 16473, 16532, 16602, 16952, 17056, 17116, 17176, 17483, 17795, 18243, 19259, 19533, 19621.

Всего 54 серіи, составляющія 2,700 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го іюня 1877 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ. А. А. Непокойничій (съ портретомъ).—Къ фортепьянной пьесѣ «Тоссатта», Шумана (стихотвореніе) А. Размадзе.—Современный менихъ (Картина съ натуры) Г. Чекирева.—Стихотвореніе (съ рисункомъ) А. Майнова.—Обоюдное царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей (1682—1696 г.) (съ 2-мя рисунками) И. Звѣрева.—Всякой мысли—свое время (Этюды съ натуры) Щ.—Нормленіе любуица (съ рисункомъ).—Майнъ и Авель (съ рисункомъ).—Путевые эскизы нашего спеціального корреспондента (Яссы, Рущици, Разградъ) (съ 8-ю рисунками).—Славъ.—Политическое обозрѣніе.—Почтовый ящикъ.—Приглашеніе къ пожертвованію.—Тиражъ выигрышей государственнаго банка.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ХОРОШЕЕ УКРАШЕНІЕ ДЛЯ КАБИНЕТА и БИБЛИОТЕКИ
ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ 1000 ЛѢТІЯ РОССІИ
ПОРТРЕТЫ ЦАРСКАГО ДОМА
ЗЕМЛИ РУССКОЙ СЪ 862—1862 ГОДА.
ИЗДАНІЕ В. ШВАРЦА и К°.
СКЛАДЪ ВЪ ПАСАЖѢ ШВЕЙЦАРСКОЙ МАГАЗИНЪ № 27 и 29.
Изданіе № 1-й. Большой форматъ кабинетной величины въ сроднаскомъ кожано-мъ переплетѣ, съ бронзовой застѣжкой и золотымъ обрѣзкомъ. Цѣна 18 р., съ пересылкою 18 руб.

Вышло изъ печати ПЕРВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ ПОЛНОЙ ОПЕРЫ ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ, аранжированное для фортепiano въ 2 руки ШАРЛОМЪ МАЙЕРОМЪ и К. Вильвоа. Цѣна 3 руб.

Издано съ согласія издателя-собственника Ф. Столѣтова въ С.-Петербургѣ музыкальною торговлею П. ЮРГЕНСОНЪ въ Москвѣ, Петровка, № 6.
ИЗЪ БУМАГИ и изъ бумаги крытой полотною воротники, манишки и манжеты. Дешевле стирки. Высыхаютъ (по жѣрѣ) не менѣе чѣмъ на 5 руб. Въ депо амер. бумажнаго бѣла, подъ фирмою „Городъ Нью-Йоркъ“ въ старомъ Газетномъ пер. домъ Шаховскаго въ Москвѣ. Тутъ же ЦѢПОЧКИ накладнаго золота и чрезъ огонь золоченыя единственныя нечернѣющія, короткія отъ 3-хъ до 6-ти руб., шейныя отъ 4-хъ до 7-ми р., и отъ 30 коп.

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ ШОПЕНА, и есморгныя профессоромъ К. Клинд-гортгомъ.
Всѣ 14 вальс. въ 1 томѣ.—1 р.
„ 19 ноктюрн. въ 1 томѣ.—1 р.
„ 52 мазурки въ 1 томѣ.—1 р.
„ 27 этюд. въ 1 томѣ.—1 р. 50 к.
„ 4 баллады въ 1 томѣ.—1 р. 75 к.
„ 4 сонаты въ 1 томѣ.—1 р.
„ 11 Полонезъ въ 1 томѣ.—1 р. 50 к.
„ 4 тиропри въ 1 томѣ.—60 к.
„ 3 Сонаты въ 1 томѣ.—1 р. 50 к.
Полное собраніе сочиненій Шопена въ 6 томовъ 15 р.

ПРОДАЮТСЯ ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ П. ЮРГЕНСОНА, Петровка, № 6, въ Москвѣ.

100 ГЕОРГИНЪ И РОЗЪ. 100 ш. што желаетъ нѣтъ—можетъ получить по 1 р. съ пересылкою подъ бандеролью пакети съмята Георгинъ и Розъ 6 сор. Цѣточныя сѣмена: 12 лучш. сор. 75 к.; 20 съидыха въ грунтъ 75 к.; 12 въидыха 60 к.; 12 декоратив. 50 к.; 12 въидыха-телей 45 к.; 12 душист. 60 к.; 20 многолѣт. 1 р.; 25 равныхъ 1 р.; 50—2 р.; 100—3 р.; 200—5 р.; 12 букети. травъ 60 к.; 12 км. нат. 1 р.; сѣмена: Пальмъ 5 сор. 70 к.; Камелій 10 зерн. 30 к. съ перес. подъ бандер.; корня Георгинъ 15 и 25 к. ш. бѣдъ пересыл. Адресъ: Саратовъ Приволжское Дѣло сѣмля.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтми М. Сниткина. Книга для матерей и воспитательницъ. Цѣна 1 р. 50 к. У книгопродавцевъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ у Соколовъ. Складъ въ квартирѣ автора Максиміановскій пер. д. Воронина № 1—13 кв. № 48. Книгопродавцамъ уступка. Пересылка за 2 еугта по разстоянію. 3—2

ОБЪЯВІЯ СЪМЕНА Огородныя, лѣбныя, травяныя, цѣточныя и древесныя сѣмена имѣютъ честь предложить сѣменной торговлѣ А. УШАКОВА въ С.-Петербургѣ, Большая Коллѣжская д. 1. Подробный прейсъ-курантъ на русское и нѣмецкое языкахъ раздается и высылается по требованію бесплатно. 1—8

ИНЖЕНЕРЪ Имѣецъ, окончившій курсъ академіи, 30 лѣтъ, бывшій послѣдніе 3 года жалованно-дорожнѣмъ въ инженерномъ англійскаго правительствѣ при имѣѣ Доброй Надежды, имѣецъ мѣста въ Россіи. Имѣются хорошія рекомендаціи. Предложеніе подѣ лит. В. А. приимаетъ Ed. Pieper въ Clausthal (въ Пруссіи, въ провинціи Ганноверъ) 2—2

РУССКАЯ ВОРОЖЕЯ. Новое гаданіе, забава для всѣхъ возрастовъ. 36 картинокъ. 72 хромиграфированныя картинки съ рисункомъ профессора Лагорио. 288 отгѣтовъ пословицами. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Продается въ Гостиномъ Дворѣ, въ книжныхъ магазинахъ Колесова и Михина № 22, Исаева, Виткина и Печавкина, Лит. № 36.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 12

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 21 Марта 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1877 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. номера „Нивы“.

Высокопреосвященный Леонидъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій.

Лѣтописи русской церкви и общества съ грустью занесутъ на свои страницы потерю глубоко уважаемаго и любимаго архіепископа ярославской церкви, высокопреосвященнаго Леонида, скончавшагося 15-го декабря прошедшаго года, въ разгарѣ своей благотворной архіепископской дѣятельности, всегда проникнутой высокой христіанской любовью и энергіей горячаго убѣжденія.

Высокопреосвященный Леонидъ родился въ февралѣ 1817 г.; по рожденію онъ не принадлежалъ къ духовному званію, и получилъ свѣтское воспитаніе сначала въ англійскомъ, потомъ во французскомъ пансіонѣ, откуда въ 1829 г. поступилъ въ Горный корпусъ, но уже въ 1832 г. оставилъ его, чтобы поступить въ морскую службу, въ которой онъ и оставался до 1840 года, дослуживъ до лейтенантскаго чина. Но еще въ ранней юности въ немъ начали слагаться тѣ черты характера, которыя пригото-

вили изъ него служителя церкви; прійдя въ болѣе зрѣлый возрастъ, съ душой возвышенной и поэтической, онъ постоянно искалъ высшихъ идеаловъ жизни и, наконецъ, нашелъ ихъ въ томъ высокому ученію любви и истины, которое проповѣдуетъ религія.

Въ 1840 году молодой флотскій офицеръ оставилъ службу и Петербургъ и поступилъ въ Московскую Духовную Академію. Пройдя курсъ богословскихъ наукъ, онъ былъ вскорѣ посвященъ въ монашескій санъ. Свое церковное служеніе онъ началъ въ Вифаніи, гдѣ былъ ректоромъ семинаріи, потомъ былъ ректоромъ Московской семинаріи и, наконецъ, викаріемъ высокопреосвященнаго митрополита Филарета, бывшаго его неизмѣннымъ наставникомъ, руководителемъ и другомъ.

Высокопреосвященный Леонидъ, въ свою очередь, питалъ благоговѣйную преданность къ знаменитому московскому святителю и съ трагиче-

Высокопреосвященный Леонидъ, арх. Ярославскій и Ростовскій († 15 дек. 1876 г.)
Рис. и грав. І. С. Барановскій.

тальной любовью всегда хранилъ память о немъ.

Занимая почти восемнадцать лѣтъ кафедру викарія московскаго, высокопреосвященный Леонидъ снискалъ себѣ глубокое уваженіе и любовь всего общества, отъ высшихъ до низшихъ. Чтобы очертить дѣятельность высокопреосвященнаго въ Москвѣ приведемъ слова, сказанная ему, въ день пятнадцатилѣтія его архимонашескаго служенія, отъ лица его духовной пасты: „Благоговѣнно проходя высокое сіе служеніе, Вы своимъ кроткимъ и отечески-привѣтливимъ обращеніемъ и доступностью ко всѣмъ, успѣли привлечь къ себѣ сердца всѣхъ пастъ и всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ когда либо счастье пользоваться Вашею бесѣдой. Всякій изъ пастъ, въ минуты духовной радости, и еще болѣе въ минуты душевной скорби, свободно изливалъ передъ Вами свои чувства, и всегда увѣренъ былъ найти въ словахъ Вашихъ утѣшеніе, одобреніе и подкрѣпленіе. Любвеобильное Ваше сердце всегда откликалось на всѣ наши духовныя нужды, и никто не исходилъ „алчай“ отъ предлагаемой Вами духовной трапезы“.

Высокопреосвященный Леонидъ былъ человѣкомъ сердца въ лучшемъ значеніи этого слова и потому такъ привлекалъ къ себѣ всѣ сердца. Но главное обаяніе его личности заключалось въ нравственной высотѣ, въ ясности и чистотѣ его души. Какъ служитель церкви, онъ былъ служителемъ ея по призванію и глубоко былъ проникнутъ святостью этого призванія. Онъ былъ щедръ не только на устное, но и на письменное слово: его обширная духовная переписка вскроетъ, безъ сомнѣнія, много прекраснаго, содержащагося въ ней.

Если изъ области частной жизни, мы обратимся къ области

общественной христіанской дѣятельности, то во всякомъ благомъ начинаніи увидимъ участіе высокопреосвященнаго. Общество попеченія о дѣтяхъ, сосланныхъ преступниковъ имѣли въ немъ своего духовнаго руководителя. При его содѣйствіи, главнымъ образомъ, возникла, укоренилась и была приведена въ исполненіе мысль о порученіи опытнымъ монахиамъ московскихъ монастырей ухода за больными въ больницахъ; имъ же положено начало воспитанія при Алексѣевскомъ монастырѣ дѣвницъ изъ единовѣрныхъ намъ славянскихъ племенъ.

Въ прошедшемъ 1876 г. высокопреосвященный Леонидъ разстался съ своей московской паствой, бывъ назначенъ архіепископомъ Ярославскимъ. Тутъ открылось для него новое поле дѣятельности, поставившей его близко къ народу. Онъ сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова пастыремъ, учителемъ народа, находя въ простыхъ, неспорченныхъ сердцахъ благодарную почву для сѣянія слова Божія; онъ окружалъ себя дѣтьми, говорилъ имъ о Богѣ, о христіанствѣ, наставлялъ и священниковъ сельскихъ бытъ не официальными учителями, а всегдашними наставниками народа въ законѣ Божіемъ и доброй нравственности. Облѣзая окрестныя деревни и села, вездѣ раздавалъ онъ благословеніе Божіе, и самъ получалъ его отъ благодарнаго народа.

Онъ скончался отъ разрыва сердца, обозрѣвая епархію и остановясь на ночлегъ въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ Костромской епархіи, откуда тѣло его, съ подобающими высокому сану почестями, было перевезено для погребенія въ горъ Ярославль.

III.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ЦАРЯ ДАВИДА.

Псаломъ 13, „Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: гнѣвъ Божій“.

1

Помыслилъ въ сердцѣ мужъ безумный:
Нѣтъ Бога!.. Миръ въ грѣхахъ растлѣлъ.
Развратъ, разгулъ повсюду шумный,
Всѣ люди чужды добрыхъ дѣлъ,
У всѣхъ преступныя влеченія—
Слѣпая жажда наслажденія!..

2 — 3

Господь принякъ съ небесъ высотъ,
Безбожныхъ сонмъ окинулъ окомъ:
Быть можетъ въ ихъ средѣ найдеть
Незараженнаго порокомъ...
Напрасно!.. нѣтъ ни одного,
Кто бъ добръ бытъ, вѣровавъ въ Него!

4 — 5

„Ужель не можетъ вразумиться
„Погрязшій въ беззаконьяхъ родъ,
„Забывшій Господу молиться,

„Какъ хлѣбъ, снѣдая Мой народъ?
„Всело-жь въ нихъ ужасъ я великій,
„Въ испугѣ смолкнуть ширшествъ клики!

5 — 6

„Покрою блѣдныхъ лицъ стыдомъ,
„Презрѣнны будутъ ихъ чертоги;
„Господній—праведника домъ,
„Гдѣ уповалъ въ Него убогій,
„Гдѣ всѣми онъ осмѣянъ былъ
„За то, что Бога не забылъ“.

7 — 8

Когда-бъ къ Сіона высотамъ
Донли Израиля моленія,
И Богъ, сердечнымъ внявъ мольбамъ,
Извелъ народъ свой изъ плѣненія,
Иаковъ бы возликовалъ,
Восторгъ въ Израилѣ-бъ разыгралъ!

Ознобишинъ.

М И Л Е Н К А.

(Разсказъ изъ прошлогодней жизни въ Сербіи).

Гостинница „Сербской кроны“ считалась почему-то лучшей во всемъ Бѣлградѣ; сюда собирались обѣдать и ужинать почти всѣ русскіе, наводнившіе за послѣднее время столицу Сербскаго княжества.

Здѣсь, подъ тѣнью развѣсистыхъ платановыхъ деревьевъ и старыхъ вѣтвистыхъ каштановъ, цѣлый день видны были оживленные группы военныхъ и штатскихъ, мелькали цвѣтные зонтики и шлейфы дамъ, и вплоть до глубокой ночи не умолкалъ говоръ и возгласы посѣтителей, собравшихся чуть-ли не изъ всѣхъ странъ міра, говорящихъ самыми разнородными языками и нарѣчійми. Въ послѣднее время, впрочемъ, стала господствовать языкъ русскій, заглушая все остальное, иноземное.

Въ этой гостинницѣ или, правильнѣе сказать, около нея,—такъ какъ всѣ посѣтители, пользуясь превосходною погодою и уютною тѣнью деревьевъ, избѣгали душныхъ комнатъ ресторана,—назначались всевозможныя радеву, здѣсь обсуждались и военно-политическіе вопросы и обыденныя мелочи; здѣсь, не стѣняясь ничѣмъ, выражались самыя рѣзкія мнѣнія,—однимъ словомъ, здѣсь самъ собою образовался обширный, доступный для всѣхъ и каждому, клубъ пріѣзжихъ въ Сербію,

клубъ безъ устава, безъ контроля, безъ всякаго полицейскаго попеченія.

Съ перваго же дня пріѣзда моего въ Бѣлградъ, я обѣдалъ постоянно въ „Сербской кроны“.

Подъ однимъ изъ капитановъ, недалеко отъ того столика, гдѣ я обыкновенно занималъ приборъ, постоянно сидѣла маленькая дѣвочка, сербка, лѣтъ десяти, можетъ быть немного болѣе. Это маленькое, граціозное существо съ перваго раза было почти незамѣтно для глазъ наблюдателя: развѣсистый кустъ смородины, разросшійся у самаго корня капитана, и ярко-зеленая пучаница виноградныхъ побѣговъ, почти скрывали малютку; только въ ту минуту, когда солнечный лучъ случайно прорѣзывалъ листву, мелькалъ въ зелени бѣлый рукавъ ея рубашки или розовая пухлая пещка, покрытая пушкомъ смуглаго дѣтскаго тѣла. Дѣвочка была чрезвычайно миловидна и такъ напоминала дѣтей Мурильо; казалось, что эта граціозная фигурка выскочила прямо изъ рамокъ картины знаменитаго художника...

Растрепанные, темно-каштановые волосы, сбитые, нечесанные, висѣли низко за спиною, обрамлявая смуглое, выразительное личико; большіе, черные глаза смо-

трѣли прямо; въ этомъ взглядѣ было столько грусти, но грусти дѣтской, безсознательной, казалось будто слезинка хотѣла было выкатиться наружу, да раздумала и разлилась по глазу, подернувъ его нѣжнымъ, темнымъ блескомъ. Маленькій носикъ, немного вздернутый, выражалъ нѣкоторую энергію, быть можетъ, пока еще дремавшую въ ребенкѣ; обрамленный пухленькими темно-малиновыми губками ротикъ вѣчно улыбался, что составляло поразительный и оригинальный контрастъ съ ея задумчивымъ, грустнымъ взглядомъ.

Одѣта эта дѣвочка была чрезвычайно бѣдно, даже нищенски: — поверхъ грязной, порванной рубашки съ короткими рукавами и открытымъ воротомъ, только одна короткая-же шерстяная юбочка, когда-то красная, но въ настоящую минуту утратившая отъ времени всякіе признаки своего первоначального цвѣта. Эта юбочка мѣстами превратилась даже въ лохмотья и едва прикрывала голыя, худенькія ножки ребенка.

Въ первый день, когда я пришелъ обѣдать въ гостиницу, я не замѣтилъ этой дѣвочки; я обернулся, почувствовать, что кто-то тихонько дергаетъ меня за полу сюртука и увидѣлъ крохотную фигурку, просительно протянувшую ко мнѣ свою грязную ручку.

Ребенокъ просилъ молча, но выразительно. Я вынулъ немного серебра и положилъ ей въ руку.

Дѣвочка взглянула на меня, потомъ на серебряныя монетки, ярко сверкавшія на солнцѣ въ ея черной ладопи, улыбнулась и проговорила:

— Это для мамы, теперь для меня.

Меня, признаюсь, немного озадачила эта выходка; я вынулъ еще монетку и протянулъ ее ребенку...

— Идѣть,—покачала она головкой... Для мамы нужны деньги, для Миленки не надо...

Я взглянулъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Что же тебѣ надо?

— А вона!

И дѣвочка указала глазами на какое-то пирожное, стоявшее противъ моего прибора въ стеклянной вазѣ.

Я расхохотался и отдалъ ей всѣ сладости изъ вазы.

Дѣвочка приложила свою руку къ губамъ, чмокнула и, передавъ мнѣ по воздуху этотъ ноцѣлуй, сдѣлавъ при этомъ чрезвычайно граціозный, кокетливый жестъ, отошла и сѣла на свое мѣсто, подъ старымъ каштаномъ.

Каждый разъ я потомъ встрѣчалъ здѣсь эту дѣвочку. Она приходила утромъ къ гостиницѣ, сидѣла до конца обѣденнаго времени, потомъ исчезала куда-то, а вечеромъ появлялась снова, просиживая иногда до полудни.

Ее знали и баловали почти всѣ посѣтители гостиницы. Только и слышались возгласы:

— Миленка, поди сюда! Миленка, хочешь этого?! На, лови!

Миленка иногда пѣла по требованію какого-нибудь посѣтителя, иногда танцевала, но все это выходило у нея вяло, какъ-то нехотя, и дѣвочка, видимо, неохотно подчинялась этимъ требованіямъ.

Мнѣ рассказывали, что ребенокъ этотъ появился здѣсь всего съ недѣлю тому назадъ, что турки убили ея отца, истребили почти всю родню, сожгли до тла ихъ деревню—что ребенокъ этотъ Богъ вѣсть какимъ чудомъ уцѣлѣлъ, и также Богъ вѣсть какимъ образомъ попалъ въ Бѣлградъ, будто бы даже съ своей больной, измученной матерью, для которой она и приходитъ сюда въ гостиницу собирать подааніе.

Мнѣ хотѣлось подробнѣе распросить ребенка, обстоятельнѣе узнать ея исторію, повидаться даже съ ея матерью, но я все откладывалъ да откладывалъ, пока не пришлось выѣхать изъ Бѣлграда.

Масса несчастій и бѣдствій того же рода поглотила все мое вниманіе и заставила на время забыть малютку подъ каштаномъ гостиницы „Сербская корона“, по-

ка самъ случай не напомнилъ мнѣ объ ея существованіи и не раскрылъ грустнаго эпизода ея жизни, одного изъ многочисленнѣйшихъ эпизодовъ колоссальной кровавой драмы, разыгравшейся за послѣднее время надъ несчастнымъ Балканскимъ полуостровомъ.

Возвращаясь съ одной изъ поѣздокъ своихъ по лагерямъ дѣйствующихъ войскъ, изъ Делиграда въ Бѣлградъ, я, въ Семендріи или, какъ называютъ здѣсь этотъ городъ, Смедерево, остановился пообѣдать и немного отдохнуть, почему и велѣлъ почтарю-кочешу не торопиться церенряжкою свѣжихъ лошадей, а заѣхать за мною въ гостиницу часа черезъ два, а то и немного попозже.

Кочеша былъ почему-то очень доволенъ этимъ моимъ распоряженіемъ; снявъ шляпу и улыбаясь во всю ширину своего добродушнаго рта, онъ весело произнесъ: „фала, господине“,—а слово фала значитъ благодарю,—и, хлеснувъ длиннымъ кнупомъ уставшую, заморенную порядкомъ лошаденку, запрыгалъ въ своей двухколесной таратайкѣ, по крупнымъ камнямъ плохомошѣной улицы.

Я, отряхивая пыль съ плаща и фуражки, вошелъ въ залъ семендрійской гостиницы, весьма порядочной на видѣ, положительно лучшей изъ всѣхъ, которыя мнѣ приходилось видѣть по сербскимъ дорогамъ.

Большая, длинная зала съ цѣлымъ рядомъ свѣтлыхъ, высокихъ оконъ, была уставлена посрединѣ опрятно сервированными столиками, въ углу помѣщался небольшой буфетъ съ претензіей даже на нѣкоторую роскошь, въ видѣ двухъ покривившихся бронзовыхъ канделябровъ безъ свѣчей и стеклянной вазы съ засохшими кусочками какого-то пирожнаго. Стѣны залы, окрашенные свѣтло-зеленою краскою, нестрѣли многочисленными гравюрами и литографіями, оправленными въ золоченныя рамочки; близъ буфета висѣла даже карта Сербіи, дешеваго пригизетнаго изданія и пожелтѣвшая отъ времени, наклеенная для прочности на картонъ, карта обѣда, помѣченная еще 4 іюня 1868 года, выслужившая, значитъ, почти десятилѣтнюю давность безъ измѣненій.

По этой-то древней картѣ я спросилъ себѣ обѣдъ изъ пяти блюдъ—въ два динара (немного больше нашего полтинника)—и, въ ожиданіи этого обѣда, сталъ разсматривать посѣтителей гостиницы.

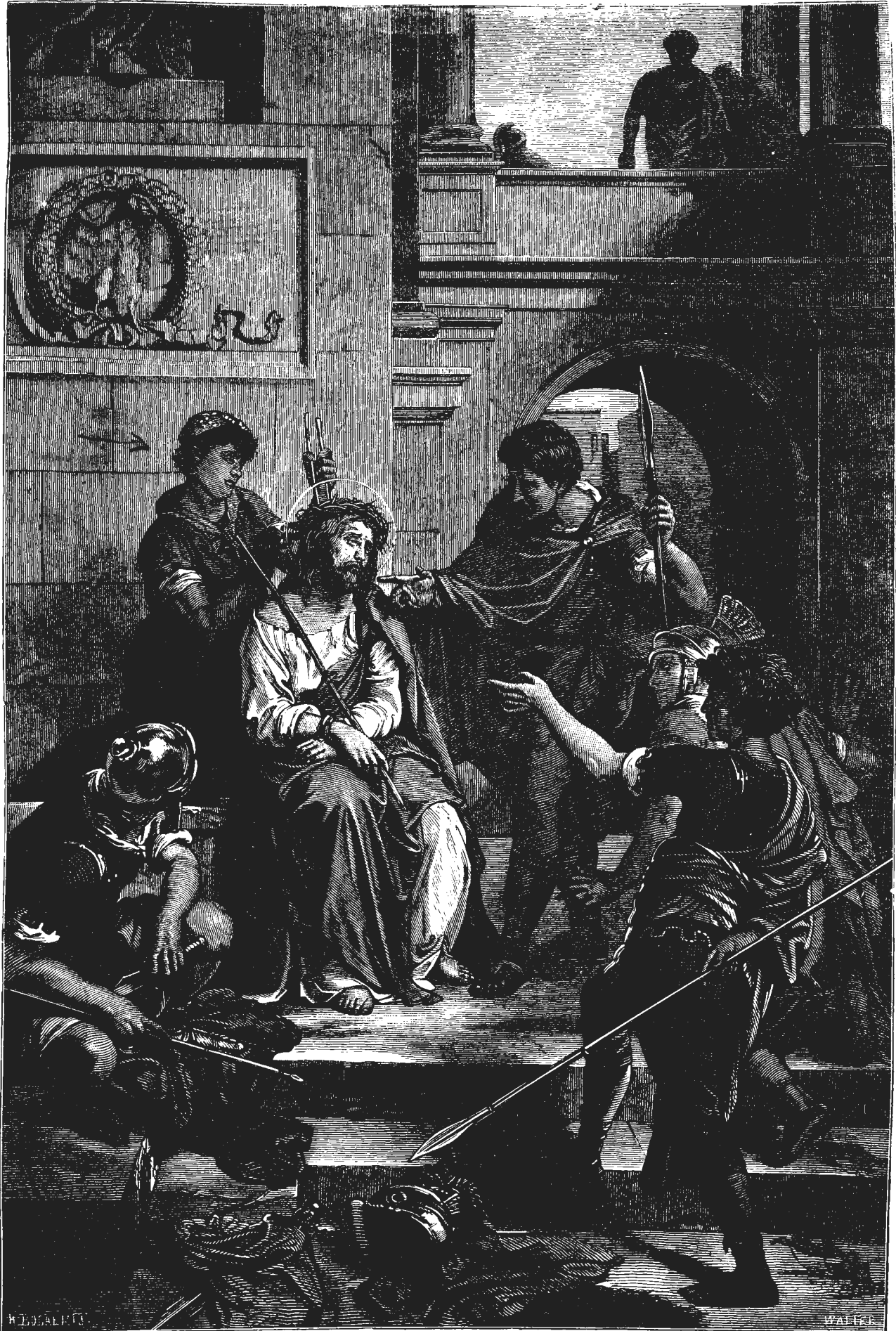
Ближе къ буфету, за столомъ, чище прочихъ сервированнымъ, сидѣли двѣ дамы съ повязками краснаго креста на рукавахъ; съ каждою изъ этихъ дамъ сидѣло по два кавалера въ штатскихъ платьяхъ, вида весьма приличнаго. Какъ дамы, такъ и кавалеры видимо уже пообѣдали и кейфовали съ папиросами въ зубахъ, за чашечками чернаго кофе. Судя по разговору, а также и внѣшнимъ признакамъ, не трудно было догадаться, что всѣ шестеро принадлежатъ къ персоналу здѣшняго временнаго госпиталя. Черезъ столъ отъ нихъ дремалъ, облокотившись обѣими руками и подперевъ ими голову, какой-то военный, въ темно-синей блузѣ, съ вышитыми звѣздочками на отложномъ воротничкѣ; тутъ же на столѣ лежала сабля его въ ржавыхъ металлическихъ ножнахъ и круглая форменная шапочка; передъ дремавшимъ стояла недопитая бутылка краснаго вина и половинка яблока. У средняго стола сидѣла самая оживленная и многочисленная компанія—все русскіе добровольцы, въ разнообразныхъ, еще неформенныхъ костюмахъ,—кто въ штатскомъ куцемъ пиджакѣ, кто въ поддевкѣ, а кто такъ и просто въ красной кумачевой рубахѣ съ лихо застегнутымъ косымъ воротомъ, всѣ въ тяжелыхъ высокихъ сапогахъ, всѣ съ револьверами, одинъ такъ даже съ простымъ русскимъ топоромъ за поясомъ и съ тяжелою суковатою дубиною...

У буфета стояла оригинальная фигура колоссальнаго

Новый соборъ въ г. Борисовѣ, Минской губ.

Рис. А. Ваньюра, грав. Бергъ.

Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ. Картина Бомпиани, рис. Вальтеръ, грав. Богертъ.

роста, въ короткомъ халатѣ поверхъ грязнаго бѣлья и въ туфляхъ на босую ногу. Голова и шея этой фигуры была оберчена бинтами и тряпками, и въ массѣ этихъ обертокъ, словно кожаная рукавица на снѣгу, чернѣло эвергичное смуглое лицо, съ большимъ горбатымъ носомъ, съ бровями рѣзко очерченными и длинными усами, висѣвшими прямо внизъ двумя черными прядями.

Добровольцы еще не были въ арміи, они недавно прибыли въ Бѣлградъ и только направлялись къ мѣсту дѣйствія. Здѣсь, въ Семендрии, былъ у нихъ отдыхъ, и они, въ ожиданіи заказанныхъ колъ (повозокъ), весело болтали, восторгаясь дешевизиною обѣда, а главное вина и „всякаго продовольствія“, какъ они выражались, разсматривая поданный имъ трактирный счетъ.

Изъ сосѣдней комнаты, ходъ въ которую шелъ черезъ сѣни, слышалось щелканье бильярдныхъ шаровъ и разнообразные, приличные обстоятельствамъ возгласы играющихъ. Нѣмецъ-буфетчикъ важно сидѣлъ за прилавкомъ, закрывшись какою-то газетою; трактирные мальчики въ красныхъ фескахъ и съ зелеными фартуками ловили мухъ на окнѣ отъ нечего дѣлать; красивая, толстая, съ румянцемъ во всю щеку сербка-судомойка, стояла въ дверяхъ, лихо подбоченясь, и глупо улыбалась, сверкая своими превосходными, бѣлыми и ровными зубами.

— Это удивительно!.. это удивительно. Да у насъ въ Москвѣ за такія деньги селянки простой въ трактирѣ не получишь! Ей Богу право! щелкая всею потернею по счету, восторгалась красная рубаха-косо-воротка.

— Не дорого,—спиходительно пожималъ плечами парусиновый пиджакъ.

— Вѣрите-ли: меня просто ошарашило... Приѣзжаю въ Бѣлградъ, сейчасъ въ гостиницу. Ставятъ графинъ съ виномъ... вино ничего, сносное... Кажда страшная, жарница—сорокъ градусовъ, а то и больше...

— А можетъ и меньше.

— Нѣтъ не меньше... пью... спрашиваю: сколько?

— Все выпилъ?

— Что за вопросъ!.. конечно! говорятъ: „четыре пары“—счета не знаю, не понималъ еще. Даю на всякъ случай три дивара—смотрю, два назадъ и съ одного еще сдачи мѣдяками... Просто даромъ!

— У насъ въ Черногоріи, въ Цетиньѣ,—сиплымъ басомъ вмѣшалась забинтованная фигура въ халатѣ.

— А у васъ въ Черногоріи лежатъ въ койкѣ, если докторъ вставать не позволилъ! замѣтилъ черногорцу, довольно строгимъ тономъ, одинъ изъ членовъ медицинскаго персонала.

— Скучно лежатъ... и на минутку—такъ только... замаялась фигура въ халатѣ.

— Ну идите, идите! А то замѣчу еще разъ, не позволяю въ гостинницѣ лежать, въ госпиталь переведу.

— Я пойду! махнулъ рукою черногорецъ, захватить съ прилавка кисть зеленого винограда и, пленая туфлями по плитному полу, тихонько, съ видимымъ усилениемъ запахалъ вонь изъ комнаты.

— Экая сила у этого народа! замѣтилъ докторъ, проводивъ глазами упеднаго—пуля въ шею, контузія въ голову и еще на ногахъ держится... Другой бы давно на тотъ свѣтъ отправился.

— Удивительно живучій народъ!.. я помогала одному ампутировать ногу—даже и не застоналъ,—замѣтила одна изъ дамъ.

Мнѣ принесли обѣдъ и я занялъ мѣсто на другомъ концѣ стола, за которымъ дремалъ господинъ въ военной курткѣ.

Мальчикъ, подавшій мнѣ суповую чану, осторожно сталъ убирать лежавшую на столѣ саблю, но сдѣлалъ это очень не ловко: сабля звякнула, чуть не выскочила у него изъ рукъ и опрокинула бутылку съ виномъ.

Дремавшій господинъ вздрогнулъ, встряхнулъ головою, медленно осмотрѣлся вокругъ, пристально посмотрѣлъ на меня, кивнулъ даже головою, словно кланяясь и извиняясь въ чемъ-то и, доставъ изъ кармана кожаный кисетъ съ табакомъ, принялся аккуратно свертывать себѣ папироску.

— Вы ѣдете въ Бѣлградъ? спросилъ меня мой визави, кончивъ работу надъ своей папироской и потянувшись за спичкою.

— Да.

— Я тоже. Вотъ съ которыхъ поръ жду лошадей!.. Сижусь-сижусь... Это чертъ знаетъ что такое! Обѣщали къ вечеру, да кажется сегодня, все равно, не получу—почевать здѣсь придется...

— Вы ѣдете одни?

— Одинъ...

Господинъ этотъ произвелъ на меня сразу чрезвычайно приятное впечатлѣніе: у него была такая простая, симпатичная паружность, выраженіе его лица было такое открытое, честное, внушающее съ перваго раза полнѣйшее довѣріе. Мнѣ захотѣлось оказать ему маленькую услугу и, пользуясь особыми правами, которые даетъ курьерская подорожная, я воспользовался предложитъ ему мѣсто въ своей повозочкѣ.

— Я васъ можетъ быть стѣсню,—замаялся онъ... Положимъ, мнѣ очень хочется поскорѣе понасть въ Бѣлградъ... но...

— Безъ всякихъ *но*—черезъ полчаса подадутъ мнѣ лошадей и ѣдемъ,—перервалъ я его замѣпанія и сказалъ свою фамилію.

— Жучекъ, Матвѣй Захарычъ, капитанъ,—произнесъ онъ рекомендуясь и протянулъ свою широкую руку, съ мозолистою, грубою ладонью.

— Отпускъ взялъ короткій; времени на дорогу много истратилъ... тоже и назадъ надо будетъ скоро ѣхать... пожалуй, и трехъ дней не доведется пробыть въ Бѣлградѣ,—говорилъ онъ, пуская въ воздухъ кольца табачнаго дыма.

— А вы по дѣлу?

— Не то, что по дѣлу... Какія мои дѣла?! А такъ, повидаться надо тамъ, провѣдать одного человѣчка... то есть не то, чтобы человѣчка—женщина она... ну, дочка у нее есть... Такъ вотъ денегъ скопилъ немного, отвезти хочу...

Я не спрашивалъ его подробно о томъ, какая это женщина съ дочкою и перелелъ разговоръ на то, что творится въ лагерѣ и его окрестностяхъ.

Капитанъ Жучекъ охотно удовлетворилъ моему любопытству и положительно увлекалъ меня своимъ живымъ и простымъ разговоромъ. Онъ, оказалось, давно уже былъ въ Сербіи, т. е. не то, что въ Сербіи, а въ *другихъ мѣстахъ, во близости*, какъ онъ выражался, умалчивая, впрочемъ, о точномъ опредѣленіи этихъ *другихъ мѣстъ*, умалчивая даже о своей тамъ дѣятельности. Фамилію его я слыхалъ, и теперь не безъ уваженія взглядывалъ на этого почтеннаго, опытнаго агитатора-фанатика и вмѣстѣ съ тѣмъ поэта и героя болгарскихъ вѣспышекъ.

Скоро мы уже сидѣли рядомъ въ тряской таратайкѣ и неслись чуть не въ карьеръ по превосходной шоссе-сѣйной дорогѣ, ведущей изъ Семендрии въ Бѣлградъ.

Дорога пролегалла по горамъ, то взбираясь на довольно значительныя высоты, то спускаясь глубокими лоцинами... Въ первыхъ случаяхъ, вправо отъ насъ раскидывалась широкая, безграничная панорама величественнаго Дуная, съ луговою стороною противоположнаго берега, съ разбросанными по ней безчисленными городками и селеніями австрійской Сербіи. Роскошная водная лента великой рѣки извивалась въ зеленыхъ рамкахъ, пестрѣя своими густо-поросшими островками и золотистыми песчаными отмелями... Тамъ и сямъ бѣлѣли паруса рыбацкихъ лодокъ, бороздя воду

бѣжалъ пароходъ, а за нимъ тянулась безъ конца струя дыма, расходясь незамѣтно въ пѣжно-лиловомъ вечернемъ воздухѣ. Солнце садилось, тихо и плавно спускалось въ туманную полосу, освѣщая краснымъ свѣтомъ вершины горъ и кудреватыя кроны корявыхъ, развѣсистыхъ сосенъ...

Стало замѣтно холодѣть, со дна лощинъ подымался сѣроватый паръ и заставилъ насъ поплотнѣе закутаться въ свои дорожныя плащи...

Совсѣмъ стемнѣло, когда далеко впереди насъ замелькали огоньки бѣлградскихъ предмѣстій, блеснула затѣмъ другая водная лента большого притока Дуная, рѣки Саввы.

И снова наша таратайка загремѣла и запрыгала по плохо мощенымъ улицамъ.

На другой день, по обыкновенію, я отправился обѣдать въ „Сербскую крону“.

Съ утра у меня было много хлопотъ, надо было сдѣлать съ десятокъ различныхъ официальныхъ и неофициальныхъ визитовъ и я немного запоздалъ. Подходя къ „Великой Плячѣ“, — большая площадь въ центрѣ города, — я увидалъ высокую, плотную и широкоплечую фигуру, появившуюся изъ-за угла и шедшую впереди меня. Я узналъ въ этой фигурѣ Матвѣя Захаровича Жучка и поспѣшилъ его окликнуть. Тотъ обернулся.

На немъ положительно лица не было. Онъ былъ чѣмъ-то сильно взволнованъ, озабоченъ и едва только увидѣлъ меня, какъ чуть не бѣгомъ бросился мнѣ на встрѣчу, вскрикнувъ:

— А, это вы!.. здорово, здорово!

— Что съ вами? посмотрѣлъ я ему въ лицо—и посмотрѣлъ самымъ пристальнымъ образомъ.

— Со мною!.. Со мною ничего... А вотъ съ нею... А вѣдь у меня горе, большое горе!..

— Вижу! Въ чемъ дѣло?

Жучекъ помолчалъ съ минуту... Мы шли рядомъ, и чтобы не толкаться съ поминутными встрѣчными, свернули съ тротуара на немощеную площадь, поросшую кое-гдѣ чахлою, погорѣвшею на солнцѣ травкою.

— Помните... началъ Матвѣй Захаровичъ, прервавъ молчаніе. Помните, вчера дорогою я говорилъ вамъ о человѣчкѣ, то есть женщинѣ одной, съ дочкою еще?.. помните?

— Ну, помню.

— Умерла...

Жучекъ произнесъ это слово какъ-то хрипло и тотчасъ же сильно закашлялся, словно его горло съ трудомъ пропустило этотъ недобрый звукъ.

— Не можетъ быть! воскликнулъ я и поспѣшилъ пробормотать какое-то неловкое, обыденное утѣшеніе.

— Да что ужъ тутъ! махнувъ рукою, протянулъ капитанъ... Померла, Господь съ нею... Эхъ, жаль только не дождалась меня.. я, вотъ, ей деньги возьму... знаете—женщина безъ всякихъ средствъ... несчастіе съ нею большое было, — оттого можетъ. Не привелъ Богъ; что дѣлать...

Матвѣй Захаровичъ слегка нахмурилъ брови и закусилъ нижнюю губу; глаза у него, словно кровью налились, покраснѣли... и, желая, можетъ быть, скрыть слезы, онъ отвернулся и вытерся обшлагомъ своей суконной куртки.

— Вы мнѣ говорили, — началъ я, давъ капитану нѣсколько минутъ успокоиться, — что у нея и дочка есть... Ну, эту дочку, вы, конечно, застали здоровой... Ничего не случилось?

— Тоже умерла! рѣзко отвѣтилъ Жучекъ и неожиданно остановился.

— Вотъ, вотъ чего я не пойму, не хочу понимать, не могу!.. чуть не закричалъ онъ, отшвырнувъ концемъ сапога какой-то злополучный кирпичный осколокъ... Ну, умерла мать. Хорошо! Она могла умереть! Она была

сильно, больно замучена... После *этого* долго не проживешь. Но дочка, дѣвочка зачѣмъ! ей умирать не слѣдовало... рано... совсѣмъ не кстати... Эхъ, Мила моя, Мила, что она только со мною старымъ сдѣлала?..

Жучекъ не выдержалъ и глухо зарыдалъ, стоя чуть не посреди площади. Мы увлеклись и незамѣтно уклонились съ дороги. Кое-кто изъ проходящихъ мимо съ любопытствомъ осматривали насъ съ ногъ до головы; мальчикъ, разнощикъ винограда, поставилъ даже на землю плетеную корзину съ своимъ товаромъ, вынувъ глаза и засунувъ пальцы въ ротъ, онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на этого высокаго, сильнаго человека, плачущаго какъ малый ребенокъ.

Я поспѣшилъ взять Матвѣя Захаровича подъ руку и, прекративъ всякіе дальнѣйшіе распросы, торопливо повелъ его узкимъ переулкомъ, безлюднымъ и глухимъ, ведущимъ въ обходъ къ гостиницѣ „Сербская крона“.

Жучекъ повиновался и шелъ безпрекословно. Пароксизмъ горя у него прошелъ и онъ успѣлъ уже снова овладѣть собою.

Прежде чѣмъ идти обѣдать подѣ каптанами, я увелъ Матвѣя Захаровича къ себѣ въ комнату, далъ ему время окончательно успокоиться, и онъ въ короткихъ словахъ разсказалъ мнѣ свою простую, въ высшей степени трогательную исторію. Эту исторію читатель узнаетъ ниже.

Его разсказъ растрогалъ до слезъ меня самого. Какъ глубоко я сочувствовалъ теперь его горю, какъ близко принималъ его къ сердцу!

Черезъ часъ мы спустились внизъ и заняли мѣста за однимъ изъ столиковъ.

— Что это сегодня Миленки не было! громко произнесъ одинъ изъ обѣдавшихъ.

Жучекъ вздрогнулъ и выронилъ изъ рукъ ложку, звякнувшую по тарелкѣ.

Я невольно взглянулъ по направленію того мѣста, гдѣ обыкновенно сидѣла малютка. Тамъ ея дѣйствительно не было...

— Миленка, какал Миленка? порывисто схватилъ меня за руку Матвѣй Захаровичъ.

— Дѣвочка, нищенка, хорошенькій ребенокъ... Она всегда тутъ сидѣла прежде... лѣтъ десяти, смуглянка, съ длинными волосами...

— Вчера была, даже вечеромъ вчера приходила, а сегодня нѣтъ, — вмѣшался въ разговоръ первый, спросившій о Миленкѣ.

— Вчера была, даже вечеромъ, — протянулъ Жучекъ, — что же это такое въ самомъ дѣлѣ... Господи!.. Да эдакъ съума сойти можно!..

Онъ сильно отодвинулъ отъ себя приборъ и всталъ.

— Что вы, Матвѣй Захаровичъ...

— Пойдемте со мною, ради Бога пойдемте... заговорилъ онъ. Сейчасъ, сію минуту, не теряя времени. Эхъ, жаль лошадей нѣтъ!

Онъ тоскливо поглядѣлъ вдоль улицы и поскребъ затылокъ съ досады: нигдѣ не было видно ни одной коляски, ничего даже похожаго на лошадей съ экипажемъ.

— Да, пойдемте нѣшкомъ, здѣсь близко, недалеко... Вотъ тутъ прямо можно. Идемъ! Что за странность, что за удивительныя вещи творятся. Вы говорили—вчера была, вечеромъ даже?

— Да, была.

— Смугленькая такая—Миленка зовутъ... Мила, Миленка?..

Жучекъ не вытерпѣлъ и, опрокинувъ по дорогѣ нѣсколько стульевъ, стремительно бросился черезъ улицу. Я, конечно, за нимъ, и едва догналъ его на поворотѣ.

Мы оба запагали что есть мочи, опять черезъ большую площадь, прямо по направленію къ турецкому кварталу. Черезъ минуту десять мы вошли уже въ оригинальную, кривую и узкую дунайскую улицу, при-

Мирный уголокъ. Картина В., грав. Пейне.

Скорбящая Богоматерь. Картина А. Гротгера. Рис. Младицкий, грав. А. Рогульский.
Библиотека "Руниверс"

хотливыми зигзагами спускающуюся прямо къ прибрежью.

День склонялся къ вечеру. Солнце спустилось низко, чуть не къ самому Дунаю и его косые, ярко-красные лучи скользили по гребнямъ черепичныхъ крышъ, по стройнымъ вершинамъ тополей, золотя на своемъ пути всѣ встрѣчные предметы. Высокія башенки минаретовъ розовыми колоннами рисовались на темно-синемъ небѣ, остроконечный коническій куполъ надъ минаретомъ мечети Барьякъ-Джамиль, крытый жестью, сверкалъ какимъ-то гигантскимъ огненнымъ факеломъ, возвышаясь надъ всею массою характерныхъ построекъ полу-турецкаго, полу-славянскаго типа. Узкая улица и ведущіе къ ней безконечно кривые переулки давно уже были въ тѣни, на нихъ господствовало необыкновенное оживленіе. Массы народа сновали во всѣ стороны по улицамъ, группировались въ тѣсные кружки у кафанъ и у входовъ въ лавки. Всѣ окна, всѣ двери

и ворота были отворены настежь, жалюзи и всевозможные навѣсы и зонты—все было снято, вездѣ видѣлись мужскія и женскія лица. Множество дѣтей съ крикомъ и смѣхомъ шныряли и путались между ногами проходящихъ. Всюду слышался самый оживленный говоръ, смѣхъ, писки, горячіе, задорные споры, громкая перебранка черезъ улицу, гдѣ-то во дворѣ пронзительно кричалъ осель, жалобно визжалъ какой-то поросенокъ, котораго со связанными ножками усатый цыганъ тащилъ въ мясную лавку, глухо ревѣли буйволы, чуя, что ихъ гонять къ живительному водою, кудахтали куры, усаживаясь на ночь на вѣтви фруктовыхъ деревьевъ, и, хлопая крыльями, торжественно оралъ красноперый пѣтухъ, выбравшись изъ слуховаго окна на самый конецъ черепичной крыши. Однимъ словомъ, все населеніе турецкаго квартала ожило и высыпало на улицу, почувявъ конецъ невыносимо-жаркаго дня, наступленіе живительной вечерней прохлады.

(Продолженіе будетъ).

Н. Нарзинъ.

Плавающіе острова.

Плавающіе острова встрѣчаются чаще на небольшихъ озерахъ, и неопытный путешественникъ поражається видомъ живописнаго острова, плывущаго къ нему или уплывающаго отъ него. Острова эти бываютъ не только покрыты травой или мелкою растительностью, но иногда даже небольшими деревьями. Образование ихъ отличается отъ острововъ атолловыхъ тѣмъ, что атолы обязаны строеніемъ своимъ животному царству и остаются постоянно неподвижными и населены людьми, а плавающіе острова и земли—царству растительному и возникаютъ отъ сросшихся у прибрежья корней и вѣтвей, съ присоединеніемъ водорослей. Время крѣпко соединяетъ основу такой ткани, а вѣтры отрывающіе сросшіяся массы отъ береговъ, наносятъ песокъ, черноземъ и сѣмена растений, которые здѣсь оплодотворяются и обращаются въ густую траву, или даже сплошные кусты. По легкости главнаго своего состава, т. е. растеній, эти острова держатся на водѣ и плаваютъ по направленію вѣтровъ, но никогда не населены и единственнымъ обитателями ихъ бываютъ маленькія животныя, птицы и пресмыкающіяся. Нѣкоторое исключеніе могутъ представлять *Чинатиссы*, т. е. плавающіе сады на озерахъ Центральной Америки. Туземцы часто раскидываютъ въ нихъ свои легкіе шалаши, гдѣ, среди роскошныхъ луговъ съ благоухающими цвѣтами, проводятъ время въ мирныхъ занятіяхъ, ловя рыбу, кося траву и собирая цвѣты и плоды.

Къ этому же разряду относятся такъ называемыя плавучія земли Германіи, которыя еще Плиній считалъ явленіемъ весьма замѣчательнымъ. Его поражали удивленіемъ небольшія пространства, поросшія кустарникомъ и выплывавшія изъ устьевъ Эльбы и Везера на встрѣчу римскому флоту, шедшему вдоль берега.

Въ настоящее время подобные острова попадаются въ странахъ, изобилующихъ торфомъ, и тому, кто желалъ бы видѣть цѣлую плавучую мѣстность, стоитъ только отправиться въ ганноверскую деревню Вакузенъ, чтобы подивиться такому явленію. Сначала сплошною тонкою массою тянутся водяныя и другія растенія на поверхности тихо движущейся воды. Когда эти растенія завянутъ, то они, распадаясь, образуютъ почву, на которой пускаютъ корни другія растенія, вянущія въ свою очередь и уступающія свое мѣсто новымъ. Въ нѣсколько лѣтъ толстый слой сросшихся растеній становится уже лугомъ, обильнымъ сочными травами. Если подобный лугъ толкнуть весломъ, то онъ весь приходитъ въ колебаніе. Среди лѣта вода, находящаяся подъ этимъ растительнымъ слоемъ, высыхаетъ до такой степени, что глубина бываетъ не болѣе 2 аршинъ, и косящіе траву не боятся, если бы имъ случилось провалиться; но попадаютъ луга до того окрѣвшіе, что они легко могутъ выдерживать тяжесть человѣка. Зимой, замерзая между растеніями вода составляетъ съ корнями одну сплошную массу, а весной, съ таяніемъ снѣговъ, эти луга, увлекаемые льдами, отрываются большими массами и приходятъ въ движеніе, устремляясь по теченію рѣкъ въ море. Самая деревня Вакузенъ стоитъ не на плавучемъ, а на настоящемъ островѣ, хотя также торфянаго свойства, и весной, при разливѣ рѣки Гамме, когда поднимается вода высоко и угрожаетъ затопленіемъ, жители выбираютъ сначала на чердаки, а если она уже очень высока, то поснѣжно перебираются по устроеннымъ наскоро мостикамъ на плавучіе острова, гдѣ и остаются до убыли воды; а если этотъ островъ, оторвавшись отъ главной массы, уносится теченіемъ къ устью, то они точно также перебираются на другой. Кромѣ американскихъ и германскихъ плавучихъ земель, замѣчательны еще африканскія земли, образующіяся, по преимуществу, изъ растенія *стритолъ*, нѣсколько толщаго на

кочанъ канусты и могущаго прозябать только въ водѣ. Такія кочни, плывя по Бѣлому Нилу, составляютъ сплошныя массы по нѣскольку десятковъ тысячъ штукъ и, переплетаясь разными вьющимися растеніями, захватываютъ плывущія деревья и образуютъ такимъ образомъ плавучіе острова. Это явленіе на африканскихъ водахъ очень хорошо описано у Самуила Уайта Бекера.

Есть острова, извѣстные подъ названіемъ *периодическихъ*. Острова этого рода, появляются то на поверхности водъ, то исчезаютъ безъ всякой видимой причины. Подобные острова встрѣчаются на озерахъ нѣкоторыхъ изъ острововъ Великаго океана и рассказы о нихъ туземцевъ долгое время считались одною баснею, но такое же явленіе, повторившееся въ области большихъ озеръ Сѣверной Америки, а у насъ въ Россіи въ Лифляндіи, доказываетъ ясно, что это не басня. Въ Лифляндіи находится одинъ островъ, загадочная природа котораго служитъ предметомъ немалаго удивленія. Тамъ, гдѣ довольно высокія горы Лифляндіи, Гайсинъ, Бакусь и Скирра, поднимаютъ свои главы надъ окрестной страной, находится, при имѣніи Вастень, озеро, называемое *Ильзенскимъ*. Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ озеро это было весьма незначительной величины, но послѣ расширилось до двухъ верстъ въ длину. Глубина его доходитъ до пяти сажень. Постыкающій это озеро весной увидитъ гладкій уровень воды; острова нѣтъ и слѣда, но въ августѣ мѣсяцѣ, а иногда немного раньше, появляется на поверхности его небольшой островъ, величиною до восемнадцати квадратныхъ сажень; берега его круты и на ихъ твердомъ пескѣ растетъ по преимуществу бѣлена; неподвижно онъ стоитъ до Михайлова дня (8-го ноября); но коль скоро пастушій морозъ, островъ погружается на дно озера. Уже до 80 лѣтъ сряду явленіе это замѣчаютъ каждый годъ, за исключеніемъ дождливыхъ лѣтъ.

Неизвѣстно, видѣлъ-ли кто нибудь этотъ островъ во время появленія или исчезновенія его, говорятъ только, что въ одно утро онъ вдругъ является на поверхности воды также, какъ въ другое подобное утро внезапно исчезаетъ. Только одинъ разъ этотъ островъ опоздалъ своимъ удаленіемъ и мерзъ во льду; тогда онъ былъ видимъ во время всей зимы, но съ растаявшимъ весеннимъ льдомъ утонулъ и островъ. Послѣ его погруженія дно озера на этомъ мѣстѣ было изслѣдовано, но какой либо особенноты отъ всего прочаго грунта озера здѣсь не нашли. Причины такого чудеснаго явленія еще въ точности неизвѣстны. До сихъ поръ полагаютъ, что периодическое появленіе острова причиняютъ газы, образующіяся на торфяномъ днѣ озера отъ глѣнія корней и волоконъ растеній. Это предположеніе подтверждается замѣчаніемъ, что при водруженіи длиннаго шеста въ дно, близъ острова, поднимаются большіе газовые пузыри. Поэтому слѣдуетъ думать, что островъ поднимается и поддерживается въ лѣтнее время, когда отъ теплоты, на торфяномъ днѣ озера, рождаются газы; а осенью, когда отъ холода газы исчезаютъ, островъ лишается опоры, дѣлается тяжелѣе воды и опускается ко дну. Островъ этотъ единственный, кажется, въ своемъ родѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ родѣ острововъ, весьма малочисленномъ, но чрезвычайно замѣчательномъ и существующемъ исключительно въ одной группѣ, находящейся въ Тихомъ Океанѣ, недалеко отъ Порто-Писко, у западнаго берега Перу—это *гуановыхъ острововъ* или островахъ изъ птичьяго помета. На меляхъ перуанскихъ водъ съ незапамятныхъ временъ, вѣроятно, съ начала существованія птицъ, собираются пернатые породы Южной Америки въ несмѣтномъ количествѣ. Вслѣдствіе этого гуано, скопившееся въ теченіе

нѣсколькихъ тысячелѣтій, образovalo цѣлую группу возвышенныхъ острововъ, покрытыхъ плотною толщею птичьяго помета. Главный изъ этихъ острововъ, Чинга, имѣетъ до 1½ версты длины и до 3¼ в. ширины. Толщина слоевъ доходитъ на другихъ островахъ до 17, а на Чингѣ до 30 сажень. Птичій пометъ этихъ острововъ доставляетъ превосходный удобрительный материалъ для неплодной почвы, но что удивительно, самъ Чинга представляетъ вполне неплодное пространство, покрытое кое-гдѣ мелкимъ кустарникомъ или сухимъ верескомъ. Върогатно, громадное количество гуано подавляетъ всякую растительность чисто механическою силою, то есть давленіемъ или тяжестью. Климатъ же этихъ острововъ вообще весьма здоровъ. Жители, поселившіеся здѣсь исключительно ради своего промысла и построившіе свои деревянные дома на гуановой

толщѣ, пользуются вообще хорошимъ здоровьемъ. Всѣ же средства къ жизни, пища, вода и проч., привозятся съ материка. Около 2,000 человекъ жителей (европейцевъ, китайцевъ, перуанцевъ и негровъ) принадлежатъ исключительно къ работникамъ, занимающимся ломкою пластовъ гуано и перевозкою на берегъ. По изслѣдованіямъ французскаго инженера Фарегата, количество нанесеннаго птицами помета простирается на одномъ сѣверномъ островѣ до 260 милліоновъ пудовъ. Въ разныхъ странахъ Европы, во Францію, Англию, Германію, ежегодно вывозится гуано на сумму до 80,000,000 р. сер. и составляетъ для перуанскаго правительства первенствующую вѣтвь международной торговли.

Н. Зувѣв.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Соборъ въ г. Борисовѣ.

Борисовъ—уѣздный городъ Минской губерніи, расположенный въ 75 верстахъ отъ Мінска, на обонхъ берегахъ р. Березины и при Московско-Брестской желѣзной дорогѣ; въ немъ считается до 7 тысячъ жителей, состоящихъ изъ русскихихъ, евреевъ, поляковъ и, частью, татаръ. До 1795 года Борисовъ принадлежалъ Польшѣ и имѣлъ значеніе крѣпости, въ которой содержался гарнизонъ. Польское население города принадлежитъ большею частью къ помѣщикамъ; русскіе составляютъ служебный чиновный классъ; въ рукахъ евреевъ находится по преимуществу торговля. Главнымъ предметомъ послѣдней служитъ лѣсъ, большое количество котораго сплавляется внизъ и отправляется вверхъ по р. Березинѣ во время весенняго половодія. Второе мѣсто, послѣ лѣса, принадлежитъ хлѣбу, который привозится сюда изъ южныхъ губерній...

Городъ не имѣетъ никакихъ достопримѣчательностей, кромѣ остатковъ баттарей, построенныхъ французами во время нашествія Наполеона I на Россію. Эти остатки возвышаются на правомъ гористомъ берегу р. Березины и служатъ жителямъ мѣстомъ прогулки во время лѣта; съ нихъ довольно хорошо видъ на городъ. Другимъ мѣстомъ гулянья служитъ мостъ, переброшенный черезъ Березину. Садовъ вовсе нѣтъ. Въ городѣ I церковь православная, I католическая и I синагога. Въ 1867 году городъ очень пострадалъ отъ пожара, причѣмъ сгорѣла и единственная деревянная церковь. Большихъ усилій стоило ревнителямъ православія собрать сумму на постройку въ городѣ каменнаго собора, который и былъ заложенъ 5 сентября 1871 года. Соборъ этотъ, представленный на прилагаемомъ рисункѣ, названъ во имя воскресенія Христа Спасителя—*Воскресенскимъ*.

Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ.

(Картина Бомпiani).

Суровый ветхозавѣтный законъ объ отношеніяхъ человека къ человеку, выразившійся въ словахъ: „око за око, зубъ за зубъ“, замѣняется въ ученіи Божественнаго Учителя *новою заповѣдью—любови* человека къ ближнему. „Заповѣдь новую даю вамъ,—говорилъ Онъ,—да любите другъ друга. Любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящихъ васъ“...

Человѣкъ былъ бы рабомъ своихъ страстей, еслибы не оживилъ его духъ новой заповѣди. „Если пребудете въ словѣ Моёмъ,—говорилъ Учитель любви,—то вы познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными. Духъ животворитъ; слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь“.

Чтобы пало на землю зерно этого божественнаго ученія, нужно было человѣчеству слышать его изъ устъ Того, Кто могъ сказать о Себѣ: „вѣрующій въ Меня, не въ Меня вѣруетъ, но въ посланнаго Меня Отца, и видящій Меня видитъ посланнаго Меня Отца: Я и Отецъ одно“. Но зерно новой заповѣди могло прорасти только на доброй землѣ—въ сердцѣ простомъ, кроткомъ. Оно не могло пустить ростковъ на каменной почвѣ черствыхъ сердецъ гордыхъ книжниковъ и лицемерныхъ фарисеевъ, которые поэтому возненавидѣли Иисуса. Ненависть ихъ къ Нему еще болѣе возросла, когда Онъ сталъ обличать ханжество, лицемеріе и хищничество этихъ безумныхъ и слѣпыхъ вождей народа. „Меня ненавидитъ міръ,—говорилъ Учитель истины,—потому что Я свидѣтельствую, что дѣла его злы“. Фарисеи и книжники неоднократно пытались уловить Иисуса или въ порицаніи правительственной власти, или въ пренебреженіи Моисеева закона. Когда же Богочеловѣкъ объявилъ имъ о Своей миссіи на землѣ, тогда они прямо заключили, что Онъ богохульствуетъ и искали случая погубить Его. Они не могли уразумѣть, что Человѣкъ этотъ „на то родился, на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ“, пострадать и умереть за нее. „Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“,—говорилъ Добрый Пастырь, положившій за насъ свою душу. Таковъ былъ для спасенія человѣчества великій примѣръ любви къ ближнему!

Фарисеи и книжники, подкунивъ Иуду, взяли Иисуса черезъ

посредство его ночью, тайно отъ народа, въ Геосиманскомъ саду, куда Онъ уходилъ, по обыкновенію, на молитву. Въ эту замѣчательную ночь много выстрадала Его человѣческая душа. „Душа Моя скорбитъ смертельно“,—говорилъ Онъ тогда своимъ ученикамъ, зная, что ожидаетъ Его впереди. Неоднократно, навѣ лицемъ на землю, произносилъ Онъ: „Отецъ Мой! если возможно, да минуешь меня чаша сія; впрочемъ, не какъ Я хочу, но какъ Ты“...

Передъ синедріономъ Богочеловѣкъ былъ обвиненъ въ богохульствѣ, а передъ Пилатомъ, тогдашнимъ правителемъ Иудеи, какъ римской провинціи, въ томъ, что Онъ называлъ Себя царемъ иудейскимъ и будто бы возмущалъ народъ къ восстанію...

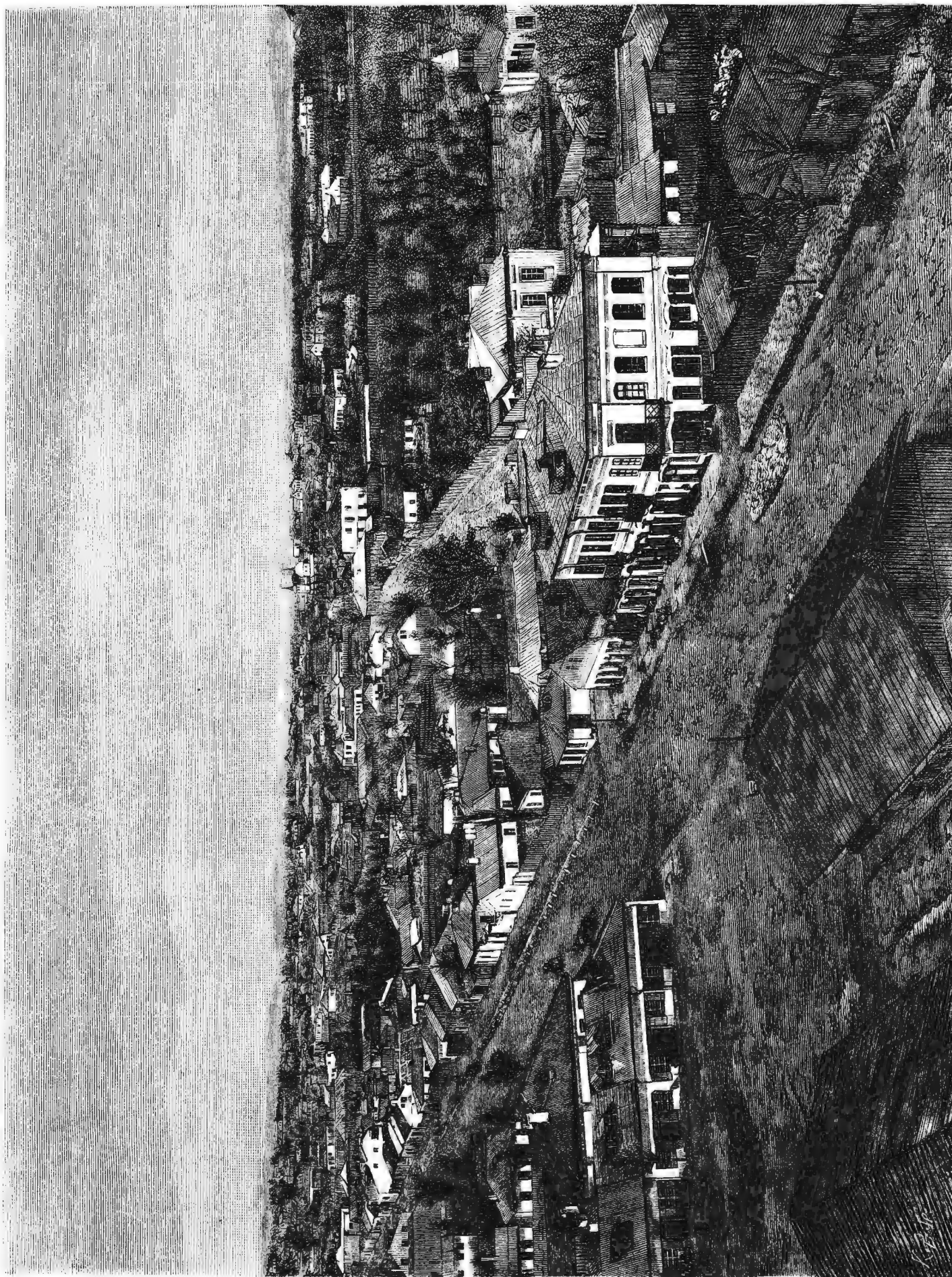
Когда Пилатъ уступилъ требованію первосвященниковъ и старѣйшинъ иудейскихъ осудить Иисуса, то воины, подкунившіе книжниками и фарисеями, дали себѣ волю поругаться и надсмѣяться надъ „Царемъ Иудейскимъ“. Снявъ съ Него одежду, они облекли Его въ багряницу, какъ царя, дали Ему въ правую руку трость, какъ символъ власти, и надели на голову Его, какъ царскую корону, вѣнецъ изъ терновника, острые шипы котораго вонзились въ тѣло до самаго черепа. И вотъ, ставовъ передъ Нимъ на колѣни и кланаясь, восклицали: „Радуйся, Царь Иудейскій!“ Потомъ плевали Ему въ лицо, били тростью по головѣ, чтобы больше вонзились шипы вѣнца, и всячески издѣвались надъ Нимъ...

Этотъ моментъ страданія Богочеловѣка представляетъ приложенный здѣсь рисунокъ. Кроткое и смиренное лицо Его уже говоритъ: „Отче, отпусти имъ: не вѣдать бо, что творятъ!“

Мирный уголокъ

Передъ нами тихій уголокъ міра, одно изъ тѣхъ пріятныхъ мѣстечекъ, о которомъ мечтаетъ горожанинъ, измученный непрерывнымъ шумомъ, вѣчной суетой, дѣлами... Вотъ бы куда уйти изъ душнаго города, вотъ гдѣ душа найдетъ успокоеніе! Вода, зеленъ, чистый воздухъ, лодочки, крестьяне, коровы, словомъ—безмятежная жизнь течетъ тутъ, и является желаніе пожить такою идиллическою жизнью. Этотъ прелестный ландшафтъ—не фантазія художника, это—снимокъ съ природы. Рѣка Шпре въ Нижнемъ Лаузицѣ (Пруссіи) образуетъ безчисленными своими рукавами Шпревальдъ, имѣющій поверхность почти въ пять квадратныхъ миль. Тутъ живетъ народецъ славянскаго происхожденія—потомки древнихъ Вендовъ и Сарбовъ, поселившихся въ Германіи въ эпоху великаго переселенія народовъ. Венды когда-то занимали сѣверо-восточную часть Германіи, но послѣдствіемъ имъ пришлось уступить мѣсто германскимъ племенамъ. Покоренные частью погибли, частью смѣшались съ побѣдителями, и вотъ остатки ихъ и теперь еще живутъ въ Лаузицѣ и Помераніи подъ именемъ „Кашубовъ“.—Национальностью свою Венды сохранили болѣе всего въ Верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ, а въ особенности около Бауцена, Герлица и Циттау. Они исключительно заняты земледѣіемъ, но не пренебрегаютъ и рыболовствомъ. Это чрезвычайно трудолюбивый народъ. Достоинство не только мужчинъ, но и женщинъ опредѣляется у нихъ по степени ихъ рабочей силы; они, какъ и вообще всѣ славяне, гостеприимны, набожны и пѣвцевъ не долюбливаютъ. Въ Пруссіи Вендовъ насчитываютъ до 100,000, въ Саксоніи до 50,000. Есть Венды и въ Австріи (въ Штейр-маркѣ и Иллирии). Вообще число всѣхъ живущихъ въ Германіи Вендовъ, сохранившихъ болѣе или менѣе свои обычаи и языкъ, доходитъ до милліона*). Обращаясь къ Шпревальдскому ландшафту, замѣтимъ, что у обитателей Шпревальда въ большомъ ходу маленькія лодочки; такъ, на нихъ производитъ рыболовъ свое прибыльное ремесло, на нихъ отправляютъ скотъ на пастбища и отвозятъ сѣно, на нихъ ѣдутъ крестьяне по воскресеньямъ въ церковь и на нихъ-же неслышными ударами весель преслѣдуютъ охотники разнообразную и многочисленную дичь. Болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни и нравахъ Вендовъ читатель найдетъ въ „Нивѣ“ 1872 г. № № 28 и 51 и 1873 г. № 20.

*) Что касается языка Вендовъ, то онъ — отрасль южно-славянскаго языка, именно сѣверозападной вѣтви его, болѣе схожъ съ польскимъ и богемскимъ, чѣмъ съ русскимъ.

Общій видъ города Галаца (въ Румыніи). Рис. съ фотогр. Бренке, грав. Вейерманъ.

Г. Галацъ.

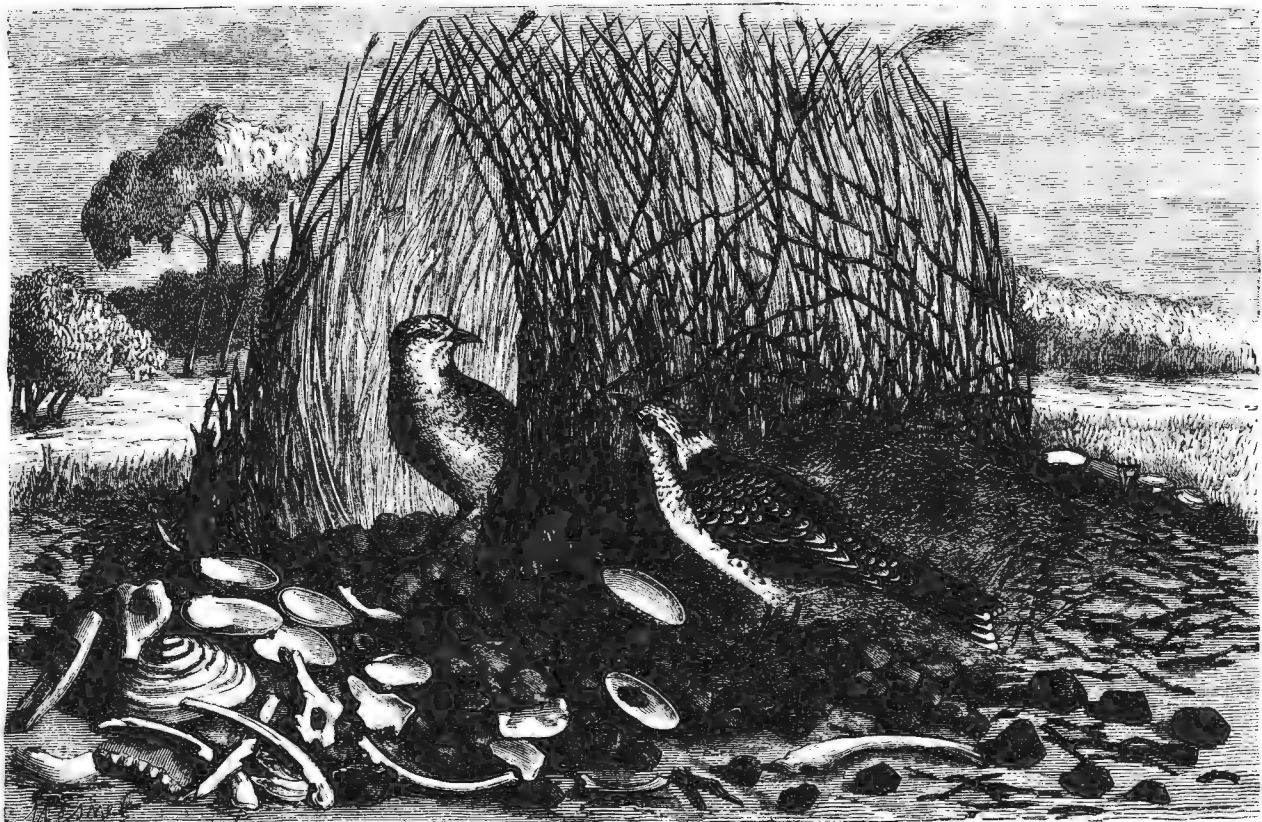
Мы уже сказали нѣсколь-
ко словъ о Галацѣ по пово-
ду помѣщеннаго въ № 10
„Нивы“ наброска: „Пароход-
ная пристань въ Галацѣ“. Помѣщаемъ теперь общій
видъ этого города.

Галацъ раздѣляется на
нижній, расположенный на
самомъ берегу Дуная, гдѣ
пристань, и верхній, лежа-
щій дальше отъ берега на
болѣе возвышенной мѣстнос-
ти. Въ лѣтнее время при-
стань загромождена судами
разныхъ флаговъ. На бере-
гу беспорядочно толпятся
кучи народа разныхъ пле-
менъ и нарѣчій. Тутъ встрѣ-
чаются молдаване и албан-
цы, греки и болгары, тур-
ки и сербы, венгерцы и цыга-
не, персіяне и итальянцы,
нѣмцы и русскіе и т. д. и т.
д. Но больше всѣхъ встрѣ-
чаются евреи и греки, въ
рукахъ которыхъ вся торго-
вая города. По улицамъ не-
проходимая грязь въ ненаст-
ное время и непроглядная
пыль въ сухое. Дома построе-
ны въ беспорядкѣ и какъ
будто на скоро, такъ что
нохожи на временные бала-
ганы. Отъ пристани въ верхній городъ постоянно тянутся верени-
цей бочки съ водой, запряженные волами. Цѣлыя горы кулей съ
хлѣбомъ навалены на берегу пристани. Тутъ же паровая мельни-
ца съ утра до вечера работаетъ, превращая зерно въ муку. Общее
впечатлѣніе нижняго города—грязный толкучій рынокъ, надъ
которымъ царитъ постоянно удушливая атмосфера изъ смѣси

Галацъ. Улица, ведущая къ Дунаю.
Рис. нашъ корреспондентъ Н. Карзинъ, грав. Вейерманъ.

продажъ, зачерствѣвшаго
какъ камень.
Верхній городъ отличает-
ся отъ нижняго лучшимъ
распределеніемъ улицъ и нѣ-
которою относительною
опрятностью. Въ немъ есть
магазины на европейскій
ладъ, но грязь и пыль—тѣ
же. Среди города возвышает-
ся башня съ небольшимъ до-
микомъ: это пожарная ко-
манда. Такъ какъ пожары
здѣсь часты, то потому, вѣ-
роятно, команда пріучилась
быть въ надлежащемъ по-
рядкѣ: лошади, бочки съ во-
дой и пожарные снаряды
всегда на-готовѣ. Дома этой
части города также не пред-
ставляютъ особенной архи-
тектуры: они напоминаютъ
наши провинціальныя одно-
этажныя. Есть гостиницы
съ такими названіями, какъ
„Парижъ“, „Европа“, но ма-
ло походятъ онѣ на евро-
пейскія, а скорѣе на восточ-
ныя кафаны. Курьезныя
встрѣчаются вывѣски на
этихъ гостиницахъ: на нихъ
перемѣшаны слова, кажется,
всѣхъ европейскихъ языковъ
съ турецкими. Въ городѣ
есть бульваръ, обществен-
ный садъ съ виноградны-
ми деревьями, въ которомъ по
праздникамъ играетъ воен-
ная музыка, и театръ, впрочемъ,
мало посѣщаемый. Церк-
вей считается до 15. Цифра же
всего населенія Галаца до-
ходить до 40 тысячъ человекъ.
Пароходы совершаютъ прави-
льные рейсы въ Константинополь,
Вѣну и Одессу. На востокъ
отъ города, по теченію Дуная,
находится предмѣстье, представ-

Увеселительная бесѣдка плащелосца пятнистаго. Рис. Менель, грав. Гудъ.

запахомъ соленой и вяленой рыбы и сладкихъ рожковъ. Рыба
эта составляетъ обыкновенную пищу простаго народа, а слад-
кіе рожки—лакомство его. Въ плохонькихъ магазинахъ, похо-
жихъ на простыя сараи, кучей свалены разные товары. На-
блюдателя больше всего поражаетъ масса печенаго хлѣба въ

ляющее собой рядъ шалашей: тутъ живутъ рыбаки, посильщи-
ки и огородники. Прилегающее къ городу съ восточной сторо-
ны озеро Братинъ богато рыбою. Еще далѣе на востокъ тя-
нутся большіе огороды съ капустой, огурцами и лукомъ. Ого-
родники и садовники большою частью болгары. Среди огоро-

доль находятся развалины громаднаго каменнаго зданія, поросшаго „травой забвенья“: это большая больница, построенная русскими во время войны съ Турціей въ 1823 году.

Окрестности Галаца также непривлекательны: ни лѣсовъ, ни живописныхъ мѣстъ. Молдаванскія деревни напоминаютъ наши малороссійскія; въ избахъ ихъ такая же чистота и опрятность какъ и въ хохлацкихъ хатахъ.

Галацъ все-таки одинъ изъ бойкихъ, красивыхъ и многолюднѣйшихъ городовъ нижняго теченія Дуная. Это центральная станція всего воднаго пути, соединяющаго Вѣну и Пестъ съ Константинополемъ; къ нему же сходятся и обѣ вѣтви румынскихъ желѣзныхъ дорогъ — изъ Яссы и изъ Бухареста. Городъ, какъ сказано выше, раздѣлен на двѣ части: верхнюю и нижнюю, вытянувшуюся по линии изгиба красавца Дуная. Какія оригинальныя, полныя художественной прелести перспективы представляютъ собою эти улицы, особенно когда приходится спускаться сверху внизъ, и въ глубинѣ узкой щели, обрамленной, какъ декораціями высокими, оригинальными зданіями, съ пестрыми фасадами, съ безчисленными мансардами и навѣсными балкончиками, задрапированными полосатыми маркизами и жалюзи; вы видите голубую полосу широкаго Дуная, съ его противоположнымъ берегомъ, затаянутаго какъ дымкою лиловатымъ туманомъ съ бѣлыми, какъ крылья лебедя, парусами голіотовъ и щетиною тонкихъ мачтъ, снастей и флаговъ у пристаней. Жаль только одно, что вся эта прелестная обстановка сильно страдаетъ отъ невыносимыхъ мостовъ, заставляющихъ вагъ экипажъ подпрыгивать во всѣ стороны, издавая при этомъ самые подозрительныя, грозящіе катастрофой звуки.

Вы спустились наконецъ, бросили экипажъ и идете пѣшкомъ по гребню набережной. Слева у васъ тянется дома полу-европейской, полу-восточной архитектуры; балконъ чуть не подъ каждымъ окошкомъ, а то такъ просто тянется во всю длину этажей. Лѣтомъ, эти балконы, уставленные растениями, защищенными отъ знойныхъ лучей южнаго солнца бѣлыми, вышитыми тентами, съ милостивыми головками любовитныхъ обитательницъ, любующихся Дунаемъ и пестрою толпою, — представляютъ восхитительное зрѣлище. Вправо — цѣлый рядъ пристаней, тяжелые бока пароходовъ и транспортныхъ баржъ, вычурныя линии голіотовъ, паровыя трубы, мачты, мачты и мачты, наруса, развѣшанные граціозными фестонами, яркія пятна національныхъ флаговъ — и все это на темно-синемъ фонѣ широкаго Дуная, отражающаго въ себѣ это южное небо съ бѣгущими по немъ бѣлыми облаками... Всюду виденъ народъ, всюду движение... Тамъ прибылъ новый пароходъ и со свистомъ выпускаетъ бѣлую струю дыма... Сотни экипажей и подводъ для багажа толпятся у пристани, между темными массаами европейскихъ костюмовъ краснѣютъ турецкія фески, шитыя золотомъ и шнуромъ, куртки албанцевъ и ихъ бѣлыя какъ снѣгъ фустанеллы (юбочки), пестрое, дикое тряпье дервишей, полосатые армянскіе серхалуки, пестро-шитыя рубахи румынъ-валаховъ, жидовскіе лансардаки и даже наша великороссійская кумачевая, косоворотая рубанка приѣзжаго съ гирловъ Дуная, изъ Добруджи, закоснѣлаго фанатика эмигранта, некрасовца. Все это перепуталось между собою, смѣшалось, разноколиберная рѣчь смѣшаннымъ гуломъ стоитъ въ воздухѣ, заглушаемая тяжелымъ дыханіемъ паровыхъ котловъ, рѣзкими, звонкими свистками, ржаніемъ лошадей и пронзительными воплями въочныхъ осоловъ, готовыхъ къ услугамъ новоприбывшимъ поствителямъ для доставки ихъ багажа въ номера отелей и гостиницъ.

Какой контрастъ представляетъ собою румынскій нагорный берегъ съ этимъ красиво-расположеннымъ на немъ бойкимъ городомъ и его декоративными окрестностями — и низменная, печальная, почти безлюдная полоса турецкаго берега, съ крохотными, жалкими селеніями, въ родѣ Затока, что пріютился какъ разъ противъ Галаца, почти безлюдными, разоренными безконечными поборами властей, забытые, нищенствующіе и навѣрно съ завистью поглядывающіе на своихъ „vis-à-vis“, отдѣленныхъ отъ нихъ только широкою лентою Дуная, этой великой рѣки, великаго въ будущемъ и славнаго своимъ прошлымъ славянскаго міра.

Увеселительная бесѣдка плащеносца пятнистаго.

Въ Австраліи водится птица, которой дали названіе — плащеносецъ пятнистый (*Chlamydera maculata*), составляющая собою переходъ, отъ дроздовъ къ иволгамъ. Птица эта, длиною въ 10 дюймовъ, похожа немного на нашу куропатку. Перья у нея, на спинѣ, въ крыльяхъ и хвостѣ, темнокоричневаго цвѣта, съ круглыми оранжевыми пятнами на концахъ; на затылкѣ удлиненныя розовыя перья образуютъ какъ бы воротникъ въ формѣ вѣера; а опереніе на груди и брюшкѣ сѣровато-бѣлое. Ансамбль цвѣтовъ такого оперенія производитъ на глазъ наблюдателя впечатлѣніе, будто бы на птицѣ надѣтъ пятнистый плащъ; отсюда и получилось ея названіе.

Плащеносцы замѣчательны постройкою увеселительныхъ бесѣдокъ, которыя служатъ имъ исключительно для удовольствія,

какъ мѣста нѣжныхъ свиданій и любовныхъ игръ. Бесѣдки эти устраиваются обыкновенно въ уединенныхъ частяхъ лѣса и постоянно на землѣ. Сначала закладывается основаніе изъ густо-переплетенныхъ между собою хворостинокъ и кругленькихъ камешковъ, потомъ строятся изъ тонкихъ и гибкихъ вѣточекъ двѣ параллельныя стѣнки. Для этого вѣточки втыкаются толстыми концами въ промежутки между камешковъ и хворостинокъ и располагаются такимъ образомъ, что верхними своими концами сходятся онѣ, образуя какъ бы сводъ (см. рисунокъ), подъ который можно входить съ двухъ сторонъ. Это и есть бесѣдка; длиною бываетъ она до трехъ и болѣе футовъ, а шириною около полутора. Постройка такой бесѣдки производится непременно одною четюю, и главнымъ архитекторомъ является самецъ. Далѣе начинается украшеніе бесѣдки. Для этого строители приносятъ яркія перья различныхъ птицъ, раковинки, улитки, разноцвѣтные камешки, выбѣлвшіяся кости мелкихъ млекопитающихъ и т. п. Перья втыкаются въ стѣнки бесѣдки, а кости, раковины и проч. раскладываются при входахъ ея. Вообще всѣ мелкіе блестящіе предметы плащеносцы таскаютъ къ себѣ въ увеселительную бесѣдку. Если случится путешественнику здѣсь обронить ножикъ, печать, или часы, то трудно ему найти свою потерю: она уже непременно поступила въ увеселительный музей плащеносца.

Вотъ въ этой-то бесѣдкѣ, въ золотую пору любви, нѣжный супругъ заигрываетъ и шутитъ съ своей подругой: онъ начинаетъ бѣгать то вокругъ, то сквозъ бесѣдку, какъ будто играетъ съ своей возлюбленной, въ-разлучки“ или „въ-прятки“; то остановится вдругъ у стѣнки снаружи бесѣдки и клюетъ какое нибудь пестрое перо или большой листъ, издавая при этомъ какой-то странный звукъ, который, можетъ-быть, означаетъ: „а я что-то нашель“!.. Если не удалось ему выманить этимъ маневромъ свою подругу изъ бесѣдки, то онъ снова начинаетъ бѣгать вокругъ нея, наохликаетъ всѣ перья, приподнимаетъ одно крыло за другимъ, бьетъ клювомъ по землѣ и свиститъ; въ это время темнокоричневые глаза его готовы выкатиться изъ головы. Наконецъ, онъ самъ вбѣгаетъ въ бесѣдку — и нѣжная подруга любовно подходитъ къ нему...

Плащеносцы вообще робки и сторожики, поэтому наблюденія за ними требуютъ большой осторожности. Гнѣзда свои устраиваютъ они среди густыхъ кустовъ, иногда неподалеку отъ бесѣдокъ, на землѣ, красиво выстилая углубленія ихъ травкою и перьями и украшая подобно бесѣдкамъ. Впрочемъ, встрѣчаются гнѣзда ихъ и на вѣтвяхъ деревьевъ и напоминаютъ въ такомъ случаѣ гнѣзда дроздовъ. Пищею плащеносцамъ служатъ различные зерна, плоды и насѣкомыя. Испонинскія феговыя деревья чаще прочихъ посѣщаются ими.

Въ зоологической садъ въ Лондонѣ была доставлена пара плащеносцевъ. Ихъ помѣстили въ большую залу, гдѣ нарочно были приготовлены всѣ матеріалы для постройки бесѣдки, чтобы видѣть, какъ производятъ эти искусные архитекторы свою работу; но, къ сожалѣнію, они какъ будто утратили свое искусство: въ невольной постройкѣ ихъ была слабое подражаніе вольнымъ строителямъ увеселительныхъ бесѣдокъ.

СКОРБЯЩАЯ БОГОМАТЕРЬ.

(Картина Гроттгера).

Помѣщаемая въ этомъ номерѣ „Скорбящая Богоматерь“ принадлежитъ къ числу произведеній извѣстнаго галиційскаго живописца, Артура Гроттгера, и безспорно заслуживаетъ вниманіе какъ по чрезвычайному благородству экспрессіи, такъ и по правильности и красотѣ рисунка. Глубоко проникнувшись своимъ сюжетомъ, художникъ не прибѣгаетъ ни къ многочисленнымъ аксессуарамъ, ни къ вышнимъ эффектамъ, — вниманіе зрителя всецѣло сосредоточивается на этомъ божественномъ лицѣ, котораго изящныя, идеально-прекрасныя черты представляютъ самое удачное соединеніе непорочности съ достоинствомъ и глубокой горести со смиреніемъ и кротостью. Гроттгеръ такъ мало извѣстенъ въ Россіи, что мы считаемъ нелишнимъ бросить бѣглый взглядъ на дѣятельность этого художника и на его важнѣйшія произведенія.

Артуръ Гроттгеръ родился въ Львовѣ, въ 1837 году; онъ наслѣдовалъ вкусъ къ живописи отъ своего отца, который самъ рисовалъ и всячески поощрялъ рано разившіяся способности своего сына; первымъ же руководителемъ его въ этомъ искусствѣ былъ Юлій Коссакъ. Уже четырнадцати лѣтъ Артуръ обратилъ на себя общее вниманіе своими иллюстраціями къ сочиненіямъ Шиллера и акварельной картиной, изображавшей торжественный въѣздъ въ Львовъ императора Австрійскаго, такъ что послѣдній назначилъ ему пенсію въ 360 гульденовъ. Это обстоятельство имѣло большое вліяніе на молодого живописца, и онъ рѣшился всецѣло посвятить себя изученію своего любимаго искусства. Въ 1852 году Гроттгеръ поступилъ въ техническую школу въ Краковѣ, но одновременно занимался и въ тамошней рисовальной школѣ; къ этому времени относится его первый опытъ масляными красками: „Стычка со шведами“, помѣщенный на художественной выставкѣ 1853 г.

Въ 1854 году Артуръ поступилъ въ число учениковъ Вѣнской Академіи Художествъ, директоръ которой, Рубинъ, высоко цѣнилъ способности Гроттгера и предоставилъ въ его

распоряжение отдѣльную мастерскую; съ этого же времени онъ сталъ постоянно поставлять иллюстраціи для „Illustrierte Blätter“ и для „Gartenlaube“, самаго распространеннаго изъ нѣмецкихъ журналовъ. Промежутокъ 1858—1861 г. можетъ считаться періодомъ самой усиленной дѣятельности Гроттгера, который съ жаромъ занялся живописью масляными красками и акварелью; изъ многочисленныхъ произведеній этого періода назовемъ только: „Три эпохи изъ жизни война“—акварелью; „Бѣство Генриха Вalezia изъ Краковскаго замка“—превосходная картина, приобрѣтенная Обществомъ Художниковъ въ Прагѣ; „Ночь“—масляными красками; „Молитва конфедератовъ“; „Янъ Собѣскій подъ стѣнами Вѣны“, и „Германія“. Последняя картина относится къ Прусско-датской войнѣ и изображаетъ женскую фигуру, опирающуюся на щитъ и прикрывающую плащомъ двухъ младенцевъ: Шлезвигъ и Гольштейнъ. Особеннымъ предположеніемъ Гроттгера пользовались сраженія, лошади и вообще военные сюжеты; онъ любилъ изображать драматическія положенія, бурныя чувства, погрязающія положенія въ поэтической обстановкѣ, но недостатокъ средствъ къ жизни не позволялъ ему предаться исключительно исторической живописи, и онъ принужденъ былъ работать по заказу на чуждыя его таланту, хотя и дуще оплачиваемыя темы. Онъ оставилъ акварель и масляныя краски и занялся исключительно работами карандашомъ и тушью; въ этомъ родѣ искусства онъ приобрѣлъ небывалый навыкъ и совершенство,

достигая такихъ эффектовъ, которые представляютъ огромныя трудности даже для живописи масляными красками, при помощи натурального колорита и освѣщенія. Политическія событія того времени сильно возбудили воображеніе художника и послужили сюжетомъ для дѣлаго ряда лучшихъ произведеній, — они состоятъ изъ серій или картинъ, изображающихъ одни и тѣ-же лица въ различныхъ видахъ и положеніяхъ. первый выпускъ этихъ серій былъ купленъ графомъ Пальфи, съ которымъ Гроттгеръ ѣздилъ въ Италію. Лучшая изъ серій носитъ названіе „Война“; она находилась на Парижской всемірной выставкѣ 1867 года и производила потрясающее впечатлѣніе; императоръ Австрійскій приобрѣлъ ее за 8,000 франковъ.

Пробывъ около года въ Италіи, Гроттгеръ переселился въ Парижъ; онъ прибылъ туда въ надеждѣ найти достойную оцѣнку своему таланту и добиться славы и извѣстности, но мечтамъ этимъ не суждено было осуществиться. Бѣдность, непосильные труды и борьба съ житейскими невзгодами надломилъ силы молодого художника, и онъ скончался, послѣ кратковременной болѣзни, 13-го декабря 1867 года, на тридцатомъ году отъ роду. Онъ не успѣлъ докопчить ряда задуманныхъ имъ картинъ, долженствовавшихъ изобразить въ художественной иллюстраціи Парижскую всемірную выставку. По желанію вѣсты Гроттгера, останки его были перевезены въ Львовъ и покоятся на тамошнемъ Лычаковскомъ кладбищѣ.

Политическое обозрѣніе.

«Ни война, ни миръ» — этою фразою можно охарактеризовать настоящее положеніе дѣла.

Мирные переговоры Порты съ Черногоріей до сихъ поръ встрѣчаютъ существенныя затрудненія. Между тѣмъ заключеніе этого мира находится въ связи съ лондонскимъ протоколомъ, составленіе котораго было поручено лорду Дерби и графу Шувалову. Черногорія оказываетъ благоразумную настойчивость. До сихъ же поръ извѣстные требованія ея заключаются въ слѣдующемъ:

1) Свободная навигація на р. Боянѣ, причемъ турецкое правительство обязывается сдѣлать Бояну судоходною въ самое короткое время.

2) Порта обязывается принять нужныя мѣры для безотлагательнаго возвращенія на родину слишкомъ 80 тыс. душъ герцеговинцевъ, искавшихъ во время войны убійства въ Черногоріи и донинѣ еще живущихъ на средства черногорскаго народа.

За тѣмъ 3) еще болѣе существенныя пункты касаются исправленія границъ; а) на югъ: Порта должна уступить Черногорскому князю со стороны Алабани половину округа Нижняго Васоевича, половину округа Кучей Дрекаловичъ (другая половина этого округа принадлежитъ и теперь Черногоріи), правую сторону р. Морачи со стороны «Зетье», портъ (пристанцу) Слиццу; б) на востокъ: со стороны Герцеговины, западную часть округа Зубцы, половину округа Баньяны, весь округъ Никшича (включая и крѣпость), южную часть Вацко, весь округъ Цивье, часть округа Дробняка, по другую сторону нынѣшней демаркаціонной линіи и верхнюю часть Верхняго Калашина. Надо замѣтить, что только окрестности Слицца и долина Никшича состоятъ изъ мѣстностей плодородныхъ, остальные же округи — просто гористыя, непроизводительныя мѣстности, слѣдовательно требованія Черногоріи весьма скромныя, особенно послѣ ея блестящихъ побѣдъ...

Открытіе въ Константинополѣ турецкаго парламента состоялось 7 (19) марта, въ султанскомъ дворцѣ Долма-Бахче.

Не станемъ здѣсь повторять много разъ высказанной нами прежде мысли, что турецкая конституція съ ея парламентомъ — просто вздорная шумиха, лишняя всякаго содержанія и значенія. Замѣтимъ, что хотя во дни отъ начала мира нѣтъ ничего новаго, и лишь разнообразятся ея формы, но у людей привязанность къ виѣшней формѣ, и въ особенности къ ея блеску такъ велика, что изъ-за формы часто забывается содержаніе. Такъ и теперь: многіе, непринимавшіе къ лагерю туркофиловъ върять въ возможность турецкаго парламента, хотя колеблются высказывать предположеніе, что парламентъ этотъ разочаруетъ Европу. Намъ кажется, что здѣсь не слѣдуетъ даже дѣлать такихъ предположеній.

Дѣла, однако, повидимому, принимаютъ мирный оборотъ, но только повидимому: при болѣе внимательномъ отношеніи къ нимъ ясно, что на прочный миръ надѣяться трудно — а вѣдь о такомъ только мирѣ и стоитъ хлопотать. Вооруженный миръ иногда, какъ извѣстно, не менѣе разорителенъ, чѣмъ война.

Демобилизацію, т. е. мирное движеніе назадъ нашей арміи, ставятъ въ зависимость отъ подписанія 6-ю великими державами упомянутого выше протокола, который составляетъ международный договоръ, направленный къ обезпеченію гарантій дѣйствительнаго осуществленія реформъ со стороны Турціи по отношенію къ балканскимъ христіанамъ. Признай Порта торжественно и безусловно этотъ протоколъ обязательнымъ для себя — дѣло, говорятъ, рѣшено, потому что улучшеніе положенія бал-

канскихъ христіанъ обезпечено 6-ю великими державами, которыя отсель будутъ непрерывно производить моральное давленіе на Порту, пока она не исполнитъ обязательствъ, заключающихся въ протоколѣ... Но передъ этимъ вопросомъ стоитъ еще много другихъ. Первый — вопросъ объ обезоруженіи и демобилизаціи. Вооружены Россія и Турція. Протоколъ предполагаетъ разоруженіе той и другой. Но кто прежде долженъ быть разоруженъ? Турція, разумется, настаиваетъ, чтобы прежде была разоружена Россія. Но вѣдь Россія не можетъ безъ униженія своего достоинства разоружиться и отступить, въ виду стоящей во всеоружіи Турціи — это значило бы снова предоставить нашихъ братьевъ ихъ прежней плачевной судьбѣ. Турція говоритъ, что полмилліона русскаго войска, постоянно готового начать войну, мѣшаетъ ей ввести реформы на началахъ конституціи и парламента (!), и пока не демобилизуется Россія, она не можетъ принять на себя обязательствъ по отношенію къ лондонскому протоколу. Это «qui pro quo» представляется, однако, явленіемъ весьма ненормальнымъ. Здравый смыслъ требуетъ, что если ужъ по силѣ вещей нужна демобилизація русскаго войска, то она возможна только послѣ безусловныхъ гарантій исполненія со стороны Порты условій протокола. Порта должна разоружиться, распустить баши-бузукъовъ, черкесовъ и др., такъ чтобы подвиги въ родѣ болгарской бойни, отсель не имѣли бы возможности существовать. Эта мѣра, на которой, какъ говорятъ, и настаиваютъ благомыслие европейскіе дипломаты, еще кое-что общаетъ, не унимая достоинства Россіи.

Вопросъ о русскомъ разоруженіи стоитъ, повидимому, для Англіи на первомъ планѣ. Последнія телеграммы изъ Лондона отъ 8 (20) марта извѣщаютъ насъ, что присоединеніе Англіи къ протоколу положительно зависитъ отъ успѣха переговоровъ по вопросу объ обезоруженіи. (чѣмъ? — не ясно, но судя по общему смыслу фразы — русскомъ). Въ той же телеграммѣ прибавлено, что Россія желаетъ (?) демобилизовать свою армію лишь послѣ того, какъ протоколъ будетъ подписанъ, миръ между Турціей и Черногоріей заключенъ, и Турція разоружится первая. Вѣрно здѣсь только одно, что нашъ бывшій посолъ въ Константинополѣ генералъ Игнатьевъ сумѣетъ поддержать достоинство Россіи.

— Извѣстный англійскій государственный человѣкъ, г. Гладстонъ, авторъ переведенной на русскій языкъ брошюры «Болгарскіе ужасы», издалъ недавно новую брошюру по восточному вопросу, составляющую сплошной обвинительный актъ противъ Турціи. Новая книга Гладстона составляетъ обширный комментарий къ его прежней брошюрѣ.

— Въ Греціи образовался новый министерскій кабинетъ Делигеоргиса, на мѣсто бывшаго кабинета Кумундуроса. Делигеоргисъ, въ своей рѣчи, не одобрилъ политической программы своего предшественника, которая была нѣсколько шовинистскою, и объявилъ своею программою бережливость въ финансахъ.

— По газетнымъ сообщеніямъ, въ азиатскихъ владѣніяхъ Турціи заняты чрезвычайно дѣятельными приготовленіями на случай войны. Турецкія войска безпрерывно таятса къ русской границѣ. Созванъ резервъ 4-го армейскаго корпуса. Численность турецкихъ регулярныхъ войскъ простирается до 50,000 человѣкъ, не считая 12,000, стоящихъ въ Багумѣ. На азиатско-турецкой границѣ стоятъ и наши войска, числомъ до 110,000 человѣкъ.

— Фанатизмъ турокъ находится въ полномъ разгарѣ. Рвзнія христіанъ въ Босніи и Болгаріи представляется непрерываю-

щегося въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ Болгаріи постоянно дѣлаются башибузукми набоги на болгарскія деревни, грабятъ купцовъ, завладѣвая ихъ деньгами и товарами. Съ другой стороны,

времи отъ времени случаются стычки между турками и усташиами на западѣ Балканскаго полуострова. Отмѣчаемъ эти факты для характеристики ничтожности шансовъ на умиротвореніе Балкана.

НОВОЕ ИЗОбрѢТЕНІЕ.

Если вѣрить послѣднимъ извѣстіямъ изъ Америки, то профессоръ Грэгамъ Белль въ Салемѣ (Масачусетсѣ), изобрѣлъ новый аппаратъ, «Телефонъ», который при помощи телеграфной проволоки, можетъ передавать на большія разстоянія отдѣльные звуки, слѣды, цѣлыя рѣчи и даже проищія арии. Недавно съ новыми аппаратами были произведены опыты въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей. Между Салемомъ и Бостономъ, отстоящими другъ отъ друга на разстояніи 18 миль, было устроено сообщеніе съ помощью телефона. «Ланкее Доддле» и другія народныя пѣсни, играемыя въ Бостонѣ на органѣ, были слышны въ зданіи салемакаго лицея совершенно ясно, и собравшаяся тамъ публика горячо аплодировала имъ. Ассистентъ профессора Белля въ Салемѣ, г. Уатсонъ, благодарилъ публику въ немногихъ словахъ за ея сочувствіе, и въ Бостонѣ было слышно вполне отчетливо, какъ онъ сказалъ, что радъ возможности говорить съ публикой, находящейся на разстояніи 18 миль, совершенно также, какъ будто бы находился среди ея. Пѣсня, свѣтая въ Салемѣ, была передана по телефону въ Бостонъ, и въ Салемѣ ясно слышали, какъ публика, собравшаяся въ Бостонѣ, аплодировала ей. Подобнымъ же образомъ между обоими городами завязался формальный разговоръ, причемъ вопросы, дѣлаемые въ Бостонѣ, были ясно слышны въ Салемѣ, откуда и отвѣчали на нихъ. Говорятъ, что гальваническая батарея, составляющая необходимую принадлежность обыкновеннаго телеграфа, вовсе не нужна при употребленіи телефона и замѣняется сильными магнитами. На станціи, гдѣ принимается музыкальная депеша, находится аппаратъ съ такими же клавишами, какъ у фортепіано; каждая клавиша находится въ соединеніи съ стальной дудкой, устроенной по обыкновенному образцу. Когда телеграфистъ ударитъ по клавишамъ, то вся система дудокъ приходитъ въ вибрацію, каждая изъ нихъ издаетъ отдѣльный тонъ, который и переходитъ далѣе при помощи проволоки. На станціи, гдѣ должна быть получена музыкальная телеграмма, находятся деревянныя ящики различной величины, и изъ нихъ тѣ, которые побольше, предназначаются для низкихъ, а тѣ, которыя поменьше, для высокыхъ нотъ. Вверху

ящиковъ находятся магниты, соединенные съ проволокой. Магнитъ передаетъ тонъ, ящикъ принимаетъ и отражаетъ его. Аппаратъ имѣетъ до сихъ поръ 16 тоновъ. Звукъ А всегда идетъ въ ящикъ А, звукъ Б въ ящикъ Б и т. д.

Придворныя извѣстія.

Въ „Правит. Вѣстн.“ напечатано: Его Императорское Высочество, Великій Князь Александръ Владиміровичъ, послѣ тяжелой болѣзни, скончался 4 марта, на второмъ году возраста.

Замѣтка.

1) Картина г. Семирадскаго «Свѣточн христіанства», эпизодъ изъ исторіи перваго гоненія христіанъ при Неронѣ, на дняхъ привезена въ Петербургъ и уже поставлена въ античной залѣ академіи художествъ. Входить съ платою по 1 р. въ четвергъ и по 40 к. въ остальные дни. Говорятъ, что г. Семирадскій уже получилъ за свою картину званіе профессора.

СОДЕРЖАНІЕ: Высокопріестъ ценный Леонидъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій (съ портретомъ) Ш.—Изъ пѣсень цари Давида (отхохореніе) Оснобшнина.—Милениа. (Раяская пѣль прошлогодней жизни въ Сербіи). И Карзина — Плавашіе острова. М. Зуева.—Соборъ въ г. Борисовѣ (съ рисункомъ) — Христосъ въ терновомъ вѣтцѣ (съ рисункомъ). — Мирный уголокъ (съ рисункомъ) — Г. Галлацъ (съ 2-ма рисунками) — Увещательная бесѣда плащеносца пятницана (съ рисункомъ). — Спорящая Богоматерь (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Новое изобрѣтеніе. — Придворныя извѣстія. — Замѣтка. — Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРНСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ съ постоянными кроватями Д-ра Пирѣва, Петербургская, В. Просвѣтъ № 13 близъ части. Приемъ больныхъ (со всакагорода болѣзнями) ежедневно отъ 10 до 12 и отъ 5 до 6 ч. Плата 30 к. с., бѣдные безплатно. Привѣщаніе 1) Въ отдѣленіи кривотѣй, плата по согаденію съ директоромъ. Принимаются и роженца. 2) Лечебница рекомендуетъ фальдшероу, акушероу и сидѣлоу—здѣсь и въ отъздѣ.

Только-что отпечаталась **НОВАЯ КНИГА** и поступила въ продажу, въ **МОСКВѢ:** у Ферантонтова, Манукина, Анисимова, Салаева, Глазунова, Мамонтова и Кашкина. въ **С.-ПЕТЕРБУРГѢ:** у Кораблева и Сиракова, Анисимова, Черкессова, Попова, Тузова и бр. Курбатовыхъ.

ПОЛНЫЕ ДУХОВНЫЕ ЗАКОНЫ

для православныхъ священно и церковно-служителей, монастырскихъ и мирскихъ монашествующихъ, членовъ консисторій, архіереесъ и др. начальствующихъ лицъ. Подробныя узаконенія для **ЦЕРКОВНЫХЪ СТАРОСТЕЙ** и **ПОНЕЧИТЕЛЬСТВЪ**. Состав. по Св. Закон., Духов. Регламенту и Уст. духов. консисторій, печатаемому по опредѣленію **СВЯТЫЙШИГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУДОДА** съ прилож. Указовъ Св. Синода, разъясняющихъ отдѣльные случаи **НАСТЫРСКОЙ ПРАКТИКИ**. М. 1877 г.

Цѣна 2 руб., въ хорош. казенноу перекл. ц. 3 р. ЧРЕЗЪ ПОЧТУ ГГ. ИНОГОРОДНЫХЪ прощу адресоваться за книгой въ **МОСКВУ**, къ издателю **А. Д. СТУШИНУ** (адресъ почтатому извѣстенъ). Пересылку принимаю на свой счетъ и посылаю съ первой почтой.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА А. САФОНОВА,

Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 88. Выдаетъ ссуды подъ проц. бумаги и акціи Выдаетъ дополнительные ссуды по банковымъ копіямъ съ обязательств., съ пересылкою бумагъ въ контору. Учитываетъ до срока купоны и выписываетъ въ тиражъ бумага. Продажа 5% съ выигрыш. билет. съ разсрочкою платежа, съ задаткомъ по 20 р. на билетъ, страхованіе билетовъ обанкъ внутреннихъ съ выигрышами задаткомъ По 40 коп. за билетъ. По 50 коп. за билетъ. Гербовый сборъ, 5 коп., со страховой квитанціи уплачивается страхователями. Всѣ биржевыя и банкирскія операціи по покупкѣ, продажѣ и залогу бумагъ отъ гг. иногородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ чрезъ почту. Подробную программу операцій можно получить въ Конторѣ.

КАРТИНЫ

Священной исторіи ветхаго и новаго завета, издаваемые Товариществомъ метахромотипіи Раночій, Сидорскій и №, по оригиналамъ художника Крюкова, удостоеннаго посвященіемъ Имѣни Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны Маріи Осодоговны и одобреннаго учебнымъ комитетомъ, при св. Синодѣ, вышли въ свѣтъ полнымъ изданіемъ въ количествѣ 50 картинъ.

Выборъ картинъ составленъ согласно съ программами всѣхъ начальныхъ школъ и всѣхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній; онѣ обнимаютъ собою всю священную исторію ветхаго и новаго завета и служатъ пособіемъ при объясненіи молитвъ, символа вѣри, заповѣдей и Богослуженія.

Представленная на разсмотрѣніе учебнаго комитета при св. Синодѣ—картины въ журнальномъ постановленіи его получили слѣдующій отзывъ: «Издаваемыя заведеніемъ метахромотипіи, картины вполнѣ заслуживаютъ одобренія и поощренія, такъ какъ по красотѣ отдѣлки, размѣру картинъ, правильности рисунка и выразительности фигуръ—не оставляютъ желать чего либо лучшаго, поэтому учебный комитетъ находитъ весьма полезнымъ, преимущественно предъ всѣми другими изданіями картинъ по залогу Божию—рекомендовать это изданіе во всѣ учебныя заведенія какъ духовнаго, такъ и гражданскаго ведомствъ».

Такой лестный отзывъ учебнаго комитета даетъ право надѣяться, что къ этому изданію просвѣщенная публика и, преимущественно, начальствующая лица учебныхъ заведеній, отнесутся весьма сочувственно.

Издатели, сохранивъ одинъ и тотъ же рисунокъ и величину каждой картины 9—13 вершковъ, заготовили ихъ 4-хъ категорій, по слѣдующимъ цѣнамъ за полный экземпляръ въ 50 картинъ:

Картинъ раскрашенныхъ	26 р.	} въ цѣлокомъ тоновъ } за 12 фунтовъ по почтовой таксѣ.	На пересылку прилагается
» 1-го разр. на слонов. бум.	12 »		
» 2-го » » бѣлой	7 »		
» 3-го » » полубѣлой	7 »	50 к черной.	

Кромѣ того, чтобы дать возможность приобретать одобренныя картины обдѣленнымъ школамъ, а также и небогатымъ семьямъ, издатели составили серію картинъ, размѣрами каждая 9—13 вершк., однихъ только дванадцатыхъ праздничныхъ, съ объяснительнымъ текстомъ въ особой книгѣ.

Цѣна 12 картинъ въ томъ съ книгой 2 р. } пересылка за 3 ф. }
» 12 » » раскрашенныхъ 7 »

Послѣднія картины могутъ служить прекраснымъ и весьма полезнымъ украшеніемъ дѣтскихъ и класныхъ комнатъ въ частныхъ домахъ. Къ издаваемымъ картинамъ составленъ завоучителемъ 1-й гимназій и 1-го реального училища въ СПб., священникомъ М. Соколовымъ текстъ: «Законъ Божій» для младшаго возраста. Цѣна книгъ 35 к., съ пересылкою 45 к. Кромѣ картинъ, Товарищество метахромотипіи принимаетъ заказы на иллюстраціи живописные образа и другія церковныя принадлежности, а также имѣетъ заготовленными въ большомъ количествѣ цѣльные иконописные свѣтцы, составленные по оригиналамъ акад. Солнцева, образа дванадцатыхъ праздничныхъ и другія иконы на холстѣ, деревѣ и цинкѣ. Пріискрванты высматривается живущимъ безплатно.

Лица, обращающіяся въ заведеніе съ письменными вопросами, просятъ прилагать на отвѣтъ почтовую марку. С.-Петербургъ, Троицкій пер., д. № 27.

близъ Гороховой ул., № 8 и Владимирская, прот.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ

и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА

Въ Петербургѣ,

Васильевскій Островъ, 11 линия, № 56.

Товарищество Чехберсъ и К^о.

Магашинъ, Адмир. плоч.,

Орляниней, № 8.

№ 13

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Изданъ 28 Марта 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжныя магазины
Г. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и
мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. номера „Нивы“.

ДВА КОРИФЕЯ НАУКИ.

5 марта текущаго года исполнилось ровно 50 лѣтъ со дня смерти двухъ двигателей науки, стяжавшихъ себѣ вѣчную славу въ потомствѣ. Это—математикъ Лапласъ и физикъ Вольтъ.

Такие герои науки, какъ Лапласъ и Вольтъ, громадно возвышавшіеся своимъ гениемъ надъ ихъ современниками, такъ что настоящая оцѣнка ихъ принадлежитъ еще будущимъ вѣ-

Пьеръ Симонъ маркизъ де-Лапласъ.

Александро графъ Вольтъ.

(Пятидесятилѣтіе со дня ихъ смерти—5 марта 1827 г.). Грав. К. Вейерманъ.

По странной игрѣ судьбы, оба они умерли въ одинъ и тотъ же день—именно 5 марта 1827 года.

камъ—конечно, по всякому праву, заслуживаютъ наше благоговѣнное воспоминаніе. Если мы, въ настоящее время, воскре-

шаемъ передъ читателями память этихъ двухъ ученыхъ, то для того, чтобы напомнить о ихъ ученыхъ заслугахъ. Биографическія свѣдѣнія, внѣшнія обстоятельства ихъ жизни, имѣютъ интересъ второстепенный. И что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ жизнь съ ея внѣшними проявленіями, почестями, успѣхами, отличіями въ сравненіи съ безсмертными открытіями и изобрѣтеніями человѣческаго ума.

Такимъ образомъ въ памяти этихъ двухъ ученыхъ мы чтимъ ихъ безсмертныя открытія. Въ смыслѣ перечня этихъ открытій мы и представляемъ ихъ краткую біографію. Начнемъ съ Лапласа.

Пьеръ Симонъ маркизъ де-Лапласъ, родившійся 28 марта 1749 г. въ Бомонъ-ан-Ожъ, былъ, безспорно, одинъ изъ гениевъ въ математическихъ наукахъ всѣхъ временъ и народовъ. Въ исторіи астрономіи и математики XIX вѣка мы знаемъ только одно имя, достойное быть поставленнымъ на ряду съ великимъ именемъ Лапласа—именно имя Гауса. Все, что сдѣлалъ Лапласъ въ наукѣ, имѣетъ многообъемлющій и величественный характеръ. Лапласъ никогда не шелъ проторенною дорожкой. Его величавый гений, подобно мощной многоводной рѣкѣ, разрывалъ всѣ старыя плотины, открывалъ новые пути и показывалъ изумленнымъ современникамъ безконечную перспективу этихъ путей. Все, что создалъ Лапласъ, ново и все имѣетъ значеніе основы, краеугольного камня; да даже и тамъ, гдѣ онъ вступаетъ въ область, разработанную другими учеными, онъ возбуждаетъ наше удивленіе гениальной переработкою матеріала. Какъ математика, такъ и астрономія безконечно обязаны Лапласу. Астрономію онъ избралъ специальною научною дѣятельностью, но при этомъ не могъ оставить и математику, потому что то направленіе астрономіи, которое далъ ей Лапласъ, побуждало его расширить тогдашнюю область математики, и въ этомъ смыслѣ онъ дѣлалъ чрезвычайныя усилія, послѣ которыхъ самая математика получила новый, плодотворный полетъ. Особенно обработалъ и разъяснилъ Лапласъ область интегрального исчисленія. А своимъ „*Théorie analytique des probabilités*“ (аналитическая теорія вѣроятностей, издан. 1812 г.) Лапласъ создалъ основы математическому исчисленію на основаніи вѣроятностей. Но наиболѣе драгоцѣннымъ вкладомъ въ науку была обработка Лапласомъ научной программы о взаимномъ притяженіи небесныхъ тѣлъ (Небесная механика). Аналитическія работы въ этомъ направленіи Лапласъ сдѣлалъ задачей всей своей жизни. Обработывая эту „Небесную механику“ (*Mécanique céleste*), Лапласъ, такъ сказать, мимоходомъ сдѣлалъ безчисленное множество открытій, въ высшей степени важныхъ для математическаго анализа, а также для механики и физики. Въ этомъ смыслѣ ни одна литература въ мірѣ не можетъ представить подобнаго же труда, который могъ бы быть достойно поставленъ съ „Небесною механикой“ Лапласа. Въ этомъ великомъ произведеніи, которому Лапласъ посвятилъ половину своей жизни и послѣдній томъ котораго появился въ свѣтъ только за два года до его смерти, Лапласъ развилъ теорію притяженія, исходя изъ простыхъ геометрическихъ тѣлъ и восходя къ мощнымъ планетамъ вселенной. Онъ первый далъ опредѣленіе пертурбацій (возмущеній или отклоненій отъ нормальнаго хода) планетъ и вывелъ рядъ открытій, неизбежно изъ этого вытекающихъ,—теорію движеній луны, Юпитера и системы Сатурна и т. д. Было бы излишне намъ подробно останавливаться на тѣхъ важныхъ открытіяхъ въ астрономіи, къ которымъ неизбежно повела „Небесная механика“ Лапласа. Запомнимъ только, что именно благодаря этому труду Лапласа, астрономы сдѣлались до извѣстной степени хозяевами въ обширной области изслѣдованія небесныхъ тѣлъ, потому что научились отъ Лапласа замѣчать и опредѣлять даже самыя малѣйшія пертурбаціи въ движеніи планетъ; имъ даны были въ руки средства къ объясненію основаній отклоненія планетъ отъ нормальнаго пути.

Усовершенствованіе теоріи луны—также дѣло Лапласа. Только съ его времени сдѣлались возможными такъ называемыя лунныя таблицы, хотя надъ этимъ предметомъ и работали съ блистательнымъ успѣхомъ Эйлеръ, Клеро, Даламбръ и въ особенности Тобиасъ Майеръ. На ряду съ усовершенствованіемъ Майеровыхъ уравненій, произведеннымъ Брадлеемъ, Масономъ, Бургомъ и Бурггардомъ, усовершенствованіе лунныхъ таблицъ обязано открытію Лапласомъ новыхъ отклоненій въ движеніяхъ луны. Относительно системы спутниковъ Юпитера, Лапласъ показалъ законъ движенія, изъ котораго слѣдуетъ, что въ первыхъ трехъ спутникахъ Юпитера не можетъ произойти одновременнаго затмѣнія. Относительно системы кольца Сатурна онъ показалъ ея постоянство. По поводу открытія Гершелемъ планеты „Уранъ“, Лапласъ первый высказалъ мысль о необходимости принять для планеты новое свѣтло, котораго среднее разстояніе отъ солнца было бы въ 19 разъ больше такого же разстоянія земли и т. д. Затѣмъ Лапласу же мы обязаны важными улучшеніями въ теоріи рефракціи (преломленія). Предшественниками и подготовителями „Небесной механики“ нужно считать два предварительныя труда Лапласа: а) *Théorie du mouvement et de la figure elliptique des planètes* (1784 г.), гдѣ развивается всеобщая исторія движенія планетъ, и б) *Théorie des attractions des sphéroïdes et de la figure des planètes* (1785 г.). Та и другая книга содержатъ весьма цѣнныя изслѣдованія о притяженіи.

Впрочемъ, Лапласъ является неподражаемымъ не только какъ гениальный математикъ, но и какъ образецъ мастерства научнаго популярнаго изложенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочтати его великолѣпную книгу „*Exposition du système du monde*“ (1796 г.), гдѣ авторъ, не прибѣгая къ математическимъ формуламъ, излагаетъ законы движенія мировыхъ тѣлъ, ихъ кажущееся и истинное движеніе, дѣйствіе закона тяжести и проч., съ такою наглядностью и ясностью, что, можетъ быть, ни въ какой книгѣ въ мірѣ нельзя встрѣтить такой простой рѣчи о трудныхъ предметахъ. Эта книга заключаетъ въ себѣ также идеи Лапласа объ образованіи солнечной системы. Совокупность этихъ идей обыкновенно называютъ „Капто-Лапласовскою теоріей“ (такъ какъ философъ Каптъ раздѣлялъ идеи Лапласа). Кромѣ этихъ капитальныхъ произведеній, явившихся результатомъ изумительной и неутомимой научной работы, Лапласъ написалъ болѣе 100 мелкихъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ ученыхъ журналахъ, преимущественно же въ „*Memoires de Paris*“ и „*Connaissance des temps*“, о фигурѣ земли, о ея средней плотности, о законахъ движенія маятника, о дѣйствіи тяжести на земной поверхности, о математическихъ и механическихъ предметахъ, о притяженіи тѣлъ, зависящемъ отъ ихъ фигуры. Какая безпримѣрная, гигантская сила творческаго ума была у этого человѣка! Только Лапласъ могъ сдѣлать такъ много и съ такимъ успѣхомъ. Поэтому его справедливо называютъ „Ньютономъ нашего времени“. Подобно тому какъ человѣчество въ Ньютонѣ, чрезъ открытіе закона тяжести во всей природѣ, одержало блестящую побѣду надъ трудностями въ изслѣдованіи природы, такъ же точно, благодаря гениальному анализу Лапласа, намъ открыта широкая и вѣрная дорога для проникновенія въ безконечныя мировыя пространства.

Теперь перейдемъ къ Вольтѣ.

Александро графъ *Вольта*, род. 19 февр. 1745 г. въ Комо, правда, не былъ великимъ гениемъ, подобно его собрату Лапласу, но онъ обладалъ необыкновенной научной проницательностью, рѣдкою способностью къ анализу явленій природы и неутомимую настойчивостью.

Ученый Гальвани, какъ извѣстно, въ 1789 г. наблюдалъ сокращенія бедренныхъ мускуловъ лягушки. Онъ искалъ источника возбужденія этого новаго вида электричества въ самой ногѣ лягушки. Во многихъ мѣстахъ повторенные тогда однородные опыты убѣдили современниковъ Гальвани въ справедливости его предположенія, что сокращенія бедра лягушки происходятъ отъ жидкости, стремящейся путемъ внѣшнихъ проводниковъ (напр. проволоки) отъ нервовъ къ мускуламъ. Германскіе ученые особенно склонны были признавать „жидкость Гальвани“ первоначальнымъ принципомъ и коренною причиною жизни всѣхъ органическихъ тѣлъ. Что было бы съ физической наукой, тогда еще крайне молодою, какое было бы ея развитіе, еслибы былъ принятъ учеными этотъ ложный принципъ—одинъ Богъ знаетъ! Къ счастью, этого не случилось: отъ этого предохранилъ проницательный взглядъ Вольты.

Съ необыкновенной настойчивостью онъ началъ опыты надъ бедромъ лягушки, подобные опытамъ Гальвани, и пришелъ къ убѣжденію, что причину сокращеній мускуловъ лягушечей ноги слѣдуетъ искать не въ нервахъ и не въ мускулахъ, а просто въ соприкосновеніи металловъ, причемъ одновременно возбуждается электрическій токъ.

Какая масса знаній возникла съ того времени по нынѣ, благодаря этому опыту Вольты и правильно понятому принципу явленія, происшедшаго отъ соединенія двухъ металлическихъ пластинокъ! Но тогда дѣло шло впередъ еще трудно. Между Гальвани и Вольтою возникъ споръ, все больше и больше возраставшій, по мѣрѣ того, какъ тотъ и другой увеличивали число своихъ опытовъ. Наконецъ, плодомъ этого спора явился первый аппаратъ для произведенія такъ-называемаго гидроэлектрическаго тока — знаменитый Вольтовъ способъ (теперь всѣмъ намъ извѣстный изъ учебниковъ физики). Первое извѣстіе объ изобрѣтеніи этого способа самъ Вольтъ помѣстилъ въ письмѣ къ ученому Банксу (20 марта 1800 г.). Затѣмъ появилось въ свѣтъ замѣчательныя работы Вольты надъ гальванизмомъ. Вольтъ развилъ свою теорію „соприкосновенія“ разнородныхъ металловъ, въ особой, объемистой книгѣ (явившейся въ свѣтъ въ 1814 г.), въ которой онъ представилъ цѣлый рядъ блестящихъ изысканій о природѣ гальваническаго электричества. Объ этомъ же предметѣ онъ завелъ обширную и весьма поучительную переписку съ учеными того времени: Греномъ, Альдини, Ландріани, Де-ла-Метерье и друг. Въ этой перепискѣ непрерывно выяснялась сущность электрическихъ явленій. Неутомимое рвеніе, съ какимъ Вольтъ продолжалъ свои эксперименты, глубокое изученіе разнообразныхъ явленій электричества, повели ученаго къ изобрѣтенію электрическаго аппарата (банки), а затѣмъ къ замѣчательному открытію закона электрическаго напряжения. Объ этомъ уже трактуетъ онъ въ своемъ разсужденіи: „*Sull' identità del fluido elettrico col fluido galvanico*“ (О тождествѣ электрическаго и гальваническаго токовъ). Съ этимъ вмѣстѣ прочно утвердилась Вольтова теорія соприкосновенія.

Въ 1782 году Вольтъ изобрѣлъ электрическій конденсаторъ, уже послѣ того, какъ въ 1777 году устроенъ былъ имъ электрофоръ (читатели знаютъ значеніе и употребленіе того и другого приборовъ изъ физики). Затѣмъ, въ письмѣ къ Лихтенбергу

(„Lettere sulla meteorologia elettrica“) онъ предложилъ замѣнить серебряную проволоку (въ электроскопѣ) Соссюра просто соломонкой. Далѣе, изслѣдуя газы, отдѣляющіеся отъ стоячихъ водъ и отношеніе этихъ газовъ къ чистому воздуху, Вольтъ пришелъ къ интересному открытію, повлекшему за собою изобрѣтеніе лампы для горѣнія воздуха, электрическаго пистолета и проч. Впослѣдствіи Вольтъ сосредоточилъ свое вниманіе на атмосферныхъ явленіяхъ, въ особенности на воздушномъ электричествѣ и явленіяхъ града. Теорію Вольты о градѣ можно назвать лишь первою попыткою изслѣдовать это загадочное явленіе атмосферы. Кроме того, неутомимый ученый интересовался и другими явленіями природы, даже пытался объяснять факты національной экономіи и земледѣльческой культуры. Въ 1782 году, онъ вмѣстѣ съ ученымъ Скарпою путешествовалъ по Германіи, Голландіи, Франціи и Англіи, и послѣ возвращенія ревностно хлопоталъ о введеніи въ Ломбардіи культуры картофеля, по примѣру посѣщенныхъ имъ странъ.

Не смотря на различіе направленій въ научной дѣятельности, Лапласъ и Вольтъ представляютъ и много поразительнаго сходства между собою. Параллель представляютъ даже обстоятельства ихъ жизни. Тотъ и другой начали свой жизненный путь простымъ учителями—Лапласъ въ военной школѣ, а Вольтъ въ гимназіи своего родного города. Наполеонъ I какъ-то случайно взялъ въ руки одинъ изъ томовъ „Небесной механики“ и видѣлъ въ Парижѣ дѣйствіе Вольтова столба. Гениальный императоръ отдалъ дань почтительнаго удивленія трудамъ обоихъ ученыхъ, осыпалъ ихъ отличіями и возвелъ того и другого въ графское достоинство. Двери академіи открылись для обоихъ почти одновременно. Но Лапласъ, сверхъ того, въ періодъ консульства (1799 г.) былъ нѣкоторое время министромъ внутреннихъ дѣлъ. Далѣе, и Лапласъ, и Вольтъ были почти ровестники по лѣтамъ и взаимно цѣнили и уважали другъ друга и, странно, они какъ будто согласились умереть въ одинъ и

тотъ же день, только Вольтѣ пришлось умереть въ своемъ родномъ городѣ, а Лапласу судьба не дала этого послѣдняго мирнаго счастья...

И вотъ уже прошло 50 лѣтъ съ ихъ смерти. Значеніе этихъ людей нужно измѣрять преимущественно тѣмъ влияніемъ, какое имѣли ихъ труды на настоящее и будущее развитіе науки. Въ этомъ смыслѣ, понятно, ни Лапласъ, ни Вольтъ долго не нашли и не могли найти себѣ надеждающей оцѣнки. Только въ наше время, во 2-й половинѣ XIX вѣка, при такомъ громадномъ и многостороннемъ развитіи всѣхъ наукъ, мы можемъ нѣсколько (но не вполне) опредѣлить значеніе Лапласа и Вольты, особенно же Лапласа. И въ самомъ дѣлѣ, только теперь мы въ состояніи признать, что гениемъ французскаго ученаго какъ астрономія, такъ и математика направлены на новые пути. Что бы было съ астрономіей безъ Лапласовой теоріи возмущенія въ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ? Безъ Лапласа ни Гаусенъ, ни Энке и имъ подобные никогда не могли бы отыскать столь удобныхъ для изслѣдованія методовъ пертурбацій? Причина замѣчательнаго замедленія въ движеніи кометы Энке осталась бы неоткрытою, еслибы Лапласъ не сдѣлалъ блистательнаго открытія Нептуна; да безъ Лапласа, можетъ быть, не могъ-бы явиться и Леверье. А лунныя таблицы, основанныя на теоріи всеобщаго тяготѣнія,—развѣ онъ былъ-бы возможенъ,—не смотря на блестящія дарованія Дамуазо, Плана, Карлини—еслибы Лапласъ не довѣлъ теорію луны и ея движеній до высшей степени совершенства? А блестящіе успѣхи, какіе сдѣлала математика, со временъ Лапласа, въ лицѣ Фурье, Лежандра, Якоби, Коши и др.—развѣ эти успѣхи не происходятъ по прямой линіи изъ аналитической сокровищницы „Mécanique céleste“? Это бессмертное твореніе содержитъ съ еще предметы, остающіеся нетронутыми послѣ Лапласа, и еще ожидающіе изслѣдованій? Такъ, гиганты строятъ зданія не на десятки лѣтъ, а на цѣлыя столѣтія!..

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ. „МЛИССЪ“, РАЗСКАЗЪ БРЕТЬ-ГАРТА.

Американскій писатель Бретъ-Гартъ пользуется громкою извѣстностью въ новомъ свѣтѣ своими рассказами. На русскомъ языкѣ его произведенія впервые появились года четыре тому назадъ, въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“, подъ заглавіемъ: „Природа и люди въ Америкѣ“ и „Рассказы объ искателяхъ золота“. Въ настоящее время они есть уже въ отдѣльномъ изданіи.

Бретъ-Гартъ родился въ городѣ Альбани, въ штатѣ Нью-Йоркѣ; окончивъ образованіе въ элементарной школѣ, онъ служилъ нѣкоторое время прикащикомъ, затѣмъ учительствовалъ и наконецъ попалъ на свое настоящее призваніе—литературную дѣятельность. „Нива“ имѣла уже случай познакомить своихъ читателей съ Бретъ-Гартомъ, портретъ котораго и биографическія о его жизни и дѣятельности свѣдѣнія были помѣщены на ея страницахъ въ 1874 году въ № 15 (стр. 238). Даровитый писатель беретъ для своихъ очерковъ мѣръ окрестнѣ американской цивилизаціи. Изображая грубые нравы, онъ въ то же время представляетъ ихъ свѣтлыя стороны и показываетъ, что и испорченнѣмъ натурамъ можетъ быть доступно чувство состраданія и великодушныя порывы. Суровая природа описываемыхъ имъ мѣстностей является въ его рассказахъ поэтичскою и привлекательною. Въ рассказѣ „Млиссъ“ Бретъ-Гартъ рисуетъ въ высшей степени оригинальную дѣвочку.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ маленькомъ городѣ, гдѣ-то у „Красной горы“, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сиера Невада переходитъ въ рядъ холмовъ.

Однажды вечеромъ учитель маленькой школы городка сидѣлъ, исправляя тетради своихъ учениковъ, какъ неожиданно передъ нимъ явилась маленькая дѣвочка, грязная, оборванная.

— Меня зовутъ Млиссъ, Млиссъ Смитъ! сказала она учителю. Мой отецъ старый Смитъ! Старый пьяница Смитъ. Я, Млиссъ Смитъ, хочу учиться въ школѣ.

Учитель уже не разъ слышалъ объ этой дѣвочкѣ, отличавшейся необыкновенною своенравностью. Зналъ онъ, что она часто дралась со школьниками, щеголяла бранными словами, лазила одна по горамъ, вѣчно босая, неумытая. Зналъ все это, онъ былъ изумленъ ея приходомъ, но не высказалъ ничѣмъ пренебреженія или грубости и только спросилъ спокойнымъ голосомъ:

— Ну такъ чтожь?

Пріемъ его смутилъ Млиссъ. Она опустила глаза, что-то въ родѣ румянца появилось на ея покрытыхъ грязью и загаромъ щекахъ. Губы ея задрожали, она припала лицомъ къ столу, рыдала и плача и умоляя Бога убраться ея къ себѣ. Учитель спросилъ ее объ отцѣ, но это вызвало новыя рыданія у Млиссъ. Учитель тихонько ее поддержалъ, ожидая окончанія пароксизма. Приподнявшись отъ стола, она стала высказывать раскаяніе въ своихъ преступленіяхъ, повторяя, что „хочетъ быть доброй и исправиться“.

— Почему же ты оставила воскресную школу? спросилъ учитель.

— До потому,—отвѣчала Млиссъ,—что священникъ все твер-

дилъ мнѣ, что я дурная дѣвочка. Зачѣмъ онъ говорилъ, что я противна Богу? Если я противна Богу, то зачѣмъ мнѣ ходить въ воскресную школу? Я не желаю надѣяться тѣмъ, кому противна...

Такой отвѣтъ Млиссъ вызвалъ улыбку и вздохъ учителя, онъ началъ ее успокаивать, завернулъ въ шаль и велѣлъ на другой же день Млиссъ приходитъ въ школу.

На слѣдующее утро Млиссъ явилась въ классъ.

Она явилась умытой, причесанной, вообще старалась вести себя сдержаннѣе и съ этого дня Млиссъ начала аккуратно посѣщать школу. Нѣкоторые изъ поселенцевъ сколотили небольшую сумму, на которую сдѣлали ей приличный костюмъ; къ учителю дѣвочка привязалась сильно и слушалась его, хотя по временамъ и не выдерживала и на мнимую или дѣйствительную обиду отъ кого-либо изъ товарищей жестоко мстила оскорбителю, разрывая его платье, царапая лицо. Такъ прошло мѣсяца три.

Однажды Млиссъ снова неожиданно явилась вечеромъ предъ учителемъ; но на этотъ разъ она была умыта, чисто одѣта, ничто не напоминало ея прежняго образа, кромѣ развѣ длинныхъ, черныхъ волосъ и яркихъ черныхъ глазъ.

Она пригласила учителя пойти за нею. Когда они вышли за дверь, учитель спросилъ ее.

— Куда же ты ведешь меня?

— Повидаться съ моимъ отцомъ,—отвѣчала Млиссъ.

Послѣ часовой ходьбы по самымъ глухимъ мѣстамъ, Млиссъ привела учителя къ избушкѣ, въ которой она полагала застать отца. Но его тамъ не оказалось. Они хотѣли идти назадъ, какъ вдругъ рѣзкій трескъ поразилъ ихъ слухъ. Млиссъ стремительно кинулась бѣжать, учитель бросился вслѣдъ за нею по тропинкѣ къ руслу рѣки, въ подошвѣ „Красной горы“, на самую гору, гдѣ Млиссъ взяла его за руку и молча подвела къ какой-то пещерѣ въ горѣ. Тамъ она указала ему на что-то похожее на груды тряпья. Учитель съ своимъ фонаремъ наклонился—это былъ Смитъ, отецъ Млиссъ, уже похолодѣвшій, съ пистолетомъ въ рукѣ.

Этотъ несчастный „старый Смитъ“ когда-то имѣлъ средства; ему посчастливилось открыть въ „Красной горѣ“ золото. Предполагая найти неистощимое богатство, онъ началъ копать гору, но гора не выдавала больше своихъ сокровищъ; съ отчаянія, потерявъ все на раскопки, Смитъ началъ пить.

Такова исторія бѣднаго стараго Смита. Его похоронили одиноко, въ сторонкѣ, но на его могилѣ лѣтомъ стали появляться вѣнки изъ душистой травы и цвѣтовъ.

Учителю какъ-то случайно удалось во время своихъ прогулокъ застать въ самой густой чащѣ лѣса Млиссъ; она сидѣла на вѣткахъ поваленной ели и плела вѣнки для могилы, напѣвая негритянскую пѣсенку. На колѣняхъ ея между различными травами, были ядовитыя растенія. Учитель объяснилъ ей зловредныя свойства этихъ растеній и взялъ съ нея слово никогда не брать болѣе такихъ травъ.

Млиссъ исправлялась очевидно, становилась смирнѣе. Учитель

помѣстил ее въ домѣ одной госпожи. Это была очень добрая, мягкая женщина, но ошибка ее въ отношеніи Млиссъ состояла въ томъ, что она желала дѣвочки поставить образцомъ свою красивую, бѣлокурую дочку Клиты, и указывала Млиссъ то и дѣло на этотъ образецъ опрятности, аккуратности и скуки. Клиты также посѣщала школу, гдѣ училась Млиссъ. Млиссъ начала ревновать ее къ учителю. Она увидѣла какъ однажды учитель проводилъ бѣлокурую соотечницю Млиссъ до дому. Млиссъ на другой день не явилась въ школу и послала учителю записочку, въ которой уведомляла „уважаемаго сэра“, что она бѣжитъ, что „никогда, никогда, никогда не вернется“. Въ запискѣ она просила учителя отдать ей бусы одной дѣвочки, а литографію съ табачной коробки другой, но ничего не давая Клиты, ибо она думаетъ, что Клиты „совсѣмъ противная“. Получивъ такую записку, учитель съ восходомъ солнца на слѣдующее утро уже пробирался къ тому мѣсту въ лѣсной чащѣ, гдѣ разъ встрѣтилъ Млиссъ. Онъ не ошибся; но Млиссъ сторонилась отъ него; учитель тогда прибѣгнувъ къ хитрости и сказалъ, что онъ голоденъ, что ему хотѣлось бы днѣвнхъ яблоковъ, чтобы утолить свой голодъ. Онъ представился изнуреннымъ, обезсиленнымъ и тѣмъ вызвалъ Млиссъ на сочувствіе. Ея сердце было тронуто, она слѣзла съ дерева и порывшись въ землѣ у корней дерева—тамъ были ея запасные магазины,—достала ему нѣсколько яблоковъ. Учитель началъ говорить ей, напомнилъ, какъ она приходила проситься къ нему въ школу.

— Ты спрашивала меня: можешь ли ты придти въ школу, чтобы научиться чему нибудь и исправиться отъ своихъ недостатковъ, а я сказала...

— Приходи,—подхватила дѣвочка.

— Что ты скажешь теперь, когда учитель пришелъ къ тебѣ и говоритъ, что ему скучно безъ своей маленькой ученицы и что онъ проситъ ее идти съ нимъ и научить его, какъ ему исправиться отъ его недостатковъ.

Млиссъ опустила голову и нѣсколько минутъ молчала. Потомъ быстро, быстро взяла учителя за руку, и они уже вмѣстѣ вышли изъ лѣса на залгую лучами солнца дорогу.

Учитель уже два года какъ поселился въ маленькомъ городкѣ, по его жалованью было такъ ничтожно, что онъ началъ подумывать о переходѣ на другое мѣсто, гдѣ бы онъ не оставался, по крайней мѣрѣ впроголодь, какъ при настоящемъ положеніи. Но онъ все таки рѣшился продолжать занятія въ школѣ до конца зимы. Въ это время ему вздумалось провѣрить знанія своихъ учениковъ и ученицъ, онъ устроилъ экзаменъ. Млиссъ и Клиты первенствовали и привлекали общее вниманіе и похвалы.

Священникъ давалъ вопросы, и когда Млиссъ объясняла о движеніи планетъ, онъ перебилъ ее:

— Ты говоришь, Млиссъ,—сказалъ онъ,—объ обращеніи земли и о движеніи солнца, и, какъ-то, утверждаешь, что такъ было съ сотворенія міра? Не такъ-ли?

Млиссъ презрительно кивнула головой.

— Развѣ это справедливо? спросилъ священникъ.

— Да,—подтвердила Млиссъ, крѣпко сжимая свои красныя губки.

Священникъ взглянулъ на дѣтей. Клиты подняла свою бѣлую ручку, поглядѣла на учителя и когда тотъ кивнулъ ей головой, тогда Клиты мягко проговорила:

— Исусъ Навинъ приказалъ солнцу остановиться, и оно повиновалось ему!

Раздался аплодисменты.

Млиссъ провела своей рукой по учебнику астрономіи и затѣмъ съ шумомъ захлопнула книгу.

— Я этому не вѣрю! сказала она.

Священникъ издалъ стонъ; ропотъ изумленія пробѣжалъ въ публикѣ...

Далѣе авторъ рассказываетъ о Млиссъ слѣдующее:

Въ маленькій городъ прибыла труппа актеровъ. Новость произвела большое впечатлѣніе. Учитель взялъ съ собою Млиссъ посмотреть представленіе и былъ удивленъ, какое потрясающее дѣйствіе произвела игра актеровъ на впечатлительную натуру дѣвочки. Она была сама не своя.

Для черезъ два послѣ театральнаго представленія Млиссъ не явилась въ школу и учителю дали знать, что Млиссъ видѣли съ однимъ изъ актеровъ и указали съ какимъ именно.

Тотчасъ же одѣвшись, учитель пошелъ въ трактиръ. Въ бильярдной онъ встрѣтилъ этого актера—это былъ агентъ драматической труппы. Млиссъ не было видно. Учитель подошелъ къ агенту и строго и прямо спросилъ:

— Правда-ли, что Млиссъ Смитъ, сирота, собирается поступить на сцену?

— Положимъ, что это правда,—сухо отвѣчалъ агентъ.

Это взволновало учителя, онъ началъ объяснять, что онъ опекунъ дѣвочки, что онъ спасъ ее отъ жизни, которая была бы хуже смерти, отъ уличной, порочной жизни, что у нея нѣтъ ни матери, ни отца, ни брата.

— Я прошу и надѣюсь,—прибавилъ онъ,—что вы не станете поощрять ея намѣреніе, зная какого рода жизнь предстоить ей съ вами.

Но агентъ отпустилъ только грубое, наглое, оскорбительное слово. Учитель не выдержалъ и ударилъ агента въ лицо. Послышался крикъ, шумъ борьбы—потомъ два выстрѣла, одинъ за другимъ, затѣмъ учитель помнитъ только, что выпусть горячій пыхъ изъ своего рукава лѣвой руки. Правую руку кто-то держать, изъ нея струилась кровь, а пальцы сжимали рукоятку ножа. Откуда взялся ножъ, онъ не могъ сообразить. Но ни который изъ противниковъ не былъ раненъ: рука учителя была лишь порѣзана. Нѣсколько успокоившись, учитель добрался до своей школы и былъ удивленъ, когда опять онъ такъ неожиданно встрѣтилъ у себя Млиссъ. Грубый намекъ, брошенный ему въ лицо противникомъ, съ большою отзвучалъ въ его сердцѣ. Онъ сказалъ Млиссъ, что хочетъ остаться одинъ; но она не трогалась и спросила его:

— Вы убили его?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ учитель.

— Вѣдь я затѣмъ и дала вамъ ножъ! продолжала дѣвочка торопливо.

— Дала мнѣ ножъ? повторилъ удивленный учитель.

— Ну да, дала вамъ ножъ. Я залѣзла подъ прилавокъ. Видѣла, какъ вы его ударили. Видѣла, какъ вы оба упали. Если бы спросили меня,—продолжала Млиссъ,—я бы сказала вамъ, что собралась уйти съ актерами. А почему? Потому, что вы скрыли отъ меня, что уѣзжаете отсюда. А я это знала. Вотъ ядовитое растеніе, которое, по вашимъ словамъ, можетъ убить меня. Я уйду съ актерами или съѣмъ вотъ это и умру. Мнѣ все равно. Я не останусь здѣсь, гдѣ всѣ меня ненавидятъ и презираютъ. Да и вы не бросили бы меня, если бы ненавидѣли и не презирали.

Учитель вспомнилъ о незанятомъ мѣстѣ возлѣ могилы Смита, и послѣ нѣкотораго колебанія, взявъ руки Млиссъ въ свои и поглядѣвъ въ ея честные глаза, сказалъ:

— Млиссъ, хочешь идти со мною?

Рука объ руку они тѣмъ же вечеромъ вышли изъ города; двери школы маленькаго городка на всегда затворились за ними.

Такова эта странная дѣвочка Млиссъ, изображеніе которой мы въ этомъ № прилагаемъ. Читатель можетъ видѣть, до какой степени художнику удалось воспроизвести образъ этой своенравной, но въ высшей степени искренней, смѣлой и симпатичной дѣвочки.

Л.

ВЪ АЛЬБОМЪ

В. Н. П.

Какъ тиха и свѣтла послѣ бури рѣка—
Широко въ берегахъ разливается:
Не шелхонетъ волна, только зорька слегка
На поверхности водъ отражается.

Такъ и въ сердцѣ кипучемъ и бурномъ моемъ
Стихли страсти порывы ужасные:
Тихій миръ и любовь отражаются въ немъ—
Они лучъ твоего сердца яснаго.

П—въ.

СПУТНИКИ СОЛНЦА.

Помѣщая въ настоящемъ № „Нивы“ портреты двухъ знаменитыхъ дѣятелей науки, Лаласы и Вольты, считаемъ умѣстнымъ присоединить и статью, стоящую въ близкомъ отношеніи къ той наукѣ, для которой такъ много сдѣлалъ Лаласа.

Мы уже говорили о солнцѣ (см. „Нива“ № 7) или, выражаясь точнѣе, о „нашемъ“ солнцѣ, свѣтилѣ, составляющемъ центръ особой системы, къ элементамъ которой принадлежитъ и „земля“, но необходимо замѣтить, что видимое нами солнце составляетъ единицу въ цѣлѣхъ миллиардахъ другихъ солнцъ, которыя мы называемъ „неподвижными звездами“; такое названіе ихъ, безъ сомнѣнія, ошибочное, потому что уже доказаны

извѣстныя перемѣщенія даже для неподвижныхъ звѣздъ и, кроме того, слишкомъ громадное разстояніе дѣлаетъ недоступными для наблюденія разнообразныя движенія, которыя производятъ эти свѣтящіяся сферы въ мировомъ пространствѣ.

Какъ бы, однако, ни было, нужно признать за фактъ, что солнце есть свѣтило, служащее центромъ своей собственной системы, за предѣлами которой мы уже не можемъ видѣть другихъ мировъ, подобно тому, какъ, ильва по рѣкѣ, мы можемъ видѣть только предметы, расположенные на берегу и ограничивающіе видимый горизонтъ. Конечно, интересно имѣть по возможности вѣрную идею о спутникахъ солнца.

Говоря по правдѣ, эти спутники солнца, поставленные въ соотношеніе съ безчисленнымъ множествомъ тѣлъ, какія мы видимъ, такъ сказать, разбросанными въ безпредѣльномъ пространствѣ неба, имѣютъ весьма мало значенія, въ общей мировой жизни: здѣсь дѣло идетъ всего о восьми или девяти планетахъ, легко доступныхъ нашему наблюденію при ихъ правильномъ ходѣ, и о группѣ звѣздочекъ, представляющихъ что-то въ родѣ космической пыли — не болѣе; наконецъ, объ этой неопредѣленной массѣ туманныхъ содержащихъ водяные пары тѣлъ, называемыхъ „кометами“. Настоящая природа и свойства послѣднихъ еще не опредѣлены съ достаточною точностью, хотя (по крайней мѣрѣ) это нужно сказать о большинствѣ кометъ) онѣ совершаютъ свое движеніе въ силу законовъ, уже совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которые управляютъ другими элементами нашей солнечной системы.

Но солнечная система можетъ показаться весьма незначительною только по сравненію ея съ совокупностью міровъ— для насъ-же она все таки представляется грандіозною. Затѣмъ, интересъ ея возрастаетъ отъ того, что она представляется, относительно говоря, близкою къ намъ и мы можемъ наблюдать ее, такъ сказать, въ деталяхъ.

Въ настоящее время наука насчитываетъ *восемь* планетъ, вращающихся вокругъ солнца, да еще группу такъ называемыхъ „телескопическихъ“ планетъ. Объ этихъ послѣднихъ думаютъ, что онѣ составляютъ, такъ сказать, обломки какого либо свѣтила, или, скорѣе, двухъ свѣтилъ, ринутыхъ въ ту область, въ предѣлахъ которой, повинулся закону тяготѣнія, и вращается теперь эта группа.

Начнемъ исчисленіе планетъ по мѣрѣ ихъ близости къ солнцу; онѣ будутъ слѣдовать въ такомъ порядкѣ: *Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ*. Группа телескопическихъ планетъ занимаетъ мѣсто между Марсомъ и Юпитеромъ. Къ общему числу девяти орбитъ, слѣдовало бы, быть можетъ, прибавить еще десятую, и вотъ на какомъ основаніи.

Согласно наблюденіямъ г. Лескарбо, записку о которыхъ онъ представилъ въ Парижскую академію наукъ, планета Меркурій, которую доселѣ считали за самую близкую къ солнцу, должна занять мѣсто послѣ другого свѣтила, которое движется на разстояніи гораздо меньшемъ. Этому свѣтилѣ предполагали дать знаменательное названіе „Вулкана“, намекая этимъ на его вращеніе въ наиболѣе жаркихъ областяхъ неба.

Нѣкоторые ученые склонны предположить, вѣдѣ дѣйствительныхъ границъ системы, существованіе еще свѣтила. Эти господа говорятъ: на присутствіе такого свѣтила указываетъ пертурбація (возмущеніе, отклоненіе) въ нормальномъ вращеніи самой отдаленной планеты Нептуна. Но утверждать это— значитъ пускаться въ область предположеній, которыя мы оставимъ, и будемъ держаться только общепринятаго и общезвѣстнаго.

Въ рисунокѣ, который мы прилагаемъ здѣсь (по Секки), *Черная полоса*, на которой изображены планеты въ ихъ перспективномъ уменьшеніи, представляетъ собою какъ бы протяженіе діаметра солнца.

Маленькая бѣлая точка на нашемъ рисунокѣ, подѣ цифрою 1, представляетъ намъ относительную величину Меркурія, который въ то-же время (по крайней мѣрѣ, при настоящемъ состояніи нашихъ астрономическихъ знаній) *самая маленькая* изъ планетъ, послѣ свѣтилъ той группы, которая помѣщается между Марсомъ и Юпитеромъ. Тяготѣя къ солнцу на пространствѣ 14 милліоновъ миль (франц.), эта звѣзда (объемъ ея относится къ объему земли какъ 60 къ 1000, а діаметръ къ земному діаметру какъ 4 къ 12), повидимому, находится въ условіяхъ, немножко напоминающихъ обитаемую нами планету: на ней замѣтно существованіе атмосферы, достаточно сгущенной, и въ атмосферѣ этой носятся облака, какъ и въ нашей земной атмосферѣ.

Но существующая здѣсь очевидная аналогія условій все-таки не тождество ихъ. Принимая во вниманіе близость Меркурія къ солнцу, мы должны признать, на основаніи вычисленій, что звѣзда эта получаетъ отъ солнца въ *семь разъ* больше свѣта и теплоты, чѣмъ земля. Кроме того, Меркурій, употребляя почти одинаковое съ землею время для вращенія на собственной оси (а именно 24 часа 5 мин. вмѣсто 23 часовъ 56 мин.), долженъ, вслѣдствіе опять-таки близости къ солнцу, совершать около него гораздо болѣе быстрое годовое вращеніе. Годы Меркурія не согласуются съ земными на 88 дней; далѣе, на этой планетѣ послѣдовательные слои атмосферы весьма несходны съ слоями нашей земной атмосферы.

Венера—это прекрасная звѣзда, которую мы въ обыденныхъ разговорахъ называемъ то *утреннею*, то *вечернею* звѣздою, смотря по тому, показывается ли она на горизонтѣ передъ восходомъ или закатомъ солнца (иногда ее называютъ пастушескою звѣздой). Венера представляетъ почти тотъ-же самый объемъ, какъ земля и совершаетъ свое ежедневное вращеніе почти въ то-же самое время (24 часа 21 мин.). Но она отстоитъ отъ солнца на 11 милліоновъ миль менѣе, чѣмъ наша земля (а именно на 27 милліоновъ, тогда какъ земля отстоитъ отъ солнца на 38 милліоновъ миль); а отсюда слѣдуетъ, что дѣйствіе на нее солнечныхъ лучей (радіація) вдвое болѣе испытываемого нами. Прибавимъ еще, что годъ Венеры составляетъ не болѣе

224 $\frac{1}{2}$ дней, что ось ея вращенія весьма наклонена относительно ея орбиты; отсюда слѣдуетъ, что на Венерѣ должны встрѣчаться болѣе рѣзкія противоположности въ климатѣ. Чѣмъ у насъ на землѣ. Плотность, расположеніе твердой массы и притягательная сила поверхности на Венерѣ, какъ полагаютъ, весьма немногимъ отличаются отъ земли. Какъ и на землѣ, на Венерѣ существуетъ, повидимому, водообразная атмосфера, въ которой водяные пары производятъ облака; какъ и земля, Венера представляетъ неправильную (изборожденную впадинами и возвышеніями) поверхность, съ тою только разницей, что нѣкоторыя изъ ея горъ достигаютъ такой громадной высоты, сравнительно съ которою наши Чимборазо и Монбланы представляются просто маленькими холмами.

По порядку удаленія отъ солнца, *третье* мѣсто занимаетъ обитаемая нами земля. Всякій изъ насъ знаетъ діаметръ и объемъ нашего шара и его физическія условія. Мы, слѣдовательно, можемъ ограничиться здѣсь немногими словами. Для составленія солнечнаго діаметра нужно взять *сто* земныхъ діаметровъ, а объемъ солнца равняется болѣе чѣмъ 114,000 объёмовъ земли.

Замѣтимъ еще, что въ послѣдовательномъ ряду разстоянія отъ солнца земля представляется *первою* планетою, имѣющею спутника (луну), вторичное свѣтило, тяготеющее къ ней, подобно тому, какъ сама земля тяготеетъ къ солнцу.

На 20 милліоновъ миль разстоянія за предѣлами нашей земной орбиты (можетъ быть, на 58 милліоновъ миль разстоянія отъ насъ) вращается Марсъ, планета меньшая чѣмъ земля и Венера, но гораздо большая чѣмъ Меркурій. Наблюдателю Марсъ представляетъ весьма ясный образъ сферы, на которой, какъ и на нашей землѣ, находятся море и суша, и гдѣ, повидимому, въ атмосферѣ, на всей своей глубинѣ, гораздо менѣе сгущенной и не такъ высокой какъ наша, послѣдовательно образуются и такую полярныя льды.

Дни на Марсѣ только на 40 минутъ больше нашихъ, но марсовскій годъ равняется 686 нашимъ днямъ. Смѣна временъ года весьма различествуетъ съ нашею, такъ какъ ось вращенія весьма наклонена, а дѣйствіе солнечнаго свѣта и теплоты сводится, сравнительно съ нашей землей, на разность въ 43 сотыхъ.

Поверхность этой планеты представляетъ, особенно же вдале отъ полюсовъ, пятна иногда синія, иногда красныя, усыпанныя, въ свою очередь, желтыми крапинками. Если эти пятна не происходятъ отъ обманчиваго контраста отраженныхъ лучей, то они, повидимому, указываютъ на исключительное физическое построеніе этой планеты. Поверхность ея состоитъ, правда, изъ твердой части, подобной нашей сушѣ, и жидкой, подобной нашему морю; но позволительно сдѣлать предположеніе, что составныя части твердыхъ и жидкихъ частей этой планеты если не совершенно отличны отъ подобныхъ же частей нашей, то, по крайней мѣрѣ, можно думать, что онѣ состоятъ тамъ изъ меньшихъ по числу и менѣе смѣшенныхъ элементовъ, чѣмъ у насъ.

Между орбитами Марса и Юпитера, т. е. въ кругѣ, діаметръ котораго простирается до 140 милліоновъ миль, находится пространство, образовавшееся, по всей вѣроятности, во время страшной космической коллизіи (столкновенія); потому что здѣсь вращается цѣлый рой малыхъ звѣздъ. Звѣзды эти суть сфероидамы тѣла, самый большой діаметръ которыхъ далеко не достигаетъ діаметра луны; а многія изъ нихъ представляютъ поверхность гораздо меньшую, чѣмъ какой либо изъ нашихъ русскихъ уѣздовъ. Безъ сомнѣнія, эти звѣзды представляютъ обломки (различныя по величинѣ) какого нибудь большого свѣтила, или двухъ большихъ свѣтилъ, двигавшихся когда-то въ одной и той-же орбитѣ.

Имя этимъ звѣздообразнымъ тѣламъ, по всей вѣроятности, легионъ, потому что годъ отъ году каталогъ ихъ все болѣе болѣе и увеличивается въ значительной пропорціи. Въ срединѣ пришло 1876 г. ихъ было извѣстно болѣе 150. Ихъ то и дѣло открываютъ, описываютъ, вносятъ въ списки, даютъ имена, но этимъ только и ограничивается ихъ изслѣдованіе. Ихъ малый размѣръ въ сравненіи съ громаднымъ разстояніемъ отъ нихъ области ихъ тяготѣнія, не позволяетъ нашему наблюденію проникнуть до нихъ надлежащимъ образомъ.

Но вотъ, на разстояніи 160 милліоновъ миль отъ нашего шара и почти на разстояніи 200 милліоновъ миль отъ солнца, мы встрѣчаемъ планету Юпитеръ, въ сравненіи съ которою наша земной шаръ—самая малая звѣздочка! Объемъ Юпитера въ 1,500 разъ больше объема земли. Масса этого громаднаго тѣла уступаетъ въ величинѣ только солнцу (именно оно въ 1000 разъ меньше солнца); но оно въ три раза болѣе всѣхъ остальныхъ планетъ, взятыхъ вмѣстѣ.

У Юпитера есть четыре спутника, изъ которыхъ самый меньшій много превосходитъ величиною нашу луну, а самый большій равняется Марсу. Такимъ образомъ на юпитерскомъ небѣ существуетъ 4 луны, которыя то одновременно, то порознь отражаютъ солнечный свѣтъ; но на сколько мы можемъ судить изъ нашихъ наблюденій на громадномъ разстояніи, отдѣляющемъ отъ насъ юпитерское небо, все заставляетъ насъ вѣрить, что міръ Юпитера не перемѣлъ еще изъ расплавленнаго въ твердое состояніе, подобное нашей землѣ. Общій видъ Юпи-

Сравнительное изображение планет и их спутников по отношению к величине солнца. (Длина черного фона, на котором изображены планеты, принята в данном случае за диаметр солнца.)

тера показывать, впрочем, что на нем происходят великие перевороты и потрясения и что замечаемые на нем слои далеко не представляют твердой и установившейся системы. Так, на нем замечаются подвижные массы, может быть, облака; здесь страшные вихри и ураганы завиваются в мрачных безднах. Атмосфера здесь весьма плотная; может быть, теперь на Юпитере совершаются перевороты, аналогичные с теми, которые претерпевала наша земля в разные геологические периоды. Во всяком случае спектроскоп (см. „Нива“ 1873, стр. 652) показывает нам, что состав атмосферы на Юпитере совершенно отличен от атмосферы земной.

Год Юпитера, т. е. время, протекающее между двумя вращениями этой планеты на одну и ту же точку относительно солнца, равняется почти 12 земным годам (11 лет, 314 дней); собственное же вращение Юпитера, то что мы называем днем, совершается менее чем в 10 наших часов. Такое быстрое вращение планеты обуславливает весьма значительное сжатие ее у полюсов.

После Юпитера, столь поражающего нас своею величиной, мы встретим, на расстоянии более чем 450 милл. милл. от солнца, планету Сатурн, поражающую нас странностью системы, центром которой она представляется. Объем Сатурна в 750 раз больше земли. Еще в большей степени, чем на Юпитере, на нем совершаются первые перевороты. Масса тела находится еще в состоянии сгущенных паров. Затем, Сатурн представляет нам еще ту особенность, что полосы его окрашены в голубоватый цвет, напоминающий цвет наших морей; но его экватор блестит ослепительно близкою, подобно снеговым вершинам наших высоких гор.

У Сатурна 8 спутников. Но, кроме того, Сатурн окружен еще странным кольцом, которое, по словам Секки, существует как бы для того, чтобы свидетельствовать нам о начале и происхождении всей солнечной системы*). Относительно своей длины кольцо представляется весьма тонким. В

*) Почтенный астроном думает здесь намеком на общепринятую теорию, по которой наша солнечная система произошла от конденсации (сгущения) системы паров, простиравшейся некогда за пределы самых отдаленных планет. Эта теория, первыми глашатаем которой были Кант, Гершль и Лаплас, была подтверждена опытами г. Плато. Этот последний брал известное количество масла и опускал его в жидкость эта состояла из смеси воды и спирта. Тогда замечалось следующее явление: маслянистая масса быстро принимала сферическую форму, причем происходила так называемая молекулярная аттракция (т. е. взаимное притяжение частиц). Как скоро этот маслянистый сферонд заставляли вращаться вокруг своей вертикальной оси с возрастающей быстротой, то сначала замечалось, что сферонд принимал плоскую форму, затем наступал момент, когда от него отделялось кольцо, подобное кольцу Сатурна. Наконец, если вращение дала все более и более быстроту, кольцо разрывалось, образуются новые маленькие сферонды, которые, вращаясь около себя самих, в тоже время вращались и около первоначального сферонда.

растущей быстротой, то сначала замечалось, что сферонд принимал плоскую форму, затем наступал момент, когда от него отделялось кольцо, подобное кольцу Сатурна. Наконец, если вращение дала все более и более быстроту, кольцо разрывалось, образуются новые маленькие сферонды, которые, вращаясь около себя самих, в тоже время вращались и около первоначального сферонда.

действительности оно состоит из трех различных и разнородных колец. Самое наружное кольцо представляется несколько темным, следующее за ним — самое блестящее, а третье совершенно туманное и прозрачное. Контуров тьмы планеты, которую она бросает на кольцо, показывают, что поверхности колец искривлены. Наблюдая далее можно заметить большие различия в напряжении света на кольцах, а это указывает на весьма замечательные неправильности в плотности и строении различных частей колец.

Год Сатурна больше нашего почти в 29½ раз. Через каждые 15 лет наша земля помещается относительно Сатурна таким образом, что нам становится видным только край кольца, представляющийся иногда весьма тонкою нитью, — переходящая на планету с одного места на другое.

Но вот что особенно представляется странным: кольцо Сатурна, как и все небесные тела, оживлено собственным движением. Суточное вращение кольца совершается в 14 часов, а сама планета совершает движение вокруг своей оси в 10 часов.

Все восемь спутников Сатурна вращаются вне его кольца. На Сатурн действия света и теплоты солнца равняются только 11 тысячных сравнительно с землею. Если Творец мира поселил на эту планету жителей, то строение их тела должно строго отличаться от нашего, потому что максимум света и тепла для этих жителей едва-едва можно сравнить с тем, который требуется для наших стран крайнего севера, где царит вечная ночь.

За Сатурном, за 750 милл. милл. от солнца находится Уран, а за Ураном, приблизительно за 1 миллиард 850 милл. милл. находится Нептун. Объем Урана в 81 раз больше объема земли; объем же Нептуна, может быть, в 100 раз больше земли. Эти две планеты, по причине их громадного удаления от нас, представляют почти неодолимые трудности для наблюдений и все наши сведения о них основываются на предположениях весьма шатких.

Еще с большим основанием, чем относительно двух предшествовавших планет, возможно допустить, что Уран и Нептун находятся в газообразном состоянии. Лучи этих двух светил, анализированные посредством спектроскопа, дали результаты, совершенно сбивающие с толку так называемое наблюдение по аналогии; именно: при спектральном анализе лучей Урана и Нептуна получились полосы, несуществующие в солнечном спектре и сходные с полосами, свойственными кометам. Можно, кажется, придти к убеждению, что эти два светила посылают нам свой собственный свет, потому что невозможно допустить, чтобы при таком громадном расстоянии от солнца, и обладая притом такою громадною всасывающею силою — что уже доказывается их вращательным построением и составом, — эти две планеты могли бы светить таким живым и ярким блеском. Ясно, что источник их света заключается в них самих. Астрономы говорят относительно этих светил, что они никогда не видели столь ясно определенных звездных контуров, как именно в этих телах. Это свидетельство подтверждает предположение о газообразном состоянии Урана и Нептуна.

Вращение Урана и Нептуна около их осей не вычислено; однако известно, что год первого в 84, а год второго в 164 раза больше земного года.

Надо прибавить, что у Нептуна есть спутник, вращающийся вокруг него в период времени меньше шести дней. Что касается Урана, то хотя прежде и думали, что ему сопутствуют 6 или 8 вторичных звезд, на самом деле у него только 4 спутника, существование которых доказано; и эти 4 спутника представляют своим движением замечательную и единственную особенность во всей солнечной системе. Они вращаются не от запада к востоку, как совершается общее движение планет и их спутников, а напротив, от востока к западу, следуя по орбите, которая пересекает орбиту центральной планеты почти под прямым углом. Это единственный пример расположения вращений планет.

Таковы элементы небесных тел, принадлежащих к солнечной системе, — в таком правильном постоянстве представляются они наблюдению.

Если мы останавливаем внимание на совокупности небесных сфер, то в этой группе сфер наша земля представляет одну из самых скромных единиц, а человек представляется нам еще ничтожеством, особенно если примем в расчет его скромное место на земле, ограниченность сил, кратковременность жизни. Беспредельность миров подавляет нас своим величием; и громадною; самая наша орудия для исследования одной солнечной системы этих миров представляются довольно ничтожными*). Но это не останавливает человека на пути прекрасных, возвышающих душу, исследований, каковы астрономические.

Пер—ъ.

*) Вычисляли, что даже с телескопом Гершеля, этим гигантом-телескопом, невозможно заглянуть небо до его последних пределов. Однако авиация, с помощью этого телескопа, насчитала более 20 миллионов неподвижных звезд или солнц.

Императоръ Рудольфъ I Габсбургскій выслушиваетъ мнѣніе доктора о приближеніи дня своей смерти.
Рис. Гротъ Іоанъ, грав. Бренд'Амуръ.

МИЛЕНКА.

(Разсказъ изъ прошлагодной жизни въ Сербии).

(Продолженіе).

Проталкиваясь сквозь всю эту пеструю, разношерстную толпу, мы быстро подвигались впередъ, спускаясь подъ гору все ниже и ниже.

Матвѣй Захаровичъ зналъ куда идетъ и шагаль увѣренно, пристально глядя передъ собою, энергично отстраняя руками все, неуспѣвшее посторониться и очистить ему дорогу, я шелъ за нимъ, не зная куда приведетъ насъ наше стремительное шествіе.

— Сюда! произнесъ Жучекъ и круто повернулъ на право.

Мы совсѣмъ спустились къ Дунаю; повернувъ вправо, мы почти выбрались изъ города и на насъ повѣяло сыростью низменнаго рѣчнаго берега. Гладкая какъ зеркало поверхность широкаго Дуная подернулась легкими парами, затуманившими противоположный берегъ; тамъ, на той сторонѣ виднѣлись только одноразные кубическіе домики самой казенной, казарменной архитектуры, австрійскіе кордоны, разставленные цѣпью въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого. Посрединѣ рѣки неподвижно стояли на якоряхъ двѣ или три темныя барки съ подъемными кранами, словно висѣлицы торчащими въ воздухѣ. Нѣсколько оригинальныхъ рыбацкихъ лодокъ съ высокими, закрученными носами-грифами, накренившись, стояли на берегу, вытасенными на песокъ, устланный мелкими ракушками, покрытый мѣстами мокрыми прядями темно-зеленыхъ водорослей. На треногахъ и жердяхъ висѣли рыболовныя сѣти, тоже причудливо украшенныя такими же прядями водорослей; у одной изъ лодокъ мигалъ красноватый огонекъ, разложенный между двухъ большихъ камней; тамъ сидѣла молчаливая группа полуголыхъ рыбаковъ, занятыхъ варкою незатѣйливаго ужина. Мальчики-пастухи гнали отъ берега небольшое стадо воловъ съ водоноя: тяжелыя животныя лѣниво брели, грузно ступая по песку, фыркая и облизывая шаршавымъ языкомъ свои мокрыя морды... Въ воздухѣ пахло сыростью, гнилью и рыбою.

— Сюда, сюда! говорилъ по временамъ Жучекъ, и все шелъ и шелъ, не обращая вниманія ни на лодки, ни на рыбаковъ, ни на пастуховъ съ ихъ стадомъ, не обращая вниманія, не замѣчая даже, какъ чудно красивъ былъ покойный и величественный Дунай, отразившій въ эту минуту въ своихъ водахъ яркое зарево вечерняго заката.

Впереди насъ зачернѣла крыша какого-то строенія, съ высокими, причудливо выведенными верхушками закопченныхъ трубъ. Стѣнъ этого строенія не было видно: высокій каменный заборъ и свѣсившіяся черезъ него вѣтви деревьевъ совершенно скрывали ихъ съ этой стороны. Въ этой стѣнѣ я не видѣлъ никакого входа, ничего похожего на калитку или ворота.

— Я нарочно отсюда, я нарочно,—говорилъ Жучекъ. Такъ лучше... не примутъ мѣръ, не поспѣютъ... Я подозрѣваю... я подозрѣваю...

Онъ остановился на мгновеніе, подойдя вплотную къ самой стѣнѣ, и тяжело перевелъ дыханіе; онъ даже рукою взялся за сердце, будто этимъ движеніемъ хотѣлъ утишить, унять его лихорадочное, усиленное бѣненіе.

Я самъ чувствовалъ себя далеко не въ нормальномъ состояніи духа и предчувствовалъ что-то недоброе. Я уже начиналъ догадываться въ чемъ дѣло, да это было и не трудно, зная уже предварительно исторію умершей женщины и ея дочери и отношеніе къ нимъ моего спутника.

Невольно, почти инстинктивно сунулъ я руку въ карманъ и оцупалъ револьверъ, мои пальцы скользнули по гладко-отполированной поверхности ствола, коснулись

даже выступовъ патроновъ въ барабанѣ,—все было въ порядкѣ.

— Обойдите кругомъ, вотъ вдоль этой стѣнки,—тихо шепнулъ мнѣ Матвѣй Захарычъ,—тамъ есть перелазъ невысокій, за нимъ улица, увидите дверь на половину стеклянную и два олеандра въ кадкахъ, постучите и спросите Христину Зальманъ; не забудьте: Христина Зальманъ.

— Помню, — отвѣчалъ я и отправился по назначенію.

— Если не заперто, толкните и входите прямо... Мнѣ отсюда все будетъ слышно,—прошепталъ мнѣ вслѣдъ капитанъ.

Онъ схватился обѣими руками за вѣтви яблони, прыгнулъ и въ одно мгновеніе очутился на гребнѣ стѣны, я замѣтилъ этотъ маневръ, прежде чѣмъ зашелъ за уголъ... Гдѣ-то, очень, впрочемъ, близко, хрипя и захлебываясь, залаяла собака; по лаю слышно было, что это животное на привязи. Я поспѣшилъ черезъ перелазъ, загороженный только одною сухою жердью.

Дверь со стекляннымъ верхомъ и два олеандра въ кадкахъ сразу бросились мнѣ въ глаза; не раздумывая долго я подошелъ и сильно толкнулъ эту дверь. Дверь была заперта снутри, но или очень ужъ плохо, или толкнулъ я ее черезъ-чуръ энергично, только ветхія половинки распахнулись настежь и одно изъ верхнихъ стеколъ вывалилось, задребезжавъ по камнямъ своими осколками...

— Что такое! Кто тамъ?! послышался мужской голосъ... Тамъ колокольчикъ есть, не видѣли что-ли... Это разбой—это...

Фраза эта произнесена была по нѣмецки. Передо мною, словно изъ-подъ земли выросла высокая сторбленная фигура въ красной фескѣ, въ большихъ темныхъ очкахъ и длинномъ парусинномъ балахонѣ... черезъ дворъ стремительно промелькнула еще одна фигура, женская, мелькомъ взглянула на меня и тотчасъ же спряталась въ какую-то дверку.

— Христина Зальманъ дома? спросилъ я, помня наставленіе Жучка.

— Фрау-Зальманъ?... переспросилъ бѣлый балахонъ и оглянулся. Фрау-Зальманъ? гм... Онъ замаялся и видимо не зналъ, что ему отвѣтить.

— Договорите-же, дома она или нѣтъ?! настойчиво повторилъ я свой вопросъ и подвинулся впередъ, желая пройти внутрь помѣщенія.

Бѣлый балахонъ загородилъ мнѣ дорогу, растопыривъ руки...

— Вамъ зачѣмъ фрау-Зальманъ?... приходите завтра... сегодня нѣтъ, то-есть она дома, но не можетъ, ничего не можетъ—больна... Нѣтъ, нѣтъ! ея совсѣмъ нѣтъ дома—фрау Христина Зальманъ уѣхала изъ Бѣлграда въ Землинъ, совсѣмъ уѣхала...

— Ну, что ты старый чертъ врешь! раздался голосъ Жучка.. самъ видѣлъ, своими глазами видѣлъ, что дома... Ну, зови ее сейчасъ сюда.

Старикъ даже вскрикнулъ и присѣлъ отъ этой неожиданности... онъ совершенно растерялся и поспѣшно, словно удирая отъ насъ, заковылялъ черезъ дворикъ, къ той самой двери, за которою скрылась видѣнная мною женская фигура.

— Идемъ за нимъ,—быстро проговорилъ Матвѣй Захаровичъ... Мѣшкавъ нечего, разъ уже одурачили — спрятали, еще разъ хотятъ... Нѣтъ, врешь!

Старикъ захлопнулъ было дверь и завозился снутри засовомъ. Сильный толчекъ капитанской ноги помѣшалъ ему въ этомъ.

Было уже темно и душно въ этомъ низкомъ помѣщеніи, гдѣ мы очутились. Мы натыкались поминутно то на углы какой-то мебели, на что-то мягкое, — я даже ощупалъ рукою сырые обручи винной бочки...

— Пустите, что вы меня душите! зачѣмъ за воротникъ брать... не надо... это не хорошо, я честный купецъ... я не кто-нибудь... я не позволю, — буду жаловаться... бормоталъ и барахтался „честный купецъ“, попавшій въ могучія руки моего товарища...

— Гдѣ Христина Зальманъ? настойчиво спрашивалъ Матвѣй Захарычъ. Говори-же!

Онъ вытащилъ старика снова на дворикъ, гдѣ все-таки было не такъ темно, какъ въ этомъ подвалѣ, и еще разъ повторилъ свой вопросъ.

Или онъ уже очень сильно взялся за свою жертву, или жертва эта окончательно растерялась, только старикъ ничего не отвѣчалъ. Синіе очки свалились у него съ носу, и онъ глядѣлъ на насъ своими оловянными, бессмысленными глазами.

А время уходило.

— Постерегите его здѣсь, а я пойду розыщу эту вѣдьму—ужь я ее розыщу!..

Матвѣй Захарычъ толкнулъ ко мнѣ „честнаго купца“ и ринулся внутрь домика... Черезъ мгновение я уже слышалъ тамъ энергичную возню, громкое хлопанье дверей... въ одномъ изъ оконъ мелькнулъ даже огонекъ и на красноватомъ фонѣ освѣщенныхъ изнутри стеколъ обозначилась черная рѣшетка мелкаго оконнаго переплета.

— А, ты вотъ гдѣ! попалась! донесся громкій возгласъ Жучка... чего-же ты прячешься отъ меня!..

Тутъ Матвѣй Захарычъ вклеилъ такое крупное слово, что у меня даже въ ухахъ зазвенѣло.—Попалась старая грѣшница... ну, иди, что упираешься.

— Ай, помогите, помогите! разбойники! раздался пронзительный женскій голосъ и разомъ оборвался. Должно быть ладонь Жучка прикрыла ей ротъ и прекратила этимъ отчаянные вопли фрау-Зальманъ.

Секунды черезъ двѣ, капитанъ вышелъ на дворикъ и почти на рукахъ вынесъ сильно барахтавшуюся женщину. Старикъ, котораго мнѣ поручено было стеречь, воспользовавшись, вѣроятно, тѣмъ, что вниманіе мое было отвлечено эпизодомъ, происходившимъ внутри домика,—скрылся.

— Гдѣ Мила? приступилъ къ допросу Матвѣй Захарычъ, не выпуская изъ рукъ фрау-Зальманъ, вытащивъ ее на средину дворика, куда достигалъ падавшій изъ окна лучъ свѣта.

— Я говорила гдѣ... она тамъ... у Бога... Богъ взялъ ее мать, а за нею и дочку... я говорила.

— Врешь!..

Христина молчала.

— Говори, когда умерла дѣвочка?

— Давно... недѣлю... нѣтъ, раньше... дней десять...

— Врешь! Ее вчера видѣли... слышишь—вчера. Мертвые изъ гробовъ не встаютъ. Вчера видѣли... говори мнѣ всю правду—а то...

Матвѣй Захарычъ вынулъ изъ кармана револьверъ и приставилъ его къ виску женщины. Та задрожала всѣмъ тѣломъ и присѣла на землю.

— Ну!..

— Умерла... чуть слышно прошептала Христина... Умерла и похоронили...

У меня зашевелилось сомнѣніе въ нашихъ догадкахъ... Чтожь, вѣдь очень можетъ быть, что и дѣйствительно умерла... случайное совпаденіе имени, — сходство... Да онъ всѣ здѣсь черноглазый, смуглый, съ длинными волосами... Такія примѣты годятся чуть не для всякаго здѣшняго ребенка.

Я далъ это замѣтить Матвѣю Захаровичу.

— Сердце мнѣ говоритъ, что Мила моя жива, и эта вѣдьма, эта гадина вретъ—энергично отразилъ мнѣ капитанъ на мое замѣчаніе... Еще разъ повторяю тебѣ, говори правду!

Онъ щелкнулъ куркомъ револьвера.

Христина Зальманъ опустила еще ниже... она всеѣмъ согнулась, почти вплотную прильнула къ мостовой. Шейный платокъ сбился на бокъ... Старческія сухія лопатки съежились, образовавъ два острыхъ горба... Она молчала...

Я уже ждалъ выстрѣла и бросился, чтобы оттолкнуть вооруженную руку...

Вдругъ Матвѣй Захарычъ вздрогнулъ, выпрямился во весь ростъ и выронилъ револьверъ.

— Что это?..

Мнѣ послышалось какъ будто гдѣ-то высоко чей-то дѣтскій голосъ крикнулъ: Батько!

— Мила... Мила, гдѣ ты?..

— Батько! послышалось теперь уже ясно и отчетливо...

Я взглянулъ по направленію голоса. Въ небольшомъ слуховомъ окнѣ, отстоявшемъ аршина на два отъ карниза крыши закопошилось какое-то живое существо...

— Милочка моя! бросился Матвѣй Захарычъ къ дому, вскочилъ на скамью, стоящую у самой стѣны, и протянулъ кверху руки... Я бросился искать лѣтницы.

Тѣмъ временемъ маленькое существо вскарабкалось изъ окошка и осторожно поползло къ карнизу, цѣпляясь рученками за выступы черепицы... Къ счастью, крыша была невысока; дѣвочка смѣло бросилась внизъ и протянутыя руки Матвѣя Захаровича поймали ее на лету.

На улицѣ послышались голоса и приближающаяся топотня многочисленныхъ ногъ; по вѣтвямъ колючей акаціи замелькалъ отблескъ фонаря. Старикъ въ бѣломъ балахонѣ успѣлъ собрать цѣлую араву и во главѣ этого сборища появился въ воротахъ.

Я понималъ, что теперь и неудобно и не время было разбирать кто правъ, кто виноватъ; я видѣлъ, что дѣло безъ схватки не обойдется. Насъ было двое—тамъ... я видѣлъ что во дворикъ вошло человѣкъ около шести—на улицѣ же еще толпилось довольно таки народу... Фрау-Христина, какъ развирѣпѣвшая кошка, ринулась на Жучка—тотъ отшвырнулъ ее сильнымъ ударомъ ноги...

— Очистить дорогу!.. Мы не воры... мы русскіе офицеры... закричалъ я по сербски.

— Хватай ихъ... вяжи... въ полицію! хриплѣлъ, захлебываясь, бѣлый балахонъ.

Раздался выстрѣлъ.

Матвѣй Захарычъ пустилъ пулю надъ головами наступавшихъ.

— Ого!.. послышалось въ толпѣ испуганное восклицаніе... Вся арава, стремительно толкая другъ друга, ринулась къ выходу.

— Хватай ихъ... куда вы?! горячился старикъ.

— Хватай самъ... кому охота изъ-за чужого дѣла подставлять свою голову! послышалось уже съ улицы.

Матвѣй Захарычъ съ Миленкою на рукахъ направился тоже къ калиткѣ; я за нимъ. Сзади насъ въ воздухѣ просвистѣлъ камень и съ глухимъ стукомъ ударился о каменную стѣну. Еще пронесся одинъ камень и звякнулъ чуть не у самой моей ноги...

Люди, собранные старикомъ, разбѣжались и попрятались... Только одинъ остался на мѣстѣ, снялъ свою феску и, вѣжливо раскланявшись, приблизился къ намъ съ вопросомъ:

— Молимъ, господине!.. расскажите въ чемъ дѣло.. что такое случилось.

Матвѣй Захарычъ охотно исполнилъ его желаніе. Всѣ трое, не считая дѣвочки, мы снова выбрались на берегъ Дуная, и пошли обратно тою же дорогою.

(Окончаніе будетъ).

Отъ Бухареста до Русука.

Иллюстрированная корреспонденция „Нивы“ М. Каразина.

Столица соединенных княжеств, Бухарестъ, связана съ Дунаемъ, этою главною водною дорогою, двумя рельсовыми путями: одинъ идетъ на Галацъ и Бранловъ, на юго-западъ, другой—на югъ, на Журжу. Последняя вѣтвь всего около

дѣтей, прехорошенькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, веселыми группами они толпятся около станціи и предлагаютъ путешественникамъ собранные ими въ полѣ, первые перлы наступающей весны—маленькія пучечки голубыхъ и бѣлыхъ подсолнечниковъ... За одно „бени“—треть нашей копѣйки,—вы можете купить цѣлый букетъ, а если вы бросите имъ изъ окна болѣе крупную серебряную монету, то взамятъ ея въ ваше окно полетитъ цѣлый градъ букетовъ и все это дѣлается не назойливо, безъ попрошайства, весело, съ аккомпанментомъ звонкаго, дѣтскаго смѣха, остроумныхъ шутокъ и громкаго свистка локомотива, увозящаго, наконецъ, васъ отъ этого юнаго общества.

Отсюда уже вѣтеръ близостью Дуная... Впередѣ—на горизонтѣ воздухъ какъ-то гуще, принимаетъ лиловатый оттѣнокъ—признакъ водяныхъ паровъ, еще полчаса, и вы

восьмидесяти верстъ длиною, и поѣзды желѣзной дороги пробѣгаютъ это пространство съ небольшимъ въ три часа времени. Мѣстность, по которой проложено полотно дороги, необыкновенно живописна и дышетъ довольствомъ, даже богатствомъ своей плодородной почвы, а съ этимъ и довольствомъ ея счастливыхъ обитателей... Прекрасный климатъ Румыніи, стороны, защищенной съ сѣвера высокими грядками Карпатскихъ горъ, большую частью обезпечиваетъ земледѣльцу успѣхъ его тяжелаго труда: случаи неурожаевъ рѣдки... Въ то самое время, когда у насъ въ Петербургѣ свирѣжствовали морозы, сильные вѣтры, нагоняющіе мятели и другіе чисто зимнія невзгоды, здѣсь путешественникъ, выглядывая въ окно вагона, видитъ совершенно свободныя отъ снѣга, тучныя, черноземныя пашни, молодую зеленую травку, покрывающую солнечные скаты холмовъ, скотъ, выгнанный уже на новыя пастбища—и тяжелые, парные плуги, проводящіе первые весенніе борозды.

Дороги еще не просохли, рано—вѣдь только февраль мѣсяць—по ужъ по нимъ катятся колеса, а не санныя полозья; громадные, тяжелыя, съ высокими колесами рабочія тележки, запряженныя и лошадыми и волами вмѣстѣ,—последніе въ дышло, а первыя впередѣ, на выносахъ,—съ трудомъ тащутся по этимъ вязкимъ дорогамъ, вьющимся черными, досливающимися лентами между нажитой и селеній, буквально тонущихъ въ густыхъ группахъ фруктовыхъ деревьевъ.

Одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстечекъ на этомъ пути, безспорно—монастырь Комака, у котораго расположена желѣзно-дорожная станція того же имени. Здѣсь Дымбовица, рѣка, текущая все время отъ самаго Бухареста и до Журжи параллельно полотну дороги, дѣлаетъ небольшой изгибъ, образуя возвышенное мѣсто, на которомъ и стоятъ оригинальныя, старыя, немного даже пришедшія въ безпорядокъ, монастырскія стѣны. На одинъ изъ фасадовъ, на восточный, выходитъ своимъ красивымъ фасадомъ монастырскій дворъ съ балконами и выступившимъ крыльцомъ, изъ-за стѣнъ, изъ-за этихъ поросшихъ мохомъ гребней, поднимаются двѣ золоченыя главы собора и оригинальная вышка (прежняя сторожевая башня) колокольной.

Здѣсь поѣзды, идущіе изъ Бухареста въ Журжу и наоборотъ, встрѣчаются и пережидаютъ другъ друга,—остановка полагается около четверти часа. Этимъ временемъ пользуются массы

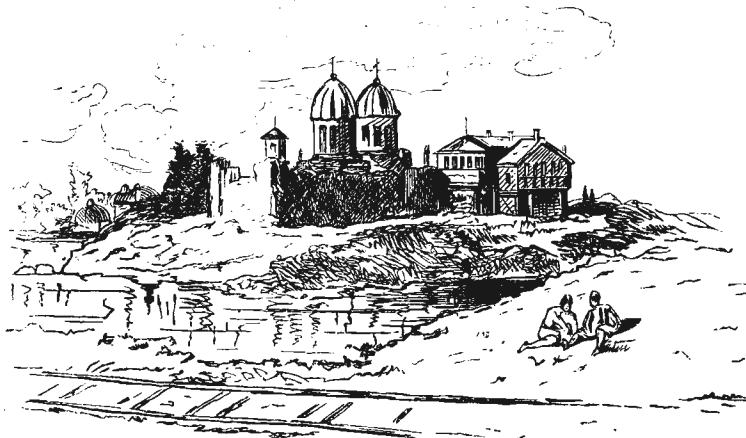

Упряжка валашская въ грязное время.

Дѣвочка валашка, продающая цвѣты на станціи.

Порывистый сѣверо-восточный вѣтеръ, дующій почти противъ могучаго теченія великой славянской рѣки, развѣлъ сильную волну, безпокойную, дробную такую, настоящую толчею... Бѣлые, пѣнистые гребешки-зайчики пестрили мутную возбужденную поверхность; у береговыхъ обрывовъ и по окраинамъ низменныхъ песчаныхъ острововъ, поросшихъ кустарникомъ, образовался сильный прибой... Не то мелкимъ дождемъ, не то туманомъ заволкло противоположный турецкій берегъ, и Русукъ съ своими мрачными крѣпостными фронтами, безпорядочными массами нестрыхъ кровель и тонкими минаретами чуть-чуть видѣлся, по временамъ и вовсе скрываясь за этою тяжелою, дымчатою пеленою. Единственный турецкій пароходъ, совершающій ежедневные рейсы между Русукомъ и Журжею, сегодня не вышелъ на работу, вѣроятно убоился непогоды, а ждать мнѣ было нѣкогда. Я очень хотѣлъ сегодня еще, если успѣю, засвѣтло перебраться на ту сторону, и это отсутствіе парохода меня начинало уже безпокоить. Два раза выходилъ я на пристань, ноги мои выше шиколотки вязли въ жидкой грязи глинистой дороги; пусто, безлюдно было на

берегу... Сторожевые доробанцы и таможенные попятались въ свои будки, товарные сторожа залѣзли подъ тѣни, вытасканные на платформы, подъ различныя, импровизированныя наскоро шалапы и покрывши... Даже на судахъ, стоящихъ вдоль берега на причалахъ, не было замѣтно ни ма-

Монастырь Комака. (Станція жел. дор. и Журжу).

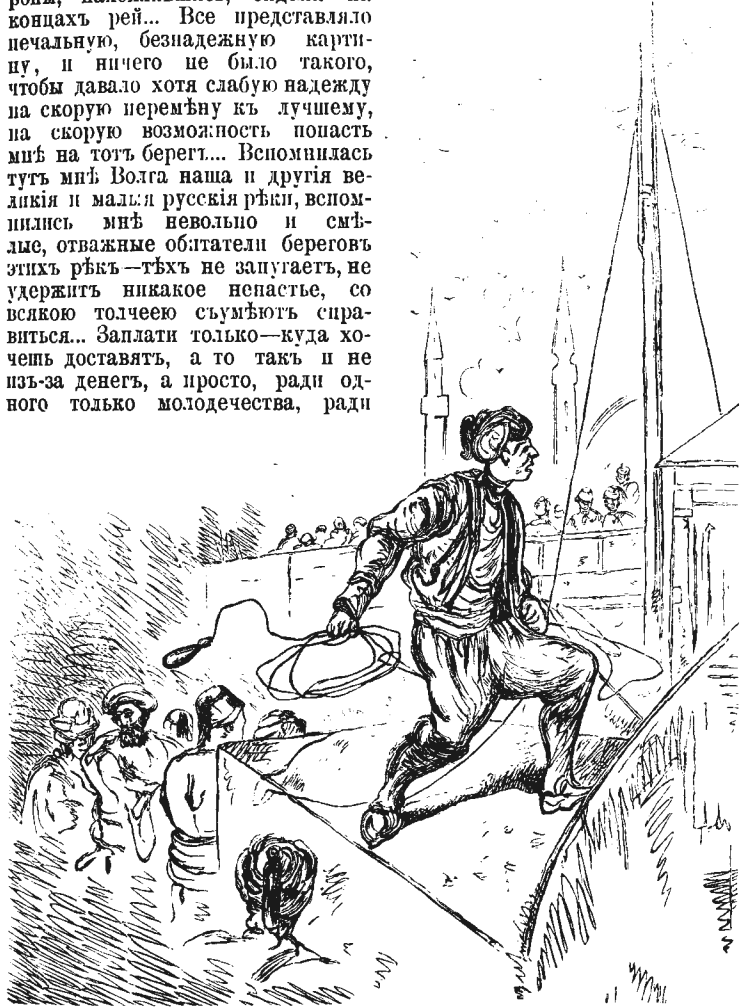
дѣйствіа движенья, все и вся сидѣло по каютамъ или, закутавшись въ плащи, лежало подъ свертками запасныхъ парусовъ... Намокшіе, отяжелѣвшіе флаги уныло висѣли вдоль мачтъ; черныя вороны, нахохлившись, сидѣли на концахъ рей... Все представляло печальную, безнадежную картину, и ничего не было такого, чтобы давало хотя слабую надежду на скорую перемѣну къ лучшему, на скорую возможность попасть мнѣ на тотъ берегъ... Вспомнилась тутъ мнѣ Волга наша и другія великія и малыя русскія рѣки, вспомнились мнѣ невольно и смѣлые, отважные обитатели береговъ этихъ рѣкъ — тѣхъ не запугаетъ, не удержитъ никакое несчастье, со всякою толчею съумѣютъ справиться... Заллати только — куда хочешь доставлять, а то такъ и не изъ-за денегъ, а просто, ради одного только молодечества, ради

— Вотъ купца везутъ изъ Рущука, — ткнулъ пальцемъ по направленію приближающейся лодки сопровождавшій меня болгаринъ... Эти, можетъ быть, договорятся и перевезутъ васъ, а то до завтра и думать нечего...

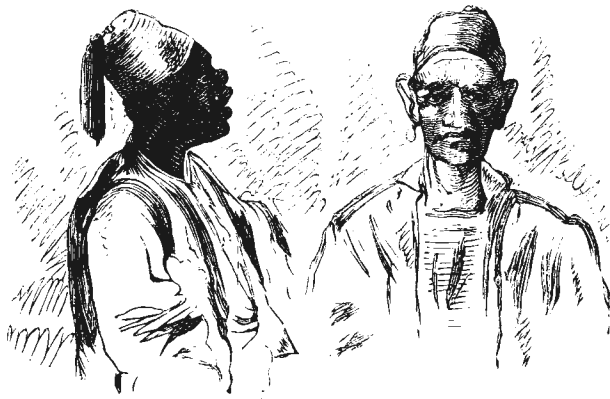
Я просилъ его договориться съ турками-лодочниками, а самъ поспѣшилъ въ гостиницу, разсчитаться заблаговременно и собраться въ дорогу, т. е. захватить свой дорожный ящикъ, такъ какъ я фхалъ въ Рущукъ не на одинъ день, а разсчитывалъ тамъ провести около недѣли.

Часа черезъ два вернулся мой болгаринъ и сообщилъ мнѣ, что турки-лодочники согласны перевезти меня за двѣ золотыя лиры и то если я заплачу не каише (бумагами), а золотомъ... Двѣ лиры — это почти пятнадцать рублей, цѣна слишкомъ высокая за переправу, однако конкурентовъ не было, а потому и торговаться было совершенно бесполезно... Я далъ половину въ задатокъ — и скоро сидѣлъ уже въ лодкѣ, помѣстившись на средней скамьѣ, плотно завернувшись въ свой непромокаемый плащъ съ капюшономъ. Мы тронулись въ путь.

Для того, чтобы теченіемъ не отнесло лодки слишкомъ уже далеко отъ пункта высадки, надо предварительно долго подниматься тягую бичевою вдоль этого берега... Трое босоногихъ турокъ, въ красныхъ фескахъ, синихъ курткахъ и широкихъ поясахъ, намотанныхъ вокругъ талии и живота, взяли за лямки и потащили лодку, тяжело ступая по отсырѣвшему песку вдоль самаго прибоя... Пѣнистыя волны, набѣгая, не разъ обдавали ихъ свои-

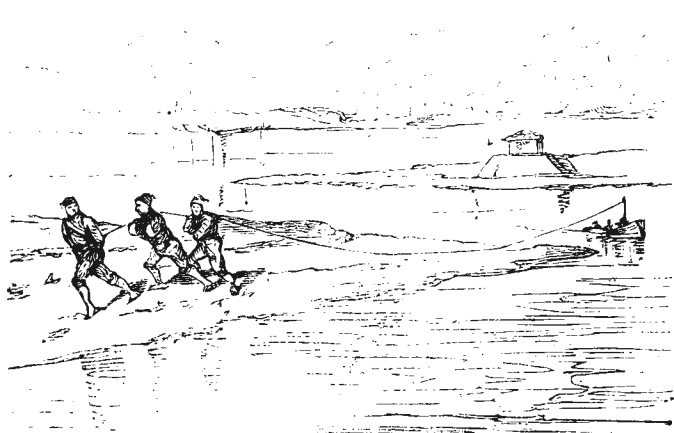
Турокъ матросъ на транспортныхъ судахъ.

Типы турецкихъ вспомогательныхъ войскъ. Египетскій солдатъ Ефіопъ и солдатъ сирийскихъ баталіоновъ.

удали... Здѣсь не то, здѣшніе побережане не любятъ рисковать головою, ужъ коли пароходъ боится и не вышелъ, такъ ужъ куда же тутъ съ лодкою соваться... Однако съ того берега кто-то рискнулъ, сунулся... Вотъ надъ гребнемъ волны мельк-

ми брызгами; лямочники затянули какую-то безконечную, монотонную мелодію и, полусогнувшись, нога въ погу шагали въ тактъ своего папѣва. Съ версту если не болѣе тянулись мы такимъ образомъ, потомъ тащившіе въ бродъ пере-

Тяга бичевою.

Дервишъ.

нуло что-то въ родѣ кормы кайка (лодки), вотъ мелькнули и красныя фески гребцовъ... Ясно уже виденъ кайкъ, съ трудомъ выгребавшій наискось теченію... теперь онъ огибааетъ отмель и скоро долженъ быть здѣсь, за этою отмелью... Тутъ вода много покойнѣе.

брались на лодку, убрали низенькую мачту и лямочныя веревки и мы пошли, быстро подхваченные теченіемъ. Часа три по крайней мѣрѣ тянулась переправа, отъ измученныхъ гребцовъ валилъ паръ... Насквозъ пронизывала рѣчная сырость, даже плащъ гуттаперчевый не помогъ, и наконецъ таки промокнулъ,

опабнй я ступилъ на турецкій берегъ, гдѣ тотчасъ же подошелъ до мнѣ солдатъ-турокъ, съ требованіемъ паспорта и всякихъ узаконяющихъ мой переѣздъ документовъ. Здѣсь въ Русукуѣ очень строго слѣдятъ за переправою и переправляющимися: осторожность весьма нелишняя въ это смутное, тревожное время политическихъ *хитросплетеній и недоразумѣній*.

Документы мои были въ порядкѣ, все предусмотрено заранее, а все таки меня окружилъ цѣлый конвой изъ пѣхотинцевъ сирійскихъ батальоновъ, какихъ-то безбородыхъ, безусыхъ мумій въ свѣтло-сѣрыхъ шинеляхъ съ капюшонами, тощихъ тѣломъ, упылыхъ духомъ, ана-

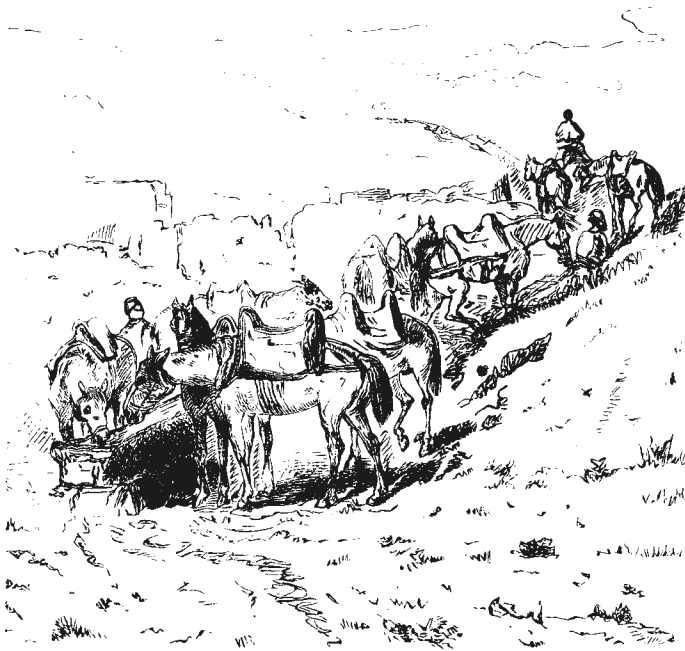

Болгарскій священникъ.

за черту крѣпостного помѣщенія, собственно казенной мѣстности, они отстали, оставивъ меня на попеченіе только одного залтія (жапдарма), одѣтаго въ полуевропейскую форму.

Залтія привелъ меня въ какую-то мечеть, обращенную въ казарму и полицейскій постъ. Здѣсь меня подвергли легкому допросу, еще разъ осмотрѣли документы и заклеили ихъ печатями, затѣмъ я уже былъ совершенно свободенъ, т. е. свободенъ отъ конвоя и присмотра видимаго, невидимый же, тайный присмотръ продолжается обыкновенно во все время пребывания въ Русукуѣ, а особенно такого подозрительнаго иностранца, какъ русскій. Изъ мечети я уже вышелъ одинъ, разспросилъ, гдѣ помѣщается наше консульство; оказалось довольно далеко, я, не теряя времени, отправился по данному указанію.

Узкія, грязныя, дурно мощеныя улицы Русукуа пестрѣли народомъ; на базарной площади, между длинными рядами и лавокъ съ съѣднымъ товаромъ, толпились солдаты, наскоро удовлетворявшіе свой аппетитъ; въ одномъ мѣстѣ толпа окру-

Выючныя лошади у водооя.

Навѣсъ Русскаго Генеральнаго Консула въ Русукуѣ.

тично исполнявшихъ свою скучную караульную обязанность. Тутъ же неподалеку видѣлся и другой караулъ изъ черныхъ, вспомогательныхъ войскъ египетскаго хедива... Непривыкшіе къ суровому климату нубійцы, кутались въ оборванные плащи и глухо ворчали, должно быть ругались, провожая иностранца своими желто-сѣрыми бѣлками глазъ... Стража эта производила пренеприятное впечатлѣніе. Слава Богу, что проводивъ меня

Болгарка.

жила странствующихъ дервишей, пророковъ будущаго, вдохновенно повѣствующихъ всякій вадоръ, собирающихъ въ свои тыквенки мѣдную мелочь... Болгары, которыхъ здѣсь въ Русукуѣ столько-же, сколько и турокъ, если не болѣе, держались больше группами, мирно разговаривая съ турецкими солдатами, обступившими входы ихъ лавокъ; болгарскій попъ, весь въ черномъ, пробирался вдоль стѣны, выбирая дорогу посуше... Черезъ улицу тянулись вереницею выючныя лошади турецкихъ военныхъ транспортовъ—ихъ вели на водоной, къ колодцамъ, расподожженнымъ подъ кручею берега. Скрипя и подпрыгивая на толчкахъ, шагомъ тащились парныя коляски съ дамами, лица которыхъ до самыхъ глазъ закрыты были снизу полупрозрачными вуалями—это мусульманки, вѣроятно имъ очень за-

Турецкія дамы въ выѣздныхъ костюмахъ.

Турокъ-водовозъ и его осель.

видно смотрѣть на веселыя, полныя такія, румяныя лица боегаровъ, которымъ можно вволю кокетничать и блистать своею миловидною наружностью. Обдавая липкою грязью все встрѣчное, не обращая вниманія на неудобства отвратительной дороги, пронеслась болѣе щегольская на видъ коляска, съ двумя пассажирами въ европейскіхъ костюмахъ, на козлахъ этой коляски, рядомъ съ туркомъ кучеромъ, въ пестрой чалмѣ, молодцовато скрестивъ на груди руки, сидѣлъ красивый албанецъ въ своемъ живописномъ костюмѣ, бѣлой фустанеллѣ, красной фескѣ съ длинною золотою кистью, въ каланѣ, блиставшемъ цѣлымъ арсеналомъ оправленнаго въ серебро оружія, и въ красныхъ шитыхъ галуномъ гачахъ—это одинъ изъ кавосовъ русскаго консульства; впоследствии мнѣ не разъ приходилось пользоваться услугами этого кавоса, сопровождавшаго меня во всѣхъ экскурсіяхъ моихъ по городу и его окрестностямъ.

Было уже поздно и начинало замѣтно темнѣть, на вершинахъ минаретовъ, на ихъ балкончикахъ, показались чалмовныя фигуры, послышались протяжныя завыванія, молитвенныя призывы—и унылыми нотами неслись въ воздухъ; ослы водозовъ, навьюченные боченками, вторили этимъ звукамъ отсюда то снизу, изъ темныхъ кривыхъ переулковъ. Въ окнахъ турецкихъ домовъ засвѣтились огни, рѣзкими черными силуэтами обрисовались на красныхъ четверугольничкахъ ихъ желѣзныя рѣшетки... Въ разорванныхъ тучахъ заискрились яркія звѣзды. Къ ночи стало морозить, и не безъ удовольствія, окончивъ представленія и разныя официальности, я пріютился, наконецъ, на отдыхъ, въ уютной комнатѣ зданія нашего консульства.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Первый императоръ изъ дома Габсбурговъ.

Паденіе Гогенштауфеновъ въ половинѣ XIII вѣка совершенно измѣнило жизнь Германіи. императорская власть являлась тѣмъ-то призрачнымъ, а самъ Императоръ былъ игрушкою въ рукахъ германскихъ князей, сплотившихся въ могущественный союзъ, что, однако, не мѣшало имъ постоянно ссориться между собою. Порабощенный народъ вышелъ изъ тернія и поднялся, образовалъ союзы и создалъ вольные города *безъ князей*, вступилъ въ борьбу съ рыцарями-разбойниками и, наконецъ, увидѣлъ, что разрозненность нѣтъ чему не ведетъ. Явилась потребность доставить сильнаго, могущественнаго императора, который могъ бы порѣшить съ произволомъ князей и подтянуть какъ слѣдуетъ слишкомъ разгулявшееся, разнузданное дворянство. Послѣ смерти (1272 г.) Ричарда Корнуэльскаго, который былъ императоромъ *номинально*, народъ выразилъ желаніе имѣть на Германскомъ тронѣ природнаго нѣмца. Избранъ былъ графъ Рудольфъ Габсбургскій, успѣвшій уже прославиться многими рыцарскими подвигами. Онъ, будучи уже 55 лѣтъ, явился спасителемъ разшатаннаго государственнаго зданія.

Онъ не стремился возстановить древнюю имперію, утвердить господство свое въ Римѣ, но заботился о развитіи могущества нѣмецкаго государства, о спокойствіи, порядкѣ и благосостояніи внутри его. Государь этотъ вообще отличался здравымъ умомъ, умѣренностью, любовью къ своему народу, простотою и веселостью нрава и завиднымъ чистосердечіемъ. Часто говаривалъ онъ: „лучше быть хорошимъ правителемъ, чѣмъ храбрымъ завоевателемъ“. Рудольфъ не подражалъ Гогенштауфенамъ, которые любили окружать себя рыцарскимъ блескомъ, и ввелъ при дворѣ своемъ бюргерскую простоту, что было признакомъ новаго времени.

Черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ своего коронованія (въ Ахенѣ, 28 октября 1273 г.) Рудольфъ, удручаемый уже недугомъ старости, отправился лѣтомъ въ 1291 г. съ молодою супругой своею изъ Тюрингена на Рейнъ. (По смерти первой своей жены Анны (1284 г.) императоръ женился на прелестной Изабеллѣ Бургундской, которую называли потомъ императрицей Агнесой, Изабелла сопровождала всюду своего быстро-старѣвшаго мужа и ухаживала за нимъ чрезвычайно заботливо, съ любовью.) Находясь съ нею въ Гермерсгеймѣ (въ Пфальцѣ), однажды, въ ясный июльскій день, императоръ почувствовалъ, что силы его ослабѣваютъ. Призванный врачъ не рѣшился прямо высказать свое мнѣніе о положеніи старика. Спустя нѣкоторое время, Рудольфъ, играя въ шахматы съ женой, снова почувствовалъ, какъ силы его оставляютъ, и велѣлъ позвать доктора. Когда докторъ явился—императоръ попросилъ его быть откровеннымъ, высказаться напрямикъ. Ученый эскулапъ сказалъ престоархому императору, что конецъ его близокъ... Непугавшись нисколько, не потерявъ присутствія духа, Рудольфъ воскликнулъ: „Ну, такъ ѣдемъ въ Шпейеръ, гдѣ покоятся предки мои! Чтoby никому не пришлось везти меня къ нимъ—самъ я поѣду туда“. Сопровождаемый супругою своею, невѣсткою и зятемъ, преданнымъ ему Людвигомъ Баварскимъ, онъ отправился въ Шпейеръ, куда и прибылъ 14 іюля 1291 г., а 15-го на другой день умеръ, сохранивъ до послѣдней минуты сознание и способность владѣть языкомъ. 30-го сентября императоръ былъ похороненъ въ соборѣ, рядомъ съ могилою Филиппа Гогенштауфена. Плита, подъ которой скрыты останки одного изъ лучшихъ германскихъ императоровъ, сохранилась до нашихъ дней.

Политическое обозрѣніе.

Въ концѣ прошлой недѣли самъ европейскій дипломатическій миръ былъ пораженъ тою рѣзкостью и настойчивостью, съ которою Англія требовала демобилизаціи русскихъ войскъ, расположенныхъ на турецкой границѣ. Но потомъ, конечно, въ виду твердости Россіи, рьяные англійскіе министры какъ-то смирились, и это свое смиреніе прикрываютъ весьма властичною фразой, что Россія сдѣлала новыя предложенія, по поводу протокола, и на новыхъ основаніяхъ и т. д.

Становится уже до крайности тяжелою, тяжелою какъ кошмаръ, мысль о продолжающемся европейскомъ доврѣи къ Турціи. Какъ такъ!.. Безнадежный моральный банкротъ, множество разъ не сдержавшій слова, нагло ругающійся надъ общимъ доврѣемъ,—продолжаетъ пользоваться прежнимъ кредитомъ. Можно быть увѣреннымъ, что другому государству, а не Турціи, при подобномъ поведеніи, европейскій ареопагъ не сталъ-бы «словъ гнать по пустому, гдѣ нужно власть употребить». Но Турція—это какой-то пользующійся любовью Европы недоносокъ, уродствомъ котораго какъ будто любятъ. Посмотримъ, молъ, что выйдетъ... не поправится ли? не выработается ли изъ этой уродливой формы что либо оригинальное. Этотъ процессъ переработки уroda въ новую, оригинальную форму стоитъ, правда, цѣлыхъ тысячъ жизней нашихъ братьевъ, плачевнаго разоренія, крови, непрерывно обогряющей Балканскій полуостровъ... Но что значать эти пустяки въ сравненіи съ нѣжными ожиданіями: что-то выйдетъ изъ возрождающейся Турціи?

Открывшіяся недавно засѣданія турецкаго парламента представляють собою столько оригинальнаго. Нашлись остряки, которые назвали турецкій парламентъ «вавилонскимъ столпотвореніемъ» и смѣшеніемъ языковъ. Какіхъ рѣчей не слышится на этомъ пестромъ восточномъ базарѣ! Толкуютъ здѣсь и шумятъ и евреи, и армяне, и греки, и марониты, и друзы. Это настоящій спектакль въ восточномъ вкусѣ, и Европа теперь убѣдится, что турецкій парламентъ удовлетворитъ требованія парадности и фантастичности восточнаго спектакля, но—и только,—неболѣе!...

Между тѣмъ, какъ турецкая говорильня шумитъ и кричитъ на множествѣ языковъ и нарѣчій о конституціонныхъ вопро-

сахъ, турецкія вооруженныя банды продолжаютъ практиковать рѣзню въ западной части Балканскаго полуострова. Такъ, недавно, отрядъ турокъ, числомъ приблизительно въ 1000 человекъ, напалъ на село Ациево и сталъ *рѣзать* его жителей, но былъ, однако, отброшенъ инсургентами, при чемъ турки понесли значительныя потери. По послѣднимъ извѣстіямъ, возстаніе въ Босніи неизбежно должно принять большіе и большіе размѣры, въ виду варварства турокъ.

Затѣмъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ окрестностяхъ Ваши турки нарушили неприкосновенность сербскихъ границъ. Вашибузки, предаваясь грабежу, убили на сербской территоріи 14 поселянъ. Недавно деревня Зиновія была обстрѣливаема со стороны Дрины...

Въ Сербіи обнаруживается недовольство по поводу укравшихся на сербской территоріи бгледовъ изъ Босніи, которыхъ населеніе встрѣчаетъ враждебно. Очевидно, что «умиротворенная» Сербія не можетъ остаться изолированной отъ вновь угрожающей разразиться вокругъ нея еще болѣе грозной бури возстанія.

Черногорскій князь Николай уже общалъ одной боснійской депутаціи принять на себя руководство возстаніемъ въ Босніи, если только мирные переговоры съ Портою окажутся безуспѣшными. По послѣднимъ извѣстіямъ, черногорскіе делегаты еще не получили приказанія выѣхать изъ Константинополя, но, въ то же время, имъ не дано и уполномочія на уменьшеніе предъявленныхъ Портѣ со стороны Черногоріи условій.

Что касается послѣднихъ извѣстій относительно судьбы лондонскаго протокола, то они не принесли намъ ничего особеннаго, кромѣ общей фразы, что «между великими державами продолжаютъ переговоры о восточной политикѣ и относительно протокола». Самый текстъ протокола еще не вполне установленъ, и главный вопросъ, обсуждаемый нынѣ, состоитъ въ томъ, на *какихъ условіяхъ* долженъ быть подписанъ протоколъ. Уже послѣ 16 (28) марта члены англійскаго кабинета собирались для обсужденія упомянутыхъ нами выше *новыхъ* предложеній Россіи, касающихся протокола. Англійскія газеты выражаютъ убѣжденіе, что Россія, очевидно, желаетъ *удовлетворить* желаніямъ Ан-

глии (!). Это уж очевидное хвастовство той категории английской прессы, къ которой принадлежит, напримеръ, «Daily Telegraph». Странно, почему это вдругъ Англія дѣлается, ни съ того, ни съ сего, рѣшительницею судьбы восточныхъ христіанъ?

Теперь послѣдуетъ, однакожъ, нѣкоторый перерывъ въ парламентскихъ обсужденіяхъ, потому что, вѣроятно, по случаю праздниковъ, Палата Общинъ отерочила свои засѣданія до 5 апрѣля, а Палата Лордовъ до 13 апрѣля. Что сдѣлаютъ британскіе парламентареры во время пасхальныхъ вакацій по обсужденію восточнаго вопроса—трудно предсказать заранее. Впрочемъ, англійскій канцлеръ казначейства, серъ Стратфордъ Норкотъ, сдѣлалъ въ Палатѣ Общинъ официальное заявленіе, что послѣ Пасхи онъ «надѣется представить Палатѣ удовлетворительное сообщеніе по восточному вопросу» Итакъ подождемъ—что рѣшатъ британскіе мудрецы послѣ пасхальныхъ вакацій.

Настоящій центр тяжести въ этихъ несогласныхъ между собою извѣстіяхъ найти пока довольно трудно. Ясно только одно: Россія, своею твердостью при обсужденіи редакціи протокола, достигла несомнѣннаго успѣха. Еслибы это было не такъ, Англіи не было бы ни причины, ни повода возобновлять сужденій о протоколѣ на новыхъ основаніяхъ.

— Черногорскій военный министръ, воевода Пламенацъ, на дняхъ послѣднее выхаживъ изъ Венеціи въ Черногорію, куда былъ вызванъ телеграммою князя Николая.

Извѣстно, что нашъ посолъ, генералъ Игнатьевъ былъ проездомъ изъ Лондона въ Вѣну, но причины его поѣздки въ Вѣну и результаты его свиданія съ австрійскимъ императоромъ пока остаются въ тайнѣ.

— Изъ Америки пишутъ, что новый президентъ Гейсъ выказываетъ въ своихъ дѣйствіяхъ характеръ благоразумной осторожности и осмотрительности. Такъ онъ поступилъ, напримеръ, въ вопросѣ, касающемся вывода войскъ изъ Южной Ка-

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Офицеръ. Я вижу, ты пьянъ: идемъ и шатаемся во всѣ стороны.
Матросъ. Лавирую, ваше благородіе...
Офицеръ. Смотри на мель не попадай!
Матросъ. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Если опасность случится—на всѣ четыре якоря втану.
Барыня. Отпусти его поскорѣе, а то онъ пожалуй въ своей терминологіи тебя гротъ-мачтой назоветъ.

роины и Луизианы. Президентъ убѣждали рѣшить этотъ вопросъ немедленно, но онъ отказался высказать свое рѣшеніе безъ обстоятельнаго и подробнаго совѣщанія кабинета. Притомъ для этого были назначены чрезвычайныя засѣданія.

Затѣмъ Гейса убѣждаютъ прозвѣсти нѣкоторые пресмычки въ дипломатическомъ персоналѣ, но и въ этомъ вопросѣ Гейсъ не намѣренъ прибѣгать къ быстрымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ.

— Изъ Рима сообщаютъ, что въ тамошней Палатѣ Депутатовъ начались пренія, по предложенію правительства, о назначеніи экстраординарнаго расхода въ 15,000,000 лиръ на военныя издержки. Италия, очевидно, вооружается, но для какой цѣли—покажетъ будущее.

«Непогрѣшимый Папа», говорятъ, очень боленъ и на выздоровленіе его, будто бы, нѣтъ надежды.

— Въ Болгаріи положеніе тамошнихъ христіанъ, да и вообще христіанъ Турціи, со времени провозглашенія конституціи, становится все болѣе и болѣе невыносимымъ, вслѣдствіе часто возобновляющихся безчинствъ, насилій, разбоя, грабежа и убійствъ со стороны «правовѣрныхъ».

Мысли замѣчательныхъ людей.

Монтень пишетъ, что только дуракъ всегда говоритъ: знаю.

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ (Макіавель).

Все, что превышаетъ геометрію—превышаетъ насъ (Паскаль).

СОДЕРЖАНІЕ. Два корифея науки (съ 2-мя портретами).—Литературный альбомъ «Милоссъ». Разсказъ Бретъ-Гарта Л. (съ рисункомъ).—Въ альбомѣ В. Н. П. П.—въ стихот.—Спутникъ солнца Перъ— (съ рис.).—Милена (разсказъ изъ прошлагодной жизни въ Сербіи). (Продолженіе).—Отъ Бухареста до Рушнуа иллюстрированная корреспонденція «Нивы» (съ тринадцатю рисунками) Н. Каразина.—Первый императоръ изъ дома Габсбурговъ (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Юмористическіе очерки (съ рис.).—Мысли замѣчательныхъ людей.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для воспоминанія грудныхъ дѣтей.
Цѣна жестянки 1 р. безъ пересылки, въсь 1 1/4 ф.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Заиковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отъчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНИЙ ПУГМШЕЛЬ и ПОДНИСЬ

Александръ Венцель, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи. № 2. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Вено (Швейцарія). 26—18

НОВАЯ КНИГА
РАЗСКАЗЫ ПРО ПЕТРА ВѢЛИКАГО И ЕГО ВРЕМЯ.
Соч. А. Петрушевскаго, автора Разсказовъ про старое время на Руси, п. 40 к. на веленовой бумагѣ 75 в. Продается: въ Петербургѣ у Д. Ф. Федорова (Апраксинъ дворъ, каменный корпусъ, № 12), въ Москвѣ у Ф. И. Салаева (Мясницкая, д. кв. Гагариной), а также у прочихъ книгопродавцевъ.

2—2
ИЗЪ БУМАГИ
и изъ бумаги крытой полотномъ зоротины, манжины и манжеты. Дешевле стирки. Высылаютъ (по мѣрѣ) не менѣе чѣмъ на 5 руб. Въ депю амер. бумажнаго бѣльа, поль фирмой „Городъ Нюрнбергъ“ въ старомъ Газетномъ пер. домъ Шаховскаго въ Москвѣ. Тутъ же ЦѢПЮЧКИ накладнаго волоса и чрезъ огонь золоченныя единственныя нечернѣющія, короткія отъ 2-хъ до 6-ти руб., шейныя отъ 4-хъ до 7-ми р., и отъ 30 коп.

до 1 р. 50к. пара запонокъ съ пружиною, чрезвычайно удобныя и не портища бѣльа

СВѢЖІЯ СЪМЕНА
Огородныя, хлѣбныя, травяныя, цвѣточныя и древесныя имѣютъ честь предложить съменной торговлѣ А. УШАКОВА въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1.
Подробный прейсъ-курантъ на русскою и нѣмецкомъ языкахъ раздается и высылается по требованію безплатно. 8—2

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимирская, № 8,
ПРОТИВЪ ОРЕХАННОЙ.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
Товарищество Чекберсъ и Ко.

РУССКАЯ ВОРОЖЕНА.
Новое гаданіе, забава для всѣхъ возрастовъ. 86 вырочекъ. 73 хромотографированныя картинки съ расушковъ профессора Лагорио, выполнены на камняхъ художникомъ Лебедевымъ. 188 отгадковъ пословицами. Цѣна 1 р. съ пересылкою 1 р. 80 к. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, преимущественно въ Гостиномъ дворѣ, у Колосова и Михлина, Исмакова, Батанаша, Курчатовыхъ и др. Главныя склады у издателя: на Фонтанкѣ, у Аничкина моста, въ домѣ № 54, кв. № 15. 1—1

ВЪ НЕВСКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ
С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 5 линія, домъ № 6.
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:
Отто Уле. Почему и потому. Вопросы и отгадки изъ вѣзвѣстныхъ отдаловъ физики. Для учителей и учащихся, въ школѣ и дома съ 110 рис. перес. съ 3 измѣн. изд. СПб. 77 г. ц. 1 р. съ пер. Весинъ, С. Собраніе томъ и плановъ для сочиненій, составл. по програмѣ среднихъ учебн. заведеній 2 издан. СПб. 76 г. ц. 75 к. съ перес. 1 р. Требуванія многолюдныхъ на всѣ публикуемыя книги исполняются немедленно.

Уходъ за здоровыми и болѣлыми дѣтьми М. Сивтѣева. Книга для матерей и воспитательницъ. Цѣна 1 р. 50 к. У книгопродавцевъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ у Соловьева. Складъ въ квартирѣ автора Максимовъ-Яковскій пер. д. Вороняна № 1—13 кв. № 48. Книгопродавцамъ уступка. Пересылка 2 фунта по расушковъ. 3—8

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 14 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдавъ 4 Апрелья 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

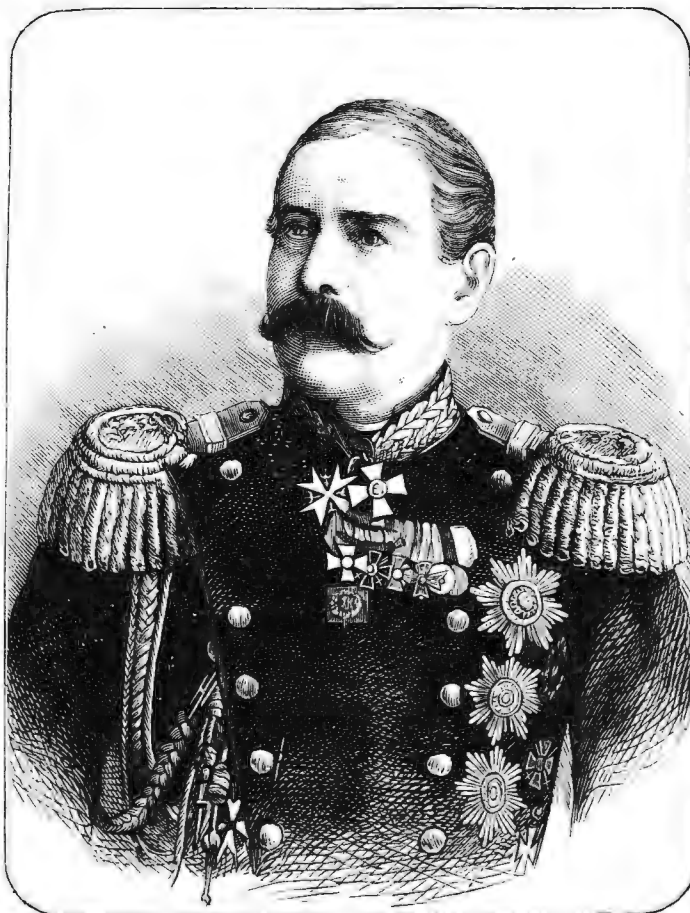
I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	4 р.	III БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ чрезъ книжные магазины Г. Гр. Соловьева, А. Ланца и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВЪ МОСКВУ и во съ другія города и мѣста или Имперіи	5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе въ 1877 г. номера „Нивы“.

При этомъ № прилагаются: «Парижскія Моды» за АПРѢЛЬ съ 34 рисунками, большой листъ съ 23 чертежами
выкроекъ въ натуральную величину и съ 33 рисунками разнообразныхъ буквъ для мѣтки бѣлья.

Э. И. Тотлебенъ.

Эдуардъ Ивановичъ, сынъ купца, родился въ Митавѣ 8 мая 1818 года и, окончивъ курсъ наукъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, началъ службу въ чинѣ поручика въ Рижской инженерной командѣ. Переведенный вскорѣ въ гвардейскій саперный батальонъ, онъ уже тамъ успѣлъ обратить на себя вниманіе своими практическими занятіями, но дѣятельно боевая и кипучая дѣятельность началась для него съ 1848 года на Кавказѣ. Находясь при Дагестанскомъ отрядѣ, онъ много разъ имѣлъ случай выказать свои военные способности и за дѣло при аулѣ Гергебилъ былъ награжденъ чиномъ капитана, за отличіе при бомбардировкѣ аула Чоха пожалованъ золотой полусаблей, а за штурмъ Максиминскихъ заваловъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ. Въ 1850 году онъ вступаетъ на службу во 2 саперный батальонъ, подъ руководство талантливаго Шильдера и дѣлается его любимымъ адъютантомъ. Въ началѣ восточной войны 1854 года, Шильдеръ, уѣзжая на Дунай, беретъ его съ собою. Эдуардъ Ивановичъ становится самымъ ревностнымъ исполнителемъ всѣхъ его распоряженій и плановъ, какъ извѣстно отличавшихся иногда необычайною смѣлостью. Здѣсь Эдуардъ Ивановичъ принималъ самое

Генераль-Адъютантъ, Инженеръ Генераль и Товарищъ Е. И. Высочества
Генераль Инспектора по Инженерной части, Э. И. Тотлебенъ.
Грав. съ фотогр. К. Вейерманъ.

дѣятельное участие во всѣхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ на Дунаѣ, при Силистріи, при Туртукаѣ и Калифатѣ. Трудился онъ надъ наведеніемъ моста съ острова *Томано* на правый берегъ Дуная, состоялъ траншей-майоромъ при осадѣ Силистріи, а въ послѣдствіи завѣдывалъ осадными работами лѣваго фланга и центра и, сверхъ того производствомъ всѣхъ минъ. 3-го августа 1854 г. Эдуардъ Ивановичъ командированъ былъ княземъ Горчаковымъ въ Крымъ и вскорѣ приобрѣлъ полное довѣріе и уваженіе своего новаго начальника, князя Меншикова, который на первыхъ же порахъ оцѣнилъ его любознательность, серьезныя знанія и любовь къ инженерному дѣлу. Неприятельскій флотъ съ десантомъ тогда еще не появлялся въ виду Севастополя, но тѣмъ не менѣе оборонительная линія была уже сомнута и вооружена, а Тотлебену удалось закончить эти укрѣпленія, придать имъ такой грозный видъ, что союзники, высадивъ на берегъ, не рѣшились атаковать ихъ немедленно, а предпочли начать правильную осаду. Съ этой минуты Эдуардъ Ивановичъ отдалъ всецѣло все свои дни и ночи великому дѣлу обороны. Даже ночныя вылазки производились подъ его наблюдениемъ и подъ его же надзоромъ размѣщались передовые пикеты. Онъ же от-

крыль копоть-минные работы и велъ ихъ безостановочно до конца осады, надѣлавъ ими много вреда и хлопотъ союзникамъ. Въ то же время на него была возложена постройка многихъ редутовъ и батарей и только отчаянность борьбы на жизнь и на смерть могла дать человѣку силы выносить на себѣ всю тяжесть непрерывныхъ трудовъ и подвиговъ. Но заслуги Эдуарда Ивановича не остались безъ справедливой оцѣнки, и Государь, узнавъ о нихъ, наградилъ его истинно по-царски: такъ, въ маѣ 1855 г. Тотлебенъ за отличіе произведенъ былъ въ генераль-майоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, и за необыкновенныя воинскія заслуги, оказанныя при оборонѣ Севастополя, Высочайше было повелѣно начертать имя его на мраморной доскѣ Николаевскаго инженернаго училища. Кромѣ того, въ концѣ осады Тотлебенъ получилъ орденъ св. Георгія 3 класса и затѣмъ велѣно ему отпускать въ теченіе 12 лѣтъ вмѣсто аренды по 1000 рублей въ годъ.

Эдуардъ Ивановичъ оставался до конца осады вѣренъ свое-

му посту и не обращая вниманія на глубокую рану правой ноги, прострѣленной штуцерной пулей, по прежнему распоряжался оборонительными работами до самаго отступленія нашихъ войскъ на сѣверную сторону, т. е. до 28 августа 1855 г. Пожалованный въ званіе генераль-адъютанта, Тотлебенъ въ ноябрѣ того же года былъ назначенъ помощникомъ, а съ 1863 года товарищемъ Е. И. Высочества генераль-инспектора по инженерной части. Въ мирное время Эдуардъ Ивановичъ не покидалъ любимыхъ своихъ занятій и нѣсколько разъ ѣздилъ за границу, чтобы ознакомиться съ иностранными фортификационными работами. Въ этотъ же періодъ времени вышло въ свѣтъ его замѣчательное сочиненіе: „Описаніе обороны Севастополя“ съ атласомъ объяснительныхъ чертежей. Нынѣ Эдуардъ Ивановичъ опять на столь знакомыхъ ему берегахъ Чернаго моря и нѣтъ сомнѣнія, что его талантливость и опытность въ сооруженіи укрѣпленій могутъ обезопасить города нашего южнаго побережья отъ внезапнаго нападенія непріятеля и заставить его держаться отъ нихъ въ почтительномъ отдаленіи.

ВАЛТАСАРЬ.

(Изъ Гейне).

Въ безмолвіе ночи и мглу погружонъ,
Ужъ сномъ безмятежнымъ почилъ Вавилонъ;
Но все не стихають въ чертогахъ владыки
Наперсниковъ царскихъ веселые клики.

Огнями чертогъ исполнискій залитъ:
Въ вѣнцѣ и порфирѣ владыка сидитъ,

Вокругъ, за бокаломъ бокалъ осушая,
Ликуютъ клеветовъ толпа золотая.

Ликуютъ клеветы, бокалы звенять.
Блуждаетъ царя упоеннаго взглядъ;

Но вотъ встрепенулся онъ, вспыхнуло око —
И нагло, чело поднимая высоко,

Безумецъ въ порывѣ отгаки слѣпой
Егову поноситъ презрѣнной худой.

Пылаютъ ланиты и сердце трепещеть,
Онъ мечеть проклятя—толпа рукоплещеть...

И вдругъ онъ рабу приказаніе далъ:
И быстро исчезъ рабъ, и въ праздничный залъ

Принесъ драгоценные кубки литые—
Изъ храма Салима сосуды святыя!

Тогда Валтасаръ, дерзновенной рукой
Схвативъ освещенный фіалъ золотой,

Наполнилъ его искрометною влагой,
До дна осушилъ и вослякнулъ съ отгагой:

„Егова! Я власти не знаю твоей,
Я царь Вавилона, я царь всѣхъ царей!“

Сказаль—зашатался, и въ ужасѣ дикомъ
Сосудъ драгоценный онъ выронилъ съ крикомъ...

Смѣшались безбожники, въ сомнѣнцѣ ихъ
Кошунственный хохотъ мгновенно затихъ,

И видятъ развратные слуги Ваала:
Рука передъ ними, рука засяла—

И пишеть, и пишеть на бѣлой стѣнѣ,
И буквы встають и сверкають въ огнѣ!

Глядѣлъ нечестивецъ—и облакомъ тѣни
Чело одѣвалось, дрожали колѣни;

Клеветовъ уста шевелились безъ словъ,
И лица мертвѣли, и стынула кровь.

Волхвы собралися; по грознымъ строки
Прочеть не могли Вавилона пророки...

Когда-жъ занялася на небѣ заря,
Проснулась измѣна—не стало царя.

Ивановъ.

ГОСПОЖА МАРКИЗА.

(Новелла Поля Гейзе).

I.

На живописномъ восточномъ берегу Лигурійскаго моря, почти на полу-дорогѣ отъ Генуи къ Ла-Специи, находится довольно крутой мысъ, украшенный великолѣпными пиніями, красиво отражающимися въ голубой водѣ. Въ былыя времена кто-бы ни проѣзжалъ по этой дорогѣ непременно посѣщалъ мысъ, такъ какъ сами „веттурини“ постоянно останавливались тутъ, чтобы дать отдохнуть и пассажирамъ, и своимъ лошадамъ; нѣрѣдко здѣсь и заночевывали. Мысъ не былъ пустыннымъ мѣстомъ: тутъ, между двумя широкими бухтами, и частью на долигѣ, раскинулся городокъ. Обыватели этого уголка—моряки и прочій бѣдный людъ. Путешественникъ, застрявшій такимъ образомъ на мысѣ, отправлялся прогуляться и взбирался по мощнымъ проулкамъ къ виллѣ маркиза Піума, бродилъ тамъ по длиннымъ садовымъ аллеямъ, доходилъ до холма, поросшаго пиніями, алоэмъ и тамарискомъ, и наслаждался съ этого пункта невыразимо-прелестнымъ видомъ на море. Затѣмъ шелъ онъ мимо старинной крѣпости и кладбища къ спуску по другую сторону холма, гдѣ на склонѣ горы выглядывалъ изъ листвы кипарисовъ и оливъ древній калупинскій монастырь. А тамъ, внизу, на берегу морскомъ, видѣлись ветхая церковь и красная стѣна приюта, да группа бѣлыхъ домиковъ мѣстечка Сестри, и все это въ обратномъ видѣ едва замѣтно колебалось на спокойной глади моря.

Но съ тѣхъ поръ, какъ вдалѣ этого знаменитаго „ривьера ди Леванте“ легъ рельсовый путь, съ тѣхъ поръ, какъ путешественники, пролетая черезъ десятки тоннелей, видятъ мелькомъ извилистый берегъ, бѣлые домики городковъ, да вѣковые замки—мысль Сестри запустился и заглохъ. Суетливые, вѣчно куда-то торопящиеся нынѣшніе туристы, желающіе изучить Италию „въ пятьдесятъ дней“, едва-ли имѣютъ время достаточно ознакомиться съ „главными“, по ихъ мнѣнію, пунктами этой страны. Только тѣ, которые въ доброе, старое время, „время веттури-

новъ“, побывали на этомъ берегу и сохранили въ душѣ сладкое о немъ воспоминаніе, останавливаются еще здѣсь, чтобы освѣжить сердце, отдохнуть и припомнить былое... Но *такихъ* проѣзжающихъ немного—и вотъ хозяинъ гостиницы „Европы“, стоящей на плоскомъ каменистомъ берегу моря, еле сводитъ концы съ концами... Да, тутъ надъ всѣмъ носится духъ запустѣнія и близкаго разрушенія!.. И только пара высокихъ померанцевыхъ деревьевъ во дворѣ, у воротъ гостиницы, деревцевъ, усыпанныхъ цвѣтами и плодами, представляетъ рѣзкій контрастъ со всѣмъ окружающимъ: эта неподдѣльная свѣжесть, роскошь какъ-бы молча протестуютъ противъ печальнаго упадка жизненныхъ силъ во всемъ остальномъ.

Уголокъ этотъ, съ которымъ связаны юношескія мои воспоминанія, манилъ меня къ себѣ именно уединенностью своею. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я, утомленный, полуразбитый, бѣжалъ на югъ и кое-какъ отдышался здѣсь... А все-таки мною овладѣло какое-то тоскливое чувство, когда я опять входилъ во дворъ старой гостиницы,—тишина царила тутъ; не раздавался стукъ лошадиныхъ копытъ, не было суеятщихся веттуриновъ и бѣгающихъ кельнеровъ...

Хозяйка, въ одной рубашкѣ и заплатанной юбкѣ, сидѣла на каменномъ крыльцѣ и чистила артишоки; хозяинъ, на которомъ были черный суконный скюртукъ и шляпа-цилиндръ, засунувъ руки въ карманы панталонъ, рассказывалъ въ тѣни, около стѣны дома, о чѣмъ-то разговоривая съ художавымъ патеромъ. Лицо хозяина было сумрачно и онъ сильно жестикулировалъ. Третій мужчина, безъ скюртука, но въ жилеткѣ (я не сразу узналъ въ немъ оберъ-кельнера), лежалъ тутъ-же на брюхѣ, грѣясь на солнышкѣ; пара полуголыхъ рябятишекъ, дѣтей хозяина, кувырчалась чрезъ него. Четвертое лицо находилось за желѣзной, закопченной рѣшеткой окна въ нижнемъ этажѣ, гдѣ была кухня; лицо это принадлежало толстой фигурѣ, облеченной въ куртку (когда-то бѣлую) и украшенной поварскимъ

колпакомъ. Человѣкъ этотъ сладко спалъ; по его широкой, красной физиономіи разгуливала куча мухъ, что нисколько не тревожило спавшаго.

Когда я сообщилъ о намѣреніи своемъ пробыть здѣсь нѣсколько дней,—всѣ, кромѣ повара, вытаращили на меня глаза, какъ-бы на вѣкое чудовище, только-что выброшенное волной на берегъ. Хозяинъ оказалъ мнѣ честь, самолично проводивъ меня въ гостиницу и показавъ всѣ комнаты обоихъ этажей. Онъ отворялъ ставни, покрытые пылью и паутиною, и, горько проклиная новое время, забросившее это Сестри, предложилъ выбрать любой изъ тридцати незанятыхъ номеровъ.

Я выбралъ большую угловую комнату, изъ оконъ которой можно было владеть налюбоваться моремъ. Стекляная дверь, незапертая на замокъ, вела на галерею и на дворъ, гдѣ „протестовали“ помянутыя померанцевыя деревья.

И вотъ тутъ, наслаждаясь полнымъ покоемъ, провелъ я восемь дней. Хозяева были добродушные люди,—какихъ въ Италіи много; добродушіе ихъ не замедлятъ обнаружиться, если вы захотите посочувствовать имъ. Съ хозяиномъ я нѣсколько разъ и подробно обсуждалъ проектъ его относительно передвижки „Европы“ въ отель собственно для приѣзжающихъ англичанъ, которые „занимаются курсовымъ купаньемъ“, ловлею рыбы и рисованіемъ алмазными красками. Агостино (Августинъ), оберъ-кельнеръ, также сообщилъ мнѣ свои планы касательно поиска въ Генуѣ или Миланѣ такой арены дѣятельности, которая соответствовала-бы его талантамъ; съ этою дѣлью онъ давно уже втихомолку зубрилъ французскую грамматику. Поваръ тоже сталъ моимъ другомъ и именно съ тѣхъ поръ, какъ я расхвалилъ изготовленное имъ *fritto misto*.

Когда дневной жаръ спадалъ, отправлялся я вдоль морского побережья, проходилъ мимо рабочихъ, бодро свивавшихъ веревки, и женщинъ, которыя трудились надъ плетеніемъ сѣтей, потомъ поварачивалъ въ главную улицу и заходилъ въ единственное, невыразимо убогое кафе, чтобы прочесть тамъ № „*Oripione*“. Оставивъ газету, я подымался къ калуццискому монастырю, гдѣ, не смотря на присущій монахамъ запахъ нюхательнаго табаку и луку, дѣльные часы проводилъ въ бесѣдѣ съ длиннородными старцами, позабытыми міромъ. Старцы эти довольно печально доживали свои дни... Главная часть монастыря была отдана подъ школу. Кельи, съ ветхими стѣнами, конечно, не исправлялись и имѣли видъ нежилыя.

Возвратившись вечеромъ на берегъ, когда уже золотисто-красная луна какъ-то грозно всплывала надъ горизонтомъ, усаживался я на скамьѣ у подошвы скалы и глядѣлъ какъ школьники, снимавъ свои полотняныя рубашонки и штанишки, бросались, подобно кучѣ блестящихъ лягушекъ, въ черно-синія волны моря. Мальчуганы болѣе рослые учили прочую мелюзгу плавать и нырять. Легучія мыши такъ и носились надъ дѣтскими головками... Вдали блѣлъ одинокій парусъ; острый запахъ морской травы, дѣтца и рыбы обдавалъ меня, и только при свѣжель вѣтеркѣ, ободрявшемъ усталое тѣло, ароматы эти исчезали.

Хорошо было въ эти вечера, такъ тихо—хорошо!.. Будеть-ли такъ и тогда, когда послѣдній изъ суровыхъ калуцциновъ успокоится на вѣки подъ тѣнью кипарисовъ, когда на кроватяхъ отеля „Европы“ уже не будетъ тюфяковъ, набитыхъ осокою, и когда новый Агостино, не въ жилеткѣ, а въ черномъ фракѣ, будетъ подавать на столъ *fritto misto*?

Въ послѣдній изъ этихъ незабвенныхъ для меня восьми вечеровъ какое-то неясное, грустное чувство заставило меня отправиться не къ морской бухтѣ и не къ монастырю, а въ самый городокъ. Пройдя его, я очутился на равнинѣ, по которой пролегла прямая какъ стрѣла пыльная шоссевая дорога. Юньское солнце давно уже скрылось, но небо было еще такъ ярко, что напоминало до-бѣла раскаленную сталь. Воздухъ былъ настолько прозраченъ, что позволялъ хорошо разглядѣть (на разстояніи полу-версты), людей вышедшихъ на балконы и крыши своихъ загородныхъ домиковъ, чтобы подышать вечернею свѣжестью.

По обѣимъ сторонамъ шоссе стояли простенькіе домики, по между ними мѣстами красовались виллы съ пестро-раскрашенными фасадами. Эти изящные балкончики, хорошенкія колонки указывали на большее благосостояніе ихъ хозяевъ сравнительно съ прочими здѣшними обывателями. Но тутъ въ этотъ вечеръ царилъ кругомъ мертвая тишина и, казалось, въ домикахъ этихъ все вымерло: оконныя завѣски, не смотря на вечернюю прохладу, вездѣ были спущены, оконныя заперты, садовыя калитки затворены. Всѣ эти жилища принадлежали болѣею частью лицамъ, обитающимъ въ Генуѣ, которыя, благодаря хорошимъ путямъ сообщенія, рѣдко проводили здѣсь жаркое лѣтнее время и если паѣзжали сюда, то лишь осенью, на одинъ мѣсяцъ, чтобы пользоваться морскими купальнями,—такимъ образомъ въ продолженіи почти всего года объ этихъ домикахъ заботились единственно арендаторы. Но эти господа больше думали о виноградникахъ, да о персиковыхъ и апельсиновыхъ деревьяхъ, доставлявшихъ имъ доходъ, поэтому самыя домики и цвѣтники пребывали въ запустѣніи. Впрочемъ, еслибы о нихъ и заботились, то, все-равно, заботы пропали-бы даромъ: густая облака пыли съ большой и довольно оживленной шоссевой дороги безпрепятственно перелетали черезъ садовыя о-

рады и ложились толстымъ желтоватымъ слоемъ на все, что было имъ на пути; пыль душила всякую зелень, убивала молодые побѣги растений. Отъ такой монотонной невеселой картины поневолѣ отвернешься и станешь смотрѣть на далекіе холмы, на которыхъ среди оливковыхъ лѣсовъ привѣтливо блѣдуютъ домики; вонъ изъ трубъ этихъ блѣдныхъ строеній выются тонкія струйки серебристо-сѣраго дыма... Хороши темные кипарисы на фонѣ блѣдно-зеленой ливы оливы!.. Глазъ отдыхаетъ на такомъ пейзажѣ.

А я все-таки шелъ впередъ по пыльному шоссе, мимо молчаливыхъ жилищъ, все дальше и дальше уходя отъ морского берега... Зачѣмъ?.. На этотъ вопросъ я бы затруднился дать опредѣленный отвѣтъ. Поровнявшись съ желѣзными рѣшетчатыми воротами (одна половинка ихъ была отворена), я вдругъ остановился даже воскликнуть отъ радостнаго удивленія, какъ восклицаетъ странникъ, за видѣвшій въ несчастной пустынѣ зеленый оазисъ.

Вилла, стоявшая въ тридцати шагахъ отъ этихъ воротъ, средне сада, по наружному виду своему почти не отличалась отъ другихъ господскихъ дачъ: стѣны ея были выкрашены темно-красною краскою и разрисованы гирляндами изъ раковинъ и какихъ-то плодовъ, а надъ оконными косяками красовались барельефные алурчички съ полинявшими розовыми крылышками. Всѣ оконныя верхняго этажа, а также и дверь на балконъ были отворены. Такъ какъ въ комнатахъ этой виллы горѣли свѣчи, то я могъ видѣть отчасти обстановку самаго жилья; легкія бѣлыя завѣски на окнахъ (онѣ не совсѣмъ были опущены) слегка волновались при вѣяніи вечерняго вѣтерка. Но что меня особенно прельстило, такъ это роскошный свѣженькій садикъ, который какъ будто чудомъ устоялъ противъ пыли и солнечнаго жара. Изгороди изъ миртъ и лавровыхъ кустовъ, между которыми цвѣли великолѣпныя желтыя и алтыя розы въ перемежку съ ярко-красными гранатами, блестяли какъ-бы послѣ обильной росы, и даже мелкіе листочки двухъ молодыхъ кипарисовъ, стоявшихъ словно на стражѣ у входа въ домъ, были такъ свѣжи и зелены, какъ будто ихъ только что пересадили сюда изъ теплицы.

Мнѣ не пришлось долго раздумывать надъ этимъ явленіемъ, ибо я увидѣлъ доловязога парня, на видъ довольно страннаго, который тащилъ на коромыслѣ пару огромныхъ леекъ. Не удостоивая меня ни однимъ взглядомъ изъ подъ густыхъ своихъ рѣсницъ, онъ старательно принялся поливать кусты и кустики садика. Работу эту парень совершилъ одною лѣвкою рукой; правая, отрѣзанная по локотъ, болталась около его груди. Этимъ валькообразнымъ остаткомъ руки онъ по временамъ быстро смахивалъ потъ со лба (движеніе это было немного комично), причѣмъ его огромная шляпа изъ грубой мансовой соломы то съѣзжала на затылокъ, то надвигалась на носъ.

Хотя физиономія этого человѣка не обнаруживала любезности,—я все-таки рѣшилъ обратиться къ нему съ вопросомъ: кому принадлежатъ эта вилла и райскій садикъ? и уже открывъ ротъ, какъ вдругъ съ темнаго порога балкона раздался голосъ:

— Да войдите съ Богомъ! Милости просимъ, коли вамъ это доставитъ удовольствие. Войдете и можете садъ осмотрѣть въ лучшемъ видѣ... ужъ такого другого не увидишь! И садовника-то, какъ нашъ Джаннико,—тоже ищи—не сыщешь. Онъ растенія свои такъ ужъ поитъ, какъ словно мать новорожденнаго!.. Господа-то, которыхъ мы ждемъ, вѣрно ужъ не пріѣдутъ сегодня: послѣдній поѣздъ прошелъ... Ну, конечно, и такъ можетъ быть, что дочери моей, госпожѣ маркизѣ, угодно было отправиться сюда въ экипажѣ, да нѣтъ,—все равно ужь поздно! И она увидела-бы меня, еслибы имѣла намѣреніе пріѣхать ночью. А что-жъ, еслибы и пріѣхала? Знатная дама, сударь мой, никогда не затруднится принять гостя. Она вѣрно не разсердилась-бы, заставъ васъ здѣсь, тѣмъ болѣе—вы имѣете видъ пастоящаго *dalantuomo*, умѣете цѣнить прекрасное и окажете нашему саду честь, какаю ему подобаетъ.

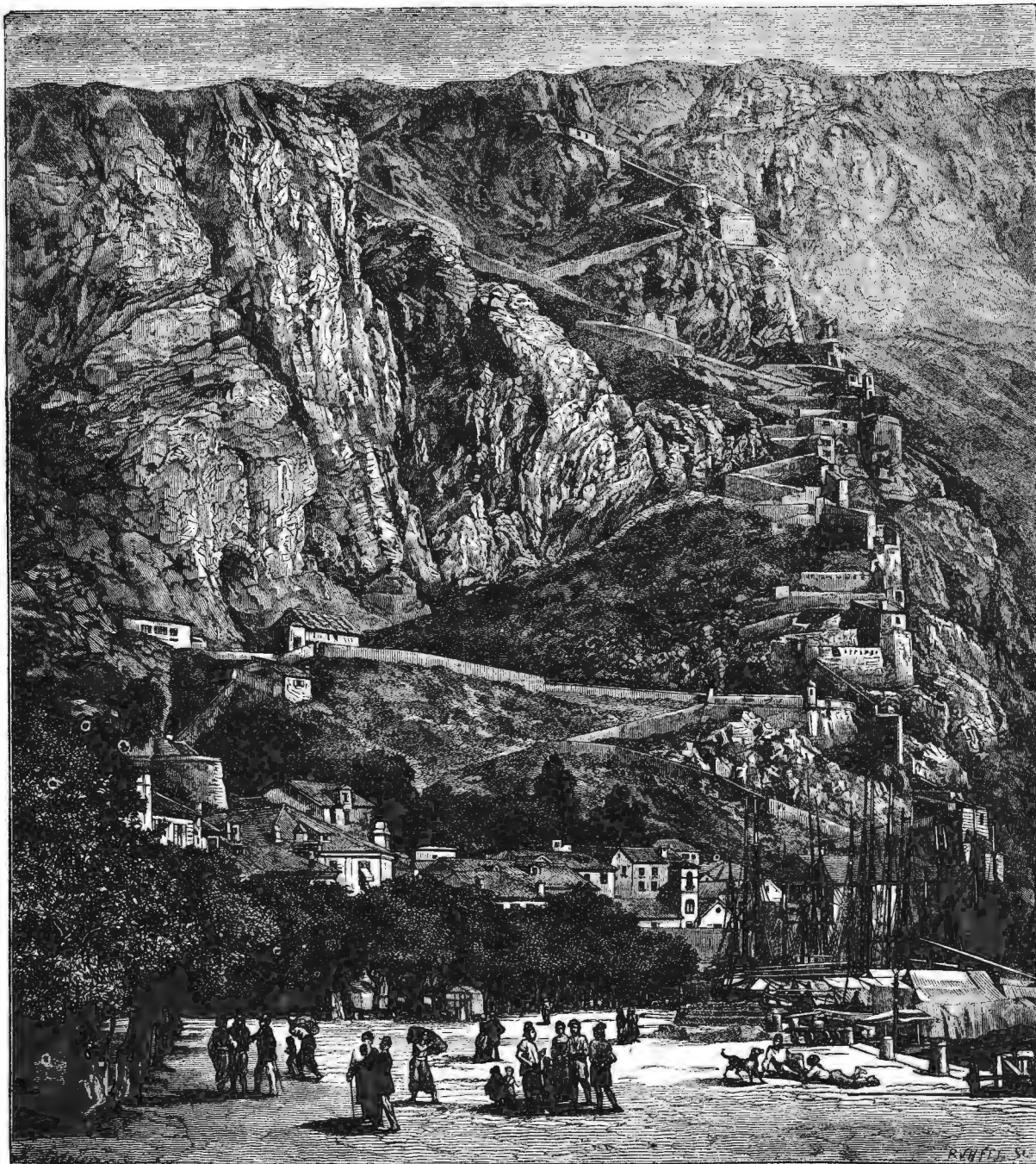
Такимъ потокомъ словъ встрѣтила меня маленькая старушка, неподвижно сидѣвшая на ступенькахъ крыльца и державшая руки свои на чемъ-то кругломъ, лежавшемъ у нея на колѣняхъ.

И тотчасъ-же воспользовался такимъ привѣтливымъ приглашеніемъ и вошелъ въ садикъ. Пройдя мимо однорукаго садовника, я направился къ крыльцу внизъ. Я могъ разглядѣть теперь старушку,—хозяйку этого дома. На видъ ей было лѣтъ за шестьдесятъ; лицо ея, сильно-морщинистое, но когда-то красивое, принадлежало къ типу лицъ женщинъ низшаго сословія. Подобныя физиономіи я часто встрѣчалъ въ Сестри, населенномъ рыбацкими семьями. Костюмъ старушки былъ гораздо опрятнѣе и вообще одежды простой рыбацки: платье, чепецъ были чернаго цвѣта, но передникъ—бѣлый, и на этомъ-то передникѣ лежало то *ничто* кругловатое, которое она безпрестанно поглаживала своими старыми, сухими руками. Я разглядѣлъ теперь, что кругловатое тѣло принадлежало не собачкѣ и не кошкѣ, а темно-коричневой черепахѣ. Когда я подошелъ къ старушкѣ, черепаха высунула головку, чтобы поглядѣть на меня; она не шевельнулась, чувствуя себя въ полной безопасности на бѣломъ передникѣ.

— Вы дивитесь, глядя на мою приятельницу? заговорила старушка. Да, истинные друзья узнаются только въ нуждѣ! Вотъ, хоть я и стара, сударь мой, а руки у меня постоянно

горячія. Докторъ-то говорить, что это происходитъ отъ постоянного безпокойства, потому что мнѣ все хочется что нибудь дѣлать... Да вотъ, изволите видѣть, что и для кого стану я дѣлать? Не для кого... Ну, оттого и лихорадка во мнѣ сидитъ. Господи Боже! Вѣдь вотъ ужь сорокъ лѣтъ, какъ я вдовѣю!.. Знаете, противъ горячихъ-то рукъ намъ, старымъ, ничто такъ не помогаетъ, какъ живое существо съ холодною кровью. Держать руки на немъ—разлюбезное дѣло! И видите-ли, милый баринъ, нѣтъ, кажется, на свѣтѣ другого такого терпѣливаго созданія, какъ вотъ эта моя пріятельница — вѣдь она у меня ужь три года!.. Ночью уползаетъ въ садъ, забирается тамъ въ

— Не угодно ли вамъ, милый баринъ, осмотрѣть нашъ садъ? Я пойду съ вами и нарву вамъ цвѣтовъ для букета... Правда, самыя-то лучшія цвѣточки я взяла уже для уборки дома,—хотѣлось мнѣ, чтобы госпожа маркиза во всѣхъ комнатахъ видѣла зелень и цвѣты. О, Господи, Боже нашъ! Вѣдь эдакая она молодая вдова!.. Ну, хоть глазъ-то и не выплакала, а все-же, послѣ чернаго катафалка, факеловъ, траурныхъ одеждъ—пріятно взглянуть на зелень,—душой, значитъ, отдохнуть!.. Я бы желала, чтобы она, душечка моя бѣдная, была уже здѣсь... тутъ, гдѣ все ей такъ правилось—и куда больше правилось, чѣмъ въ большущемъ мрачномъ домѣ въ Генуѣ!.. Тамъ человѣкъ

Видъ г. Каттаро. Рис. Сорріе, грав. Рунфель.

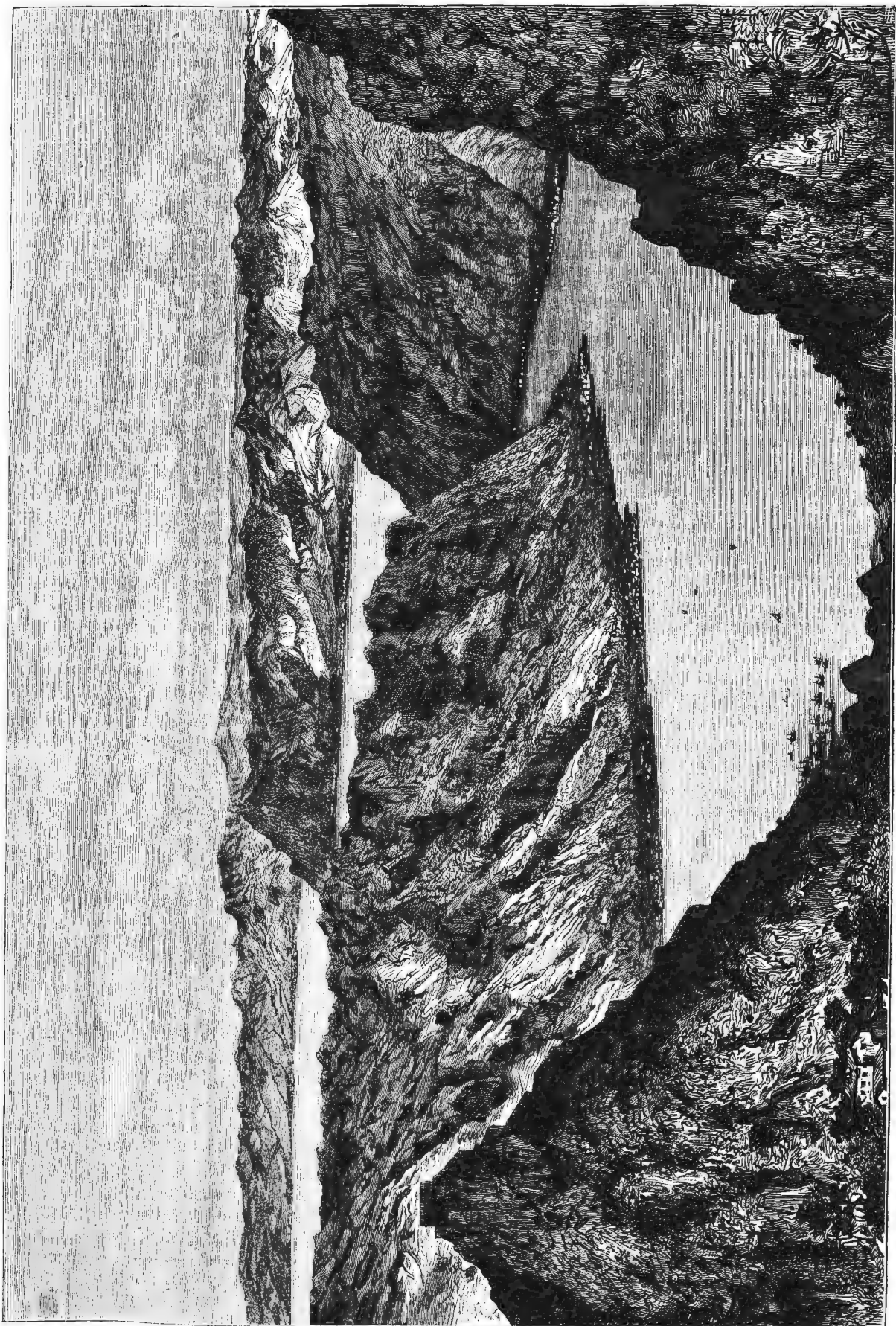
сырую дыру возлѣ колодца... И кормить-то мнѣ ее не нужно!.. Однако, что-жъ это я сижу передъ вами, словно баба крестьянская, незнающая, какъ слѣдуетъ держать себя съ господами?.. Ну, ступай, Миранда, ступай, доброе мое животное... Felice notte, старушка моя! Завтра увидимся.

Говоря это, она взяла съ передника черепуху и бережно опустила ее на дорожку, усыпанную краснымъ пескомъ. Животное задвигало короткими своими ножками и поплелось къ мирговой изгороди.

Старушка сейчасъ же проворно встала, поправила сѣдья пряди волосъ, обвивавшія ей голову, и сказала:

чувствовалъ себя словно въ гробу! А море-то, которое такъ хорошо видно отсюда съ крыши—тамъ, въ Генуѣ, представляется совсѣмъ дряннымъ, грязнымъ, потому что занято цѣлыми сотнями кораблей. А она съ малолѣтства очень привыкла къ морю: будучи дѣвочкой, бывало, прыгала тутъ босикомъ, какъ чайка, по скаламъ скакала, когда ходила въ монастырь на исповѣдь къ доброму патеру Франческо... О, Господи помилуй! И какихъ-то лишеній не научится переносить человѣкъ!..

— О комъ-же это вы говорите! спросила я старушку, ступавшую рядомъ со мною неслышными шагами. Мы проходили мимо лавровыхъ кустовъ.

Каттарская Вухта (Видъ съ высоты Черногоріи). Рис. съ натуры Ріу, грав. Бордо.

Она вдруг остановилась и удивленно посмотрела на меня. — О комъ говорю я? Вотъ это славно!.. Да развѣ вы не знаете, что садъ этотъ принадлежитъ моей дочкѣ—госпожѣ маркизѣ? Вѣдь это-же известно любому ребятенку въ Сестри!.. Ахъ, конечно, вѣдь вы, милый баринъ, чужакъ тутъ, да и я въ первый разъ въ жизни вижу васъ, хоть и довольно прожила и память у меня еще хорошая... Да, когда-то была и я молода—этого, что говорить, теперь ужъ не увидѣть, а и то сказать: самый прекрасный башмачекъ дѣлается подъ конецъ ушастой туфлей!.. Говорятъ, что мужчины лѣта свои считаютъ по чувствамъ, женщины—по наружности. Слушайте: если вамъ пріятнѣе глядѣть на красивое лицо, чѣмъ на такую старую вѣдму, какъ я, то дождитесь-ка приѣзда моей дочки. Хоть ей ужъ тридцать четыре года, но никто столько не дастъ ей! Молодость-то словно вотъ застыла... остановилась, какъ останавливаются незаведенные часы. Теперь-то только и начнется для нея молодая жизнь... Бѣдняжка!.. Ахъ, можно, можно пожелать ей этого, потому что вѣдь всѣ мы разъ только живемъ на землѣ... Прекрасная вещь небесная радости, но тамъ, на небѣ-то, не сватаются и смѣху нѣтъ тамъ, да и, кромѣ того, милый баринъ, душѣ-то напередъ нужно еще пройти черезъ чистилище... Пресвятая Богородица, моли Бога о насъ!..

Тутъ слова ей стали нелсны; старушка что-то бормотала, продолжая идти впередъ и отламывая цвѣтущія вѣтки для общаго букета.

Я сообщилъ ей, что добрель до этого сада совершенно случайно и что въ городѣ рѣшительно ни съ кѣмъ не говорилъ о хозяйкѣ этой виллы.

— Если не будетъ нескромнымъ съ моей стороны,—прибавилъ я, начиная относиться къ старушкѣ, какъ къ дамѣ, нѣсколько церемонно, такъ какъ у нея была дочь, «госпожа маркиза»,—то я попросилъ бы васъ рассказать мнѣ поподробнѣе о томъ, какъ это случилось, что у дочери вашей не было молодости? Вѣдь она такъ весело прыгала здѣсь по скаламъ, а потомъ замужъ вышла за знатнаго барина въ Генуѣ? Какъ давно овдовѣла она и была-ли счастлива въ супружествѣ?

Прежде чѣмъ отвѣтить мнѣ, старушка какъ-то робко оглянулась, и я замѣтилъ, что взгляды ея скользнули по фигурѣ одиоручаго садовника, который все еще возился съ поливкой кустовъ, наполняя лейку водою и всякій разъ, какъ мимо насъ проходилъ, остаткомъ правой руки сильно нахлбучивалъ шляпу на лобъ, какъ будто смотрѣтъ на меня ему было противно.

Убѣдившись, что угрюмый паренъ не разслышитъ нашего разговора, она снова заговорила:

— А почему-жъ и не расскажете вамъ того, что всякому известно въ Сестри, въ Кавари, въ Нерви и Генуѣ? Но при Джаннико я не хочу говорить объ этомъ... Бѣдный дурень! Про него можно сказать: «новая любовь является и исчезаетъ, старая — остается»... Вотъ теперь, когда господинъ маркизъ умеръ, этотъ бѣдный оселъ навѣрно втихомолку думаетъ, что-де настала наконецъ и его очередь... Всякій, кто только произноситъ имя моей дочери, но мнѣнню Джаннико, крадетъ у него то, что принадлежитъ одному ему! Пойдемте-ка мимо этихъ манголій—я проведу васъ въ домъ, ну, а вы, дорожку, распахивайте о чемъ хотите. Сдается мнѣ—баринъ въ хороши: это я сейчасъ же увидѣла, какъ вы такъ сострадательно глядѣли на Джаннико, пожалѣли, что у него одна рука... Извольте видѣть, онъ также былъ когда-то свѣжимъ, здоровымъ парнемъ, только всегда немножко дикимъ, готовымъ на всякую чертовщину... Ну, вотъ, и пригласилась ему Лиза, дочка моя, которая въ ту пору какъ слѣдуетъ подросла. А когда она замужъ вышла за господина маркиза (за что никто не осуждалъ ее, такъ какъ онъ былъ хороши баринъ, хотя и имѣлъ уже за пятьдесятъ годовъ)—Джаннико въ самую ночь ихъ свадьбы улизнулъ съ шайкою пиратовъ, которые починивали своей корабль у насъ въ гавани. Ну, уплылъ и онъ да такъ, что лѣтъ десять мы и не видали его и ничего даже не слышали о немъ. Только вдругъ, знаете, въ одинъ прекрасный день вернулся онъ жалкимъ калѣкой и безъ гроша въ карманѣ, а такъ какъ, вдобавокъ, жестокая лихорадка трепала его, то я сжалилась надъ этимъ бѣднымъ псомъ, взяла его сюда, ухаживала за нимъ, кормила, пока онъ не выздоровѣлъ. Ну, потомъ-то спросила у моей госпожи маркизы, можно ли оставить его работникомъ тутъ? Вѣдь серьезно говоря, все это онъ изъ-за нея претерпѣлъ, изъ-за нея продалъ душу своему дьяволу... Вотъ дочь моя и согласилась, написала: «душа остается». Джаннико—а онъ никогда не смѣется—вспыхнулъ какъ огонь, когда я прочла ему отвѣтъ. Съ того самаго времени столько пользы онъ намъ принесть, такъ повелъ себя скромно, благочестиво, что поведеніемъ своимъ, можно сказать, купилъ себѣ отпущеніе всѣхъ своихъ пиратскихъ грѣховъ. Когда потомъ, въ октябрѣ, дочь моя приѣзжала сюда на двухнедѣльную побывку и, вивнувъ ему, сказала: «Ну, Джаннико, въ славу смотри за моимъ садомъ, и я довольна вамъ!»—тогда изношенная морда этого бѣднаго черта совсѣмъ раскраснѣлась и отъ удовольствія онъ не могъ ни словечка вымолвить... Ужъ по лицу его ясно было видно, что чувства его не измѣнились!.. Да, говорится такъ: *когда свѣчки догораютъ—зажигается факель*. Буря, непогоды на морѣ, быть можетъ, развѣяли старую его любовь, но лишь только Джаннико ступилъ на берегъ—старое-то чувство

опять вспыхнуло... Ну, какъ тамъ не верти, а общей-то участи и ему не избѣгутъ: въ одинъ прекрасный денекъ и на Джаннико бросятъ три лопатки земли, заркоутъ—и тогда—спокойной тебѣ ночи! Спи вѣчнымъ сномъ!.. Не всякому дается то, чего-бы онъ желалъ... Ну-да, Господь-то Богъ посылаетъ сраженнымъ овечкамъ теплую погоду... Аминь! О, Царь Небесный, помилуй насъ, грѣшниковъ бѣдныхъ!..

Тутъ подошли мы къ крыльцу виллы. Старушка пошла впередъ, я за нею. Пройдя прохладная, устланная каменными плитами сѣни, она пригласила меня подняться по узкой каменной лѣстницѣ, желая показать мнѣ покои верхняго этажа.

Въ верхнемъ этажѣ было шесть-семь не очень большихъ комнатъ. По рельефнымъ украшеніямъ на потолкахъ я могъ заключить, что домъ этотъ былъ построенъ лѣтъ сто тому назадъ. Вся мебель была во вкусѣ наполеоновскихъ временъ: однако, мебель, какъ видно, недавно была заново отполирована и позолота на высокихъ прямыхъ стѣнахъ стульевъ, на пожахъ столовъ и на зеркальныхъ рамахъ казалась подновленною. На карнизахъ каминовъ и на шкафикахъ стояли алебастровыя вазочки съ великолѣпными букетами цвѣтовъ и почти во всѣхъ комнатахъ, на круглыхъ столікахъ передъ зеркалами, красовались канделябры съ зажженными свѣчами. Все это придавало покоямъ такой торжественный, праздничный видъ, какъ будто здѣсь ожидали цѣлой кучи гостей, намѣривающихся проплыть на-пролетъ эту лѣтнюю ночь.

Въ спальнѣ огня тоже были открыты, и тутъ я замѣтилъ, что на большой четырехугольной кровати лежало старое шелковое одѣяло.

— Когда приѣдетъ моя госпожа маркиза,—заговорила старушка, проведя своею сморщенною рукою по этому одѣялу,—то спать я ее уложу тамъ, внизу, у себя. Въ этой комнатѣ, пожалуйста, ей что нибудь привидится, потому что, хотя она и оплакиваетъ господина маркиза скорѣе какъ отца, нежели мужа, но про нее все таки нельзя сказать:

Лишь едва похоронила,
Съ причитаньями отпѣла,
Какъ ужъ горе все забыла
И опять повеселѣла.

Приведя такую рѣшительную поговорку, она прибавила:

— А зять мой славный былъ баринъ, ужъ настоящій galantuomo,—дарство ему небесное! То есть, вотъ, ни одного дурнаго дня не знала его милая жена во все время сожителства. а вѣдь онъ, что ни говори, имѣлъ пятьдесятъ лѣтъ, а потомъ и всѣ шестьдесятъ восемь, да къ тому же подагра и бессонница одолѣвали его... Значить, *умышленно* съ его стороны ни одинъ день не былъ дурень. Ну, кто-же послѣ этого (тѣмъ болѣе маркизъ ужъ на вѣки закрылъ глаза...) станеть осуждать вдову, если она остаточки своей молодости не будетъ проводить въ постоянныхъ слезахъ, а, напротивъ, захочетъ спасти, наверстать то, что еще можно спасти и наверстать?... Такъ-то... Ахъ, Лиза моя! Въ дѣтствѣ она охоча была посмѣяться. И частенько бывало, говорила я ей; смѣйся, дочурка, смѣйся! Веселее гонитъ морщины съ лица. Кто веселится, тому и Богъ помогаетъ. Ну, Господь и вправду помогъ и ей, и всѣмъ намъ! Когда господинъ маркизъ вошелъ въ первый разъ въ мой убогенькій домишко—мнѣ почудилось, будто самъ ангелъ слетѣлъ съ неба, чтобы пособить намъ въ нуждѣ нашей!..

Старушка перевела духъ и снова заговорила:

— Я должна сказать вамъ, милый баринъ, что я здѣшняя уроженка и теперь вдова моряка. Былъ у меня добрый, трудолюбивый мужъ. Пускался онъ въ большущія морскія путешествія, прежде-то, спачала, въ званіи рулевого, а потомъ и капитаномъ, то сѣтъ плавалъ на своемъ кораблѣ, побывавъ въ Америкѣ и Индіи. Пока жилъ онъ—я ничего лучшего и не желала, хотя зачастую не видала его по году и даже по два, но средства-то къ жизни у насъ были, такъ что и три дочки мои—Маріэтта, Чезира и Лиза—жили безбѣдно. Меня-то зовутъ, какъ и вторую мою дочь, и внучка моя, *молодая госпожа маркиза*, называется тоже Чезирою, значить по имени бабушки и тетקי своей. Моя Лиза не могла-бы называть другимъ именемъ дочку свою. Ну-съ, вотъ, когда моему меньшему, лучшему ребенку минулъ восьмой годокъ—мужъ опять уплылъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ хорошее, веселое письмо получили отъ него изъ Лимы. Писалъ онъ, что домой вернется чрезъ полгода и привезетъ что-нибудь хорошенькое каждой изъ нашихъ дѣвочекъ. Маріэттѣ было въ то время семнадцать лѣтъ, Чезирѣ—пятнадцать. Онѣ считались самыми красивыми дѣвучками въ Сестри. Я воспитывала ихъ, на сколько могла, хорошо, чтобы сдѣлать изъ нихъ добродѣтельныхъ, честныхъ женщинъ... Но «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ» говоритъ пословица. Прошли шесть мѣсяцевъ, прошелъ и годъ, и еще шесть мѣсяцевъ улетѣло, а о моемъ бѣдномъ мужѣ—царствіе ему небесное!—ни слуху, ни духу. Третья весна началась со времени отбѣзда моего хозяина въ Лиму—а корабль то его имѣлъ такое славное имя—*La Speranza!*—и вотъ Маріэтта сказала мнѣ: «Матушка, отецъ—умеръ... Лучше было бы намъ, еслибы и мы всѣ умерли и были похоронены! Знаешь что? Съ одной синьорой я говорила—у нея домъ въ Генуѣ—ну, и я должна идти къ ней въ услуженіе. А когда я уже буду въ

Генуи и найду там хорошее место и для Чезиры, то и ей нужно будет отправиться туда же. Тебе ведь тогда легче станет вдвоем-то, с Лизой... Как-нибудь переберетесь"... Так сказала Мариэтта, а я ей:—ладно, ступай, дочка, с Богом! Хотя в чужом доме *хлеб и о семи корках*—все-же он не так жесток, как голод. Да и чего сидеть тебе тут? Пропадут даром молодость, красота твоя... Все ведь соседи знают, что ты сирота, что приданое у тебя—та рубашка, что на тебе! Кто сидит сложа руки, к тому черт вскопчит в передник... Так сказала я ей. Не знала я, дурница бедная, что черт-то и тащил мою дочь в Геную, туда, где не может глаз матери слѣдить за дѣвучкой...

Старушка умолкла.

Мы стояли теперь у открытого окна в небольшой гостиной. Как видно, эта была любимая комната хозяйки: виллы: здесь стояла самая изящная мебель, хотя и старинная, но между этими антиками было несколько вещей совершенно новых. На стенах—картины и фотографы, а над письменным столиком красовался небольшой портрет, нарисованный карандашом, в великолыной рамѣ. Я взглянула на этот портретик,—передо мною была прелестная, юная голова дѣвочки: овал лица отличался необыкновенно правильностью; изящный маленький носик, необыкновенно большие, опущенные густыми ресницами глаза, и строгая или скорее робкая очертания полненьких губ представляли удивительно-прекрасное цѣлое. Роскошные волосы были собраны на затылок в один тяжелый узел. Портрет был сдѣлан довольно искусною рукою. Щеки, губы и темные волосы дѣвочки были слегка подкрашены (поверх карандаша); однако маленькая неправда в очертании тонкой шейки указывала на то, что человек, нарисовавший этот портрет, принадлежал къ числу дилеттантов-художников.

— Это ваша Мариэтта? спросил я.

Старушка глубоко вздохнула и хватила пальцами обѣих рук желѣзный пруть стирки,—вѣроятно, она хотѣла прохладить этимъ руки, такъ какъ разговор видимо взволновалъ ее.

— Это вы о портретикѣ, что надъ письменнымъ столомъ? Нѣтъ, любезный баринъ, передъ вами дочь моя *госпожа маркиза*. Супругъ ея—царство ему небесное!—самъ это сдѣлалъ, съ нея самъ срисовалъ. Ну, и Мариэтта была не хуже младшей своей сестренки—ужь это я могу сказать. А вы вѣдь знаете поговорку: *chi nasce bella, nasce maritata* (кто некрасивъ, тотъ и не-замужемъ).. Но не всегда такъ-то бываетъ. Доходили до меня слухи о хорошемъ житьѣ-бытьѣ Мариэтты, а черезъ полгода, какъ она ушла, получила отъ нея письмо: пишетъ, чтобы и Чезира отправлялась въ Геную, что нашла она для нее разчужденное мѣсто у одного графа и насулила ей золотыя горы, ежели Чезира-то погоропитъ прѣхать.

Ну, сказала я, ступай и ты, дитя мое, въ эту роскошную Геную! Поклонись нашей Мариэттѣ. Оставайся честной, хорошей дѣвучкой; не забывай своей старухи-матери, да веди себя такъ, чтобы твоему babbo, коли онъ еще живъ, не пришлось краснѣть за тебя!..

Вотъ уѣхала и другая моя дочка, и осталась я съ моей маленькой, съ любимчикомъ моимъ. Ну, на первыхъ порахъ-то получали мы еще вѣсточекъ о нихъ. Мариэтта и Чезира писали намъ самыя разлюбезныя письма, рассказывали, что ужь какъ отлично имъ живется, присылали мнѣ и деньжонки кой-какія, а Лизѣ—ленты и башмаки... Ни того, ни другого носить она не могла: слишкомъ ужь хороши были эти вещи для остального-то ея наряда!.. Писали онѣ тоже, что, вѣроятно, обѣ скоро замужъ выйдутъ. Получивъ эдакую вѣсточку, я отъ радости и счастья на седьмое небо занеслась! И подумала тогда: вотъ, ежели-бы теперь да еще мужъ вернулся, такъ я-бы не промѣняла судьбу свою на жизнь любой принцессы!.. Да, такія мысли были у меня.

Ну, а потомъ... Какъ-то однажды вечеромъ пришелъ ко мнѣ патеръ Франческо,—дѣвочки-то монъ всегда ходили къ нему на исповѣдь. Бѣдиль это онъ въ Геную по дѣламъ своимъ монастырскимъ, и я просила его повидаться съ моими дѣтьми. Исполнилъ онъ это и явился, значитъ, отчетъ мнѣ дать... Мать Пресвятая Богородица!.. Какъ сейчасъ вижу—я могла тогда только руками всплеснуть къ, въ отчаяніи, на постель повалиться, словно мнѣ вотъ молотомъ сердце раздавили...

Понимаете вы, милый баринъ, и такъ, что я хочу сказать... Ахъ, тяжело матери-то говорить о позорѣ дѣтей своихъ, хоть съ той поры прошло слишкомъ двадцать лѣтъ!..

Лиза была около меня, когда я узнала о своемъ горѣ.—„Мама“,

спросила она послѣ того, какъ патеръ ушелъ, „что онъ такое сказалъ тебѣ? Что случилось съ сестрицами?.. Развѣ онъ не говорилъ, что видѣлъ Чезиру въ шелковомъ платьѣ, что у нея—золотыя сережки, брошка?.. Ну, Мариэтту потому не видалъ, что она была на виллѣ у другого графа. Очешь-же плачешь ты, mamma mia, если сестрицы такъ счастливы“?..

А я... я отвѣтила ей: развѣ ты не знаешь поговорки: *кто водится съ важными барамъ, тотъ потомъ умираетъ на соломя... Больше вѣдь ничего не могла я сказать ей—этому бѣдному, невпному ребенку!.. Тогда ей минуло всего-то тринадцать лѣтъ, а въ нашемъ Сестри, слава Тебѣ, Господи, люди живутъ по христіански, не то что язычники, ну и мои дѣвочки ни въ домѣ, ни на улицѣ ничего такого грубоваго не видали.*

А все плакала я, плакала и ужь хотѣла было ѣхать въ Геную чтобы вырвать дѣтей изъ пасти волчейей, да потомъ подумала: дѣла-то этимъ не поправшишь, все равно, а если Лизу съ собою возьму—пожалуй, и она заразится тамошнимъ воздухомъ... Такъ-то. Ну, а оставить дѣвочку дома одну—эдакъ и со страху померешь въ Генуи!..

Вотъ, милый мой баринъ, и покорилась я участи своей. Умерли, значить, для меня старшія мои дочки, а такъ какъ о ту-же пору получила я извѣстіе, что бѣдный мужъ мой уже два года лежитъ на днѣ морскомъ (La Speranza его разбилась во время бури и пошла ко дну,) сказала я тогда самой себѣ: нѣтъ у меня на свѣтѣ ничего, кромѣ моей Лизы, моей бѣдности и моей честности... Этого ужь я никому не отдамъ! Знаете: живущій—хлѣбъ своей вѣсты, мертвый—мертвый—и всякая лошадь собственнымъ своимъ хвостомъ кармаровъ отъ себя отгоняетъ. Такъ-то.

Ну, послѣ этого зорко слѣдила я за послѣдней дочкой, дома держала ее, а когда ей хотѣлось побѣгать, попрыгать съ другими дѣтьми, и потомъ, когда постарше стала поболтать съ молодыми парнями—(Джаннико-то ужь тогда на нее засматривался)—всегда я повторяла ей добрую, старую поговорку:

„Ежели дѣвничѣ дома не сидитъ,
То съ прямой дорожкой ей нетрудно сбиться!..“

А Лиза добрая была дѣвочка,—слушалась. Цѣлыми днями дома сидѣла, пряла или сѣти визала, и только по воскресеньямъ на гору отправлялась, въ монастырь, къ обѣднѣ или на исповѣдь къ почтенному патеру Франческо. Патеръ очень хвалилъ ее и говаривалъ, что ея добродѣтель вознаграждаетъ меня за все несчастье и безчестье, которыя я терплю.

Разглядите хорошенько портретъ этотъ, милый баринъ. Вотъ уже больше двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ господинъ маркизъ нарисовалъ его. Ну, конечно, Лиза ужь не ребенокъ: красивая она теперь, статная женщина, но все говорятъ, что она все еще похожа на Лизу—вотъ на *эту*, что въ рамкѣ, да! Я ужь и не говорю о Джаннико—его не разъ я заставляла тутъ, наверху, передъ портретомъ. И какъ онъ засмотрится на свою святыню—такъ даже не слышитъ ужь моихъ шаговъ!..

Должна я вамъ сказать, что господинъ маркизъ былъ нѣкоторымъ образомъ живописецъ. Кромѣ палатки въ Генуи, у него въ то время и эта вилла была, и не разъ лѣтомъ прѣзжалъ онъ сюда единственно для того, чтобы полюбоваться чудесными здѣшними окрестностями и срисовать горы или море. Картинки эти онъ писалъ такими славными красками!

А я, съ той поры, какъ несчастье струсилось надъ моими старшими дочками, и на улицу не выходила, дома все сидѣла... Мнѣ все казалось, что сосѣдки будутъ поглядывать на меня ядовито, да плечами пожимать. И поэтому я даже не знала, что вотъ такой маркизъ на свѣтѣ есть, ну, и до смерти перенуждалась, когда однажды, въ воскресенье—дѣло передъ обѣдомъ было—дверь въ кухню мою распахнулась и вошла Лиза, совсѣмъ красивая, а за нею вошелъ какой-то баринъ, не особенно молодой—маркизу и тогда ужь было за сорокъ. Тутъ и поленту я бросила, которую къ обѣду нашему приготовляла.

— „Mamma mia,—залепетала дочурка моя,—вотъ этотъ господинъ самъ заговорилъ со мною, когда я шла отъ обѣдни. Сегодня очень жарко, ну, я и сняла башмаки и чулки, да такъ и бѣжала босикомъ по прибрежнымъ скаламъ... И вдругъ, подошелъ онъ ко мнѣ, спросилъ, какъ зовутъ меня, гдѣ я живу, и можно ли ему со мной идти, потому что ему захотѣлось съ меня срисовать портретъ“...

(Продолженіе будетъ).

М И Л Е Н К А.

(Разсказъ изъ прошлогодней жизни въ Сербіи).

(Окончаніе).

Миленка рассказала, что мама ее умерла, и что—фрау-Христина нарочно посылала ее въ гостиницу; до смерти мамы она туда не ходила, а потомъ—каждый день. Ей запрещено было говорить, что мама ея умерла—вотъ почему она и говорила, что собираетъ деньги

будто для мамы... Она очень много собирала и все собранное тотчасъ же отбиралось Христиною Зальманъ, у которой Матвѣй Захарычъ, мѣсяца три тому назадъ, имѣлъ неосторожность помѣстить большую женщину съ ея ребенкомъ... Изъ расказа Миленки стало ясно что

сегодня утромъ, когда капитанъ Жучекъ приходилъ туда, её спрятали и велѣли сидѣть смиренно, сказавъ, что это пришли ея искать баши-бузуки, а Миленка уже знала, что такое это за люди, и просидѣла на чердакѣ весь день, затаивъ дыханіе, забившись за корзины съ сухими плодами... Вечеромъ, когда мы пришли вдвоемъ, ее тоже успѣли спрятать, да она улышалась знакомый голосъ Матвѣя Захарыча и рѣшилась окликнуть своего батьку.

— Экой народъ нехорошій, качалъ головою сопровождавшій насъ сербъ... У насъ уже былъ разъ такой случай: одна русская дама тоже привезла дѣвочку изъ несчастныхъ—изъ Рагузы, привезла ее сюда и помѣстила пока у одной женщины, а та спрятала ее, сказала тоже что умерла,—барыня русская и повѣрила...

нимъ окончаніемъ нашихъ розысковъ, что совершенно согласился съ мнѣніемъ серба и поминутно цѣловалъ свою Милу, спрашивая ее о болѣзни и смерти матери... Миленка рассказывала все, не пропуская ни малѣйшихъ подробностей...

Незамѣтно прошли мы уже опустѣлою Дунайскою улицею—и, не заходя подъ каштаны „Сербской кроны“, прошли прямо въ скромную гостиницу Ювана Кристича, гдѣ Матвѣй Захарычъ занялъ себѣ небольшую комнатку.

Матвѣй Захарычъ поразилъ меня своею нѣжностью и умѣньемъ ухаживать за дѣтьми. Самая опытная нянька далеко отстала бы отъ него въ этомъ отношеніи. Но какъ попала Миленка въ Бѣлградъ, кто была ея мать и въ какихъ отношеніяхъ находился въ нимъ

Непрошенный гость. Картина Бокельмана, грав. Бренд'Амуръ.

сильно плакала и дала даже той женщинѣ десять дукатовъ за похороны—и что послѣ случилось: ухитрились какъ-то эти подлецы отравить дѣвочку въ Виддинь и продали тамъ ее... Не знаю за сколько, а хорошо, говорить, взяли... Дѣвочка была лѣтъ уже двѣнадцати, красивая такая, изъ черногорокъ...

Матвѣй Захарычъ даже заскрипѣлъ зубами, слушая эти рассказы. Я настаивалъ, чтобы дѣла такъ не оставлять и довести до свѣдѣнія полиціи—что подобные возмутительные поступки не могутъ проходить безвозмездно, что нуженъ судъ...

— Не такое нынче время, покачалъ головою сербъ... Некогда такими мелочами заниматься... Все равно ничего не сдѣлаете, только хлопоты лишнія будутъ.

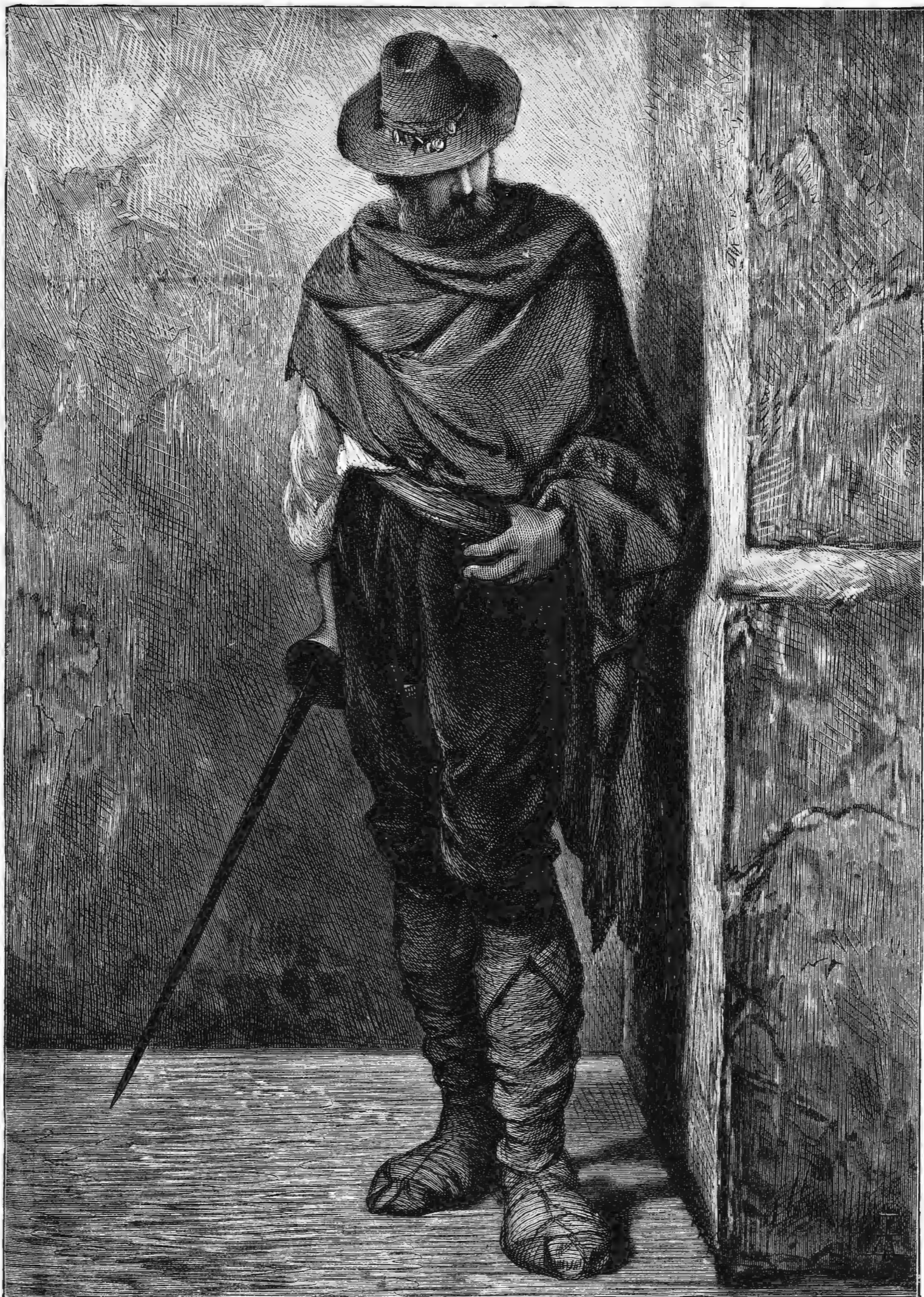
Матвѣй Захарычъ такъ былъ счастливъ благополуч-

Матвѣй Захаровичъ? Вотъ вопросы, для разъясненія которыхъ нужно вернуться нѣсколько назадъ.

Раннею весною, въ началѣ прошедшаго марта, въ восемь сатахъ *) отъ Виддина, по дорогѣ къ Зайчару, случилось слѣдующее:

Недалеко отъ сербской границы, на полускатѣ горы, подножье которой огибаетъ каменистая проѣзжая дорога, находился небольшой хуторъ въ два или три домика, со множествомъ всякихъ домашнихъ и хозяйственныхъ пристроекъ; этотъ хуторъ назывался Рушникъ. Съ проѣзжей дороги видны были только верхушки

*) Мѣра разстоянія, сать—часъ. Почти на всемъ Балканскомъ полуостровѣ разстояніе измѣряется часами пѣшей ходьбы.

Наемный убійца, выжидающий свою жертву. Картина И. Дюва, грав. Д. Девидсонъ.

Библиотека "Руниверс"

черепичныхъ крышъ, да тонкая башенка Богъ вѣсть зачѣмъ пріютившагося тутъ же турецкаго минарета. Все остальное буквально утопало въ массахъ молодыхъ, только что распускавшихся листовыхъ почекъ ярко-бѣлыхъ и нѣжно-розовыхъ цвѣтовъ яблонь, грушъ и сливъ густого фруктоваго сада. Дальше, вверхъ по скату горы, обращенному на солнце, высоко поднимались разрыхленные четверугольники виноградниковъ, пестрѣвшіе новенькими колышками и корявыми, узловатыми корнями еще будущихъ лозъ винограда.

Въ хуторѣ жилось привольно и покойно, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ доходили самыя неутѣшительныя извѣстія, самыя тревожныя слухи... Въ хуторѣ жили всего двѣ семьи христіанъ, турецкихъ сербовъ. Они обрабатывали свой виноградникъ сообща, сообща же выдѣлывали вино, не хуже извѣстнаго неготинскаго, были довольны своимъ положеніемъ, по крайней мѣрѣ не желали мѣнять его на что-нибудь неизвѣстное и сильно боялись хотя чѣмъ-нибудь скомпрометировать себя въ глазахъ турецкаго вали. Ихъ пока никто не трогалъ и они уже думали, надѣялись, что „тяжка година“ пройдетъ мимо нихъ, не задѣвъ даже концемъ своего бича. Но вышло не такъ, какъ они думали.

Къ Виддину прибыли толпы баши-бузуковъ и черкесовъ, людей чужихъ еще въ этомъ округѣ. Шайки этой сволочи живо разсыпались по окрестностямъ, наводнивъ особенно тѣ изъ нихъ, которыя ближе примыкали къ восточнымъ границамъ Сербіи. Уже раза два перепуганные обитатели Рушника видѣли дикихъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы всадниковъ, проѣзжавшихъ внизу по дорогѣ. По какому-то особенному случаю эти всадники миновали уютный хуторокъ и оставляли жителей его въ покоѣ. Разъ только одинъ изъ проѣзжавшихъ шакаловъ, замѣтилъ что-то бѣлое, мелькнувшее за живою изгородью, и попробовалъ на этомъ бѣломъ свое новополученное оружіе хитроумной англійской системы. Оружіе оказалось превосходнымъ, потому что за изгородью, тотчасъ же послѣ выстрѣла, раздался дѣтскій крикъ, а затѣмъ на одной изъ крышъ показалась женщина, державшая на своихъ рукахъ убитаго ребенка. Эта женщина съ проклятіемъ протянула къ убійцамъ трупъ своего сына, потомъ бережно положила его около трубы и оторвавъ одну изъ черепицъ, въ безсознательномъ бѣшенствѣ пустила ея въ баши-бузуковъ; тяжелый осколокъ не пролетѣлъ и десятой доли должнаго разстоянія и, обломавъ нѣсколько вѣтвей, тяжело рухнулъ въ кусты,—но все таки этотъ осколокъ имѣлъ роковое послѣдствіе для хутора и его обитателей.

Баши-бузуки въ данную минуту не рѣшились изслѣдовать подробно домики на скатѣ горы. Должно быть они боялись встрѣтить тамъ болѣе сильное сопротивленіе. Звѣри ограничились на первыхъ порахъ нѣсколькими выстрѣлами, пущенными на удачу и, пообѣщавъ скоро вернуться снова, поскакали по дорогѣ къ вѣрности.

Въ слѣдующую же ночь надъ хуторомъ Рушникъ свершилась катастрофа.

Утро на другой день было пасмурное, туманное. Солнце не хотѣло, видно, смотрѣть на тѣ безобразія, что творились на землѣ, и взшло, закутанное въ сѣрыя, тяжелыя тучи. Густой столбъ чернаго дыма поднимался надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ наканунѣ еще видѣлись красныя крыши съ бѣлыми трубами... Изъ-за деревьевъ торчали теперь черныя, закопченныя, обгорѣлые остовы. Десятеа два осѣдланыхъ лошадей стояли въ рядъ, привязанныя къ изгороди; внизу на дворѣ стояли два большихъ, воловьихъ воза, безпорядочно нагруженные всякимъ добромъ. По тропинкамъ, выводящимъ на эту дорогу, оборванные баши-бузуки и

черкесы въ своихъ косматыхъ папахъ таскали еще награбленное въ хуторахъ добро и сваливали на возы.

Поперегъ такой тропинки лежалъ ничкомъ трупъ въ длинной бѣлой рубахѣ; черезъ этотъ трупъ много разъ шагали хищники, спотыкаясь и наступая на тѣло, не давая себѣ даже труда оттащить его въ сторону.

Еще нѣсколько труповъ тамъ и сямъ валялось подъ деревьями садика; на черномъ фонѣ виноградниковъ тоже видѣлись крестообразно лежація бѣлыя рубахи... Двѣ или три головы, обезображенныя до нельзя, торчали на кольяхъ.. Одна изъ этихъ головъ была съ длинными черными волосами, слипшимися отъ крови и грязи и висѣвшими вплоть до самой земли, до той грязно-бурой кровавой лужи, накопившейся у кола... Масса воронъ крикливою стаею носилась надъ несчастнымъ хуторомъ. Крылатые хищники осерегались еще спуститься совсѣмъ внизъ, пока не уберутся тѣ двуногіе хищники въ человѣческомъ образѣ.

Только двое изо всѣхъ обитателей хутора Рушникъ остались въ живыхъ... Женщина—красивая, молодая—за свою красоту и уцѣлѣвшая, хотя дорого за нее и поплатившаяся... Безъ чувствъ, безо всякихъ признаковъ жизни, лежала она у воза, прикрытая рванымъ холстомъ.. Только глаза ея, тупо смотрящія въ небо, сохранили еще нѣкоторые признаки жизни—все остальное было измучено, истомлено, разбито и неподвижно.

Еще одно существо уцѣлѣло, другое... Внизу, у ручья, въ густыхъ заросляхъ ивняка и прибрежной осоки, притаилось крохотное созданіе—дѣвочка... Самый зоркій глазъ хищника не замѣтилъ бы ея, погрузившуюся до самой головы въ зеленую, вязкую тину...

Вдругъ, по близости, изъ-за гребня горы, раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Хищники всполошились и бросились къ лошадямъ... Два изъ нихъ упали, прострѣленные пулями...

Шесть человѣкъ, всего только шесть, съ крикомъ „за праваго Бога!“ прыгая черезъ изгородь, стремительно бѣжали съ горы къ хутору, махая длинными ружьями. Словно тигры бросились они на оторопѣвшихъ баши-бузуковъ... тѣ бѣжали, бросивъ и возы съ награбленнымъ добромъ и лежавшую около нихъ женщину... Въ догонку бѣжавшимъ прогмѣло еще нѣсколько выстрѣловъ... одинъ изъ заднихъ кувырнулся съ лошади и поволокло его, зацѣпившагося ногою за стремя... прочіе еще быстрѣ поддали ходу... стукотня копытъ скоро замерла за горою... Шесть побѣдителей остались одни на завоеванной мѣстности и собрались въ кругъ для совѣщанія...

„Эти убѣжали, другіе прійдутъ скоро и придетъ ихъ много... Горсть богатырей не въ силахъ будетъ справиться съ этими новопрійдущими... Горсть эта уже и то потеряла много людей на своемъ походѣ. А они шли далеко—изъ за горъ, гдѣ не удалось имъ дѣло, шли къ сербской границѣ, предчувствуя, что скоро тамъ нужны будутъ ихъ могучія, привыкшія къ бою руки.. Недалеко уже осталось до этой спасительной границы, часа три ходьбы, не больше. Надо спѣшить, пока не нагнали турки... Шестеро, на основаніи такихъ соображеній, рѣшили уходить немедленно...

И они ушли, захвативъ съ собою несчастную, измученную женщину... Они не хотѣли брать ее съ собою—все равно умирать ей, что здѣсь, что дорогою... Но одинъ изъ нихъ настоялъ и, взваливъ ее къ себѣ на широкую спину, прихвативъ поясомъ для прочности, понесъ на себѣ, повявшись что не бросить ея, пока не переступитъ сербской границы.

Они пошли на прямикъ, прямо черезъ ручей вбродъ...

— А вотъ и еще одна!... сказала передній.

— Мама моя, мама,—пропищала вытащенная изъ грязи дѣвочка, узнавъ мать въ печальной поспѣ за спиною...

— Мила... чуть прошептала женщина и заплакала...

Не у одного из богатырей наверху слеза и потекла по смуглым щекам, по длинным усам съ просѣдью...

Взяли конечно и дѣвочку...

Не повезло богатырям... Почти у самой границы, въ виду сербскихъ постовъ, догнали ихъ турки... Много турокъ легло при этой свалкѣ... легли и пятеро богатырей. Только одинъ изъ нихъ спасся... тотъ, что былъ съ тяжелою ношею... Вынесъ онъ и мать, и ея ребенка и обезсиленный, потерявъ сознание, упалъ безъ чувствъ между выручавшими его сербскими войниками.

Этотъ богатырь и былъ Матвѣй Захаровичъ Жучекъ.

Возвращаясь поздно осенью въ Россію, я проѣздомъ черезъ Пештъ, встрѣтилъ Матвѣя Захарыча и его Милу... ребенокъ узналъ меня и улыбнулся...

Матвѣй Захарычъ везъ ее въ Малороссію, въ свой хуторокъ, гдѣ хотѣлъ оставить ее подъ присмотромъ

одной старушки, своей далекой родственницы, а самъ намѣревался снова вернуться въ Сербію, говоря, что онъ еще тамъ понадобится.

Послѣднія неудачи Сербовъ нисколько его не обезкуражили. Капитанъ Жучекъ фанатически вѣрилъ въ хорошій исходъ всего дѣла, на служенію которому посвящалъ себя всецѣло...

— Теперь я, положимъ, неодинокій бобыль, какъ прежде,—весело говорилъ онъ мнѣ... Вотъ Богъ дочку послалъ—Милочку... Думалъ и жена будетъ, да не вышло, не захотѣлъ Господь... что дѣлать! Впрочемъ, Онъ знаетъ что дѣлаетъ... И если я самъ того не стою, такъ сохранитъ меня для моей Миленки. Батько будетъ съ турками драться, а дочка пускай за батьку молится—пойдетъ все ладно!..

„Пошли Богъ тебѣ счастья, честный боецъ! Пошли Богъ, чтобы сбылись твои свѣтлыя вѣрованія!“...

Н. Каразинъ.

КАТТАРО.

На узкомъ Далматинскомъ побережьи, близъ черногорскихъ границъ, внутри бухты, похожей на недоступную нору, прижался къ горѣ городокъ Каттаро. Онъ построенъ на мѣстѣ римскаго Аскривія греческими выходцами и имѣлъ общинное устройство. Не смотря на выгодное въ стратегическомъ отношеніи мѣстоположеніе и устройство укрѣпленій, онъ, въ концѣ IX вѣка, былъ взятъ сарацинами; поэтому каттаряне должны были прибѣгнуть къ покровительству королей Сербіи, подъ которымъ и находились до второй половины XII вѣка. Монеты той эпохи, съ изображеніемъ св. Трифона, свидѣтельствуютъ, что этотъ угодникъ былъ покровителемъ общины. Въ концѣ XII вѣка Каттаро подпадаетъ власти греческихъ императоровъ, потомъ подчиняется ордену Тамплиеровъ и, наконецъ, снова королямъ Сербіи. Послѣ Стефана Уроша (въ половинѣ XIV в.), когда слабое правительство Сербіи не могло защищать каттаринъ отъ внѣшнихъ враговъ, Каттаро призналъ покровителемъ короля Вепгринъ Людовика, защитившаго его отъ венеціанцевъ. По смерти Людовика, король Босніи Твердко II завладѣлъ городомъ. Рагузяне, стоявшіе тогда на высотѣ могущества, ведутъ войны съ каттарянами; съ другой стороны, турки угрожаютъ всей Далмаціи. Каттаро отдается тогда подъ покровительство Венеціи (1420 г.), подъ условіемъ, однакожъ, сохраненія всѣхъ своихъ общественныхъ учрежденій. Но вліяніе Венеціанской республики отразилось какъ на укрѣпленіяхъ, такъ и на учрежденіяхъ и обычаяхъ каттарской общины. Въ половинѣ XVI и въ половинѣ XVII вѣковъ Каттаро долженъ былъ выдержать осаду Турокъ. Въ 1567 году городъ всецѣло былъ разрушенъ страшнымъ землетрясеніемъ, которое случилось какъ-быть въ торговый день, такъ что подъ развалинами его погибло много чужеземцевъ. Благодаря венеціанцамъ, Каттаро былъ выстроенъ вновь. Въ половинѣ XVIII вѣка, когда венеціанскій сенатъ нарушилъ условія своего покровительства каттарской общинѣ, въ городѣ сдѣлалось возмущеніе, и часть населенія, болѣе 80 семействъ, ушли на турецкую территорию, а нѣкоторые даже въ южную Россію. Но Венеція владѣла Каттаро до самаго своего паденія: тогда Австрія сдѣлалась владѣтельницей города. Въ 1806 году, когда вся Далмація была уже въ рукахъ французовъ, русскіе осадили Каттаро; но миръ въ Тильзитѣ остановилъ дальѣйшее дѣйствіе русскаго флота, и Каттаро остался въ рукахъ французовъ. Въ 1813 году англичане взяли Каттаро вмѣстѣ съ его французскимъ гарнизономъ. Кромѣ того, черногорскій владыка не разъ пытался завладѣть городомъ, желая имѣть портъ на Адриатикѣ. По рѣшенію Вѣнскаго конгресса, въ 1814 г., Каттаро присоединенъ къ Австріи.

Взглянемъ на теперешній видъ города. Расположенный на берегу бухты, подъ защитою крѣпости, стѣны которой всползаютъ по гдымъ крутизнамъ, городъ кажется вѣзаннымъ въ

гору. Окружающія, почти отвѣсныя, угрюмыя скалы производятъ тяжелое впечатлѣніе. Лѣтомъ отъ этихъ скалъ, нагрѣтыхъ полуденнымъ солнцемъ, пышетъ жаромъ какъ отъ печей. У самаго порта, при подшвѣ горъ, возвышаются красивыя деревья, гдѣ набережная служилъ мѣстомъ прогулки городскихъ жителей. Тутъ же находится довольно приличный ресторанъ, гдѣ можно встрѣтить путешественниковъ, гарнизонныхъ офицеровъ и разныхъ австрійскихъ чиновниковъ. Каттарская бухта имѣетъ видъ остроугольнаго треугольника, въ вершинѣ котораго и расположенъ городъ; окружающія его сирава и стѣва высокія горы заслоняютъ собою солнце, которое даже при своемъ высокомъ стояніи освѣщаетъ только вершины горъ. Поэтому во многихъ мѣстахъ города, въ узкихъ улицахъ, чувствуется недостатокъ свѣта. Но за то бухта представляетъ замѣчательное удобство для укрытія флота. Слѣдуетъ замѣтить, что отъ Каттарской бухты до открытаго моря 2 часа пути, и понасть въ нее можно не иначе, какъ пройдя 5 узкихъ проходовъ, называемыхъ *узьями* Каттаро. Внутренность города представляетъ рядъ маленькихъ улицъ, кривыхъ и запутанныхъ, съ высокими домами, украшенными балконами, и множествомъ магазиновъ. Отпечатокъ вліянія Венеціи виденъ повсюду. На нѣкоторыхъ публичныхъ зданіяхъ красуются крылатые львы, протягивая свои желѣзныя лапы. Городъ совершенно весь окруженъ стѣнами и имѣетъ три порта, изъ которыхъ 2 запираются съ закатомъ солнца, а послѣдній, гдѣ набережная, закрывается въ полночь. По развитію торговли, весь Каттаро можно назвать магазиномъ и главнымъ складомъ товаровъ всего побережья и Черногоріи. Базаръ бываетъ въ немъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Тогда приходятъ сюда изъ Цетинья торговки съ овощами и домашней птицей, не смотря на трудность горнаго пути и семичасоваго разстоянія. На базарахъ бдительно смотритъ полицейская власть, чтобы черногорцы не завели спора съ жителями. Въ огражденіе серьезныхъ столкновеній, запрещено черногорцамъ входить въ городъ, не оставивъ своего оружія у Южныхъ Воротъ, откуда идетъ путь въ Черногорію. Со стороны бухты есть другой рынокъ, куда привозятъ разные товары Бокесцы. Число жителей въ Каттаро доходитъ до 5 тысячъ, между ними до 2-хъ тысячъ греческаго исповѣданія. Каттаряне вообще народъ простой и добрый, но въ то же время мужественный. Одежда мужчинъ состоитъ изъ смѣси европейскаго и турецкаго платья: короткій камзолъ и жилетъ, украшенные золотомъ вышивкою, широкіе шаровары, чулки, круглая шапочка, галстукъ и широкій поясъ съ оружіемъ. Женщины слѣдуютъ итальянской модѣ и любятъ украшать себя золотомъ и драгоценностями, надѣвая на шею тройное, даже четверное ожерелье.

Отъ Бухареста до Русука.

Иллюстрированныя письма нашего корреспондента Н. Каразина

(Окончаніе).

Смутное, политическое время, рано наступившій холодъ въ верхнемъ теченіи Дуная, торговый кризисъ, злонамѣренная безпорядочность турецкихъ властей, усилившая и безъ того тяжелое бремя „военнаго положенія“, лежащее на всей придунайской полосѣ праваго берега, все это не могло не отразиться на внѣшнемъ видѣ великой славянской рѣки, на ея кипучей жизни, на ея разнохарактерной, живой, разноплеменной, бьющей въ глаза своею пестротой, дѣятельности.

И дѣйствительно, кто привѣтъ видѣтъ Дунай, во время впол-

нѣ мирное, тогъ не узнаетъ его теперь, въ его настоящемъ, болѣзненно измѣнившемся видѣ.

Дунай и его берега готовятся къ ожесточенной борьбѣ: по мирнымъ водамъ плаваютъ дырявые, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно задорные турецкіе пароходы. Мирныя галіоты съ ихъ эффектною, высокоподнимающеюся кормою, возятъ на своихъ надувахъ вооруженныхъ оборвышей и ихъ военный скарбъ.

Не успѣли еще замолкнуть грозные звуки выстрѣловъ, подонкиотставованныхъ надъ скромною цитаделью Бѣлграда ав-

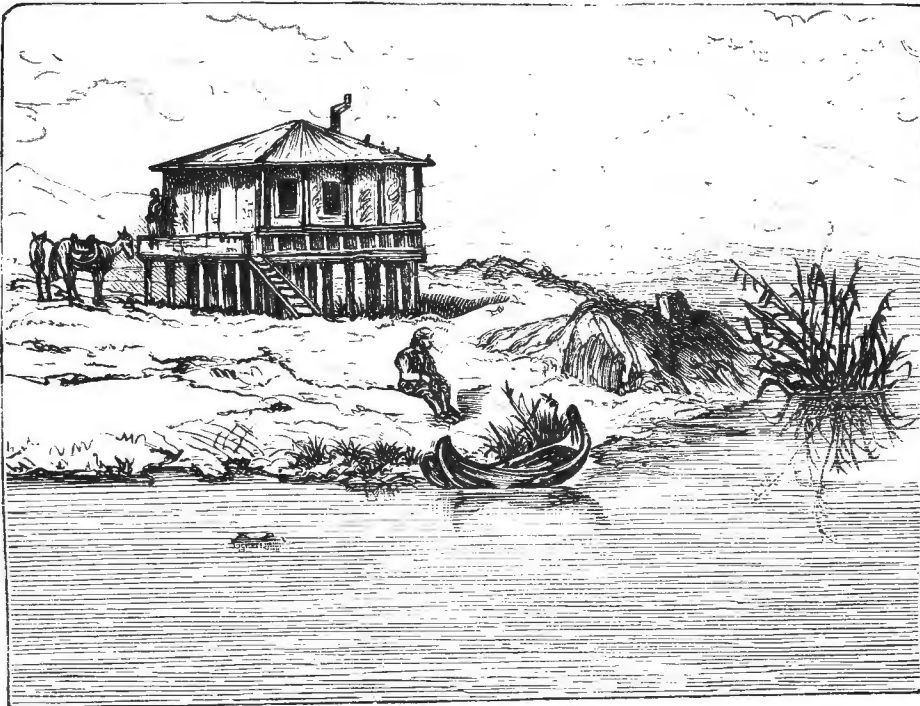
стрийскихъ мониторовъ, пролившихъ свою же собственную, австрийскую кровь, какъ на низменныхъ, песчаныхъ отмеляхъ, поросшихъ жалкимъ кустарникомъ, слышались дробные перекаты ружейной перестрѣлки между турками и румынскими доробанцами... Гдѣ-то между Галацомъ и Браиловымъ, въ одной изъ сторожекъ, цѣлѣю разставленныхъ по обѣимъ берегамъ рѣки, нашли трупы убитыхъ ночью румынъ часовыхъ, въ другомъ мѣстѣ жизнью поплатилась турокъ... Ночи не проходятъ, чтобы гдѣ-нибудь не слышались тревожные звуки, не поднималось бы на темномъ фонѣ ночного неба грозное зарево пожара.

Какіе же могутъ, при такой обстановкѣ, производиться мирныя торговыя операціи, кого безъ нужды и пужды крайней понесетъ путешествовать по этимъ опаснымъ водамъ? И вотъ, великая, грандіозная рѣка стихла, умолкла, обезлюдилась и погрузилась въ какое-то печальное, тоскливое, выжидательное состояніе. Конечно, я говорю про нижнее теченіе Дуная: верхнее — лежащее вѣдь предѣловъ будничнаго театра военныхъ дѣйствій, испытываетъ на себѣ только отраженіе смутныхъ событій, отраженіе, впрочемъ, все-таки довольно осязательное.

Въ такое-то время мнѣ не разъ приходилось плавать по Дунаю и вверхъ и внизъ по теченію, плавать и на палубахъ буксирныхъ пароходовъ, кстати уже, за отсутствіемъ пассажирскихъ, принимавшихъ и путешественниковъ и прохожихъ, на быстро скользящихъ рыбачьихъ лодкахъ, и въ рѣзкой, ярко размалеванной рубкѣ галіота... и каждый разъ, сравнивая эти современныя потѣшки съ прежними веселыми, оживленными, комфортабельными плаваніями — я могъ вполне уяснить себѣ, какое это странное явленіе — война, когда одно ожиданіе ея представляется въ такой безотраднѣй картинѣ.

Лѣвый берегъ Дуная еще пока мало измѣнился, уменьшилось только число судовъ, пріютившихся у пристаней его городовъ и мѣстечекъ — порѣдѣла эта вѣчная, лѣсная чаща махъ и снастей, закрывавшая прежде собою первые ряды городскихъ строеній... Этотъ берегъ большею частію нагорный: на немъ, въ группахъ садовъ, часто видѣются веселые, крытые черепицею и бѣлою жестию, сверкающей на солнцѣ какъ серебро, крыши домиковъ, золотые кресты церквей и стройныя колокольни... По береговымъ дорогамъ тянутся громадныя валашскія телѣги четверками, на узкой песчаной полосѣ, подъ са-

мою кручею, копошится народъ... Въ воздухѣ несутся звуки колокола, слышенъ говоръ, видно по всему, что страна еще живетъ, хотя и готовится къ какой-то невѣдомой, но вотъ-вотъ готовой наступить катастрофѣ, за то правый берегъ представляетъ собою самую безотраднѣй картину разгрома и запустѣнія.

Турецкій береговой блокгаузъ.

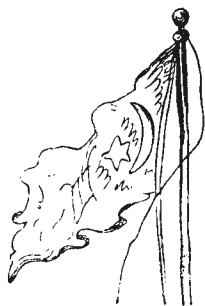
лѣвнвая воловьѣ пара — все или перебито, замучено, или разбѣжалось и поираталось. Если вы и замѣтите здѣсь что-нибудь напоминающее жизнь, то присмотрѣвшись пристальнѣе, увидите нѣчто военное, разбойничье, или толпу полуголыхъ, согнанныхъ съ разныхъ концовъ, несчастныхъ болгаръ, съ лопатами въ рукахъ, трудящихся надъ возведеніемъ какого-нибудь верка или батареи, а по близости — пѣль гуровъ часовыхъ, да англичанъ инженеровъ, съ бичемъ въ рукахъ, практикующихъ отъ скуки веселые эпизоды временъ плантаторства и черныхъ невольниковъ.

Плывете вы дальше, уходя отъ этого невеселаго зрѣлища — подневольной, насильственной работы, отъ свиста англійскаго хлыста по злосчастнымъ болгарскимъ спинамъ. Кстати, мнѣ случалось слышать разсказъ болгаръ о томъ, что пагайка башни-бузюка все таки не такъ больно дерется, какъ усовершенствованный, англійскій хлыстъ изъ гуттаперчи, да и рука, управляющая послѣднимъ, гораздо болѣе напрактикована и хлещетъ съ научно-разсчитанною ловкостью... Оно и понятно — гдѣ же башни-бузюкамъ дойти до такого совершенства, они вѣдь дикари, а англичане „просвѣщенные мореплаватели, изобрѣтатели и проч., и проч., и проч...”

Съ правой и съ лѣвой стороны, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, у самой воды, стоятъ вдоль береговъ одино-

Румынскій береговой блокгаузъ.

Турецкий флаг.

кие сторожки-блокгаузы, слева турецкие, справа — румынские, это если вы идете снизу вверх. Турецкие постройки аккуратнее — они большею частью на сваях, двухэтажные, над крышей торчит колбном труба желѣзной печки, за перилами балкона движется фигура часового... около стоят две или три верховых лошади, осѣдланные и замунштученные, на случай погони, или для того, чтобы скорее дать знать куда слѣдует при малѣйшем намекѣ на опасность... Часто случаются

Турецкий военный пароходъ у острова „Ромадонъ“.

Баши-бузунъ изъ Анатоліи (Береговые разъѣзды для наблюдения за подозрительной лодкой).

лось, что лодка, движущаяся подъ косымъ парусомъ по самой срединѣ рѣки, покажется часовому почему-либо подозрительною, — тотчасъ же отъ сторожеваго домика отдѣлятся одинъ или два всадника и несутся по берегу, провожая такую лодку, пока она или не скроется изъ вида, за поворотомъ рѣки, или на смѣну скакавшимъ наблюдателямъ, не выйдутъ новые, изъ соседняго блокгауза. Случается, что всадникъ скачетъ, скачетъ, да вдругъ нп съ того, ни съ другого и пуститъ пулю изъ своего длиннаго ружья: „на всякій, молъ, случай, пуля виноватаго найдеть, а коли правъ, то Аллахъ пронесеть ее мимо“. Случается, что въ отвѣтъ на такой безцеремонный выстрѣлъ и надъ бортомъ лодки вспыхнетъ бѣлый влудочекъ

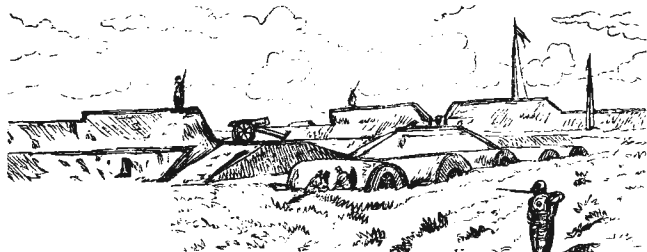

Турецкий св. колодезь по дорогѣ къ Шумлъ.

Турецкое кладбище за восточнымъ фронтомъ рущукскихъ укрѣпленій.

порохового дыма и через голову испуганного коня, на всём скаку кувыркнется через чурь уже ревностно исполняющей свою обязанность всадникъ. У турецкихъ блокгаузовъ часто вы видите и лодки, привязанныя къ кольямъ—это на случай погони за контрабандистами, только эти лодки никогда не гоняются за

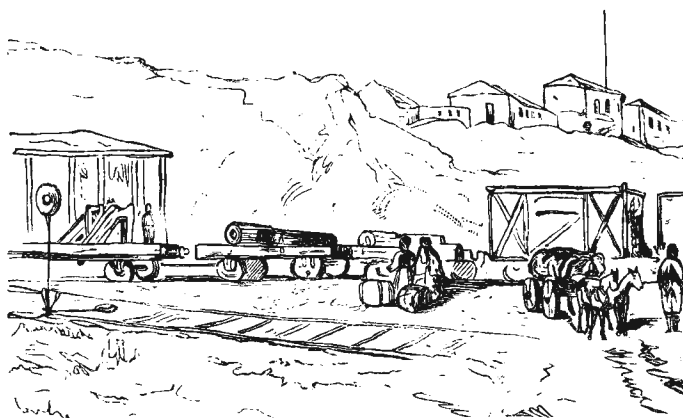
ними, изъ справедливаго опасенія, что изъ такой погони имъ цѣлыми не уйти, ибо гдѣ же неловкой турецкой лодкѣ справиться съ лихимъ, легкимъ какъ ласточка, канюкомъ отважнаго контрабандиста и рыболова некрасовца, зарабатывающаго себѣ не малую денюгу ловлею рыбы, только не той, что идетъ на столъ, а той, что плаваетъ въ мутной водѣ, гдѣ она и ловится людьми, свое дѣло знающими.

Румынскіе блокгаузы устроены просто: простая землянка или мазанка, крытая камышомъ или соломой. Эти сторожки теперь большею частью пусты, особенно послѣ нѣсколькихъ случаевъ убійства сторожей, когда ъне слишкомъ храбрые румыны поспѣшили, во избѣжаніе такихъ случаевъ, просто на просто убрать своихъ часовыхъ и не подвергать ихъ совершенно бесполезной опасности. А что эта опасность совершенно бесполезна, въ томъ не можетъ быть и сомнѣнія, — что можетъ сдѣлать одинокій сторожъ въ виду какого-нибудь круннаго покушенія на право неприкосновенности румынскаго берега, между прочимъ при частомъ расположеніи вдоль берега румынскихъ селъ и мѣстечекъ подобное покушеніе не можетъ остаться незамѣченнымъ, и мѣра, принятая во время и въ должныхъ размѣрахъ, всегда окажется гораздо болѣе дѣйствительною.

Вѣдь попались же турки дровосѣки, перебравшіеся на румынскій островъ Ромоданъ, лежащій противъ Рушукъ, да какъ попались—они потеряли четырнадцать человекъ плѣнными и двухъ убитыми—уронъ достаточный, вызвавшій со стороны турокъ взрывъ негодованія за *безчеловѣчность* (какъ вамъ это нравится?) румынъ, и даже нѣчто въ родѣ австрійской военной демонстраціи подъ Бѣлградомъ, т. е. появленіе у берега этого злосчастнаго для турокъ острова двухъ военныхъ пароходовъ, подъ краснымъ флагомъ, съ бѣлою луною и звѣздами.

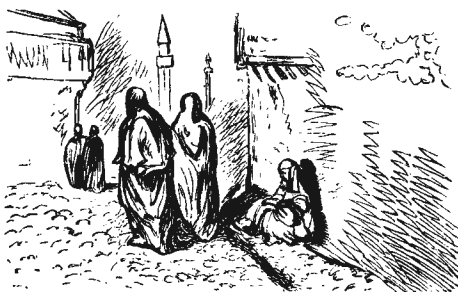
Скажу, кстати нѣсколько словъ по поводу своихъ строкъ, набросанныхъ перомъ на поляхъ этого писема. Они сдѣланы въ Рушукѣ, откуда пишу вамъ свое второе письмо, служащее

какъ бы дополненіемъ перваго—это срисовано мною съ натуры, турецкое кладбище, за восточнымъ фронтомъ городскихъ укрѣпленій. Обнесенное каменною оградой, раскинувшееся на склонѣ горы, съ своими оригинальными, торчкомъ стоящими надгробными плитами и кое-гдѣ разбросанными фруктовыми

Крупновскіе пушки на платформѣ желѣз. дороги.

Блиндированныя баракы для прикрытія гарнизона во время бомбардированія.

Турецкіе женщины на улицахъ.

деревьями, оно представляетъ довольно оригинальное зрѣлище, особенно, когда оживлено фигурами, а это оживленіе почти не прекращается, ибо, благодаря брюшному тифу и разнымъ простуднымъ видамъ болѣзней, свирѣпствующихъ въ рядахъ турецкихъ войскъ, особенно въ рядахъ рушукскаго гарнизона, въ похоронахъ недостатка не бываетъ.

Недалеко отъ этого кладбища, у самой дороги, стоитъ старинный турецкій колодезь, защищенный восьмиугольнымъ каменнымъ киоскомъ. Надъ замкомъ свода крыши укрѣплено грубое изображеніе луны, постоянный пріютъ воронъ, находящихъ себѣ достаточно пищи въ этихъ грудахъ мусора и нечистоты, окружающихъ опустѣлый колодезь и полуразвалившуюся ограду загороднаго кладбища.

Два слѣдующихъ рисунка изображаютъ крупновскія орудія, привезенныя для вооруженія ново-строющихся турецкихъ редутовъ вокругъ Рушукъ. Вогъ уже скоро недѣля, какъ эти массивныя тѣла мирно покоятся на платформахъ желѣзной дороги, въ ожиданіи когда ихъ перетащутъ на болгарскихъ спинахъ на платформы боевыя, надъ возведеніемъ которыхъ и день и ночь копаются до трехъ тысячъ человекъ рабочихъ. На второмъ рисункѣ видны блиндированныя баракы-землянки, выстроенныя за крѣпостнымъ фронтомъ внутри и предназначеныя для помѣщенія артиллерійской прислуги и защиты ея отъ навѣсныхъ выстрѣловъ осаждающей арміи. Каждый такой баракъ-блиндажъ можетъ вмѣстѣ въ себѣ до сорока человекъ, а то и больше, если потѣснятся. Его толстая, сводчатая крыша, сложенная изъ камня, и толстый слой насыпанной сверху земли, весьма достаточенъ, чтобы притивустоять удару гранаты или бомбы, если только эта бомба, проникнетъ хотя на поларшина въ толщу земляной одежды и разорвется тамъ, отчего, конечно, обитателямъ барака не поздоровится.

На послѣдней виньеткѣ нарисованы двѣ закутанныя, неловко движущіяся въ своихъ широкихъ одеждахъ турчанки. Переходъ отъ блиндированныхъ бараконъ къ этимъ фигурамъ весьма извинителенъ: и тѣ и другія блиндированы: одни камнемъ и землею отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, другіе—тонкою вуалью отъ взоровъ любопытнаго встрѣчнаго, которому предоставляется возможность любоваться только глазами турецкой красавицы, дѣлая обо всемъ остальномъ какія угодно заключенія и предположенія.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Убийца, выжидающій свою жертву.

Историческіе романы, ходячія легенды, разныя сказанія и вообще поэзія облекли социальную жизнь итальянскихъ городовъ, въ средніе вѣка, извѣстнымъ драматическимъ интересомъ, и этотъ интересъ еще болѣе увеличивается привлекательностью самаго мѣста дѣйствія, какова Италия, съ ея роскошнымъ климатомъ, съ ея художественными произведеніями. Дѣйствительность въ Италиі, однако, имѣла далеко не такой характеръ, особенно по сравненію съ другими странами Европы. Какая яркость, пестрота нравовъ и характеровъ представлялась тогда! честный и глубоко-религіозный народъ, добрыя мужья, вѣрныя женщины, доброжелательныя сосѣди, граждане, уважающія права другихъ, отвращающіеся отъ всякихъ заговоровъ, вспышекъ, бунтовъ—и наряду съ этимъ распущенность, презрѣніе семейныхъ узъ, законовъ, чести: заговоры бунты!.. Такъ было въ Мантуѣ, Вѣронѣ, и др. Это было бурное

время ожесточенной борьбы самыхъ разнородныхъ общественныхъ элементовъ. Миротлюбивая и благомыслящая часть тогдашняго общества была совершенно побѣждена и уничтожена, какъ кажется, высокоуміемъ и насиліемъ соперничающихъ партій и даже цѣлыхъ клановъ, которые (партіи и кланы) группировались около знатныхъ фамилій, бывшихъ руководителями возмущившихся горожанъ. Возникла война, сраженія происходили на улицахъ города. Тогда-же получали громадное развитіе и тайныя убійства; Но часто случалось такъ: собиралось въ банду или шайку человекъ 5—6 близкихъ родственниковъ и шли на добычу, или предводителемъ банды являлся владѣтель недвижимой собственности: въ городѣ, онъ собиралъ своихъ друзей и домочадцевъ, вооружалъ ихъ и шелъ отыскивать подобную-же банду своихъ враговъ. Шекспиръ, въ тѣхъ своихъ драмахъ, которыя онъ бралъ изъ жизни средневѣковаго итальянскаго общества, прекрасно обрисовалъ этотъ характеръ быта итальянскихъ городовъ. Припомнимъ сцену изъ „Ромео и Жульетты“,

драму сюжетъ для которой „Шекспиръ заимствовалъ изъ итальянской сказки Луджия-да-Порто изъ Виенны. Въ этой сценѣ мы видимъ Тибальта и Меркуцио готовыхъ помѣриться другъ съ другомъ своими убійственными ножами и затрецинами, и какъ слуги того и другого кусаютъ другъ другу руки. Беремъ другую драму Шекспира, напр. хотя-бы „Отелло“, мы видимъ и здѣсь что убійство было въ это бурное время самымъ привычнымъ, такъ сказать, домашнимъ дѣломъ въ Итали. Такъ Яго выводитъ на улицу молодаго безумца Родерико и даетъ ему инструкци для убійства Кассіо, какъ для самой обыкновенной вещи...

Прилагаемая гравюра представляетъ намъ стройную, но мрачную и разбойническую фигуру истаго итальянскаго „браво“ или наемнаго убійцы, взяшагося исполнить кровавую месть какого нибудь сензора. Онъ не шелохнется, выжидая своей жертвы... Художникъ видимо, овладѣлъ своей мыслию въ совершенствѣ, выразилъ её въ каждой частности этой мрачной фигуры. Возьмитъ ея голову и—выраженіе мысли художника попрежнему сильно: оно чувствуется вовсей фигурѣ, въ экспрессіи рукъ, въ постановкѣ ногъ. Закройте половину фигуры—и мысль художника по прежнему будетъ понятна. Вотъ что зна-

читъ овладѣть вполне „сюжетомъ“ и умѣть въ совершенствѣ передать его. Здѣсь невольно припоминается выраженіе, что прекрасное всегда просто. Да, но многіе-ли „мудрые“ способны возвысится до такой простоты.

Непрошенный гость.

(Картина Бекельмана)

При взглядѣ на эту картину невольно воскресаютъ воспоминанія дѣтства. Затихше дворика вѣетъ миромъ и отрадою. Мальчикъ съ миской похлѣбки, „барбось“ „или волчезъ“ явившійся безъ зову на вкусный запахъ и не спускающій глазъ съ ложки, кажутся давнишними знакомыми. Утятя, разбѣгающіеся при видѣ непрошеннаго гостя въ разныя стороны, сердящіеся гуси, раскрытый сѣноваль, съ залупавшимся въ сѣнѣ ципленкомъ, свиное рыло, высунувшееся изъ мѣста заточенія его обладателя, слышавшаго оттуда запахъ пищи,—всѣ мелочи домашняго сельскаго быта, какъ онѣ не ничтожны сами по себѣ, заставляютъ забыть шумную городскую жизнь, полную тревогъ и волненій. Таково впечатлѣніе прилагаемой картинки Бекельмана.

Политическое обозрѣніе.

Наконецъ, лондонскій протоколъ, по поводу котораго было столько гаданій, предположеній, обсужденій, подписанъ представителями 6 великихъ державъ. Это подписаніе состоялось въ прошлую субботу 19 (31) марта, вечеромъ и этимъ актомъ рѣшеніе вопроса о «мирѣ или войнѣ» перенесено въ Константинополь. Вслѣдъ за тѣмъ стало извѣстно, что Реуфъ-паша уже окончательно назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Петербургъ для переговоровъ по поводу протокола. Европейскіе повѣренные въ дѣлахъ при Портѣ должны объявить турецкому правительству протоколъ 22 марта (3 апрѣля). Обладаетъ ли этотъ протоколъ такую моральную давленію на Порту, что она незамедлительно произведетъ немедленно много обещанныхъ ею реформы относительно балканскихъ славянъ, или протоколъ этотъ отличается характеромъ снисходительности, съ которой Порты привыкла и благодаря этой привычкѣ всегда обходила и обходитъ европейскія требованія. Но такъ какъ содержаніе и характеръ протокола еще не извѣстны, то и предугадывать его впечатлѣніе на Порту и вообще послѣдствія, конечно, преждевременно.

Но протоколъ, какой бы онъ ни имѣлъ характеръ, не есть что нибудь рѣшающее дѣло, такъ сказать, безповоротно. Онъ просто временное соглашеніе въ дѣлахъ мира или войны—это безразлично. Видъ ужъ даже англійская газета «Daily Telegraph» проводящая политическія воззрѣнія самого Биконсфильда, высказывается, что опасность войны не миновала съ подписаніемъ протокола. Протоколъ, правда можетъ повести и къ важнымъ послѣдствіямъ, если подписавшій его державы будутъ настойчиво требовать исполненія его существенныхъ пунктовъ, онъ можетъ остаться и простою формальностью, если коллективной настоячивости державъ не состоится. Мы знаемъ, что такъ называемый Петербургскій протоколъ, предшествовавшій освобожденію Грековъ, въ 1, четверти текущ. вѣка повелъ къ послѣдствіямъ весьма важнымъ—именно къ упомянутому освобожденію; но значительность своего результата этотъ протоколъ обрѣзанъ единодушію державъ и тому, что тогда во главѣ британскаго министерства находился благородный, гуманный и великодушный конингъ. Не будь конинга—дѣло не сомнѣнно рѣшилось бы нѣсколько иначе. До сихъ поръ новая исторія (или говоря тѣснѣе) исторія Европы въ XIX вѣкѣ доказывала намъ, что Англія составляла барометръ, покрывавшій давленіе политической атмосферы, насколько дѣло касалось Востока. Такъ представляется дѣло и теперь. По силѣ вещей вліяніе Англіи въ рѣшеніи восточнаго вопроса не утрачено и не можетъ быть утрачено, именно благодаря ея корыстолюбивой, основанной на коммерческихъ расчетахъ, политикѣ. Давно бы слѣдовало, конечно, выдѣлить это корыстолюбіе, изъ весьма серьезнаго и жгучаго вопроса объ освобожденіи *райи* изъ подъ турецкаго ига но сила эгоизма и бездушнаго корыстолюбія такъ велика еще во второй половинѣ XIX вѣка, что о прямомъ и безкорыстномъ осуществленіи со стороны европейскіхъ государствъ общечеловѣческаго долга—освобожденія угнетенныхъ еще, какъ видно, и рѣши быть не можетъ. Да и мало ли чего еще мы насмотримся въ исходѣ XIX столѣтія благодаря именно бездушному эгоизму и корыстолюбію въ общеевропейской политикѣ, настоящій тонъ которому даетъ Англія! Еще, видно, далеко то время, когда европейскій человекъ можетъ сказать: я дѣлаю не то, что мнѣ выгодно, а то, что повелѣваетъ мнѣ долгъ.

Странно сказать, а вѣдъ Англія, въ существѣ дѣла, съ замѣчательно дерзостью преслѣдуетъ въ своей общей политикѣ извѣстный Меттерниховскій принципъ «divide et impera» (раздѣлай и властвуй) съ тою разницей, что Меттернихъ примѣнялъ это правило относительно народовъ, составляющихъ Австрійскую имперію, а Англія практикуетъ это правило надъ Европою. Возбудить взаимныя недобѣры между континентальными державами—это старинный конекъ Англіи. Кто слѣдитъ за текущею политикою въ теченіе прошлаго года, тотъ могъ замѣтить съ

какою ловкостью употребляла свой принципъ Англія всюду гдѣ находила удобный случай. Если, — что конечно, несомнѣнно,—Англія будетъ держаться такой политики и теперь, когда державы обязаны наблюдать за соблюденіемъ условій протокола, то небольшихъ же мы результатовъ дождемся отъ продолжительной дипломатической работы по восточному вопросу.

Благодаря сейчасъ охарактеризованному политическому коварству Англіи, лондонскія газеты просто приходятъ въ восторгъ, «Morning-Post», наприимѣръ, уже прямо выражаетъ надежду, что Россія конечно, засвидѣтельствуетъ свое миролюбіе «чѣмъ нибудь *болышимъ* (?) нежели простое распушеніе ея арміи.» Daily News высказываетъ мнѣніе, что хорошо-де было-бы, если-бы протоколъ «доставилъ Россіи возможность избѣгнуть войны, не принеся въ жертву свое достоинство.» Что это за нѣжная заботливость по поводу Россіи, напоминающая сердобольныхъ кумушекъ-плакальщицъ! Эта забота производитъ впечатлѣніе, крайне нехорошее, потому что не искренни. Настоящее чувство опасенія замаскировать кислою мнью состраданія—это по англійски!.. Замѣтимъ еще, для болѣе точнаго освѣщенія дѣла, что и самое подписаніе протокола *ускорилось* только благодаря категорическому заявленію, обращенному С.-Петербур. кабинетомъ къ С. Джемскому, съ приглашеніемъ дать *положительный* отвѣтъ въ *пятидневный* срокъ*), отвѣтъ разумѣется на циркулярную ноту нашего Канцлера). Тогда, въ виду этого энергическаго призыва со стороны Россіи, англійское министерство быстро воспрянуло отъ дремоты, и принялось за протоколъ, который спрятали-было подъ сукномъ и которому нѣкоторыя европейскія газеты собирались-было спѣть «вѣчную память».

Такимъ образомъ самое подписаніе лондонскаго протокола является результатомъ настойчиваго запроса со стороны Россіи, обращеннаго къ Англіи. Какія послѣдствія вытекаютъ изъ этого—несомнѣнно покажетъ близкое будущее.

Перейдемъ къ другимъ новостямъ, имѣющимъ ближайшее соотношение съ главнымъ вопросомъ.

— На мѣсто прежняго уполномоченнаго со стороны Британіи въ константинополь, Сэръ Генри Эллиотъ, туда отправляется лордъ Лайярдъ, въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго. Лордъ Лайярдъ извѣстенъ какъ завзятый туркофилъ.

— О Черногоріи сообщаютъ, что уступки князя Николая въ мирныхъ переговорахъ, благодаря давленію Австріи, Англіи и Итали, доведены до всевозможнаго минимума. Теперь уже Черногорія не требуетъ себѣ портовъ на Адриатическомъ морѣ Сутаринскаго и Спицскаго, а также исправленія границъ Черногоріи рѣкою Морачей до Скандарскаго озера. Вопросъ о крѣпости Никшичъ также продолжаетъ быть спорнымъ. За тѣмъ, превосходныя для пастибищъ скога мѣстности, наковы Колачинъ, Кучи-Дреколовичи и Вассоевичи,—купленные Черногорскою кровью, тоже повидимому, уходятъ изъ рукъ Черногоріи, такъ что геройская страна третируется не какъ побѣдительница, а почти какъ побѣжденная. Блестящіе военныя успѣхи остаются безъ результатовъ. До сихъ поръ Черногорскіе делегаты въ мирныхъ переговорахъ настаивали на своихъ требованіяхъ относительно исправленія границъ. Съ подписаніемъ же лондонскаго протокола соглашеніе между Турціей и Черногоріей считаютъ менѣе невѣроятнымъ.

— По вопросу о вооруженіяхъ Порты извѣстно, что турецкое правительство призвало къ оружію всѣ классы редиовъ и ополченіе; что ополченцы снабжаются оружіемъ одеждою и всѣмъ необходимымъ на счетъ правительства и будутъ употреблены для военныхъ дѣйствій противъ инсургентовъ въ Босніи, редиоамъ-же назначено отправиться въ Болгарію, затѣмъ—извѣстно, что турецкій генерал-исемумъ Абдулъ-Керимъ намѣренъ немедленно

*) Извѣщеніе объ этомъ въ формѣ корреспонденціи помѣщено было въ вѣнской газетѣ «Politische Correspondent».

приступить къ осмотру войскъ. Когда, передъ подписаніемъ протокола въ Константинополь пришло извѣстіе о неудачномъ исходѣ переговоровъ представителей великихъ державъ въ Лондонѣ—это извѣстіе привело Порту въ настоящую панику. Министры нѣсколько разъ собирались на совѣщанія, и рѣшили съ возможною поспѣшностью усилить приготовленія къ войнѣ. Мухтаръ-паша немедленно отправился въ Эрзерумъ, гдѣ, такъ-же, какъ и состороны Албаніи происходятъ усиленные приготовленія къ войнѣ. Турецкій броненосный флотъ отправился въ Черное море подъ начальствомъ Гобарта-паши (ренегата-англичанина), по первому сигналу этому флоту предписано было двинуться къ устьямъ Дуная, въ Сулину и въ Батумъ; затѣмъ, во все провинціи послано приказаніе вооружить черкесовъ; сдѣлано также распоряженіе напасть на Черногорію и на Сербію,—на послѣднюю подъ тѣмъ предлогомъ, что она не прочла султанскій фирманъ въ сенатѣ и скупщинѣ, какъ того требовала Porta. Затѣмъ, въ виду все тѣхъ-же военныхъ приготовленій, правительство султана рѣшило сдѣлать новый выпускъ пресловутыхъ *каимѣ* (бумажныхъ денегъ), не смотря на то, что они утратили теперь всякую цѣнность.

— Этотъ невольный турецкій переполюхъ нѣсколько предначертываетъ намъ, тотъ общій планъ, на основаніи котораго будетъ оперировать Porta въ случаѣ военныхъ дѣйствій. Дервишъ-паша у ней на готовѣ, по первому знаку напасть на Черногорію; на границѣ Албаніи сосредоточится турецкій войска, что-бы предотвратить враждебное Портѣ движеніе Миридитовъ и друг. племенъ на сѣверъ. Затѣмъ дикія шайки Черкесовъ и всякая иррегулярная сволочь должна стаянуться къ Босніи, Сербіи и Болгаріи и проч. Дервишъ-паша объявилъ, что онъ во всякое время готовъ напасть на Черногорію и вотъ почему становится еще болѣе понятна крайняя медленность мирныхъ переговоровъ Порты съ Черногорскими делегатами. Очевидно существуетъ напряженное фанатическое ожиданіе упорной войны, и съ этой точки зрѣнія Дервишъ-паша *) советуетъ Портѣ не стоять за Никшичъ, такъ какъ крѣпость эта въ стратегическомъ отношеніи ничтожна.

— Изъ Рима сообщаютъ, что состояніе здоровья папы находится въ безнадѣжномъ положеніи, такъ что ожидаютъ его кончины. Это ожиданіе смерти римскаго первосвященника усилило до крайнихъ предѣловъ, разногласія, существовавшія въ средѣ прелатовъ—католиковъ. Пущены въ ходъ со стороны извѣстной партіи прелатовъ тайныя подпольныя дѣйствія для избранія антипапы.

— Генералъ Игнатъевъ возвратился въ С-Петербургъ изъ своего путешествія по Европѣ 18 (30) марта, въ пятницу.

— Согласно обычаю соединенныхъ Сѣвер.-Амер. штатовъ измѣнять составъ дипломатическаго корпуса за границею при каждомъ новомъ избраніи президента,—на мѣсто нынѣшняго американскаго посланника въ Петербургъ г. Бокера, будетъ, какъ говорятъ, назначенъ генералъ Логау.

— Носятся слухи, что лѣтомъ нынѣшняго года Петербургъ посѣтитъ бывшій президентъ Сѣвер.-Америк. союза Генералъ Грантъ.

— Въ Петербургъ не давно прибыла Боснійская депутація, путешествующая по европейскимъ столицамъ по порученію своихъ согражданъ.

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, Дервишъ-паша назначенъ губернаторомъ г. Салоникъ.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Богатство языка—есть богатство мысли (Карамзинъ).

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы. Глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ и это приписываютъ разборчивости вкуса, странности и т. д. Тотъ-же глупецъ восхищается романами Дюкре-Дюминилля и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для чловека мыслящаго (Пушкинъ).

Ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить изящныя искусства (Байронъ).

Надобно умѣть умирать, но надобно и умѣть жить. Последнее гораздо труднѣе перваго. Сколько людей умираетъ, вовсе не проживъ на свѣтѣ (Вольтеръ).

Замѣтка.

Въ № 9 «Нивы», наст. года, въ статьѣ «Новороссійскій рельсопрокатный заводъ» (стр. 148) было сказано, что на устройство завода потребовалось капитала до 30 милліоновъ, и что на этомъ заводѣ нѣтъ русскихъ рабочихъ.

Мы получили въ настоящее время свѣдѣнія отъ лица вполне знакомаго съ дѣлами этого завода, что заводъ принадлежитъ «Новороссійскому обществу», основной капиталъ его 3,800,000 рублей, акціонеры—частью русскіе, частью иностранцы, на заводѣ до 2,200 чловека русскихъ и между лицами, руководящими дѣлами завода, на половину русскіе.

Даемъ мѣсто этой замѣткѣ, какъ поправкѣ не точныхъ свѣдѣній, ранѣе сообщенныхъ намъ о заводѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) Поступившіе въ контору «Нивы» въ пользу пострадавшихъ славянъ: отъ гг. служащихъ въ Коми. Вознесено-Тверскаго по цѣпи пароходства 15 р. 50 к., учениковъ и ученицъ Воскресенскаго приходскаго училища 3 р. 10 к., Мамонтова 3 р. Шаршова 1 р., Трунина 1 р., прихожанъ Ногорьской церкви 8 р., учениковъ Ломовскаго приходскаго училища 2 р., Воинова 3 р. 50 к., Залодкаго, Жуковского, Старцева, Лумберга, Константина, Шольтица, Левашева, Вайкова, по 50 к. отъ каждого, всего 41 р. 10 к. Сданы въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ подъ квитанцію за № 2 79.

2) М. Быновъ, В. М.—енко. Хотя повѣтъ говорить: «Гармоніи стиховъ божественныя тайны Не думай разгадать по выгамамъ мудрецовъ», но надо же грамотѣ научиться хоть немного. Имъ, напримѣръ, пишетъ: «Любовь звучитъ, какъ Божій даръ Какъ радость жизни съ тайной чаръ».

Согласитесь, вѣдь это все ровно то что скажутъ: *самой въ смѣлку.*
3) Мосина, Пятшю, В. Д.—ову. Необходимо чтеніе образованныхъ сочиненій. Изъ прилаганаго пока видно только, что вы чловекъ грамотный и владеете стихомъ, но для поэзии этого мало.

СОДЕРЖАНІЕ: Э. И. Тотлебенъ (съ портретомъ).—Валтасаръ (изъ Гейне) (статотвореніе) Иванаова.—Госпожа маркиза (Новелла Поля Гейзе).—Миленна. (Разсказъ изъ прологодней жизни въ Сербіи). (Окончаніе) Н. Каразина.—Каттаро (съ 2-мя рисунками).—Отъ Бухареста до Рушуня. Иллюстрированныя письма нашего корреспондента Н. Каразина (съ 10-ю рисунками (окончаніе)).—Убийца, выидающій свою жертву (съ рисункомъ).—Непрощенный гость (картина Вегелъмана) (съ рисункомъ).—Политическое обозрѣніе.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Замѣтка.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.—Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за АПРѢЛЬ съ 34 рисунками, большой листъ съ 23 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 33 рисунками разнообразныхъ бунтъ для шитія бѣлья.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЕВЪ.

ЛЕЧЕБНЫЙ СЕЗОНЪ

1877 года продолжается съ 25 мая по 15 августа.

Сѣрно-соляныя источники (въ 16 унц. 139 гр. безводныхъ солей, въ томъ числѣ сравнительно много брома); **железистыя источники** (въ 16 унц. 28 гр. солей, въ томъ числѣ 0,5579 гр. двууглекислой закиси желѣза); **минеральная грязь** (тождественная, по анализу проф. Шмидта, съ Галсальскими морс. грязями). **Настоящая степной Кумысъ.**

Главные болѣзни: хроническій ревматизмъ, золотуха, сиолиазъ, наклонныя болѣзни, увеличеніе печени и селезенки, скрытый геморрой, нервные боли, параличи, хроническія женскія болѣзни, малокровіе и хлорозъ и зависящія отъ нихъ страданія.

Заведеніе находится Самарской губ., въ 50 верстахъ отъ р. Волги. Сообщеніе: по желѣзной дорогѣ до Саратова или Сызрани; затѣмъ 10 часовъ, ѣзды на пароходѣ до пристани с. Балакова переѣздъ изъ Балакова на воды въ удобныхъ тарантасахъ (4 часа ѣзды).

Весь расходъ больного за меблированную квартиру съ самова-

СТОЛЫПИНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

ромъ и прислугою, за право посѣщенія воксала и танцевальныхъ вечеровъ, за музыку, газеты, бібліотеку, питье минеральной воды, ежедневную ванну, врачебные совѣты и обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ—составляетъ выѣздъ, смотря по величинѣ занимаемой квартиры, отъ 110 до 155 руб. за 6 недѣльный курсъ. Для менѣе состоятельныхъ больныхъ назначается съ 15-го Іюля 2-й курсъ лѣченія съ платою 65 руб.

Подробныя свѣдѣнія объ условіяхъ жизни и химическомъ составѣ минеральныхъ источниковъ можно получать: въ Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. Шамбахера, на Вознесенскомъ пр. № 22; въ Москвѣ—въ магазинѣ аптекарскихъ товаровъ Гетлингъ и К^о, Столечниковъ пер.; д. Ребиндеръ; жителей другихъ городовъ просятъ обращаться письменно въ контору Стол. Мин. Водъ, Самарской губ. черезъ с. Балаково.

Директоръ Стол. Мин. Водъ Др. мед. Н. Ивсенсъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ 1877 Г.

Покорнѣйше просимъ гг. подписч. нашихъ, при перех. адр. высылать:

- 1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . 60 коп.
- 2) " " Иногороднаго на С.-Петербургскій . . 50 "
- 3) " " Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 24 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

БѢЛЬЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ ВКУСѢ:

для дамъ, дѣтей и новорожденныхъ,

ГОТОВОЕ И НА ЗАКАЗЪ:

Рубашки, кофты, выкатаны, юбки, каплоты, корсетки, носов. платки, вуали, шарфы, моднѣйшіе воротники и чепчики, передники, платья, шляпки, носочки, нагрудники, чулки и пр. Въ магазинѣ «Французской бѣлошвейной» («Lingerie française»), на Исакіевской площ., домъ № 4 (между Больш. и Мал. Морскихъ). 1—1

ГГ. АПТЕКАРЯМЪ.

Это желаетъ отдать въ аренду аптеку, прошу сообщить условія, Полтавской губ. въ м. Борисполь. А. Ф. Гофману. 1—1

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 15 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 11 Апрѣля 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ все
уже вышедшіе номера
«Нивы».

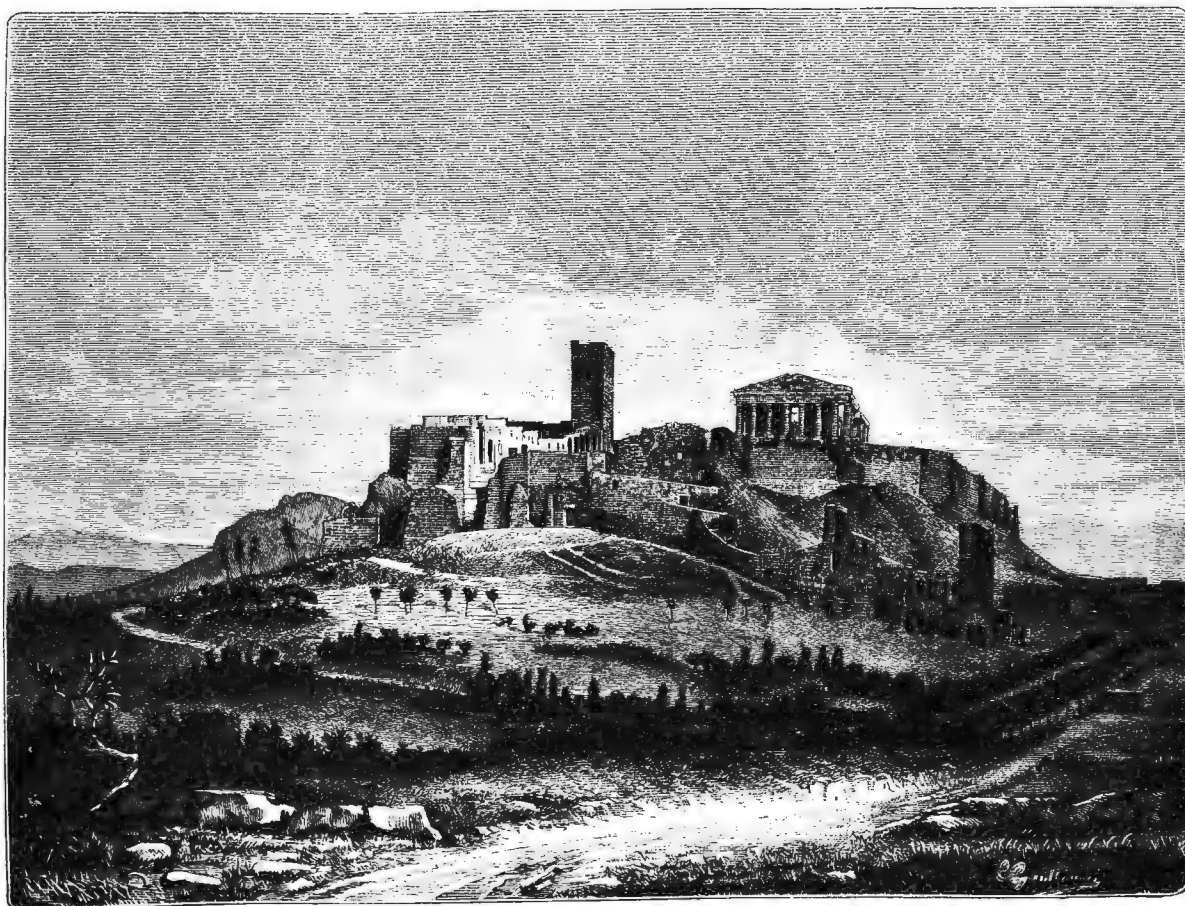
Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
” ” съ доставкой	5 ”
Въ Москвѣ безъ доставки черезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева.	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во все города Имперіи	5 ” 50 ”

Подписка продолжается.

Контора журнала
«Нива» помѣщается
въ С.-Петербурѣ, на Б.
Морской, въ д. № 9.

АКРОПОЛЬ ВЪ АѢИНАХЪ.

Общій видъ Аѣинскаго Акрополиса. Рис. Е. Гильомъ, грав. Лаплантъ.

АКРОПОЛЬ ВЪ АѢИНАХЪ И ГАВАНЬ ПИРЕЙ.

I.

Пирей — аѢинская гавань въ ЭѢинскомъ заливѣ, въ 2 м. отъ АѢины, съ которыми она нѣкогда соединилась двумя стѣнами, построенными Ѣемистокломъ и Перикломъ и разрушенными Лизандромъ. Пирей тогда раздѣлялся на 3 бассейна, вмѣщавшихъ въ себя до 400 кораблей.

Изъ трехъ аѢинскихъ гаваней, существующихъ въ настоящее время, Фалеронъ слишкомъ открытъ, Мунихъ недостаточенъ велика и только безопасный Пирей щедро награжденъ благоприятными условіями для стоянки судовъ. Гавань Пирей, не смотря на свою обширность, весьма дурно содержится и въ сѣверномъ углу на значительномъ пространствѣ покрыта неподъемнымъ болотомъ, подъ которымъ донынѣ отыскиваются большія плиты мрамора, составлявшія въ древности дно прекраснаго дока для морского флота.

Докъ этотъ находится вблизи станціи аѢинской желѣзной дороги и легко могъ быть приспособленъ къ дѣлу. Одинъ французскій офицеръ морской службы дѣлалъ предложеніе очистить этотъ древній докъ, составивъ проектъ и много хлопоталъ о принятіи его; но ему не удалось побѣдить то враждебное отношеніе, какое встрѣчается въ Греціи каждое предпріятіе, хотя бы очень выгодное для края.

Гавань Пирей постоянно занята военными кораблями различныхъ національностей, благодаря именно тому обстоятельству, что въ этой гавани корабли имѣютъ всѣ удобства для спокойной стоянки. Иногда случается даже такъ, что капитанъ гавани бываетъ вынуждаемъ запрещать входъ кораблямъ въ эту гавань въ виду тѣсноты отъ многочисленнаго прихода кораблей; но часто не обращается вниманіе на эти запрещенія, и корабли, стѣбая и заѣвая одинъ другого, все-таки приходятъ кое-какъ въ гавань.

Городъ Пирей — очень молодой городъ. Нѣтъ тридцать тому назадъ король Оттопъ, предшественникъ нынѣ царствующаго короля Георга I, высадившись въ Пирейской гавани, напелъ на берегу всего двѣ-три хаты. Теперь же городъ вмѣщаетъ въ себя до 15 тысячъ жителей. Собственно развитіе города началось послѣ окончанія севастондальской войны и въ особенности усилилось съ 1860 годовъ. Съ того времени здѣсь начали строиться магазины, дома, равняться улицы, раскидываться сады. На отлогости каменнаго холма, отдѣляющаго новый Пирей отъ Мунихъ, прежде необитаемаго, возвышаются теперь прекрасныя и удобныя жилища съ ихъ красными кровлями и зелеными ставнями. Нѣсколько церквей, биржа, верхній этажъ которой служитъ собраніемъ пегоціантовъ, украшаютъ окрестности Пирей. Если нѣсколько кварталовъ и сохранили еще первоначальный видъ, то прорѣзывающіяся широкія улицы, углубляемая сточныя трубы, работы по очищенію воздуха, устройству садовъ, доказываютъ, что городское хозяйство Пирей болѣе дѣятельно въ отношеніи интересовъ города, чѣмъ хозяйство АѢины. Въ 1833 году въ Пирей было всего какихъ-нибудь два десятка жилищъ, раскиданныхъ по зачумленному берегу; во за сямъ населеніе его начинаетъ увеличиваться. Въ 1835 году здѣсь было всего 100 человекъ жителей; въ 1861 году—6,400 чел.; въ 1870 г. болѣе 11,000; въ 1874 г. по меньшей мѣрѣ 13,000, между которыми считается 2,500 рабочихъ. Уже нѣтъ 10 какъ въ Пирей построено нѣсколько заводовъ, шелковая прядильня, бумагопрядильня, нѣсколько паровыхъ мельницъ, мебельная мастерская и проч. Рабочіе на стеклянныхъ заводахъ и инженеры, стоящіе во главѣ ихъ — всѣ пруссаки. Что касается паровыхъ машинъ, то, исключая только одну английскую, всѣ—французской работы.

Лишь только путешественникъ ступитъ ногой на бѣлоамраморныя ступени дебаркадера, какъ нападаетъ на него туча чичероне и начинаютъ мучить на всякіе лады: мучатъ и своимъ страннѣмъ выговоромъ, мучатъ и предложеніями различныхъ услугъ. Населеніе Леванта (Анатолиі), а въ особенности греческая раса, всегда любило промышленнѣе знаніемъ мѣстнаго языка и безъ ихъ услугъ путешественникъ ни какъ обойтись не можетъ, не смотря на пытки, которые отъ нихъ приходится переносить.

Дорога, соединяющая Пирей съ АѢинами, не болѣе 8 верствъ Опа въ болѣе части тѣниста. Сквозь бѣлые стволы тополей Виржиніи, ея окаймляющихъ, замѣчаются розовыя верхушки Парнаса; но что дѣлаетъ эту дорогу ненавистной, это волны известковой пыли, мелкой, бѣлой, удущающей и осыпающей путника съ головы до ногъ.

Въ недавнее время въ гавани Пирей находился британскій флотъ, стоявшій съ весны 1876 г. въ Безикской бухтѣ. Для чего онъ такъ долго тамъ стоялъ—вѣрныхъ свѣдѣній никто пока еще не доискался. Одни говорятъ, что онъ стоялъ для того, чтобы загнать турокъ и удержать ихъ отъ избѣженія славянъ, другіе говорятъ, что стоянка англійскаго флота въ Безикской бухтѣ, напротивъ, не загнываніе, а ободреніе турокъ. Разбирай—кто можетъ! Въ настоящее время въ Пирейской гавани остается только нѣсколько британскихъ судовъ, весь же флотъ, согласно распоряженію англійскаго правительства, теперь сосредоточенъ у острова Мальты.

Но и при отсутствіи англійскихъ кораблей, Пирейская гавань, какъ сказано выше, не бываетъ свободною. Такое оживленіе гавани отражается, понятно, и на характерѣ городской жизни. Вообще говоря, г. Пирей очень красивъ; и ряды кораблей, и высокіе пирамидальные кипарисы между домами, и живописный костюмъ спущающаго на набережной люда, сообщаютъ ему оригинальную прелесть. При вступленіи съ корабля на берегъ Пирей, прежде всего путешественнику понадобятся носильщики, атлеты съ длинными веревками на плечахъ: ловко и проворно справляются они съ тяжелыми тюками и чемоданами. Одежда грековъ обращаетъ на себя вниманіе прѣзжато: на головѣ красная феска, покрывающая болѣею частью черные волосы, узкій бѣлый воротничекъ ложится на красный или голубой камзолъ съ висящими рукавами, изъ-подъ камзола видна бѣлая юбка. Ноги ниже колѣнъ затянуты въ узкіе штиблеты, расшитые и съ кистями, а башмаки ихъ съ узкими носками. Молодые греки при встрѣчѣ съ знакомыми приподнимаютъ шляпы, иногда болѣе близкіе дѣлуются и обнимаются. Женщины высшаго сословія одѣваются по-европейски; нельзя сказать, чтобы этому уклоненію отъ національнаго костюма не слѣдовали и мужчины, но они при этомъ все-таки не забываютъ своей фески.

II.

На сѣверо-востокъ отъ гаваней Пирей, Манухинъ и Фалерона, на 1000 ф. надъ уровнемъ моря, поднимается известковое плоскогоріе, окруженное отвѣсными скалами. На этомъ возвышеніи лежала крѣпость древнихъ АѢинъ—Акрополисъ, съ своими замѣчательными произведеніями искусства. Слово „акрополисъ“ значитъ—верхній городъ. Древніе обыкновенно строили цитадель на возвышенной части города, для защиты его отъ непріятели. Вотъ эта цитадель-то собственно и называлась въ АѢинахъ акрополисомъ (въ Коринѣ — акрокориносомъ). Акрополисъ аѢинскій назывался вначалѣ Кекроліею и въ эпоху величія АѢины имѣлъ двойную ограду. Одна на сѣверѣ называлась Пелазгійскою, другая на югѣ была построена Кимопомъ. Акрополисъ былъ взятъ персами въ 75 олимпіадѣ и при осадѣ его былъ сожженъ храмъ Минервы.

По приказанію Перикла, на мѣсто сожженнаго персами храма Минервы, былъ построенъ знаменитый Партенонъ, этотъ совершеннѣйшій памятникъ греческаго зодчества. Сдѣланъ онъ былъ изъ бѣлаго Пентелическаго мрамора, фасадъ его имѣлъ длины 100 футовъ. Въ этомъ зданіи помѣщалась колоссальная статуя Минервы (АѢины-Паллады), вся сдѣланная изъ золота и слоновой кости. Статуя эта одно изъ лучшихъ твореній Фидіа, знаменитѣйшаго скульптора. Минерва представлена была въ стоящемъ положеніи, съ нѣкой въ рукѣ, щитомъ у ногъ и головой Медузы на груди.

Изъ города въ крѣпость вели пятью проходами, также сооруженными при Периклѣ, великолѣпныя проходы (рго — передъ и рудай — врата). Фасадъ ихъ былъ украшенъ 6 колоннами іоническаго ордена. Вообще Акрополисъ заключалъ въ себя все, что только могъ произвести въ то время человѣческой гени въ скульптурѣ и ваяніи. Въ настоящее время всѣ зданія акрополя представляютъ собою груды развалинъ, и не столько время и войны были причиною ихъ разрушенія, сколько сами греки. Тѣ, которые особенно должны бы были съ уваженіемъ относиться къ зданіямъ древности, сами разоряютъ и безобразятъ ихъ, дѣлая раскопки вокругъ Партенона.

Раскопки, конечно, могутъ вести къ весьма иногда важнымъ открытіямъ (подобно тому, какъ въ послѣднее время раскопки, произведенныя извѣстнымъ изслѣдователемъ греческихъ древностей, Шлиманомъ, дали доказательства того, что Гомеръ описывалъ въ своей Илладѣ не мифы, а дѣйствительныя событія), но нельзя не пожалѣть, что онѣ иногда производятся безъ всякой аккуратности. Такъ, напримѣръ, раскопки около Партенона ведутъ къ тому, что съ каждымъ годомъ все болѣе, и болѣе исчезаютъ остатки этихъ древнихъ зданій. Помогаетъ, конечно, и самое время ихъ разрушенію, но человѣку, казалось бы, слѣдовало позаботиться о возможно долгомъ сохраненіи ихъ отъ этого, если ужъ не въ видахъ уваженія къ древности, то хотя бы изъ чувства красоты, какою полны эти развалины.

Въ Греціи совсѣмъ особый жанръ красоты. Не въ разнообразіи видовъ, прелесть зелени, лѣсовъ и воды надобно искать красоту въ этой своеобразной странѣ, но въ чистыхъ, изящныхъ линіяхъ, въ непрерывномъ рядѣ горъ, столь различно отгнѣненныхъ, сообразно ихъ удаленію.

По дорогѣ изъ Пирей въ АѢины Акрополь все время остается въ виду. Ближе къ городу дорога дѣлается живописнѣе: видны оливковая роща, называемая священною, о которой преданіе гласитъ, какъ о рощѣ разведенной самой богиней Минервой, остатки стѣнъ, построенныхъ предъ Пелопонезской войной, загородные дома въ зелени фруктовыхъ садовъ и засіявъ холмъ Акрополя, съ сверкающими на солнцѣ развалинами Партенона.

Впрочемъ, политическія событія настоящаго времени отвлекаютъ взоры путника отъ красотъ греческой природы и застав-

ляют невольно углубляться въ думы о близкомъ будущемъ, которое видимо не предвѣщаетъ мирнаго исхода восточному вопросу. Какую-то роль будетъ въ немъ занимать Греція—рѣшить трудно. Возбужденіе среди грековъ достигло такой степени, что поворотъ назадъ является почти невозможнымъ. Греція, какъ видно, должна плыть по теченію и сдѣлать для улучшения положенія христіанъ въ Турціи все, что только ей будетъ возможно. Народъ настойчиво изъявляетъ готовность принести всевозможныя жертвы и хочетъ идти въ бой съ мусульманами. Еще съ осени прошедшаго года началось сильное движеніе среди грековъ въ пользу освобожденія славянъ и хотя это движеніе ничѣмъ рѣшительнымъ тогда не проявилось, по едва ли въ этомъ греки виноваты: всего скорѣе имъ пришлось подчиниться голосу европейскихъ державъ. Теперь опять движеніе началось: каждый городокъ, каждая община и епархія жертвуютъ довольно значительныя суммы на вооруженіе націи. Можетъ быть, Греціи придется снова, подъ рѣшающимъ

вліяніемъ сильныхъ европейскихъ державъ, смолкнуть въ проявленіи своего сочувствія къ страдающимъ славянамъ, но пока этого незамѣтно. Напротивъ, движеніе въ пользу оказанія помощи славянамъ проявляется все съ большею и большею опредѣленностью. Министерство Комундуроса, ясно понимающее теперешнее положеніе дѣлъ, сдѣлало державамъ разоблаченія въ подобномъ смыслѣ еще гораздо ранѣе, чѣмъ мирныя предложенія державъ возбудили волненіе среди грековъ. Опираясь на ясно выраженную волю народа, Комундурось, сообщивъ державамъ требованія, предъявленныя Греціей рѣшилъ, не отъказываясь отъ политики мира, вооружиться на всякій случай. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, вооруженіе Греціи идетъ весьма успѣшно. Мы уже имѣли въ свое время случай сообщить объ этомъ нашимъ читателямъ въ политическомъ обзорѣ нѣ „Нивы“; теперь можемъ сообщить только, что греческимъ правительствомъ, судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, куплено шесть крупиновскихъ баттарей.

ГОСПОЖА МАРКИЗА.

(Новелла Поля Гейзе).

(Продолженіе).

Нечего мнѣ много расписывать вамъ, милый баринъ, какъ все это случилось,—скажу только, что сперва-то я покраснѣла отъ бѣдности своей, а потомъ—ничего... И няни мнѣ не прошло—стумѣлъ онъ внушить къ себѣ такое довѣріе, что я—ну, рассказывать ему про всю свою жизнь, даромъ что онъ такой важный баринъ. Да, знатные люди понимаютъ иногда лучше другихъ бѣду несчастныхъ бѣдныхъ, но честныхъ людей...

Пока онъ сидѣлъ да молча срисовывалъ мою дочку, я безумолку говорила и даже не скрывала отъ него того, что случилось надъ головою моихъ дочерей. Окончивъ свою работу, маркизъ сказалъ, что на сегодняшний день довольно и этого, похвалилъ дѣвочку мою и прибавилъ, что если я ничего не имѣю противъ него, то онъ позаботится о томъ, чтобы *эта* дочка доставила мнѣ больше радостей, чѣмъ двѣ старшія. Да, спросилъ сколько лѣтъ ей и, узнавъ, что всего-то тринадцать, сказалъ, что въ эти годы можно еще многому научиться. И сдѣлалъ мнѣ такое предложеніе: отправить Лизу съ надежною спутницею въ Женеву и помѣститъ ее тамъ въ одно очень хорошее учебное заведеніе, въ которомъ она должна пробыть года три или четыре. Обижалъ онъ самъ устроитъ все это дѣло, то есть всѣ издержки принимаетъ онъ на себя.

Можете вы представить себѣ, милый баринъ, что сначала-то я ужъ и не знала—смѣяться мнѣ или ревѣть начать!.. Последнее-то свое дѣтище отдать?! Казалось мнѣ, что сердце вырываютъ у меня—и за *это-то* я должна еще кланяться, благодарить!.. Спросила я совѣта у патера Франческо. Онъ началъ убѣждать меня, чтобы я отдала дитя: „Господь, пославъ тебѣ несчастье, посылаетъ теперь сугубую радость“,—такъ говорилъ отецъ Франческо, ну, и я проглотила материнскія слезы, позволила сдѣлать все, что должно было послужить къ счастью моей дочери.

Чтожь, мнѣ вѣдь и не пришлось раскаяться въ этомъ! Когда привезли ее ко мнѣ черезъ три года—эти три года казались мнѣ вѣчностью... Но съ терпѣніемъ и хромой черезъ гору переберется!—Господи! Какую красавицей, да какой умницей стала Лиза въ Женевѣ! Держалась она словно герцогиня кака; однако, къ своей неученой, темной матери-старухѣ относилась она по-прежнему—совсѣмъ не измѣнилась.

У насъ, въ Сестри, всѣ глаза глядели отъ удивленія, когда увидѣли такую барышню рядомъ со мною,—шли мы въ церковь монастырскую, я хотѣла показать дочку доброму нашему патеру. Ну, похвалилъ онъ ее, но сказалъ ей, чтобы она оставалась скромною, добродѣтельною, ничего бы въ голову эдакого не забирала... И много еще хорошаго, поучительнаго говорилъ онъ тогда Лизѣ, а она, голубушка моя, стояла и слушала, скромно опустивъ глаза, потомъ поцѣловала руку отца Франческо, совершенно такъ, какъ дѣлала это въ дѣтствѣ.

Прошелъ день, надо было ложиться спать; и Лиза, моя прескромно легла на убогенькую свою постель и сладко заснула, какъ будто лучшей постели и не знавала, какъ будто и не была обучена всѣмъ труднымъ искусствамъ и наукамъ... Да, вѣдь она стала ученице, умнице самаго спидника въ Сестри!..

—Послушайте, отойдемте-ка, милый баринъ, отъ окошка! спохватилась старушка и потащила меня въ глубинную комнату, гдѣ и усадила на небольшой диванъ, обитый уже полинявшей голубой шелковой матеріей.

Сама она не съѣла, и подойдя къ столу, на которомъ стояла ваза съ огромнымъ, цестрымъ букетомъ цвѣтовъ, принялась оципывать побрекшіе лепестки.

—Что это вамъ вздумалось отойти отъ окна,—спросилъ я,—неужели вамъ не хочется больше дышать такимъ славнымъ, свѣжимъ ночнымъ воздухомъ?..

—Нѣтъ, это я такъ... собственно отъ Джаннико,—отвѣтила старушка,—онъ все подъ окнами ходитъ, а у него тонкій слухъ... Сейчасъ уши навострять, ежели свое имя услышитъ.

Мнѣ вотъ хочется рассказать вамъ о томъ, какъ онъ безъ памяти влюбился тогда въ Лизу, то есть когда она изъ Женевы вернулась. Лиза не дѣлала глазокъ никому изъ молодыхъ парней; конечно, и Джаннико этого не видѣлъ, но этотъ бѣдный простофиля воображалъ, что она втайнѣ о немъ думаетъ!.. Ну, представилъ это онъ себѣ, да въ одинъ прекрасный день и сдѣлалъ ей предложеніе. Хорошо. Только... еслибы даже она и любила его—такъ какой толкъ изъ этого?.. У нея—ничего, у него—столько же, а когда голодь стучится въ дверь—любовь улетаетъ въ окно!.. И къ тому же, милый баринъ, что стала бы Лиза дѣлать со всѣми искусствами и науками, которымъ обучили ее въ Женевѣ, ежли бы она вышла замужъ за Джаннико—простого столбра?! А главное-то дѣло въ томъ, что она вовсе любви къ нему не чувствовала, да не любила и никого другого, хотя подвергивались и богатые парни, и тоже сваталась. Лиза-то не любила даже нашего благодѣтеля, господина маркиза.

Когда я сказала ей: ну, дитятко, хочешь составить себѣ счастье? Хочешь быть госпожою маркизою?... Добрый баринъ, что помочь твоей матери въ бѣдѣ, который далъ тебѣ средства научиться столькимъ прекраснымъ наукамъ,—хочешь теперь жениться на тебѣ... Вообрази, вѣдь маркизъ позаботился и о нашей Чезирѣ—далъ ей приданое, выдать ее замужъ за одного изъ своихъ арендаторовъ около Турина!.. И сказала я Лизѣ: пожелаешь—и будешь жить въ прекрасномъ палаццо въ Генуѣ! Обдумай, дитятко, все это; красотой-то сыта не будешь, а кто само о себѣ не заботится, тотъ погибаетъ.

И что-жь бы вы думали? Бросилась она мнѣ на шею и, обливаясь слезами, промолвила: „Маттина мѣа, не хочу я расставаться съ тобою! Не хочу стараго мужа... Лучше сейчасъ умереть!“..

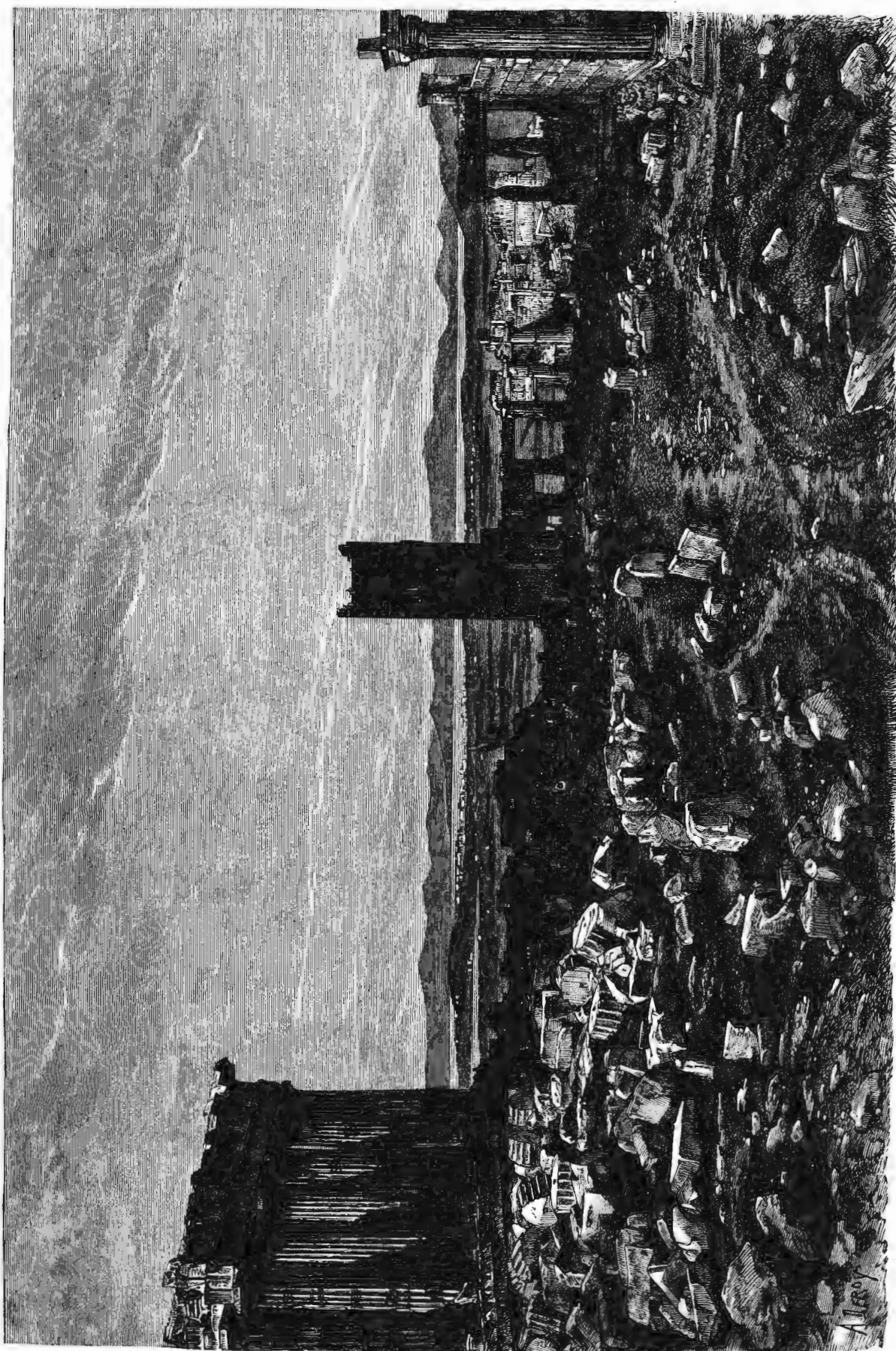
Вѣднѣжка!.. Жаль мнѣ было ся, очень жаль, потому что любила я ее больше жизни своей... Да что прикажете дѣлать? Чувство благодарности къ господину маркизу заставляло говорить противъ сердца, а бѣдность-то, а сиротство наше? До чего бѣдность можетъ довести дѣвушку—это я видѣла на своихъ старшихъ дочкахъ. Ну, и патеръ Франческо, когда Лиза пошла къ нему на исповѣдь, уговаривалъ ее такъ убѣдительно, что она вернулась изъ монастыря совсѣмъ другая и сказала мнѣ:

„Матушка, я пойду за него. Мадонна и всѣ святые помогутъ мнѣ быть добродѣтельною женою. И тебѣ, на старости лѣтъ, хорошо будетъ... Онъ-же такой добрый, что не станетъ требовать, чтобы я любила его больше, чѣмъ могу... Но я буду вѣрною женою, отпалачу ему за всѣ его благодѣянія“.

Такимъ-то манеромъ, милый мой баринъ, господниъ маркизъ и сдѣлался моимъ зятемъ, и я могла бы представить изъ себя важную особу, примѣрно—въ колѣсѣхъ прогуливаясь по улицамъ Генуи... Но сказала я себѣ: ежли черная курица и снесла бѣлое яичко, то все-таки ей подобаешь оставаться на своей павоной кучѣ! Вотъ и осталась я дома, только перебралась сюда, на виллу, а вилла-то тогда, могу сказать безъ похвалы, не была такою чистенькой, хорошенькой, какъ теперь. Здѣсь, черезъ годъ, госпожа маркиза и родила... Ребеночекъ вышелъ такой писанный красавчикъ, такой, какъ мать! Похожъ на нее какъ двѣ капли воды!.. Вы можете себѣ представить, что отецъ-то, господинъ маркизъ, чуть не одурѣлъ съ радости! Лиза моя тоже очень была довольна...

„Теперь“,—сказала она,—„мнѣ еще больше нужно благодарить Бога за то счастье, которое онъ мнѣ даровалъ. Теперь, когда Онъ послалъ мнѣ этого ангельчика—патеру Франческо ужъ не придется поддерживать меня въ добродѣтели: я *должна* подать добрый примѣръ моей дочери“..

Такъ-то говорила бѣдная молодая женщина! Хорошо я понимала что она хотѣла этимъ сказать... Ну, вѣдь, Лиза рассказывала мнѣ о томъ, какъ многие молодые дворяне, самые красивые, самые богатые, ухаживали за ней, и какія сумасброд-

Развалины въ Аѣгскомъ Акрополѣ. Рис. А. Дерой, грав. Бертранъ.

Общій видъ г. Пирея. Рис. Т. Веберъ, грав. Лаллантъ.

ства нѣкоторые изъ нихъ откалывали, чтобы, значитъ, доказать силу любви своей прекрасной госпожѣ маркизѣ!.. А вы знаете, милый баринъ, что *солома всыхиваетъ, ежели она слишкомъ близко лежитъ къ огню*... Такъ-то!.. Но у Лизы былъ уже ребенокъ, и она ни на кого не обращала вниманія, а глядѣла въ невинные глаза своей малютки!.. Ну, всѣ влюбленные ничего и не могли поддѣлать, любезничали только, то есть толкли воду въ ступѣ.

Однако, что ни говори, а жизнь Лизы потекла не такъ сладко, какъ мечтала она... Да, черезъ годъ послѣ рожденія маленькой Чезиры, параличъ разбилъ господина маркиза, и пришлось ему всю остальную-то жизнь просидѣть въ креслѣ, еще къ счастью отбilo у него только лѣвую сторону тѣла, ну, и онъ могъ, по крайней мѣрѣ, хотъ рисованіемъ заняться, поразвлекъ. А душа у него было истинно благородная, христіанская, поэтому такое несчастье не сдѣлало его злымъ, человѣко-непавстинкомъ!.. Напротивъ, онъ сталъ еще добрѣе, еще внимательнѣе къ своей бѣдной молодой женѣ! По глазамъ угадывалъ ея желаніе, а уже какіе подарки ей дѣлалъ—ахъ!.. Да и Лиза не разстраивала его, печальнаго лица при немъ не представляла... Ужь, конечно, когда крестъ несешь, тогда не до пѣсенокъ, но когда мать ублаживаетъ своего ребенка— всегда пѣсенка у нея найдется!..

И старъ, и младъ—всѣ радовались, глядя на сударыню мою дочку, видя, какъ она ведетъ жизнь въ супружествѣ. Патеръ Франческо—съ нимъ я часто объ этомъ бесѣдовала—говорилъ мнѣ: „Она—святая. Добродѣтель ея искупитъ грѣхи старшихъ сестеръ, она спасетъ ихъ отъ мукъ чистилища!.. Вы, снѣбора Чезира, счастливая мать!“..

Да, да, милый баринъ! Бѣда только въ томъ, что *утромъ-то* человѣкъ никогда не можетъ сказать: нагрѣнетъ или не нагрѣнетъ гроза въ *полдень*?.. Кто въ пятницу смѣется— въ воскресенье поплачетъ.

Ну, а время-то шло своимъ чередомъ. Маленькой Чезирѣ семь лѣтъ минуло, а матери ея и всѣ двадцать пять. Господинъ маркизъ не вставалъ съ кресла уже шесть лѣтъ!.. Вдругъ это однажды сидѣла я преспокойно да мечтала за своей пражей, а Джаннико еще не вернулся тогда изъ шайки пиратовъ, какъ вдругъ поддѣзжаетъ къ виллѣ карета— тогда не было еще желѣзной дороги— и кто же изъ кареты-то выйдетъ?... Родное мое, милое дитятко, сама госпожа маркиза!.. Но она была такая блѣдная, странная, что я до смерти перенугалась!.. Гляжу—чѣтъ ребеночка, не привезла его съ собою!.. Что случилось? Что такое? спрашивала я, а Лиза—ни словечка, и долго она не отвѣчала ничего!.. Но, милый баринъ, между матерью и дочерью тайны быть не можетъ—это противно природѣ. Ну, теперь-то я могу и вамъ рассказать про эту тайну, тѣмъ болѣе, что завтра вы вѣдь уѣзжаете, да и какъ ни печальна эта исторія—она дѣлаетъ большую честь моей дочери. Золото, знаете, узнаютъ въ огнѣ, а святого—на кострѣ. Дѣло, сударь мой, было такъ: въ домѣ господина зятя моего—маркиза-то былъ страстный любитель искусства!—явился живописецъ—молодой человѣкъ. Онъ двумя мѣсяцами былъ моложе моей Лизы, а звали его Лоренцино Чиариа.

Вы ужь вѣрно слышали это имя, такъ какъ теперь этотъ Лоренцино—уже знаменитость. Работалъ онъ въ то время въ домѣ господина маркиза, разрисовывалъ стѣны столовой, изображалъ на нихъ разныхъ боговъ и богинь. Ну, приходилъ онъ туда, значитъ, ежедневно и каждый разъ видѣлъ красивую молодую женщину, голубку мою бѣдную, а видѣть ее и не полюбить ея страстно—нельзя, совсѣтъ не возможно!.. И когда онъ, наконецъ, открылся ей въ любви, вотъ тогда-то она и пріѣхала сюда на виллу такъ неожиданно. На первыхъ порахъ я ровню ничего не могла отъ нея добиться: Лиза битыхъ три часа просидѣла у себя запершись въ спальнѣ! Сказала только, что ей нужно кое-что обсудить, передумать, что ей необходимо побыть одной!.. „Никого не могу видѣть“—вотъ и все.

Слышала я, какъ она ходила п' комнату вѣздъ и впередъ, однако—не плакала и не молилась!.. Ну, наконецъ, не выдержала и повѣдала мнѣ все! Сказала, что любить этого Лоренцино, что до сихъ поръ не знала, какъ можно такъ любить человѣка!..

„Матушка“,—говорила Лиза,— „если бы знала его, ты не осудила бы несчастную свою дочку!.. Пожалѣла бы ты ся, да! потому что любовь къ *этому* человѣку можетъ быть вырвана изъ сердца только ударомъ заступа, когда имъ станутъ рыть для меня могилу“!..

И стала тутъ она рассказывать мнѣ о немъ, рассказывать съ такимъ жаромъ, что даже я, старый, выжатый лимонъ, чуть не влюбилась въ этого Лоренцино, чуть не пожертвовала для него спасеніемъ своей души, сказавъ милушкѣ моей: ахъ, дочка, говорятъ о грѣхѣ, а не о грѣшникѣ, говорятъ о хмѣлѣ, а не о жаднѣ!..

А потомъ сказала я ей: зачѣмъ, дитятко, спрашиваешь ты меня? Я исполнила свой долгъ—воспитала тебя въ благочестіи и добродѣтели. Ну, и каждый человѣкъ по своему, и въ день судный всѣ мы предстанемъ предъ Судьей, предстанемъ какъ есть, во всей своей наготѣ!..

И повѣрите-ли, милый баринъ: вѣдь этотъ гордый ребенокъ сдѣлалъ видъ, будто не понимаетъ monkъ рѣчей! Я до сихъ

поръ краснѣю, какъ вспомню, что мое собственное дѣтище пристыдило меня!.. Да, на этотъ разъ лицо, взаправду, было умнѣ курицы!..

„Матушка“,—отвѣтила мнѣ она,— „я пріѣхала сюда вовсе не за совѣтами. Я сама знаю, что мнѣ дѣлать!.. Свои обязанности къ мужу и дочери помню и знаю, но мнѣ нужно только—уединеніе, чтобы собраться съ силами и исполнить то, что я задумала. Вотъ поэтому, я и желала провести здѣсь одну ночь, чтобы не быть совсѣмъ, совсѣмъ одной!.. Приготовь-же мнѣ чего нибудь поѣсть и пошли кого-нибудь за патеромъ Франческо, скажи, что я прошу его посѣтить меня. Время теперь позднее, и я не могу, какъ бывало прежде, когда я бѣгала босикомъ по скаламъ, сама отправиться, при свѣтѣ луны, въ монастырь. Увидѣли-бы, ну, и пошли бы разные толки!“..

И святая не могла бы вести себя лучше! Съ этимъ вы должны согласиться, милый баринъ.

И что-жъ, на другой день, угромъ, когда Лиза уѣзжала отсюда, лицо у нея было совсѣмъ ясное, преспокойное,—*такимъ* оно и осталось на долгіе годы, протекшіе со времени той ночи, которую она провела здѣсь, вытерпѣвъ послѣднюю борьбу. А вамъ вѣдь, конечно, извѣстно, что и соломинка, въ концѣ концовъ начинаетъ давить, а тѣмъ паче эдакое тѣское бремя, зачатное страстное чувство къ прекрасному, честному человѣку!.. Лоренцино, къ сожалѣнію, и взаправду былъ такимъ хорошимъ!.. Даже я должна была въ этомъ сознаться, хотя и ненавидѣла его за то, что онъ-то и заставляетъ мучиться, страдать мою бѣдную дочь.

Впрочемъ, онъ самъ этого не вѣдалъ, потому что Лиза сказала ему—повидимому совершенно хладнокровно,—что *не любить* его!.. Она отняла у него всякую надежду, и только ради его самого настаивала на томъ, чтобы онъ совсѣмъ уѣхалъ изъ Генуи. Уѣхалъ онъ, но сначала хотъ разъ въ годъ являлся къ ней, какъ бы для того, чтобы спросить ее: *неужели вы допустите... неужели вы хотите, чтобы я погибъ?*..

Но Лоренцино всегда встрѣчалъ одинъ и тотъ-же пріемъ, слышалъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ. И даже здѣсь, на виллѣ, явившись однажды сюда неожиданно—госпожа маркиза въ то время тутъ проживала одна, съ ребенкомъ своимъ: малюткѣ нужно было поправиться послѣ кори—онъ тоже ничего отъ нея не добился, такъ что *сотавариць его по скорби*, Джаннико—онъ уже былъ у насъ садовникомъ—расклавился съ Лоренцино, обнаруживъ при этомъ явное злорадетство, и проводилъ его съ ехиднымъ видомъ!..

А я ужь и сказать не могу, какъ мнѣ жалко было такого красиваго, славнаго молодого человѣка!.. На видъ кроткій, какъ ягненокъ, а пылкій, какъ левъ! Да еще—живописецъ, и—охъ, какой живописецъ!.. Въ сравненіи съ нимъ господинъ маркизъ—ну, простой ученикъ изъ рисовальной школы, право!..

Дитятко, —сказала я моей госпожѣ маркизѣ,—уѣздила-ли ты его хотъ немножечко, говорила-ли ты ему, что все это не по твоей волѣ, что ты не можешь сдѣлать его счастливымъ?.. Твоя добродѣтель, честность и чувство благодарности къ супругу воспрещаютъ тебѣ поступить иначе!.. Сказала-ли ты ему, что тебѣ самой тяжело отсылать его прочь, что все втайнѣ-то ты тоскуешь по немъ не меньше, чѣмъ онъ по тебѣ?..

„О, матушка“,—стала Лиза говорить мнѣ,— „если бы я ему сказала все это, не ушелъ-бы онъ отъ меня!.. И, кто знаетъ, спасли-ли бы меня тогда всѣ святые!.. Да если бы каждый день видѣла печальные глаза его, чтожъ тогда мнѣ честность и твердость?.. Онѣ растаяли-бы, какъ куски воска на горячихъ угляхъ!.. Ну, и какъ-бы глядѣла я въ глаза моему доброму мужу, который такъ любитъ, такъ уважаетъ меня?.. Онъ вѣргитъ мнѣ, считая меня неземнымъ существомъ!.. Какъ-бы я взглянула на него, сказавъ другому мушкетеру: *потери* пока бѣднаго больного не станеть, *подожди* еще нѣкоторое время—и кресло опустѣетъ, и онъ успокоится отъ всѣхъ своихъ страданій“!..

„Итъ матушка“,—прибавила она,— „не уговаривай меня, оставь это!.. Одному Богу извѣстно, что дѣлается въ моемъ сердцѣ!.. Оно вопіетъ такъ, что я должна затыкать уши, чтобы не потерять головы, чтобы не сдѣлать того, въ чемъ-бы потомъ пришлось раскаиваться всю жизнь“!..

Бѣдная женщина! вздохнула старушка.—И не смотря на все это, посмотрѣли-бы вы, милый баринъ, съ какимъ веселымъ лицомъ встрѣчала она каждого, кто пріѣзжалъ навѣстить ее! Какъ улыбалась, глядя на свою малютку, на свою Чезиру, которая была прекрасна, какъ ангелъ, и во всемъ, можно сказать, походила на свою мать. А многіе, знаете, и тогда говорили, что сама мама, хотъ ей ужь было слишкомъ тридцать лѣтъ, красивѣе дочки. Ихъ, право, можно было скорѣе принять за сестеръ, чѣмъ за мать и дочь. Маленькая Чезира была единственнымъ счастьемъ Лизы, единственнымъ ея утѣшеніемъ, и въ концѣ концовъ голубушка моя должна была лишиться и этой отрады, потому что, когда Чезирѣ стукнуло четырнадцать лѣтъ, господинъ маркизъ порѣшилъ отослать ее въ Женеву, въ тотъ-же пансіонъ, въ которомъ моя Лиза училась, и узнала столько прекрасныхъ предметовъ. Дочь моя,—а она всегда уважала волю своего супруга и считала ее священной,—сама отвезла свое дитя въ школу и со слезами простилась съ нимъ.

Лиза рассказала мнѣ потомъ, что случилось съ нею на воз-

вратномъ пути, изъ Женева - то. Бѣдный Лоренцино — ужъ Богъ его знаетъ, какъ и гдѣ онъ провѣдалъ объ этой побѣдкѣ! — поджидалъ любимую женщину въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ она намѣревалась перепочевать... Тутъ онъ явился къ ней и бросился къ ея ногамъ. Говорилъ-то онъ очень мало, но на прекрасномъ лицѣ его можно было прочесть всю длинную историю страданій и безсонныхъ ночей.

Со времени ихъ послѣдняго свиданія здѣсь на виллѣ, Лоренцино проживалъ все болѣе въ Парижѣ; онъ могъ-бы жениться на самой богатой и красивой дѣвницѣ, но въ его сердцѣ жила только одна любовь... Вотъ какъ въ стихахъ сказано:

Гдѣ вспыхнулъ разъ огонь,
Гдѣ пламя прорывалось —
Навѣрно гдѣ-нибудь
Тамъ искорка осталась!..

И онъ порѣшилъ жить и умереть холостякомъ, но ужъ не измѣнить своей старой страсти!..

Отослать его *безъ всякой надежды* и въ этотъ разъ — о, сколько стояло это бѣдной женщинѣ!.. Никто и представить не можетъ себѣ, что вынесла она тогда... Лиза послѣ-то показала мнѣ одну прядь своихъ длинныхъ черныхъ волосъ... *изрызанную*... Въ ту ночь она грызла, кусала ее, чтобы не закричать! На другой день прядь эта оказалась — *свободна*. Странно видѣть эти сѣдые волосы!.. Лиза-то такъ и ходитъ съ ней съ той поры — не хотѣла ее отрѣзать, оставила, чтобы глядѣть на эту сѣдину и помнить, сколько уже выстрадала и какъ мужественно боролась.

Тутъ вошелъ Джаннико. Онъ появился на порогѣ такъ внезапно, что я не слышалъ даже какъ онъ поднимался по лѣстницѣ и, бросивъ на меня злобный, косой взглядъ, пронзесъ нѣсколько словъ на непонятномъ мнѣ генуезскомъ нарѣчьи.

— Ладно Джаннико, — сказала старушка ни на минуту не мѣняя своего спокойнаго вида — ты можешь идти спать. Я сама вышучу барина и залпу калитку. Покойной ночи, Джаннико.

Однорукий привратникъ проворчалъ что-то себѣ подъ носъ и удалился также тихо, какъ и пришелъ. Пока было слышно какъ онъ хрустѣлъ по песку тяжелыми, равномерными шагами человѣка привыкшаго носить на себѣ тяжести, мы оба хранили молчаніе.

— Да, съ этимъ малымъ, мы еще многонокъ будемъ имѣть хлопотъ, — проговорила наконецъ старушка. Пожалуй, когда вернется моя дочка вдовою, такъ этотъ сумашедшій вообразитъ, что теперь настала и его очередь, и трудно будетъ переварить бѣдному калекѣ, когда онъ увидитъ господина Лоренцино здѣсь полнымъ хозяиномъ. Ну да, это ужъ дѣло моей дочки устроить все, какъ ей будетъ угодно. А все-таки странно сколько еще дураковъ водится на бѣломъ свѣтѣ и справедлива пословица: слыби глушость причинила боль, то въ каждомъ домѣ слынались-бы стоны. Хотя и то правда, что нужно сожалѣть ближняго, да мнѣ теперь ужъ не до этого: моя обязанность цѣлые дни благодарить и восхвалять Бога, что Онъ, Милосердый, возвратилъ наконецъ свободу моему ребенку и еще при жизни наградила его за добродѣтель. Ну, вотъ эта главная забота и заставляегъ меня также мало заботиться о другихъ людяхъ, какъ мало заботится также о комарѣ. Посудите сами: зять мой — вѣчная ему память — удостоился отъ Бога прекрасной, безболѣзненной кончины: онъ не просыпался послѣ отдыха и умеръ даже не вскрикнувъ; прибавьте къ этому пышныя, почетныя похороны, при которыхъ присутствовало вся знать Генуи, чтобы отдать послѣдній долгъ покойному. Всѣ тутъ выражали вдовѣ свое сожалѣніе и сочувствіе и весь городъ не могъ достаточно нахвалиться, какъ она умѣла хорошо держать себя, хотя и была дочерью простой женщины и родилась и воспитывалась не въ какихъ-нибудь палатахъ. Ну да, теперь и она дождалась луч-

шей жизни и надъ ней сбылась старинная пословица: кто терпится до конца, тотъ побѣждаетъ; и если теперь послѣ траура она выйдетъ замужъ за Лоренцино, то Боже мой, вѣдь 35 лѣтъ еще не старость; и въ эти годы еще можно быть счастливой, обладая такимъ лицомъ, какъ у моей Лизы, и такимъ непорочнымъ сердцемъ, которое до сихъ поръ ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя.

Да, милый баринъ, раскаяніе и стыдъ роютъ болѣе глубокія морщины, чѣмъ самые годы, а покойная совѣсть есть лучшее украшеніе. Такъ-то теперь скоро все здѣсь будетъ иначе, и старая мать поюзетъ тогда, довольная, въ свой уголокъ, къ старинной своей пріятельницѣ, Мирандѣ, чтобы вмѣстѣ съ нею высовывать порою голову изъ своей скорлупы, да любоваться какъ наша молодежь будетъ веселиться да пользоваться жизнью. Господи, да исполнится Твоя святая воля! Аминь!

Я всталъ и еще разъ взглянулъ на картину, изображавшую героиню этой хотя простой, но необыкновенно-трогательной исторіи въ ея невинной, дѣтской красотѣ. Мнѣ теперь казалось, какъ будто въ этихъ нѣжныхъ очертаніяхъ лица уже тогда проявлялась вся сила воли и самообладанія, которыя выказала женщина съ своимъ зрѣломъ возрастомъ. Лишь на однихъ свѣжихъ губахъ замѣчалось выраженіе какой-то болячки передъ далекимъ, неизвѣстнымъ будущимъ.

— По справедливости, моя добрыйшая, имѣя такую дочь, вы можете назваться счастливою матерью — сказалъ я, собираясь уже въ путь. Для васъ теперь еще подрастаетъ новое утѣшеніе въ лицѣ вашей внучки, которая, конечно, совершенное подобіе своей прелестной матери. Мнѣ-бы очень хотѣлось познакомиться съ госпожей маркизой и молодой барышней, но, къ сожалѣнію, я обещаю одному пріятелю видѣться съ нимъ завтра въ Ла-Специя и потому я еще не знаю буду-ли опять въ Сестри на возвратномъ пути черезъ три или четыре дня.

— Тогда, вѣроятно, вы еще здѣсь не встрѣтите Чезиры, любезный баринъ, — отвѣчала старушка. Она даже и на похороны своего отца не могла прѣхать въ Геную, такъ какъ въ то время со всѣми своими сверстницами по пансіону гуляла по высокимъ горамъ, которыя, какъ кажется, прозываются Швейцаріей. Даже въ Йспевѣ не знали навѣрняка, куда ей послать депешу. Ну, да она, въ свое время, и такъ все узнаетъ. Что-же касается до моей дочки, то она, думаю, очень будетъ рада выбраться поскорѣе изъ того печальнаго дома, гдѣ она пережила столько горя и должна была закрыть глаза своему старому мужу и снова возвратится къ своей нѣжной матери, чтобы здѣсь, хотя немного придти въ себя. Если-же вамъ, любезный баринъ, когда либо случится ѣхать мимо, то помните, что дочь моя никому не запрещаетъ входить въ садъ, а если почититель человѣкъ образованный, вѣжливый, то и въ домъ милости просимъ. Вотъ возьмите съ собой въ Ла-Специя на память пока хоть этотъ букетъ. Жаль, что теперь уже поздно, а то можно-бы для васъ смастерить букетъ гораздо лучше этого.

Она такъ убѣдительно просила меня взять этотъ букетъ, связаный изъ прелестныхъ розъ и цвѣтовъ гранатоваго дерева, что я не въ силахъ былъ отказаться.

— Я васъ долго задержала — сказала она, въ то время какъ я у калитки еще разъ пожалъ ей руку, — но когда я разговарюю о моей дочери, то говорю безъ конца. Добрая ночь, любезный баринъ, и благодарю васъ сердечно за то, что вы имѣли столько терпѣнія, чтобы слушать такую болтливую старуху. Но стойте лишь вамъ взглянуть на ту, про которую мы только что говорили, и вы поймете, что каждое мое слово еще слишкомъ ничтожно, чтобы служить ей достаточною похвалою и что не нужно быть слишкомъ тщеславной матерью, чтобы считать ее за прекраснѣйшее созданіе въ мірѣ.

(Продолженіе будетъ).

РЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Съ начала государства до утвержденія во власти Ольги.

Въ IX вѣкѣ послѣ Р. X. на прострѣтѣхъ нынѣшней Россіи между Карпатами и Западнымъ Бугомъ съ запада, озерами Чудскимъ и Ладожскимъ съ сѣвера, рр. Тверскою, Москвою, Цною съ востока и линіею отъ пороговъ Дѣпровскихъ до низовьевъ Прута съ юга жили славянскія племена, носившія разныя названія, или отъ мѣстностей, которыя они заселяли, или отъ имени своихъ старинныхъ вождей и начальниковъ. Такъ, славяне, жившіе по западную сторону средняго Днѣпра (отъ Припяти до Роси) назвались Полянами отъ обширныхъ, открытыхъ полей кѣвскихъ, жившіе отъ нихъ къ сѣверовостоку родичи ихъ (между рр. Десною и Сулою), именовались Сѣверянами, потому что приходились Полянамъ отчасти съ сѣвера. Находившіеся на сѣверо-западѣ сосѣди Полянъ, по р. Припяти съ восточнымъ ея притокомъ, назывались Древліанами или Деревцами отъ слова *дерево*; ибо жилища этихъ Древліанъ покрыты были дремучими лѣсами. Осѣвшая между рр. Дѣпромъ и Сожемъ отрасль славянъ именовалась Радимичами, а населявшие мѣста по верхней Окѣ звались Вятчичами, какъ полагаютъ, отъ имени своихъ старинныхъ вождей Радима и Вятко. На крайнемъ сѣверѣ тогдашняго славянскаго заселенія,

у озера Ильмени и его притоковъ, жили славяне, неполучившіе особаго прозванія и называвшіеся общимъ именемъ всего славянскаго племени, — Славяне Ильменскіе, или Новгородскіе. Было еще много отдѣльныхъ славянскихъ племенъ въ означенныхъ выше предѣлахъ, между рр. Окою и Запад. Бугомъ, между Ильменемъ и низовьями Днѣпра, которыхъ мы не перечисляемъ, чтобы не утомить вниманія читателей. Означенныя славянскія племена не составляли одного народа, а жло каждое племя отдѣльно. До какой степени мало между этими племенами было общей государственной связи видно изъ того, что въ IX вѣкѣ Новгородскіе, или Ильменскіе Славяне, съ частью своихъ сосѣдей, Кривичей, были привнесены Варягами и платили имъ дань, южныя же и восточныя племена славянъ, Поляне, Сѣверяне, Радимичи и Вятчичи, были въ подчиненіи у Хозаръ, племени тюркскаго, имѣвшаго свои ставовища между Каспійскимъ и Чернымъ морями, которому тоже платили дань по горностаю и бѣлѣ отъ дыма, или дома. Племена, занимавшія средину между означенными, платившими дань, отраслями, были свободны и не подчинялись никому.

Не только крупныя группы, на которыя распадалось обшир-

ное славянское племя, Сѣверяне, Радимичи, Поляне и т. п., не имѣли политической, или государственной связи между собою, но даже разныя части этихъ самыхъ группъ плохо клеились въ одно цѣлое.

Всѣ славянскія племена дѣлились еще на меньшія общественныя единицы, называвшіяся „родами“. Эти роды были не простыя семьи, состоявшія только изъ родителей и дѣтей, а союзы множества семей, помедшихъ, какъ предполагаютъ, отъ одного родоначальника, и жившихъ вмѣстѣ, пока память объ единствѣ происхожденія не исчезала у нихъ. Въ этихъ союзахъ отдѣльные члены были и въ родствѣ и внѣ всякаго родства между собою. Въ союзы включались даже сторонніе совершенно люди, которые однако считались въ такомъ случаѣ родичами, членами рода, напр. освободившіеся отъ рабства плѣнники, если они, по полученіи свободы, не возвращались домой а оставались жить среди прежнихъ своихъ господъ. *) Эти то роды и были тѣми общинами, которыя имѣли плотное внутреннее устройство и отъ рѣшенія которыхъ все двигалось въ славянскомъ мірѣ „И живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще каждо родомъ своимъ“ говоритъ лѣтоисецъ **). Родъ имѣлъ извѣстную принадлежавшую ему землю, на которой и жилъ. Какъ владѣли этою землею, сообщали всѣмъ родомъ, или съ раздѣломъ земли на отдѣльные

были эти родоначальники, или же получали власть по правамъ рожденія, этого опять сказать нельзя, по неимѣнію точныхъ о томъ свидѣтельствъ. Но что власть ихъ была ограничена, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Если первоначальный глава семьи, пока она не выходила изъ степеней ближайшаго родства, и могъ пользоваться неограниченною властью, потому что видѣлъ передъ собою только порожденіе свое: сыновей, внуковъ и правнуковъ, то съ размноженіемъ семьи въ родъ, гдѣ люди и большинство даже этихъ людей не состояли ни въ какомъ родствѣ съ главою рода, этому послѣднему трудно было распорядиться лишь по своему благоусмотрѣнію, не спрашивая согласія родичей. Осязательный примѣръ этого мы видимъ въ строгѣ теперешней крестьянской семьи. Пока семейю завѣдуетъ самъ отецъ, онъ можетъ дѣлать распоряженія относительно членовъ семьи, не спрашивая ихъ согласія; но лишь умираетъ отецъ и вступаетъ на его мѣсто старшій изъ сыновей, что обыкновенно бываетъ, если семья не дѣлится, то новому главѣ нельзя такъ распорядиться, какъ распорядился отецъ; власть его укорачивается, и чтобы дать силу своимъ предположеніямъ и планамъ, онъ заручается согласіемъ младшихъ членовъ семьи. Такъ и начальники родовъ - общинъ въ старославянскомъ мірѣ, когда роды эти представляли обширныя соединенія, не могли дѣйствовать безъ согласія родичей, членовъ общины. Получалось

Священная смоковница (Figuier des Pagodes). Рис. Фагуфтъ, грав. Лаплантъ.

участки по семьямъ (семьи отдѣльныя, состоявшія изъ ближайшихъ кровныхъ родственниковъ въ родахъ, конечно были), этого мы не знаемъ.

Роды управлялись начальниками, носившими названія старшійшинъ и иногда князей. Древляне прямо называютъ начальниковъ своей земли князьями, во времена Ольги: „Наши князи добры суть, иже распасли суть Деревскую землю“. Выборные

*) Жить отдѣльно и по своему усмотрѣнію, какъ это дѣлается теперь, они не могли. Въ тогдашній вѣкъ разнузданныхъ страстей отдѣльнаго лица могли получить защиту и безопасность только подъ покровомъ какой нибудь общины. При введеніи христіанства церковь приняла такихъ людей подъ свое покровительство, а до христіанства и до появленія государственной власти, распавшейся родовой строй, они могли укрыться только въ родъ. Другихъ общинъ въ то время не было.

**) Родъ у Русскихъ понимался очень широко еще въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Изъ мѣстныхъ споровъ этого времени видно, что членами рода считались всѣ не только родственники по крови, но и собственностики. Эти члены рода сильно поддерживали и защищали другъ друга. Въ 1598 г. были назначены на службу вмѣстѣ князья Сицкій и Реннинъ-Оболонскій; Оболонскій получалъ по назначенію мѣсто ниже Сицкаго. Онъ не обидѣлся этимъ, но за него обидѣлся всѣ его родственники князья Оболенскіе и въ числѣ ихъ князь Ноготковъ и подали царю Борису жалобу на оскорбленіе всего ихъ рода назначеніемъ на мѣсто кн. Сицкаго. У простого народа частью сохранились понышѣ въ пѣсняхъ и поговорахъ слѣды былаго стариннаго объема рода: желая показать величину и распространенность своего рода, говорятъ: „Нашъ родъ великъ; его не перевишьшь до Москвы; двѣца въ пѣснѣ, опасаясь нареканія на свою честь, говорятъ:

«Отду съ матерью безчестье,
Роду-племени позоръ».

ли это согласіе на сходкахъ или *отцахъ*, до которыхъ славяне были большіе охотники, или какъ нибудь иначе, этого мы не знаемъ. Знаемъ только, что участіе родичей въ управленіи дѣлами общественными должно было быть. Родоначальники, кромѣ власти наряда, власти такъ называемой распорядительной, имѣли въ своихъ рукахъ и власть судебную и жрецкую: особаго сословія жрецовъ у русскихъ славянъ не было, равно какъ не было у нихъ и храмовъ.

Роды - общины имѣли плотное внутреннее устройство, гдѣ каждый членъ-родичъ жался къ такому же родичу и отъ этого лишь соединенія ожидалъ своей безопасности. За убійство кого либо изъ родичей мстили всѣ члены рода, находились-ли они съ нимъ въ кровномъ родствѣ или нѣтъ, равно какъ и за убійцу отвѣчалъ весь же его родъ. Каждый родичъ, къ которому приходилъ гость, если не имѣлъ собственныхъ средствъ удовлетворить долгу гостеприимства, могъ взять, даже украсть, необходимое для того у сосѣда и послѣдній не обижался этимъ, зная, что честь и безчестье, оказанныя гостю кѣмъ либо изъ родичей, падаютъ на весь родъ. По той же причинѣ, если бы странникъ, явившійся кому-либо пѣть родичей, потерялъ какую обиду отъ своего хозяина, то послѣднему могъ мстить за то ближайшій его сосѣдъ, не дожидаясь распоряженія рода по этому предмету.

Русская история: Мщение Ольги Древланамъ. Оригинальный рис. Медвѣдева, грав. Бренд'Амуръ.

Но, если роды так плотно смыкали свои ряды и были так единодушны по своему внутреннему строю, то въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ родамъ они оставили желать многого. Связь между родами была самая утлая. Для укрѣпленія этой связи существовали у нашихъ предковъ сходы, именуемые *отчамъ*. Положено было: „на чемъ постановятъ города (т. е. роды, жившіе въ городахъ) на томъ и пригороды (т. е. прочіе роды, жившіе въ деревняхъ) стануть“. Но это постановленіе оставалось большею частью мертвою буквою, примѣръ чего мы видимъ въ сильныхъ распряхъ, возникшихъ у Ильменскихъ славянъ и ихъ союзниковъ предъ призваніемъ князей, въ распряхъ, которыхъ они не могли порѣшить сами собою, какъ о томъ показано будетъ ниже. Причины такихъ явленій заключались, кажется, во первыхъ, въ томъ обстоятельстве, что славяне вообще, и русскіе также, считали законными лишь тѣ приговоры вѣча, на которые дали согласие всѣ, а не простое только болшинство, какъ это дѣлается нынѣ, но понятно, что изъ сотни сходовъ едва ли могъ выдаться хоть одинъ, гдѣ бы на какое либо мнѣніе всѣ были согласны, какъ одинъ человекъ. Затѣмъ мы не видимъ у славянъ русскихъ никакой общественной власти, которая наблюдала-бы за исполненіемъ вѣчевыхъ опредѣленій. Кажется, выше начальниковъ отдѣльныхъ родовъ у нихъ другихъ сановниковъ не было.

У Русскихъ славянъ были города, изъ чего мы можемъ заключить, что они имѣли очень твердую осѣдлость въ странѣ, гдѣ жили. У Новгородскихъ славянъ былъ Новгородъ, Ладога, у Псковскихъ Кривичей—Изборскъ и Псковъ, у Кривичей Днѣпровскихъ—Смоленскъ, у Сѣверянъ—Любичъ, у Полянъ—Кіевъ, у Дреллянъ—Коростень и т. д. Всѣ эти города, впрочемъ, не похожи были на наши города; скорѣе это были тѣ же деревни, окруженные валомъ и другими укрѣпленіями.

Замѣнотость родовъ внутри себя и враждебное ихъ настроеніе между собою были между прочимъ причиною особаго въ то время явленія, похищенія невѣстъ, или „умыкиванья“, какъ выражалось на тогдашнемъ языкѣ. Добровольно роды не разставались съ своими дѣвками, въслѣдствіе того ихъ уводили. Слѣды этого увода, или умыкиванья, сохранились до нынѣ въ разныхъ нашихъ свадебныхъ обрядахъ между простыми народами, этимъ неизмѣннымъ держателемъ старины и отеческихъ преданій ***). Равно также сохранились слѣды выкупа за невѣсту, бывшаго въ практикѣ у древнихъ славянъ при поимкѣ уведенной невѣсты и ея похитителей.

Кромѣ славянъ, на пространствѣ теперешней Россіи жили еще другіе народы. Къ сѣверу и востоку отъ нихъ находились финны, а къ юго-востоку турецко-татарскія племена. Что касается до перваго изъ этихъ народовъ, то есть до финновъ, то этотъ народъ, подобно славянамъ, былъ раздробленъ на множество племенъ, нелюдимый и замкнутый. Въ послѣдствіи всѣ отрасли этого разсѣяннаго на огромномъ пространствѣ племени вопли въ составъ Россіи, подчинившись, или подчиняясь еще до нынѣ, ея языку и культурѣ. Въ свою очередь и сами финны передали много чертъ славянскому племени. Если сравнить южнорусскаго славянина съ великорусскимъ, то отличающія послѣдняго наклонности къ труду, приснаровленіе къ обстоятельству, осторожность при обдумываніи плана и настойчивость при его выполненіи произошли во всякомъ случаѣ отъ помѣси съ другими племенами и едва ли не главнымъ образомъ тутъ надобно видѣть вліяніе финской расы. Въ первое время столкновенія своего съ славянскимъ міромъ, по крайней мѣрѣ на памяти исторической, финны дарили славянъ кудесниками и волхвами, и болѣе, чѣмъ славянскія племена, оказывали сопротивленія христіанству. Съ турецко-татарскими племенами расчеты наши были потруднѣе. Ведя большею частью жизнь кочевую, съ постоянною наклонностью къ грабежу, неутомимые наѣзники сыздѣства, эти жители степей были истиннымъ бичемъ нашихъ южныхъ областей. Послѣ многихъ попытокъ урзонить и уговорить степняковъ, государство, начавшее было существованіе на югѣ, должно было покончить тѣмъ, что удалилось само на сѣверъ, чтобы собраться тамъ съ силами. И только послѣ такого укрѣпленія могло оно потомъ мало по малу подвигаться на югъ и достигнуть своихъ естественныхъ границъ у Чернаго моря. Расчеты съ степняками окончились у насъ лишь къ концу прошедшаго столѣтія. Всѣ прежнія попытки русскаго государства ослабить силу кочевниковъ не

приводили ни къ чему. Вступленіе нашихъ людей въ брачныя союзы съ степными грабителями и подарки имъ только возбуждали ихъ алчность и гордость. Походы противъ нихъ, не говоря уже о трудности подобныхъ предпріятій, въ случаѣ даже блестящаго успѣха, не давали тѣхъ результатовъ, какихъ отъ нихъ ожидали. Если въ злыхъ сѣчахъ русскіе успѣвали разрѣдить и ослабить орду однихъ степняковъ, то на мѣсто ихъ являлась тотчасъ же другая орда. Съ того времени, какъ югъ Россіи сталъ извѣстенъ исторіи, то есть со времени Геродота, тутъ постоянно смѣнялись одни гости другими. Азія кишѣла кочевниками и черезъ ворота между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ постоянно высылала новыхъ жильцовъ. Въ то время, когда Россіи пришла очередь выдти на чреду бытія, югъ Россіи занимался выходцами азиатскими, носившими имя Хозарь. Эти сосѣди, покорившіе, какъ мы видѣли выше, юговосточныя славянскія племена, нѣсколько, впрочемъ, утратили свой прежній характеръ и получили отчасти наклонность къ осѣдлости. У нихъ были постоянныя вежи или становища. Кромѣ Хозарь, въ предѣлахъ нынѣшней Россіи на востокѣ, именно у низовьевъ Камы, жили другіе азиатскіе выходцы—Болгары, бывшіе предметниками Хозарь по южнымъ степямъ. Болгары были уже совершенно осѣдлыми народомъ. На западѣ русскіе славяне въ IX вѣкѣ граничили съ славянами же, вошедшими въ послѣдствіи въ составъ другихъ государствъ: Австрійскаго, Польскаго и Прусскаго. На сѣверо-западѣ, между низовьями Западной Двины и Вислы, простирались въ предѣлахъ нынѣшней Пруссіи, жили родственные славянамъ по языку и обычаямъ Литовцы. Въ послѣдствіи это племя сыграло блестящую, хотя и кратковременную, роль въ исторіи Европейской восточной низменности. Утѣшенное въ своихъ предѣлахъ нѣмцами, оно выдвинулось въ жилища русскіхъ славянъ и, слившись съ ними, образовало западно-русское государство, захватившее въ свой составъ всѣ земли отъ верхней Оки до Западнаго Буга. Эти земли перешли потомъ подъ власть Польши и тутъ-то завязался тотъ узелъ нашихъ отношеній къ шляхетскому государству, который пришлось распутывать цѣлымъ столѣтіямъ. Окружная подъ сѣнью Моеквы, Восточная Русь вспомнила, что по Днѣпру и за Днѣпромъ живутъ родичи ея русскіе, плоть отъ плоти ея и кость отъ кости ея, и стремилась воссоединить ихъ съ собою. Поляки воспротивились и начали кощунствовать надъ западными русскими; тогда завязалась борьба, въ которой

„Не разъ клонилась подъ грозою
„То ихъ, то наша сторона“.

Лишь въ прошедшемъ столѣтіи порѣшилась эта борьба торжествомъ Москвы.

Въ эпоху, о которой мы говоримъ, литовцы не образовали народа, а жили, подобно славянамъ, разрозненными племенами и не представляли для своихъ сосѣдей серьезной опасности.

Кромѣ народовъ, жившихъ въ предѣлахъ Россіи, надобно еще упомянуть объ одномъ народѣ, неизбѣжно встречающемся при описаніи начала нашей исторіи. Мы говоримъ о Норманнахъ, по нашимъ лѣтописямъ, Варягахъ. Народъ этотъ, занимавшій Скандинавію и сѣверную Данію, въ то время, о которомъ мы говоримъ, то есть въ IX вѣкѣ, прославился своими морскими разбоями и походами. На утлыхъ своихъ судахъ Норманы смѣло пускались въ океанъ. Всѣ сѣверные и западные берега Европы были объѣзжены и неоднократно опустошены этими дикими сынами сѣвера, причѣмъ они, если представлялся случай, занимали и совсѣмъ цѣлыя области, иногда даже такія сильныя, какъ Англія. Но, странствуя по отдаленнымъ морямъ и странамъ, эти искатели чести и добычи не могли, конечно, оставить безъ вниманія и нашего отечества, столь близкаго отъ нихъ по положенію, и, дѣйствительно, они нашли его своимъ вѣнчаніемъ. Выше мы видѣли, что они подчинили себѣ Ильменскихъ славянъ съ частью Кривичей. Кромѣ того, мы знаемъ изъ своей лѣтописи, что по нашей странѣ было проложено много водныхъ путей Варягами, изъ нихъ самый извѣстный, ведшій изъ Варягъ въ Греки, шель по р. Невѣ, Ладожскому озеру, р. Волхову, оз. Ильмени, многовѣтвистой Ловати и оттуда чрезъ нѣсколько рѣчекъ и волоковъ входилъ въ Днѣпръ.

Теперь приступимъ къ изложенію самой исторіи Россіи и посмотримъ напередъ всего, какъ „пошла естъ Русская земля“?

Лѣтописецъ говоритъ, что въ 859 г. по Р. Х. Варяги наложили дань на Новгородскихъ славянъ и на Кривичей, жившихъ у Чудскаго озера, при чемъ вмѣстѣ съ славянами попали въ подданство варяговъ и финскія племена, Меря и Вѣсь. Не показавшись подчиненнымъ это господство, и, соединившись, они изгнали Варяговъ и сами стали владѣть у себя. Но тутъ у нихъ пошла распри и усобицы, „возсталъ родъ на родъ“. Тогда они собрались и сказали: „Поидемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами“, порѣшивши, пошли за море къ варягамъ, къ Руси, и сказали имъ: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; да пойдите княжить и владѣть нами“. По этому зову пришли три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, съ родичами своими, и приняли господство надъ призвав-

***) На обычай умыкиванья указываетъ практикующійся по мѣстамъ (во Ржевскомъ, напр., уездѣ Твер. губ.) обрядъ выхватыванья невѣсты изъ-за стола, гдѣ она сидитъ передъ вѣнцомъ, совсѣмъ обрѣзанная, между своими подружками, такъ называемыми подружницами. Иногда это выхватыванье, или вытаскиванье невѣсты, дѣлается не подружками, а самими женихомъ и невестой. Главнымъ дѣйствующимъ, въ этомъ случаѣ, лицомъ бываетъ или самъ женихъ, или старшій изъ пожеванъ тысящій, переименованный у высшихъ классовъ нынѣ въ шаферъ; тотъ или другой подходитъ къ мѣсту, гдѣ находится невѣста, и протягиваетъ ей руку. Если невѣста не отвѣтитъ руку и алая себя вѣять, то отъ довѣсти дѣятеля зависитъ выебодитъ ее изъ круга подружъ; сама она по крайней мѣрѣ сопротивляться не станетъ. Если же невѣста не обратитъ вниманія на протянутую руку, или хотя и обратила, но подружъ ея сдѣлалъ во время разстрой ея согласіе, то начинается торгъ, который уже водится всегда нѣмъ-либо изъ пожеванъ по большей части тысящими, но отнюдь не самими женихомъ. Торгующійся начинаетъ обыкновенно съ самой низкой дѣны, которую потомъ и возвышаетъ до тѣхъ поръ, пока не продадутъ ему невѣсты. Иногда лицомъ стерегущимъ, а, стало быть, и продающимъ невѣсту, бываетъ ея братъ, обыкновенно маленькій. Къ этому, вѣроятно, случаю относятся слова пѣснь:

Татарикъ, братецъ, татарикъ
Продалъ сестрицу за талеръ.

шпм ихъ племенами. Рюрикъ сѣлъ у Ильменскихъ славянъ на Ладогѣ, откуда въ послѣдствіи перешелъ въ Новгородъ, а братьевъ посадилъ.—Трувора у Псковскихъ Кривичей въ Изборскѣ, а Синеуса—въ области „Весь“, въ Бѣлозерскѣ. Въ то же время раздалъ еще мужамъ своимъ разные области и города, какъ видно, не очень довѣрля прочному обладанію новой страной. Такъ началось Русское государство, считающее нынѣ въ составѣ своемъ до 80 милліоновъ жителей, а пространствомъ превосходящее все монархіи, когда либо бывшія и существующія. Русскимъ оно назвалось по имени призванныхъ князей. Актъ призванія князей, а слѣдовательно и начало русскаго государства, лѣтописецъ полагаетъ на 862 годъ.

Въ нашей исторической наукѣ возникли горячіе споры о томъ, кто такое были Варяго-Руссы? Одни исследователи, придерживающіеся такъ называемой Скандинавской или Норманской теоріи, думаютъ, что это была отрасль тѣхъ норманновъ, которые славою своихъ морскихъ подвиговъ наполнили весь тогдашній міръ и были извѣстны хорошо и славянамъ, конечно, только не та отрасль, которая въ 859 году притѣснила славяно-финновъ и была изгнана ими. Другіе ученые придерживаются того мнѣнія, что Варяго-Руссы, призванные на княженіе славяно-финскимъ союзомъ были не народъ, не племя, а шайка, или сбродъ удалихъ молодцовъ изъ разныхъ національностей, и въ томъ числѣ непремѣнно и изъ славянъ, составившаяся, подобно норманнамъ, для добычи чести и славы. То и другое мнѣніе имѣетъ за себя вѣския доказательства, возбуждаетъ и не менѣе сильныя возраженія. Въ послѣднее время болѣе стало оказываться приверженцевъ на сторонѣ второго мнѣнія, которое не считаетъ Варяго-Руссовъ народомъ, что, впрочемъ, еще не доказываетъ превосходства этого мнѣнія.

Недоумѣніе на счетъ того, какъ славяно-финскій союзъ, только что освободившійся отъ чуждаго господства, ищетъ себѣ повелителя опять на сторонѣ, а не среди себя, разрѣшается легко. Члены славяно-финскаго союза—роды, какъ мы видѣли выше, до того разсорились, что единственнымъ средствомъ покончить свои распри сами считали избраніе чуждаго властителя. Они были въ томъ положеніи, когда имъ нуженъ былъ сторонній посредникъ, который былъ бы совершенно чуждъ ихъ счетамъ и, слѣдовательно, для всѣхъ одинаково безпристрастенъ. Они и обратились къ стороннему посреднику. Можно очень легко допустить при этомъ, что призванный Варяго-Руссы были извѣстны призваннымъ ихъ славяно-финнамъ съ какой-нибудь хорошей стороны.

Кто-бы ни были Варяго-Руссы, вѣтъ ли норманновъ, или сбродный союзъ изъ разныхъ народностей, возникшее при ихъ содѣйствіи новое государство, хотя и называлось русскимъ, по имѣло характеръ славяно-финскій, потому что составлено было изъ финновъ и славянъ. Оно и пошло бы такимъ путемъ далѣе, если бы преемники Рюрика дѣйствовали въ его духѣ. Говорятъ, что первый князь нашъ сдѣлалъ пріобрѣтенія къ своимъ владѣніямъ, но эти пріобрѣтенія совершились опять въ славянскомъ и финскомъ мірѣ. Со смертью Рюрика такой порядокъ измѣняется. Рюрикъ умеръ (879 г.), переживъ своихъ братьевъ, и оставилъ свои владѣнія малолѣтнему своему сыну Игорю, вмѣсто котораго принялъ управленіе дѣлами родственникъ царствующаго дома, Олегъ.

Олегъ тотчасъ далъ такой поворотъ дѣламъ, что и правящая династія, и ея мужи, и варяги, погрузились въ славянскій міръ и изъ него уже болѣе не выходили, вслѣдствіе чего и сами ослабѣли, и государство получило преобладающій славянскій пошибъ. Что руководило Олегомъ въ этомъ случаѣ, истиннѣ ли славянскій, если онъ самъ былъ славянинъ, или же варяжская склонность погулять по великому водному пути, ведущему въ Константинополь, неизвѣстно, только Олегъ по смерти Рюрика отправляется на югъ по знаменитому Днѣпру, покоряетъ жившія по этой рѣкѣ славянскія племена и являлся у Кіева. Въ Кіевѣ сидѣли въ это время князья Аскольдъ и Диръ, по однимъ преданіямъ—спутники Рюрика, по другимъ соображеніямъ—неизвѣстнаго происхожденія удалыи, завладѣвшіе страной Полянъ. Олегъ хитростью убиваетъ этихъ владѣтелей, беретъ Кіевъ и провозглашаетъ его матерью городовъ русскихъ. Затѣмъ, въ продолженіи 12 лѣтъ, онъ ведетъ войны съ разными славянскими племенами и подчиняетъ ихъ всѣхъ, за исключеніемъ Угличей на югѣ и Вятичей на востокѣ. Совершивъ покореніе, Олегъ указалъ размѣръ дани, которую должны были платить разные племена и сталъ строить города, вѣроятно, для защиты отъ кочевниковъ, а можетъ быть и для упроченія внутреннего порядка.

Въ 907 году Олегъ отправляется въ свой знаменитый походъ къ Царьграду. Лѣтописецъ исчисляетъ все подвластныя Олегу племена, принявшія участіе въ походѣ; такъ ли это было, какъ представлялъ себѣ лѣтописецъ, или иначе, во всякомъ случаѣ видно, что предпріятіе совершенно было соединенными силами Руси, оттого оно и имѣло успѣхъ. Русскіе въ этомъ походѣ получили богатый окунъ и заключили выгодный договоръ съ греками. Преданіе изукрасило этотъ походъ баснословными прибавками. Такъ, напр., сказано было объ Олегѣ, что онъ корабль свои приказалъ выгнать на берегъ и, подладивъ подъ нихъ колеса, на парусахъ подошелъ къ Царьграду, къ которому доступъ съ моря заперли греки. Есть такое сказаніе, что

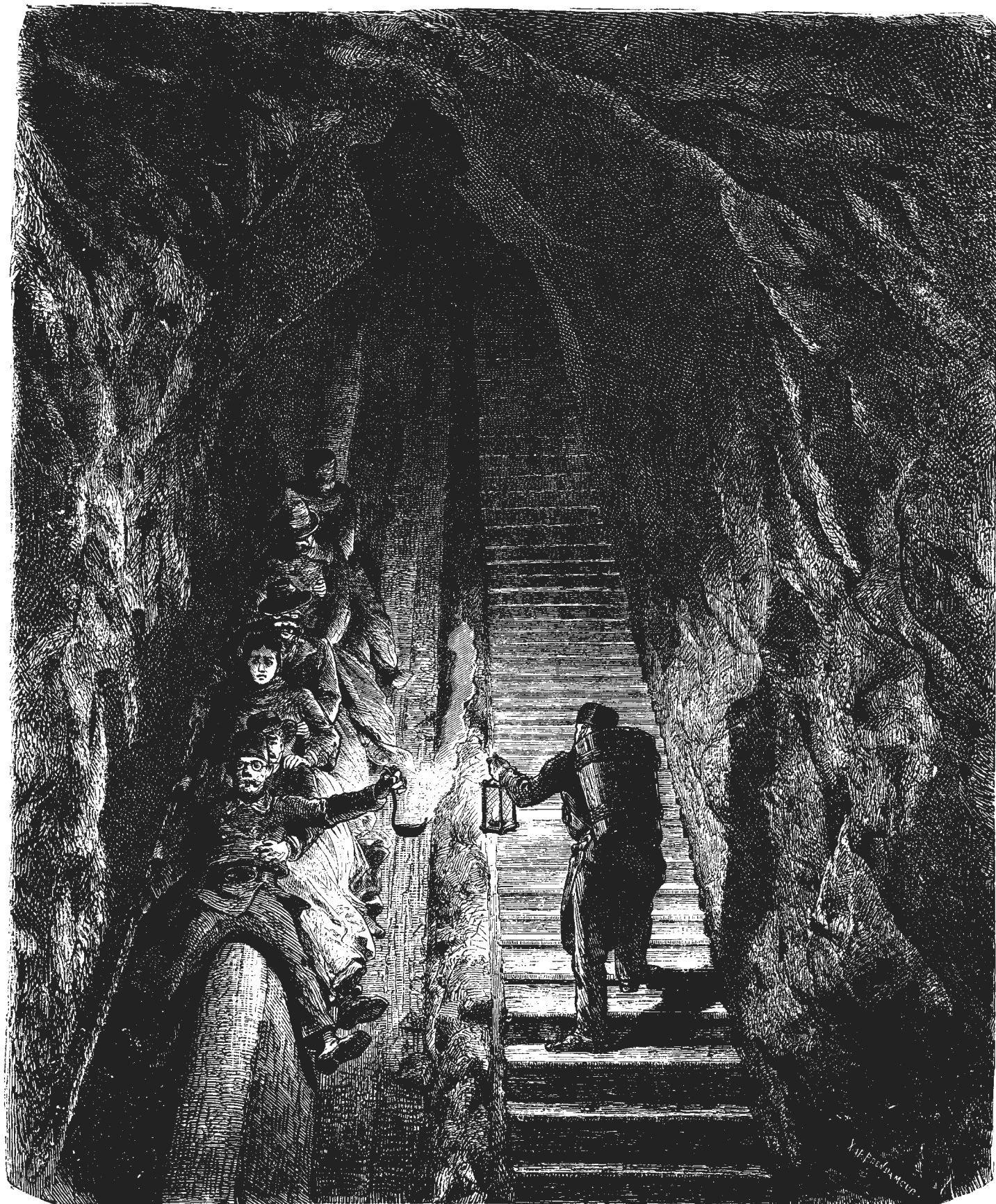
будто бы греки пытались отравить Олега и выслали ему угощеніе, когда онъ явился передъ Константинополемъ, но что онъ догадался и не дотронулся до присланнаго; что греки, вслѣдствіе сего, говорили объ Олегѣ: „это не Олегъ, а святой Дмитрій, посланный на насъ Богомъ“. Русскимъ того времени особенно понравилось это послѣднее преданіе объ осторожности Олега, оно свидѣтельствовало въ ихъ глазахъ объ умѣ князя, недавшаго себя обмануть самому хитрому изъ народовъ.

Олегъ послѣ своего греческаго похода прожилъ только три года и умеръ 912 года. Къ смерти его примѣшался опять элементъ чудеснаго. По преданію, онъ умеръ отъ укушенія змѣи, выползшей изъ черепа его любимаго коня, а объ этомъ конѣ ранѣе было предсказано Олегу, что онъ чрезъ него получитъ свою смерть. Олегъ, повѣривъ предсказанію, отпустилъ, говорить, отъ себя коня и никогда ужъ болѣе его не видалъ. Конь между тѣмъ умеръ. Тогда Олегъ, подобопытствовавшій видѣти его кости, приблизился къ черепу и былъ ужаленъ змѣей.

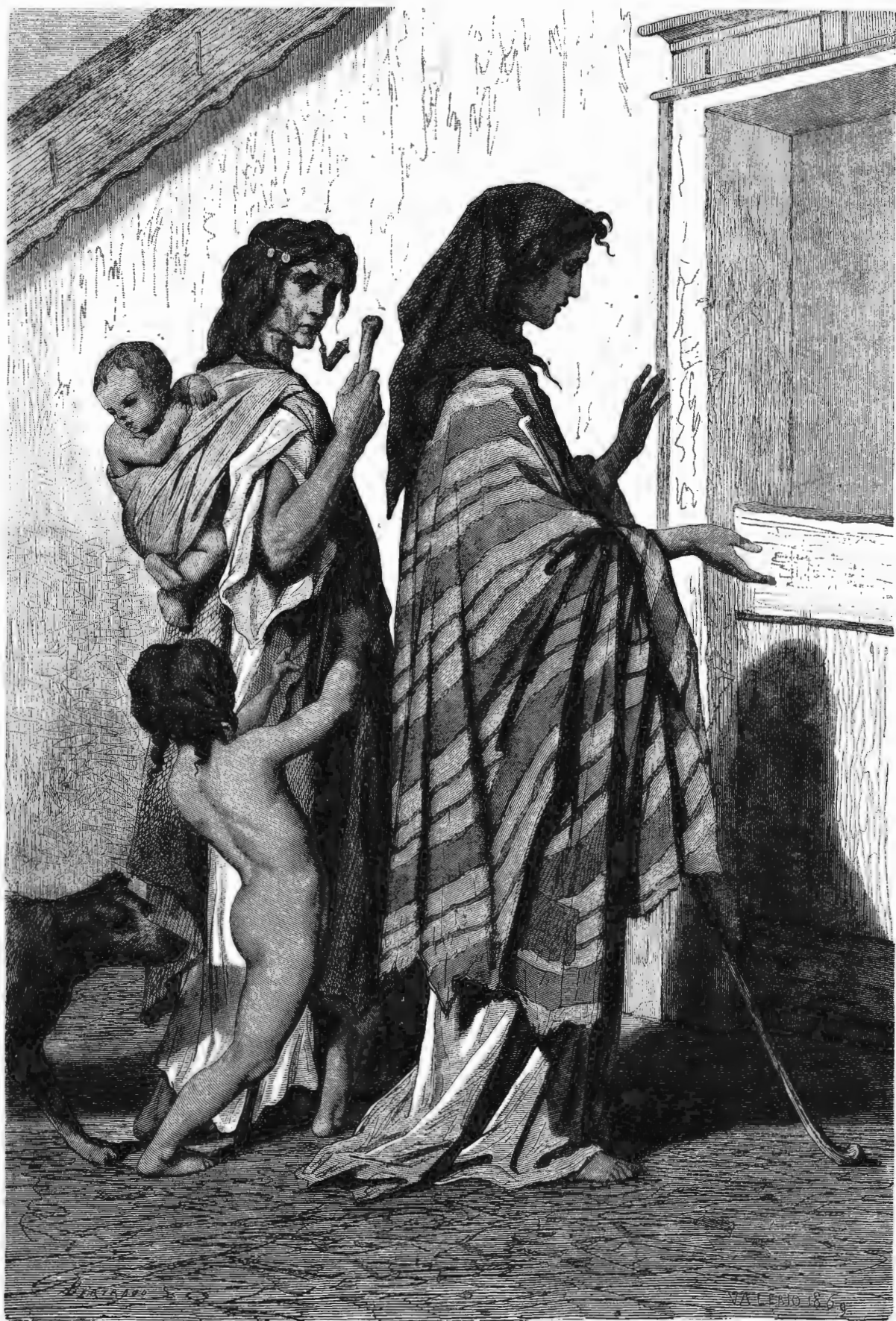
33-хъ-лѣтнее правленіе Олега (такую продолжительность этому правленію даетъ лѣтописецъ) полно великихъ событій. Своимъ мечемъ широко онъ намѣтилъ предѣлы Русской земли и, что не менѣе важно, умѣлъ поддержать порядокъ въ этой, имъ созданной, землѣ. Народъ оцѣнилъ Олега и прозвалъ его вѣщимъ, то есть мудрымъ, но мудрымъ не по человѣчески только, а вѣдущимъ волю божества, ибо таково значеніе слова „вѣщій“. Народная поэзія потомъ завладѣла эггидъ княземъ и представила его величіе въ баснословныхъ размѣрахъ: ахъ, мы съ своей стороны не должны упустить изъ виду важнѣйшей заслуги Олега: онъ первый положилъ основу тому, что Россія сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ она есть, то есть русскимъ, а не русско-финскимъ государствомъ.

Олегу преемствовалъ Игорь, которому лѣтописецъ назначаетъ тѣ же 33 года дѣятельности, что онъ далъ и Олегу. Но замѣчательно, что въ продолжительное правленіе преемника Олега лѣтописецъ не нашелъ вставить ничего особеннаго, поражающаго умъ. Онъ говоритъ объ его походахъ и дѣлахъ, но видимо не выказываетъ той симпатіи къ сыну Рюрика, какъ было вольно у него пробивается къ лицу Олега. Знакъ, что въ преданіяхъ народныхъ, служившихъ источникомъ для лѣтописца, Игорь выставленъ не въ столь выгодномъ свѣтѣ, какъ его знаменитый предѣстникъ и опекунъ. И всѣхъ-то преданій объ Игорѣ правитель въ лѣтописи записано пять: два преданія о столкновеніи съ древлянами, жертвою послѣдняго изъ этихъ столкновеній и палъ Игорь; два извѣстія о греческихъ походахъ, и преданіе о появленіи на нашихъ южныхъ окраинахъ новаго хищническаго народа—Печенѣговъ. Изъ двухъ греческихъ походовъ Игоря, одинъ—именно первый, былъ неудаченъ, а второй выставленъ у лѣтописца какъ счастливый, хотя и окончился договоромъ съ греками, менѣе выгоднымъ, чѣмъ Олегъ договоръ. Замѣчательно, что при присягѣ по договору клялись по двумъ обрядамъ, христіанскому и языческому. Князь и дружина языческа присягала на холмѣ предъ кумиромъ Перуна, а христіане приводимы были къ присягѣ въ храмѣ св. Ильи. Христіанство, слѣдовательно, въ это время не только было въ Кіевѣ, но и считало между своими послѣдователями не мало знатныхъ людей, ибо къ присягѣ приводились только княжін мужи. Начало христіанства въ Кіевѣ относятъ ко временамъ Аскольда и Дира, этихъ удалыи, завладѣвшихъ Кіевомъ и потомъ навшихъ подъ ударами Олега. Во время своего господства надъ землею полянъ, эти властители сдѣлали набѣгъ на Константинополь. Набѣгъ былъ неудаченъ, но повелъ къ сближенію духовному съ греками. Аскольдъ съ частью своихъ руссовъ принялъ христіанство.

Игорь погибъ жертвою своей корысти. Отправившись на полюдье, то есть за сборомъ дани, къ древлянамъ, онъ началъ тамъ дѣлать насилие и требовалъ больше положеннаго; дружина его дѣйствовала также. Древляне разсердились. Надобно сказать, что это племя было изъ числа наименѣе расположенныхъ къ принятію новой формы общественнаго строя, ближайшей власти. При покореніи своего Олегу, они недобровольно признали его господство, а были *примучены*, какъ выражается лѣтописецъ. По смерти Олега они возстали и хотѣли возвратитъ свою независимость и первымъ дѣйствіемъ новаго правителя было усмиреніе древлянъ. Теперь, отправившись къ нимъ на полюдье, Игорь раздражилъ ихъ. Но этого мало: собравъ одну дань, Игорь вздумалъ взять на тѣхъ же древлянахъ другую дань. Отправивъ отъ себя большую часть дружины домой, онъ съ побѣдншимъ числомъ ратниковъ пошелъ опять въ древлянскую землю за данью. Дружина онъ отпустилъ затѣмъ, чтобы болше получить самому: по тогдашнимъ порядкамъ князья дѣлились всякою добычею съ дружиною. Древляне, разсерженные уже и безъ того, сказали сами себѣ: „повадится воакъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, пока не убьютъ его“—и убили Игоря. Есть преданіе, что они убили его мучительною смертью: наклонивъ два дерева, привязали къ вершинѣ каждаго изъ нихъ по ногѣ князя и пустили; деревья, выпрямившись, разорвали Игоря. Лѣтописецъ относитъ смерть Игоря къ 946 году. Игорь оставилъ малолѣтняго сына Святослава, будущаго героя древней языческой Руси. За малолѣтствомъ сына, приняла правленіе Ольга, вдова Игоря. Ольга вышла замужъ за Игоря, по показанію лѣтописца, въ 903 году, еще при жизни Олега, такъ что, если принимать

Гальштатскій соляной рудникъ. (Путешественники, спускающіеся въ сопровожденіи рабочаго, верхомъ по катку во внутренность рудника). Рис. профессоръ Геберлинъ, грав. Бренд'Амуръ.

Цыганки, нищенствующія въ Славоніи. Рис. Мэнль, грав. Шапонъ.

туть показаніе дѣтописи на вѣру, то ей при смерти мужа было около пятидесяти пяти лѣтъ, по крайней мѣрѣ.

Первымъ дѣломъ Ольги, по вступленіи въ правленіе было отмстить древлянамъ за смерть своего мужа. Этого требовали и религиозный долгъ, и государственныя соображенія. По понятіямъ тогдашнихъ славянъ, какъ мы видѣли, месть за кровь была не только правомъ, но и обязанностью. Родственники убитого не только могли отыскивать убійцу, или убійць, и убивать ихъ, но они обязаны были это непременно дѣлать. Не исполнивъ этого, они подвергались позору. Вотъ почему въ уставѣ Ярослава, известномъ подъ именемъ „Русской правды“, допущено было право мести за кровь кровью въ пользу ближайшихъ родственниковъ. До Ярослава, какъ видно, этимъ правомъ пользовались всѣ родичи, члены рода-общины, находились ли они въ плотскомъ родствѣ съ тѣмъ, за кого мстили, или нѣтъ. Ярославъ, дѣйствовавшій подъ влияніемъ христіанскихъ понятій могъ только ограничить число мстниковъ, но не устранить ихъ совершенно. Тоже видимъ мы и въ договорѣ Игоря съ Греками. По этому договору за убійство караютъ виновника смертью родственники убитого. Такимъ образомъ месть за смерть Игоря была для Ольги священнымъ, религиознымъ долгомъ. Въ то же время мщеніе убійцамъ Игоря отвѣчалъ и государственнымъ интересамъ. Древяне, возмущившись, если не усмирить ихъ тотчасъ же, могли своимъ примѣромъ увлечь другія племена къ подражанію. Связь между разными частями, вошедшими въ составъ юнаго русскаго государства, была тогда еще не настолько сильна, чтобы не опасаться за нее при всякомъ неблагопріятномъ случаѣ. Связь эта выражалась въ поставленіи въ разныхъ племенахъ княжихъ мужей правителями и въ периодическихъ объѣздахъ волостей самими князьями. Эти правители и князья, во время своихъ посѣщеній, чинили на мѣстахъ судъ и расправу и водили внутренній порядокъ страны, при чемъ князья собирали и дань. Всѣ эти виды отношеній между государственною властью и разными областями не свидѣтельствовали объ ихъ прочной связи, и Ольга имѣла полное право опасаться за вредныя послѣдствія дерзкаго поступка древлянъ.

Но случилось такъ, что люди, которымъ хотѣла мстить Ольга по чувству жены представительницы, были въ то же время и опаснѣйшими врагами государства. Мы видѣли, что старинное устройство славянской жизни было таково, что главная, выдающаяся тутъ роль выпадала на долю родоначальниковъ, старѣйшинъ, князей рода. Эти то родоначальники—князья древлянской земли и убили Игоря. По естественному порядку вещей, прежніе начальники родовъ враждебнѣе относились къ возникшей вновь князей власти, чѣмъ прочіе простые люди. Князья своимъ появленіемъ уничтожали ихъ значенія и силу: что прежде принадлежало родоначальникамъ, старѣйшинамъ, право наряда, право суда и право жреческое—переходило теперь на лицо князя, а они отходили на второй планъ, приравнивались къ простымъ смертнымъ. И вотъ они убиваютъ Игоря. Древлянскіе послы прямо говорятъ Ольгѣ о значеніи въ этомъ дѣлѣ своихъ князей-начальниковъ: „мужа твоего мы убили, потому что онъ грабилъ насъ, какъ волкъ, а наши князья добры, распасли древлянскую землю“. Этихъ обстоятельство о значеніи князей не нужно терять изъ виду при чтеніи сказанія о мести Ольги.

Послы заключили свою рѣчь Ольгѣ предложеніемъ ей выдти замужъ за князя ихъ Мала. Вѣроятно, этотъ Малъ выдавался чѣмъ-нибудь тогда въ древлянской землѣ передъ прочими ея начальниками. Ольга сказала въ отвѣтъ посламъ: „люба мнѣ ваша рѣчь; вѣдь мнѣ мужа своего не воскресятъ; но мнѣ хочется почтить васъ передъ своими людьми“. И приказала посламъ, когда она придетъ на другой день звать ихъ во дворецъ, неидти пѣшкомъ, а требовать, чтобы ихъ несли и несли на лодей, а между тѣмъ велѣла во дворѣ у себя выкопать большую глубокую яму. На другой день, когда люди Ольги явились на дворъ, звать послы во дворецъ, то послы отвѣчали: „Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ, и пѣшкомъ не идемъ, несите насъ въ лодѣ“. Кіевляне сказали: „Мы люди невольные; князь нашъ убить, а княгиня наша хочетъ замужъ за вашего князя“, и понесли древлянъ въ лодѣ, а тѣ, сидя, важничали.

Когда принесли ихъ на дворъ, Ольга сдѣлала знакъ, древлянъ сбросили въ яму и засыпали землею. Когда ихъ засыпали, Ольга подошла къ ямѣ и спросила послы: „Довольны ли вы честью?“ „Охъ, хуже намъ Игоревой смерти, отвѣчали тѣ.

Прилагаемый при настоящей статьѣ рисунокъ изображаетъ именно этотъ видъ Ольгиной мести; говоримъ: *этомъ*, потому что Ольга, по сказанію, продѣлала еще нѣсколько штукъ надъ древлянами, мстя за смерть мужа.

Для поясненія рисунка прибавимъ, что описанная сцена съ древлянскими послами происходила въ загородномъ теремномъ дворцѣ, вѣроятно, въ Вышгородѣ, составлявшемъ личную собственность этой княгини.

Распорядившись такимъ образомъ, Ольга требуетъ отъ древлянъ, чтобы тѣ, если дѣйствительно хотятъ ее сватать за своего мужа, прислали за ней вновь еще лучшихъ нарочныхъ мужей „а то, пожалуй, Кіевляне меня,“—говорила Ольга,—„и не пустятъ“. Древяне послушались: выбрали лучшихъ мужей, державшихъ ихъ землю, которыхъ и отправили въ Кіевъ. Въ Кіевѣ для этихъ лучшихъ мужей приготовили баню. На Востокѣ гостямъ, при встрѣчѣ, умывали ноги, у насъ на Руси въ старину непременно подчивали при этомъ банькой. Когда гости вошли въ баню, баня загорѣлась и они всѣ погибли. Затѣмъ Ольга шлетъ въ древлянскую землю сказать: „Я уже на дорогѣ къ вамъ, наварите побольше медовъ въ городѣ, гдѣ убили моего мужа; я заплачу надъ его могилою и отпраздную тризну“. Древяне опять сдѣлали все, какъ наказывала Ольга. Ольга, пришедши съ небольшою дружиною, поплакала надъ Игоревую могилою, насыпала надъ нею высочій курганъ и велѣла праздновать тризну. Явившіеся на тризну древяне стали пить, а отроки Ольгины угощали ихъ. Когда древяне спрашивали о своей дружинѣ, что послали за Ольгою, то имъ отвѣчали что она идетъ сюда вмѣстѣ съ дружиною Игоря. Когда древяне напились до пьяна, то свита Ольги бросилась на нихъ и перебила 5,000 человекъ изъ нихъ.

Истребивши, такимъ образомъ, вождей древлянской земли, Ольга съ большимъ войскомъ стала покорять самую область. Область покорилась, только не сдавался главный городъ древлянъ Коростень.

Цѣлое лѣто простояла Ольга подъ нимъ съ войскомъ, а сдѣлать ничего не могла.

Тогда Ольга употребляетъ опять хитрость. Какъ-бы жалѣя Коростенцевъ, удрученныхъ продолжительною осадой и обдѣланныхъ отъ войны, она предлагаетъ имъ изъѣвить лишь ей покорность дачею отъ каждого дома по три голубя и по три воробья. Коростенцы съ радостью согласились; и Ольга, привязавъ къ птицамъ зажигательные снаряды, сожгла и взяла городъ. Древлянская земля окончательно была усмирена.

Въ этомъ разсказѣ о мести Ольги Древянамъ, изукрашенномъ вымыслами и баснями, есть серьезная историческая подкладка. Въ разсказѣ ясно выражена мысль о важномъ значеніи лучшихъ людей страны, ея представителей. Въ разсказѣ выразилась также понятіе современниковъ объ Ольгѣ. Ольга выставлена тутъ хитрою женщиною, или, что тоже, умною; ибо по понятію людей того времени хитрость была тождественна съ умомъ. Не вредитъ вѣроятности разсказа и сватовство Мала за Ольгу. По понятіямъ того времени убійца могъ жениться на вдовѣ убитого. У Норманновъ едва ли это не считалось средствомъ, искупающимъ убійство. Да и у насъ Владиміръ, убивъ Ярополка, беретъ себѣ въ жены его вдову, равно и невѣсту, известную Рогнѣду, у которой, кромѣ жениха, убилъ онъ отца и братьевъ.

Ошибся бы тотъ, кто объ Ольгѣ составилъ-бы себѣ понятіе только по разсказамъ объ ея мести древлянамъ. Чтобы судить объ этой великой женщинѣ, надобно взять во вниманіе всю ея дѣятельность жизни. Талантливая жена Игоря, казавшаяся своимъ современникамъ образцомъ супруги и правительницы, покажется такою же и намъ, если мы вглядимся пристальнѣе въ ея образъ, отдѣленный отъ насъ девятью вѣками. Она съ честью и безъ упрека стоитъ у началаго края нашей исторіи между тѣми зиждителями и устроителями первоначальныхъ судебъ нашей страны, которыхъ Карамзинъ такъ выразительно назвалъ „Великанами сумрака“.

Н. Зѣрѣвъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Священная смоковница.

Священная смоковница есть одно изъ величайшихъ деревьевъ, украшающихъ лѣса Индіи. Она замѣчательна тѣмъ, что вѣтви ея выпускаютъ изъ себя воздушные корни, которые остаются довольно тонкими, пока висятъ въ воздухѣ; но какъ скоро успеютъ они проникнуть въ почву и укрѣпиться въ ней, быстро начинаютъ утолщаться и деревенѣть, образуя вокругъ главного ствола множество высокихъ колоннъ. Что это дѣйствительно корни, а не стебли или стволы, свидѣетъ уже изъ того, что они растутъ внизъ и углубляются въ почву. Корень даже искусственно нельзя заставить расти иначе. Всѣмъ извѣстно, что если посадить проросшій бобъ росткомъ внизъ, а корешкомъ вверхъ,

то ростокъ непременно, чрезъ нѣкоторое время, повернется къ верху почвы, а корешокъ—къ низу ея. Это направленіе восходящей оси (т. е. стебля) растенія вверхъ, а нисходящей оси (т. е. корня) внизъ, очень замѣчательно: оказывается, что оно находится въ связи съ поступательнымъ движеніемъ земли, чему служатъ доказательствомъ слѣдующій поучительный опытъ англійскаго физика Найта: на окружности вращающагося колеса, вертикальнаго къ горизонту, были посѣяны сѣмена фасоли; колесо приводилось въ движеніе струею воды дѣлая 150 оборотовъ въ минуту, и что-же? Стебли всѣхъ сѣмянъ вытянулись къ центру, а корни къ окружности колеса, т. е. оси растенія направлены по радіусамъ круга. Слѣдовательно, деревья своимъ вертикальнымъ ростомъ давно уже говорятъ человѣку о враще-

ни земли около солнца, но человек плохо понимает книгу растительного царства природы, даже и до сих пор... Впрочем, корни некоторых растений вовсе не углубляются в землю, а остаются или погруженными в воду, или висящими в воздухе, или вырастают в других растениях. Так, в стоячих водах наших прудов растет Ряска, у которой корни никогда не доходят до дна. Орхидные растения тропических стран покрывают стволы и ветви деревьев, прикрепляясь к ним частью своих корней, а остальные корни висят в воздухе, извлекая из него вещества для своего питания. Все чужеродные растения или паразиты, какова напр. Омела, выпускают свои корни в разные деревья... Но возвратимся к Смоковнице.

Разросшись таким образом, одно дерево представляет собою целую рощу, которая очень много говорила воображению древняго индйца. Поэтому набожный брамин переносил сюда, под эти таинственные зеленые своды своих богов, и место дьявола храма, в который стекались поклонники священнаго Ганга. Вот почему и получила смоковница название священной или храмовой. Одно из этих величественных деревьев, находящееся на берегу рѣки Нербуды, имеет 350 больших приросточных корней и до 3000 меньшей величины, так что образуетъ родъ лѣса въ лѣсу. Индйское преданіе утверждаетъ, что Александръ Македонскій будто-бы располагался съ своимъ войскомъ подъ однимъ изъ такихъ деревьевъ.

Гальштадтскій соляной рудникъ.

Зальцкаммергутъ—это въ некоторомъ родѣ внѣздъ нѣмецкихъ альпъ, а Гальштадтъ, лежащій на берегу длиннаго, узкаго озера того-же имени, можно назвать одною изъ самыхъ прекрасныхъ жемчужинъ въ этомъ вѣнцѣ. Отъ Ишля до Гозаумюле, лежащей неподалеку отъ сѣвернаго берега Гальштадтскаго озера, всего нѣсколько часовъ вѣзды. Здѣсь оканчивается широкая, проѣзжая дорога, и путешественники садятся на паромъ, который черезъ полчаса приходитъ въ Гальштадтъ. Гальштадтское озеро лежитъ почти на 500 метровъ выше уровня моря; въ длину оно имеетъ 2¼ мили, а въ ширину—½ мили; самая большая глубина его 170 метровъ. Окруженное со всѣхъ сторонъ высокими горами, а съ южной стороны даже исполнами германскихъ альпъ, озеро это имеетъ весьма живописный видъ. На западномъ его берегу, почти незаселенномъ, у подошвы Зальцберга находится мѣстечко Гальштадтъ съ населеніемъ въ 1600 душъ; мѣстоположеніе его очень красиво, даже оригинально, такъ какъ оно расположено террасообразно по склону горы. Въ нѣдрахъ Зальцберга скрываются богатѣйшія въ свѣтѣ залежи каменной соли, которая разрабатывается уже нѣсколько вѣковъ, но только въ послѣднія десятилѣтія разработка эта приняла обширные размѣры и ведется осмотрительно и рационально, вѣдѣствіе чего эти копи принадлежатъ къ самымъ интереснымъ достопримѣчательностямъ Зальцкаммергута. Надъ мѣстечкомъ высится Рудольфова башня, старинная, крѣпкая сторожевая башня, обитаемая и до сих поръ. Эту башню герцогъ Альбрехтъ, сынъ Рудольфа Габсбургскаго, велѣлъ построить на высотѣ 831 метра надъ уровнемъ моря для защиты Гальштадта. Чужестранцы, желающіе посѣтить знаменитый Гальштадтскій соляной рудникъ, поднимаются по широкой, удобной дорогѣ до Рудольфовой башни, а оттуда до рудника и первой штольни. Самое путешествіе по руднику, занимающее около часа времени, совершается обыкновенно по деревянному узкому спуску въ видѣ сплошныхъ перилъ. Для такой потѣдки путниковъ снабжаютъ особой одеждой, состоящей изъ такъ называемаго «бѣлаго костюма» рудокопа; женщины получаютъ блузы и широкіе панталоны, мужчины—куртку, панталоны и непременно кусокъ кожи на часть тѣла ниже пояса.

Желающіе осмотрѣть Гальштадтскій Зальцбергъ и его шахты (въ настоящее время около 130 шахтъ наполнены водою для растворенія соли и полученія разсола), заявляютъ о своемъ желаніи оберштейгеру, который раздаетъ одежду и распоряжается поѣздкой. Сначала спускаются по верхней штольнѣ почти на четверть мили въ глубь горы къ каморамъ, вода которыхъ, если она обратилась въ достаточно крѣпкій разсолъ, выпускается и отводится посредствомъ жолобовъ въ соловарни Гальштадта, Эбензе и Ишля. Выщелоченныя каморы снова засыпаются потомъ мусоромъ и камнемъ, следовательно уже не эксплуатируются; такихъ каморъ новѣйшаго времени насчитывается уже слишкомъ 300. Достигнувъ того пункта, откуда можно спуститься въ болѣе глубокія части рудника, туристу предоставляется на выборъ: сойти внизъ по лѣстницѣ въ 200 ступеней или полетѣть съ быстротою молніи по наклонному спуску, устроенному рядомъ съ лѣстницей. Спускъ, какъ это видно на нашей картинкѣ, состо-

итъ изъ гладко обрѣзанныхъ перилъ, по которымъ и спускаются, сидя верхомъ. Кусокъ кожи предохраняетъ сдвигавшія части отъ слишкомъ сильнаго тренія, какъ и грубая перчатка, защищающая правую руку, которою держатся за протянутый канатъ. Проводникъ, съ свѣтильникомъ въ лѣвой рукѣ, садится на спускъ, остальная публика въ своихъ костюмахъ помѣщается за нимъ гуськомъ, вплотную, и, по данному знаку, этотъ маленькій караванъ летитъ внизъ съ большою или меньшою скоростью, по гладкой поверхности спуска во вторую штольню. Окончивъ осмотръ, всѣ поднимаются по лѣстницамъ до верхней площадки и садятся тамъ въ маленькія тачки, въ которыхъ, по рельсовому пути, ихъ и вывозитъ изъ первой штольни на свѣтъ Божій. При посѣщеніи рудника туристы, какъ это видно на картинкѣ, всегда почти предпочитаютъ спускаться верхомъ, ибо такого рода полетъ доставляетъ много удовольствія.

Цыганки, нищенствующія въ Славоніи.

Цыгане-кочевники, встрѣчающіеся и у насъ, въ Россіи, въ небольшомъ числѣ, отдѣльными таборами въ пять-шесть душъ, особенно многочисленны на юго-востокѣ Европы. (О цыганахъ «Нива» уже не разъ имѣла случай говорить на своихъ страницахъ) Изъ одного округа въ другой, изъ провинціи въ провинцію переходятъ они, ноцую подъ открытымъ небомъ и питаются чѣмъ Богъ пошлетъ. Въ одной изъ quasi-цыганскихъ пѣсенъ російскаго издѣлія поется:

Мы живемъ средь полей
И лѣсовъ дремучихъ,
Но счастливы, веселы
Всѣхъ вельможъ могучихъ.

Только наврядъ-ли это такъ, ибо голодному и холодному всегда есть о чемъ потужить. Какъ-бы ни былъ человекъ дикъ, но не въ натурѣ его равнодушно переноситъ голодъ и холодъ. Судороги желудка, ознобъ, какъ неприятныя ощущенія, всегда останутся неприятными.—Мѣстные осѣдые жители съ явнымъ пренебреженіемъ относятся къ цыганамъ, и справедливо считаютъ ихъ неспособными къ цивилизаціи, по давно уже извѣстной и ясно опредѣлившейся ихъ болѣзненной склонности къ бродячничеству. Членами сельскихъ общинъ быть они не могутъ, потому что сами общинники отталкиваютъ ихъ, что обусловливается не только происхожденіемъ цыганъ, но и дѣйствующими мѣстными законами. Въ сельскихъ общинахъ Славоніи, напр., гдѣ цыганъ очень много, гдѣ они безпрестанно перекочевываютъ (любой мѣстный ландшафтъ непременно украшенъ группою этихъ китальцевъ), существуетъ особаго рода поземельное устройство. Земля съ дворомъ принадлежитъ тамъ не отдѣльному лицу, а всей семьѣ, поля-же и пр. угоды какого нибудь селенія составляютъ собственность всей общины и не могутъ быть предметомъ продажи. Каждая семья воздвѣиваетъ такое количество земли, какое можетъ или желаетъ обработать, и платитъ за это общинѣ извѣстный процентъ съ своего дохода; такимъ образомъ, семья не собственника своего участка, она имеетъ только право пользоваться имъ. Право уроженца общины есть въ то же время право пользованія землею; то и другое передается по наследству, поэтому посторонній, чужой человекъ, можетъ сдѣлаться членомъ какой либо сельской общины только въ такомъ случаѣ, если онъ посредствомъ брака свяжетъ себя съ семьей общинника. Но цыганъ—лицо презираемое, онъ даже не христіанинъ, онъ язычникъ, парія, а потому для него совершенно невозможная вещь такимъ образомъ войти въ семью славонскаго поселенца. Вотъ, можно сказать, одна изъ причинъ, почему цыгане не могутъ сдѣлаться осѣдыми въ Славоніи и обречены на жалкое китальческое существованіе. Средства къ пропитанію себя они достаютъ трудомъ «мимоходнымъ», предлагая услуги свои на живодернѣ, занимаясь кузнечнымъ ремесломъ, а иногда являясь въ качествѣ музыкантовъ во время праздниковъ, на свадьбахъ пирушкахъ. Цыгане мужскаго пола, если нѣтъ у нихъ работы, отдаются лѣни, а наскучивъ лежатъ—отправляются воровать; женщины цыганки бродятъ съ голыми ребятишками по деревнямъ, просятъ милостыню или предлагаютъ поворожить, погадать. Зная очень хорошо бытъ мѣстныхъ поселенцевъ, ихъ нравъ, характеръ, отношеніе между полами, цыганки не трудно угадать многое или предсказать дѣвущкѣ, что она любима и скоро будетъ женой.—Вотъ къ окну подошли двѣ цыганки, старая и молодая, обѣ въ лахмотьяхъ, съ ребятиками. Молодая, какъ видно, предлагаетъ поворожить. Фигуры эти живописны и интересны, напоминаютъ библейскихъ женщинъ въ рисункахъ Г. Дорэ. Старухи, правда, бываютъ часто очень безобразны, за то между дѣвущками и молодыми цыганками не въ рѣдкость встрѣтить красивыя.

Политическое обозрѣніе.

Въ самый праздникъ Пасхи стало извѣстнымъ содержаніе протокола, перепечатаннаго всеми русскими газетами изъ «Правъ Вѣстника», вмѣстѣ съ деклараціей нашего посла въ Лондонѣ, графа Шувалова. Суть протокола состоитъ въ приглашеніи (но не въ настоятельномъ понужденіи) державами Порты—улучшить судьбу ея христіанскаго населенія посредствомъ реформъ, имѣю-

щихъ быть введенными въ Боснію, Герцеговинѣ и Болгаріи. Порты приглашается возвратитъ свои войска въ положеніе мирнаго времени, за исключеніемъ того ихъ количества, которое необходимо для поддержанія порядка. Державы, съ своей стороны, выражаютъ намѣреніе имѣть бдительный надзоръ, посредствомъ своихъ представителей въ Константинополь и чрезъ

мѣстныхъ агентовъ, за выполненіемъ общаній турецкаго правительства. Но затѣмъ, въ заключеніе протокола оговорено, что еслибы державы еще разъ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ и положеніе христіанскихъ подданныхъ султана не было бы улучшено въ такой мѣрѣ, чтобы предотвратить возвращеніе тѣхъ усложненій, которыя периодически нарушаютъ спокойствіе на Востокъ,—державы считаютъ долгомъ заявить, что такое положеніе вещей было бы несогласно съ интересами ихъ и Европы вообще, и, въ такомъ случаѣ, онѣ оставляютъ за собою право совместно разсудить о мѣрахъ, которыя онѣ признаютъ дѣйствительными для обезпеченія благосостоянія христіанскаго населенія и выгоды всеобщаго мира.

Затѣмъ, присоединенно къ протоколу декларацией графа Шувалова, протоколъ приводится въ связь съ вопросомъ о заключеніи мира между Черногоріей и Портой. (Въ протоколѣ упоминалось о томъ условіи, чтобы границы Черногоріи были исправлены и чтобы допущено было свободное плаваніе по р. Боянѣ, заключеніе мира съ Сербіей также принято въ разсчетъ). Миръ Турціи съ Черногоріей сочтенъ за первый шагъ, со стороны Турціи, на пути осуществленія реформъ. Послѣ извѣщенія Портой готовности въ этомъ смыслѣ, она приглашается прислать въ Петербургъ особаго уполномоченнаго для переговоровъ о *разоруженіи*, на которое, говорится въ деклараци, согласится съ своей стороны и Его Величество Государь Императоръ, если только не произойдутъ новыя измѣненія, подобныя тѣмъ, которыя обогрѣли Болгарію. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ мѣры къ разоруженію со стороны Россіи будутъ остановлены.

Порта на принятіе этого протокола не согласилась и 30-го марта получена въ Петербургъ циркулярная депеша турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ Сафвега-паши, содержащая рѣшительный отказъ на все требованія русскаго правительства.

Затѣмъ, по вопросу о мирѣ Турціи съ Черногоріей стало извѣстнымъ, что турецкая Палата Депутатовъ, засѣдавшая въ Перѣ, большинствомъ 66 голосовъ противъ 18, отвергла всякую уступку территоріи въ пользу Черногоріи и даже не согласилась на уступку той части ея, которую уже согласо было уступитъ турецкое правительство. Черногорскіе же уполномоченные получили изъ Цетинья новыя инструкціи не дѣлать болѣе ни одной уступки и настаивать на сдачѣ крѣпости Никшича. Турецкая Палата Депутатовъ и Сенатъ, правда, уже давно отвергли требованія Черногоріи, но Саветъ-паша почему-то все еще тянетъ переговоры. Черногорскимъ делегатамъ это надоѣло, и онѣ въ субботу 2 (14) апрѣля уѣзжаютъ домой.

Кстати сказать, что срокъ перемирія между Турціей и Черногоріей уже истекъ; носились слухи, что перемиріе будетъ формально продлено еще на двѣ недѣли; но также извѣстно и то, что подобное перемиріе было бы весьма непрочное, въ виду вотъ уже три дня возникшихъ схватокъ между турками и мирдитами, при чемъ и черногорцы должны занять демаркаціонную линію и держаться оборонительныхъ дѣйствій. Стоитъ ли тогда хлопотать о перемиріи!

Затѣмъ дальнѣйшія, только что полученныя извѣстія, дорисовываютъ общее грозное положеніе дѣлъ.

1) Военныя приготовления въ Турціи производятся съ усиленною энергіей день и ночь. Телеграфъ работаетъ безостановочно. Англія, совместно съ Австріей, пытались было произвести давленіе на Порту. Но турецкое правительство уже безповоротно поддалъ съ вліянію столчнаго общественнаго мнѣнія (т. е. софты, улемовъ и др. фанатиковъ). Печать въ Константинополь, особенно же греческая (фанариотская), а равно и приближенные султана, единогласно требуютъ войны. На попытку повѣреннаго въ дѣлахъ Австріи склонить Порту къ миру, великій визиръ Эдхемъ-паша отвѣчалъ, что «Турція не можетъ принять предложеній, оскорбляющихъ ея достоинство». Такому же попытку сдѣлалъ было графъ Андранъ, но тоже неудачно. Особенно нафанатизированъ въ настоящее время турецкій совѣтъ министровъ. Недавно на одномъ изъ засѣданій нѣкоторые изъ членовъ совѣта предложили даже требовать отъ Россіи возвращенія Крыма (!). Болѣе благоразумные министры, однако, отвергли это предложеніе.

2) Порта уже отправила румынскому правительству извѣщеніе, что какъ скоро русскія войска *перейдутъ границу*, войска турціи *вступятъ на территорію* Румыніи. При этомъ Румынія

приглашается, въ качествѣ вассала, не оказывать Турціи сопротивленія, а поставить свои войска подъ главное начальство турецкаго генерала. О дальнѣйшихъ воинственныхъ приготовленіяхъ Турціи извѣстно, что Дарданеллы сильно укрѣпляются. Въ турецкой провинціи Румелии признаны такъ называемые «мустегазисы», т. е. все магометане, способные нести оружіе (число ихъ простирается до 28 тысячъ).

Важнѣйшимъ комментариемъ будущаго поведенія Англіи—должно служить ея рѣшеніе отправить свой флотъ въ Безикскую бухту. Далѣе, два англійскіе монитора отправятся къ Константинополю и займутъ мѣсто у самаго входа въ заливы, соединяющіе Черное море съ Средиземнымъ.

— Что касается Австріи, то, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ тамошнихъ правительственныхъ сферахъ исчезла всякая надежда на сохраненіе мира. Въ Вѣнѣ одержали верхъ тѣ вліянія, которыя стоятъ за совместное дѣйствіе Австріи съ Россіей. Вѣнское правительство, повидимому, спѣшитъ приготовлениями къ занятію Босніи.

Въ Албаніи начались стычки вооруженныхъ инсургентскихъ бандъ съ Турками.

Изъ всѣхъ исчисленныхъ нами фактовъ ясно одно: надежда на мирное рѣшеніе—и то, конечно, только временное (въ чемъ мы всегда были убѣждены и высказывали свое убѣжденіе)—восточнаго вопроса исчезла совсѣмъ. Грозныя тучи нависли..

— Имперскій Канцлеръ Германіи, князь Бисмаркъ, къ общему изумленію всей Европы, недавно подалъ императору Вильгельму двоекратное прошеніе объ отставкѣ. Вильгельмъ, какъ и слѣдовало ожидать, не согласился на отставку Канцлера, и даже на поляхъ въ послѣдній разъ поданнаго Бисмаркомъ прошенія объ отставкѣ, написалъ короткое и краснорѣчивое: «Никогда». Причины, побудившія къ этому князя Бисмарка, еще не выяснились. Говорятъ, однакожъ, что дѣло это стоитъ въ связи съ римско-католическимъ вопросомъ въ Германіи и съ борьбою противъ ультрамонтановъ въ Германіи,—борьбою, инициативу въ которой принималъ Бисмаркъ. Вмѣсто отставки, Бисмаркъ получилъ отъ императора временной отпускъ, для отдохновенія отъ дѣла.

Нѣкоторые пытались временное удаленіе князя Бисмарка отъ дѣла приурочить, во что бы ни стало, къ обезпеченію прочнаго европейскаго мира—слабая и тщетная попытка. Удаленіе Бисмарка доказываетъ, въ крайнемъ случаѣ, только полный нейтралитетъ Германіи въ грозящей всыхнуть войнѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Бѣлостокъ, А. Шер... Помѣщаемъ четыре строки изъ вашихъ стиховъ:

«А тоска смѣлѣе еще
Въ сердцѣ разыграется,
Такъ и рветъ всю внутренность,
Не давая отдыха».

Какіе ужасы и какавъ смѣлая тоска!

2. Ливны, И. Дар—у. Изъ вашихъ «произведеній» можно взять двѣ строки:

«Все тихо въ природѣ, лишь только порой
До слуха звякомя пѣся касаются».

Удивительный слухъ и удивительная пѣсня.

3. Таганрогъ, Дмит—ло. Прочтите въ послѣднемъ № 52 «Нивы» за 1876 г. изъ послѣдней странички заглавіе «отъ издателя».

4. Подписчикамъ «Нивы». Черезъ размыслныхъ пробовали, но оказалось неудобно по отсутствію прочныхъ гарантій; въ почтовую же суму номеръ несложный вдвое не входитъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ 1877 Г.

Покорнѣйше просимъ гг. подписч. нашихъ, при перем. адресъ высылать:

- 1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . 60 коп.
- 2) „ „ „ Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . 50 „
- 3) „ „ „ Иногородныя при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 24 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

СОДЕРЖАНІЕ. Акрополь въ Афинахъ и гавань Пирей (съ 3-мя рисунками).— Господа маркиза (Новелла Поля Гейзе). (Продолженіе).— Очерки изъ русской исторіи. Съ начала государства до утвержденія во власти Ольги (съ рис.). Забвѣна.— Священная смоковница (съ рис.).— Гальштадтскій соляной рудникъ (съ рисункомъ).— Цыганки, ищущія въ Славоніи (съ рисункомъ).— Политическое обзрѣвіе.— Слѣсь.— Почтовый ящикъ.— Отъ Редакціи «Нивы».—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

площадь, близъ Горьковой ул., № 8 и Владимірская, № 3,

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линия, № 56.

Товарищество Чемберсъ и Ко.

Магазинъ: Адмиралъ. Противъ Срепимной.

ДАЧНАЯ ИГРА
КРОКЕТЪ

	березовые,	корельской березы	пальмовые
смотря по величинѣмъ	въ 6 и 8 р.	въ 13 и 15 р.	въ 10, 13, 15 и 20 руб.
и по заказу изъ	чернаго дерева		
	въ 30 руб.		

Всѣ хорошей и прочной работы; поресмака багажемъ на всѣ станціи (въсь 60 ф.) Карманный фотографическій аппаратъ для снятія портретовъ и видовъ съ натуромъ безъ знанія фотографіи цѣна 25 р. (въсь 15 ф.).
Магазинъ «Городъ Нюрнбергъ» въ старомъ Газетномъ переулкѣ д. Шаховскаго. въ Москвѣ. 1—1

Небольшой новый желѣзный винтовой пароходъ 17 футовъ длины, 5 футовъ ширины, 1 1/2 ф. въ водѣ и который легко можетъ быть перевезенъ по желѣзной дорогѣ, продается за дешую цѣну 1,200 р. с.; адресоваться: въ Фридриху Штейнхену. въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 4 линия, домъ № 9.

При этомъ № прилагается для гг. иногород. подписчиковъ объявленіе отъ книжнаго магазина А. М. Земскаго въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 7 Апрѣля 1877 г.

Тщ. Веллингга. Англ. пр., № 10.
Библиотека «Руниверс»

№ 16

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Выданъ 18 Апрѣля 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
всѣ уже вышедшіе
номера «Нивы».

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.
 „ съ доставкою . . . 5 „

Въ Москвѣ безъ доставки черезъ книж.
 маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
 Съ пересылкою во все города Имперіи 5 „ 50 „

Контора журнала
«Нива» помѣщается
въ С.-П.-Бургѣ, на Б.
 Морской, въ д. № 9.

Подписка продолжается.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

(Два отрывка изъ записной книжки).

У нихъ ни зрѣнья нѣтъ, ни слуха,
 И тщетно Роспятый стоитъ
 У всѣхъ въ глазахъ и говоритъ:
 „Свобода — только въ царствѣ духа“ ..

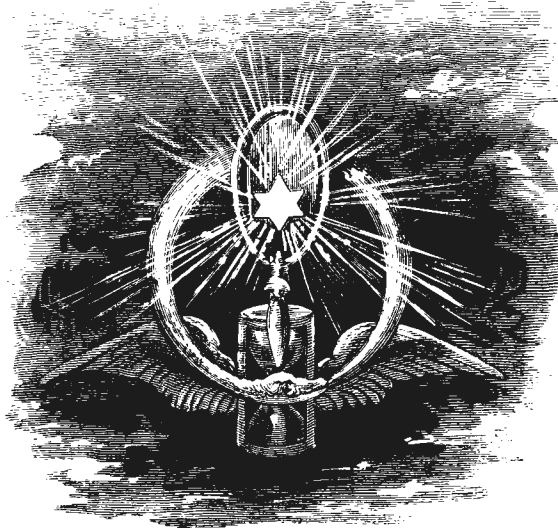
II.

Духъ вѣка — ихъ кумирь. а вѣкъ ихъ — краткій мигъ...
 Кумиры падаютъ въ забвенье въ безконечность...

I.

ля нихъ свобода — что видѣнье
 Плыветъ въ туманѣ золотомъ,
 И всѣ бѣгутъ за нимъ, и въ немъ
 Народамъ чаютъ все спасенье!
 Но въ чемъ она, и что она,
 Что скрыто золотымъ покровомъ —
 Ошеломленные лишь словомъ —
 Имъ дѣла нѣтъ. Ихъ мчитъ волна.

И все — безумные ихъ разумъ не постигъ,
 Что выше всѣхъ вѣковъ — есть вѣчность.

А. Майковъ.

ГОСПОЖА МАРКИЗА.

(Новелла Поля Гейзе).

(Продолжение).

В эту ночь я еще долго стояла у окна моей угловой комнаты в гостинице „Европа“ и смотрела на муть, поросший инеем, и па море, которое, как громадный серебряный щит с широкими, темными стальными краями отражало в себя лунное небо. И внутренне спрашивала себя почему слышавшая мною обыкновенная история привела меня в такое восторженное настроение. Правда, что в этой истории неопорочное и доблестное сердце устояло противъ всѣхъ обольщеній страсти, чтобы не измѣнить своему долгу и, наконецъ, хотя и поздно, но не особенно, добродѣтель получила достойную награду. Ну что-же необычайнаго въ этой человѣческой судьбѣ и стоитъ ли надъ ней задумываться, какъ надъ вымысломъ?.. Положимъ, что чѣмъ болѣе походить на рай мѣстопробываніе челоѣка, тѣмъ должно казаться естественнѣе его грѣхонападеніе, а въ моемъ воображеніи я какъ будто на яву видѣла тотъ садъ, въ которомъ при оныяніищемъ благоуханіи цинеробидеи и цинеробидеи деревьевъ и при свѣтѣ луны, прекрасная хозяйка, госпожа маркиза, прогуливалась съ своимъ другомъ среди миртъ и лавровъ. И вотъ, погулявъ, она спокойно прощается съ нимъ, желаетъ ему покойной ночи и проситъ его только объ одномъ—не приходить болѣе на другую день. И это въ странѣ чичибевъ, спсходительныхъ матерей и спсходительнѣйшей изъ всѣхъ—матери-церкви. Но не однимъ этимъ воскресла во мнѣ столько думъ эта исторія прекраснѣйшаго созданія въ мнѣ. Мнѣ постоянно представлялись эти крохотки, любящія черты молодого лица, по мнѣ казались, что онѣ становились болѣе и болѣе грустными и болѣзненными и какъ будто хотѣли сказать: Да, сбилось все, что намъ предрекали тяжелыя предчувствія, и намъ такъ долго не приходилось смѣяться, что даже мы не знаемъ, можемъ ли мы опять привыкнуть къ веселью и смѣху? Тутъ я невольно спросила себя, можетъ ли челоѣкъ, который не пользовался юностью, еще быть достаточно вознагражденъ хотя позднимъ счастьемъ,—но что за глупый вопросъ, когда въ этомъ отношеніи люди совершенно неодинаковы: иные изъ нихъ поздно узнаютъ молодость, иные совсѣмъ ее не видятъ, а съ иными никогда она не разстается. Наконецъ, боль въ глазахъ отъ ослѣпительнаго блеска цитообразнаго моря заставила меня прекратить свои размышленія и зарыть голову со всѣми ими въ теплую подушку моей постели.

На слѣдующее утро я уѣхала, какъ и предполагала, въ Ла-Спеція, но все-таки свой чемоданъ оставилъ на храненіе Агостино, рѣшивъ на возвратномъ пути въ Геную еще одну ночь провести въ здѣшней гостиницѣ. Конечно, главнымъ поводомъ къ этому рѣшенію было желаніе воспользоваться приглашеніемъ старушки и, посѣдивъ еще разъ виллу, познакомиться съ ея дочерью, но мнѣ не хотѣлось передъ самимъ собой сознаться въ подобной слабости и я необходимость еще побывать въ Сестри приписывала ничему иному, какъ только тому, что мнѣ нужно было еще получить тамъ письма, адресованныя мнѣ по этому адресу.

Все, что случилось со мною примѣчательнаго въ тѣ дни, которые провелъ я вмѣстѣ съ моимъ другомъ у живописнаго залива Ла-Спеція и Портевенера, не излѣтъ для моего разсказа ни малѣйшаго отношенія и къ тому же всѣ мои воспоминанія объ этой прогулкѣ тотчасъ же отодвинулись на задній планъ, когда я на третій день очутился съ вечернимъ поѣздомъ передъ низенькой станціей Сестри и при выходѣ изъ вагона снова увидѣла величественныя очертанія горъ и морского горизонта.

Однако, я не тотчасъ же взялъ путь къ своей уединенной, прибрежной гостиницѣ, но пошелъ по главной улицѣ городка къ аптечной лавочкѣ, служившей въ то же время почтовой конторой и обыкновенно закрываемой за-свѣтло. Проходя мимо столь знакомыхъ мнѣ домиковъ, я удивился, что въ этотъ день жители не сидѣли по своему обыкновенію у своихъ дверей, а ремесленники отшабанили раньше обычнаго часа и ихъ столы и необходимые инструменты оставались на улицѣ и тутъ же кругомъ валялась недоконченная работа.

— Что, развѣ сегодня праздникъ? спросилъ я молодую дѣвушку, болѣзненную и потому постоянно сидѣвшую на одной и той же скамеечкѣ у дверей дома и въ этотъ день, какъ и всегда, привѣтствовавшую меня своими большими, сѣрыми глазами, при безкровномъ личкѣ.

— Нѣтъ, баринъ. Это всѣ ушли въ церковь по случаю выноса тѣла госпожи маркизы, но должны сейчасъ вернуться, такъ какъ уже прошло съ часъ времени и церемонія скоро будетъ окончена.

— Маркизы? Какой маркизы? Развѣ маркизъ Пиума былъ женатъ и овдовѣлъ?

По странной случайности, въ эту минуту я только и подумалъ о владѣльцѣ извѣстной виллы. Но при всемъ томъ это извѣстіе такъ неожиданно меня ошеломило, что я какъ-бы пораженный молніей долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ дома. Большая продолжала своимъ тихимъ и глухимъ голосомъ.

— Нѣтъ, баринъ, это не маркиза Пиума. Это умерла уроженка

Сестри, которая была замужемъ за однимъ слепцомъ въ Генуѣ и которой вилла стоитъ тамъ, на большой дорогѣ.

И при этихъ словахъ она еще, совершенно напрасно, произнесла то имя, которое и такъ въ послѣдніе дни не выходило изъ моей памяти.

— Умерла! проговорилъ я, стараясь придти въ себя. Но это невозможно! Она пользовалась цвѣтущимъ здоровьемъ еще въ прошлую субботу. Вы вѣрно ошибаетесь, милое дитя. То правда, что маркиза, ея мужъ, скончался и, вѣроятно, по его желанію здѣсь совершается по немъ заупокойная служба. Вѣдь, какъ я слышала, онъ и вѣнчался здѣсь, въ Сестри.

Дѣвушка молча покачала головкой и повела взадъ и впередъ указательнымъ пальчикомъ правой руки, чтобы еще болѣе показать что я ошибаюсь.

— Что не говорите баринъ, а умерла все-таки госпожа маркиза. Всѣ здѣсь также этимъ поражены, какъ и вы, ибо то вѣрно, что еще позавчера она сюда прѣѣхала совершенно здорова и мы всѣ радовались, что ее опять видимъ, ибо, нужно сказать правду, баринъ, всѣ жители въ городѣ ее уважали и почти боготворили и въ особенности люди бѣдные. И даже передо мной, жалкимъ создашемъ, она останавливалась каждый разъ, какъ проходила мимо, и спрашивала не сдѣлался-ли легче по почамъ мой кашель и не чувствую-ли я днемъ менѣе боли. Когда-же она жила здѣсь, то часто присылала мнѣ изъ своей кухни какое-либо лакомое блюдо или корзинку съ плодами, вареными въ сахарѣ, а иной разъ ленту для косы или пару теплыхъ башмаковъ на зиму. И теперь я была рада, что ее снова увижу. Одно мнѣ показалось страннымъ, что вчера, когда утромъ она проходила здѣсь мимо, то не обратила на меня ни какого вниманія, какъ будто сдѣлалась горячкой, хотя я знала, что гордость не была въ ея натурѣ. Матушка моя тѣмъ и горѣшила, что всему виной тутъ сильное горе по усопшемъ супругѣ. На маркизѣ былъ плотный, черный вуаль и она все шла прямо, ни куда не поварачивая головы, а если кто-либо ей кланялся, то она благодарила за привѣтствіе лишь легкимъ движеніемъ руки и, не поднимая глазъ, продолжала путь быстрыми шагами, какъ будто она куда-то спѣшила или хотѣла скорѣй кончить какое-либо дѣло. Также быстро она поднялась на возвышенность и вошла въ монастырь, хотя стояла полуденная жара и она могла легко утомиться по своей дородности, хотя эта дородность и не вредила ея красотѣ. Идя обратно, она прошла мимо меня по направленію къ своей виллѣ такимъ-же быстрыми шагами и также закрытая вуалемъ и съ тѣхъ поръ никому не пришлось ее болѣе увидѣть. Представьте себѣ теперь, баринъ, нашъ общій ужасъ, когда сегодня утромъ разнеслась вѣсть по всему городу, что госпожа маркиза найдена мертвою въ своей постели и что пуля, пушенная изъ стараго пистолета садовника Джаннико, поразила ее прямо въ сердце, не запянавъ простыню ни одной каплей крови. Маркиза лежала на кровати какъ статуя; лицо ея было покойно и она казалась спящей. Однорукой же убійца, должно быть, бѣжалъ еще ночью, переправившись на лодкѣ и скрывшись на какомъ-либо изъ мимоидущихъ судовъ. Онъ исчезъ и совершенно, но что это убійство дѣло его рукъ, а не кого либо другого, то это доказываетъ найденнымъ пистолетомъ и еще тѣмъ, что маленькій портретъ маркизы, на который Джаннико всегда смотрѣлъ съ восторгомъ, пропалъ вмѣстѣ съ нимъ. Нѣкоторые болтаютъ, что будто-бы онъ сдѣлалъ маркизѣ любовное предложеніе и зналъ, что она вдова и совершенно свободна, изъявляя желаніе на ней жениться, но получивъ отказъ лишился разсудка и пришелъ въ бѣшенство. Другіе думаютъ, что онъ призорился на ея драгоцѣнности и чтобы скрытъ всѣ слѣды похищенія лишилъ ее жизни. Но этому вѣрятъ немногіе, хотя и знаютъ Джаннико за стараго пирата и даже моя матушка говоритъ, что это подтвердится лишь тогда, когда судъ опечатаетъ и приведетъ въ извѣстность оставшееся имущество. Но, можетъ быть, настоящая правда и во вѣки не будетъ узана. Вѣдь никто не былъ свидѣтелемъ убійства; да и сама убитая лежала въ своей постели такъ безмятежно, такъ спокойно, какъ будто замерла и перешла въ другой міръ безъ всякой борьбы и насилія; выстрѣла-же никто не слышалъ; не только сосѣди, но даже и ея старая мать.

Ахъ, Боже мой! ну что-же мать? прервалъ я ее. Все это, вѣроятно, убило ее и она не пережила то утро, которое разлучило ее съ ея дочерью!

Блѣднолицая дѣвушка снова пошевелила указательнымъ пальцемъ.

— Она только одинъ разъ вскрикнула и потомъ отъ нее не было слышно ни одного слова. Люди думаютъ, что ея старая голова не совсѣмъ въ порядкѣ. Она ни во что что ни въшивалась и какъ будто не существовала болѣе на свѣтѣ. Безъ нее одѣли маркизу въ погребальное платье, положили ее въ гробъ и часъ тому назадъ поставили въ церковь. На всѣ вопросы, съ которыми обращались къ старушкѣ, что довольно-ли она всѣми

распоряжениями или хочеть сдѣлать кое-что иначе, она только кивала головою. О, да такого ужаснаго несчастья еще никто не запомнитъ въ Сестри и главный его виновникъ, хотя и купилъ-бы на украденныя деньги полное себѣ прощенье, то все-таки не оправдается передъ страшнымъ судомъ и не избавится отъ вѣчнаго огня, ибо все население Сестри никогда не встрѣчало лучшей и добрейшей госпожи, какою была покойная маркиза и молва объ ней не умолкнетъ, пока на скалахъ будутъ расти пни и рыбаки забрасывать свои сѣти съ этого берега.

Дѣвушка такъ сама растрогалась своимъ разсказомъ, что даже начала плакать, пока сильный кашель не заставилъ ее удержаться отъ слезъ. Я стоялъ, какъ оглушенный на томъ-же самомъ мѣстѣ, когда мимо меня начали проходить изъ церкви толпы народа. Весь этотъ людъ велъ горячую бесѣду; повсюду видѣлись скучныя, встревоженныя лица и въ толгѣ я замѣтилъ моего хозяина „Европы“, въ высокомъ черномъ цилиндрѣ, идущаго рядомъ съ духовной особой и тутъ-же шелъ Агостино въ широкой соломенной шляпѣ, безъ сюртука, но опоясанный рабочимъ фартукомъ, такъ какъ извѣстie о выносѣ застало его, вѣроятно, въ погребѣ, за работой.

Я не знаю почему, только мнѣ казалось пеловкимъ, даже невозможнымъ заговорить о странномъ происшествiи съ этими добрыми знакомыми, хотя они, можетъ быть, знали какія либо подробности и могли ими со мною подѣлиться. Инстинктивно повернулъ я въ боковую улицу и, отыскавъ такую дорогу, что городъ остался позади, выбрался по ней сначала къ заливу, надъ которымъ высился монастырь, потомъ по разнымъ закоулкамъ вернулся опять къ церкви, только что вмѣщавшей все население города, а теперь хранившей лишь однѣ безжизненныя останки маркизы.

Эта соборная церковь Сестри довольно невзрачное зданiе съ двумя низенькими башенками около портика, съ куполообразной крышей и ослѣпительно выбѣленными стѣнами. Она построена у подошвы гористаго мыса и не портитъ общаго вида этихъ простенькихъ домиковъ, вытянутыхъ линiею по этой полоскѣ земли. Когда я поднялся по нѣсколькимъ ступенькамъ и приблизился съ правой стороны къ церковнымъ дверямъ, у которыхъ лишь двое нищихъ ковыляли на своихъ костыляхъ, ризничій уже собирался замкнуть церковь. Къ счастью, я какъ-то прежде при посѣщенiи храма далъ ему разъ на чай и тѣмъ приобрѣлъ его расположенiе. Правда, что сначала онъ вымѣрилъ меня взглядомъ, но появивъ мое желанiе обвелъ глазами все пространство паперти, на которой еще толпились тамъ и сямъ отдѣльныя группы богомольцевъ. Я всунулъ ему въ руку еще крупную серебряную монету и тогда онъ мнѣ кивнулъ и, впустивъ меня въ церковь, заперъ за собою дверь крѣпкимъ засовомъ.

И вотъ мы оба очутились въ холодномъ сумрачномъ пространствѣ, гдѣ глазъ еще неотвыкшiй отъ дневнаго свѣта могъ только различать однѣ неясныя очертанiя. Посреди церкви вокругъ чернаго, простаго катафалка, горѣло двѣнадцать толстыхъ свѣчей, въ высокихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ.

Я наемкнулъ моему проводнику, что было-бы лучше, еслибы онъ держался отъ меня немного въ отдаленiи. Вѣроятно, онъ думалъ, что я родственникъ умершей и хочу наединѣ за нее помолиться и потому онъ сѣлъ въ уголь на соломенный стулъ, давъ мнѣ свободу предаваться вполнѣ тому мрачному и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественному настроенiю духа, которое овладѣло мною, когда я приблизился къ покойницѣ.

Она лежала въ гробу, не закопѣвъ и не вытянувшись на спинѣ, какъ обыкновенно лежатъ покойники, но была немного наклонена на лѣвый бокъ и одѣта въ черное шелковое платье, не знаю, по обычаю-ли страны или потому, что она только что овдовѣла. Безжизненныя, маленькiя руки держали распятiе, украшенное серебряной фигурой Спасителя; голова и лице были покрыты чернымъ покрываломъ. Я не могъ противостоятъ искушенiю и отбросилъ это покрывало. Тогда моимъ взорамъ представилось прелестнѣйшее лице, какое когда-либо и видѣлъ у мертвыхъ и тутъ я вспомнилъ слова ея старушки-матери: „да молодость ея какъ-бы остановилась“. Черту за чертой воспроизводило это, какъ-бы изъ воску вылитое, лицо тотъ рисунокъ, который былъ мнѣ еще такъ памятенъ; только щеки, казалось, немного пополнили, а между, какъ смоль черными волосами, небрежно причесанными вокругъ узкаго, гладкаго лба, подмѣтилъ я ту сѣдую прядь, происхожденiе которой мнѣ было не безызвѣстно. И здѣсь также, какъ на портретѣ ея юности, около губъ, немного открытыхъ, такъ что можно было видѣть рядъ верхнихъ зубовъ, но преждемъ замѣчалось выраженiе грустнаго самоотреченiя и какой-то боязни и самая смерть не могла уничтожить этого отпечатка и въ складѣ ея густыхъ черныхъ бровей.

Теперь я видѣлъ, что эта юная головка принадлежала столь-же прекрасному, хотя уже нѣсколько дородному, тѣлу. Не видно было ни малѣйшаго слѣда предсмертныхъ мученiй и, какъ казалось, смерть похитила ея душу, даже не потревоживъ ея безчувственнаго сна.

Я сѣлъ на верхнюю ступеньку катафалка, окруженнаго обычными двѣнадцатью свѣчами и на которомъ стоялъ невысокiй гробъ, неукрашенный даже цвѣтами и остававшiйся въ томъ

первоначальномъ видѣ, въ какомъ онъ былъ сюда перенесенъ прямо изъ виллы. Вся боязнь моя исчезла. Я смотрѣлъ на покойницю съ такимъ-же тихимъ удивленiемъ, съ какимъ бы я созерцалъ изображенiе увѣковѣченное изъ чернаго или бѣлаго мрамора.

Наконецъ я услышалъ возлѣ себя какое-то бряцанье и разомъ очутился какъ-бы отъ долгаго и необыкновеннаго сна. Ризничiй стоялъ предо мною, и я видѣлъ по выраженiю его лица, что онъ желалъ-бы меня выпроводить, но предположенiе, что я имѣю нѣкое особое право здѣсь присутствовать, не давало ему достаточной смѣлости.

Но я самъ поднялся.

— Уже, вѣроятно, поздно, мой милый другъ?

— Eccellenza уже съ часъ какъ вы здѣсь.

Теперь только я увидѣлъ, что вся церковь была погружена въ глубокомъ мракѣ. Еще разъ я обернулся къ покойницѣ, тихо покрывъ неподвижный ея ликъ покрываломъ и беззвучно спустился по ступенькамъ катафалка.

Ризничiй проводилъ меня до дверей и когда я ему всунулъ въ руку еще одну монету, то онъ меня выпустилъ изъ церкви съ самыми низкими поклонами.

— Послѣ завтра похороны,—сказалъ онъ,—ожидаютъ еще молодую маркизу. Если Eccellenza пожелаете сюда еще завтра, то я во всякое время къ вашимъ услугамъ.

Я молча кивнулъ головою и вышелъ изъ церкви. На дворѣ уже стояла прохладная ночь.

Я еще такъ былъ растроганъ всѣмъ видѣннымъ и передуманнымъ въ этотъ минувшiй, тихiй часъ, что не находилъ въ себѣ достаточной силы встрѣчаться съ людьми и слушать ихъ толки объ этомъ страшномъ событiи, зная, что всякiй несчастный случай даетъ имъ поводъ къ безконечной болтовнѣ. Тихо, нога за ногу, побрелъ я по улицѣ вдоль знакомыхъ домовъ, передъ которыми въ этотъ вечеръ, какъ и всегда, сидѣли женщины, окруженныя дѣтьми въ то время какъ мужья ихъ покуривали и вели бесѣду, прiютившись частью передъ кофейной, частью на камняхъ небольшой верфи, тянувшейся по берегу до самой церкви. Мнѣ казалось, что какъ будто жизнь проявлялась типе и сдержаннѣе чѣмъ обыкновенно и какъ будто городъ подъ впечатлѣнiемъ ужаснаго событiя еще не могъ оправиться и вздохнуть полною грудью.

Такимъ образомъ я безостановочно дошелъ до другого конца улицы и очутился на дорогѣ, ведущей къ виллѣ покойной маркизы. Въ воздухѣ носился легкiй туманъ, сквозь который кое-гдѣ мерцали звѣзды; вдали же слышался плескъ моря, на которомъ ходили высокiя, тяжелыя волны какъ-бы предвѣстники бури. Но сырой воздухъ, освѣжавшiй мое чело, производилъ на меня благотворное дѣйствiе и знай я мѣстность, я съ удовольствiемъ пробродилъ-бы до полуночи, чтобы только избавиться отъ встрѣчи съ моими знакомцами, сожителями по удивленной прибрежной гостиницѣ.

У меня и въ головѣ тогда не было посѣтить тотъ садъ и домъ, гдѣ въ прошлую ночь совершилось такое трагическое происшествiе; но я самъ не могу дать отчета, какимъ образомъ и неожиданно увидѣлъ на другой сторонѣ улицы знакомыя рѣшетчатые ворота, а за ними домъ и два кипариса, стоявшiе при входѣ и казавшiеся мнѣ теперь стражами, охранявшими кладбище. На всѣ эти нечуждые мнѣ предметы я смотрѣлъ и не могъ оторваться.

Ворота были широко отворены и какъ мнѣ казалось и самый входъ въ домъ не былъ замкнутъ, а вверху, какъ и вчера, всѣ окна и жалюзи стояли настежь и лишь нигдѣ не видно было огонька, который-бы служилъ знакомъ, что здѣсь ожидаютъ возврата хозяйки. Колодець безмолствовалъ и уже не скрипѣли то опускаемыя, то поднимаемыя ведра, а ворота, приводившiй въ движенiе всю механику, теперь неподвижны, торчалъ къверху, какъ сфрому почному небу. Въ томъ же окнѣ верхняго этажа, гдѣ я сидѣлъ еще въ послѣднiй разъ и слушалъ длинный разсказъ старушки, трещало и стучало жалюзи плохо прикрѣпленное и колеблющее сквознымъ вѣтромъ, а между деревьями пробѣгалъ отрывистый шелестъ, какъ бы предвѣщая близкую бурю.

Я не могъ противостоятъ искушенiю и, перейдя улицу, вошелъ въ садъ. Я не ошибся: входъ въ домъ былъ открытъ и я могъ-бы безпреткновенно войти въ него и прогуляться по всѣмъ комнатамъ. Нигдѣ не замѣчалось и слѣда живой души, только удивлительный запахъ розъ и номеранцевыхъ цвѣтовъ носился по пустынному саду. Сознаюсь, что на меня напалъ страхъ встрѣтить здѣсь какое-нибудь привидѣнiе.

Только что я собирался улѣ видѣти, какъ увидѣлъ за лавровымъ кустарникомъ, близъ салыхъ воротъ, темную фигуру, которая, какъ казалось, сидѣла на голой землѣ, руки ея были сложены на колѣняхъ, а голова обернута чернымъ платкомъ и я не могъ различить, замѣчала-ли она меня или погружена была въ сонъ. Но я тотчасъ же узналъ, кто это сидитъ и не могъ пересилить себя, чтобы также тихо уйдти, какъ и пришелъ, пройдя безъ вниманiя мимо бѣдной женщины.

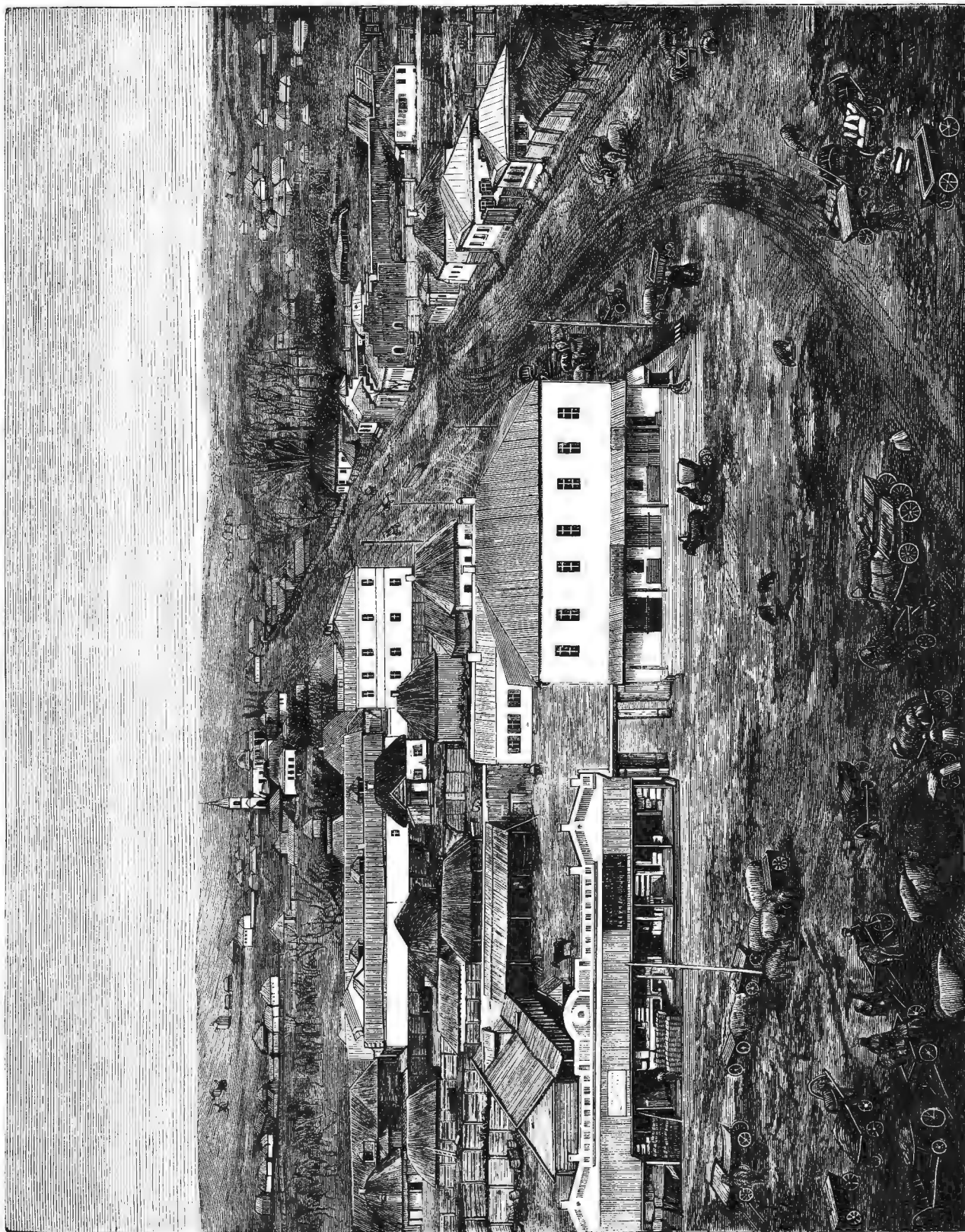
— Милая моя,—сказалъ я,—вы себѣ отыскали на ночь очень плохое убѣжище. Приближается буря и васъ можетъ застать ливень во время сна. Не лучше ли вамъ...

„Войти въ домъ“ хотѣлъ я сказать, но мнѣ во время пришло въ голову, что нельзя требовать отъ матери, чтобы она спала въ томъ страшномъ домѣ, гдѣ совершилось такое ужасное дѣло.

Я замолчалъ и смущенный стоялъ нѣсколько времени передъ женщиной, которая во время моего разговора, не измѣнила

очень знакомый, немного хриплый и однообразный голосъ и обратился ко мнѣ съ такими словами:

„Я очень хорошо знаю, кто вы и что вы здѣсь ищете, любезный баринъ. Но мнѣ жаль васъ, что вы напрасно пообезпокоились придти сюда. Обо мнѣ вы не заботьтесь, ибо видите-ли: молодые могутъ умирать, а старые должны умирать и Господь

Общій видъ г. Славянска. Съ фотогр. рис. Вѣточковъ, грав. К. Рейерманъ.

своего положенія, такъ что я все еще не зналъ, видятъ-ли и слышатъ-ли она меня или, сидя съ открытыми глазами, ничего вокругъ себя не слышитъ и не видитъ.

Я уже обдумывалъ, не разбудить-ли мнѣ кого либо изъ сосѣдей и попросить ихъ принять покинутую бѣдную женщину на свое попеченіе, какъ вдругъ изъ-за куста послышался мнѣ

Богъ знаетъ какъ и почему. Мнѣ только жаль моей Миранды. Когда я закрою глаза, кто знаетъ въ какія руки попадетъ она. Ну да, она у меня умное животное и сумѣетъ хорошо спрятаться. Такъ-то, такъ-то, любезный баринъ, покуда еще есть зубы во рту, не знаешь какіе орѣшки придется раскусывать. Вотъ и я когда прошлою осенью сломала послѣдній зубъ объ

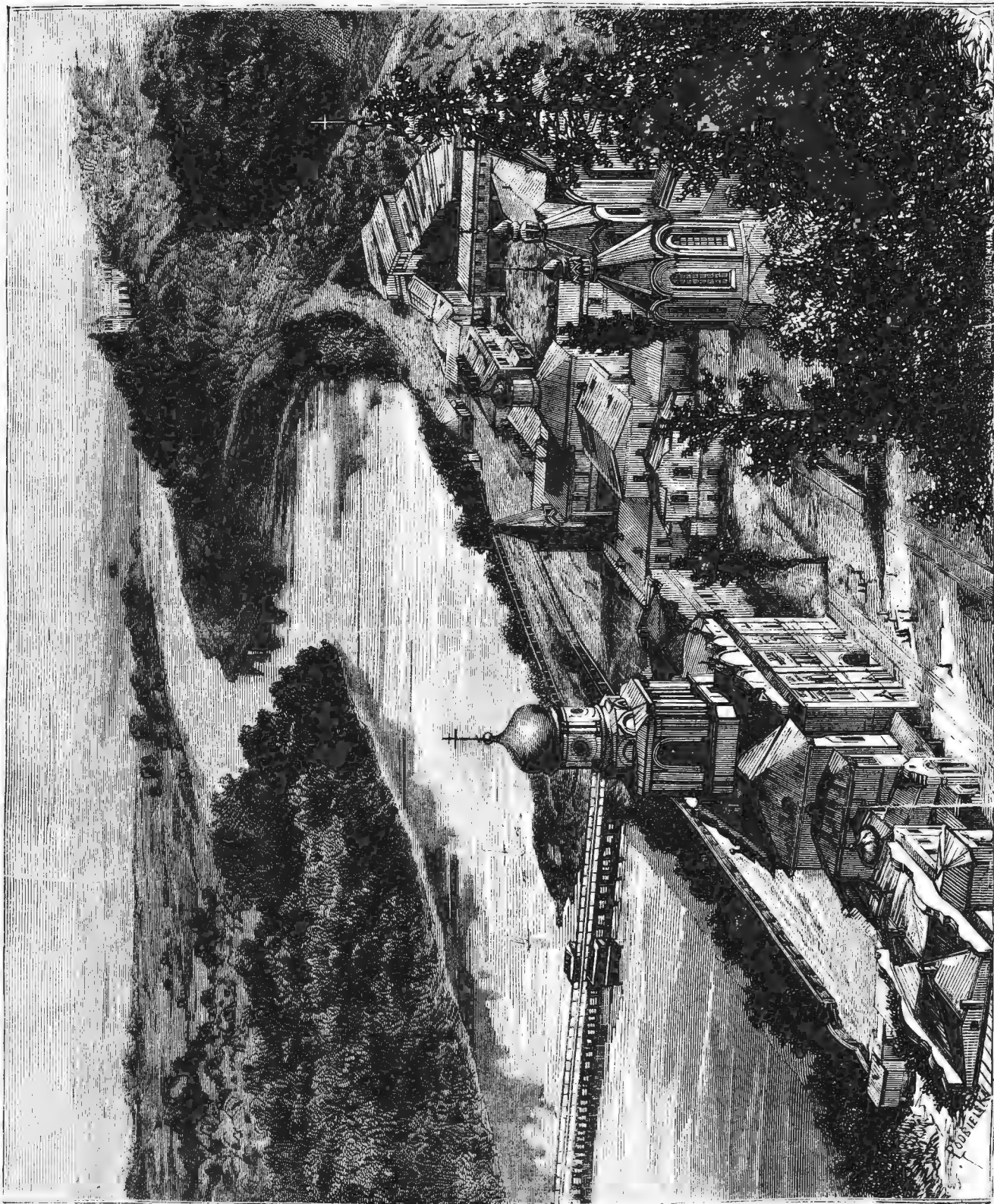
персиковую косточку, то думала, что и мнѣ будетъ скорый конецъ, оно вышло иначе. Да воля Божья во всемъ, во всемъ Его святая воля!⁴¹

Я удивился, услышавъ отъ старушки такую длинную и разумную рѣчь послѣ всего того, что мнѣ говорили объ разстройствѣ ея умственныхъ способностей.

Чтобы еще болѣе продлить нашу бесѣду, я спросилъ, не же-

лугѣ черепахи, какъ будто пальцы ея тряслись отъ лихорадки.

— Я очень вамъ благодарна, любезный баринъ,— сказала она наконецъ. Я ни въ чемъ не нуждаюсь болѣе, какъ только въ четырехъ доскахъ, которыя прикроютъ меня въ лучшемъ видѣ и все мое утѣшеніе въ томъ, что когда болѣе ничего не остается дѣлать на бѣломъ свѣтѣ, то Богъ посылаетъ смерть. Да, да, да, Миранда, мое доброе животное, не всякій имѣетъ такой

Общій видъ Святогорскаго монастыря. Рис. Подольскій, граф. Мручинскій.

ласть-ли она чего поручить мнѣ и не нуждается-ли въ чемъ либо? Меня радовало, что она меня узнала, а съ своей стороны она могла быть увѣрена, что я, какъ старый ея другъ, принимаю участіе во всемъ томъ, что она пережила въ эти послѣдніе дни.

Но она не тотчасъ отвѣчала на мое предложеніе. Я слышалъ какъ она глубоко вздохнула и ногтями зацарапала по скор-

плотный и крѣпкій панцырь, какъ ты. Ну да, придетъ время, когда мы станемъ всѣ одинаковы и тогда ни одинъ палець уже не будетъ чувствовать боли, а теперь вѣдь ягненку есе равно, что его съѣстъ волкъ или его отправятъ на бойню. Спи, спи, моя любимица, спи, вѣдь уже поздно и намъ вѣдь съ тобой ждать нечего? Никто болѣе не придетъ, чтобы насъ порадовать чѣмъ-нибудь хорошимъ, задушевнымъ.

Она замолчала. Я слышал как ея голос вдруг оборвался, но слез не показывалось, как ожидал я. Казалось, эта старая грудь до того высохла, что скорѣе изъ нее можно было выжать кровь, чѣмъ слезы.

Но послѣ паузы старушка продолжала тѣмъ-же голосомъ:

„Что, вы тоже слышали, любезный баринъ, что старая Чезиѳа потеряла разумокъ? Это говорили глухие люди, не стѣняясь моимъ присутствіемъ и я, разумѣется, чуть могла удержаться, чтобы не размѣяться имъ подъ носъ. Но, впрочемъ, чего еще нѣтъ, то можетъ быть съ Божьей помощью еще и случится; но теперь могла-ли я показать имъ, что лучше ихъ всѣхъ владѣю своимъ разумкомъ, не измѣнивъ тайны своего родного ребен-

ка? Нѣтъ, нѣтъ, лучше пусть будетъ по ихнему. Никто не долженъ знать объ этомъ, какъ только одинъ Богъ да старая Чезиѳа; даже и патеру Франческо объ этомъ извѣстно всего меньше. Да и не онъ-ли самъ выповатъ кругомъ, не съумѣя дать лучшаго совѣта? И даже когда настанетъ моя послѣдняя минута, то и тогда никто не выпудитъ у меня признанія, никто. Если это былъ и грѣхъ, то не мой; могъ-ли мнѣ придти въ голову подобный поступокъ! Но мать все принимаетъ на свою душу и всякое дѣло ея ребенка становится ея собственнымъ дѣломъ. О, если-бы все знали, любезный баринъ! Но я и Миранда, мы объ нѣмы, какъ двѣ старыя черепахи.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Нѣсколько дней въ Славянскѣ.

I.

(По дорогѣ въ Славянскѣ).

Поздно ночью выѣхали мы изъ Харькова.

Въ окна вагоновъ свѣтили намъ яркія звѣзды теплой украинской ночи... Ясный мѣсяцъ обливалъ степныя горы ровнымъ сіяньемъ. Отъ этого блеска словно блѣдно-золотистый паръ стоялъ надъ старой Украиной и только темныя сини одинокихъ балокъ, сплошь заросшихъ чебрецомъ и дубами, едва-едва намѣчались среди волшебнаго царства этой очаровательной ночи...

Когда я выходилъ на платформу и всматривался въ манищую даль степного простора, сами собою на душѣ росли сладкія ощущенія, давнымъ давно позабытыя среди разлада и меркантильной суеты большихъ городскихъ центровъ. Мысль вся уходила въ царство легенды и теряла всѣ свои связи съ настоящимъ.

Вотъ, точно серебряная коса, сверкнуло небольшое степное озерко... Сверкнуло и все ушло за старыя раскидистыя черешни... Только изрѣдка блеснетъ то тамъ, то сямъ черточка выбѣжавшей изъ озера рѣчки... Бросилъ бы эту покойную скамью вагона, эту словно вздрагивающую подъ ногами платформу и ушелъ бы туда...

Когда я проснулся—мѣсяца уже не было... Исчъ потемнѣла... Только еще крупнѣе и ярче стали звѣзды...

Я проснулся на разсвѣтъ... Въ сумракѣ уже проступали мягко зеленѣющія полосы молодой поросли, перемежающіяся свѣже-вырытыми бороздами... Солнце не успѣло еще показаться, но по степи уже *побѣжали* узкіе, золотистые слѣдки его отсвѣта, особенно замѣтные на поляхъ, гдѣ осталась щепотка прошлогодней соломы...

— Вы знаете отчего эти слѣдки?... обратился ко мнѣ мой спутникъ.

— Нѣтъ. А развѣ есть какое-нибудь повѣрье?

— Говорятъ, что дѣти, умершія безъ погребенія, по почамъ слетаютъ играть по степи. Ну, а начнетъ солнце всходить, они и убѣгаютъ... Оттого и слѣдки.

Вотъ гдѣ-то далеко, едва замѣтно тянутся возы, запряженные волами. Въ вышинѣ зазвѣли жаворонки... Точно сотни серебряныхъ колокольчиковъ вздрагиваютъ тамъ и сыплютъ на пробуждающуюся степь свои ясные, чистые звуки... За станицей Надеждинской поверхность земли всхолмливается. Избы, бѣленькія, кокетливыя встрѣчаются чаще... На обработанныхъ полоскахъ земли копошатся дѣти... Въмѣсто тяжелого, по хорошему идущаго къ лицу этой степи украинскаго вола, показывается лошадь съ бороною... Отбросивъ на затылокъ шапку, медленно бредетъ за нею хохолъ, такъ медленно, точно онъ боится проронить пѣсню жаворонка...

То тамъ, то сямъ стали мелькать отары — стада барановъ и длинныя линіи овечьихъ загоновъ подъ соломенными кровлями.

— Много тутъ ихъ?

— Прежде было куда больше. Теперь евреи стали все къ рукамъ прибирать. Гдѣ были прежде Шабельскіе, Шидловскіе и другіе крупныя владѣльцы — теперь сидятъ разные Левенштейны, Мордки, Срули, имъ же имя легионъ.

— Что-жь и крестьянство также раззоряется?

— Нѣтъ. Случается читать, что въ другихъ мѣстахъ народъ обдѣлѣлъ, а у насъ напротивъ. Хлѣбопашество развивается все шире и шире. Крестьянинъ и ѣсть и одѣвается лучше прежняго... Не будь жида, народу было бы еще легче и лучше... Впрочемъ, въ послѣднее время изъ западнаго края къ намъ такъ и валитъ племя Израилево. Даже не знаешь, откуда берется его столько... Они прибираютъ къ рукамъ земли, угоды, стада... Смотришь, и антрацитовыя залежи къ нимъ же попали.

Вотъ показались небольшіе пролѣски... Синіе, синіе... Всѣ они окаймлены полями, сплошь поросшими желтыми цвѣтами. Точно изумруды въ золотѣ... Цвѣта и отгѣнки ложатся все гуще и сочнѣе... День разгорается жарче и жарче...

Комары попадаются все чаще. Стада (отары) лѣтомъ постоянно на воздухѣ. Даже ночью не пригоняютъ въ загородки, гдѣ они спятъ на ногахъ и опусятъ головы. Ложатся же овцы

только подъ утро. На всю отару полагается одинъ взрослый чабанъ и нѣсколько мальчишекъ ему въ помощь, отъ 12 до 15. Всѣ они одѣты въ короткія куртки, штаны въ обтяжку, въ рукахъ длинная палка съ крюкомъ. Непозбѣжная принадлежность каждаго чабана и его помощника—пожъ самой первобытной формы. Чабаны очень несообщительны. Случаются между чабанами и женатые, но рѣдко. Жены, впрочемъ, не долго выдерживаютъ въ кашарахъ и уходятъ опять въ села. Правы этихъ одинокихъ пастуховъ чрезвычайно оригинальны. Въ случаѣ нужды они окажутъ вамъ услугу безъ всякаго требованія съ вашей стороны, но сохраняя все тотъ же мрачный и несообщительный видъ. Спросите у него о дорогѣ—взмахнетъ только рукою по направленію пути. Собаки-овчарки сторожатъ стадо кругомъ. Онѣ злы до безобразія. Не разъ случалось, что онѣ загрызали неосторожныхъ путниковъ или воровъ, подбравшихся къ стаду. Онѣ даже издали не подпускаютъ волка и берутъ его силой. За то и волки не упускаютъ воспользоваться промахомъ или случайною невнимательностью овчарки. Волки подкрадываются къ стаду нарами, иногда соединяются стукъ по шести, по восьми. Отъ нихъ зимою особенно достается крестьянамъ. Хорошо охраняемые конары не особенно страдаютъ отъ этихъ хищниковъ, за то сельскіе хозяева часто въ одну ночь теряютъ стадо головъ въ десять, въ пятнадцать. Чистыя отарныя овчарки зачастую давятъ волка одинъ на одинъ, схватываясь съ нимъ грудъ съ грудью. Овчарки, подобно чабанамъ, тоже угрюмы и не любятъ ласкаться, иная и позволитъ себя погладить, да и что словно нехотя. Столь же солидно и пренебреженно сознаниемъ собственного достоинства другое начальство отары—kozy. Они водятъ за собою отару и словно ротные командиры располагаютъ движеніями стада. Какъ видите своеобразная іерархія, въ главѣ которой стоитъ чабанъ, съ адъютантами мальчишками, а внизу козель. Роль охранителей общественнаго спокойствія и оберегающаго отъ нашествія иноплеменнаго воинства играютъ овчарки. Стадо, организованное такимъ образомъ, живетъ своею привольною и спокойною жизнью.

Лѣтомъ все стадо на подножномъ корму, на зиму для него заготавливается сѣно и солома; сверхъ того, баранамъ отпускается овесъ. Чабаны иногда вовсе не имѣютъ отдѣльнаго помѣщенія, а просто отвоевываютъ себѣ уголокъ у стада. Болѣе заботливые хозяева устраиваютъ въ центрѣ кошары небольшую палатку съ парами для пастуховъ.

Стада на дорогѣ попадались преимущественно темныя. Бѣлыя были рѣдки.

— Отчего они такъ рѣзко отдѣляются одно отъ другого? спросилъ я своего спутника.

— Черныя стада изъ простыхъ овецъ, онѣ и шерсть даютъ грубую, жесткую. А бѣлыя овцы—испанки. Эти стада принадлежатъ помѣщикамъ и жидамъ. Самыя большія стада испанокъ — Рубинштейна, забравшаго ихъ за долги.

Солнце точно застоялось. Жара невыносима!.. Ни клочка тѣни во всей этой спаленной глади. Мѣсяцъ тому назадъ трава покрывала зеленымъ бархатомъ молчаливую пустыню, теперь же только рѣдкіе сады затерянныхъ по безлюдью хуторовъ, да глубокія поросшія лѣсомъ балки кажутся оазисами среди безжизненнаго простора...

Тянутся по жарѣ возы... Медленно переступаютъ волы, таща за собою грузную катыгу. Еще медленно идутъ за ними люди... А то раскинутся на возахъ и спать.

Земля потрескалась. Трава тоже посохла и порыхлѣла. Къ вечеру жара спадетъ... Но въ воздухѣ все-таки душно...

Спокойна отара посрепдъ этой степи. Стадо сидитъ въ загородкѣ... Заснулъ и чабанъ, утомившійся за день... Бараны сбились въ одну кучу. Сверху только однѣ ихъ синны видны... Изрѣдка только шевельется кака-нибудь шальная овца и за-топочутся всѣ кругомъ... И опять тишина...

Чу... Словно съ просонья таякнула овчарка... Еще разъ... И зашился хриплымъ сторожилымъ лаемъ... За ней другая, третья... Залилась стадо... Бѣшено носятся кругомъ загородки собаки... Вскочилъ чабанъ; видить—стѣна горитъ—и самъ спѣшитъ поджечь траву, чтобы перевести потомъ все стадо на выжженное мѣсто.

Пройдет неделя... Набегут тучки — ударит ливнем и и опять красуются степи в вичальном уборе и опять безчисленные цветы льют по ветру свое благоухание и слепят глаза яркостью и нестрогой красок. Полною чашей стоит недавнее пожарище и только обугленные столбы лѣтней загородки еще чернѣют среди этой цвѣтущей украинской луговой пустыни!

Зимою чабанамъ спокойнѣе, хотя жизнь далеко уже не такъ привольна.

Пусть начнется буря — овцы загнаны въ кашары, сѣна и овса запасено вдоволь — знай только выгоны на водоной да загоны обратно!.. И спи себѣ.

За то плохо тѣмъ чабанамъ, которые зимою вмѣстѣ съ своею отарой попадають въ открытую степь. Зимній стеной ураганъ налетаетъ разомъ. Онъ не даетъ и опомниться ошеломленному стаду. Вѣтеръ рвется отовсюду. Буря несеетъ цѣлыя тучи снѣгу...

Чабанъ за нѣсколько времени до урагана узнаетъ о его приближеніи... Онъ торопится добраться до загона, хотя бы и безъ кровли. Забравшись за его земляныя стѣны, чабанъ выжидаетъ конца бури. Съ первымъ налетомъ снѣговой тучи, чабанъ начинаетъ гонять стадо по загону взадъ и впередъ. Во время этой неустанной гонды, овцы стряхиваютъ съ себя засыпавшія ихъ свѣтъ и пригнотываютъ его ногами къ землѣ. Зачастую такимъ образомъ патаптываютъ снѣгу такъ много, что головы овецъ оказываются уже вровень съ верхнимъ краемъ земляной стѣны загона. Хотя и рѣдко, но случается и то, что стада въ тысячу головъ съ чабаномъ засынаются снѣгомъ посреди открытой степи...

II.

(Славянскъ и его окрестности).

Станицы за двѣ, за три до Славянска, по дорогѣ встрѣчаются первыя мѣловыя вымоины... Тамъ, гдѣ почва взрыта, снятъ верхній слой ея, по откосамъ рѣчныхъ береговъ, по осипямъ холмовъ блѣднѣютъ массы мѣла, придавая окрестностямъ особенно красивый отпечатокъ. Эти блѣды пятна, эти блѣды стѣны посреди мягкой и нѣжной зелени первой луговой поросли производятъ удивительное впечатлѣніе. Глазу трудно оторваться отъ нихъ, особенно если въ такой мѣловой промоинѣ ютится деревушка, золотящаяся на солнцѣ своими соломенными кровлями. Хороши и бирюзовые разливы рѣкъ, отражающихъ жемчужныя облака украинскаго неба, разливы, въ которые смотрятся словно бѣломраморные отвѣсныя берега, съ тонкою полоскою чебреца и шиповника на верху. Эти эффекты не бьютъ въ глаза, не кричатъ, напротивъ, все тамъ тонко, нѣжно... Еще ранѣе Харькова, подъѣзжая къ Бѣлгороду, глаза останавливаются на цѣлыхъ горахъ известняка; поѣзды оставляютъ за собою много прелестныхъ картинъ, хуторовъ, утопающихъ въ садахъ, деревень, мелькающихъ передъ вами у зеленыхъ балокъ, съ нестрыми группами дивчатъ, красивый и чистенькій уѣздный городокъ и опять зеленая поля съ отарами овецъ... Тоже самое и въ окрестностяхъ Славянска, гдѣ всѣ холмы и горы образованы массами известняка. Самые замѣчательные пейзажи мѣловыхъ скалъ сосредоточены надъ поэтическимъ Донцомъ, въ 18 верстахъ отъ Славянска. Тутъ уже не одніа буколическія красоты — градіозные конусы отвѣсно поднимаются надъ крутыми горами, словно выходя изъ нихъ. Въ этихъ конусахъ пробиты корридоры, устроены церкви и келы... Видъ этотъ не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ Россіи. Двѣ недѣли, проведенныя мною въ Святогорскомъ монастырѣ, надъ рѣкою Донцомъ — до сихъ поръ кажутся очаровательнымъ сномъ. Очеркамъ этой обители, любопытной по типамъ богомольцевъ и по своей организаціи, будетъ посвящено нѣсколько рассказовъ, которые найдутъ себѣ мѣсто въ другомъ изданіи...

— Скажите, пожалуйста, — обратился ко мнѣ мой спутникъ изъ Харькова. Отчего сюда, въ эту заповѣдную глушь, на нашъ тихій и поэтическій Донецъ, не пріѣзжаютъ пейзажисты? Въдѣ тамъ что ни шагъ, то новое очарованіе, что ни поворотъ рѣки, то новая чудная картина.

Я видѣлъ эти мѣловые ландшафты, воспроизведенными въ альбомахъ, въ литографіяхъ, но все это блѣдно и ничтожно, все это кажется только каррикатурой на художественное созданіе Творца. Особенно безобразны рисунки, продающіеся въ Успенскомъ монастырѣ. Неумѣло, грубо, аляповато. Гораздо лучше фотографіи, но и тѣхъ не насчитается болѣе пяти, шести. Рисунки, предлагаемые читателямъ „Нивы“, въ настоящемъ очеркѣ, воспроизведены именно съ этихъ фотографическихъ снимковъ.

— Отчего вы не снимаете окрестности монастыря? обратился я къ одному монаху, знакомому съ фотографическими приѣмами.

- Благословенія отецъ архимандритъ не дастъ.
- Почему это.
- Непристойно монаху...

Отъ дебаркадера желѣзной дороги до города — добрыхъ двѣ версты.

Вдѣшь зеленѣющимъ полемъ. Издали еще надъ городомъ

видѣются громадные тополи. Яблони, липы и вишневыя деревья раскидываютъ кое-гдѣ свои раны... Городъ чрезвычайна оригиналенъ. Весь онъ разбросанъ кучками. Тутъ кучка домовъ — кругомъ пустырь въ полверсты, а тамъ опять группа домиковъ — и вновь пустырь, за нимъ третья и т. д. Большая часть домовъ крыта соломой и вымазана известкой, у фундамента колоды съ землею. Дома поэтому кажутся вставленными въ четырехугольные горшки. Одна сторона кровли обыкновенно выступаетъ надъ дворомъ, опираясь на столбы и образуя открытую галлерею. На безлистныхъ кое-гдѣ деревьяхъ громадные черныя гнѣзда, точно шапка, застрявшія въ сквозной стѣи сучьевъ и вѣтвей. Деревья надъ домами такъ высоки, что эти послѣднія кажутся болѣе мелкими и жалкими. Особенно поэтична группа колоссальныхъ березъ въ одномъ пунктѣ берега, у подножія ихъ ютится бѣленькій, свѣтленькій домикъ. На соломенныхъ кровляхъ — колеса. Въ нихъ апсты устраиваютъ гнѣзда для своего вывода. Заборовъ нѣтъ, всюду плетни. Деревенская обстановка вполне, оттого такъ красивъ и пріятенъ кажется этотъ небольшой городокъ. Вечеромъ почти все его населеніе выходитъ на улицу. Старикъ — на заваленки, молодежь попарно уходитъ отъ луннаго свѣта подальше. Съ полей доносится пѣсня. Тамъ хлѣбонашцы варятъ кашу и, обираясь въ кружки, поютъ свои стародавнія былинныя...

Славянскъ — теперь заштатный городокъ Изюмскаго уѣзда. Онъ разбросанъ у рѣки Тороць, близъ цѣлебныхъ соляныхъ озеръ. Когда-то въ стародавнее время Славянскъ носилъ название Тора, отъ кочевавшихъ здѣсь Торковъ. Съ 1650 г. въ Торѣ стали вываривать соль и сюда же явились поселенцы — Черкассы. Затѣмъ Торъ (послѣ отложенія Брюховецкаго) былъ сожженъ до тла и уничтоженъ и вновь возникъ только въ 1676 г. Мѣстныя солеварни подавали зачастую поводъ къ татарскимъ набѣгамъ. Крѣпостца Тора не могла въ этихъ случаяхъ вмѣстѣ съ всѣмъ жителями городка, и оставшіеся за его стѣнами попадали подъ ножи полудикой орды. Сверхъ того, Торине не ладилъ съ Донцами и не разъ рѣшали свои взаимные споры кровопролитными схватками. Донцы хотѣли отнять у Торянъ соляныя варницы, Торяне же стояли за свои озера, какъ за свою единственную наживу. Въ 1710 году заводы солеваренные отобраны въ казну, но столкновения съ Донцами все-таки продолжаются, хотя и не долго. Когда въ 1732 г. казна отдала заводы откупну, съ ними случилось „чудо“, по мѣстному выраженію. Земля подъ заводами рухнула — лопнула. Оттуда хлынули ключи и залили окрестности, причемъ образовалось озеро, которое пробовали черезъ двѣнадцать лѣтъ осушить и спустить, но безуспѣшно. Во времена наместничества Торъ былъ уѣзднымъ городомъ, но съ 1797 г. обращенъ въ заштатный и причисленъ къ Слободско-украинской губерніи. Славянскъ издавна славился „на всю округу“ хорошими бондарями и мастерами по салотопенному производству. Первые являлись сюда въ раннюю весну изъ великорусскихъ губерній, преимущественно же изъ Рязанской. Они снабжаютъ своими лѣсными издѣліями нѣсколько уѣздовъ Харьковской губерніи и сверхъ того возятъ ихъ на Донъ. Салотопеннымъ же производствомъ занимаются преимущественно купцы-капиталисты, для чего скотъ они закупаютъ въ Екатеринбургской губерніи весной; все лѣто онъ пасется въ степяхъ и только осенью, достаточно ожирѣвшій, доставляется въ Славянскъ для убоя. Отсюда же кожи въ сыромъ видѣ отправляются въ Харьковъ на Крещенскую ярмарку; кости и рога, остающіеся на заводахъ, продаются пріѣзжающимъ изъ Москвы промышленникамъ, скупающимъ ихъ по всѣмъ уѣздамъ Харьковской губерніи. Кромѣ того, замѣтна въ Славянскѣ продажа дегтю, который свозится сюда весною изъ Рязанскихъ сельъ. Фурщики, доставляющіе его, забираютъ взаменъ солонину и развозятъ ее въ болѣе сѣверныя губерніи.

Но главное занятіе жителей — вывариваніе соли, а самый надежный и лучшій источникъ для наживы — цѣлебныя озера, куда съѣзжаются больные отовсюду. О солеварняхъ и минеральныхъ водахъ скажу ниже. Теперь же приведу только нѣсколько статистическихъ данныхъ.

Всѣхъ жителей здѣсь 4,614 м. и 4,900 ж., обоюто пола — 9,514 душъ. Въ городѣ бывають три ярмарки. Постоянная же торговля производится въ 79 заведеніяхъ и лавкахъ. Наибольшая часть населенія ежегодно уходитъ на Донъ для заработковъ, болѣе 2,000 крестьянъ, постоянно проживающихъ въ городѣ, занимаются хлѣбонашествомъ, обработывая окрестныя поля, почему Славянскъ справедливо можетъ носить названіе городка-деревни. Средства города — незначительны. Здѣсь есть банкъ „общественный“, которому предоставляено кредитовать въ государственномъ банкѣ на 30,000 рублей.

Собственно говоря благоустроенныхъ отелей, не смотря на его минеральныя воды, въ Славянскѣ нѣтъ вовсе. Мнѣ пришлось остановиться въ домѣ купца К., называвшемся гостиницей.

Комнаты — обыкновенной жилой квартиры. Мнѣ привелось помѣститься въ залѣ, въ которой была поставлена кровать. На обѣдъ дали жидкія щи и кашу.

Вообще удобствъ — никакихъ! И за деньги ничего не достанешь.

Съ перваго момента моего прибытія въ Славянскъ и до са-

маго отъѣзда отсюда, меня не оставляя обязательный докторъ Петельчицъ, подробно показавшій мнѣ и заведенія на минеральныхъ озерахъ, и соляные заводы.

Мѣстному населенію цѣлебная сила этихъ водъ была давно извѣстна, официально же эти воды открыты въ 1836 году медикомъ Яковлевымъ. Онъ построилъ на берегу Рѣйнаго озера палатки для больныхъ, принимавшихъ теплыя ванны. Та же озерная вода нагрѣвалась въ котлахъ на открытомъ воздухѣ. Лечение грязями производилось въ ямахъ, выкопанныхъ кругомъ озера. Въ 1838 году графъ Никитинъ построилъ въ южномъ концѣ озера кое-какой госпиталь, простоявшій дѣтъ двадцать. Въ 1852 году на сѣверномъ концѣ его построено гражданское водолечебное заведеніе. Славянскія минеральныя воды чрезвычайно похожи на Крейцнахскія. Ихъ физическія условія одинаковы. Различіе только въ томъ, что въ Крейцнахъ все добывалось путемъ тяжелыхъ усилій и трудовъ, а въ Славянскѣ все создано самою природой. Буровка грунта въ окрестностяхъ озера даетъ въ настоящее время ключи различной температуры и разнообразны по содержанию газовъ и солей.

Около Славянска находится три минеральныхъ озера: Слѣпное, Вейсово и Рѣйное. Эксплуатируется съ медицинскими цѣлями только послѣднее. Озера окружены лугами и солончакими. Гражданское водолечебное заведеніе состоитъ изъ главнаго корпуса и двухъ флигелей. Въ главномъ корпусѣ обширная зала, угромъ — для прогулокъ больныхъ послѣ ваннъ во время пенястья, вечеромъ — для баловъ и концертовъ. Вдоль залы темные и тѣсные корридоры съ отдѣльными высокими комнатами для ваннъ. Такихъ комнатъ, а слѣдовательно и ваннъ, 16. Одинъ корридоръ для мужчинъ, другой для женщинъ. Сверхъ того, на озерѣ еще 10 купаленъ. Вокругъ всего заведенія, прекрасный и хорошо содержимый садъ. Во флигеляхъ помѣщаются прѣзжающіе. Цѣвы ваннамъ: горячей изъ озерной воды — 40, холодной — 10 к., съ прибавленіемъ „маточнаго щелока“ — 60 коп. Ванны принимаются и на дому, причемъ оплачивается провозъ воды изъ озера, откуда вода берется всѣми бесплатно. Маточнымъ щелокомъ называется собственно жидкость, остающаяся отъ выварки соли. Она насыщена поваренною и другими солями и сверхъ того въ ней содержится значительное количество йода и брома, едва замѣтное въ обыкновенномъ разсолѣ. Къ ваннамъ зачастую, по предписаніямъ врачей, прибавляются и грязи, или просто назначается натирание грязями, добываемыми изъ засоренныхъ колодезевъ, низменныхъ лощинокъ, причемъ только наблюдаютъ, чтобы грязь была мягка и помадообразна. Употребленіе такихъ ваннъ, особенно же съ грязями, требуетъ большой осторожности и должно быть контролируемо опытнымъ врачомъ. Прибавленіе маточнаго щелока или разсола сверхъ нужды вызываетъ вредное возбужденіе и волненіе.

Вода Рѣйнаго озера на видъ прозрачна и почти безцвѣтна.

Но въ жаркіе дни она мутно-желтовата; во время бури — темна. Она содержитъ мірады инфузорій, видимыхъ простымъ глазомъ. Вкусъ ея соленый, переходящій въ горьковатый. Запахъ сѣрнистаго водорода обнаруживается только ночью, во время лѣтнихъ жаровъ, а также при югозападныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ. Въ 100 частяхъ этой воды оказывается:

Смоли	0,078	Сѣрнокислой извести	1,754
Соленокислой извести	0,230	Сѣрнокислой магнезии	1,020
Соленокислой магнезии	1,067	Сѣрнокислаго натра	0,958
Соленокислаго натра	18,561	Углекислой извести	0,038
		Кремнезема	1,462

Такимъ образомъ хлористый натръ преобладаетъ надъ другими солями, причемъ въ водѣ, добываемой изъ колодезевъ, вырытыхъ на солончакахъ, его гораздо болѣе, чѣмъ въ озерной.

Славянскія минеральныя воды съ успѣхомъ дѣйствуютъ въ хроническихъ ревматизмахъ, золотухѣ, опухоляхъ, накожныхъ сыпяхъ, въ англійской болѣзни (особенно успѣшно), въ страданіяхъ слизистыхъ оболочекъ, въ параличахъ ревматическаго происхожденія, при страданіяхъ надкостной плевы и при косточкѣхъ.

Докторъ Петельчицъ былъ такъ любезенъ, что лично показалъ намъ госпиталь, садъ и заведеніе для больныхъ изъ частныхъ лицъ. Госпиталь весь устроенъ имъ и устроенъ превосходно. Вездѣ приспособленія, устроенныя г. Петельчицемъ, обходящіяся очень дешево, но чрезвычайно удобны и цѣлесообразны.

— Скажите, неужели воды дѣйствуютъ и на застарѣлые ревматизмы.

— Были не разъ случаи полного издоровленія.

Изъ оконъ госпиталя превосходный видъ. Вся даль зелѣетъ съ серебряными пятнами соляныхъ озеръ, съ мочнообрисовывающимися на голубомъ фонѣ чистаго неба курганами, которые здѣсь называютъ „могилами“. Красивые разливы рѣки

Меловыя скалы Святогорскаго монастыря.

Рис. Подбѣльскій, грав. Сташковскій.

Торца подступаютъ къ самымъ горамъ, изящныя силуэты которыхъ словно на ладони. Тутъ кончается зеленая равнина съ кучами деревьевъ, преимущественно окаймившихъ рѣку и бѣлыми хохлацкими мазанками подъ золотомъ соломенныхъ кровель, глядящихся въ спокойныя воды тихаго и поэтическаго Торца. Въ болѣе частыхъ и густыхъ поросляхъ на право тонетъ небольшая деревушка, только двѣ три мельницы торчатъ надъ нею, разбросавъ по вѣтру свои громадные крылья. Отары испанскихъ овецъ бѣлѣютъ, оживляя спокойный пейзажъ... Издали чуть мерещутся мѣловыя горы надъ извилистымъ теченіемъ Донца... Но съ чѣмъ можно сравнить эту чистоту весенняго воздуха, этотъ аромат только что зацвѣтавшихъ луговъ, эта безоблачность неба съ черными точками ястребовъ...

— Прежде у насъ еще лучше было. При Никитинѣ здѣсь воздѣлывались нѣжныя тропическія растенія, сколько шелко-

Мать. Картина А. Журдана, грав. Робертъ.

виц раскидывали повсюду свои тѣни... Теперь все истреблено. Невѣжественные администраторы, слѣдовавшие за ними, рубили желковцы на дрова и уничтожали цвѣтники, потому что тѣ мѣшали прямолинейности всѣхъ деталей этого заведения!.. Только и осталось, что садъ по ту сторону озера, устроенный графиней Потемкиной, память которой свято хранится здѣсь. Мы ей одной обязаны и этимъ вокзаломъ, и прекрасными тѣнистыми аллеями, разбитыми тамъ, и возведеніемъ дома для больныхъ.

— Сюда, слѣдовательно, должно пропасть народу съѣзжаться.

— Да изъ шести губерній ѣдутъ.

— Гдѣ живутъ прѣзжающіе?

— Сообразите, воды отстоятъ отъ города на три версты. Живя въ городѣ приходится ѣздить на воды, а это и убыточно, и въ гигиеническомъ отношеніи не хорошо. Дѣлать шесть верстъ ежедневно по песчаной и раскаленной лѣтомъ мѣстности—не особенная радость!.. Лучше жить на водахъ—но тутъ нѣтъ квартиръ вполне удобныхъ. Предпринимателей мало-малышкіи смѣлыхъ у насъ не имѣется. Никто не хочетъ выстроить отель у озера. И плохихъ-то квартиръ не хватаетъ на всѣхъ желающихъ. Плохонькое жильё обходится въ 200 р. за лѣто, а простая изба деревянная зачастую идетъ во 100 рублей. Самыя цѣны ужасно произвольны. Съѣдется много народу—онѣ безобразно поднимаются, мало—на половину падаютъ. Отдаленность отъ города отзывается, впрочемъ, на многомъ. Базары—далеко, аптека—въ самомъ Славянскѣ, у озера же ее не догадываются устроить.

— Есть все-таки какая нибудь гостиница здѣсь?

— Обѣдать можно въ вокзалѣ минеральныхъ водъ, 20 рублей въ мѣсяцъ стоитъ здѣсь обѣдъ въ 4 и 15 р. въ три блюда. Но главное неудобство—отсутствие хорошихъ помѣщений.

— Да вѣдь на водахъ, въ заведеніи, есть номера?

— Они, во-первыхъ, смежные съ залой общественныхъ увеселеній, гдѣ постоянно играетъ по вечерамъ музыка, да и самый запахъ соленой воды и ваннъ очень тяжелъ для больного.

Какъ оказалось съѣздъ больныхъ повліялъ сильно на подъемъ цѣнъ всѣхъ вообще предметовъ домашнего хозяйства въ Славянскѣ. Небольшой кувшинъ молока стоитъ 15 к., фунтъ говядины 10 к., фунтъ кашки 35 к. и т. д.

— Впрочемъ, — закончилъ г. Петельничъ, — то, чего недостаетъ Славянскому заведенію минеральныхъ водъ, чтобы стать на одну ногу съ отлично и удобно устроенными водолечебными заведеніями, съ избыткомъ выкушается цѣлебнымъ дѣйствіемъ ихъ.

Озеро все искрилось подъ жаркими лучами весенняго солнца. Нѣжно-серебряные блески были разсыпаны по чистой лазури этого спокойнаго простора, по которому только изрѣдка пробѣгала едва замѣтная рябь отъ лѣтняго стелющагося по низьямъ вѣтерка. На противоположную сторону, въ заведеніи минеральныхъ водъ, мы шли вдоль песчаного берега, почти не возвышающагося надъ поверхностью озера Рѣпнаго. Пока не съѣдутся больные — безлюдье кругомъ полное. Только разъ мелькнула издали хохлушка въ красномъ платьѣ, точно яркая полмя маковаго цвѣта вспыхнула на мигну.

Какъ хороша роца, передъ которой устроенъ вокзалъ. Вся она изъ тополеи и бѣлыхъ акацій, въ перемежку съ осокой. Почки только что развернулись. Молодая, свѣжая зелень блистала снова, деревья облеклись въ праздничный уборъ... Въ саду тутъ же растутъ, прямо на нескѣ и притомъ чрезвычайно быстро, укусное дерево и олений рогъ.

— Тутъ хорошо лѣтомъ. Цѣлый день въ листьѣ поютъ птицы, ночью соловьи покрываютъ всѣ звуки! Цвѣты силосъ осыпаютъ зелень. Близость воды умѣряетъ нѣсколько жару. Не ушелъ бы отсюда!

Изъ сада, разведеннаго по приказанію графини Растопчиной, мы отправились нѣшкомъ на другія соляныя озера, откуда мѣстными промышленниками добывается соль.

Еще издали, когда мы подошли къ озеру, насъ поразили изгороди—сажень пять въ высоту. Это и оказались градири. Онѣ сплошь окружали озеро Мавицкое или Вейсово. Изгороди эти вблизи оказались стѣнами изъ различно переплетенныхъ между собою прутьевъ терновника или другихъ деревьевъ. Каждая изъ нихъ вытянута въ длину въ 35 сажень, при ширинѣ въ двѣ сажени. Вода, добываемая изъ колодезь посредствомъ конной коловращательной машины, вливается въ длинный и широкий желобъ, простирающійся надъ всею градирию. Дно этого желоба или корыта устранивается изъ тростника или досокъ и имѣетъ по всему своему протяженію пробуровленные малыя, но многочисленныя отверстія. Черезъ нихъ-то разсолъ, дробясь на миллионы капель, падаетъ на прутья, гдѣ то оставалась, то постепенно стекая по нимъ внизъ, наконецъ собирается подъ градирию въ огромное и широкое корыто, или въ такъ называемую лару. Процессъ прохождения разсола въ раздробленномъ видѣ по прутьямъ терновника совершается въ продолженіи довольно долгаго времени и вслѣдствіе испаренія, въ особенности при сухой погодѣ съ вѣтромъ, разсолъ теряетъ значительную часть воды, а вся соль остается въ немъ и онъ стекаетъ въ лары съ „полнымъ насыщеніемъ ея“. Изъ

ларь чрезъ деревянныя подземныя трубы, насыщенный разсолъ проводится въ самые заводы, т. е. саран, гдѣ и вливается въ желѣзные сковороды двухъ съ половиною сажень въ диаметръ, вправленные въ верхнія отверстія широкихъ и низкихъ нечей, отапливаемыхъ каменнымъ углемъ. По испаренію воды, осѣвшую на дно соль перемищаютъ въ деревянныя ящики съ наклоннымъ дномъ и разселиною въ самомъ низу его. Сквозь эту разселину вытекаетъ оставшаяся жидкость, а въ ящикахъ получается соль вполне осушенная и очищенная. Жидкость, вытекающая изъ ящиковъ и оставшаяся въ сковородахъ, называется маточнымъ щелокомъ. Въ ней сверхъ солей еще содержится значительное количество іода и брома, едва замѣтныхъ въ обыкновенномъ разсолѣ..

Очень неприглядны были виды этихъ сараевъ, носящихъ громкое названіе заводовъ. Въ воздухѣ стояла мелкая соль, соль запоздала въ глаза, въ носъ... Всюду осаживалась копоть отъ каменнаго угля. Рабочіе были въ грязи и въ поту, потому что здѣсь отдыхать нѣкогда, число трудовыхъ рукъ сокращено до послѣдней возможности.

— Сколько у васъ вываривается соли въ каждой сковородѣ? въ день? обратился я къ атлету, почти голому, что, впрочемъ, и понятно въ такой адской жарѣ.

— Два раза въ день варимъ. Отъ 80 до 100 пудовъ случается на оба раза. Триста пятьдесятъ пудовъ разсола даютъ отъ 40 до 55 пудовъ соли. Ахцизъ платимъ по 30 к. съ пуда, а подъ бокомъ крымская соль безъ ахциза вываривается: понятно, что для насъ и соперничество съ ней невозможно. Хозяину у насъ при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ останется не болѣе 4 или 5 копѣекъ съ пуда.

Рабочіе на заводы нанимаются на 9 мѣсяцевъ, считая съ 1-го марта. За все это время они получаютъ отъ 50 до 70 рублей, т. е. менѣе 10 р. въ мѣсяцъ на всемъ своемъ. Малолѣтки за то же время получаютъ 15 руб. Главные промышленники, надсмотрщики берутъ по 100 р. и на нихъ лежитъ вся отвѣтственность и большее количество работы. При смѣнѣ рабочихъ, они все-таки остаются, отдыхая только ночью. Вообще, положеніе крайне неприглядное, по хозяйствъ и обвинять нельзя, они сами едва перебиваются. Пониженіе ахциза разомъ измѣнило бы условія мѣстнаго солеваренія. Тѣмъ не менѣе Славянскія градири и варницы гораздо выгоднѣе тѣхъ, которыя эксплуатируются на дальнемъ сѣверѣ. Заводы этого рода, видѣнные нами въ Унскомъ, Гудскомъ и Некожскомъ посадахъ у Бѣлаго моря гораздо хуже и далеко не такъ производительны. Рабочіе на градирияхъ работаютъ мѣсяцемъ меньше чѣмъ въ сараяхъ, на заводахъ. Каждая градириа даетъ среднимъ числомъ въ это время до 35,000 пуд. соли. При работахъ въ сараяхъ образовались и побочные промыслы. Много дѣвочекъ, неизбѣжныхъ другихъ средствъ къ существованію, разбираетъ золу отъ каменнаго угля, извлекаетъ изъ нея не совсемъ перегорѣвшіе кусочки. Обыкновенно такимъ путемъ зарабатываютъ 4 или 5 коп. въ день. Самыя проворныя работницы, при удачѣ добудутъ не болѣе 6 к. въ день. Какой жалкій заработокъ за утомительный трудъ, какое жалкое существованіе!

Вода изъ озера даже нашла солью. Читателю, разумѣется, покажется это преувеличеннымъ. Разумѣется, сидя за столомъ не чувствуешь запаха соли; но здѣсь, у ея громаднаго мѣстоприличія, этотъ запахъ сильно замѣтенъ. Въ послѣднее время для зимнихъ, собственно, работъ прорываются колодези, такъ какъ лѣтомъ только и возможно пользоваться озерами. Тѣмъ не менѣе вода изъ соляныхъ озеръ болѣе насыщена, чѣмъ изъ колодезь, при этомъ первая даетъ соль крупную и бѣлую, такъ называемую крупничатую, а изъ буровыхъ колодезь—темную и дурнаго вкуса.

Мы мимоходомъ осмотрѣли и заводъ компаніи для добычи каменной соли.

До сихъ норъ тутъ еще производится буреніе земли винтомъ, причемъ зачастую въ теченіе 24 часовой безпрестанной работы добывается винтомъ кусокъ породы въ 1/4 вершка. Эти кружки каменной соли (образчики) сложенные здѣсь же столбиками и наглядно указываютъ толщину слоевъ соли въ землѣ. Длина винта 58 сажень. Одна только эта часть завода обогнана компаніей въ 50,000 рублей. Въ этомъ же заводѣ устроены и буровыя колодези, вода изъ которыхъ по желобкамъ отпущается въ требуемомъ количествѣ и на другія заводы, нуждающіеся въ разсолѣ..

Въ тотъ же вечеръ, когда синія сумерки сгустились на востокъ, а западъ еще мерцалъ послѣдними прощальными отблесками заката, я уже ѣхалъ на почтовыхъ въ недавно возобновленный, но уже богатый Святогорскій монастырь, о красотѣ окрестностей котораго и оригинальномъ складѣ его внутренней жизни мнѣ рассказывали очень много. Судя по этимъ рассказамъ, я рассчитывалъ найти въ немъ вторые „Соловки“ и почти не обманулся. Тамъ я наткнулся на такое разнообразіе типовъ, на такіе предестные виды и на столь неожиданныя черты монашескаго быта, что двѣ недѣли, проведенныя въ стѣнахъ обители, кажутся мнѣ до сихъ норъ такимъ чуднымъ спомъ, очаровательною грезой лѣтней соловьиной ночи.

В. Немировичъ-Данченко.

ВѢТРЫ.

(По поводу рисунка „Табунъ, застигнутый песчанымъ ураганомъ“).

Вѣтеръ, по объясненію Гюйо, есть слѣдствіе нарушеннаго равновѣсія въ слояхъ атмосферы и зависитъ отъ различнаго состоянія температуры сосѣдственныхъ воздушныхъ пространствъ. Каждое неравенство температуры воздуха, порождаетъ всегда соответствующія атмосферическія теченія. Такъ, неравенство температуръ *дневной* и *ночной* порождаетъ *суточные вѣтры*. Неравенство температуръ различныхъ временъ года порождаетъ періодическія вѣтры. Разница температуръ тропиковъ и полюсовъ даетъ начало *вѣтрамъ пассатнымъ*, правильность которыхъ служитъ лучшимъ доказательствомъ постоянного неравенства распределенія солнечной теплоты въ воздушныхъ слояхъ. Парообразная форма земли составляетъ главную причину неравнаго распределенія солнечной теплоты и образуетъ три главные климатическія пояса: *знойно-жаркій*, *умѣренный* и *холодный*. Происхожденіе главныхъ, то есть пассатныхъ вѣтровъ, зависитъ отъ шарообразной формы нашей земли, а направленіе ихъ—отъ вращательнаго движенія земли вокругъ своей оси.

Пассатные вѣтры имѣютъ полное право быть названными главными, потому что обнимаютъ собою почти всю атмосферу. Воздушныя области, близкія къ экватору, имѣютъ обыкновенно температуру высокую, далѣе же къ полюсамъ, дѣлается постепенно холоднѣе. Поэтому тропическая атмосфера болѣе расширена, а слѣдовательно и легче полярной и даже среднихъ пространствъ. Болѣе сгущенный воздухъ холоднѣйшихъ странъ сѣвернаго и южнаго полушарій тѣснитъ своею тяжестью находящійся между ними воздухъ тропическій: такимъ образомъ послѣдній, будучи сжатъ съ двухъ сторонъ, поднимается вверхъ, а на его мѣсто притекаетъ холодный воздухъ съ сѣвера и юга и, нагрѣваясь вновь тропическимъ зносомъ, вновь поднимается вверхъ и т. д. Такимъ образомъ образуются два нижнія холодныя теченія, стремящіяся отъ обоихъ полюсовъ къ экватору, и два верхнія теплыя теченія, несущія воздухъ отъ экватора къ обоимъ полюсамъ. Эти теплыя теченія, достигнувъ полюсовъ, дѣлаются холодными и текутъ нижними полостями обратно къ экватору. По этой теоріи должны бы были существовать въ мірѣ только два направленія юго-сѣверное и сѣверо-южное, но вращательное движеніе земли, отъ запада къ востоку, оказываетъ на это большое вліяніе, заставляя ихъ отклониться отъ первоначальнаго пути. Скорость вращенія земли, а вмѣстѣ съ ней и воздуха, ничтожная при полюсахъ, быстро увеличивается подъ экваторомъ. Поэтому холодный и медленный полярный воздухъ, достигнувъ тропическихъ странъ и обращаясь вмѣстѣ съ землею, не въ состояніи слѣдить за экваторіальной быстротою вращенія ея твердой оболочкой, а потому отстаетъ отъ нея, отдается назадъ и принимаетъ мало по малу направленіе къ западу; такимъ образомъ воздушныя океаны, между экваторомъ и полюсами, принимаютъ преобладающее въ нихъ среднее теченіе, а именно: въ сѣверномъ полушаріи отъ сѣвера къ западу, въ южномъ—отъ юга къ западу. Эти оба отклоненные воздушные тока, сближаясь подъ экваторомъ, принимаютъ одно общее направленіе отъ востока къ западу и образуютъ такъ называемые *пассатные вѣтры*. Предѣлы или линіи ихъ соединенія называется *поясомъ тишины*, потому что оба теченія здѣсь пересѣкаютъ, уравновѣшиваютъ или нейтрализуютъ другъ друга, а затѣмъ движутся далѣе, каждый въ своемъ направленіи. Средняя ширина *пояса тишины*, опоясывающаго весь земной шаръ, равна 6 градусамъ. Невозмутимая тишина атмосферы доходитъ до того, что пламя свѣчи на открытѣмъ воздухѣ не имѣетъ ни малѣйшаго колебанія, а парусные корабли должны, по необходимости, стоять безъ всякаго движенія, и если они не запаслись значительнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, то экипажъ можетъ подвергнуться самому бѣдственному и безвыходному положенію. Поясъ тишины имѣетъ еще другое названіе *пояса измѣнчивыхъ вѣтровъ*, потому что послѣ долгой тишины въ немъ раздаются страшныя электрическія бури и проливные дожди. Впрочемъ, экваторіальный поясъ тишины вовсе не совпадаетъ съ математическимъ земнымъ экваторомъ, а напротивъ, вслѣдствіе неравнобѣрнаго распределенія суши и воды въ сѣверномъ и южномъ полушаріяхъ, онъ располагается вдоль шестой сѣверной параллели, такъ какъ земной экваторъ не есть вмѣстѣ съ тѣмъ экваторъ теплоты. Эта 6 параллель не совѣтѣмъ постоянна, потому что лѣтомъ затишье доходитъ до 8° сѣв. широты, а зимою опускается до 4°, что среднимъ выраженіемъ составляетъ шестую параллель. За предѣломъ пояса затишья съ сѣвера и юга слѣдуютъ пассаты, въ ними вѣтропическіе вѣтры, а на юнецъ сѣверное и южное *полярныя затишья*.

Полярныя затишья не составляютъ уже поясовъ тишины, какъ подъ экваторомъ, и подъ ними не должно также разумѣть какія нибудь опредѣленныя точки, но, напротивъ, ими заняты огромныя протяженія, что и доказано наблюденіями знаменитыхъ путешественниковъ, каковы: Парри, Барроу, Белло и профессоръ Коффинъ. Они единогласно утверждаютъ о существованіи у сѣвернаго полюса постояннаго затишья, находящагося подъ 84° сѣв. широты и 150° запад. долготы. Слѣдовательно, также и здѣсь полюсъ вѣтровъ не совпадаетъ съ матема-

тическимъ полюсомъ земли, а, напротивъ, съ полюсомъ наибольшаго холода, гдѣ средняя температура года равна не менѣе 12 и не болѣе 16° по Р. Полюсомъ холода и вѣтровъ также не слѣдуетъ считать какую-нибудь точку, а извѣстную, опредѣленную площадъ, хотя и не весьма большого пространства.

Тѣмъ-же самымъ законамъ повинуются и верхнія теченія воздуха, несущіяся отъ экватора къ полюсамъ, только въ обратномъ порядкѣ. Экваторіальный воздухъ, усвоивъ себѣ экваторіальную быстроту вращенія и достигнувъ верхними слоями до полюсовъ, еще не успѣлъ утратить быстроты вращательнаго движенія, а потому, перейдя область холода, перегоняетъ, какъ у сѣвернаго, такъ и у южнаго полюсовъ, медленно движущійся воздухъ и опережаетъ его въ направленіи къ востоку. Отъ этого становится понятнымъ, почему въ сѣверномъ полушаріи преобладающей вѣтеръ юго-западный а въ южномъ—сѣверо-западный.

Еслибы земной шаръ былъ совершенно правильнымъ, математическимъ шаромъ, съ совершенно ровною поверхностью, то очевидно, что всѣ вѣтры дули-бы правильно, подъ вліяніемъ тѣхъ условій, которыя только были изложены; но въ дѣйствительности, правильныя теченія воздуха встрѣчаютъ препятствія на каждомъ шагу, какъ въ очертаніи материковъ и въ горныхъ возвышеніяхъ, такъ и въ другихъ условіяхъ природы, противодѣйствующихъ этой правильности и, такъ сказать, разрывающихъ воздушныя токи. По этой причинѣ истинный характеръ правильнаго вѣтра сохраняется только въ Великомъ океанѣ, гдѣ широкій просторъ не мѣшаетъ пассату идти своимъ путемъ отъ западныхъ береговъ Америки до восточныхъ береговъ Австраліи и теченіе его правильно до широты 25°. Острова Сандвичевы и Товарищества, далеко отстоящіе отъ всякаго материка, т. е. пространной площади суши, имѣютъ странное и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма замѣчательное вліяніе на пассаты: они часто измѣняютъ ихъ и обращаютъ вспять, потому что западные и экваторіальные вѣтры весьма обыкновенны въ этихъ двухъ группахъ острововъ, но не владѣютъ болѣешиимъ продолженіемъ и имѣютъ мѣстный характеръ. Атлантическій океанъ уже не имѣетъ такой правильности въ извѣстныхъ предѣлахъ, и пассатъ значительно вдается въ сѣверъ, вслѣдствіе ограниченнаго пространства и особаго очертанія сего океана.

Самыя большія измѣненія претерпѣваетъ пассатный вѣтеръ въ Индійскомъ океанѣ, который, на сравнительно меньшемъ пространствѣ, окруженъ материками съ трехъ сторонъ: съ запада Африкой съ ея раскаянно-знойною Сахарой, съ востока болѣе умѣренною Австраліею, а съ сѣвера Азіей, движущей на него своими Гималайскими ледниками. Очевидно, что такая разница различно дѣйствующихъ температуръ не можетъ остаться безъ существеннаго вліянія на направленіе пассата.

Въ то время, какъ южная Африка раскаляется тропическимъ солнцемъ лѣта, Азія, къ сѣверу отъ экватора, особенно въ высшихъ пространствахъ Гималайской системы, имѣетъ низкую температуру зимы; поэтому холодный воздухъ нагорныхъ странъ Индіи, тяжестью своею, стремится къ теплымъ странамъ южной Африки и вѣтеръ начинаетъ дуть съ сѣверо-востока, измѣняя такимъ образомъ пассатъ. Это продолжается отъ октября до апрѣля, т. е. пока существуетъ такая разница въ температурѣ. Это время индійской зимы или такъ называемого *сѣверо-восточнаго муссона* *). Пользуясь этимъ временемъ купеческіе корабли сѣлаютъ изъ Калькутты въ южную Америку и Мадагаскаръ. Затѣмъ измѣняется время года: въ южной Африкѣ наступаетъ зима, а въ Индіи—лѣто. По той же самой причинѣ измѣняется сѣверо-восточное направленіе муссона въ юго-западное, при которомъ и корабли идутъ съ попутнымъ вѣтромъ въ направленіе обратное, при чемъ, наоборотъ, мѣсто африканской *Сахары* заступаютъ въ нѣкоторой степени песчанья пустыни Азіи, какъ *Гоби-Шамо*, *Гоби-Ганай* и другія выжженные равнины, которыя хотя и лежатъ внѣ тропиковъ, къ сѣверу отъ 30°, тѣмъ не менѣе вліяніе ихъ очень замѣтно и къ югу отъ экватора. Точно такимъ-же образомъ образуются муссоны Тихаго океана у американскихъ береговъ отъ вліянія нагрѣтыхъ равнинъ Утаксскихъ и Техасскихъ; муссоны Мексиканскаго залива отъ раскаленныхъ пустынь Новой Мексики, а Гвинейскаго залива опять отъ той-же пылающей Сахары. Вообще-же замѣчено, что происхожденіе муссоновъ зависитъ отъ вліянія солнечной теплоты не на воды морей, а на пустыни, песчанья пространства материковъ и область этихъ пустынь, въ большинствѣ случаевъ, лежитъ къ сѣверу отъ пассатныхъ вѣтровъ. Переходъ одного муссона въ другой происходитъ неодновременно по всему пространству и сопровождается всегда неправильностью вѣтровъ по разнымъ направленіямъ: то наступаетъ невозмутимая тишина, то кружатся порывистыя вихри, то свирѣствуютъ страшныя бури.

Муссоны дуютъ тоже между Индіей и Австраліею, но тамъ они не имѣютъ такой правильности. Моря: Зундское, Молуккское, Южно-Китайское и Южно-Японское находятся постоянно подъ пассатами Тихаго океана и двоякихъ муссоновъ, индо-

* *Муссонъ* или *Монсунъ*—суземное названіе холоднаго времени года.

Табунъ, достигнутый песчанымъ ураганомъ. Рис. Даржанъ, грав. Цаннемакеръ.

Новійшія извѣстія. Картина О. Пильца, грав. Бренд'Амуръ.

африканских и индо-австралийских. Вот причина тѣхъ страшныхъ бурь и урагановъ, тѣхъ смерчей или тифоновъ, которые всего чаще встрѣчаются въ этихъ моряхъ.

Кромѣ описанныхъ пассатовъ, существуютъ еще пассаты *верхние* или *обратные*, дующіе въ высокихъ слояхъ атмосферы надъ настоящими пассатами, въ противоположномъ направленіи, то есть отъ запада къ востоку. Это тоже самое явленіе, какъ и въ движеніи водъ, въ которыхъ верхнее теченіе совершенно противоположно нижнему. Существованіе верхняго пассата было замѣчено при изверженіяхъ двухъ вулкановъ Св. *Витченна* (на малыхъ Антильскихъ островахъ) и *Козевини* (въ Гватемалѣ), выбрасывавшихъ свой пепелъ на огромную высоту (до 2-хъ верстъ). Пепелъ того и другаго изверженія осыпалъ вулканическою пылью города и острова, лежавшіе къ востоку на нѣсколько сотъ верстъ, и, слѣдовательно, приносился туда верхними западными вѣтрами совершенно противоположными пассатамъ. Также многіе путешественники на высотѣ Тенерифскаго пика замѣчали западный вѣтеръ въ то время, когда у подошвы дуть обыкновенно сѣверо-восточный пассатъ.

Часто на корабляхъ, странствовавшихъ въ водахъ Атлантическаго океана, падала въ значительномъ количествѣ пыль красноватаго цвѣта и преимущественно вблизи западныхъ береговъ Африки, около Зеленаго Мыса; сначала предполагали, что это

ни что иное, какъ тончайшая пыль, занесенная восточными вѣтрами отъ песковъ Сахары, но профессоръ Эренбергъ, наблюдавшій эту пыль въ микроскопъ, доказалъ, что она состояла изъ инфузорій и растительныхъ организмовъ южной Америки, что ясно утверждало существованіе въ верхнихъ слояхъ атмосферы противоположнаго западнаго вѣтра, переносившаго инфузорій и быллинки чрезъ весь Атлантическій океанъ, а Мори доказалъ даже постоянное существованіе между Америкой и Африкой объѣма атмосферы въ видѣ верхнихъ и нижнихъ теченій воздуха—верхняго изъ южной Америки въ направленіи западо-юго-западномъ и нижняго изъ Африки въ направленіи востоко-сѣверо-восточномъ. Кромѣ того, существованіе этихъ противоположныхъ теченій доказывается весьма очевидно группами облаковъ, идущихъ въ высокихъ слояхъ воздуха совершенно противоположно облакамъ нижнихъ слоевъ.

На гребнѣ Андвѣ замѣчено необыкновенное и пока еще необъяснимое явленіе на такихъ холодныхъ высотахъ. Тамъ встрѣчаются по временамъ теченія теплаго воздуха. Такія явленія чаще всего случаются спустя два часа послѣ захода солнца, они идутъ мѣстами и бываютъ узки, не превосходя нѣсколькихъ саженъ въ ширину, подобно такимъ-же мѣстнымъ теплымъ струямъ въ альпахъ.

(Окончаніе будетъ).

Н Зуевъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

МАТЬ

(Картина А. Журдапа).

Картина изображаетъ молодую, счастливую мать. Безмятежнымъ сномъ заснула на ея колѣняхъ ребенокъ. Старшая дочка, дѣвочка лѣтъ восьми, нѣжно, любовно цѣлуетъ уснувшаго.

Съ мастерствомъ этого художника читатели „Нивы“ уже имѣли случай познакомиться: въ „Нивѣ“ за прошлый годъ въ № 36 была помѣщена гравюра съ его картины „Рѣшительная минута“, гравированіе которой было поручено собственно для „Нивы“ Паннемакера сыну. Въ картинѣ „Рѣшительная минута“, какъ и въ помѣщенной въ настоящемъ номерѣ „Нивы“ картинѣ „Мать“, г. А. Журдапа съ одинаковою силою и прелестью выказываетъ свой талантъ. Помѣщаемая въ этомъ номерѣ картина „Мать“ полна красоты и по богатству мысли, избранной художникомъ для воспроизведенія въ образахъ, и по выразительности всѣхъ трехъ лицъ, такъ сказать, одушевленныхъ творческою силою таланта. Зритель, при видѣ этого изображенія, невольно переносится мыслью въ ту незабвенную пору дѣтства, которое такъ хорошо своею чистотою, безмятежностью и невинными радостями и которос, увы, такъ скоро для всѣхъ проходитъ. Известный авторъ „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, графъ Л. Н. Толстой, въ своихъ не менѣе цѣнныхъ по литературнымъ достоинствамъ воспоминаніяхъ „Дѣтство и отрочество“ превосходно передаетъ тѣ, почти неуловимыя черты душевной жизни дѣтей и ихъ отношеній къ матери.

„Счастливая, счастливая, пишетъ графъ Л. Н. Толстой, невозвратимая пора дѣтства. Какъ не любить, не дѣлать воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣщаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для нея источникомъ лучшихъ наслажденій.

Пабѣгавшись до-сыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Мамаи говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки ея голоса такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая, маленькая—лицо ея не больше пуговки, но оно мнѣ все также ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня и улыбнулась.

Мнѣ нравится видѣть ее такою крошечною. Я принуживаю глаза еще больше, и она дѣлается небольшое тѣхъ мальчонковъ, которые бывають въ зрачкахъ; но я пошевелился—и очарованіе разрушилось, я сбуживаю глаза, поварачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно. Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.—Ты опять заснулъ, Николинка! говоритъ мнѣ мамаи,—ты бы лучше шелъ на верхъ.—Я не хочу спать, мамаи, отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе; здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и чрезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, въ просонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее, и еще во снѣ невольно схватилъ эту руку и крѣпко, крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостинной; мамаи сказала, что она сама забудетъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сижу, своею чудесною рукою провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый знакомый голосъ:

— Вставай, моя душечка: пора идти спать. Ни чьи равнодушные взоры не стѣсняють ее: она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку“.

Вернется ли когданибудь, пишетъ авторъ въ заключеніи этой главы, та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ. Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели—невинная веселость и безпредѣльная потребность любви—были единственными побужденіями въ жизни?

НОВѢЙШІЯ ИЗВѢСТІЯ.

(Картина Пильца.)

Картина относится по характеру своему ко времени весьма похожему на переживаемое нами. Въ мастерской кузнеца читатель, видимо, извѣстия: „съ театра военныхъ дѣйствій“. Чтеца обступили слѣва и справа. Самъ кузнецъ, всецѣло поглощенный важностью извѣстій, слушаетъ внимательно чтеніе, а оба его помощника, подмастерья, помѣстившись влѣво отъ клещей, объясняютъ другъ другу настоящее положеніе арміи. Уйдетъ чтецъ, случайно завернувшій въ кузницу, и на мѣсто его явится другой и снова начнутся сужденія о послѣднихъ событіяхъ.

Эта картинка напоминаетъ намъ и наше положеніе, и у насъ наступили тревожныя времена. На границѣ стоитъ войска и каждую минуту можно ожидать открытія военныхъ дѣйствій. Что принесутъ они? Мы увѣрены, что все кончится въ нашу пользу, такъ какъ за насъ истина и справедливость, которыя никогда не могутъ быть побѣдны.

САБЛЯ, ПОДНЕСЕННАЯ Г ЧЕРНЯЕВУ ЧЕХАМИ.

Чешскіе патриоты, въ послѣднихъ числахъ прошедшаго марта, поднесли генералу Черняеву драгоцѣнную саблю, рисунокъ которой проэктированъ извѣстнымъ чешскимъ художникомъ и исполненъ также чешскими мастерами. Ножны сабли серебряныя, очень массивныя, рукоятъ сабли того же металла. Поперечныя части и конецъ ноженъ вызолочены черезъ огонь. Рукоятка, исполненная съ большимъ вкусомъ, представляетъ голову сокола, который держитъ въ клювѣ турецкую голову. Сабля ослана чешскими драгоцѣнными камнями разнаго рода, оправленными въ з-лото, изъ которыхъ составлены разныя фигуры и украшенія. На рукояткѣ находится буква Ч., сдѣланная изъ самыхъ рѣдкихъ гранатъ. Противъ этой буквы эмалевый крестъ. На пожнахъ золотая надпись по-чешски: „Чехи Черняеву 1877 г.“ Кромѣ того, на верхней части ноженъ, въ нестрой эмалевой оправѣ—съ одной стороны гербъ Чешской Короны, а съ другой—гербъ города Праги. Розетки на пожнахъ составлены также изъ чешскихъ гранатъ; многія украшенія составлены по образцу русскихъ тульскихъ работъ. Рѣзба изъ сабли исполнена превосходно. Темлякъ—сербскій, золотой и спилъ. Дамасскій клинокъ весь въ золотой рѣзбѣ. На немъ на одной сторонѣ русская надпись: „Славянству, христіанству, человечеству“, а съ другой стороны чешская надпись: „Kzivotu kde Slovan vstava, Koste ruská moc a slava!“ (Тамъ, гдѣ славянину торжествуетъ, растетъ русская мощь и слава.) Вокругъ надписей находятся украшенія изъ золота. Сабля эта очень изогнутой формы и вынимается съ помощью особой пружины. По этому случаю въ „Русскій Міръ“ пишутъ изъ Праги, что комитетъ чешскихъ патриотовъ просилъ у австрійской полиціи дозволенія выставить этотъ подарокъ для публики, но полиція однакоже на это не дала разрѣшенія.

Лица, заарестованныя по поводу овацій, сдѣланныхъ генералу Черняеву въ его прїѣздъ въ Прагу, тогю также и различныя чешскія общества „бесѣды“, пославшія поздравительныя телеграммы Черняеву, теперь совершенно освобождены отъ судебного преслѣдованія. Вообще, всѣ слѣдствія по поводу овацій г. Черняеву повсемѣстно прекращены.

Воспитание въ Турціи.

Возможны или невозможны широкія, радикальныя реформы въ Турціи? Этотъ вопросъ уже нѣсколько мѣсяцевъ занимаетъ дипломатію, печать и общественное мнѣніе Европы. Намъ кажется, что отвѣтить на него можно только ознакомившись поближе съ дѣломъ воспитанія, которое получаютъ молодые турки, будущіе властелины несчастнаго Балканскаго полуострова. Люди, хорошо знакомые съ жизнью, обычаями и правами въ Турціи, изображаютъ слѣдующимъ образомъ систему воспитанія въ этой странѣ:

Первыя семь или девять лѣтъ своей жизни юный турокъ проводитъ въ стѣнахъ гарема. Тутъ окружаютъ его вся грубость и пошлость совершенно необразованныхъ, праздныхъ, вѣчно ссорящихся между собою женщинъ и ихъ еще болѣе безразвѣстныхъ сторожей—евнуховъ. Если гаремъ находится въ городѣ или мѣстечкѣ, гдѣ есть и христіанское населеніе, то главной и излюбленной темой для разговора въ гаремѣ является скандальная хроника женщинъ-христіанокъ, пользующихся завидной, недоступной для турчанокъ свободой. Ребенокъ съ самаго ранняго дѣтства привыкаетъ слышать только пренебрежительныя, высокомерныя отзывы о презрѣнныхъ глаухахъ и проникается непреодолимымъ отвращеніемъ ко всякому *и-магометанину*.

Когда мальчику минетъ семь, много девять лѣтъ, онъ освобождается изъ-подъ опеки матери и поступаетъ въ мектебъ (школу). Научившись тамъ читать по турецки, онъ знакомится съ арабскимъ текстомъ корана и заучиваетъ часть малоопытнаго ему текста наизусть. Для пріобрѣтенія этихъ познаній требуется обыкновенно шесть лѣтъ. Окончивъ школьный курсъ наукъ и получивъ званіе эфенди, мальчикъ, если онъ желаетъ продолжать свое образованіе, поступаетъ въ медресе (родъ духовной семинаріи) или въ военное училище, или же прямо на государственную службу.

Въ духовной семинаріи, кромѣ корана, обучаютъ еще сложную и вычитанію. По окончаніи трехгодичнаго курса, молодой человекъ оставляется заведенію съ званіемъ «софа», т. е. магометанскаго *candidatus theologiae* (кандидата теологіи).

Въ военномъ училищѣ, кромѣ корана, преподаютъ еще арифметику (четыре правила), географію и исторію. Пробывъ въ заведеніи опредѣленное число лѣтъ, юноша—все равно, научился онъ чему-нибудь или нѣтъ—выходитъ отсюда подпоручикомъ и потомъ черезъ каждые полтора года получаетъ новый чинъ.

Этимъ собственно и объясняется, почему въ турецкой арміи такое множество молодыхъ полковниковъ. Военная школа распадается на четыре факультета: факультетъ тактики, хирургіи, зоотерпін и морскихъ наукъ. Впрочемъ, такое подраздѣленіе имѣетъ значеніе только въ самомъ заведеніи, потому что молодые люди, по выходѣ изъ школы, поступаютъ въ полное распоряженіе военнаго министерства, которое распоряжается ими по собственному усмотрѣнію и произволу, т. е. флотскихъ офицеровъ командируетъ въ инфантерію, пѣхотинцевъ и ветеринаровъ—во флотъ, а хирурговъ—въ кавалерію. Любезность претендента играетъ при этомъ огромную роль и вліяетъ на рѣшеніе министерства.

Дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе на бюрократическомъ поприщѣ. Тринадцатилѣтній юноша поступаетъ въ департаментъ какого-нибудь министерства и получаетъ мѣсто на полу у самой входной двери въ канцелярію. Просидѣвъ года два на переноскѣ бумагъ, онъ получаетъ второе мѣсто (считая отъ входной двери по направленію къ противоположной стѣнѣ), но все еще продолжаетъ сидѣть на полу. Когда, наконецъ, онъ научится писать каллиграфически, ему даютъ крайнее мѣсто на софѣ, гдѣ онъ и сидитъ, поджавъ ноги. Такимъ образомъ юноша постепенно подвигается все ближе и ближе къ углу, который занимаютъ начальники отдѣленій канцеляріи. Канцелярія помещается въ большой прямоугольной комнатѣ. Входная дверь находится по срединѣ одной изъ длинныхъ сторонъ комнаты. Кругомъ по стѣнамъ стоятъ диваны, шириною въ четыре фута, но безъ столовъ, такъ какъ при письмѣ турки въ нихъ не находятъ удобности. На диванахъ у каждаго чиновника есть свое опредѣленное мѣсто; чѣмъ важнѣе чиновникъ, тѣмъ дальше сидитъ онъ отъ двери и ближе къ углу. Посидѣвъ на всѣхъ мѣстахъ и сдѣлавшись, наконецъ, начальникомъ отдѣленія, чиновникъ пріобрѣтаетъ только нѣкоторый навыкъ въ дѣлахъ своего отдѣленія и положительно ничего не понимаетъ въ дѣлахъ и бумагахъ другихъ отдѣленій. Поэтому, кто хочетъ быть макгубаномъ, т. е. начальникомъ всей канцеляріи, тотъ долженъ прослужить во всѣхъ отдѣленіяхъ. Можно положительно сказать, что изъ ста чиновниковъ, не исключая вали (унтерштатгалтеровъ) и губернаторовъ, едва ли найдется одинъ, знающій умноженіе и дѣленіе. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ чиновники «мухассебы» комитета финансовъ.

Бюрократическую карьеру можно сдѣлать и другимъ путемъ. Молодой человекъ поступаетъ на службу къ вали, каймакану (начальникъ уѣзда), министру, пашѣ или даже къ полковнику. Тутъ онъ исполняетъ сначала разныя мелкія порученія: набиваетъ своему господину трубку, приготавливаетъ кофе, содержитъ въ порядкѣ бѣлье и т. п. Потомъ, когда онъ нѣсколько приглядится къ механикѣ управленія, его дѣлаютъ сначала каймаканомъ, потомъ помощникомъ вали и наконецъ пашей. Двѣ трети вышнихъ пашей, навѣрно, добились своего сана такимъ путемъ (исправнымъ лакействомъ). Таковъ обычный ходъ государственнаго и гражданскаго воспитанія молодыхъ людей изъ зажиточныхъ семействъ въ Турціи. Тѣ, которые воспитываются за границей, получаютъ, конечно, болѣе солидное образованіе, но число ихъ такъ ограничено, что ихъ едва ли можно признать въ соображеніи.

Можно ли послѣ этого питать надежду, чтобы народъ, молодое поколѣніе котораго получаетъ такое воспитаніе, сталъ когда-нибудь въ уровень съ цивилизованными европейскими народами? Пишутъ и говорятъ, что въ Турціи есть «молодая Турція», стремящаяся къ реформамъ и вообще всеобщему обновленію, но, съ другой стороны, тоже пишутъ и говорятъ, что эта молодая Турція куда *хуже* старой.

Политическое обозрѣніе.

По извѣстнѣмъ изъ Константинополя, во дворцѣ Падишаха онасаются новой революціи. Возбужденіе черни въ Турціи достигло такихъ размѣровъ, что *войну считаютъ въ Константинополѣ единственныимъ спасеніемъ отъ внутренней революціи*. Съ каждымъ днемъ усиливается нищета и разбой.

Конституціонная хламида, одѣвшая разлагающуюся трупъ, сейчасъ-же и разшилась, обнаруживъ гниющія язвы трупы. Важно здѣсь вотъ что: къ какимъ бы ужасающимъ послѣдствіямъ привело предоставленіе Турціи опредѣленнаго срока для проведенія реформъ, при свѣточѣ, такъ сказать, конституціи.

Засимъ Турція напрягаетъ всѣ свои силы для вооруженія. Въ Силистрію недавно доставлены 70 крупновесныхъ орудій. А по извѣстіямъ изъ Тульчи, два новые турецкіе монитора, стоявшіе въ устьѣ Дуная, снялись съ якоря. Изъ Варны сообщаютъ, что туда прибылъ, 5 (17) апрѣля, моремъ, турецкій главный штабъ. Онъ готовится къ дальнѣйшей поѣздкѣ въ Русскую.

Затѣмъ представляется много фактовъ, доказывающихъ, что религіозный фанатизмъ въ Турціи все болѣе и болѣе возрастаетъ, такъ что угрожаетъ вспыхнуть война исламизма противъ Креста. Это фактъ, весьма характеристичный для нашего столѣтія, такъ какъ Европа не видѣла религіозныхъ войнъ съ XVII вѣка. Въ настоящее время, по сообщенію телеграфа, сынъ кашгарскаго Эмира напрягаетъ всѣ усилія для того, чтобы пріобрѣсть себѣ *протекторовъ въ мѣрѣ Англии и Турціи*. По телеграммамъ изъ вѣнскихъ газетъ, тысячи эмиссаровъ кашгарскаго Эмира стараются возбудить возстаніе среди мусульманскаго населенія средней Азии. Далѣе Эмиръ предлагаетъ Турціи свою помощь на случай войны. Такого же рода обещаніе даетъ и мусульманское населеніе Остѣ-Индіи. Въ Остѣ-Индію отпавлены уже турецкіе офицеры для обученія мѣстныхъ волонтеровъ. Въ Остѣ-Индіи теперь подготовлено до 250,000 войска. Бухарскій Эмиръ, какъ полагаютъ, питаетъ тѣ же самыя замыслы, такъ какъ послан-

никъ бухарскій уже болѣе недѣли живетъ въ Константинополѣ. Турція, очевидно, намѣревается, начать стойкую, упорную, рѣшительную войну за свое существованіе. Для этой дѣль и политическіе мотивы войны она превращаетъ въ религіозныя; они, очевидно, считаютъ поработенную ею райю такою же своей принадлежностью, какъ калянъ и чубукъ. Чужаеядное въ экономическомъ смыслѣ государство должно погибнуть, если у него отнимутъ его рабовъ. Вотъ чѣмъ и объясняется рѣшимость полудикой орды биться «на жизнь и смерть» и призвать къ себѣ на помощь воспламененныя дикимъ фанатизмомъ силы изъ Азии.

Намъ нѣтъ нужды говорить здѣсь, что подобная война будетъ имѣть громадное значеніе и для Россіи, и для поработенной райи.

Австрія пыталась было, нѣсколько дней назадъ, играть роль посредницы между Россіей и Турціей въ видахъ примиренія; но попытка эта не удалась. Порта продолжаетъ упорно отрицать возможность исполненія требованій Россіи, и, по мнѣнію компетентныхъ германскихъ газетъ, теперь уже исчезла даже слабая (до сихъ поръ остававшаяся) надежда на успѣхъ мирныхъ переговоровъ. Существуютъ также попытки *отдалить* войну (по мотивамъ не совсѣмъ яснымъ), но если уже нельзя отдалить, по крайней мѣрѣ, не дать ей распространиться широко. Желаніе, конечно, почтенное. Къ несчастію, событія всегда складываются такъ, что для нихъ никакъ нельзя придумать готовую рамку.

— О намѣреніи выйти въ отставку и о продолжительномъ отпускѣ князя Бисмарка газеты продолжаютъ толковать весьма различно. Во всякомъ случаѣ, если предстоящая война приметъ широкіе размѣры, германскій канцлеръ едва-ли успитъ въ своемъ тихомъ уединеніи.—По газетнымъ сообщеніямъ, нашъ посланникъ при Вѣнскомъ дворѣ, г. Новиковъ, имѣлъ аудіенцію у императора Франца Іосифа, а потомъ совѣщался съ графомъ Андриши.

Берлинская газета «Post» извѣщаетъ, что между Россією и Австріей установилось полное соглашеніе и что теперь ожидаютъ занятія Босніи австрійскими войсками.—Иностранныя газеты говорятъ о новой циркулярной депешѣ нашего государственнаго канцлера, князя Горчакова, имѣющей быть разосланной иностраннымъ державамъ до начала военныхъ дѣйствій противъ Порты.

— Въ довершеніе внутренняго разстройства Турціи, въ Багдадѣ появилась чума. Говорятъ, что турецкое правительство приняло всѣ мѣры для локализациіи этой страшной болѣзни. Какія, однакожъ, эти мѣры—неизвѣстно. Въ виду общей неряшливости Турціи опасаются проникновенія чумы въ Европу.

— Персія продолжаетъ свои, довольно давно начатыя вооруженія; хотя персидская армія во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительна. Говорятъ, что на турецкой границѣ Персія расположить 45,000 чел. войска съ 45 орудіями. Надо замѣтить, что Персія представляется союзницей Россіи въ будущей войнѣ. Но, въ виду ея неудовлетворительности, персидской арміи нельзя придавать большого значенія, развѣ только то, что она отвлечетъ значительную массу турецкихъ силъ къ персидской границѣ.—Во Франціи теперь происходитъ агитациія клерикаловъ противъ Италіи. Нѣкоторые французскіе епископы обна-

Сабля, поднесенная генералу Черняеву Чехами.

родовали папскія посланія и приглашаютъ населеніе подписать петицію, въ силу которой Франція должна заступиться за независимость Папы.—Черногорскіе уполномоченные, гг. Петровичъ и Радоничъ, выѣхали уже изъ Константинополя.—Недавно маленькая американская эскадра появилась на Константинопольскомъ рейдѣ. Затѣмъ всѣ суда Северо-Американскихъ соединенныхъ штатовъ, плавающія въ европейскихъ водахъ, получили теперь приказаніе сосредоточиться въ Босфорѣ. Порты не посмѣла этому воспротивиться. На основаніи этого факта, газета «France» приводитъ перечень «явныхъ и формально-признанныхъ союзниковъ Россіи»: Германія, Персія, Соединенные Штаты и Румынія. Извѣстіе преждевременное.

— Его Императорское Величество, въ сопровожденіи Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, изволилъ выѣхать 8-го сего апрѣля, въ 5 1/2 часовъ утра, изъ С.-Петербурга по варшавской желѣзной дорогѣ въ Кишиневъ.

Смѣсь.

Симпатіи англичанъ въ туркамъ доказываются арметическими числами вывоза товаровъ изъ Англіи въ Россію и въ Турцію.

Хлопчатобумажнаго товара вывозится въ Россію ежегодно на 717,940 фунтовъ стерлинговъ, что даетъ на каждаго человѣка 86 1/2 миллионнаго населенія Россіи по 2 пенса (6 к.). Въ Турцію же ввозъ этого товара доходитъ ежегодно на 7.361,274 фунта стерлинговъ, хотя населеніе Порты равно только 24.386,000 человѣкъ; слѣдов. на каждаго человѣка приходится расходъ въ 6 шиллинговъ (2 р 16 к.).

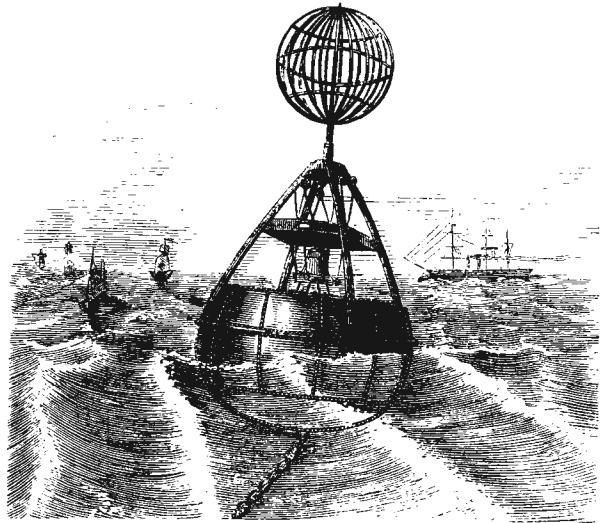
Коротко и ясно.

Новое изобрѣтеніе.

АППАРАТЪ НА СЛУЧАЙ ТУМАНА.

Между общеупотребительными аппаратами и знаками, облегчающими мореходу во время вести судно по извѣстному направлению, заслуживаетъ во время вниманія вновь изобрѣтенный аппаратъ, дающій сигналы посредствомъ звона въ колоколь. На нашемъ рисункѣ представленъ подобнаго рода буй, устроенный

въ Вильгельмсафентъ для тамошней команды лоцмановъ на иждивеніе одной изъ Бременскихъ акціонерныхъ компаній. Этотъ буй ни что иное, какъ огромный котелъ изъ кованаго желѣза, имѣющій подъ водою форму шарообразную, а на поверхности совершенно плоскую. На верхней его части устроены подмости съ привѣшаннымъ на нихъ металлическимъ колоколомъ, въ семь оголо-

Самодѣйствующій аппаратъ на случай тумана.

11 пудовъ, а еще выше прикрѣплено четыре языка, имѣющихъ назначеніе бить въ колоколь съ четырехъ сторонъ. Кроме того, весь котелъ обитъ толстымъ слоемъ жести, а внизу снабженъ хрупкимъ кольцомъ для привѣшанія якорной цѣпи. Изъ трехъ отдѣленій котла самое нижнее вмѣщаетъ въ себѣ воду, имѣющую здѣсь значеніе балласта, а среднее довольно обширное также наполнено водою, на тотъ случай, когда какое либо поврежденіе нижней части можетъ повлечь за собою потопленіе всего буйа.

Вышина буйа до трехъ сажень и онъ свободно вращается на цѣпи около мѣста своего прикрѣпленія; вслѣдствіе колебанія волнъ онъ качается, а приводимые въ движеніе языки постоянно бьютъ въ колоколь, и звонъ послѣдняго далеко слышится въ округности. Что же касается до прикрѣпленной къ верхней части буйа шарообразной корзины, то она имѣетъ значеніе обыкновеннаго, условнаго знака.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Автору эпизода изъ сельской жизни. Вы зываете къ своей милій:

Тебѣ я кое-что кушылъ,
Но я рѣшился бросить тебя;
Пушай пропадетъ что кушлено мной,
Теперь пропавъ широкая
Между нами и тобой.

Ясно, что ваше поэтическое творчество вымывается эконоическими соображеніями; но различіе между множественнымъ и единственнымъ числами для васъ, видимо, предметъ оцель темный.

2. Билимбаевскій зѣв. Л. В.—иму.

Вы пишете: Дрянь житье безъ красавицъ...
Или: Ухъ, тогда бы я зажалъ несело...

Такой тонъ и такое «уханье» съ поэзіей неуклюжаются. Далѣе вы откровенно высказываете о себѣ:

Когда я облаксанъ—высоко летая,
Не трушу судьбы, я всѣ забываю.

Наврасно. Забываться не слѣдуетъ. Сиромность есть красота юности, достоинство таланта и неотъемлемая спутница «умной старости».

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотворенія А. Майнова (съ 2-мя рисунками И. Панова).—Госпожа маркиза (Новелла Пола Гейзе) (продолженіе).—Нѣсколько дней въ Славянскѣ В. Немировича-Данченко (съ 3-мя рисун.).—Вѣтры (съ рисункомъ) Н. Зуева.—Мать (съ рисункомъ).—Новѣйшія извѣстія (съ рисункомъ).—Сабля, поднесенная генералу Черняеву Чехами (съ рис.).—Воспитаніе въ турціи.—Поэтическое обозрѣніе.—Смѣсь.— Новое изобрѣтеніе (съ рис.).— Почтовый ящикъ.— Объявленіе.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

ЛЕЧЕБНЫЙ СЕЗОНЪ 1877 ГОДА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

съ 26-го мая по 20-е августа.

Минеральная грязь и воды старорусскія, тождественныя съ францезбадскою гязью и съ крайнахскими водами, какъ самая сильная броморазольная въ Россіи, употребляются съ испантаннымъ пользою: во всѣхъ болѣзняхъ золотушнаго свойства, англійской болѣзни, ревматизмѣ, подагрѣ, параличѣ, воспаленіи суставовъ и иждивенной племн, кистѣхъ, въ хроническихъ женскихъ болѣзняхъ, нервныхъ страданіяхъ, мажонныхъ смѣлахъ, въ катаррахъ дыхательныхъ, мочеиспускательныхъ и мочевыхъ путей, геморойѣ и во вторичномъ и третичномъ сифилисѣ. Кроме ваннъ соленощелочныхъ и грязныхъ, устроены еще хвойныя и паровыя, а также леченіе настоящимъ гумисомъ, сывороткою и есины натуральными грязными водами, Таска для ваннъ слѣдующая: соленощелочная 40 к., минеральной грязи 70 к., хвойная 50 к., соленощелочная 60 к., паровая общая 50 к., паровая мѣстная 25 к., холодное купанье въ озерѣ въ минеральной водѣ 10 к. Дни до четырехлѣтняго возраста, купанія въ дѣтскихъ перевозныхъ ваннахъ, платятъ половину. Полный курсъ ваннъ въ теченіе сезона для взрослоаго обходится приблизительно 25 руб. Для развлечения публичныя въ заведеніи минеральныхъ водъ имѣются: библиотека, газетны, театръ, оркестръ музыка, трѣхъ, негли и два раза въ недѣлю балы въ вокзалѣ. При вознаанъ водъ и ходитъ гостиница съ номерами. Квартиры и дачи въ Старой Руссѣ отдаются съ мебелью и посудомъ, отъ 50 до 300 р. за сезонъ. Прямое сообщеніе по Николаевской и Новгородской желѣзнымъ дорогамъ до Новгорода. Поездъ изъ Петербурга отходитъ въ 10 час. вечера, изъ Москвы въ 8 ч. 50 м. утра, приходитъ въ 7 ч. 25 м. утра въ Новгородъ, откуда пароходъ отходитъ въ 9 час. въ Старую Руссу; ѣзды 4 часа. Багажъ сдается въ Петербургѣ, до Новгорода. Можно отправляться и почтовыми трактомъ изъ Новгорода; ѣзды 8 часовъ.

Подробныя свѣдѣнія относительно болѣзни, свойства водъ и прибыванія въ Руссѣ можно получить по вторникамъ и субботамъ, отъ 11 до 1 ч., до 20-го апрѣля, Невскій просп., д. Алексавдро-Невской Лавры, № 167, кв. № 10

Директоръ и докторъ Старорусскихъ минеральныхъ водъ А. РОХЕЛЬ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКІЙ.

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Всѣмъ НАШИМЪ любезнымъ вѣрноподаннымъ извѣстно то живое участіе, кторое МЫ всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго Христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣлялъ съ НАМИ и весь Русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи Христіанъ Балканскаго Полуострова.

Кровь и достоиніе НАШИХЪ вѣрноподанныхъ были всегда намъ дороги; все Царствованіе НАШЕ свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости НАШЕЙ сохранять Россіи благословенія мира. Эта заботливость оста-

валась НАМЪ присуща въ виду печальныхъ событій, совершавшихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. МЫ первоначально поставили Себѣ цѣлью достигнуть улучшеній въ положеніи Восточныхъ Христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными дружественными НАМЪ великими Европейскими Державами. МЫ не преставали стремиться, въ продолженіи двухъ лѣтъ, къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить Христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицомъ всей Европы. Усилія НАШИ, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ Правительствъ, не привели однако къ желаемой цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ Христіанскихъ подданныхъ, и отвергла постановленія Константинопольской Конференціи. Желая испытать, для убѣжденія Порты, всѣ возможные способы соглашенія, МЫ предложили другимъ Кабинетамъ составить особый Протоколъ, со внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій Константинопольской Конференціи, и пригласить Турецкое Правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ НАШИХЪ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія НАШИ не оправдались: Порта не вняла единодушному желанію Христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ Протоколѣ заключеніямъ.

Исчерпавъ до конца миролюбіе НАШЕ, МЫ вынуждены высокоумнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости и чувство Собственнаго НАШЕГО достоинства. Турція отказомъ своимъ поставяетъ НАСЪ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ НАШЕГО дѣла, МЫ, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподаннымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ Словахъ НАШИХЪ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда МЫ сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска НАШИ, МЫ повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи.

Данъ въ Кишиневѣ, Апрѣля 12 дня, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмое, Царствованія же НАШЕГО въ двадцать третьє.

М. П.

На подлинномъ Собственною
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕ-
ЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Циркуляръ Государственнаго Канцлера Россійскимъ Посламъ въ Берлинъ, Вѣнѣ, въ Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ, отъ 7 апрѣля 1877 года.

Императорскій Кабинетъ тщетно исчерпывалъ, съ самаго начала восточнаго кризиса, всѣ имѣвшіяся въ его власти средства для того, чтобы при содѣйствіи Великихъ державъ Европы достигнуть прочнаго умиротворенія Турціи.

Всѣ предложенія, послѣдовательно сдѣланныя Портѣ, по установившемуся между Кабинетами соглашенію, встрѣтили съ ея стороны непреодолимое сопротивление.

Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 19-го (31) марта сего года, былъ послѣднимъ выраженіемъ совокупной воли Европы.

Императорскій Кабинетъ предложилъ его какъ крайнюю попытку къ примиренію. Онъ заявилъ деклараціею отъ того же числа, сопровождавшею протоколъ, такія условия, которыя, будучи честно и искренно приняты и исполнены Оттоманскимъ Правительствомъ, могли возстановить и упрочить миръ. На все это Порта отвѣтила нынѣ новымъ отказомъ.

Это обстоятельство не было принято въ соображеніе лондонскимъ протоколомъ. Выражая желанія и рѣшенія Европы, онъ ограничился постановленіемъ условія, что въ случаѣ если бы Великія державы обманулись въ надеждѣ на энергическое выполнение со стороны Порты мѣръ, долженствовавшихъ повести къ улучшенію положенія христіанскаго населенія, единодушно признанному необходимымъ для спокойствія Европы, то онѣ оставляютъ за собою право совмѣстно обсудить средства, которыя признаютъ болѣе удобными для обезпеченія благосостоянія этого населенія и сохраненія общаго мира.

Такимъ образомъ, Кабинеты предусматривали случай невыполненія Портою обѣщаній, которыя она могла бы дать, но не предвидѣли случая отказа ея на требованія Европы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ декларація, сдѣланная лордомъ Дерби вслѣдъ за подписаніемъ протокола, заявляла, что такъ какъ Правительству Ея Величества Королевы согласилось на подписаніе сего акта только въ видахъ обезпеченія общаго мира, то слѣдовало разумѣть, что протоколъ долженъ считаться недѣйствительнымъ и неимѣющимъ значенія въ томъ случаѣ, если бы предложенная цѣль — а именно совмѣстное разоруженіе и сохраненіе мира между Россіею и Турціею — не была бы достигнута.

Отказъ Порты и обезужденія, на которыхъ онъ основанъ, не оставляютъ никакой надежды на то, что она приметъ въ уваженіе желанія и совѣты Европы, и не подаютъ никакого ручательства въ томъ, что предложенныя для улучшенія участи христіанскаго населенія реформы будутъ введены; они дѣлаютъ невозможными миръ съ Черногоріею и выполненіе условій, которыя могли бы привести къ разоруженію и умиротворенію. При такихъ обстоятельствахъ попытки къ примиренію теряютъ всякую вѣроятность успѣха, и остается одно изъ двухъ — или допустить продолженіе положенія дѣлъ, признаваемаго державами несовѣстимымъ съ ихъ интересами и съ интересами Европы вообще, или же попытаться достигнуть путемъ понужденія того, чего единодушныя усилія Кабинетовъ не успѣли получить путемъ убѣжденія.

Нашъ Августѣйшій Монархъ рѣшилъ принять на Себя совершеніе дѣла, къ выполненію котораго, вмѣстѣ съ Нимъ, Онъ приглашалъ Великія Державы.

Онъ далъ Своимъ войскамъ повелѣніе перейти границу Турціи.

Благоволите довести объ этомъ рѣшеніи до свѣдѣнія Правительства, при которыхъ въ аккредитованы.

Возлагая на Себя это бремя, нашъ Августѣйшій Монархъ выполняетъ тѣмъ самымъ долгъ, налагаемый на Него интересами Россіи, мирное развитіе которой задерживается постоянными смутами на Востокѣ. Его Императорское Величество сохраняетъ увѣренность, что съ тѣмъ вмѣстѣ Онъ дѣйствуетъ соотвѣтственно чувствамъ и интересамъ Европы.

Примите и проч. (Подписано:) Горчаковъ.

ТЕЛЕГРАММЫ.

(„Правительственнаго Вѣстника“).

Кишиневъ, 11 апрѣля. Въ 9 часовъ утра въ Тирасполь, Его Величество изволилъ смотрѣть части восьмого корпуса, а именно: 9-ю пѣхотную дивизию и первую бригаду 32-й пѣхотной дивизіи, съ ихъ артиллеріею; по окончаніи смотръ Государь Императоръ въ Своемъ напутственномъ словѣ, между прочимъ, изволилъ сказать: „Мнѣ жаль было пускать васъ въ дѣло, и потому Я медлилъ доколѣ было возможно; Мнѣ жаль было проливать вашу дорогую для Меня кровь; но разъ, что честь Россіи затронута, Я убѣжденъ, Мы всѣ до послѣдняго человѣка съумѣемъ постоять за нее. Съ Богомъ! Желаю вамъ полнаго успѣха. До свиданія“.

Кишиневъ, 12-го апрѣля. Его Величество Государь Императоръ, вчера въ 5 часовъ пополудни, изволилъ прибыть на станцію Унгены, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ молдавскимъ въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи румыскаго духовенства, а также депутаціею яскскихъ гражданъ, съ яскимъ префектомъ во главѣ. Митрополитъ произнесъ привѣтственное слово, на которое Его Величество отвѣчалъ, что, поручая Себя и русское воинство святымъ молитвамъ православ-

наго духовенства, Онъ надѣется встрѣтить въ румынскомъ народѣ дружественныя чувства. Смотръ 6-го сапернаго и 3-го желѣзно-дорожнаго батальоновъ, 12-й пѣхотной и 8-й кавалерійской дивизій, съ ихъ артиллеріею, состоялся въ началѣ 6-го часа на пограничномъ полѣ близъ рѣки Прута. Не смотря на самую неблагоприятную погоду, войска представились въ блистательномъ порядкѣ. Смыслъ напутственныхъ словъ Государя Императора былъ таковъ же, какъ и на предшествовавшихъ смотрѣхъ. Восторгъ войскъ безпрѣдѣленъ, неудержимъ; народъ русскій и румынскій, пришедшій изъ-за Прута, привѣтствовалъ Его Величество съ громкимъ восторгомъ. По окончаніи смотръ коляску Государя Императора сопровождала громадная толпа конныхъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, при несмолкаемыхъ кликахъ войска и народа. Выходя изъ экипажа на станціи, Государь, въ послѣдній разъ обратился къ офицерамъ, сказалъ: „Храни васъ Богъ. Поддержите честь русскаго оружія“. Въ началѣ двѣнадцатаго часа Его Величество прибылъ въ Кишиневъ и былъ встрѣченъ на станціи городскою депутаціею съ хлѣбомъ-солью. Пребываніе Государя Императора въ губернаторскомъ домѣ. Городъ иллюминированъ. Общій восторгъ народа.

Кишиневъ, 12 апрѣля. Его Величество, прибывъ сегодня въ началѣ десятого часа на поле близъ Кишинева, объѣхалъ войска и за тѣмъ остановился въ виду всего фронта на мѣстѣ, гдѣ были приготовлены аналой и ожидало духовенство въ полномъ облаченіи. Преосвященный Павелъ, епископъ кишиневскій и хотинскій, громогласно прочелъ врученный ему манифестъ, объявляющій войну Оттоманской Портѣ, послѣ чего былъ въ соборѣ отслуженъ молебень съ колѣнопреклоненіемъ. Преосвященный сказалъ глубоко прочувствованное напутственное слово и благословилъ Его Высочество Главнокомандующаго иконою Спаса, а войска — иконою Богоматери, въ лицѣ ихъ предстателя, Свѣты Генераль-Маіора Драгомирава, какъ начальника четырнадцатой пѣхотной дивизіи, представляющей на смотрѣ и квартировавшей постоянно въ Кишиневѣ. Минута была въ высшей степени торжественная. Затѣмъ войска были пропущены церемониальнымъ маршемъ, по окончаніи котораго Его Величество, подѣхавъ къ собранному офицерамъ кавалерій, пѣхоты, артиллеріи и Собственнаго конвоя, изволилъ обратиться къ нимъ съ напутственными словами и пожеланіями совершить доблестно предстоящее святое дѣло. На смотрѣ впервые участвовали два болгарскіе батальона, сформированные въ Кишиневѣ изъ добровольцевъ, прибывшихъ сюда изъ-за Дуная. Восторгъ войскъ и народа выше описанія. Кавалерія прямо съ плаца двинулась въ походъ за границу.

ВЫСОЧАЙШАЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

О объявленіи на военномъ положеніи Бессарабской губерніи, приморскихъ уѣздовъ Херсонской и Таврической губерній и Крымскаго полуострова и о представленіи одесскому градоначальнику прагъ военнаго губернатора города. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: объявить на военномъ положеніи Бессарабскую губернію, приморскіе уѣзды Херсонской и Таврической губерній и Крымскій полуостровъ, предоставивъ одесскому градоначальнику права военнаго губернатора города, съ подчиненіемъ командующему войскамъ одесскаго военного округа.

Объ этой Высочайшей волѣ, сообщенной Министру Юстиціи начальникомъ главнаго штаба, генералъ-адъютантомъ графомъ Гейденомъ, Министръ Юстиціи предложилъ Правительствующему Сенату.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

Главному Управленію Общества Попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Не смотря на всѣ усилія сохранить миръ, война оказалась неизбежною, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія. Съ объявленіемъ войны настало время Обществу Попеченія о больныхъ и раненыхъ — исполнить святое свое призваніе и обратитъ всѣ силы и всѣ средства, какими оно располагать можетъ, на служеніе нуждамъ и болѣзнямъ воиновъ, подвизающихся на полѣ брани.

Не сомнѣваюся, что Главное Управленіе, равно какъ и всѣ мѣстныя комитеты и всѣ члены общества, въ разныхъ краяхъ нашего отечества, соединятъ свои усилія къ достиженію священной нашей цѣли.

Нужды больныхъ и раненыхъ воиновъ будутъ велики и многообразны; но Я знаю, какъ великъ духъ братской любви и благотворительности, искони живущій въ русскомъ народѣ. Я увѣрена, что и теперь, когда наше храброе войско идетъ съ грудью противъ врага, за освобожденіе поработенныхъ и угнетенныхъ собратьевъ, — не оскудѣетъ дающая рука и горячее чувство народное не ослабѣетъ во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ краяхъ нашего обширнаго отечества. Всякое даяніе будетъ благо, всякое приношеніе, и великое, и малое, равно дѣбно предъ Богомъ, какъ жертва любви, всѣхъ насъ связующей во едино, во имя Христова.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ, но и съ твердымъ упованіемъ на помощь Божію, встрѣчая грядущія событія, молю Бога, да благословитъ Онъ труды и жертвы всѣхъ и каждого на благое и великое дѣло!

На подлинномъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано:

Въ Зимнемъ Дворцѣ.
Апрѣля 12-го дня 1877 года.

МАРИЯ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 17 **ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.** 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдастъ 25 Апрѣля 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
всѣ уже вышедшіе
номера „Нивы“.

ГODOВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.
" " съ доставкою . . . 5 "

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж.
маг. Соловьева, Лангъ и Живарева . . . 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи . . . 5 " 50 "

Подписка продолжается.

Контора журнала
„Нива“ помѣщается
въ С.-П.-Бургѣ на Б.
Морской, въ д. № 9.

Поль Гейзе.

Въ ряду со-
временныхъ
нѣмецкихъ пи-
сателей, Поль
Гейзе зани-
маетъ не по-
слѣднее мѣсто.
По своему та-
ланту и своей
плодотворности,
онъ при всей
своей сравни-
тельной молодости
(Гейзе не болѣе 46 лѣтъ)
уже приобрѣлъ
громкую по-
пулярность въ
читающей Гер-
маніи. Образ-
ность языка и
художественная
законченность
его произведе-
ній достались
ему не даромъ
и въ слѣдствіе
глубокаго и
долгаго изу-
ченія образцо-
выхъ произве-
деній итальян-
ской литерату-
ры. Поль Гей-
зе, сынъ про-
фессора и из-
вѣстнаго фило-
лога Людвига
Гейзе, родился
въ Берлинѣ 15
марта 1830 го-
да, посѣщалъ
тамъ съ 8 до
17 лѣтъ гимна-
зію, а въ уни-
верситетѣ слу-
шалъ преимуще-
ственно лекціи
языкозна-

Поль Гейзе. Рис. и грав. Кирхнеръ.

нія. Еще сту-
дентомъ онъ
сочелся съ та-
кими личностя-
ми, какъ Куг-
леръ, Бург-
хардтъ, Мен-
цель и Кел-
леръ, которыя
имѣли неоспо-
римое вліяніе
на его послѣ-
дующее разви-
тіе. Въ 1849 г.
онъ поѣхалъ въ
Римъ, гдѣ цѣ-
лый годъ, подъ
руководствомъ
знаменитаго
Дипа изучалъ
романскія на-
рѣчія. Уже тог-
да Италия оча-
рowała его и
сдѣлалась лю-
бимой страной
его поэтиче-
скихъ вдохно-
веній. Въ 1852
году онъ снова
посѣтилъ ее и
цѣлый годъ изу-
чалъ рукописи
въ библиоте-
кахъ Рима,
Флоренціи, Мо-
дены и Вене-
ціи. Въ это вре-
мя онъ еще
болѣе сроднил-
ся съ Италіей,
и ея бытъ, ея
нравы и инте-
ресные обычаи
послужили ему
богатой темой
для цѣлаго ряда
прелестныхъ,
художествен-

ныхъ разсказовъ. Въ 1854 году баварскій король Максимилианъ, желая сдѣлать свой Мюнхенъ колоніей художниковъ и писателей, пригласилъ юнаго поэта туда для постоянной мѣстопробы, и Гейзе до сихъ поръ, за исключеніемъ недолгихъ отлучекъ, постоянно живетъ въ Мюнхенѣ. Въ этотъ періодъ времени онъ успѣлъ сдѣлаться знаменитымъ и проявилъ себя какъ романистъ, какъ эпическій и лирическій поэтъ и какъ талантливый переводчикъ и его повѣсти и разсказы приобрѣли ему громадную популярность. Давъ имъ художественную и самостоятельную форму, онъ довелъ эту форму до совершенства и потому самая незначительная вещьца Гейзе производитъ на читателя такое чарующее впечатлѣніе. Онъ пробовавъ силы и въ сценическихъ произведеніяхъ. Его трагедіи „Сабинянки“, „Франческо Римини“ и нѣкоторыя другія, хотя и

имѣютъ поэтическое значеніе, но не пользовались на сценѣ особеннымъ успѣхомъ и не приобрѣли автору той популярности, которую доставили ему его итальянскія новеллы, вдохновленныя живописной и поэтической Италіей и выраженыя въ такой же поэтической и обворожительной формѣ. Одну изъ такихъ новеллъ, „Госпожа Маркиза“, мы дали нашимъ читателямъ на страницахъ „Нивы“ (въ настоящемъ номерѣ помѣщается ея окончаніе). Содержаніе этой новеллы мы старались передать въ возможно близкомъ переводѣ, хотя слѣдуетъ оговориться, что языкъ новеллы Гейзе до того богатъ образами, и до того художественъ, что передача его въ переводѣ необыкновенно трудна и не можетъ обойтись безъ нѣкотораго ущерба красотѣ подлинника.

Н.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

12 АПРѢЛЯ 1877 Г.

Отъ Прута стараго до синяго Дуная
Какъ тучи грозныя надвинулись полки—
И бьется сердце ихъ—имъ движетъ мысль святая,
И ждуть тамъ манія лишь царственной руки.

* * *

Нѣтъ, переполнилась уже давно она
Долготерпѣвнѣя подъемлемая чаша!

За дѣло правое, отвагою полна,
На смерть, на грозный бой, пойдешь ты, сила наша...

* * *

Онъ слово произнесъ, Онъ, вождь родной земли,
И всюду раздались восторженные клики,
И двинулись полки... Побѣды имъ пошли
И одолѣнія, о Боже Силь Великій!..

Н. Боевъ.

ГОСПОЖА МАРКИЗА.

(НОВЕЛЛА ЛЮЛЯ ГЕЙЗЕ).

(Окончаніе).

И ясно видѣлъ, что ея тайна давитъ ей сердце и такъ какъ мнѣ самому въ высшей степени хотѣлось открыть разгадку этой загадочной исторіи, то я, очертя голову, рискнулъ вынудить ее сознаться въ угнетавшей ее тайнѣ.

„Бѣдная мать, сказала я, вы не знаете, что-бы я дала, чтобы только облегчить вашу горькую судьбину. Три дня тому назадъ, вы меня здѣсь приняли какъ стараго друга и завтра я отсюда уѣзжаю далеко, далеко и не буду больше въ состояніи придти къ вамъ, чтобы въ вашемъ одиночествѣ подарить васъ добрымъ словомъ и сердечнымъ участіемъ. Но воспоминаніе о вашей дочери всегда будетъ со мною неразлучно, тѣмъ болѣе, что я ее видѣлъ въ церкви, какъ она тамъ лежитъ во всей красотѣ и такъ величаво, какъ спящая королева. Нѣтъ, я не могу повѣрить, чтобы она грѣховно оставила этотъ свѣтъ и хотя я не знаю всѣхъ подробностей ея смерти, тѣмъ менѣе никогда не перестану считать ее за совершеннѣйшее созданіе въ мірѣ.

Старушка при этихъ словахъ, вдругъ сдѣлала такое быстрое движеніе, что даже животное, покоившееся на ея колѣняхъ, испугалось и начало трястись всѣми членами, но тотчасъ-же опять сдѣлалось по прежнему неподвижнымъ.

— И такъ, вы завтра уѣзжаете, любезный баринъ? Ну, если вамъ когда-нибудь опять придется заглянуть сюда, то насъ обѣихъ здѣсь въ саду вы уже не встрѣтите и увидите одинъ чужія лица, вѣдь какъ-бы тамъ не было, а дочь не можетъ быть счастливой тамъ, гдѣ ея мать испустила послѣднее дыханіе, хотя ей и неизвѣстно, что она сама тому виною. Ну, да этого она никогда не узнаетъ и старая Чезира умѣетъ быть нѣма и хранить свою тайну. Но вы, любезный баринъ, вѣдь уѣзжаете совсѣмъ, въ чужія страны, гдѣ, кажутся, и говорятъ-то совсѣмъ на другихъ нарѣчійхъ? Если такъ, то не грѣхъ будетъ и открыть вамъ всю подноготную. Мнѣ-бы самой хотѣлось передать мою тайну какой-нибудь живой душѣ, а то въ моемъ положеніи я похожа на ту, которая зарыла цѣнный кладъ и должна встать изъ гроба, чтобы опять найти это забытое мѣсто. Если-бы узнали все здѣшніе жители, то они почли-бы все это за самый тяжелый грѣхъ и вмѣсто того, чтобы похоронить мою дочь по всѣмъ обрядамъ церкви, наши священники отказали-бы ей и въ послѣднемъ благословеніи и въ послѣдней молитвѣ надъ ея могилой. Да они-бы даже и не знали вѣрить-ли мнѣ или нѣтъ и подумали-бы, что мнѣ, какъ сумасшедшей старухѣ все это просто пригрзнилось.

Но все, что я вамъ скажу, истинная правда, такая правда, какъ слово Божіе. Гдѣ-то у меня было письмо, которое самъ Лоренцино писалъ моей дочкѣ? Ахъ, да вѣдь оно не уцѣлѣло, вѣдь она сама сожгла его, показавъ мнѣ и сказавъ при этомъ: „Матушка, теперь все конечно и таково то награда за мою долгую любовь, за мою долгую вѣрность, за то, что я предпочла лучше быть честной женой, чѣмъ счастливой женщиной“. И все это она, голубушка, проговорила, не проливъ ни одной слезинки, съ тѣмъ-же кроткимъ выраженіемъ лица, съ какимъ еще накануне неожиданно зашла ко мнѣ и сказала: „Добрый вечеръ! Но я съ перваго-же взгляда узнала, что у нее вѣрно есть ка-

кое-нибудь страшное горе и когда я схватила ея руку, то эта рука была холодна, какъ моя Миранда. Дѣткою мое, сказала я ей, садись сюда около твоей старой мамы и прикажи подать себѣ что-нибудь позакусить. Ты такъ-же худа и слаба какъ помнишь, въ тотъ день, когда ты пришла ко мнѣ и сказала мнѣ что Лоренцино тебя любитъ. „Оставь меня въ покоѣ, матушка“, отвѣчала она. „Сегодня не то, что тогда, а гораздо хуже, и прибавила, я пожалуй не вынесу этого удара“. Тутъ я закрыла двери и окна, чтобы Джаннико не могъ насъ подслушать, а дочь моя вынула письмо, полученное ею въ то же утро, такъ, спустя два послѣ похоронъ ея мужа. Лоренцино писалъ его, вѣрно въ какой-нибудь горной хижинѣ, посреди ледниковъ, гдѣ встрѣтился онъ съ Чезирой. Да-съ это было расписанное письмо, любезный баринъ, такъ почтительно и хорошо писано, что сейчасъ-бы годилось для печати, но дѣло-то въ томъ, что въ немъ каждое слово кололо кинжаломъ въ бѣдное сердце моего несчастнаго дитяти. Лоренцино еще ничего не зналъ о смерти господина маркиза, такъ какъ извѣстіе объ этомъ послали въ Парижъ въ то время, когда его ужъ тамъ не было и когда онъ уже совершалъ путешествіе по горамъ и по доламъ Швейцаріи. И тамъ-то онъ встрѣтилъ малютку, которой уже не видать нѣсколько лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ она была въ Женевѣ. Ну вотъ теперь онъ и писалъ ея матери, то есть моей. Лизъ, что хотя она и отняла отъ него всякую надежду, но все-таки онъ ни на минуту не переставалъ ей образъ носить въ своемъ сердцѣ, а теперь вдругъ увидѣлъ ея подобіе, ея дочь, которая такъ схожа съ нею, что можетъ служить ея портретомъ и влюбился въ нее безъ памяти. Спросилъ онъ у дѣвочки, нравился-ли онъ ей, а та, конечно, ребенокъ, и заплакала, и засмѣялась и сказала ему, что уже съ дѣтства сердце ея принадлежало одному ему. Вотъ Лоренцино и пишетъ, что хотя онъ по званію и не важный господинъ, а просто художникъ, но все-таки надѣется, что маркиза и ея супругъ не откажутъ ему въ рукѣ ихъ дочери и что отвѣта на свое предложеніе онъ идетъ въ Женевѣ, куда сопровождаетъ изъ Швейцаріи свою юную невѣсту со всѣми ея пансионными подругами.

Вы вѣроятно не будете меня спрашивать, любезный баринъ, что послѣ прочтенія письма я остолебѣла и мнѣ не оставалось ничего больше, какъ только звать ко всѣмъ святымъ, обхвативъ обѣими руками свою старую голову. Всю эту ночь, мы двѣ бѣдныя души томилась вмѣстѣ въ моей нижней комнаткѣ, въ то время какъ наверху въ прекрасныхъ комнатахъ горѣли свѣчи и благоухали цвѣты, но никто не обращалъ на нихъ вниманія. Дочка моя говорила немного, но я видѣла, какъ она вздрагивала и вся горѣла, какъ горятъ уголья подъ пепломъ. И тутъ она мнѣ сказала: „Развѣ небо можетъ требовать отъ меня такой жертвы, требовать, чтобы того, кого я любила болѣе всего на свѣтѣ, по комъ страдала десять лѣтъ, я уступила другой, пожелавшей овладѣть имъ? И хотя эта другая и моя собственная дочь, но развѣ отъ этого мнѣ легче? Развѣ у нее нѣтъ еще впереди долгой жизни и много счастья въ будущемъ?—Зачѣмъ-же ей отнимать у своей матери, единственное сокровище, которое ей только осталось?“

Тутъ она встала передъ маленькимъ зеркаломъ, взиетъ по свѣтъ въ каждую руку и долгое время обглядывала себя со всѣхъ сторонъ. „Какъ ты думаешь, матушка“, сказала она, „вѣдь съ такой молодой рожницей, я могла-бы еще взять верхъ, еслибы только захотѣла? Да и что она можетъ дать ему, кромя совершенно неопытнаго сердца? Ну а я, прибавила она, обогатила-бы его накопленными сокровищами, я бы его наградила такъ, какъ не можетъ наградить ни одинъ вѣнценосецъ! Не согласи-ли ты въ этомъ со мною, матушка?“

Да если-бы ты только захотѣла, мое дитяго, отвѣчала ей, то преимущество всегда останется за тобою. Ты, какъ мать, дай ему свободу выбора и повѣрь, что если у него въ глазахъ есть глаза, то...

Но она не дала мнѣ докончить. „Ахъ, нѣтъ, матушка, ты не понимаешь меня“ сказала она, все еще стоя передъ зеркаломъ. „То правда, что я мать взрослой дочери, что въ моихъ волосахъ уже видна сѣдая прядь волосъ, когорой выною все онъ же, но развѣ это огорчаетъ мушницъ, если мы изъ-за нихъ и старѣемъ и дурѣемъ? Но спорить изъ-за обладания мушницой дѣною своей собственной крови и плоти—фу! отъ подобнаго поступка я бы краснѣла сама передъ собою!“

Наконецъ я, чтобы ее успокоить, посоветовала отправиться ей къ доброму патеру Франческо и переговорить съ нимъ, хотя и предчувствовала, что изъ всего этого не выйдетъ никакого толку.

Она кивнула въ знакъ согласія и такъ какъ уже мерцало утро и лѣли вѣтхухи, то она легла на мою постель, а я осталась въ креслѣ у окна, но ни я, ни она не уснули въ эту ночь и четверти часа.

Утромъ она поднялась въ монастырь и когда оттуда вернулась, то я уже издали замѣтила по выраженію ея лица, что посѣщеніе патера не принесло ей никакой пользы. Патеръ посоветовалъ ей терпѣніе и покорность судьбѣ и уговаривалъ ее отречься отъ свѣта и вступить въ монашество. Да, милый баринъ, ужъ народецъ, эти Fgati! Они и сами-то недовольны своей судьбой, а нарываютъ еще другихъ одѣтъ въ свою кожу, да заставляютъ почувствовать то, что выстрадали они сами. Да, и терпѣніе, вѣдь это такая травка, что растетъ не во всякомъ саду, и дочь моя мнѣ созналась, что ей не перенести, если въ одинъ прекрасный день, къ монастырской рѣшеткѣ подойдетъ Чезира съ ея Лоренцино. „Матушка“, сказала мнѣ дочка, „я не въ силахъ буду владѣть собою, я какъ пойманная и посаженная въ неволю тигрица, разломаю рѣшетку и брошусь на счастливую чету. Отдайте мнѣ, закричу я имъ, что вы у меня украли, мое сердце, мою жизнь, мое земное блаженство!“

Тутъ-то я въ первый разъ ее увидѣла плачущей, не знаю съ досады или съ горя, но слезы облегчили ее и послѣ того она сдѣбалась совершенно спокойной, не упоминала о своемъ горѣ и какъ-бы перестала объ немъ заботиться. Она немного поѣла и мы даже шутили, что она выпила вина болѣе обыкновеннаго. „Въ этомъ искусствѣ, я должна теперь упражняться болѣе“, сказала она; „вѣдь монахи вѣ все удовольствіе—стаканъ хорошаго вина“. Послѣ обѣда она написала краткое, но весьма любезное письмо къ господину Лоренцино въ Женеву, въ которомъ посылала ему свое благословеніе и тысячу поклоновъ его молодой невѣстѣ, присовокупляя, что она-бы и къ ней написала, но что извѣстіе о смерти ея отца уже въ ея рукахъ и она сама на дорогѣ въ Геную.

Она прочла мнѣ это письмо и спрашивала, не обнаружила ли она въ немъ свои чувства какимъ-либо неосторожнымъ словомъ. Потомъ она меня поцѣловала и взяла съ меня обѣщаніе, что я о всемъ пропущенномъ, никогда не скажу ни словечка, ни Лоренцино, ни моей внучкѣ. Я ей это обѣщала и тогда она меня послала внизъ часникъ другой отдохнуть, сказавъ, что и сама хочетъ успокоиться.

Но я сначала пошла въ садъ къ колодцу, чтобы взять съ собою мою Миранду такъ какъ руки мои порядкомъ горѣли и мнѣ нужно было охладить ихъ. Тутъ ужъ я не знаю по какой странной случайности, но я съѣла за большимъ миртовымъ кустомъ и крѣпко заснула отъ горя и усталости.

Вдругъ разбудилъ меня знакомый голосъ; это былъ голосъ

моей Лизы, шедшей по миртовой дорожкѣ, накрываясь чернымъ зонтикомъ, и разговаривавшей съ Джаннико, конечно, не зная, что я сижу за кустомъ, въ такомъ близкомъ отъ нихъ разстояніи. Что они говорили прежде я не знаю, но тутъ я ясно услышала какъ дочь моя сказала: „Я знаю, Джаннико, какъ долго и вѣрно ты любилъ меня, и что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который-бы съ большею готовностью исполнилъ мое желаніе. Если-же ты мнѣ откажешь въ этой сердечной услугѣ, которую я бы не могла потребовать ни отъ кого другого, то тогда я повѣрю, что на землѣ исчезла наконецъ любовь и вѣрность“. Потомъ они удалились, по вскорѣ по той-же дорожкѣ подошли ко мнѣ близехонько. Дочь моя все еще о чемъ то упранивала, но общее содержаніе разговора мнѣ совсемъ не понятно, какъ вдругъ заговорилъ Джаннико: „Такъ и быть, я это сдѣлаю, госпожа Лиза,—сказалъ онъ,—хотя-бы это мнѣ стоило даже вѣчнаго спасенія, но плату за трудъ, вы должны мнѣ дать впередъ. Позвольте мнѣ лишь одинъ разъ, единственно оставшеюся у меня рукою еще обнять васъ и запечатлѣть на вашихъ губахъ лишь одинъ поцѣлуй. Тогда мнѣ будетъ одинаково, что-бы обо мнѣ не думали, не говорили и на землѣ, и на небѣ“.

Моя дочь ничего не отвѣчала на это, по спустя немного времени я услышала какъ Джаннико сказалъ: „Благодарю васъ Мадонна, теперь Джаннико принадлежитъ вамъ и вы можете съ нимъ дѣлать, что вамъ угодно“.

Когда они разошлись: дочь моя въ домъ, а калѣка къ своей обычной работѣ, то я призадумалась надъ тѣмъ, что бы значила эта странная исторія, по не могла ни до чего додуматься. Спросить дочку прямо, что все это значитъ, мнѣ было почему то совѣстно. Да и какъ, любезный баринъ, я могла догадаться, что она хотѣла добыть этимъ однимъ поцѣлуемъ?

Лишь только утромъ все мнѣ стало ясно, когда я нашла ее въ постели, блѣдную, какъ лилія, а Джаннико скрылся.—И вотъ сбѣжалъ народъ и глупые люди кричали со всѣхъ сторонъ: онъ ее умертвилъ со злости, въ отмщеніе за отвергнутую любовь! а другіе, которые еще были глупѣе, говорили: онъ ее ограбилъ! это Джаннико-то! а что до меня, то я должна была лишь кусать себѣ губы, слыша, какъ въ моихъ ухахъ раздавался шепотъ: она того съ, она помѣшалась!

И я дѣйствительно помѣшалась, любезный баринъ! я даже не могу понять Господа Бога, почто Онъ все это допустилъ при своей божественной благодати, но, можетъ быть, я найду опять мой разсудокъ тамъ, выше, куда я переселюсь въ скоромъ времени. Вѣрите-ли вы, что и неразумныя созданія попадаютъ въ рай? Я желала-бы и въ надземномъ мірѣ опять увидѣть свою бѣдную Миранду.

Отвѣты на эти вопросы такъ и остались за мною. Первые крупныя капли ливня уже смачивали пыль и я, не желая остаться въ этомъ домѣ, долженъ былъ подумать о скорѣйшемъ бѣгствѣ. Наскоро пожалъ я старушкѣ руку да посоветовалъ ей, чтобы она поскорѣе искала какого-нибудь прикрытія отъ непогоды. Минуту спустя, я уже мчался по улицѣ, гонимый болѣе и болѣе приближающимся ураганомъ, отъ котораго стѣны низенькихъ домовъ представляли очень слабую защиту, и когда я достигъ до гостиницы „Европы“, то бура шумѣла не на шутку.

На другое утро, при совершенно чистомъ небѣ, я уже мчался по желѣзной дорогѣ въ Геную и поѣздъ остановился лишь въ Кіавары, чтобы пропустить другой идущій на встрѣчу. Нѣсколько минутъ, стояли оба поѣзда почти рядомъ. Я наблюдалъ за лицами, мелькавшими въ небольшихъ окнахъ другого поѣзда, закрытыхъ шторами отъ солнечныхъ лучей. Въ одномъ купе перваго класса маленькая ручка приподняла шелковую штору и въ окнѣ появилось хорошенькое личико дѣвушки, одѣтой въ трауръ, но какъ мнѣ показалось, въ чертахъ ея не было замѣтно глубокаго горя. Я сейчасъ узналъ въ ней дочь, которая спѣшила къ матери, не предчувствуя, гдѣ она найдетъ ее. Это дѣйствительно была копія, но копія, могущая повредить оригиналу. Лишь для меня, какъ для человѣка уже посвященнаго въ тайну, было ясно и несомнѣнно одно: что пожелалъ только мать и побѣда осталась-бы за нею.

ВѢТРЫ.

(Окончаніе).

Извѣстный ученый Дове обратилъ вниманіе на то, что въ сѣверномъ полушаріи восточный вѣтеръ переходитъ въ южный, южный въ западный, а западный въ сѣверный; въ южномъ-же полушаріи этотъ законъ совершается наоборотъ. Въ среднихъ широтахъ, за предѣлами тропиковъ, то есть въ умѣренныхъ поясахъ, замѣтна большая непостоянность въ вѣтрахъ, почему имъ справедливо дано названіе *непостоянныхъ* или *перемѣнныхъ*.

Если наблюдать, въ частности, съ одной стороны за материками, а съ другой за морями, то въ миниатюрѣ обнаруживается въ вѣтрахъ то же экваторіально-полярное явленіе: то есть днемъ, когда море бываетъ холоднѣе теплаго и скоро нагрѣваемаго берега, вѣтеръ, подобно полярному, несетъ къ материку нижними слоями, а ночью, на оборотъ, воздухъ скоро-

остывшаго берега, стремится въ море. Отъ этого происходятъ такъ называемые *береговые вѣтры* или *бризы*, измѣняющіе свое направленіе по два раза въ сутки.

Вихри происходятъ отъ столкновенія двухъ противоположныхъ вѣтровъ. Кружась, несутъ они быстро впередъ, по направленію преобладающаго вѣтра, и случаются всего чаще въ песчаныхъ пустыняхъ тропическихъ странъ Африки и Азіи, какъ напримѣръ въ *Сахели* и *Ливійской пустыни* (западной и восточной частяхъ Сахары), въ *Гоби* въ *Дешть-Говаръ* и др. Между этими глужими вѣтрами самыя ужасныя *самумъ* и *песчаный вѣтеръ* или *гарматтанъ*. Вихри особенно свойственны Аравіи, гдѣ одновременно поднимаются нѣсколько и большихъ, и малыхъ песчаныхъ вихревыхъ столбовъ въ нѣсколько футовъ

Амуръ и Психея. Картина В. Этты, грав. Рихтеросъ.

шириною и въ нѣсколько верстъ длиною. Аравійскіе вихри наступаютъ внезапно безъ всякаго предвѣстія, во всякую погоду, и днемъ, и утромъ, и вечеромъ, и ночью. Кратковременный порывъ вихря опрокидываетъ караваны, вырываетъ съ корнями деревья, и достигнувъ моря, раскачиваетъ и затопляетъ корабли или производитъ водяныя тромбы.

Вьюги, это тѣ-же вихри, только зимніе. Вьюги имѣютъ еще названіе *мятелей*, а въ сибирѣ *пурги* и *бурановъ*. Замѣчательны сѣверовосточныя ледяныя вѣтры, называемыя *бора*; они имѣютъ двѣ резиденціи въ Европѣ: въ Черномъ морѣ, вдоль сѣверо-восточнаго берега, начиная отъ Анапы и Новороссійска, и въ Адриатическомъ, между Триестомъ и заливомъ Кварнеро. Въ Новороссійской бухтѣ дѣйствія бора самыя сильныя, а затѣмъ, область этого ужаснаго вѣтра расширяется верстъ на 400 далѣе къ юго-востоку. Давленіе бора опредѣляютъ въ 10 фунтовъ на \square футъ, со скоростью 80' въ секунду. Вѣтеръ продолжается обыкновенно около трехъ дней въ октябрѣ, но преимущественно ноябрѣ и декабрѣ; въ этихъ мѣсяцахъ бора истинно убійственна. Самыя ужасныя ураганы Атлантическаго океана и Антильскихъ острововъ менѣе страшны, чѣмъ бора. Она поднимаетъ въ упомянутыхъ заливахъ воду частыми гребнями, порывистыми ударами срываетъ ихъ верхушки, превращая въ тончайшую водяную пыль, которую несетъ по берегу, окропляя деревья и зданія, срывая съ послѣднихъ желѣзныя крыши и свертывая ихъ въ тонкія трубки. Человѣкъ, застигнутый борою, на открытомъ мѣстѣ, чтобы спасти себя, долженъ упасть на землю и катиться по произволу вѣтра до перваго предмета, который его остановитъ. На судахъ, сквозь оглушительный свистъ и вой бора, нельзя отдавать приказаній. Страшный стонъ и гулъ дѣлаютъ неслышными даже пушечныя выстрѣлы. Водяная пыль, обрызгивая снасти кораблей, замерзаетъ и нависнувъ на нихъ тяжелою ледяною корою и заостренными сосульками, наклоняетъ корабль, который перевертывается и тонетъ. Замерзаніе происходитъ отъ того, что во время бора, температура падаетъ въ Адриатическомъ морѣ до 6, 7, 8, а въ Черномъ до 16 и даже до 20°. Барометръ, напротивъ, во время бора бываетъ очень высокъ, потому что этотъ вѣтеръ чрезвычайно сухъ. Непроницаемый туманъ, наблюдаемый во время вѣтра, въ собственномъ смыслѣ, не есть туманъ, а тончайшая водяная пыль, поднятая въ воздухъ въ невѣроятныхъ массахъ и распространенная на большое пространство, такъ что, верстъ на триста растенія бываютъ покрыты осадившеюся на листьяхъ морскою солью.

Гарматанъ или *песчаный вѣтеръ*, дующій не болѣе одной недѣли въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ направленіи востока къ западу, чрезъ всю среднюю, то есть самую раскаленную Африку, заключаетъ въ себѣ большое количество кислорода. Проходя жгучіе пески Африки, онъ становится нестерпимо знойнымъ, иссушаетъ въ нѣсколько часовъ всѣ растенія, встрѣчающіяся на пути его; деревянная утварь, мебель и посуда расщеляются, человѣкъ превращается въ какую-то живую мумію; кожа на рукахъ и губахъ его трескается, обливаясь кровью, дыханіе сильно затрудняется. Отъ этого вѣтра, превратившагося въ *орканъ* или *ураганъ*, происходятъ песчаные вихри и ураганы въ Сахарѣ; бѣдствія каравановъ, застигнутыхъ подобною бурей, трудно даже и описать. На далекомъ горизонтѣ показывается обыкновенно едва замѣтная точка, которая приближается и растетъ быстро, какъ тѣнь, и затѣмъ обрушивается страшнымъ песчанымъ ураганомъ; единственное спасеніе заключается въ томъ, что всѣ бросаются ницъ головою, противъ вѣтра; верблюды инстинктивно дѣлаютъ тоже; иначе гибель неизбежна, и цѣлыя караваны мгновенно засыпаются песчаными горами. Но, при такихъ ужасающихъ свойствахъ, гарматанъ бываетъ полезенъ послѣ тропическихъ дождей, быстро осушая землю и тѣмъ отвращая слѣдствія сырости, вредной при тропическомъ жарѣ.

Шамсинъ или *хамсинъ* (по арабски означаетъ 50 дней), дующій съ юга на юго-западъ, въ противоположность гарматану, содержитъ въ себѣ много азота и дуетъ съ промежутками около 50 дней. Онъ убійственъ въ полномъ смыслѣ слова: люди и животныя, едва повѣетъ онъ, скрываются отъ него въ пещерахъ, погребахъ и другихъ мѣстахъ, дающихъ свѣжесть. Онъ дуетъ чрезъ сухія и песчаные степи Египта во время весенняго равноденствія и въ теченіи недѣли особенно зноенъ. Палачье свойство его увеличивается еще тонкой, удушливой пылью, помрачающей воздухъ.

При переходѣ хамсина изъ Египта въ Европу, путемъ Средиземнаго моря, удушливость и зной его ослабляютъ отъ прохладенія морскими водами и пріобрѣтеннымъ изъ нихъ кислородомъ. Въ Сициліи и южной Италіи онъ называется *сирокко*, а въ Испаніи *солано*. Не смотря на освѣженіе водами Средиземнаго моря, *сирокко* и *солано* совершенно расслабляютъ физическія, а съ ними и душевныя силы человѣка, страдающаго отъ истощительнаго жара. *Сирокко*, достигнувъ швейцарскихъ ледниковъ и достаточно охладившись, вступаетъ въ альпійскую область подъ именемъ *фена*, и тамъ дѣлается часто причиною таянія ледниковъ.

Самумъ или *самель* (означаетъ въ переводѣ ядъ или ядовитый вѣтеръ) дуетъ въ Персіи, Сиріи и Аравіи, распространяя въ воздухъ удушающій сѣрный запахъ и матовый багровый цвѣтъ. Онъ умерщвляетъ внезапно. Тѣло умерщвленнаго немедленно чернѣетъ и скоро разлагается.

Предъ наступленіемъ Самума, животныя, и особенно верблюды, сильно беспокоятся, крича и безпрестанно поворачивая голову и жадно вдыхая раскаленный воздухъ. У лошадей вздуваются вены, отчего эти животныя сами себя открываютъ кровь, прокусывая зубами кожу. Дикія животныя, антилопы, козы, птицы, даже тигры, несутся въ ужасѣ, спасаясь отъ урагана. Самумъ 1855 г. въ августѣ, близъ Герата, истребилъ въ огромномъ караванѣ множество людей и животныхъ. Съ окончаніемъ бури изъ 174 верблюдовъ осталось 28, лошади задохлись всѣ, а изъ 121 человѣка осталось 19. Самумъ, въ большей части случаевъ, дуетъ лишь нѣсколько часовъ, но иногда это бѣдствие продолжается по два и по три дня. Блѣдно-красноватый цвѣтъ атмосферы предвѣщаетъ наступленіе самума, что, вѣроятно, зависитъ отъ песку, поднятаго вѣтромъ въ верхніе слои воздуха.

Витры вертикальныя, дующіе отъ земли вверхъ къ облакамъ, свойственны только самымъ жаркимъ, песчанымъ степямъ, какъ Сахаръ (въ Сѣв. Африкѣ) Керманской степи (въ Персіи) и двумъ степямъ въ средней Азій—*Гоби-Гантай* и *Гоби-Шамо*.

Раскаленный въ палищій воздухъ быстро подымается вверхъ отъ огненныхъ песковъ и жаромъ своимъ испаряетъ и разгоняетъ облака, лишая ихъ возможность упасть на пылающую землю благотворнымъ дождемъ. Это—страны вѣчнаго *бездождія*. Раскаленный воздухъ, охладившись въ высокихъ слояхъ атмосферы, также быстро падаетъ, въ отвѣсномъ направленіи внизъ и малѣйшая влажность его исчезаетъ, по мѣрѣ приближенія къ нижнимъ слоямъ, гдѣ онъ снова раскаляется и снова несется вверхъ.

Бури или *шквалы* особенно сильно проявляются въ Атлантическомъ океанѣ и тамъ бываютъ особенно опасны по неперемѣнности волненія. Онѣ начинаются обыкновенно въ Вестъ-Индіи. Въ Тихомъ океанѣ особенно бурны Желтое, Китайское и Японское моря. Между бурями новѣйшаго времени, особенно замѣчательно страшное волненіе Атлантическаго океана, въ которомъ сильно потерпѣлъ знаменитый винтовой и вмѣстѣ колесный пароходъ Ливюванъ или Гретъ-Истертъ, опускавшій подводный транс-атлантическій канатъ телеграфнаго телеграфа: онъ напалъ на окружность урагана, обломившую ему крылья колесъ, и только винтовая машина дала ему возможность спастись отъ вѣрной гибели. Страшные ураганы, бичующіе Атлантическій океанъ, обнимаютъ громадную площадь и совершаются съ немовѣрной быстротой, пролетая по 90 миль (630 верстѣ) въ часъ или 10½ верстѣ въ минуту, то есть со скоростью полета пушечнаго ядра. Яростная буря 12 августа 1830 года пронеслась отъ Караибскаго моря до Ньюфаундлендской мели, то есть на протяженіе 21,000 верстѣ, со скоростью 180 верстѣ въ часъ. Ураганъ 1 сентября 1821 г. хотя ограничился меньшимъ протяженіемъ, но за то былъ несравненно быстрѣе и пробѣгалъ по 200 верстѣ въ часъ. Вообще же чѣмъ буря ограничивается меньшимъ пространствомъ, тѣмъ быстрѣе она мчится и тѣмъ ужаснѣе ея ярость. Иногда въ океанѣ образуется разомъ нѣсколько отдѣльныхъ урагановъ, которые стремительно несутся въ одномъ параллельномъ между собою направленіи, а иногда встрѣчаются подъ углами, при чемъ удары встрѣтившихся бурь бываютъ самые ужасные. Иногда ураганъ, находя на высочайшія горы, раздвигается и образуетъ такимъ образомъ два отдѣльныхъ урагана, изъ которыхъ каждый, послѣ этой минутной остановки перваго урагана, приобрѣтаютъ еще большую силу и стремятся съ немовѣрною яростью; часто ось вращательнаго урагана наклоняется нѣсколько впередъ въ направленіи своего движенія и это происходитъ отъ тренія осей о землю, при чемъ смѣшивающіяся при этомъ вращеніи теплыя и холодныя струи воздуха изъ нижнихъ и верхнихъ слоевъ атмосферы раздражаются проливными дождями и оглушительными громами. И такъ ураганы имѣютъ двойное движеніе *поступательное* и *вращательное*, но послѣднее несравненно опаснѣе для мореплавателей. Какъ то, такъ и другое имѣютъ въ сѣверномъ полушаріи направленіе отъ востока къ западу, потомъ, при дальнѣйшемъ движеніи, отъ запада черезъ югъ къ востоку. Въ южномъ же полушаріи это движеніе совершается въ обратномъ порядкѣ. Тѣмъ же законамъ слѣдуютъ ураганы Великаго океана, они лишь не имѣютъ той силы и ярости, какъ въ Атлантическомъ океанѣ, а потому и самый океанъ, по своему относительному спокойствію, носитъ еще названіе "*Тихаго*". Исключеніе составляютъ только страшныя бури Китайскаго и Желтаго морей. Бурность Атлантическаго океана зависитъ отъ разностей температуръ Гольфстрема и окружающихъ его областей воздуха и водъ. Разность эта меж-

ду голубыми струями Гольфстрема и зелеными водами остальной массы океана и висящаго надъ ней воздуха такъ велика, что доходитъ до 20° по Р. и потому Гольфстремъ является первымъ нарушителемъ атмосфернаго спокойствія надъ Атлантическимъ океаномъ, чего нѣтъ въ Великомъ океанѣ; правда, что и тамъ существуетъ подобное явленіе, и тамъ, въ нѣдрахъ теплаго *Японскаго течения* (Куро-Сивы), таится элементъ нарушенія атмосфернаго равновѣсія, но это явленіе ограничивается относительно малымъ пространствомъ и именно, какъ замѣчали мы, морями Китайскимъ, Желтымъ и отчасти Японскимъ; но въ Атлантическомъ океанѣ, весь путь Гельфстрема, на протяженіи многихъ тысячъ квадратныхъ миль, почти во всю величину океана, сопровождается самыми страшными бурями. Изъ англійскихъ морскихъ журналовъ извѣстно, что была такая буря, которая обратила назадъ весь Гольфстремъ, на протяженіи всего его теченія, и этотъ волосальный потокъ, поднявши воды свои на высоту 30 футовъ, ринулся со всѣмъ неистовствомъ въ предѣлы Флориды, затопивъ тамъ всю мѣстность, азатѣмъ нахлынувшая вода устремилась съ новою яростью обратно въ океанъ и истощила свое послѣднее неистовство на берегахъ Великобританіи и отчасти Испаніи. Ураганы суть ни иное что, какъ сильное вращательное движеніе воздуха около вертикальной или нѣсколько наклоненной осей вращенія, но въ то-же время, когда образующая бурю атмосфера вращается около своей осей, эта самая ось имѣетъ свое собственное поступательное движеніе во все протяженіе океана въ эллиптической или параболической формѣ, что можно отчасти сравнить съ вращеніемъ земли вокругъ своей осей и въ то-же время движущейся около солнца. Мѣста, чрезъ которыя движется впередъ ураганъ, испытываютъ обыкновенно три явленія: сперва задвѣкаетъ ихъ передовой край вращающейся атмосферы и раздражается бурными порывами вѣтра, напр., съ востока къ западу, затѣмъ этотъ порывъ ослабѣваетъ и приближается ось урагана, при чемъ наступаетъ совершенная тишина такъ какъ въ центрѣ бури воздухъ всегда остается покоенъ; послѣ прохожденія осей на то-же мѣсто вступаетъ задній край вращающейся атмосферы и вновь истощаетъ свою ярость, но въ направленіи совершенно противоположномъ, то есть отъ запада къ востоку, такъ какъ вѣтеръ дуетъ всегда въ противоположныхъ направленіяхъ по разнымъ сторонамъ отъ осей вращенія.

Скорое и даже внезапное паденіе ртути въ барометрѣ служитъ вѣрнымъ признакомъ приближающагося урагана и потому ни одному кораблю, въ опасныхъ водахъ Атлантическаго океана, не слѣдуетъ пренебрегать этимъ важнымъ и притомъ весьма дешевымъ инструментомъ, могущимъ спасти отъ вѣрной гибели своевременнымъ предупредженіемъ. Ртуть въ барометрѣ падаетъ отъ того, что съ началомъ вращательнаго движенія урагана, въ весьма отдаленной мѣстности, центробѣжная сила его производитъ расширенія воздуха на весьма большомъ пространствѣ и ртуть падаетъ въ барометрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, откуда буря отстоитъ еще верстѣ на 600 или 700. Слѣдовательно, есть и время спастись отъ нея. Если падающая ртуть предупреждаетъ объ опасности, то законы развитія и движенія бурь и опытность мореплавателей научаютъ какимъ образомъ избѣгнуть гибели.

Среди вращающагося урагана бываетъ всегда страшное волненіе, вздымающее морскія зыби не обыкновенными волнами, а громадными водяными пирамидами. Оглушительный грохотъ урагана можно сравнить съ самыми сильными раскатами грома, причемъ необходимо замѣтить, что ураганы, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, сопровождаются громомъ и молніей. Немовѣрно сильное пирамидальное поднятіе водъ внутри предѣловъ урагана происходитъ отъ того, что весь остальной океанъ, находящійся въ границѣ вѣтра, поднимается своимъ давленіемъ воду, находящуюся въ центрѣ круговорота, гдѣ, наоборотъ, это давленіе уменьшается по протяженію всей площади урагана, а слѣдовательно нѣтъ уже той силы, которая могла-бы уравновѣшивать наружное давленіе.

Независимо отъ барометрическихъ предсказаній и сама природа предостерегаетъ человѣка отъ грозящей ему опасности: атмосфера принимаетъ какой-то блѣдный, безжизненный свинцовый цвѣтъ; облака, хотя и густыя, появляются на горизонтѣ какими-то оборванными влочьями и являются самыми зловѣщими предвѣстниками страшной бури, причемъ принимаютъ огненно-красный отливъ. Море, при мертвой тишинѣ, безъ всякаго вѣтра, начинается какъ-то грустно плескаться и жалобно стонать, а уже нѣсколько времени спустя начинается разрушительный штормъ.

Н. Зуевъ.

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

I.

Кавказскія минеральныя воды представляютъ собою чрезвычайно рѣдкое явленіе въ природѣ, какъ по разнообразію состава источниковъ, такъ и потому, что всѣ эти разнообразныя источники, во первыхъ, отличаются значительной силой водъ въ сравненіи съ водами западно-европейскихъ источниковъ, а

во вторыхъ тѣмъ, что всѣ они сосредоточены на пространствѣ весьма незначительномъ (около 40 верстѣ), тогда какъ въ Европѣ подобныя источники находятся въ большомъ отдаленіи отъ другаго разстояніи.

Кавказскія воды, какъ медицинское средство, еще за долго до занятія русскими Кавказа, были употребляемыя горцами. Есте-

ствонспытатели познакомились съ этими водами въ прошедшем столѣтїи; такъ, въ 1793 г. о кавказскихъ минеральныхъ водахъ упоминаетъ Палласъ. Правильное пользование водами началось въ 1803 году, когда правительство опредѣлило въ Пятигорскъ постоянного врача. Въ то, давно прошедшее время больные, прїѣзжавшіе пользоваться водами, жили въ кибиткахъ и купались въ общей ваннѣ. Въ 1810 году, — пишетъ докторъ, Норманъ, — прїѣздъ на воды значительно увеличился, тогда за недостаткомъ палатокъ, многие выстроили себѣ лачуги изъ плетня, другіе жили, защищаясь войлоками и парусинами. Собственно говоря, устройство водъ начинается съ 1818 г., именно съ того времени, когда достойный памяти А. П. Ермоловъ вступилъ въ управленіе кавказскимъ краемъ. Въ то время, какъ извѣстно, весь Кавказъ считался на военномъ положеніи и главнокомандующій войсками, являясь въ то же время и правителемъ края, имѣлъ несомнѣнное вліяніе на гор. Пятигорскъ, а слѣдовательно и на управленіе минеральными водами.

Въ 1846 г. кавказскія минеральныя воды поступили въ непосредственное вѣдѣніе кавказскаго намѣстника князя Воронцова, дѣятельно принявшагося за устройство ихъ. Съ этою цѣлью была учреждена особая дирекція кавказскихъ минеральныхъ водъ и исходатайствовано Высочайшее положеніе, утвержденное 29 мая 1847 г. объ управленіи водами. Директоромъ водъ былъ военный генералъ. Надо отдать справедливость, что въ это время не мало добраго было сдѣлано по устройству водъ: кромѣ разныхъ менѣе значительныхъ построекъ и озаведеній, устроены были Михайловская и Елисаветинская галлерей въ Пятигорскѣ, галлерей надъ Нарзаномъ въ Кисловодскѣ; устроено прямое сообщеніе Есентуковъ съ Желѣзноводскомъ чрезъ Бештаускій лѣсъ; изъ горъ Бештау проведена ключевая вода въ Пятигорскъ *); при дирекціи учрежденъ былъ комитетъ изъ врачей для устройства водъ въ врачебномъ отношеніи; открыта библиотека, учреждена пожарная команда въ Пятигорскѣ и т. д. и т. д.

Тѣмъ не менѣе военный характеръ въ управленіи водами оказался на столько неудовлетворительнымъ, что бывшій намѣстникъ края, фельдмаршалъ князь Барятинскій, желая устроить иной порядокъ въ администраціи водъ, отдалъ завѣдываніе ими въ частныя руки, именно дѣйствительному статскому совѣтнику Новосильскому. Такимъ образомъ кавказскія минеральныя воды оказались отданными въ аренду срокомъ на 8 лѣтъ.

Но и при этомъ новомъ управленіи, когда вмѣсто казенныхъ чиновниковъ водами стали завѣдывать частныя лица по найму отъ арендатора, положеніе дѣлъ мало измѣнилось, можно даже сказать, чуть ли не ухудшилось. Новые управители взглянули на дѣло водъ съ эгоистической точки зрѣнія и стали преслѣдовать выгоды только осязаемыя, выгоды, такъ сказать, текущаго дня, ни мало не заботясь о будущемъ, не обращая вниманія ни на недостатокъ путей сообщенія между группами, ни на неудобство кватиръ для прїѣзжающихъ, ни на злоупотребленія въ порядкѣ пользованія водами, словомъ — заботясь только о своихъ личныхъ интересахъ, понимавшихся весьма въ узкомъ смыслѣ, и не обращая ровно никакого вниманія на необходимость улучшенія всего, такъ сказать, быта на водахъ.

По истеченіи 8-ми лѣтняго срока аренды г. Новосильскаго, правительство уже не оставило болѣе водъ въ его рукахъ и въ 1870 году объявило кондичіи на отдачу минеральныхъ водъ въ другія руки на новый срокъ. Изъ представленныхъ проектовъ на принятіе водъ, правительство выбрало проектъ коллежскаго совѣтника Байкова, который и вступилъ въ полное завѣдываніе водами въ 1871 году. Такимъ образомъ кавказскія минеральныя воды перешли опять въ новое завѣдываніе. Но со времени вступленія въ управленіе водами г. Байкова, дѣла водъ оказались въ такомъ положеніи, что съ прошедшаго года правительство нашло нужнымъ отдать ихъ подъ ближайшее наблюденіе начальника Терской области, поручивъ въ то же время правительственной комиссіи надзоръ за точнымъ исполненіемъ контрагентомъ всѣхъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Вообще въ исторіи управленія кавказскими минеральными водами весьма наглядно выказалась полная несостоятельность лицъ, бравшихъ на себя обязанность управленія. Ясно, что всѣ управлявшіе хозяйствомъ водъ не имѣли объ этомъ управленіи надлежащаго понятія, смотрѣли на него такъ: военная администрація, какъ на дѣло военное, а частныя управители — какъ на личную доходную статью.

Подъ общимъ названіемъ кавказскихъ минеральныхъ водъ разумются слѣдующія воды:

Въ Пятигорскѣ собственно находятся горячіе сѣрные ключи. Ключи эти разнятся одинъ отъ другого количествомъ своихъ составныхъ частей и также степенью тепла. Температура ихъ отъ 22° до 37° Реомюра. Пятигорскія минеральныя воды употребляются въ ревматизмъ, ртутномъ худосочіи, свденіяхъ и затверденіяхъ суставовъ, язвахъ, ранахъ и т. д.

Въ Есентукахъ (въ 15 верстахъ отъ Пятигорска) находятся солено-щелочные источники (№ 17), іодисто-щелочной (№ 6), желѣзисто-щелочной (№ 18), щелочно-соленый (№ 4) и сѣрно-щело-

чные. Температура отъ 7° до 12° Реомюра. Служатъ противъ геморроя, заваловъ, окрѣплости желѣзъ, ожирѣнія; при катарральныхъ страданіяхъ дыхательныхъ путей, катарральныхъ страданіяхъ желудка, кишечъ, хроническихъ катарровъ мочевыхъ и половыхъ органовъ. Въ особенности громкою славою пользуется вода источника № 17, по составнымъ частямъ схожая съ водами *Вини*, но превосходящая ихъ своею цѣлебною силою. Есентуковская вода № 17 развозится въ бутылкахъ по всей Россіи и даже идетъ за границу. Кромѣ того, изъ солей воды приготавлиются лепешечки. Принятая послѣ обѣда въ количествѣ двухъ-трехъ, оны помогаютъ пищеваренію, уничтожаютъ изжогу и отрыжку, облегчаютъ чувствуемому нѣкоторыми даже послѣ легкаго обѣда тяжесть въ желудкѣ.

Въ Желѣзноводскѣ (въ 12½ верстахъ отъ Пятигорска) ключи желѣзистые, холодные и горячіе. Температура отъ 13° до 41° Реомюра. Благотворное дѣйствіе этихъ водъ оказывается въ страданіяхъ отъ потери крови, неправомерности и оскудѣнія питанія, разнообразныхъ нервныхъ страданіяхъ, сформировавшихся на анемичной почвѣ, и въ хроническихъ страданіяхъ матки.

Нарзанъ въ Кисловодскѣ (въ 40 верстахъ отъ Пятигорска) приобрѣлъ себѣ главную извѣстность какъ источникъ укрѣпляющаго. Расказы объ его дѣйствіи на организмъ полны чудеснаго. Кромѣ того, Нарзанъ приноситъ очевидную пользу въ застарѣломъ ревматизмѣ, при катарральныхъ страданіяхъ пищеварительнаго канала, катарральныхъ страданіяхъ грудныхъ органовъ. Лечение въ Кисловодскѣ служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ специальному леченію при другихъ группахъ. Предлестныя дикою красотою окрестности, роскошная растительность, чистый горный воздухъ, купанье въ холодной, кипучей, какъ шампанское, водѣ, все это не можетъ не имѣть самаго благотвѣтельнаго вліянія на организмъ, ослабленный болѣзнями. Кромѣ того, въ Желѣзноводскѣ и Кисловодскѣ устроены кумысолечебныя заведенія для слабогрудыхъ больныхъ.

II.

Блудіе на кавказскія минеральныя воды изъ Петербурга обыкновенно направляютъ свой путь по желѣзной дорогѣ или чрезъ Харьковъ, или чрезъ Воронежъ (послѣдній путь болѣе близкій) на Ростовъ на Дону. Изъ Ростова они отправляются по Владикавказской желѣзной дорогѣ до Пятигорска. Но, собственно говоря, желѣзнодорожный путь не доходитъ до города и отправляющіеся на воды высаживаются на станціи Минеральныхъ водъ, отстоящей на 20 верстѣ отъ Пятигорска. Отъ станціи Минеральныхъ водъ до города идетъ шоссе; точно такое же шоссе устроено между группами водъ. Для удобства публики, какъ гласитъ объявленіе, между группами и станціею къ отходу и приходу поѣзда два раза въ день отправляются омнибусы, по одному на каждый пунктъ. Мѣстные извозчики также развозятъ прїѣзжающихъ, ибо одинъ омнибусъ болѣе 9 человекъ въ себѣ вмѣститъ не можетъ. За разстояніе въ 20 верстѣ по шоссе, извозчики, берутъ за проѣздъ не менѣе 5 р. Отчего, по какимъ причинамъ не проведена линія рельсоваго пути между группами и отъ Владикавказской желѣзной дороги до города, если не парового, то по крайней мѣрѣ желѣзно-коннаго — неизвѣстно. Извѣстно только то, что прїѣзжающимъ на кавказскія воды приводится испытывать на себѣ всѣ затрудненія и всю дороговизну сообщеній по Пятигорскимъ шоссе-нымъ дорогамъ.

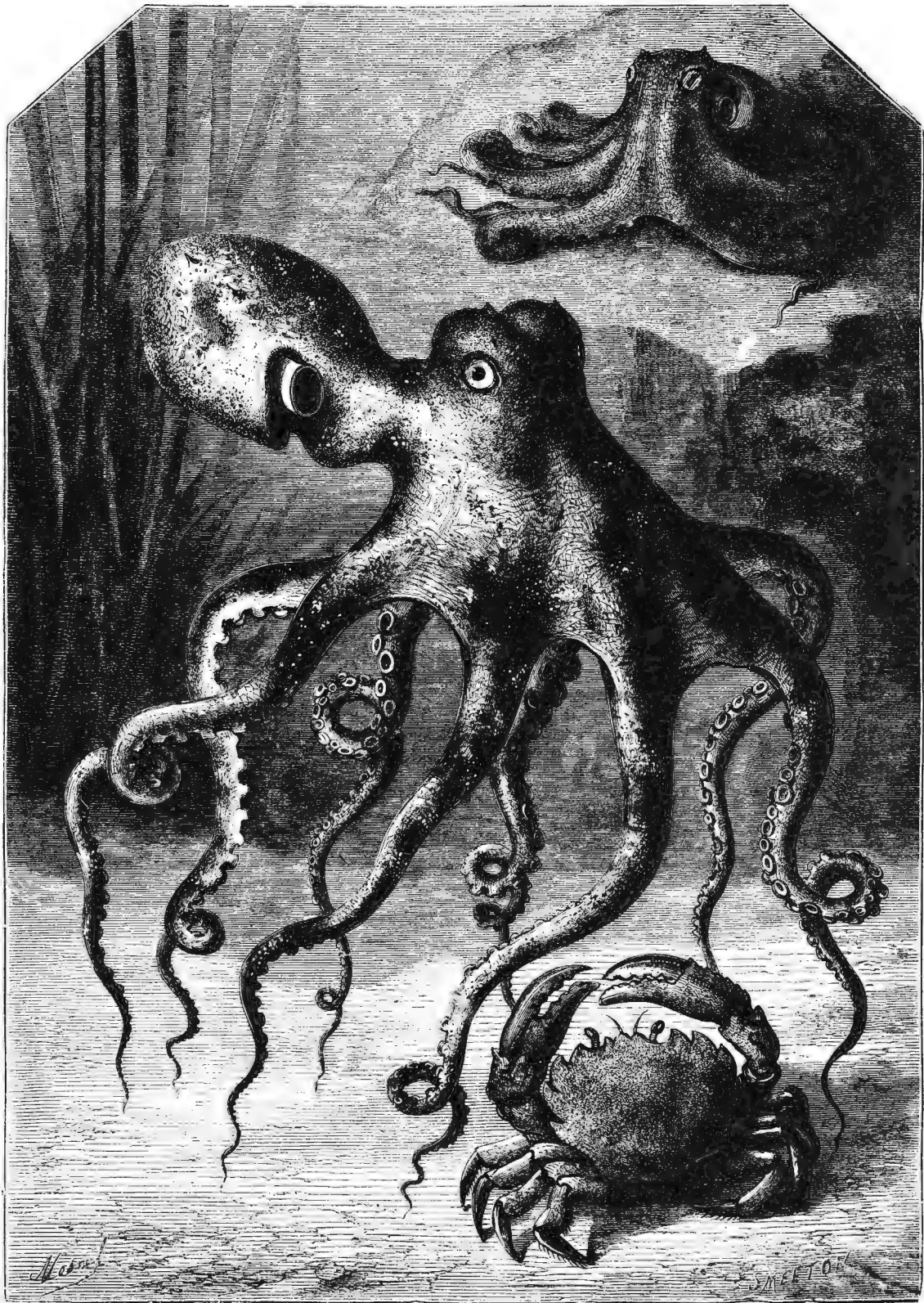
Отъ Ростова до Пятигорска считается 500 верстѣ. Дорога лежитъ по пустой однообразной степи — ни кустиковъ, ни обработанныхъ полей, ни человѣческихъ жилищъ, кромѣ станціи. Однообразіе степи замѣчается съ самаго Воронежа и только ближе къ Пятигорску начинаютъ показываться горы — Зибинная гора, красавица Бештау, сложившаяся изъ пѣсколькихъ конусовъ, изъ которыхъ средній — самый возвышенный. На пути отъ станціи Минеральныхъ водъ даже появляется зелень, деревья, но эти послѣднія, впрочемъ, не на долго, и снова открывается незащищенная отъ жгучаго солнца мѣстность. Но вотъ, наконецъ и гора Машукъ, а у подножія ея раскинулся и самый Пятигорскъ, частью по подошвѣ самой горы, а частью на отлогости полуамфитеатра, образуемаго этою горою и отрогомъ ея, называемымъ „Горячею горою“. Высокая гора Машукъ съ вершиной, поросшей вустарникомъ и деревьями, спускается до самаго низа площадками. На этихъ площадкахъ устроены бесѣдки, навильоны, цвѣтники. Чрезъ городъ идетъ бульваръ, по сторонамъ бульвара находятся лавки, гостиницы и „домъ немущихъ“ для больныхъ офицеровъ; повыше, на площадкѣ Горячей горы, высятся красивое зданіе въ англійскомъ вкусѣ, принадлежашее какому-то не то архитектору, не то барону — Богъ его знаетъ. (Это, собственно, ни для кого, кажется, и не интересно, и извѣстность имѣетъ болѣе домъ, а не его владѣлецъ).

На площадкѣ внизу, возлѣ цвѣтника, расположено прекрасное каменное зданіе Николаевскихъ ваннъ, деревянное строеніе вокзала, въ которомъ помѣщается библиотека, телеграфъ, контора для выдачи билетовъ на ванны, консултанція врачей, и тутъ же зала для танцевальныхъ вечеровъ, концертовъ. Архитектура этого зданія и въ особенности розоватый цвѣтъ его стѣнъ эффектно выдаются среди окружающей зелени.

*) Т. перъ водопровода не существуетъ, а Пятигорскъ потребляетъ мутную воду рѣчки Подкумка.

Выше, при соединеніи Машука съ Горячей горой, раскинулась Елизаветинская галерея, построенная въ итальянскомъ стилѣ. За Елизаветинской галереей видится въ чащѣ деревьевъ парка Михайловская галерея, а дальше, въ верстѣ разстоянія находятся Сабанеевскія ванны и Варвацевскія, (эти послѣднія теперь разрушенныя) Александрo-Николаевскія и еще

зури неба рисуется бѣлая линия Кавказскихъ горъ съ двуглавымъ Эльбрусомъ. Все это эффектно, все вмѣстѣ представляетъ очаровательную панораму; но все это хорошо только весной, да издали, когда воздухъ еще чистъ и трава не успѣла подсохнуть отъ зноя. Лѣтомъ каменистая почва и отраженія солнечныхъ лучей отъ окружающихъ горъ, дѣлаютъ Пятигорскъ па-

Чернильная рыба или осьминогъ. Рис. М. Жель, грав. Смитонъ.

дальше провалъ, гдѣ находится источникъ, вѣроятно открывшійся во время бывшаго когда-нибудь землетрясенія, оставившаго по себѣ этотъ памятный слѣдъ. На противоположной сторонѣ города, по равнинѣ, блестящей лентой извивается рѣчка Подкумокъ; за рѣчкой, въ сторонѣ, лежитъ большая Горячеводская станица, а тамъ дальше, дальше, на свѣтлой ла-

стоящимъ неклomъ, въ воздухѣ такъ и стоитъ бѣлая известковая пыль, слышится для многихъ невыносимый запахъ сѣрныхъ водъ, спускаемыхъ изъ ваннъ, и нѣтъ другой тѣни, какъ только отъ зданій, деревья же бульвара, какъ оказывается вблизи, имѣютъ самый жалкій видъ, всѣ листья заѣдены пылью, корнямъ простора нѣтъ въ неразрыхляемой землѣ. Цвѣтники,

Завтракъ (Сцена изъ французской жизни времяъ Директорiи). Рис. Жано, грав. Бренд'Амуръ.

паркъ, тоже чрезвычайно жалки, чахлы; въ цвѣтникахъ, говорятъ, только прежде когда-то бывали цвѣты, въ паркѣ множество мѣстъ оголено отъ вырубленныхъ деревьевъ, а всѣ уцѣлѣвшія тощи и жидки, безъ прирѣвня оставшіяся на почвѣ горъ Машука, состоящаго изъ известковыхъ горныхъ породъ, верхняго яруса мѣлового періода и Горячей горы—изъ травертина и ключевыхъ осадковъ, образовавшихся отъ потока минеральной воды съ незапамятныхъ временъ.

Изъ достопримѣчательностей Пятигорска болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе вышеупомянутый нами провалъ—замѣчательное явленіе въ природѣ, возбуждающее общее любопытство. Проваль—это воронкообразное углубленіе, образовавшееся на южномъ склонѣ горы Машука; наверху диаметръ 8 саж. Къ концу суживался, на глубинѣ 12½ сажени, проваль снова расширяется, образуя гротъ, своды котораго висятъ надъ небольшимъ озеромъ минеральной сѣрной воды, измѣющей характерный голубой цвѣтъ съ сильнымъ выдѣленіемъ сѣродороднаго газа. До 1856 г., т. е. до перваго изслѣдованія провала ученой комиссіей, онъ былъ предметомъ недоумѣній, трудность доступа окружала его таинственностью. Въ 1856 г. одинъ изъ лѣжившихся на водахъ (нѣкто г. Лазарикъ) далъ средства для положенія туннеля къ этому подземному озеру, а до того времени любознательный могъ заглянуть во внутрь провала только сверху, съ мостика, устроеннаго надъ воронкою. Нужно замѣтить, что проваль этотъ существуетъ очень давно и свѣдѣній о времени его образованія не сохранилось въ памяти окрестныхъ жителей. Еще въ 1793 году Палласъ дѣлалъ измѣреніе этого провала и измѣреніе это тогда показало сверху до поверхности воды 16,2 саж. Въ то время все дно провала было залито водою находящагося въ немъ озера, впоследствии же, отъ постоянныхъ осипей и обваловъ сверху, подъ отверстіемъ образовался островъ. Глубина озера незначительна около берега. Теченіе воды замѣтно по направленію къ С.-В. Въ восточной части провала устроенъ бассейнъ для цѣлбы воды; вода озера въ послѣднее время сдѣлалась холоднѣе отъ сдѣланныхъ въ другихъ мѣстахъ горы разработокъ.

Прежде возлѣ провала были сдѣланы ванны, теперь онѣ почему-то уничтожены и въ замѣнъ ихъ, вблизи туннеля, выстроены небольшой домикъ съ гостиницей (безъ номеровъ однако). Съ галереи этого домика можно любоваться видомъ окрестностей. На склонѣ Машука, влѣво отъ Елисаветинской галереи, продѣланная между деревьями дорожка ведетъ къ высѣченному въ скалѣ гроту Лермонтова (см. рисунокъ), названному такъ въ память нашего поэта, жившаго и убитаго на дуэли въ Пятигорскѣ. Кому дороги воспоминанія о поэтѣ, тотъ можетъ посмотреть и домъ, въ которомъ жилъ поэтъ въ Пятигорскѣ; домъ этотъ принадлежитъ чиновнику Чиляеву. На склонѣ горы подъ Елисаветинской галереей, между деревьями, разставлены высѣченныя изъ камня и привезенныя сюда изъ Кабарды фигуры съ различными надписями и изображеніями, свидѣтельствующими о давности ихъ происхожденія. Для археологовъ эти камни представляютъ, вѣроятно, весьма не малый интересъ.

Повернувъ отъ Елисаветинской галереи на Горячую гору, можно осматрѣть замѣчательную трещину, идущую вдоль всей горы. Съ площадки Горячей горы, надъ зданіемъ Николаевскихъ ваннъ, открывается видъ на Бештау и городъ. (Съ этого пункта снять приложенный здѣсь видъ Пятигорска). На этой площадкѣ прежде были Ермоловскія ванны—первыя по времени постройки. Источникъ въ 35° Реомюра, вытекаетъ изъ главной трещины и признанъ вѣтвью Александровскаго источника, водой котораго на кавказскихъ водахъ началось первое леченіе. Какъ Александровскія, такъ и Ермоловскія ванны теперь снесены до основанія, первыя, какъ говорятъ, за оскуднѣніемъ источника снесены еще при прежней дирекціи (Новосильскаго), а вторыя—настоящей администраціей за вѣхтостью постройки; вода же источника спущена въ зданіе Николаевскихъ ваннъ. По свидѣтельству лицъ, пользовавшихся Ермоловскими ваннами, вода этого источника отличалась необыкновенною силою, теперь же вмѣсто горячей воды, которую едва можно было выносить, зачастую въ отдѣленіяхъ Ермоловскихъ ваннъ (въ Николаевскомъ зданіи) не получились даже теплой, а то и совсѣмъ ни теплая, ни холодная не идетъ въ ванну. Вотъ къ чему привело уничтоженіе прежняго зданія для пользования водой этого источника. Покойный государь Николай Павловичъ приказалъ выстроить на мѣсто деревяннаго Ермоловскаго зданія—каменное съ мраморными ваннами, но дирекція водъ не воспользовалась этимъ высочайшимъ разрѣшеніемъ и ходатайствовала совершенно о другомъ. Она, извольте видѣть, пришла къ такому убѣжденію, что солидная постройка, требующая отъ казны значительнаго капитала, не гарантирована отъ исчезновенія источника и что такъ какъ въ Ермоловскихъ ваннахъ все-таки постоянно чувствуется безотлагательная надобность, то лучше провести воду Ермоловскаго источника внизъ по деревяннымъ трубамъ къ зданію Николаевскаго источника. Въ такомъ видѣ администрація представила это дѣло на утвержденіе правительства—и теперь вода Ермоловскаго источника спущена внизъ къ ваннамъ вышеупомянутаго Николаевскаго источника. Такой подвигъ администрація ставитъ себѣ даже въ заслугу, указывая на то,

что теперь большимъ уже нѣтъ надобности забираться на гору, какъ было прежде. Это съ одной стороны справедливо, но за то съ другой стороны вода этого источника значительно измѣнилась.

У спуска, въ концѣ Горячей горы, устроены такъ называемый гротъ Дианы, съ колоннами и переходами въ восточномъ вкусѣ. Въ цвѣтникѣ у Николаевскихъ ваннъ ежедневно играетъ оркестръ полковой музыки въ нарочно для того устроенной бесѣдкѣ. Бесѣдка эта деревянная, сдѣланная весьма грубо, кое-какъ. Замѣчательна она тѣмъ, что въ отчетѣ администраціи (Новосильскаго) на ея постройку значится израсходованною сумма въ 1400 съ чѣмъ-то рублей. На такую сумму, по общему мнѣнію всѣхъ знающихъ мѣстныхъ цѣны на матеріалъ и работы, можно построить по крайней мѣрѣ пять такихъ бесѣдокъ, а при благоразумной экономіи, пожалуй и десять.

Прѣзжающіе въ Пятигорскъ осматриваютъ его окрестности или катаясь въ экипажахъ вокругъ горы Машука, или же (впрочемъ, это только съ крѣпкими ногами) поднимаясь на самую вершину Машука, по разнѣщенной зигзагами дорожкѣ. Въ верстѣ отъ Пятигорска, на берегу Подкумка, расположено казенный садъ, очень хорошій по разнообразію разведенныхъ въ немъ растений, только по дорогѣ къ нему надобно все время оставаться съ заткнутымъ носомъ отъ невыносимаго запаха нечистоты, сваливаемыхъ непосредственно за городомъ.

Таковы заботы администраціи были прежде, таковы онѣ и теперь и, конечно, еще не близко то время, когда можно будетъ выйти или выѣхать на прогулку изъ Пятигорска, не боясь за свое зданіе.

Надобно сказать, что администрація кавказскихъ минеральныхъ водъ, даже не имѣетъ точнаго анализа водъ, хотя въ любой книжкѣ о кавказскихъ водахъ и находится табличка химическаго ихъ состава, но этотъ анализъ сдѣланъ во времена давно минувшія, теперь же химикъ при водахъ занятъ другимъ дѣломъ, именно выпариваніемъ солей и приготовленіемъ эссенциальныхъ лешечекъ. Новый, точный анализъ водъ администраціей не признается необходимымъ. Посѣщеніе кавказскихъ минеральныхъ водъ знаменитымъ французскимъ инженеромъ Жюлемъ Франсуа также не имѣло послѣдствій по обновленію устарѣлаго устройства водъ и почему-то не оставило никакихъ результатовъ, кромѣ раскопки, сдѣланной выше Елисаветинской галереи въ горѣ Машукѣ. Администрація кавказскихъ минеральныхъ водъ, зная по опыту о чудодѣйственной силѣ этихъ в дѣ и будучи увѣрена, что неизлѣчимыя на мѣстѣ болѣзни всегда загоняетъ на воды больныхъ—не считаетъ нужнымъ прилагать труды для благоустройства водъ и для доставленія прѣзжающимъ лѣчиться хотя необходимыхъ удобствъ. Во время большого сѣзда на воды, запоздавшимъ прѣзжимъ и неизмѣющимъ знакомымъ приводится быть въ такомъ положеніи, что хотъ назадъ сейчасъ же уберайся. Въ своихъ рекламачъ управители водъ общаются пріютъ всѣмъ прѣзжающимъ и выписываютъ названія своихъ гостиницъ; въ сущности всѣ эти 8 гостиницъ съ весьма малымъ числомъ №№; на примѣръ, гостиница Кавказскихъ минеральныхъ водъ имѣетъ всего 8 №№ вверху главнаго дома, по одной комнатѣ, и 4 семейныхъ № во дворѣ; въ другой гостиницѣ въ концѣ бульвара всего два крошечные №. Умѣренныя же цѣны, которыя общается дирекція, состоятъ, на примѣръ, въ „Европейской гостиницѣ“ за № въ одну комнату 6 руб. въ сутки.

Квартиры, отдаваемые въ частныхъ домахъ, не представляютъ также ни удобствъ, ни дешевизны. Правда, что каждый домохозяинъ на водахъ отдастъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, ибо отдача квартиръ—это капиталъ обывателей на водахъ, на который они будутъ жить цѣлую зиму до будущаго лѣта, т. е. до новой отдачи помѣщеній въ своихъ домахъ. И какія же это квартиры! Самыя большія изъ нихъ въ 3—4 комнаты, за что получается 300—400 руб. въ сезонъ, остальные же отдаются по одной, и эти комнаты большею частью ни что иное какъ чуланчики, представляющіе ровно никакихъ удобствъ, мало того, даже недающихъ прочнаго убѣжища отъ непогоды. Обмеблировавъ кое-какъ свои конуры, кроватью съ тощимъ матрацемъ, да двумя-тремя дранными стульями и такимъ же столомъ около кровати, домохозяева стараются только объ одномъ, какъ бы побольше взять съ *курсовыхъ* денегъ. Эта жажда денегъ, это желаніе сорвать все, что можно, слишкомъ развиты между всѣмъ населеніемъ водъ, между всѣми слоями общества. И такъ какъ въ этомъ случаѣ идетъ круговая, то и никому нѣтъ надобности стѣсняться. Прѣзжающіе же на воды поставлены въ такія условия, что волей неволей должны всему подчиняться, все переносить.

Вообще говоря, на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, какъ и на западно-европейскихъ, публика—послѣдняя жертва мѣстныхъ жителей, домовладѣльцевъ, докторовъ, извозчиковъ и т. д. и т. д. Не даромъ сравниваютъ мѣстныхъ жителей на минеральныхъ группахъ водъ съ огромнымъ паразитомъ, питающимся кровью прѣзжихъ.

III.

Скажемъ нѣсколько словъ о мѣстныхъ нравахъ.

Раннее утро. Солнце только что вышло изъ-за *Горячей горы* и обило свѣтомъ куполы собора и крыши болѣе высокихъ зда-

ний. Длинные, рѣзкія тѣни лежатъ отъ домовъ. Въ воздухѣ еще держится свѣжесть ночи. Изъ воротъ одного домика вышла длинная фигура женщины въ красной кофтѣ, озабоченно оглянувшись она во все стороны и увидѣвъ въ открытомъ окнѣ противоположнаго домика свою собесѣдку, громкимъ, визгливымъ голосомъ привѣтствовала ее.

— А, здравствуйте! Ну, какъ спали, хорошо-ли?

— Доброе утро! Ничего, все хорошо, послышалось въ отвѣтъ.

— А я вотъ Авдотью дожидаюсь. Пошла на базаръ, да, шутка сказать, скоро шестой часъ, а ее все нѣту. Заговорила съ кѣмъ нибудь, поганая.

— Да ужъ я вамъ скажу такая прислуга, что изъ рукъ вонъ. Все курсовые портятъ. А у васъ компаня гуляетъ?

— Вчера на Желѣзныя уѣхали, совсѣмъ,—говоритъ красная кофта,—больше не придутъ сюда.

— Теперь опять комнату отдадите—еще набѣзжаютъ курсовые; а вѣдь комната ваша, небось, 100 руб. выручила; теперь можно и подешевле сдать.

— А вы-то, сами-то, сколько взяли; рублей 500 вамъ пришлось за нынѣшнее лѣто. Знаемъ мы васъ, всякому извоику, всякому кондуктору посулите—вотъ вамъ и везуть жильцовъ...

— Ну, да вы и сами-то маху, небось, не дадите; то одного доктора попросите, то другого, каждый къ вамъ и посылаетъ своихъ больныхъ на квартиру.

— А вамъ будто не посылаютъ. Только вы сами виноваты, что у васъ въ нижнемъ этажѣ сыростью да гнилью пахнетъ?

— А у васъ-то у самихъ лучшій-ли воздухъ; да вотъ, говорятъ, и кровати-то у васъ порядочной нѣтъ.

— А у васъ!—Ахъ ты, Авдотья, дура ты, гдѣ ты это шатаешься цѣлое утро? Насилу-то тебя дождался. Курсовымъ самовары надо поставить,—кричитъ вдругъ красная кофта, завидя свою кухарку, нагруженную провизіей съ рынка и едва передвигающую ноги.

— Хорошо вамъ толковать-то, а я, вонъ, ужъ совсѣмъ ворочалась домой, да по дорогѣ-то, дьяволъ ее знаетъ, какъ набѣжить на меня собака, ишь, ихъ тутъ чертей видимо не видно, вездѣ бѣгаютъ—да такъ кувшинъ съ молокомъ изъ рукъ и вышибла, такъ все молоко-то и побѣжало подъ горку по дорогѣ.

— Ахъ ты, дура ты этакая, разбойница, изъ моихъ опять денегъ-то заплатила за кувшинъ?

— Да какъ же ужъ, непременно изъ вашихъ. Я вонъ вчера отъ курсовыхъ получила за мѣсяцъ по 30 копѣекъ въ сутки...

На бульварѣ, подъ тощими деревьями, тщетно отыскивая тѣнь отъ жгучихъ лучей яркаго солнца, переходитъ съ одной скамейки на другую блѣдный, исхудалый господинъ. Онъ только что досталъ книгу изъ библиотеки и желаетъ съ ней пристроиться поспокойнѣе, поудобнѣе; но такого мѣста не имѣется и онъ только еще болѣе таеетъ отъ жару, истощается отъ поисковъ. Къ господину подходитъ его знакомый съ аптечными склянками въ рукахъ.

— Представьте себѣ,—говоритъ пришедшій,—здѣсь въ аптекѣ берутъ вдвое за то же самое лекарство, которое я бралъ въ Петербургѣ. Это ни на что не похоже!

— Да что-же, когда самое солнце, и то лишаетъ насъ послѣднихъ силъ. И негдѣ укрыться. Деревья тѣни не даютъ. Дирекція только беретъ деньги за бульвары.

Въ просторной передней зданія Николаевскихъ ваннъ—цѣлое общество. Рассказываютъ гвардейцы, драгуны, а за конторкою въ креслѣ сидитъ молодая особа—смотрительница ваннъ. Идетъ шумная бесѣда, слышится веселый смѣхъ. Это женское отдѣленіе ваннъ, но такъ какъ мужскихъ ваннъ недостаетъ на всѣхъ купающихся, то и въ это отдѣленіе мушкетеры ходятъ брать ванны. Открывается тяжелая стеклянная дверь передней и по ступенькамъ входитъ пожилой и некрасивый господинъ въ офицерской шинели.—Могу я записаться на ванну, спрашиваетъ онъ смотрительницу, смѣло окидывающую его взглядомъ. Въ отвѣтъ смотрительница звонитъ въ колокольчикъ; появляются солдатъ вапшикъ и женщина ванщица.—Покажи, Михайло, этому господину свободную ванну и подай мѣлъ, обращается она къ ванщицу.—А могу я узнать правила о ваннахъ вообще? спрашиваетъ снова вошедшій смотрительницу.—Вотъ, тамъ на стѣнѣ, правила, киваетъ смотрительница головою по направленію къ вывѣшеннымъ въ рамкахъ росписаніямъ. Можете сами прочитать.

Приходитъ бѣдно одѣтая барыня и, подавая билетъ, проситъ ванну.—Подождите, ваша еще занята, отвѣчаетъ ей смотрительница.

Барыня, не возражая, садится на скамейку въ углу.

Съ шумомъ, съ трескомъ влетаетъ въ переднюю красивая,

богатая, молодая женщина въ сопровожденіи элегантнаго молодого господина.

— Можно мнѣ ванну? весело говоритъ красавица.

— Настя, Настя! кричитъ смотрительница, раскланиваясь и привѣтливо улыбаясь вошедшей. Является ванщица и также ласково, ласково смотритъ на вошедшую, кивающую ей головой—Ванну мнѣ, ванну.—Сейчасъ, сейчасъ, сѣднись Настя.—А вашъ билетъ? Вы опять забыли или нѣтъ? Спрашиваетъ, мило улыбаясь, смотрительница. Билетъ? Ахъ, опять забыла этотъ противный билетъ...—Ну, можно потомъ, говоритъ смотрительница, послѣ припесете.—У меня есть билеты, предлагаетъ одинъ изъ драгунъ.—Merci. А я вамъ конфетъ припесла, хотите? только что вчера мнѣ прислали ихъ изъ Петербурга, обращается красавица къ смотрительницѣ, ставя на конторку изящную бонбоньерку. Мнѣ послали тысячу милыхъ вещей; я все выписала; въ здѣшнихъ магазинахъ, право ничего нѣтъ.—Сюда привозятъ все старье, весь бракъ товаровъ изъ Москвы и Нижняго, вставляють свое слово старый офицеръ, читавшій правила. Красавица вскидываетъ на него глаза и продолжаетъ:—да, такъ вотъ мнѣ привезли много, много всего и я вамъ хочу подарить одну бездѣлку, говоритъ она смотрительницѣ: вотъ эти сережки, онѣ очень къ вамъ пойдутъ. Ахъ, Настя, ты уже готова. Идемъ. Прощайте. Господа! киваетъ головою, уходя въ ванную комнату, провожаемая счастливою улыбкою Настей. Къ смотрительницѣ снова обращается вновь вошедшая барыня, серьезнаго вида, и проситъ распорядиться о ваннѣ, такъ какъ эта ея часть. Ахъ ваша ванна еще занята, (отвѣчаетъ, смотрительница (это именно та ванна, въ которую комѣстники красавицу), хотя, можетъ быть, и скоро выйдутъ изъ нея, но чѣмъ дожидаться, не пожелаете ли вы взять другую, есть свободная... Я бы желала свою ванну, говоритъ барыня, я записалась на нее, а вы мнѣ вотъ уже нѣсколько разъ даете другія и все разныя ванны. Я не знаю какія у васъ тутъ свои порядки...—Если вамъ угодно—подождите, сухо отвѣчаетъ смотрительница, а у насъ порядки извѣстные.

Желѣзноводскъ расположенъ на узкой и длинной террасѣ, и обращенной къ сѣверной сторонѣ Бештау.

Желѣзная гора возвышается надъ уровнемъ моря на 3,818 ф. а Бештау на 4,582 ф. Кроме того, отъ Желѣзной горы версты на 4—Зыбная гора, Верблюдь гора—весьма оригинальной формы.

Главную прелесть жизни въ Желѣзноводскѣ составляютъ прогулки въ лѣсу, въ которомъ какъ-бы тонетъ вся окрестность. Густыя, высокія деревья переплетены вѣтвями дикаго винограда. Изъ деревьевъ, кромѣ орѣшника, дуба различныхъ фруктовыхъ, встрѣчаются и мѣстные экземпляры—чинары, черешня, вишня. Лѣсъ въ Желѣзноводскѣ даетъ пріятное убѣжище отъ зноя и жаркіе душевные дни лѣта вознаграждаются освѣжающимъ воздухомъ утра, удерживающимъ свѣжесть до 9 часовъ. Вечера въ Желѣзноводскѣ очаровательны.

Со стороны Желѣзноводска можно всходить на Бештау и почти вѣсь пользушіеся водами Желѣзноводской группы принимаютъ эту прогулку, болѣе верхомъ. Мѣстъ для прогулокъ найдется вообще не мало. Бздятъ на хуторъ графа Евдокимова, въ нѣмецкую колонію Карась, въ саду которой устраиваются пикники.

Желѣзноводскъ еще въ недавнее время былъ заселенъ казаками. Станція Желѣзноводская была построена между 1831 и 1846 годами. Въ настоящее время въ Желѣзноводскѣ, кромѣ казенныхъ зданій да нѣсколькихъ десятковъ домовъ частныхъ лицъ, нѣтъ другихъ строеній. Казаки, неимѣющіе средствъ настроить приличныхъ домовъ теперь выселены. Слѣдствиемъ чего, годъ тому назадъ, многіе изъ пріѣзжающихъ на Желѣзноводскія воды должны были уѣхать обратно, не найдя себѣ помѣщенія. Прежде, хотя худенькія избенки, да все-же служили нѣкоторой защитой и кровомъ.

Что-же касается Желѣзноводскихъ водъ, ихъ устройства, то нельзя не обратить вниманія на заявленія профессора Харьковскаго университета, Кремьянскаго, сдѣланное имъ въ бальнеологическомъ обществѣ объ отсутствіи желѣза въ главныхъ Желѣзноводскихъ источникахъ. Г. Кремьянскій указывалъ администраціи водъ на то, что углекислая закисъ желѣза, идя по деревяннымъ трубамъ и открытымъ бассейнамъ (содержающимъ не совсѣмъ опрятно), быстро окисляется отъ соприкосновенія съ воздухомъ и осаждается въ видѣ окиси. Изъ произведенныхъ г. Кремьянскимъ изслѣдованій оказалось, что вода изъ бассейновъ нѣкоторыхъ источниковъ на пути теряетъ $\frac{1}{16}$ частей своего желѣза.

О Кисловодскѣ и Есентукахъ будетъ сказано въ одномъ изъ слѣдующихъ №.

Д. Стахѣевъ.

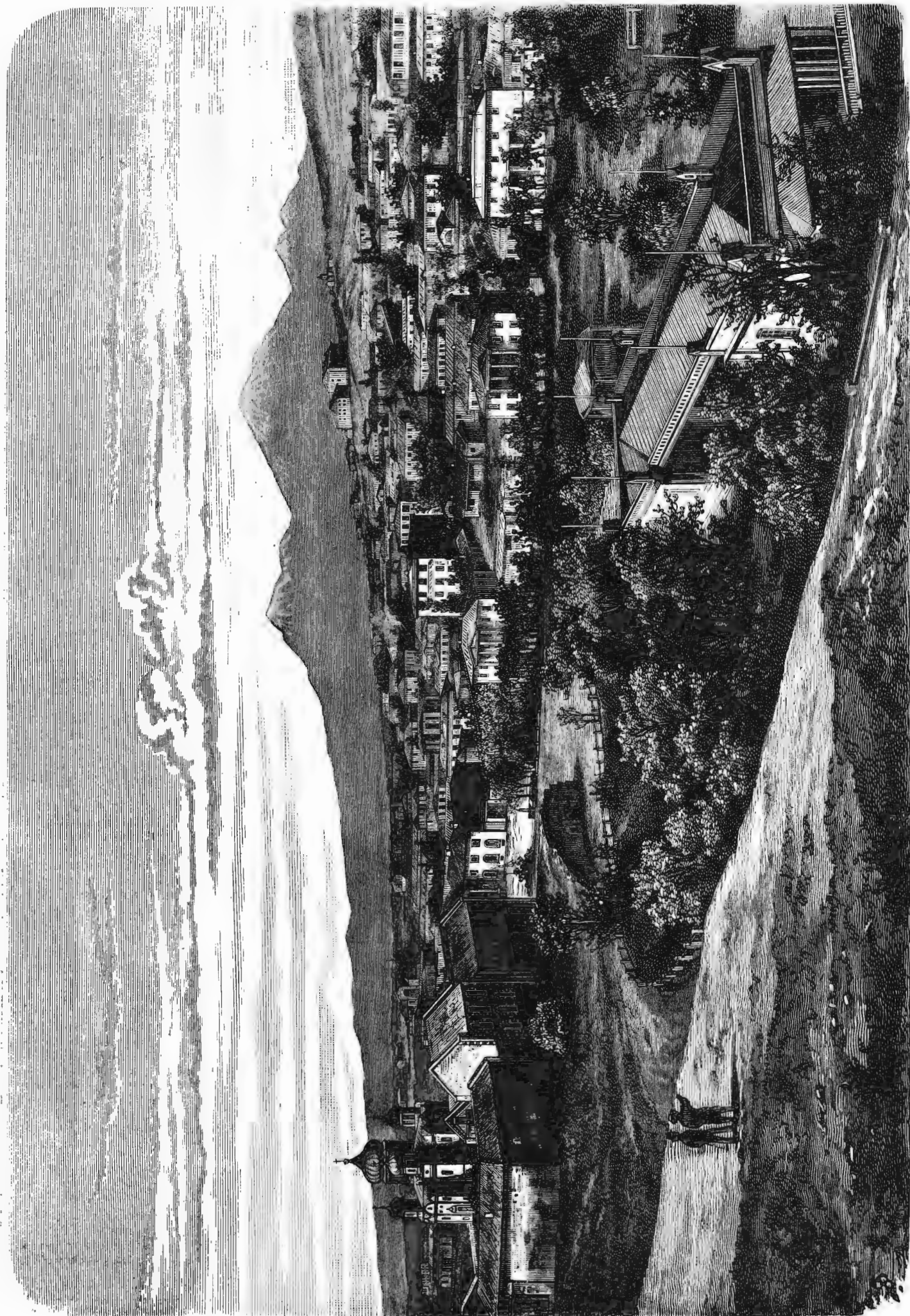
ЖЪ РИСУНКАМЪ.

Чернильная рыба или осьминогъ.

(*Octopus vulgaris*).

Морская глубь представляетъ вообще изумительное разнообразіе животнаго форма и типовъ, но нѣкоторые виды этихъ

водяныхъ обитателей по странности своего строенія и по особенностямъ отправленій различныхъ органовъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія естествоиспытателей. Къ такимъ безспорно принадлежатъ вся группа слизняковъ или моллюсковъ извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *головоногихъ*.

Русскія Минеральныя Воды. Общій видъ города Пятигорска. Рис. Подольскій, грав. Пугтль.

Головоногия (Cephalopoda) образуют нечто среднее между низшими бесскелетными или безпозвоночными и высшими скелетными или позвоночными животными. Если судить по окаменелостям, то в первобытных времена их водилось в морях великое множество, и достигая исполинских размеров, они имели самые странные и чудовищные формы. Теперь эти моллюски немногочисленны во всех морях и редко встречаются среди их громадные по величине.

Один из самых известных представителей этих любопытных животных—осьминог, представленный на нашей картинке, может служить вообще их прототипом. Он принадлежит к двухребеным головоногим и обладает весьма странной формой организации. Брэм даже находит в его фигуре некоторое сходство с фигурой слона. И действительно, всматриваясь в него, мы увидим, что у него непосредственно над глазом начи-

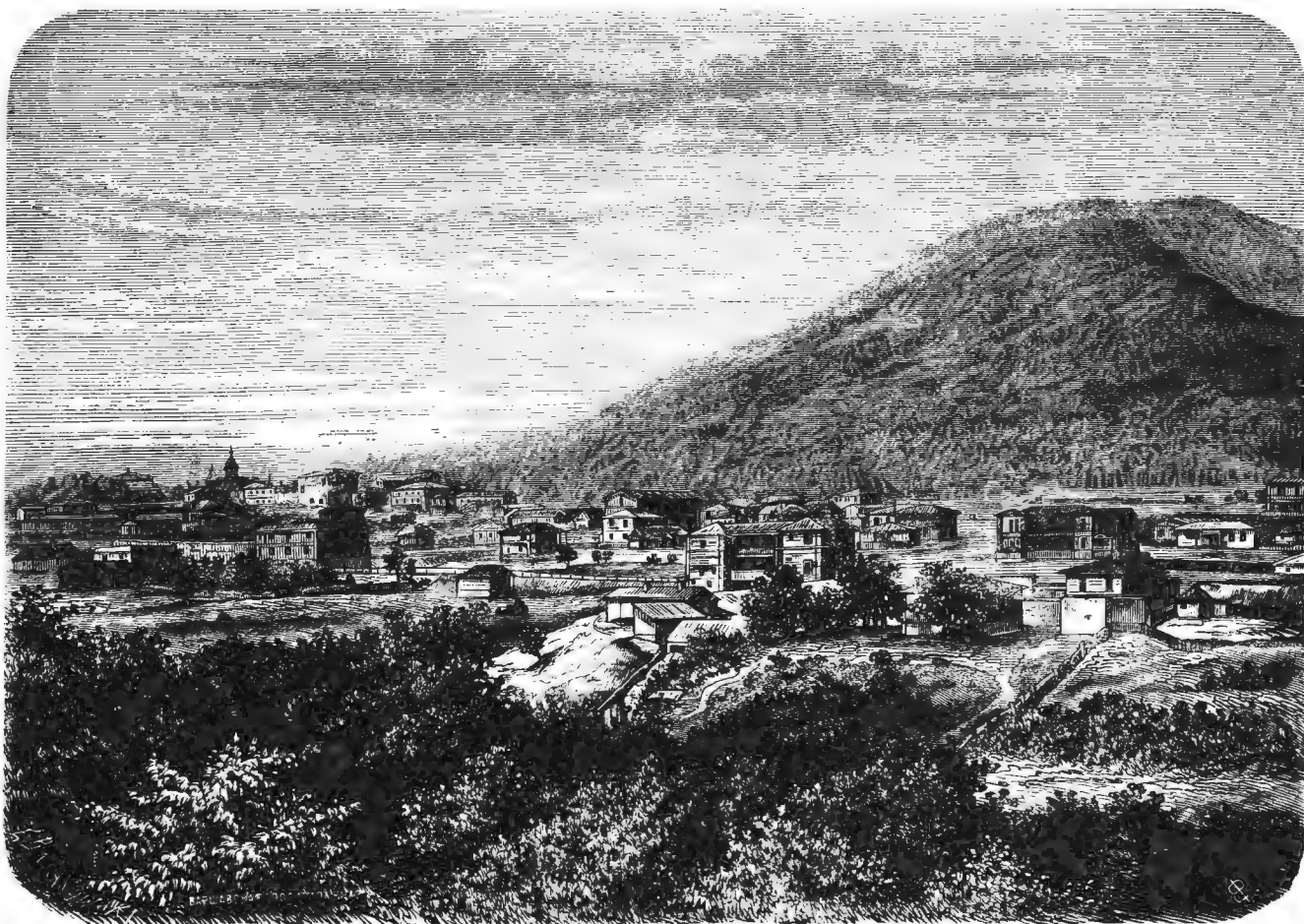
нается воронкообразное расширение передней части тела, под которой висят восемь длинных придатков, замещающих жи-

вотному и руки, и ноги, так как они снабжены круглыми присосками, с помощью которых животное может присасываться к посторонним телам и задерживать захваченную добычу. Задняя часть животного имеет вид толстого и припухлого носа или скорпи хобота, так как при ходьбе эта часть совершенно отвисает. В ней помещаются жабры и сердце, весьма простое по устройству и имьющее на-

значение воспринимать кровь, обновленную кислородом в жабрах. Это животное обладает весьма развитой нервной системой, снабжено глазами по одному на каждой стороне головы, покрытыми тонкою, прозрачною кожицею, ухомъ, состоящим из небольшого углубления в головном хрящѣ, и ртомъ, имьющим сходство с клювомъ поугая. В состоянии покоя все тело моллюска

Гротъ Лермонтова въ Пятигорскѣ. Рис. Подбѣльскій, грав. Бароновскій.

Русскія Минеральныя Воды. Видъ Желѣзноводска. Рис. Подбѣльскій, грав. Бароновскій.

блдо-сѣраго цвѣта и потому его очень трудно замѣтить когда онъ сидитъ въ уголку какого нибудь утеса. При движеніи поверхность его кожи, особенно спина, окрашивается въ разные цвѣта; на всемъ тѣлѣ появляются полосы, дѣлающіяся то свѣтлыми, то темными. Точно такія же измѣненія въ цвѣтѣ кожи, происходящія отъ присутствія въ ней красящихъ веществъ, замѣчаются у этого животнаго въ то время, когда оно чѣмъ-нибудь раздражено. Кромѣ того, при этомъ голова моллюска вслухаетъ и на всей верхней части его тѣла вскакиваютъ припухлые бугры. Осьминогъ, какъ и другія головоногія съ двумя жабрами, имѣетъ въ своей печени пузырь, заключающій въ себѣ черную или скорѣе бурюю жидкость и потому называемый *чернильнымъ мышкомъ*. Въ случаѣ опасности, или когда нарушаются ихъ обычный покой, они испускаютъ изъ себя эту жидкость и дѣлаются невидимы въ густомъ, чернильномъ облакѣ.

Рѣсмелеръ, упоминая объ этомъ свойствѣ головоногихъ, очень остроумно сравниваетъ ихъ въ этомъ отношеніи съ нѣкоторыми людьми, у которыхъ чернила, также служить для того, чтобы мутить окружающую ихъ среду. Изъ этого сока головоногихъ готовится красящая краска, известная подъ названіемъ сепин. Осьминогъ какъ и прочія головоногія, не смотря на непривлекательность и даже уродливости своей внѣшности, постоянно ловится на всѣхъ берегахъ средиземнаго моря и употребляется въ пищу особенно жаренный въ горячемъ маслѣ. Въ Ниццѣ, напримѣръ, попадаются осьминоги 9 футовъ длины и до 50 фунтовъ вѣсомъ.

Осьминогъ хищникъ, но только среди утесовъ и береговыхъ скалъ, гдѣ онъ подстерегаетъ беззащитнаго крабба или рака. Осмотрительный, медленно движущійся, онъ сидитъ уединенно на днѣ моря въ уголку подводнаго камня, крѣпко присасываясь къ нему своими придатками, или ползаетъ по берегу и прячется тамъ въ расщелинахъ, чтобы выжидать свою добычу. Увидя ее, онъ тотчасъ же выходитъ изъ своей засады и крѣпко обхватываетъ ее своими придатками. Жертвѣ нѣтъ спасенія, осьминогъ привлекаетъ ее къ себѣ все ближе и ближе и черезъ нѣсколько минутъ, высосавъ мягкія части бѣднаго рака, онъ оттолкнетъ отъ себя одну его сухую высушенную скорлупу. Н.

ЗАВТРАКЪ. СЦЕНА ИЗЪ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ ВРЕМЕНЪ ДИРЕКТОРІИ.

Прежде чѣмъ сказать о картинѣ, прекрасный рисунокъ которой помѣщенъ въ настоящемъ № «Нивы», считаемъ нелишнимъ дать нѣкоторое понятіе о томъ времени, которое известно въ исторіи Франціи подъ названіемъ «Время Директоріи» и которое художникъ избралъ для своей картины. Задачи, въ смыслѣ историческомъ, художникъ въ этой картинѣ почти не преслѣдуетъ и ограничивается только вѣрнымъ воспроизведеніемъ внѣшней обстановки жизни и костюмовъ того времени.

Время Директоріи предшествовало избранію Наполеона главою правленія во Франціи. Въ 1795 году французская конституція преобразовала революціонное правленіе, замѣнивъ конвентъ двумя палатами, подъ названіемъ Совѣта Пятисотъ и Совѣта Старшинъ. Совѣтъ Пятисотъ предлагалъ Совѣту Старшинъ законы и утверждалъ ихъ. Исполнительная власть была вѣрена пяти директорамъ, избравшимся Совѣтами. Собраніе это и называлось Директоріей. Во время Директоріи были сдѣланы замѣчательные походы въ Австрію, Италію, Египетъ, обнаружена свобода вѣроисповѣданій и т. д. и т. д. Время было полно поразительныхъ событій, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что супругъ, въ изображенной художникомъ сценѣ, рѣшительно не обращаетъ вниманія на свою хорошенькую жену. Его вниманіе приковано къ газетѣ, которую онъ молча читаетъ. Молодая женщина наливаетъ въ свою чашку шоколадъ и безъ сомнѣнія ждетъ, когда мужъ расскажетъ ей особенно интересное изъ сообщаемого въ № газеты. Что она не безучастно относится къ чтенію газеты, это видно изъ того, что молодая женщина даже не замѣчаетъ ласкъ своей красивой собаки.

Мы можемъ судить сами по характеру настоящаго времени, какое любопытство и вниманіе въ насъ возбуждаютъ печатаемые въ газетахъ извѣстія о важныхъ событіяхъ, совершающихся теперь.

Рисунокъ, помѣщенный въ «Нивѣ» даетъ полное представленіе о несомнѣнныхъ достоинствахъ картины «Завтракъ во время Директоріи». Особенно хороша нѣсколько наклоненная фигура молодой женщины и чрезвычайно мастерски сдѣланы складки ея шелковаго платья. Вообще все выполнено прекрасно, правильно, эффектно и такой рисунокъ, какъ этотъ, можетъ служить украшеніемъ любого иллюстрированнаго журнала.

ВОСПЛАМЕНЕНІЕ ЭИРНЫХЪ ПАРОВЪ НѢКОТОРЫХЪ РАСТЕНІЙ.

Всѣмъ известно, что пахучесть цвѣтовъ и растений зависитъ отъ присутствія въ нихъ эиринаго масла, которое, улетучиваясь, производитъ впечатлѣніе на наше обоняніе. Нѣкоторыя изъ растений, очень богатая этимъ масломъ, выдѣляютъ пары его въ такомъ количествѣ, что образуютъ около себя цѣлую атмосферу эиринаго газа. Таковъ Ясенецъ, (*Diacamnus Fraginella*), у котораго выдѣляющійся эириный газъ можетъ даже воспламениться, подобно тому какъ вспыхиваетъ эириное масло лимонной корки, при сдавливаніи ея надъ горящей свѣчкой. Рассказываютъ, что дочь знаменитаго шведскаго ботаника Линнея (XVIII в.), войдя однажды ночью въ садъ съ зажженной свѣчкой, приблизилась къ Ясенцу—и вдругъ около него поднялось яркое пламя: это былъ первый случай открытія воспламененія воздуха (какъ полагаютъ тогда). Когда было сдѣлано нѣсколько опытовъ, то убѣдились, что вспыхиваетъ не воздухъ, а выдѣляющаеся эириное масло, такъ какъ содержащія его железки, расположенныя по всему соцветію, послѣ этого лопались. Чтобы сдѣлать наблюденіе надъ подобнымъ воспламененіемъ, нужно имѣть тихій, безвѣтренный вечеръ, или же помѣстить растение (см. рисунокъ) въ стеклянный ящикъ, въ которомъ можетъ скопиться газъ; тогда стоитъ только поднести зажженную свѣчку—и газъ воспламеняется.

Другія растения испускаютъ изъ себя въ темнотѣ по временамъ свѣтовые лучи, на подобіе блистанія молніи. Это явленіе приписываютъ дѣйствию электричества. Оно было замѣчено впервые также дочерью Линнея.

Но воспламеняться можетъ не одно только эириное масло растений: легко вспыхиваетъ также плауновое сѣмя, имѣющее видъ желтаго порошка, въ которомъ сохраняютъ отъ сырости пилулы въ аптекахъ и который употребляютъ для фейерверковъ, искусственнаго представленія молніи въ театрахъ и т. п.

АМУРЪ И ПСИХЕЯ. (Картина Etty).

Психея—этотъ греко-римскій мифъ дѣвушки рѣдкой красоты, влюбившей пламенную любовь Амуру, можетъ бесспорно считаться однимъ изъ самыхъ поэтическихъ созданий древности. Немудрено, что ея похождения и страданія всегда воплощались во множествѣ разныхъ произведеній какъ въ области поэзіи, такъ и искусства. Апулей Лаоонтенъ и нашъ соотечественникъ Богдановичъ вдохновлены ими и цѣлый легионъ художниковъ избиралъ ихъ темой своихъ произведеній. Самая фабула столь известна, что мы считаемъ излишнимъ напоминать здѣсь ея содержаніе, тѣмъ болѣе, что общезвѣстная «Душенька» Богдановича разошлась по Руси въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. И теперь еще читается, не смотря на значительную престарѣлость ея языка.

Помѣщаемая нами гравюра—подлинный снимокъ съ картины англійскаго художника Etty, бывшей на лондонской выставкѣ, носитъ названіе: «Амуръ, защищающій Душеньку отъ приближающейся бури». Это небольшая, но замѣчательная по оконченности отдѣлки и яркости колорита, картина воспроизводитъ тотъ моментъ, когда сгустившіяся, мрачныя облака уже возвѣщаютъ о приближеніи бури и когда,

Испуганно прелестная Психея
Защитѣ милаго всецѣло предалась,
Любовно къ ней Амуръ склонялся и мѣля,
Ее прикрылъ собой, чтобъ буря пронеслась,
Ея коснутся не посмѣя...

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ (за истекшую треть года).

Прошлая зима по всей Россіи была холодная; въ сѣверныхъ губерніяхъ морозъ доходилъ до 40° въ южныхъ—мѣстами были сильныя ятели, даже бури. Такъ, въ Донецкомъ округѣ, съ 26 на 27 января, снѣжная буря засыпала многія землянки, и жители едва-едва спаслись, съ большимъ трудомъ выбравшись изъ-подъ снѣга. Скотъ-же стоялъ, замѣненный снѣгомъ, подъ сараями, но двое и даже по трое сутокъ голодными, потому что нельзя было ни привезти, ни принести сѣна изъ стоговъ, находящихся въ поляхъ. Снѣжные заносы останавливали движеніе поѣздовъ въ разныхъ мѣстахъ по дорогамъ: Оренбургской, Моршанско-Сызранской, Козлово-Воронежско-Ростовской, Кіево-Брестской, Ростовско-Харьковской, Харьковско-Курской, Одесской и другимъ.

Торговля дѣла вообще шла тихо; на зимнихъ ярмаркахъ многіе торговцы не платили по векселямъ и даже объявляли себя банкротами, какъ напр. на Крещенской ярмаркѣ въ Харьковѣ, гдѣ три крупные оптовые бакалейные торговца объявили несостоятельность на 800 тысячъ руб. Въ Астрахани одинъ рыбопромышленникъ сдѣлался банкротомъ на 120 тысячъ руб., другой хлѣбный купецъ на 90 тысячъ руб. Крупны также банкротства въ Одесѣ, Рыбинскѣ, Орлѣ, Радомѣ, Калишѣ, и въ особенности въ двухъ нашихъ столицахъ, Москвѣ и С. Петербургѣ. Въ послѣднемъ объявили несостоятельность большія 3 банкирскія конторы: Баймакова, Лури и Грабовскаго.

Но подъ шумомъ дѣйствительныхъ банкротствъ, вѣроятно, не мало было и фиктивныхъ. Такъ напр., по газетнымъ извѣстіямъ,

банкротство одного тюменского купца, объявившего ныне несостоятельность на 40 тыс. руб., случилось уже в четвертый раз!

Банкротства вызвали уменьшение кредита в коммерческих банках, а это произвело ограничение производства на фабриках. Результатом последнего явилось множество свободных рабочих рук и очень понижалась заработная плата. Так, в Феодосии (Таврич. губ.) дневная плата спускалась до 10 коп., но и за эту цену рабочие не находили работы. Поэтому местная городская управа открыла общественную бесплатную кухню, из которой беднейшие из жителей получали горячую пищу и хлеб. Число рабочих, оставшихся без дела, представляет солидные цифры: на фабриках в Петербурге и окрестностях оно простирается до 96 тысяч человек, в Туле до 2 тысяч, в других городах с точностью неизвестно; надо полагать, что оно также не мало, потому что ограничение производства произошло в губерниях Московской, Полтавской, Киевской, Квелецкой, Люблинской, Петроковской и других, т. е. в губерниях большой фабричной деятельности. В виду такого критического положения, были выданы рабочим некоторых фабрик временные денежные пособия. Так напр., фабричным города Лодзи (Петроковской губ.) по распоряжению местного губернатора, роздано вспомоществований к празднику Пасхи более тысячи рублей. Для изыскания способов к обезпечению положения рабочих в С. Петербурге составила особая правительственная комиссия, к участию в которой приглашены представители города, некоторые фабриканты и заводчики.

Результатом неурожая в прошлом году на нашем юге явилось нынешней зимой местная безхлебница и безкормица. В Екатеринославской губернии особенно страдали уезды Ростовский и Мариупольский; весь продовольственный капитал, в количестве 140 тысяч руб., был роздан для вспоможения, но требованной помощи было на 500 тысяч руб. В Донской области во многих станицах жители кормили голодный скот соломенными кролями своих хат и продавали его за безценок. В слободу Маньковой Донецкого округа воз с сена стоил 50 руб. В некоторых местностях Миусского округа (Донской области) крестьяне приносили к хлебу толченую древесную кору; поэтому им разрешено отпустить в суду в 50 тысяч руб. на покупку хлеба для обмена полей. В уездах Темрюкском и Закубанском Кубанской области многочисленны заявления нуждающихся о суду хлеба или денег на покупку его вызвали учреждение особого комитета из уездных начальников, Екатеринодарского городского головы и вице-губернатора, для изыскания средств к удовлетворению нужд населения. Комитет этот определил: 4,650 казачьим семействам Закубанского уезда отпустить в суду хлебом из запасных хлебных магазинов Екатеринодарского и Кавказского уездов, именно 836 тысяч пудов; 3,930 семействам Темрюкского уезда выдать денежную сумму в 64,870 руб. В Терской области безхлебница и безкормица заставили многих сельских жителей бросить свое хозяйство на произвол судьбы и идти на заработки.

Из числа явлений, имевших большую местную важность, замечательны: самосуды крестьян. В Ровенском уезде (Киевской губернии) в селѣ Горбатов, крестьяне утопили в р. Горвети поджигателя, причинившего убыток на 12 тыс. руб.; в Каневском уезде, селѣ Яцюковѣ, 8 крестьян, поймав и убив вора, бросили его в р. Рось. В трех уездах Волынской губернии и во многих местах Закубанской области крестьяне произвели большое избіеніе конокрадов и воров.

Выселенія немцев-колонистов в Америку стали происходить даже и из тѣхъ плодороднѣйшихъ и лучшихъ поволжскихъ мѣстностей Самарской губернии, на которыхъ колонисты сидѣли цѣлыя 100 лѣтъ, со времени отведенія имъ этихъ земель Екатериною II, когда великая правительница надѣлила ихъ бесплатно, кромѣ земель, и всѣмъ хозяйствомъ. Причиной выселенія—нежеланіе отбывать общесловную воинскую повинность.

Случаи несчастій на желѣзныхъ дорогахъ болѣе выдающіеся были: 3 января на Фастовской желѣзной дорогѣ, в 274 верстахъ отъ Кіева, товарный поѣздъ сошелъ съ рельсовъ и упалъ съ насыпи, причѣмъ убиты помощникъ машиниста и рабочій; ранены оберъ кондукторъ и двое изъ прислуги. 3-го февраля на Привислянской желѣзной дорогѣ свалился, близъ станціи Дорогускъ, рабочій поѣздъ; машинистъ и рабочій получили ушибы, помощникъ машиниста раненъ. 25 февраля поѣздъ, шедшій изъ Новочеркаска въ Нахичевань, провалился на мосту; вагоны разбились въ дребезги, 3 человека убито и 6 ранено. 12 марта, на 68 верстѣ Калкунской вѣтви Либавской желѣзной дороги, произошло столкновеніе вспомогательнаго паровоза съ пассажирскимъ поѣздомъ, при чемъ 11 пассажировъ легко ранено и 2 пассажира и 1 сторожъ получили болѣе серьезное увѣчье. 23 марта свалился съ невысокой насыпи, между станціями Дукшты и Игнадино, по варшавской дорогѣ, почтовый поѣздъ, шедшій изъ Петербурга; локомотивъ упалъ подъ откосъ, за нимъ послѣдовалъ и багажный вагонъ; первые вагоны 3-го, 2-го и 1-го классовъ накренились болѣе или менѣе сильно, остальные же всѣ безъ исключенія, сошли съ рельсовъ, но устояли. Путѣ страшно исковерканъ. Машинистъ убитъ на мѣстѣ дровами, обрушившимися на него при паденіи паровоза. Изъ публики и прислуги никто не раненъ. 20 марта, близъ станціи Скурато-

во, московско-курской желѣзной дороги, поѣздъ № 4 слетѣлъ съ насыпи. Три вагона 3-го класса разбиты; пострадавшихъ пассажировъ насчитываютъ 150 человекъ. По слухамъ, причиною несчастія размытая водою насыпь.

Работы подъ руководствомъ полковника Жилинскаго по осушкѣ болотъ Польска быстро подвигаются. Къ январю было сдѣлано 300 верстъ каналовъ, при посредствѣ которыхъ должна осушиться мѣстность въ 200 тысячъ десятинъ. Изъ числа этихъ каналовъ 200 верстъ удобны для сплава по нимъ лѣса в Припѣть и Днѣпръ, при чемъ расходъ по сплаву удешевился противу прежняго въ 10 разъ.

Въ городѣ Лодзи, Петроковской губерніи, фабрикантъ Шейблеръ устроилъ бесплатную школу для дѣтей рабочихъ своей фабрики, а въ г. Озурковѣ, Калишской губерніи, фабрикантъ Шоссеръ устроилъ такую школу для всѣхъ дѣтей города, безъ различія званій и исповѣданій.

Съ открытіемъ навигаціи на нашемъ сѣверѣ устроена будетъ спасительная станція на Новой Землѣ.

Большая кража была совершена въ Киевскомъ коммерческомъ банкѣ, кассиромъ его, именно 950 тысячъ руб. Также значительная кража была сдѣлана въ управленіи Архангельскаго порта, гдѣ похищены ломанскія суммы.

Почта, шедшая во время весенняго разлива изъ Таганрога въ Мариуполь, потонула, причѣмъ потеряна была сумка съ 20 тысячами рублѣй денежной корреспонденціи. Сумка эта была доставлена потомъ нашедшимъ ее крестьяниномъ въ цѣлости.

Въ Одессѣ устраивается голубиная почта, для чего приобретено болѣе 400 голубей.

При Киевскомъ университетѣ утвержденны высшіе женскіе курсы раздѣлены на 2 отдѣленія: историко-филологическое и физико-математическое.

Народныя чтенія въ Москвѣ, въ 13 мѣсяцевъ своего существованія, были 89 разъ и имѣли 10,922 человекъ слушателей.

Открыты публичные курсы для ознакомленія съ уходомъ за больными и ранеными воинами въ городахъ: С. Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Харьковѣ и Саратовѣ. Устроены во многихъ городахъ и селеніяхъ кровати для больныхъ и раненыхъ и предназначены земствами особые суммы для удовлетворенія могущихъ потребоваться расходовъ на случай войны. Такъ, Саратовское дворянство приняло на свой счетъ устройство в г. Саратовѣ 800 кроватей; Екатеринославская община сестеръ милосердія въ Новгородѣ устроила 50 кроватей; землевладелецъ графъ Браницкій устроилъ на свой счетъ въ своемъ имѣніи Киевской губ., въ мѣстечкѣ Бѣлая Церковь, 12 кроватей; крестьяне малоархангельской волости (Орловской губ.) предложили устройство на свой счетъ въ зданіи волостного правленія 30 кроватей; въ Елизаветградскомъ уездѣ Херсонской губ. крестьяне посада Павловска и селенія Плетеняго Ташлыка и Злыньки устроили ледники, сдѣлавъ въ нихъ большой запасъ льду, необходимаго при леченіи раненыхъ воиновъ; инсарское уездное земство (Пензенской губ.) ассигновало на случай военныхъ потребностей 55 тысячъ руб.; старобѣльское (Харьковской губ.) 10 тысячъ руб. и проч. и проч. и проч. Образовалось множество отрядовъ сестеръ милосердія. Въ Одессѣ учрежденъ особый комитетъ для приема братьевъ милосердія. Болѣе 400 монахинь разныхъ монастырей изъявили желаніе поступить на службу при военныхъ лазаретахъ. Монастыри-же съ своей стороны приняли на свой счетъ содержаніе этихъ монахинь за все время нахожденія ихъ при лазаретахъ.

Москва, прочитавъ Высочайшій манифестъ, тотчасъ-же ассигновала для оказанія помощи больнымъ и раненымъ воинамъ 1 миллионъ руб. и предложила 1000 кроватей. Петербургъ, конечно, то же не отстанетъ въ этомъ дѣлѣ отъ Москвы какъ и другіе города Россіи.

Разливы рѣкъ повсюду причинили нынѣшней весной много несчастій и убытковъ. Укажемъ на нѣкоторые.

Кубань затопила и размыва хутора, до которыхъ 10 лѣтъ не доходила вода; погибло множество домашнихъ животныхъ; около Курчанской станціи нашли утонувшую женщину съ груднымъ ребенкомъ.

Въ городѣ Мелитопольѣ, Таврической губерніи, воды рѣчки Молочной разрушили до основанія множество домовъ. Не мало потерпѣло полотно лозово-севастопольской желѣзной дороги.

Бахмутка вышла изъ береговъ и въ низменной части г. Бахмута затопила многіе дворы, погреба и проникла въ нѣкоторые дома.

Донецъ и Донъ произвели большое опустошеніе. Въ особенности пострадали станціи Самарская, Новобатайска и Кагальникъ. Рѣчка Кагальникъ, черезъ которую построенъ мостъ Кавказской желѣзной дороги удерживалъ свободный проходъ льда, запруживая этимъ воду, своимъ разливомъ размыва мазанки Самарскаго селенія совершенно и нанесла убытку на 100 тысячъ рублѣй.

Рѣчки города Харькова (Харьковка, Лопань и Нещечъ) затопили 180 дворовъ, 5 мостовъ, всю набережную и базаръ; убытку насчитываютъ на 1 миллионъ рублѣй.

Рѣки Волынской губерніи также причинили не мало убытковъ городскому и сельскому населенію.

Въ Кіевѣ разлитіе Днѣпра было громадное. Часть города, называемая Оболонью, равно и Плоская часть Подола залиты во-

дою. Въ Киевскомъ уѣздѣ буквально не уцѣлѣла ни одна плотина. Всѣ мельницы—и большія кручатки, и маленькія рас-труски на рѣкахъ Прпенѣ, Здвиги, Росси и на всѣхъ малень-кихъ ручейкахъ подтоплены или снесены. Такого сильнаго раз-лива Днѣпра не было съ 1815 года.

Городъ Могилевъ-на-Днѣстрѣ такъ пострадалъ отъ наводне-нія, что необходимы денежные пожертвованія для поправки по-ложения жителей. Р. Ворскла въ Кобелякахъ (Полтавской губ.) затопила около 200 хатъ, владѣльцы которыхъ остались безъ

Воспламенение зѣрныхъ паровъ нѣкоторыхъ растений.

крова и всякихъ средствъ. Южный Бугъ нанесъ также много убытковъ городамъ, стоящимъ по его теченью. Г. Вознесенскъ понесъ убытку на 55 тысячъ рублей. Отъ Западнаго Буга по-страдалъ Брестъ-Литовскъ.

Западная Двина затопила значительную часть Риги. Пенза пострадала также не мало отъ разлива Пензы и Суры. Полот-на и мосты многихъ желѣзныхъ дорогъ значительно пострадали. *Полотно Одесской желѣзной дороги, въ уѣздѣ, было подмыто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ водою.* На Киево-Брестскомъ шоссе, ве-сенними водами сорвало 25-саженный мостъ на 321 верстѣ; по-вредило мостъ на 332 верстѣ; на 363 верстѣ подмыты откосы.

Кременчугъ почти весь былъ затопленъ. 1,400 семействъ, оставшихся безъ хлѣба и крова, поселились за двѣ версты отъ города. Много утопившихъ. Водою сносило даже трехэтаж-ные дома.

Вслѣдствіе опасности при теперешнемъ политическомъ по-ложеніи, съ 5 апрѣля прекращены изъ Одессы по Черному морю рейсы пароходовъ «Русскаго Общества», кромѣ сообщенія съ Николаевымъ и Херсономъ. Многие изъ жителей оставляютъ Одессу.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ 1877 Г.

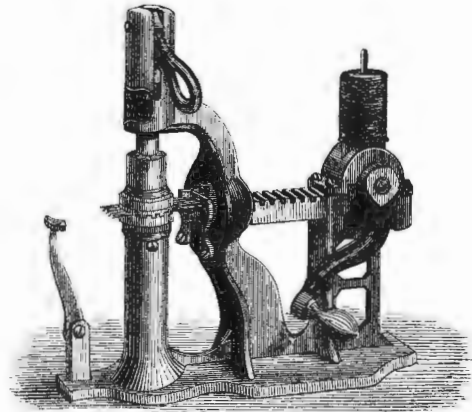
Покорнѣе просимъ Гг. подписч. нашихъ, при перем. адр. выслать:

- 1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . 60 коп.
- 2) " " Иногороднаго на С.-Петербургскій . . 50 "
- 3) " " Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ прислать 24 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

Новое изобрѣтеніе.

ШТОПАЛЬНАЯ МАШИНА.

Эта машина имѣетъ 14 игловокъ, съ двойною ниткою каждую, и штопаетъ заразъ 28 нитками, передергивая ихъ отъ одного края дыры къ другому. Всякій чулокъ, какъ-бы онъ не былъ проношенъ, даже неоднократно штопанъ, можно очень быстро починить при посредствѣ этой машины: стоитъ только обрѣзать

Штопальная машина.

всѣ износившіяся штопки и сдѣлать машинною новую ткань. Ухода за машиною не нужно, поправкою она тоже не требуетъ и можетъ быть поставлена для работы на всякій столъ. Работать на ней можно научиться въ нѣсколько минутъ. Въ настоящее время такія машины привезены уже въ Лейпцигъ и Дрезденъ, гдѣ продаются по 50 марокъ, т. е. на наши деньги около 16 руб. Скоро, вѣроятно, появятся и въ Петербургѣ.

СМѢСЬ.

Въ Константинополѣ болѣе 12,000 сарафовъ, т. е. мѣняль, платящихъ правительству ежегодно налоговъ въ 54,000 турецкихъ лиръ (около 400,000 р.). Мѣнялы эти занимаются всякаго рода денежными операціями, но по преимуществу ссудою денегъ на чудовищные проценты, отъ 15 до 20% въ мѣсяцъ.

Наличныя военныя силы Франціи. Подъ ружьемъ въ строю 455,000, въ лагеряхъ и крѣпостяхъ—210,000, въ отпуску 325,000, въ кадровыхъ депо—310,000, итого регулярныхъ войскъ 1.300,000; береговой и лѣсной стражи—25,000, территориальныхъ войскъ—500,000; всего вооруженнаго и годнаго къ бою контин-гента—1.825,000.

Обрядъ при смерти папы. Едва римскій первосвященникъ испускаетъ духъ, кардиналъ камерингъ, облеченный въ траур-ное (сѣлетовое) одѣяніе, послѣ краткой молитвы, отдернувъ скрывавшій усопшаго покровъ, трижды ударяетъ его серебрянымъ молотомъ въ чело, всякій разъ громко называя по имени. Потомъ онъ обращается къ присутствующимъ, со словами: «воистину папа скончался», читаетъ «de profundis», окропляетъ тѣло святою водою, отбираетъ первосвященническій перстень (имѣющій быть разломаннымъ въ первомъ общемъ собраніи кардиналовъ), и оповѣщаетъ городъ о кончинѣ папы. Гудитъ большой колоколъ Капи-толія, ему отвѣчаютъ со всѣхъ соборовъ и церквей. Тѣло омы-вается душистыми водами, на слѣдующія сутки бальзамируется, облачается въ первосвященническія одежды и выставляется на поклоненіе. На четвертый день начинаются погребальныя цер-емоніи, онѣ продолжаются девять дней...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. В. Сом—ову. Неужели это вы про себя пишете.

Исчезли свѣтлыя надежды,
Какъ мимолетный солнца лучъ,
Вдвесьнувъ на нить въ слазюкъ несподы,
Изъ-за свинцовыхъ бурныхъ тучъ.
Исчезло все, тоскуй же море
И слезы вмѣстѣ лей со мной.

Такое желаніе хотя и выраженное въ повелительномъ наклоненіи, полагаемъ не будетъ исполнено, хотя бы вы себя и еще сильнѣе обругали.

2. Мосица З. С—вичъ. Наше молчаніе вы находите:

Крайне не любезнымъ въ отношеніи къ дамъ, особенно въ нашъ цивилизованный вѣкъ, гдѣ прогрессъ, перехода законныхъ границы, наводитъ Европу". Благодаримъ за сообщеніе о предстоящемъ потопѣ, но присланныхъ стиховъ все таки напечатать не можемъ.

3. Мосица. Е. П. Л—у. Вы спрашиваете, гдѣ найти указанія и рисунки для уб-раства комнатъ. Не трудитесь искать: они будутъ вамъ присланы въ томъ номерѣ „Нивы“ при которомъ приложатся моды на май мѣсяцъ.

4. СПБ. М. Дворянской Г. Бор—у. Рако послать для напечатанія свои труды. Лѣтъ пять-шесть поработайте, да поусердуйте, можетъ быть, что нибудь и выйдетъ путное.

Прибавленіе на стр. 279 и 280.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ВОЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ настоящее время военныя дѣйствія происходят на *трехъ* театрахъ: 1) въ Западной части Балканскаго полуострова (на этомъ театрѣ военныя дѣйствія уже начались довольно давно, такъ какъ они составляютъ естественный результатъ истекшаго перемирія съ турками). 2) На востокѣ Балканскаго полуострова, въ долину Дуная, въ Румыніи, Болгаріи и Сербіи, и 3) Въ Азіи, на границахъ Россіи съ Турціей, въ пространствахъ между *Александрополемъ*, *Эрзерумомъ*, *Карсомъ* и *Батумомъ*. На всѣхъ этихъ *трехъ* театрахъ теперь уже начались дѣйствія.

Турція распредѣлила свои войска по упомянутымъ *тремъ* театрамъ довольно разсчитанно. На западномъ театрѣ у нея около 55,000 войскъ; на восточномъ сосредоточено около 180,000; здѣсь еще разсчитываютъ на присоединеніе кочевниковъ изъ Азіи. На этомъ восточномъ театрѣ находятся все имѣющія огромную важность турецкія желѣзнодорожныя сообщенія и первоклассныя турецкія крѣпости: *Виддинъ*, *Русчукъ*, *Силистрія*, *Шумла* и *Варна*. Что касается азіатскаго театра войны, то и тамъ войска у турокъ насчитываются собственно регулярныхъ войскъ до 40 т и кромѣ того, милиціи до 60 т. всего до 100 тыс. чел. Затѣмъ надо прибавить, что турецкая военная дисциплина и вооруженіе теперь далеко ушли впередъ, слѣдовательно Турцію теперь ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать *слабымъ* противникомъ.

Наши войска, какъ извѣстно, двинулись по *двумъ* главнымъ направленіямъ: а) черезъ Прутъ войска, долженствующія оперировать въ Дунайской долинѣ, и затѣмъ войска, расположенныя на Кавказѣ, изъ которыхъ главное мѣсто занимаетъ корпусъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова. Эта часть арміи перешла границу азіатской Турціи, на восточномъ берегу Чернаго моря. Это громадный, такъ сказать, клинъ материка, двинутый между Каспійскимъ и Чернымъ морями, заключающей въ себя Кавказъ. Съ давнихъ временъ, это мѣсто служило театромъ нашихъ, почти всегда удачныхъ, военныхъ столкновеній съ персами; далѣе — упорная борьба съ дикимъ населеніемъ Кавказа и затѣмъ съ турками. Въ Крымскую кампанію этотъ театръ войны былъ почти безусловно счастливъ для насъ; турки еще помнятъ тѣ пораженія, которыя нѣкогда испытывали здѣсь. Одно изъ важныхъ операций турецкаго флота въ этомъ пунктѣ (на восточномъ берегу Чернаго моря) будетъ, безъ сомнѣнія, бомбардированіе разныхъ находящихся здѣсь приморскихъ укрѣпленій, въ родѣ форта Св. Николая, Поти и проч. И дѣйствительно уже и теперь были безуспѣшныя, впрочемъ, попытки бомбардированія турками упомянутыхъ приморскихъ укрѣпленій, какъ увидимъ далѣе.

Главнокомандующимъ турецкою арміей назначенъ Абдуль-Керимъ-паша, занимавшій эту должность и въ минувшую сербскую войну и еще прежде участвовавшій въ кампанію 1855 г въ Закавказьѣ (тогда онъ былъ уже трехбунчукнымъ пашею). Въ роли помощника его состоитъ Ахмедъ-Эюбъ-паша, тоже извѣстный по минувшей сербской войнѣ. Что касается турецкихъ войскъ, расположенныхъ въ Дунайской долинѣ, то они распределены по Дунаю отъ крѣпости Виддинъ до береговъ Чернаго моря, на протяженіи 800 верстѣ. Эта громадная линия боевого расположенія турецкихъ войскъ прикрыта, какъ видно на картѣ, съ фронта Дунаемъ, а съ праваго фланга Чернымъ моремъ. Лѣвый же флангъ ея прикасается къ границамъ Сербіи, сѣверо-восточный уголъ которой соприкасается съ Валахіей. При этомъ у Турціи-Северина желѣзная дорога изъ Бухареста подходит къ самому берегу Дуная противъ сербской крѣпости Кладова. Удобнѣйшія переправы черезъ Дунай, считая съ запада, находятся въ слѣдующихъ пунктахъ: у *Рагова*, *Никополя*, *Туртука* и *Силистріи*. Поэтому-то здѣсь турки и сосредоточили свои войска массивно цѣлю до 80,000 человекъ, чтобы затруднить русскимъ переходъ черезъ Дунай. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ протяженіи теченія Дуная до Чернаго моря, отъ Черновода до Сулины, правый берегъ рѣки имѣетъ дикій пустынный характеръ, крайне затрудняющій переправу. Этотъ-то уголъ Болгаріи между Дунаемъ и Чернымъ моремъ извѣстенъ подъ именемъ Добруджи, и въ немъ полагаютъ наименьшее количество турецкихъ войскъ, и именно иррегулярныхъ, въ родѣ черкесовъ и проч. Однакожъ, въ случаѣ высадки нашихъ войскъ въ Добруджу, туда подоспѣютъ на помощь иррегулярнымъ войскамъ по желѣзнымъ дорогамъ подкрѣпленія изъ Силистріи и Варны. Движеніе нашей арміи (какъ видно на картѣ) составляетъ почти вертикальную линію, упирающуюся въ Добруджу, но послѣдняя не можетъ, однако, составлять цѣль движенія нашихъ войскъ. Удачное движеніе на Добруджу, если таковое входить въ планъ нашихъ дѣйствій, возможно только по занятіи укрѣпленій у устьевъ Дуная, какъ опорныхъ пунктовъ. Упомянутая правая линія неизбежно обуславливается направлениемъ желѣзной дороги, ведущей отъ границъ Россіи, черезъ Яссы, въ Галацъ, расположенный на Дунаѣ, и засимъ желѣзная дорога круто поворачиваетъ къ юго-западу отъ Галаца, черезъ Браиловъ на Бухарестъ. Не далеко отъ Галаца впадаетъ въ Дунай рѣка Серретъ, черезъ устье которой и проведенъ желѣзно-дорожный мостъ, у селенія Барбаша. Эти пункты, для успѣшнаго начала операций, нужно было занять нашимъ войскамъ. Дѣйствительно,

такъ и случилось, и наши войска уже заняли и Браиловъ, и Галацъ, и Барбашскій мостъ черезъ Серретъ. Эти первыя наши удачныя операціи возбудили всеобщій интересъ!

Мы нарочно распространили топографическимъ описаніемъ Дунайскаго театра войны, чтобы для читателя былъ вполнѣ понятенъ дальнѣйшій ходъ нашихъ военныхъ операций въ этой мѣстности, и чтобы, наконецъ, намъ въ будущихъ нашихъ объясненіяхъ военныхъ извѣстій, уже не возвращаться болѣе къ элементарнымъ географическимъ и топографическимъ описаніямъ.

Обращаемся къ хронологическому сообщенію самыхъ дѣйствій начавшейся войны.

13 апрѣля телеграмма изъ Кишинева сообщила, что наши войска, стояція въ пограничныхъ мѣстахъ, перешли границу, т. е. вступили въ Румынію въ *трехъ* пунктахъ; *Угленакъ*, *Бештанакъ* и противъ *Кубей*. Къ вечеру того же дня они вступили въ Яссы, Леово, Галацъ и заняли Барбашскій *) мостъ на рѣкѣ Серретѣ, причемъ казаки сдѣлали около 100, а пѣхота 70 верстѣ до Рени (румынскаго города, лежащаго при впаденіи Прута въ Дунай). Затѣмъ, на слѣдующій день, 14 апрѣля, телеграммою Его Императорскаго Высочества, главнокомандующаго действующею арміей, сообщено, что войска изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, подъ общимъ начальствомъ полковника Бискупскаго, заняли 13 апрѣля *Галацъ*, *Браиловъ*, а также и мостъ на рѣкѣ Серретѣ, о занятіи котораго сообщила и предшествующая телеграмма. Затѣмъ телеграммою Его Высочества главнокомандующаго извѣщено, что командиръ 11-го армейскаго корпуса, князь Шаховской, благополучно занялъ 15 апрѣля вѣрными ему войсками *Галацъ* и *Браиловъ*. По всѣмъ путямъ, прибавляетъ телеграмма, наши войска встрѣчаются жителями самымъ радужнымъ образомъ. *Измаилъ* и *Килия* заняты войсками 36 дивизіи, встрѣченными здѣсь съ восторгомъ. Итакъ по 16 апрѣля заняты нашими войсками *четыре* весьма важные пункта: *Галацъ*, *Браиловъ*, *Измаилъ* и *Килия* (первые два стоятъ на предположенномъ стратегическомъ пути по желѣзной дорогѣ до Бухареста, а послѣдніе находятся близъ устьевъ Дуная и представляются важными опорными пунктами при движеніи нашихъ войскъ въ Добруджу, которую мы уже характеризовали выше).

За то же время на азіатскомъ театрѣ войны произошло слѣдующее (по телеграммѣ г. военнаго министра):

12 апрѣля, вслѣдъ за объявленіемъ войны, войска наши, обороняныя въ Александрополѣ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, перешли границу *двумя* колоннами, изъ которыхъ лѣвая дошла до Мулла-Муса, а правая до Башъ-Шурагена; кавалерія шла впередъ. Дивизіонъ нижегородскаго драгунскаго полка и казаки имѣли небольшую стычку съ Куртинскою конницею. При этомъ куртинцы потеряли *нѣсколько* человекъ, а съ нашей стороны ранена одна лошадь. На другомъ пунктѣ границы, при перестрѣлкѣ убитъ 1 казакъ, со стороны же непріятеля убито четверо. Вообще въ этотъ *первый* день военныхъ дѣйствій нашими отрядами взято въ плѣнъ до 7 офицеровъ и до 100 солдатъ. На слѣдующій день (13 апрѣля) войска Александропольскаго корпуса находились у Кизилы-Чехчаны **). Въ этотъ день войска Ріонскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо начали наступленіе двумя колоннами. Лѣвая колонна, генералъ-маіора Денибекова, послѣ жарнаго дѣла, заняла въ 6 час. вечера барачный лагерь у турокъ у *Мухастера*. Правая же колонна, генералъ-маіора Шерметьева, подвигаясь съ перестрѣлкой, выступила на Ачакурскую дорогу. Наша потеря въ этотъ день около 30 человекъ. Въ томъ числѣ раненъ командиръ 6 батареи 41 артиллерійской бригады подполковникъ Муселовъ. Кромѣ регулярныхъ войскъ, въ этомъ дѣлѣ заслужила похвалу Гурійская дружина. Въ тотъ же день на морѣ, между Чуруксу и постомъ Николаевскимъ показались турецкіе броненосцы. Затѣмъ 15 апрѣля наша пѣхота перешла къ Бюрюкъ-Дара, а кавалерія къ Суботину и Хаджи-Вали. Уже упомянутый выше Ріонскій отрядъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо, 14 апрѣля занялъ окончательно сильную позицію у Мухастера (гдѣ 13-го былъ занятъ турецкій барачный лагерь). Турки вели перестрѣлку, но совершенно для насъ безвредную. Въ тотъ же день (14) *три* турецкихъ броненосца подошли къ нашему пограничному посту Св. Николая и начали было бомбардировать его, но вскорѣ удалились. У поста Св. Николая стоялъ батальонъ Александровскаго пѣхотнаго полка; и при этомъ убитъ съ нашей стороны 1 унтеръ-офицеръ и 1 рядовой раненъ. На разсвѣтъ 15-го апрѣля, броненосцы приближались-было къ Поти, но вскорѣ удалились, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла.

— На другой день, (16 апрѣля) обстрѣливали снова постъ Св. Николая. Однакожъ не нанесли ему серьезнаго вреда, такъ какъ ядра летѣли мимо, вслѣдствіе дурнаго прицѣла.

— Изъ Александрополя (восточн. театра войны) телеграфируютъ, что главныя наши силы, переправаясь благополучно черезъ

*) Барбашскій мостъ, какъ уже упомянуто выше, находится на пути изъ Галаца въ Браиловъ.

**) На пути изъ крѣпости Александрополя къ Карсу, въ 22 верстахъ отъ перваго и 47 отъ послѣдняго.

рву Карсъ-Чай, расположились на ночлег: пѣхота въ Кюрюкь-Дора, кавалерія въ Хаджи-Вали и Субботинѣ. Здоровье и настроеніе нашихъ войскъ превъсходны. Мѣстная турецкая кавалерія почти вся разбѣжалась; часть ея перешла на нашу сторону и желаетъ сражаться противъ турецкихъ регулярныхъ войскъ, часть же разошлась по домамъ. 16 же числа въ Шурмельскомъ округѣ введено русское управленіе. Мѣстное населеніе при этомъ не только не оказало сопротивленія, но приняло русскую власть какъ благодѣяніе.

Изъ Ахалцыха отъ 17 апрѣля телеграфируютъ, что колонна, состоящая подъ начальствомъ полковника Комарова, заняла Девинъ. Жители и здѣсь встрѣчаютъ наши войска дружелюбно, съ покорностью и добровольно выдаютъ ружья. Патроновъ взято 6000 штукъ. Затѣмъ встрѣтившіеся нашими войсками на пути перевалы въ Адмалію и къ Ардагану покрыты снѣгомъ. Вслѣдствіе этого путь весьма дурень; но состояніе здоровья войскъ отличное.—Съ 18 апрѣля передъ Карсомъ, куда уже подошли русскія войска и гдѣ сосредоточились наши большіе отряды, начались стычки. Подробности этихъ стычекъ еще неизвѣстны.

Русскія войска везутъ съ собою осадный обозъ. Въ Карсѣ находится извѣстный Мухтаръ-паша.

Теперь обратимся къ политическимъ фактамъ въ тѣсномъ смыслѣ. Все они, конечно, имѣютъ прямое или косвенное отношеніе къ начавшейся войнѣ, которая представляется такимъ образомъ общимъ фокусомъ. Мы коснемся только извѣстій, имѣющихъ прямое отношеніе къ войнѣ. Первый, представляющийся здѣсь важный вопросъ—это вопросъ о нейтралитетѣ державъ въ текущей войнѣ; нейтралитетъ вещь громадно-важная, ибо отъ него зависитъ и самая локализация войны и скорѣйшее ея окончаніе. Державы, а особенно Англія, ожидали какого-либо *заявленія* со стороны Порты, чтобы соотвѣтственно этому направить свой образъ дѣйствій. Турція торжественно высказала, что она ожидаетъ вмѣшательства и заступничества Европы, на основаніи 8-й статьи Парижскаго трактата.

Носились разные слухи о томъ, какъ отвѣтятъ разныя европейскія державы на ноту Порты. Былъ слухъ о попыткахъ къ составленію противъ Россіи западной коалиціи, на подобіе англо-французской въ Крымскую кампанію; но слухи оказались недостоверными. Напротивъ, извѣстно, что представители державъ, не исключая и Англіи, весьма резонно объяснили Портѣ, что,

по силѣ 8 статьи трактата, требуется именно такое «вмѣшательство» и «заступничество», которое до сихъ поръ державы оказывали Портѣ своимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ и покровительствомъ, въ смыслѣ предотвращенія взрыва; но на это Порта не обратила никакого вниманія.

Телеграфъ извѣстилъ насъ, что Порта воспротивилась тому, чтобы русскіе подданные въ Турціи были поставлены подъ покровительство Германскаго посольства; но, тѣмъ не менѣе, русское правительство дало свое согласіе на то, чтобы турецкіе подданные въ Россіи были поставлены подъ покровительство англійскаго посольства. Далѣе телеграфъ извѣстилъ насъ, что въ Палатѣ Общинъ сэръ Нортекотъ высказалъ, что королева вскорѣ подпишетъ заявленіе о нейтралитетѣ Англіи, а на другой день послѣ этого (т. е. 19 апрѣля (1 мая) дѣйствительно обнародовано объявленіе королевы, которымъ возвѣщается о строгомъ и безпристрастномъ нейтралитетѣ Англіи по отношенію къ русско-турецкой войнѣ.

Декларация о нейтралитетѣ Англіи уже передана европейскимъ кабинетамъ.

Изъ Парижа (въ рѣсепантъ къ этому) сообщаютъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Деказъ, обнародовалъ циркуляръ, въ которомъ говорится, что «Франція должна сохранять безусловный нейтралитетъ» и быть сдержанною.

Такъ, на основаніи этихъ торжественныхъ заявленій, нейтралитетъ двухъ великихъ державъ, выступившихъ за Турцію во время Крымской кампаніи, обезпеченъ. Теперь мы вправѣ надѣяться, что война пребудетъ отъ начала до конца, что и было весьма желательно, «строго-локализованною».

Въ «Times» напечатана телеграмма, извѣщающая, что въ Аваганистанѣ объявлена священная война противъ англичанъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Поль Гѣйзе (съ портретомъ) Н. — Стихотвореніе М. Боева. — Госпожа маркиза (Нивелла Пола Гейзо) (окончаніе) — Вѣтры (окончаніе) Н. Зуева. — Названія минеральныхъ водъ (съ 8-ми рисун.) Д. Стахѣва. — Чернильная рыба или осьминогъ (съ рисункомъ). — Завтракъ. Сцена изъ Французской жизни времени Директоріи (съ рисункомъ). — Воспламененіе эфирныхъ паровъ нѣкоторыхъ растений (съ рисункомъ). — Амуръ и Психея (съ рис.). — Внутреннія извѣстія. — Отъ редакціи «Нивы». — Новое изобрѣтеніе. Штопальная машина (съ рисункомъ). — Сибѣрь. — Почтовый ящикъ. — Политическія и военныя извѣстія. — Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

ЛУЧШАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИГА ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ ПОДАРОКЪ МОЛОДЫМЪ ХОЗЯЙКАМЪ.

ИЛИ

СРЕДСТВО КЪ УМЕНЬШЕНІЮ РАСХОДОВЪ ВЪ ДОМАШНЕМЪ ХОЗЯЙСТВѢ

Составила и издала Елена Молоховецъ. Седьмое дополненное изданіе. Книга эта заглаживаетъ въ себѣ три плана домоу, удобно расположенныхъ въ хозяйственномъ отношеніи, пять рецептовъ изъ 800 ОБЪЕДОВЪ на разныя цѣны (отъ 75 коп. до 12 руб. обѣдъ на 6—8 человекъ) и до 2,000 ОПИСАНІЙ ДОМАШНИХЪ ЗАПАСОВЪ и разныхъ кушаньевъ, съ подробнымъ указаніемъ выдачи для нихъ провизій мѣрою и вѣсомъ. Цѣна 3 р 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 4 р. Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ О. И. ВОКСТА (В. Итальянская, № 2).

Въ Петербургѣ и Москвѣ вышла 3-Я ЧАСТЬ соч. К. В. М. «ТАЙНЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕТЕРБУРГА».

«ВЪ ЦАРСТВѢ ВЕНЕРЫ»

Цѣна 2 руб. Первая часть вышла третьимъ изданіемъ.—Вторая вторымъ. Содержание 8 л частей: Два обожателя Венеры.—Неожиданное открытіе.—Мудрый совѣтникъ.—Загадочная смерть.—У Венеры въ гостяхъ.—Одна изъ жертвъ Венеры.—Развѣщанная Венера.—Маска.—Моя блда.—Лидія Петровна.—Волшебница Венера.—Еще штука Реброва.—Судная касса.—Ужасная драма.—Медицинскій монологъ.—Ночь у Венеры перваго класса.—Ночь въ царствѣ Венеры послѣдняго класса.—Тюмъ барныя благотворительницы.—Танцевальное лицо.—Живой мертвецъ.—Страшный разговоръ.—Грустная комедія.—Великое чудо.—У овра большого.—У двухъ священниковъ на дому.—Выстрѣлъ.—Бѣдная мать.—Новый пациентъ.—Въ тюрьмѣ.—Роковой припадокъ

Тамъ же продается второе изданіе новаго романа того же автора «ХОЧУ ВЫТЬ РУССКОЮ». Цѣна за 4 тома 4 р. 4—1

АЙ-ЛЮЛИ!

новый кадрилъ Н. Порошина, продается въ музыкальныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвѣ. № 171.

ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ ЗОНТИКИ

Антуа съ красивыми ручками, двойной системы, исключительно двойной матеріи отъ 4 р. 50 к. до 8 р. 50 к. Модные зонтики съ воланами, также съ кружевными покрывшами отъ 4 р. до 8 р. — к. Зонтики для дѣлечъ » 1 » — 2 » 50 » Дождевые зонтики, шерстяные и шелковыя двойной матеріи » 2 » — 13 » — »

ПОЧИНКИ И ОБТЯЖКИ ЗОНТИКОВЪ.

ЧУЛСКИЕ
Настоящіе французскіе пестры, новѣйшихъ рисунковъ за пару. Дамскіе бумажные, бѣлые пестры, печатные отъ 1 р. 25 к. до 3 р. 50 Дѣтскіе » 85 » — 1 » 50 Дамскіе фильдековские цѣтные, пестры, набѣленные отъ. 3 » — 5 » — Чулки саксонскихъ и англійскихъ фабрикъ по весьма дешевымъ цѣнамъ. Перинная линія № 20 С.-Петербурга.

А. А. ВЕТИЦЪ

Гг. иногороднымъ высылаю по требованію подробныя прейсъ-курранты 1

РОЛЬ КОНЦЕРТНЫ

ФАБРИКИ ПЕРЕДЕРА продается недорого по оцѣнѣ № 83 эк. № 12. 3—1

УЧИТЕЛЬ

Нѣмецъ, получившій воспитаніе въ Классич. гимн. въ г. Ригѣ и занимавшійся съ успѣхомъ нѣсколько лѣтъ воспитаніемъ и образованіемъ дѣтей, ищетъ мѣсто въ Россіи. Просить обратиться въ имѣніе Адильонде чрезъ Леональда Лифландскій губ. въ учителю Восо. 1—1

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ «НИВЫ» продаются со слѣдующею свѣдѣніемъ:
Москва и Тверь, истор. пов., Кельсѣва П. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 50 к.
При Петрѣ, истор. пов., Кельсѣва и Клошъ-члова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подл. 1 р.
Въ нѣмыцахъ. Повѣсть Караяна. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
Богъ въ помощъ, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
Вторая жена, романъ Маршета. Ц. съ пер. для подл. 1 р. 40 к.
Двуногий воликъ. Романъ въ 2 частъ, съ 20 рис. Автора Н. Караяна. Цѣна 2 р. съ пересылкою 2 р. 30 к. для подписчиковъ Нивы 1 р. 80 к.

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3,
АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРЬ
и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Басильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
Товарищество Чекерсъ и К^о.

ВЕНЦЕЛЬ.
НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскармливанія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи
Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отбываю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНИЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи.
№ 2. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія). 26—19

СВѢЖІЯ СЪМЕНА
Огородныя, хлѣбныя, травяныя, цвѣтчныя и древесныя имѣютъ часть приключать
сѣменная торговля А. УШАНОВА
въ С.-Петербургѣ, Большая Бюльварная д. 1.
Подробный прейсъ-куррантъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ рождается въ высказанію по требованію бесплатно.
При этомъ не прилагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе Александра Венцеля „О Швейцарской молочной мукѣ“.

НИВА

№ 18

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдавъ 2 Мая 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕНЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

ГODOVAYА ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Каждый новый подписчик получает все уже вышедшие номера «Нивы».

Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
„ „ „ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки черезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева.	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во все города Имперіи	5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Контора журнала «Нива» помещается въ С.-Петербурѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

При этомъ № прилагаются: «Парижскія Моды» за МАЙ: 32 рисунка модъ, 25 рисунковъ выкроекъ, 26 рисунковъ для устройства и убранства комнатъ и 31 рисунокъ буквъ для мѣтки бѣлья.

В. И. РААБЪ

Вильгельмина Ивановна Раабъ, пѣвица-сопрано Императорской русской оперной сцены въ Петербургѣ, родилась въ Славковѣ (Аустрелицѣ), въ Моравіи, въ чешской семьѣ. Отецъ ея, нѣсколько игравшій на скрипкѣ, замѣтивъ въ своей дочери задатки музыкальнаго дарованія, сталъ обучать ее игрѣ на скрипкѣ, и уже 7—8-лѣтнею дѣвочкою она играла и пѣла въ церкви своего родного городка. Первоначальное музыкальное образованіе она получила въ Пражской консерваторіи, гдѣ три года специально занималась изученіемъ игры на скрипкѣ. Перейдя затѣмъ въ 1866 году въ Вѣнскую консерваторію, она, не покидая изученія скрипки, начала брать уроки пѣнія у г-жи Фалькони, подъ руководствомъ которой закончила свое музыкальное образованіе, какъ пѣвица.

Выйдя затѣмъ замужъ за адъюнта скрипичнаго класса,

Рааба, Вильгельмина Ивановна осенью 1869 года перѣехала въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ, послѣ полугоднаго суиужества, лишилась своего мужа, скончавшагося въ то время, когда его молодая жена готовила съ быть матерью.

Оставшись послѣ мужа безъ всякихъ средствъ къ жизни, В. И., благодаря участію, принятому въ ея судьбѣ покойною Великою Княгинею Еленою Павловною, получила возможность посѣщать классы пѣнія нашей Петербургской консерваторіи. Съ этого времени, т. е. съ конца 1870 и начала 1871 г., она подготовлялась къ карьерѣ русской оперной пѣвицы, пользовалась уроками у г-жи Ниесенъ-Саломанъ и изучая ей совершенно незнакомый въ то время русскій языкъ.

На русскую оперную сцену она поступила осенью 1871 г. и дебютировала 21-го ноября въ роли Матильды въ „Вильгельмъ“

Вильгельмина Ивановна Раабъ. Примадонна-сопрано Слб. Русской Оперы). Рис. и грав. Нейманъ.

Тель⁴. Съ тѣхъ поръ г-жа Раабъ не покидала сцены Марининскаго театра и, кромѣ Петербурга, пѣла только въ теченіи лѣтнихъ каникулъ на Одесской оперной сценѣ, гдѣ лѣтомъ 1873 и 1874 года ею были исполнены первыя ея большія оперныя партіи, послѣ которыхъ она заняла то амплу примадонны-сопрано нашей оперной группы, которое занимаетъ и въ настоящее время.

Г-жа Раабъ очаровываетъ слушателей своимъ, хотя и не весьма большимъ, но поистинѣ прелестнымъ голосомъ. Игра ея проста, естественна; въ Маргаритѣ (опера „Фаустъ“ Гуно), г-жа Раабъ производитъ большое впечатлѣніе не только задумчивымъ пѣніемъ но и замѣчательно вѣрной передачею роли симпатичной Гретхенъ, образъ которой въ ея игрѣ является вообще весьма законченнымъ. Партія Людмилы (въ „Русланъ“ Глинки), также прекрасно исполняется г-жею Раабъ, какъ прекрасно передается и самая роль Людмилы, хотя эта роль, по нашему мнѣнію, можетъ быть разсматриваема всего скорѣе со стороны музыкальной, нежели какъ живое воспроизведеніе образа дочери Свѣтлозара.

Этотъ образъ, какъ олицетвореніе душевныхъ сторонъ характера, мало развитъ даже въ произведеніи нашего бессмертнаго поэта, собственно и неимѣющаго въ виду подробностей этой задачи, но, конечно, нельзя не замѣтить, что тѣ главныя черты, которыя положены имъ въ основу характера Людмилы, переданы Глинкою въ его оперѣ съ замѣчательною колоритностью. Г-жа Раабъ исполняетъ партію Людмилы, конечно, съ такимъ же мастерствомъ, какъ и всѣ другія партіи, и замѣтили мы о разницѣ ея игры въ роли Гретхенъ и въ роли Людмилы лишь потому, что дивный образъ Гретхенъ, этотъ высочайшій образъ нравственной чистоты и кротости, невольно увлекаетъ на сопоставленіе его съ другими въ примѣръ имъ.

Съ 21 ноября 1871 года по настоящее время, В. И. Раабъ исполнила 21 партію въ 19 операхъ и участвовала въ 300 спектакляхъ. Изъ числа 21 исполненной ею роли, на долю русскихъ оперъ приходится слѣдующія одиннадцать: Людмилы и Гориславы („Русланъ“ Глинки), Тамары („Демонъ“ Рубинштейна), Юдифи (Сѣрова), Наташи („Ермакъ“ Сантиса), Натальи („Опричники“ Чайковскаго), Ксеніи („Борисъ Годуновъ“ Мусоргскаго), Катарини („Анжелло“, Кюи), Оксаны („Вакула кузнецъ“ Чайковскаго), Ноэми („Маккавей“ Рубинштейна), Ассирійской женщины („Сарданапалъ“ Фаминцина). Изъ числа упомянутыхъ ролей Вильгельмина Ивановна создала и первая пѣла партіи сопрано въ „Демонѣ“, „Вакулѣ кузнецѣ“, „Ермакѣ“, „Опричникахъ“, „Борисѣ Годуновѣ“, „Анжелло“, „Маккавейхъ“ и „Сарданапалѣ“. Затѣмъ къ ея ролямъ принадлежатъ, какъ мы замѣтили выше, Маргарита („Фаустъ“ Гуно), Матильда („Вильгельмъ Тель“ Россини), Агата („Фрейшютцъ“ Вебера), Эльвира („Донъ-Жуанъ“ Моцарта), Елизавета („Тангейзеръ“ Вагнера),—Королевы и Урбани („Гугеноты“ Мейербергера), Алисы („Робертъ“ его же), и Верты („Пророкъ“ его же).

Не можемъ не замѣтить, что въ роли Елизаветы (въ Тангейзерѣ⁴) г-жа Раабъ слабѣе чѣмъ въ другихъ. Здѣсь можно было съ нѣкоторою обстоятельностью указать на глубокое значеніе роли Елизаветы и вообще ея характера, весьма достойнаго тщательнаго изученія, но за недостаткомъ мѣста мы должны ограничиться лишь указаніями на то, что г-жа Раабъ не создала изъ этой роли того, что могла бы при ея талантѣ сдѣлать. Считаемо необходимымъ сопоставить въ этой роли двухъ пѣвицъ, именно г-жу Платонову (теперь уже оставившую сцену) и г-жу Раабъ—и первенство въ исполненіи роли Елизаветы будетъ въ весьма значительныхъ размѣрахъ за г-жею Платоновую.

Во время своей артистической карьеры, В. И. кромѣ того участвовала, какъ пѣвица, во многихъ концертахъ, являясь исполнительницею по преимуществу классическаго репертуара. Замѣтимъ, между прочимъ, что до поступленія на сцену ей приходилось выступать на концертную эстраду и въ качествѣ скрипача-концертанта, причемъ ея игра на скрипкѣ обращала на себя вниманіе любителей.

Недавно, а именно въ текущемъ апрѣлѣ, г-жа Раабъ вышла замужъ за г. Плющихъ - Плющевскаго, товарища прокурора С. П. Окружнаго Суда. Желаемъ ей счастья въ этомъ замужествѣ, но, само собою разумѣется, въ то же время желаемъ, чтобы такая превосходная пѣвица не оставляла сцены, ибо „таланты отъ Бога“ и грѣшно ихъ скрывать.

Сомнѣнія, овладѣвающія нами при мысли, что наша русская сцена можетъ лишиться прекрасной пѣвицы, невольно заставляютъ насъ задумываться надъ тѣмъ, какъ часто волна жизни, съ ея роковою „суетою суеть“ уноситъ многие таланты своимъ теченіемъ отъ ихъ настоящаго призванія. Но, быть можетъ, г-жа Раабъ и устоитъ противъ вліянія этой жизненной волны и наша русская сцена не будетъ ею покинута ради мишурныхъ благъ, получаемыхъ при посредствѣ богатства; можно быть и богатымъ и „не зарывать своего таланта“. Недавно поэтъ, обращаясь къ пѣвцу, такими яркими красками обрисовываетъ могущество тѣхъ звуковъ, чарующею силою которыхъ онъ владѣетъ. Можетъ-ли быть наравнѣ съ этою силою поставлена кака-либо другая сила, хотя-бы даже и въ несмѣтномъ богатствѣ заключающаяся. Поэтъ говоритъ, обращаясь къ пѣвцу:

„...Ты можешь сладкимъ мукамъ
Ожесточенныхъ грудь открыть,
Священной арфы яркимъ звукомъ
Подъяту длань окаменить,
И разволнованы и сжаты,
Сердца почуютъ твой напѣвъ,
И укрошенъ, приляжетъ левъ
Къ твоимъ стопамъ главою косматою“.

Л. Ст.—ва.

ЖЪ ВОЙСКАМЪ.

Вся цѣль войны—славянъ свобода,
И ей сочувствіемъ горя,
Отозвались сердца народа
На слово Русскаго Царя...
Съ восторгомъ вѣсть войны встрѣчая,
Колонны къ берегу Дуная
Вдругъ двинулись,—и отъ Днѣстра
До Прута грянуло „ура“!

Не такъ легко безъ пораженья
Дуная волны перейти—
Построить мостъ въ пылу сраженья,
Подъ градомъ пуль его пройти;

Но стоитъ жертвъ побѣды слава!
Солдатъ живить сознанье права—
Такъ всѣ настроены войска,—
А воля русская крѣпка!

Войска, соотчичи родные!
Благославляемъ вашъ походъ!
Вамъ слышны-ль возгласы живые,
Что посылаетъ вамъ народъ?
Вамъ слышны-ль тѣ сердцецъ моленья,
Что Русь возноситъ къ небесамъ,
Прося, чтобъ въ жаркій часъ сраженья
Явилась свыше помощь вамъ.

Н. Б.—всій.

ЖЪ ПОРТРЕТУ ПУШКИНА *).

Живой души благодаренье
За мигъ восторга золотой.

Великую любовь и великую жалость должны мы чувствовать при взглядѣ на эти черты. Изъ писателей своихъ и чужихъ русской человѣкъ никого не можетъ любить такъ, какъ Пушкина. Другимъ историческимъ дѣятелямъ онъ можетъ удивляться больше, чѣмъ ему, признавать за ними большія силы, больше заслугъ; но никого нельзя признать болѣе достойнымъ любви, чѣмъ Пушкина. И въ этомъ заключается, конечно, заслуга несравненная, въ этомъ самая дорогая, самая лучшая слава нашего поэта. Пушкинъ былъ по размѣру своихъ силъ и дѣятельности довольно обыкновеннымъ человѣкомъ; онъ не обнаружилъ преждевременной зрѣлости, не питалъ казихъ-нибудь необычайныхъ идей и плановъ, не шелъ въ разрѣзъ съ окружающими людьми и не совершилъ въ области мысли под-

виговъ, которые поставили бы его выше его современниковъ. Но у него былъ даръ, превосходящій своею цѣнностью всякіе подвиги и усилія, именно—*красота душевныхъ чувствъ*, та самая красота, которую онъ выражалъ въ своей поэзіи и отъ которой зависѣло и зависить все обаяніе этой поэзіи. Ибо Пушкинъ былъ человѣкъ очень простой и очень искренній, и то, что онъ писалъ, было прямымъ выраженіемъ его души.

Эту красоту мало и рѣдко понимаютъ, потому что она хоть и чаруетъ, но не бросается рѣзко въ глаза. Чтобы насъ по-

* Въ виду состоявшагося утвержденія проекта на памятникъ А. С. Пушкина, имѣющій быть воздвигнутымъ въ Москвѣ, помѣщаемъ рисунокъ этого памятника и портретъ нашего великаго поэта.

Обращая вниманіе нашихъ читателей на этотъ портретъ, смѣемъ думать, что по художественному своему исполненію онъ стоитъ коммѣрною выше всѣхъ до сихъ поръ издаваемыхъ портретовъ А. С. Пушкина; исполненъ онъ специально для „Иллюстраціи“ художникомъ Нейманомъ.

разить, обыкновенно нужно что-нибудь рѣзкое, блестящее, шумное; мы скорѣе готовы засмотрѣться на уродливое и отталкивающее, чѣмъ на простое и чистое. Красоту души, выражающуюся въ произведеніяхъ Пушкина, можно всего лучше сравнить съ красотой его языка. На первый взглядъ пушкинскій языкъ ничего особеннаго не представляетъ; только вчитавшись и вдумавшись можно оцѣнить его несравненную простоту, свободу и безконечно-гибкую силу. Такъ и душевныя чувства Пушкина повидимому не имѣютъ блеска и особенной высоты; но вникая и углубляясь, мы увидимъ въ нихъ такую чистоту, здравую силу, безграничную преданность сердечной святости, что будемъ готовы поставить нашего поэта выше всѣхъ другихъ влательцевъ нашихъ душъ. На Пушкинѣ не лежитъ ни единого упрека въ этомъ отношеніи; онъ не воспѣлъ ни единого злого и извращеннаго движенія человѣческой души, и каждое чувство, имъ воспѣтое, имѣетъ безподобную мѣру красоты и здоровья. Поэтому Пушкина слѣдуетъ считать великимъ воспитателемъ своего народа; онъ заставлялъ звучать въ душахъ читателей наилучшія струны, какія въ нихъ только могли отзываться.

Возьмите какія-нибудь существенныя чувства людей, любви, дружбу, патриотизмъ, религіозное умиленіе, и вы найдете у Пушкина самую правильную форму, самый чистый образъ этихъ чувствъ.

Любовь, вѣчный предметъ поэтическихъ пѣсенъ, есть чувство сложное, обнимающее всѣ стороны человѣческой природы и потому способное подниматься до духовной высоты и спускаться до скотской грязи. Въ Пушкинѣ это чувство имѣетъ такую глубину, серьезность и чистоту, какъ ни въ какомъ другомъ поэтѣ. У насъ въ Россіи онъ первый поставилъ женщину на ея мѣсто, первый заговорилъ о любви безъ шутильной веселости, безъ фальшивой восторженности, безъ грубой чувственности, заговорилъ какъ о существенномъ дѣлѣ человѣческой жизни. Свой идеалъ женщины онъ воплотилъ въ Татьянѣ и заставилъ Онегина преклониться передъ нею съ уваженіемъ и раскаяніемъ.

Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движеніе глазъ
Ловить влюбленными глазами;
Внимать вамъ доло, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ изнывать,
Блѣднѣть и гаснуть—вотъ блаженство!

Вотъ выраженіе страсти со всею ея силою и безъ всякаго преувеличенія, вотъ любовь, наполняющая тѣло и душу и потому соединяющая пламенное влеченіе съ уваженіемъ, даже страхомъ. Въ такой любви не теряются между мушанной и женщиной чисто-человѣческаго отношенія, а, напротивъ, достигаютъ особенно-тонкаго и яснаго развитія.

Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

Всѣ стихотворенія Пушкина, посвященныя любви, заслуживаютъ въ этомъ смыслѣ внимательнаго изученія. Отъ грубой и веселой чувственности, которую онъ засталъ въ ходу и которая лишь отчасти уступила мѣсто модѣ на приторную сантиментальность и мечтательность, онъ перешелъ къ сильнымъ, правильнымъ и чистымъ чувствамъ.

Даже въ шутилькахъ непристойностяхъ, которыми онъ заплатилъ довольно большую дань своему времени, нельзя не изумляться тому, что грубое содержаніе вполнѣ закрывается острою, шалостью, граціею, чѣмъ-нибудь стоящимъ выше грязнаго предмета. Могучая чувственность, которою былъ надѣленъ Пушкинъ отъ природы, была въ немъ вполнѣ покорена духовными чувствами.

Дружба играетъ въ жизни и въ поэзіи Пушкина такую роль, какъ ни у какого другаго поэта. Пушкина много любили, но не друзья его прославились своею необычайною преданностью, а онъ знаменитъ тою нѣжностью, которую питалъ къ нимъ. Его *лицейскія годовщины* и множество другихъ стихотвореній исполнены необыкновенной задушевности и показываютъ, какъ онъ былъ жаждетъ до этихъ теплыхъ отношеній, и какъ въ то же время былъ въ нихъ искрененъ и простъ.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Залутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на доно дружбы новой,
Уставъ, привикъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей, печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предаюсь нѣжной;
Но горекъ былъ не-братскій ихъ привѣтъ.

Такъ онъ жаловался и рассказывалъ тѣмъ, кого называлъ *братьями, друзьями своей души, своими милыми, безцѣнными*.

И какое бы мы жизненное отношеніе ни взяли, мы вездѣ найдемъ у Пушкина живой, глубокой отзывъ, всегда найдемъ

движенія сердца, поражающія несравненною красотой, несравненной правдою и силою. Кто яснѣе Пушкина чувствовалъ свое призваніе? Кто живѣе и правдивѣе выразилъ положеніе поэта?

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвѣ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Но, будучи вполнѣ поэтомъ, Пушкинъ былъ въ то же время вполнѣ человѣкомъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Его отношенія къ общественнымъ дѣламъ, къ отечеству, заслуживаютъ тщательнаго изученія. Они очень сложны, но живая правда прорывается въ нихъ широкими молніями. Покойный М. П. Погодинъ указывалъ на то, что Пушкинъ предсказалъ не только освобожденіе крестьянъ, но и самую форму, въ которой произойдетъ это событіе. Когда Пушкину было двадцать лѣтъ (1819), онъ былъ пламеннымъ поклонникомъ свободы и ненавидѣлъ наше крѣпостное право; и вотъ, изображая картину этого рабства, онъ съ негодованіемъ и надеждой воскликнулъ:

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный,
И рабство падшее по манію царя,
И падъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли наконецъ прекрасная заря?

Мы дождались совершенія этого пророчества; рабство пало на нашихъ глазахъ именно по *манію царя*.

Другіе два стиха Пушкина часто были повторяемы, какъ формула, въ которой ясно и просто выражается историческое положеніе Россіи:

Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ,
Оно-ль изсякнетъ,—вотъ вопросъ!

Эти стихи, можетъ быть, возникли не безъ вліянія Погодина, бывшаго хорошимъ пріятелемъ Пушкина. Но вообще у Пушкина нужно учиться политическому взгляду на Россію. Онъ первый понялъ сердцемъ, что Европа для насъ чужой міръ, и сказалъ ей, какъ до него никто не рѣшился бы сказать:

Оставьте: это споръ славянъ между собою.
Оставьте насъ: вы не читали,
Снѣ кровавыя скрижали...

Онъ сердцемъ почувствовалъ, что наша сила въ томъ единодушіи и самоотверженіи, которое воплощается для насъ въ повинновеніи нашему царю. Хотя была минута, выраженная имъ стихомъ:

Въ Москвѣ не Царь, въ Москвѣ Россія,

но единодушіе царя и народа воспѣто Пушкинымъ въ лучшемъ его смыслѣ и во всемъ его могуществѣ. Когда поэтъ грозитъ врагамъ Россіи, онъ, какъ одну изъ самыхъ страшныхъ угрозъ, говоритъ имъ:

Иль русскаго царя уже безсильно слово?

Всѣ русскіе люди, конечно, знаютъ этотъ вопросъ и повторяютъ его. Въ минуты унынія, когда грозятъ великія внѣшнія опасности, или когда внутреннее разстройство раздражаетъ государство, мы говоримъ:

Иль русскаго царя уже безсильно слово?

И въ минуты гордости, когда мы предаемся великимъ надеждамъ и хотимъ внушить страхъ недругамъ, мы говоримъ точно такъ же:

Иль русскаго царя уже безсильно слово?

Патриотизмъ есть чувство очень сложное; онъ является часто въ видѣ грубыхъ, слѣпыхъ пристрастій къ своему, въ видѣ закостылости въ привычкахъ и нравахъ; но онъ можетъ восходить и до самой чуткой и возвышенной преданности лучшимъ началамъ своего народа. Таковъ былъ патриотизмъ Пушкина: слѣпнаго пристрастія въ немъ не было. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть сужденія поэта о нашей литературѣ, то есть о той области, къ которой онъ былъ наиболѣе пристрастенъ, въ которой Дельвига и Баратынскаго готовъ былъ ставить выше себя. Но еще лучше прочесть его отрывокъ „*Рославлево*“, начало повѣсти, въ которой онъ хотѣлъ въ поэтической формѣ противопоставить свой настоящій патриотизмъ, неправильному патриотизму *Загоскина* и его поклонниковъ. Тамъ есть описаніе московскаго общества въ 1812 году, описаніе даже чуть-ли не болѣе рѣзкое, чѣмъ картины Л. Н. Толстого въ „*Войнѣ и мирѣ*“; эти картины, какъ извѣстно, возбуждали и возбуждаютъ негодованіе узкихъ патриотовъ; но мы думаемъ, что именно у Пушкина и Л. Н. Толстого слѣдуетъ учиться истинному патриотизму.

Религіозность Пушкина, сказавшаяся въ послѣдніе его годы, имѣетъ тотъ же характеръ чистоты и силы, какъ и другія движенія его души. Что прекраснѣе и проще его любимой молитвы:

Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змии сокрытой сей,

Война въ Турци.

Ночная тревога на берегу Дуная.

Оригинальный рисунокъ нашего спеціального корреспондента Н. Каразина, грав. Куренковъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Рис. и грав. А. Пейманъ.

И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть, о Боже, прегрѣшенья,
Да брать мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

И такъ, это была душа необычайной красоты, отзывавшаяся на все высокое, что встрѣчалось ей въ жизни, и предававшаяся ему искренно и живо, безъ напускной восторженности, безъ сентиментальности, мечтательности, безъ всякой фальши. Въ этой душѣ не было неизлѣчныхъ язвъ, не было дурныхъ чувствъ, облакающихъ въ поэтическій и грандіозный видъ.

И потому понятно, какъ онъ долженъ былъ страдать, какъ на него должны были обрушиваться несчастіе за несчастіемъ, пока наконецъ не случилось то несчастіе, которое вырвало его изъ ряда живыхъ. Пушкина часто упрекаютъ въ увлеченіяхъ и непостоянствѣ; но вѣдь никто изъ насъ не родится зрѣлымъ человѣкомъ, и если можно указать на людей, подлежащихъ вопреку гораздо меньше Пушкина, то можетъ быть ихъ спасла вовсе не твердость души, а только слабость ея стремленій. Пушкинъ же такъ былъ полонъ жизни, что долженъ былъ подпасть соблазнамъ; и гораздо большее достоинство нужно полагать не въ томъ, что онъ отъ нихъ уклонился, а въ томъ, что онъ ихъ поборолъ и отъ нихъ очистился. Когда онъ выступилъ въ жизнь, его окружили соблазны необыкновенно сильные и увлекательные. Во-первыхъ—свободомысліе, тогдашній нашъ революціонизмъ, подготовлявшій декабрьскій мятежъ и бывшій въ полномъ цвѣтѣ. Другой соблазнъ былъ—большой свѣтъ, тогдашнее избранное общество, открывшее къ себѣ доступъ поэту за его талантъ и махившее молодого человѣка своимъ блескомъ и тиеславіемъ. Прибавьте сюда кутежъ, разгулъ неслыханныхъ размѣровъ, который былъ въ модѣ у тогдашней молодежи наравнѣ со стихами, дуэлями и свободомысліемъ. Сама литература была не чужда соблазновъ; Пушкинъ выросъ на французской риторической и чувственной словесности, и его стремились покорить съ одной стороны сентиментальности Жуковского, съ другой—эгоистическое разочарованіе Байрона. Представимъ же себѣ двадцатилѣтняго юношу, одареннаго душою подвижною и кипящею и тѣломъ, въ которомъ еще была часть африканской крови, и мы поймемъ, какъ естественно и неизбежно онъ долженъ былъ поддаться обступившимъ его соблазнамъ и какая великая сила обнаружилась въ его побѣдѣ надъ ними. Эти соблазны, которыхъ не онъ искалъ, а которые сами его искали, сами тянули его въ себя, были его несчастіемъ, бѣдою, постигнушею его и перенесенною имъ. Когда онъ вышелъ изъ-подъ ихъ вліянія, онъ иногда горько жаловался на эту свою судьбу. Ему не было еще тридцати лѣтъ, когда онъ писалъ:

Я вижу въ праздности, въ нестовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы!
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ.
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.

(Это писано 19 мая 1828 г.) Передъ концемъ жизни онъ вторилъ ту-же жалобу, и еще трогательнѣе. Онъ писалъ:

Въ уныніи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,

О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной—
И горькія кинѣли въ сердцѣ чувства!

И этотъ отрывокъ (1835 года), и предъидущій были тайными изліяніями Пушкина и не назначались имъ къ печати. Это его искреннія, свободно выраженные чувства; и тутъ есть все, о чемъ мы говорили: и *безумство гибельной свободы*, и *хладный свѣтъ*, и *нестовые пиры* и, наконецъ, *обиды* и *предательскій привѣтъ* съ той стороны, съ которой они были всего больнѣе для Пушкина, со стороны дружбы.

Да, съ такою душою, какая была у Пушкина, онъ долженъ былъ много страдать. Это была душа, какъ онъ самъ говоритъ, *доверчивая и нѣжная*; вообразимъ же себѣ обыкновенные недостатки нашего общества: русское недоброжелательство, русское злословіе, русское взаимное недовѣріе, наконецъ русское невѣжество и русскій цинизмъ,—и мы поймемъ, что душевные чувства Пушкина были непрерывно оскорбляемы. Не только *свѣтъ* наносилъ ему *неотразимыя обиды*, но и въ любви, въ дружбѣ, въ патристическихъ и религіозныхъ чувствахъ онъ страдалъ отъ противорѣчій своихъ стремленій съ тѣмъ, что находилъ вокругъ себя. Онъ, напимѣръ, возвелъ любовь къ женщинѣ до ея чистой силы, даже до *благотворенія передъ святыней красоты*; понятно, что онъ долженъ былъ натолкнуться на жестокія разочарованія; какъ онъ жалуется на друзей, такъ онъ еще раньше и открыто жаловался на женщинъ:

Нечисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И признакъ Бога—вдохновенье
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Прійдетъ внушенный ими стихъ,
Я содрogaюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно и доловъ моихъ.
Къ чему несчастный я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?

Если мы сведемъ все это вмѣстѣ, если вспомнимъ, какъ бурно текла жизнь поэта среди этихъ непрерывныхъ обидъ и какъ доведена была до своего безвременнаго конца, то безкопечная жалость овладѣетъ нами. Дорого поплатился Пушкинъ за тонкость своихъ чувствъ, за неподобную красоту своихъ душевныхъ движеній. Истинной чувствительности въ немъ было во сто разъ больше, чѣмъ въ Карамзинѣ и Жуковскомъ, и только неистощимая бодрость и сила духа залечивала безпрерывныя раны и сохраняла ясность мыслей. И все таки стихотворенія послѣдняго года его жизни (1836) дышатъ глубокою, суровою грустью. На лицейскомъ праздникѣ этого года онъ началъ читать одно изъ нихъ:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...

и вдругъ залился слезами и не могъ продолжать чтенія. И нѣтъ ничего радостнаго въ тѣхъ стихахъ, которые обыкновенно стоятъ въ самомъ концѣ драгоцѣнной книги его апріческихъ произведеній:

Велѣнью Божию, о муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету приими равнодушно
И не осаривай глупца.

3 апрѣля.

Н. Страховъ.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ.

Разсказъ изъ финскихъ нравовъ.

Мнѣ привелось однажды провести лѣто на взморьѣ, въ бѣдной чухонской деревушкѣ. Близость залива и великолѣпное положеніе господской мызы рѣшили мой выборъ.

Между поденницами, работавшими на мызѣ, одна особенно привлекала мое вниманіе; она была средняго роста, костиста, широкоплеча и очень блѣдна. Свѣтло-желтые волосы ея были гуще и длиннѣе, чѣмъ у другихъ работницъ; черты лица не такъ грубы, окладъ весьма привлекателенъ. Главное поразило меня въ ней выраженіе безграничнаго безысходнаго горя. Звали ее Кристиной. На мызѣ она была въ большемъ пренебреженіи; работники и поденницы избѣгали говорить съ нею, даже не хотѣли сидѣть за однимъ столомъ; арендаторъ давалъ ей противъ другихъ самую меньшую плату; даже дворовыя дѣти и тѣ осыпали ее насмѣшками и презрѣніемъ. Кристина сносила все; безропотно

держась отъ всѣхъ въ сторонѣ, она за малое вознагражденіе дѣлала болѣе другихъ, не отвѣчала на насмѣшки, не платила злобой за презрѣніе и была тиха какъ овечка.

Кристина не переставала интересоваться меня. Каждый день я могла видѣть ее на полѣ за работою или наблюдать за нею на дворѣ, въ обѣденный промежутокъ; могла видѣть ее, не будучи ею замѣченной, и мой интересъ не ослабѣвалъ отъ того; скажу болѣе, я чувствовала къ ней непреодолимую симпатію. Въ работѣ у нея не было соперницъ. Когда другія поденницы пѣли и болтали, она, не разгибая спины, молча, дѣлала свое дѣло, не замѣчая, слѣдитъ-ли кто за ея прилежаніемъ и вздумаетъ-ли оцѣнить трудъ ея по заслугамъ. Въ пору отдохновенія, она также молча садилась куда-нибудь въ уголокъ, опускала голову на усталую грудь и о чемъ-то думала.

Наступили сѣнокосы; мызные луга были разбросаны, поденщицамъ приходилось переходить съ мѣста на мѣсто; я потеряла Кристину изъ вида. Къ тому-же въ деревнѣ открылась холера; ни доктора, ни фельдшера не было въ округности, народъ хворалъ кучами; больные и выздоравливающіе требовали моего присутствія или, лучше сказать, моей, походной аптеки; я была занята съ утра до вечера. Между прочимъ отыскали мы больную, два дня скрывавшуюся въ сараѣ.

Она лежала на кучѣ сора, подложивъ подъ голову свернутую рогожу. Я узнала въ ней Кристину. Она встрѣтила меня испытующимъ взглядомъ, не выказала ни удивленія, ни неудовольствія на приходъ мой, но упрямо отклонилась отъ медицинскаго пособія.

— Мнѣ ничего не нужно, тихо сказала она, поворачивая ко мнѣ посинѣлое лицо. Спасибо, обо мнѣ не беспокойся. Вотъ развѣ испить чего дашь... Я буду благодарна.

Я подала ей питье и пощупала пульсъ; рука ея была холодна, пульсъ почти не бился; но она пила съ жадностью.

— Рова, что если я спрошу тебя о чемъ?... Заговорила она, утоливъ жажду и робко обращая на меня свѣтящійся взоръ.

— Спрашивай, милая, возразила я.

— Ты не гнушаешься мною?... отвѣтишь?...

— Непремѣнно отвѣчу.

— Вѣришь-ли ты въ будущую жизнь?

— Вѣрю.

— Какъ тебѣ кажется, встрѣтятся тамъ души убитыхъ съ убійцами?..

Она приподнялась, схватила меня за руку и пристально глядѣла мнѣ въ глаза.

— За могилу не переходить никакая злоба, тихо отвѣтила я: душа человѣка, оставляя тѣло, не уноситъ съ собою грѣшныя мысли. Господь прощаетъ кающихся; могутъ-ли помнить тамъ люди свои земныя обиды?

— Ты думаешь: простить?

— Да.

— Спасибо за доброе слово.

Она снова опустила на рогожу и закрыла глаза.

— Какъ поднялся у тебя руки и на кого?

— Не знаю, милая, ничего не знаю, со стономъ прошептала Кристина.

— Бѣдная, ты можешь быть себя не помнила?

— Послушайте, я вамъ расскажу все какъ было, неожиданно начала она, отерѣвъ потъ съ исхудалаго лица и какъ-бы уступая внезапному наплыву общительности. Не сегодня такъ завтра мнѣ придется дать отчетъ Богу... Отъ людей я судъ приняла, на судъ Божій иду... Бояться больше мнѣ нечего... Буду говорить по совѣсти.

Она сѣла, оперлась плечомъ къ стѣнѣ и начала рассказъ свой. Передаю его, какъ умѣю.

— Лѣтъ пять тому назадъ, отецъ и мачиха просватали меня за здѣшняго рыбака, бездомовца, Анты. Парень былъ веселый, красивый, мнѣ нравился... Свадебъ мы здѣсь не играемъ тотчасъ по сговорѣ, потому что пастору нужны деньги, а у насъ ихъ нѣтъ; обыкновенно покуримъ трубочки, выпьемъ вина, сдѣлаемъ рукобитье... И женихъ идетъ въ домъ будущаго тестя разжигаться на обзаведеніе. Такъ и съ нами было. Зажили мы вмѣстѣ; отцу и мачихѣ Анты былъ покоренъ, со мною ласковъ... Мы вмѣстѣ работали, вмѣстѣ сѣти плели, челнокъ поправляли, рыбу ловили. Случалось, всю свѣтлую ноченьку на морѣ проводили, далеко уходили, когда по берегу уловъ былъ плохъ. Три мѣсяца прошли, Анты собрался въ Питеръ отвозить мерзлую рыбу, я осталась дома приготовляясь къ свадьбѣ. У насъ невѣсты передъ вѣнцомъ обходятъ Кирхшпиль, собираютъ дары на приданое. Я отправилась съ крестной матушкой на почетный сборъ. Кирхшпиль нангъ великъ, помѣщицы

мызы и крестьянскія деревушки разбросаны... На обходъ требовалось двѣ недѣли... Анты долженъ былъ по возвращеніи оповѣстить настора на счетъ выключки и назначить день свадьбы. Мы вернулись съ дарами. Анты не было. Отецъ и мачиха удивлялись, я беспокоилась, въ деревнѣ не могли понять, что могло съ нимъ случиться, а онъ все не являлся... Изъ Питера шли къ намъ нерадостныя вѣсти: земляки поговаривали, что Анты поступилъ въ торговцы; навсегда бросилъ родную деревушку и забылъ меня. Я не вѣрила. Я не хотѣла этому вѣрить. Прошла зима, за нею весна, а тамъ наступило и лѣто съ тяжелыми работами; дѣла у меня стало много, житье дома—бѣдовое, а о свадьбѣ больше и помину не было. Отецъ ворчалъ, мачиха попрекала, бѣдность одолевала насъ, ребята надоѣдали разспросами, въ деревнѣ смѣялись, а я ходила грустная, замученная, съ тяжелою душою на сердцѣ. Не о себѣ одной была моя дума, приближалась пора, и незаконная жена—я должна была стать матерью... Такое тяжкое дѣло! въ неласковой семьѣ это пугало меня. Работала я много, болѣе чѣмъ прежде, хотя силъ стало меньше. Иной разъ бывало, ноги подкашивались, когда возвращаюсь съ поля, а все-же пошлютъ меня на новую работу, да еще съ крикомъ и бранью. Особенно мучилась я головою. Какъ постою часокъ согнувшись, такъ до того всю изломить, что себя не помнишь... Разъ промаялась я такъ на полѣ, проработала отъ восхода до заката солнца и пришла ни жива ни мертва домой. Ночью томило меня еще хуже, то схватитъ такая боль, что стиснешь зубы, чтобъ не крикнуть, забывшись; то думаешь отъ слабости придется отдать Богу душу. Лежала я въ сараѣ одна одинешенька, и глотка-то воды подъ бокомъ не было, чтобы промочить изсохшія губы, или клочка сѣна, чтобы наболѣвшей спинѣ отдохнуть на мягкой подстилкѣ.

Утромъ пришелъ отецъ звать на работу... Появъ въ чемъ дѣло, отвернулся и вышелъ; пришла мачиха—посмотрѣла, плюнула, поворчала и ушла. И опять я осталась одна, всѣми покинутая, всѣми забытая... одна съ своимъ горемъ, своею болѣзнью. Лежу, да заливаюсь горькими слезами, да проклиная свою долю сиротскую, безталанную... Вотъ, слышу на улицѣ разговариваютъ, мачиха поминаетъ меня съ Анты, ворчитъ и сердится на что-то. И не хочется мнѣ слушать, а все-таки слышу о чемъ говорятъ они; стѣнки сарая неплотныя, а уши у меня отъ боли словно прочистило, въ ухахъ отдается шелестъ каждаго листочка.

— Негодяй онъ, мошенникъ, сердито ворчала мачиха. Обезславилъ дѣвушку, да и спину показалъ, будто такъ и надо. Придется за нашу хлѣбъ соль теперь мнѣ бабничать, да возиться съ матерью да ребенкомъ. Гдѣ это видано... Свой грѣхъ на чужую шею добрые люди не сваливаютъ!

— Что и говорить! возражалъ знакомый мнѣ голосъ. Я братъ Анты, да не похваляю его за такое дѣло. Честные люди, сватаю одну дѣвушку, не женятся на другой... законъ знаютъ. Ну да не на радость женился онъ въ Питерѣ. Тамъ нашего брата, чухну, не очень уважаютъ. Коли русская тамъ за финна идетъ, сама многого не стоитъ.

— Да намъ-то это все равно, перебила мачиха; стоящая она или не-стоящая, намъ отъ того не легче. Коли Анты женатъ, пусть лучше не показывается въ Кирхшпиль; мѣ ему проходу не дадимъ на родинѣ, выживемъ его вонъ изъ деревушки.

— Не бойсь, и не прѣдетъ, что ему тутъ дѣлать? салаку косить что-ли?

— А тамъ что дѣлаетъ?

— Торговлю ведетъ; рыбный рядъ, выгодное мѣсто... Въ артельной квартирѣ данъ ему покойчикъ... Онъ обжилъ... Кое-что завелъ себѣ, на что ему голодная Финляндія? И о знакомыхъ-то даже не спрашиваетъ.

— И о Крестинѣ не спросить?

— Нѣтъ. Я вздумалъ было намекнуть, куда! нахмурился и отвернулся.

— Значить, совсѣмъ забылъ?

— Кто его знаетъ, можетъ забыть, а можетъ и думать не хотѣть.

Разговоръ прекратился. Мачиха ушла въ избу.

Не хотѣть обо мнѣ думать! Анты забылъ меня, женатъ и счастливъ!.. Для русской дѣвушки, для новой жены забылъ онъ и покинулъ свою невѣсту, горемычную... И за то? За то-ли, что беззавѣтно отдала я ему свою душу? За то-ли, что не могла ни въ чемъ ему противиться?.. Мысли эти огнемъ опалили мнѣ голову. Въ

вискахъ у меня забилося, сердце закипѣло въ груди, печаль и злоба, ревность и отчаяніе заволновали душу. Я вскочила съ мѣста. Что-же буду я теперь дѣлать? мелькнуло у меня въ умѣ. Кому я нужна? Кто дастъ мнѣ кусокъ хлѣба безъ упрека? У отца своихъ ребятъ шестеро, моему младенцу не будетъ тамъ мѣста... И на что мнѣ этотъ младенецъ? Къ чему?.. Насильный вскормленникъ, будетъ онъ слезами размачивать чужія корки, кидалами с язывать мнѣ руки, да ежиться подъ кулаками домашнихъ... Мнѣ страшно стало... Подошла я къ дверямъ сарая, стиснула руками край двери и силсилась отворить. Я хотѣла выбѣжать вонъ, уйти куда-нибудь далеко, къ синему морю и утопить тамъ въ родимыхъ волнахъ, двѣ лишнія жизни... Но руки дрожали, силы измѣнили мнѣ, потъ градомъ лился съ лица. Я забылась и упала на землю. Долго-ли, коротко-ли лежала и такъ — не помню. Очнувшись, вижу: лежу я на земляномъ полу сарая, мачиха стоитъ

подлѣ и въ рукахъ ея пищитъ что-то маленькое, слабое, видно мой младенецъ. Посмотрѣла я на мачиху... Взглянула на ребенка... ничего теплаго, родственнаго не шевельнулось въ груди моей. Сердце такъ выболѣло, что не имѣло болѣе ни любви, ни жалости. Мачиха связала ребенка въ старыя тряпки, сунула мнѣ подъ руку и невнятно проворчала что-то.

Я съ отвращеніемъ отвернулась...

— Чего брезгаешь, своя плоть и кровь,—замѣтила она. Дикій воронъ изъ гнѣзда дѣтища не выкинетъ, приголубить по свосму. Вѣдь, можетъ статься, у него только и радостей въ жизни будетъ, что твоя встрѣчная ласка.

Я расширила глаза и огупѣвъ смотрѣла на младенца.

Крошечное лицо его напоминало мнѣ Анты... Черты вѣроломнаго жениха снова проснулись въ памяти, ѣдкія мысли во мнѣ зашевелились, злоба опять нахлынула.

— Полно бревномъ-то сидѣть, поцѣлуй дитя свое. Кто знаетъ, послѣ можетъ и дѣловать не придется, какъ повиснетъ тебѣ петлей на шеѣ.

Я вздрогнула, слова мачихи раздражали меня, искъ ребенка терзали мнѣ уши.

— Ну, дѣлай какъ знаешь; возиться мнѣ съ тобой некогда, проворчала она. Хочешь бери, не хочешь пусть валяется, мое дѣло сторона: твой ребенокъ.

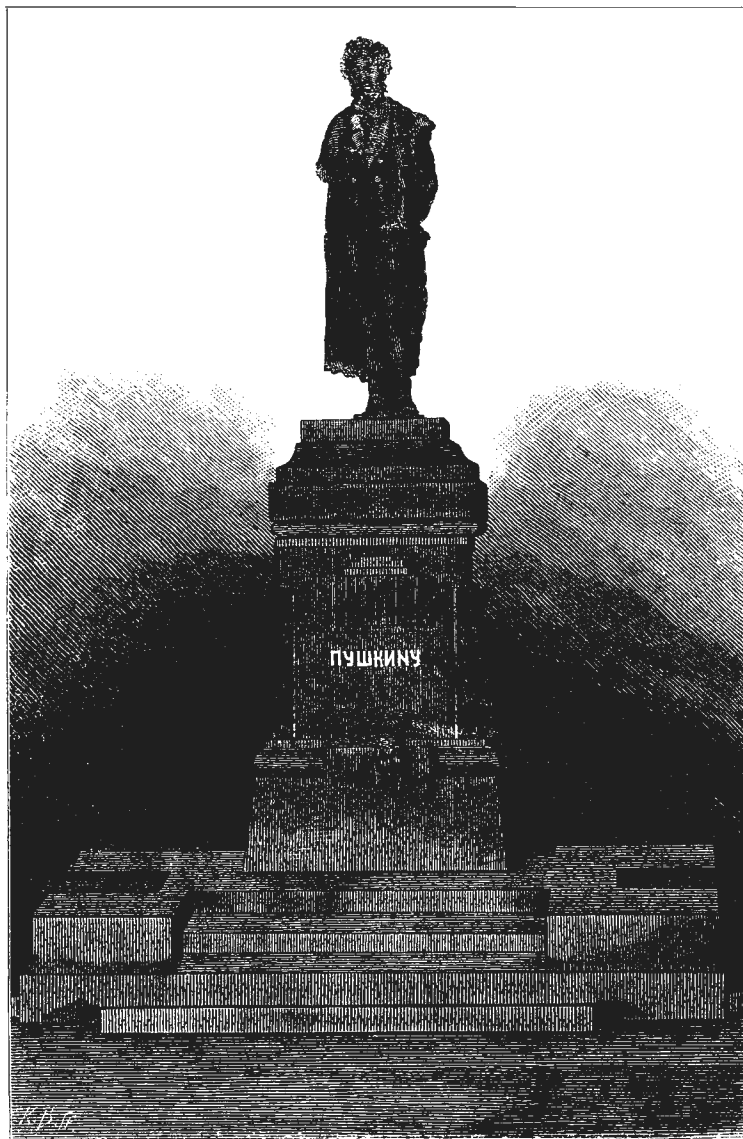
Я съѣла и дико оглянулась. Во мнѣ совершалось что-то странное, что-то недоброе. Мачиха еще разъ взяла

младенца на руки и опустила его ко мнѣ на колѣни. Я не отворачивалась болѣе, не противилась, но и не прижала его къ груди своей. Я смотрѣла на него и думала, но мысли мои были нерастостны, грудь тяжело дышала, въ глазахъ мелькали какія-то тѣни... Вдругъ я расправила онѣмѣлые пальцы, стиснула зубы, протянула руки и схватила младенца за горло. Испуганная мачиха вскрикнула, сбѣжались сосѣди, силою отняли у меня мертвого ребенка и дали знать волкогону. Волкогонъ и Ленцманъ связали меня, отобрали показанія о преступленіи, составили протоколъ и велѣли мнѣ сбираться на судъ въ Выборгъ. Завязалось дѣло.

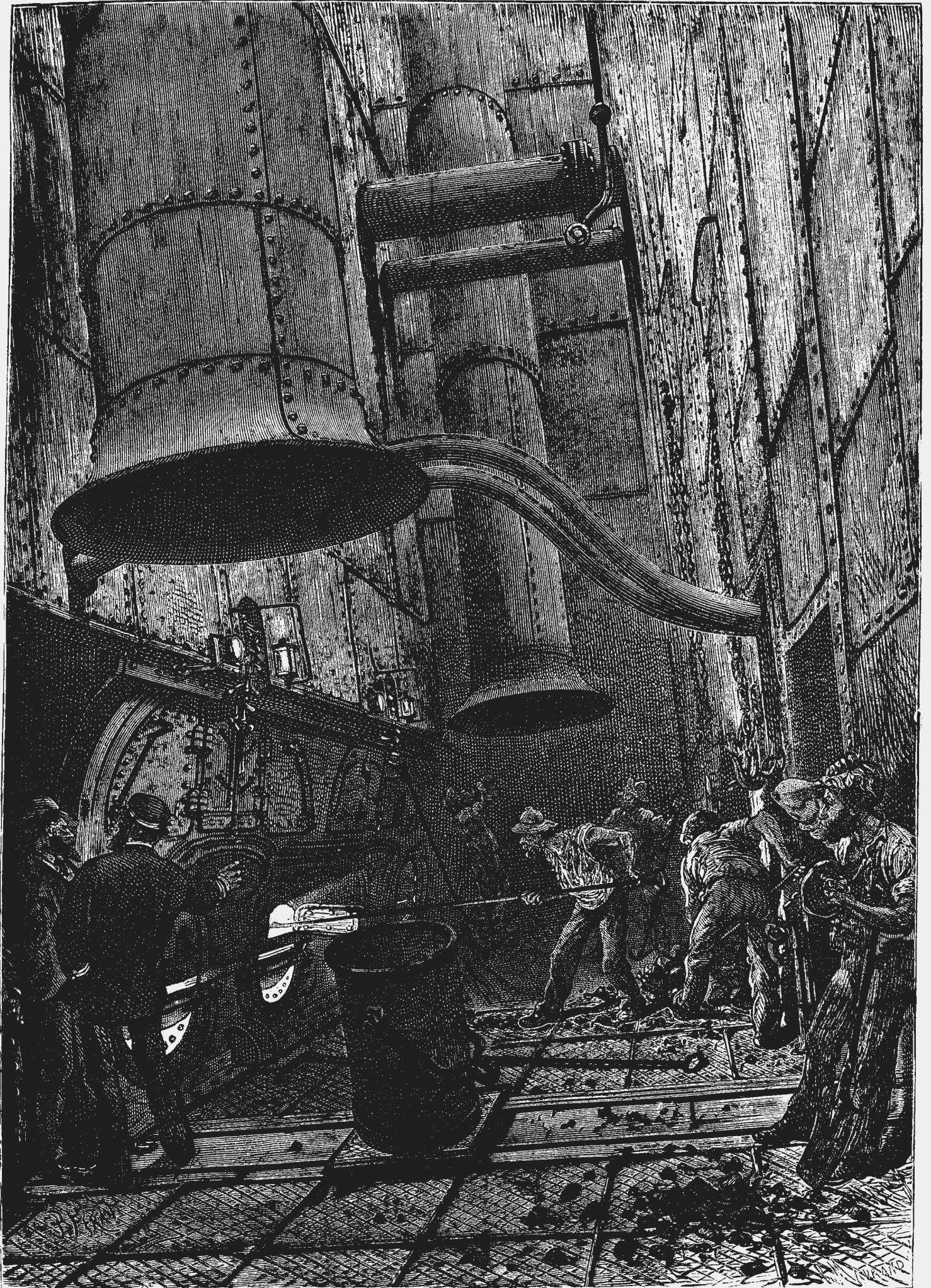
Она смолкла на минуту, облегчила грудь глубокимъ вздохомъ, отерла потъ съ лица и, оправившись, продолжала.

„Въ выборгскомъ острогѣ посадили меня въ самую темную каморку, держали подъ самой крѣпкой стражей и обращались со мною строже, чѣмъ съ ворами и разбойниками, и было за что.

Воры и разбойники сокрушались о сдѣланныхъ преступленіяхъ, я не сокрушалась. Тѣ плакали и раскаивались, у меня никогда не было слезинки. Я не могла объяснить своего проступка, не могла отвѣтить на вопросы судей; молчала, когда требовали отъ меня признанія, молчала, когда старались возбудить во мнѣ совѣсть. Ко мнѣ чувствовали отвращеніе, я видѣла и понимала это. Никто не жалѣлъ меня, да и я сама о себѣ не жалѣла. Въ душѣ у меня словно лежала ледяная глыба: душно, тяжело, а нельзя ни высказаться, ни заплакать. Въ острогѣ говорили, что въ старинные годы мнѣ слѣдовало-бы отрубить руки. Я слушала это безъ содроганія. Ъсть мнѣ совсѣмъ не хотѣлось; къ арестантскому кушанью я едва прикасалась; спать не могла. Разъ сочли нужнымъ

Утвержденный проектъ памятника А. С. Пушкину
(для постановки въ Москвѣ), работы Акад. Опекушина.

Помѣщеніе для топки въ большомъ морскомъ пароходѣ. Фоторельефъ С. Лангева по рисунку Ф. Фера.

показать меня доктору. Это былъ добрый, ласковый человекъ, сострадательный къ преступникамъ, строгій къ своей обязанности. Онъ внимательно осмотрѣлъ меня, милостиво спросилъ обо всемъ, долго думалъ и рѣшилъ, что дѣтубійство совершила я безсознательно, потому что молоко бросилось у меня въ голову; что меня нужно лечить, а не наказывать, и въ самомъ дѣлѣ началъ лечить. Ему я обязана тѣмъ, что присудили меня только къ трехлѣтнимъ арестантскимъ работамъ и неизбѣжному церковному покаянію. Въ сущности требовалось наказаніе строже.

Насушило время работы, въ числѣ другихъ преступницъ повели и меня; что дѣлали другія, приходилось дѣлать и мнѣ. Я исполняла приказанія, работала, но дѣло не шло успѣшно. Отъ долгаго-ли бездѣйствія, отъ болѣзни-ли, только руки у меня были какъ связанные, то млѣли, то отекали, спина не гнулась, колѣни дрожали. Впрочемъ, это было только вначалѣ... Потомъ трудъ полюбили мнѣ. Отъ работы постепенно начала проходить моя одеревенѣлость, стала возвращаться память. Я сдѣлалась похожа на человека. И вдругъ во мнѣ проснулась совѣсть. Съ какимъ ужасомъ оглянулась я на прошлое. Съ какимъ жгучимъ раскаяніемъ вспомнила все! Горькое сознание неизгладимой вины лютую змѣю засѣло мнѣ на сердце. Я все забыла, свое безпомощное состояніе, свою болѣзнь и бѣдность, измѣну Анты, претерпѣваемое наказаніе, все казалось мнѣ ничтожнымъ въ сравненіи съ виной моею... Дни проходили за днями, тоска моя не унималась; одна отрада была работа. Какъ кинешься на дѣло, истомисься, измучисься... такъ будто притихнетъ совѣсть. Настанетъ праздникъ, не знаешь, куда дѣться, какъ размыкать свое безпредѣльное горе. Молиться-ли начнешь—думаешь: къ чему? Вѣдь изъ могилы мольбой его не достанешь. Пойдутъ слезы; думаешь: на что онѣ? Не смѣть вѣдь ими страшнаго дѣла съ грѣшныхъ рукъ своихъ! И маешься-то, такъ маешься всю ночь на пролетъ, пока не настанетъ утро и не погонять опять насъ на работу.

Прошло мое острожное время, мои арестантскіе дни, и выслали меня изъ Выборга въ родимый Кирхшпиль. Пасторъ принялъ меня милостиво, сказалъ краткое увѣщаніе и назначилъ для церковнаго покаянія слѣдующее воскресенье. Я пришла, сѣла на черную, позорную скамью, взяла въ руки молитвенникъ и задумалась. Все въ церкви, начиная отъ стѣны до скамьи, занятой мною, мнѣ было знакомо. Этотъ алтарь, крытый краснымъ сукномъ, эти два зажженные свѣтильника, этотъ органъ, тихо и медленно наигрывающій гимны—напомнили мнѣ многое. Тамъ я сидѣла ребенкомъ, вслушиваясь въ слова законоучителя; тутъ принимала причастіе, оттуда слѣдила за проповѣдью. Сколько разъ раздавались здѣсь для меня слова любви и прощенія!.. Вотъ и крестъ съ пригвожденнымъ Спасителемъ, надъ нимъ картина Тайной Вечери... Сколько разъ я все это видѣла... Никогда не производило оно на меня такого потрясающаго впечатлѣнія. Церковь наполнилась народомъ; и тутъ все знакомыя лица!.. Началась служба; я опустила глаза на молитвенникъ, склонила голову наравнѣ съ другими и принялась молиться. Вышелъ пасторъ, прочелъ Евангеліе... Сколько разъ здѣсь и въ тюремной церкви слышала я тѣ-же слова, тотъ же самый текстъ, и они не трогали моего сердца... Теперь мнѣ показалось, я поняла ихъ. Во мнѣ блеснула надежда на небесное прощеніе. „Всѣ мы грѣшники,—громко го-

ворилъ пасторъ,—всѣ не уйдемъ отъ суда Господня... Каючимся—милостивъ Богъ.“ Я повторила мысленно послѣднія слова и душа у меня точно смягчилась; мнѣ даже сдѣлалось жаль себя. Я взглянула на рядъ скамей, униженныхъ прихожанами, глаза мои скользнули по знакомымъ лицамъ... Они смотрѣли на меня съ какимъ-то пугливымъ любопытствомъ, какъ смотреть на дикаго звѣря, или съ омерзеніемъ отворачивались. Но это не трогало меня. Къ отвращенію людей я привыкла, оно не было для меня новостью; зато не страшило меня. Я знала, что между мною и людьми все кончено, и не желала, не ждала отъ нихъ привѣта. Но вдругъ... Кровь бросилась мнѣ въ голову... Я задрожала... Истерзанное сердце забилося вновь сильно и тревожно... Передо мною былъ Анты. Онъ стоялъ присловившись къ стѣнѣ, со сложенными на груди руками. Какъ не замѣтила я его прежде—не знаю. Глаза наши встрѣтились и какъ-бы замерли... Мы въ какомъ-то забытѣ смотрѣли другъ на друга, забывъ церковь, пастора, прихожанъ и все на свѣтѣ. Онъ былъ блѣденъ, вѣроломный женихъ мой, надъ нимъ неслышно тяготѣлъ судъ Божій. Изнуренный видъ, изношенная одежда—не показывали счастья.

Народъ двинулся изъ церкви, Анты скрылся въ толгѣ, а я все еще стояла у позорной скамьи, все смотрѣла въ даль, будто выжидая чего-то. Церковь опустѣла... поплелась и я къ выходу, тихонько сошла со ступеней лѣстницы, отыскала могилку матери и опустилась на колѣни. Въ первый разъ стало тихо и мирно въ наболѣвшей душѣ моей, вся долгая злость, будто вылилась въ слезахъ, и надъ родимой могилкой я въ первый разъ произнесла имя Анты съ прощеніемъ.

Съ тѣхъ поръ вотъ толкаюсь я между чужими людьми; какъ работницу меня терпятъ, какъ товарища—убѣгаютъ. Родня отказалась отъ меня, подруги забыли, друзей у меня не было. Работалъ и отдыхая, я всегда одна, съ своей думою, съ своими воспоминаніями. За дѣломъ стою, думаю: вотъ жиль-бы мой младенецъ, эти руки могли бы безъ отца прокормить его, и любовь дитяти, безраздѣльно, пришлась бы на мою долю. Отдыхаю—думаю: жиль бы,—можетъ быть, смѣхъ его раздавался, теперь, веселье его тѣшило бы мнѣ душу, я бы любовалась имъ, ласкала бы его... Авось теперь скоро увидимся.

Крестины не стало. Она покончила съ жизнью, рассчиталась съ земными страданіями и спитъ теперь непробуднымъ сномъ на Кирхшпильскомъ кладбищѣ. Но ежегодно въ этотъ достопамятный день, когда Кристина смиренно и послушно несла позоръ за свое преступленіе, въ тотъ день, когда съ черной скамьи церкви удалось ей встрѣтиться глазами съ вѣроломнымъ женихомъ—къ песчаной могилкѣ ея подходитъ Анты, угрюмо садится на холмикъ и долго размышляетъ.

О чемъ онъ думаетъ—Богъ знаетъ. Родныя сосны качаютъ передъ нимъ вѣтвями, перелѣтныя пташки поютъ непонятныя пѣсни, а онъ глядитъ въ даль, въ ту сторону, гдѣ должно находиться море, гдѣ теперь стоитъ его одиокая невеселая избушка... Ни Кристины, ни русской жены нѣтъ больше у него: одну самъ бросилъ, другую отняли люди. И ждетъ себя Анты; ждетъ не дождется, когда пора его настанетъ и лягутъ его усталыя кости рядомъ съ прахомъ преступницы. Ждетъ да, можетъ быть, спрашиваетъ: увидимся ли тамъ съ тобою, горемычная? простишь ли ты мнѣ тамъ, невѣста безталанная!

А. Кат.—ъ.

Рчерки изъ русской исторіи.

(Петровскія войны, сраженіе при Переволочнѣ Юня 30 ч. 1709 г. *)

Оставшаяся отъ полтавскаго пораженія часть Карловой арміи отступала подъ начальствомъ Левенгаупта по Ворсклѣ, правымъ ея берегомъ, къ р. Днѣпру. Этотъ путь отступленія ука-

зать былъ Карломъ, еще до боя. Среди отступавшихъ находился и король: его везли въ коляскѣ генерала Мардефельда вмѣстѣ

*) См. «Ниву» 1877 г. № 8.

тъ съ раненымъ полковникомъ Гордомъ. Карлъ тяжело страдаетъ: рана его, вслѣдствіе невольной, хотя и непродолжительной, побѣды верхомъ, которую пришлось ему сдѣлать, спасаясь съ полтавскаго поля, растревожилась. Быстро подвигались шведы къ намѣченному пункту, шли всю ночь и утромъ слѣдующаго дня остановились на небольшой отдыхъ (въ Новыхъ Сенжарахъ). Здѣсь сдѣлали Карлу перевязку и онъ заснулъ глубокимъ сномъ. Послѣ отдыха шведы пустились опять бѣжать и 29 числа достигли Днѣпра тамъ, гдѣ впадаетъ въ него Ворскла, у Переволочны. Отсюда путь шведовъ лежалъ, по предположенію Карла, за Днѣпръ въ Турцію, но, прибывъ въ Переволочну, шведы не нашли тамъ ни какихъ перевозочныхъ средствъ и ни одной живой души: городокъ Переволочна представлялъ, какъ и многія другія, прилежавшія къ театру войны, мѣстности, лишь кучу развалинъ. Какъ переправиться на другую сторону Днѣпра? И какъ остановить русскихъ, въ случаѣ если-бы они явились?

Русскіе явились. Петръ въ первомъ пылу восторга о „ненадежной и злѣо преведливой“ викторіи, чувствуя широмъ своихъ, чувствуя и гостей шведовъ, не замѣтилъ, что въ числѣ послѣднихъ нѣтъ самаго главнаго гостя, Карла, нѣтъ также и знаменитаго генерала, съ которымъ онъ самъ бился при Лѣсной. Лишь къ вечеру хватился Петръ своей ошибки и старался быстрою наверхъ потеряннаго времени. Тотчасъ послана была погоня за бѣглецами, изъ двухъ гвардейскихъ и 10 драгунскихъ полковъ, подъ командою кн. Михаила Михайловича Голицына и генерала Боура. На другой день рано утромъ приняты командованіе надъ этими войсками посланы были кн. Меншиковъ. Быстро шли русскіе, догоняя шведовъ. На первомъ своемъ привалѣ 28 числа у Новыхъ Сенжаръ, бѣглецы уже знали о приближеніи русскихъ, а 29-го, когда они пришли къ Переволочнѣ скоро за ними явились туда и русскіе.

Не ожидая, когда русскіе станутъ съ ними лицомъ къ лицу, шведскіе генералы старались спасти короля: отыскали двѣ небольшія лодки, на которыхъ сначала перевезли коляску короля, поставивъ переднія колеса оной въ одну и заднія въ другую лодку, а затѣмъ—и самаго короля. Долго сопротивлялся Карлъ, когда приходилось ему разставаться съ своимъ храбрымъ войскомъ; толкнулъ даже генерала Левенгаупта при этомъ въ грудь, но наконецъ уступилъ и далъ себя перевезти. Съ Карломъ переѣхалъ на другой берегъ Днѣпра и Мазена, незабытый захватить съ собою два боченка съ золотомъ. При Карлѣ были тоже деньги—отъ саксонской контрибуціи и серебряный сервизъ. Послѣ Карла и Мазены переправились за Днѣпръ еще до 2000 человекъ, нежелающихъ покинуть короля въ такую критическую минуту. Всѣ они переправились, кто какъ могъ, и много при этомъ перетонуло людей. Переправа совершалась глубокою ночью.

Оставшаяся на лѣвомъ берегу Днѣпра шведская армія была въ жалкомъ положеніи. Солдаты упали духомъ, не стояли въ своихъ рядахъ, и не слушались начальниковъ; при томъ-же они страшно терпѣли и въ матеріальномъ отношеніи: съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ у нихъ не было. Сопротивляться съ такою арміею было невозможно. Впрочемъ, генералъ Левенгауптъ съ товарищами, генералами Крейцомъ, и Крузомъ попытаны было устроить свои войска къ бою, но прежде чѣмъ шведскій генералитетъ успѣлъ достигнуть какихъ-либо результатовъ въ этомъ отношеніи русскіе пристали съ требованіемъ сдачи и Левенгаупту не осталось болѣе ничего, какъ подчиниться обстоятельству. Левенгауптъ и подчинился; это было 30 июня утромъ. Всѣ бывшія подъ его начальствомъ войска, состоявшія изъ 5,000 пѣхоты и 9,000 кавалеріи, не считая запорожцевъ и валаховъ, бывшихъ въ шведской арміи, съ артилеріею изъ 18 пушекъ и 8 мортиръ и со 127 знаменами и штандартами сдались военнопленными и получили права военнопленныхъ. Подъ это условіе не подошли запорожцы и мятежники, которыхъ, впро-

чемъ, при войскѣ въ моментъ сдачи было не болѣе 220 человекъ, прочіе разбѣжались, поступивъ или въ свиту Карла и Мазены, въ составъ означенныхъ 2,000 человекъ, или-же укрывшись куда-либо еще до капитуляціи, отъ которой не ожидали для себя ничего добраго. Частное имущество сдавшихся военнопленными объявлено неприкосновеннымъ.

„И тако вся неприяТЕЛЬская армія“, писалъ Петръ Ромодановскому, „намъ, чрезъ помощь Божію, въ руки досталась“. При Полтавѣ и Переволочнѣ „неприяТЕЛЬской арміи“ пошло въ руки русскихъ 59 верховыхъ штабъ-офицеровъ, 1,102 оберъ-офицера и 16,947 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ.

Дѣло при Переволочнѣ было необходимымъ слѣдствіемъ и дополненіемъ битвы при Полтавѣ: развитія и упавшія нравственно шведскія войска, лишеныя пригомъ жизненныхъ припасовъ, не могли уже существовать какъ самостоятельная и прочная сила и должны были точно положить оружіе, какъ скоро явились-бы предъ ними торжествующіе непріатели. Они и положили его безъ сопротивленія, когда настигли ихъ русскіе. По всей вѣроятности они сдѣлали бы это и раньше и, можетъ быть, на самомъ полѣ полтавскомъ, еслибы со стороны русскихъ сдѣланы были надлежащія въ этомъ смыслѣ распоряженія. Какъ бы то ни было, полученіе въ плѣнъ при Переволочнѣ слишкомъ 14,000 человекъ, составлявшихъ остатокъ послѣ полтавскаго погрома, есть существенная прибавка къ славѣ полтавскихъ побѣдителей.

По этой-то, конечно, причинѣ объявлены были награды войскамъ за „ненадежную викторію“ только послѣ переволоченскаго дѣла. Награды были щедрыя. Генераламъ и высокимъ штатскимъ особамъ, которыя хоть и не мечемъ, но содѣйствовали государю въ веденіи этой трудной войны, жалуеты были чины, знаки ордена Первозваннаго и деревни, штабъ и оберъ-офицеровъ наградили также чинами и, сверхъ того, золотыми портретами съ алмазами, или же только золотыми медалями „по достоинству“. Нижнимъ чинамъ розданы были серебряныя медали и деньги.

Въ ознаменованіе славнаго дня и государь самъ принялъ на себя два новыхъ чина: генерала по сухопутнымъ войскамъ и глатбенахта (вице-адмирала) по флоту. О принятіи этихъ чиновъ просили государя генералитетъ, министры, штабъ и оберъ-офицеры и солдаты. До полтавской побѣды носилъ Петръ званіе полковника по арміи и капитана по флоту.

Не утерпѣлъ Петръ при этомъ, чтобы не пошутить надъ „своими“. Извѣщая кн. Ромодановскаго о переволоченской сдачѣ, онъ навязалъ послѣднему чувство сильной любви, нѣчто въ родѣ неодолимой страсти къ Петербургу. „И нынѣ уже безъ сумнѣнія желаніе вашего величества *) еже резиденцію вамъ имѣть въ Петербургѣ совершилось чрезъ сей упадокъ конечной неприятели“. Зналъ Петръ коротко, что ни его пресбургское величество, кн. Ромодановскій, ни другіе бояре не любили новаго города на Невѣ, который самому основателю казался *парадисомъ* и сильно почесывали въ затылѣ, когда имъ тамъ велѣно было обзаводиться домами. Но Петръ, какъ видно, на разные лады твердилъ своимъ о парадизѣ.

Эта шутка Петра напоминаетъ нѣчто подобное изъ жизни великаго Суворова. Во время перехода чрезъ Альпы, при одномъ очень трудномъ перевалѣ, солдаты даже и такіе, какими предводительствовалъ Суворовъ, пришли въ сомнѣніе на счетъ цѣлесообразности дѣйствій своего вождя: „должно быть старикъ нашъ рехнулся!“ говорили они, видя передъ собою недоступныя скалы, на которыя однако надо было итти. „Хвалите меня! помилуй Богъ, какъ хвалите!“ говорилъ Суворовъ къ своей свитѣ, когда солдаты сзади брали его.

И Петръ и Суворовъ въ этомъ случаѣ сходились: они продолжали начатое дѣло, не обращая вниманія на то, какими глазами смотрятъ на него другіе.

Н. Зѣтровъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Ночная тревога на Дунаѣ.

Сюжетъ картинки понятенъ для каждого, знакомаго съ тѣми условіями военной жизни, въ какихъ она находится во время похода. Расскажемъ вкратцѣ содержаніе изображенной сцены:

Ночь. Передовой вазачій никетъ стоитъ на сторожѣ, прислушиваясь къ каждому звуку, доносящемуся до него съ неприяТЕЛЬскаго берега. Звуки становятся все подозрительнѣй и подозрительнѣй; сторожевые казаки дѣлаются тревожнѣе съ каждою минутой, не зная что предпринять. Дѣлать напрасную тревогу опасно со стороны возможныхъ за это начальническихъ внушеній и въ то же время совѣстно за себя, какъ въ собственномъ о себѣ мнѣніи, такъ и предъ товарищами. Какъ быть? Ночь темна, звуки между тѣмъ такъ странны: быть можетъ, они приносятся изъ нашего же лагеря, но, кто знаетъ, можетъ быть, это неприяТЕЛЬская развѣдка. Еще два подозрительныхъ всплеска на рѣкѣ—и казаки уже подождли пукъ соломъ, привязанный къ вершинѣ шеста. Это вспыхнувшее пламя—условный знакъ, дающій понятіе объ опасности.

Художникъ видимо успѣлъ ухватить существенный моментъ

этой сцены и набросалъ ее въ свой дорожный альбомъ, быть можетъ, тутъ-же при самомъ началѣ тревоги.

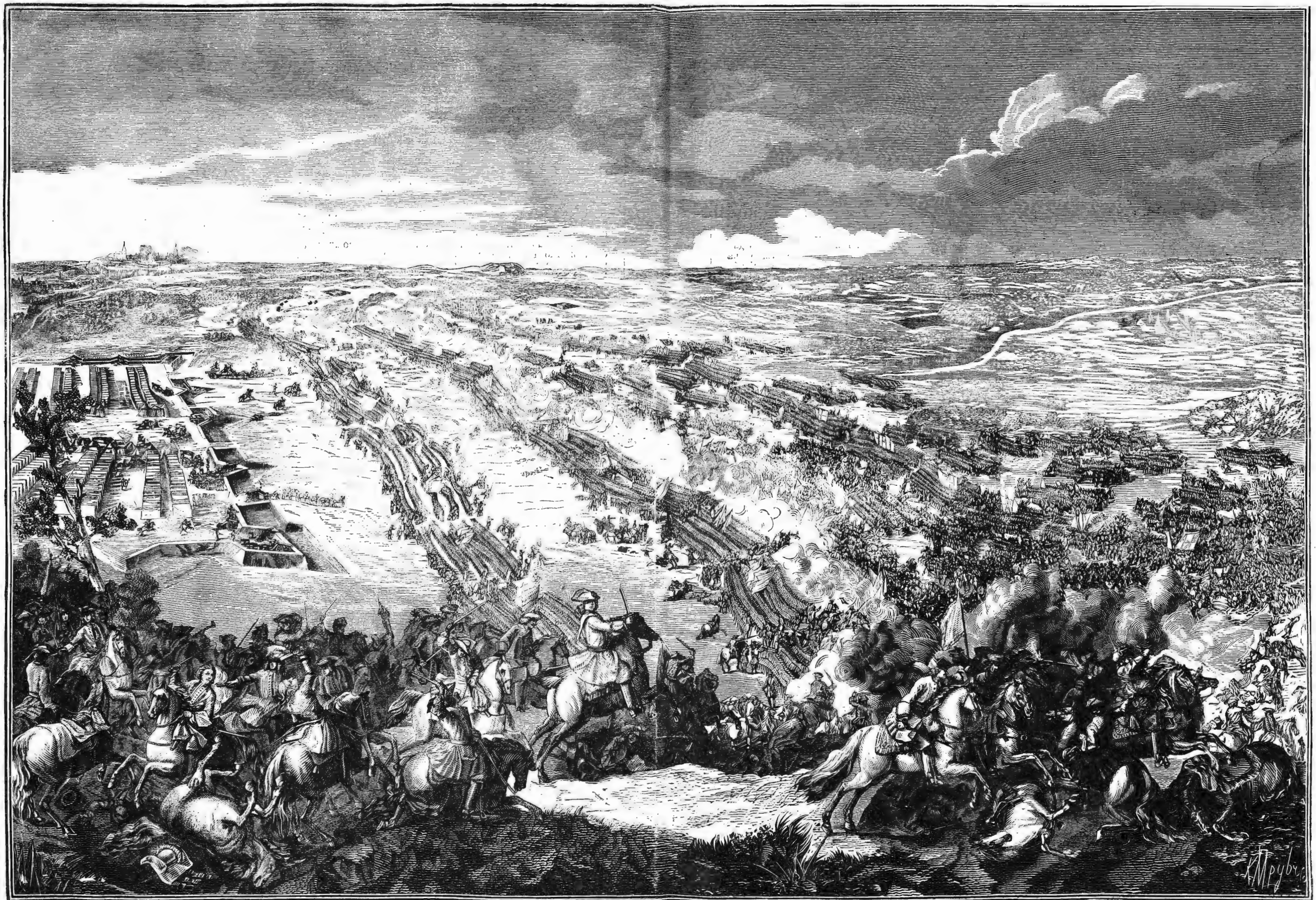
Помѣщеніе для топки въ большомъ морскомъ пароходѣ **).

Сила пара, сдѣлавшись достояніемъ человека, принимаетъ

*) Князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій въ шутку названъ былъ отъ Петра царемъ или королемъ пресбургскимъ.

**) Этотъ рисунокъ сдѣланъ новымъ способомъ, изобрѣтеннымъ г. Лаптевымъ и называется фоторельефъ. Цѣль фоторельефа—воспроизводить факсимиле съ гравюръ и рисунковъ перомъ. Для того, чтобы сдѣлать фоторельефъ, достаточно рисунка или даже негатава, остающагося при работѣ безъ поврежденія. Способъ основанъ на химическомъ дѣйствіи свѣта, съ помощью желатина и хромокислота калия. Сначала дѣлается итрица и обрабатывается какъ для фотোগравюры, такъ и для фоторельефа, затѣмъ съ помощью гальванопластики воспроизводится иѣдная доска произвольной толщины. Время для изготовленія фоторельефа потребуетъ, при хорошио устроенной мастерской, отъ 4—5 дней.

Несомнѣнно, что фоторельефъ, въ недалекомъ будущемъ, окажетъ большую услугу какъ издавателямъ иллюстрированныхъ изданій, такъ и художникамъ, рисунки которыхъ при этомъ способѣ будутъ воспроизводиться съ безукорыненною вѣрностью и точностью.

ІЗОБРАЖЕНІЕ КОНЕЧНОГО РАЗРѢШЕНІЯ ШВЕЦКОЙ АРМІИ. ОТЪ РОССІЙСКОГО ВОЙСКА ПОСЛЕ ГЛАВНОЙ ПОЛТАВСКОЙ БАТАЛИИ СЛУЧИВШАГОСЯ НЕДАЛЕКО ѲПЕРЕВОЛОЧНЫ. ГДѢ ОНАЯ БЕЗВСЯКОГО СУПРОТИВЛЕНІЯ РУЖЬЕ СВОЕ ПОЛОЖИЛА СОТѢЮЩАЯ В 18000 ПРѢНАШИМИ 9600. БОЛШЕ. ІЮНЯ ВЪ 30. ЛѢТѢ 1709. ГОДУ.

подъ влияніемъ его изобрѣтательности, все большіе и большіе размѣры. Въ настоящее время на многихъ военныхъ и частныхъ морскихъ пароходахъ эта сила доведена въ паровыхъ машинахъ до 3,000 лошадиныхъ силъ. На топку такой машины выходитъ ежедневно среднимъ числомъ до 6,000 пудовъ каменнаго угля. Изъ этого понятно, что за громаду представляетъ собою самый пароходъ, имѣющій такую громадную машину. Помѣщаемъ рисунокъ, изображающій помѣщеніе для топки въ одномъ изъ такихъ пароходовъ, по справедливости называемыхъ „Левиафанами морей“.

Нужно замѣтить, что „топка“ имѣетъ на кораблѣ совершенно отдѣльное помѣщеніе и въ немъ находятся только машинисты да кочегары. Помѣщеніе это представляетъ узкую и длинную комнату съ раскаленной атмосферой и стѣны которой сплошь покрыты листами кованаго желѣза, а за ними находятся плохіе проводники тепла, какъ зола, шлакъ и проч. чтобы помѣшать жаръ распространяться далѣе и стать опасной для деревянныхъ частей корабля. Въ паровые котлы вода доставляется съ помощью особенныхъ насосовъ; воздухъ, необходимый для топки, притекаетъ черезъ особые вентиляторы; кромѣ того устроены всевозможные аппараты для охраненія безопасности корабля: манометры (приборъ для опредѣленія давления пара), предохранительные клапаны, предохранительные свистки и проч., которые дѣйствуютъ сами и тотчасъ же подають сигналъ къ тревогѣ, коль скоро давление пара перейдетъ желаемый предѣлъ, или вода въ котлѣ не достигаетъ обычнаго уровня. Рядомъ съ помѣщеніемъ для топки находится складъ каменнаго угля, котораго для десятидневной поѣздки, напримѣръ, приходится захватить 60,000 пудовъ. Въ складѣ приняты всевозможныя мѣры предосторожности, чтобы предотвратить нагрѣваніе или самовоспламенение каменнаго угля. Изъ склада особые двери и рельсы ведутъ въ помѣщеніе для топки, и угли, доставляемыя туда въ желѣзныхъ бочкахъ, бросаются однимъ кочегаромъ въ печку при помощи лопатки, тогда какъ другой кочегаръ мѣшаетъ и распределяетъ ихъ желѣзной кочергой. Жаръ и духота въ помѣщеніи для топки таковы, что они почти невыносимы для европейца, и вотъ почему на большинствѣ большихъ морскихъ пароходовъ предпочитаютъ имѣть кочегарами рослыхъ, коренастыхъ негровъ. Чтобы уменьшить жаръ, сбѣгать возможнымъ притокъ свѣжаго воздуха и удалить отдѣляющуюся углекислоту, устроено нѣсколько огромныхъ желѣзныхъ трубъ, находящихся въ связи съ дымовой трубой и вентиляторами и снабженныхъ частью мѣхами и всасывающими аппаратами. Трубы эти проходятъ въ самое помѣщеніе для топки, которое, благодаря отлеску огня изъ печей, похоже, особенно ночью, положительно на адъ. Шлакъ и зола, падающіе подъ рѣшетку печей, удаляются всегда самымъ тщательнымъ образомъ, а именно ихъ нагружаютъ на особый возокъ, везутъ по нарочно устроеннымъ для этого рельсамъ къ подземной двери, находящейся недалеко отъ помѣщенія для топки и бросаютъ въ море.

Могильщики (NECROPHORUS UESPILIO), ПОГРЕБАЮЩИЕ МЫШЬ.

Жизнь насѣкомыхъ представляетъ много интереснаго и поучительнаго. Знакомство съ нравами и образомъ жизни этихъ, повидимому, ничтожѣйшихъ изъ животныхъ заставляетъ человека убѣдиться, что и они живутъ и двигаются не безотчетно, не безъ смысла, а напротивъ—нѣкоторыя изъ нихъ обладаютъ значительной долей мышленности и какъ бы остроумія. Къ такимъ мышленнымъ насѣкомымъ принадлежитъ, напримѣръ, *могильщикъ*, насѣкомое изъ отряда *жесткокрылыхъ*, названное такъ за свой обычай—рыть могилы для умершихъ маленькихъ млекопитающихъ.

Внутреннія извѣстія.

Главное вниманіе и заботы всего русскаго народа сосредоточены теперь на оказаніи помощи нашему войску, пошедшему по слову Царя на защиту угнетенныхъ. Точно многоголосное эхо, раздалось по всей русской землѣ отклики на борьбу за святое дѣло.

Множество молодыхъ людей изъ столичнаго населенія заявило желаніе стать въ ряды защитниковъ праваго дѣла. Въ числѣ ихъ не мало находится слушателей высшихъ учебныхъ заведеній, принадлежащихъ по происхожденію къ духовному сословию. Даже Горцы Кубанской области заявили, что они всѣ поголовно желаютъ идти на утѣснителя-врага.

Труды и пожертвованія для больныхъ и раненыхъ воиновъ полились отовсюду.

Въ С.-Петербургѣ, по инициативѣ Великой Княгини Александры Петровны, открыты во дворцѣ ея супруга, Главнокомандующаго южною арміею, залы всѣмъ желающимъ безплатно работать для оказанія помощи раненымъ; въ залы эти ежедневно собирается большое число представительницъ высшаго общества. По праздникамъ въ залахъ этихъ работаетъ много дѣвушекъ изъ магазиновъ и швейныхъ мастерскихъ. Такія же

Это небольшое насѣкомое длиною съ полдюйма, имѣетъ красивый пестрый цвѣтъ, въ которомъ черныя краски перемежаются съ оранжевыми; два плечатыхъ крыла сложены и спрятаны подъ другія два верхнія, довольно твердыя и жесткія на ощупь, называемыя надкрыльями, которыя какъ будто утѣчены и потому не вполне прикрываютъ спинку (брюшко) насѣкомаго. Ротъ у всѣхъ *могильщиковъ* снабженъ острыми, крючковаатыми челюстями, которыми насѣкомое можетъ жевать пищу, состоящую изъ мяса труповъ мелкихъ млекопитающихъ. *Могильщики* одарены чрезвычайно острымъ обоняніемъ. Быстро носясь надъ землею, они тотчасъ же находятъ по запаху трупъ недавно умершаго крота, мыши или другого маленькаго млекопитающагося и устраниваютъ ему погребеніе. Надо удивляться проворству и смысленности, съ которыми производится ими работа рытья могилы. Приведемъ здѣсь выдержку изъ разсказа одного натуралиста, много лѣтъ наблюдаващаго за образомъ жизни и нравами этихъ насѣкомыхъ. „*Могильщикъ*, найдя трупъ мыши на твердой почвѣ, въ которой нельзя было вырыть для нея могилу, старался перетаскать трупъ въ другое мѣсто, на рыхлую почву; но для этого не хватало у него силы. Чтобы помочь дѣлу, онъ быстро улетѣлъ и скоро возвратился съ четвертя товарищами. Дружно всѣ выѣстъ принялись они за работу, перетаскали трупъ мыши на рыхлую почву, подкопали подъ нимъ яму и такимъ образомъ предали землѣ“.

Чтобы наглядно убѣдиться, насколько велика смысленность этихъ насѣкомыхъ, былъ сдѣланъ такой опытъ. Трупъ мыши былъ привязанъ на конецъ кола, вбитаго въ землю. Въ тотъ же день одинъ *могильщикъ* появился у трупа. Нѣсколько минутъ леталъ онъ около него, бродилъ кругомъ кола по землѣ, какъ будто соображалъ, какъ слѣдуетъ поступить ему. Пока онъ находился въ такомъ недоумѣніи, слетѣлось еще нѣсколько погребателей. Долго они увивались вокругъ кола и сядились на него, какъ бы совѣтуясь; потомъ дружно всѣ принялись подрывать колъ, хотя мышь висѣла на аршинѣ отъ земли. Во время работы постепенно прибывали новые могильщики. Работа шла дѣятельно въ теченіи цѣлыхъ сутокъ; наконецъ—колъ подрывъ и упалъ на землю. Началось погребеніе мыши. Тутъ случилось новое для погребальщиковъ затрудненіе: шпурокъ, на которомъ была привязана мышь, препятствовалъ опуститься трупу въ ямку, такъ какъ верхній конецъ кола не прикасался къ землѣ, а нѣсколько возвышался. Тогда *могильщики* снова принялись подрывать колъ до тѣхъ поръ, пока верхній конецъ не перевѣсился, послѣ чего мышь была погребена съ частью кола.

Проворство работы этихъ насѣкомыхъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, таково: одинъ *могильщикъ* закапываетъ въ землю трупъ крота въ продолженіи двухъ дней; четыре *могильщика* зарыли въ 30 дней: четырехъ лягушекъ, трехъ птицъ, двухъ рыбъ, крота, двѣ саранчи, внутренности одной рыбы и два куска коровьяго легкаго.

Всѣ эти усиленныя работы зарыванія труповъ дѣлаются *могильщиками* съ цѣлю сохраненія рода: самка кладетъ на мѣстѣ, гдѣ зарытъ трупъ, свои яички (числомъ до 30), изъ которыхъ выходятъ личинки, питающіяся этимъ трупомъ.

Звуки, производимыя этими насѣкомыми, происходятъ отъ тренія послѣдняго сустава брюшка о надкрылья. Надо полагать, что и они производятся у нихъ также сознательно, какъ средство для сближенія половъ.

Въ заключеніе скажемъ, что *могильщики* очень рѣдко попадаютъ на глаза въ нашихъ среднихъ губерніяхъ, такъ что можно было бы предполагать, что ихъ тамъ нѣтъ; но стоитъ только бросить какое-нибудь умершее животное и тайно наблюдать, чтобы увидѣть, какъ въ тотъ же день налетитъ нѣсколько паръ этихъ погребателей.

Н. И.

Московское дворянство пожертвовало 80,000 руб. на 100 солдатских и на 100 офицерских *кошек* для кавказской армии, и 15,000 р. в пособие военным госпиталям губернии. Губернское земство назначило на санитарныя нужды армии 100 тысяч р. Мѣщанское сословіе ассигновало 25 тысяч р., а ремесленное сословіе—15 тыс. р. и лазаретъ на 60 коекъ. Камергеръ, ст. сов. И. А. Яковлевъ пожертвовалъ въ общество краснаго креста 50 тыс. р. Московское уѣздное земство ассигновало 10,000 р. на больницу въ 50 кроватей. Кромѣ того, 10,000 р. на помощь семействамъ раненыхъ. Московской думѣ поданы заявленія нѣсколькихъ купцовъ, предлагающихъ безвозмездно свои фабрики для помѣщенія войскъ и раненыхъ. Врачи предлагаютъ свои услуги безвозмездно.

Пасторы евангелическихъ приходовъ въ С. Петербургѣ устраиваютъ на счетъ евангелической церкви въ Россіи „евангелическую военную больницу“ первоначально на 50 кроватей.

Преподаватели и служащіе въ 6-й Петербургской прогимназіи постановили жертвовать по 3% изъ получаемого ими жалованья, на все время продолженія войны, а въ Воронежской гражданской гимназіи—по 5%.

Двѣнадцать болгарскихъ сельскихъ обществъ Романовской волости, Таврической губ., заявили желаніе пожертвовать для армии, въ настоящее время, 11,400 пудовъ ржаной муки. Крестьяне Захарьевской, Котарской и Малгопновской волостей, Тираспольскаго уѣзда, Херсон. губ., предложили безвозмездную поставку подводъ для перевозки больныхъ и раненыхъ. Таганрогское городское общество пожертвовало на санитарныя нужды 10 тысячъ руб. Въ Ростовѣ-на-Дону образованъ комитетъ Краснаго Креста: купецъ Кошенинъ отдалъ свое огромное зданіе, подѣ госпиталь, въ коемъ могутъ помѣститься до 200 больныхъ и центральный складъ Общества; граждане Баташевъ, Панченко и Посоховъ устраиваютъ госпиталь на 25 человекъ.

Кіевская городская дума назначила 100,000 р. на санитарныя нужды армии. Харьковъ устраиваетъ лазаретъ на 350 кроватей. Болховское уѣздное земское собраніе ассигновало 1,000 р. въ распоряженіе Ораовскаго дамскаго комитета. Служащіе по Тамбовской дирекціи народныхъ училищъ положили жертвовать ежемесячно во время войны по пуду чая для дѣйствующей армии.

Нижегородское городское общество приняло на себя уплату 17,750 руб. за лошадей для армии и устроило лазаретъ на 150 кроватей. Рыбинскъ пожертвовалъ 10 тысячъ руб. и лазаретъ на 20 кроватей. Ярославльска городская дума—лазаретъ въ 400 кроватей. Ревель устраиваетъ 100 кроватей. Въ ближайшей къ

театру военныхъ дѣйствій мѣстности открывается 17 читальня при лечебныхъ заведеніяхъ для нашихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ, а именно: въ 1 морскомъ госпиталѣ (въ Николаевѣ), въ 10 военныхъ госпиталяхъ (Тираспольскій, Херсонскій, Сухумскій, Бендерскій, Симферопольскій, Ахалцхскій, Керчь-Еникальскій, Новороссійскій, Александропольскій и Кутаисскій), въ двухъ особыхъ отдѣленіяхъ Керчь-Еникальскаго госпиталя (въ городѣ и въ крѣпости Керчи) и въ 4-хъ лазаретахъ при мѣстныхъ военныхъ частяхъ (въ Кишиневѣ, Одессѣ, Озургетахъ и Поті).

Словомъ все и всё воодушевлены одною мыслью, и помощь такъ или иначе будетъ течь широкою рѣкою.

Извѣстія о наводненіяхъ и причиненныхъ ими раззореніяхъ и убыткахъ все еще приносятъ провинціальныя газеты съ юга и запада Имперіи. Но наши сѣверныя рѣки, кажется, не будутъ имѣть большой воды, потому что холодныя ночи поддерживаютъ снѣга, не давая имъ быстро таять. *Вскрытіе рѣкъ на сѣверѣ* поэтому совершается тихо и покойно. Нева въ Петербургѣ вскрылась 16 апрѣля. Въ каналахъ Ладожскихъ воды мало, такъ что слышатся жалобы на невозможность сплавлять къ Петербургу лѣсъ и дрова. Между тѣмъ въ южныхъ губерніяхъ не знаютъ, куда дѣться съ водой. *Дожди на югъ* идутъ непрерывно, препятствуя полевымъ работамъ. Посѣвы тамъ дѣлаются ограниченныя по недостатку сѣмянъ и рабочаго скота, именно гдѣ прошлый годъ былъ слабый урожай, или скотскій надеждъ. *Вспомоществованіе крестьянамъ* такихъ мѣстностей необходимо. Поэтому разрѣшено выдавать имъ ссуду деньгами или зерномъ изъ запасныхъ хлѣбныхъ уѣздныхъ или губернскихъ магазиновъ. Землевладѣльцы петербургскаго уѣзда собрали сумму для приобрѣтенія скота и раздачи бесплатно крестьянамъ окрестныхъ съ Петербургомъ селеній, наиболее потерпѣвшихъ отъ падежа. Но экономическія затрудненія и нужды страны съ объявленіемъ войны, встали какъ будто на задній планъ. Даже *крахи банковъ* перестали пугать публику, хотя газеты и приносятъ, напр., такіа извѣстія: Пятигорскій городской общественный банкъ не далекъ отъ крушенія; въ началѣ нынѣшняго года въ немъ оказался дефицитъ въ 800 тысячъ руб. Въ Ржевскомъ отдѣленіи Волжско-Камскаго банка оказалась растрата въ 600,000 р.; управляющій отдѣленіемъ, купецъ Поганкинъ, застрѣлился. Костромская уѣздная земская управа передана суду по обвиненію въ излишнемъ сборѣ денегъ съ помещающихъ окладовъ; членъ Макарьевской земской управы привлеченъ къ отвѣтственности за растрату земскихъ денегъ. Пермская губернская земская управа также имѣетъ въ виду печальную перспективу по ремонту и расходамъ злосчастнаго сибирскаго тракта.

Политическія и военныя извѣстія.

Мы еще не касались извѣстій съ западнаго театра войны т. е. той площади, гдѣ раскинуты Черногорія, Боснія, Герцеговина и часть Албаніи. Здѣсь перевѣсъ въ численности турецкихъ войскъ дѣлаетъ показывать борьбу Черногорцевъ и миридитовъ съ турками весьма неравною. И въ самомъ дѣлѣ главнокомандующій турецкими войсками въ этомъ мѣстѣ устремился на Никшичъ, чтобы овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ. Затѣмъ есть уже слухи, что турецкія войска заняли всю территорию миридитовъ, т. е. часть Албаніи, къ югу отъ Черногоріи. Такъ происходитъ дѣло на самомъ западѣ. Восточнѣе—именно на территории Сербіи, обѣщаются довольно значительныя операціи. Такъ, Дринскій и Шумадійскій корпусы, а также Вальевская и Шабацкая бригады и кавалерія должны, по сообщенію телеграфа, выступить 4 мая къ границѣ; обозу приказано приготовиться къ выступленію. Добровольцамъ дано приказаніе сосредоточиться въ Кладову. Отборъ Скупцины одобрилъ дѣйствія правительства. Затѣмъ извѣстно, что въ главномъ городѣ Миридитовъ, Орошѣ, еще въ минувшемъ мартѣ состоялось народное собраніе, на которомъ рѣшено изгнать изъ края всѣхъ родственниковъ и приверженцевъ союзниковъ турокъ и рѣшеніе это немедленно было исполнено. Надо замѣтить, что къ Черногорцамъ въ борьбѣ противъ турокъ примкнула только часть миридитовъ. Теперь генералъ губернаторъ Албаніи старается поднять противъ этихъ непокорныхъ миридитовъ другія сосѣднія племена, какъ мусульманскія, такъ и христіанскія, но встрѣчаетъ рѣшительное сопротивленіе. Изъ Константинополя получено приказаніе вооружить возможно большее число албанцевъ противъ Черногоріи. Въ провинцію Македонію, къ порту Салоники, свозятся награбленные въ болгарскихъ церквяхъ и скупленные евреями церковныя сосуды, для отправленія черезъ Салонскую таможену въ Константинополь. Въ этихъ же провинціяхъ солдаты и черкесы бродятъ по селамъ и занимаются грабежами.

— Въ Герцеговинѣ дѣятельно идутъ военныя приготовленія. Въ Тренинѣ строятъ новыя укрѣпленія; прованта заготовлено на 6 месяцевъ для 37 батальоновъ, расположенныхъ въ Столацѣ, Габенинѣ, Тренинѣ и Гацдо. Военныя припасы подвозятся черезъ Митровицу въ Мостаръ въ большомъ количествѣ. Всѣ блокгаузы, возведенные вдоль Черногорской границы, срываются, а гарнизоны ихъ стягиваются въ вышепомянутые пункты. Число боснійскихъ ополченцевъ, собирающихся около полковника Деспотовича, увеличилось прібытіемъ изъ Сербіи многихъ вѣлнотеровъ. Здѣшніе христіане твердо убѣждены,

что Россія спасетъ ихъ также, какъ спасла она Сербію.

Въ Сербіи идутъ дѣятельныя военныя приготовленія на ея восточной границѣ, отъ Нѣготина до Кладовы, на такъ называемомъ Верхнемъ Дунаѣ. Эти приготовленія вызваны тѣмъ, что недавно Абдуль-Керимъ-паша объявилъ сербскому полковнику Хорватовичу, командующему войсками въ Брайнѣ, въ Нѣготинѣ, что Турція находитъ необходимымъ занять Нѣготинъ, Радугацъ и Кладову, чтобы воспрепятствовать русскимъ переправиться въ этихъ пунктахъ черезъ Дунай въ Сербію. Вотъ поэтому-то сербское правительство и отравило уже дринскій и шумадійскій корпусы (какъ мы уже упоминали), а также вальевскую и шабацкую бригады вмѣстѣ съ кавалеріей къ турецкой границѣ, чтобы дать туркамъ отпоръ, вслучаѣ еслибы они нарушили нейтралитетъ Сербіи. Въ Нѣготинѣ теперь командуетъ войсками Хорватовичъ. Нападеніе на этотъ пунктъ (Нѣготинъ) турокъ возможно изъ видинскаго лагеря, отстоящаго въ 25 верстахъ отъ сербской границы. Въ Кладову-же (лежащую значительно выше къ сѣверу по Дунаю) сербское правительство послало отрядъ добровольцевъ, подѣ начальствомъ полковника Влайковича, чтобы занять этотъ пунктъ. Далѣе носятъ слухи, что и австрийское правительство угрожаетъ само занять Сербію, если турки перейдутъ сербскую границу.

По 19 апрѣля получены съ турецко-кавказской границы слѣдующія извѣстія о ходѣ тамъ военныхъ дѣйствій. Въ Рі-нскомъ отрядѣ происходила 15 апрѣля перестрѣлка, непричинившая, однако, нашимъ войскамъ вреда. У неприятеля же потери значительныя. Броненосцы турецкіе въ тотъ же день возвратились къ посту Св. Николая и снова обстрѣливали его. Александропольскій корпусъ 17 апрѣля расположился у Займа и Энш-Кева. Начальникъ Эриванскаго отряда, генералъ-лейтенантъ Тѣргур-Касовъ извѣщаетъ, что 18 апрѣля, въ 7 часовъ утра, онъ прошелъ къ Баязету; при появленіи русскаго авангарда, турецкій гарнизонъ, въ числѣ 1,700 чел., отступилъ въ горы Алла-Дагъ, причѣмъ оставлены были значительныя запасы турецкаго военнаго имущества. Русскія войска заняли городъ и цитадель. На слѣдующій день пришла телеграмма о баязетскомъ дѣлѣ, излагающая обстоятельство дѣла въ томъ-же смыслѣ.

— Съ европейско-турецкаго театра войны извѣстія показывать крайне скудны. Вообще утверждаютъ, что турки рѣшились здѣсь пока держаться оборонительнаго образа дѣйствій. Показывать наши войска не перейдутъ Дунай, никакихъ сколько-нибудь значительныхъ дѣйствій ожидать нельзя.

— Съ западнаго театра войны, бывшаго прошлый годъ театромъ восстанія, напротивъ, извѣстія являюся чаще. Такъ, изъ Зары отъ 19 апрѣля (1 мая) извѣстно, что недавно усташа произвели первое нападеніе на турецкій авангардъ въ Бизинскомъ ущельѣ, близъ Невесинья, причѣмъ 15 турокъ было убито. Въ Босніи и Герцеговинѣ турецкія власти вербуютъ на службу мусульманъ, и мѣющихъ въ возрастѣ отъ 16 до 60 лѣтъ.

— Изъ Аѳинъ сообщаютъ, что въ Греціи общее настроеніе народонаселенія чрезвычайно воинственное, и что нынѣшнему правительству, вѣроятно, не долго оставаться во главѣ правленія.

Относительно русскихъ, оставшихся въ Турціи, до сихъ поръ, вопреки официальному увѣренію Порты, не принято никакихъ мѣръ со стороны турецкаго правительства. Германскіе консулы дѣятельно оказываютъ покровительство русскимъ, распоряжаясь въ этомъ смыслѣ энергически и быстро. Многие русскіе подданные поручили просить за свидѣтельствовать свою глубокую благодарность германскимъ властямъ въ Турціи. Такимъ образомъ существуетъ уже весьма осязательный фактъ прочнаго дружественнаго расположенія къ намъ Германіи.

— Турецкое морское каперство уже начинаетъ заявлять себя. Такъ, недавно, вѣскими газетами получено извѣстіе о захватѣ турками румынскихъ военныхъ пароходовъ «Фулдгеруль» и «Стеванальмар».

— Изъ Румыніи сообщаютъ, что съ 19 апрѣля (1 мая) всѣ румынскія войска направляются къ Калафату и что румынскія палаты вскорѣ займутся голосованіемъ вопроса о субсидіи на военныя дѣла, и затѣмъ палаты будутъ закрыты.

— Изъ Парижа сообщаютъ, что тамъ въ засѣданіи палаты депутатовъ роздана депутатамъ «Желтая книга», содержащая 530 стра-

ницъ, посвященныхъ исключительно восточнымъ дѣламъ. Всѣ, содержащіяся въ этой книгѣ депеши герцога Деказа высказываютъ его сильное желаніе сохранить миръ и согласіе между державами. Далѣе, въ одномъ изъ циркуляровъ выражено сожалѣніе по поводу отпора Порты отъ принятія протокола, который (протоколъ) давалъ турціи почетный способъ мирно разрѣшить затрудненія.

— Страсбургъ (главн. городъ Эльзаса, во Франціи) недавно посѣтилъ германскій императоръ Вильгельмъ и встрѣченъ былъ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою. Отвѣчая на почувствованную рѣчь членовъ областной комисіи, германскій императоръ замѣтилъ между прочимъ, что онъ убѣжденъ, что жители Эльзаса проникнутся задачей прочнаго сліянія новой имперской области съ Германіею.

— Изъ Вѣны телеграфируютъ, что относительно замѣненія австрійскаго посла въ Константинополь, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ придать значеніе тому, чтобы послы Германіи и Австріи явились въ Константинополь одновременно, и что графъ Зичи не поѣдетъ въ Константинополь пока не послѣдуетъ назначенія туда принца Рейеа.

Если же Порта будетъ настаивать на своемъ рѣшеніи относительно высылки русскихъ подданныхъ, то замѣненіе поста Германскаго посла можетъ быть отмѣнено.

— Изъ Англіи сообщаютъ, что недавно Лордъ Дерби заявилъ въ палатѣ Лордовъ, что остальные документы (кромя циркуляра русскаго канцлера) будутъ обнародованы вскорѣ. Отвѣтъ британскаго кабинета на циркуляръ князя Горчакова одобренъ королевою и вскорѣ представленъ будетъ Парламенту.

— Изъ Галаца и Браилова въ вѣснкія газеты пишутъ, что турецкое правительство намѣрено бомбардировать эти города. Въ Варшвѣ снаряжается турецкая экспедиція въ Крымъ.

Могильщикъ (Necrophorus Vespilio), погребаящій мышъ

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Нивы“ будетъ разослана нашимъ годовымъ подписчикамъ, въ видѣ бесплатнаго приложенія, большая карта театра войны въ Европейской и Азиатской Турціи. (Цѣна этой карты въ отдѣльной продажѣ 1 руб.)

Руководимые желаніемъ доставить нашимъ подписчикамъ возможность слѣдить съ полною точностью за положеніемъ дѣлъ на театрѣ войны, мы, не жалѣя матеріальныхъ средствъ, главнымъ образомъ обрацали вниманіе на то, чтобы прилагаемая карта была лучше другихъ, до сихъ поръ изданныхъ.

Къ сожалѣнію карта не могла быть приложена къ этому номеру по причинѣ техническихъ трудностей, неизбежныхъ при печатаніи ея тремя тонами. То количество экземпляровъ, въ которомъ печатается „Нива“, а именно 34,000, требуетъ, чтобы карта была оттиснута (при трехъ тонахъ краски) 102,000 разъ. Въ этомъ,

собственно и заключается причина, что карта не можетъ быть приложена ранѣе выхода № 19 или 20 „Нивы“.

Отъ Редакціи „НИВЫ“ отправлены на театръ военныхъ дѣйствій въ Европ. и Азиат. Турціи два художника-корреспондента, которые будутъ намъ доставлять рисунки изъ современной войны, виды мѣстностей расположенія войскъ, портреты героевъ, отличившихся въ битвѣ, рисунки сраженій, отдѣльныхъ сценъ, типовъ и т. п.

СОДЕРЖАНІЕ: В. И. Раабъ. Л. Ст.—вой (съ портретомъ).—Къ войскамъ (стихотв.) Н. Б.—всего.—Иъ портрету Пушкина И. Страхова (съ портретомъ и рис.).—Тернистый путь. (Разсказъ изъ финскихъ нравовъ) А. Нат.—ъ.—Очерки изъ русской исторіи Н. Зѣтрева (съ рисункомъ).—Ночная тревога на Дунаѣ (съ рисункомъ).—Помѣщеніе для топли въ большомъ морскомъ пароходѣ (съ рисункомъ).—Могильщикъ (Necrophorus Vespilio), погребаящій мышъ. Н. И. (съ рисункомъ).—Внутреннія извѣстія.—Политическія и военныя извѣстія.—Отъ Редакціи.—Объявленія. Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за МАЙ: 32 рисунка модъ, 25 рисунковъ аксессуаровъ, 26 рисунковъ для устройства и убранства комнатъ и 31 рисунокъ бунтъ для мѣтін бѣлья.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ

РЕКОМЕНДУЕМЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Э. А. Россмесслеръ. На Досугѣ. Популярныя Бесѣды, съ полнѣйшими изъ текстовъ, переводъ съ нѣмецкаго П. Андреевскаго. Цѣна 3 р. 50 к. съ пересылкою 4 р. Записки Слѣдователя, сочиненіе Н. П. Тимофѣева. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 50 к. Христова Невѣста, повѣсть Н. А. Лейнина. Изданіе второе. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою 1 р. 50 к.

Повѣсти, Разказы и Драматическія сочиненія Н. А. Лейнина. Цѣна за 2 тома 3 р. 50 к. съ пересылкою 4 р.

Историческія Очерки и Разказы С. М. Шубинскаго. Изданіе второе дополненное. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Всѣ эти пять изданій объявленныхъ здѣсь можно выписывать чрезъ Редакцію „НИВЫ“.

3—1

При этомъ № прилагается для гг. многор. подписч. объявленіе отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 29 Апрѣля 1877 г.

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.

Садовое Заведеніе въ Ригѣ,

сіамъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что

КАТАЛОГИ СЪМЕНАМЪ и пр. НА 1877 г.

недавно и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.

Прочтемъ же лицамъ, желающимъ получить таковое, посылаютъ каталоги также безъ платы, смотря по баловенію на языкѣхъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, или же иллюстрированное изданіе, съ 240 полнѣйшими, на одномъ русскомъ языкѣ.

4—3

НОВАЯ КНИГА

„ПАРІИ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВѢ“

соч. Жаково, пер. съ французскаго, надъ Л. П. Никифорова. Книгопродавцамъ обычная уступка. Главнѣйшій складъ изданія: Новый пер., типографія Ц. Ѳ. Демалова и во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ.

2—1

Тип. Веллингга, Англ. пр. № 10.
Библиотека Руниверс

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 19 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ ДВА ЛИСТА съ 4—6 РИСУНКАМИ и ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Изданъ 9 Мая 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
все уже вышедшіе
номера „Нивы“.

ГODOBAY ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.
„ съ доставкою . . . 5 „

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж.
маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во в. в. города Имперіи 5 „ 50 „

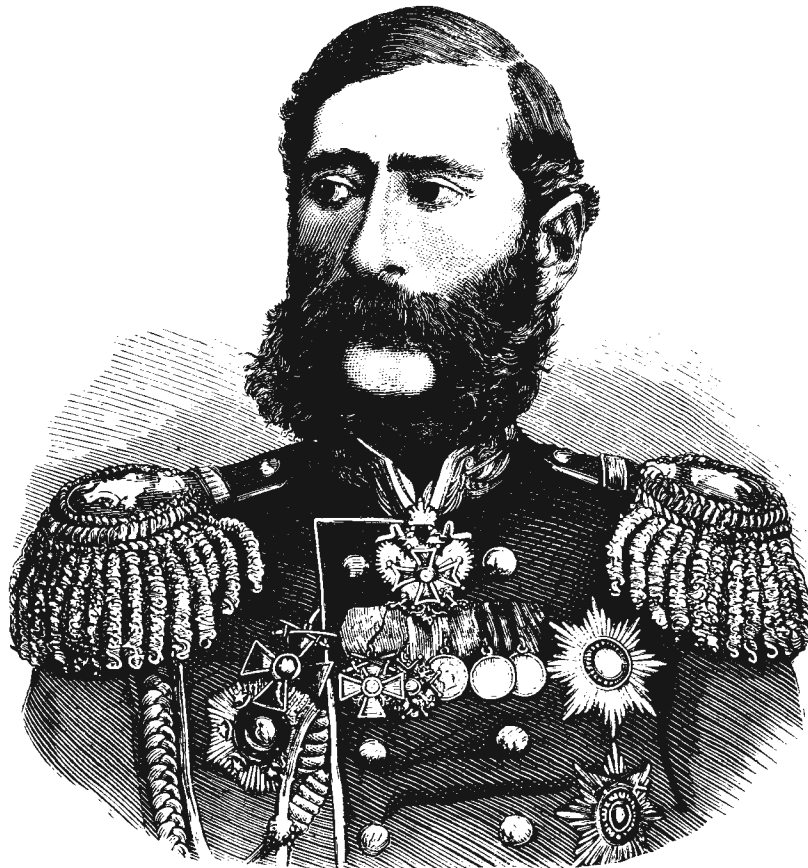
Контора журнала
„Нива“ помѣщается
въ С.-П.-Бургѣ на Б.
Морской, въ д. № 9.

Подписка продолжается.

При этомъ № прилагается для гг. годовыхъ подписчиковъ «Нивы» какъ городекъ такъ и иногор. большая Карта Театра Войны въ Европейской и въ Азіатской Турціи, составленная Капитаномъ И. О. Ивановымъ.

Генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи, М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

Командующій дѣйствиющимъ корпусомъ на Кавказско-Турецкой границѣ, генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ, родился въ 1825 году. Родители его—грузинскіе дворяне. Воспитаніе получилъ въ школахъ гвардейскихъ подпоручиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и по окончаніи курса, въ 1843 году выпущенъ корнетомъ въ лейбъ-гвардію Гродненскій гусарскій полкъ. Въ чинѣ поручика въ 1847 году назначенъ состоять для порученій при главнокомандовавшемъ Кавказскимъ корпусомъ генераль-адъютантъ князь Воронцовъ, который, оценивъ способности и храбрость молодого гвардейца, удержалъ его на Кавказѣ. Съ переводомъ его на Кавказъ открылись военныя дѣйствія нашихъ войскъ противъ горцевъ и дали возможность Михаилу Таріеловичу рядомъ блестящихъ подвиговъ удалства и храбрости выказать свои военныя способности. Въ томъ же году въ отрядѣ генераль-дейтенанта Фрейтага онъ отличился въ битвахъ въ Малой

Генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи, М. Т. Лорисъ-Меликовъ.
Рис. и грав. К. Вейерманъ.

Чечнѣ; съ 18-го ноября 1847 г. по 18-е февраля 1848 г. онъ почти ежедневно участвовалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, обращая на себя всеобщее вниманіе своею неустранимостью. Наградой за это было производство въ слѣдующій чинъ и орденъ Св. Анны на саблю. Въ томъ же году въ составѣ отряда подъ начальствомъ генераль-адъютанта князя Аргутинскаго-Долгорукова, при взятіи штурмомъ сильно укрѣпленнаго аула Гергебила, онъ прославилъ себя новыми подвигами, заслужившими ему награды: производство въ чинъ ротмистра гвардіи и орденъ Св. Анны 3 степени съ бантомъ. Въ 1849 году, находясь въ Дагестанскомъ же отрядѣ, постоянно отличался: 1 июля въ дѣлѣ съ Шамилемъ, въ особенности при бомбардированіи укрѣпленія Чахъ и разрушеніи всѣхъ непріятельскихъ верховъ, причемъ горцы понесли огромныя потери. 1850 годъ, какъ и предыдущіе, прошелъ для него большею частью въ бояхъ и доставилъ ему орденъ св. Анны 2-й степени. Въ 1851

году, находясь на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи въ зимней экспедиціи, участвовалъ въ рубкѣ просѣкъ, въ дѣйствіяхъ въ Большой Чечнѣ, въ переходѣ отряда черезъ рѣку Аргунъ и 8 января при поражениіи сирва Шампиля, а потомъ при совершенномъ уничтоженіи партии горцевъ подъ предводительствомъ Магометъ-Амина. Но дѣло 15 сентября 1851 г., когда онъ съ небольшимъ отрядомъ отразилъ и разсѣялъ огромный скопища горцевъ, сдѣлало имя его популярнымъ на Кавказѣ, и доставило ему громкую славу. Въ 1852 г., въ соединеніи съ отрядомъ полковника Бакланова, участвовалъ въ жаркомъ и блистательномъ дѣлѣ въ Маіоръ-Гунскомъ дѣсу. Въ 1853 г., подъ начальствомъ генераль-адъютанта князя Бяратинскаго, снова отличился, 17 февраля, при атакѣ непріятельской позиціи у озера Гордохай, разсѣявъ совершенно скопища Шампиля. Въ томъ же 1853 году Михаилъ Таріеловичъ перенесъ свою дѣятельность на Кавказско-Турецкую границу и подъ Карачахомъ съ нашими казаками сильно побилъ турецкую кавалерію, закончилъ же годъ блистательнымъ подвигомъ, съ 30 казаками, совершенно уничтоживъ сильный отрядъ турецкой кавалеріи близъ Ваяндурскаго поста, за что и былъ произведенъ въ полковники. Въ 1854 году, дѣйствуя въ отрядѣ генераль-лейтенанта Багговута, онъ, 13 апрѣля, произвелъ удачное нападеніе на турецкую кавалерію, расположенную въ Аргинѣ и ближайшихъ деревняхъ, и обратилъ ее въ бѣгство съ большою по-

терею. Трофеями этого нападенія были большой значекъ и 21 человекъ нашихъ плѣнныхъ; ему же наградою—золотая сабля и орденъ Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. 1855 годъ еще болѣе прославилъ имя Лорисъ-Меликова: подвиги близъ крѣпостей Александрополя и Карса и, наконецъ, дѣло 20-го декабря, получившее громкое названіе „молодецкаго дѣла полковника Лорисъ-Меликова“, гдѣ онъ съ тремя сотнями казаковъ уничтожилъ четырехсотенную шайку горцевъ, почти не потерявъ у себя ни одного человека. Въ 1856 г. т. е. черезъ 13 лѣтъ всей службы онъ уже былъ произведенъ въ генераль-маіоры. Нѣтъ возможности въ краткомъ очеркѣ перечислить всѣхъ подвиговъ Михаила Таріеловича. Участвуя болѣе чѣмъ въ 180 дѣлахъ, онъ, не былъ ни разу ни раненъ, ни контуженъ. Въ 1863 году онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, въ 1865 г. пожалованъ генераль-адъютантомъ, а въ 1875 г.—генераломъ отъ кавалеріи, съ зачисленіемъ по Терскому казачьему войску. Да увѣчатся успѣхомъ его дѣйствія въ настоящее время. Начало военныхъ дѣйствій на Кавказско-Турецкой границѣ, подъ его начальствомъ, какъ знаютъ уже наши читатели изъ политическихъ и военныхъ извѣстій „Нивы“, было хорошее. Дай Богъ ему такъ же успѣшно ихъ продолжать и блистательно завершить.

А. Н—аевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Лучами дня, какъ взглядами, сверкая
Рѣзвѣ, ясна,—
Блестя красой, какъ дѣва молодая,
Идетъ весна!

Но въ садъ окно я съ грустью отворю
И долго тамъ
Сажу и взоръ усталый обращаю
Къ другимъ мѣстамъ...

И мнится мнѣ, что тамъ въ дали—за моремъ
Еще страшна
Стоитъ зима и холодомъ, и горемъ
Грозитъ она,—

И дремлетъ лѣсъ и рѣчка голубая,
Громъ спитъ въ сѣняхъ,
И ночь темна, и вѣтеръ завываетъ,
Гудитъ въ степяхъ...

А здѣсь весна идетъ, благоухая
Цвѣтутъ цвѣты,—
Скажи: о чемъ-же, сердце, изнывая,
Все плачешь ты?

И гдѣ предметъ любви твоей глубокой?
Но ты молчишь
И все куда—въ туманъ страны далекой
Съ тоской глядишь....

Ник. Б—сній.

I.

Промчалось весны дуновение,
Головку склонилъ и поблекъ,
Поцарствовалъ только мгновенье,
Взлѣбанный мною цвѣтокъ.

Погибъ, красотой разцвѣтая,
Спаленный полудня лучемъ...
Я, тихо склонившись, рыдаю
Надъ этимъ завядшимъ цвѣткомъ.

II.

...Стой, о стой надо мной неотступно,
Милый призракъ, склонись надо мной,
Навѣвай мнѣ прелестныя грезы,
Заливай меня счастья волной.

Въ этомъ снѣ, въ мимолетныхъ видѣньяхъ,
Полныхъ дивной, святой красоты,
Колыхался, воздушные замки
Серебрятся въ туманѣ мечты.

Мигъ одинъ—и узоръ сновидѣнья
Разлетится какъ сумракъ ночной,—
Близокъ часъ золотого разсвѣта,
О, побудь хоть мгновенье со мной!...

III.

Не ненавижу я пышность востока,
Не люблю я роскошныхъ вѣнковъ,
Не ищи на устахъ этихъ, мальчикъ,
Запоздалыхъ осеннихъ цвѣтовъ.

Ничего, кромѣ мирта, не нужно,—
Онъ равно къ намъ обонимъ идетъ:
И къ рабу, подающему чаши,
И къ тому, кто изъ чашъ этихъ пьетъ.

П. Гн—дичъ.

ТУРЕЦКІЙ НАБѢГЪ.

(Разсказъ изъ современной жизни въ Черногоріи).

I.

На высокомъ, скалистомъ уступѣ, на самомъ краю глубокой, крутой пропасти, уютно прижавшись къ стѣнѣ возвышающагося утеса—лѣпитъ убогая каменная церковь, обнесенная довольно высокою оградой. Ограда, за которой укромно притаился храмъ Божій, сложена изъ крупныхъ кусковъ известковаго туфа, изрыта промоинами и почернѣла отъ времени, бурь и порохового дыма; тамъ и сямъ ниспадаютъ и бѣгутъ по стѣнѣ лозы дикаго винограда и другихъ вьющихся растений; роскошный плющъ обнимаетъ своими цѣпкими вѣтками вытѣшше впередъ камни стѣны, а тамъ, выше, прячется гдѣ-нибудь въ открытую бойницу или глубокую промоину; ограда съ виду до того ветха, что казалась бы хорошей ударъ ружейнаго приклада могъ-бы ее рассыпать сверху донизу; но печать времени легла не только на наружную стѣну обители, та-же ветхость, тѣ-же почернѣшья и заросшія стѣны видѣются и за оградой, на просторной внутренней площадкѣ монастыря, гдѣ, притѣшившись одной стороной къ утесу,—подъ сѣнью широколиственныхъ, густыхъ бумовъ стоитъ невысокая каменная церковь и нѣсколько дере-

вянныхъ темныхъ келій; церковь простой незатѣливой архитектуры съ возвышающимся посреди куполомъ и остатками живописи въ простѣнахъ, между узкими, стрѣльчатыми окнами. Двери церкви отворены; внутри кое-гдѣ у высокихъ темныхъ образцовъ съ почернѣвшею позолотою телятся лампы, бѣдно освѣщая темные лики святыхъ; съ амвона слышится ровное чтеніе Апостола, поодаль нѣсколько иноковъ въ темныхъ рясахъ, нѣкоторые молятся, сидя на каменныхъ скамьяхъ, идущихъ вдоль стѣны храма; молодой послушникъ чуть слышной поступью проходитъ со свѣчей въ рукѣ къ образу Спасителя и засвѣчаетъ лампаду, которая на мигъ ярко освѣщаетъ загорѣвшее, мужественное лицо служки.

Во всемъ храмѣ царитъ какая-то тихая торжественность, но та-же торжественность всюду и внѣ храма, въ гордыхъ утесахъ, которые возвышаются надъ бѣднымъ монастыремъ, въ стройныхъ кущахъ елей и буковъ, разбросанныхъ и лѣпящихся живописными группами по крутой, каменной дорожкѣ, которая вьюномъ спускается въ ущелье и пропадаетъ въ его тѣни; то-же торжественное величіе представляется въ безднѣ, которая зияетъ у подножія обители и скрываетъ свое

дно въ мгнѣніи туманѣ, а тамъ, на двѣ пропасти, шумить и хлопочеть безымянная рѣченка, быстро несая на просторъ изъ холодныхъ объятій ущелья; а надъ всѣмъ этимъ стройно высится куполъ небесной лазури.

Солнце садится, съ восточной стороны потянуло свѣжимъ, сырѣмъ запахомъ ущелья. Вонь внизу, по извилистой дорожкѣ, ведущей къ монастырю, между скалистыми, острыми утесами мчится вверхъ всадникъ, ветергѣливо понукая малорослую, уставшую лошадуку ¹⁾; вотъ онъ заворачиваетъ на послѣдній изгибъ узкой дорожки и измученный конь, напрягая послѣднія усилія приносить его къ воротамъ монастыря; всадникъ соскакиваетъ со своего взмыленного коня, гремя оружіемъ, и поспѣшно идетъ на дворъ обители. Молодой служка, иди черезъ дворъ съ купиномъ воды на плечѣ, останавливается и ждетъ, пока приближившій приближается къ нему быстрыми шагами.

— Гдѣ отче игумень? спрашиваетъ воинъ торолливо.

— Служба идетъ, игумень въ церкви—отвѣчаетъ служка.

Прибывшій тѣмъ-же поспѣшнымъ шагомъ направился къ церковнымъ вратамъ. Вскорѣ отецъ игумень вмѣстѣ съ молодымъ воиномъ выходятъ на дворъ монастыря. Игумень маленькій, горбленый старичекъ, съ крутымъ, орлинымъ носомъ и густыми, нависшими бровями, одѣтъ въ черную, поношеную рясу, въ маленькой скуфейкѣ и съ продѣтою серебряною серьгою въ лѣвомъ ухѣ. Онъ тѣмъ-то сильно озабоченъ, поблѣкше глаза его сверкаютъ небывалымъ нестарческимъ блескомъ; брови его сурово сдвигаются, рѣчь вылетаетъ изъ устъ его рѣзкими отрывочными фразами; молодой воинъ едва успѣваетъ давать на нихъ отвѣты. Игумень маленькимъ, но стойкими шажками расхаживаетъ вмѣстѣ съ нимъ по дворику, на дорогѣ отдастъ какіе-то короткія приказанія служкѣ, который затѣмъ бѣжитъ въ церковь и скрывается въ ея дверяхъ. Вскорѣ и вся братія, стоящая на молитвѣ, выходитъ на дворикъ и толпой окружаютъ игумена. Многие изъ иноковъ далеко не стары, нѣкоторые по паружному виду даже на монаховъ не походятъ, имѣютъ бодрый видъ и одѣты съ простыя свѣтскія черногорскія гунны ²⁾ и джамаданы ³⁾. Вѣстникъ видимо привезъ какое-то очень важное извѣстіе, онъ стоитъ среди иноковъ, опираясь на свое ружье; струка ⁴⁾ его, развѣваемая легкимъ вѣтеркомъ, обнаруживаетъ его красивый, стройный станъ; за поясомъ торчатъ пистолеты съ серебряною насѣчкою и перламутровыми украшениями и булатный ятаганъ.

— Турки въ двухъ часахъ отсюда,—говоритъ молодой черногорецъ,—деревню сожгли и расхитили, наши еле-еле успѣли ноги убраться, женщины и дѣти съ нами въ горахъ, поганые должны быть чутьемъ своимъ басурманскимъ провѣдали, что всѣ почти мушны ушли въ сосѣдній городъ на базарь... Главарь Радованъ послалъ меня вашу святую обитель повѣстить объ опасности, берегитесь, враговъ до сотни человекъ, всѣ до единого оборванцы ужасные и, должно быть, голодны какъ волки.

Игумень опустилъ голову и задумался.

— Да, Видо (имя молодого черногорца), намъ однимъ съ ними не справиться, стѣны нашей обители плохи, пушка одна, да и та заржавѣла, пороху всего одинъ боченокъ...

— Отче игумень,—воскликнулъ одинъ инокъ съ мужественными чертами лица,—за то у насъ у каждого желѣзная грудь, мощныя руки и заступникъ нашъ, святопочившій Петръ-владыко; развѣ этого мало для поправки поганыхъ?

Всѣ остальные иноки шумно одобрили слова товарища; по старецъ игумень не обратилъ особеннаго вниманія на эти воодушевленные слова, игумень былъ погруженъ въ глубокую думу. Думалъ-ли онъ, что въ блудное время и онъ также видѣлъ единственную защиту противъ невѣрныхъ въ своей желѣзной груди, которая и теперь еще носитъ благородные слѣды вражескихъ ятагановъ, или, можетъ быть, онъ придумывалъ средства спасенія отъ настоящей опасности, не извѣстно; только черезъ нѣсколько минутъ старецъ гордо поднялъ голову.

— Видо, благородный юнакъ ⁵⁾, лети на Левичту (Левичта была сосѣдственная деревенька въ часовомъ расположеніи отъ монастыря). Лети на Левичту, ты успѣешь, подними паннихъ братьевъ на защиту святки—да не будетъ она поругана дяволами; бѣги скорѣе—можетъ быть мы и продержимся до вашего прихода.

Видо немедленно, принявъ благословеніе отъ святого отца и сопровождаемый добрыми пожеланьями всѣхъ иноковъ, отправляется въ путь, но теперь уже не на лошади, такъ какъ путь его лежитъ черезъ непреступные, скалистые утесы; долго, долго еще его красная шапочка мелькаетъ между скалами и исполненными обломками.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ волненія и тревоги игумень снова пришелъ въ свое обычное состояніе духа, онъ уже совершенно спокойно и твердо отдаетъ приказанія и дѣлаетъ распоряженія. Между иноками помоложе замѣтно какое-то особенное воодушевленіе, кажутся у каждого изъ нихъ подъ скромною монашескою рясой разгорается духъ воина. Братъ Касьянъ со служкою отправились въ монастырскій погребъ и от-

туда выкатили боченокъ пороху; два другихъ инока занялись осмотровомъ воротъ и маленькой пушки, приютившейся тутъ-же въ уголку на дворикѣ и, повидному, давно неупотреблявшейся въ дѣло, ибо на лафеты успѣлъ уже навалити цѣлый лѣсъ выкопчихся растений. Пушку громоздятъ на каменный помостъ къ одной изъ бойницъ, направляя жерло ея въ сторону ущелья.

— Будутъ вамъ на угощеніе чугунные орѣхи! говоритъ съ злобною усмѣшкою инокъ Михаилъ. Подавитесь голодные волки! Скромный приютъ мирныхъ иноковъ сразу мѣняется своей колоритъ, превращаясь изъ такой обители въ крѣпость, защищаемую мужественными воинами, изъ которыхъ каждый съ готовностью кладетъ свою голову за свой родной уголокъ. Ружья чистятъ, цистерны переполняются водой. Отецъ игумень въ сопровожденіи одного или двухъ иноковъ отправился въ церковь и собралъ всю церковную утварь и образа, чтобы все это спрятать въ подвалъ, подъ церковью. Заскрипѣли заржавѣвшія петли потайной половицы, скрытой отъ глазъ подъ церковнымъ помостомъ; снизу пахнуло подвальной сыростью и холодомъ; игумень, предшествуемый иноками, съ фонаремъ въ рукѣ спустился по каменнымъ крутымъ ступенямъ внизъ, неся съ собою священные церковные предметы; пройдя лѣстницу, они очутились въ длинномъ низенькомъ корридорѣ съ каменными сводами; инокъ Касьянъ шель впереди, освѣщая игумену путь; наконецъ они достигли желѣзной двери, которая безъ труда была отворена огромнымъ, тяжелымъ ключемъ; тутъ они очутились въ довольно широкой комнатѣ тоже со сводами и глупыми нишами по сторонамъ, которые вѣроятно и предназначались для храненія утвари во всѣхъ необыкновенныхъ случаяхъ; сюда-то и было сложено все принесенное. Затѣмъ Касьянъ отворилъ еще дверь, которая вела куда-то дальше; за дверью оказался длинный корридоръ, въ концѣ котораго чуть брезжилъ дневной свѣтъ; корридоръ выходилъ почти къ самому дну пропасти; съ той стороны слышался глухой, отдавленный шумъ бѣжавшей воды. Касьянъ, убѣдившись въ цѣлости сводовъ корридора, затворилъ дверь и они тѣмъ-же путемъ вышли обратно.

Начинало темнѣть. Пушку зарядили гвоздями, желѣзными обломками и ружейными пулками. Игумень распорядился карауломъ; но на стражѣ оказались всѣ иноки сразу, ибо никто не хотѣлъ уступить другому этой обязанности: близость врага такъ возвышала ихъ духъ, такъ переполняла ихъ сердца нетерпѣливымъ и даже приятнымъ ожиданіемъ, что каждый изъ нихъ не только не утратился, но даже жаждалъ кровавой встрѣчи съ врагомъ. И это чувство охватывало едва-ли не всѣхъ, кромѣ игумена, котораго еще не оставили благоразуміе и опытъ старца, уже давно отвыкшаго отъ этихъ молодыхъ горячихъ порывовъ. Каждый инокъ и каждый служка выполняли всѣ военныя приготовления съ какою-то особенною любовью, будто это было ихъ самымъ возлюбленнымъ дѣломъ. Инокъ Касьянъ попытался даже довольно ловко завести разговоръ съ игуменомъ о засадѣ передъ ущельемъ и, имѣя это намѣреніе, съ печальнымъ видомъ указывалъ игумену на ветхость стѣнъ монастырскихъ, на деревянныя ворота и еще на множество подобныхъ-же обстоятельствъ, но тотъ, по всей вѣроятности не надѣясь на благопріятный исходъ этой отважной попытки, отказалъ на отрѣзъ.

Уже совершенно стемнѣло. Одни иноки съ оружіемъ въ рукахъ расположились кто какъ на ступеняхъ паперти, другіе сидѣли у пушки и зорко вглядывались въ ущелье, окутанное густою пеленою ночного мрака. Небо было заволочено тучами, густая тьма царила надъ обителью и возвышавшимися утесами, внизу, въ пропасти, былъ слышенъ глухой раскатъ потока, исполнился ели и буки какъ-то торжественно шумѣли, колеблемыя гордымъ стремительнымъ вѣтромъ. Между иноками, расположившимися у лафетъ пушки, завязалась тихая бесѣда; Касьянъ что-то рассказывалъ, другіе слушали.

— Это было лѣтъ двадцать тому назадъ,—говорилъ Касьянъ,—главаремъ нашего округа былъ полкъ Бѣлопавловичъ. Въ нашей деревнѣ жили два храбрые юнака, Янко и Радо. Только повздорили они что-то изъ-за дуры-бабы, та и напустила ихъ другъ на друга.—Порѣшили юнаки драться на смерть. Сошлись въ назначенное мѣсто, выпили раки ¹⁾, пошутили, поговорили и, зарядивши пушки ²⁾, разошлись. Выпалили—пушка Радо осѣлась, а самъ повалился какъ подкошенный: пуля Янкова застряла у него въ боку, подъ самымъ сердцемъ. Янко подбѣжалъ. „Не хочю, говорить, чтобы такой юнакъ отошелъ на тотъ свѣтъ неотомщеннымъ; ты, говорить, круглый сирота, кто за тебя отомститъ? Держи пушку, стрѣляй!“ А самъ въ двухъ шагахъ отъ дула всталъ. Радо собралъ послѣднія силы и выпалилъ. Янко упалъ. На палубу народъ изъ деревни сошелся; Радо нашли уже мертвымъ, а Янко калузеры ³⁾ исцѣлили. Это была двадцатъ первая рана! Вотъ какіе бываютъ иноки; двѣнадцатью турецкими головами могъ погордиться!

Въ это время со стороны ущелья послышался неясный шорохъ; до иноковъ долетѣлъ звукъ сорвавшегося камня, который съ шумомъ полетѣлъ по скаламъ внизъ. Всѣ насторожили уши—нѣтъ, опять тихо, только вѣтеръ колыхалъ вершины сосѣднихъ

¹⁾ Лошади встрѣчаются только въ окрестностяхъ рѣки Морача.

²⁾ Родъ рубахи.

³⁾ Калюзь.

⁴⁾ Плясъ.

⁵⁾ Юнакъ—храбрецъ, богатырь.

¹⁾ Раки—водка.

²⁾ Пушка—ружье.

³⁾ Монахи. Въ Черногоріи лица духовнаго званія занимаются леченіемъ.

деревьевъ. Касьянъ сталъ внимательно вслушиваться своимъ привычнымъ, чуткимъ ухомъ, служба побѣжалъ къ игумену. Но вотъ опять послышался шумъ какъ бы отъ столкнутаго камня, который своимъ паденіемъ увлекалъ съ собою другіе кам-

слушали въ полномъ молчаніи: теперь уже ясно доносились до нихъ тихіе звуки гремящаго оружія и копыта осторожно ступающихъ лошадей. Касьянъ направилъ пушку по приближительному разсчету и вынулъ кремень и огниво, чтобы запалить

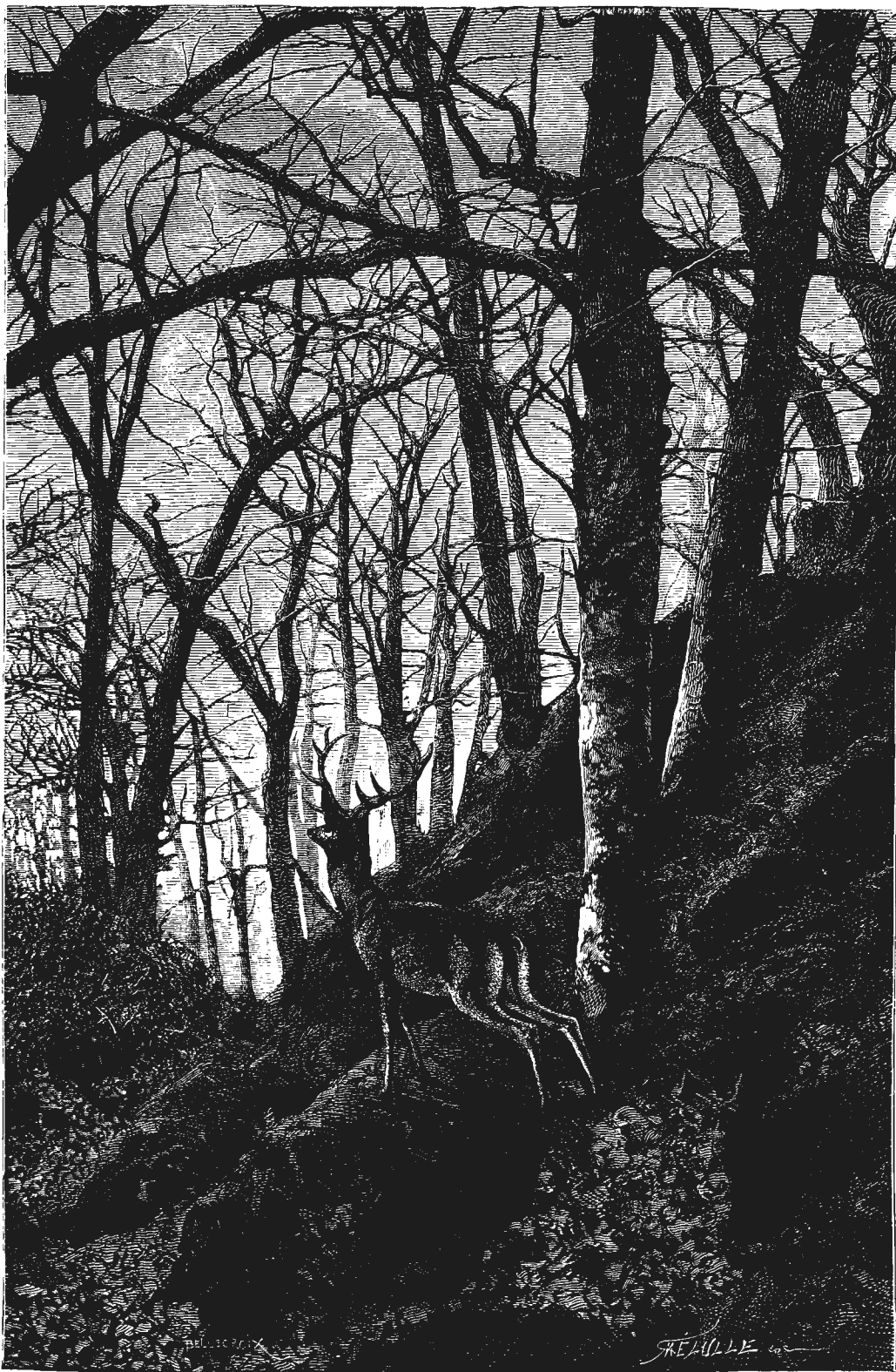
Старинная Тейнская церковь въ Прагѣ. Рис. Теронъ, грав. Гусманъ.

ни; потомъ Касьяну почудился звукъ желѣза. Не было сомнѣнія—турки подкрадывались, соблюдая возможную тишину и надѣясь, вѣроятно, напасть на монастырь врасплохъ. Иноки собрались у пушки и въ бойницахъ; еще нѣсколько мгновеній

фигиль. Иноки взвели курки. Надъ пушкой посыпались искры выбиваемаго огня, фитиль запылалъ... еще мгновение, блеснулъ огонь и грянулъ оглушительный выстрѣлъ; стѣны монастыря дрогнули, громкое эхо повторило его тысячею перекатовъ и

ударовъ. Со стороны ущелья раздался пронзительный военный крикъ въ перемежку со стопами, проклятіями и грохотомъ падающихъ камней, низвергнутыхъ, должно быть, копытами раненыхъ лошадей. На стѣнахъ монастыря хранилось грозное молчаніе, какъ передъ бурей, только слышенъ былъ звукъ забиваемаго въ пушку заряда. Со стороны ущелья тоже блеснулъ

у собравшейся братіи. Трескотня ружейной палбы, сопровождаемая громкимъ эхомъ, дѣлалась сильнѣе и сильнѣе; одна шальная пуля рѣзанула Касьяна въ лѣвую руку, у другого инока задѣла бокъ. Наконецъ выстрѣлы стали уже раздаваться подъ самыми стѣнами монастыря; еще мгновение и сотни ружейныхъ прикладовъ застучали въ ветхія монастырскіи воро-

Лѣсъ весной. Олень насторожѣ. Рис. Вельжеровъ, грав. Мольт.

огонь и раздался первый выстрѣлъ, пуля шлепнулась въ церковное окно, стекла, звеня, посыпалась во-внутрь церкви; затѣмъ снова выстрѣлъ, другой, третій... иноки, толпясь у бойницъ, дружно отвѣчали на неприятельскіе выстрѣлы, мѣта на вспыхивающіе во тѣмъ огоньки. Огоньки вспыхивали ближе и ближе, пули изрѣдка жужжали и въ бойницахъ, подъ ушамъ

та; часть иноковъ, сопровождаемая игуменомъ, съ ятаганами въ рукахъ бросились гуда, остальные неустанно продолжали палить, мѣта поближе къ воротамъ, которыя подъ ударами разбойниковъ стонали и скрипѣли, ежеминутно готовые разлетѣться въ щепы. Къ инокамъ неслись тысячи проклятій и ругательствъ, но тѣ не дремали и пока хорошо защищенные стѣ-

нам палили себя да палили чрез бойницы.

Наконец ворота стали подаваться.

— Братя, сюда! крикнуть гугумень; всё бросились к нему, готовые принять врага в ятаганы и пистолеты.

— Да поможет нам Святая Троица и святопочивший Петръ! внятно проговорил гугумень; съ этими словами обѣ половники воротъ съ трескомъ разлетѣлись и густая толпа грабителей хлынула на дворникъ.

II.

Послѣ долгихъ и трудныхъ переходовъ по утесамъ, кругизнамъ и шаткимъ бревнамъ, перекинутымъ черезъ стремнины, послѣ тѣхъ переходовъ, которые только и возможны для черногорца, родившагося и выросшаго среди препятствій и опасностей, порожденныхъ самою природою, молодой юнакъ спустился въ долину, которая уже объята была сумракомъ ночи; невдалекѣ свѣтились огонки деревеньки. Приближаясь къ ней быстрымъ шагомъ, черногорецъ на ходу далъ выстрѣлъ, возвѣщая этимъ обычнымъ привѣтствиемъ о своемъ прибытіи! Черезъ нѣсколько минутъ, когда онъ уже совершенно подходилъ къ жилымъ строеніямъ, въ отвѣтъ ему послѣдовало нѣсколько другихъ ружейныхъ выстрѣловъ и на лѣсенкахъ кучей *) на верху—показалось нѣсколько темныхъ черногорскихъ фигуръ. Скоро молодой вѣстникъ былъ окруженъ толпою черногорцевъ и принесенная имъ вѣсть съ быстрою молніею облетѣла всю деревню.

Черногорцы поднялись.

Стройныя, вооруженныя толпы ихъ неслись уже по долинамъ въ горы; темнота ночи скрывала ихъ мужественныя лица, но навѣрно каждый изъ нихъ крѣпко сжималъ рукоятъ своего ятагана, каждый, питая непримиримую вѣковую ненависть къ ихъ общему врагу, горѣлъ нетерпѣніемъ снѣть съ плечъ хоть одну турецкую голову. Съ ловкостью дикихъ козъ перебирались они по утесамъ, изрѣдка перекидываясь между собою короткими рѣвчями. Крутизна и узкія горныя тропинки убѣгали изъ-подъ ихъ ногъ, приближая къ дѣли. Наконецъ въ получасовомъ разстояніи отъ монастыря они слышали довольно глухой ударъ лущечнаго выстрѣла.

— Благослови, святой Петръ! крестясь, проговорили нѣкоторые.

— Дьяволы тамъ! воскликнулъ Видо,—бѣжимъ.

— Есть,—отвѣтили ему.

Раздавшійся выстрѣлъ, какъ эхо, отозвался въ сердцѣ каждого изъ черногорцевъ, вселивъ въ нихъ еще большую силу и мужество; еще скорѣе неслась толпа храбрыхъ воиновъ къ монастырю.

Вскорѣ и ружейные выстрѣлы стали лютвенно доноситься до ушей.

— Это наши палаты, замѣчали черногорцы, когда съ той стороны слышалась усиленная трескотня. Юнаки бѣжали; еще нѣсколько извиливъ и выступовъ утеса и они будутъ въ виду монастыря.

Но что это? Пальба замолкла.

— Скорѣй, скорѣй! кричитъ Видо,—пошли въ ятаганы!

Наконецъ они добѣжали до послѣдняго поворота и при чуть-чуть брезжившемся разсвѣтѣ они увидѣли темный обликъ монастыря. Издали слышался шумъ схватки, оружіе гремѣло—изрѣдка сверкала огонь пистолетнаго выстрѣла и все это покрывалось военными криками рѣвущихся. Нѣсколько черногорцевъ дали залпъ, чтобы возвѣститъ юнакамъ о приближающейся помощи и смутить врага; еще минута и они подбѣжали къ монастырю, въ воротахъ котораго шла ожесточенная схватка; нѣкоторые турки, заслышавъ издали чужіе выстрѣлы, уже спускались бѣгомъ къ ущелью, другіе прятались за утесы, но большинство, въ пылу боя незамѣтливни приближающихся черногорцевъ, съ яростію продолжали наступать на рѣдкую кучку юнаковъ. Ударъ съ тылу произвелъ въ толпѣ рѣвущихся общее смятеніе; турки увидѣли, что они окружены; юнаки же сначала не узнали своихъ и толпой бросились къ паперти, но заслышавъ радостный знакомый крикъ своихъ съ новою силою бросились на врага.

Турки бѣжали въ беспорядкѣ къ ущелью; но у воротъ и на площадкѣ передъ ними, на грудахъ мертвыхъ тѣлъ, рѣзались и бились тѣмъ ни-попало.

Иногда сбившись другъ съ другомъ катались въ крови, среди труповъ, какъ дикіе звѣри, до тѣхъ поръ, пока оба израненные, искрошенные не ледѣли въ ненавистныхъ объ-

ятяхъ. Вотъ благородный юнакъ Трино падаетъ пораженный въ молодую грудь вражескимъ ятаганомъ, но подосѣвшій прикладъ Видо валитъ его противника на мѣстѣ; по и Видо не одоброватъ, передъ нимъ, какъ изъ-подъ земли, выросъ оборванецъ-исполнитъ, который, еще бы минута, и вспоролъ бы желѣзомъ его крѣпкую грудь; но Видо отвелъ ударъ и дамасская сталь его клинка разлетѣлась въ разныя стороны; онъ бросается впередъ и грудь съ грудью сбивается съ великаномъ; бой идетъ не па жизнь, а на смерть; чувствуетъ Видо, что силы его слабѣютъ, что гнется могучій станъ въ желѣзныхъ объятыхъ поганого; ни стога, ни слова помощи не слышится изъ его поблѣднѣвшихъ устъ... вдругъ недалеко отъ него раздался пистолетный выстрѣлъ, онъ отшатнулся, турокъ рухнулъ на земь и... исчезъ, только прахъ легкимъ столбомъ крутился на краю бездны. Видо осмотрѣлся и напрягши усилія отползъ отъ пропасти, горячая кровь струилась изъ его ранъ, впереди него еще рѣзались, онъ какъ съвозъ сонъ слышалъ громъ оружія, выстрѣлы, крики, наконецъ онъ потерялъ сознание. А тамъ, въ воротахъ—пнокъ Касьянъ, ни на шагъ не отступая отъ своего старика гугумена, крошитъ вдоль и поперекъ своею богатырскою рукою наступающихъ враговъ, но ломится и его могучая сила, падаетъ мужественный пнокъ изрубленный и избѣченный па грудь вражескихъ труповъ; израненаго гугумена выводятъ изъ толпы два черногорца. А вонъ, пнокъ Михаилъ тоже уже лежитъ окруженный множествомъ турецкихъ тѣлъ. А тамъ вонъ—молодой служка, сбившись съ двумя оборванцами, едва успѣваетъ отражать наносимые ему со всѣхъ сторонъ удары...

Но... турки уже толпами бѣгутъ въ ущелье; лошади приведенныя врагомъ для добычи, скачутъ вмѣстѣ со всадниками тоже къ ущелью, но па дорогѣ догоняетъ ихъ мѣткая пуля и онѣ, одна за другой, какъ бѣшенныя прыгаютъ въ пропасть.

Черногорцы бросились въ погоню.

На дворикѣ два дюжихъ пнока, раненные легче другихъ, спосать своихъ израненныхъ воиновъ въ кельи, нѣкоторые тащатся сами; пнокъ Мартыновичъ изъ Левичты дѣлаетъ перевязки; два черногорца, тоже царапнутые ятаганами, обираютъ у павшихъ враговъ оружіе.

— Бога-ми, знатно калузеры себя отстанвали! разсуждаетъ одинъ, оглядывая все пространство передъ воротами.

— Есть,—коротко отвѣчаетъ другой.

Въ кельи, въ это время, укладываютъ па койку пнока Касьяна, который безсознательно мечется, срываетъ пояски и размахиваетъ руками, какъ бы поражая врага. «За Бога, бейте турокъ, бейте турокъ!» кричитъ онъ въ безпамятствѣ.

Между тѣмъ въ ущельѣ идетъ жаркая перепалка; турки отступаютъ шагъ за шагомъ, стрѣлая изъ-за камней по черногорцамъ; многіе изъ храбрыхъ юнаковъ падаютъ, другіе продолжаютъ наступать впередъ и выбиваютъ изъ-за каждаго камня засѣвшихъ турокъ.

— За мной, братя! кричитъ сѣдоусый Нико и съ ятаганомъ въ рукѣ, въ развѣвающейся струѣ, летитъ впередъ, поражая бѣгущаго врага.

Но вотъ турки всей толпой собрались за утесомъ, откуда виднѣются только стволы винтовокъ. Покажется бѣлый дымокъ, грянетъ выстрѣлъ и валится юнакъ, какъ подкошенный.

— Худо,—думаетъ старый Нико,—эдакъ и половины домой не придегъ.

Вдругъ турки, какъ ошеломленные, толпой шарахнулись прочь и бѣгомъ бросились дальше; черногорцы помчались за ними. Невдалекѣ раздался выстрѣлъ и знакомые черногорскіе возгласы.

— Наши изъ города,—догадался Нико.

Турки окружены со всѣхъ сторонъ, съ яростію бросаются они на черногорцевъ; бьются враги прикладами, кинжалами, ятаганами; грызутся и падаютъ мертвыми...

Немногіе изъ турокъ пробились впередъ и ушли, большая часть легла подъ рукою мстительныхъ черногорцевъ. Много, много легло и молодыхъ, благородныхъ юнаковъ.

Черногорцы возвращались въ монастырь, отягченные отнятымъ у врага оружіемъ и неся раненныхъ, а по ущелью тихо и мѣрно неслись звуки черногорской пѣсни:

Закукале црна кукавица

На средь тврди Скадра, на Боянѣ,

Да се много досадъ закукале

Отъ Србачне руке и оружья.

А. Ремезовъ.

РЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ЕДИНОБОРСТВО МСТИСЛАВА СЪ РЕДЕДЕЮ.

Единоборство въ древнія времена было въ большомъ употребленіи, не такъ какъ нынѣ. Во время Троянской войны, за 1200 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, главными дѣйствующими лицами выставляеть Гомеръ героевъ противоположныхъ сторонъ, а не массу войскъ. Вызываетъ изъ Трои Гекторъ, ему на встрѣчу

является Ахиллесъ изъ стана Грековъ и между ними пачинаеться борьба, на которую прочіе воины смотрятъ, какъ свидѣтели. Побѣждаетъ Ахиллесъ и у троянцевъ опускаются руки; не выѣхалъ на встрѣчу троянскому герою сынъ Пелея, греки поражены ужасомъ и недоумѣніемъ, точно въ лицѣ Гектора и Ахиллеса сосредоточилась вся сила каждой изъ борющихся сторонъ. А между тѣмъ что-же дѣлають эти герои? Они не

*) Куча—изба.

распоряжаются сражениемъ, не придумываютъ никакихъ плановъ — они только показываютъ личную крупность мышц и prowess движений. Словомъ тутъ мы видимъ единоборство вождей и предпочтенеи силы тѣлесной, физической, — силъ духа, нравственной. Мы присутствуемъ въ эпохѣ, когда вѣрилось, что есть такіе богатыри на свѣтѣ, которые „что конемъ вернутъ — то улица, что мечемъ махнутъ — то площадь тѣлѣ“. Сообразно съ этимъ представлениемъ о силѣ героевъ возникъ обычай рѣшать судьбу царствъ и народовъ единоборствомъ ихъ вождей, или иныхъ какихъ, нарочно избранныхъ для того, представителей. Чей представитель побѣдитъ, тотъ и народъ считается побѣдителемъ, и на оборотъ: сторона, представитель которой не устоялъ въ борьбѣ, терпитъ всѣ невыгоды побѣжденнаго, хотя, можетъ быть, при употребленіи всѣхъ своихъ силъ, она достигла бы и лучшихъ результатовъ. Въ Римской исторіи разсказывается примѣръ такого рѣшенія дѣла между двумя сосѣдними народами. Одинъ изъ древнѣйшихъ Римскихъ царей, (его зван. Туллъ Гостилий), вступилъ въ войну съ царемъ сосѣдняго города Альбалонги. Войска Римскія и Альбалонскія стояли уже другъ противъ друга, какъ царь Альбалонскій предложилъ рѣшить дѣло не общимъ сражениемъ, гдѣ погибло бы много народа, а борьбою особыхъ, избранныхъ для того съ каждой стороны, людей, съ условіемъ: чьи бойцы побѣдятъ, тотъ и народъ будетъ побѣдителемъ и поводителемъ другого. Римляне приняли предложеніе и назначили съ своей стороны трехъ родныхъ братьевъ Гораціевъ, которымъ Альбалонгцы противопоставили тоже трехъ родныхъ братьевъ, Куриціевъ. Римское преданіе зашло въ изображеніи этого сказанія очень далеко, гораздо дальше, чѣмъ требовало этого существо дѣла. Оно сдѣлало какъ своихъ Гораціевъ, такъ и противопоставленныхъ имъ Куриціевъ не только братьями, но и близнецами: Гораціи были по Римскому преданію тройни, то есть всѣ трое рождены были сразу, Куриціи были тоже тройни: затѣмъ по Римскому сказанію какъ Гораціи, такъ и Куриціи будто бы были они равны силами; кромѣ того, и Римскія, и Альбалонгскія тройни были не только знакомы, но и въ родствѣ между собою. Въ послѣднее время это родство предполагалось еще усилить выдачею сестры Гораціевъ за одного изъ Куриціевъ. Какъ бы то ни было, Гораціи и Куриціи сразились въ виду обоихъ войскъ. Братья Альбалонгскіе, то есть Куриціи, остались всѣ на полѣ битвы и съ Римской стороны двое бойцевъ пало, но одинъ уцѣлѣлъ, который и призналъ былъ побѣдителемъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Римскій народъ воспользовался выгодами побѣды. Альба-Тонга была разрушена и жители ея отведены въ Римъ. Какъ ни изукрашено это преданіе о Гораціяхъ и Куриціяхъ вымыслами, все-же нельзя не видѣть въ основаніи его дѣйствительной подкладки, именно обычая, существовавшего въ старину, рѣшать судьбу сраженій и народовъ борьбою особыхъ выбранныхъ на то лицъ. Такой обычай былъ и у насъ въ началѣ нашей исторіи. Нанѣтъ лѣтописецъ упоминаетъ о единоборствѣ, бывшемъ при св. Владимірѣ, между однимъ нашимъ богатыремъ и печенѣжскимъ великаномъ, единоборствѣ, которое доставило намъ всѣ выгоды побѣды надъ печенѣгами но заранѣе сдѣланнаго на этотъ предметъ условію. Тотъ-же лѣтописецъ упоминаетъ и о единоборствѣ, здѣсь изображенномъ, Мстислава съ Редедю. Наконецъ уже въ позднѣйшую эпоху, во время Дмитрія Донского, когда

обычай повѣрять свою судьбу счастию одного или нѣсколькихъ борцевъ давно на Руси прошелъ, воспоминаніе объ немъ сохранилось въ народѣ. Извѣстно, что въ преданіяхъ о Куликѣ в-ской битвѣ хорошимъ знаменіемъ сочтено было то обстоятельство, что иннокъ Сергіева монастыря, Александръ (Пересвѣтъ), начавшій битву единоборствомъ съ татарскимъ богатыремъ, въ единоборствѣ этомъ покрытъ татарина собою и тѣмъ какъ-бы показалъ себя побѣдителемъ, по преданію и чернецъ троицкій, и татаринъ начавше битву, пали одновременно отъ ударовъ.

Изображаемое здѣсь единоборство князя Мстислава съ Редедю произошло слѣдующимъ образомъ. Мстиславъ, князь Тмутараканскій, одинъ изъ сыновей св. Владиміра, получившій этотъ удѣлъ при Керченскомъ проливѣ еще отъ отца, пошелъ 1022 г. войною противъ кавказскаго, сосѣдншаго съ нимъ народа Касоговъ. Касожскій князь Редедя, вооружившійся тоже противъ нападенія, предложилъ Мстиславу рѣшить споръ единоборствомъ на условіи: „Аще одолѣши ты, то возьми имѣніе мое, и жену мою, и дѣти мое, и землю мою; аще ли азъ одолю, то взъму твое все“, причемъ Касожскій князь сказалъ; „не оружіемъ ся бьемъ, а борьбою“. Мстиславъ согласился и началась борьба тяжкая и продолжительная: оба князя были велики ростомъ и сильны; но, какъ видно, Касожскій властитель былъ послѣднѣе своего противника, потому что сталъ его наконецъ одолѣвать. Тогда Мстиславъ обратился къ заступленію Богоматери и далъ обѣтъ построить ей храмъ, если только выйдетъ живъ и невредимъ изъ этой борьбы. И только онъ пронзесъ этотъ обѣтъ, продолжаетъ лѣтописецъ, какъ ударилъ Редедю о землю, вынулъ ножъ и зарѣзалъ его. Потомъ завладѣлъ его землею, а также взялъ себѣ жену Редеди и дѣтей.

Этотъ Мстиславъ, какъ мы сказали, былъ сынъ Владиміра Святого; который по порядку рожденія, — сказать трудно, но во всякомъ случаѣ не старшій. Матерью его считается Чехипя, которую, кажется, звали Аделью. Согласно господствовавшему тогда правилу, что каждый князь долженъ быть владѣтельнымъ лицомъ, Мстиславъ, при надѣленіи братьевъ его волостями, получилъ земли, лежавшія въ устьяхъ р. Кубани у Керченскаго пролива. Какъ эти земли сдѣлались достояніемъ Россіи, — неизвѣстно. Одни полагаютъ, что Кубанскую дельту, или Тмутаракань, подчинилъ себѣ Олегъ Вѣщій; другіе думаютъ, что оружіе Святослава утвердило тутъ нашу власть. Какъ бы то ни было, земли эти, не оставшія къ одной общей межѣ Русской, а раздѣленныя отъ нея жилищами кочевниковъ, не могли быть прочнымъ достояніемъ государства и дѣйствительно съ конца XI вѣка онѣ исчезаютъ совершенно изъ виду Русскихъ.

Мстиславъ тоже всю свою жизнь не сидѣлъ въ Тмутаракани. Когда послѣ Владиміра Святого открылись между его сыновьями усобицы и споры, Мстиславъ предъявилъ тоже свое притязаніе и завладѣлъ Черниговымъ, гдѣ и утвердилъ свой столъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отгналъ отъ старшаго брата, Ярослава, всю восточную сторону Днѣпра, но затѣмъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ братомъ. Мстиславъ умеръ въ 1036 году, оставивъ послѣ себя репутацію князя храбраго, любимаго дружиною, но не прославившагося строеніемъ дѣлъ государственныхъ. Лѣтописецъ сохранилъ даже наружное описаніе этого князя. Онъ былъ дебелъ тѣломъ, лицомъ красноватъ и имѣлъ большіе глаза.

И. Звѣревъ.

Орловская порода рысистыхъ и скаковыхъ лошадей.

Послѣ сожженія турецкаго флота подъ Чесмою (1770 года), графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, по заключеніи мира съ турками, получилъ отъ турецкаго надишаха въ подарокъ нѣсколько первоклассныхъ чистокровныхъ арабскихъ коней и, кромѣ того, приобрѣлъ покупкою нѣсколько такихъ-же лошадей. Всѣхъ высокаго качества коней у него было 30, изъ которыхъ 18 онъ представилъ Императрицѣ для придворныхъ ея заводовъ, а 12 отослалъ въ собственный свой конный заводъ въ подмосковномъ селѣ Островѣ, откуда въ 1778 году большая часть лошадей переведена была въ село Хрѣново.

Съ этого времени ведетъ начало такъ называемая Орловская порода лошадей. Изъ нихъ первое мѣсто, какъ прародители, занимаютъ: *Салтанъ-первый*, основатель верхово-скаковой породы Хрѣновскаго завода и знаменитѣйшій, исторически извѣстный, *Сметанка*, положившій начало „орловской рысистой породѣ“, первой, въ своемъ родѣ, во всемъ мірѣ.

Салтанъ-второй, имѣлъ сына *Салтана-второго*, прелестнаго, бурога же, въ отца своего, коня, силы рѣдкой, и проявившаго удивительныя способности къ верховой и манежной ѣздѣ, въ какой графъ, превосходный наѣздникъ, самъ его упражнялъ. Выѣздивъ „Салтана-второго“, графъ представилъ его великому князю Наслѣднику Павлу Петровичу, который очень любилъ этого чуднаго коня и ѣздилъ на немъ болѣе 10 лѣтъ. „Салтанъ“ пережилъ своего державнаго сѣдока, и въ 1804 г. одинъ изъ посѣтителей Царскаго Села видѣлъ этого коня, доживавшимъ свой вѣкъ, но все еще бодрымъ, въ такъ называемой „Богательнѣ“ лошадей собственнаго сѣдла“. Здѣсь умеръ бѣдъ въ бурой гречкѣ „Брильянтъ“, Императрицы Екатери-

ны II; здѣсь умерли на мягкихъ подстилкахъ свѣтлосѣрый „Фрипонка“ и этотъ бурый „Салтана“, какъ называлъ его Императоръ Павелъ, и, наконецъ, здѣсь же, въ 1816 году умерла свѣтлосѣрая „Вьютти“, на которой въ 1814 году въѣзжалъ въ Парижъ во главѣ трехъ армій съ двумя союзниками по обѣ руки, Александръ Благословенный *).

Орловская рысистая порода приобрѣла громкую знаменитость благодаря тому, что выѣзкою своихъ молодыхъ рысаковъ занимался исключительно самъ графъ Алексѣй Григорьевичъ. Такъ, передъ барскимъ домомъ графа въ Москвѣ, на Старой Калужской улицѣ, гдѣ нынѣ Александровскій дворецъ, былъ устроенъ бѣгъ на пространствѣ 200 сажень, на концахъ котораго стояли вмѣсто столбовъ четыре кости изъ челюстей кита, которыя послѣдствіи были пожертвованы въ музей Московскаго университета. Челюсти эти, какъ гласило преданіе, нѣкогда вынуты были изъ кита, пойманнаго и убитаго матросами подчесменскаго побѣдоноснаго флота. Въ послѣобѣденное время, т. е. между 2—3 часами пополудни, выѣзжалъ графъ А. Г. со своими гостями на бѣгъ; любопытные москвичи тысячами толпились около этого бѣга и любовались великолѣпными графскими рысаками. Его пріатели,

* Изъ числа этихъ собственнаго царскаго сѣдла лошадей, попавъ въ музей придворныхъ конюшенъ можно видѣть чучело блѣдо-краснатога «Брильянта», коня варварской породы, на которомъ Императрица Екатерина II Алексѣевна въѣзжала передъ полками гвардіи въ Петербургъ изъ Царскаго Села, въ домъ и часть конюшни Императора Петра III. Государыня была въ мундирѣ Преображенскаго полка; она сѣдела не на дамскомъ, а на мужскомъ сѣдлѣ по-мужски. Въ Петровскомъ сѣдлѣи армяка сохраняется чучело любимой лошади Петра I, бурой «Лявоты», на которой онъ былъ въ знаменитый день Полтавской битвы.

и въ числѣ ихъ І. Д. Измайловъ на известномъ своемъ рысакѣ „Краснѣ“, а также князь Голицынъ, князь Гундуровъ, М. Н. Исаковъ и много другихъ, выѣзжали также на своихъ рысакѣхъ, отъ графскаго же разсадника полученныхъ, и нерѣдко мѣрились съ графомъ, выѣзжавшимъ обыкновенно въ богатой собольей шубѣ съ бархатной малиновой крышкой, на любимыхъ своихъ рысакѣхъ „Любезномъ“ и „Каткѣ“ въ легкихъ камышевыхъ санкахъ. Дѣтомъ графъ А. Г. замѣнялъ бѣговыя сани бѣговыми дрожками, которыя были цѣлы дѣтъ за 30 тому назадъ и съ глубокимъ уваженіемъ къ этой рѣдкой старинѣ сохранялись подъ навѣсомъ, въ видѣ босѣдки, купцомъ Черепановымъ, страстнымъ рысачникомъ. Дрожки эти вѣсили болѣе 7 пудовъ и имѣли всю форму нынѣшнихъ бѣговыхъ дрожекъ, только на цѣлый аршинъ длиннѣе ихъ. Онѣ устраивались на четырехъ столбикахъ и при томъ сдѣланы были массивно, съ широкимъ ходомъ; доска, на которой помѣщалась подушка, была украшена съ боковъ фигурною, узорчатою рѣзьбою по золотому фону. Столбики и щитовъ были также витые. Что касается до саней,

то вѣрнѣйшимъ образомъ для памятника графа А. Г., по мнѣнію весьма компетентнаго судьи, г. Коптева, известнаго русскаго гиппофила, должно принять эстампъ, гравированный на мѣди, рисованный генералъ-майоромъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Чесменскимъ (родственникомъ графа), печатанный въ началѣ XIX столѣтія за границу съ надписью на французскомъ языкѣ, „жеребецъ „Барсъ“. У саней, какія служили графу, щитокъ оканчивался фигурами точеныхъ позолоченныхъ медвѣдей, львовъ и лебедей; крылья лебедей были рѣшетчатые и вожжи, обшитыя бархатомъ и шелковою бахромою, продѣвались сквозь эти крылья, равно какъ и у медвѣжьихъ головъ сквозь уши, а у львиныхъ сквозь открытую пасть. Сзади же на сѣдлѣ (котораго, у совершенно одиночныхъ, бѣговыхъ саней не было) помѣщался выѣздной лакей въ гусарской одеждѣ съ тигровыми шкурами вмѣсто мѣтлѣвъ на плечахъ. Вся сбруя соответствовала экипажамъ: оголовки или хомуты и самыя шлеи обкладывались пунцовымъ или малиновымъ бархатомъ; первые украшались золотымъ шитьемъ. Нашилники же дѣлались изъ мѣдныхъ, жарко позолоченныхъ цѣпей.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ имѣлъ величественный ростъ и былъ вообще тучнаго тѣлосложенія; онъ вѣсилъ болѣе 9-ти пудовъ; сообразно съ его мощной фигурой, бѣговыя дрожки его, а равно и санки были сдѣланы твердо и прочно, слѣдовательно, не могли вѣсить менѣе 5 пудовъ. И такъ, съ вѣсомъ болѣе 14 пудовъ выѣзжали рысакѣ графа на бѣгъ и шагомъ подѣзжали къ вышеупомянутымъ челюстямъ кита, бывшимъ гранью ипподрома. Здѣсь графъ натягивалъ вожжи, и рысакъ его устремлялся какъ стрѣла, пущенная мощной рукою. Нельзя было довольно налюбоваться на красоту этихъ громадныхъ коней: прямой, длинный, круторебрый станъ на толстыхъ и сухихъ жилистыхъ ногахъ, шея, какъ тонкая лента, поднималась высокою дугою и оканчивалась прелестною головою съ огненными глазами на выкатѣ, часто арабскими, и пышными, раздутыми ноздрями. Движенія этихъ громадныхъ коней были такъ правильны, что топотъ ихъ копытъ представлялъ слуху какой то строгоразмѣренный тактъ, а на крестецъ этого рыска можно бы, кажется, было поставить стаканъ воды, и онъ не расилесался-бы,—такъ спокойна была поза летящаго рыска, и одинъ только ноги быстрымъ широкимъ и правильно размѣреннымъ махомъ уносили его впередъ. Очевидцы свидѣтельствовали, что движеніе ногъ «Потычинаго», любимаго коня графа, болѣе всѣхъ другихъ его хотѣвшаго, (отъ чего онъ и названіе получилъ), было такъ быстро, что смотрѣвшему на его

бѣгъ представлялись въ одинъ и тотъ-же моментъ всѣ четыре блестящія подковы, какъ бы стояція въ воздухѣ подъ летящею массою рыска. Старожилы московскіе утверждали, что рысакѣ графа пробѣгали пространство въ 200 сажень, не болѣе чѣмъ въ 30 секундъ и помнили, какъ на бѣгу обыкновенно стоялъ одинъ изъ служителей графа, держа въ рукахъ огромныя часы (формы карманныхъ часовъ) величиною съ тарелку, на которыхъ во весь циферблатъ бѣгала секундная стрѣлка, и по окончаніи графской ѣзды, докладывалъ графу о быстротѣ, совершенныхъ его сѣятельствомъ концевъ. Пробѣжавъ, такимъ образомъ, конецъ, графъ почти шагомъ пробѣждалъ полукруглый заворотъ сажень въ 60, снова подѣзжалъ къ другому концу бѣга, снова летѣлъ его рысакъ 200 сажень, и опять заворотъ пробѣждалъ шагомъ. Такимъ образомъ, пробѣжавъ 4 конца т. е. 800 сажень, графъ пересаживался на другія санки или дрожки; смотря по сезону и также ѣздилъ 4 конца на другомъ рысакѣ, болѣе-же 8 концевъ графъ никогда не ѣздилъ. Вотъ почему, когда въ 1832 году составились бѣги на призы, то уредители

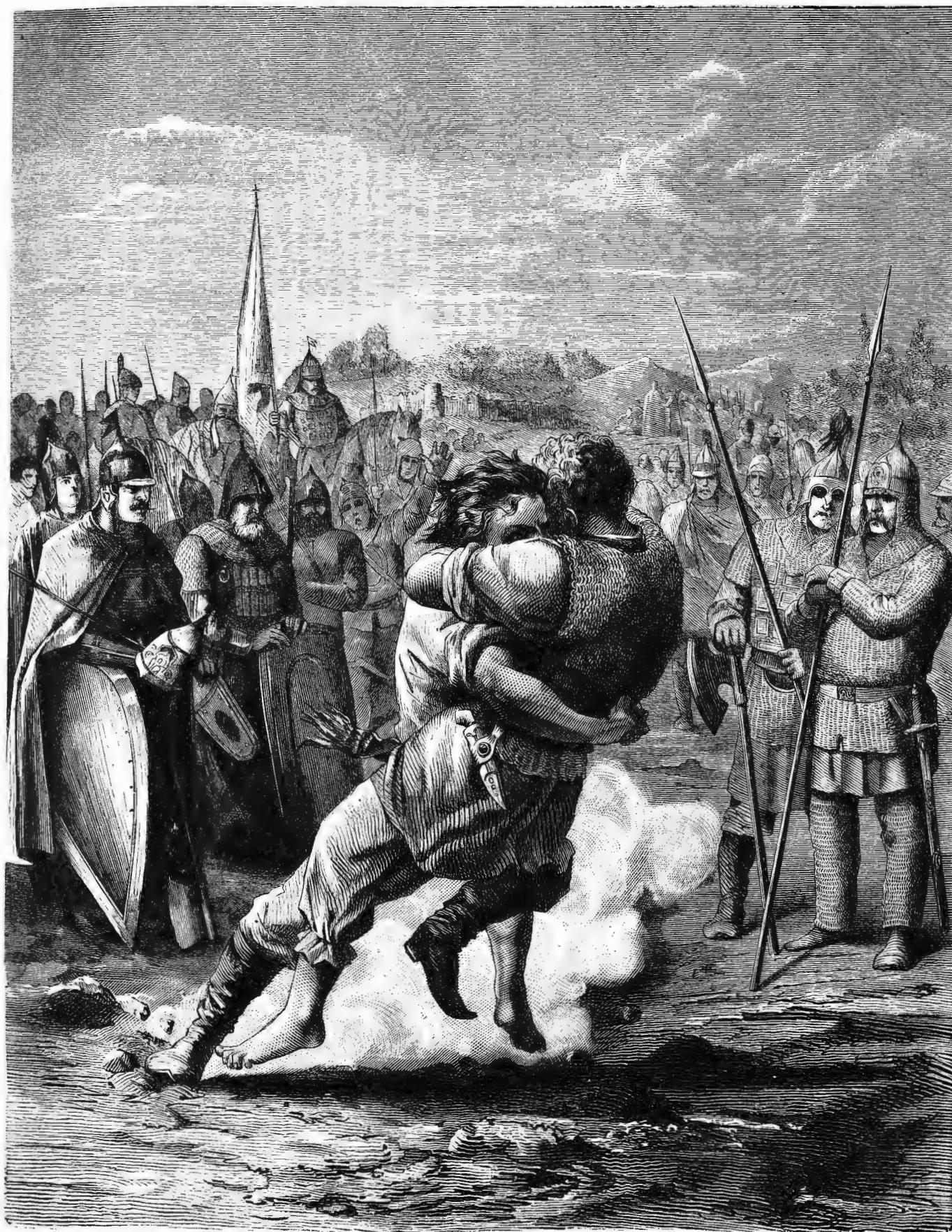
старались приблизиться къ системѣ графа А. Г., и въ 1834 году въ сентябрѣ бѣга въ Лебедини были не на версты, а на число концевъ бѣга, изъ коихъ надлежало выиграть большее число. Такъ, „Леренска“ В. П. Воейкова выиграла у „Сренской“ И. Н. Рогова 3 конца и получила призъ. Также «Раксидай» В. П. Ваейкова выиграла у „Любезнаго“ (г-на Безсонова) и „Богатыря“ (г-на Сутгофа) три конца изъ пяти и получила призъ. Въ 1835 году изъ пяти концевъ бѣга „Бычекъ“ (Н. Е. Смѣсова) выиграла 4 конца, проигравъ „Лебедею“ (В. П. Воейкова) одинъ конецъ и получила призъ. Отсюда очевидно что рысакѣ, какъ при графѣ А. Г. такъ и послѣ него, не были постоянно напрягаемы на большія пространства, а имѣли возможное послѣ 200 сажень воздухопуть и снова пускались въ сильную рысь, выравниваясь на шагъ на каждомъ поворотѣ. Графа А. Г. также нерѣдко сопровождали два подлужныхъ, всегда пригожіе, молоденькіе, ловкіе парни въ щегольскихъ казацкихъ нарядахъ или въ форрейторскихъ бархатныхъ безрукавкахъ. Они всегда скакали на лихихъ донцахъ, съ трудомъ въ скокъ поспѣвавшихъ за лошадыми рысакѣми. Говорятъ, что Вас. Петр. Шинкинъ,—этотъ безспорный дѣятель въ дѣлѣ развитія рысистыя породы, сумѣвшій подмѣтнуть и уловить тайну созданія рысакѣвъ у своего знаменитаго барина (онъ былъ въ юности крѣпостнымъ графа) и бывший впоследствии превосходнымъ знаткомъ рысистой наѣздки и коннозаводчикомъ, образовавшимъ такъ называемую Шинкинскую рысистую породу,—скакивалъ подъ дугою графа, и тутъ то сумѣлъ перенять этотъ чудный механизмъ вожжей, съ которымъ графъ самъ наѣзжалъ своихъ рысакѣвъ.

Послѣдователями графа Орлова Чесменскаго въ дѣлѣ рысистаго коннозаводства были: Подгорацкій, Муравьевъ, Чемадановъ, братья Савеловы, Всеволодскіе (московскіе), кн. Гагаринъ, кн. Лоухинъ, Загряжскій, Тимирязевъ, и Ѳ. Сем. Мосоховъ.

Благотворные плоды рысистаго коннозаводства отразились на коневодской промышленности не только Хрѣновскихъ, но вообще крестьянъ всего Бобровскаго уѣзда Воронежской губерніи, преимущественно заселяющихъ берега рѣки Битюга, богатые великолѣпными пастбищами и обильными сѣнокосами. Тутъ, при содѣйствіи Хрѣновскаго завода, весьма щедро раздававшая на право и на лѣво излишекъ породистыхъ матокъ, образовалась та превосходная воевая и разгонная порода русскіхъ лошадей, известная подъ названіемъ „битюговъ“ или „битюговъ“.

Паукъ птицѣдъ (Migali avicularia). Рис. Минель.

Очерки из Русской истории. Единоборство Мстислава съ Редедю. Рис. Медвѣдевъ грав. Бренд'Амуръ.

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

(Окончаніе *)

Теперь намъ остается сказать о Есентукскихъ источникахъ и Кисловодскѣ. Къ сожалѣнію, „Нива“ не можетъ помѣстить на своихъ страницахъ вида Есентуковъ, ограничиваясь только помѣщеніемъ видовъ другихъ группъ.

Отъ Пятигорска до Есентуковъ 18 верстъ; дорога идетъ на западъ по отлого-поднимающейся равнинѣ, ограниченной съ одной стороны берегами рѣчки Подкумка, съ другой Бештау. Въ прежнее время Есентукскіе источники назывались Бугунтскими, по имени рѣчки, протекающей по станицѣ Есентукской, населенной казаками.

Начало станицъ было положено въ 1826 году.

Всѣ источники минеральн. водъ въ Есентукахъ находятся въ нѣсколькихъ саженяхъ одинъ отъ другого и лежатъ у подножія небольшого холма. По склону холма разведенъ хорошій паркъ по инициативѣ намѣстника, князя Воронцова. Всѣхъ источниковъ 6; прежде ихъ было болѣе, но мало по малу однородные источники нашли нужнымъ соединить между собою. Лучшимъ источникомъ Есентукскихъ водъ признается № 17; тѣмъ не менѣе люди, лежившіе имъ прежде, теперь едва узнаютъ его. Дѣйствительно, небрежное отношеніе къ этой дорогой водѣ, и прибавленіе къ ней другого ключа, не могутъ не измѣнить ея качества къ худшему.

Что-же касается ваннъ изъ этой воды, то странно вѣрить какимъ образомъ можетъ хватить воды изъ небогатаго количествомъ источника и на питье на мѣстѣ, и на разливы въ бутылки для отправления на другія группы и въ главные города Россіи. На каждую ванну воды, какъ извѣстно, требуется не менѣе 20 ведеръ, а источникъ № 17 даетъ въ сутки всего только около 400 ведеръ. Откуда же тогда взять воды на 200 человекъ, лечащихся въ Есентукахъ, если не разбавлять ее другой водою. Злые языки говорятъ, что вода этого источника разбавляется даже простой, не минеральной водою. Но какъ этому вѣрить? Еще не далѣе какъ въ апрѣлѣ въ петербургскихъ газетахъ была телеграмма изъ Пятигорска, что правительственная коммисія, производившая ревизію источниковъ и вообще всего хозяйства водъ, нашла веденіе дѣла правильнымъ и въ точномъ порядкѣ. Значитъ, мудрствовать не приходится и слѣдуетъ считать Есентукскій источникъ № 17 могущимъ при 400 ведеръ въ сутки снабжать и пьющихъ, и купающихся, и т. д.

Климатъ въ Есентукахъ довольно постоянный, быстрыхъ переходовъ отъ холода къ теплу нѣтъ. Но во время ненастья воздухъ отъ соседства болотъ дѣлается сырмъ. Улицы Есентуковъ во время дождей покрываются общею грязною массою, по которой нѣтъ возможности ходить.

Наконецъ, и „очаровательный“ Кисловодскъ съ своимъ знаменитымъ Нарзаномъ—по-черкески *богатырскимъ напиткомъ*. Съ крутой горы спускается дорога въ долину Кисловодска и идетъ далѣе между рядами построекъ частныхъ домовъ и возлѣ великолѣпной аллеи, пирамидальныхъ тополей (см. рисунокъ). Аллея оканчивается у галереи очень красивой архитектуры, (второй рисунокъ). Отъ южнаго конца галереи, гдѣ кипитъ и пѣнится Нарзанъ, начинается паркъ съ тѣнистыми аллеями и живительной прохладой своей могучей растительности. Прямая аллея ведетъ вдоль долины до конца парка. Двѣ горныя рѣчки, Ольховка и Березовка, пересѣкаютъ долину Нарзана. Онѣ соединяются вблизи галереи, а мостъ, устроенный черезъ Ольховку у самаго ея соединенія съ Березовкой, ведетъ въ слободку. Слободка довольно велика, имѣетъ церковь, и представляетъ то удобство для прѣзжающихъ, что можетъ дать хотя и дорогое и некрасивое, но все же пристанище, если всѣ квартиры въ частныхъ домахъ уже заняты. Частныхъ домовъ въ Кисловодскѣ еще не много, они еще начинаютъ строиться. Квартиры въ этихъ домахъ уже съ нѣкоторыми европейскими удобствами, но за то и цѣны на нихъ!.. Напр. домикъ въ 4 комнаты отдается за 400 р. на два мѣсяца.

Паркъ кисловодскій превосходенъ. Въ глубинѣ его находится источникъ въ 7° съ устроенной при немъ деревянной купальней. За купальней хорошенькій прудъ съ каскадомъ; за нимъ обращаетъ на себя вниманіе развѣсистая красная липа, возлѣ которой стоитъ чугунная скамья, называемая Великокняжеской. Въ паркѣ же расстутъ два каштановыя дерева, посаженныя княземъ и княгиней Воронцовыми, столь много сдѣлавшими для Кавказа. Каштаны эти обнесены чугунной рѣшеткой. Климатъ Кисловодска самый лучший изъ всѣхъ группъ кавказскихъ водъ. Высокое, гористое положеніе и обиліе растительности дѣлаютъ воздухъ Кисловодска необыкновенно свѣжимъ, мягкимъ, приятнымъ.

Окрестности Кисловодска живописны. Безконечныя гряды горъ, изрытыя пещерами; долины между горами. Вотъ, вдали, на окраинѣ выдавагоса уступа просвѣчиваетъ Кольцо-Гора, а еще далѣе на горизонтѣ, замыкая долину, синѣетъ прямоугольная форма Рымъ-Горы.

Пустынный видъ окрестностей Кисловодска не допускаетъ мысли о томъ, что-бы онъ когда либо были оживлены присутствіемъ челевѣка, а между тѣмъ на пути въ Кисловодскъ встрѣ-

чаются остатки древняго вала: уцѣлѣвшіе до нынѣ надгробные памятники, одиноко стоящіе среди пустынныхъ равнинъ.

Рымъ-Гора сохранила на себѣ слѣды руки челевѣка. Еще и теперь можно отыскать остатки высѣченной въ камняхъ лѣстницы, почти засыпанную землей пещеру съ сферическимъ куполомъ, на которомъ замѣтны очертанія греческаго креста; при входѣ въ пещеру видно мѣсто для двери.

Первый изъ начальниковъ края, посѣтившій Кисловодскъ, былъ графъ Марковъ (въ 1798 г.). Впоследствии, въ память его пребыванія, одинъ изъ домовладѣльцевъ Кисловодска, Ребровъ, поставилъ на вершинѣ горы, находящейся вблизи галереи, крестъ почему она и получила названіе „Крестовой“. Въ 1803 г. было выстроено Кисловодское укрѣпленіе (теперь оставленное), и около него нѣсколько мазанокъ, положившихъ начало Кисловодскому форштадту. Источникъ Нарзанъ былъ первый, о которомъ русскіе получили свѣдѣнія. Еще Шоберъ, докторъ Петра Великаго, описывая въ 1717 году Терскія минеральныя воды, упоминалъ о Нарзанѣ. Палласъ въ своемъ описаніи Нарзана, въ 1792 г. рассказываетъ что сила струи и масса воды Нарзана былъ такъ велики, что купавшимся въ Нарзанѣ не давали возможности опуститься внизъ. Измѣреніе количества даваемой воды, произведенное въ 1827 году г. Савенко, показало, что источникъ даетъ въ минуту 108 ведеръ; измѣренія-же послѣднихъ лѣтъ показываютъ, что Нарзанъ даетъ только 88 ведеръ. О количествѣ углекислаго газа этой воды также есть слухи, что онъ нѣсколько уменьшился.

Время въ Кисловодскѣ проходитъ для прѣзжающихъ на воды уже гораздо оживленнѣе, чѣмъ на другихъ группахъ, во-первыхъ, въ Кисловодскѣ наѣзжаетъ множество семействъ сановитыхъ людей Тифлиса. Они прѣзжаютъ сюда какъ на дачу, погулять, подышать прекраснымъ воздухомъ и въ тоже время попользоваться удовольствіями, какія представляетъ лечебный сезонъ на водахъ. Во вторыхъ, сами больные являются въ Кисловодскъ, уже получивши исцѣленіе, или, по крайней мѣрѣ, облегченіе; въ Кисловодскѣ они ѣдутъ уже только на поправку своихъ силъ, истощенныхъ болѣзнями, и разслабляющимъ леченіемъ Пятигорскихъ и Есентукскихъ ваннъ. Кроме того, Кисловодскъ уже послѣдняя группа, съ которой остается только ѣхать обратно домой, слѣдовательно, и расходовъ прѣзжающимъ болѣе не предстонтъ, а потому, естественнымъ образомъ, каждому и желательнѣе, и возможно позволить себѣ попользоваться хотя недѣлкою-другою развлеченій и удовольствій.

Оттого образъ жизни въ Кисловодскѣ идетъ иначе, оттого и купанье и питье уже не такъ правильны, какъ на другихъ водахъ. Сами врачи уже позволяютъ здѣсь дѣлать отступленія отъ обыкновенной строгости при пользованіи минеральными водами.

Музыка въ Кисловодскѣ играетъ также два раза въ день, какъ и на другихъ водахъ, но здѣсь оркестръ превосходный, не то, что въ Пятигорскѣ и Желѣзноводскѣ и слушать его на просторной, тѣнистой площадкѣ, вблизи бассейна Нарзана—наслажденіе.

Прогулки по окрестностямъ, болѣею частью многочисленными кавалькадами, также здѣсь гораздо разнообразнѣе и увлекательнѣе. Одно путешествіе на возвышенность, называемую *Бермамутъ* (8,569 фут.), чтобы полюбоваться при восходѣ солнца гигантской снѣговой массой Эльбруса и всею цѣлью Кавказскихъ горъ, заставляетъ забывать всѣ трудности дальняго пути на воды и неудобство жизни на водахъ. Впечатлѣніе по себѣ оставляютъ и *Красивая балка*, по дорогѣ къ *Рымъ-Горы*, и сама Рымъ-Гора.

Въ Кисловодской казенной гостинницѣ устраиваются концерты и танцевальныя вечера. Эти вечера также проходятъ здѣсь веселѣе; зала бываетъ полна танцующими. За ужинами не въ рѣдкость шампанское. Можно пожаловаться еще на пищу, приготовляемую въ кисловодскихъ гостинницахъ, не лучше, чѣмъ на другихъ группахъ; цѣны также несообразны съ качествомъ приготовленія, несмотря на то, что на кавказскихъ водахъ вообще всѣ жизненные припасы чрезвычайно дешевы.

Казенная гостинница въ Кисловодскѣ небольшая, и страдаетъ неопытно до такой степени, что заражаетъ запахомъ вокругъ себя превосходный воздухъ долины. Карточная игра развита вообще на водахъ, но въ Кисловодскѣ она особенно бросается въ глаза, такъ какъ карточные столы встрѣчаются и на площадкахъ, и въ аллеяхъ парка. Говорятъ, что на воды наѣзжаютъ и гоголевскіе игроки и очень успѣшно ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Почта вообще на водахъ получается крайне неисправно и зачастую случается, что письмо, адресованное въ Кисловодскъ, попадаетъ на какую-либо другую группу, да тамъ такъ и остается. Кто же можетъ вѣрить оправданіямъ мѣстнаго почтового начальства на неаккуратное доставленіе адресовъ въ почтамтъ, когда каждый прѣзжающій, оставивъ семью, друзей, дѣла, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій.

Изъ всего сказаннаго читатель не могъ, конечно, не замѣтить, что не малую долю въ нашемъ описаніи занимаютъ личныя впечатлѣнія. Но считаемъ нужнымъ оговориться, что со времени посѣщенія нами Кавказскихъ минеральныхъ водъ

* См. № 17 „Нивы“.

прошло уже нѣсколько лѣтъ и, можетъ быть, за это время тамъ кой-что и измѣнилось къ лучшему. Не безъ прогресса же, вѣроятно, и тамъ. Дай Богъ! Но чувство скорби, какъ-то невольно, само собою, беретъ верхъ надъ всѣми иными чувствами при воспоминаніи о той медленности въ дѣлѣ улучшения условій жизни и быта на кавказскихъ водахъ и т. п., какую мы замѣчали, имѣя возможность слѣдить за ходомъ дѣла на этихъ водахъ въ продолженіи многихъ лѣтъ. Это тяжелое чувство, имѣющее несомнѣннымъ своимъ источникомъ результаты той дѣятельности, коихъ до сихъ поръ достигли различные *правители* по устройству водъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ самому свойству кавказскихъ минеральныхъ водъ, несомнѣнно богатыхъ по своему разнообразію и по цѣлебной силѣ. Водамъ этимъ, какъ бы не были велики недостатки въ управленіи ими, во всякомъ случаѣ предстоитъ впоследствии первенство надъ европейскими минеральными водами. И чѣмъ скорѣе улучшатся на этихъ водахъ условия жизни, быта, путей

сообщенія, отношенія докторовъ къ больнымъ, тѣмъ скорѣе онѣ привлекутъ къ себѣ общественное вниманіе, какъ у насъ дома, въ Россіи, такъ и за границей...

Но мы считали бы себя несправедливымъ, еслибы, заключая наши воспоминанія о кавказскихъ водахъ, не выразили того чувства душевной благодарности, которое сохраняемъ и надѣмся до конца жизни сохранить къ достойному уваженія доктору А. А. Витману, оставившему такой глубокой слѣдъ о своей личности въ нашихъ воспоминаніяхъ. Мы тѣмъ болѣе считаемъ обязанностью это высказать, что не только въ долгій срокъ нашего знакомства съ кавказскими водами, но и теперь, среди массы разнообразныхъ впечатлѣній, заботъ и дѣлъ, это лицо, во всѣхъ отзывахъ доходящихъ до насъ о немъ, всегда являлось и является все въ томъ же обаятельномъ свѣтѣ, какой даютъ человѣку несомнѣнно только свойства его души, высокой своимъ безкорыстіемъ и чуткой къ человѣческому страданію.

Д. Стахѣвъ.

Мать и дочь.

Идутъ мнѣ на память и грѣзы и сны,
Мнѣ слышатся пѣсни родной стороны,
И матери голосъ, и звуки рѣчей
Давно ужъ забытыхъ, но милыхъ людей.
Себя молодою я вижу во снѣ,
И образъ любимый все грезится мнѣ...
И хочется вновь мнѣ умчаться туда,
Гдѣ съ радостью вмѣстѣ летѣли года,
Гдѣ жизнь молодая протчалась моя,
Гдѣ счастье навѣки покинула я.

* * *

Какъ часто не спится и грезится мнѣ
Убогая хата въ родной сторонѣ;

Въ той хатѣ старуха больная всю ночь
И стонетъ, и кличетъ заблудшую дочь,
Но нѣтъ ей отвѣта, лишь вѣтеръ шумитъ...
И долго больная, тоскуя, не спитъ.
Ей грезится тоже чужая страна,
Гдѣ дочь ея въ горѣ скитаться должна,
И бѣдность ей снится и муки стыда,
И тяжкія ноши людского труда:

* * *

То мать моя видитъ чужіе края,
Гдѣ хлѣбъ добываю и мучаюсь я.

Н. Бутскій.

Къ рисункамъ.

Старинная Теинская церковь въ Прагѣ.

Ни одинъ изъ городовъ Австро-венгерской монархіи не можетъ похвастаться такимъ множествомъ интересныхъ средневековыхъ памятниковъ архитектуры, какъ древняя столица чеховъ—Прага. Между этими памятниками весьма почтенное мѣсто занимаетъ храмъ, изображенный на нашей картинкѣ. Эта старинная Теинская *гуситская* церковь стоитъ въ «старомъ городѣ», среди не менѣе старинныхъ домовъ. Построена она была въ XII в. германскими купцами и, разумѣется, впоследствии подверглась перестройкѣ внутри. Сводъ церкви поддерживается громадными въ готическомъ стилѣ колоннами; около послѣдней изъ нихъ, справа, находится мавзолей знаменитаго датскаго астронома Тихо де-Браге, котораго императоръ Рудольфъ призвалъ въ Прагу въ 1599 г. Памятникъ этотъ весь изъ краснаго мрамора, съ рельефными украшениями. Рядомъ съ нимъ, въ Маріинской капеллѣ, хранится сокровища искусства, процвѣтавшаго въ XIV и XV вѣкахъ, и тутъ-же поставлены статуи (работы Макса, 1845 г.) св. Кирила и Меодія.—Георгій Подиастадъ, король Богемія, вѣнчавшійся на царство въ этой церкви въ 1458 г., велѣлъ соорудить надъ ней двѣ башни, а на кровлѣ между ними поставить фронтонъ, на которомъ утвердить большую золотую чашу. У подножія этой чаши былъ положенъ мечъ короля и поставлена статуя его. Послѣ битвы при Бѣлой горѣ «гуситская» чаша была удалена съ фронтона и мѣсто ея заняла статуя Богородицы, которая и понынѣ стоитъ тамъ. Необыкновенно красивый видъ, къ сожалѣнію, закрытый со стороны площади большимъ домомъ, представляетъ фасадъ церкви: внизу аркады въ готическомъ вкусѣ, надъ ними великолѣпное готическое окно и богато изукрашенный фронтонъ, по обѣимъ сторонамъ котораго красуются башни, каждая въ 250 фут. вышины. На углахъ этихъ башенъ и нѣсколько поввыше (на шпиль) приделано восемь башенокъ, что придаетъ верхней части этого стариннаго храма оригинальный характеръ.

Н—ой.

Паукъ птицеѣдъ.

(*Mugali avicularia*).

Въ объясненіе этого рисунка приводимъ рассказъ одного натуралиста, долгое время прожившаго на берегахъ Амазонской рѣки. Онъ рассказываетъ, какъ ему случилось провѣрить фактъ относительно нравовъ мохнатыхъ пауковъ. Недѣльное, изъ вида *Mugali avicularia* или сроднаго съ нимъ, имѣло тѣло почти двухъ дюймовъ длины и тѣло и ноги были покрыты грубыми красновато-сѣрыми волосами. Чудовище двигалось по бѣлой сѣткѣ натянутой въ разсѣлинѣ дерева. Нижняя часть сѣтки была порвана и двѣ маленькія птички запутались въ об-

рывкахъ ея. Одну изъ птичекъ натуралистъ засталъ уже мертвой, другая-же лежала подъ тѣломъ паука, который смачивалъ ее своею грязной слюною. Птичка была еще жива, и хотя натуралистъ отогналъ паука, но она все-таки скоро умерла. Клещи, находящіеся подъ головою у этого вида пауковъ, и длинныя цѣпкія ноги дѣлаютъ очень возможной и легкой побѣду надъ маленькими птичками. Нѣкоторые виды птицеѣда принадлежатъ къ хорошимъ копателямъ и роютъ норы очень значительной величины.

Туземцы не чувствуютъ ни страха, ни отвращенія къ этимъ животнымъ; дѣти даже забавляются ими.

Во время жизни птицеѣды часто теряютъ волосы. Натуралисту необходимо очень осторожно обращаться съ этими пауками, такъ какъ ихъ волосы легко проникаютъ въ кожу и производятъ раздраженіе.

Олень насторожъ.

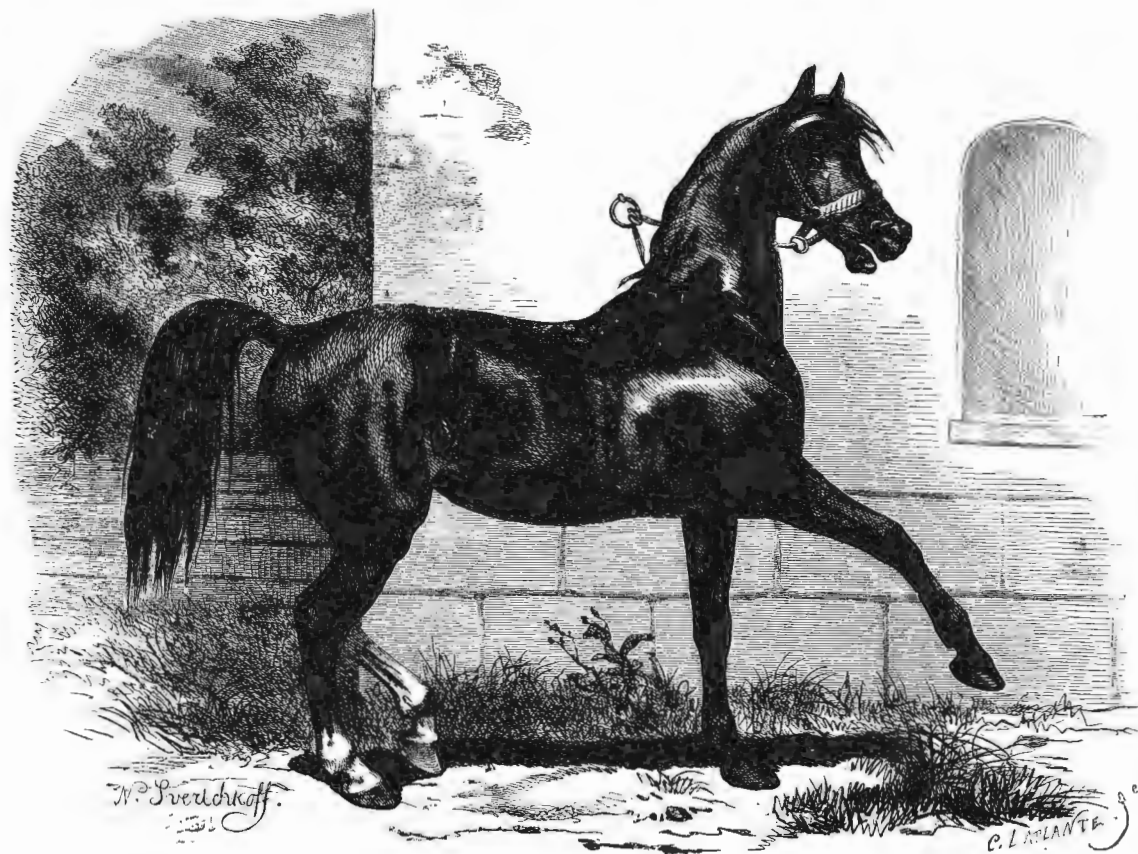
На рисункѣ представлена гористая мѣстность. Могуціе стволы деревьевъ обнажены и переплетенныя вѣтви ихъ голы, но въ воздухѣ уже чувствуется близость весны. Снѣгъ стаялъ; чернѣетъ земля, мягкая и рыхлая; прошлогодняя ветوشь торчитъ, какъ щетина, посреди ея, навѣрное, тамъ и самъ уже пробиваются тоненькіе изумрудные листики молодой травы. Солнечные лучи сильно пригрѣвали въ полдень; но вечерѣетъ, спускается солнце за крутыя горы, освѣчиваясь золотомъ на мелкихъ облачкахъ.

Потянуло свѣжестью... Прислушиваясь, озираясь и нюхая воздухъ, остановился олень, пришедшій на закатѣ солнца покормиться пробивающеюся зеленью. Какіе-то неясныя звуки испугали его: то, можетъ быть, просто треснулъ сучекъ отъ вѣтерка или какой-нибудь жилецъ норы послѣ долгой зимней спячки, заснувши около своего подземнаго жилища, зашумѣлъ валежникомъ. Чуткій олень поднялъ свою голову; напрыгаетъ слухъ, старается разглядѣть предметъ, смутившій его покой и, главное, нюхаетъ, нюхаетъ, поводя ноздрями во всѣ стороны, такъ какъ изъ всѣхъ чувствъ, прекрасно развитыхъ, олень чувству обонянія довѣряетъ болѣе чѣмъ другимъ.

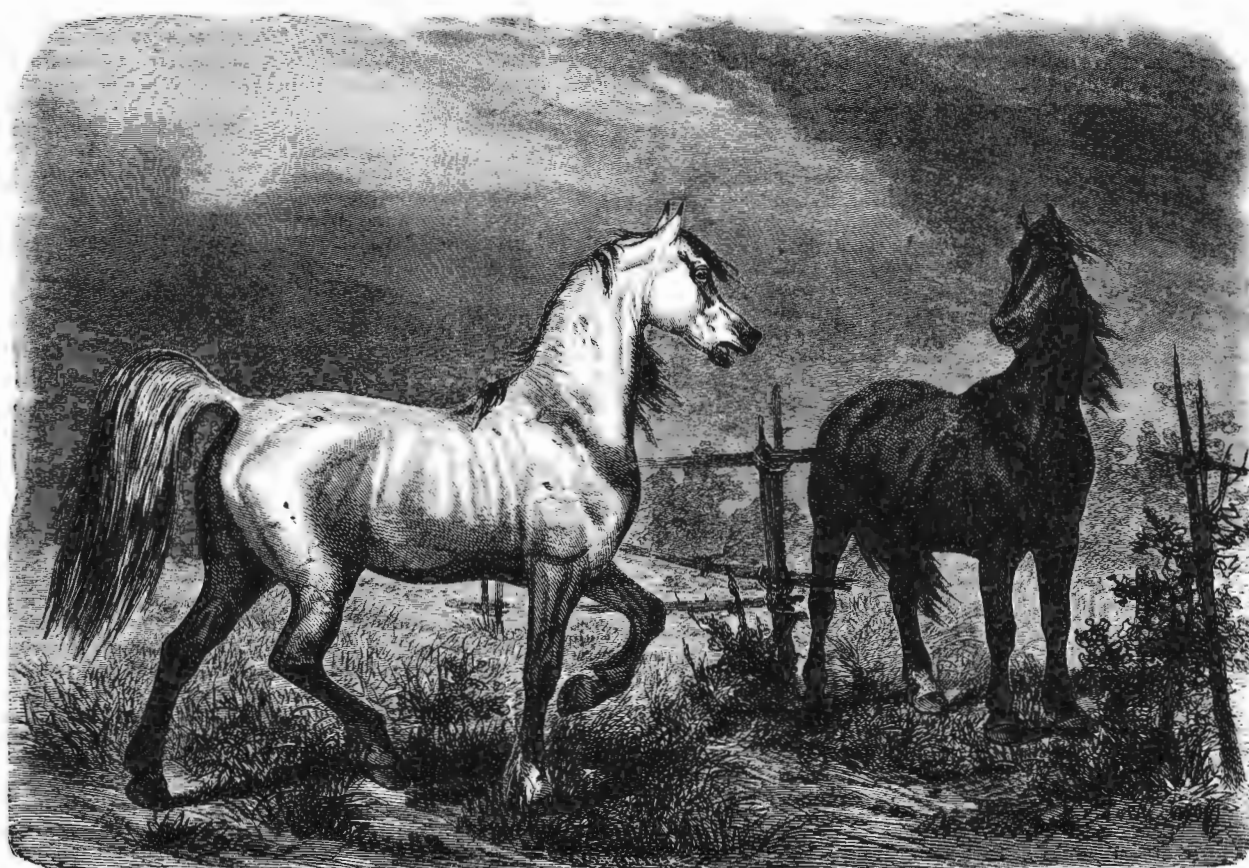
Полагаемъ, что читателямъ не будетъ не безынтересно, если мы приведемъ здѣсь нѣкоторые свѣдѣнія объ оленяхъ.

Семейство оленевыхъ представляетъ многія разновидности.

Къ роду оленей относятся: косуля, олень настоящій, сѣверный олень, лань, лось или сохатый. Настоящій, или обыкновенный олень, *Cervus communis*, красивѣйшій представитель всего семейства. Онъ отличается чрезвычайною быстротою; закинувъ свои роскошныя, вѣтвистыя рога на спину, несется онъ впередъ, легко переплывая рѣки, ловко перепрыгивая чрезъ ограды, дѣлая при этомъ скачки до 5 сажень. Охота на оленя

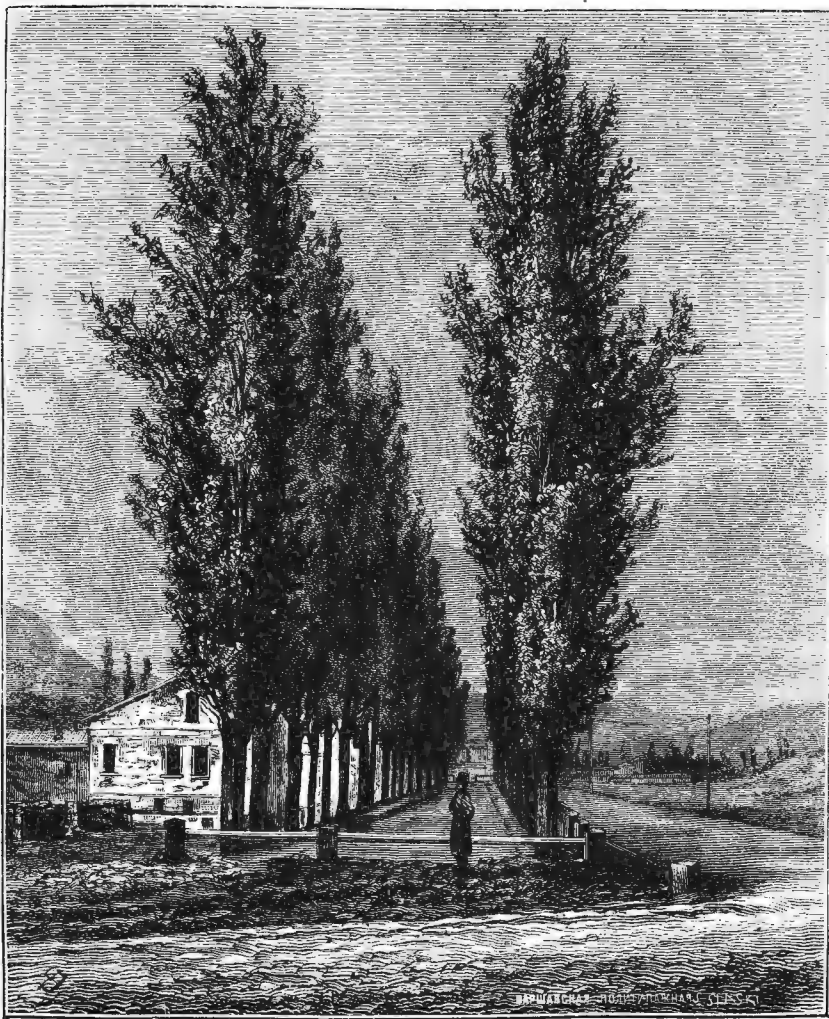
Рысакъ Орловской породы. Рис. Свѣрчковъ, грав. Лаплантъ.

Лошади Орловской породы на свободѣ. Рис. Риу, грав. Паннемакеръ.

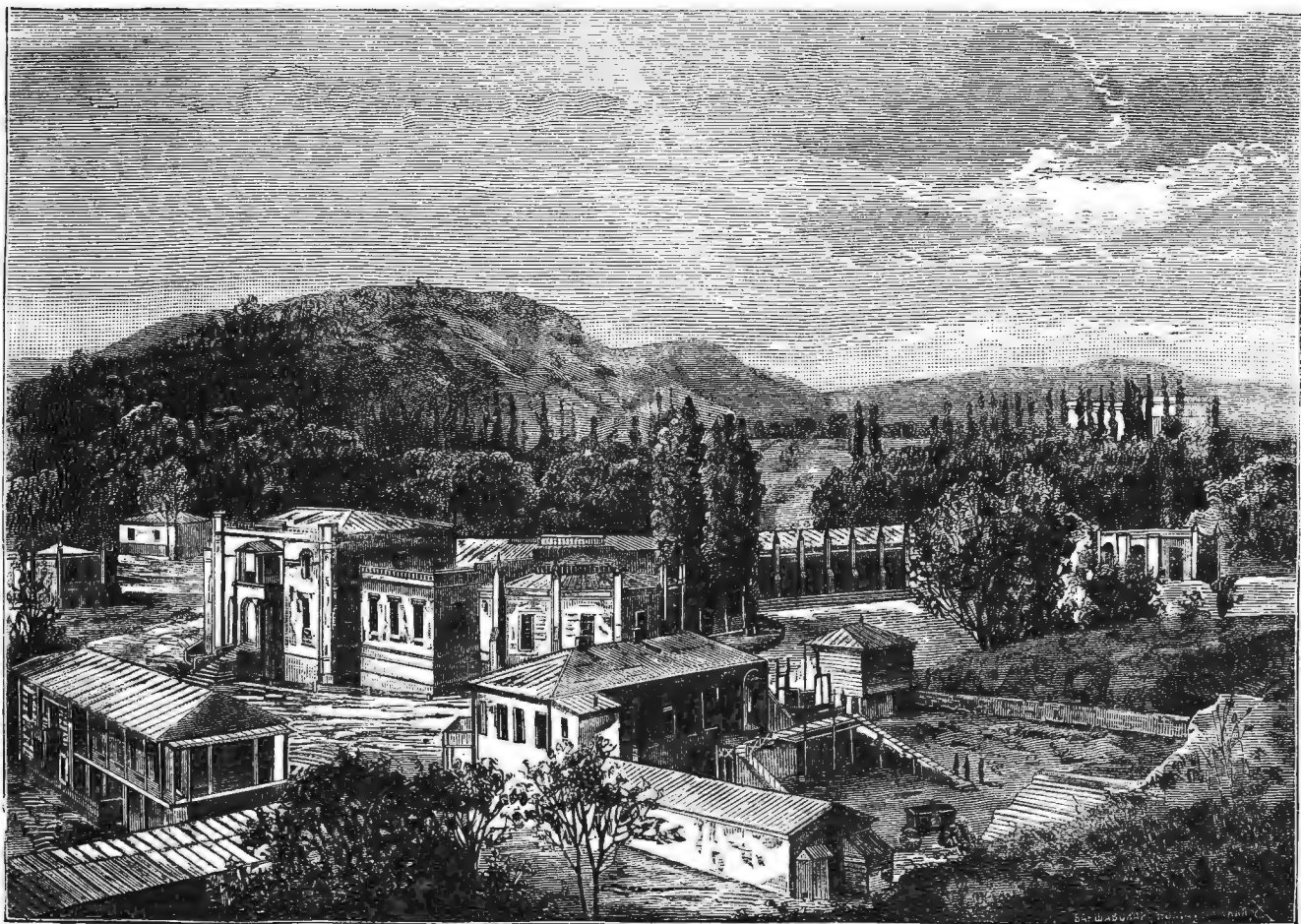
одна из трудных и любимых охотъ. Въ особенности охота на оленей была развита во Франціи, гдѣ она приняла даже свой особый характеръ. Въ настоящее время въ западной Европѣ этотъ олень во многихъ мѣстностяхъ уже истребленъ и встрѣчается только въ паркахъ. У насъ, въ Россіи, видъ этотъ въ настоящее время также водится только на южныхъ окраинахъ и, можетъ быть, еще въ Польнѣ. Зато Сибирь и особенно Забайкалье, Амурскій, Уссурийскій края богаты с е м е йствомъ оленевыхъ. Европейскій настоящий олень сходенъ съ сибирскимъ оленемъ, называемымъ *изюбрь*, такъ что ихъ можно считать за одинъ видъ.

Изюбрь говоритъ г. Черкасовъ („Записки охотника Восточной Сибири“) — красавецъ лѣсовъ Сибири; строенъ, станенъ, высокъ ростомъ, головка его напоминаетъ красивую головку кровной арабской лошади. Ноги его тонки и въ тоже время крѣпки. Глаза блестящи и пронзительны. Хвоста изюбрь не имѣетъ, но со спины его свѣшивается кисть волосъ. Большой изю-

Аллея пирамидныхъ тополей при вѣздѣ въ Кисловодскъ. Рис. Подбѣльскій, грав. Сляскій.

брь бываетъ съ небольшою лошадью и вѣситъ около 17 пудовъ. Зимомъ изюбрь имѣетъ длинную жесткую шерсть сѣровато-бурого цвѣта, а задъ совершенно бѣлый; лѣтомъ же изюбрь имѣетъ мѣнѣе длинную лоснящуюся шерсть сѣровато-красноватого цвѣта, задъ красноватый. Самка красивыхъ вѣвистыхъ роговъ не имѣетъ. Живутъ изюбры въ глухихъ лѣсахъ, любятъ гористую мѣстность. Зимомъ питаются ветошью, березовой губкой, любятъ полакомиться и скошеннымъ сѣномъ. Самая любимая пища изюбра солончаки и на солончаки они ходятъ даже зимою: разгребутъ копытами свѣтъ и лижутъ солонцеватую мерзлую землю. Съ наступленіемъ лѣта солонцы составляютъ ихъ главную пищу, но и ягоды и грибы также кушаются изюбрами съ большимъ аппетитомъ. Зимомъ изюбры живутъ стадами; всѣ вмѣстѣ ходятъ, снятъ и спасаются въ случаѣ опасности, въ обществѣ изюбровъ встрѣчаются и дикія козы, которыя живутъ съ ними въ видимой дружбѣ. Съ наступленіемъ теплаго времени большіе

Русскія Минеральныя Воды. Общій видъ галлерей въ Кисловодскѣ. Рис. Подбѣльскій, грав. Цехальскъ.

самцы-изюбры покидают стада, разъединяются и собирают себя самок. Во все время гоньбы изюбры сильно ревут, призывая голосом самок. Ревъ изюбра похожъ на мычаніе обыкновеннаго быка, только гораздо тоньше и рѣзче. Изюбрь начинаетъ ревать съ басовыхъ нотъ и, поднимая все выше, оканчиваетъ чрезвычайно высоко. У одного самца бываетъ отъ 10 до 15 самок. Самецъ держитъ свой табунъ матокъ всегда въ кучѣ и гоняетъ съ одного мѣста на другое, пасетъ; въ случаѣ непослушанія бьетъ ихъ рогами, ногами и кусаетъ. Между самцами бываетъ часто бой изъ-за обладанія табунами матокъ, бой, нерѣдко оканчивающійся смертью обонхъ. Охотникамъ случалось находить трупы самокъ всѣ изрытые рогами, искусавые, что доказываетъ ярость драки; случается, что изюбры во время драки до того силетаются рогами, что уже потомъ не въ состояніи разойтись, и погибаютъ вмѣстѣ отъ изнеможения и голода. Матки ходятъ до 9 мѣсяцевъ и приносятъ большую часть по одному теленку. Мать-изюбрина полна нѣжнаго чувства къ дѣтямъ и нерѣдко для осиротѣвшаго чужого теленка замѣняетъ ему убитую мать. Роды изюбрина трудные; въ первый періодъ возраста мать кормитъ теленка молокомъ, когда-же теленокъ значительно подрастетъ, онъ на-

чинаетъ всюду ходить за матерью и никогда не опережаетъ ее. Нерѣдко онъ играетъ съ нею и выкидываетъ уморительные прыжки. Мать сама принимаетъ участіе въ игрѣ, или-же лежитъ и любовно смотритъ на его проказы. Говорятъ, что китайцы извлекаютъ изъ роговъ экстрактъ, употребляемый какъ цѣлебное свойство въ самыхъ опасныхъ болѣзняхъ. Цѣна на экстрактъ очень высока, оттого и рога изюбра дорого цѣнятся.

Мясо изюбра составляетъ здоровую и питательную пищу, оно пріятнаго вкуса, особенно молодого теленка. Шкура идетъ на подѣлки, шерсть чрезвычайно легка и—зимняя—удобна для набивки матрасовъ: она никогда не скатывается.

Изюбры достигаютъ полнаго возраста въ 7 лѣтъ и поэтому можно думать, что они живутъ долго.

Свои прекрасные рога изюбры теряютъ ежегодно; къ веснѣ у нихъ вырастаютъ новые. При ростѣ рога зудятъ и чешутся, но изюбры относятся къ нимъ съ заботливостью и очень осторожно чешутъ ихъ задними ногами. Если изюбрь сломаетъ молодой рогъ—крови идетъ ужасно много, а иногда самцы даже отъ этого пропадаютъ. Рога изюбра имѣютъ большое значеніе у сибирскихъ промышленниковъ, которые промѣниваютъ ихъ китайцамъ.

С М Ъ С Ъ .

Новые освѣтительные аппараты для улицъ площадей, кораблей, фабричныхъ заводовъ и жилищъ помѣщеній. Электрической свѣтъ скоро должно быть замѣнитъ газовое освѣщеніе, а особенно тамъ, гдѣ приходится освѣщать большія пространства. Теперь это является лишь вопросомъ времени. До сихъ поръ электрическое освѣщеніе, освѣпительный блескъ котораго поражаетъ глазъ, обходилось такъ дорого, что имъ пользовались въ рѣдкихъ случаяхъ: во время торжествъ, иллюминацій, иногда при театральнхъ представленіяхъ и для одной маяковъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ парижскій инженеръ Граммъ и берлинскій физикъ е. Генеръ-Альтенекъ устроили электромагнитныя машины, благодаря дѣйствіямъ которыхъ любая механическая сила превращается въ электрической свѣтъ, пользование этимъ свѣтомъ, какъ средствомъ освѣщенія является на дѣлѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, выгоднымъ и практичнымъ, ибо оно обходится дешевле освѣтительнаго газа и петролея. Въ последнее время такія аппараты вошли въ употребленіе при освѣщеніи гаваней, гдѣ приходится работать и по ночамъ для нагрузки и выгрузки кораблей. Нѣкоторые изъ русскихъ судовъ (императорская яхта «Ливадія» и панцирный «Петръ Великій») имѣютъ такіе освѣтительные снаряды для своихъ палубъ. На многихъ фабрикахъ введено такое-же освѣщеніе мастерскихъ, такъ напр. въ Мюльгаузенѣ, въ Эльзасѣ, для трехъ фабрикъ работаютъ четыре граммовскія машины, снабжающія свѣтомъ четыре электрическія лампы, освѣщающія мастерскую въ 60 метровъ длины и 30 метр. ширины.—Каждая машина, правда, стоитъ 1500 фр., но за то одна лампа по силѣ свѣта равняется

100 карсельскихъ лампъ, причѣмъ содержаніе ея обходится по франку въ часъ. Электрической свѣтъ такъ ярокъ, что причиняетъ глазныя болѣзни, поэтому слѣдуетъ прикрывать его чѣмъ нибудь плотнымъ и прозрачно-матовымъ. Въ одной механической ткацкой фабрицѣ во Франціи для устраненія такого зла приняты довольно остроумныя мѣры, тѣ-же, что и въ оркестрѣ Рихарда Вагнера (въ Байрейтѣ): восемь электрическихъ лампъ, освѣщающихъ эту ткацкую мастерскую, скрыты отъ глазъ рабочихъ, и солдценоподобный свѣтъ льется сквозъ стеклянный матовый потолокъ на 140 станковъ. Такимъ образомъ, работа идетъ тамъ и вечеромъ при *пріятномъ дневномъ свѣтѣ*. Главныя издержки при электрическомъ освѣщеніи обуславливаются единственно быстрою порчею угольнаго штифтика, который накаляется отъ электрическаго тока и даетъ сильный свѣтъ. Г. Лодыгинъ, занимающійся этимъ предметомъ, надѣется устроить это неудобство, т. е. сдѣлать штифтикъ болѣе прочнымъ. Электрическое освѣщеніе тѣмъ еще важно, что отъ него не можетъ быть пожара.

Въ Америкѣ начинается входить въ употребленіе строительная бумага, или бумажный кирпичъ. Одинъ заводъ въ Висконсинѣ выдѣлываетъ этихъ кирпичей до 800 пудовъ въ день. Кирпичи эти, весомъ отъ 25 до 100 фунтовъ, оказываются весьма практичны; дома строятся чрезвычайно быстро; бумага, какъ дурной проводникъ теплоты, сохраняетъ ее весьма долго въ жилищѣ; а подъ вліяніемъ весьма сильнаго пресса, становится непроницаемою для влаги и сырости.

Политическія и военныя извѣстія.

Пока никакихъ значительныхъ дѣйствій на театрѣ войны еще не произошло. Турки 21 апрѣля пытались-было бомбардировать Браиловъ, но безъ всякаго успѣха. Два турецкія броненосца показались 21 апрѣля у Браилова, расположеннаго на такомъ мѣстѣ, гдѣ весьма удобно лавировать военнымъ судамъ. Дунай въ этомъ мѣстѣ глубокимъ колыномъ вдается къ востоку и составляетъ такъ называемый *Матчинскій* рукавъ (отъ крѣпости Матчинъ, находящейся на самомъ крайнемъ восточномъ изгибѣ Дуная. Перестрѣлку съ этими турецкими броненосцами вели 4 орудія 5-й батареи и 11-й артиллерійской бригады. Нашими выстрѣлами поврежденъ былъ бортъ одного изъ турецкихъ броненосцевъ и убитъ 1 турокъ. Три турецкія бомбы упали въ Браиловъ, не причинивъ никому никакого вреда. У насъ потерь не было. Къ вечеру того-же дня (21) присоединился еще третій броненосецъ, и всѣ вмѣстѣ они отошли въ Матчинской рукавъ, вереть на 5. Затѣмъ, на другой день, 22 апр. (4 мая), была одновременная перестрѣлка при Рени (къ сѣверо-востоку отъ Браилова, почти на одной широтѣ съ Галацѣмъ) и въ самомъ Браиловѣ между турецкими мониторами и нашими береговыми батареями. Мониторы получили поврежденія и отступили. Но потомъ попытки бомбардированія Браилова со стороны турокъ продолжаются довольно настойчиво хотя и не удачно. Такъ, по телеграммѣ изъ Галаца отъ 13 апрѣля около 5 час. вечера 5 турецкихъ мониторовъ бомбардировали Браиловъ, сдѣлавъ 15-ть безвредныхъ выстрѣловъ. Нашихъ потерь не было; городъ не пострадалъ, такъ какъ турецкіе снаряды не разрываются. Притомъ турецкіе артиллеристы, повидимому не умѣютъ обращаться съ орудіями.—Отъ 24 апрѣля (6 мая) телеграмъ сообщалъ, что русскіе укрѣпляютъ берега Дуная у Рени и Измаила. Слѣдовательно, въ этихъ пунктахъ мы должны ожидать серьезнаго дѣла. Въ какомъ мѣстѣ наши войска намѣреваются перейти Дунай—объ этомъ корреспонденты иностранныхъ, преимущественно англійскихъ, газетъ дѣлаютъ разнаго рода предположенія. Указываютъ, напримеръ,

на укрѣпленіе *Исакичи*, какъ на такой пунктъ, гдѣ будетъ наводка моста и гдѣ совершится нашъ переходъ черезъ Дунай. «Daily News» говоритъ, что наши инженеры владутъ уже въ этомъ мѣстѣ торпеды. Исакичи лежатъ почти на одной широтѣ съ Браиловымъ и составляетъ южный пунктъ восточной стороны трехугольника, западную сторону котораго образуютъ Галацъ и Браиловъ.

Изъ телеграммъ Е. Высоч. Главноком. дѣйствующей арміей отъ 25 апрѣля извѣстно о состояніи нашихъ войскъ и о результатахъ первыхъ дѣйствій, по которымъ нашей арміи, обезпеченъ вождѣльннй успѣхъ. Его Высочество осматривалъ, 24 апрѣля, войска и работы въ Галацѣ, Браиловѣ и Рени (пунктахъ, упомянутыхъ нами выше) и остался всѣмъ очень доволенъ. Здоровье нашихъ войскъ превосходно. Упомянутая выше бомбардировка Браилова 5-ю турецкими мониторами происходила во время пребыванія Его Высочества въ Браиловъ. Затѣмъ въ то же время, изъ деревни Гечитъ, съ противоположнаго берега, черкесы открыли безцѣльную ружейную пальбу, на которую наши батареи даже не отвѣчали—такъ черкесскій огонь былъ ничтоженъ.

— Изъ Бухареса телеграфируютъ отъ 25 апрѣля (7 мая), что турки бомбардировали румынскую гавань Бехетъ и подбили 5 англійскихъ и нѣсколько другихъ судовъ. Ваши-бузуки ограбили окрестныя мѣстности и возвратилась съ добычею на турецкій берегъ Дуная.

— Изъ Рущука сообщаютъ отъ 22 апрѣля (4 мая), что турки начинаютъ все болѣе и болѣе обращать вниманіе на Добруджу и преимущественно на два ея пункта: *Матчинъ* и *Гирсово* (Матчинъ—недалеко отъ вышеупомянутой Исакичи, около которой турки ожидаютъ перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, а Гирсово—гораздо южнѣ Браилова, тамъ, гдѣ рѣка дѣлаетъ большой изгибъ къ западу). Ожидая нашихъ войскъ въ Добруджу, турки, кромѣ Матчина и Гирсова, надѣются еще на важ-

ное укрѣпленіе въ этой мѣстности, Тульчу, крѣпость на крутой возвышенности, господствующей надъ Дунаемъ. Здѣсь устроена батарея, вооруженная 8-ю орудіями. Близъ Исакчи у Сатунова (близъ овера Кагула) находится мѣсто переправы русскихъ войскъ въ 1828 году. Поэтому-то и образовалось мнѣніе, что и теперь наша армія перейдетъ Дунай именно въ этомъ пунктѣ. Здѣсь турки соорудили земляныя батареи, вооруженныя крупнокалиберными пушками большого калибра. Матчинъ—крѣпость на высотѣ, обрывомъ спускающейся въ Дунай, тоже снабжена крупнокалиберными орудіями. Въ Гирсовѣ же построена большая цитадель, орудія которой обращены противъ узкой мелководной полосы Дуная, представляющей удобный пунктъ для переправы. Съ обѣихъ сторонъ, по гребнямъ холмовъ, расположены батареи.

На Азиатскомъ театръ войны, послѣ занятія Баязета, до 24 апрѣля, не произошло почти ничего новаго. Долгое время погода стояла ненастная. 20 апрѣля 7 неприятельскихъ судовъ простояли сутки предъ Сочемо и ушли, ничего не предпринявъ. 23-го турецкій фрегатъ открылъ огонь противъ Поти, но безуспѣшно, такъ какъ снаряды не долетали. 24 апрѣля пытались турки обстрѣливать Поти. Турецкіе броненосецъ и фрегатъ сдѣлали три выстрѣла, но совершенно безвредныхъ для русскихъ, такъ какъ снаряды упали въ море. Потомъ къ этимъ судамъ присоединились еще 4 броненосца и пароходъ. Этотъ послѣдній обстрѣливалъ постъ, находящійся на берегу моря. Къ Адлеру также подходили пароходы, но скоро ушли въ море. Затѣмъ изъ Поти сообщаютъ, что турецкая эскадра, крейсирующая около восточныхъ береговъ Чернаго моря, раздѣлилась: часть эскадры осталась въ виду порта Поти, часть же ушла къ посту св. Николая, откуда была слышна кононада.—Изъ Озургетъ извѣщаютъ, что При-Ріонскій отрядъ стоитъ теперь на высотахъ Муха-Эстага. 22-го были произведены рекогносцировки по направленію къ морю и къ Легва. Цѣль рекогносцировки—очищеніе лѣсовъ отъ неприятеля. На высотѣ Легва оказался заваль, изъ котораго турки были немедленно выбиты.

Переходя къ болѣе новымъ извѣстіямъ съ восточнаго театра, отмѣчаемъ телеграфическое извѣстіе изъ Тивелиса отъ 25 апрѣля, что въ главныхъ силахъ тамошняго дѣйствующаго корпуса производились рекогносцировки окрестностей Карса. Повсюду тамошнее населеніе, не только христіанское, но и магометанское, принимаетъ наши войска радушно. Военно-плѣнные турки радуются своему избавленію отъ тяжкаго положенія, въ которомъ находились войска турекія. Фактъ весьма знаменательный. Затѣмъ тою же телеграммою сообщается, что нѣкоторые авантюристы пытались было поддаться мѣстное Чеченское населеніе. Въ Ичкеринскихъ и Ацховскихъ лѣсахъ (Терской области) образовалась шайка мятежниковъ до 500 человекъ. Начальникъ Терской области принялъ энергичскія мѣры для подавленія возмущенія въ самомъ его зародышѣ. Благодаря этому, шайка была скорѣе разбита, понесши огромную потерю. На мѣстѣ боя осталось 99 тѣлъ, а раненыхъ насчитываютъ до 250. Теперь Терская область объявлена на военномъ положеніи.

Обращаясь затѣмъ къ политическимъ новостямъ въ собственномъ смыслѣ, мы должны сказать, что первое мѣсто между ними занимаетъ—какъ это ни странно—отвѣтная депеша лорда Дерби на циркуляръ нашего государственнаго канцлера, по поводу объявленія войны Турціи. Это странно потому, что Англія, наравнѣ съ другими державами, высказала въ этомъ случаѣ свой «нейтралитетъ» въ начавшейся войнѣ, и, слѣдовательно, отвѣтная депеша, появившаяся только теперь, дѣлается бѣзцѣльной и запоздалою. И самое содержаніе депеши вовсе не таково, чтобы вполнѣ согласовалось съ рѣшительностью держаться нейтралитета». Правительство ея королевскаго величества, говоритъ Дерби, приняло это сообщеніе (т. е. объ объявленіи войны Турціи) съ глубокимъ сожалѣніемъ. Говоря о протоколѣ, Дерби говоритъ, что онъ написанъ по настоянію Россіи, что этотъ протоколъ не требовалъ отъ султана никакой новой гарантіи (?) относительно преобразованія ея администраціи. «Дѣйствуя противъ Турціи, заключаетъ свою депешу лордъ Дерби, за свой собственный счетъ и прибѣгнувъ къ оружію, не условившись предварительно съ своими союзниками, Русскій императоръ тѣмъ самымъ отступился отъ европейскаго согласія, поддерживающагося до сей поры и въ то же время уклонился отъ того самаго правила, которое онъ самъ торжественно подтвердилъ. Нѣтъ возможности предвидѣть послѣдствій подобнаго поступка... и т. д.

Этотъ угрожающій тонъ депеши такъ вѣренъ «англійскому духу», что не остается здѣсь ничего ни комментировать, ни дополнять. Вся англійская дипломатическая исторія пропитана подобными лацмѣриемъ и грубо склеенными лоскутками тамъ, гдѣ не существуетъ логики. Торжественно заявить о своемъ нейтралитетѣ для Англіи ничего не стоило, но затѣмъ у ней была заготовлена на случай депеши, написанная высокими «англійскимъ» слогомъ. Она должна была лежать подъ сукномъ; потому что было бы уже слишкомъ неприлично даже для Англіи отправлять ее въ Петербургъ одновременно съ объявленіемъ себя нейтральною. Въ самомъ дѣлѣ, въ депешѣ нѣтъ никакихъ признаковъ ея «новаго» происхожденія. Она непременно заготовлена раньше.

«Agence Russe» говоритъ по поводу этой депеши, что она вручена нашему кабинету 24 апрѣля, отвѣтъ англійскаго прави-

тельства на Русскій циркуляръ неожиданъ. Ни одно изъ европейскихъ правительствъ не присоединилось къ англійской нотѣ. Думаютъ, прибавляетъ газета, что эта нота останется безъ послѣдствій, потому что политика становится лишней, когда раздается голосъ исторіи... Дѣло въ томъ, что изъ англійскаго отвѣта видно, что Англія опасается осложненія настоящаго положенія дѣлъ; боится за Суэзскій каналъ вслѣдствіе будущаго военнаго успѣховъ Россіи (недаромъ же, вѣдь, она заранее скупилась акціи Суэзскаго канала). Основательны-ли опасенія Англіи это другой вопросъ, на который всякій знающій истинные мотивы объявленія Россіею войны, даже и отвѣчать не станетъ.

Изъ Вашингтона сообщаютъ, что, по полученіи изъ Петербурга оффиціальнаго извѣстія объ объявленіи войны Турціи, правительство Соединенныхъ Штатовъ немедленно объявило о строгомъ соблюденіи нейтралитета американскими гражданами. Такимъ образомъ мы обезпечены со всѣхъ сторонъ оффиціально объявленными нейтралитетами.

—Разрывъ между Румыніею и Портою можно теперь считать совершившимся фактомъ. Князь Карлъ недавно принималъ поднесенный ему сенатомъ адресъ; при этомъ онъ перечислялъ враждебныя дѣйствія, совершенныя турками по отношенію къ румынскимъ гаванямъ, судамъ, открытымъ городамъ и мирнымъ жителямъ. Князь выразился, что въ виду наступательнаго дѣйствія турокъ румынское правительство будетъ дѣйствовать не только осторожно, но и съ энергіей. «Силою, заключилъ князь, мы будемъ отражать силу, потому что мы обязаны защищать наше отечество».

Для порты возникаетъ серьезная опасность и съ другихъ сторонъ. Телеграфъ недавно передалъ намъ слѣдующіе факты: На Критѣ волненіе. Въ самомъ Константинополѣ страшный недостатокъ въ хлѣбѣ и число голодныхъ растетъ ежедневно. Армяне чувствуютъ тяжелый гнетъ со стороны турокъ и ждуть освобожденія отъ русскихъ.—Въ Афинахъ 24 апрѣля (6 мая), по случаю годовщины битвы при Миссолонги, большая толпа, въ которой находилось и нѣсколько депутатовъ, прошла по всѣмъ афинскимъ улицамъ съ криками: «да здравствуетъ война!» передъ домомъ теперешняго греческаго министра-президента Делигеоргиса толпа остановилась и вызвала его на балконъ. Делигеоргисъ произнесъ рѣчь, и заявилъ, что папата поступить «согласно интересамъ болѣешиства Эллиновъ».—Центральный болгарскій комитетъ въ Бухарестѣ обнародовалъ воззваніе къ болгарамъ Турціи, приглашая ихъ оказать самую дѣятельную поддержку русскимъ братьямъ. Все это симптомы, грозящіе сдѣлать положеніе Турціи еще болѣе затрудненнымъ и безнадежнымъ. Особенно усложнитъ дѣло грозящее исплхнуться Критское возстаніе. Поэтому то нѣжно заботящійся о Турціи англійскій уполномоченный въ Константинополѣ сэръ Лейардъ далъ Портѣ совѣтъ въ особомъ фирманѣ подтвердить «дарованныя критянамъ права» и обѣщать новыя льготы. Сомнительно, однако, произведетъ ли новый фирманъ какое-либо впечатлѣніе на Критяны, потому что они рѣшительно приготовляются изгнать турокъ съ острова.

Не смотря на это по общимъ отзывамъ, турки напрягаютъ всѣ свои силы, повторяя высокочтимый вопросъ ренегата Гоббарт-паши: «чего отъ насъ хочетъ Россія?» Союзниковъ христіанскихъ Порты пока не наша, но за то она наша союзниковъ въ мусульманскомъ мірѣ. Изъ Каира, на примѣръ, султанъ получилъ извѣстіе, что комитетъ египетскихъ сословныхъ представителей назначилъ чрезвычайный военный налогъ въ 12,000,000 франк., вслѣдствіе чего находящаяся теперь уже въ Турціи египетская дивизія, состоящая изъ 9,000 чел., будетъ доведена до 12,000 челов. Остальныя же египетскія войска остаются для защиты Суэзскаго канала. На Египетѣ, стало быть, Порты можетъ разсчитывать, и кажется страннымъ, почему представленіе нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, между прочимъ Франціи, о нейтралитетѣ Египта, остается безъ послѣдствій.

Австрія находится въ весьма неестественномъ положеніи вслѣдствіе своей политической двойственности. Ея венгерская половина открыто сочувствуетъ Турціи. Въ Пештѣ получаютъ со всѣхъ концовъ Венгріи телеграммы съ требованіемъ, чтобы Пештское правительство остановило прогрессивное шествіе русскихъ по Турціи.

—Его Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Владимиръ Александровичъ изволили прибыть 23 апрѣля изъ Кишинева въ Москву, а 25-го апрѣля въ сопровожденіи Государыни Императрицы и Государыни Цесаревны изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Несмѣтные толпы народа привѣтствовали Высочайшихъ Особъ въ обѣихъ столицахъ съ неописаннымъ восторгомъ и неумолкаемыми криками «ура»; всѣ дома были блистательно иллюминированы и украшены флагами.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Пусть тотъ, кто хочетъ двинуть свѣтъ, поднимется сначала самъ (Сократъ).

Для человѣка съ талантомъ и любовью къ труду не существуетъ преградъ (Бетховенъ).

Передъ совершеніемъ великихъ подвиговъ не слѣдуетъ раз-

суждать много, чтобы разсмотрѣние опасности не уменьшило порывовъ храбрости (Юлій Цезарь).

Нескоро тотъ достигнетъ совершенства, кто работаетъ только для денегъ (Микель Анжелло).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Москва. Чистые пруды. 3. Оле-Б-нгъ. Ваши мысли и слова въ твоемъ разладѣ между собою, что только по догадкамъ можно судить о томъ, что изменно вы хотѣли сказать. Вы просите: «Просмотрѣть сей стихъ, удобнѣе ли онъ для журнала, подъ названіемъ весна». Гдѣ такой журналъ издается? Пль «стиха» раннего беремъ:

Туга покрылась травой
Свѣтину выгнали въ лѣса
Крестьяне пестрою толпою
Обрабатываютъ поля

И неужели нѣтъ у васъ близкаго человѣка, имѣющаго власть—вовдѣтъ намъ должно за «сей стихъ»?

2. Петерб. сторона. Н. Иванову. Вы пишете:

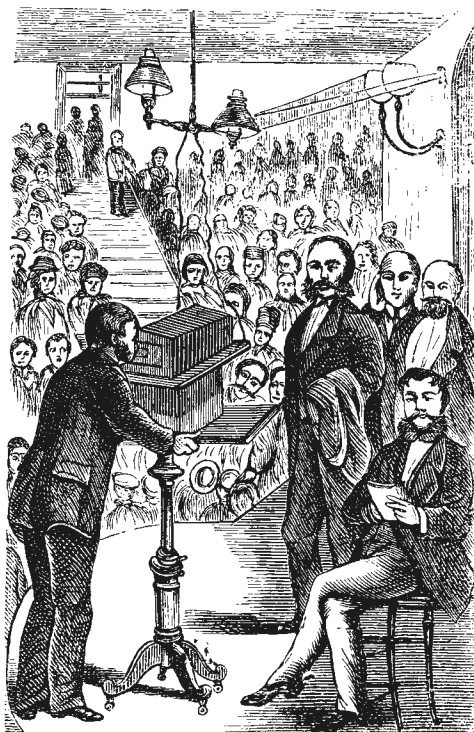
И въ Кандіи мина готова
Сигнала изъ греціи ждуть,
Тогда разорвется окна
Критіансъ луну подожгутъ.

Хотя поэтъ говоритъ «мысль изрѣченная есть ложь»: но эти слова, полные глубочайшаго смысла, конечно къ нашимъ стихамъ нельзя приписать. Есть болѣе основаній для вопроса: какъ ваше здоровье?

СОДЕРЖАНІЕ: Генераль адъютантъ, генераль отъ кавалеріи, М. Т. Лорисъ-Меликовъ. А. Н-аева (съ портретомъ). Стихотворенія Нини, Б-скаго П. Гн-дича. Турецкій набѣгъ. (Разсказъ изъ современной жизни въ Черногоріи) А. Ремезова. Очерки изъ русской исторіи. Единорожье Метислава съ Редеею. И. Заѣрва (съ рисункомъ). Орловская порода рысистыхъ и скановыхъ лошадей (съ 2-мя рисунками). Навкасскія минеральныя воды (окопачіе). Д. Стахѣева (съ 2-ми рисунками). Старинная Теннская церковь въ Прагѣ (съ рисункомъ). Н-ого. Олень насторожѣ (съ рисункомъ). Пауки птицеѣдъ (съ рисункомъ). Новое изобрѣтеніе: Телефонъ (съ рисункомъ). Сибѣй. Политическія и военныя извѣстія. Мысли замѣчательныхъ людей. Почтовый ящикъ. Объявленія. При этомъ № прилагается для гг. годовыхъ подписчиковъ «Нивы», намъ городскіе, такъ и иногород., большая Карта Театра Войны въ Европейской и въ Азіатской Турціи, составленная Капитаномъ И. О. Ивановымъ.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

Телефонъ (Аппаратъ, передающій при помощи телеграфной проволоки звуки музыкальныхъ пѣснь и разговоровъ. См. Новое изобрѣтеніе «Нивы» № 12).

ЛУЧШАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИГА ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ ПОДАРОКЪ МОЛОДЫМЪ ХОЗЯЙКАМЪ.

СРЕДСТВО КЪ УМЕНЬШЕНІЮ РАСХОДОВЪ ВЪ ДОМАШНЕМЪ ХОЗЯЙСТВѢ. Составила и издала Елена Молоховецъ. Седьмое дополненное изданіе. Книга эта заключаетъ въ себѣ три плана домовъ, удобно расположенныхъ въ хозяйственномъ отношеніи, пять рецептовъ изъ 800 ОБЪЕДОВЪ на разныя цѣны (отъ 75 коп. до 12 руб. обѣдъ на 6-8 человѣкъ) и до 2,000 ОПИСАНІЙ ДОМАШНИХЪ ЗАПАСОВЪ и разныхъ кушаньевъ, съ подробными указаніемъ выдѣли для нихъ провизіи мѣрою и вѣсомъ. Цѣна 3 р 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 4 р. Продается у всѣхъ известныхъ книгопродавцовъ. Главный складъ въ С-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ О. И. ВОКСТА (Б. Итальянская, № 2) 3-2

НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ для вскармливанія грудныхъ дѣтей. ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи Александръ Венцель. Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отбѣваю только за тѣ жестианки, на которыхъ находится СИНИЙ ПУТЕШЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи. № 2. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Вагг (Швейцарія). 26-20

Цѣна ЖЕСТИАНКИ 1 р. безъ пересылки, въсь 1 1/4 ф.

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ «НИВЫ» продаются со слѣдующею скидкою: Москва и Тверь, истор. пов., Кельсева Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 50 к. При Петрѣ, истор. пов., Кельсева и Клопчкова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р. Въ намывахъ. Повѣсть Каразина. Цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 2 р. Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к. Вторая жена, романъ Марлятта. Ц. съ пер. 2 р., для подпис. 1 р. 40 к. Двуногий волкъ. Романъ въ 2 частяхъ, съ 20 рис. Автора Н. Каразина. Цѣна 2 р. съ пересылкою 2 р. 30 к. для подписчиковъ Нивы 1 р. 80 к. Очерки, повѣсти и разсказы. В. В. Крестовскаго (автора «Петербургскихъ Трущобъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «Нивы» 1877 года 90 к. съ пересылкою. Семья вольнодумцевъ. Историч. сканъ повѣсть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключникова. Повѣсть эта въ блестящемъ формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событиями и замѣчательными дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «Нивы» 1877 года 75 к. съ пересыл. Про что щебетала ласточка. Сочиненіе Шимельгана. Съ портретомъ и биографіею автора С.-Петербургъ, Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ «Нивы» 1877 г. 1 р. съ пересылкою.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

„НИВА“

ИЛЛЮСТР. ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТ. И СОВР. Ж. 1876 годъ, брошюр. 4 р. съ перес. 5 р. въ прост. пер. 4 р. 75 к. съ пер. 4 р. 75 к. въ каленк. пер. 5 р. 50 к. съ пер. 6 р. 50 к.

Томъ этотъ составляетъ великолѣпный столовый альбомъ, заключающій въ себя болѣе 700 художественно выполненныхъ гравюръ, и кромѣ того, около 25 повѣстей, много популярныхъ и научныхъ статей выбранныхъ для семейнаго чтенія.—Каждому покупателю этого тома высылается совершенно отдѣльно, на дерев. скалкѣ, безплатная премія за 1876 г.: олеографическая картина „Спящая красавица“

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимирская, № 3. АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ и проч. ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ. ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА въ Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56. Товарищество Чежберсъ и К°. Пропіеъ Островной.

Въ Петербургѣ и Москвѣ вышла 3-Я ЧАСТЬ соч. К. В. М. „ТАЙНЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕТЕРБУРГА“. «ВЪ ЦАРСТВѢ ВЕНЕРЫ» Цѣна 2 руб. Первая часть вышла третьимъ изданіемъ.—Вторая вторымъ. Содержаніе 3 й части: Два обожателя Венеры.—Неожиданное открытіе.—Мудрый совѣтникъ.—Загадочная смерть.—У Венеры въ гостяхъ.—Одинъ изъ жертвъ Венеры.—Развѣчанная Венера.—Маска.—Моя бѣда.—Лидія Петровна.—Волшебница Венера.—Еще штука Реброна.—Судная касса.—Ужасная драма.—Медицинскій мовологъ.—Ночь у Венеры перваго класса.—Ночь въ царствѣ Венеры послѣдняго класса.—Тина барыня благотворительница.—Таинственное лицо.—Живой мертвецъ.—Страшный разговоръ.—Грустная вѣнеда.—Великое чудо.—У овра большаго.—У двухъ священниковъ на дому.—Выстрѣлъ.—Бѣдная мать.—Новый пациентъ.—Въ тюрьмѣ.—Роковой приказъ. Тамъ же продается второе изданіе новаго романа того же автора «ХОЧУ БЫТЬ РУССКОЮ». Цѣна за 4 тома 4 р. 4-2

СВЪЗІЯ СЪМЕНА Огородина, хлѣбная, травянистая, цвѣточная и древесная имѣютъ честь предложить сѣменная торговля А. УШАКОВА въ С.-Петербургѣ, Большая Колюшенина д. 1. Подробный прейсъ-курантъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ рождается и высылается по требованію безплатно. 8-3

РОЯЛЬ КОНЦЕРТНЫЙ ФАБРИКИ ПЕРЕДЕРА продается недорого по Мойскъ № 83 кв. № 12. 3-2

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ подписчиковъ объявленіе отъ Оптическаго магазина И. Э. Милляна.

Дозволено цензурою. СПБ. 6 Мая 1877 г.

Тип. «Владимиръ» Англ. пр. № 10. Библиотека Гуніверс

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 20

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдаваъ 16 Мая 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
все уже вышедше
номера «Нивы».

ГODOBAY ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.
” съ доставкою . . . 5 ”

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж.
маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во все города Имперіи 5 ” 50 ”

Контора журнала
«Нива» помѣщается
въ С.-П.-Бургѣ, на Б.
Морской, въ д. № 9.

Подписка продолжается.

„Видно, что ей жарко, раскинулась вся“. (См. рассказъ „Кавказскія ночи“).

КАВКАЗСКІЯ НОЧИ.

Разсказъ изъ горскихъ нравовъ.

I.

По Поти-Тифлисской дорогѣ мы засвѣтло еще добрались до Мцхета.

Тутъ мнѣ хотѣлось осмотрѣть старинный грузинскій соборъ, женскій монастырь и развалины замковъ, висящія словно орлиныя гнѣзда надъ мирными долинами, на вершинахъ утесовъ окрестныхъ горъ.

Ночь намъ пришлось провести на мцхетской почтовой станціи.

Еще до сихъ поръ мнѣ помнятся эти зеленые скаты, вrutые и мрачные, не смотря на одѣвающие ихъ лѣса. Далеко въ вышинѣ, на самомъ гребнѣ горъ, чернѣли пасти глубокихъ и необслѣдованныхъ еще пещеръ, являющихъ на каждомъ шагу слѣды пребыванія человѣка, вѣроятно, въ тѣ еще времена, когда, одѣтый въ звѣриныя шкуры, съ кремневымъ дротикомъ въ рукахъ, онъ вступалъ здѣсь въ единоборство съ медвѣдьми и кабанами. Но не однимъ троглодитами понадобились эти черные гроты, въ ихъ таинственный сумракъ прятался грузинъ отъ набѣговъ горцевъ и персіянъ, сюда загонялись его стада, собиралось все, что поцѣннѣе,—и дрожа каждую минуту отъ ужаса, несчастная семья его ожидала цѣлыя недѣли, когда врагъ уйдетъ съ долины, обливъ ихъ кровью, разоривъ и испепеливъ убогія сакли жалкихъ деревень и взявъ съ собою въ погоню все, что не успѣло спастись въ эти горы, все, что попало ему на руки: дѣтей, женщинъ и взрослыхъ. Цѣлый циклъ легендъ и преданій обращается въ устахъ народа объ этомъ сумрачномъ времени. Кровью, теплою кровью только что зарѣзанныхъ жертвъ, дымомъ свѣжихъ пожаровъ вѣетъ отъ нихъ. Сказанія эти охватятъ дрожью даже человѣка съ желѣзными нервами, и идилически мирная картина Гурійскихъ и Кахетинскихъ долинъ, страстною нѣгою влѣющая на его сердце, разомъ обращается въ облитую кровью арену, гдѣ еще недавно воочию совершались страшныя сатурналии варварства, гдѣ сцены грабежа и убійствъ были явлениями обыкновенными, а рѣдкія минуты тишины и спокойствія казались скоротечнымъ праздникомъ.

— Ну, что вы задумались! Самоваръ давно готовъ. Такъ окликнули меня съ балкона станціи.

— Сейчасъ, дайте взглянуть. Красота кака!

— Нашли красоту. Вотъ въ моей Тверской губерніи точно, что красота. Ровно, гладко, ни тебѣ холма, ни горы, ни пригорья. А тутъ что. Господь съ ними, съ этими горами.

А сумраки все гуще и гуще... Надъ рѣкою повисло точно бѣлое облако... Нѣсколько крупныхъ звѣздъ сверкаютъ надъ черными силуэтами горъ... Раздражающій нервы запахъ цвѣтовъ сталъ еще слышнѣе, точно букетъ подъ носомъ. Куда не повернешься—вездѣ онъ. Въ окрестныхъ кустахъ заблестали сипія искры... Попарно—одна за другой... Только вспыхнетъ и снова погаснетъ. Разъ цѣлый дождь брилліантовъ засіялъ и разсыпался...

— Вы не бывали еще на югѣ Кавказа?

— Нѣтъ! Точно проснулся я.

— Жаль. Тамъ ночи—даже этимъ не чета. Все точно притаилось, точно и небо, и земля дышутъ и дышутъ страстно, горячо... На вашемъ далекомъ сѣверѣ—вы и понятія не имѣете о томъ, какъ ночь, одна только ночь, распалаетъ кровь, возбуждаетъ воображеніе до галлюцинацій; мечты становятся дѣйствительностью! Не знаешь, спишь и сонъ видишь или все это въ явѣ совершается съ тобою. На югѣ и ночь то на сонъ похожа, не отличишь, гдѣ кончается она, гдѣ начинаются грезы.

— Однако, какой же вы восторженный!

— Хотите и вамъ разскажу, дочего доводятъ иногда южныя ночи?

— Разскажите.

II.

— Это случилось близъ Ахалцыха, въ небольшомъ армянскомъ селеніи. Я тогда еще прапорщикомъ былъ, только что изъ корпуса выскочилъ и, разумѣется, какъ молодой галченочекъ, на весь міръ Божій глядѣлъ, раскрывъ ротъ. Село это я уже позабылъ, какъ и звали. Помню только, что оно въ долину пріютилось. Кругомъ холмы, покрытые виноградниками, около разлива какой то рѣченки, а вдалекѣ туманные силуэты большого Гурійскаго хребта.

Хозяйка мнѣ досталась преоригинальная. Старуха армянка. То и дѣло бывало, что прятеть передо мною въ черный платокъ свое покрытое морщинами лицо, на которомъ по нашей поговоркѣ—носъ крючкомъ, борода стрючкомъ. Ужасно безобразны всѣ онѣ дѣлаются подъ старость, а въ молодости поди красавицей была, не одного мѣстнаго донъ-жуана съума свела. И все, бывало, ахаетъ. Скажешь ей, что погода очень хороша! „Вай-вай!“ и головой закачаетъ, точно ей о великомъ какомъ несчастіи сообщили. Богатая была—а посмотрите, какъ одѣвалась. Зато уже нѣсколько племянницъ были—это ужъ на другую статью. Парча, канаусъ. Голловныя уборы жемчугами расшиты, на шеѣ золотыя монеты болтаются! И красавицы же были на подборъ. Знаете эта особенная красота—нѣжная. Взглянешь на лицо, спитъ кажется. Выраженіе нѣги и неподвижности. Въ черныхъ глазахъ ни искры, высокія собольи брови неподвижны. Не вѣрте. Все это до поры до времени. Посмотрите, какъ, при случаѣ, сверкнутъ на васъ эти агатовыя очи, точно сталь подъ солнцемъ,—такъ и бьютъ прямо въ сердце, приглядитесь, какіи искры загораются въ нихъ порой, какъ сквозь влажный блескъ ихъ прямо изъ самага сердца долго сдерживаемая и разомъ вспыхнувшая страсть! Какъ это лицо все измѣнится передъ вами. Выраженіе лѣни сбѣжитъ разомъ, точно его что-нибудь смоешь съ этихъ красивыхъ линий. А подмывающій смѣхъ такъ и прыщеть изъ груди, такъ и дробится, такъ и сыплется: „словно падаетъ жемчугъ на серебряное блюдо“... Не назовете вы тогда этой дѣвушки каменной статуей! А какъ эти руки охватятъ васъ, точно задушить хотятъ, какъ разомъ всколыхнувшаяся грудь прижимается къ вамъ!... Смерть, да и только...

— Въ этихъ-то муміяхъ—страсть!..

— Я и самъ считалъ ихъ муміями, да южная ночь разувѣрила. Въ іюлѣ это было,—продолжалъ онъ, помолчавъ. День жаркій, знойный. Я помню, съ утра изъ темной комнаты своей носу на дворъ не показывалъ. Боился задохнуться! Одна стѣна комнаты не доходила до верха и въ просвѣтѣ, точно изумрудные подъ палящимъ солнечнымъ свѣтомъ сіяли вѣтви деревьевъ. Въ открытую дверь—пахло розами и до того сильно, что голова кружилась, въ виски кровь била. Даже старуха-хозяйка—и ту проняло, выползла на тахту, поджала подъ себя ноги, да такъ и замерла, не думая вовсе закрывать своего очаровательнаго, шестидесятилѣтняго лица.. Къ вечеру набѣжала туча, грянулъ громъ, опрыснуло землю дождевыми брызгами—и снова безоблачное небо засіяло надъ долиною, только жаръ какъ рукой спало. Вздохнули мы. Когда я вышелъ изъ сакли, солнце уже садилось за далекою горою. Вся она казалась темно-синей, за то вокругъ, края ея словно

горѣли—изъ-за нихъ закатъ такъ и лучился золотымъ вѣнцомъ. Въ ущельяхъ уже сгущалась мгла... Запахло сильнѣе цвѣтами...

— Послушайте, да вы совсѣмъ поэтъ.

— Какже, и стихи писалъ... Только не повезло, все на Лермонтова сбиваюсь... Нужно вамъ сказать, что я два мѣсяца уже ухаживалъ за одною изъ безчисленныхъ племянницъ моей старухи, но на всѣ мои авансы она отвѣчала самымъ „убійственнымъ“ равнодушіемъ. Разъ я помню хотѣлъ ее поцѣловать—она только посмотрѣла на меня и отошла. За то какъ посмотрѣла!

Такъ вотъ, началъ я вамъ рассказывать, такая же ночь была, какъ эта. Теплая, звѣздная, ясная... Хозяйка почевали обыкновенно на плоской кровлѣ сакли. Я располагался на тахтѣ. Но на этотъ разъ меня точно душило всего. Будто воздуху мало было кругомъ, дышать не чѣмъ. Отворилъ я двери настѣжъ—такимъ ароматомъ пахнуло на меня,—на волю, на крышу, подъ открытое небо потащило. Промаялся я еще съ часъ, вижу, не совладать съ собою. А вы знаете, лѣсенка на кровлю у нихъ устраивается не снаружи, а изъ комнаты. Взялъ я одѣяло свое, пальто, подушку и выбрался. Хозяйка на другомъ концѣ кровли были, такъ что я свободно могъ помѣститься въ створѣ—мѣстные нравы допускаютъ это. Тѣмъ болѣе, что та часть крыши, гдѣ они были, уступомъ шла, нѣсколько выше. Легъ я—не спится. Звѣздное небо тысячу глазъ смотритъ на меня. Лилія пахнутъ до одури, крови, словно горячая, дрожить по жиламъ. Въ глазахъ—любимая дѣвушка, точно она тутъ же, рядомъ; такъ грудь ходюномъ и ходитъ... Нарочно зажмурился, авось засну, думаю,—куда!... Постарался о другомъ думать—ерунда какая-то выходитъ. Точно въ головѣ арабески какія-то заплетаются и расплетаются изъ ея лукаваго личика, смѣхъ ея въ ушахъ звенитъ.... А тутъ еще мѣсяцъ подпался—такъ и сыплеть лучами, точно серебряными сѣтями окуталъ долину... Точно сіяющимъ паромъ обдалъ горы, даже въ ущельяхъ свѣтло стало! Томился я, томился—и голову потерялъ. Самъ чувствую, что глупость дѣлаю, а отстать не въ силахъ. Ползкомъ, ползкомъ сталъ я подбираться къ другой сторонѣ крыши. Еще какъ всходилъ я туда, я замѣтилъ, что моя Ашхень лежитъ съ краю.. А сердце такъ и бьется, въ головѣ звонъ какой-то... Страсть! Приподнялъ голову, посмотрѣлъ кругомъ. Нужно вамъ сказать, что наша сакля на вершинѣ холма была, со всѣхъ сторонъ одѣтая другими саклями. При блескѣ мѣсяца всѣ онѣ были мнѣ видны, точно ступеньки лѣстницъ кругомъ. Нигдѣ ни шороху, ни движенія. Народъ спитъ себѣ на кровляхъ, точно серебряныя лѣвныя изваянія подъ бѣлыми покрывалами своими... А Ашхень шагахъ въ трехъ ужъ отъ меня—видно, что и ей жарко,—раскинулась вся, изъ-подъ банаусовой рубахи строгія дѣвичьи линіи груди такъ и обрисовываются въ очаровательномъ блескѣ ночи. Точно кровь къ глазамъ прилила мнѣ, взялъ я ее за руку и замеръ. Ашхень разомъ приподнялась вся и широко раскрыла глаза на меня.. Видно, что ей и въ голову не могло придти о возможности этой дерзости съ моей стороны. Оглянулась она на своихъ—тѣ неподвижно лежатъ... Я пододринулся еще ближе и сталъ цѣловать ея руки... Дрожить вся, вижу... То кровь въ лицо бросится, то поблѣднѣетъ вся, а грудь такъ и колышетъ, такъ и колышетъ, даже золотыя монеты на шеѣ позваниваютъ... Боялся я, что крикнетъ, шуму надѣлаетъ, вѣтъ... Думаю не испугалась ли, положилъ голову къ ней на колѣни—вѣтъ. Перебираетъ пальцами волоса мои, а ноги у нея такъ и дрожатъ, чувствую. Наконецъ наклонилась ко мнѣ, къ уху, къ самому. „Слушай, урешь... уходи внизъ скорѣй, въ саклю!..“ Ни за что на свѣтъ...—„Проснутся родные!..“ — Пусть просыпаются...—„Братъ вѣдь убьетъ тебя!“ — Пусть убьетъ. Еще ближе припала она ко мнѣ, глаза въ ли-

цо такъ и смотреть... „Уйди, сейчасъ уйди... и—меня жди туда... я тоже внизъ сойду“. Свѣта я не взвидѣлъ и осторожность всю отбросилъ, не знаю, какъ и попалъ въ комнату на тахту...

— Ну и что же, обманула?

— Въ томъ то и дѣло, что нѣтъ. Нѣ сколькокихъ минутъ не прошло, какъ явилась! Этой сладкой ночи мнѣ долго не забыть!.. А вѣдь до тѣхъ поръ и не любила меня. Терпѣть не могла даже, какъ это ни обидно для моего самолюбія!

— Что-жъ, это приключеніе тѣмъ и кончилось?

— Какое тѣмъ! Много тутъ было всякаго добра и зла не мало. Вели мы съ нею дѣла, нужно вамъ сказать, такъ, что никто и догадываться не могъ ни о чемъ. Днемъ, она, бывало, смѣется надо мною, будто бы отвращеніе ко мнѣ выказываетъ, а какъ уснуть всѣ—ко мнѣ—и до утра вмѣстѣ!.. Знаете, вѣдь я на ней жениться хотѣлъ, и женился бы, да неожиданно потребовали меня въ штабъ, а оттуда немедленно велѣли ѣхать въ Тифлисъ къ главнокомандующему съ донесеніемъ. Думалъ я вернуться черезъ двѣ недѣли, а вернулся черезъ четыре мѣсяца!

— И разумѣется всей исторіи конецъ.

— Въ томъ то и дѣло, что она только что началась еще. Приѣхалъ я, остановился въ той же саклѣ и диву дался—вѣтъ Ашхень. Спросить прямо—боюсь: догадуются. Наконецъ братъ ея рассказалъ мнѣ, что она выдана замужъ въ другое село за армянина-духанъщика, человекъ очень богатаго и стараго. Все ли благополучно у нихъ, спрашиваю—все, говоритъ. А мужъ ее любить?—Души не чааетъ. Ну, думаю, значитъ обошлось дѣло безъ драматической развязки. Какъ только узнала она, что я вернулся, тотчасъ же прикатила въ гости будто бы къ теткѣ. Ну, старая отношенія, разумѣется, возобновились. Прожила недѣлю, назадъ ѣхать не хочетъ. Что мнѣ, говоритъ, съ старымъ да съ толстымъ-возиться. Пропадай онъ совсѣмъ. Осталась на другую недѣлю. Наконецъ, смотрю, я самъ ея супругъ катитъ верхомъ на лошади, въ высокой персидской шапкѣ на затылкѣ, съ громаднымъ и толстымъ носомъ, блистающимъ, точно маковъ цвѣтъ! Неказистъ былъ. Увидѣла она его—затряслась даже. До того онъ ей отвратителенъ былъ. Впрочемъ, мы съ нимъ сразу поладили. Ему больше всего лестило, что съ нимъ русскій офицеръ знакомъ. Кунаками сдѣлались. И его каждый вечеръ ромомъ напаввалъ до тѣхъ поръ, пока онъ не уѣхалъ, оставивъ жену у насъ.

Однако какъ мы не миловались—а назадъ, къ законному супругу нужно ей было ѣхать.

— Да какъ же вы ее отпустили?

— А что же будете дѣлать! Вѣдь не на стѣны же лѣзть.

— Сами же говорите, что любили ее.

— Знаете, наскучать стала. Опять же—говорить съ ней не о чемъ.

— Хорошъ же вы гусь!

— Что же дѣлать! всѣ—люди, всѣ—человѣки! Уѣхала она къ своему горбоносому Юванесу и съ мѣсяцъ ни слуху, ни духу о ней. Ни одной вѣсточки. Я ужъ, признаться, думалъ, что „амуръ всѣ клятвы пишетъ стрѣлою на водѣ“, да совершенно неожиданно изъ нашего села прислали за моей хозяйкой. Оказалось, что раба Божьяго Юванеса, велію восчувствовавшего любовь къ кавказскому вину, пришибло ударомъ, и сей благородный отпрыскъ армянскаго населенія возлетѣлъ въ горнія, оставивъ женѣ громадное хозяйство и деньги. Не прошло и двухъ дней, какъ моя Ашхень прикатила къ намъ и опять поселилась въ одной саклѣ со мною. На людяхъ свучная, да суровая... Объ мужѣ, видите ли, сокрушается будто. А на единѣ со мною чуть не пляшетъ!..

— Ну, какъ же у васъ кончилось?

— Кончилось то... очень скверно кончилось!.. Как то глухо заговорил онъ. Вспыхнувшій огонь напросы на минуту выдѣлил изъ мрака нахмурившееся лицо моего собесѣдника. Брови сдвинулись, глаза ушли какъ-то глубже, на губахъ ясное выраженіе какой-то старой, разомъ воскреснувшей грусти!

упрекнуть, не сдѣлаешь сцены, на это восточная женщина не способна—плачетъ только цѣлые часы въ углу! Жаль мнѣ ее безконечно становилось, и опять я дѣлался съ нею ласковъ, порвать разомъ силы не было. Думаю—потѣшу бѣдняжку. Хуже, если сказать, будетъ плакать, какъ собака ластиться начнетъ. А этимъ знаете,

Островъ Монемвази (на югѣ Греціи) Рис. Веберъ, грав. Лаплантъ.

— Если тяжело—не говорите.

— Отчего же... Дѣло по мѣстнымъ правамъ обыкновенное! Хотѣлъ я года черезъ полтора разтаться съ ней. А нужно вамъ сказать, что мы уже въ то время

онъ и противны здѣшнія женщины. Она не полюбитъ васъ какъ равная равнаго, нѣтъ! Въ глаза всѣмъ смотреть, къ вашимъ ногамъ прильнетъ, служить вамъ. Раба—рабой!.. Тоска даже отъ такихъ ласкъ

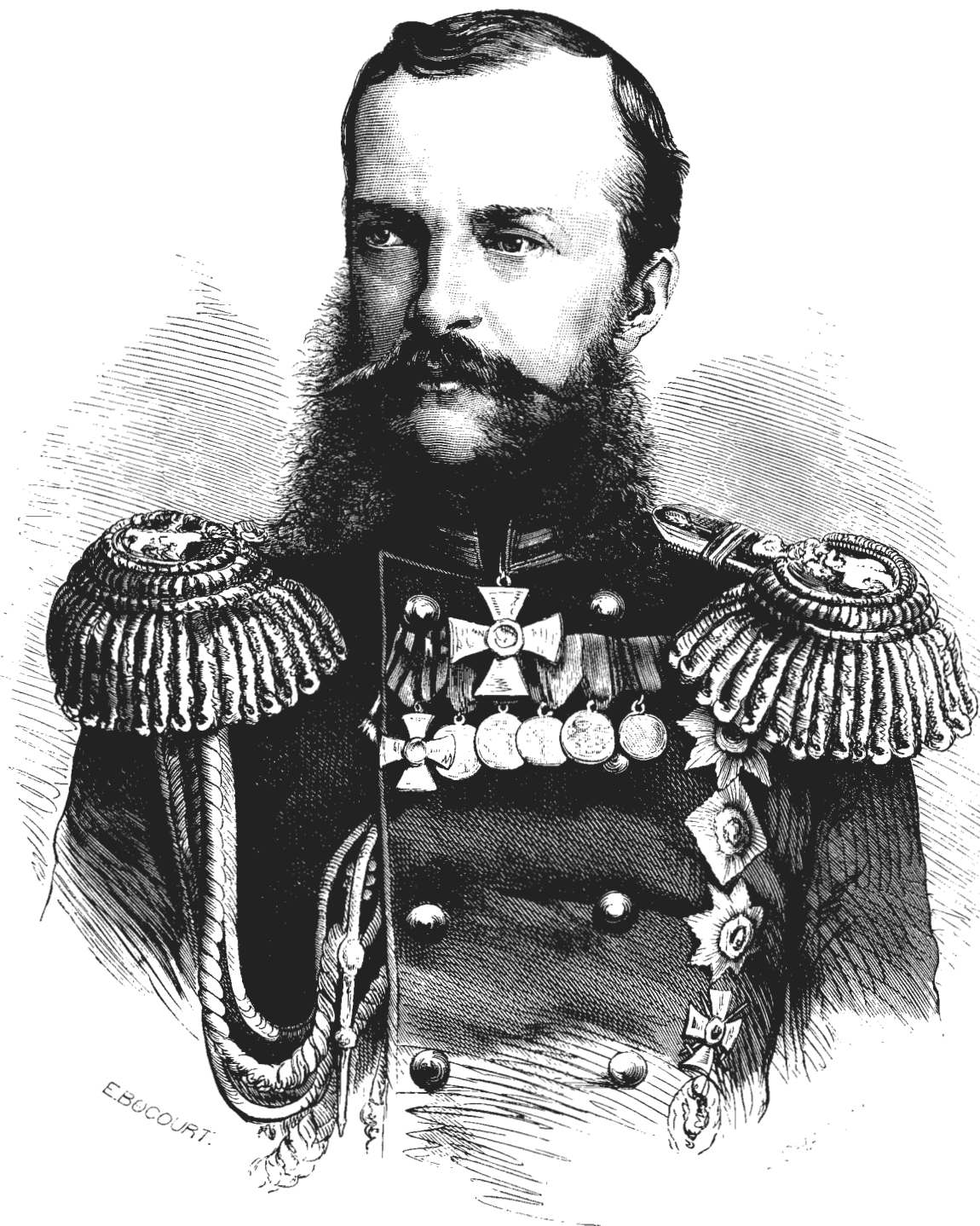
Островъ Чериго (на югѣ Греціи). Рис. Веберъ, грав. Валь.

въ Тифлисѣ жили, и приглядѣлъ я себѣ невѣсту, русскую. Образованная и симпатичная дѣвушка была! Надоѣла мнѣ моя Ашхень, страшно. Хотя и поздно, но сообразилъ я, что между нами вѣдь ничего общаго въ сущности нѣтъ. Сталъ я уходить изъ дому на цѣлые дни. Вернусь, бывало, поздно ночью—она не спитъ. Не

нападаетъ, и не знаешь, куда дѣваться отъ нихъ! И вѣдь не говоритъ ни слова, между собою очень судачатъ еще, да и какъ, а замѣтила мушину — глаза въ землю, и молчокъ... Наконецъ рѣшился я порвать съ ней всякія отношенія и сталъ ѣздить еще чаще къ будущей своей невѣстѣ. Раза два мнѣ показалось, что Ашхень

слѣдить за мною, я какъ то видѣлъ ея лицо въ окнѣ, когда мы сидѣли вдвоѣмъ съ Анютой, въ пхъ уютной гостиной. Но я думалъ, что ошибаюсь. Приѣду домой—сидитъ Ашхень въ углу, сидитъ неподвижно. Лицо точно деревянное — плакать уже перестала. Застыла! Привыкаетъ — предположилъ я и отъ души порадовался этому!..

жили, на отвѣсномъ обрывѣ берега р. Куры стоялъ, обрывъ былъ очень высокъ. Балконъ нашъ, или скорѣй открытая галлерей, огибавшая весь домъ вокругъ, надъ водою висѣла. Съ непривычки даже взглянуть внизъ страшно было! Тѣмъ болѣе, что тугъ, излучистая рѣка точно съ разбѣгу била въ глинистую стѣпу и стремглавъ рвалась дальше... Вскочила моя Ашхень,

Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, Намѣстникъ Кавказскій, Главнокомандующій Кавказской арміей. Рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

— Однако все-таки много безсердечія надобно было для такихъ отношеній.

— Нѣтъ, это скорѣе мягкость характера, чѣмъ жестокость. Суровый человекъ оборвалъ бы разомъ...

— Да вѣдь это было бы легче ей!

— Попробовали вы? Я было ей намекнулъ разъ; такъ она знаете ли, какой фортель выкинула? Домъ, гдѣ мы

какъ сумасшедшая. Глаза какъ то округлились, носъ точно весь стянулся кверху, какъ у кошки, когда она взбѣсится и перегнувъ спину готовится кинуться на васъ. Ротъ весь перековеркало... „Слушай, говорить, правду ты говоришь!“ Была не была думаю, теперь или никогда: Правду!.. Какъ она швырнется черезъ перила, хорошо еще, что зя поясъ удержалъ. Да еще злющая

какая. Я ее назад тащу, а она мне руки кусает, за лицо царапает! рычит на меня. Именно рычит. И не говорит вѣдь ни слова, и точно у нея въ горлѣ, что то перекатывается, хрипло, дико ужасно выходить. Меня холодомъ обдало! Разумѣется все мои благи на мѣренія къ чорту пошли. Стала я ее успокаивать, ублажать, шутками отдѣлываться... Но вѣрить должно быть не повѣрила, а застыла такъ. Съ этой поры вѣрно она и слѣдить за мной стала. Дня черезъ два, послѣ того какъ мнѣ показалась, что Ашхень смотритъ сквозь окно на меня съ невістой—день былъ ужасно знойный, и ночь стала душная... Я открылъ все двери въ комнаты, и ту, которая на галерею выходитъ. Весь противоположный берегъ Куры, какъ теперь помню, огоньками свѣтился. Еще и заснуть не успѣлъ, задремалъ только, какъ показалось мнѣ будто кто-то въ комнату проскользнулъ, точно бѣлый силуэтъ какъ-то на мгновение мелькнулъ въ двери. Кому, впрочемъ, быть, думаю, Ашхень спитъ у себя!.. Показалось!.. Задремалъ опять—и проснулся вдругъ и какъ проснулся. Что-то мягкое точно навалилось на меня—дышать не могу, головы изъ-подъ него освободить не въ силахъ. Всего, можетъ быть, секунды двѣ-три прошло, а мнѣ чортъ знаетъ за сколько времени показалося—наконецъ, удалось приподняться, смотрю; это Ашхень меня подушкою давитъ. Я такъ и обезумѣлъ весь. Все вѣдь мы скоты! Въсто того, чтобы почеловѣчнѣе поступить—вѣдь и она то, поди, измучилась вся, вѣдь и ей то не легко далось,—успокоить бы, а я, точно звѣрь, на нее кинулся, первый разъ въ жизни ударилъ женщину, а какъ ударилъ разъ, такъ словно мнѣ кровь въ голову бросилась. Не помню уже зачѣмъ я ее на полъ швырнулъ, ногами топтать началъ... Стыдно вспомнить... И за что ее... за что!.. Вѣдь это подло, низко, да?.. Нѣтъ, скажите... сиверно это!

— Га цю! согласился я. Это—месть варвара. Не изъ самозащиты же вы ее топтать стали.

— Я и не оправдываюсь... Забылся. Кавказская жизнь того времени не особенно благоприятна была развитію тонкости и деликатности чувства въ человѣкѣ... Но повѣрите ли вы—она хоть бы пикнула... хоть бы слово. Молчать, точно я трупъ это волоку изъ конца въ конецъ по комнаты. И еще злѣе, еще бѣшеніе стала я отъ этого. Если бы она заплакала, сказала чтонибудь—разомъ бы отлило отъ меня; а то самъ я сознаю, что не правъ, самъ сознаю, что топчу ногами то, что цѣ-

ловаль, что ласкалъ когда то, сознаю и чувствую, что окончить это силы во мнѣ нѣтъ и еще злѣе становился. Неудержимые! Ну да что и толковать объ этомъ. Презираю и себя за ту ночь Глубоко презираю, забыть не могу. Душитъ меня это воспоминаніе! И десятилетия пройдутъ—душить будетъ... Наконецъ бросилъ я ее... въ уголь, какъ тринку дрянную бросилъ, а самъ съѣлъ, куда попало и замеръ.

— Слушай, ты! тихо, тихо заговорила она ..

А у меня и силы голову поднять нѣтъ.

— Слушай... Мужа своего, Иованеса, я также задушила... слышишь ли ты... также точно, подушкой... для тебя это сдѣлала... любя тебя... ненавистель онъ мнѣ былъ... его отъ ненависти... а съ тобой это сдѣлать хотѣла потому, что люблю тебя... больше жизни люблю!.. знала я все, и твою русскую знаю, къ которой ты ходишь теперь... Не скроешь отъ меня этого. Видѣла я ее... Не могу я, не могу видѣть тебя съ нею... Неудалось тебя погубить—себя не пожалѣю...

Слушала я ее, и точно во мнѣ отупѣло все... Только чувствую, что не смотря на темную, душную ночь мнѣ холодно, а встаетъ съ мѣста силы нѣтъ... Мысль не работаетъ... Равнодушіе какое-то ко всему... Сидѣлъ такъ, пока не заснулъ... Сколько времени проспалъ не знаю. Проснулся опять такъ отъ того, что холодно стало... Пошелъ, улегся подъ одеяло... Эхъ, да что тутъ рассказывать. Утромъ уже Ашхень у меня не было!..

— Въ Куру бросилась?

— Нѣтъ, слава Богу... Впрочемъ, чуть ли, еще не хуже вышло. Черезъ мѣсяць знакомые повстрѣчали ее въ одномъ изъ тѣхъ вертеповъ, которые, къ сожалѣнію, и въ Тифлисѣ завелись теперь... Встрѣтили ее пьяною, оборванною, грязною!..

— Совсѣмъ французскій романъ.

— Романъ, только не дживый!.. Люди тутъ не шутятъ... И замѣтите: здѣсь вовсе мелодрамы нѣтъ. Безъ слезъ—прямо, или съ другимъ покончить, или себя не пожалѣютъ.

Мы тихо шли назадъ. Горы точно сдвигались отовсюду, точно онѣ лѣзли на насъ спереди, съ боковъ... Ущелья казались все тѣснѣе, и тѣснѣе. Желтоватый лунный блескъ выхватывалъ изъ мрака то бѣлую скалу, то громадный тополь... А позади слышался все тотъ же плескъ и шумъ рѣки, глухо ворчавшей надъ тяжелою аркадой блага моста, казавшагося серебрянымъ отсюда...
В. Немировичъ-Данченко.

СТАРАЯ БЫЛЬ О ПАПѢ И СУЛТАНѢ.

Вотъ что случилось лѣтъ 400 тому назадъ: второй изъ турецкихъ владыкъ Константинополя, Байзетъ II, началъ серьезно подозрѣвать брата своего Джема въ честолюбивыхъ замыслахъ. Джемъ заблагоразсудилъ устроиться такъ, чтобы султанъ могъ подозрѣвать его только издали, а потому и бѣжалъ въ 1482 году на островъ Родосъ. Папа Иннокентій VIII узналъ объ этомъ и сталъ настоятельно просить гротмейстера ордена Іоанитовъ (имъ принадлежалъ о. Родосъ) выдать ему Джема. Гротмейстеръ, наконецъ, согласился и въ 1489 г. выдалъ папѣ бѣглеца. Его святѣйшество утѣрилъ начальника Іоанитовъ, что будто бы Ватиканъ имѣетъ намѣреніе объявить Джема претендентомъ на турецкій тронъ и когда Джемъ будетъ надшахомъ, тогда, конечно, устранится опасность, грозящая христіанству со стороны турокъ. Папа умолялъ гротмейстера (письмо это и до сихъ норъ существуетъ) исполнить его просьбу «ради великихъ страданій Спасителя», ради благоденствія всего міра христіанскаго... Злые языки того времени болтали, что на гротмейстера сильнѣе всего подѣйствовало обѣщаніе папы дать за эту услугу кардинальскую шляпу. Какъ бы то ни было, но турецкій принцъ попалъ въ руки папы; объ этомъ, конечно, узнали, и вотъ, папскому легату въ Офенѣ пришлось выслушать отъ венгерскаго короля Матвея Корвина такое замѣчаніе: «Я навѣрно знаю, сказалъ король, что Байзетъ предложилъ папѣ за Джема 200,000 дукатовъ... Ну, и за эту сумму святой отецъ продастъ бѣглеца!»... «Этого быть не можетъ, всразилъ легатъ, такъ какъ султанъ предлагалъ уже папѣ 600,000 дукатовъ»... (другого отвѣта, какъ видно, и не могъ дать папскій слуга.) Дѣйствительно, дѣло это не ладилось и

между папой и султаномъ шли переговоры; наконецъ, они заключили такое условіе: султанъ будетъ платить папѣ ежегодно 40,000 дукатовъ, а папа обязывается держать Джема въ заключеніи. Однако, повелитель правотѣрныхъ былъ себя на умѣ; прежде чѣмъ уплатить первые 40,000 дукатовъ, осторожный магаметанинъ послалъ въ Римъ своего довѣреннаго съ наказомъ—лично убѣдиться въ томъ, что Джемъ живъ... Того—глядя—обманетъ онъ меня (думалъ Байзетъ); вѣдь можетъ быть, что брата давно въ живыхъ нѣтъ, а я буду платить каждый годъ такіа деньги... За что же?... Умеръ Иннокентій, но этотъ хорошенкій «гешефтъ» не пропалъ: преемникъ Иннокентія, папа Александръ VI, вмѣстѣ съ тиарой получилъ и сорокатысячную Джема. Вся эта исторія все такъ тревожила султана, который зналъ, что братъ его живъ, да кромѣ того (по словамъ Гуріада) Джемъ былъ любимцемъ народа, пользовался расположеніемъ черни, словомъ—султанъ какъ бы видѣлъ надъ головой своей Дамокловъ мечъ. Разсчитывать на папу?... Нѣтъ, и это не ладно, потому что папа могъ вѣдь найти выгоднымъ для себя воспользоваться такимъ претендентомъ... Какъ ни верги, а выходить, что гораздо лучше, надежнее было-бы совсѣмъ избавиться отъ брата... То, что творилось въ Римѣ при Александрѣ VI, позволяло султану надѣяться на успѣхъ своего предпріятія. Байзетъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ зналъ, что тамъ за золото все сдѣлаютъ. И что же? самъ папа далъ первый толчекъ. Въ 1494 г. его святѣйшество увѣдомилъ султана, что король французскій, Карлъ VIII, идетъ на Римъ во главѣ большого войска и что этотъ король имѣетъ также въ виду овладѣть Джемомъ. При этомъ па-

па просилъ Баязета, ради усиѣннаго отраженія непріятели, замолвить слово венеціанцамъ и ужь ксати, хотя и ранѣе срока, уплатить за Джема причитающіеся ему, папѣ, 40000 дукатовъ. Папа велѣлъ пунцію своему намекнуть между прочимъ падишаху, что вотъ, молъ, египетскій султанъ тоже проситъ выдать ему Джема и предлагаетъ за это большія деньги, но что онъ, папа, на это не согласенъ, — напротивъ, его величество готовъ съ своей стороны сдѣлать все, чтобъ закрѣпить дружбу свою съ его величествомъ султаномъ турецкимъ. Долгъ платежей красенъ, — султанъ въ отвѣтномъ своемъ посланіи любезно соглашается исполнить всѣ желанія папы, но, съ своей стороны, тоже обращается къ св. отцу съ двумя маленькими просьбами, а именно: проситъ дать Аральскому архіепископу кардинальскую шляпу, которая обѣщана была ему еще Иннокентіемъ VIII. И такъ, папа держитъ за деньги турецкаго принца, а кардиналы римской церкви обязаны саомъ своимъ ходатайству владыки магометанъ въ Европѣ!... И неужели такимъ друзьямъ не быть взаимно откровеннымъ?... А вотъ и вторая «маленькая просьба» султана (въ томъ-же письмѣ отъ 18-го сентября 1494 г.)... «По здравомъ разсужденіи (пишетъ Баязетъ) съ посломъ Вашимъ, рѣшили мы, что для спокойствія; чести и выгоды Вашего папскаго величества, а равно и для собственной сатисфакціи моей, всего лучше было-бы спровадить Джема на тотъ свѣтъ, ибо онъ, Джемъ, находясь въ заключеніи, все равно не живетъ, являясь какъ-бы мертвецомъ. Если Вашему величеству угодно будетъ оказать намъ услугу въ этомъ (на что Мы, зная мудрость Вашу, вполне расчитываемъ) то

Ваше величество благоволитъ приказать въ вискорѣйшемъ времени, ради собственной своей и нашей сатисфакціи, избавить вышеупомянутаго Джема отъ тягостей земной его доли, помочь душѣ его переселиться въ міръ иной, гдѣ она обратитъ успокоеіе. Если Ваше величество благоволитъ приказать исполнить это и пришлетъ намъ тотъ трупъ въ одинъ изъ пунктовъ по сю сторону нашего моря, то мы, султанъ Баязетъ II, обѣщаемъ доставить Вашему папскому величеству въ назначенный Вами пунктъ 300,000 дукатовъ на покупку помѣстій для сыновей Вашихъ. Мы прикажемъ вручить эту сумму Вашему повѣренному прежде, чѣмъ Ваши люди передадутъ помнугій трупъ по принадлежности моимъ людямъ. Обѣщано при семъ Вашему величеству видѣть до конца дней моихъ великую и искреннюю дружбу съ Вашимъ величествомъ и пребывать, безъ всякаго лукавства въ сердцѣ, готовымъ къ услугамъ и благодарнымъ Вамъ... Затѣмъ слѣдуютъ клятвы и увѣренія въ правдивости всего изложеннаго. Папа не откинулъ такого милого друга, но... Карлъ VIII усилъ занять Римъ и Александръ VI *долженъ* былъ выдать французскому королю несчастнаго Джема. Но его святѣйшество, желая остаться въ дружескихъ отношеніяхъ съ «Константинопольскимъ другомъ», приказалъ отравить плѣнника... Джему дали выпить ядъ, пощ черезъ нѣсколько дней умеръ, а затѣмъ трупъ его былъ отпущенъ «по принадлежности». Относительно уплаты 300,000 дукатовъ прямымъ указаній нѣтъ, но современные хроникеры утверждаютъ, что папа получилъ богатое вознагражденіе «за сию, учиненную имъ султану, сатисфакцію».

III.

ЯЗЫКЪ НАСЪКОМЫХЪ.

Языкъ муравьевъ.—Совѣщанія и переговоры у пчелъ.—Языкъ жуковъ.

Уже въ глубокой древности жизнь насѣкомыхъ представляла одну изъ привлекаетельнѣйшихъ областей созерцанія природы; во всѣ времена созерцательные мудрецы страстно любили погружаться мыслью въ этотъ міръ миниатюрныхъ существъ, и затѣмъ извлекали какой-либо практической урокъ, наставленіе. Многие изъ учителей мудрости призываютъ своихъ согражданъ подражать въ прилежаніи муравью (напр. Соломонъ въ своихъ «притчахъ»). Античскіе греки называли «пчелами» тѣхъ изъ своихъ гениальныхъ писателей, которые заботились о чистотѣ и выработанности языка. На сѣверѣ Греціи было даже цѣлое племя (въ періодъ Гомера), названное «мармидонянами» (μαρμίδες, муравей) что можно перевести словами «муравьиное племя» и т. д. Словомъ, интересъ къ міру насѣкомыхъ, къ ихъ обществу, былъ высокъ въ самой глубокой древности.

Міръ насѣкомыхъ. Какое богатое поирнее сношеній, посредствомъ особаго, непонятнаго для насъ языка представляетъ онъ! Теперь уже представляется совершенно доказаннымъ, что нѣкоторые изъ насѣкомыхъ *говорятъ посредствомъ звуковъ*. На головахъ другихъ находится особая *щупальца*, и этими щупальцами насѣкомыя могутъ вести взаимный разговоръ и дѣйствительно ведутъ (хотя правда, что щупальца эти служатъ и для другихъ цѣлей, кромѣ разговора). Бюхнеръ говоритъ: «Если два муравья заведутъ между собою разговоръ, вы сейчасъ увидите, что они становятся одинъ противъ другого, поднимаютъ головы и при этомъ весьма энергично касаются одинъ другого своими весьма чувствительными и подвижными щупальцами ударяютъ другъ друга головами и пр. Этимъ способомъ разговора они дѣлаются между собою подробными сообщеніями и при этомъ о вещахъ для нихъ извѣстныхъ и опредѣленныхъ, которыя они въ состояніи произвести. Причѣмъ этого можно бы привести многое множество». Англичанинъ Джессе разсказываетъ: «Я часто приносилъ къ муравейнику маленькую зеленую гусеницу и клалъ ее на землю вблизи. На нее тотчасъ нападалъ муравей, силясь утащить ее въ муравейникъ, но не осиливъ своей пощи, обращаясь къ другому муравью, очевидно, просилъ о помощи. Между ними завязывался оживленный разговоръ, что было ясно изъ движений ихъ щупалецъ. По окончаніи переговоровъ оба муравья вмѣстѣ направлялись къ гусеницѣ и общими усилиями втаскивали ее въ свое гнѣздо. Часто я наблюдалъ также, какъ два муравья встрѣчались вблизи своего гнѣзда. Они останавливались другъ противъ друга, взаимно касались щупальцами и, повидимому, вели переговоры—о чемъ? Имѣю достаточное основаніе утверждать, что рѣчь шла о лучшемъ пунктѣ склада фуража». Г. Гагуэ разсказываетъ въ своемъ письмѣ къ Дарвину, что разъ онъ раздавилъ пальцемъ небольшое число муравьевъ. Совершенная имъ казнь постигла муравьевъ на дорогѣ изъ отверстія, находившагося въ стѣнѣ, къ цвѣтамъ, стоявшимъ на каменномъ карнизѣ. Это путешествіе совершали муравьи каждый день, не стѣнясь переховатостью дорогъ. Но вотъ совершилась казнь, и муравьи, еще незнавшие о ней, завидя трупы своихъ товарищей, тотчасъ возвращались, съ цѣлью извѣстить своихъ товарищей, еще незнавшихъ о катастрофѣ, чтобы они обходили опасный путь, а встрѣчавшіеся вступали въ короткій разговоръ, мѣнялись, какъ говорится, «парой словъ»; но все-таки и тутъ не вмѣстѣ пускались въ обходъ, а болѣею частью встрѣтившіеся муравей оказывался

скептикомъ и пошлъ на мѣсто самой катастрофы, чтобы самолично убѣдиться въ оной, и затѣмъ возвращался.

Случается, что два лагеря муравьевъ объявляютъ другъ другу войну, и вотъ тутъ-то идутъ предварительныя совѣщанія. Собирается военный совѣтъ, пока не начнется интересный походъ. Принято на этомъ совѣтѣ рѣшеніе (какъ часто случалось наблюдать) муравьи сообщаютъ другъ другу. Если муравей голоденъ, то онъ выражаетъ свою потребность въ пищѣ, прикасаясь щупальцами къ своимъ товарищамъ. Это выраженіе потребности характеристическими жестами до того всеобщее у насѣкомыхъ, что даже для безпомощной личинки это движеніе служитъ сигналомъ, чтобы она раскрыла ротъ для принятія пищи. Взаимное расположеніе или отвращеніе выражается у насѣкомыхъ также этими характеристическими тѣлодвиженіями, слѣдовательно, они составляютъ ихъ языкъ. Но затѣмъ нѣкоторые думаютъ, что, напримѣръ, муравьи обладаютъ еще языкомъ *звуковъ* или *тоновъ*, но до такой степени слабыхъ, что они недоступны для человеческого уха. Ученый наблюдатель Ланду, авторъ книги «О голосахъ животныхъ», вышедшей въ свѣтъ въ 1874 г., путемъ прилежныхъ изысканій пришелъ къ убѣжденію въ звуковомъ свойствѣ языка муравьевъ. Онъ бросалъ, напримѣръ, въ муравейникъ большого, живого паука-крестовника. Въ этомъ случаѣ въ одно мгновеніе вся масса муравьевъ ажитировалась съ такою поразительною быстротою, которую, по мнѣнію г. Ланду, можно объяснить быстрымъ звуковымъ сообщеніемъ о врагѣ, неожиданно появившемся въ муравейникѣ. Масса муравьевъ опрокинулась на наука, и тогда завязался ожесточенный, смертельный бой, кончившійся, конечно, пораженіемъ паука. Г-ну Ланду удалось даже открыть на задней части тѣла муравья особаго рода звуковой аппаратъ, или такъ называемый иллюобразный органъ, способный издавать свистящій звукъ, подобный звуку пилы, рѣжущей дерево. У особаго рода муравьевъ (Poneræ) наше ухо можетъ слышать этотъ звукъ, у другихъ же породъ не можетъ.

Такимъ образомъ у этихъ маленькихъ животныхъ существуетъ не только потребность взаимной передачи своихъ ощущений—но и самая способность къ этой передачѣ, хотя эта способность у различныхъ породъ муравьевъ находится на различной степени развитія. Если гнѣздо муравьевъ рѣшается перемѣнить свое мѣстожительство, то при этомъ схватываютъ другъ друга за челюсти и ползутъ вереницей къ вновь избранному для жилья мѣсту, предводные отыскавшими мѣсто лазутчиками. Такое явленіе замѣчается, впрочемъ, только у нѣкоторыхъ породъ, другія же породы условливаются къ переселенію посредствомъ знаковъ или жестовъ.

Гораздо болѣе, однако, имѣютъ значенія и дѣйствуютъ съ болѣе поражающимъ насъ совершенствомъ органы *пчелъ*, служащіе для передачи ихъ ощущений. Правда, мы не понимаемъ языка пчелъ; во всякомъ случаѣ обширныя и основательныя изслѣдованія весьма твердо установили положеніе, что языкъ пчелъ въ высшей степени богатъ въ смыслѣ разнообразія взаимныхъ сношеній, совершаемыхъ посредствомъ этого языка. У пчелъ, безъ всякаго сомнѣнія, существуетъ стража, находящаяся во время лѣта и день, и ночь у входа въ ихъ жилища. Между разными обязанностями этой стражи существуетъ и обязанность передавать всѣ вѣсти внутрь жилища. По наблюдению де-Фравьера, голосовой звукъ, издаваемый пчелами, спосо-

бень къ разнообразнымъ изгибамъ и огъбкамъ, благодаря воздушнымъ отверстиямъ, находящимся на груди и задней части тѣла. Каждый подобный изгибъ изгибъ имѣетъ свое особенное значеніе. Какъ скоро кака-либо пчела прилетаетъ съ важнымъ и новымъ извѣстіемъ, она изгибается тѣломъ, издаетъ два или три пронзительные звука и прикасается къ какой-либо изъ подругъ своими длинными, весьма чувствительными щупальцами (каждое изъ этихъ щупалець имѣетъ не менѣе 12—13 сочлененій). Эта подруга полученное ею извѣстіе подобнымъ же способомъ передаетъ дальше; затѣмъ третья пчела передаетъ дальше, пока сообщаемую новость не узнаетъ весь улей. Далѣе: если эта новость пріятнаго свойства, напримѣръ, что-нибудь въ родѣ открытія запасовъ сахара или меда, или поля, обильнаго медоносными цвѣтами—то по выслушаніи вѣсти, все въ ульѣ остается въ порядкѣ. Напротивъ, происходитъ большое волненіе, когда является сообщеніе о грозившей опасности, напримѣръ, о вторженіи въ улей какаго-либо насѣкомаго не пчелиной породы. Повидимому, подобныя извѣстія сообщаются прежде всего царицѣ пчелъ, какъ важнѣйшему лицу въ пчелиномъ государствѣ.

Разговоръ пчелъ, безъ всякаго сомнѣнія, состоитъ и изъ звуковъ и изъ тѣлодвиженій, несомнѣнно также что посредствомъ этого разговора пчелы не только бесѣдуютъ между собою объ общихъ матеріяхъ, но и о предметахъ опредѣленныхъ, частныхъ и весьма различныхъ. Напримѣръ, открытіе гдѣ-либо сахару или другого запаса пчелиной пищи, сдѣланное какою-либо пчелкой изъ улья влечетъ за собою полетъ цѣлаго роя голодныхъ пчелъ на мѣсто находки въ скоромъ времени часто на значительномъ разстояніи. Очевидно, что пчелка, первая сдѣлавшая находку, сообщила о ней подругамъ весьма полнымъ и опредѣленнымъ свидѣніемъ. Если поставитъ передъ ульемъ, какъ свидѣтельствуемъ вышеупомянутый Ландуа, зашечку съ медомъ, то сначала вылетаютъ немногія пчелы; нѣкоторыя изъ нихъ возвышаютъ свой голосъ, производя звуки: „тютъ — тютъ — тютъ“? Этотъ звукъ довольно высокъ и напоминаетъ собию голосъ изловленной пчелы. На упомянутый зовъ „тютъ — тютъ“, вылетаетъ изъ улья большая толпа пчелъ, чтобы взять предложенный медъ. Если весной пчеловодъ хочетъ обратить вниманіе пчелъ, на поставленную вблизи улья воду (пчелы нуждаются тогда въ водѣ для приготовления корма, когда начинается выводка, и нужно всегда стараться, чтобы вода была близко отъ пчелъ), то ему стоить только подержать передъ лоткомъ обмазанную медомъ палочку и перенести пчелокъ, сѣвшихъ на нее, къ тому мѣсту, гдѣ находится вода. Эти послѣднія, возвративъ въ улей, оновѣстятъ своихъ подругъ, что вода находится близко—и тогда уже весь улей будетъ летать къ водѣ.

Лучшее средство для взаимнаго пониманія у пчелъ заклю-

чается все-таки въ ихъ щупальцахъ и осязательныхъ волоскахъ, которыми онѣ прикасаются другъ къ другу, и притомъ весьма разнообразными способами. Лучшее всего наблюдать эту „перепалку“ впечатлѣній щупальцами“, въ то время, если взять изъ улья его царицу. Только по прошествіи извѣстнаго времени, приблизительно около часа послѣ похищенія, пѣкоторая часть пчелокъ замѣчаетъ, что въ ульѣ случилась катастрофа.—и эти пчелки перестаютъ работать, и только торопливо перебѣгаютъ со сотамъ туда и сюда. Но это дѣлаетъ только часть пчелокъ, первая извѣстившаяся о несчастіи. Скоро эти возбужденныя пчелы выступаютъ изъ своего тѣснаго кружка, въ которомъ вращались сначала. Ко всемъ встрѣчающимся имъ подругамъ онѣ слегка прикасаются щупальцами. Пчелы, получившія впечатлѣнія этого прикосновенія, дѣлются вдругъ безпокойными, и сообщаютъ свое безпокойство и замѣшательство остальнымъ членамъ улья, тѣмъ-же путемъ. Смятеніе тогда все возрастаетъ и возрастаетъ, распространяясь съ одного сота на другой, пока мѣстъ наконецъ не произойдетъ всеобщее смятеніе во всемъ населеніи пчелинаго государства.

Совершенно сходныя наблюденія сдѣланы были и надъ жизнью и правами жуковъ. Такъ называемые „жуки-гробокапатели“, подобно большей части своихъ сородичей-жуковъ, снабжены особымъ развитымъ аппаратомъ, посредствомъ коего они могутъ производить трескучій звукъ, назначеніе котораго, между прочимъ, можетъ быть — созвать товарищей для отправления общественной работы. Во всякомъ случаѣ жуки сообщаютъ другъ другу свои впечатлѣнія тоже посредствомъ щупалець. Это правило имѣетъ силу для всѣхъ жуковъ безъ исключенія, и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ жуки употребляютъ свои щупальца, часто имѣющія весьма странную форму, для той же цѣли какъ муравьи и пчелы, т. е. для разговора, впрочемъ также и то, что характеръ сношеній жуковъ гораздо проще сношеній муравьевъ и пчелъ. Г. Гелитцъ писалъ къ доктору Бюхнеру изъ Марсевиля (въ Сьеррой Америкѣ) объ этомъ предметѣ слѣдующее: „Въ іюль, минувшій лѣтомъ, я однажды нашелъ на моемъ участкѣ поля кучку свѣжей земли, подобную кучкѣ, вскопанной кротами около своихъ норъ. На этой кучкѣ трудился изъ всѣхъ силъ черный испещренный красными полосами жукъ, съ длинными ногами. Онъ старался оттащить землю отъ отверстія, ведущаго въ нору, которая находилась на возвышеніи, подобно штолькѣ,—и уравнивать площадку около норы. Посмотрѣвъ нѣсколько времени на эту работу, я замѣтилъ другого жука той-же породы. Онъ притащилъ извнутри норы кучку земли, положилъ ее около отверстія и затѣмъ исчезъ снова въ норѣ. Добрыхъ четырехъ или пяти минутъ первый жукъ, работавшій снаружи, продолжалъ свою работу. Но затѣмъ снова вышелъ на свѣтъ

Народы Россіи. Чухонцы Петербургской губ. Рис. Валетъ, грав. Перинсонъ

Варыни дома нѣтъ! Картина Е. И. Бокса, грав. Бренд'Амуръ.

божий жукъ, работавшій внутри норы и быстро подползъ къ своему товарищу. Оба они вытянули головы и, очевидно, вступили въ переговоры, потому что послѣ того они помѣнялись работой: первый жукъ уползъ внутрь норы, а второй, работавшій въ норѣ, принялся за работу снаружи. Еще нѣсколько времени смотрѣлъ я на эти „горныя“ работы и удался съ мыслью: „а вѣдь и эти маленькія животныя такъ-же хорошо понимаютъ другъ друга, какъ и мы люди“.

Перти рассказываетъ: „Въ саду къ майскому жуку, лежавшему на спинѣ, подползъ золотистый жукъ, намѣреваясь похитить его въ свое логовище и съѣсть. Но одинъ одолѣть лежащаго никакъ не могъ и отползши въ ближайшій кустарникъ, скорѣй возвратился съ товарищемъ. Вдвоемъ они одолѣли майскаго жука и утащили его въ свою нору“.

Вообще были наблюденія и надъ многими другими жуками разныхъ породъ, и замѣчено, что всѣ они призываютъ товарищей для помощи въ какой-либо трудной работѣ. Самымъ поразительнымъ образомъ проявляется это свойство въ такъ называемомъ „священномъ“ жуку (*Atteuchus* или *Scabeus Sacer*). Известно, что этого жука высоко почитали древніе, а египтяне даже воздавали ему божескія почести. Этотъ жукъ „*Atteuchus*“ имѣетъ замѣчательное обыкновеніе—выдѣлывать изъ навоза или помета шарикъ величиною отъ 1 до 2 дюймовъ, въ которые, онъ потомъ прячетъ свои яички. Эти шарикъ жуки до тѣхъ норъ капаютъ по землѣ, пока они не сдѣлаются совершенно круглыми и твердыми и пока они не прикатятся на то мѣсто, гдѣ онъ намѣренъ ихъ

зарыть. Но чтобы найти удобное для этого мѣсто, „священный“ жукъ часто совершаетъ многотрудныя странствованія и при этомъ съ большимъ пониманьемъ побѣждаетъ естественныя препятствія. Но случается иногда такъ, что шарикъ сваливается въ нору или скатывается на неровную почву въ такое мѣсто, которое не можетъ правиться жуку, а освободить шарикъ оттуда у жука часто не хватаетъ силъ, даже съ помощью его усердной и почтенной помощницы-супруги. И вотъ тутъ наитъ жукъ вдругъ оставляетъ свой шарикъ, растопыриваетъ крылья и поднимается на воздухъ. Если вы будете терпѣливы нѣсколько подождать на этомъ мѣстѣ, то увидите, что жукъ чрезъ нѣсколько времени возвращается, въ сопровожденіи двухъ, трехъ, четырехъ и даже пяти товарищей, и вотъ они, сообщая, катятъ шарикъ на удобное мѣсто. Найдя это мѣсто, жуки останавливаются и начинаютъ копать землю своими передними заостренными ногами, служащими въ данномъ случаѣ вмѣсто лопаты. Выкапавъ достаточной глубины ямку, жуки опускаютъ въ нее шарикъ и зарываютъ землю...

Изъ множества добытыхъ учеными изслѣдователями фактовъ мы привели здѣсь самые простые и болѣе доступные обыкновенному наблюденію, съ тою цѣлю, чтобы выраженіе „языкъ животныхъ“ не казалось вымысломъ и вздорною фантазіей. Это уже научно доказанный фактъ. Мы видѣли простые средства этого языка: шипальца на тѣхъ насѣкомыхъ и отчасти звуковые органы.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

Крылатый мигъ—блаженства краткій сонъ!
Какъ страждущей душѣ пріятель онъ!

Душа горитъ, восторгами полна,—
Ей пѣснь любви волшебная слышна...

Знакомый звукъ надежды веселитъ;
Въ глазахъ слеза невольная блеститъ,

О, какъ ты милъ, забытый сердцемъ звукъ,
Въ норѣ тоски, въ норѣ душевныхъ мукъ!

Къ больной душѣ слетаешь ты съ небесъ—
Блеснулъ—и вдругъ, какъ молнія, пещезъ!..

Ты—призракъ думъ и страсти молодой,
Ты—чудный сонъ поэзіи святой!

Ник. Б.—скій.

КЪ РИСУНКАМЪ.

ГРЕЧЕСКІЕ ОСТРОВА ЧЕРИГО И МОНЕМВАЗИ.

Греція принадлежитъ множество острововъ на моряхъ, окружающихъ ее. На помѣщенныхъ въ этомъ № рисункахъ представлены острова: Чериго (въ древности называвшійся Цигеро или Кигеро и посвященный богинѣ любви) и Монемвази. Островъ Чериго лежитъ отдѣльно отъ другихъ, нѣсколько на юго-западъ отъ мыса Мален. Это не болѣе какъ обширная скала, круглая, безплодная, выдвигающаяся во всѣ четыре стороны только одни обнаженные утесы, тянущіеся на прострѣствѣ 12 верстъ. Узкій проходъ между островомъ и материкомъ не всегда легко преодолевается. Если въ Архипелагѣ дуетъ сѣверный вѣтеръ, то суда принуждены бывають кидать якорь при входѣ въ заливъ Мараеонскій и терпѣливо ждать часто по нѣскольку дней, когда вѣтеръ приметъ другое направленіе. Англичане, оставляя Чериго греческому правительству при уступкѣ Ионическихъ острововъ, ничего не потеряли, ибо этотъ островъ не представляетъ рѣшительно никакихъ выгодъ для его владѣльца.

На берегу, у подножія голой и сожженной солнцемъ скалы, бѣлѣтся нѣсколько домиковъ, съ кровлями и террасами—вотъ все, что напоминаетъ древній Кигеро; блаженной памяти.

Маленькій городокъ Св. Никола, столица этого острова, —безъ порта, безъ воды, безъ садовъ, безъ деревьевъ, можно сказать почти безъ жителей, еслибъ нѣсколько виноградниковъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, не показывали на этой землѣ признаковъ пребыванія человѣка.

Въ долинахъ, на отлогостяхъ менѣ испорченныхъ оврагами, скудный растительностью грунтъ земли доставляетъ немного ячменя и винограда. Нѣсколько маслинъ, согнутыхъ вѣтрами, даютъ масло, необходимое на потребленіе жителей острова.

По официальной переписи на островѣ Чериго числится 10,600 жителей, раздѣляющихся на 2,800 семей и почти столько же домовъ.

Сѣвернѣе, на 20 миль выше Мален, лежитъ маленькій, возвышенный островокъ Монемвази. Съ юга, непрерывный, обвалившійся у подножія утесистой стѣны, кучи образуютъ отлогіе пороги, гдѣ растетъ нѣсколько малорослыхъ, жиденькихъ оливковыхъ деревьевъ. Совсѣмъ маленькій городъ, построенный на берегу моря соединяется съ материкомъ каменнымъ мостомъ въ 115 метровъ длиною; на его оконечности, со стороны острова, возвышается венеціанская башня, служащая обороной города. Надъ дверью башни вытѣленъ левъ Святого Марка.

На вершинѣ горы острова живописно висятъ старинныя укрѣпленія. Островъ Монемвази былъ однимъ изъ важныхъ

военныхъ пунктовъ владычества Ахайи, основанныхъ крестоносцами въ 13 вѣкѣ.

Виллехардуанъ, племянникъ знаменитаго дѣтлицца, въ 1205 г. съ участіемъ Венеціанцевъ овладѣлъ этимъ островомъ послѣ трехлѣтней жестокой блокады. Снабженные собственными припасами жители надсмѣхивались надъ французами съ высоты скалы; но Виллехардуанъ повелъ правильную осаду, и воздвигнувъ три или четыре западни, родъ гигантскихъ пращей и началъ кидать на городъ цѣлыя груды камней. Камни эти падали съ такою силою, что разбивали дома, разламывали городскія укрѣпленія и роняли стѣны. Въ концѣ третьяго года приведенные въ крайнюю бѣдность, принужденные ѣсть кошекъ и мышей, лишленные всего жители рѣшились покориться. Впослѣдствіи этотъ островъ, Монемвази, называвшійся прежде Мальвазія, подвергался еще четыремъ осадамъ и принадлежалъ три раза Венеціанцамъ. Послѣдняя, самая знаменитая, осада была въ 1821 году.

Въ то время большая часть турокъ восточной Морен, застигнутые греческимъ возстаніемъ за свою независимость, укрывались на этомъ самомъ островѣ и здѣсь они были осуждены Капгакузеномъ, однимъ изъ лейтенантовъ принца Ипсиланти *). Въ то время турки, загубивъ въ самыхъ звѣрскихъ мученіяхъ всѣхъ грековъ, которыми они завладѣли, захвативъ ихъ на островѣ Монемвази, были принуждены потомъ поѣсть труны своихъ узниковъ и своихъ собственныхъ дѣтей.

Въ настоящее время путешественникъ не находитъ ничего интереснаго на этомъ островѣ. Прогулка по городу не представляетъ ничего любопытнаго.—Развалины, нѣсколько рѣдкихъ домиковъ въ два этажа, покрытыхъ черепицами, безформенные обломки—вотъ все, что представляется глазамъ путешественника. Нѣкоторые дома украшены архитектурными работами, напоминающими венеціанское происхожденіе, маленькая церковь, выстроенная французами и вполнѣ теперь разрушенная, надъ одной изъ лицевыхъ стѣнъ ея двери сдѣланъ гербъ фамиліи Виллехардуанъ. На вершинѣ скалы тоже разбитыя стѣны, да встрѣчаются стада козъ, а на горизонтѣ рисуется печальная, безплодная сторона.

Населеніе города съ каждымъ годомъ уменьшается и въ настоящее время онъ не имѣетъ въ себѣ болѣе 1,000 жителей.

Но все-таки за этими обоими островами остается предѣсть ихъ вѣшняго вида—и мы находимъ безвѣстнымъ дать имъ мѣсто на страницахъ „Нивы“.

*) Греческая княжеская фамилія, происходящая отъ дома Комнеоловъ.

Барыни дома нѣтъ!

Идет барыня по улицѣ, идет спокойно—вдруг схватывается за карманъ. Лицо ея вытягивается, брови сдвигаются... „Ну—да! Забыла ключи!.. Экая напасть!“ чуть не вскрикивает она среди улицы... „Вѣдь вотъ—второй разъ забываю! что за свѣрная память!.. А Татьяна моя ужъ навѣрно около буфета... Воспользовалась ключиками-то! Поди-ужъ и слизнула что-нибудь!.. И въ воображеніи барыни рисуется такая правдоподобная картинка: Татьяна отворила завѣтный шкафчикъ, потомъ придвинула кресло, усѣлась, налила рюмочку вишневки (водой потомъ добавить, каналья!) и начала мочать сахарные сухарики... „Навѣрно сидитъ и мокаетъ!“ Эта картинка до того огорчает барыню, что она рѣшается немедленно вернуться домой. „Наливка-то крѣпкая, бормочетъ она—ужъ выпей, выпей, милая, двѣ рюмки. Захмѣлѣешь, не услышишь, какъ я черезъ кухню пройду... А тутъ-то я тебя и накрою!“..

И Татьяна была накрыта!

— Ну, что мнѣ дѣлать съ ней? размышляетъ барыня. Отказать? жаль. Дѣвушка она все-таки хорошая, работающая, проворная... А ужъ какъ крахмалитъ, какъ гладитъ—заглядѣнье! По своему она честная: ни копѣйки не стащить. Нарочно оставила на столѣ нѣсколько монетъ—всегда все цѣло... А откажи ей, найми другую,—пожалуй попадешь изъ огня да въ полымя. Была у меня такая... Нѣтъ, буду ей давать по праздникамъ что-нибудь сладкое, а ключи,—непрѣменно всегда носить въ карманѣ. То-то вотъ и есть,—въ заключеніе вздыхаетъ барыня,—что всѣ мы любимъ сладенькое“!..

Трапезундъ.

Трапезундъ, по-турецки—Тарабозанъ, важный коммерческій портъ Турціи на Черномъ морѣ. Городъ построенъ между двумя высокими скалами. По своей хорошей гавани и счастливому мѣстоположенію, Трапезундъ служитъ главнымъ портовымъ мѣстомъ для торговли между Европою, Арменией, Персіей и средней Азіей. Въ древности Трапезундъ былъ греческой колоніей. Въ 1204 году, по осадѣ Константинополя крестоносцами (французами и венецианцами), Императоръ Алексѣй Константинопольскій, измѣнически завладѣвшій престоломъ брата своего Исаака, бѣжалъ изъ города и основалъ въ Азін новое небольшое государство, столицей котораго избралъ Трапезундъ. Преемники Алексѣя присвоили себѣ императорскій титулъ и носили фамильное имя Коменовъ. Въ 1461 г. турки покорили Трапезундское монархію. Императоръ Давидъ Коменъ былъ осажденъ въ своей столицѣ и не получивъ ни откуда помощи, принужденъ былъ сдаться. По приказанію Махомеда II онъ былъ казненъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ въ Адрианополь, въ 1462 году, а владѣнія его присоединились къ Турецкой державѣ.

Въ настоящее время Трапезундъ—главный городъ турецкаго вилайета (453 кв. миль простр.). Городъ Трапезундъ построенъ между двумя высокими скалами; въ немъ находятся—горная цитадель, корабельная верфь, заводы. Пароходныя линіи соединяютъ его съ Константинополемъ. Отъ Трапезунда ведетъ шоссе къ Эрзеруму, котораго укрѣпленія служатъ однимъ изъ главныхъ оплотовъ турокъ противъ русскихъ и персіянъ. Расстояние между Трапезундомъ и Эрзерумомъ около 300 верстъ. По этому пути турки могутъ двигать подкрѣпленія къ Эрзеруму и отсюда къ Карсу. Отъ Трапезунда чрезъ Эрзерумъ и Баязетъ, идетъ транзитный путь въ Персію.

Судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, въ Трапезундѣ множество рабочихъ занято выгрузкой круповскихъ пушекъ, предназначенныхъ въ Эрзерумъ. Ежедневно прибываютъ свѣжія войска и немедленно отправляются въ дѣйствующую армію. Повсюду замѣчается кипучая дѣятельность.

„Горячо“!

Содержаніе картинки въ настоящемъ случаѣ опредѣляется однимъ словомъ: „горячо“. Барбось, какъ видно, вкушая предостоящее наслажденіе, горитъ желаніемъ опустить морду въ лоханку, но... слѣдуетъ подождать. Физиономія его даже комична. „Остается благородно выждать, но ужъ за то я первый начну!“... Такъ, повидимому, рѣшилъ этотъ умный песь и устремилъ свой взглядъ въ пространство, что-бы напрасно не раздражать себя созерцаніемъ лоханки. Кошки тоже проголодались, но онѣ также весьма осторожны: обжечься не хочется, да и ворчанье Барбоса-эгонста не совсѣмъ-то приятно

Внутреннія извѣстія.

Пожертвованія на санитарныя нужды дѣйствующей арміи идутъ и идутъ ото всѣхъ и отовсюду. Лазареты для раненыхъ и больныхъ воиновъ возникаютъ не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ. Перечислять всѣ пожертвованія—значитъ перечислять

слышать. Однако, одна изъ нихъ, увлекшись, готова, кажется, цапнуть лапкой памѣченный кусокъ...

Чухонцы Петербургской губернии.

Чухонцевъ въ окрестностяхъ Петербурга и въ уѣздахъ окружающихъ его, насчитывается до 70,000 душъ. Принадлежатъ къ одному и тому же финскому племени, они въ тоже время принадлежатъ на нѣсколько ограслей. Главныя и болѣе замѣтныя изъ нихъ: Эйнермейны и Савакоты. Эйнермейны населяютъ окрестности Петербурга, преимущественно селенія: Мартышкино (за Екатерингофомъ), Дудергофъ, Роншу, Ижору, Липмле, на сѣверъ отъ Невы; Токсово, Вуолестъ, отчасти всѣ три Парголово и оттуда до границы Выборгской губерніи, около такъ называемой „Ольгинской“ бумажной фабрики. Савакоты-же разсѣлились почти исключительно въ Царскосельскомъ уѣздѣ, въ погостахъ или кирхшнляхъ селеній Славянки и Сиворицы. Эти финны, нѣкогда обращенные въ православіе, болѣею частью перешли потомъ въ протестанство. Языкъ, употребляемый ими есть тотъ же, на какомъ говорятъ въ восточной части Финляндіи, съ нѣкоторыми отступленіями.

Изъ особенныхъ обычаевъ, свойственныхъ Эйнермейнамъ, выдаются слѣдующее. Передъ отправленіемъ невѣсты къ вѣнцу, Эйнермейны кладутъ ей въ чулокъ подъ лѣвую пятку серебряную монету и девять узелковъ, а подъ лѣвую пазуху девять пшеничныхъ зеренъ, вынутыхъ изъ ячейки медьничнаго камня. Это дѣлается для того, чтобы выразить желаніе, чтобы молодая женщина рождала болѣе мальчиковъ, чѣмъ девочекъ. Съ этою же цѣлью, какъ только невѣста взойдетъ въ домъ жениха, ей кладутъ на колѣни маленькаго мальчика и приговариваютъ: „Вотъ у тебя мальчикъ на колѣняхъ; будь же матерью девяти мальчиковъ и матерью одной девочки“. По окончаніи церковнаго обряда вѣнчанія, начинается другая церемонія: женихъ и невѣста должны слѣдовать другъ за другомъ чрезъ три порога, — непрѣменно чрезъ три; по суевѣрію полагаютъ, что въ противномъ случаѣ, не миновать семейнаго раздора. Достоинны еще вниманія у финновъ обряды, сопровождающіе нѣкоторые праздники въ году. Такъ, на примѣръ, наканунѣ Рождества Христова, въ сочельникъ, финны кладутъ на столъ каравай ржаного хлѣба, который долженъ пролежать на столѣ 6 дней непочатымъ, потомъ этотъ хлѣбъ прячутъ въ закромѣ, гдѣ хранится рожь, и берегутъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время пахать. Кромѣ хлѣба, должно быть у каждаго поселяннина на столѣ мясное кушанье, вино и пиво въ такомъ количествѣ, чтобы 5—6 дней можно было угощать этимъ всѣхъ близкихъ родственниковъ. Новый годъ и день Богоявленія (Крещеніе) празднуютъ чухонцы такъ же какъ и рождество; а Свѣтлое Воскресеніе и Троицынъ день менѣе торжественны у чухонцевъ, чѣмъ повсемѣстно у другихъ христіанъ и у насъ, русскихъ, въ особенности. Въ эти дни молодые люди веселятся на качеляхъ; а въ первые числа августа всѣ сколько-нибудь побогаче чухонцы, приглашаютъ къ себѣ друзей и родственниковъ на праздничъ жатвы и такъ же пируютъ, какъ въ самые торжественные дни. Ивановъ день въ чухонскихъ деревняхъ самый веселый изъ лѣтнихъ праздниковъ. Канунъ Иванова дня считается у многихъ суевѣрныхъ чухонцевъ днемъ чертовщины. У нихъ есть тоже повѣрье, что въ ночь на Ивановъ день открываются всѣ клады. Вечеромъ 23-го іюня чухонцы раскладываютъ и зажигаютъ на самыхъ высокихъ мѣстахъ костры. Пускаютъ также по озерамъ и по рѣкамъ зажженные смоляныя бочки или кадки. Молодежь чухонская всю эту ночь проводитъ безъ сна, вокругъ пылающихъ костровъ, или въ гуляньѣ, въ тапкахъ, въ играхъ, по островамъ или на большой дорогѣ.

Къ числу промысловъ, которыми заняты чухонцы, принадлежитъ извозничество въ Петербургѣ, въ время масляницъ. Къ этому времени тысячи чухонцевъ съ своими болѣе или менѣе разукрашенными дровнишками, запряженными ихъ круглыми лошадами съ колокольчиками, съѣзжаются въ столицу и разѣзжаются по петербургскимъ улицамъ. Каждый чухонецъ, по окончаніи масляницы, увозитъ домой отъ 15 до 20 руб. Впрочемъ, съ масляницъ настоящаго года они обложены за извозный промыселъ въ пользу городской думы податью.

Чухонцы несравненно болѣе могли бы имѣть выгодъ денежныхъ отъ своихъ молочныхъ скоповъ—молока, творога, масла, именно такъ называемаго „чухонскаго“, ежели бы были поопрятнѣе въ отношеніи къ своимъ молочнымъ произведеніямъ. Въ этомъ случаѣ они рѣзко отличаются отъ своихъ единоплеменниковъ, живущихъ въ Финляндіи. Нельзя не пожалѣть, что петербургскіе чухонцы также чужды той порядочности и аккуратности, какая видна у выборгскихъ и завборгскихъ финновъ.

всѣ города и села со всѣми населяющими ихъ сословіями всей нашей русской земли. Дѣйствительно, вся Русь, какъ одинъ человекъ, отозвалась съ теплымъ чувствомъ на помощь борцамъ за угнетаемыхъ. Чиновники и служащіе равныхъ вѣдомствъ, ра-

бочие на фабрикахъ и заводахъ—всѣ отчисляють послыный процентъ изъ своего жалованья; крестьянскія общества составляютъ приговоры жертвовать по столько-то копѣекъ съ души; купечество, кромѣ разныхъ единовременныхъ жертвованій, назначаетъ на все время войны постоянный ежегодный взносъ двойного гильдейскаго оклада; дворяне-землевладельцы облагаютъ свои земли постояннымъ налогомъ съ каждой десятины; домовладельцы С.-Пе-

принимаются мѣры оказанія призрѣнія семействамъ нижнихъ чиновъ, находящихся въ дѣйствующей арміи. Такъ, напримѣръ, Орловская городская дума постановила принять такія семейства подъ свое покровительство, выдавая ежемѣсячно пособія: женамъ по 3 руб., а на каждаго ребенка по 1 рублю; дѣтей же жителей города Орла, у которыхъ родители или попечители будутъ убиты на войнѣ, или вслѣдствіе увѣчья или ранъ ока-

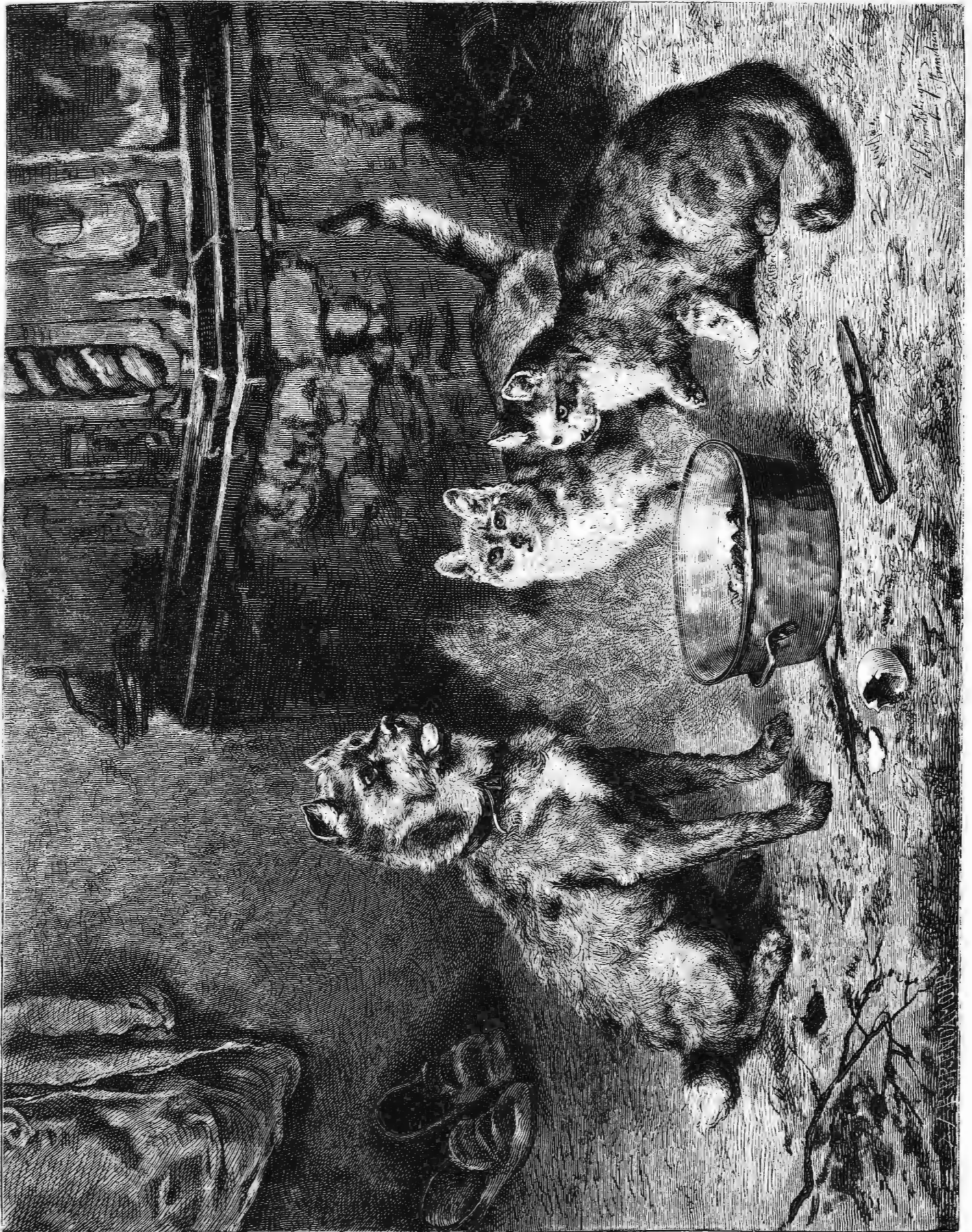

Видъ крѣпости Трапезунда на турецкомъ берегу Чернаго моря. Съ фотографіи, грав. Вейерманъ.

тербурга отчисляють нѣкоторый процентъ съ дохода отъ своихъ домовъ; воспитанники нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній въ свободное отъ занятій время приготавливаютъ корпію для раненыхъ. Даже оренбургскіе мусульмане, и тѣ собрали въ своей средѣ нѣсколько пудовъ ветоши и 54 слишкомъ рубля деньгами. Заботы русскаго общества сосредоточены, однакожь, не на однихъ только больныхъ и раненыхъ: во многихъ мѣстахъ пред-

жутся неспособными къ труду, считать дѣтьми г. Орла и впредь до усовершенствованія принять на счетъ города попеченіе о нихъ и образованіе ихъ.

Изъ всѣхъ городовъ Россіи вниманіе привлекаетъ теперь главнымъ образомъ *Одесса*, какъ пунктъ ближайшій къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Многие изъ жителей оставили этотъ городъ, такъ что нѣкоторые дома совсѣмъ пусты и квартиры подешевѣли. Не-

Горачо. Картина И. Шмицбергеръ, грав. Бренд'Амуръ.

давно въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» была публикація объ отдачѣ бесплатно комнатъ! Торговая жизнь города смолкла; груза хлѣба, шедшая бойко съ недѣлю назадъ, совсѣмъ прекратилась, и въ портѣ уже нѣтъ ни одного иностраннаго судна. Весь городъ, особенно по набережной, полонъ военныхъ движеній; брандвахта и день, и ночь зорко слѣдитъ за появленіемъ всякаго судна на горизонтѣ, давая объ этомъ знать городу за цѣлыя три часа, прежде чѣмъ могло бы оно появиться у самаго порта. Съ баттарей почти каждый день идетъ учебная стрѣльба, и масса публики собирается поглядѣть, какъ попрыгиваютъ по водѣ на далекомъ семирверстномъ разстояніи пускаемыя ядра. Понятно, что все населеніе находится въ тревогѣ. Студенты университета, числомъ до 140 человекъ взяли отпускъ, отложивъ экзаменъ до августа. Нѣкоторые изъ нихъ пошли въ братья милосердія. Выселившіеся изъ Одессы жители направились было по преимуществу въ Херсонъ, но тамъ, вслѣдствіе напавша на населеніе такъ поднялись цѣны на всѣ жизненные припасы и квартиры, что поневолѣ многимъ пришлось или возвращаться обратно въ Одессу или избрать другой городъ. Для примѣра, какъ возросли тамъ цѣны, укажемъ хотя на хлѣбъ и мясо, которые продаются по 15 и 20 коп. за фунтъ.

Но посреди всѣхъ тѣхъ тревогъ и волненій настоящаго времени, внутренняя жизнь страны идетъ своей колесой, вызывая, какъ потребность, тѣ или другія общественныя учрежденія. Такъ, напримѣръ, на Волынн образуется *товарищество пчеловодства* на акціяхъ, цѣль котораго—устройство возможно большаго числа пасѣкъ и развитіе торговли медомъ. Въ Кіевѣ Комитетъ пчеловодства устраиваетъ *образцовый пчельникъ*, чтобы дать возможность желающимъ наглядно изучить правильный, рациональный методъ содержанія пасѣкъ, а также практическіе приемы ухода и умѣнья пользоваться современными системами ульевъ.

Спасительный постъ, устраиваемый на Новой Землѣ, будетъ занятъ предварительно 8 семействами самоѣдовъ изъ Печерскаго края. На счетъ казны заготавливаются для нихъ всѣ необходимые продукты продовольствія, даже ружья, порохъ и рыболовные снаряды. Для перевозки строеній, кирпича для печей, матеріаловъ, припасовъ строительныхъ, предполагается отправить съ открытиемъ навигаціи, кромѣ парохода, еще 5 судовъ.

Въ С.-Петербургѣ организуется *общество для содѣйствія женскому труду*. Дѣятельность этого общества будетъ состоять: 1) въ содѣйствіи къ выгодному сбыту работницами своихъ издѣлій; 2) въ распространеніи между работницами свѣдѣній объ усовершенствованіяхъ и открытіяхъ по различнымъ отраслямъ женскихъ ремеселъ; 3) въ улучшеніи быта работницъ черезъ доставленіе имъ дешевыхъ помѣщеній, и 4) въ оказаніи пособій работницамъ.

Для поощренія развитія промышленности въ Уссурийскомъ краѣ, разрѣшенія правительствомъ *безакцизная* тамъ добыча соли.

Весна на югъ уже во всей своей красѣ. Трехнедѣльные дожди прекратились, и растительность при прекрасной теплой погодѣ развилась быстро. Изъ самыхъ южныхъ губерній, прилега-

ющихъ къ Черному морю, какъ то: Херсонской, Таврической, и Донской области, пишутъ, что урожай вообще предвидится хорошей; какъ озимые, такъ яровые хлѣба очень хороши; плодовые деревья цвѣли и цвѣтутъ хорошо, въ особенности тернъ, груши, вишни, сливы и яблоки. Въ Полтавской, Кіевской и Подольской губерніяхъ рожь также очень хороша, но мѣстами повывокла отъ наводненія и отъ дождей. Скотъ и овцы пошли уже давно на подножный кормъ. Но въ Волынской губерніи значительная часть озимыхъ посѣвовъ (ржи и пшеницы) *сырѣла*, отъ бывшей въ ноябрѣ гололеди и весеннихъ снѣговъ. Озимы на *половину* покрыты бурюю грязью, т. е. сгнившими корнями и листьями осеннихъ всходовъ, большинство крестьянъ перепахиваетъ, съѣетъ ячмень, но все это едва-ли поможетъ горю. Въ Орловской и Воронежской губерніяхъ во второй половинѣ апрѣля жаловались на дожди и холодныя вѣтры, препятствующіе и посѣвамъ и росту хлѣбовъ. Изъ Саратовской губерніи извѣщаютъ напротивъ о благопріятной погодѣ для растительности, такъ что надѣются на хорошей урожай. Западъ-же и сѣверъ наши не очень еще давно освободились отъ холодной погоды. Въ Курляндіи, напр., съ 17 апрѣля потеплѣло было, а съ 20 снова сдѣлалось холодно. Однакожъ озимыя поля начали уже зеленѣть, зелень появилась и на лугахъ. Раньше чувствовался недостатокъ въ дождѣ, а теперь началась дождливая погода. *Дожди* нынѣшней весной распределяются и идутъ въ такомъ-же направленіи по губерніямъ, какъ происходило наводненіе отъ разлитія рѣкъ, т. е. начавшись съ юга, шли на сѣверо-западъ, потомъ на сѣверо-востокъ и наконецъ на востокъ. Такъ, напр., въ Петербургской губернии стояла погода все ясная, хотя и свѣжая, но безъ капли дождя; между тѣмъ какъ теперь, когда на югѣ дожди окончились, въ Петербургской и сосѣднихъ губерніяхъ пошли теплыя дожди, которые вѣроятно скоро вывуютъ на поляхъ запоздавшую зелень. Въ Москвѣ уже была большая гроза, а въ Петербургѣ слышался первый громъ 4 мая.

Только что открылась навигація по Волгѣ, какъ уже случилось два несчастія. Буксирный пароходъ, шедшій изъ Нижняго въ Рыбинскъ вслѣдъ за льдомъ съ баржею въ 5,600 пудовъ груза, состоящаго изъ овса и льняной худели, поплатилась этою баржею: ее раздавило льдомъ близъ Юрьевца. Другой случай произошелъ около Казани, у города Свияжска: столкнулись два парохода: «Матрость» и «Заря»; отъ этого удара «Матрость» потонулъ такъ глубоко, что не видно и мачты.

Точно также не обошлось безъ несчастныхъ случаевъ на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ. Такъ, на Либавско-Роменской 29 апрѣля произошелъ пожаръ въ воинскомъ поѣздѣ, въ которомъ перевозились артиллерійскія повозки. Огонь былъ потушенъ, но часть повозокъ сгорѣла; одинъ унтеръ-офицеръ получилъ ожоги. На Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дорогѣ товарный поѣздъ сошелъ съ пути; во время подъема вагоновъ найденъ на рельсахъ трупъ задушеннаго вагонами неизвѣстнаго человека въ крестьянскій одеждѣ. На Воронежской дорогѣ произошло столкновение поѣздовъ, причѣмъ убито 3 человека.

Политическія и военныя извѣстія.

Последнія извѣстія съ театровъ войны, какъ съ Закавказскаго, такъ и съ Европейско-турецкаго, свидѣтельствууютъ, что успѣхъ оружія и тамъ, и здѣсь на нашей сторонѣ; что наши войска тамъ и здѣсь твердымъ шагомъ идутъ впередъ, постепенно занимая весьма важныя въ военномъ отношеніи пункты. Резюмируемъ это движеніе вкратцѣ, съ самаго вступленія нашей арміи въ предѣлы Турціи. На европейскомъ (Дунайскомъ) театрѣ войны пункты эти составляютъ: *Леово, Бештамы, Рени, Галацъ, Барбошскій мостъ на Серреттѣ и Браиловъ*. Эти пункты заняты передовыми эшелонами нашей арміи, имѣвшими движеніе нѣсколько къ западу отъ нижняго теченія Дуная. Но затѣмъ вновь подошедшіе эшелоны направились именно по нижнему теченію Дуная и заняли *Измаилъ и Килю*. На этомъ движеніи наступательныя операціи со стороны турокъ имѣли и имѣютъ въ настоящее время мѣсто только въ Браиловѣ, какъ это видно изъ нашихъ прошлыхъ обозрѣній.

Въ закавказской арміи наши войска перешли турецко-кавказскую границу *тремя* колоннами, изъ которыхъ каждая, при своемъ движеніи въ глубь непріятельской территоріи, занимала важныя стратегическіе пункты. Припомнимъ, что Александропольскій корпусъ, подъ начальствомъ генерала Лорисъ-Меликова, составляющій здѣсь главныя наши силы, направила на *Карса*, Ріонскій корпусъ на *Батумъ* и Эриванскій отрядъ—на *Баязетъ*. При своемъ движеніи къ Карсу войска Александропольскаго корпуса захватили турецкіе посты, перешли *Мулла-Мусъ, Башъ-Шурагелъ Карсъ-Чай, Курюкъ-Дара и Суботонъ, Заимъ и Эми-Кегъ*. Эти пункты представляются на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга и почти одновременное занятіе ихъ нами объясняется тѣмъ, что Александропольскій корпусъ двигался къ Карсу двумя колоннами. Затѣмъ высланный вскорѣ изъ-подъ Эни-Кева нашъ кавалерійскій отрядъ прервалъ телеграфное сообщеніе между Карсомъ и Эрзерумомъ. За сямъ генералъ Лорисъ-Меликовъ двинулся въ обходъ Карса къ *Визенкову* (къ юго-западу отъ Карса) съ 12 батальоновъ гре-

надерь, 40 орудій и 5 сотенъ. И вотъ въ это-то время вышли изъ Карса 8 турецкихъ батальоновъ съ полковою артиллеріею и заняли сильную позицію, и наша артиллерія здѣсь завязала съ непріятелемъ перестрѣлку. Лорисъ-Меликовъ, оставивъ кавалерію у Вязникова, занялъ прежній лагерь у Заима (къ сѣверозападу отъ Вязникова и значительно къ сѣверу отъ Карса) Наконецъ, войска Эриванскаго отряда безъ особыхъ препятствій заняли Баязетъ (городъ и цитадель); далѣе взяли былъ *Камысманъ* недалеко отъ р. Аракса, къ самой южной оконечности Карскаго пашалыка, въ округѣ Казы. Послѣ занятія Кагызмана начались рекогносцировки окрестностей Карса, и на югъ, и на западъ, и на сѣверъ отъ него. Затѣмъ изъ дальнѣйшихъ дѣйствій наиболѣе важныя: Ахалцхскій отрядъ направила къ *Ардагану*, а Эриванскій—къ *Дидиму*. Затѣмъ генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, начальствующій Эриванскимъ отрядомъ, занялъ 26 апрѣля *безъ боя Дидимъ*. Изъ Александрополя извѣщаютъ, отъ 30 апрѣля, что непріятельская кавалерія, состоящая изъ горцевъ, разбѣжалась изъ Карса, въ числѣ 700 человекъ.

Еще болѣе неудачными турецкія операціи представляются въ послѣднее время на Дунайскомъ театрѣ войны. Въ прошломъ обозрѣніи мы сообщали о неудачныхъ попыткахъ турокъ бомбардировать Браиловъ. Недавно получено извѣстіе, что 29 апрѣля, во время жаркой перестрѣлки, большой турецкій трехмачтовый броненосецъ *взорванъ нашими выстрѣлами и мгновенно* пошелъ *корму*. Названіе броненосца «Литън-Джелилъ». При этомъ капитанъ его Неджибъ-бей и 200 человекъ экипажа погибли. Бомба взорвала пороховую камеру. Успѣли спасти только 1 человекъ изъ погивавшаго экипажа.—*Далѣе, ходятъ слухи, не подтвержденные, впрочемъ, что нѣсколько турецкихъ мониторовъ заперто нами въ Матчинскомъ рукавѣ* (читатели припомнятъ описаніе этой мѣстности изъ прошлаго обозрѣнія: недалеко отъ Исакчи Дунай дѣлаетъ крутой выгибъ на востокъ и здѣсь находится Матчинскій рукавъ). Если это такъ, то военныя операціи турокъ уже теперь становятся крайне неудач-

ными. Замѣтимъ здѣсь, что въ составѣ нашей осадной артиллеріи входятъ двадцати-четыре-фунтовые пушки, шести и восьми-дюймовые мортиры и восьми-дюймовыя пушки. Противъ мониторовъ и броненосцевъ наши мортиры представляютъ страшное орудіе.

— Болѣе новыя извѣстія съ Закавказскаго театра войны слѣдующія: 30 апрѣля, вечеромъ, турецкая эскадра подошла къ *Гудаутамъ* (около 70 верстъ южнѣ Сухума), обстрѣляла это селеніе и высадила до 1,000 чел. прежнихъ перселенцевъ съ Кавказа. Съ нашей стороны, изъ Сухума, выслано къ р. Гумысту нѣсколько сотенъ казаковъ и милиціи. Генералъ-маіоръ Кравченко съ пѣхотою и орудіями расположился у Сухума. На другой день, съ 3 до 6 час. вечера непріятельскія суда бомбардировали *Очамчыры* (на берегу Чернаго моря, на 60 верстъ южнѣ Сухума) и повредили въ этомъ селеніи нѣсколько домовъ. 2-го числа турецкая эскадра изъ 6 судовъ держится противъ *Сухума*. Въ это же время наши моряки произвели отважный поискъ. Пароходъ «Константинъ», вышедъ изъ Севастополя, подошелъ къ Батуму, остановился въ 7 миляхъ отъ берега, выслалъ на рейдъ 4 миноносныхъ катера, которые атаковали встрѣтившійся турецкій пароходо-фрегатъ. Подведенная мина, къ сожалѣнію, не разорвалась; но на фрегатѣ и на рейдѣ поднялась тревога, открытъ ружейный и картечный огонь, а также стрельба съ береговыхъ батарей, такъ что отъ усиленнаго огня наши катера должны были разойтись въ разныя стороны. Два изъ нихъ «Чесма» и «Синоцъ» явились въ Поті, а другіе два успѣли скоро возвратиться къ пароходу «Константинъ», который благополучно пришелъ 3 мая съ разсвѣтомъ въ Севастополь. Убитыхъ и раненыхъ при этомъ не было. Затѣмъ съ нашей стороны высланъ былъ изъ Очакова для крейсерства между Одессою и Очаковымъ пароходъ «Аргонавтъ», который подошелъ къ Сулинскому устью Дуная и засталъ тамъ 4 турецкихъ броненосца подъ парами. Броненосцы погнались было за «Аргонавтомъ», но скоро отстали, а нашъ пароходъ возвратился въ Очаковъ.

— По послѣднимъ извѣстіямъ, генералъ Лорисъ-Меликовъ подступилъ къ Ардагану 23 апрѣля и расположился близъ *Хевасяръ*. Авангардъ же Эриванскаго отряда занялъ (29) *Сурьб-Аванесъ*. Окрестные курды явились сюда съ изъявленіемъ покорности.

— Его Высочество Главнокомандующій арміею недавно посетилъ *Плоэшту* (къ сѣв. отъ Бухареста). Здѣсь была устроена Его Высочеству торжественная встрѣча со стороны городскихъ властей и духовенства. Сюда же пріѣзжалъ привѣтствовать Его Высочество князь Карлъ Румынскій. Наши отряды еще не имѣли въ Румыніи никакихъ столкновеній съ турками. Румынскіе же отряды имѣли незначительныя перестрѣлки у *Виддина* и *Отельницы*. Погода стоитъ въ Румыніи жаркая, душная, но санитарное состояніе нашей арміи вполне благополучно.

— Абдулъ-Керимъ-паша стягиваетъ войска съ Дуная къ Кюстенджи (портъ на западномъ берегу Чернаго моря, въ южныхъ предѣлахъ Добруджи)—съ какою цѣлью, это, по всей вѣроятности, скоро обнаружится.

— Наши войска устраиваютъ батареи предъ Калафатомъ. Изъ Константинополя телеграфируютъ отъ 30 апрѣля, что вотъ уже нѣсколько дней, какъ три англійскихъ офицера интендантскаго вѣдомства дѣятельно собираютъ справки относительно подробностей, касающихся провіанта и вѣствъ, удобныхъ для его храненія. Эти господа ежедневно ведутъ совѣщанія съ сераскиромъ (военнымъ министромъ) и, повидимому, довольны полученными свѣдѣніями. Англійскій уполномоченный въ Константинополѣ, Лейярдъ, употребляетъ все усилія, чтобы *оживить настроеніе Порты*, обѣщая въ частныхъ бесѣдахъ съ турецкими министрами, что Англія *впослѣдствіи* (въ послѣднихъ числахъ іюня, по новому стилю) окажетъ Турціи помощь. Успѣхъ русскаго оружія, однако, скрытъ невозможно, и въ Константинополѣ господствуетъ глубокое всеобщее уныніе. Столицѣ угро-

жаетъ голодъ. Цѣна на хлѣбъ превышаетъ 5 піастровъ за оку. Великій визирь Эдемъ-паша еще разъ приказалъ губернаторамъ въ скорѣйшемъ времени внести въ казначейство деньги, произведя насильственные поборы. Денегъ, однако, никто не платитъ, потому что ихъ взять негдѣ. Турецкое правительство, въ виду предстоящаго бѣдствія, пускается на всевозможные фокусы. Такъ, недавно, турецкая палата одобрила постановленіе относительно взысканія съ владѣльцевъ недвижимой собственности за 4 года *впередъ*. Мечети уже отправляютъ все свое серебро для переплавки въ монеты.

— Въ маленькомъ греческомъ государствѣ продолжается тревога. Въ Ламинъ ремонтеры производятъ закупку лошадей для греческой арміи. Недавно 500 офицеровъ и унтеръ-офицеровъ получили приказаніе возвратиться къ своимъ частямъ. Далѣе, здѣсь ежедневно производятся многочисленныя аресты, потому что вооруженныхъ людей, отправляющихся за границу, обвиняютъ въ открытомъ разбоѣ и пиратствѣ. На о-вѣ Критѣ броженіе умовъ усиливается, и мусульманскія семейства массами выселяются въ Александрію. 1 (13) мая въ Пирей произошло собраніе кандидатскихъ эмигрантовъ, торжественно поклявшихся «освободить родину и сдѣлать ее счастливою, или умереть».

— Англія довольно насильственно и безцеремонно (простымъ парламентскимъ актомъ) захватила богатую и промышленную Трансваальскую республику, на югѣ Африки.

— Турецкая газета «*Vakit*» напечатала рѣзкую статью, въ которой она призываетъ мусульманъ къ избіенію христіанъ. По этому поводу иностранные повѣренные обратились къ Портѣ съ энергическими представленіями. Даже туркофиль Лейярдъ пригрозилъ, что если Турція допуститъ это, то онъ распорядится немедленно занять Босфоръ.—Русскіе подданные, живущіе въ Салоникахъ, Скутари и др. пунктахъ Албаніи, а также въ Трапезунтѣ, поставлены подъ защиту французскихъ властей. На послѣднемъ засѣданіи совѣтъ турецкихъ министровъ рѣшилъ, въ принципѣ, допустить пріемъ христіанъ въ ряды арміи. Множество волонтеровъ изъ армянъ принято уже въ малоазійскую армію и въ войска, дѣйствующія въ Боснію.

Изъ телеграммы Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Кавказскою арміею, видно, что 2-го мая пять турецкихъ броненосцевъ бомбардировали Сухумъ въ теченіе 2½ часовъ; часть города значительно пострадала; но попытка десанта блистательно отражена пятью ротами съ двумя орудіями. На улицахъ осталось много непріятельскихъ тѣлъ. У насъ ни убитыхъ, ни раненыхъ нѣтъ; шесть казаковъ безъ вѣсти пропали. 3-го числа непріятельскія суда продолжали стоять передъ Сухумомъ.

Отъ 5-го же мая—видно, что генералъ-маіоръ Комаровъ произвелъ рекогносцировку подъ Карсомъ съ 4 батальонами, 2 батареями, дагестанскою конно-иррегулярною бригадою, 3 сотнями александропольскаго конно-иррегулярнаго полка и карапакхскою милиціею. Послѣднія двѣ части, шедшія впереди и на нашемъ лѣвомъ флангѣ, были сильно атакованы турецкими драгунами, въ числѣ до 1,000 человекъ, поддержанными 8 батальонами съ батареею. На выручку были посланы 6 сотенъ дагестанцевъ. Произошло жаркое дѣло; дагестанцы дрались молодецки, бросившись въ шашки. Непріятель оставилъ на мѣстѣ 6 тѣлъ; кромѣ раненыхъ, взято 2 плѣнныхъ, много оружія и лошадей. У насъ убитъ 1 офицеръ и 20 всадниковъ; ранены 5 офицеровъ и 51 всадника. Въ числѣ раненыхъ, къ общему сожалѣнію, командующій дагестанскою бригадою Свисты Его Величества, генералъ-маіоръ Чекокаевъ. Въ регулярныхъ нашихъ войскахъ потери не было.

Отъ 7 мая получено отъ Главнокомандующаго Кавказскою арміею радостное извѣстіе о новой побѣдѣ. Крѣпость Ардаганъ (на лѣвомъ берегу р. Кури недалеко отъ Карса) съ 60 орудіями, огромными артиллерійскими и продовольственными запасами, лагеремъ 14 турецкихъ батальоновъ и городомъ, взяты русскими войсками.

НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Недавно поступила въ торговлю особая изобрѣтенная въ Парижѣ бумага, посредствомъ которой легко можно узнать фальшивую подкраску вина. Это чувствительная, такъ называемая на химическомъ языкѣ реактивная бумага. Если смочить эту бумагу настоящимъ неподдѣльнымъ краснымъ виномъ, то она мгновенно окрашивается въ сѣровато-голубой цвѣтъ, а по высушеніи получаетъ свинцовый цвѣтъ. Но какъ скоро вино окрашено фуксиномъ или другою ацилиновою краской—что, замѣтимъ кстати, очень часто встрѣчается при фальсификаціи винъ—тогда описываемая бумага принимаетъ *карминно-красный* цвѣтъ. Случается, что вино бываетъ окрашено «*Cochenille ammoniacale*», тогда, при реактивѣ нашею бумагою. Она получаетъ блѣдно-фіолетовый цвѣтъ. Часто также фальсификаторы подкрашиваютъ вино бузиновыми ягодами, цвѣтами мальвы—и въ этихъ случаяхъ энокриновая бумага принимаетъ ярко-зеленый цвѣтъ; при окраскѣ вина кампешевымъ или лазоревымъ деревомъ получается цвѣтъ виноградныхъ выжимокъ; при окраскѣ фернамбуковомъ деревомъ и кошенилю—цвѣтъ грязновато-желтый, съ экстрактомъ—индиго-темно-голубой.

Манипуляція съ описываемою бумагою весьма проста. Кусочекъ энокриновой бумаги обмакиваютъ въ завѣдомо чистое не фальсифицированное вино и держатъ въ немъ приблизительно до 5 секундъ; затѣмъ, вынувъ, тщательно ее отряхиваютъ, чтобы удалить избытокъ пропитавшей бумагу винной жидкости; потомъ кладутъ этотъ кусочекъ энокриновой бумаги на бѣлую бумагу. Далѣе подобный-же кусочекъ энокриновой бумаги обмакиваютъ въ вино, считающееся подозрительнымъ (держа въ немъ тоже около 5 секундъ). Этотъ кусочекъ, для сравненія, кладутъ рядомъ съ первымъ. Тогда различіе окрасокъ реактивной бумаги фальсифицированныхъ и настоящихъ виномъ дѣлается очевиднымъ даже для неопытнаго глаза. Увѣряютъ, что достаточно какой-нибудь стотысячной доли фуксина, заключающейся въ испытываемомъ винѣ, (или другомъ жидкомъ веществѣ) чтобы придать энокриновой бумагѣ ярко-фіолетовую окраску, тогда такъ большее содержаніе фуксина придаетъ ей темно-коричнево-красный цвѣтъ.

Изобрѣтатели «энокрина», французы Ленвилъ и Рой, надѣются также найти средство удалить изъ вина призматическіе къ

нему фуксинъ, безъ вредныхъ послѣдствій для потребителей этого вина. Разумѣется, это открытiе было-бы истиннымъ благодѣяниемъ для потребляющаго вино человечества.

Новый препаратъ для намачиванiя бумаги.

Новинка эта въ высшей степени практическая и должна по нашему мнѣнiю, встрѣтить весьма сочувственный приемъ въ публикѣ. Препаратъ служитъ для смачиванiя копировальной бумаги, состоитъ изъ стекляннаго съ обѣихъ концовъ открытаго приемника, на одномъ концѣ котораго, именно внизу, находится широкое отверстие; къ этому отверстию прикрѣпленъ кусокъ тонкаго войлока; на другомъ, верхнемъ концѣ, приемника находится другое маленькое отверстие, закрывающееся пробкою; въ это отверстие приемникъ наполняютъ водою, который и всасываетъ войлокъ, лежащiй внизу сосуда. Какъ скоро этотъ войлокъ въ достаточной степени всосетъ въ себя воду—закрываютъ отверстие. Подъ влѣдствие недостаточнаго притока воздуха въ сосудѣ, его давление бываетъ слабос, то понятно, что вода выступаетъ изъ войлока медленнo и лежащая подъ войлокомъ бумага смачивается весьма равномерно (подобно смачиванiю кистью). Если долго не выпускать воздуха, то войлочная пластинка дѣлается даже нѣсколько сухою и не отдѣляетъ воды на лежащую подъ нею бумагу. Но достаточно открытъ верхнюю пробку и впускать въ сосудъ воздухъ,—подъ давлениемъ послѣдняго войлокъ

снова всасываетъ воду и отдѣляетъ ее на бумагу. Этотъ аппаратъ, повторяемъ, весьма практичный.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Стысъ Ал. Р.—ой. Напрасно вы такъ настойчиво просите отвѣта на такіе озки:

Всѣ люди ищутъ совершенства,
Они жъ едва-ль его найдутъ,
Ихъ заблужденіе недостойно
Хотя они въ нему идутъ.

Въ чемъ ищутъ люди совершенства, какое ихъ заблужденіе, чѣмъ оно недостойно? Вотъ сколько вопросовъ является при чтенiи вашихъ писанiй, весьма (извините за правду) мажорамотныхъ.

Или, вотъ еще примѣръ. Вы спрашиваете:

Люди, скажите, какъ живете
Между собой вы на землѣ?

Что же вамъ на это отвѣтитъ: живемъ, слава Богу, поменьку. Вы гдѣ поживаете?

СОДЕРЖАНІЕ: Кавказскія ночи. (Разсказъ изъ восточныхъ нравовъ) Немирович-Данченко (съ рисункомъ).—Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, Намѣстникъ Кавказскій, Главнокомандующій Кавказской арміи (портретъ).—Старая быль о папѣ и султанѣ.—Языкъ насѣкомыхъ.—Стнхотвореніе Ник. Б.—скаго.—Греческіе острова Черго и Моневази (съ 2-мя рисунками).—Барыни дома нѣтъ! (съ рисункомъ).—Трапезундъ (съ рисункомъ).—«Горячо» (съ рисункомъ).—Чухонцы Петербургской губерніи (съ рисункомъ).—Внутреннія извѣстія.—Политическія и военныя извѣстія—Новыя изобрѣтенія.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРНСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ

ОБЪ ИЗДАНІИ
ГАЗЕТЫ

„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“
ВЪ ТЕКУЩЕМЪ ГОДУ.

Съ 1-го мая текущаго года мы открываемъ новую ежедневную газету, при ближайшемъ сотрудничествѣ В. Ф. Корша и А. А. Головачева.

Въ наше трудное время въ виду войны, глубоко затрагивающей съ разныхъ сторонъ наши государственныя и общественныя интересы, въ виду назрѣвавшихъ внутреннихъ вопросовъ, нельзя очеркнуть въ немногихъ словахъ разнообразныя и сложныя задачи, которымъ должна служить ежедневная печать. Внутренній смыслъ и ближайшія цѣли нашего изданiя—путеводная нить его, безъ которой общественная дѣятельность обращается въ безцѣльное блужданіе изъ стороны въ сторону—будутъ выснесены самими дѣлами, теми соображеніями и свѣдѣніями, которыя найдутъ мѣсто на страницахъ «Свернаго Вѣстника». Мы можемъ только сказать, что прежде всего желаемъ положить основаніе серьезному и полному въ фактическомъ отношеніи органу, въ которомъ люди мысли и дѣла могли-бы встрѣчаться и выказаться въ смыслѣ насущныхъ польвъ и лучшихъ стремленій русскаго государства, общества и народа.

Программа нашего изданiя обнимаетъ всѣ живые интересы современности. Политика и литература займутъ въ немъ господствующее мѣсто. Мы будемъ слѣдить внимательно, какъ и за событіями военными и политическими, такъ и за движеніемъ науки и литературы, въ нашемъ отечествѣ и на Западѣ Современныя событія и направленія въ славянскомъ мiрѣ будутъ предметомъ особеннаго вниманія редакціи, поскольку они сопрясаются съ понятиемъ ядрова интереса нашего отечества и всего славянства, и съ задачами общечеловѣческой образованности.

Слѣдующія лица сочувственно обидили намъ свое сотрудничество: К. К. Арсеньевъ, А. Н. Бенетовъ, С. И. Кроулова, князь А. И. Васильчиковъ, Э. К. Ватсонъ, А. Н. Веселовскій, Ф. Ф. Воропоновъ, В. И. Герье, Д. К. Гирсъ (корреспондентъ «Свернаго Вѣстника на Дунаѣ»), графъ А. А. Голицыневъ-Кутузовъ, Ю. Ю. Гибнеръ, Н. Д. Навелинъ, П. П. Назанскій (проф. Военной Академіи), Н. П. Колупановъ, Е. Ф. Коршъ, Н. И. Костомаровъ, В. А. Крыловъ, Ц. А. Кюи, В. Ф. Лугининъ, О. Ф. Миллеръ, проф. И. П. Минаевъ, Б. А. Павловичъ, П. И. Полевой, Л. А. Полонскій, А. Н. Пыпинъ П. А. Ровинскій, В. Д. Славосъвъ, В. В. Стасовъ, В. Я. Стоюнинъ, И. М. съченновъ, И. С. Тургеневъ, А. М. Унковскій, Е. И. Утинъ, проф. А. С. Шиллерскій, Ю. Э. Янсонъ и др.

Читатели упреждаемаго «Судебнаго Вѣстника» найдутъ въ нашемъ изданіи статьи и замѣтки юридическаго содержанія, отчеты о замѣчательныхъ процессахъ, русскіе и иностранныя, и необходимую справочную часть з ой газеты.

Первый листъ «Свернаго Вѣстника» выйдетъ 1-го мая.
Редакторъ В. Д. Рычковъ.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“
ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ газеты, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонова (Невскій проспектъ, д. № 46, противъ Гостиного двора), и въ книжномъ складѣ при типографіи М. Стасюлевича (Вас. Остр., 2 л., д. № 7).

ВЪ МОСКВѢ: въ книжныхъ магазинахъ: Ф. И. Салаева, И. Г. Соловьѣва и Н. И. Мамонова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписка на «Свернаго Вѣстника» принимается на восемь мѣсяцевъ текущаго года. Желающіе подписаться на газету платятъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
На 8 мѣсяцевъ	10 р. 50 к.	11 р. 50 к.	13 р. — в.
7 »	9 » 50 »	10 » 50 »	12 » — »
6 »	8 » 50 »	9 » 50 »	10 » — »
5 »	7 » — »	8 » — »	9 » — »
4 »	5 » 50 »	6 » 50 »	7 » — »
3 »	4 » 50 »	4 » 80 »	5 » 50 »
2 »	2 » 80 »	4 » 30 »	4 » — »
1 »	1 » 50 »	1 » 80 »	2 » 50 »

Примѣчаніе 1. По соглашенію съ конторою допускается разсрочка подписной суммы.

Писма и деньги просимъ адресовать въ контору газеты въ С.-Петербургѣ.

Подписчики «Судебнаго Вѣстника» получаютъ газету безплатно въ теченіе тѣхъ сроковъ, на которые они подписались.

Примѣчаніе 2. Справочная часть судебнаго отдѣла нашей газеты будетъ содержать: а) своевременно сообщаемыя списки дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ и С.-Петербургскихъ Судебной Палатѣ, Окружномъ и Коммерческомъ судахъ, а также въ Столичномъ Създѣ Мировыхъ Судей. б) Краткія извѣщенія о состоявшихся резолюціяхъ въ кассационныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената и С.-Петербургской Судебной Палаты. в) Ежедневныя (по понедѣльникамъ) извѣщенія изъ сенатскихъ объявленій—свѣдѣнія о дѣлахъ, вносимыхъ къ суду, объявленныхъ несостоятельными должниками, и о заочныхъ рѣшеніяхъ. Кроме того, газета будетъ сообщать періодически (ва 2 или 3 мѣсяца) свѣдѣнія о важнѣйшихъ вопросахъ, рѣшаемыхъ кассационными департаментами Правительствующаго Сената. 2—1

При этомъ № прилагается для гг. иногрод. подписч. объявленіе отъ чайнаго магазина Е. Е. Киселева въ Москвѣ.
Дозволено цензурою. СПБ. 13 Мая 1877 г.

ВЫШЕЛЪ И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ № 4-й ЖУРНАЛА:

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“.

Контора въ СПб., на Невскомъ, при магазинахъ, «Русской книжной торговлѣ», д. Армянской церкви.

«Семья и Школа»—иллюстрированный журналъ общественнаго и домашняго воспитанія и обученія—выходитъ ежемѣсячно, въ годъ 22 книги, по 8 листовъ каждая, 12 книгъ—семейное чтеніе—содержатъ: повѣсти, разсказы, путешествія, игры, занятія, задачи и пр. для дѣтей и юношества до 18 лѣтъ. 10 книгъ—для родителей и воспитателей—содержатъ руководящія статьи для физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія; критику и библиографію педагогическихъ сочиненій. Обзоръ дѣятельности педагогическаго общества въ Россіи.

Въ 4-хъ вышедшихъ номерахъ помѣщены статьи: въ «Семейномъ чтеніи» (на 35 листахъ) гг. Антоновой, А. Баталина, К. Вебера, Огда Жени, А. Круглова, О. Качуловой, А. Потѣхина, А. Плещеева. Е. Соловой, Я. Старостина, А. Оболенскаго, Ю. Симашко и др.

Въ отдѣлѣ «Родителямъ и воспитателямъ» помѣщены статьи М. Антоновича, Н. Дельбюкаго, В. Жука, Ельцинскаго, Н. Малинина, С. Миропольскаго, Курцакаго, А. Ткачева и мн. др. Библиографія и задачи по математикѣ составляются постоянными сотрудниками.

Подписная цѣна на годъ—12 р. Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшіе номера, начиная съ 1-го и со вѣдѣнiи призоженіями.

Издатель К. Кравчицъ. Редакторъ Юл. Симашко.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ
КОМИТЕТА О РАНЕННЫХЪ

Главнѣйшій источникъ денежныхъ средствъ Комитета о Раненныхъ, на обязанности котораго лежитъ возможное обезпеченіе участи неумирующихъ раненыхъ воиновъ и ихъ осиротѣвшихъ семействъ, составляетъ инвалідный капиталъ и его доходы, въ составъ которыхъ поступаютъ и жертвуемая въ пользу инвалідовъ суммы.

На счетъ этихъ средствъ производится пенсія, выдаются пособія, воспитываются дѣти и призываются въ богадѣльнѣхъ инваліды. Тѣмъ или другимъ изъ этихъ видовъ призрѣнія пользуются въ настоящее время 33,000 лицъ.

Хотя средства Комитета и достаточны для выполнения производимыхъ уже расходовъ, но неизбѣжна прибыль раненныхъ, вследствие неизбѣжной войны съ Турціею, несомнѣнно увеличитъ расходы Комитета и, можетъ быть, въ такой мѣрѣ, что онъ встрѣтитъ затрудненіе въ оказаніи безогладевательной помощи подлежащимъ его покровительству раненымъ воинамъ и ихъ семействамъ.

Въ минуващую восточную войну по Комитету о Раненныхъ поступило пожертвованій, отъ частныхъ лицъ, до 600,000 рублѣй.

Въ виду такой готовности нашего общества помогать воинамъ, жертвующимъ своею кровью и жизнью за честь и безопасность отечества, Комитету о Раненныхъ надѣется, что и въ настоящее время, точно такъ-же какъ и въ Крымскую войну, Общество не откажетъ въ своемъ участіи въ обезпеченіи участи этихъ воиновъ и ихъ семействъ, и потому доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что пожертвованія въ пользу раненыхъ воиновъ и ихъ семействъ принимаются въ Комитетъ, ежедневно, не включая и праздничныхъ дней, и что такіе пожертвованія могутъ быть анонимными также во все мѣсяцы казначейства Министрства Финансовъ, которыя обязаны принимать пожертвованія и переводятъ въ распоряженіе Комитета о Раненныхъ.

Комитетъ помѣщается на Надеждинской улицѣ, въ домѣ подъ № 9, кв. 5.

ПАРОВОЙ РУЧНОЙ АППАРАТЪ

— НЕОБХОДИМЫЙ СПОСОБЪ —

для истребленія насѣкомыхъ вообще и клоповъ, во всѣхъ мѣстахъ ихъ нахождения, безъ всякихъ порошковъ, жидкостей и составовъ—дѣйствительно лишь СИЛОЮ пара. Изготовленіи и продажа разрѣшена Г. Сиб. градоначальнику. Цѣна съ пересылкою 2 руб. Косметическій и благовоинный магазинъ А. Штейнберга Невскій пр. д. Казанскаго собора № 25. 1

МАГАЗИНЪ

А. А. БЕТЦЪ.

С.-Петербургъ Гостиный дворъ Нарвннная линія № 20

ПОЛУЧИЛЪ МОДУНУ

Синелову бахрому, прошивку съ синелью, тессему кашемяръ. 1

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

БЕЗВРЕДНАЯ

Орѣховый экстрактъ въ одномъ флаконѣ новая безвредная краска краситъ каждый волосъ въ нѣсколько минутъ въ прочный черный, коричневый и свѣтлорусый цвѣтъ волосъ (blond). Цѣна съ пересылкой 3 руб.

О—ДЕ—КАПИЛЬ НЕ КРАСКА

Извѣстный своимъ удивительнымъ дѣйствіемъ возвращаетъ каждой свѣдѣи ея нерасбитый копнешіи цвѣтъ волосъ съ пересылкой 2 руб. Благовоинный магазинъ А. Штейнберга Невскій проспектъ въ домѣ Казанскаго собора № 25.

НОВАЯ КНИГА

„ПАРИ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВѢ“

соч. Жюльо, пер. съ французскаго, изд. Л. П. Никифорова. Книгопродавецъ община уступка. Главнѣйшій складъ изданія: Новый пер., типографія Ц. Ф. Демакова и во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ. 2—2

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 21

1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдастъ 23 Мая 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
все уже вышедшіе
номера „Нивы“.

ГODOVAYA ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.
„ „ съ доставкою . . . 5 „

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж.
маг. Соловьева, Лангъ и Живарева . . . 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во все города Имперіи . . . 5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Контора журнала
„Нива“ помѣщается
въ С.-П.-Бургѣ на Б.
Морской, въ д. № 9.

Генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ, князь Николай Федоровичъ Масальскій, начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи.

Генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ, князь Николай Федоровичъ Масальскій родился въ 1812 году. Воспитаніе по-лучилъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и окончилъ курсъ первымъ съ занесеніемъ фамилии на золотую доску. Выпущенъ офицеромъ въ 1829 году. Поступивъ затѣмъ въ артиллерійскую Академію и окончивъ ее въ 1832 г., былъ прикомандированъ къ С.-Петербургскому арсеналу. Въ 1836 году произведенъ въ поручики, съ назначеніемъ въ 1-ю артиллерійскую бригаду. Въ слѣдующемъ году участвовалъ въ экспедиціи на Кавказѣ и былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Въ 1839 году былъ причисленъ къ нашему посольству въ Персію и за успѣшное исполненіе порученій, по возвращеніи въ Россію, произведенъ въ капитаны, а отъ Шаха получилъ орденъ Льва и Солнца 2-й степени. Въ 1844 году произведенъ въ полковники, а въ 1849 году назначенъ командиромъ 2-й легкой артиллерійской бригады. Въ 1852 году произведенъ въ генераль-майоры и назначенъ начальникомъ 5-й артиллерійской дивизіи, затѣмъ, по разстроенному здоровью, въ продолженіе 5 лѣтъ, находился въ отставкѣ. Поступивъ снова на службу, получилъ назначеніе начальникомъ артиллеріи Варшавскаго округа. Въ 1865 году произведенъ въ генераль-лейтенанты и два года спустя назначенъ начальникомъ артиллеріи С.-Петербургскаго округа, гдѣ за свою примѣрную дѣятельность и знаніе удостоенъ милостію

Государя Императора, пожаловавшаго его своимъ генераль-адъютантомъ. При составленіи Его Высочествомъ, Главнокомандующимъ дѣйствующей арміею, своего штаба, князь Николай Федоровичъ Масальскій, какъ знатокъ своего дѣла, былъ избранъ начальникомъ всей артиллеріи дѣйствующей арміи.

Генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ, князь Николай Федоровичъ Масальскій, начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи.

Наша артиллерія въ настоящую войну уже успѣла показать себя съ блестящей стороны. Не говоря уже о фактахъ, совершившихся въ послѣднее время на берегахъ Дуная, нельзя не обратить вниманія на тѣ отзывы, которые передаются знатоками дѣла въ иностранныхъ газетахъ о замѣчательныхъ достоинствахъ русской артиллеріи. Достоинства эти, конечно, не въ одномъ численномъ богатствѣ нашей артиллеріи, въ чемъ, разумѣется, никто и никогда не могъ сомнѣваться; но главнымъ образомъ въ умѣньѣ управлять ею. Изъ всѣхъ донесеній съ обихъ театровъ нашихъ военныхъ дѣйствій видно, что наша артиллерія отличается замѣчательно мѣткою стрѣльбою. Припомнимъ здѣсь о томъ, какъ 29-го апрѣля около Браилова, большой турецкій трех-мачтовый броненосецъ взорванъ нашими выстрѣлами и мгновенно пошелъ ко дну *).

Упомянувъ объ успѣхахъ нашей артиллеріи на берегахъ Дуная, нельзя не замѣтить также и о тѣхъ отзывахъ, ка-

*) Считаемо не безынтереснымъ для читателей упомянуть о томъ, что, кромѣ награды отъ Главнокомандующаго, воинъ, такъ мѣтко направившему пушечный выстрѣлъ, послано отъ московскаго купца Голосова 1000 р. и назначено отъ одесскаго городского общества пожизненная пенсія въ 120 рублей въ годъ.

кие о ней слышатся съ турецкаго берега Чернаго моря. Такъ, на-
примѣръ, Его Высочество, Главнокомандующій Кавказской арми-
ей, поздравляя Его Императорское Величество со взятіемъ Арда-
гана, говорить, что „5 мая съ трехъ часовъ до шести вечера,
замѣчательно-мѣткою стрѣльбою нашей блистательной артил-
леріи изрыты верки, предназначенныя для штурма“. Остается

только пожелать, чтобы и во всѣхъ дальнѣйшихъ сраженіяхъ
нашихъ съ несконнымъ врагомъ христіанства наша артиллерія
также блистательно дѣйствовала, какъ дѣйствуетъ до сихъ
поръ. Само собою понятно, что при ея успѣхѣ не забудется и
имя князя Николая Ѳеодоровича Масальскаго, какъ начальни-
ка артиллеріи дѣйствующей арміи. А. Н.—авъ.

AQUIS SUBMERSUS

Новелла Теодора Шторма.

I.

Въ саду нашемъ, принадлежащемъ герцогскому зам-
ку и давнымъ давно заброшенномъ, живыя изгороди
изъ рябиновыхъ деревьевъ представляли когда-то
(еще въ пору моего дѣтства), довольно рѣденыя аллеи—
скорѣе даже воображаемыя аллеи. Но такъ какъ эти
деревья весною покрывались листьями, не особенно, од-
нако, густо, то мы, мѣстные обыватели, неизбалован-
ные роскошною зеленью, умѣли цѣнить и такія мѣста
прогулки. Очувившись въ жиденькой тѣни, мы обыкно-
венно отправлялись къ такъ называемой „горѣ“, что
повыше высохаго пруда, бывшаго рыбнаго питомни-
ка, и намъ ничто не мѣшало любоваться открываю-
щейся оттуда большой панорамой.

Изъ гуляющихъ многіе, быть можетъ, обращаютъ
взгляды свои на западъ, чтобы насладиться видомъ яр-
кой зелени низменностей и серебристою полоскою моря
вдали, на которой трепещетъ тѣнь отъ продолговатаго
острова; что-же касается меня, то мои глаза глядятъ на
сѣверъ: тамъ, на разстояніи мили отсюда, стоитъ цер-
ковь, и я вижу сѣрую остроконечную башнюея среди
болѣе высокой, но пустынной прибрежной страны... Я
гляжу туда, потому-что тамъ протекала часть моей юности.

Сынъ пастора той деревни посѣщалъ мѣстѣ со мною
„велемудрую школу“ моего роднаго города. И счету
нѣтъ, сколько разъ, по субботамъ, послѣ обѣда, отпра-
влялся я самъ-другъ съ товарищемъ моимъ къ пастор-
скому жилищу, чтобы въ воскресенье вечеромъ, или
раннимъ утромъ въ понедѣльникъ, бѣжать въ городъ и
снова вернуться къ нашему Непоту, а позднѣе—къ
Цицерону. Въ тѣ времена, на половинѣ дороги между
городомъ и деревней, былъ порядочный пустырь, изряд-
ное степное пространство, которое когда-то занимало все
мѣсто между означенными обитаемыми пунктами. Хоро-
шо было на этомъ пустырь! Надъ цвѣтами душистаго
вереска, жужжа, крутились пчелы и шмели, а между су-
хими стеблями шныряли великолѣпныя золотисто-зеле-
ныя жужелицы; тутъ-же порхали бабочки, водившіяся
только въ этомъ мѣстѣ. Пріятелю моему, нетерпѣливо
стремившемуся къ родительскомъ дому, частенько при-
ходилось отрывать меня отъ всѣхъ этихъ прелестей, и
онъ почти насильно увлекая съ собою товарища-меч-
тателя. Добравшись до нивы, мы уже быстро подвига-
лись впередъ по длинной-песчаной дорогѣ; отсюда
намъ была видна за изгородью изъ темной зелени ку-
стовъ сирени верхушка пасторскаго домика, а вотъ и
окошечки кабинета пастора, такія маленькія, подслѣ-
поватія, но привѣтливо поглядывавшія на приближаю-
щихся желанныхъ гостей.

Пріятель мой, одноклассникъ, былъ единственнымъ
сыномъ пастора. Хорошо намъ было тамъ, просто—на-
стоящее раздолье, а ужъ лица такая была чудесная,
что лучшей и не желалось. Только вотъ серебрястый
тополь былъ для насъ, подобно древу познанія добра
и зла—райской яблонѣ, — *запретнымъ плодомъ*; тополь
этотъ, единственное высокое и слѣдовательно соблазни-
тельное для насъ дерево во всей деревнѣ, осыпалъ
своими шумливыми вѣтвями поросшую мхомъ соло-
менную крышу пасторскаго домика. Взбираться на
этотъ „запретный плодъ“ мы могли только тайкомъ.
Во всемъ остальномъ, сколько мнѣ помнится, мы поль-
зовались свободой, соответствующей нашему возрасту.

Главною, такъ сказать, ареною нашихъ подвиговъ
было большое „пасторское. пустопорожнее мѣсто“, а
туда можно было попасть черезъ небольшую калитку
въ садовомъ заборѣ. Тамъ-то, съ прирожденнымъ
мальчикамъ чутьемъ, отыскивали мы гнѣзда жаворонковъ
и сѣрыхъ подорожниковъ, которыя потомъ частенько и
навѣщали съ цѣлью взглянуть, насколько въ этихъ гнѣз-
дахъ дѣло идетъ на ладъ или насколько развились
птенички въ двухъ-часовой промежутокъ времени. Тутъ-
же, въ глубокой ямѣ съ водою (какъ кажется мнѣ
теперь, не менѣе *запретной* по опасности), плотно об-
саженной старыми и новыми пнями, ловили мы прогор-
ныхъ черныхъ жучковъ, которыхъ называли „водяными
французами“, или спускали на воду построенную на
собственной верфи военную флотилію. Корпуса судовъ
состояли изъ скорлупокъ грецкихъ орѣховъ, крышекъ
отъ деревянныхъ ящиковъ и коробокъ. Подъ-конецъ
лѣта намъ случилось предпринимать грабительскій по-
бѣгъ на садъ кистера, находившійся противъ пастора,
по другую сторону ямы съ водою. Мы отправлялись ту-
да, чтобы взять свою десятину съ двухъ кривыхъ яблонь,
за что, конечно, случалось иногда выслушивать „дру-
жескія“ угрозы отъ добродушнаго старичка кистера.

И такъ, вотъ сколько дѣтскихъ радостей было на
этомъ пасторскомъ пустырь!

Все это какъ-то невольно воскрешаетъ въ моей памяти.

Однако, такіе предметы развлеченій занимали насъ
мимолетно, больше мимоходомъ; нѣчто другое возбуждало
наше живѣйшее любопытство; этому „нѣчто“ мы не нахо-
дили ничего подобнаго даже въ городѣ. Насъ интересовали
трубчатая постройка ось, мы любили въ полуденный часъ
наблюдать надъ жизнью этихъ хлопотливыхъ насѣкомыхъ,
но, разумеется, не это занимало насъ, а болѣе крупное
явленіе, тоже постройка, но иного рода: я говорю о ста-
рой и необыкновенно красивой деревенской церкви. Эта
церковь, вся какъ есть до гонтовой крыши высокой баш-
ни, была сложена изъ гранитныхъ плитъ. Стояла она
на самомъ высокомъ мѣстѣ въ деревнѣ. Внутренность
храма представлялась мнѣ наиболѣе привлекательною,
такъ что даже громаднй ключъ, который, казалось,
принадлежалъ нѣкогда самому апостолу Петру, сильно
дѣйствовалъ на мое воображеніе. Если намъ удавалось
раздобыть этотъ ключъ у старика кистера, то предъ
нами открывались врата въ міръ чудесный... Да, много
было тамъ необыкновенныхъ вещей,—свидѣтелей собы-
тій временъ давно минувшихъ, которыя глядѣли на
насъ и мрачно, и дѣтски—невинно и уже всегда та-
инственно, безмолвно. Какъ теперь вижу висѣвшее на
видномъ мѣстѣ распятіе, вижу худощавое тѣло и изне-
моженное лице Спасителя, по которому струится кровь...
Рядомъ съ этимъ изображеніемъ, нагонявшимъ на насъ
ужасъ, помѣщалась у стѣннаго столба, точно пріютив-
шеяся гнѣздо, рѣзная каедрка коричневаго цвѣта; изъ
гирляндъ и различныхъ фестоновъ, украшавшихъ ее,
выглядывали звѣриныя морды и бѣсовскія хари. Осо-
бенно нравился мнѣ большой рѣзной иконостасъ, на
которомъ живописно изображена была въ лицахъ исто-
рія страданій Христа. Лица воиновъ въ золотыхъ ла-
тахъ были такъ странны и дики, что ничего подобна-
го въ дѣйствительности намъ и не приходилось видѣть.
Но зато какой пріятный контрастъ съ этими лицами
представлялъ прелестный, кроткій ликъ колѣнопрекло-

ненной у креста Маріи!.. Этотъ образъ навѣрно всецѣло овладѣлъ-бы мной, если-бы *другой* не тянулъ меня къ себѣ неудержимо, имѣя для меня всю прелесть таинственности...

Да, среди этихъ удивительныхъ, а иногда и страшныхъ предметовъ, въ средней части церкви висѣло изображеніе невиннаго мертваго ребенка, прекраснаго мальчика лѣтъ пяти. Онъ покоился на кружевной подушкѣ, держа въ маленькой блѣдной ручкѣ бѣлую водяную лилію. На нѣжномъ личикѣ, уже запечатлѣнномъ рукою смерти, еще замѣтны были слѣды только что отлетѣвшей юной жизни... И какое-же невыразимое чувство состраданія овладѣвало мною, когда я бывало стоялъ передъ этой картиной!..

Но она не одна тутъ: возлѣ нея изъ темной деревянной рамы глядѣлъ мрачный, чернобородый мущина въ пасторскомъ костюмѣ. Другъ мой сказалъ мнѣ, что это портретъ отца того прекраснаго мальчика, а мальчикъ, какъ гласитъ преданіе, погибъ въ той самой ямѣ съ водой, что посреди пасторскаго пустыря. На рамкѣ портрета былъ начертанъ годъ 1666-й—значить, это давняя исторія. Что-то постоянно тянуло меня къ этимъ двумъ портретамъ; мною овладѣвало непреодолимое, сумасбродное желаніе—разузнать что-нибудь о жизни этого ребенка, собрать хоть какія-нибудь свѣдѣнія относительно этой исторіи. Я даже пытался прочесть нѣчто на суровомъ мрачномъ лицѣ чернобородаго мущины, который, не смотря на пасторскій свой костюмъ, напоминалъ мнѣ вообще римскихъ воиновъ, изображенныхъ на иконостасѣ.

Послѣ такихъ экскурсій и размышленій въ полумракѣ старой церкви, домъ добраго пастора представлялся намъ какъ-то еще уютнѣе, гостепріимнѣе. И этотъ домъ, правда, былъ уже очень почтенный, старый домъ; хозяинъ все надѣялся, что ему выстроятъ новое жилище, но такъ какъ и домикъ кистера страдалъ тѣми-же старческими недугами, то все такъ и оставалось, и къ постройкѣ не приступали.

И все-таки, не смотря на древность жилья, какими уютными казались комнаты въ этомъ старомъ домѣ! Зимой засѣдали обыкновенно въ небольшомъ покойничкѣ, что направо изъ передней, а лѣтомъ—въ просторной горницѣ—налѣво изъ сѣней. Выбѣленные стѣны этой комнаты были увѣшаны картинками (изъ реформатскаго альманаха) въ рамкахъ изъ краснаго дерева; изъ окна, обращеннаго на западъ, видна была вдали вѣтряная мельница, да обширное небесное пространство, которое по вечерамъ заливалось розовато-краснымъ огнемъ заходящаго солнца, отчего вся комната представлялась алой.

Добряки—пасторъ и пасторша, кресла съ красными плюшевыми подушками, старый глубокій диванъ, бойко шумящій чайникъ на столѣ за ужиномъ—все это было дѣйствительность, и такая ясная, радостно-тихая. Ничто не возмущало покой души; только разъ какъ-то вечеромъ (въ то время мы были уже во второмъ классѣ) задумался я надъ вопросомъ: какое именно прошлое связано съ этимъ домомъ и этими комнатами? Можетъ быть, тутъ когда-то прыгалъ, рѣзвился цвѣтушій мальчуганъ,—тотъ самый, портретъ котораго, какъ печальный памятникъ, хранится въ мрачномъ храмѣ?..

На такое раздумье навело меня слѣдующее обстоятельство: въ этотъ самый день, въ послѣобѣденное время, намъ снова удалось (по моей инициативѣ) забраться въ церковь, и я, оставившись предъ картиной, впервые замѣтилъ на темномъ полотнѣ, внизу у рамы, четыре буквы, написанныя красною краской.

— Буквы эти, сказалъ я пастору, вотъ какія: С. Р. А. S., но мы не можемъ разгадать, что именно онѣ значать?—

— Да, эта надпись начальными буквами словъ мнѣ хорошо знакома,—замѣтилъ пасторъ и прибавилъ:—если

вспомнить то преданіе, которое ходитъ о судьбѣ этого мальчика, то, пожалуй, послѣднія двѣ буквы могутъ быть отъ словъ „Aquis submersus“, что въ переводѣ значить *утонувшій* или буквально—*въ воду утнувшій*; что касается первыхъ С. Р., то до сихъ поръ еще не объяснено, какія это слова. Молодой адъюнктъ нашего кистера, побывавшій въ четвертомъ классѣ, хотя и полагаетъ, что эти буквы отъ словъ „Casu periculoso“ (*по причинѣ опаснаго случая*), но старики того времени, вѣроятно, логичнѣе мыслили: если мальчикъ утонулъ—значить случай былъ болѣе чѣмъ опасный.

Внимательно выслушавъ пастора и повторивъ слово „casu“, я сказалъ потомъ: а вѣдь первое слово можетъ быть „culpa“?

— Culpa? Переспросилъ пасторъ:—то есть „по винѣ“? Но по чьей винѣ?

Мрачный образъ стараго священника предсталъ передо мною и, недолго думая, я брякнулъ:

— А почему бы и не „Culpa patris“?..

Добрякъ-пасторъ почти испугался и, погрозивъ мнѣ пальцемъ, проговорилъ:

— Э—ге, мой юный другъ! Такъ *по винѣ отца*? Положимъ, фізіономія моего покойнаго собрата по службѣ сурова и мрачна, но, не смотря на это, мы не станемъ возводить на него такое обвиненіе... Да едва ли онъ позволилъ бы написать про себя такую штуку.

Этотъ послѣдній доводъ былъ для моей юной головы достаточно убѣдительнымъ. Такимъ образомъ, настоящій смыслъ надписи, состоявшей изъ четырехъ красныхъ буквъ, такъ и остался для насъ тайной прошлаго.

Что касается исполненія этихъ двухъ портретовъ, то въ то время я и самъ понималъ и хорошо видѣлъ, что по живописи эти двѣ картины существенно отличались отъ другихъ древнихъ портретовъ пасторовъ, висѣвшихъ тутъ-же въ церкви... Самъ пасторъ сообщилъ мнѣ, что знатоки живописнаго искусства признавали въ художникѣ, нарисовавшемъ эти два портрета, талантливаго ученика старо-голландскихъ мастеровъ.

Но какими судьбами такой живописецъ попалъ въ бѣдную деревеньку? Откуда онъ пришелъ и какъ имя его?.. На эти вопросы и самъ пасторъ не могъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ.

На портретахъ нигдѣ не было выставлено имя художника.

А годы шли. Я и товарищъ мой были уже въ университетѣ, когда умеръ добрякъ-пасторъ. Вдова пасторша впослѣдствіи переѣхала на житѣ къ сыну, получившему, по окончаніи курса, мѣсто пастора въ одномъ городкѣ. И такъ, мнѣ, значить, незачѣмъ было ходить въ ту деревеньку, гдѣ я провелъ когда-то столько свѣтлыхъ, веселыхъ дней. Жилъ я въ то время въ родномъ моемъ городѣ, и вотъ однажды пришлось мнѣ искать помѣщенія для одного мальчика, приходившагося мнѣ родственникомъ. Припоминая кое-что изъ собственнаго своего дѣтства, бродилъ я по городскимъ улицамъ (время было послѣобѣденное, а день выдался такой ясный), поглядывая на дома; вдругъ въ глаза мнѣ бросилась надпись надъ дверью стараго дома съ фронтономъ (домъ былъ на рыночной площади); надпись эта на ниже-нѣмецкомъ нарѣчій гласила слѣдующее:

„Подобно исчезновенію дыма и пыли
Исчезаютъ и сыны человѣческіе“.

Вѣроятно, слова эти какъ-то ускользали отъ моихъ юношескихъ глазъ, потому что прежде я какъ-то не замѣчалъ этой надписи, хотя во время школьной жизни частенько-таки забѣгалъ къ жившему тутъ булочнику, чтобы купить теплую сдобную булку.

Почти неволью вошелъ я въ этотъ домъ, и дѣйствительно, здѣсь нашлось помѣщеніе для моего юнаго родственника.

— Отъ покойной тетушки достался намъ этотъ домъ и булочное заведеніе, — сказалъ мнѣ добрякъ-булочникъ, привѣтливо улыбаясь, — комната покойницы стоитъ съ тѣхъ поръ пустою, и намъ давно было желательно имѣть молодого постояльца.

Поднялись мы по лѣстницѣ и вступили въ довольно

го человѣка, портретъ написанный мастерски: художникъ положилъ на колѣни этому господину мертвенно-блѣднаго мальчика, и въ маленькой, свѣсившейся ручкѣ этого ребенка была бѣлая водяная лилія.

Да, этотъ мальчикъ былъ мнѣ давно знакомъ!

— Откуда у васъ этотъ портретъ? обратился я на-

ВОЙНА ВЪ ТУРЦІИ.

Донцы въ походѣ.

Переобувка на скорую руку.

низкую, по старинному убранныю горницу, имѣющую пару оконъ съ маленькими стеклами. Окна эти выходили на рыночную площадь.

— Тутъ вотъ прежде, передъ воротами-то, стояли двѣ старыя липы, — рассказывалъ хозяинъ, — но я велѣлъ срубить ихъ, потому, изволите видѣть, что онѣ очень ужъ омрачали домъ, ну и виду изъ оконъ никакого не было.

Относительно найма этой комнатки мы скоро поладили, и въ то время, когда у насъ шли переговоры относительно убранства этого покойчика, я осматривалъ комнату. Глаза мои невольно остановились на картинѣ, писанной масляными красками; висѣла она около шка-

конецъ къ хозяину, замѣтивъ, что и онъ умолкъ.

Булочникъ удивленно посмотрѣлъ на меня.

— Эта-то старая картина? Да она осталась послѣ нашей тетки, а прежде принадлежала дядѣ отца ея: живописецъ онъ былъ и проживалъ тутъ лѣтъ сто тому назадъ, а пожалуй и больше. Да тутъ есть еще кой-какія вещи его...

И онъ указалъ на небольшой ящикъ изъ дубоваго дерева, съ красивыми инкрустаціями въ родѣ разныхъ геометрическихъ фигуръ, стоявшій на шкафу.

Досталъ я этотъ ящикъ, но при этомъ крышка слетѣла съ него, и я увидѣлъ въ немъ сильно пожелтѣвшіе листы бумаги, исписанные стариннымъ почеркомъ.

ВОЙНА ВЪ ТУРЦІИ.

Бивуакъ кубанцевъ близъ Галаца.

фа, отъ котораго на нее падала довольно густая тѣнь. Картина эта, хорошо сохранившаяся, изображала пожилого человѣка въ темной одеждѣ, какую носили въ половинѣ XVII вѣка тѣ изъ дворянъ, которые занимались преимущественно государственными дѣлами и науками, а не военнымъ дѣломъ. Лицо у этого господина было серьезное, глаза добрые, кроткіе... Я былъ взволнованъ, но не потому, что увидѣлъ портретъ пожило-

— А могу я прочесть это?

— Если это доставитъ вамъ удовольствіе, — отвѣтилъ булочникъ, — то можете взять и ящикъ, и бумаги эти домой. Ужъ больно стары бумаженки-то, должно быть теперъ и гроша не стоятъ.

— Позвольте ужъ мнѣ прочесть ихъ здѣсь...

— О, если угодно! Садитесь... читайте!

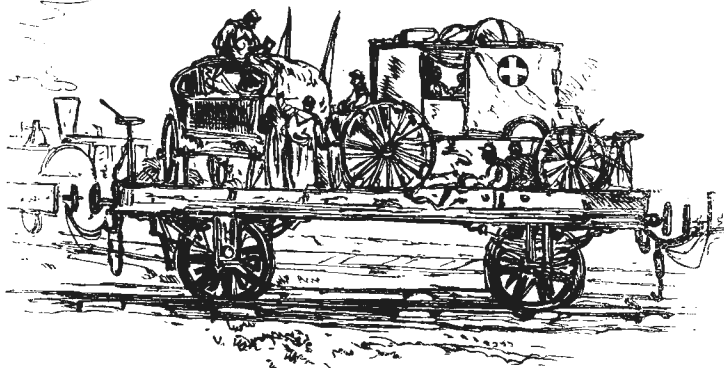
Я усѣлся въ громадное кресло, какъ разъ напротивъ

картины, а булочникъ, слегка вытаращивъ глаза, вышелъ, сказавъ, что жена его не замедлитъ угостить меня чашечкой хорошаго кофе.

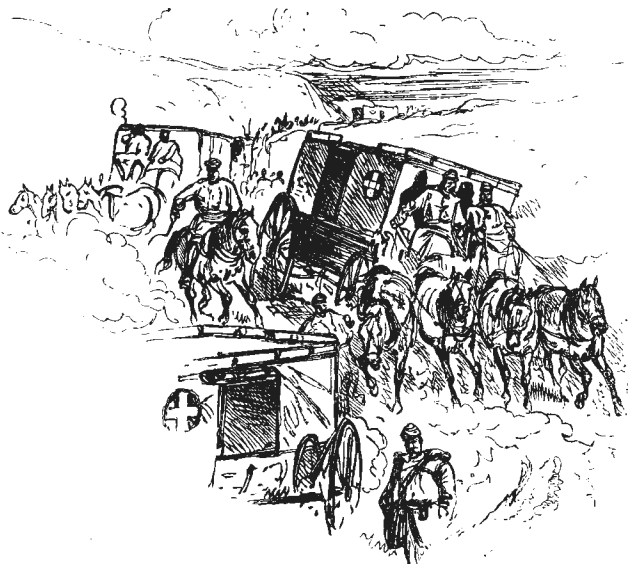
Развернувъ рукопись, я принялся за чтеніе. Въ ней было написано слѣдующее.

Пѣніе звонкое дроздовъ отзывъ имѣло въ сердцѣ моемъ. Благодаря заказамъ, каковыя доставлялъ мнѣ въ послѣдній годъ бытности моею въ Амстердамѣ дорогой мой наставникъ и учитель Гельстъ, нынѣ избавленъ былъ я отъ заботъ всякихъ. Изрядная сумма денегъ да вексель на Гамбургъ въ карманѣ лежали моемъ,

ВОЙНА ВЪ ТУРЦИИ.

Платформа обознаго поѣзда.

Лазаретныя нареты.

„...И такъ, былъ я опять на родинѣ, въ Голштиніи моею, и то было по Пасхѣ въ четвертое воскресенье, 1661 года. Все потребное для живописнаго искусства,

опричь всего и одежда на мнѣ была знатная. Падали волосы мои на плащъ, имѣющій вышукъ изъ мѣха бѣличьяго, а шнага лютихская сбоку у меня висѣла.

ВОЙНА ВЪ ТУРЦИИ.

Форсированный переходъ кавалеріи и конной артиллеріи.

а равно и прочій скарбъ мой оставилъ я въ городѣ, самъ же, съ веселіемъ въ сердцѣ, на пути черезъ лѣсъ буковыхъ деревьевъ, въ майскомъ убранствѣ красовавшихся, пошелъ впередъ. Птицы лѣсныя, передо мною летая, водою жажду свою утоляли, находя влагу, въ колеяхъ отъ дождя собравшуюся, ибо былъ дождь въ ночи и даже на зарѣ. Солнце на малой высотѣ еще было.

Мысли мои впередъ устремлялись и зрѣлъ уже я герръ Гергардуса, моего благороднаго, всемилостивѣйшаго покровителя, какъ-бы стоящаго въ дверяхъ своей горницы, протягивающаго руки мнѣ и привѣтствующаго меня ласково: „Да благословитъ Господь прибытіе твое, мой Іоаннъ!“

Въ то время Гергардусъ, вмѣстѣ съ любезнымъ отцомъ моимъ—увы, рано въ вѣчность отозваннымъ,—

изучалъ въ Иенѣ права, да и послѣ того усердно продолжалъ заниматься искусствами и науками. Былъ онъ умнымъ и всегда готовымъ совѣтникомъ высокоблагороднаго въ Бозѣ почившаго герцога Фридриха, а особенно тогда, когда герцога въ мысляхъ имѣлъ устроити на землѣ своей университетъ. Но привести во исполнение благое намѣреніе помѣшала ему возгорѣвшая война. Знатный дворянинъ былъ герръ Гергардусъ, однако-же эта знатность не мало не препятствовала ему вести дружбу съ отцомъ моимъ, и пребывалъ онъ вѣренъ ему, и когда отецъ мой отошелъ въ вѣчность—онъ во мнѣ, сиротѣ, принялъ теплое участіе и не только скудныя средства мои поправилъ, но и устроилъ такъ, пользуясь связями своими съ голландскимъ дворянствомъ, что дорогой учитель мой Гельстъ принялъ меня въ число своихъ учениковъ.

Мнилъ я, что почтенный старецъ пребываетъ здоровъ и невредимъ въ помѣстьѣ своемъ и не зналъ, какъ излить благодарность передъ Всевышнимъ, ибо въ ту пору, когда я на чужбинѣ упражнялся въ живописи, родина моя страдала отъ всѣхъ ужасовъ войны. Воинство, шедшее королю на помощь противу грознаго шведа, опустошало страну и неистовствовало сугубѣе самого супостата; нѣкоторые изъ служителей Божіихъ умерли лютою смертію въ то время. Кончина внезапная короля шведскаго положила, конецъ войнѣ, миръ былъ заключенъ, но повсюду еще были страшныя слѣды погрома: кое-гдѣ, на мѣстѣ жилищъ крестьянскихъ, пепель лежалъ, а на поляхъ, зеленѣвшихъ прежде рожью, теперь росли одни плевелы.

Все это, однакоже, не весьма печалило и смущало меня. Въ то время было въ сердцѣ моемъ одно желаніе крѣпкое, успѣхами своими въ живописномъ искусствѣ довазать, что благородный покровитель мой расточалъ благодѣянія свои человѣку, достойному ихъ. И не было также въ душѣ моей страха относительно встрѣчи съ лихимъ человѣкомъ, хотя послѣ войны много вездѣ бродило злоумышленниковъ... Нѣчто иное смущало духъ мой—мысль о дворяничѣхъ молодомъ, Вульфѣ. Никогда не любилъ онъ меня и того мало—благодѣянія, оказываемыя мнѣ благороднымъ отцомъ его, считалъ кражею относительно себя. И когда, послѣ кончины дорогого моего батюшки, проводилъ я каникулы въ домѣ герръ Гергардуса, многократно юный барченкокъ лучшіе дни мои отравлялъ. Сдѣлать со мною что-либо мерзостное—для него превеликимъ удовольствіемъ было. Дома-ли онъ нынѣ или въ отсутствіи—я не вѣдалъ, но слышалъ, что еще до заключенія мира игралъ онъ и бражничалъ съ офицерами шведскими, а это съ строгими понятіями голштинцевъ о патриотизмѣ не согласовалось.

Размышляя такъ, вышелъ я изъ буковаго лѣса, и пошелъ по прямой тропинкѣ черезъ еловый лѣсокъ, находящійся въ сосѣдствѣ съ помѣстьемъ благодѣтеля моего.

Сладкія воспоминанія воскрешалъ во мнѣ ядреный запахъ смолы... Но вотъ и конецъ тѣни древесной, и вижу я дуга, съ двухъ сторонъ орѣшникомъ окаймленные. Еще нѣсколько минутъ—и шагаль я по аллеѣ громадныхъ дубовъ, каковыя вели къ замку патрона моего.

Самъ не вѣдаю, почему предчувствіе тревожное душу мою охватило. И мнилось мнѣ тогда, что тревога безпричинна, ибо кругомъ все ликовало, будучи яркими солнечными лучами залито. А вонъ тамъ, на выгонѣ, гдѣ пчельникъ дворецкаго былъ, старое грушевое дерево стояло еще, трепеща молодыми листочками своими въ лазоревомъ воздухѣ.

Привѣтствую тебя! тихонько прошепталъ я, причемъ однако же не столько о деревѣ помышлялъ, сколько о чудномъ созданіи Божіемъ, въ коемъ, какъ тому было случиться суждено, сосредоточилось впоследствии все—и счастье, и горестъ моя, а равно и раскаяніе жгучее,

терзавшее меня до доски гробовой... То была дочь благороднаго герръ Гергардуса, сестра дворяничка Вульфа.

Когда, по кончинѣ отца, я впервые проводилъ здѣсь каникулярное время, то ей было девять лѣтъ, а я на два года былъ старше ея.

Старикъ дворецкій, Дитрихъ, жившій во флигелькѣ, что у воротъ, смастерилъ мнѣ тогда изъ ясени лукъ и стрѣлки. И вотъ однажды утромъ вышелъ я (комната моя была рядомъ съ жилищемъ Дитриха) на охоту за птицами хищными, водившимися около господскаго замка во множествѣ. А тутъ она ко мнѣ и подбѣжала и промолвила:

— Послушай, Іоаннъ, покажу я тебѣ гнѣздышко; оно тамъ, въ дуплѣ грушеваго дерева... Но это гнѣздышко гилей, и умерщвлять ихъ ты не долженъ.

Сказавъ это, впередъ она поскакала, но внезапно остановилась и закричала, въ отчаяніи ручками махая: „Сова! Сова!“

Увидѣлъ я сидящую надъ дупломъ птицу большую: то была сова, караулившая птенчиковъ.

— Сова! Сова! снова закричала малютка. Стрѣлай, Іоаннъ! Стрѣлай!..

Натянувъ мой лукъ ясеневый, стрѣльнулъ я въ сову, и хищникъ перватый на землю, трепеща, повалился, а изъ дупла птичка вылетѣла и высоко вознеслась съ чириканьемъ радостнымъ и веселымъ.

Съ того самаго утра были мы (Катерина юная и я) добрыми товарищами. Въ лѣсу-ли, въ саду, въ горницѣ—словомъ, гдѣ Катерина была, тамъ былъ и я. Но именно вслѣдствіе этого обстоятельства врага себѣ я нажилъ, и тѣмъ врагомъ моимъ оказался Куртъ фонъ-деръ-Ришъ. Былъ онъ сынъ одного богатаго господина, обладавшаго замкомъ невдалекѣ отъ помѣстья благодѣтеля моего. Этому Куртъ въ гости къ намъ часто жаловалъ въ сопровожденіи своего надзирателя ученаго, съ которымъ герръ Гергардусъ весьма любилъ бесѣдовать, а такъ какъ названный юноша былъ моложе Вульфа, то ему со мною и Катериною приходилось баловаться... Курту, повидимому, нравилась темноволосая дочурка герръ Гергардуса, однако же тщетны были всѣ ухаживанія его; Катерина надъ нимъ смѣялась: его горбоватый, птичій носъ, волосья всклокоченные и примѣчательно круглообразныя очи (признаки, отличительныя всей фамиліи его) возбуждали въ ней смѣшливость. И случалось, какъ только издали она его примѣтитъ, шейку вытянетъ и закричитъ: „Іоаннъ! Сова—сова приближается!“... И тогда мы либо въ амбаръ хоронились, либо, подобно стрѣлѣ, въ лѣсъ летѣли. Естественно, что нерѣдко дѣло до потасовокъ у насъ доходило, взаимно въ волосья мы вцѣплялись, а такъ какъ Куртъ наиболѣе горячностью, чѣмъ силою обладалъ, то побѣда была всего чаще на моей сторонѣ.

Въ то время, когда я передъ отбытіемъ моимъ на чужбину, пріѣхалъ проститься съ герръ Гергардусомъ и прогостилъ тутъ нѣсколько дней, Катерина была уже почти взрослою дѣвицею. Волосы каштановыя ея въ золотую сѣтку подобраны были; а когда Катерина устремляла прямо взглядъ свой, то въ глазахъ ея свѣтился задорный огонекъ, что въ немалое смущеніе меня приводило. Для надзора за молодой дѣвицею нѣкая престарѣлая дѣва была приглашена, и въ домѣ звали ее „тетушкой Урсолой“. Эта тетушка Урсула ни на минуту Катерины не покидала, всюду таскалась за ней съ длиннѣйшимъ вязаньемъ въ рукахъ.

Однажды, послѣ обѣда, (былъ уже октябрь) прогуливался я въ тѣни садовыхъ изгородей въ компаніи съ Катериною и ея надзирательницею и, гуляя, неожиданно примѣтилъ, что къ намъ на встрѣчу шелъ высокій господинъ. Онъ былъ одѣтъ по послѣдней модѣ: въ кожаной курткѣ, обшитой кружевомъ, въ шляпѣ съ перомъ. То былъ дворяничекъ Куртъ, старый пріятель мой. Сію-же минуту замѣтилъ я, что онъ все еще за

прелестной сосѣдкою ухаживаетъ, а равно отъ взгляда моего не укрылось, что это ухаживаніе тетускѣ Урсулѣ нравилось... Ну, естественно—вѣдь ухаживатель былъ „герръ баронъ“! и съ нимъ эта престарѣлая дѣва смѣялась обходительно, причѣмъ голосъ ея издавалъ пискъ отвратительный, а носъ непомѣрно высоко задирался; ко мнѣ-же, она относилась въ третьемъ лицѣ—*онъ*, или просто меня называла по имени—„Иоаннъ“... И тутъ Куртъ круглые глаза свои прищуривалъ, точно сверху внизъ на меня смотреть, хотя я на пол-головы выше его былъ.

Я на Катерину взглянулъ, но она вниманія на меня никакого не обращала и благочинно рядомъ съ барчукомъ шла, бесѣдуя съ нимъ вѣжливо. На устахъ ея алыхъ безпрестанно насмѣшливая, гордая улыбка мелькала, такъ что подумалось мнѣ: плохо дѣло! Мужайся, Иоаннъ! Барскій сынъ имѣеть здѣсь предъ тобой преимущество...

На злость имъ шаги замедлилъ я и всѣхъ трехъ впередъ пропустилъ, а когда они въ домъ вошли—я пристановился у клумбъ цвѣточныхъ, размышляя какъ-бы мнѣ теперь, подобно временамъ дѣтства, вѣцпиться въ волосья фонъ-дѣръ-Риша...

Катерина, внезапно выбѣжавъ ко мнѣ, астру сорвала, причѣмъ шопотомъ промолвила:

— Извѣстна-ли тебѣ, Иоаннъ, новость? Ночная-то сова сходство съ молодымъ орломъ имѣеть... Тетушка Урсула такъ говоритъ...

И съ этими словами убѣжала она и исчезла прежде нежели успѣлъ я опомниться, но раздражительность и гнѣвъ моментально у меня исчезли. Какое дѣло мнѣ до герръ барона? Зычно и весело тутъ я разсмѣялся, ибо примѣтилъ, что когда Катерина слова эти вызывательныя произнесла—глаза ея снова какъ-то особенно заблестали, и блескъ этотъ впервые проникъ въ глубь сердца моего.

Вскорѣ послѣ этого въ комнату къ герръ Гергардусу меня кликнули. Онъ карту путеводную взялъ и снова маршрутъ далекаго путешествія моего въ Амстердамъ мнѣ указалъ, письма къ друзьямъ своимъ вручилъ и засимъ, въ качествѣ бывшаго друга покойнаго батюшки моего, долго еще со мною бесѣдовалъ.

Сего-же дня вечеромъ въ городъ надлежало мнѣ отправиться, откуда нѣкій Бюргеръ согласился взять меня съ собою и довести до Гамбурга

По наступленіи вечера я началъ прощаться.

Въ горницѣ нижняго этажа Катерина за пальцами сидѣла. При видѣ ея греческая Елена вспомнилась мнѣ, которой изображеніе недавно на гравюрѣ я встрѣтилъ, и какъ прелестна мнѣ показалась молодая шея этой дѣвицы, надъ работой наклонившейся! Однако-же Катерина не одна была: противъ нея тетуска Урсула помѣщалась, читая что-то вслухъ. И когда я къ нимъ приблизился Урсула промолвила:—ну, Иоаннъ простить-

ся со мною хочеть! Онъ можетъ поклонъ отдать теперъ-же и фрейлейнъ.

Катерина встала и уже руку протянула мнѣ, но въ этотъ моментъ Вульфъ и Куртъ шумливо въ горницу ввалились, а потому она только и сказала:—Прощай, Иоаннъ!

Съ тѣмъ я и удалился.

Придя во флигель, руку старому Дитриху пожалъ я. Старикъ для меня посохъ и ранецъ уже приготовилъ и засимъ отправился я вдаль аллеи дубовой къ тропинкѣ лѣсной.

Шелъ я, но мнѣ все чудилось, что удалиться я еще не долженъ, что прощаніе мнѣ еще предстоитъ, а потому останавливался и назадъ оглядывался часто. Прямою дорогою, чрезъ ельникъ, не пошелъ я, свернувъ—и самъ не вѣдая почему—на проѣзжую дорогу. Уже верхушки деревь зарею вечернею золотились, и торопиться мнѣ надлежало, иначе ночь меня бы на пути застигла.

— Прощай, Катерина! Прощай! прошепталъ я и впередъ бодро зашагалъ.

Въ томъ пунктѣ, гдѣ прямая тропинка въ проѣзжую дорогу упиралась, изъ тѣни густой древесъ еловыхъ внезапно Катерина какъ бы вынырнула... Отъ наплыва бурливой, неудержимой радости перестало биться мое сердце!..

Щеки ея отъ быстрого бѣга пламенѣли, а изъ-подъ сѣтки золотой выбились роскошные, шелку подобные, каштановые волосы. Въ объятія свои заключилъ я ее. Дыханіе съ трудомъ переводя, Катерина блестящими очами на меня смотрѣла.

— Я... я отъ нихъ убѣжала! прошептала она наконецъ и, сунувъ свертокъ въ руку мнѣ, шопотомъ присовокудила: это тебѣ отъ меня, Иоаннъ, и не долженъ ты подарка этого презирать!

Но затуманилось внезапно ея личико, она что-то сказать хотѣла, но слезы ей мѣшали и она поспѣшно изъ рукъ моихъ вырвалась... Видѣлъ я, какъ вдоль темной лѣсной тропинки одежда ея мелькала, наконецъ сокрылась Катерина, и слышалъ я только слабый трескъ вѣтвей вдали... Увы, остался я одинъ! Тишина кругомъ и казалось паденіе листьевъ можно было слышать...

Свертокъ развернувъ, увидѣлъ я въ немъ золотую монету, подаренную Катеринѣ ея крестнымъ отцомъ. Когда-то она эту монету мнѣ показывала часто... Съ монетою и записочка: „Да предохранить тебя это отъ нужды“.

— О, прощай, Катерина! Прощай! стократно прокричалъ я, къ безмолвному лѣсу обращаясь. Въ городъ пришелъ я уже ночью.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Колокольчикъ звонкій льется
Подъ ямщицкою дугой,
Отголосокъ въ даль несется
По равнинѣ луговой.

То проглянетъ, то потонетъ
Мѣсяцъ ясный въ облака;
Колокольчикъ плачетъ, стонетъ
Подъ налѣвы ямщика.

Словно птица мчится тройка
По долинамъ и холмамъ,
Темный лѣсъ мелькаетъ только
Да столбы по сторонамъ.

Спать сѣдокъ?—иль, молчаливый,
Въ думу крѣпко погруженъ—
О порѣ былой, счастливой,
О семьѣ въ краю родномъ?

Или тяжкая истома
Пала на душу его:

Всѣхъ ли онъ застанетъ дома,
Иль прибралъ Господь кого?

Богъ вѣсть!—Тройка пролетѣла,
Въ мракѣ нѣсна замерла,
Буря въ полѣ загудѣла
И слѣды всѣ замела.

II.

Что-то сердце вѣщее
Поетъ, разболѣлося:
Предъ удачей-долею
Иль бѣдой-кручиною?

Не видать удачи мнѣ,
Какъ въ морозы зелени;
Не бывать, знать, счастливу,
Какъ подъ старость молоду.

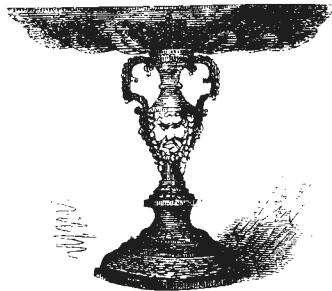
Отлетѣли радости,
Что залетны пташечки:
Скучно, грустно молодцу
На чужой сторонушкѣ.

П. Вышеславцевъ.

СОКРОВИЩА МОСКОВСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ

Въ № 11 „Ивы“ за настоящій годъ, въ статьѣ: „Серебряный двойной тронъ царей Юанна и Петра Алексѣевичей, мы имѣли случай упомянуть о богатствахъ, хранящихся въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ. Въ настоящей статьѣ мы хотимъ указать на нѣсколько экземпляровъ посуды изъ этого богатого собранія.

1) Кружки. Всѣхъ кружекъ, находящихся въ Оружейной Палатѣ чрезвычайно много. Однихъ серебряныхъ сосудовъ этого рода „золоченыхъ и бѣлыхъ“ 55 штукъ, не считая экземпляровъ, сдѣланныхъ изъ кости, изъ пластинокъ единорога, изъ горнаго хрустала, изъ серпентина, или изъ камня змѣвика; большая часть ихъ сдѣлана чрезвычайно богато и изящно. Прилагаемая здѣсь кружка (см. рис. 1.) сдѣлана изъ серебрясканной работой, то есть изъ витой серебряной проволоки, густо вызолочена по сней и зеленой финифти, до половины снизу она осьмиугольная; рукоятъ у нея въ видѣ извивающейся змѣи, а на верху крышки литая обезьяна. Вѣсу въ ней 1 ф. 29 золотн. Откуда и когда поступила она въ Оружейную Палату неизвѣстно; видно только, что она тонкой древней восточной работы. А вотъ другая кружка (см. рис. 2) вѣсомъ въ 10 ф. 92 золотн., тоже изъ серебра и вызолоченная съ изображеніемъ цвѣтовъ по зеленой финифти; на рукоятѣ кружки и на крышкѣ по челоуѣческой головѣ, изящно отдѣланной. Время и мѣсто происхожденія этой кружки также неизвѣстно. 2) Кулганы, или кунганы по нашему кувшины, съ крыпкою, иногда съ рильцемъ, а иногда безъ него. Названіе кулганъ — татарское. Всѣхъ золоченыхъ серебряныхъ кувшиновъ или кулгановъ въ Оружейной Палатѣ 31, изъ нихъ 28 вѣсомъ отъ 10 до 16 фунтовъ, остальные три отъ 2 до 10 ф. Кроме того есть два кувшина, или кулгана, хрустальные, принадлежавшіе Петру Великому. Одинъ изъ нихъ, огромный по размѣрамъ и чрезвычайно изящный по работѣ, изъ цѣльнаго восточнаго хрустала. Прилагаемый здѣсь на рисунокѣ образецъ кулгана (см. рисунокъ 3) серебряный золоченый, вѣсомъ въ 10 ф. 27 лот. Время поступленія его въ собраніе Оружейной Палаты неизвѣстно. Неизвѣстно также откуда и когда въ нашу древнюю царскую сокровищницу попалъ этотъ Розсольникъ, или Салатникъ (см. рис. 4), чрезвычайно богато украшенный цвѣтами и травами. Сулея или графинъ, (см. рис. 5) изъ китайскаго фарфора, писана кобальтомъ и принадлежала царевичу Ивану, сыну Грознаго. Крышка отдѣлана въ серебро съ позолотой и прикрѣп-

(Рис. 4). Розсольникъ или салатникъ, изъ серебра съ изображеніемъ цвѣтовъ и травъ.

(Рис. 5). Сулея царевича Юанна Ивановича.

(Рис. 2). Кружка изъ серебра съ изображеніемъ цвѣтовъ по зеленой финифти.

(Рис. 6). Булатный щитъ, отдѣланный въ золото съ украшеніями изъ драгоценныхъ камней.

(Рис. 3). Кулганъ серебряный вызолоченый.

(Рис. 1). Кружка изъ серебряной проволоки, вызолоченная по сней и зеленой финифти.

лена къ шейкѣ сулеи цѣпочкой. По ободу горлышка нартзана надпись: „Сулея царевича князя Ивана Ив-

новича“. Какъ сулея, такъ и салатниковъ не одинъ экземпляръ въ Оружейной Палатѣ. Между послѣдними особенностью богатые экземпляры.

О четырехъ (кромѣ сулеи) помѣщенныхъ въ этомъ номерѣ „Ивы“ изображеніяхъ посуды мы замѣтили, что неизвѣстно ни происхожденіе ни время поступленія ихъ въ царское казнохранилище.

Это происходитъ отъ того, что до царя Михаила Федоровича не было обычая на вещахъ, подносимыхъ царямъ въ даръ, отмѣчать когда и отъ кого поступили онѣ. Вслѣдствіе этого изъ 1600 различныхъ золотыхъ, серебряныхъ и прочихъ предметовъ, хранящихся въ Московской Оружейной Палатѣ, едва о трети можно сказать когда и по какому случаю онѣ туда поступили.

Къ числу неопредѣлимыхъ также по происхожденію вещей принадлежитъ изображенный здѣсь (см. рис. 6) превосходной работы булатный щитъ, отдѣланный въ золото, и украшенный драгоценными камнями. Въ срединѣ его, около небольшого, образовавшагося отъ времени, отверстія есть возвышеніе, или такъ называемый *пуго* щитовой изъ бирюзы и драгоценныхъ камней. Между этимъ пугомъ и недалеко расположеннымъ отъ него кругомъ идутъ косыя грани. Такія-же грани идутъ по внутреннему краю только что показаннаго круга къ наружному ободу. Въ граняхъ помѣщены изъ золота виды битвъ и охоты, также изображенія различныхъ звѣрей,

охотниковъ и сокольниковъ. Люди всѣ изображены въ персидской одеждѣ; судя по этому можно бы заключить, что щитъ присланъ изъ Персіи, но заключеніе это, конечно, не будетъ вполнѣ вѣрно, ибо вещь съ персидскими знаками могла быть прислана намъ отъ кого-либо изъ Кавказскихъ владѣльцевъ, отъ турецкаго султана, изъ Молдавіи и т. д. Въ документахъ о присылкѣ въ даръ этого щита нигдѣ ничего не упоминается. Цѣна щиту въ старинныхъ описяхъ Оружейной Палаты показана въ тысячу рублей, что на наши деньги составитъ сумму по крайней мѣрѣ раза въ четыре съ половиною большую.

И. Звѣревъ.

Вояринъ въ опалѣ. Оригинальный рис. И. С. Панова, грав. Бренд'Амуръ.

Бояринъ въ опалѣ

(къ рисунку И. Панова).

Бояринъ, навлекъ на себя немилость царскую и сосланъ на житье въ одну изъ своихъ вотчинъ; тамъ живетъ онъ, удручаемый скукою. Довольно у него достатка: не только про своей домашній обиходъ, но и для помощи нуждающимся. У него есть не только необходимое, у него есть все то, что относилось въ старыя, добрыя годы (лѣтъ 200—250 тому назадъ) къ блеску и представительству знатныхъ людей. Въ его обширныхъ усадьбахъ раскинулись роскошныя сады съ прихотливыми растеніями; у него есть пруды съ рѣдкою рыбою, есть также пруды съ лебедями, составлявшими необходимое, лакомое блюдо всякихъ торжественныхъ пировъ тогдашняго времени. Есть у него заповѣдныя лѣса, полныя всякой дичи. Сотни слугъ ждутъ только его мановенія, чтобы исполнить его волю. Тысячи крѣпостныхъ и некрѣпостныхъ людей работаютъ на него безпрекословно; всѣ эти люди зовутъ его „Государь“. Тамъ велось въ старое время. Чего бы казалось недоставало для счастья и спокойствія жизни? Но бояринъ скучаетъ. Отуманенный его взоръ не замѣчаетъ довольства и роскоши, рассыпанныхъ около него судьбою. Самый храмъ Божій, призывающій къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, не производитъ на него успокоивающаго вліянія. Его мысли устремлены туда, гдѣ есть сорокъ церквей и среди ихъ—Иванъ Великій. Тамъ бы онъ хотѣлъ быть, пожить хоть одинъ день, хоть однимъ глазомъ взглянуть на то, что происходитъ въ Москвѣ, среди его братья бояре, неудаленныхъ отъ царскихъ очей. Тамъ онъ въ свое доброе, счастливое время каждодневно утромъ являлся во дворецъ; являлся туда, гордо проходилъ крыльцо, гдѣ стояли нечиновныя или еще молодые люди и вступалъ въ переднюю, ожидался того часа, когда выходилъ Государь изъ внутреннихъ покоевъ. Здѣсь онъ удостоивался нѣсколькихъ словъ отъ Государя, а если было надо, то и самъ обращался къ нему съ просьбою. Затѣмъ онъ съ Государемъ шелъ къ обѣднѣ, а послѣ обѣдни являлся опять во дворецъ присутствовать при разборѣ дѣлъ. А парочныя дни, дни великихъ церковныхъ и царскихъ семейныхъ торжествъ? Опальный теперь бояринъ не былъ забытъ въ эти дни, когда былъ при дворѣ. Вотъ хоть бы взять 21 декабря, день святителя и чудотворца Петра, когда Царь и весь дворъ обѣдали у Патриарха. Еще 19-го числа являлся святѣйшій во дворецъ звать къ себѣ Государя и старшаго царевича въ гости на 21-е число, причѣмъ звалъ и дворъ; вмѣстѣ съ другими святѣйшими не забывалъ и его, нынѣ опального человѣка. А въ день Рождества Христова? Изгнаннику, живущему теперь въ захолустнѣй деревенскомъ, доводилось въ этотъ радостный день бывать особенно близко при Государѣ, когда онъ, надежда, за 4 часа до свѣта, согласно древнему обычаю своихъ предковъ, ходилъ на тюремный дворъ подавать милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ. Разъ, правда, сильно онъ, бояринъ, прозябъ во время этого путешествія Государева: погода была холодная, съ вѣтромъ, а тутъ, какъ на грѣхъ, на пути Государю являлся не одна сотня нищихъ и раненыхъ солдатъ. Не одѣлывая всѣхъ изъ своихъ царскихъ рукъ, Государь не возвращался обыкновенно въ такихъ случаяхъ домой; бояринъ прозябъ. Но за то, когда вернулся во дворецъ,—вознагражденіе было полное. Его братья, бояре, кто съ доброжелательствомъ, а кто и съ завистью поглядывали на него, счастливаго спутника Государева. Затѣмъ явившееся во дворецъ духовенство всѣхъ соборовъ, чтобы славить Христа, обращалось къ нему въ тотъ разъ съ особеннымъ почетомъ. Въ день Богоявленія тоже, когда шелъ на „Иорданъ“ на Москвѣ рѣкѣ, великій Государь въ полномъ своемъ царскомъ облаченіи, и святѣйшій патриархъ священнодѣйствовалъ, онъ, бояринъ, занималъ не послѣднее мѣсто между приближенными къ Государю, и всѣ его видѣли на этомъ мѣстѣ, даромъ что было въ это время много народу и стрѣльцы въ составѣ 12 приказовъ отодвигали народъ отъ главной сцены дѣйствій. Въ Прощальное Воскресенье опять онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Въ этотъ день Государь прямо изъ Успенскаго собора шелъ съ боярами и думными людьми къ Патриарху, гдѣ соборныя были всѣ „власти“ (архіерей и архимандриты), производилось взаимное угощеніе: Государя и его свиты—патриархомъ, а патриарха и властей—Государемъ. Въ это время была на виду и боярыня-то его, раздѣляющая теперь съ нимъ печальное изгнаніе. Она сопровождала царицу, когда та, въ концѣ масляницъ, обходила съ родственниками, родственницами и мамками кремлевскіе соборы и монастыри. Для всѣхъ стороннихъ Кремль въ это время запирался. Много и другихъ подобныхъ случаевъ воскресаютъ въ головѣ боярина, особенно представляется ему сильно „Великій День“—день Пасхи, когда царь, отслушавъ треню въ Успенскомъ соборѣ и похристосовавшись съ Патриархомъ и архіереями въ уста, всѣ прочія духовныя лица, а равно и свѣтскую знать, бывшую съ нимъ въ церкви, жаловалъ къ рукамъ. Затѣмъ шелъ въ Вознесенскій соборъ поклониться гробу матери, въ Архангельскій соборъ поклониться гробу отца и окончивъ свое посѣщеніе Благовѣщенскимъ соборомъ, гдѣ христосовался опять въ губы съ сво-

имъ духовникомъ, возвращался снова въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ. Въ этотъ день, радостный для всѣхъ, когда царь особенно былъ также радостенъ, онъ, бояринъ, былъ на своемъ мѣстѣ, подобающемъ его роду и званію и дѣлалъ общую радость. Случилось, правда, разъ ему повздорить въ этотъ день съ своимъ братомъ бояриномъ, который вздумалъ идти съ нимъ рядомъ, будучи ниже его родомъ, но онъ проучилъ патрѣна, вытолкнувъ его изъ ряда, и Государь—надежда, справедливый всегда, а въ этотъ день тѣмъ паче, снисходительно изволилъ простить его спутнику, тѣмъ дѣло и кончилось; въ другой бы день, конечно, Государь далъ свой строгій указъ противъ нарушителя спокойствія. Да, грустный этотъ случай и не забывается онъ даже теперь, когда, казалось бы другая, болѣе глубокая скорбь объ опалѣ, должна вытѣснить изъ воспоминаній всѣ мелочныя представленія о прошлыхъ стычкахъ и раздорахъ съ боярами.

Здѣсь мы должны сдѣлать нѣкоторое объясненіе, чтобы дать читателямъ возможность представить себѣ, какой взглядъ на мѣста, занимаемыя боярами, господствовалъ въ старой, до-петровской Руси. По этому взгляду всякій стоялъ твердо за мѣсто, которое, по его понятію, принадлежало ему на службѣ, при придворныхъ церемоніяхъ, празднествахъ и пр. Если ему давали мѣсто низшее, или равное съ тѣмъ, кого онъ считалъ ниже себя, то онъ этого мѣста не принималъ, не смотря ни на какія приказанія Государя. Государь могъ располагать жизнью и имуществомъ боярина, но не его мѣстомъ. Самъ Іоаннъ IV, столь грозный и неумолимый въ другихъ случаяхъ, не могъ ничего сдѣлать противъ мѣстничества. Бояре безпрекословно принимали смерть отъ руки Іоанна, когда онъ на ихъ сердился, но не позволяли посадить или поставить себя наравнѣ съ человѣкомъ, а тѣмъ паче ниже человѣка, который, по ихъ понятію, былъ имъ *не въ оверсту*, то есть былъ ниже ихъ. Обязанный мѣстомъ не могъ даже согласиться на такое униженіе, если бы и хотѣлъ; ибо, если бы онъ самъ уступилъ, то не уступили бы прочіе его родичи и заявили бы о томъ протестъ, какъ это показывается примѣръ челобитной, поданной княземъ Поготковымъ отъ имени всего рода князей Оболенскихъ царю Борису (см. № 15 „Нивы“, 1877 г. стр. 238, прим.). Въ тогданнее время родъ очень былъ друженъ и твердо въ своемъ составѣ. На этой твердости и замянутости рода основывались и обычаи высказанія нравительственныхъ. Оказывался виновнымъ одинъ членъ рода—подвергались опалѣ всѣ родичи. Обычай этотъ, непонятый иностранцамъ и кажущійся мудрымъ и для насъ, имѣетъ свое основаніе въ исторіи. Для полноты объясненія скажемъ еще, что мѣстники, то есть человѣкъ, начинавшій споръ изъ-за мѣста, считалъ себя всегда правымъ, хотя бы въ дѣйствительности и далеко не былъ правъ. Это возрѣніе выразилось и въ воспоминаніи опального боярина, по поводу спора за мѣсто въ день Пасхи. По понятію его, онъ не сдѣлалъ ничего худого, вытолкнувъ своего товарища изъ ряда, и Государь, если могъ сердиться, то сердился ужъ отнюдь не на него, зачинщика спора, а на его товарища.

Но обратимся къ нашему опальному боярину. Всѣ эти воспоминанія только будятъ тревогу въ душѣ невольнаго жителя деревни, но освободиться онъ отъ нихъ не можетъ. Напрасно окружающая его жизнь направляется на его вниманіе: то является приказчикъ съ докладомъ по хозяйственнымъ дѣламъ, то приходитъ духовенство, бѣлое и черное, за щедротами боярина, то крестьянскій міръ, не уладившись съ его людьми, ищетъ его посредничества, бояринъ не хочетъ знать ничего. Но вотъ сосѣдъ, небогатый помѣщикъ, плетъ опальному боярину сказать, что въ его боярскія владѣнія ушли отъ него, бѣднаго владѣльца, крестьяне, захвативъ притомъ различныя господскія вещи *). Опальный бояринъ не злой человѣкъ, ему не нужно чужого добра, и будь онъ по прежнему при дворѣ, въ силѣ и милости, онъ ни минуты бы не задумался удовлетворить справедливому требованію сосѣда. Онъ удовлетворитъ ему и теперь, но удовлетворитъ не иначе, какъ съ желчью въ сердцѣ. Ему кажется, что самая претензія объ отомеднихъ къ нему людямъ потому только ему заявлена, что онъ теперь не то, что былъ прежде—онъ теперь опальный человѣкъ. И вотъ, опять сѣгую на свое положеніе, онъ вспоминаетъ о тѣхъ дѣлахъ, когда онъ жилъ въ московскомъ своемъ домѣ и ему ежедневно носили съ царской кухни *подачи*, т. е. кушанья. Конечно, кушанья онъ могъ имѣть какія угодно и въ своемъ собственномъ домѣ и, понятно, что чувство скорби овладѣваетъ имъ при этой мысли потому, что теперь онъ лишенъ чести имѣть *подачу* отъ царскаго стола. Равнымъ обра-

* Правительствомъ въ старину давало въ награду своимъ служилымъ людямъ по мѣстѣ, то есть нѣкоторое количество населенной земли. Изъ многихъ мѣстныхъ людей уходили, если имъ тамъ было тѣсно, и селились гдѣ было удобнѣе. Между прочимъ часто переѣзжали отъ мелкихъ собственниковъ къ крупнымъ, потому что у послѣднихъ было обыкновенно льготнѣе для людей. Правительство возразило эти переходы, но они подѣ рукой продолжали существовать и сильные люди обогащались этими переходами.

зомъ и своего цвѣтнаго платья не переноситъ боярину, а все же грустно ему, что теперь онъ не получаетъ, какъ прежде, отъ Государя матерій на кафтанъ или фериазъ*), не получаетъ и серебряной посуды, какъ опальный человѣкъ. Долго-ль продлится его опала,—неизвѣстно. Можетъ быть доведется и глаза закрыть, не увидѣвъ больше Бѣлокаменной. Спросить бы кого-нибудь изъ людей, что тамъ поближе, нѣтъ ли надежды

на смягченіе злой участи, да кого спросить. Сродники и близкіе все тоже ужъ теперь не при дворѣ, а по разнымъ заколустьямъ. И грустно проходятъ для опального боярина дни за днями и не веселитъ его то довольство жизни и та прелесть природы, которыми онъ, казалось, могъ такъ безмятежно пользоваться.

И. Загребъ.

ИЗЪ ДРЕВНЕ-РИМСКОЙ ЖИЗНИ **).

I.

Скачки въ циркѣ.

Въ долині между Авентиномъ и Палаatinомъ съ его волнующимися холмами, стоитъ циркъ. Сегодня все направляется сюда: дворцы богатей и хижины бѣдняковъ стоятъ пусты; звать и чернь, большой и малый, все шумно устремляется къ мѣсту сегодняшняго великаго торжества—праздника въ честь богини Флоры.

Женщины и дѣвушки съ розами въ черныхъ волосахъ, мужчины въ праздничныхъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ, какъ волны колышутся на устроенныхъ мѣстахъ; окна, стѣны, крыши, все затоплено народомъ, ожидающимъ процессіи, которая должна выйдти изъ Капитолія, и черезъ празднично-разукрашенный форумъ и арену для боя быковъ, войти черезъ среднія ворота въ циркъ.

Наконецъ, процессія заворачиваетъ къ цирку. Впередѣ, скачутъ на лошадяхъ герольды, возвѣщая взволнованной толпѣ приближеніе Цезаря.

Циркъ великолѣпно убранъ. Колонны и портки обвиты гирляндами, оркады украшены цвѣтами. Посреди ристалища возвышается *Spina*, (продольная линія, родъ хребта, составленная изъ алтарей, санктуарій и проч. и перерѣзывавшая циркъ по серединѣ); она уставлена статуями, храмиками, санктуаріями, и увѣнчана солнечными обелисками. Это подарокъ Цезаря. Снятая покрывка обнаруживаетъ пылающій алтарь копула со статуями богинь посявовъ и жатвъ; южнѣе отражаютъ на солнцѣ золотыми лучами колосальныя бронзовыя статуи Геркулеса и Ядучица на львахъ Изиды.

Окутанныя благоуханными облаками дыма, появляются святилищницы Феба и Ирана. — На сѣверѣ и югѣ, стѣны заключаютъ строгими цѣлевыми столбами. Подобно могучимъ указательнымъ пальцамъ, поднимаются къ небу ихъ три острокопечныя вершины, какъ бы напоминая объ опасностяхъ скачекъ. Какъ слѣпить глаза отражающагося въ сверкающемъ нескѣ солнцѣ! Твердо углаженная, раскаленная земля, ждетъ грозныхъ ударовъ конскихъ копытъ.

Зданіе окружено двумя этакими ступень изъ потемнѣшаго отъ времени мрамора; онѣ служатъ сидѣньями для публики и вѣсѣтъ въ тѣмъ—базисомъ для громаднхъ деревянныхъ подмостковъ, которые вмѣщаютъ на своихъ скамьяхъ еще столько же зрителей. Сегодняшній праздникъ имѣетъ притягательную силу магнита: его дастъ Цезарь. Все мѣста, все уголки громаднаго зданія, заняты; верхній деревянный скамьи трещатъ подъ тяжестью сидѣщихъ; нерва и галереи исчезаютъ въ хаотическую одежду. Даже Палатинскіе холмы покрыты массами народа, завидующаго счастливымъ, доставшимъ себѣ мѣста въ циркѣ.

Ничто не можетъ сравниться съ терпѣніемъ этого народа, который съ такимъ изумительнымъ самоотверженіемъ и упорствомъ, презирая пыль, жаръ, голодъ и жажду, въ самыхъ неловкихъ положеніяхъ, въ теченіи столѣтій, лѣживо и медленно тнувшихся, часовъ ждетъ начала зрѣлища.

Вѣдныя, почти надающія безъ чувствъ женщины съ умирающими отъ жажды дѣтьми на рукахъ или на спинѣ, или съ грудными младенцами у увядшей груди, стиснуты со всехъ сторонъ орущей, пьяной до безумія возбужденной толпой; стонущіе больные; безпомощные калѣки, которыхъ тискаютъ и давятъ, и которые задыхаются на пыли и солнечною припекомъ; нахальные, дерзкія женщины, въ грубости старающіяся перещеголять мужчинъ; воры и бѣглецы каторжники, однимъ словомъ, общество, лишенное всякой нравственности, способная на всякое преступленіе, наполняетъ верхнія галереи цирка; эти мѣста осаждался уже съ раняго утра и брались приступомъ, но ихъ недостаточно, чтобы вмѣститъ густыя толпы, все еще прибывающія и прибывающія бурнымъ потокомъ.

Ссоры и драки, переходящія въ настоящія побоища, давки наверху, отталкиванье другъ друга внизъ, протискиванье впередъ, не смотря ни на какія препятствія, перелазыванье одного черезъ другого, паденія, рукопашныя схватки, удары кулаками, нырканья ножами, ни одно средство не остается непробованнымъ, чтобъ только взглянуть на зрѣлище, котораго ждали съ такимъ горячимъ нетерпѣніемъ.

*) При старинномъ нашемъ дворе дворяне готовились многократно къ кущанью для раздачи боярамъ, дуннымъ людямъ и стольникамъ, и бѣда, если кому нибудь по ошибкѣ не были посланы кущанья. На другой день съ брашно и громкомъ ободранымъ блудомъ требовалъ объясненія отъ дворцовой прихвату въ этомъ оскорбленіи своей чести. Съ царскою же кучкой удовлетворялся «толомъ» и посты иностранныхъ державъ. Кроме этихъ раздачъ кущанья, боярамъ время отъ времени давались куски матерій на платье, съ полными приборомъ на подкладку, отдѣлку и проч. Дарились также изъ запаса царскаго разныя вещи изъ посуды: чары, кубки, блюда серебряныя и т. п.

Вотъ кровь полилась у всехъ быстрѣе, жилы застучали: чаще и чаще повторяющійся звукъ роговъ и трубъ возвѣщаетъ появленіе Цезаря.

Наконецъ онъ приближается среди своей блестящей свиты, своего семейства, совѣтниковъ, клиентовъ и служителей, подъ покровительствомъ Олимпійскихъ боговъ, богъ самъ. Все присутствующіе почтительно встаютъ съ своихъ мѣстъ, махаятъ руками, платками, вѣнками; раздаются привѣтственные крики какихъ еще никогда не слышалъ Римъ; они потрясаютъ воздухъ, долетая до самыхъ отдаленнѣйшихъ частей города.

Голубы выпархиваютъ на волю и разносятъ по городу вѣсть о томъ, что праздникъ начался.

Августъ блѣденъ; у него едва хватаетъ силы благодарить народъ легкими движеніями руки. Безграниченъ кажется восторгъ его римлянъ, которые называютъ его „отцомъ“ и „счастьемъ и радостью отечества“.

Медленно и торжественно переступаетъ еле-еле двигающійся праздничный поѣздъ границы цирка, и своей важной скукой умѣряетъ шумные восторги публики. Лишь нѣкоторые любимыя божества удостоиваются, проходя мимо, возгласовъ и подарковъ.

Консулы, жрецы, жертвоприносители начинаютъ свои службы съ обычными возліянiami и молитвами. Подъ топоромъ первосвященника, бѣлые жертвенные быки падаютъ къ подножью алтарей, въ честь богамъ, во здравіе людямъ, въ охрану играмъ.

Мѣста, откуда должны выбѣжать четверни, еще заперты; цѣпь, которую держатъ два маленькіхъ прислужника, еще виситъ передъ ними слабой петлей, а между зрителями уже составились значительныя яри. Предводители партій торопливо занимаютъ свои мѣста.

Въ отдѣленіи, гдѣ стоятъ колесницы, идетъ большая дѣятельность. Великолѣпныхъ коней тщательно чистятъ, украшаютъ ихъ гривы, подвязываютъ хвосты, и бичами, цвѣтными лентами и возбуждающими словами, еще усиливаютъ ихъ волненіе.

Вѣгвыя колесницы окрашены въ четыре цвѣта партій: зеленый, голубой, красный и бѣлый; лошади также украшены въ цвѣта той партіи, къ которой онѣ принадлежатъ.

Вожди колесницъ одѣты въ короткія тунники безъ рукавовъ; на головахъ у нихъ гладкій шлемъ, грудь, руки и ноги обвиты ремнями, у пояса виситъ острый кривой ножъ.

Мѣста четырехъ четверкамъ опредѣляются жребіемъ: бѣлымъ досталось правое крыло, зеленымъ—лѣвое, голубые и красные встали по срединѣ. Также подвергается испытанію возрастъ скакуновъ.

Эмпилъ Гутта, представитель зеленыхъ, съ знаменитымъ Пассеринусомъ въ лѣвой, и Океанусомъ въ правой пристяжкѣ, съ Фортунатусомъ и Целаторомъ въ корню, едва можетъ сдерживать нетерпѣніе своихъ коней. Отважно вздымаютъ они съ земли облака пыли.

Рядомъ съ зелеными стоитъ Луисъ Феллексъ, вождь голубыхъ, молодой человѣкъ съ сильнымъ тѣлосложеніемъ и проницательнымъ взглядомъ. Гордо откинувшись въ своей колесницѣ, онъ держитъ поводья своихъ коней въ жлангомъ кулачкѣ, и отъ времени до времени взмахиваетъ черезъ ихъ головы свистящимъ бичомъ. Его лѣвый сподручный, четырехъ годовалый бѣлый жеребецъ Потатусъ Разрисованный, для защиты отъ мухъ, покрытый тонкой сѣтью, съ пылающими глазами ждетъ когда отнимутъ прочъ хорошо знакомую рѣшетку. Прекрасная лошадь, вся бѣлая какъ первый выпавшій снѣгъ, имѣетъ только на лѣвомъ боку два темныхъ родимыхъ пятна въ видѣ львиныхъ лапъ. Болѣе быстрогого коня никогда не видѣлъ циркъ. Къ нему присоединяются равные съ нимъ по рожденію товарищи: Флэгонъ, Тигрисъ и Курсоръ, изъ Мизійскихъ заводовъ.

Высоко звиваются на дыбы могучіе кони красного вождя подъ ударами тонкаго бича, который, едва касаясь шерсти, не причиняетъ боли, а скорѣе только щекочетъ горячихъ животныхъ.

Атлетическая фигура въ бѣдномъ лицѣмъ и рѣзкими чертами, которому его партія дала огромную сумму, самоувѣренно и спокойно ожидаетъ начала скачекъ. Двое изъ его братьевъ простались съ жизнью на аренѣ; онъ былъ послѣдній изъ трехъ сыновей.

Его лѣвая лошадь Саксо, та, что отличилась на скачкахъ въ большомъ Агогѣ въ Антиохіи. Послѣ смертельнаго паденія

(** Заимствовано изъ появившагося недавно превосходнаго сочиненія «Aus altrömischer Zeit Culturbilder», v. Theodor Simons. Berlin, Gebrüder Paetel. Lief 1—3. (Картины изъ древне-римской жизни, соч. Теодора Симона, изд. въ Берлинѣ братьями Петель. Въ Петербургѣ можно получить это изданіе на нѣмецкомъ языкѣ въ книжномъ магазинѣ Рижера.

Картины къ этой статьѣ взяты также изъ вышеупомянутого сочиненія г. Симона.

Призывъ къ молитвѣ съ мечети въ Русужъ. Оригинальный рис. Н. Каразина.

его брата, благородный конь, сознавая свою задачу, безъ вожда, еще три раза проскакалъ съ колесницей вокругъ арены и побѣдилъ.

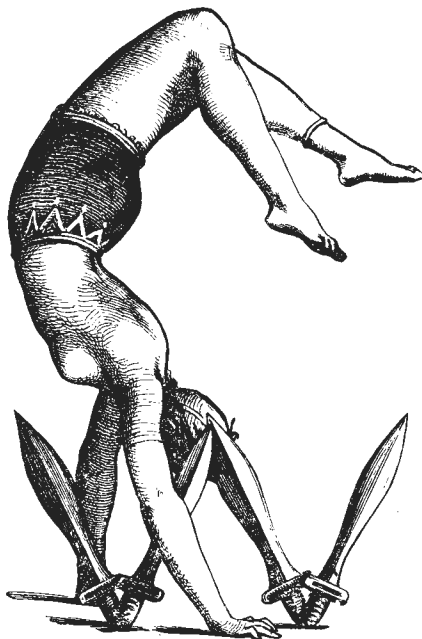
Не мудрено, что всѣ лошадинные знатоки въ Римѣ мечтали объ этомъ благородномъ животномъ; на него прозаладывали цѣлыя состоянія.

Теперь выѣзжаетъ съ своими вѣрными конями Евтихусъ, вождь бѣлыхъ.

Евтихуса знаетъ весь Римъ подъ именемъ „Лускаса одноглазаго“. Разъ, во время скачекъ, разгоряченный противникъ попалъ въ него бичемъ; но лишась праваго глаза, преодолевъ мучительную боль, онъ все-таки выигралъ призъ и пальму. Отважны и безстрашны какъ онъ самъ, его кони, Пиронсъ, Элатусъ, Велоксъ и Спартакусъ. Они знаютъ голосъ своего господина и его мощную руку.

Между тѣмъ Цезарь-Августъ, ведомый двумя служителями, занялъ мѣсто въ своей ложѣ, отъбѣнной шатрообразной крышей, которая вышита золотомъ по зеленому полю. Сосѣднія ложи заняты его приближенными, совѣтниками, клиентами и приглашенными. Дальше сидятъ длинными рядами жрицы Весты и Изисы подъ опущенными вуалями; напротивъ помѣщаются важнѣйшіе сановники Рима и представители города.

Къ нимъ почтительно присоединяются шестьсотъ сенаторовъ въ ихъ форменномъ

Танцовщица между гимнастами на пиру у Лукулла.

Рис. А. Вагнеръ.

своимъ братомъ, Руфусъ, Деліусъ Туберо, Паулусъ Максимусъ, сенатскій старѣйшина.

Одобрительный ропотъ раздается среди публики при входѣ совѣтниковъ: Сильвиуса Месены, Мессала Корвинуса и Випсариуса Агриппы. Съ какимъ важнымъ достоинствомъ лежитъ въ своихъ голубыхъ подушкахъ Каниниусъ Дентатусъ, человекъ, пользующійся такимъ же большимъ значеніемъ, какъ и состояніемъ; это кураторъ городскихъ водопроводовъ.

Во второмъ ярусѣ однообразно тянется длинный рядъ различныхъ религіозныхъ орденовъ: эпулоны, діалы, марціалы, квинриалы, куріалы, фетіалы, лунеркалы, жрецы Цибилы и Пана, наконецъ салеры въ пестрыхъ одеждахъ, всѣ появились, чтобы присутствовать на великомъ празднествѣ.

Теперь слѣдуютъ, благоговѣнно отдавъ должный поклонъ передъ императорской ложей, отцы города, высокій магистратъ въ драпирующихся глубокихъ складками одеждахъ; имъ предшествуютъ ликторы, замыкаетъ шествіе залитая золотомъ свита, предводительствуемая курулійскимъ эдлемъ. Шумно занимаютъ они бѣлыя кресла, которые украшаютъ большую городскую ложу, убранную цвѣтами города. За ними идетъ длинная вереница патрициевъ. Что только есть въ Римѣ знаменитаго и знатнаго,

Скачки въ древне-римскомъ циркѣ.

костюмъ—туникъ и черныхъ полусапожкахъ съ луной. Ближе всѣхъ къ императорской ложѣ сидитъ Валеріусъ, старецъ сановникъ, съ длинной сѣдой бородой и серебряными кудрями; дальше Синна съ преторомъ Непосомъ, Маркъ Эмили, Капито, Крементіусъ, Кардусъ, Эгнатій. Старшій съ

все собралось теперь здѣсь, въ этомъ большомъ мраморномъ зданіи.

Въ самомъ низу блещетъ роскошный цвѣтникъ; это святилище женщинъ. Тутъ земная красота можетъ поспорить съ мраморными идеалами. Нѣжныя красавицы, лучшее украшеніе

Рима, одѣтыя въ бѣлыя, зеленяя, голубяя пурпуровыя одеж- ды, обмахиваются вѣерами и сверкаютъ глазами не меньше чѣмъ драгоценными камнями своихъ уборовъ. Какъ Плотил- ла, Валерія и Руфи соперничаютъ съ своими сосѣдками пыш- ностью костюма, богатствомъ и родомъ! Въ великолѣпныхъ ложахъ разсѣяны, подобно розамъ, всѣ красавицы, какія толь- ко есть въ стѣнахъ тибрскихъ, эсвиллинскихъ, палатинскихъ и авентинскихъ дворцовъ. Точно стрѣлы изъ лука Купидона, стрѣляютъ дѣвичьи взгляды въ сердца молодыхъ наѣздниковъ; выстрѣлы эти дѣлаютъ глубокія, неизлечимыя, никогда незажи- вающія раны. Подобны лиліямъ на темномъ фонѣ тѣ шесть дѣвушекъ въ нѣжныхъ бѣлыхъ одеждахъ. Въ первый разъ выйдя изъ дѣтской и вступивъ въ свѣтъ, невинно и боязливо придвигаютъ онѣ другъ къ другу свои чернокудряя головки, опускаютъ глаза внизъ и при крикахъ толпы вздрагиваютъ какъ молодыя лани. Въ замѣшательствѣ перебираютъ онѣ нѣж- ными руками золотыя кисти своихъ одеждъ.

— Ахъ, Ромула! говорить одна изъ нихъ своей сосѣдкѣ,— какъ противенъ весь этотъ шумъ и крики. Я ужасно боюсь. Цезарь Августъ долженъ бы былъ запретить этотъ дикій гамъ.

— Туллия! Чего бы я не отдала, чтобы поскорѣе пачался скачки. Не знаю, какъ дожидаться, увидѣть прекраснаго Эмилиа, которымъ восхищается весь Римъ.

— Увѣрена-ли ты, Олимпія, что лошади намъ ничего не сдѣ- лаютъ? Вѣдь онѣ крѣпко привязаны, не правда-ли? боязливо спрашиваетъ Ирена.

Парвула говоритъ:—какъ вы думаете, кто побѣдитъ, зеле- ные? Зеленый, цвѣтъ моего сердца.

— Ахъ, милыя подружки,—возражаетъ Хлориса,—вотъ увиди- те, что сегодня быть несчастію, потому что ужъ слишкомъ я радовалась этому чудесному дню и скачкамъ. Но, подумайте только, сегодня рано утромъ я увидѣла въ моей комнатѣ большого паука. Я такъ отчаянно вскрикнула, что сбѣжалась всѣ невольницы въ домъ. Я еще и теперь дрожу какъ вспомо- ну о паукѣ.

Такъ щебечутъ и шепчутся между собой невинныя дѣти, еще не тронутыя дыханіемъ этой дикой жизни.

Подлѣ нихъ, въ купческой ложѣ, сидятъ молодыя жен- щины, бросающіяся въ глаза своими фигурами, вызывающими взглядами и пышнымъ туалетомъ, увѣшанныя заплатами, коле- цами, ожерельями и цѣпочками. Пожалуй, можно бы принять ихъ за дамъ высшаго сословія.

Но сидящая позади ихъ матрона, ихъ спутница, нанята за деньги сопровождать ихъ на скачки. Наряды и драгоценности принадлежатъ закладчицѣ живущей, подлѣ арками лѣтнихъ форума. Если хотите узнать происхождение этихъ красавицъ, то идите завтра въ дѣмъ, что въ кварталѣ форума. Въ де- вятую лавкѣ по лѣвую руку мать продаетъ по фунтамъ рыбу, раковъ и макрелей.

Въ тѣни сводовъ цирка пристроилась одинокая, избѣгаемая всѣми женщина, на которую тяжело смотрѣть. Дико висятъ ея волосы по лицу и плечамъ, тщетно ищутъ ея блуждающіе глаза на чьемъ бы остановиться въ обширномъ пространствѣ цирка. Это сумасшедшая, но нѣкогда она была красавица, бо- гата и уважаема всѣми. Квинтилій Варъ, побитый херусками, былъ ея мужемъ. Храбрый полководецъ поконилъ въ Тевто- бургскомъ дремучемъ лѣсу, среди избитыхъ вѣствѣтъ съ нимъ римскихъ воиновъ.

Съ тѣхъ поръ въ стѣнахъ Рима бродитъ, не находя себя покоя, бѣдная безумная его вдова, дразнимая уличными ребятишками, презрительными насмѣшками стараго и ма- лаго. Ее называютъ въ насмѣшку „сумасшедшая тевтобург- герша“.

Между зрителями дѣлается всеобщее движеніе. Агриппа, зять императора, медленно объѣзжаетъ въ своей колесницѣ часть цирка, во всѣ стороны рассыпаются геральды; скрипя отворяются рѣшетки, но бѣлый шнурокъ линейаторовъ и цѣпь мораторовъ еще на нѣсколько минутъ сдерживаютъ пылъ не- терпѣливыхъ коней, съ которыми уже почти невозможно справ- ляться дольше. Всѣ глаза обращаются на императорскую ло- жу, откуда долженъ быть поданъ знакъ къ началу ска- чекъ. Въ эту минуту въ циркѣ настаетъ почти безмолвная тиши- на; никто не думаетъ о своемъ сосѣдѣ, всѣ шеп вытягиваются впередъ, всякій приподымается, чтобы лучше видѣть и на- блюдать, что происходитъ на главномъ мѣстѣ дѣйствія.

Вотъ, да, вотъ наконецъ развѣвается надъ пескомъ аре- ны, точно вѣстовой голубь, знакомый бѣлый платокъ; шну- рокъ и цѣпь падаютъ, играютъ трубы, и звукъ ихъ электриче- ской искрой проходитъ по всему собранію. Крикъ, вырываю- щійся изъ груди зрителей, подобный шуму моря или обвалу могучихъ скалъ, извѣщаетъ весь городъ о выѣздѣ скакуновъ.

Шестнадцать коней, запряженныхъ въ двухколесныя колес- ницы, одновременно порываются впередъ, высоко вздымая пылъ, и съ быстротою вѣтра несутся по цирку. Вожди ихъ, перегнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, голосомъ и бичемъ управ- ляютъ своими четверками, наиду сдерживая пыльных живот- ныхъ. Облака вздымаемаго песку часто совсѣмъ прячутъ въ себѣ и коней и колесницы, которыя вынырнувъ изъ этого пес- чанаго тумана, снова исчезаютъ въ немъ, едва давъ зрителямъ время разглядѣть ихъ цвѣта.

Земля дрожитъ подъ копытами лошадей; скрипя, врѣзываютъ въ песокъ быстро катящаяся колеса; подбрасываемыя гвоз- дями подковъ, песчаная крупинки, фонтаномъ брызжутъ вверхъ и обсыпаютъ и вождей, и колесницы.

Теперь всѣ четыре четверки рядомъ—такъ какъ ни одна еще не опередила другихъ—въ первый разъ подлетаютъ къ цѣлевымъ столбамъ.

Эмилий Гутта, наученный опытомъ, зная опасность кониче- скихъ столбовъ, даетъ своимъ противникамъ опередить себя; это хорошо рассчитанная военная хитрость. Подтянувъ вожжи въ своихъ желѣзныхъ кулакахъ, онъ подымаетъ на дыбы сво- ихъ коней, и голубые, бѣлые, красные опережаютъ. Первая четверка достигаетъ поворота. Быстро схватываетъ вождь го- лубыхъ лѣвые ремни, и крутой дугой, такъ что только колеса стонутъ на оси, перелетаетъ столбы. Крикъ одобренія возна- граждаетъ его успѣхъ.

По самымъ его пятамъ, счастливо слѣдуютъ за нимъ бѣлые и красные. Но, до сихъ поръ самый задній, Гутта, какъ кланъ, врывается между ними, и оттолкнувъ крас- ныхъ къ барьеру и почти сдавивъ бѣлыхъ, проскакиваетъ впередъ всѣхъ.

— Еуге! раздается изъ десятковъ тысячъ глогокъ; пер- вое препятствіе пройдено благополучно, громко раздаются крики:

— Пятнадцать тысячъ за голубыхъ,—кричатъ въ одной кучкѣ.

— Идетъ,—возражаютъ зеленые.

Лэзіусъ Феликсъ почти на длни лошади перегналъ осталь- ныхъ; Гутта скачетъ по самымъ его пятамъ.

— Лускусъ! Лускусъ! Посмотрите-ка на одноголазаго! кри- чать голоса ему вслѣдъ.

Съ проклятіемъ бичуя своихъ коней, такъ что кровь смѣши- вается у нихъ съ потомъ, догоняетъ ихъ также Эвтихусъ. Пируа, лѣвая сподручная лошадь, чувствуетъ тяжеловѣсные взмахи здоровыхъ ремней съ свиновыми наконечниками, на его тѣлѣ такъ и ложатся тонкими полосами отпечатки бича, которымъ господинъ его безопасно взмахиваетъ надъ нимъ.

Опять вытянувшись въ рядъ, четверки во второй разъ под- скакиваютъ къ повороту.

— Впередъ, Эмилий! кричатъ его прекрасныя поклонницы и благородныя патрици; но Гутта, хорошо рассчитывая свое время и силы, слѣдуетъ за голубыми, не перегоняя ихъ. Вто- рой разъ голубые и зеленые перескакиваютъ черезъ столбы.

Эвтихусъ, бѣлый, слѣдующій сейчасъ же позади ихъ, те- ряетъ короткую линію; его правая сподручная внезапно взви- вается на дыбы и приводитъ въ смятеніе всю четверку. Красный съ быстротою стрѣлы перехватываетъ у него короткій поворотъ.

Участіе зрителей къ ходу скачекъ становится все живѣе и живѣе. Пари послѣ каждыа о круга возрастаютъ на значитель- ныя суммы. Внизу даютъ „дачу за зеленыхъ, на верху, бѣд- нѣише, ставятъ „пѣтуха“ за голубыхъ. Здѣсь идетъ пари на тысячу сестерцій за красныхъ, тамъ за бѣлыхъ.

Знатныя дамы проспариваютъ другъ другу даже свои укра- шенія и драгоценныя камни; невольницы, стада скота, лоша- ди, экипажи, утварь, однимъ словомъ всякая вещь, имѣющая цѣнность, служитъ для удовлетворенія ярости партіи.

Цезарь, лежа на зеленыхъ подушкахъ въ своей ложѣ, при- стально устремляетъ взглядъ на прикованное зрѣлище подлѣ его погони. Прекрасные, глубокіе глаза его горятъ, обыкновенно столь благородныя и спокойныя черты выдаютъ сегодня ди- кую страсть, бушующую въ его душѣ.

Ливія, императрица, забывъ все вокругъ себя, видитъ одною только зеленого вождя. Отъ волненія, она чуть не раздамли- ваетъ между пальцами янтарные шарики своихъ амулетовъ, и рветъ золотую бахрому своей одежды.

Юлія, дочь Цезаря, виѣ себя отъ ревности и гнѣва, киваетъ одному изъ рабовъ.

— Поди Дорусъ,—говоритъ она,—снеси этотъ серебряный флакончикъ дамѣ въ той ложѣ, и скажи ей, что Эмилий Гутта прислалъ тебя передать ей этотъ подарокъ. Во флаконѣ эссен- ція и духи.

Слуга свѣшитъ исполнить приказаніе своей госпожи.

Сильвія, прекрасная вдова претора, должна сегодня дорого поплатиться за вниманіе къ ней зеленого вождя, такъ какъ ароматы того флакона погубятъ ее своимъ смертельнымъ ядомъ.

Немного погодя изъ указанной ложи раздается короткій, пронзительный крикъ, и молдая римлянка, съ отертымъ фла- кономъ въ рукахъ, замертво падаетъ съ своего стула.

Но эта несчастная не Сильвія. Рабъ ошибся, и передалъ фла- конъ другой; такимъ образомъ обязана она богамъ за свою жизнь. Вмѣсто ея, Юлія убила другую, вовсе не причастную въ этомъ.

Что за шумъ поднялся вдругъ? Весь циркъ въ волненіи. Что такое валется тамъ въ песокъ? Какой-то хаосъ лошадей, ко- лесницъ, колѣсь.

У самаго поворота лежитъ Эвтихусъ съ опрокинутой колес- ницей, волочась на нѣкоторомъ разстояніи отъ своихъ динихъ рыскаковъ. Тщетно старается онъ подняться на ноги. Наконецъ ему удается острымъ ножомъ перерѣзать вожжи, въ которыхъ онъ запутался.

Проклясть, красный, не будучи в состоянии управлять своими конями, на которых было наскандалено бѣлая четверня, опрокидывается въ общей свалкѣ. Облака пыли покрываютъ всю эту безпорядочную кучу. Колесо, оторвавшись отъ колесницы, слѣдя импульсу, катится еще нѣкоторое пространство.

Какой-то острякъ кричитъ:—Держу тысячу за колесо Лускуса!—Толпа хохочетъ, со всѣхъ сторонъ сыплются насмѣшки на валиющихся по землѣ полумертвыхъ вождей.

Валаясь, дергаясь во всѣ стороны, наконецъ сдѣлавъ отчаянное усилие, двоимъ изъ унавшихъ лошадей, удается вырваться изъ хаоса, и вотъ онѣ, въ одиночку, увлекая за собой сбрую и дышло, устремляются по аренѣ вслѣдъ за голубыми и зелеными, которые, ловко объѣзжаютъ справа и слѣва лежащихъ въ пескѣ лошадей и разбитыя въ дребезги колесницы.

Уже шесть разъ Эмили Гутта счастливо объѣхалъ циркъ не приобрѣтѣя однако никакого преимущества надъ голубымъ, который твердо держится наравнѣ съ нимъ.

— Гутта, обѣщай мнѣ шестнадцать тысячъ сестерцій и я дамъ тебѣ опередить меня,—такъ кричитъ Феликсъ своему близкому сопернику.

— Молчи, негодяй, ни сотни не получишь ты,—возражаетъ послѣдній.

— Гутта, послушай! Давай деньги, не то я расскажу завтра римлянамъ исторію одного кольца.

На этотъ разъ Гутта отвѣчаетъ голубому ударомъ хлыста по груди и щекѣ, и словами и ударами, доведя силы своихъ коней,

которые онъ беретъ до сихъ поръ, до крайней степени напряженія, опережаетъ противника на длину лошадиной головы.

Его партія, со страхомъ слѣдящая за скачкой обѣихъ четверокопыхъ, ликуетъ. Со всѣхъ сторонъ раздаются ему и его лошадямъ ободрительныя восклицанія:—Браво, Эмили, дряни, голубы!

Послѣдній кругъ. О! какъ напряжены всѣ жизненные силы, какъ тяжело дышетъ грудь каждаго. Теперь имъ некогда: наступила минута раздавить противника, но оба вождя ужъ близки къ цѣли и почти равны другъ другу въ силѣ и быстротѣ. Дать здѣсь перевѣсъ можетъ только хитрость.

Боги праведные! Колѣса голубыхъ дымятся у оси, воспаленные жаромъ трепя. Никогда еще циркъ не видѣлъ такихъ быстропогонихъ коней; никогда еще не восхищался такими искусными вождями.

Зрители, съ ногъ до головы облитые потомъ, потому что жара стоитъ невыносимая, въ распуценныхъ одеждахъ, сжимаемая кулаки, кричатъ:

— Десять тысячъ, сто тысячъ, за зеленыхъ!...

— Идетъ!—возражаютъ голубые, потому что Лэзіусъ Феликсъ все еще держится наравнѣ съ противникомъ.

Не дожидая на длину лошади до поворота, Феликсъ кричитъ:

— Гутта! Гутта! пять тысячъ сестерцій, и я подаю назадъ!

Но прежде еще чѣмъ противникъ успѣлъ бросить ему проклятіе, изъ ближней ложи на лицо его наводятъ отраженный свѣтъ солнца, и передъ остлѣпленными его глазами прыгаютъ голубыя, зеленыя, желтыя звѣзды.

(Окончаніе будетъ)

КЪ РИСУНКАМЪ.

Отъ Прута до Дуная.

Галацъ, 19-го апрѣля.

Въ настоящую минуту по всѣмъ дорогамъ Румыніи, и большимъ и малымъ, желѣзнымъ и экипажнымъ, царствуетъ самое оживленное движеніе—это движеніе носитъ исключительно военный, боевой характеръ. Войска наши перевозятся по рельсамъ, идутъ походнымъ маршемъ, везутъ съ собою громадные осадные и понтонные парки, безконечныя трапезы съ фуражемъ и продовольствіемъ, и все это стремится по одному общему направленію, отъ Прута къ Дунаю. Частнымъ пассажирамъ тоже не возбраняется ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, приостановлены только товарныя поѣзда, пассажирскіе же идутъ своимъ порядкомъ по мирнымъ расписаніямъ. Люди и лошади военныхъ обозовъ помѣщаются въ закрытыхъ товарныхъ вагонахъ; какъ для первыхъ, такъ и для вторыхъ устроены тамъ соответствующія приспособленія и дно вагоновъ устлано соломою, хоть и не совсѣмъ комфортабельно, тѣсно и душно, да зато скоро, въ одинъ сутки проходятъ такое разстояніе, что для пѣшехода понадобилась бы цѣлая недѣля. Къ тѣмъ пунктамъ, куда не проложенъ рельсовый путь,—туда войска направляются обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ, поражая румынъ своимъ быстрымъ и громаднымъ переходами. Первый, напримеръ, переходъ, отъ Кубея до Галаца и Барбошскаго моста, нѣхота и кавалерія сдѣлала въ одинъ день, а это разстояніе болѣе семидесяти верстъ,—примеры рѣдкіе въ военной исторіи. Обозы, парки и прочія тяжести перевозятся на открытыхъ платформахъ: каждая повозка предвѣрительно нагружена всѣмъ чѣмъ слѣдуетъ, аккуратно обвязана и при первой надобности можетъ быть скачена съ платформы и готова къ запряжкѣ. Кавалерія, преимущественно казачья полка, идетъ маршемъ по проселочнымъ и шоссевымъ дорогамъ. На моихъ наброскахъ, приложенныхъ къ этому письму, изображены военныя походныя сцены, представляющія въ настоящее время на каждомъ шагу по румынскимъ дорогамъ. Одинъ рисунокъ изображаетъ большія лазаретныя фуры, на другомъ изображены донцы, идущіе на рысяхъ, аллюрѣ, при такихъ степныхъ переходахъ весьма употребительный; на третьемъ рисунокѣ видны наши обозныя и санитарныя повозки, установленныя на открытой платформѣ желѣзнодорожнаго поѣзда; кромѣ того еще нѣсколько сценъ, которыя сами за себя говорятъ и поясненія не требуютъ.

Вчера въ половинѣ перваго дня прогремѣли первые боевыя выстрѣлы на Дунаѣ, именно въ Бранловѣ, гдѣ два турецкіе парохода пытались пройти, но были остановлены выстрѣлами нашихъ полевыхъ орудій, сами отвѣчали тоже, да неудачно, и получивъ значительныя поврежденія, отступили обратно въ Мачинскій рукавъ. У насъ не было вовсе потерь. На первый разъ это дѣйствительно счастливо. Сегодня съ утра тоже слышны выстрѣлы со стороны Рени и виденъ пороховой дымъ—результаты перестрѣлки еще неизвѣстны. Дописываю вамъ это письмо а самъ поглядываю въ окно моей комнаты въ отелѣ

Дача, въ Галацѣ; изъ этого окна ясно виденъ и дымъ турецкихъ мониторовъ около Рени и бѣлые клубы пушечныхъ выстрѣловъ съ той и съ другой стороны—звукъ этихъ выстрѣловъ доносится до слуха, но весьма слабо. На всѣхъ крышахъ и балконахъ группы любознательствующихъ. До свиданія.

Н. Карзининъ.

Призывъ къ молитвѣ съ мечети въ Русуцкѣ.

Русуцкѣ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить (см. № 11 „Нивы“ с. г. стр. 177), находится на правомъ берегу Дуная, гдѣ находится въ него рѣка Ломъ, образуемая слияніемъ чернаго и бѣлаго Лома. Русуцкѣ имѣлъ до настоящаго времени до 30 тысячъ жителей, теперь же изъ него значительная часть населенія выбралась; по крайней мѣрѣ газеты извѣщали, что въ концѣ апрѣля, по желѣзной дорогѣ въ Варну и Констанцинополь ежедневно выѣзжаетъ изъ Русуцка до 1,000 человекъ. Почти всѣ британцы, проживавшіе тамъ, оставили городъ. Британскій консулъ распорядился, чтобы всѣ находящіеся подъ его покровительствомъ, вывѣсили на своихъ домахъ британскій флагъ. По послѣднимъ извѣстіямъ турки энергично начали сосредоточивать свои войска въ Русуцкѣ и его окрестностяхъ. Изъ Виддина каждый день приходятъ въ Русуцкѣ пароходы, которые перевозятъ назначенныя въ Русуцкѣ 30 батальоновъ, по болѣе части, египтянъ и сирійцевъ.

Съ нѣкотораго времени изъ Шумлы въ Русуцкѣ прибываютъ въ значительномъ количествѣ войска, предвѣрительно, очевидно, служить резервомъ для сосредоточенной тамъ главной арміи.

Въ настоящее время, вѣроятно, уже не мало воздвигнуто противъ этой крѣпости нашихъ баттарей: ибо, какъ видно изъ газетныхъ сообщеній, еще въ апрѣлѣ, а именно въ ночь съ 26 на 27-е, нашими войсками воздвигнуты противъ Русуцка три баттары.

Представленный рисунокъ изображаетъ Русуцкѣ еще въ его мирномъ состояніи. Объ этомъ мирномъ состояніи можно заключить изъ того, что птицы еще покойно гнѣздятся подъ кровлями русуцкихъ мечетей и только по временамъ ихъ покой тревожитъ правотѣрный призыватель къ молитвѣ, забирающій среди вечерней тишины на банню мечети и своимъ приходомъ нарушающій покой птицъ. Не то будетъ, когда загремятъ пушки вблизи Русуцкой крѣпости: улетятъ голуби и другія птицы, улетятъ далеко отъ того мѣста, гдѣ будутъ грохотать пушки. Быть можетъ, въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, уже пушечный грохотъ нарушилъ мирное спокойствіе птицъ, жившихъ на русуцкихъ мечетяхъ и понеслись эти напуганныя птицы съ необычайною поспѣшностью дальше, дальше отъ ужасныхъ звуковъ, недоумѣвая, что же это вдругъ страшное случилось.

Не можемъ не обратить вниманія читателей на то мастерство, съ какимъ рисунокъ гравированъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ВОЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Обозрѣніе военныхъ извѣстій въ настоящемъ случаѣ намъ приходится начать съ нѣкоторыхъ подробностей относительно

взятія Ардагана (о самомъ фактѣ взятія котораго сообщено нами въ предъидущемъ № „Нивы“). Число отбитыхъ у турокъ

подъ Ардаганом орудій оказалось 73; изъ нихъ много крупнопослѣднихъ, отличной отдѣлки; въ числѣ послѣднихъ находятся 2 восьмидюймовыхъ орудія и 5 24-фунтовыхъ береговыхъ. Профили 4-хъ главныхъ укрѣпленій Ардагана имѣли громадныя размѣры. Число убитыхъ турокъ простирается до 800. Связія извѣстия съ азиатскаго театра войны касаются нашего *Сухумскаго* отряда, который, занявъ позицію передъ Цебельдою, около Ольгинскаго селенія, былъ нѣкоторое время уединенъ возставшимъ населеніемъ въ окрестностяхъ Сухума. Но потомъ посланы были къ Сухумскому отряду подкрѣпленія, которыя безпрепятственно двинулись впередъ усиленными переходами. Но въ *Адлеръ* 11-го мая, послѣ усиленнаго бомбардированія, неприятель произвелъ высадку съ 7 судовъ. Высажены большою частью бывшіе переселенцы съ Кавказа. Затѣмъ извѣстно, что послѣ занятія Ардагана наши войска, подъ начальствомъ генерала Лорисъ-Меликова, готовятся къ энергическому нападенію на Карсъ. Послѣдній лежитъ къ юго-востоку отъ Ардагана, и взятіе его открыло само собою дорогу къ Карсу.

— Въ лондонскую «Daily News» телеграфируютъ изъ Батума, что 11 (23) мая русскія вѣска, сосредоточенныя около Батума, будутъ подкрѣплены 20,000 войскъ изъ Ардагана. Ходятъ слухи, что этою атакою будетъ командовать Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Въ ту же газету телеграфируютъ, что 11 мая русскіе быстро направились противъ лѣваго фланга турецкой арміи.

Что касается европейско-балканскаго театра войны, то извѣстно, что наши войска 9 (21) мая прибыли въ *Ольтеницу* (мѣстечко на Дунаѣ, къ западу отъ Силистріи и на сѣверо-востокъ отъ Туртукая). Артиллерія наша обстрѣливаетъ вновь возводимыя неприятелемъ укрѣпленія въ Туртукаю. Принявъ въ расчетъ значительное разстояніе отъ Туртукая до Ольтеницы, нужно предположить, что войска наши растянулись по Дунаю длинною цѣпью, между этими двумя пунктами.

12 мая Его Высочество Главнокомандующій вернулся изъ Бухареста, гдѣ присутствовалъ по случаю годовщины вступленія на престолъ князя Карла. Толпы румынскаго народа восторженно привѣтствовали Его Высочество. Вслѣдствіе большихъ дождей, бывшихъ на прошлой недѣлѣ въ Румыніи, рѣки тамъ выступили изъ береговъ и превратились въ бурные потоки, которые угрожаютъ многимъ постамъ. Однакожъ состояніе нашей Дунайской арміи благополучно и большихъ весьма мало.

Съ другой стороны наши войска 11 (23) мая уже заняли Джуржево (къ юго-западу отъ Ольтеницы), укрѣпленіе на Дунаѣ, насупротивъ Руцукъ. Одновременно же, далѣе къ западу, на этомъ же театрѣ войны, турки потопили австрійскій пароходъ «Клотильда» и усиленно бомбардировали Калафатъ (румынское укрѣпленіе противъ Виддина). Далѣе извѣстно (впрочемъ изъ турецкихъ источниковъ), что черногорскій князь Николай собирается обстрѣливать Никшичъ (на границѣ между Черногоріей и Герцеговиной, на сѣверной границѣ Черногоріи).

— Изъ Сербіи извѣщаютъ, что въ Бѣлградѣ 23-го мая изданъ приказъ, предписывающій здѣшней національной милиціи явиться къ 29 числу въ полной готовности. Затѣмъ повелѣно сформировать два новыхъ батальона постоянной арміи и созываются старослуживые и отпускные нижне чины. По открытіи засѣданій Скупщины князь Миланъ отправится въ Румынію. Сербы очевидно находятся теперь въ такомъ же лихорадочномъ возбужденіи, въ какомъ они были до начала прошлой войны противъ Турціи. Изнуреніе и упадокъ духа, послѣ 4-мѣсячной непосильной борьбы, уступаетъ мѣсто новому одушевленію.

Сербія, очевидно, рѣшается напрячь всѣ силы и бороться снова за свою независимость.

Собственно въ политическомъ мірѣ совершилось за прошлую недѣлю нѣсколько крупныхъ фактовъ. 1) Во Франціи пало либеральное министерство Жюли-Симона и учреждено реакціонно-клерикальное министерство Бродли. Переворотъ этотъ совершился резко и круто и характеризуетъ рѣшительное выступленіе на путь реакціонно-клерикальной политики, со стороны главы французской республики маршала Макъ-Магона. Послѣдній обнародовалъ уже свое посланіе, къ законодательному собранію, въ которомъ выясняетъ причины своего самовластнаго образа дѣйствій. Далѣе, въ тѣсной связи съ этимъ же фактомъ стоитъ внезапный пріездъ въ Берлинъ германскаго канцлера, князя Бисмарка, уволеннаго, какъ извѣстно, въ продолжительный отпускъ. Бисмаркъ, говорятъ, былъ вызванъ германскимъ императоромъ тотчасъ, какъ послѣдній получилъ извѣстіе о событіяхъ во Франціи. Тотчасъ по пріездѣ Бисмарка состоялся совѣтъ министровъ подъ предсѣдательствомъ императора. Совѣтъ имѣлъ два засѣданія, и затѣмъ Бисмаркъ имѣлъ продолжительную аудіенцію у императора. Въ совѣтѣ министровъ предметомъ совѣщаній служило главнымъ образомъ *отношеніе Германіи къ Франціи*, въ виду образованія въ этой странѣ клерикальнаго министерства. Затѣмъ между берлинскимъ и вѣнскимъ кабинетами произошло оживленное обмѣнъ депешъ, съ цѣлью установленія общаго образа дѣйствій обѣихъ державъ относительно Франціи. Да и въ самомъ Парижѣ вѣсть о возвращеніи князя Бисмарка произвела такое сильное впечатлѣніе, что на биржѣ произошло паденіе бумагъ. Этимъ, конечно, совершенно подтверждается предположеніе, что Германія, борющаяся съ клерикализмомъ, не можетъ быть равнодушною къ клерикально-регрессивному шагу французскаго правительства. Въдѣ это въ нѣкоторомъ родѣ перчатка, брошенная Франціей Германіи, и послѣдствія подобнаго «Макъ-магоновскаго» шага могутъ быть громадныя.

Италія усиленно вооружается, и ея вооруженія тоже направлены противъ французскаго клерикальнаго министерства.

Упомянемъ еще важный фактъ. Румыніи провозгласила свою независимость, почти одновременно съ объявленіемъ Порты войны. Румынская палата приняла постановленіе объ отплатѣ дани, платимой Портѣ, а также чрезвычайный бюджетъ для веденія войны. Князь Карлъ уже вступилъ въ отправленіе обязанностей главнокомандующаго румынской арміей, что произвело въ странѣ всеобщій восторгъ.

Изъ Браилова отъ 14 мая получено офиціальное извѣщеніе, что лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ минными шлюпками взорвали ночью наибольшій турецкій мониторъ, и что при этомъ у насъ потери не было.

Изъ Ардагана по направленію въ Карсъ 10 мая выступили генералъ Лорисъ-Меликовъ во главѣ восьми баталіоновъ съ артиллеріей и генералъ-лейтенантъ Девель во главѣ семи баталіоновъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ, князь Николай Федоровичъ Масальскій, начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи А. Н.—лева (съ портретомъ).—Aquis submersus. Новелла Теодора Шторма.—Стихотвор. П. Выше-славцева.—Сопровица московской оружейной палаты И. Звѣрева (съ 6-ю рисун.).—Бояринъ въ опалѣ (съ рисункомъ). И. Звѣрева.—Изъ древне-русской жизни (съ 2-мя рисунками).—Отъ Прута до Дуная (съ 6-ю рисунками) Н. Каравина.—Примѣвъ къ молитвѣ съ мечети въ Руцукѣ (съ рисункомъ).—Политическія и военныя извѣстія.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

БРЕЗЕНТЫ И ВОЙЛОЧНЫЯ НЕПРОМОКАЕМЫЯ ПОКРЫВАЛА

для вагоновъ, повозокъ, покрытій товара въ экипажѣ, для обозовъ, для устройства палатокъ и крышъ у временныхъ построекъ.

АСФАЛЬТОВЫЯ КРОВЕЛЬНЫЯ

ТОЛЬ

въ кускахъ въ 36½ кв. арш.

ШВЕДСКІЙ КАРТОНЪ

и пропитанный водоупорный

ВОЙЛОКЪ

въ кускахъ въ 28½ кв. арш. для обивки деревянныхъ стѣнъ продается на складахъ у

Л. Ф. КУВАРИЧЪ.

С. Петербургъ, Гелерная ул., № 33. Москва, Мясницкая, д. д. Св. Николая.

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ

преполагаетъ уроки игры на фортепіано. Адресъ: у Харламова моста, въ домѣ Сутугина, спросить г. Тивольскаго.

Maison d'importe américaine cherche des agents. Bonnes références nécessaires. Offrs. frco au bureau d'annonces. Nevsky № 4. St. Pbg.

При этомъ № предлагается для гг. инотор. подписч. объявленіе отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ *).

*) Въ нѣсколькихъ тысячахъ экз. прошлаго № 20 было напечатано, что при немъ предлагается для гг. инотородныхъ подписчиковъ означенное выше объявленіе К. Е. Киселева; но получивъ оное только въ пятницу, 13 Мая, вечеромъ, не смотря на то, что г. Киселевымъ оно выслано изъ Москвы чрезъ Транспортное Общество «Надежда» еще 6-го Мая, Котора Редакція не была въ состояніи разослать его раньше, чѣмъ при этомъ №.

Дозволено цензурою. СПб. 20 Мая 1877 г.

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимирская, № 8,

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,

Васильевскій Островъ, 11 линия, № 56.

Товарищество Чехберсъ и К^о.

Магазинъ: Адмиралъ. Продать: Островной.

МОЛОКО РИСОВЫХЪ ЦВѢТОВЪ.

Рисовое молоко принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ средствамъ, которыя имѣютъ благотворное дѣйствіе на кожу. Оно уничтожаетъ загаръ, предохраняетъ отъ веснушекъ и способствуетъ ихъ уничтоженію, придаетъ кожѣ особенную бѣлизну и мягкость.

Цена за флаконъ 1 р. съ пересылкою 1 р. 75 коп.

Магазинъ А. Рузанова.

Гостинный дворъ № 40. С-Петербургъ.

Типографія «Адрианъ» 10.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 22

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Издавъ 30 Мая 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ все
уже вышедшіе номера
«Нивы».

Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
„ „ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки черезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева.	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во все города Имперіи	5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Контора журнала
«Нива» помещается
въ С.-Петербурѣ, на Б.
Морской, въ д. № 9.

Генераль-лейтенантъ Петръ Семеновичъ Ванновскій, командиръ 12-го
корпуса дѣйствующей арміи.

Генераль-лейтенантъ Петръ Семеновичъ Ванновскій воспитывался въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и поступилъ на дѣйствительную службу прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, въ 1840 году. Вся служба Петра Семеновича полна замѣчательной дѣятельности, проявляемой имъ въ различныхъ порученіяхъ съ необыкновенною энергіею; каждое принимаемое на себя порученіе онъ старался изучить всесторонне и доводилъ въ-вѣрную ему часть до возможнаго совершенства. Уже въ 1848 году, находясь при образцовомъ полку, въ гвардейскомъ учебномъ батальонѣ, въ чинѣ поручика, доведеніемъ учебной команды до степени совершенства (выраженіе приказа), онъ удостоился личной благодарности Великаго Князя Михаила Павловича, выраженной вслѣдъ затѣмъ приказомъ по гвардейскому корпусу. Въ восточную войну 1853 г., прикомандированный сначала къ Камчатскому полку, а затѣмъ къ Замоостскому егерскому, — въ командо-

Генераль-лейтенантъ Петръ Семеновичъ Ванновскій, командиръ 12-го корпуса дѣйствующей арміи. Рис. и грав. К. Вейерманъ.

ваніе свое батальономъ онъ выказалъ замѣчательное хладнокровіе и храбрость, давшая ему Владимира 4-й степени съ мечами и репутацію отличнаго офицера. Откомандированный по Высочайшему повелѣнію обратно въ свой полкъ, онъ до 1857 года находился въ полку, командуя 1-мъ батальономъ, а въ ноябрѣ этого же года былъ назначенъ начальникомъ стрѣлковой офицерской школы, сформированной для обученія въ войскахъ обхожденію съ вводимымъ тогда новымъ нарѣзнымъ ружьемъ. Исполненіе было блестящее и заслужило ему особенное вниманіе Государя Императора. Въ 1861 году онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры, состоя въ-вѣщательнымъ членомъ оружейной комисіи. Послѣ сдачи офицерской школы, по случаю преобразования военно-учебныхъ заведеній, онъ былъ назначенъ членомъ специальныхъ комиссій по сему дѣлу, и реформа военно-учебныхъ заведеній совершилась при огромной долѣ труда и дѣятельности Пет-

ра Семеновича. Получивъ назначеніе директора Павловскаго кадетскаго корпуса, переформированнаго впоследствии въ Павловское военное училище, онъ, будучи назначенъ начальникомъ этого училища, оставался на этомъ мѣстѣ 4 года. По производствѣ въ генералъ-лейтенантъ, онъ былъ назначенъ начальникомъ дивизіи, сначала 12-й, а потомъ 33-й, составляющихъ нынѣ части его корпуса. Вѣривъ себя и въ обученіи дивизіи, какъ и во всемъ, какъ говорится, „душу свою положилъ“ въ принятое дѣло и результаты получились замѣчательныя. Неудачи самаго себя, но и строго взыскательный къ своимъ подчиненнымъ, требуя отъ нихъ того же знанія и любви къ дѣлу, которыми проникнуть, онъ для сибаритствующихъ можетъ показаться даже тяжелымъ человекомъ, подчасъ мѣшающимъ самостоятельности подчиненнаго, но это выкупается тѣмъ горячимъ участіемъ, съ которымъ онъ стоитъ за инте-

ресы своихъ подчиненныхъ, отстаивая ихъ всеѣмъ своимъ авторитетомъ. Не могу не привести здѣсь случая въ его храбрости, отчасти характеризующихъ генерала Ванновскаго. При осадѣ Силистріи, въ ночь, назначенную для штурма, капитанъ Ванновскій съ охотниками находился впереди всѣхъ войскъ и только дожидаясь сигнала, чтобы броситься почти на вѣрную смерть. Въ Ольгеницкомъ дѣлѣ, когда баттарен турокъ съ острова Радована и изъ Туртукая сильно вредили намъ, приказано было недействующимъ войскамъ, во избѣжаніе напрасной потери въ людяхъ, прилечь за естественными прикрытіями; всѣ легли. Остался стоящимъ только капитанъ Ванновскій. Храбрый, прямой и дѣятельный безъ устали, — таковъ генералъ Ванновскій. Въ настоящую войну, онъ нужно замѣнить, первый перешелъ Пругъ у селенія Унгены.

А. Н.—авт.

AQUIS SUBMERSUS

НОВЕЛЛА ТЕОДОРА ШТОРМА.

(Продолженіе).

II.

Съ той поры миновало пять лѣтъ. Въ какомъ-то теперь положеніи я тамъ все найду? И уже у флигеля, предъ воротами, стоялъ я и въ глубинѣ двора видѣлъ старыя липы, и за свѣтлою зеленью ихъ оба зубчатые фронтона господскаго замка. Но когда я хотѣлъ войти въ ворота, пара превеликихъ свѣтлосѣрыхъ бульдоговъ, въ ошейникахъ, выскочили со двора и бросились мнѣ навстрѣчу. Лай яростный подняли они. Такъ никогда еще меня тутъ не встрѣчали! Къ счастью моему, изъ каморки надъ воротами прозвучалъ грубоватый, но милый мнѣ голосъ: „Гей вы! Полканъ! Турка! сюда!“ Позванные псы повиновались и меня оставили въ покоѣ. На лѣстницѣ послышались шаги, вышелъ старикъ Дитрихъ.

Взглянувъ на него, повялъ я, что онъ на чужбинѣ весьма долго прожилъ, ибо пріятель мой, былъ сѣдлою лунь, а глаза его, веселые прежде, теперь потускнѣли.

— Герръ Иоаннъ! наконецъ произнесъ онъ и подаль мнѣ руки.

— Здравствуй, Дитрихъ! А скажи, съ какого времени во дворѣ держите вы злыхъ псовъ?

— Псовъ, сударь, отвѣчалъ старикъ, господинъ молодой привезъ.

— Такъ онъ дома?

— Дома.

— Ну,—замѣтилъ я,—что-жь, сабаки нынѣ, быть можетъ, и нужны: вѣдь послѣ войны въ мѣстахъ здѣшнихъ множество бѣглыхъ шатается.

— Ахъ, сударь, въ тяжкія вы времена вернулись!..

Поглядѣлъ на него я и промолвилъ:

— Правда твоя, Дитрихъ. Во многихъ запустѣлыхъ жилищахъ нынѣ, вмѣсто поселянъ, волки пристанище имѣютъ, что я самолично видѣлъ; но миръ заключенъ и добрый господинъ этого замка людямъ помощь окажетъ.

Съ этими словами хотѣлъ во дворъ. я войти но однако-же, старикъ остановилъ меня.

— Сударь! воскликнулъ онъ,—прежде нежели дальше вамъ идти—выслушайте меня. То правда, что почта королевская письмо ваше изъ Гамбурга сюда доставила, но того, къ кому было оно писано, — письмо это уже не застало.

— Дитрихъ! воскликнулъ я, что ты говоришь, Дитрихъ?!

— Да, сударь, такъ. Времячко доброе для насъ миновало... Дорогой господинъ нашъ, Гергардусъ, на катафалкѣ въ капеллѣ уже лежитъ и свѣчи у гроба его горять... Все здѣсь нынѣ переѣмнется, но я человекъ малый и объ этомъ разговоръ держать мнѣ не приличествуетъ.

Хотѣлось мнѣ спросить о Катеринѣ, но языкъ къ гортани прилипъ...

Въ одномъ изъ флигелей господскаго замка находи-

лась часовня, я спросилъ старика: отперта-ли часовенка? и получивъ утвердительный отвѣтъ, отправился туда. Тихо было, только жужжаніе комаровъ съ верхушекъ липъ до меня долетало.

Дверь въ часовенку стояла пріотворенною... Съ тяжелыми чувствами тихо я вступилъ туда. Открытый гробъ былъ тамъ, а пламень красноватый восковыхъ свѣчей трепетный свѣтъ бросалъ на благородный ликъ патрона моего любезнаго.

Я хотѣлъ молиться, вдругъ вижу: противъ меня, молодая, блѣдная дѣвица и съ испугомъ на меня смотритъ. На головѣ у нея черное покрывало.

И прочелъ я въ карихъ очахъ ея.

— О, Иоаннъ, это ты! Ахъ, опоздалъ ты.

То была Катерина.

— Да, я шель, лъстя себя надеждою списать портретъ съ живого и искусствомъ моимъ благодарность ему выразить. Дозвольте же мнѣ нынѣ черты его образа на бумагѣ оставить, ибо онъ скоро уже измѣнится.

Когда она, слезами обливаясь, въ знакъ согласія мнѣ кивнула головою, усѣлся я на скамью и хотѣлъ приняться за работу, но рука моя дрожала... Можетъ быть, смерти величіе было этому причиной.

На дворѣ раздался голосъ, въ которомъ я голосъ Вульфа призналъ, и вслѣдъ за симъ пестъ завизжалъ, какъ будто на ногу ему наступили или хлыстомъ ударили, и въ ту-же минуту кто-то захохоталъ... И этотъ второй голосъ тоже знакомымъ мнѣ показался.

Когда я на Катерину взглянулъ, глаза ея съ выраженіемъ ужаса, къ окну были обращены... Однако-же голосъ и шаги вдали смолкли. Тутъ встала она съ колѣнъ, ко мнѣ подошла и глядѣть стала на мою работу и руку свою положила на мое плечо... Дрожь какую-то почувствовалъ я.

Внезапно дверца часовенки распахнулась—дворянчика Вульфа тотчасъ узналъ я, не смотря на то, что его, по обыкновенію, лицо блѣдное, теперь красно было и раздуто.

— Ты чего здѣсь, у гроба, торчишь? сестрѣ онъ закричалъ. Баронъ Ришъ у насъ былъ, чтобы о соболѣзнованіи своемъ засвидѣтельствовать... Ну, и ты ему стаканъ вина поднести могла бы!

Примѣтивъ тутъ и мое присутствіе, Вульфъ впился въ меня глазами.

— Вульфъ,—промолвила Катерина, къ нему подводя меня,—это Иоаннъ.

Дворянчикъ нужнымъ не счелъ руку мнѣ подать и, оглядѣвъ камзолъ мой цвѣта фіолетоваго, произнесъ:

— Да ты нынѣ въ перья пестря обряжаешься.. Тебя нынѣ, пожалуй, и „сударемъ“ величать придется!

— Какъ угодно вамъ, такъ меня и величайте, отвѣчалъ я; когда мы на дворъ вышли, я присовокупилъ:—хотя тамъ, откуда пріѣхалъ я, ставили передъ именемъ моимъ слово „герръ“, но вѣдомо вамъ, что много правъ на меня сынъ отца вашего имѣетъ.

Съ удивленіемъ на меня онъ поглядѣлъ и за симъ промолвилъ:

— Ну, инъ — ладно! Ты покажешь намъ, чему на деньги отца моего выучился. Въ вознагражденіи за работу твою отказано тебѣ не будетъ.

Я-же отвѣтилъ, что вознагражденіе отстраняю, ибо впередъ его давно уже получилъ, но такъ какъ на это Вульфъ возразилъ, что поступить соотвѣтственно званію дворянскому—спросилъ я: какую заказать работу мнѣ желаетъ онъ?

— Тебѣ извѣстно,—произнесъ онъ и пріостановился, причежь съ суровостью на сестру взглянулъ,—что когда дѣвица изъ фамилиі дворянской домъ родительскій покидаетъ, то въ семьѣ портретъ ея остается.

Тутъ почувствовалъ я, что при этихъ словахъ Катерина, со мною рядомъ шедшая, пошатнулась и за плащъ мой ухватилась; однако-же я отвѣчалъ спокойно:

— Обычай этотъ мнѣ знакомъ, но что вы сказать хотите, сударь Вульфъ?

— Хочу сказать я,—отвѣчалъ онъ рѣзко, какъ будто противорѣчія ждалъ отъ меня, — что долженъ ты съ Катерины портретъ написать!

Овладевъ мною ужасъ, и въ то-же время думалъ я, что нынѣ вовсе не пора бы свадьбу затѣвать...

Но такъ какъ Катерина взгляды умоляющіе на меня бросала, то я сказалъ:

— Если ваша благородная сестра этой чести меня удостоить, то лъщу себя надеждою, что ни высокаго покровителя моего, отца вашего, ни моего учителя не посрамлю. Соизвольте приказать лишь прежнюю мою каморку надъ воротами, во флигелѣ Дитриха, очистить — и ваше желаніе будетъ исполнено.

— Остался Вульфъ этимъ доволенъ и сказалъ сестрѣ, чтобы велѣла она для меня закуску приготовить.

Хотѣлъ я распросить еще, но ни слова не сказалъ, опасаясь обнаружить свои чувства. Будучи въ раздумьи, бульдоговъ свирѣпыхъ, грѣвшихъ у колодца на солнышкѣ, я не примѣтилъ, и когда мы къ нимъ ближе подошли—они на меня кинулись. Вульфъ-же пронзительно свиснулъ—и псы къ ногамъ его поползли.

— Дьяволъ побори! смѣясь заговорилъ онъ,—бѣшеные псы! Они не разбираютъ, что передъ ними—хвостъ свиной или сукно фландрское! Имъ все одно!

— Но, герръ Вульфъ (не смогъ я удержать себя), если хотите вы, чтобы въ домѣ отца вашего гостемъ я былъ—слѣдуетъ вамъ псовъ вашихъ лучшимъ манеромъ обучить!

Онъ сверкнулъ на меня глазенками своими и, клиновидную бороденку свою пощипавъ, сказалъ:

— Такая уже манера у нихъ гостей встрѣчать, сударь мой!

Нагнувшись при этомъ, псовъ поласкалъ и присовокупилъ:

— Пусть извѣстно будетъ всякому, что порядки другіе нынѣ пошли тутъ, а потому, кто мнѣ поперегъ дороги станеть, того я до безчувствія затравлю.

При этихъ словахъ, проговоренныхъ имъ весьма рѣзко, выпрямился онъ, свиснулъ псамъ и черезъ дворъ къ воротамъ пошелъ.

Вслѣдъ ему немного поглядѣвъ, отправился и я за Катериной, молча, съ опущенной головою. Съ тѣмъ-же безмолвіемъ въ верхній этажъ поднялись мы и въ комнату покойнаго вступили. Все по старому тутъ было: тѣ-же обои кожаные съ рисункомъ золотымъ, тѣ-же на стѣнахъ ландарты и на полвахъ пергаменты изящно переплетенные, надъ столомъ рабочимъ картина Рюндаля висѣла, а около стола кресло порожнее... На этомъ креслѣ взоръ мой остановился... И какъ тамъ, въ часовенкѣ, у трупы покойнаго, такъ и тутъ, все безжизненнымъ, мертвымъ, мнѣ представлялось! Тамъ далеке лѣсъ зеленѣлъ, весна юная въ окно посматривала, а здѣсь царствовало гробовое безмолвіе.

Въ это мгновеніе Катерины и въ мысляхъ не было моихъ. Когда обернулся я—неподвижно посреди комнаты стояла она, и я видѣлъ, какъ грудь ея подъ скрепченными на ней ручками тяжело вздымалась.

— Не правда-ли,—тихо сказала она,—не правда-ли, что нѣтъ тутъ никого... Никого, кромѣ брата моего и псовъ его злыхъ?..

— Катерина! вскричалъ я,—но что съ вами? Что творится тутъ, въ домѣ отца вашего?

— Что творится тутъ, Иоаннъ?..

И она обѣ руки мои схватила порывисто; въ горѣвшихъ очахъ ея вмѣстѣ съ гнѣвомъ и страданіе замѣтно было.

— О, нѣтъ! Нѣтъ! вдругъ прервала себя она: да успокойся прежде отецъ мой въ могилѣ, а потомъ... Вѣдь ты портретъ съ меня писать будешь и нѣкоторое время тутъ проживешь?.. Тогда, Иоаннъ, ради покойнаго отца помоги мнѣ!..

Въ отвѣтъ на это я, въ порывѣ чувствъ состраданія и любви, къ ногамъ ея упалъ, и себя и всѣ силы свои ей отдать поклялся. Слезы полились изъ ея глазъ и мы, долго говорили съ ней о ея умершемъ отцѣ.

Сойдя потомъ въ нижній этажъ, о старой дѣвѣ спросилъ я.

— Тетушка Урсула! воскликнула Катерина. Хочешь ты съ нею поздороваться? Да, она еще жива. Комната ея тутъ, внизу: давно уже по лѣстницамъ она ходить не можетъ.

Вошли мы въ небольшую комнату, выходящую окнами въ садъ, въ которомъ, вблизи изгороди зеленой, на куртинахъ тюльпаны цвѣли. Высохшая, дряхлая, въ черномъ чепцѣ и платьѣ, тетка Урсула сидѣла въ креслѣ. Передъ нею на столѣ разложена была, игра изъ костяшекъ.

Катерина назвала старухѣ меня.

— А! промолвила она, съ осторожностью колышки изъ кости слоновой перекладывая: — такъ онъ тутъ опять, этотъ Иоаннъ?... Нѣтъ, не выходитъ... Oh, c'est un jeu très compliqué!

Смѣшавши потомъ колышки свои, на меня она взглянула.

— Эге! Да онъ пренарядно одѣтъ... Развѣ не извѣстно ему, что въ домъ пришелъ онъ, гдѣ трауръ?

— Это я уже знаю, фрейлейнъ, возразилъ я, но когда входилъ въ домъ, то еще не зналъ.

— Ну, собственно говоря (тутъ ласково головой она тряхнула), вѣдь къ прислугѣ дома нашего Иоаннъ не принадлежитъ.

На блѣдномъ лицѣ Катерины улыбка промелькнула, я же счелъ себя вправѣ на это замѣчаніе старухи отвѣта не давать. Напротивъ, расхваливать началъ я ея комнату. Тетушка Урсула, однако-же, жаловалась, на соловьевъ, нарушавшихъ ея ночной покой.

Тутъ и окончился мой визитъ, такъ какъ Катерина напомнила, что и отдохнуть пора мнѣ, и подкрѣпить себя пищей.

И такъ я поселился въ прежней комнатѣ своей въ домѣ покойнаго г. Гергардуса. Это мое пребываніе въ домѣ очень обрадовало старика Дитриха. Однажды, бесѣдуя со мною, онъ вечеромъ почувствовалъ приливъ откровенности и замѣтилъ съ сожалѣніемъ, что у меня нѣтъ дворянскаго герба, а вотъ у Риша—есть! Я ничего на это не сказалъ, и любопытствовалъ разузнать поподробнѣе о Ришѣ.

Дитрихъ не замедлилъ удовлетворить мое любопытство. Изъ разсказа его я узналъ, что Ришъ—изрядный самодуръ и порядочная скотина, ибо—въ имѣніи его живущимъ поселянамъ радоваться приходилось, что у нихъ нѣтъ дочерей. Далѣе Дитрихъ сообщилъ, что Ришъ, похоронивъ отца, сдѣлался богачемъ, а это нашему молодому барину и на руку, ибо онъ уже из-

ТУРЕЦКІЯ КРѢПОСТИ ВЪ МАЛОЙ АЗИИ.

Крѣпость Ваязетъ, взятая русскими войсками 19 Апрѣля 1877 г.

Крѣпость Карсъ.
Съ фотографіи, грав. К. Вейерманъ.

рядно-таки наследство свое растрянжирилъ.

На этомъ старикъ и прервалъ свой рассказъ, сказавъ: „но я человекъ малый и разговаривать много мнѣ не приличествуетъ.“

Этого было довольно—я достаточно ясно понялъ, въ чемъ дѣло.

Получивъ изъ города свои вещи (платье и рисовальныя принадлежности), я облекся въ черный костюмъ. Дня черезъ три тѣло покойнаго Гергардуса было предано землѣ въ фамильномъ склепѣ при мѣстной деревенской церкви. Всѣ почти окрестные помѣщики явились отдать послѣдній долгъ бывшему своему почтенному сосѣду. Былъ кое-кто и изъ дальней родни.

За все это время я почти не видѣлъ Катерины. Встрѣтилъ ее только за обѣдомъ, который и прошелъ весь въ мрачномъ безмолвіи. Катерина почти ничего не ѣла...

Вульфъ хмурился и, наконецъ, началъ настаивать, чтобы я поскорѣе принимался за заказанную работу. Выбралъ я мѣстечко въ портретной залѣ, около одного изъ оконъ, обращенныхъ къ сѣверу. Тетушка Урсула, какъ ни трудно ей было ходить по лѣстницѣ, все-таки приплелась въ залу и затѣмъ замѣтила, что, по ея мнѣнію, лучше было-бы рисовать портретъ въ ея комнатѣ, или въ смежной—„тамъ она занятіе для всѣхъ будетъ“. Разумѣется, это предложеніе мною было отвергнуто подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ нѣтъ надлежащаго освѣщенія. Тетушка и отъѣхала, такъ сказать, скушавъ грибъ.

На первый сеансъ Катерина явилась въ томъ же траурномъ платѣ. Мы были одни.

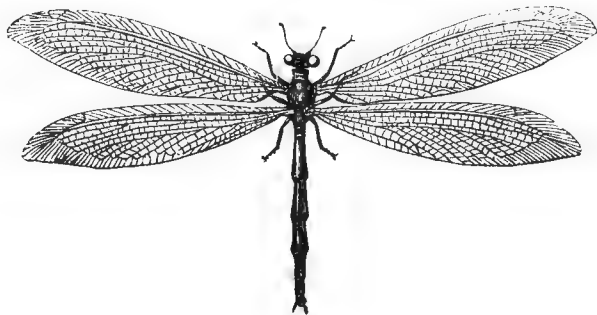

Муравьи (Formica).

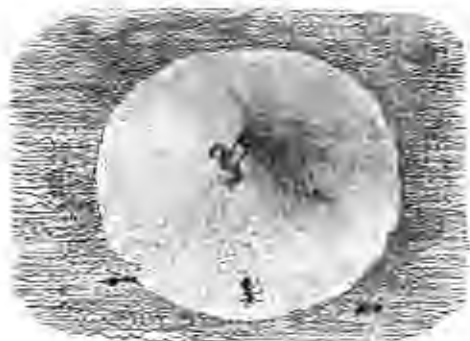
Дѣвушка утвердительно кивнула.

— Хотите-ли вы, Іоаннъ, чтобы я васъ послала къ ней? Я уже писала туда, но отвѣтъ тетки попалъ въ руки Вульфа... Такъ я и не узнала, что отвѣтила мнѣ она, но догадываюсь—отвѣтъ былъ благоприятный, потому что братъ совсѣмъ тогда взбѣсился, кричалъ неистово...

Наконецъ, Катерина сѣла и первый сеансъ начался, что не мѣшало нашей дальнѣйшей бесѣдѣ. Мы спокойно обсудили все дѣло, и рѣшили такъ: я поѣду въ

Муравьиный левъ (Fourmillon adulte).

Воронка личинки муравьиного льва, со скатывающимися по песку къ ней муравьями.

— Катерина,—заговорилъ я,— вы ничего противъ этого не имѣете, что я долженъ писать съ васъ портретъ? Темные, блестящіе глаза ея затуманились, и она тихо отвѣтила:

— Зачѣмъ вы спрашиваете объ этомъ?

— Вы правы! воскликнулъ я, сядьте, пожалуйста... Я не хочу, чтобы насъ застали *только* разговаривающими...

Гамбургъ для заказа тамъ рамы для портрета, а на обратномъ пути заверну въ Претцъ и увидаюсь съ монахиней, теткой Катерины. Теперь же нужно было усердно приняться за работу.

Нужно замѣтить, что баронъ Вульфъ не могъ не видѣть нашихъ съ Катериною другъ къ другу симпатій; но чувство гордости заставляло его относиться ко мнѣ

съ пренебреженіемъ. Впрочемъ, можетъ быть „дворянчикъ Вульфъ“ думалъ, что первая угроза его достаточно пугнула меня,—какъ бы то ни было, но того, чего опасался я, не случилось.

Катерина, какъ во время перваго сеанса, такъ и въ послѣдующіе, оставалась въ залѣ со мною одна. Впрочемъ, однажды какъ-то зашелъ Вульфъ, разбранилъ сестру—зачѣмъ она въ траурномъ платьѣ и сейчасъ же ушелъ, хлопнувъ дверью. Въ другой разъ онъ явился съ Ришемъ. Завидѣвъ „сову“, Катерина сдѣлала рѣзкое движеніе, но я попросилъ ее сидѣть спокойно и продолжалъ рисовать.

Со дня похоронъ Гергардуса, когда я обмѣнялся съ Ришемъ молчаливымъ поклономъ, дворянчикъ этотъ не показывался здѣсь. Подойдя ко начатому портрету, онъ осмотрѣлъ работу, наговорилъ кучу любезностей Катеринѣ и, между прочимъ, замѣтилъ, что напрасно фрейлейнъ снимается въ такомъ мрачномъ костюмѣ, да еще съ покрываломъ на головѣ, что лучше было-бы, если-бы она сбросивъ покрывало, распустила по плечамъ шелковые свои локоны, которые, какъ удачно выразился одинъ англійскій поэтъ, „посылали-бы воздушные поцѣлуи вѣтерку, съ ними играющему“.

Катерина, до тѣхъ поръ молчавшая, указала ему на портретъ отца и проговорила:

— Вы кажется, уже забыли, кѣмъ онъ былъ для меня!..

Ришъ держалъ себя въ отношеніи ко мнѣ такъ, какъ будто-бы меня вовсе и въ комнатѣ не было, или какъ будто я былъ для него просто машинкой, посредствомъ которой рисуютъ на холстѣ портреты.

Сдѣлавъ еще нѣсколько ненужныхъ замѣчаній относительно работы и видя, что Катерина отвѣчать ему не намѣрена, Ришъ скоро распростился.

Я замѣтилъ, что онъ, уходя, бросилъ на меня сердитый взглядъ.

Такъ шло время день за днемъ, часъ за часомъ и работа моя довольно быстро подвигалась впередъ.

Мы, понятно, желали, чтобы время шло какъ можно медленнѣе или-бы даже лучше—совсѣмъ остановилось; о поѣздкѣ въ Гамбургъ и Претцъ мы какъ-то не рѣшались заговорить. Но о чемъ-же бесѣдовали мы? я помню только, что рассказывалъ Катеринѣ о жизни своей на чужбинѣ, о стремленіи вернуться поскорѣе на родину, о томъ, какъ однажды, во время болѣзни, спасла меня отъ нужды та золотая монета, которую Катерина подарила мнѣ при прощаньи, и какъ потомъ тревожился я и до тѣхъ поръ не успокоился, пока не выкупилъ у закладчика этой золотой драгоценности. На губахъ Катерины играла улыбка счастья, глаза ея сияли... Это отражалось на моей работѣ: на темномъ фонѣ портрета все ярче и ярче обозначались очаровательныя черты прелестнаго лица дѣвушки...

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ДРЕВНЕ-РИМСКОЙ ЖИЗНИ

(Овоначаліе).

Сильвія, вѣрный другъ Гутты, сослужила ему службу своимъ зеркаломъ.

— Проклятое зеленое огродье—ругается Феликсъ, проигравъ глаза. Но еще не успѣлъ онъ совсѣмъ открыть ихъ, какъ Гутта, вихремъ мчась къ столу близкой уже цѣли, бѣлой мѣловой чертѣ, опередилъ противника на двѣ лошадиныя длины.

— Впередъ, Гутта, впередъ, ты сейчасъ у цѣли!

Партія голубыхъ уже начинаетъ падать духомъ.

Какъ свистятъ бичи, какимъ градомъ сыплются удары на спины благородныхъ животныхъ! И вотъ—еще одинъ скачекъ—благодареніе богамъ, мѣловая черта достигнута. По самымъ его пятамъ слѣдуетъ голубой.

— Bravo, Эмили, наша гордость, наше счастье!

Слышите эти крики? слышите, какой безумный гвалтъ идетъ вверхъ и внизъ? Зеленые громко ликуютъ, голубые скрежещутъ зубами, бѣлые и красные подымаютъ къ небу кулаки, съ проклятіями богамъ и людямъ.

Эмили Гутта, побѣдитель, съ гордой осанкой стоитъ въ своей колесницѣ, покрытый лентами, вѣнками, шарфами, медленно объѣзжаетъ онъ циркъ. Передъ императорской ложей Агриппа передаетъ ему въ серебрянной мискѣ „изеластикумъ“,—наполненный золотомъ призовой кошелекъ, красивыя, роскошныя одежды, золотое кольцо (признакъ свободнаго человѣка) и пальмовую вѣтвь.

Сопровождаемый восторженными криками своей партіи, шагомъ ѣдетъ онъ къ триумфальной аркѣ.

Многія женскія сердца бьются сильнѣе при видѣ прекраснаго юноши; каждая дѣвушка старается уловить хоть одинъ взглядъ его огненныхъ глазъ. Его торжеству почти могъ бы позавидовать Цезарь.

Зрители ожидаютъ слѣдующаго состязанія.

Но что это такое! Въ южной сторонѣ цирка вдругъ что-то трахнуло. Дикіе вопли, ломанье рукъ, вскакиванье съ мѣстъ. Ужасно! Часть верхнихъ деревянныхъ подмостковъ и скамеекъ, не сдержавъ тяжести волнующейся толпы, рухнули, увлекая за собой мушницъ, женщинъ, дѣтей. Горы тѣлъ валятся внизъ, на арену; тамъ кучи раненыхъ, раздавленныхъ, истекающихъ кровью, изувѣченныхъ, молятъ о помощи. Столбы, балки, скамьи, съ грохотомъ и трескомъ валятся другъ черезъ друга, кровь льется ручьями по мрамору пижвнхъ арокъ; несчастные съ четвертаго яруса падаютъ внизъ на песокъ, тщетно стараясь уцѣлиться за камни и дерево; верхніе, въ безпощадной борьбѣ за жизнь, давятъ, тискаютъ нижнихъ. Какіе крики, какіе стоны и вопли умирающихъ!

Въ ужасѣ осталшая толпа бѣжитъ къ выходамъ въ бѣшеной свалкѣ, то карабкаясь вверхъ, то огромными прыжками соскакивая внизъ, сваливая другъ друга, и думая только о своемъ спасеніи.

Вывавшіяся изъ стойлъ испуганныя лошади, носятся по всѣмъ направленіямъ цирка по грудамъ раненыхъ и убитыхъ.

Августъ съ своимъ дворомъ, патриціи и женщины удалились потому что циркъ походитъ теперь на кладбище.

Сотни тѣлъ увозятся въ телѣжкахъ на мѣсто сожженія, сопровождаемыя мужчинами, женщинами, дѣтьми; каждый оплакиваетъ кого-нибудь близкаго.

Праздникъ Флоры одѣлся въ черный покровъ.

Урны наполняются кучками дорогого пепла, который вскорѣ процессіи плакальницъ проводятъ на кладбище. Замолкаетъ на время крикъ черни: „Хлѣба и зрѣлищъ!“

II.

Пиръ у Лукулла.

Изъ цирка перейдемъ въ залу пиршествъ Лукулла. Уже нѣсколько дней рабы суетливо бѣгаютъ по всѣмъ заламъ и галереямъ виллы Лукулла въ Байѣ, разставляютъ столы, канделябры, сосуды, украшенія; весь домъ принимаетъ праздничный видъ. Сегодня обѣденный пиръ назначенъ въ залѣ Аполлона,—а пиръ въ этой залѣ всегда обходится Лукуллу не меньше 200,000 сестерцій*),—завтра будутъ обѣдать въ золотой, послѣ завтра въ египетской залѣ, и такъ каждый день будутъ чередовать новыя удовольствія и развлечения.

— Всѣ-ли гости собрались? спрашиваетъ Лукуллъ своего домоправителя.

— Всѣ, кромѣ Цицерона: онъ долженъ ѣхать въ Помпею и прислать извиненія.

— Зови къ столу! Пусть ждутъ меня тамъ!

Такъ повелѣваетъ Лукуллъ. По всему дому прошла точно электрическая искра; все задвигалось, засуетилось.

Отъ привратника до послѣдняго конюха, отъ крошечнаго поваренка до высокообрнаго кандитера, отъ сторбленныхъ носильщиковъ до неподвижнаго педагога, всѣ стремятся къ своимъ мѣстамъ. Какъ молодые охотничьи псы прыгаютъ носильщики факеловъ и украшеній. Всѣ собираются: музыканты, и чтецы, и выкиватели именъ, и безобразныя шуты. Выходитъ Лукуллъ, окруженный толпой кліентовъ; путь его усыпанъ розами. Преддверіе, украшенное статуями и блестящими военными трофеями, галерея между наружными и внутренними дверями, отворяются для праздничнаго шествія.

Гости встрѣчаютъ Лукулла обычными объятіями и поцѣлуями, и по парамъ присоединяются къ шествію, которое направляется къ великолѣпной залѣ Аполлона. Колонны, и террасы обвиты цвѣточными гирляндами. Въ обширномъ покоѣ царитъ волшебный полу-свѣтъ, еще болѣе способствующій упоенію чувствъ. Слѣдуя примѣру хозяина дома, въ самомъ веселомъ настроеніи возлагаютъ гости на роскошныя лижа, предвзвѣтно бросивъ въ курильницы нѣсколько соли, жертву Пенатамъ.

Молодые рабы распускаютъ гостямъ сандали; другіе надѣваютъ имъ фіалковые вѣнки; третьи разносятъ въ серебряныхъ сосудахъ ароматную воду для омыванія рукъ.

*) Нынешніе деньги это будетъ до 50,000 руб. серебромъ.

Десять слугъ съ трудомъ несутъ громадный подносъ пирамидально уставленный пузатыми, плоскими, круглыми, овальными посудинами. Въ серединѣ возвышаются серебряные навлины и золотые фазаны—ихъ можно принять за живыхъ. На плоскихъ блюдахъ манить глазъ и вкусъ все, что только есть живого въ моряхъ. А кто не охотникъ до морскихъ произведеній, тотъ найдетъ въ серебряныхъ ларцахъ колбаски, петушьи гребешки, фаршированные свиные вымя, гусиную печенъ; тутъ-же красуются спаржа, арицианскій лукъ, чеснокъ, сицилійская тыква и редиски, приправленные византийскимъ солянымъ растворомъ, не упоминая объ устрицахъ, которыя тысячами плаваютъ въ своей собственной слизи.—Это еще только закуски передъ настоящимъ обѣдомъ. Но вотъ звуки роговъ возвѣщаютъ и обѣдъ.

Первая перемяна: фазаны изъ Колиды, гарнированные перепелками, ионійскими рябчиками, кареатенскими цесарками, безкасовыми и гусиными грудинками, и проч. и проч. Предъ изумленными гостями, вдругъ, какъ волшебствомъ, являются фазанья самка, будто бы убѣгающая отъ невидимаго врага: она зацѣпляетъ дѣтенышей подъ распушенными своими крыльями. У всѣхъ присутствующихъ вырывается крикъ изумления при видѣ мастерского произведенія. Обманъ продолжается недолго: птица разрѣзана искусной рукой, и изъ внутренностей ея падаютъ грифель и молодые бобы, величайшія кулинарныя тонкости. Не менѣе замысловато приготовлены какъ будто сидяція на яйцахъ куры, спящіе пѣтухи, сражающіеся перепела, и проч. Поваръ изъ Сиракузъ знаетъ свое дѣло; онъ употребилъ все свое искусство, чтобы угодить вкусу cadaго изъ гостей.

Хоръ музыки на верхней галереѣ возвѣщаетъ, что со второй перемяной должны начаться радости прославленнаго бога. Бахуса. Сосуды наполняются драгоценной влагой. Пирующие, въ честь бога, мѣняютъ фиалковые вѣнки на виноградные.

За твоѣ здоровье!—раздаются восклицанія гостей. Вино развселено всѣхъ. Лукуллъ говоритъ, обращаясь къ гостямъ:

— Цицеронъ прислалъ мнѣ изъ Канунъ въ подарокъ двухъ гладиаторовъ; не угодно-ли посмотреть на ихъ искусство?

Гости утвердительно киваютъ головами, и въ залу ширествъ входятъ двѣ полу-обнаженные фигуры. Натертыя жиромъ тѣла ихъ покрыты безчисленными рубцами. На головѣ массивный мѣдный шлемъ, закрытый со всѣхъ сторонъ; на лицо опущено непроницаемое забрало. Слѣзными бойцами называются эти страшныя фигуры. Они сражаются не видя другъ друга, скованные вѣстѣ цѣпью, чтобы не разойтись далеко во время битвы; въ обѣихъ рукахъ у нихъ по короткому, тупому мечу. Они нападаютъ другъ на друга, на удачу тыкая оружіемъ, часто промахиваясь, еще чаще попадая; наконецъ со всего тѣла ихъ струится кровь, мясо виситъ вездѣ кровавыми доскутками.

Благородные гости между тѣмъ глагаютъ устрицы, заливая ихъ фалернскимъ, и остры надъ стенами бойцовъ, кровь которыхъ залила полъ и обрызгала столы.

Слѣдуетъ вторая перемяна. Куриные паететы съ дикими голубями, олени и фламинговые языки, мозги перепеловъ, краббы, рыбы, чернахи, дичь съ салатомъ и фруктами, молодые козлята. На пѣкныя мяса щедро возлагаются кипрское, фалернское, лесбійское и другія вина. Префектъ, ухмыляясь, возвѣщаетъ новое зрѣлище.

Десять кадикскихъ танцовщицъ, въ однихъ легкихъ передникахъ съ распущенными волосами, влетаютъ въ залу. Онѣ кружатся въ дикомъ танцѣ, соблазнительно простираютъ прекрасныя руки, перекачиваясь всѣмъ гибкимъ тѣломъ. Подъ нѣжные звуки музыки потолокъ раскрывается, и на пирующихъ сыплется цвѣточный дождь.

Гости съ нетерпѣніемъ ждутъ главнаго, третьей перемяны. Вотъ ее подаютъ.

Кабанъ съ бобами, гальскіе окорока, кролики и мыши.

По знаку Лукулла, появляются двѣ сирійскія десятилѣтнія дѣвочки. На головахъ у нихъ фригійская шапочка, тѣло плотно обтянуто короткимъ трико.

Проворво воткнувъ въ полъ книжалы лезвеемъ вверхъ, такъ что между ними едва можетъ лечь ладонь, танцуютъ онѣ между смертоносными остріями, съ непостижимой ловкостью избѣгая малѣйшаго невѣрнаго движенія, которое должно быть для нихъ смертельно. (См. рисунокъ въ № 21 „Нивы“).

Между зрителями сейчасъ же составлются пари, которая изъ двухъ дѣвушекъ побѣдитъ. Огромныя суммы ставятъ за головы дѣвочекъ, и все неистовѣе, быстрѣе становится роковой танецъ. Лица дѣвочекъ становятся багровыми отъ прилива крови, лбы почти касаются острія книжаловъ, но ловкія ручки искусно ускользаютъ отъ губительнаго лезвья.

Забывъ кабановъ и поросятъ, отуманенные винными парами гости, съ напряженіемъ слѣдятъ за жестокой игрой.

Вдругъ раздается отчаянный крикъ, и старшая изъ дѣвочекъ, измѣняясь въ лицѣ, падаетъ на локти; тѣло ея описываетъ красивую дугу надъ книжалами, и они вонзаются ей въ грудь; кровь изъ раны брызжетъ во всѣ стороны. Два раба выносятъ тѣло несчастной. Ея подруга быстро вскакиваетъ на ноги, и среди одобрительныхъ возгласовъ получаетъ въ подарокъ кубокъ съ монетами.

Отяжелѣвши вѣки, вилы движенія, безсвязныя рѣчи, докзываютъ, что сознание оставило гостей, и что тѣломъ всевластно управляетъ теперь одно чрево.

— Въ пальмовую долину!—отдаетъ приказаніе Лукуллъ. Сильные нубійцы ставятъ ложа съ покоящимися на нихъ гостями и хозяиномъ на носилки, стоящіе на-готовѣ въ преддверіи; пустѣетъ недавно столь шумная, золотая зала Аполлона.

Такова была жизнь въ Римѣ за 50—100 лѣтъ до Рождества Христова.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

Изъ Гейне.

I.

На щечкахъ, какъ въ жаркое лѣто,
Румянецъ, пылая, горитъ,
А сердце морозомъ одѣто,
И зимній тамъ холодъ стоитъ.

* * *

Но скоро то время настанетъ,
О, милая, время придетъ:
И солнце въ сердечко заглянетъ,
А щечки морозомъ зальетъ.

II.

Поздней осени туманы
На горахъ, долинахъ снятъ,
И съ деревьевъ въ ураганы
Листья желтые летятъ.

* * *

Голо, пусто; одиноко
Межъ деревьевъ лишь одно,

Въ пышной зелени, глубоко
Спитъ, въ тоску погружено.

* * *

Мрачно такъ въ душѣ поэта,
Ахъ, а дерево съ листвою,
Вѣчной зеленью одѣто,
Это—милый образъ твой.

III.

Мой день былъ счастливъ, веселъ вечеръ мой,
Мнѣ улыбалось все, когда бывало лиру
Я въ руки бралъ; огонь тогда святой
Пылалъ такъ ярко радостію милою.
Пришла пора—и жатву золотую
Теперь я съ поля жизни снялъ, и полный слезъ
Оставилъ все—и сердцу дорогую
Мечту завѣтную, мечту любви и грѣзъ.
Изъ слабыхъ рукъ летитъ, увя, летитъ и бьется
Завѣтный образъ тотъ, что съ радостію такой
Недавно прижималъ къ устамъ, къ груди нѣмой.
О, Боже! отчего здѣсь грустно такъ живется,
Такъ грустно, тяжело и сладко такъ порой?

Марія Ранушевичъ.

МИРИДИТЫ.

Миридиты—албанскаго племени. Территорія ихъ занимаетъ небольшое пространство на горахъ, лежащихъ на юго-востокъ отъ Скутари. Число миридитовъ до 20,000 человекъ, по вѣроисповѣданію всѣ они католики, но ихъ католицизмъ чисто вѣншній и не оказываетъ никакого вліянія на смягченіе нра-

вовъ. Нравы эти у миридитовъ, какъ, впрочемъ, и у всѣхъ остальныхъ албанцевъ, не отличаются мягкостью и почти первобытною простотою ихъ жизни имѣетъ въ себѣ въ тоже время много грубаго и рѣзкаго. Духовенство ихъ состоитъ по преимуществу изъ итальянскихъ францисканцевъ, получающихъ суб-

сидю отъ австрійскаго правительства. Нужно замѣтить, что миридиты не только по языку, но и по происхожденію отличаются отъ остальныхъ албанцевъ, считающихъ себя потомками древнихъ пелазговъ. У миридитовъ не существуетъ законовъ, они руководятся исключительно обычаями. Браки совершаются посредствомъ покупки жены, родителямъ которой отдается по договору известное количество головъ скота. Впрочемъ, большая часть браковъ совершается при посредствѣ, говоря словами нашего Нестора, „умыкиванья“. Женихъ высматриваетъ себѣ подругу жизни и похищаетъ ее изъ родительскаго дома.

Изъ всего этого можно видѣть, что въ жизни миридитовъ сохранились почти во всей своей цѣлости черты первобытныхъ нравовъ, подобно тому, какъ было у насъ въ десятомъ вѣкѣ.

освобожденіе отъ налоговъ и нѣкоторыя другія права и преимущества и между прочимъ право независимаго выбора своихъ капитановъ, родоначальникомъ которыхъ, послѣ престѣпенія рода знаменитаго Скандерберга, былъ Джонъ Марко, предокъ нынѣшняго капитана. Капитанъ, называемый теперь принцемъ миридитовъ, имѣетъ титулъ пашы и получаетъ отъ правительства жалованье бригаднаго генерала. Полученіе извѣстія о всѣхъ льготахъ миридиты привѣтствовали криками „Добрый день“—„Mirdit“, что означаетъ въ переводѣ: mir—добрый, dit—день. Съ этого времени имя миридитовъ и осталось за племенемъ, въ отличіе отъ сосѣдей.

Миридитская территория обнимаетъ собственно въ своихъ границахъ слѣдующіе округа: Орошскій, съ главнымъ поселкомъ того же имени, резиденціей принца, состоящимъ изъ 370

МИРИДИТЫ:

Женщина.

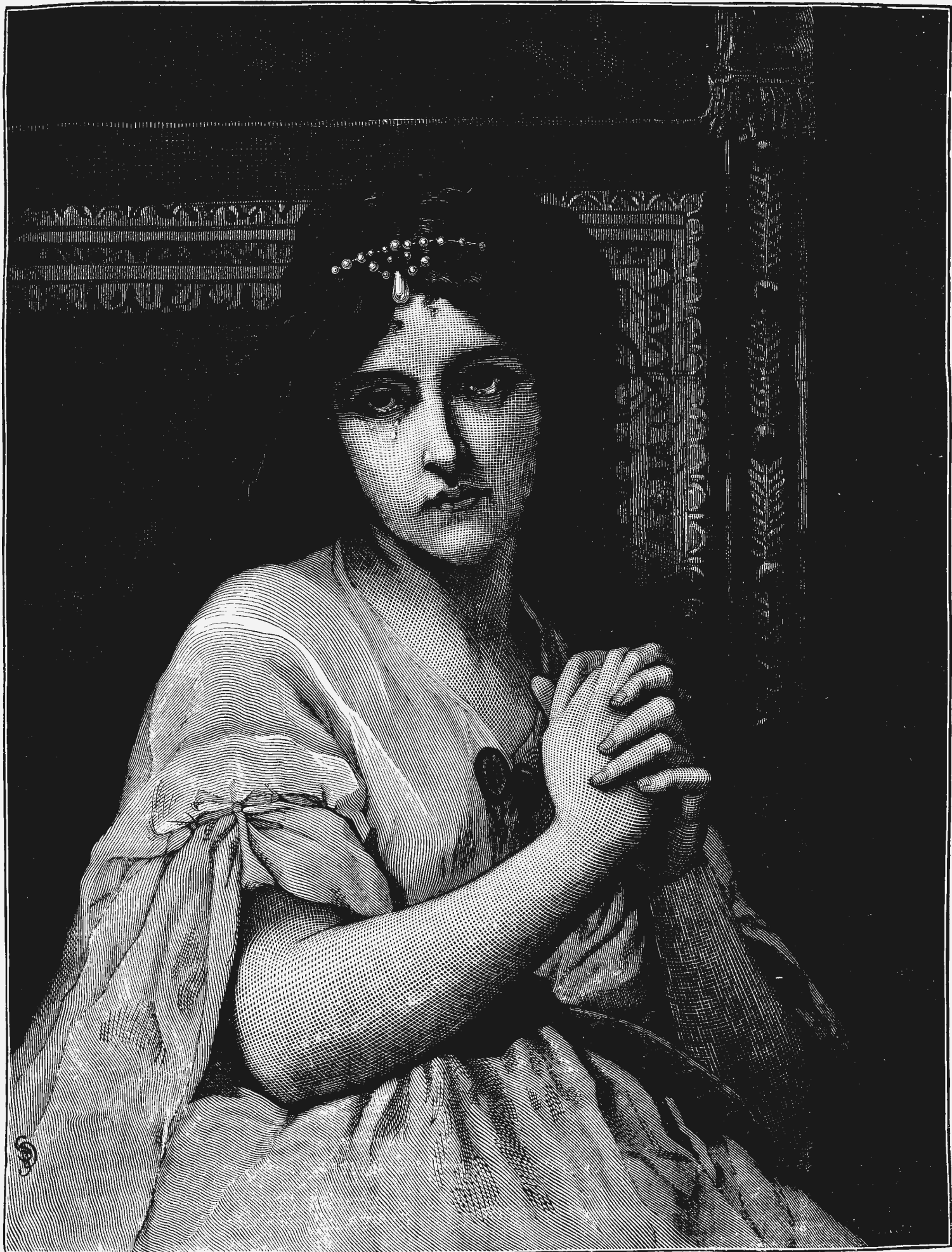

Мужчина.

Слѣдовательно для того, чтобы имѣть болѣе точное представленіе о характерѣ жизни этого племени, хотя бы, положимъ, въ смыслѣ составленія понятія о ихъ формѣ правленія, то въ этомъ случаѣ достаточно припомнить, что говорили мы о жизни нашихъ предковъ славянъ (см. „Нива“ с. г. № 15, „Очерки изъ русской исторіи“) и нравы того, давно прошедшаго, времени, будучи примѣненными къ нравамъ миридитовъ, укажутъ, въ какомъ положеніи находится это племя въ отношеніи его членовъ, одного къ другому, распрей его отдѣльныхъ родовъ между собою, власти старшихъ въ родѣ и т. д.

Для объясненія этимологическаго происхожденія слова „Миридиты“, необходимо разсказать слѣдующее. Когда, во время султана Мурада III возстала Сербія,—воинственное населеніе округа доставило на помощь туркамъ противъ инсургентовъ свои отряды. Въ благодарность султанъ даровалъ имъ вѣчное

домовъ; округъ Диббри—главное село Кашижетти, 560 домовъ; Снаци—главныя села Курспула и Годанья—580 домовъ; Фанди—село того же имени—650 домовъ; Гушнени, село того же имени—650 домовъ. Затѣмъ къ ней принадлежатъ также округа со смѣшаннымъ населеніемъ (католиками, греками и мусульманами), католическая часть которыхъ тѣсно связана съ миридитами и, какъ надо ожидать, впоследствии сольется съ ними. Округа эти слѣдующіе: Лурри, Педани, Кефела и Нела; въ общей сложности имѣютъ 2,000 домовъ, считая и турецкія, и христіанскія селенія, большинство которыхъ принадлежитъ христіанамъ. Въ газету „Times“ въ послѣднее время сообщаютъ изъ Скутари, что изъявленіе покорности принцемъ миридитовъ, Пренкомъ, было только предлогомъ, чтобы выиграть время. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще незамѣтно никакихъ признаковъ покорности.

Литературный альбомъ. Отелло. Трагедія Шекспира. Картина Кабанеля, грав. Жоннаръ.

Дездемона. Когда со мною
Ты вѣстѣ молишься, то я надеюсь,
Меня ты не убьешь. (Отелло. Актъ V. Сцена II).

Библиотека "Руниверс"

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

„ОТЕЛЛО“ ТРАГЕДІЯ ШЕКСПИРА.

Пяти-актная трагедія Шекспира, „Отелло“, была въ первый разъ поставлена на сцену 6 августа 1602 г., во время пребыванія Елисаветы и двора ея въ Гэрфильдъ *). Содержание „Отелло“ заимствовано изъ итальянскаго сборника новеллъ Джиральди Цинтіо. Воспользовавшись матеріаломъ, Шекспиръ видоизмѣнилъ встрѣчающіеся во взятой имъ новеллѣ характеры и счелъ за нужное ввести въ свою драму новыя. Изъ грубаго съ нравоученіемъ разсказа, онъ создалъ одно изъ колоссальныхъ произведеній въ литературѣ народовъ. Собственно завязка пьесы состоитъ въ слѣдующемъ: Въ Венеціи нѣкогда жилъ мавръ Отелло, храбрый воинъ, оказавшій не мало услугъ республикѣ. Въ него влюбляется прекрасная Дездемона, дочь сенатора. Она бѣжитъ изъ дома родительскаго и выходитъ замужъ за Отелло. Въ числѣ приближенныхъ Отелло находится поручикъ Яго. Изъ злобы и зависти Яго возбуждаетъ въ Отелло ревность, наговаривая ему о невѣрности Дездемоны. Ревность мавра доходитъ до того, что онъ убиваетъ Дездемону, а потомъ, убѣдившись въ ея невинности, закалываетъ себя. Такова канва пьесы, въ которой силою гения Шекспира созданы изумительные образы, полныя высшей правды и художественной силы.

Въ Отелло главномъ характерѣ, Шекспиръ представилъ неустрашимаго, мягкаго и сильнаго въ своей простотѣ человѣка, чистаго сердцемъ. О немъ такъ отзывается даже врагъ его Яго:

„...Это открытая, прямая натура, у которой честенъ всякій, кому не лѣнь казаться честнымъ“. Этотъ же самый человѣкъ подъ вліяніемъ кипучей страсти, въ порывахъ ревности, превращается въ дикаго звѣря, доходящаго до изступленія. Рѣзкою противоположностью Отелло является Дездемона. Дездемона—это одна изъ тѣхъ высоко прекрасныхъ созданий, въ каждомъ поступкѣ которыхъ все правда, кротость и любовь. Дѣвственно-чистая, она не признаетъ ложнаго стыда и полюбитъ человѣка за его достоинства, оставляетъ отца и идетъ съ тѣмъ, кого рѣшилась выбрать себѣ мужемъ. Она до такой степени глубоко и безпредѣльно отдается своему избранному, что не можетъ даже представить себѣ женщину, которая способна обманывать мужа. „Нѣтъ, я позволила бы проклясть себя,—говоритъ она,—если бы даже изъ-за цѣлага міра сдѣлала такую низость... Нѣтъ, не хочу вѣрить я, что на свѣтѣ есть женщины такая“.

Другая противоположность Отелло—Яго. Самолюбивый, злой, съ постоянною завистью смотрящій на чужое счастье и удачу, способный на величайшую низость, на всевозможныя преступленія, Яго ненавидитъ Отелло, какъ всякое зло ненавидитъ искренность, простоту и добро. Пользуясь недалекостью нѣкоего Родриго, влюбленнаго въ Дездемону, Яго, подъ предлогомъ счастья Родриго, заставляетъ его служить своимъ цѣлямъ,—погубить Отелло. У Отелло, въ качествѣ его лейтенанта, служитъ молодой Кассіо. Красивый собою, добродушный, откровенный, всей душою преданный Отелло, доволенъ своей участью и мундиромъ. За этого Кассіо также беретъ Яго, подводитъ его на различныя сцены и постоянно обманывая въ дружбѣ и честныхъ намѣреніяхъ, искусно дѣлаетъ его орудіемъ въ своихъ рукахъ. Третье лицо, стоящее въ тѣсной связи съ Яго, его жена Эмилія, дюжинное въ умственномъ отношеніи существо, неспособное ни къ какой провѣркѣ тѣхъ поступковъ, къ которымъ побуждаетъ ее мужъ.

Такимъ образомъ, съ помощью этихъ людей злой Яго подкапывается подъ счастье Отелло, наслаждается его страданіями и обращаетъ жизнь его въ рядъ адскихъ мукъ. Чистый сердцемъ, мавръ не постигалъ, до какой степени могутъ быть сильны людское коварство и злоба и вотъ отчего онъ не понималъ хитраго Яго и такъ легко повѣрилъ его клеветѣ.

Страшно волнуясь, долго старается Отелло отбросить всѣ подозрѣнія объ измѣнѣ своей прекрасной жены, боится оскорбить ту, которая заключала въ себѣ его радости, дѣлая жизнь его полной, прекрасной и свѣтлой. Встрѣчаясь съ женою, Отелло силится прочесть въ ея душѣ, виновна ли она и борясь съ мучающимъ его сомнѣніемъ, онъ даже хочетъ душить самаго Яго; но хитрый Яго подтверждаетъ свою клевету и въ доказательство представляетъ похищенный чрезъ Эмилію у Дезде-

моны платокъ и подброшенный къ Кассіо. Этотъ платокъ, первый подарокъ Отелло, который онъ заклиналъ Дездемону беречь до гроба, послужилъ такимъ доказательствомъ, что Отелло уже не сомнѣвается болѣе въ измѣнѣ Дездемоны. Онъ рѣшается убить ее и ночью, входя въ ея спальню, онъ спрашиваетъ:

Молилась-ли ты на ночь Дездемона?

Дездемона. Молилась. Да...

Отелло. Когда ты за собою
Какой-нибудь припомнить можешь грѣхъ,
Котораго не отпустило небо,—
Молись скорѣй.

Дездемона. Что это значить, милый!?

Отелло. Ну, ну, молись... да только покороче,
Я похожу покамѣсть... Не хочу я
Тебя убить, пока ты къ смерти духомъ
Не приготовилась.—Нѣтъ, Боже сохрани!
Твоей души я убивать не стану...

Дездемона. Ты говоришь о смерти?

Отелло. Да, о смерти?

Дездемона. О Господи, будь милосердъ ко мнѣ.

Отелло. Аминь, отъ всей души.

Дездемона. Когда со мною ты вмѣстѣ молишься,
То я надѣюсь, меня ты не убьешь.

Она начинаетъ просить Отелло пощадить ее, говорить, что она не знаетъ никакой вины за собою и всѣ ея грѣхи—любовь ея къ нему. Отелло обвиняетъ ее въ любви ея къ Кассіо, и не внимая ея слезамъ и мольбамъ, онъ душитъ ее. Но Дездемона еще дышетъ.

„Жива! еще жива! говоритъ Отелло,
О, я жестоко, не знаю милосердыя,
Я не хочу продлить твоихъ мученій,
Вотъ такъ, вотъ такъ!..“

Онъ душитъ ее еще и еще. Въ это время въ дверь спальни стучится Эмилія. Войдя, она слышитъ стонъ Дездемоны, видитъ ее умирающей.

— О, милая снѣбора, что-нибудь скажите мнѣ, скажите, Дездемона,—проситъ Эмилія, кидаясь къ ней. Кто же убійцавашъ?

Дездемона. Никто... Сама... Прощай!

Мой добрый мужъ... привѣтъ ему послѣдній
Ты передай... прости...

Отелло. Такъ лгунькою отправилась она

Въ кромешный адъ: я—я ея убійца.

Эмилія сзываетъ людей. Отелло окруженъ ими и выслушиваетъ, какъ они уличаютъ Яго въ клеветѣ и коварныхъ поступкахъ.

И такъ Дездемона оказывается невинною, честь ея и честь мавра незапятнанной, Отелло—самъ разрушитель своего счастья. За минуту грозный, изступленный, — Отелло становится безсильнымъ, беззащитнымъ, ничтожнымъ. Предъ нимъ встаетъ во всемъ своемъ блескѣ прекрасный образъ непорочной Дездемоны.

Ты холодна,—обращается онъ къ трупу Дездемоны,—
ты холодна, подруга,

Какъ чистота твоя! О, рабъ проклятый!

Ну, демоны, гоните прочь меня

Отъ этого небеснаго созданья!

Крутите въ вихрѣ бурномъ, жарьте въ сѣрѣ,

Купайте въ глубочайшихъ безднахъ, полныхъ

Текучаго огня! Ты, Дездемона,

Мертва! О, Дездемона! О... о... о!..

Да, все вдругъ оказалось безобразнымъ поступкомъ безумца, и разбитый, уничтоженный Отелло можетъ только заколотъ себя...

Ужасная трагедія! Ужасный мавръ, но онъ настолько же внушаетъ въ насъ къ себѣ чувство состраданія, какъ и несчастная Дездемона, жертва его безумной страсти.

Л. Ст.—ва.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Крѣпости Карсъ и Баязетъ.

Карсъ, главный городъ турецкаго округа того же имени. Это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Арменіи. Время основанія его неизвѣстно; но еще Тацитъ говоритъ о встрѣчѣ Германіка съ Шизономъ въ Циррѣ (нынѣшнемъ Карсѣ). Онъ былъ столицей армянскихъ князей изъ дома Багратидовъ съ 928

* На русскомъ языкѣ переводы этой трагедіи были издаваемы: въ 1808 году, (неизвѣстнаго переводчика) 1838 (пер. Панаева), 1841, (неизвѣстнаго переводчика) 1843 (Кетчеръ), 1845 (Лавровскаго), 1864 (Вейнберга) и 1870 года (Кусова).

по 961 годъ по Р. Х., а въ 1014 году уступленъ императору Константину. Отъ византийцевъ Карсъ перешелъ къ сельджукамъ, потомъ къ монголамъ, персянамъ и наконецъ къ оттоманскимъ туркамъ. Нынѣшняя крѣпость построена султаномъ Амуратомъ III между 1578 и 1584 г. по Р. Х. Городъ расположенъ на южной покатоги горы, гребень которой, въ видѣ высокой и узкой полосы, тянется надъ рѣкою до того мѣста, гдѣ она принимаетъ направленіе къ сѣверу. Самая возвышенная и выдающаяся оконечность этой скалы увѣнчана древнею цитаделью, которую усилили въ началѣ нынѣшняго столѣтія

новою башнею, вооруженною пушками и возвышающеюся надъ древними стѣнами. Съ городомъ цитадель сообщается по крутому спуску, извилистою дорогою, которая пересѣкается на каменныхъ уступахъ оборонительными стѣнами, вооруженными пушками.

Городъ построенъ большею частью изъ простого камня, на глинтъ; дома двухъ-этажные съ плоскими крышами. Тщательно отстроены изъ тесанаго камня однѣ лишь мечети, бани и нѣкоторыя общественныя зданія. Населеніе почти все состоитъ изъ мусульманъ, небольшую часть составляютъ армяне. Городъ обнесенъ старинною каменною стѣною съ башнями, также вооруженными пушками. Въ Карсѣ считается до 21,000 душъ жителей, изъ нихъ магометанъ 18,500 и христіанъ до 2,500 душъ.

Рѣка Карсъ-чай, на правомъ берегу которой находится самая крѣпость, вытекаетъ изъ Сагандукскихъ горъ; оросивъ обширную долину, она разсѣкаетъ отдѣльно стоящую гору и, поворотивъ вправо, оплываетъ отрѣзанную ею скалу; на этой-то скалѣ и расположенъ Карсъ.

Въ городѣ и въблизи него, рѣка Карсъ-чай имѣетъ ширины отъ 7—14 сажень, глубины отъ одного до двухъ аршинъ; но во время дождей и таянія снѣговъ, вода въ ней возвышается

ны всегда возможно или мимо Карса, отдѣливъ для наблюденія за крѣпостью часть силъ, или по другимъ путямъ: отъ Ардагана на Ольту, либо отъ Баязета по долинѣ верхняго Евфрата, потомъ по Араксу. Природная и лучшая защита Малой Азии заключается съ одной стороны въ трудно проходимыхъ

ВОЙНА ВЪ ТУРЦИИ.

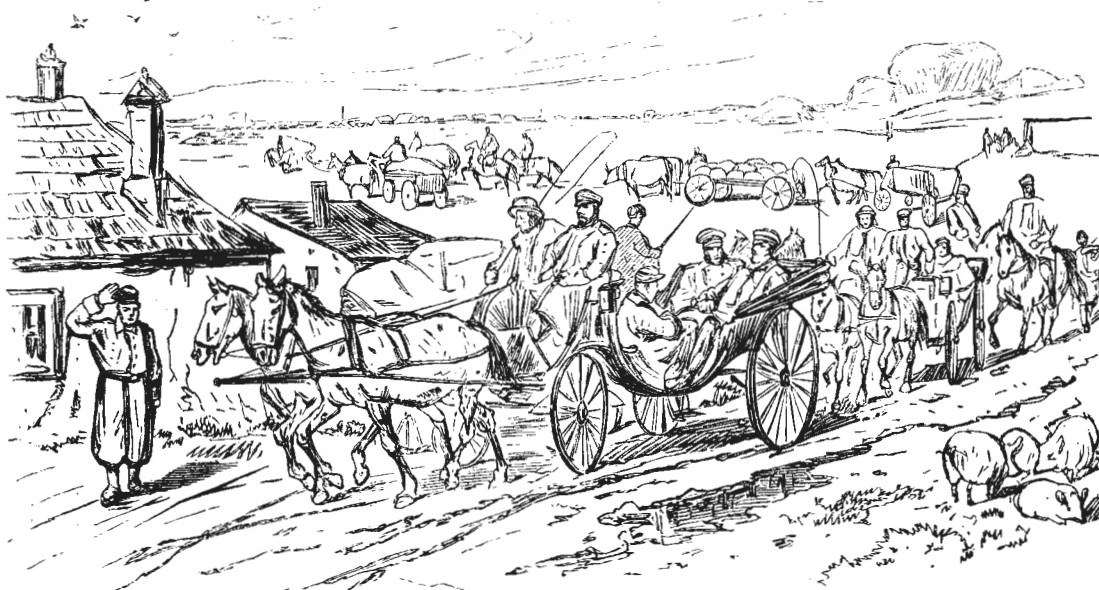
Галацъ. Арестованный шпионъ.

тѣснинахъ Сагандукскаго хребта, окаймляющаго ее до Чернаго моря, а съ другой — въ двойной цѣпи горъ, опоясывающихъ ее отъ Эривани до Баязета.

Крѣпость Карсъ возникла для огражденія города отъ нападений Курдовъ и Лазовъ. Съ измѣненіемъ границъ, крѣпость очутилась близъ нашихъ владѣній и выдержала нѣсколько важныхъ осадъ, изъ которыхъ были произведены русскими, въ 1807 году генераломъ Несвѣтаевымъ; въ 1828 г. графомъ Паскевичемъ. Въ 1855 году Карсъ былъ снова въ рукахъ русскихъ. Въ 1828 г., подъ командою графа Паскевича, въ качествѣ бригаднаго командира, Н. Н. Муравьевъ, взобравшись на высоту Карадага, овладѣлъ находившимся тамъ редутомъ и неприятельскія орудія обратилъ на его же крѣпость. Въ 1855 году, въ качествѣ главнокомандующаго, онъ вошелъ въ Карсъ побѣдителемъ, уничтоживъ анатолійскую армію.

Такимъ образомъ оказывается, что какъ генералъ Муравьевъ

ВОЙНА ВЪ ТУРЦИИ.

Лагерь на Тенчускомъ полѣ.

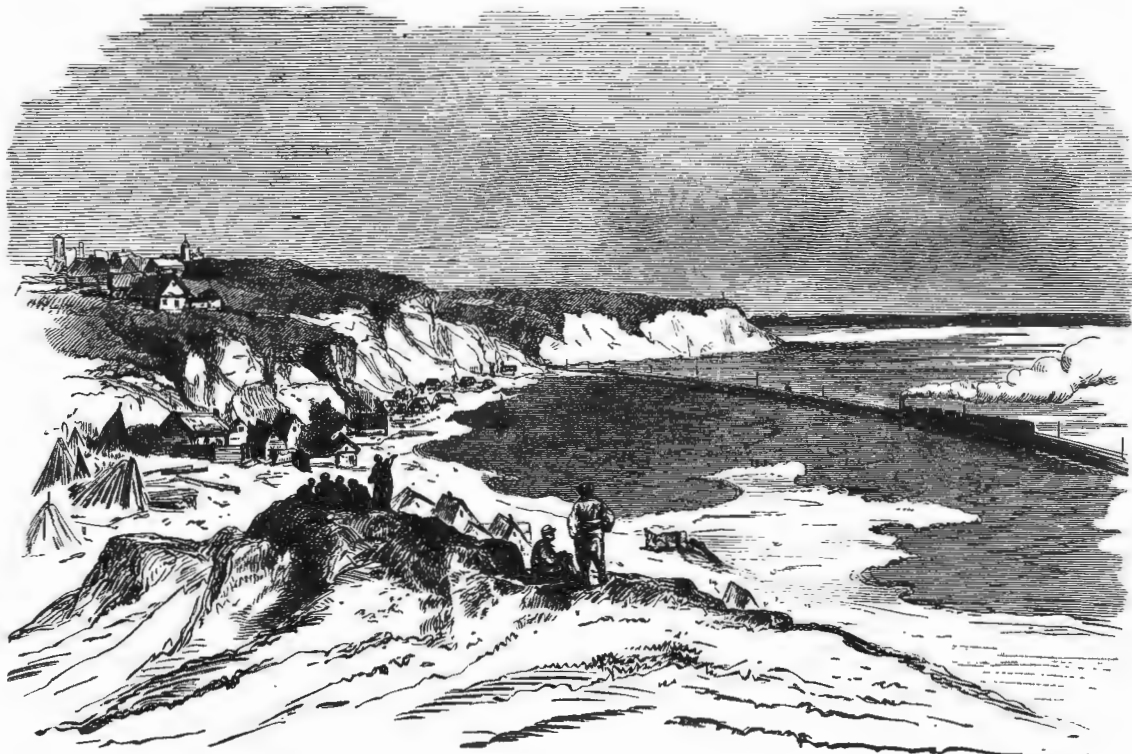
до того, что переподняетъ русло до самыхъ мостовъ; на равнинахъ она разливается на большое пространство, такъ что сообщеніе между берегами становится почти невозможнымъ. Карсъ вовсе не прикрываетъ ни страны отъ нашего вторженія, ни путей къ Эрзеруму, потому что движеніе внутрь стра-

евъ въ 1828 году готовился къ дѣлу, возложенному на него въ 1855, точно такъ же генералъ Лорисъ-Меликовъ, въ свою очередь, въ этомъ же году, какъ будто осматриваетъ пути, по которымъ онъ въ 1877 году ведетъ наши войска въ глубь Малой Азии. Многія лица, принимавшія непосредственное участіе

въ минувшей войнѣ—стоятъ теперь во главѣ нашихъ войскъ въ новой войнѣ, носящей такое же наименованіе. Теперь, по взятіи нашими войсками Ардагана, имъ открыта дорога къ

ну, вслѣдствіе полнаго пока мира и согласія, существующаго у насъ съ Англіею... Дѣло въ томъ, что караваны изъ Трапезунда и Эрзерума, перевозящіе англійскіе товары въ Та-

ВОЙНА ВЪ ТУРЦИИ.

Барбошская позиція.

Карсу, находящемуся на юго-востокѣ отъ Ардагана. Есть уже извѣстія изъ Эрзерума отъ 5 (17) мая, въ „Daily Telegraph“, что русскіе начали бомбардировать Карсъ изъ четырехъ тяжелыхъ осадныхъ орудій.

Баязетъ лежитъ, съ одной стороны, на прямомъ операционномъ пути нашего южнаго корпуса, наступающаго изъ Эриванской губерніи на Эрзерумъ, подобно тому, какъ, напр., Карсъ преграждаетъ дорогу силамъ, наступающимъ на Эрзерумъ съвернѣе, отъ Александрополя. Въ Баязетѣ считается до девяти тысячъ жителей, изъ которыхъ большая часть магометане, а именно 7,300 душъ, остальные же, до 1700—христиане. О занятіи Баязета русскими войсками официальное донесеніе получено изъ дѣйствующей на Кавказѣ арміи 19-го апрѣля, извѣстившее, что начальникъ Эриванскаго отряда, генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, 18-го числа, въ 7 часовъ утра, подошелъ къ Баязету и находившійся здѣсь гарнизонъ поспѣшно отступилъ въ горы Аладагъ, оставивъ свои военные запасы. Городъ и цитадель Баязета заняты русскими войсками. Съ занятіемъ Баязета связано весьма серьезное обстоятельство, немнѣющее, впрочемъ, значенія въ настоящую вой-

ну, ходятъ черезъ Дохарскую тѣснину, близъ Баязета, занятіемъ котораго въ минувшую войну былъ нанесенъ жестокій ударъ англійской торговлѣ съ Персїей, что немедленно и доказано было на практикѣ: нѣсколько казачьихъ сотенъ перехватили между Баязетомъ и Диудиномъ караванъ въ 2,500 лошадей и верблюдовъ, цѣнность котораго простиралась до 8 милліоновъ піастровъ.

ВОЙНА ВЪ ТУРЦИИ.

Артиллерійскій транспортъ.

Въ 1855 году Баязетъ приобрѣтенъ былъ нами съ бою, войсками эриванскаго отряда, подъ предводительствомъ генерала барона Карла Карловича Врангеля.

Карсъ и Баязетъ принадлежатъ къ Эрзерумскому вилайету. Вилайеть управляется вали, т. е. генералъ-губернаторомъ. Вилайеть раздѣляется на санджаки, соответствующіе нашимъ губерніямъ или областямъ, и казы, которыя можно приравнять къ нашимъ уѣздамъ или округамъ.

Населеніе Эрзерумскаго вилайета принадлежитъ къ нѣсколькимъ племенамъ, которыя различаются между собою происхожденіемъ, языкомъ, вѣроисповѣданіемъ, а также и общественнымъ положеніемъ. Благодаря всему, интересы населенія никогда не могутъ быть согласованы и отношенія племенъ всегда враждебны.

Это, разумеется, никак не может способствовать силе турецкаго господства.

Господствующее племя — турки (380,000 обоюго пола). Они расселились по всему вилайету, сосредоточиваясь преимущественно въ городахъ. Турки, магометане сунитскаго толка, ненавидятъ христіанъ всѣхъ исповѣданій.

За турками, по значенію, слѣдуютъ курды (415 т.). Курды живутъ вообще къ югу отъ рѣки Куры (Курдистанъ), управляются наслѣдственными старшинами; большинство изъ нихъ ведетъ кочевую жизнь. Курды любятъ войну и хищничество; смѣлы въ нападеніяхъ, но не стойки. Часть ихъ охотно въ прежнія войны входила въ сношенія съ нами, но существенная помощь ихъ состояла въ томъ, что они могли служить проводниками, да не служили въ это время туркамъ. Курды—магометане болѣе по наружности, пьютъ вино. Въ Баязетскомъ санджакѣ многіе изъ

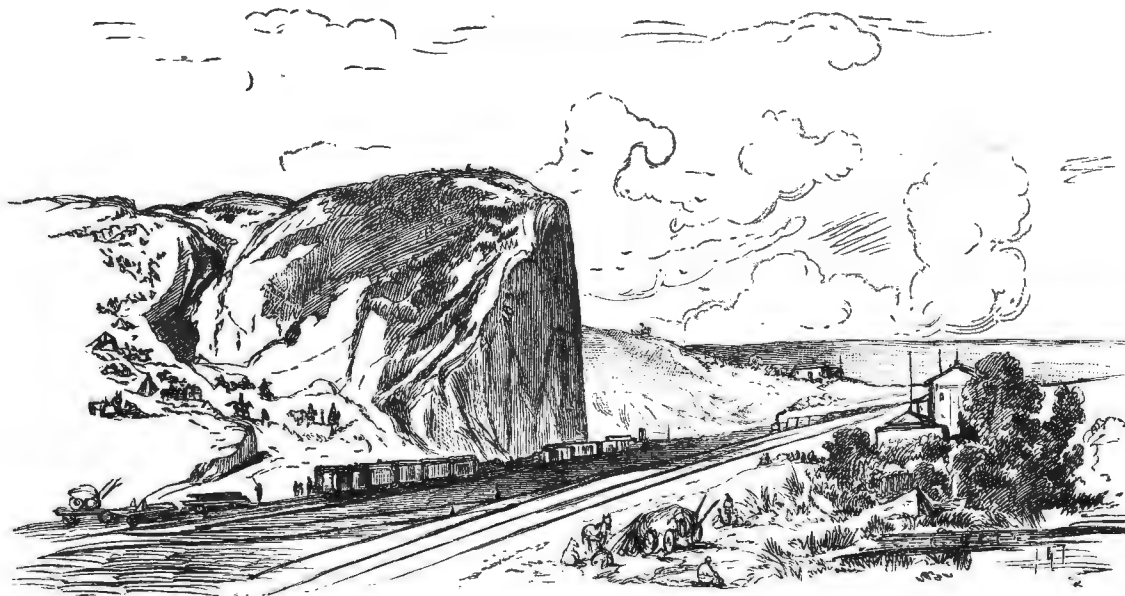

Поручикъ артиллеріи С. И. Самойло, удачнымъ выстрѣломъ котораго взорванъ турецкій мониторъ „Лутфи Джелиль“.

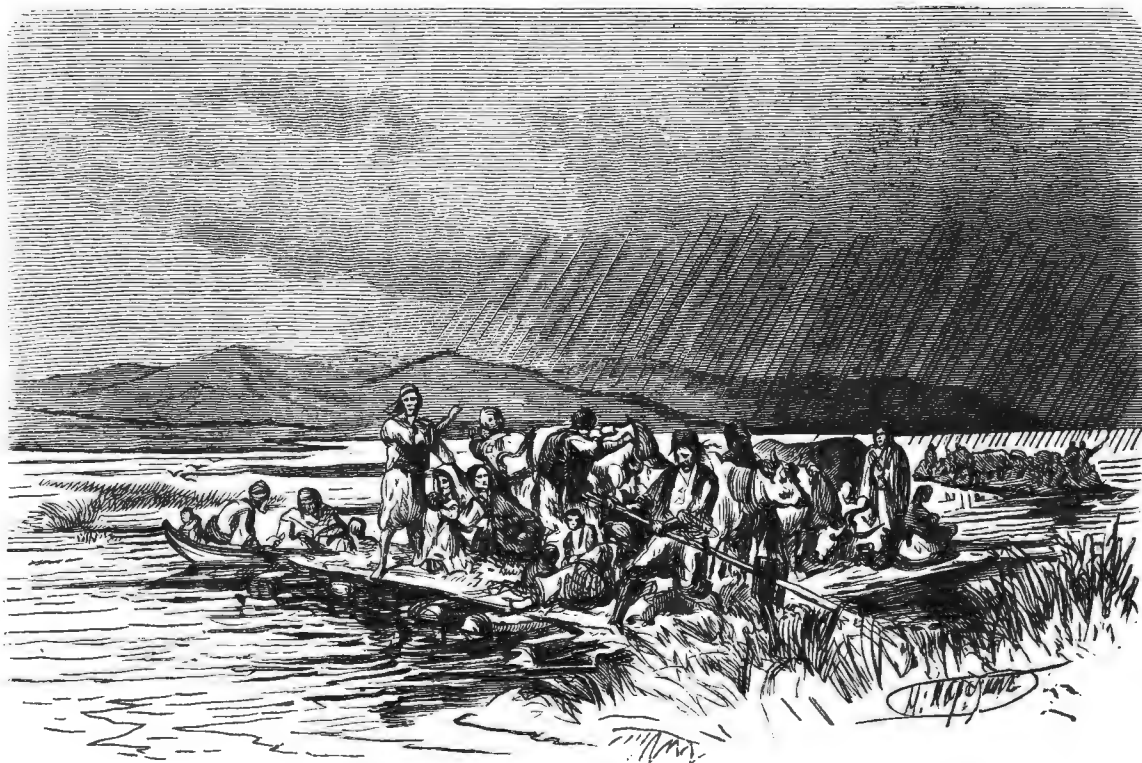
нихъ принадлежатъ къ сектѣ „чертопоклонниковъ“, одинаково враждебной и христіанамъ, и мусульманамъ. Аджарцы и лазы на сѣверѣ вилайета—грузинскаго племени, но магометане; очень трудолюбивы, воинственны. Армяне (320 т.) живутъ болѣе на югѣ вилайета, именно въ Мушскомъ и Ванскомъ санджакахъ. Кромѣ того есть греки, евреи, черкесы, татары, но ихъ немного.

Главное занятіе осѣдлаго населенія—хлѣбопашество. Сѣютъ пшеницу, ямень, рожь, просо. Скотоводство процвѣтаетъ, благодаря малой населенности страны. Точныхъ свѣдѣній о количествѣ собираемаго хлѣба и числѣ скота нѣтъ, но вообще можно сказать, что населеніе не нуждается въ привозѣ, а напротивъ, само отпускало бы, если бы состояніе дорогъ и внутренняя безопасность въ странѣ позволяли бы это. Обработка сырыхъ продуктовъ производится въ самыхъ незначительныхъ раз-

ВОИНА ВЪ ТУРЦИИ.

Браиловскій берегъ.

Болгары, спасающіеся съ турецкаго берега на румынскій.

мѣрахъ: въ странѣ нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ, въ томъ смыслѣ, какъ понимаемъ мы.

Война въ Турци.

Письма нашего корреспондента.

Въ тотъ самый день, когда Его Высочество Главнокомандующій посѣтилъ Браиловъ и его вновь рождающіяся баттарей—турецкій большой монитор „Лутфи-Джелиль“ салютовалъ его прїѣздъ, пустивъ въ поѣздъ нѣсколько колоссальныхъ снарядовъ... Его Высочество не приказалъ даже отвѣчать на такіе пустяки. Тѣмъ временемъ постройка баттарей быстро приближалась къ концу—тутъ каждый работникъ смотрѣлъ на свою работу, какъ на дѣло вовсе не казенное, а свое собственное.

Большія осадныя орудія были доставлены и ввезены на свои мѣста... 24 апрѣля „Лутфи-Джелиль“ снова появился передъ Браиловымъ—судно это сопровождалось еще тремя пароходами, державшимися, впрочемъ, въ почтительноотдаленіи. Начался артиллерійскій бой и... какъ вамъ уже извѣстно, отъ грознаго пятипушечнаго панцирнаго судна, съ 219 человѣками команды, не осталось на поверхности воды ничего, кромѣ верхушки мачты съ краснымъ флагомъ, да и тотъ наши матросы и охотники, подобравшись на шлюпкахъ, успѣли сорвать въ виду турецкихъ пароходовъ и стрѣлковъ, разсыпавшихся между развалинами турецкаго селенія Гечети, расположеннаго по самому берегу.

Два слова о рисункахъ. Одна изъ нижнихъ улицъ Галаца во время браиловской катастрофы представляетъ оригинальнѣйшія крыши съ высокими трубами, разные балкончики и бельведерчики. Все это только господствовало надъ остальной мѣстностью, все было живо и покрыто группами любопытныхъ во время вышеупомянутой бомбардировки и гибели „Лутфи-Джелиль“.

Берега Дуная, особенно въ городахъ и ихъ окрестностяхъ, представляли собою всегда самые оживленные пункты, дышавшіе кипучей дѣятельностью, но характеръ этой дѣятельности былъ торговый, мирный; теперь они также оживлены, причѣмъ мотивы этого оживленія совершенно перемѣнились. Масса частныхъ судовъ, неуспѣвшихъ выбраться въ условленный для закрытія портовъ срокъ, сплошными рядами стоятъ у пристаней, ихъ экипажи бездѣйствуютъ; тысячи рабочихъ, существовавшихъ только портовой работой, бездѣйствуютъ тоже и, конечно, нуждаются; на пристаняхъ вы можете всегда видѣть толпу этихъ бѣдняковъ, между которыми, конечно, попадаются личности весьма подозрительнаго вида. За берегомъ и его обитателями учрежденъ весьма строгій надзоръ, всюду разставлены военные караулы и вдоль берега рыщутъ конные казаки разѣзды; не разъ уже случалось вылавливать весьма подозрительныхъ господъ, которые послѣ оказались настоящими турецкими шпионами. Часто можно видѣть такую пойманную, перепуганную до нельзя личность, боязливо бредущую между двухъ грозныхъ воиновъ: казака-донца съ пикой и пѣнаго съ карабиномъ на плечѣ. Одна изъ такихъ сценъ и изображена мною. Другой рисунокъ представляетъ сцену несравненно болѣе драматическую; тутъ уже не отдѣльная личность, несчастная по своей собственной винѣ, нѣтъ, — здѣсь уже смертельно страдаютъ семьи честныхъ людей, добрыхъ работниковъ и смиренныхъ подданныхъ.—Это плачевные остатки одной изъ славянскихъ національностей, это Болгары, покидающіе свои деревни, все, съ чѣмъ жили и свыклись и бѣгущія сюда на нашъ берегъ, чтобы спасти жалкіе остатки своего двора, а главное—свою голову. Каждый день почти къ нашему берегу пристають такіе бѣглецы; случается, что не у всѣхъ изъ нихъ есть средства къ переправѣ черезъ широкіе разливы Дуная. Бродятъ такіе бѣдняки по тому берегу, съ минуты на минуту ждуть, что вотъ-вотъ нагонятъ ихъ сади черкесы или башки

бузукы и со страхомъ и надеждою ждуть съ нашего берега высланной для ихъ спасенія лодки. Голодные, оборванные, израненные, эти бѣдняки представляютъ собою жалкое зрѣлище... Все бѣжитъ отсюда подъ защиту русскихъ знаменъ и богатая, цвѣтущая страна преобразуется быстро въ пустыню, покрытую слѣдами насилія и разрушенія. О рисунокѣ „артиллерійскій транспортъ“ говорить нечего, онъ самъ говоритъ за себя.

Лагерь на текуческомъ полѣ, близъ Галаца, изображенный на одномъ изъ рисунковъ, расположенъ верстахъ въ двухъ отъ города. Текуческая улица, ведущая къ этому лагерю, кишитъ военнымъ людомъ: и коннымъ, и пѣшимъ, и всякими военными повозками. Эта улица, до сихъ поръ весьма тихая и пустынная, теперь стала одной изъ самыхъ оживленныхъ линій города, особенно утромъ и передъ вечеромъ. Всѣ офицеры обязаны, конечно, ночевать въ лагерѣ при своихъ частяхъ, что они и дѣлаютъ, но за то днемъ какъ отказать себѣ въ удовольствіи пообѣдать въ городскомъ ресторанѣ, а то и просто кое-что закупить, кое-съѣсть повидаться. Цѣлый вереницы колясокъ съ нашими офицерами тянутся по отвратительной мостовой—утромъ изъ лагеря въ городъ, вечеромъ обратно.

По поводу рисунка „Барбошская позиція“ нужно замѣтить слѣдующее. Рѣка Серретъ впадаетъ въ Дунай нѣсколько выше Галаца, именно у Барбоша. Железнодорожная вѣтвь, ведущая въ Браиловъ, а оттуда въ Бухарестъ, пересекаетъ рѣку близъ

ея устья и тутъ устроены железнодорожный мостъ, играющій весьма важную роль въ передвиженіи нашихъ армій. Турки имѣли возможность легко уничтожить этотъ мостъ и надѣлать намъ массу хлопотъ и затрудненій, но они прозѣвали моментъ—и теперь это уже невозможно. Сильная боевая позиція съ господствующей надъ всей окрестностью высотой, изображенная на нашемъ рисунокѣ, прикрываетъ теперь опасное мѣсто. Главная баттарей, построенная на гребнѣ этой высоты, можетъ обстрѣливать всю долину устья Серрета вплоть до самаго Дуная. Внизу подъ этою кручею станція желѣзной дороги и разводные пути, вѣчно занятые въ данное время воинскими поѣздами.

Н. Карзининъ.

Поручикъ артиллеріи С. И. Самойло.

Сергій Ивановичъ Самойло родомъ изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ Смоленской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ Смоленской гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ 3-е военное Александровское училище въ Москвѣ, въ августѣ 1872 года. Окончивъ въ немъ курсъ, онъ пожелалъ продолжать свое военное образованіе и въ августѣ 1874 г. былъ переведенъ въ старшій классъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, откуда по окончаніи курса наукъ, съ отличными успѣхами, по первому разряду, въ августѣ 1876 года былъ выпущенъ подпоручикомъ въ полевую пѣшую артиллерію, съ назначеніемъ въ 29-ю артиллерійскую бригаду. Находясь на баттарей № 1, на нашемъ дѣловомъ флагѣ, у Браилова, 29-го апрѣля онъ замѣтилъ нѣсколько турецкихъ броненосцевъ, приближающихся по Дунаю и открылъ по нимъ огонь съ своей баттарей. Въ особенности обратилъ на себя его вниманіе большой трехъ-мачтовый монитор „Лутфи-Джелиль“. Увидѣвъ дожившіеся вокругъ него снаряды,—поручикъ Самойло и бывшій съ нимъ въ это время на баттарей, строившій ее и находившійся для наблюденія за работами, поручикъ сапернаго батальона Романовъ, стали наводить бывшіе на баттарей орудія на бравирующій ихъ мониторъ: первый 24-хъ фунтовую пушку, а второй—мортиру; провѣривъ лично наводку, они почти одновременно послали свои выстрѣлы. Снаряды такъ удачно и мѣтко были направлены, что оба упали на палубу броненосца и пробивъ ее попали въ паровикъ; огонь сообщился пороховой камерѣ, взвился паръ, затѣмъ страшный взрывъ—

ВОЙНА ВЪ ТУРЦИ.

Одна изъ улицъ Галаца.

и отъ величаваго броненосца осталась только верхушка мачты. Громкое, восторженное ура! вырвалось у наблюдавших и участвовавших въ перестрѣлкѣ и эхомъ прокатилось по берегамъ Дуная.

Сергѣй Ивановичъ Самойло 23-хъ лѣтъ, средняго роста, взглядъ живой, движенія быстрыя, но безъ суетливости. Кстати напомнить, что въ бытность въ артиллерійскомъ училищѣ онъ былъ наводчикомъ, т. е. однимъ изъ 4-хъ лучшихъ воспитанниковъ, назначаемыхъ въ строю для установки и прицѣливанія орудій, выдвинутыхъ на позицію для открытiя огня. Въ награду за свой подвигъ онъ получилъ орденъ Св. Владимiра 4-й степени, съ мечами.

МУРАВЬИ (FORMICA).

Виды муравьевъ чрезвычайно многочисленны. Между ними отличаются три главныя группы: *куртички* или *мирмики*, (*Myrmica*), *попелы* (*Ponera*) и собственно муравьи (*Formica*). Внутренняя жизнь муравейниковъ одинакова у всѣхъ видовъ этого рода. Муравьи живутъ обществами, составленными изъ самокъ, самокъ и рабочихъ. Рабочіе заняты постройками, заготовленіемъ провизіи, воспитаніемъ личинокъ и охраненіемъ гнѣзда отъ нападеній враговъ. Молодые самцы и самки не пользуются такой свободой, какъ молодые рабочіе. Они остаются постоянно въ муравейникѣ подъ надзоромъ и одни безъ рабочихъ выходить не смѣютъ.

Въ августѣ у самокъ и самокъ появляются крылья. Быстро двигая своими радужными крыльями, вылетаютъ тогда на свободу самцы, несущая за ними вслѣдъ крылатая самка и исчезаютъ въ воздухѣ. Послѣ этого полета самцы, оплодотворивъ самокъ, погибаютъ, а самки возвращаются домой и съ этого времени посвящаютъ себя исключительно материнскимъ заботамъ. Не имѣя болѣе надобности въ крыльяхъ, самки съ помощью рабочихъ обрываютъ ихъ. Рабочіе отводятъ самкамъ помѣщеніе и неотступно слѣдятъ за ними. Лишь изрѣдка самки являются погулять въ верхнихъ этажахъ муравейника, да и то въ сопровожденіи цѣлой толпы рабочихъ. Въ замѣнъ неволи, самки пользуются всѣми услугами и ласками рабочихъ, которые то чистятъ, то лижутъ, то гладятъ и безпрестанно кормятъ ихъ. Не смотря на миниатюрныхъ рабочихъ, муравейникъ поражаетъ своимъ устройствомъ и обширностью своихъ отдѣленій. Въ немъ встрѣчаются узкіе корридоры, комнаты, просторныя залы. Самая высокая и самая просторная изъ нихъ находится въ центрѣ зданія, подъ его куполомъ. Обитатели изумительной постройки живутъ въ совершенномъ согласіи между собою. Между всѣми членами существуетъ полнѣйшая общность имущества и всѣхъ интересовъ. Каждый членъ безъ принужденія исполняетъ свои обязанности, а пользуется извѣстными правами, не внушаетъ въ другихъ къ себѣ неприязни. Общая привязанность и дружба обуславливаютъ легкость занятій и взаимную помощь.

Самки кладутъ свои лички на ходу. Лички эти—блѣдо цвѣта и цилиндрической формы. Спустя ляннадцатъ дней послѣ кладки, появляется личинка. Толпа кормилицъ берется за воспитаніе. Своими щупальцами онѣ чистятъ и гладятъ питомцевъ и растираютъ ихъ кожицу. Взойдетъ солнце и обольетъ горячимъ свѣтомъ муравейникъ—какая тогда начнется суета! Муравьи-сторожа, постоянно наблюдающие сверху муравейника за безопасностью, тотчасъ даютъ знать въ внутренніе окошки о появленіи солнца. Въ тотъ же мигъ поднимаются рабочіе и во всѣ выходы тащатъ своихъ толстыхъ питомцевъ, чтобы согрѣть ихъ живительными лучами свѣтила. И все время, пока солнце грѣетъ муравейникъ, личинки остаются на воздухѣ; но спрчется солнце за ближайшую гору или лѣсомъ, упадутъ тѣни на муравейникъ, или же тучи покроютъ все небо—опять начинается суматоха, тасканіе личинокъ въ теплыя помѣщенія гнѣзда. Справится съ работой муравьи,—усталые, измученные, отправляются тогда сами отдыхать на нѣкоторое время. Настаетъ второе превращеніе—переходъ личинки въ куколку. Куколка муравья бываетъ въ началѣ чистаго блѣдаго цвѣта; затѣмъ темнѣетъ и переходитъ въ чернобурую. Личинка собственно муравьевъ при переходѣ въ куколку покрывается шелковымъ кокономъ. Освобожденіе куколки совершается при помощи рабочихъ: они разрываютъ мантию куколки и помогаютъ ей выйти изъ кокона. Затѣмъ начинаются новыя ухаживания за новорожденнымъ, который обыкновенно бываетъ очень слабъ и ни къ чему не способенъ. Его сильная жизненность проявляется только въ безпрестанномъ потребленіи пищи. Окрывнувъ, молодой муравей нѣкоторое время еще нуждается въ руководствѣ своихъ воспитательницъ: его учатъ охотиться, приучаютъ пользоваться собственными силами, не быть разборчивымъ въ пищѣ. Самцы бываютъ менѣе самокъ. Самки недоразвившіяся, съ малой грудью, крыльевъ имѣть не могутъ и обрабатываются въ муравьевъ рабочихъ. Полагаютъ, что рабочіе живутъ по нѣсколькимъ лѣтамъ.

Муравьи питаются всевозможными веществами: свѣжнмъ и гнилнмъ мясомъ, плодами, цвѣтами, нападаютъ на насѣкомыхъ

и высасываютъ ихъ сокъ. Муравьи очень любятъ жидкость, выдѣляемую травяными вшами изъ особенныхъ брюшныхъ мѣшечковъ. Найдя такихъ вшей, муравьи начнутъ тормошить ихъ, съ цѣлью заставить выдѣлать жидкость. Наберутъ муравьи вшей и отнесутъ ихъ къ себѣ въ муравейникъ, въ особенно устроенныя стойла, начнутъ кормить ихъ, а потомъ доятъ какъ коровъ.

Доведется муравью напасть на богатую добычу, онъ никогда не попользуется ею одинъ, а съзываетъ всѣхъ товарищей. Заработается какой-нибудь муравей и заголодааетъ. И работу бросить не хочется и ѣсть-то надо; предупредить онъ о томъ товарища, а тотъ и принесетъ ему соку, заготовленнаго на всякій случай. Такова дружба между муравьями.

Раненымъ, разбитымъ товарищамъ муравьи всѣми силами стараются оказать помощь. Случалось видѣть, какъ муравьи вытаскивали изъ воды погибшаго товарища и какъ слѣшили возратить его къ жизни, ложась на него, чтобы согрѣть его, оттирая и ворочая.

Между лѣснымъ населеніемъ у муравьевъ не мало враговъ; и въ дѣлѣ защиты отъ нападеній они выказываютъ глубокое соображеніе и знаніе какъ отразить нападеніе и выдержать напоръ.

Нерѣдко муравейники ведутъ войну между собой изъ-за обладанія травяными вшами, или, чаще, съ цѣлью увеличенія населенія. Взятые въ плѣнъ муравьи быстро привываютъ къ своимъ похитителямъ и не допускаютъ мысли о побѣдѣ.

Вообще при внимательномъ изученіи жизни муравьевъ, нельзя не признать, что всѣ дѣйствія муравьевъ отличаются сознательностью и необычайною смысленностью, и мы еще будемъ имѣть случай рассказать о бытѣ муравьевъ, и ихъ замѣчательной общественной организаціи.

МУРАВЬИНЫЙ ЛЕВЪ (FOURMILLON ADULTE).

Муравьиный левъ принадлежитъ къ разряду сѣтчатокрылыхъ, представительницей которыхъ является стрекоза. Сѣтчатокрылыя раздѣляются на двѣ группы; къ одной относятся: *стрекоза*, *подежка*, *термитъ*, насѣкомыя съ неполнымъ превращеніемъ,—къ другой: *ручейникъ*, *панорпа* и *муравьиный левъ*, съ полнымъ превращеніемъ. *Полнымъ* превращеніемъ называется, когда насѣкомыя выходятъ изъ яичекъ въ видѣ личинокъ, потомъ превращаются въ куколку и, наконецъ, во взрослыхъ насѣкомыхъ. Насѣкомыя съ *неполнымъ* превращеніемъ выходятъ изъ яичекъ похожими на взрослыхъ, но только безъ крыльевъ. Эти насѣкомыя не превращаются въ куколки и не перестаютъ двигаться и кормиться всю свою жизнь.

Сѣтчатокрылыя имѣютъ четыре перепончатыхъ крыла; крылья эти обыкновенно широки и покрыты тонкою сѣточкою, состоящей изъ маленькихъ поперечныхъ жилокъ. Разрядъ сѣтчатокрылыхъ не великъ, тѣмъ не менѣе насѣкомыя къ нему принадлежащія отличаются замѣчательнымъ разнообразіемъ своей формы и привычекъ.

Муравьиный левъ живетъ въ водѣ; насѣкомое это очень похоже на стрекозу, полетъ его слабый. Муравьиный левъ распространяетъ запахъ розы.

Личинка муравьиного льва грязно-розово-сѣраго цвѣта съ пучками черноватыхъ волосковъ на объемистомъ туловищѣ. Личка очень длинная и тонкая, переднія раздѣляются; заднія такъ прижаты къ туловищу, что животное можетъ двигаться только задомъ. Личинки встрѣчаются на песчаныхъ мѣстахъ, на солнечной сторонѣ. Здѣсь онѣ устраиваютъ себѣ воронки, описывая задомъ въ песокъ кругъ, диаметръ котораго постепенно уменьшается. Въ этомъ случаѣ крѣпкая четырехугольная голова насѣкомаго играетъ роль лопаты, отбрасывая песокъ далеко въ сторону. Приготовивъ помѣщеніе, личинка спускается въ воронку, оставляя снаружи одну голову и въ такомъ положеніи терпѣливо поджидаетъ, не появится ли добыча. Лишь только покажется на краю воронки песчаный паукъ или муравей, какъ личинка засыпаетъ его пескомъ; жертва скатывается на дно воронки и личинка своими острыми челюстями схватываетъ ее и, высосавъ сокъ, выкидываетъ снова наружу. Чаще всего добычей этихъ личинокъ бываютъ муравьи, отчего насѣкомое и получило названіе муравьиного льва.

Въ срединѣ лѣта личинка муравьиного льва дѣлаетъ сферической коконъ, въ которомъ она и превращается въ куколку. Въ концѣ августа изъ куколки выходитъ совершенно развитое насѣкомое.

На югѣ встрѣчается очень правильный видъ, стрекозовидный муравьиный левъ, личинка котораго можетъ ходить впередъ и не роетъ воронки.

Рисунки, помѣщенные въ этомъ № „Нивы“ представляютъ: 1) муравьиного льва, совершенно развившагося, и 2) воронку его личинки, со скатывающимися на песокъ ей въ добычу муравьями.

ЖИВА

№ 23

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 5 Іюня 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
всѣ уже вышедшіе
номера «Нивы».

ГODOVAYА ЦѢНА ЖУРНАЛА «НИВА» на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.
" съ доставкой . . . 5 "

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж-
маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всея города Имперіи 5 " 50 "

Контора журнала
«Нива» помещается
въ С.-П.-бургѣ на Б.
Морской, въ д. № 9.

Подписка продолжается.

При этомъ № прилагаются: «Парижскія Моды» за Іюнь съ 30 рисунками, отдѣльный листъ выкроекъ съ 24 чертежами въ натуральную величину и съ 24 рисунками буквъ для мѣтки бѣлья.

Начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ. **Василій Александровичъ Гейманъ**

Василій Александровичъ—русскій дворянинъ, вступилъ въ службу юнкеромъ и произведенъ въ первый чинъ въ 1844 г. Теперь ему около 55 лѣтъ. Большую часть своей служебной дѣятельности онъ провелъ на Кавказѣ, гдѣ его имя пользуется большою популярностью и всеобщимъ уваженіемъ. Всѣ его военныя отличія и награды свидѣтельствуютъ о его необычайной храбрости. Въ 1864 году, т. е. въ 20 лѣтъ службы, онъ уже былъ генералъ-майоромъ и имѣлъ орденъ: св. Анны 4-й степени за храбрость, св. Анны 3-й степени съ бантомъ, св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, золотую шапку за храбрость, св. Владиміра 3-й степени съ мечами, прусскаго Краснаго Орла съ мечами и св. Георгія 3-й степени, т. е. самую высокую награду военной доблести въ его чинѣ. Въ послѣдствіи онъ еще много получалъ орденовъ высшихъ степеней и наградъ по званію генерала, имѣющихъ, впрочемъ, менѣе характеристичное значеніе для его боевой славы. Въ 1872 г. произведенъ въ генералъ-лейтенантъ, съ утвержденіемъ началь-

В. Гейманъ

Начальникъ 20 пѣхот. див. генералъ-лейтенантъ Василій Александровичъ Гейманъ.
Гравиръ. Вейерманъ.

никомъ 20-й пѣхотной дивизіи. Въ дѣлѣ 4-го мая, при штурмѣ Ардагана (крѣпость Ардаганъ, старинная армянская крѣпость, съ предметъемъ, находится въ Ахалцхскомъ пашалыкѣ, на лѣвомъ берегу р. Куры, въ недалекомъ разстояніи отъ Карса), солдаты и всѣ чины его отряда, наэлектризованные его собственнымъ примѣромъ, хладнокровіемъ и распорядительностью, выказали необычайную отвагу и рѣшимость, поразившія турокъ. Когда въ 1 часъ дня пришло приказаніе отъ командующаго корпусомъ, генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, идти на штурмъ для одновременнаго содѣйствія Ахалцхскому отряду генерала Девеля, дѣйствующаго съ сѣвера—наши южныя колонны только и поджидали этого момента. Генералъ Гейманъ тотчасъ же съѣхъ на коня и повелъ Эриванцевъ и Бакинцевъ. Приходилось пройти подъ выстрѣлами непріятеля 2¼ версты въ такомъ близкомъ разстояніи, что вмѣсто сивавшихся гранатъ, каждую минуту могли ожидать картечи; не смотря на это, наши войска весело

и бодро шагали въ разсыпную; только одна группа бѣжала сомкнутымъ строемъ, привлекая на себя выстрѣлы своею численностью и значкомъ, гордо развивавшимся за начальникомъ пѣхоты, генераломъ Гейманомъ. Когда штурмующіе дошли до основанія крѣпости, фортъ Галаверди (самый грозный) прекратилъ огонь; наши тоже перестали стрѣлять, чтобы не попасть въ своихъ. Всѣ съ замираніемъ сердца ждали, что вотъ-вотъ градомъ посыплется картечь. Турки, были поражены неустрашимомъ смѣлостью нашихъ войскъ, необращавшихъ вниманія на ихъ огонь, и настойчиво, безостановочно стремившихся къ заповѣдной цѣли. Озадаченные штурмомъ Елисаветпольцевъ (бывшихъ въ колоннѣ генераль-лейтенанта Девеля, который занялъ укрѣпленія на галавердинскихъ высотахъ), турки побѣжали въ беспорядкѣ, не успѣвъ захватить съ собою ни снарядовъ, ни пушекъ, даже не заклепавъ ихъ. Только артиллеристы одни остались на мѣстахъ и бились до смерти, усыпавъ своими трупами платформы баатарей и рвы крѣпости. По собраннымъ послѣ взятія Ардагана свѣдѣніямъ оказалось, что въ оба дня боя, какъ въ передовыхъ укрѣпленіяхъ, такъ и въ самой крѣпости, взято 82 орудія, въ томъ числѣ два 8-ми дюймовыя, много отличныхъ крупновскихъ орудій и громадныя запасы боевыхъ снарядовъ и провіанта. Главныя четыре укрѣпленія имѣли профиль весьма почтенныхъ размѣровъ. Въ числѣ плѣнныхъ взятъ одинъ наша. Число погребенныхъ турецкихъ тѣлъ доходитъ уже до 800. Въ настоящее время въ городѣ и во всемъ Ардаганскомъ санджакѣ вводится русское управленіе. За взятіе Ардагана даны награды: генераль-адъю-

танту, генералу отъ кавалеріи Лорисъ-Меликову и генераль-лейтенанту Девелю—орденъ св. Георгія 3-й степени, а генералу Гейману, золотая шага за храбрость, украшенная брилліантами.

Изъ всего изложеннаго въ этомъ краткомъ очеркѣ боевой дѣятельности Василя Александровича можно вывести простое заключеніе, что его отличіе при Ардаганѣ не случайное, а напротивъ: отличіе этихъ всѣхъ знавшихъ Василя Александровича ожидали съ началомъ настоящихъ военныхъ дѣйствій нашихъ на Кавказѣ. Взятіе Ардагана только представило ему удобный случай снова обнаружить свои значительныя военныя способности, и неудивительно, что героемъ дня 5-го сего мая былъ Василій Александровичъ Гейманъ, имя котораго сдѣлалось теперь извѣстнымъ всей Россіи. Василій Александровичъ, впрочемъ, имѣетъ извѣстность не только какъ воинъ, онъ приобрѣлъ себѣ не меньшую извѣстность, какъ прекрасный товарищъ и замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ начальникъ, пользующійся искреннею любовью подчиненныхъ, сослуживцевъ и всѣхъ лицъ, знавшихъ его. Въ семейной жизни испыталъ онъ горе, лишившись первой жены. Оставшись вдовцомъ съ дѣтьми, онъ потомъ вторично женился. Супруга В. А.—урожденная Мартынова. Дѣтей трое—два сына и одна дочь.

Кромѣ поименованныхъ выше наградъ собственно за военныя отличія, Василій Александровичъ имѣетъ, между прочимъ, золотую медаль, установленную Высочайшимъ указомъ 17-го апрѣля 1871 года, которую получилъ онъ за участіе по освобожденію зависящихъ сословіи и другіе знаки, ордена и отличія не за военные подвиги.

AQUIS SUBMERSUS.

Новелла Теодора Шторма.

(Продолженіе).

Я самъ засматривался на свою работу, и часто даже мнѣ не вѣрилось, что портретъ этотъ—произведеніе моей кисти! Иногда глаза Катерины свѣтились какимъ-то особеннымъ блескомъ, и я чувствовалъ тогда жгучій взглядъ ихъ, который мнѣ хотѣлось уловить и оставить на холстѣ, но сіяніе это для него внезапно исчезало... И все таки какъ-то *само собой*, почти безсознательно, кисть передала этотъ чудный блескъ глазъ. Картина вышла полная жизни и столь поразительная, что самъ изумленъ я былъ! И ни до того, ни послѣ этого не создавала кисть моя ничего подобнаго...

Наступило, наконецъ, время отъѣзда въ Гамбургъ и было рѣшено, что я отправлюсь утромъ на другой день.

Придя на послѣдній сеансъ, Катерина передала мнѣ письмо къ теткѣ своей. На этотъ разъ бесѣдовали мы серьезно, не тратя лишнихъ словъ, и аккуратно обсудили положеніе дѣла.

Дорисовывая кое-какія детали портрета, я по временамъ посматривалъ на изображенія предковъ Гергардуса, украшавшія стѣны залы. Одинъ изъ старинныхъ портретовъ, портретъ женщины, привлекъ мое вниманіе (онъ и прежде производилъ непріятное впечатлѣніе на меня). Тутъ мнѣ показалось, что изъ-подъ обширнаго чепца на меня какъ-то особенно пронзительно глядятъ холодныя сѣрыя глаза безмолвной дамы... Я вздрогнулъ такъ что чуть не выронилъ палитры, но сладкій голосъ Катерины заставилъ меня опомниться.

— Вы, Иоаннъ, какъ будто поблѣднѣли,—заговорила она,—что васъ взволновало?

Я указалъ кистью на портретъ той дамы и спросилъ:

— Знаете вы эту женщину? Эти глаза смотрѣли на насъ и теперь смотрятъ...

— Эта, что въ бѣломъ чепцѣ? Да, знаю.... Будучи еще ребенкомъ, я боялся этого портрета, и даже днемъ, когда пробѣгала черезъ эту комнату, замурировала глаза. Дама эта—жена одного изъ Гергардусовъ. Жила она тутъ и хозяйничала слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ.

— Она не похожа на вашу прекрасную мать. Судя по выраженію лица этой женщины, она была способна отвѣтить отказомъ на всякую просьбу... Кажется, никакія мольбы не могли ее тронуть.

Катерина поглядѣла на меня очень серьезно:

— Такъ и было на дѣлѣ. Рассказываютъ, что она

прокляла единственнаго своего ребенка, а на другой день изъ пруда, что былъ въ саду, его и вытащили... вытащили мертвую молодую дѣвушку. Прудъ приказано было засыпать землею... Это вонъ тамъ, за изгородью, ближе къ лѣсу.

— Знаю, знаю это мѣсто, пробормотала я.

— А знаете-ли, Иоаннъ, говорятъ тоже, что каждый разъ, какъ нашему дому грозитъ бѣда, появляется тѣнь одной изъ Гергардусъ... Сначала привидѣніе показывается вотъ въ этихъ окнахъ и исчезаетъ потомъ въ болотѣ, которое въ саду.

Я невольно бросилъ взглядъ на холодныя сѣрыя глаза „одной изъ Гергардусъ“.

— А за что-же прокляла она единственную свою дочь?

— За что?

Катерина глядѣла на меня въ очаровательномъ смущеніи и не сразу отвѣтила.

— Я думаю за то, что та не хотѣла выйдти замужъ за двоюроднаго брата матери...

— Развѣ онъ былъ дурной человѣкъ?

Катерина вспыхнула яркимъ румянцемъ.

— Не знаю, проговорила она въ смущеніи и потомъ совѣмъ тихо прошептала: — рассказываютъ, что она любила другого, а этотъ *другой*... не принадлежалъ къ дворянскому сословію.

Кисть выпала изъ моихъ рукъ, а Катерина сидѣла опустивъ голову, безъ движенія, какъ статуя.

— Я не могу такъ рисовать, проговорилъ я... развѣ вы не хотите глядѣть на меня, Катерина?

Когда дѣвушка подняла голову и взглянула на меня „своими лучистыми глазами“—я все понялъ, вскопчилъ и воскликнулъ:

— Катерина! Неужели эта женщина и тебя прокляла-бы?!

Катерина отвѣтила съ глубокимъ вздохомъ:

— Да, и меня прокляла-бы, Иоаннъ!

Голова ея склонилась на мою грудь. Крѣпко обнявшись, мы очутились передъ портретомъ дамы въ бѣломъ чепцѣ, которая холодно и враждебно смотрѣла на насъ.

Катерина тихонько отвела меня отъ „одной изъ Гергардусъ“, говоря, что не слѣдуетъ раздражать духъ усопшей прародительницы, и въ ту же минуту послы-

шался на лѣстницѣ шумъ, какъ будто тамъ, по ступенькамъ, кто-то съ трудомъ взбирался на трехъ ногахъ.

Едва мы успѣли занять прежнія свои мѣста, какъ въ залу вошла, опираясь на трость и покашливая, тетка Урсула—нежданная гостья.

— Слышала я,—заговорила она,—что онъ отправляется въ Гамбургъ для заказа тамъ рамы... Ну, такъ вотъ я и хочу на работу его поглядѣть.

Всѣмъ вѣдомо, что престарѣлыя дѣвы наитончайшимъ чутьемъ въ дѣлахъ любовныхъ обладаютъ, а посему весьма много горечи и досады причиняютъ молодымъ людямъ.

Едва только тетюшка Урсула взглянула на портретъ Катерины (она въ первый разъ видѣла его), какъ горделиво откинула голову и спросила меня:

— Неужели фрейлейнъ глядѣла на тебя такъ, какъ вотъ на портретѣ глядѣть?...

Я отвѣтилъ на это, что „благородное живописное искусство“ и состоитъ въ томъ, чтобы передавать красками не только форму, черты лица, но и то, что называется *душой*. Художникъ долженъ придать выражение лицу, оживить свое „писаніе“... Но, вѣроятно, „престарѣлая дѣва“ подмѣтила нѣчто „особливое“ въ глазахъ нашихъ, потому что ея глаза загорѣлись гнѣвомъ.

— Работа эта, вѣрно, скоро будетъ кончена? спросила она крикливымъ голосомъ. Твои глаза, Катерина, блестятъ болѣзненно... Долгое сидѣнье тебѣ повредило.

Я отвѣтилъ, что портретъ скоро будетъ готовъ, что осталось кое-что подправить въ одеждѣ.

— А ну, въ такомъ случаѣ, присутствіе фрейлейнъ здѣсь вовсе и ненужно. Пойдемъ, Катерина. Рука твоя для меня будетъ лучше этой глупой трости!

Съ грустью смотрѣлъ я, какъ эта злая, сухопарая старуха отъ меня вводила сокровище души моей—въ ту самую минуту, когда я приобрѣлъ это сокровище.

...Путру слѣдующаго дня—то былъ понедѣльникъ передъ днемъ св. Іоанна—я отправился въ путь. На конѣ, для меня приготовленномъ благодаря заботливости Дитриха, я выѣхалъ изъ воротъ замка, на зарѣ. Когда я чрезъ лѣсочекъ еловый проѣзжалъ—одинъ изъ псовъ Вульфа бросился на моего коня, хотя конь этотъ былъ взятъ изъ собственной конюшни барона. Однакоже, ни я, ни конь мой раны не получили и въ тотъ же день, еще за-свѣтло, въ Гамбургъ я прибылъ, а на другой—съ утра по дѣламъ пошелъ и вскорѣ разыскалъ рѣзчика-мастера, у котораго былъ изрядный выборъ рамъ. Условились мы о цѣнѣ и мастеръ общалъ, упаковавъ раму, прислать ее въ замокъ.

Такъ какъ душа моя заботами и тоскою сердечною была обременена, то я и не думалъ диковинки города Гамбурга осматривать, а получивъ по имѣющемуся у меня векселю деньги и расплатившись въ гостинницѣ, гдѣ ночлегъ имѣлъ, сѣлъ послѣ полудня на коня и выѣхалъ изъ шумливаго Гамбурга.

Подъ вечеръ Претца достигнувъ, отправился въ монастырь къ высокопочтенной монахинѣ. Тотчасъ же меня къ ней допустили, и въ статной женщинѣ сестру дорогого моего покойнаго герръ Гергардуса узналъ я сейчасъ же. Передавъ ей письмо Катерины, я подвергся экзамену продолжительному и строгому; обо всемъ распросивъ меня, помощь свою общала она и засимъ къ столу письменному сѣла, а меня служанкѣ въ другой покой отвести приказала, гдѣ я и былъ угощенъ.

Уже довольно позднее время было, когда я выбрался изъ Претца, и хотя конь мой въ этотъ день изрядное число верстъ сдѣлалъ—все-таки я рассчитывалъ около полуночи въ замокъ прибыть и къ старику Дитриху постучаться. Письмо къ Катеринѣ, врученное мнѣ почтенной дамой, схоронилъ я въ кожаную сумочку, каковую на груди подъ камзоломъ держалъ.

Ѣхалъ я, а сумерки все гуще становились, и вскорѣ всѣми помыслами моими она овладѣла... Чудныя картины передъ умственнымъ моимъ окомъ возникали и проносились, заставляя сердце усиленно биться.

Ночь была теплая, юньская. Съ полей, окутанныхъ тьмою, поднимался ароматъ полевыхъ цвѣтовъ. Вверху, на необъятномъ, темно-синемъ сводѣ небесномъ, во всемъ великолѣпнн своемъ созвѣздіе Лебеди сверкало.

До помѣстья герръ Гергардуса доѣхавъ, я рѣшился завернуть въ деревню, лежавшую за лѣсомъ, въ сторонѣ отъ большой дороги. Въ мысляхъ у меня было, что у корчмара Ганса Оттсена удобная, ручная телѣжка найдется, и захотѣлось мнѣ распорядиться такъ, чтобы онъ кого либо съ этою телѣжкою въ городъ завтра послалъ за ящикомъ, который долженъ былъ изъ Гамбурга на имя мое прибыть. Намѣреніе имѣлъ я въ окно корчмарю постучать и сообщить о моемъ желаніи.

Ѣхалъ я по опушкѣ лѣсной. Передо мною огонечки зеленеватыя червячками свѣтящимися мелькали, и уже на разстояніи довольно маломъ высилась мрачная колокольня церковная, въ стѣнахъ которой тѣло герръ Гергардуса покоилось. На башнѣ двѣнадцать часовъ пробило. Ну, такъ подумалъ я, всѣ они спятъ: умершіе почиваютъ въ церкви, либо на кладбищѣ, подъ небесами звѣздными, живые—подъ кровлею жилищъ своихъ...

Подвигаясь далѣе, добрался я до пруда, откуда видѣть было можно Ганса Оттсена корчму, и тутъ примѣтилъ полосу свѣта, тускло падавшую на дорогу изъ корчмы, откуда доносились звуки кларнета и скрипки.

Такъ какъ непремѣнно хотѣлось мнѣ съ Гансомъ переговорить, то и заѣхалъ я въ корчму, коня же въ конюшню отвелъ. На площадочкѣ, передъ домомъ, толпилась кучка народа; мужчины и женщины тутъ были, и слышался шумъ и говоръ бурный, которыхъ въ прежнее время здѣсь никогда не бывало. Около музыкантовъ, сидѣвшихъ на бочкахъ, стоялъ ф.-деръ-Ришъ, на одной рукѣ у него висѣлъ плащъ, а на другой—дѣва дюжая. Повидимому не нравилась ему музыка, ибо онъ вырвалъ изъ рукъ скрипача скрипку, бросилъ ему пригоршню монетъ и потребовалъ, чтобы играли новомодный въ два такта вальсъ. Когда же музыканты, исполняя приказаніе его, поспѣшно заиграли быстрый танецъ—Куртъ ф.-деръ-Ришъ крикнулъ „дайте мѣста“ и въ густую толпу пустился. Парни крестьянскіе тарачили на него глаза; дѣва та на плечѣ его лежала и съ нею онъ плясалъ.

Отвернулся я и въ горницу вошелъ, чтобы переговорить съ хозяиномъ. Въ горницѣ за кружкой вина стоялъ Вульфъ, а подлѣ него сидѣлъ старикъ Оттсенъ, онъ его шуточками разными занималъ, какъ, наприкладъ, грозилъ набавить арендную плату и засимъ со смѣху покатывался, когда старикъ напуганный жалобно умолялъ помиловать его. Меня завидѣвъ, сталъ Вульфъ упрашивать съ нимъ за столъ сѣсть и до тѣхъ поръ угомонъ его не взять, пока я не исполнилъ его желанія. Началъ онъ потомъ вопросы дѣлать мнѣ, касательно поѣздки моей, и о томъ, какъ въ Гамбургѣ веселился я. Я-же отвѣчалъ ему только, что прямо оттуда прибылъ и что рама на дняхъ въ городъ прислана будетъ, а изъ города на телѣжкѣ своей, пожалуй, привезетъ ее Гансъ Оттсенъ.

Въ этотъ моментъ ф.-деръ-Ришъ въ горницу ввалился и хозяину кривнулъ, что-бы тотъ прохладительный напитокъ подалъ ему. Баронъ Вульфъ, у коего языкъ уже изрядно заплетался, схватилъ Курта за руку и усадилъ его на стулъ.

— Ну, Куртъ,—пробурчалъ онъ,—развѣ не надобно еще тебѣ возиться? Что скажетъ Катерина на это? Давай-ка лучше партію въ модную азартную сыграемъ!

Съ этими словами изъ-подъ камзола своего вытащилъ онъ колоду картъ.

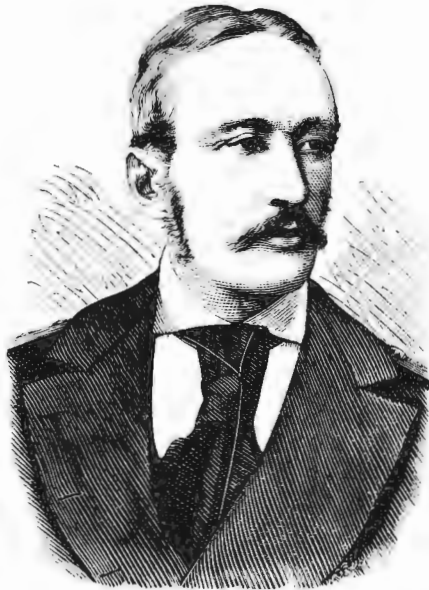
— Ну-ка, начнемъ! Десятка и краля! Краля и валець! Тузь пиковый!

А я стоялъ и за игрою слѣдилъ, которая тогда толь-

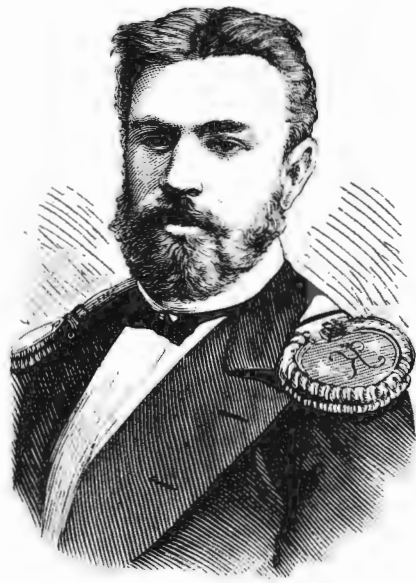
Помысли-ка: не много-ль
То будетъ одному?"

— Такъ-то! А вотъ, пусть-ка живописецъ о твоей

ГЕРОИ, ВЗОРВАВШЕ ТУРЕЦКІЙ МОНИТОРЪ „ХИВЗИ-РАХМАНЪ“.

Лейтенантъ О. В. Дубасовъ.

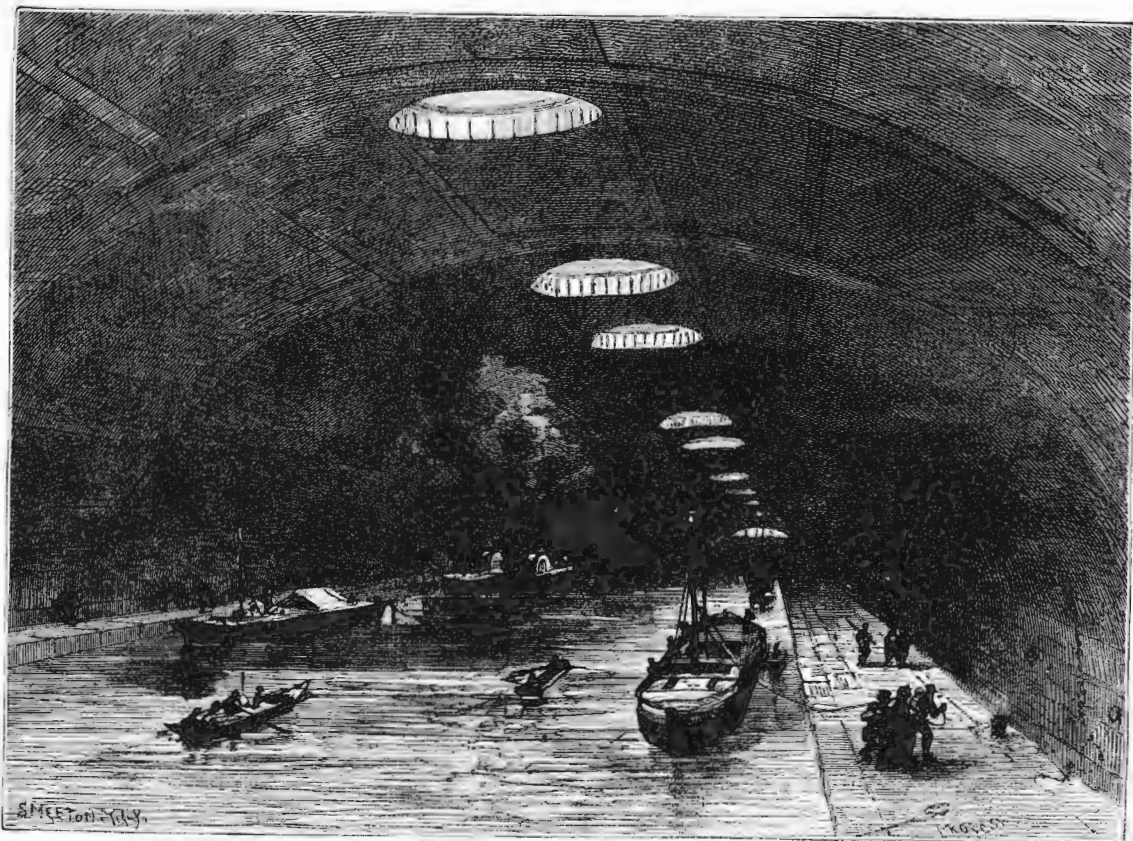

Лейтенантъ А. П. Шестаковъ.

ко что въ моду вступила. Желалось мнѣ, чтобы ночь скорѣе миновала и утро наступило... Пьяный на этотъ разъ трезваго побѣждалъ — Вульфъ убивалъ, можно сказать, каждую карту Курта.

красавицѣ-певѣстѣ пораскажетъ тебѣ... Вѣдь онъ наизусть ее знаетъ! Ну, и ты ее узнаешь съ пункта зрѣнія художника.

Но Куртъ ф.-деръ-Ришъ, какъ мнѣ извѣстно было

Подземный каналъ Сенъ-Мартенъ въ Парижѣ. Рис. и грав. Сметонъ.

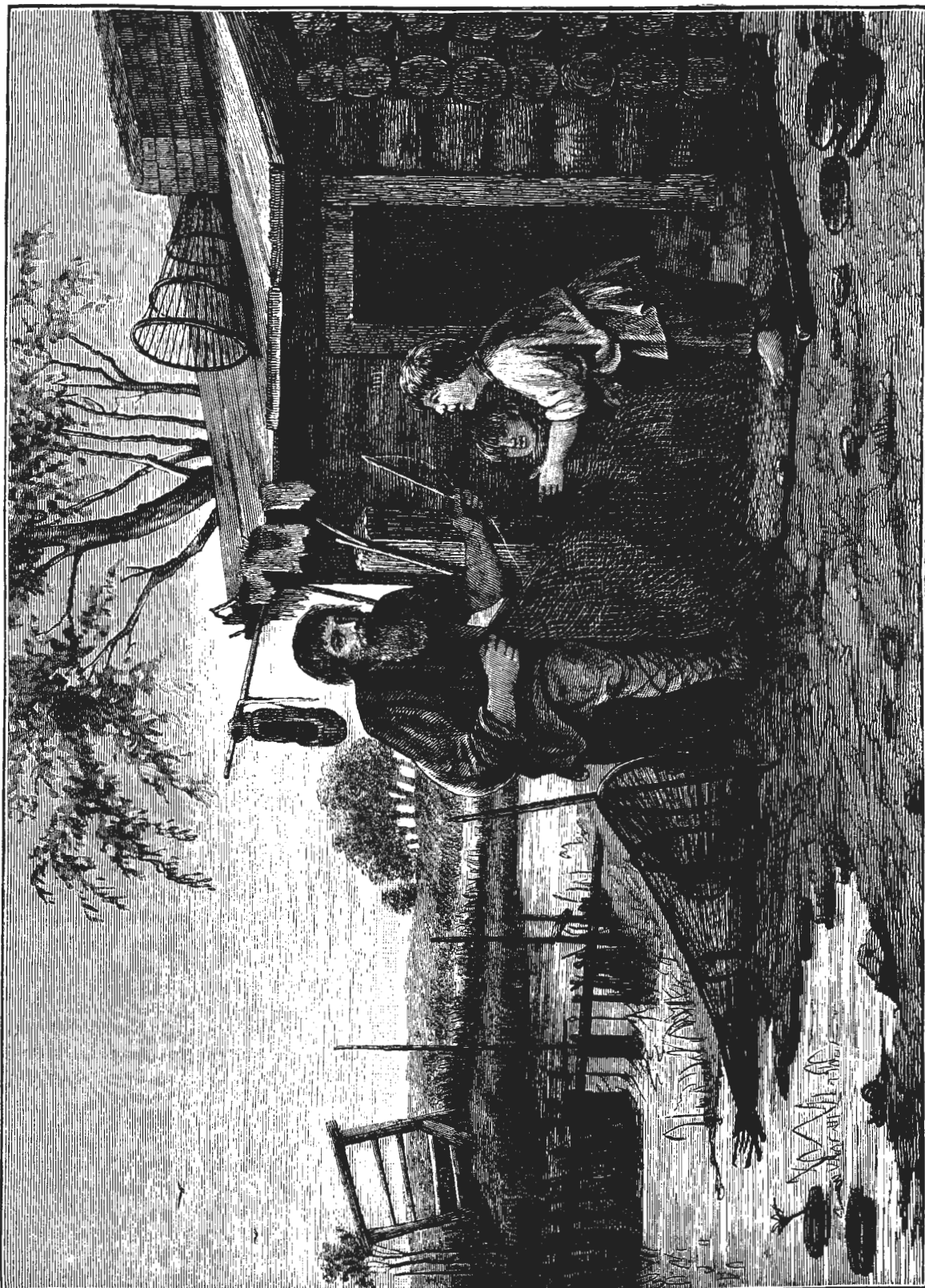
— Э, Куртъ, утѣшься! промолвилъ Вульфъ, талеры весело загребая. Знаешь ты:

„Счастье въ любви,
Да и въ игрѣ къ тому —

счастія любви взаимной еще не вѣдалъ.

Пробурчавъ проклятіе, кулакомъ по столу онъ стукнулъ и на меня глядѣть яростно сталъ.

— Э, да ты, Куртъ, ревнуешь! весело Вульфъ вы-

Старый рыбацк. Оригинальный рисунокъ Коверцова, грав. Бонгг.

молвилъ языкомъ своимъ отяжелѣвшимъ и присовокупилъ:

— Но утѣшь сердце свое: къ портрету рама уже изготовлена! Пріятель твой живописецъ изъ Гамбурга только что возвратился...

При словахъ сихъ Куртъ востепенулся подобно ищейкѣ, дичину почуявшей.

— Только что изъ Гамбурга?! Ну, такъ вѣрно у него есть сапоги-скороходы, ибо сегодня въ полдень конюхъ мой въ Претцѣ его видѣлъ! И былъ онъ въ монастырѣ, въ гостяхъ у твоей тетки.

При этихъ словахъ невольно я за грудь схватился, гдѣ сумочка съ письмомъ у меня находилась. Пьяные глаза Вульфа на меня устремлены были, и казалось мнѣ, что тайну мою онъ провѣдалъ совершенно. Въ слѣдующій засимъ моментъ карты изъ рукъ его на столъ полетѣли.

— Ого!! завопилъ онъ. Въ монастырѣ, у тетки моей! Эге, молодчикъ, да ты двойную игру играешь! Кто туда тебя послалъ?

— Ужь, конечно, не вы, г. баронъ Вульфъ, возразилъ я и присовокупилъ:—а болѣе я вамъ не скажу ничего!

Тутъ хотѣлъ я за шпагу схватиться, но при мнѣ не было ея, ибо отводя въ конюшню коня, шпагу къ лукъ сѣдла я привѣсилъ.

Въ эту минуту Вульфъ товарищу своему крикнулъ:

— Куртъ! Камзолъ съ него сорви! Не пустяшное это дѣло—найдеши ты у него писульку славную, а тебѣ не весьма пріятно было бы, если бы по назначенію она дошла!

Въ ту же секунду на себѣ почувствовалъ я руки ф.-деръ-Риша и между нами борьба завязалась.

Увидѣлъ я, что нынѣ не могу одолѣть его съ тою легкостью, какъ прежде, когда мы „совою“ Курта звали, но къ благополучію моему удалось схватить мнѣ его за кисти рукъ—и онъ передо мною стоялъ, какъ окованный. Оба мы ни слова не проронили; но, другъ другу въ глаза взглянувъ, уразумѣли, что каждый изъ насъ съ заклятымъ врагомъ дѣло имѣетъ.

Баронъ Вульфъ, повидимому, того же мнѣнія былъ, ибо поднялся онъ со стула своего, помочь ф.-деръ-Ришу желая; но, какъ полагать слѣдуетъ, очень много вина выпилъ онъ, а потому, на ногахъ не устоявъ, на стулъ снова повалился. Тогда завопилъ онъ: „Эй, Полканъ! Турка! Сюда!“

Зналъ я что его злощія псы тотчасъ бросятся на меня и въ самое горло мнѣ вцѣплятся... Уже слышалъ я, какъ они сквозь толпу плясунувъ, пофыркивая, пробрались сюда, и тутъ я внезапно врага моего на полъ повалилъ, самъ же черезъ дверцу боковую изъ горницы выскочилъ, и дверцу накрѣпко прихлопнулъ.

Очутившись среди безмолвія ночи и лунное сіяніе увидя, не посмѣлъ я за конемъ въ конюшню отправиться, а съ проворностью черезъ валъ перескочилъ и по полю къ лѣсу побѣжалъ. До лѣса добравшись, идти старался я по направленію къ замку, ибо лѣсокъ до стѣнъ его доходилъ. Правда, листва густая деревъ свѣта луннаго не пропускала, однако же глаза мои къ темнотѣ скоро пріобыкли, и такъ какъ сумочка съ письмомъ у меня на груди сохранно висѣла, то я и запалгалъ впередъ бодро. Питая надежду остатокъ ночи въ горницѣ своей провести, полагалъ я раннимъ утромъ съ Дитрихомъ посоветоваться относительно того, что предпринять надлежитъ, ибо видѣлъ я, что долѣе въ замкѣ оставаться мнѣ уже нельзя.

По временамъ останавливался я и прислушивался, но псиного лая слышно не было,—полагать слѣдовало, что дверцу въ корчмѣ на замокъ я прихлопнулъ и тѣмъ самымъ времени порядочно выигралъ. Изъ-подъ тѣни древесной выйдя на прогалину, освѣщенную луною, пѣніе соловьиное услышалъ я, недалеко разда-

вавшееся, и пошелъ, на эти звуки, зная что соловьи гнѣздились только въ изгороди господскаго сада. Но до слуха моего стали доноситься другіе звуки. Сомнѣнія уже не было, что черезъ кустарникъ псы мчались, напавъ на мой слѣдъ. Уже явственно слышалъ я храпъ ихъ и прыжки звѣринныя по травѣ... Но Богъ милосердый послалъ мнѣ спасеніе: я прямо на стѣну садовую наткнулся и ухватившись за вѣтви бузины перескочилъ въ садъ...

...И вспомнилось мнѣ: въ одну изъ такихъ лунныхъ ночей, до отбытія моего на чужбину, съ герръ Гергардусомъ здѣсь прогуливался я. „Взгляни еще разъ на мѣсто это, Иоаннъ!“ промолвилъ тогда онъ мнѣ и присовокупилъ:—„Можетъ статься, вернувшись сюда, меня въ живыхъ ты уже не застанешь, и тогда, пожалуй, нерадушный пріемъ будетъ здѣсь тебѣ... Но не хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты это мѣсто забылъ“.

Припомнились мнѣ эти слова, и я горько разсмѣялся... Тутъ травилъ меня, какъ звѣря дикаго! Слышалъ я уже, какъ барона Вульфа псы около садовой стѣны метались и лаяли. Эта стѣна не вездѣ была высока и бѣшеные псы легко могли найти мѣсто, чтобы перескочить черезъ нее, а въ саду не было ни одного дерева, только кусты да клумбы не куда было мнѣ спастись.

Когда слышалъ я вой и лай торжествующій псовъ, то, въ отчаянности, ухватился за толстые стебли стараго плюща. Псы выскочили изъ тѣни изгороди на лужайку, освѣщенную луной, но я уже былъ высоко, достать меня они не могли, только плащъ мой, соскользнувъ съ плеча, попалъ въ ихъ зубы.

За вѣтки уцѣпившись и страшась, что верхній, болѣе тонкій плющъ меня не сдержитъ, искалъ я глазами болѣе надежной опоры, но кругомъ только темная листва была... И вдругъ услышалъ я, какъ надъ головою моею окно отворилось и голосъ прозвучалъ. Тотъ голосъ тихо, но явственно произнесъ имя мое... „Иоаннъ!“ она промолвила, и я вверхъ потащился, за стебли тонкіе цѣпляясь. Сонныя птички въ испугъ съ мѣстъ своихъ вспархивали, псы же внизу зычно выли.

— Катерина! Ты-ли это, Катерина?!

Но ея дрожащая рука уже ко мнѣ протянулась и къ окну отверзтому повлекла меня... Взглянулъ я на Катерину и увидѣлъ—ужасъ выразилъ ея взоръ...

— Полѣзай! произнесла она... Они растерзаютъ тебя!

И на окно я взобрался, когда же въ комнату вступилъ—руку свою Катерина отняла отъ меня и въ кресло опустилась, закрывъ глаза. Ея толстыя косы по бѣлой ночной одеждѣ до колѣнъ самыхъ ниспадали... При лунномъ освѣщеніи я видѣлъ ее всю и стоялъ передъ ней подобно околдованному... Прекрасной, чуждой, но все же сердцу близкой мнѣ она казалась!... Прелестями ея взоръ мой упивался... И только, когда изъ груди ея дѣвственной вздохъ вырвался, заговорилъ я:—Катерина, милая Катерина! Развѣ спите вы и сповидѣніе видите?..

Она горько улыбнулась.

— Да, Иоаннъ, мнѣ такъ думается, что я вижу сонъ: жизнь такъ тяжела, а сонъ такъ сладостенъ.

И снова въ саду вой псовъ нарушилъ тишину... Катерина въ испугъ поднялась съ кресла.

— Эти собаки, Иоаннъ! Чего взбѣсился онъ?

— Катерина,—вымолвилъ я,—если вамъ услугу оказать я долженъ, то нельзя медлить: отнынѣ не придется мнѣ порогъ этого дома переступить...

Говоря такъ, я письмо ей отдалъ и поспѣшно объяснилъ ей о томъ, что произошло въ корчмѣ между мною и двумя дворянчиками.

Ближе къ окну подвинулась она и письмо прочла, а затѣмъ на меня задушевно поглядѣла—и встрѣтиться условились мы завтра въ лѣсу еловомъ; ей слѣдовало еще разузнать о томъ, въ какой день Вульфъ намѣревается отправиться на Ивановскую ярмарку въ Киль.

— Ну, Катерина,—сказалъ я потомъ,—не найдется ли у васъ чего-нибудь желѣзнаго, чтобы могъ и отъ псовъ защитить себя?

Въ ужасѣ вскочила она.

— Что говоришь ты, Іоаннъ!?

И съ этимъ возгласомъ она ухватила за мои руки.

— Нѣтъ, не уйдешь ты! Не уйдешь! Тамъ, внизу, смерть тебя ожидаетъ... А если удалишься ты, то умру и я!..

Подъ крыломъ общаго нашего несчастья въ объятіи мы другъ друга упали.

— Ахъ, Катенька,—вымолвилъ я,—чего отъ любви нашей несчастной ожидать намъ?... Если бы даже брата твоего Вульфа не было, то вѣдь я не дворянинъ и руки твоей мнѣ просить нельзя...

Любовно и съ участіемъ она на меня взглянула.

— Ты не дворянинъ, Іоаннъ? А я думала, что ты уже имъ сталъ... Но—нѣтъ! Отецъ твой только другомъ былъ батюшки моего... Это же для свѣта значенія никакого не имѣтъ!..

— Да, Катенька, этому значенія не придадутъ,—отвѣчалъ я,—но знаешь ли, тамъ, въ Голландіи, тамъ живописецъ хорошій не менѣ цѣнится, чѣмъ нѣмецкій дворянинъ. Переступить порогъ „дворца“ Ванъ-Дика въ Амстердамъ—за честь почитаютъ даже особы высокопоставленныя. Учитель мой Гельстъ и иные удерживать меня тамъ желали... Если бы туда на годъ, либо на два вернулся я, то, по возвращеніи моемъ сюда, навѣрно мы оставили бы эти мѣста! Только мнѣ вѣрно остался, не поддавайся здѣшнимъ дворянчикамъ безпутнымъ!..

Катерина руками бѣлыми своими кудри свои поглаживала и, меня лаская, шопотомъ сказала:

— Если ужъ я пустила тебя въ свою комнату, то и должна буду женою твоею сдѣлаться.

Никакъ не подозрѣвалъ я, какой пламень слова эти въ крови моей зажгутъ... Преслѣдуемый тремя страшными силами: *иньомъ*, *страхомъ* смертельнымъ и *любовью*, склонилъ я голову на колѣни горячо любимой женщины.

Внезапно раздался рѣзкій свистъ, и въ тотъ же моментъ псы умолкли, а когда свистъ повторился—они, словно бѣшеные, на зовъ помчались. Шаги застучали на дворѣ... Мы стали прислушиваться, сдерживая дыханіе. Слышно было, какъ дверь на дворѣ на засовъ запирали...

— Это Вульфъ,—шопотомъ Катерина произнесла и присовокупила:—въ конюшню онъ собакъ заперъ.

Въ скорости послѣ этого мы услышали, какъ дверь въ сѣни ключемъ отперли, а потомъ шаги послышались въ корридорѣ нижняго этажа, гдѣ горница Вульфа находилась.. И потомъ все смолкло.

Опасность миновала, но и бесѣда наша скоро прекратилась. Катерина сидѣла, назадъ голову закинувъ, и только бленіе нашихъ сердецъ слышно было...

— Пора уйти мнѣ, Катерина? наконецъ сказалъ я. Молча привлекла она меня къ себѣ—и я не ушелъ. Кругомъ все безмолвствовало...

Поется въ цѣсныхъ старинныхъ, что бываютъ такіа ночи, когда прекрасная языческая богиня Венера воскресаетъ и дѣлаетъ свой обходъ, чтобы бѣдныя сердца человѣческія приводить въ смущеніе. И эта ночь такая была...

О, Господи-Боже! Былъ-ли предостерегающій гласъ Твой такъ далеко отъ насъ?..

Помнится мнѣ только, что на дворѣ пѣтухи уже прокричали...

Въ объятіяхъ моихъ блѣдная, плачущая лежала Катерина, меня нехотѣвшая отпустить, хотя заря занялась уже и своимъ свѣтомъ алымъ освѣщала комнату... Но когда Катерина поняла это, то въ страхѣ смертельномъ стала просить меня уйти.

Еще одинъ поцѣлуй прощальный—нѣтъ, тысячи поцѣлуевъ!..

Условились мы, что завтра, когда къ обѣду для прислуги зазвонятъ,—мы въ лѣсу еловомъ встрѣтимся... Ну, а засимъ,—и самъ не вѣдаю я, какъ то случилось,—въ саду, среди утренняго воздуха свѣжаго я очутился.

Поднявъ плащъ, псами разорванный, еще разъ взглянулъ я вверхъ и увидаль блѣдную руку посылавшую мнѣ прощальный привѣтъ. Испугъ чуть не овладѣлъ мною, когда, по тропинкѣ садовой иди, я снова оглянулся: взглядъ мой по окнамъ нижняго этажа скользнулъ, и тутъ почудилось мнѣ, что тамъ, около башни, изъ одного окна тоже рука высунулась... И рука эта, была безкровная, костлявая, какъ у самой смерти—и грозила она мнѣ!.. Однако-же, это видѣніе лишь на одинъ моментъ было, и вспомнилось мнѣ сказаніе о прародительницѣ Гергардусовъ, по временамъ въ замкѣ появляющейся.

Но сказалъ я тутъ себѣ: что это мнѣ только помешало.

И такъ, не обращая вниманія на призракъ, двинулся я черезъ садъ, поспѣшно шель и попалъ въ трясину: одна нога моя по щиколотку въ почву мягкую увязла. Ого! подумалъ я,—привидѣніе-то преслѣдуетъ тебя, герръ Іоаннъ!.. Однакоже, изъ трясинны я выбрался и, черезъ стѣну садовую перескочивъ, лѣсомъ пошелъ.

Мракъ лѣсной соотвѣтствовалъ мечтательному настроенію души моей. Кругомъ царилъ еще ночь тихая... И только тогда очулся я, когда въ поле открытое вышелъ... Уже гѣснь утрення жаворонковъ раздавалась, Праздныя мечтанія прогнавъ, я невольно спросилъ себя (и вопросъ этотъ былъ жгучій): Ну, что станешь нынѣ дѣлать ты, Іоаннъ? Съ жизнью своею ты другую, дорожную жизнь связалъ... Вѣдай же, что жизнь твоя—ничто когда дѣло идетъ о ея жизни...

Сколько не раздумывалъ я, а наилучшимъ изъ положенія нашего исходомъ предстоялось—убраться Катеринѣ въ монастырь къ теткѣ; которая могла бы доставить ей безопасное убѣжище, а же въ Голландію вернуться-бы, помощью друзей заручился-бы, а засимъ за Катериной прилетѣлъ-бы сюда.

Воображеніе мое разыгрывалось. Я уже видѣлъ и себя и Катерину плывущими на красивенькомъ корабликѣ по зеленомъ волнамъ Эюдерзее и уже ласкался слухъ мой звономъ колокола съ башни ратуши въ Амстердамъ... Вонъ уже и гавань, и друзья мои, изъ толпы выходящіе, меня и красавицу жену мою при вѣтствующихъ и съ триумфомъ насъ провожающіе по пути къ домишку нашему уютному...

Сердце мое мужество и надежды преисполнено было и я бодрѣ и быстрѣ впередъ зашагалъ, какъ будто при этой торопливости могъ до счастья своего скорѣе добраться!

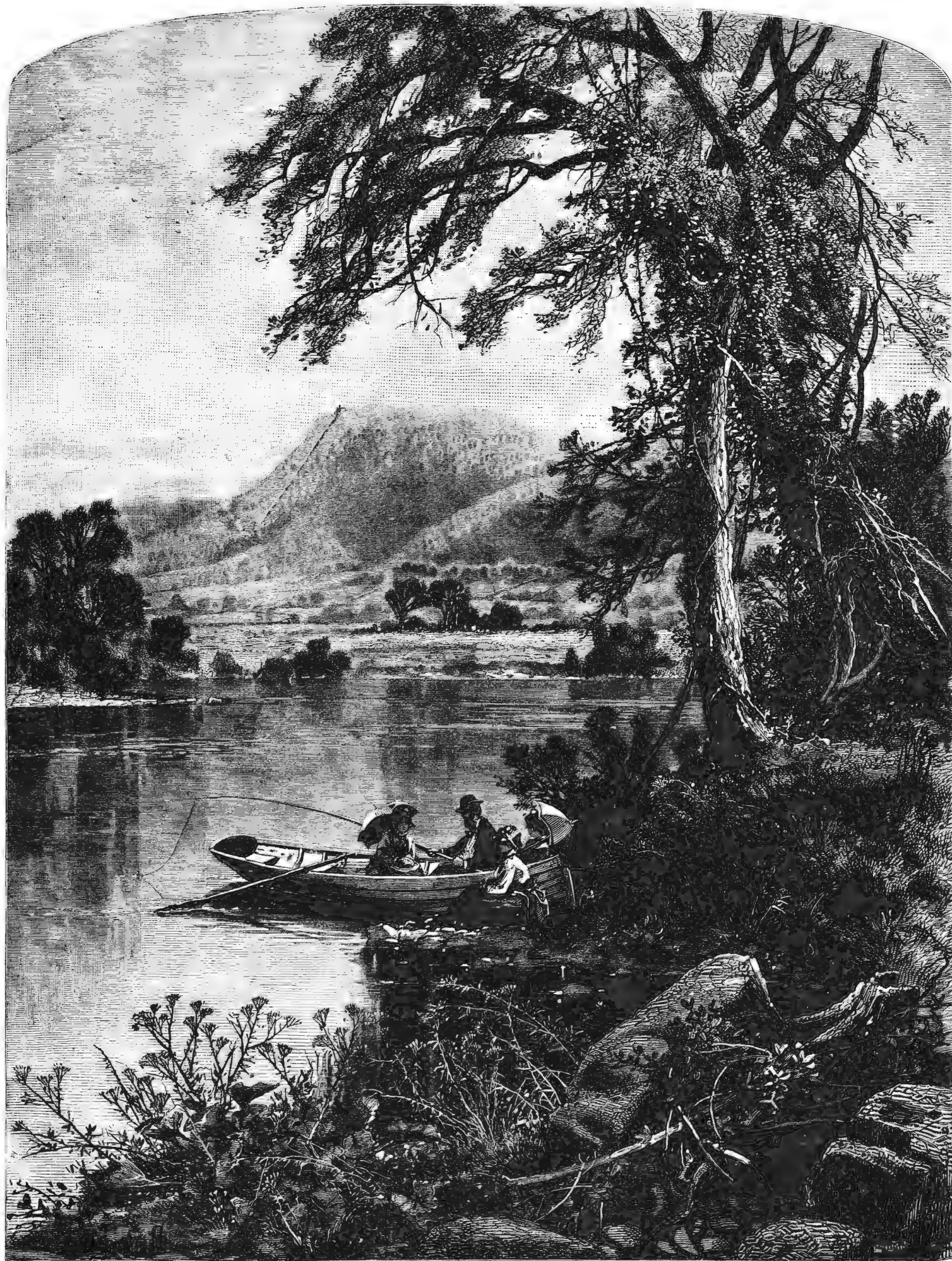
Но... иначе все вышло...

Такъ раздумывая, до деревни дошелъ я и въ корчмѣ Ганса Оттсена очутился.

— А! мастеръ Іоаннъ! съ площадки старикъ крикнулъ мнѣ:—что у васъ такое съ нашими строгими дворянчиками вышло? Меня во время ссоры вашей въ избѣ не было, когда же вернулся, то ругали они васъ преотмѣнно, ну, и псы, словно взбѣсившись, метались у двери, которую за собою вы захлопнули.

Изъ рѣчей старика понялъ я, что не вѣдома была ему причина ссоры нашей и сказалъ ему: вы знаете, что ф. деръ-Ришъ и я, еще мальчишкамъ будучи, не однажды другъ друга за волосы таскали,—ну, вотъ, вчера и было нѣчто въ родѣ напоминанія о нашихъ отношеніяхъ.

— Знаю сказалъ, старикъ въ отвѣтъ на это,—но баронъ Вульфъ дома нынѣ сидитъ: осторожнѣе будьте, герръ Іоаннъ! Съ господами такими шутки шутить—дѣло плохое.

Гора Галиокъ. Видъ на рѣкъ Коннектикутъ въ Сѣверной Америкѣ. Картина Вудердъ, грав. Богертъ.
Библиотека "Руниверс"

Парка и Амуръ. Група Густава Доре, грав. Томъ.

Перечить старику я не нашель нужнымъ.

Было еще рано. До звонка обѣденнаго въ замкѣ времени оставалось довольно. Ганса Отсена попросилъ и отправить коня съ кѣмъ-либо въ замокъ, а самъ въ лѣсъ пошелъ. Дойдя до того мѣста холма, откуда изъ сады садовой были видны оба фронтона господскаго дома, я осановилъ. Эти оба фронтона написаны и на фонѣ ея портрета полагаю, что когда время желанное наступитъ, и сама она будетъ со мною жить на чужбинѣ, то ей пріятность доставитъ видѣть, по крайней мѣрѣ на картинѣ, отчій домъ...

Я остановилъ около холма и сталъ ждать Катерину; томимый недобрыми мыслями и сомнѣніями, я, наконецъ, послѣ долгаго уже времени, окольными путями, побрелъ къ замку. Въ аллеѣ дубовой, отъ воротъ замка неподалеку, повстрѣчалъ мнѣ Дитрихъ.

— Ахъ, герръ Иоаннъ! подбѣжавъ ко мнѣ, воскликнулъ старикъ:—знаю, что ночью вы въ корчму Ганса прибыли и мальчикъ его обратно коня вашего сюда привелъ... но что у васъ съ нашими дворянчиками учинилось?..

— Почему спрашиваешь ты объ этомъ, Дитрихъ?

— Почему, герръ Иоаннъ?.. По той причинѣ, что жалалось-бы мнѣ бѣду предотвратить...

— Но что ты хочешь сказать?

Тутъ сердце замерло мое, и я какъ-бы онѣмѣлъ...

— Вамъ это и самимъ извѣстно, сударь, отвѣчалъ Дитрихъ:—я же только мелькомъ слышалъ, въ чемъ дѣло. Съ часъ времени будетъ, какъ мнѣ позвать парня понадобилось, что въ саду у изгороди подрѣзывать. Мимо башни, въ которой горница нашей фрейлейнъ находится, примѣтилъ я тамъ тетку Урсулу и дворяника самаго, стоявшихъ рядкомъ. У барона-то руки скрещены были и онъ безмолвствовалъ, за то старуха тарабарила визгливо. То указывала она внизъ, въ садъ, то на плющъ, около башни вьющійся... Ну, и я, герръ Иоаннъ, ничего ровно не уразумѣлъ тутъ! Однако же, засимъ—примѣтите это—показывала старуха барону что-то... Приблизясь, увидѣлъ я, что то кусокъ матеріи плаща вашего...

— Далѣе, далѣе, Дитрихъ! вымолвилъ я, примѣтивъ, что старикъ взоръ устремилъ на мой изорванный плащъ.

— Да что далѣе? Ничего... Ну, баронъ тотчасъ-же ко мнѣ повернулся и спросилъ: гдѣ васъ нынѣ искать?.. Повѣрите мнѣ: ежели-бы нашъ дворянчикъ былъ настоящимъ волкомъ, то и тогда глаза его кровожаднѣе горѣть не могли-бы!..

— Дома ли баронъ въ эту минуту?

— Да, дома... Но что вы, сударь, замышляете?

— А замышляю я вотъ что: нужно мнѣ съ нимъ немедленно переговорить.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАРЫЙ РЫБАКЪ.

(Разсказъ).

Есть у меня знакомый рыбакъ, старый Пахомъ. Лицо интересное на столько, насколько можетъ быть интересна самая ловля рыбы—только. Вся жизнь человѣка ушла на рыбную ловлю: началъ съ дѣтства ловить рыбу, дожилъ до старости—тоже рыбу ловить. Хорошо-ли это, дурно-ли—не о томъ рѣчь, и не о духовной жизни рыбака, а собственно только по отношенію къ самой рыбной ловлѣ.

Живетъ старикъ Пахомъ изъ года въ годъ, однимъ и тѣмъ же промысломъ и самья перемѣны временъ года не иначе представляетъ себѣ, какъ только въ родѣ перехода отъ одного способа рыбной ловли къ другому.

Такъ, наприимѣръ, послѣ Рождественскихъ праздниковъ начинается онъ готовить разную рыболовную снасть къ веснѣ „красной“ и хотя и готова уже она у него въ большомъ, можно сказать, изобиліи и порядкѣ, а все работа есть и работа спѣшная: тамъ мережка оборвалась—починить надо, тамъ бродничокъ новый обрядить время, сочокъ за зиму подопрѣлъ, новый связать надо и т. д. и т. д.

Весна-красна проходитъ скоро, старикъ зѣвать некогда: надо рыбку брать пока вода мутна, да полая; спадетъ она и рыба съ нею сбудетъ, а до новой весны ждать долго, да еще и дожидается-ли? Не такъ бывало прежде въ молодые годы.

Бывало чуть только на рѣкѣ тронется ледъ, дядя Пахомъ ужъ на берегу, длиннымъ черпакомъ вытаскиваетъ щуку и разную рыбешку, какъ ершей изъ ухи улоловникомъ. Охота на видъ очень простая, и не трудная, да старикъ не сподручная, а подъ часъ и опасная:—надо быть осмотрительнымъ, да и ноги имѣть не стариковскія. Чуть зазѣвался, того и гляди набѣжитъ льдина на берегъ, да по ногамъ проѣдется, а весною вода полая вровень съ берегами стоитъ. Бросилъ эту охоту дядя Пахомъ, точно также какъ и весеннюю ловлю щуку силкомъ и остроугою; мало того, что глаза плохи стали, да и рука ужъ не такъ вѣрна. Дядя Пахомъ говоритъ, что въ послѣдніе годы рыбы не въ примѣръ меньше стало и что не стоитъ, молъ, этимъ дѣломъ и заниматься.

— Отчего же такъ? спросишь, бывало.

— Времена нонѣ не тѣ, —со вздохомъ отвѣтитъ онъ. Да, не тѣ времена. Бывало, въ половодье изъ закола мережку вынимать станешь, одному не поднять, столько всей рыбы, а теперь сплошь да рядомъ пустую выволочишь...

— Ну такъ отчего же это?

— Отчего-же! проиически повторитъ онъ и опять вздохнувши отвѣтитъ: „времена не тѣ, понимаешь, не тѣ времена“.

Сколько не спрашивай, выходитъ все то же. У самаго берега рѣки и почти на третью часть ея ширины стоитъ Пахомовъ заколъ; это ни больше ни меньше какъ рядъ вбитыхъ въ дно колевъ, съ останненнымъ по средцѣ проходомъ, который и загораживается мережкой, т. е. сѣтью, сплетенною на подобіе двухъ или нѣсколькихъ одна въ другую воронокъ, натянутыхъ на обручи. Знаетъ старикъ по долгому опыту, гдѣ рыбъ ходъ и нарываетъ тамъ устроитъ заколъ и

установитъ сѣти. Заколь устраивается на нѣсколько лѣтъ, но каждую весну чинится за-ново, такъ какъ портится ледоходомъ. Нонѣ весной,—говоритъ старикъ,—хлопотъ съ нимъ много было; ледоходомъ, да полоу водою почитай весь поразмыло, спасибо ребята подмогли, а то самому бы и не управиться.

— Ну, а на счетъ улова какъ?

— Да такъ себѣ, по малости.

— Ну, а какъ, наприимѣръ?

— Слава Богу—вотъ что. Много болтать по пусту нечего.

— А ты покажи.

— Да вамъ на что, коли купить—другой разговоръ! есть, могу: есть щучки, такъ, ровненькія, окуньки, плотички, язѣй парочки двѣ—выберу покрупнѣе... А коли посмотрѣть, такъ сами знаете, рыбу-то ворошить, такъ она и уснетъ часомъ, а сонную-то у меня объ эту пору кто возьметъ.

Разсказывать, какъ какую рыбу ловить—старикъ любить.

— На щуку охотиться,—говоритъ онъ,—нужна снасть не хитрая: на простой палкѣ, петля волосаная—только. Щука ирянка къ берегу подходитъ близко, чуть ее запримѣтишь, нарвоишь подобраться остороженнѣе, да съ хвоста петлю-то подъ самыя передніе плавники и надвинешь, а она стоитъ себѣ не шелохнется, ровно бы сонная, ну и выкинешь ее на берегъ-то; случалось, попадали и крупненькія. А вотъ у меня знакомый баринъ былъ, такъ тотъ объ эту пору щуку-то больше изъ ружья палилъ; ѣдетъ на челнокѣ, а самъ посматриваетъ, чуть гдѣ травка водяная зашевелилась, онъ ужъ тамъ и оглядываетъ, нѣтъ-ли гдѣ ирянки. За одной щукой зачистую по нѣсколькы молочниковъ ходитъ, только не зѣвай, съ одного заряду штуки двѣ-три положиши. Старъ я нонѣ,—вздыхая, добавляетъ Пахомъ,—не смогу ухватить щуку силкомъ-то, шевельнешь ее раньше времени, ну и поминай какъ звали, рыба-то, сами знаете, шустрая.

Не мытьемъ, такъ катаньемъ, не во время метанія икры, такъ нѣсколько позже и не тѣмъ такъ другимъ способомъ, а попадаетъ въ руки Пахома порядочное количество щукъ. И не любить онъ ее, самъ не ѣсть, и продаетъ дешево, а все нарвоишь истребить возможно больше. „Вѣдь щука въ водѣ,—говаривалъ дядя Пахомъ,—что ястребъ въ небѣ, всякой рыбѣ отъ нее достается. И сколько на нее снасти всякой придумано, а все ее много, всюду она попадаетъ“.

— Вотъ лѣтомъ,—разсказываетъ онъ,—сядешь это у омуточка съ удочкой, плотву тягаешь; кажись и время хоршее, пора настоящая и плотички достаточно, а не берется да и только; въ такую разъ ужъ навѣрное въ омуточкѣ либо сомъ стоитъ, либо щука большая—рыбешка-то бонгся, прочь бѣжитъ. Сомъ, тотъ больше на одномъ мѣстѣ держится, выловишь его какимъ ни на есть манеромъ, ну и мѣсто очистится а щука шляется повсюду, гдѣ рыбы больше, тамъ и она швыряется. И какая это она жадная да прожорливая. Позапрошое лѣто просто диву дался: стояли это у меня, съ полверсты отсюда будетъ, на глубокомъ и тихомъ мѣстѣ морды для плотички, морды не мудрація, самъ

изъ гибкихъ весеннихъ лвовыхъ прутьевъ лажу, и затесалась въ одну изъ нихъ щука фунтовъ въ 14; какъ это она въ морду вѣзла, самъ не знаю, еле умѣстилась. Сталъ это я ее изъ морды вынимать, анъ щука-то съ яземъ оказалось; торчитъ это у нее изо рта только хвостъ одинъ. Язь большой, всего заглота въ не смола. Потрошить сталъ, язь вынулъ—свѣженькйй, фунтовъ почитай 6-ти былъ. И своему брату щука тоже спуску не даетъ. Вотъ жерлицы ставилъ; на крючокъ-то платицу либо окунька махонькаго насадилъ, ну и плаваешь насадката, щука-то и зарится; хватить небольшенъкая, на крючокъ попадется, а на нее вѣшется и покрупнѣе—свою же братью глотаешь. И въ какихъ только мѣстахъ ее не повстрѣчаешь, какъ и рыбъ-то взятыя не откуда, а щука, глядишь, завелась. Версть за пять отсюда будетъ, на плитной ломѣ прудокъ сталъ, должно, до жилы докопались, ну вода яму-то и залила. И близехонько къ тому мѣсту лѣсникъ живетъ. Завелъ онъ утокъ, купаются въ прудочкѣ, либо дорого смотрѣтъ. Къ вечеру домой, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ, по Божьи. Только смотреть лѣсникъ, изъ 10-ти утятъ вернулись только 8; пожалѣлъ, поахалъ, гдѣ найти. Завтра, глядишь—ужь только 5 осталось. Дивуется: какъ же ястреба не видать, куда утята пропадають? И что же бы вы думали, укараулили щуку, на самыхъ на его глазахъ утенка утащили. Какъ она въ этотъ прудокъ пошла и по сию пору не знаю. Надо полагать, что рыба въ такія мѣста заносится птицами, вѣрнѣе всего воронами да галками—большія онѣ лакомки до икры. Бываетъ вода съ береговъ сойдетъ и очутится икра въ илѣ; набросятся на нее птицы и разнесутъ ее на лапкахъ по лужамъ, да по прудамъ.

Какъ только поспадетъ полая вода, Пахомъ охотно ззываетъ удить язей и лещей. Къ тому же времени устанавливается два либо три перемета и каждый день по нѣскольку разъ ихъ осматриваетъ. Переметная веревка у него аршинъ въ 40, а на ней на особыхъ подлескахъ привязано до 30 крючковыхъ, наживленныхъ раками, червяками и чаще всего выюнами. Веревки лежатъ на самомъ днѣ и на концахъ, какъ якорями, удерживаются камнями; для замѣтки же, гдѣ лежитъ переметъ, къ каждому изъ нихъ привязана плавушка. На переметъ попадають окуни, язи, головни, угри. Пойдетъ угорь, нужно зорко слѣдить, осматривать почаще переметъ, того и гляди уйдетъ добыча съ крючкомъ вмѣстѣ.

Бродничкомъ дядя Пахомъ уже давно не ловить, его дѣло связать да снарядить, а бродить ребята, Пахомъ же по берегу ходить, болтушкой подъ кустами рыбу выпугиваетъ, да уловъ въ мѣшкѣ таскаетъ.

Осенью, когда наступаютъ темныя ночи, да вода похолоднѣе станетъ, рыба начинается „становиться“, тогда ловко брать ее остроугою—охота и прибыльная, и очень занимательная. Лодка для этой цѣли выбирается легкая и поворотливая, большею частью челнокъ и помѣщается въ немъ всего двое: одинъ съ остроугою, другой съ весломъ. Бдутъ съ горящими лучинами, отчего и охота эта называется лученьемъ. Устройство луча весьма простое и очень практичное. На изогнутой желѣзной, около аршина, рукояткѣ, привязываются желѣзные же полосы,

на концахъ согнутыя подъ прямымъ угломъ, такъ что образуется нѣчто въ родѣ жаровни, въ которую и помѣщаются дрова, большею частью расколотыя на мелкія полѣнки смоляные пни. Рукоятка прикрѣпляется къ носу лодки, такъ что жаровня, находясь впереди и выше лодки, освѣщаетъ большое пространство. Главный же снарядъ для лученья—острога, а главнѣе умѣнье и ловкость. Острога бываетъ о 7, 10 или 11 зубцахъ съ зазубриками и укрѣпляется на длинномъ, около сажени, сухомъ и тонкомъ шестѣ.

Отъ правящаго лодкой зависить весь успѣхъ охоты; онъ долженъ подвести лодку къ стоящей рыбѣ такъ, чтобы удобно было бросить острогу, долженъ знать мѣсто и умѣть подвигать лодку тихо и осторожно, чтобы не пугать рыбу. Дядя Пахомъ, конечно, большой на это мастеръ.

Разсказываетъ онъ, на примѣръ, какъ сома добылъ пяти пудового.

— Ъхали мы какъ-то разъ съ товарищемъ и наѣхали на сома пребольшущаго; товарищъ колотъ хотѣлъ, да не рѣшился, боялся что не управится, такъ сома того въ этотъ день и оставилъ. Снарядилъ это онъ штуку занятную, весь день гоняшил и вышло ладно. Острогу сковалъ новую да веревку къ ней привязалъ, а на другой конецъ боченокъ. Выѣхали мы на то же мѣсто, гдѣ сома видѣли, а онъ сердечный лежитъ себѣ, ровно колода какала, не шелохнется. Выбросилъ это Михѣй острогу-то и таково сильно, чуть лодку не опрокинулъ: метнулся сомъ, боченокъ живо вытащилъ; оставили мы его—пустѣишился, на другой день утромъ поѣхали... И не далеко ушелъ, измаялся; боченокъ-то намъ дорогу указывалъ. Сомъ глядѣтъ собралась, почитай, чуть ли не вся деревня, точно диву какому дивуются.

Станетъ ледъ на рѣкѣ, снесетъ Пахомъ свои сѣти и снасть всякую, бережно ее уложить и ждать не дожидется лсныхъ весеннихъ дней. Бывало мальчиномъ и объ эту пору охоты не оставляетъ. Чуть только подернется ближнее озеро ледяной коркой, какъ зеркаломъ, бѣжитъ онъ съ товарищами „рыбу глушить“. Ледъ тонкій мальчугановъ держать,—боятся матери, какъ бы дѣтище родное въ воду не ухнуло, не пускають дѣтей изъ дому, но молодость прыжка, не увидитъ молодуха, какъ сыннишка изъ дому выскочилъ. Подойдетъ къ рыбинѣ, а стоитъ она высоко, подъ самымъ льдомъ—все ее видно, размахнется мальчуганъ, ударитъ колотушкой надъ рыбою, оглушитъ ее и живо топоромъ дунку продѣлаетъ, вытащитъ руками, на ледъ выброситъ, а она опомнилась да по льду-то выплывааетъ. Какъ отъ такой забавы отказаться, какъ родной матери не ослушаться. И зимою Пахома не терпятъ, подъ самое Рождество налимъ икру мечетъ. Мѣста знакомыя, на мѣченныя. Вырубилъ Пахомъ прорубь и очустилъ въ нее мезрежку, либо мордъ нѣсколько; случается что налима павалитъ столько, что и дѣвать некуда—вкусной ухой все сосѣди лакомятся. Немного попозднѣе на озеро навѣдается, изъ прорубей окуней таскать начнетъ, а тамъ, глядишь, и весна близка—и снова за прежнюю работу, за прежній любимый промыселъ. Такъ живетъ изъ года въ годъ старый рыболовъ!

В.

Война въ Турци.

Письмо нашего корреспондента.

Еще во время пребыванія нашей арміи въ Бессарабию, до перехода ея черезъ Прутъ, при главной квартирѣ, въ Кишиневѣ, началось формированіе русско-болгарскаго легіона. Съ самаго начала своего основанія, легіонъ этотъ не превышалъ числомъ 300 человекъ и назывался батальономъ. Тогда были сформированы его кадры изъ лучшихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ нашей арміи, и общее командованіе легіономъ ввѣрено генералу Столѣтову, тому самому, который, еще въ чинѣ полковника, въ 1874 году, былъ назначенъ начальникомъ Амударьинской ученой экспедиціи. Цѣль формированія легіона состоитъ въ томъ, чтобы дать Болгаринъ первыя кадры ея собственныхъ, національныхъ силъ, создать для нея оплотъ для новой, болѣе счастливой, свободной жизни.

Быстро пополнялись ряды юнаго легіона, и теперь онъ достигъ уже численности въ три тысячи человекъ, раздѣленныхъ на шесть дружинъ, по 500 рядовыхъ каждая. Болгарскіе волонтеры, горячо сочувствующіе дѣлу, добровольно вступившіе въ ряды, быстро ознакомляются съ первыми приемами строеваго обученія и принимаютъ видъ старыхъ солдатъ. Дѣло идетъ легко, согласно, стройно, а главное, безъ всякихъ вышнихъ толчковъ и побужденій; въ легіонѣ царитъ строгая, осмысленная дисциплина, учителя превосходны, ученики достойны своихъ учителей.

Пишу вамъ объ этомъ легіонѣ по поводу вчера случившагося важнаго событія,—имѣющаго для Болгаринъ и историческое, и нравственное значеніе, сблизжающее ее съ Россією, угрочивающее ея сердечную связь съ высокою и сильною матерью, *покровительницею*... Дѣло въ томъ, что еще въ прошломъ году городъ Самара изготвилъ знамя для болгарскихъ дружинъ, возставшихъ противъ турокъ и собравшихся въ ущельяхъ Голгоново. Это знамя не могло попасть прямо на свое мѣсто, въ

знаете, какъ печально кончилось это послѣднее возстаніе. Знамя между тѣмъ было изготвлено, и городъ Самара прислалъ его сюда для врученія новому болгарскому легіону, о которомъ я вамъ пишу. Городской голова города Самары, Кожевниковъ, и гласный думы, Алабинъ, лично привезли это знамя, представлялись Его Высочеству Главнокомандующему, и вчера, т. е. 6-го мая, назначенъ былъ день освященія знамени и передачи его легіону. Я прибылъ на мѣсто происшествія нѣсколько ранѣе, чтобы ознакомиться поближе съ вѣщими видомъ лагеря легіонеровъ и самими обитателями этого лагеря, расположеннаго въ настоящее время въ городкѣ Плоэшти, въ полтора часовомъ разстояніи отъ Бухареста, если ѣхать по желѣзной дорогѣ. Палатки поставлены на прекрасной зеленой луговинѣ, верстахъ въ пяти отъ Плоэшти, отсюда къ сѣверу, ровневкая густо-заселенная мѣстность начинаетъ слегка волноваться, виднѣются первые холмы горныхъ группъ и за ними на горизонтѣ тянется бѣлѣющая зубчатая гряда покрытыхъ снѣгомъ Карпатъ.

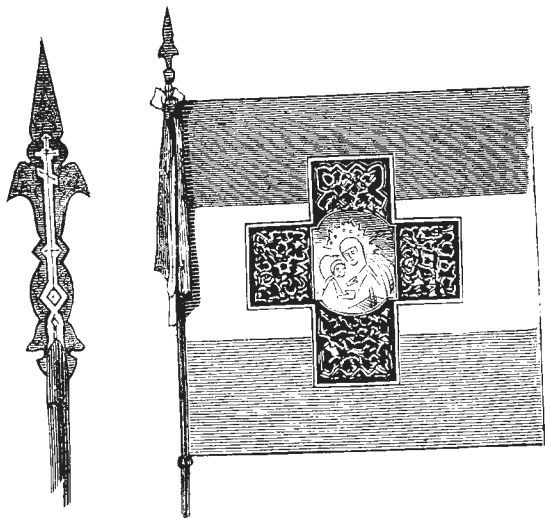
Лагерь болгарскаго легіона расположенъ правильно и очень красиво, волонтеры одѣты въ короткіе, широкіе кафтанчики, въ родѣ нашихъ матросскихъ, съ красными погонами и мѣдными пуговицами, шапки у нихъ круглыя барашковья со свѣтло-зеленымъ верхомъ, широкіе шаровары, высокіе сапоги, свернутая и перекинута черезъ плечо шинель, патронная сумка на поясѣ и короткій шаспо, съ ятаганомъ вмѣсто штыка, все вмѣстѣ даетъ легіонерамъ внушительный, боевой видъ. Легко, удобно и недорого, однимъ словомъ—весьма практично. Уже все было приготовлено къ священному акту принятія знамени, дружины строились въ колонны, занимая свои мѣста; посреди дуга стояли столбики для молебствія, тутъ же лежало и самое знамя; оно еще не было набито на древко и покры-

вало большой столъ, сваливаясь со всѣхъ его сторонъ. Знамя трехцвѣтное, малиновое, бѣлое и синее: на обѣихъ его сторонахъ большіе прямо-угольные черные кресты, вышитые золотомъ и шелкомъ, въ цитрахъ крестовъ, на одной сторонѣ образъ Иверскія Богоматери, на другой изображены св. Кириллъ и Меодій, покровители и просвѣтители земли болгарской. На лентахъ знамени золотомъ вышито: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“ и „Городъ Самара—Болгарамъ въ 1876 году“. Копье на древкѣ серебряное золоче-

Болгарскій воевода Церко Петковичъ.

вбить самъ Главкомандующій, второй—начальникъ штаба арміи, генералъ Непокойчицкій, затѣмъ начальникъ легіона, оба самарца, представители своего города, архимандритъ Амфилохій и, наконецъ, къ седьмому гвоздю подошелъ старикъ, въ роскошномъ національномъ болгарскомъ костюмѣ, за его широкимъ поясомъ торчали рукоятки турецкихъ пистолетовъ и большой ятаганъ, сзади висѣла кривая сабля въ дорожныхъ ножнахъ—это былъ знаменитый предводитель болгарскихъ возстаній, воевода Церко Петковичъ, девятнадцать лѣтъ наво-

Знамя болгарскихъ легіоновъ.

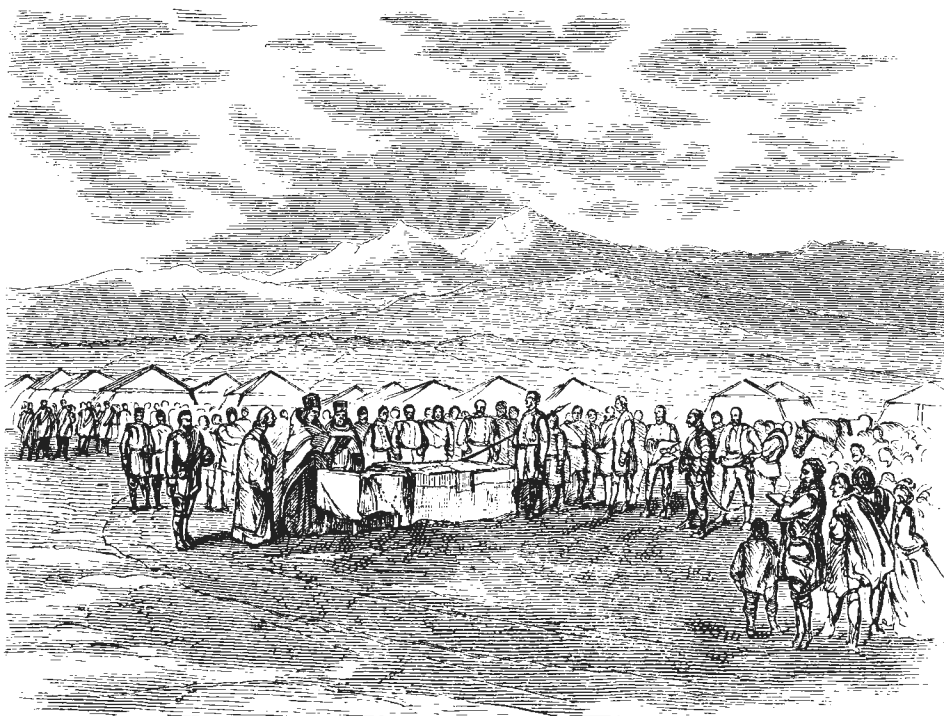

Болгарскій легіонеръ.

ное, въ византийскомъ стилѣ. Служили два священника болгарина, одинъ изъ города Ливны—архимандритъ Амфилохій, другой священникъ изъ Трнова, Петръ Дрожкъ; оба—участники въ последнемъ возстаніи и борцы за свободу своей угнетенной паствы. Его Высочество Главкома идущій прибылъ въ 2½ часа въ лагерь и обошелъ ряды волонтеровъ; Его привѣтствовали криками „ура!“, умолкнувшимъ разомъ, когда Главкомандующій махнулъ рукой и сталъ на свое мѣсто около стола со знаменемъ. Началось молебствіе. Мертвая тишина воцарилась въ колоннахъ и въ толпѣ многочисленныхъ зрителей, окрестныхъ болгаръ, собравшихся сюда къ этому празднику. Поокончаніи молебствія приступлено было къ оригинальной церемоніи прибивки полотна знамени къ дереву. Первый гвоздь изволилъ

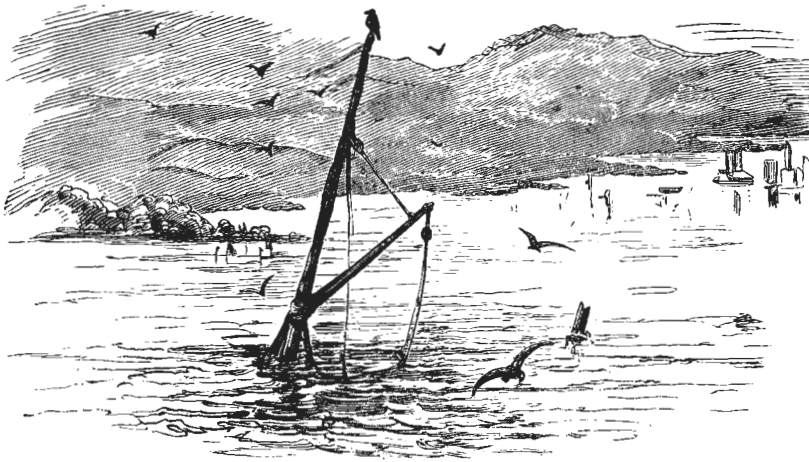
дившій страхъ на турокъ, гроза Балканъ, разъ таки понапѣйся въ плѣнъ и просидѣвшій въ тюрьмѣ на цѣпи три года. Слѣды ужаснаго желѣзнаго ошейника до сихъ поръ сохранились на шеѣ старика; двадцать восемь ранъ носитъ онъ на своемъ тѣлѣ.

Онъ явился сюда простымъ волонтеромъ, но его не пустили въ ряды и оставили при генералѣ Столѣтовѣ, въ качествѣ совѣтника и знатока мѣстности, гдѣ легіону придется дѣйствовать. Со слезами на глазахъ взялъ Петковичъ серебряный гвоздь, перекрестился, поцѣловалъ знамя и прежде чѣмъ вбить гвоздь, громко произнесъ: „Да поможетъ Богъ пройти этому знамени изъ конца въ конецъ всю землю болгарскую, да утрутъ имъ наши матери, жены и дочери свои скорбныя очи, да бѣжатъ передъ нимъ все поганое, злое, нечестивое и ляжетъ позади него

Молебенъ и освященіе знамени для болгарскихъ легіоновъ.

миръ, тишина и благоденствие". Звучно, отчетливо раздавались эти простыя, прочувствованныя слова стараго героя, звучно прогремѣлъ молотокъ, ударившійся о шляпку гвоздя, и какъ нарочно въ ту же минуту, въ грозovýchъ тучахъ, собравшихся надъ Карпатами, блеснула молнія и глухо зарокотали перекаты громоваго удара... „Добрый знакъ, добрый“, послышалось въ толпѣ. Остальные гвозди были вбиты офицерами легіона и рядовыми болгарами. Когда эта операція была окончена, Его Высочество Главнокомандующій взялся за древко и высоко поднялъ надъ головою знамя. Громкое, горячее ура! загремѣло въ колоннахъ, всѣ шапки полетѣли въ воздухъ, словно стая черныхъ птицъ взвилась надъ дружинами... Генералъ Столѣтовъ, майоръ Калитинъ, начальникъ третьей дружины, солдатъ знаменщикъ — трое опустились на колѣни и привяли знамя изъ рукъ Его Высочества. Тогда дружины молодцами прошли колоннами церемоніа льнымъ маршемъ мимо Главнокомандующаго, — точно батальоны ста-

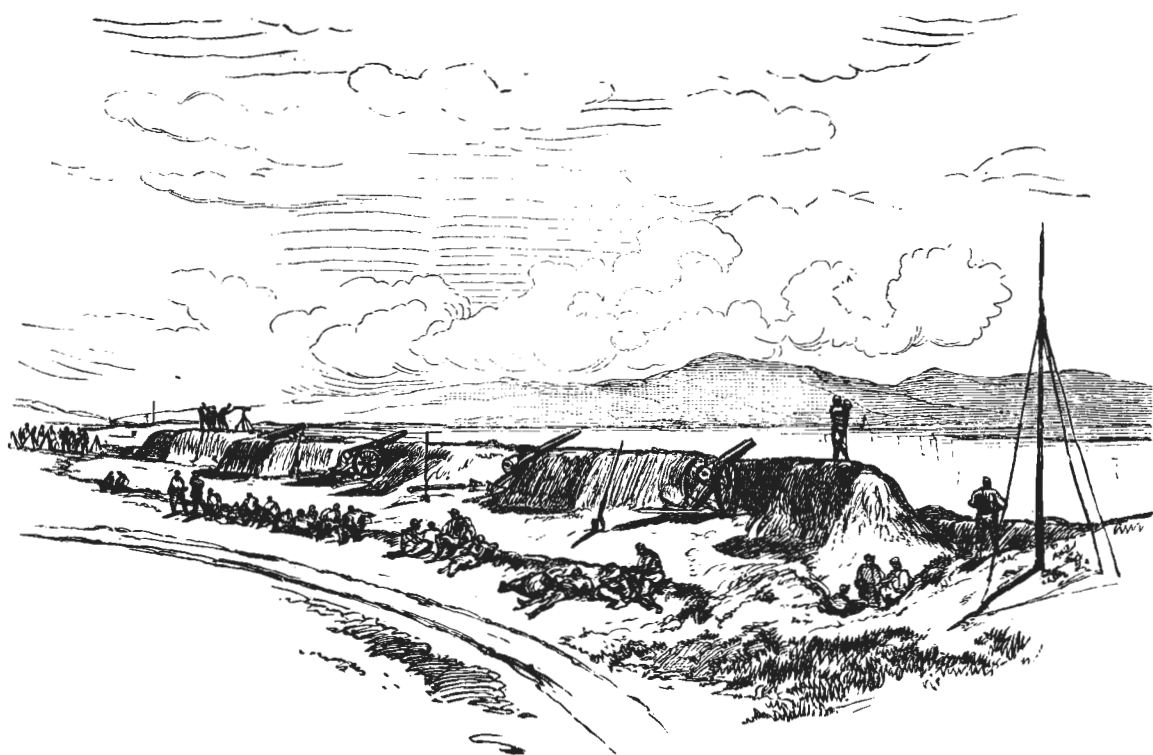
Что осталось отъ турецкаго монитора Лютфи-Джелиль.

Национальное ополченіе въ Румыніи (для внутренней стражи).

рыхъ солдатъ, не смотря на то, что въ ихъ рядахъ много было такихъ, что и недѣли не служилъ во фронтѣ. Главнокомандующій съѣлъ въ свою коляску и поѣхалъ въ Плоешти и долго еще, пока за поворотомъ не скрылось облако пыли, окружавшее поѣздъ, слышалось радостное, громкое ура легионеровъ и въ воздухѣ чернѣли сотнями взлетавшія шапки. Это былъ день торжества и ликования болгаръ, благовѣсть ихъ будущей свободы, независимости, и, слѣдовательно, счастья.

Какъ вамъ извѣстно, 29-го апрѣля два удачныхъ выстрѣла съ нашихъ браунинговскихъ батарей № 3 и № 4 взорвали на воздухъ одинъ изъ самыхъ большихъ и лучшихъ турецкихъ мониторовъ „Лутфи - Джелиль“. Мониторъ этотъ стоилъ безъ вооруженія сто т. фунт. стерл., съ вооруженіемъ окола полутора милліона. На немъ было 5 колоссальныхъ орудій Круппа и Армстронга, 219 человекъ экипажа и 7 офицеровъ. Судно имѣло 220 футовъ длины и 44 ширины, и все это погнбло разомъ, мѣше

Батарея въ Врамловѣ.

чѣмъ въ полминуту, отъ двухъ русскихъ снарядовъ, и на поверхности оставался отъ величественнаго броненосца только верхній конецъ мачты, которой изображеніе при семъ и прилагаю.

По своимъ результатамъ этотъ удачный выстрѣлъ стоить большаго выиграннаго сраженія. Кромѣ матеріальнаго ущерба, турки понесли другой ущербъ, моральный, гораздо болѣе чувствительный, чѣмъ первый. Еще и прежде турецкіе матросы недолго любили панцирныхъ судовъ и боялись ихъ—теперь у нихъ окончательно подрвана вѣра въ свои броненосцы. Они не называютъ ихъ иначе, какъ *плавающими желѣзными гробами*, а послѣ взрыва „Лутфи-Джелиля“ матросы начали просто дезертировать съ панцирныхъ судовъ. „Намъ говорили, ссылаются они, что мы своими мониторами разгромимъ русскихъ, что мы непобедимы, а тутъ совсѣмъ другое дѣло выходитъ—мы еще ничего дурнаго русскимъ не сдѣлали, а они однимъ выстрѣломъ посылаютъ насъ на дно сотнями“. Дѣйствительно, неудобство имѣть мониторы въ рѣкѣ, берега которой заняты сильными неприятельскими батареями стало очевидно. Запертые, стѣсненные всюду, турецкіе панцирники стоятъ въ жалкомъ бездѣйствіи и не рискуютъ помѣряться своими силами съ нашими батареями. Дѣло главное въ томъ, что маневрировать тяжелому судну въ рѣкѣ неудобно, а мониторъ не маневрирующей служить слишкомъ вѣрною мишенью, особенно на такихъ незначительныхъ дистанціяхъ, гдѣ промахъ—явленіе довольно рѣдкое. Кромѣ того ждутъ обмелѣнія Дуная, вода начинаетъ спадать и даже довольно быстро, съ обмелѣніемъ еще болѣе уменьшится возможность успѣшнаго плаванія панцирныхъ судовъ съ ихъ тяжелыми орудіями. Есть уже слухъ, что товарищъ погибшаго „Лутфи-Джелиля“ уже сидитъ прочно на мели и его разрушаютъ, такъ какъ потеряли уже надежду снять его съ мели и дать снова возможность двигаться. Адмиралъ Деловаръ-паша, которому посчастливилось оставить палубу „Лутфи-Джелиля“ за четверть часа до катастрофы потерялъ голову и уже доносилъ въ Константинополь о бѣдственномъ положеніи своей дунайской эскадры. Наши артиллеристы посматриваютъ на турецкихъ, когда-то считавшихся грозными, панцирниковъ, какъ на свои будущіе призы. Дай Богъ!

На приложенныхъ рисункахъ, между прочимъ, изображена одна

изъ отличившихся батарей въ Браиловѣ. Это батарея № 3, вооруженная четырьмя двадцатичетырехъ-фунтовыми пушками. Съ этого пункта, гдѣ теперь построена батарея, 21-го апрѣля, за недѣлю до взрыва, былъ сдѣланъ первый боевой выстрѣлъ, начавшій на Дунаѣ настоящую кампанію. Наши маленькія полевые, четырехфунтовыя орудія послали свой вызовъ одной изъ турецкихъ канонирокъ, показавшейся передъ Браиловымъ и стоявшей у селенія Гечети. Тогда еще русскія войска только что занимали Браиловъ и тяжелыя орудія наши не были еще доставлены на свои мѣста.

Наши пароходы изъ эскадры, сформированной въ устьяхъ Прута, у деревни Рени, открыли твою навигацію между Рени и Браиловымъ. Въ послѣднемъ пунктѣ, между прочимъ, ощущался недостатокъ въ каменномъ углѣ, но этому горю пособили турки: они устроили большой складъ угля недалеко отъ Гечети и этотъ складъ очутился подъ нашими выстрѣлами. Турки имъ не рѣшаются пользоваться, боясь русскихъ батарей, а наши матросы, подъ прикрытіемъ пѣхотныхъ командъ, спокойно нагружаютъ турецкимъ углемъ барки и лодки и перевозятъ его на нашу сторону; операція эта во всѣхъ отношеніяхъ весьма для насъ выгодна.

Румынія мобилизовала всю свою армию и сосредоточила ее по Дунаю, отъ Журжева до Калафата; для внутренней, городской караульной службы призвано національное ополченіе. На одномъ изъ рисунковъ представляю вамъ группу этихъ ополченцевъ они одѣты въ свое собственное платье, какое у кого есть, общаго форменнаго обмундированія имъ не полагается. Въ рядахъ этого ополченія вы видите самые пестрые, оригинальные костюмы, рядомъ со щегольскимъ пиджакомъ стоитъ рабочая блуза, за нею балахонъ крестьянина, тутъ валашская шапка, потомъ что-то въ родѣ фески, а дальше модный цилиндръ или круглая шляпа горожанина. Вооружено это ополченіе ружьями стараго образца и у всякаго на поясъ виситъ неуклюжая кожаная сумочка для патроновъ. Команды эти состоятъ въ распоряженіи меровъ городовъ, и, какъ я уже свазалъ, предназначены исключительно для внутренней, такъ называемой гарнизонной службы.

Н. Каразинъ.

КЪ РИСУНКАМЪ

Лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ.

Федоръ Васильевичъ Дубасовъ—лейтенантъ гвардейскаго экипажа и старшій офицеръ на принадлежащей Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу яхтѣ „Славянка“—сынъ капитанъ-лейтенанта, поступилъ въ морское училище въ 1859 году и выпущенъ въ гардемарины въ 1863 г.; произведенъ въ мичманы въ 1865 г., а въ лейтенанты въ 1869 году. Въ началѣ своей службы, Федоръ Васильевичъ Дубасовъ ходилъ въ кругосвѣтное плаваніе, послѣ чего поступилъ на академическій курсъ морскихъ наукъ, на которомъ кончилъ съ успѣхомъ курсъ въ 1870 году. Онъ имѣетъ орденъ: св. Станислава 3-й ст. и св. Анны 3-й ст., и теперь за геройскій подвигъ награжденъ Георгиевскимъ крестомъ.

Александръ Павловичъ Шестаковъ—лейтенантъ 1-го флотскаго экипажа—сынъ надворнаго совѣтника, поступилъ въ морское училище въ 1865 году и выпущенъ въ гардемарины въ 1869 г.; произведенъ въ мичманы въ 1871 г. и въ лейтенанты въ 1875 г. Будучи еще гардемаринномъ, Александръ Павловичъ Шестаковъ отправился на клиперѣ „Алмазъ“ въ кругосвѣтное плаваніе, изъ котораго вернулся въ 1872 г., затѣмъ служилъ въ судахъ балтійскаго флота и, между прочимъ, въ 1874 г., на учебной эскадрѣ морского училища. За настоящій геройскій подвигъ онъ также награжденъ Георгиевскимъ Крестомъ.

Экскурсія съ цѣлью взрыва монитора предпринята была ими 14-го мая добровольно. Дубасовъ отправился съ 14-ю добровольцами на катерѣ „Цесаревичъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ отправились румынскій маіоръ Моржеску и Шестаковъ на катерѣ „Ксенія“, съ 9-ю добровольцами. Лейтенанты гвардейскаго экипажа Петровъ и Дубасовъ подвели подъ броненосецъ торпеду, который, приподнявъ одинъ бортъ броненосца, обдалъ турокъ водою. Раздался крикъ и послѣдовали выстрѣлы; но Шестаковъ подошелъ къ другому борту и подвелъ, на значительной глубинѣ, торпеду, взорвалъ броненосецъ. Раненыхъ у насъ не было; только у одного изъ катеровъ повреждена шлюпка. Инициатива и руководство предпріятіемъ принадлежали Дубасову. Онъ первый, подъ выстрѣлами пушекъ и ружей, взорвалъ торпеду, подведенное подъ лѣвый бортъ монитора. Послѣдній сталъ медленно погружаться въ воду, причемъ и катеръ залило водою. Шестаковъ, подъ огнемъ двухъ турецкихъ мониторовъ и парохода, подошелъ къ тому же борту, противъ котораго дѣйствовалъ Дубасовъ и подвелъ второе и третье торпеду, произвелъ взрывъ. Винтъ катера запутался въ обломкахъ, а между тѣмъ съ борта погибшаго монитора производилась стрѣльба, не прерывавшаяся

до тѣхъ поръ, пока башни не погрузились въ воду. Шестаковъ отстрѣливался изъ револьвера. Нападеніе четырехъ катеровъ продолжалось 20 минутъ, при слабомъ огнѣ команды, производившемся съ такимъ хладнокровіемъ, какъ бы на ученьѣ. Въ моментъ потопленія монитора на катерахъ раздалось дружное „ура!“ Катеръ мичмана гвардейскаго экипажа Персина получилъ прободную и сталъ наполняться водою, почему и долженъ былъ поспѣшить къ берегу; но для людей уже былъ готовъ катеръ мичмана черноморскаго экипажа, Баля. Большимъ мужествомъ и находчивостью отличались добровольные участники предпріятія, маіоръ Муржеску и лейтенантъ гвардейскаго экипажа Петровъ.

Броненосецъ, взорванный ими, назывался „Хивзи-Рахманъ“ и по своей конструкціи совершенно одинаковъ со взорваннымъ 29-го апрѣля „Лутфи-Джелиль“.

„Хивзи-Рахманъ“ принадлежалъ къ типу башенныхъ, покрытыхъ броней, мониторовъ. Длина его по ватерлини 222 фута, водоизмѣненіе 2,500 тоннъ, углубленіе 18 футовъ, полный ходъ—12 узловъ, комплектъ экипажа—219 человекъ. Артиллерійское вооруженіе, состоящее изъ пяти орудій большаго калибра, было размѣщено слѣдующимъ образомъ: въ кормовой башнѣ—два девяти-дюймовыхъ, въ передней—два семи-дюймовыхъ орудія и за носовымъ блиндажемъ—одно сорока-фунтовое орудіе Армстронга. „Хивзи-Рахманъ“ былъ покрытъ броней: въ срединѣ—4,62 дюйма, на носовомъ блиндажѣ—3 дюйма; до высоты главной палубы судовой корпусъ раздѣлялся поперечными переборками на девять водонепроницаемыхъ отдѣленій.

Такіе подвиги нашихъ молодцовъ артиллеристовъ и моряковъ повели между прочимъ къ тому, что англійское правительство, въ настоящее время распорядилось уже—*приостановить всѣ работы по постройкѣ новыхъ мониторовъ.*

Подземный каналъ Сенъ-Мартенъ въ Парижѣ.

Теченіе главнѣйшихъ рѣкъ Парижа, Сены и Марны, вообще извилистое и отличающееся самыми причудливыми изгибами, придаетъ берегамъ ихъ весьма живописный видъ; но зато плаваніе по этимъ рѣкамъ часто встрѣчаетъ разныя препятствія и значительно замедляется непрерывно попадающимися на пути мысами и зигзагами береговой линіи. Въ виду этого неудобства Парижъ изобилуетъ каналами, имѣющими главную цѣль, дать средство судамъ миновать тѣ мѣста рѣкъ, гдѣ черезъ-чуръ выдающиеся берега мѣшаютъ ихъ прямому движенію. Къ этому разряду каналовъ, принадлежатъ, напри-

мѣръ, каналъ Сень-Моръ, прорытый въ выступѣ берега и имѣющій около 600 метровъ длины и 8 метровъ вышины. Имъ значительно сокращается и облегчается прежній трудный и долгій путь по этой извилистой части Марны, такъ что нынѣ суда употребляютъ на это плаваніе лишь четверть часа, тогда какъ прежде они должны были плыть это же пространство часовъ шести. Не менѣе важно для Парижа торговое значеніе другого канала, а именно канала Сень-Мартенъ, начинающагося ниже Аустерлицкаго моста, въ бассейнѣ адмиралтейства, и идущаго потомъ далѣе до Наполеоновскихъ доковъ, гдѣ онъ впадаетъ наконецъ въ бассейнъ Виллеты и соединяется посредствомъ послѣдней съ каналами д'Уркъ и Сень-Дени. Каналъ Сень-Мартенъ, безъ сомнѣнія одна изъ крупныхъ достопримѣчательностей современнаго Парижа, хотя онъ мало кому извѣстенъ изъ тѣхъ многочисленныхъ туристовъ, которые ежегодно стекаются въ столицу Франціи. Проходя подъ бульварами, отъ Вастольской площади вплоть до самой Тюльской колонны, онъ покрытъ прочнымъ немного выпуклымъ сводомъ, внутренняя поверхность котораго облицована весьма гладко и красиво. Дуга свода такъ вмѣстительна, что подъ ней проходитъ довольно широкій каналъ и еще двѣ просторныя панели для тяги судовъ бичевою. По каналу быстро двигаются буксирные пароходики, изъ которыхъ каждый тащитъ за собою, тяжело нагруженный судъ, иногда даже ночью, такъ какъ каналъ освѣщается газомъ. Большое число отверстій устроенныхъ въ верхней части свода снабжаетъ его свѣтомъ и воздухомъ. Нужно сознаться, что закрытіе канала сводомъ значительно повліяло на улучшеніе гигиеническихъ условій окружающій его мѣстности, и миазмы происшедшія отъ порчи воды и разложенія органическихъ веществъ, уже не заражаютъ окрестнаго воздуха. Кромѣ того патрижанинъ этой мѣстности имѣетъ нынѣ менѣе шансовъ утонуть и захлебнуться въ этой мутной водѣ канала. Дюканъ самъ сознается въ своемъ замѣчательномъ описаніи Парижа и его нравовъ, что вѣтреные, неосторожные, хвастливые, любящіе вышиты парижане ѣздятъ на лодкахъ, не зная законовъ равновѣсія, кушаютъ, не умѣя плавать, и любятъ иногда беззаботно засыпать облокотившись на прибрежныя перила. Неудивительно послѣ этого, что въ парижскихъ рѣкахъ находятъ столько утопленниковъ и что ими преимущественно наполняется моргъ.

Мѣстность, идущая надъ Сень-Мартенскимъ каналомъ теперь совершенно незнакома; надъ сводомъ канала разведенъ великолѣпный бульваръ въ англійскомъ вкусѣ, съ фонтанами, экзотическими растеніями, предестными газонами и тѣнистыми деревьями; проводники въ тоннель воздуха и свѣта повсюду для безопасности гуляющихъ закрыты рѣшетками и обнесены красивыми перилами. Веселая, разряженная публика, безпечно флангируетъ здѣсь, не думая, что подъ ней, въ подземной глубинѣ, бѣгаютъ пароходы и на плечахъ истомленныхъ тружениковъ таятся бичевою суда, подвозящія необходимые жизненные продукты для всепожирающаго Парижа. И.

Видъ на рѣкъ Коннектикутъ (въ Сѣверной Америкѣ).

Коннектикутъ,—одна изъ многоводныхъ рѣкъ Сѣверной Америки, впадающихъ въ Атлантическій океанъ. Рѣка Коннектикутъ менѣе широкая, чѣмъ Гудзонъ, но такая же быстрая, протекаетъ по одному изъ штатовъ Сѣверо-Американскаго Союза, этотъ штатъ и носитъ свое названіе по названію рѣки: „Коннектикутъ“. Америка, вслѣдствіе малой ширины своего материка, подвержена большому вліянію океановъ, отчего и природа ея получаетъ свой особенный характеръ. Сравненіе климата Сѣверной Америки по широтѣ съ Старымъ Свѣтомъ показываетъ, что температура ея стоитъ гораздо ниже и представляетъ сильныя противоположности въ различныхъ времена года, нежели температура Европы подъ тѣми же градусами. До конца апрѣля растительность подъ 40° идетъ не далѣе чѣмъ въ Европѣ подъ 50°; но затѣмъ солнце дѣйствуетъ такъ сильно, что плоды созрѣваютъ въ Америкѣ скорѣе.

Лѣса Сѣверной Америки отличаются отъ лѣсовъ Европы также замѣчательнымъ разнообразіемъ; такъ, въ Америкѣ можно насчитать до 20 породъ дуба; много породъ клена, акадій. Самое великолѣпное дерево этихъ лѣсовъ—Виргинская сосна, достигающая высоты до 200 ф. Наша картинка изображаетъ одно изъ живописныхъ мѣстъ по рѣкѣ Коннектикутъ, близъ горы Голіокъ. Не смотря на то, что художникъ оживилъ свой пейзажъ присутствіемъ людей, нельзя не замѣтить, что и при этомъ оживленіи изображенная мѣстность все таки кажется недостаточной обитаемою. Одно изъ деревъ ея, густо обитое вьющимися растеніями, и берега рѣки, заваленные буреломомъ и камнями и поросшіе дикими травами — увеличиваютъ впечатлѣніе этой пустынности, не лишенной, впрочемъ, своеобразной красоты и силы.

ПАРКА И АМУРЪ.

(Группа Густава Доре)

Таинственное начало жизни и ея не менѣе таинственный конецъ—смерть, въ силу своей необычайной загадочности, всегда возбуждали и теперь возбуждаютъ и, конечно, будутъ вѣчно возбуждать мысль человѣческую, тщетно стремящуюся постигнуть смыслъ и значенія этой великой тайны и открыть хотя край той непроницаемой завѣсы, которою она скрыта отъ смертнаго. Древніе греки, подобно тому, какъ и иные представители той или другой человѣческой расы на землѣ, конечно, также пытались понять таинственное значеніе жизни и смерти и, не имѣя силы постигнуть этого, облекли свои мечтанія въ образы, и этимъ образомъ придали тѣ черты, какія свойственны были имъ самимъ.

Такъ, напримѣръ, тайну жизни и смерти греки олицетворяли въ видѣ трехъ адскихъ богинь—Паркъ. Онѣ были сестры, дочери Ереба и Ночи или Юпитера и Фемиды, а именно: Клото, Лахезида и Атроно. Клото, завѣдывала рожденіемъ людей и держала въ рукѣ прялку; Лахезида прядла нить человѣческой жизни, а Атроно отрѣзывала ее. Вдохновенный гимъ мѣомъ современный художникъ, Густавъ Доре, извѣстный до сихъ поръ своими замѣчательными какъ по разнообразію, такъ и по количеству рисунками, сдѣлалъ группу, представляющую одну изъ Паркъ, обрѣзывающую нить жизни.

Но, какъ мы сказали, художникъ только вдохновился мѣомъ. Онъ даже отступилъ отъ него, замѣнивъ трехъ сестеръ одной; при этомъ, для усиленія впечатлѣнія, въ смыслѣ приданія чувства своему произведенію, онъ сдѣлалъ участникомъ работы Парки юнаго Амура, участникомъ, видимо, невольнымъ, страдающимъ въ своемъ безсиліи въ то время, когда ко всему безстрастная Парка уже готова обрѣзать нить жизни.

Но, конечно, ни созданіями фантазіи, ни учеными изслѣдованіями не подвигается впередъ разрѣшеніе вопроса о тайнѣ жизни и смерти. Есть предѣлы, за которые мысль человѣческая никакъ не можетъ проникнуть. Здѣсь нелишнимъ считаемъ напомнить превосходное стихотвореніе Ѳ. Тютчева „Фонтанъ“

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣтъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучемъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной,—
И снова пылью огневѣтной
Ниспасть на землю осужденъ.
О, смертный мысли водометъ,
О, водометъ неистощимый,
Какой законъ неостижимый
Тебя стремитъ, тебя мятеть?
Какъ жадно къ небу решился ты!
Но длань незримо—роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты...

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ВОЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

25-го мая, въ 8 часовъ вечера, Государь Императоръ благополучно прибылъ въ Плошты. По всему пути пріемъ Его Величеству былъ восторженный, полный энтузіазма. Въ Брандовѣ Его Величество благодарилъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, удостоенныхъ за послѣднія дѣла Георгіевскихъ крестовъ и крестовъ «за храбрость», съ мечами. Въ Плоштахъ, при встрѣчѣ Государя Императора, на здѣшней станціи представились депутаты съ хлѣбомъ-солью и съ привѣтственными адресами отъ города Плошты, отъ болгаръ, обитающихъ въ городахъ Румыніи и отъ румынскаго городского духовенства. Митрополитъ Банаретавъ Рашевъ, представившійся во главѣ болгаръ, сказалъ привѣтственное слово и благословилъ Его Величество иконю. Отъ лица князя Карла, Государя Императора привѣтствовалъ Когальничано. Воспитанники городского училища поднесли букеты. Дамы съ балкановъ выжили вѣнки.

20-го мая (1-го іюня) энергически продолжалось начатое не задолго передъ тѣмъ бомбардированіе Карса.

Денеши отъ 23-го мая сообщаютъ, что Карсъ въ это время былъ уже окруженъ нашими войсками, что Мухтаръ-паша отступилъ къ Зевину и что положеніе дѣлъ въ Малой Азійѣ стало для турокъ весьма серьезнымъ.

Телеграмма начальника штаба Кавказскаго военнаго округа отъ 25-го мая сообщаетъ, что генералъ Тергукасовъ занялъ 23-го мая городъ Кара-Килису (городъ Баязетскаго санджака, по дорогѣ въ Эрзерумъ). Непріятель наканунѣ отступилъ съ своими регулярными войсками за Зейдеканъ, а иррегулярныя войска разошлись по домамъ. Подъ Карсомъ войска расположились въ двухъ лагеряхъ: одинъ близъ селенія Моура, а другой у Багами. По общимъ соображеніямъ, вскорѣ ожидаемое взятіе Карса, естественно, дастъ ключъ къ взятію Эрзерума.

На Дунай турки 20 мая сдѣлали попытку высадиться около Рени (близъ Галаца и на одной широтѣ съ нимъ). Произошелъ кровопролитный и ожесточенный бой, длившійся 2 часа. Турки были отброшены и поспѣшно удалились на своихъ судахъ. Того же числа наши русскіе броненосцы форсировали входъ въ Сулейское гирло и вошли въ Дунай. Подъ Сулейной почти цѣлая сутки происходила сильная канонада, причину которой былъ русскій мониторъ, силою прорвавшійся въ устье Сулины. 23-го мая турки бомбардировали Калаатъ, но безъ вреда, а 24-го мая ко всему Дунаю уже происходили перестрѣлки, хотя и незначительныя. Въ Русукахъ замѣчено было движеніе значительныхъ непріятельскихъ силъ. У Николая (объ этой крѣпости мы упоминали въ прошломъ обзорѣ—она лежитъ между Видиномъ и Русукомъ, близъ Систовой) турки строятъ новыя батареи. 24-го мая (5-го іюня) противъ Журжева (близъ Русука) открытъ былъ сильный огонь съ русуцкихъ батарей, но до 7 часовъ вечера онъ не произвелъ никакого дѣйствія.

Наканунъ этого открылось сраженіе между турками и черногорцами у Маліята. Турки были отгнаны до Кукосеряна, лишившись 700 человекъ. Затѣмъ получена телеграмма изъ Данилограда, сообщающая, что турки 23-го мая открыли противъ черногорцевъ огонь съ форта Служа, но скорѣ прекратили, но 24 мая вновь со Служа началась канонада, смѣшанная съ ружейнымъ огнемъ. Но черногорцы, по условленному приказу, не отвѣчали на турецкую стрѣльбу и она прекращена безъ всякаго результата. Вслѣдъ затѣмъ, ободренные молчаніемъ черногорцевъ, турки произвели со стороны Служа нападеніе на село Мартиницу, въ Данилоградскомъ округѣ. Но здѣсь черногорцы вдругъ окружили турокъ и начался ужасный, кровопролитный бой. До тысячи турокъ, убитыхъ и раненыхъ, осталось на мѣстѣ; со стороны же черногорцевъ 50 убитыхъ и 12 раненыхъ. Одновременно съ этимъ поистинѣ «богатырскимъ» дѣломъ, черногорцы на сѣверѣ отъ Никшича взяли штурмомъ одна возвышенность, господствующую надъ Никшичемъ, не потерявъ ни одного человека. Въ этомъ сраженіи въ первый разъ дѣйствовала черногорская артиллерія. На помощь Никшичу отправился Сулейманъ-паша съ 16,000 турокъ, намѣреваясь дать большое сраженіе.

Съ 24 мая произошли также значительныя стычки между турками и черногорцами въ окрестностяхъ Крстаца. Свѣдѣнія объ исходѣ этихъ битвъ пока крайне неопредѣлены. По турецкимъ источникамъ, конечно, оказывается, что черногорцы были разбиты вездѣ и «выбиты изъ своихъ окоповъ», но вѣдь извѣстно, что турки умѣютъ «выбивать особенно черногорцевъ, преимущественно «своими боками». О результатѣ этихъ битвъ можемъ болѣе точныхъ и опредѣленныхъ извѣстій не изъ «турецкихъ» источниковъ. По словамъ турецкихъ телеграммъ турецкія войска недавно проникли въ Черногорію и вытѣснили черногорцевъ съ ихъ позицій (!?) конечно не къ добру для самихъ побѣ-

дителей. Турецкое правительство желало заключить въ Лондонѣ заемъ по потерпѣло полную неудачу. Недовольство въ Константинополѣ усиливается съ каждымъ днемъ, такъ что опасаются народнаго возстанія. Дальнѣйшее снабженіе арміи боевыми припасами и провіантомъ стало невозможно въ дѣйствиельно голодномъ состояніи. Паша недавно принималъ польскихъ паломниковъ и напомнилъ имъ о своихъ постоянныхъ заботахъ о тоскительно поляковъ.—Изъ Сирии извѣщаютъ, что тамошнее положеніе дѣлъ внушаетъ безпокойство. Банды бедуиновъ производятъ по всей Сирии грабежи. Христиане въ Палестинѣ объята ужасомъ.—Весьма недавно турки напали на греческій монастырь Райгаве и ограбили его. Не смотря на эти подвиги, относительно Греціи, Порты рѣшилась обратиться къ Авинскому кабинету съ нотой, по поводу происходящихъ въ Греціи вооруженій.

29-го мая Государь Императоръ прибылъ въ Бухарестъ и былъ встрѣченъ въ вокзалѣ княземъ, княгиней, всеми наличными войсками, преклонившими передъ Государемъ Императоромъ знамена. Несмѣтная толпа народа, по всему пути до дворца, на всѣхъ балконахъ домовъ приветствовала Его неумолкаемымъ крикомъ «ура» и бросали букеты по пути. Городъ разукрашенъ олагами и находится въ необыкновенно донынѣ торжественномъ настроеніи.

Изъ Константинополя отъ 29-го мая извѣщаютъ, что изъ послѣднихъ депешъ изъ Эрзерума извѣстно о наступательномъ движеніи русскихъ войскъ. Мухтаръ-паша подошелъ къ Эрзеруму, гдѣ, повидимому, предстоитъ сраженіе. Али-Сайбъ-паша сообщаетъ отъ 7-го іюня, что въ округѣ Пипери происходилъ между турками и черногорцами артиллерійскій бой.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Петербургъ Вас. Остр. 9 линія д. № 8, А. Т.—тову. Въ присланныхъ вами стихахъ конечно, есть превосходныя строфы, а именно тѣ, которыя вы цѣлкомъ выписали изъ Пушкина, и выдаете ихъ въ свои.

Напримѣръ: Горитъ востокъ зарею новой
Ужъ на равнинѣ по холмамъ
Грохочуть пушки. Дымъ богровый
Клубами всходитъ къ небесамъ и т. д.

Остается пожалѣть, что вы лишены возможности опредѣлить, на сколько не повольнѣтельны подобныя поступки, и пожалеть вамъ опять ихъ настоящій смыслъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи, Генераль-лейтенантъ, Василій Александровичъ Гейманъ (съ портретомъ).—Aquis subtergus. Новелла Теодора Шторма.—Старый рыбакъ (разсказъ) (съ рисункомъ).—Война въ Турціи пѣсню нашего корреспондента (съ 7-ю рисун.). Н. Карзана.—Лейтенантъ Дубасовъ и Шестаковъ (съ 2-мя портретами).—Подземный каналъ Сентъ-Мартенъ въ Парижѣ (съ рисункомъ).—Видъ на рѣкѣ Коннектикутъ (въ Сѣверной Америкѣ) (съ рисункомъ).—Парня и Амуръ (Груша Густава Доре) (съ рисункомъ).—Политическія и военныя извѣстія. Почтовый ящикъ.—Объявленія.—При этомъ не прилагаются: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за Іюнь съ 30 рисунками, отдѣльный листъ «выкройки» съ 24 чертежами въ натуральную величину и съ 24 рисунками бунтъ для мѣтны бѣлья.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ

ПОСЛУЖИЛИ ВЪ ПРОДѢЛУ У ИЗВѣСТНЫХЪ КНИГОПЕДАГОВЪ С. ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ.
 II практическая анатомія городскихъ заго-
 лѣвъ въ простую научную, основанную на сообра-
 женіяхъ и сельскихъ зданій. Приособленіе
 къ преподаванію въ школахъ, гимназіяхъ и
 простыхъ факладѣхъ и плановъ, заглавныя и
 главы какъ для архитекторовъ, инженеровъ и
 подрядчиковъ, такъ и для каждаго желающаго
 познать зданіе прочно, красиво и выгодно.
 Съ прилож. расцѣта на количество матеріала
 и работъ, на какое время; такъ что каждый
 можетъ обойтись безъ помощи архитектора и
 подрядчика. Сост. Ждановъ, при участіи ин-
 женера-архитектора В. Залесскаго. Хромолит.
 изд. на 44 лист. алекс. бум. съ 200 рис. 18-6 г. 8 р.

**НОВЫЙ САМОУЧЕБНИКЪ РИСУЮЩАГО, ЧЕРЧЕНІЯ И
 КОЛѢВЪ, БЕЗЪ ПОМОЩИ УЧИТЕЛЯ, НАУЧИТЬСЯ ПРАВИЛ-
 но рисовать, чертить, тупельвать и покрывать
 акварельными красками рисунки. Сост. подъ
 редак. Михель Санцио. На 28 больш. лист. въ
 прилага. текста. 1876 г.; ч. 2 р.**
**Полный толковый словарь иностранныхъ словъ,
 вошедшихъ въ русскій языкъ, съ указаніемъ
 корней. Настоящая справочная книга при чтеніи
 книгъ, журналовъ и газетъ. Сост. М. Дуб-
 ровскій. Третье, доп. изд., болѣе 300 страницъ
 1874 г.; ч. 1 р., въ перел. 1 р. 50 к.**

**Общепольная практическая технология. Ру-
 ководство въ хлѣбному, механическому, те-
 хническому и ремесленному труду. Съ прилож.-
 копейныхъ отгратъ, изображеній и усовершен-
 ствованій и ихъ примѣненій въ практикѣ. На-
 стоящая справочная книга для инженерно-
 техническихъ, механиковъ, машинистовъ, промыш-
 ленныхъ и ремесленныхъ заведеній и школъ въ
 Россіи. Сост. обществомъ техническихъ наукъ въ
 1876 г.; ч. 4 р., въ перел. 5 р.**
**Самоучитель строительнаго искусства. Спе-
 циальное практическое руководство для архи-
 текторовъ, инженеровъ, строителей, плотниковъ,
 печниковъ, маляжниковъ, колѣвальныхъ и
 въ чертѣхъ книгъ, съ 300 полит. рис.
 въ текстѣ и съ прилож. атласа на 32 лист. ар-
 хитектурныхъ рисунковъ. Составъ. техника
 Смиробинскимъ, подъ ред. архитектора при Им-
 ператорскомъ Обществѣ дворянъ П. Кашенцова.
 8-е изд., дополненное. 1874 г.; ч. съ ага. 3 р.
 50 к., въ перел. 4 р.**

**Практическій самоучитель балныхъ танцевъ
 для обоихъ пола. Легкій способъ научиться
 въ 7 уроковъ, безъ помощи учителей, всѣмъ бал-
 вымъ танцамъ, съ 23 рис. Четвертое изд., съ
 дополненіями, тансовъ, вальсовъ и маршевъ.
 Д.-Нольманъ. 1874 г.; ч. 1 р., въ перел. 1 р. 50 к.**
**Примеченія капитана Легова. Путешествіе
 на вѣкъ среди бурныхъ волнъ океана. Сост.
 Жюль Сандо, проф. и академикъ. Съ иллюстрац.
 картинъ художн. Колене; ч. 1 р. 50 к.**

**Королева Изабелла Баварская. Исторія ром.
 А. Дюма. Въ 3 част. 1874 г.; ч. 2 р. 50 к.**
**Цены изъ народнаго быта. Сочин. актера
 Мавросаного, въ 2 кн.: ч. 1 р. 50 к.**

**Цены изъ народнаго быта, соч. Горбунова,
 для расказа въ театральной сценѣ и сцени-
 выхъ перевахъ. Изд. 4, испр. и дополн. въ 3-хъ
 част. 1876 г. Сиб.; ч. 1 р., въ перел. 1 р. 50 к.**

**Прошу гг. инородныхъ чрезъ почту за всѣмъ вышеозначенн.
 книгамъ адресов. въ Москву, къ издателю Алексѣю Д. Ступину.
 Переслату прилагаю на свой счетъ и послыаю съ первымъ поштомъ. (Адресъ Почтуну нарисованъ.)**

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 24 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 13 Іюня 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
въ уже вышедшіе
номера «Нивы».

ГODOVAYА ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.
„ съ доставкою . . . 5 „

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж.
маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во все города Имперіи 5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Контора журнала
«Нива» помещается
въ С.-П.-Бургѣ, на Б.
Морской, въ д. № 9.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ ПАВЕЛЬ СТЕПАНОВИЧЪ ВОМИНЪ.

Генералъ-лейтенантъ Павелъ Степановичъ Вомигъ — уроженецъ Войска Донского, Старочеркасской станицы. Воспитывался онъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и былъ выпущенъ первымъ офицерскимъ чиномъ (хорунжимъ) въ 1836 году. Въ оберъ-офицерскихъ чинахъ Павелъ Степановичъ служилъ въ казачьихъ полкахъ на Кубанской линіи, затѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, во время краковскаго возстанія (1847 — 1848). Въ штабъ-офицерскихъ чинахъ состоялъ для особыхъ порученій при навазномъ атаманѣ Войска Донского и за снмъ, съ наступленіемъ севастопольской кампаніи, въ 1855—1856 г., Павелъ Степановичъ командовалъ Донскимъ казачьимъ полкомъ за Дунаемъ, при осадѣ Силистріи, въ Крыму на передовыхъ постахъ, противъ Санунъ горы, Балаклавы и въ Байдарской долинѣ. Съ окончаніемъ этой войны, пробывъ нѣкоторое время на Дону, онъ въ 1858 году вышелъ съ полкомъ на правый флангъ Кавказской линіи, гдѣ при покореніи Западнаго Кав-

Генералъ-лейтенантъ Павелъ Степановичъ Вомигъ, походный атаманъ ирегулярной войска дѣйствующей арміи. Рис. Мукаровскій, грав. Яссъ.

каза былъ назначенъ начальникомъ Лабинскаго округа, изъ котораго главнымъ образомъ были направлены дѣйствія нашихъ войскъ противъ непокорныхъ горскихъ племенъ. Съ 1863 по 1870 годъ Павелъ Степановичъ былъ начальникомъ штаба Войска Донского, каковая должность возлагала на исполнявшаго ее несравненно большее число обязанностей, чѣмъ въ настоящее время. Необходимо обратить здѣсь вниманіе на то, что въ Войскѣ Донскомъ начальникъ штаба въ прежнее время былъ помощникомъ войскового атамана по военной части, и обязательно участвовалъ въ засѣданіяхъ Областного Правленія, исправляя, въ отсутствіе начальника края, его обязанности и по гражданскому управленію области. Будучи въ это время уже въ генеральскомъ чинѣ, Павелъ Степановичъ нѣсколько разъ долженъ былъ исполнять прямыя обязанности начальника края не только потому, что въ это время онъ занималъ должность начальника штаба Войска Донского и былъ

помощникомъ войскаго атамана, но и вслѣдствіе того обстоятельства, что во время нахождения его въ этой должности перемѣнились одинъ за другимъ два атамана: во время промежутковъ, продолжавшихся отъ отъѣзда прежняго до прибытія новаго, вся тяжесть управленія краемъ ложилась на Павла Степановича. Кромѣ того онъ исправлялъ эти же обязанности и въ продолженіи частыхъ и немаловременныхъ отлучекъ трехъ бывшихъ при немъ атамановъ (Граббе, Потапова и Черкова).

Съ 1870 по 1876 годъ генераль-лейтенантъ Фоминъ былъ

походнымъ атаманомъ Донскихъ казачьихъ полковъ Варшавскаго военнаго округа, а съ перестроеніемъ кавалерійскихъ дивизій, въ составъ которыхъ введены были казачьи полки, отчисленъ по Войску Донскому и былъ свободенъ отъ служебной дѣятельности по 1-е ноября 1876 года. Съ этого времени генераль-лейтенантъ Фоминъ Высочайшимъ приказомъ назначенъ походнымъ атаманомъ иррегулярныхъ войскъ дѣйствующей арміи, не входящихъ въ составъ дивизій.

Въ настоящее время подъ его начальствомъ состоитъ 10 донскихъ казачьихъ полковъ.

AQUIS SUBMERSUS.

НОВЕЛЛА ТЕОДОРА ШТОРМА.

(Продолженіе).

Дитрихъ схватился за обѣ руки мои.

— Не ходите, Іоаннъ! просилъ онъ убѣдительно. Ну, хотя расскажите мнѣ, что такое между вами произошло? Всегда я вамъ совѣты добрые давалъ.

— Послѣ, Дитрихъ, послѣ! промолвилъ я и съ этими словами руки свои изъ рукъ его освободилъ.

Старикъ головою покачалъ, сказавъ:

— Послѣ?... Одинъ Господь Богъ вѣдаетъ, когда это *послѣ* будетъ.

Но я черезъ дворъ къ дому направился.

На вопросъ мой: гдѣ господинъ? служанка отвѣчала, что онъ въ комнатѣ, у себя.

Въ указанной комнатѣ, въ нижнемъ этажѣ находившейся, я только однажды былъ. По стѣнамъ ея вмѣсто книгъ и картъ географическихъ, какъ то было въ кабинетѣ покойнаго герръ Гергардуса, развѣшаны были аркебузы всякаго и иныя разныя принадлежности охоты; украшеній другого рода тутъ не имѣлось; все въ комнатѣ свидѣтельствовало о томъ, что никто не заходитъ въ нее надолго и никто въ ней никогда не работаетъ.

Переступивъ порогъ, послѣ того, какъ баронъ крикнулъ: войдите, я назадъ чуть было не попятился, ибо Вульфъ у окна стоялъ и когда онъ ко мнѣ обернулся, примѣтилъ я у него въ рукахъ пистолеть, съ куркомъ котораго онъ и возился.

На меня, какъ на умалишеннаго, поглядѣлъ онъ и медленно произнесъ:

— А—а! герръ Іоаннъ сюда пожаловать изволилъ самолично... А можетъ статься, это только его тѣнь?...

Я-же, къ нему подойдя, сказалъ въ отвѣтъ:

— А вы, баронъ Вульфъ, полагали, что я могъ не явиться сюда къ вамъ самолично?

— Да, полагалъ я, герръ Іоаннъ! Какъ вы отменно угадываете изволите! Но какъ бы то ни было, кстати вы пожаловали... Я разыскивать васъ далъ приказаніе.

Голосъ его дрожалъ, что напоминало рыканіе звѣря, добычу свою подстерегающаго; вслѣдствіе этого я неловко схватился за шпагу, однако-же промолвилъ:

— Выслушать меня соизвольте, герръ баронъ! Дайте мнѣ со спокойствіемъ изложить все!

Онъ перебилъ мою рѣчь.

— Вамъ прежде надлежитъ меня выслушать, герръ Іоаннъ! (Рѣчь его, тихая по началу, въ рычаніе постепенно превратилась). Тому назадъ два часа, отъ сна я пробудился и тяжесть почувствовалъ въ головѣ, а засимъ вспомнилъ и, какъ дуракъ, пожалѣлъ, что вчера, бывъ во хмѣлю, на тебя псовъ бѣшеныхъ напустилъ.... Но когда тетка Урсула матеріи кусокъ мнѣ показала, который псы изъ плаща твоего вырвали—всѣми дьяволами клянусь—пожалѣлъ я, что каналы псы тебя не растерзали и оставили мнѣ эту работу!..

Еще разъ я попытался заговорить: ибо умолекъ Вульфъ и мнѣ подумалось, что меня слушать онъ станетъ.

— Баронъ Вульфъ! Я не дворянинъ, то правда, но въ отношеніи искусства своего, какъ художникъ, — не ничтожество, и надѣюсь, что въ послѣдствіи съ живописцами великими на ряду стану, а поэтому, какъ при-

личествуешь, васъ прошу въ жены отдать мнѣ сестру вашу Катерину...

Но тутъ къ гортани прилипъ языкъ мой. Блѣдное лицо Вульфа передо мною было, но смотрѣли на меня глаза *одной* изъ Гергардусовъ изъ того портрета древняго... Смѣхъ пронзительный въ устахъ моихъ словно бы зазвенѣлъ и... выстрѣлъ раздался..

Упалъ я и только слышалъ, какъ шпага, машинально мною вытасченная, изъ руки моей вывалилась и о полъ брякнула...

Раненый, я, по приказанію Вульфа Гергардуса, былъ перенесенъ въ домикъ лѣсничаго, гдѣ мнѣ и оказана была медицинская помощь. Много недѣль прошло, пока я могъ встать съ постели. Во все время болѣзни моей продолжительной, я видѣлъ только лѣсничаго, его жену, да невѣдомаго мнѣ хирурга. Кто въ грудь мою выпалилъ—объ этомъ никто меня не спрашивалъ, и я тоже не сообщалъ никому. Подвергнувъ судебному преслѣдованію сына герръ Гергардуса и брата Катерины—и въ мысляхъ у меня не было, да онъ, какъ полагать надлежитъ, вѣдь-ли объ этомъ безпокоился.

Однажды только приходилъ ко мнѣ добрый, старый Дитрихъ. Мнѣ принесъ онъ, по порученію Вульфа, венгерскихъ дукатовъ два свертка—плату за портретъ Катерины. Взявъ я эти деньги, частью ихъ того наслѣдства считая, которое едва-ли Катерина получить, когда женою моею сдѣлается. Весьма мнѣ захотѣлось по душѣ съ Дитрихомъ побесѣдовать, но это не удалось, потому что желтая лисыя харя хозяина моего въ комнату мою заглядывала поминутно. Узнавъ я только, что въ Киль не поѣхалъ Вульфъ, а Катерину съ тѣхъ поръ ни во дворѣ, ни въ саду никто не видалъ... Едва успѣлъ я старика попросить при случаѣ удобномъ передать поклонъ моей фрейлейнъ и сказать, что въ Голландію скоро собираюсь я отъѣхать и оттуда въ скорости же вернуться. Просьбу мою торжественно обѣщавъ мнѣ Дитрихъ исполнить.

Послѣ этого необузданное нетерпѣніе овладѣло мною и я, не смотря на всѣ доводы хирурга, въ путь тронулся прежде, чѣмъ листья съ деревъ опали. Вскорѣ благополучно я прибылъ въ столицу голландскую, гдѣ съ любовью приняли меня друзья мои. Добрымъ предзнаменованіемъ могъ бы я считать то обстоятельство, что двѣ картины, мною въ Голландіи оставленныя, съ выгодой проданы были, благодаря великодушному посредничеству дорогаго учителя моего ванъ-деръ-Гельста. Но это еще не все: одинъ негоціантъ, очень благоволившій ко мнѣ, поручилъ увѣдомить меня, что онъ только и ждетъ моего пріѣзда, чтобы портретъ свой заказать, имѣя намѣреніе послать его своей замужней дочери въ Гаагу, и за портретъ обѣщавъ большое вознагражденіе. Разсчитывалъ я, что если эту работу исполню, то въ рукахъ у меня будетъ денегъ достаточно, чтобы устроить удобное жилище для Катерины.

Ревностно я принялся за труды, а тѣмъ болѣе, что и мой благословенный кліентъ помыслитъ моимъ сочув-

ствовавь. Съ радостью видѣль я приближеніе дня моего отъѣзда, хотя и вѣдалъ, что тамъ, на родинѣ, мнѣ предстоитъ побѣдить еще множество препятствій.

Предполагаетъ челоѣкъ, а Богъ располагаетъ! гласить народная пословица, и гласъ ея вѣренъ, потому что мракъ, смертнаго окружающій, непроницаемъ для его умственнаго взора.

Когда портретъ былъ оконченъ и выпало много на долю мою похвалъ и золота, я уже не могъ тогда уѣхать. Во время работы я на слабость свою вниманія не обращалъ: рана, плохо залеченная, снова меня свалила съ ногъ. Подъ самый праздникъ Рождества Христова я захворалъ и на этотъ разъ долѣе прежняго не могъ оправиться. Правда, въ помощи искусныхъ врачей и тщательномъ уходѣ друзей недостатка не было, но я съ ужасомъ видѣль, какъ дни за днями текли, а отъ нея не получалось никакой вѣсти, да и о себѣ я ее извѣстить не могъ.

Но вотъ миновала суровая зима. Зюдерзее снова покатило свои зеленныя волны, и до гавани друзья проводили меня. Однако-же не съ веселіемъ въ сердцѣ, а заботой тяжкой удрученный, сѣлъ я на корабль. Путешествіе мое быстро и счастливо совершилось.

На почтовыхъ изъ Гамбурга я отправился до города, а оттуда, какъ и въ прошломъ году, черезъ лѣсъ пѣшкомъ пошелъ. Деревя еще весьма мало зеленѣли; зяблики и подорожники пѣсенку весеннюю свою уже затягивали... Но какое мнѣ до нихъ было дѣло!..

Шаги направилъ я однако-же не къ помѣстью герръ Гергардуса, а—какъ сердце мое не трепетало, въ сторону свернулъ, къ деревнѣ, идя по опушкѣ лѣсной. Въ скорости дошелъ я до корчмы Ганса Оттсена и лицомъ къ лицу повстрѣчался съ самимъ хозяиномъ.

Старикъ странно посмотрѣль на меня, но засимъ примѣтивъ, что я имѣю видъ бодрый и здоровый, сказалъ обычное привѣтствіе.

— Вамъ только не слѣдуетъ напредки съ оружіемъ играть, потому что оно на тѣлѣ нашемъ оставляетъ пятно, худшее чѣмъ пятна отъ кисти рисовальпой.

Я оставилъ безъ возраженія такое миѣніе стараго Ганса, ибо, какъ показалось мнѣ, тутъ всѣ полагали такъ, думая, что тогда я поранилъ себя по неосторожности. Я спросилъ о старикѣ Дитрихѣ. И довелось услышать мнѣ, что еще до начала зимы онъ скоропостижно отдалъ свою душу Богу.

— Радуюсь я,—сказалъ Гансъ Оттсенъ,—что Дитрихъ къ старому господину своему переселился—тамъ ему лучше будетъ, нежели тутъ.

— Аминь! вымолвилъ я... О, мой милый, старый Дитрихъ!

Но такъ какъ сердце мое тревожило все билось и вѣсти о Катеринѣ жаждало, то я, издавѣка рѣчь поведа, заговорилъ робко:

— А что сосѣдъ вашъ ф.-деръ-Ришъ нынѣ подѣлываетъ?

— Ха-ха! Да онъ женился... сказалъ старикъ смѣшливо: жена такая попалась ему, что въ рукахъ держать его сумѣетъ.

Въ первый моментъ я испугался, но тотчасъ-же сообразилъ, что такими словами Гансъ не говорилъ бы о Катеринѣ... Когда-же имя жены Курта онъ произнесъ, то и припомнилъ я, что то была не молодая уже фрейлейнъ, но богатая—дочь одного изъ окрестныхъ помѣщиковъ. Въ виду этого я уже похрабрѣе спросилъ, что творится въ домѣ покойнаго герръ Гергардуса и какъ фрейлейнъ и баронъ Вульфъ поживаютъ?

При этомъ вопросѣ старикъ снова съ недовѣріемъ оглянулъ меня и промолвилъ:

— Вы, должно быть, полагаете, что башни старыя и стѣны языка не имѣютъ и говорить не могутъ?

— Чтѣ ваши слова означаютъ!? воскликнулъ я, чув-

ствуя однако-же, что слова Ганса легли тяжелымъ бременемъ мнѣ на сердце.

— Ну, герръ Іоаннъ (онъ какъ-то особенно, много-значительно поглядѣль мнѣ въ глаза), вамъ лучше всѣхъ вѣдомо быть должно, куда дѣвалась фрейлейнъ!.. Вѣдь вы осенью-то прошлой тутъ не въ *последній* разъ были... Меня только то дивить, зачѣмъ вы въ эти мѣста нонѣ пожаловали? Вѣдь баронъ Вульфъ,—разсуждаю я,—не весьма хорошо шутку вашу принялъ...

Посмотрѣль и я на старика... Показалось мнѣ, что самъ я въ умѣ повредился, но тутъ мысль внезапная меня озарила и я вскричалъ:

— Несчастный! Вѣдь не думаете же вы, что фрейлейнъ Катерина супругою моею сдѣбалась?!

— Ну... ну, выпустите меня! просилъ онъ въ то время, когда я трясъ его за плечи... Какое мнѣ дѣло до этого?.. Всѣ говорятъ такъ... Какъ бы ни было тамъ, но съ новаго года не видать стало въ замкѣ фрейлейнъ Катерины.

И я клялся ему, что въ то время, бывъ боленъ, лежалъ въ Голландіи и ничего не вѣдаю.

Повѣрилъ-ли Гансъ словамъ моимъ—этого не знаю, но вотъ что сообщилъ онъ мнѣ: о ту пору, ночью, тайно и въ замокъ прибылъ неизвѣстный челоѣкъ духовнаго званія, и хотя тетка Урсула весьма рано по комнатамъ всю челядь разогнала, однако-же одна изъ служанокъ въ щель дверную стала подсматривать. И служанка эта увѣряетъ, что *меня* примѣтила, когда я черезъ сѣни къ лѣстницѣ проходилъ, а засимъ и всѣ слышали, какъ колымага изъ воротъ выѣхала... Съ той самой ночи живутъ въ замкѣ только тетка Урсула да баронъ Вульфъ.

Не стану я рассказывать о непрерывныхъ и всегда тщетныхъ поискахъ моихъ... Я не только Катерины не отыскалъ, но даже не попалъ и на ея слѣдъ. Въ деревнѣ же только бессмыслицу могъ услышать на подобіе той, какою угостилъ меня Гансъ Оттсенъ, а поэтому, минуты не теряя, я отправился въ монастырь къ сестрѣ герръ Гергардуса. Дама эта однако-же къ себѣ меня допустить не соизволила, впрочемъ сказали мнѣ, что въ монастырь къ ней никакая молодая фрейлейнъ не пріѣзжала.

И тогда я обратно поѣхалъ и до того унился, что въ домъ ф.-деръ-Риша отправился и, въ качествѣ просителя, явился къ стародавнему врагу моему. Сказалъ онъ мнѣ съ насмѣшкою, что сова, можетъ статься, птичку унесла, а что онъ ее не караулилъ и вообще всяческія сношенія съ домомъ Вульфа прервалъ.

Баронъ-же Вульфъ, о моемъ прибытіи свѣдавъ, въ корчму Ганса Оттсена послалъ сказать, что ежели я явиться къ нему, барону, дерзну, то онъ опять псовъ на меня натравитъ...

Пошелъ я тогда въ лѣсъ, зная, что въ немъ рыскаетъ Вульфъ любить и, подобно разбойнику, сталъ его тамъ поджидать. И съ нимъ повстрѣчался я, причѣмъ до обнаженія шпагъ дѣло дошло. Дрались мы до тѣхъ поръ, пока я въ руку его не поранилъ и шпаги не выбилъ. Злыми глазами своими поглядѣль онъ на меня, но ни единого слова не вымолвилъ...

И вотъ я прибылъ въ Гамбургъ на довольно долгое время и сталъ производить издали тайные розыски о Катеринѣ... Но все было тщетно!

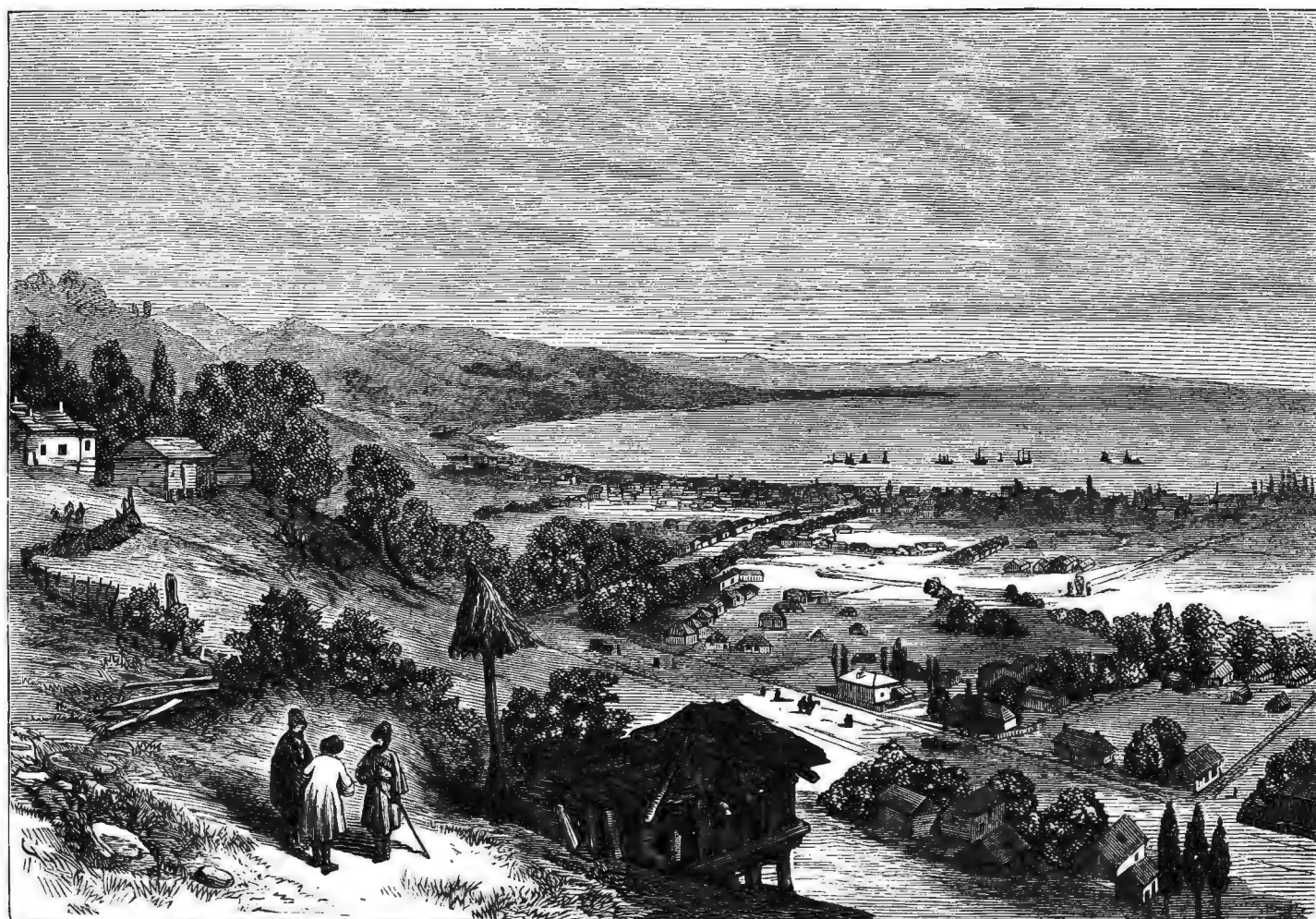
* * *

Въ этотъ моментъ перо мое въ сторону отлагаю. Твое письмо, милый Іосія, передо мною лежитъ: зовешь ты меня крестить дочку свою—моей любезной покойной сестры внучку. На пути къ вамъ я буду мимо лѣса проѣзжать, который стоитъ за домомъ Гергардуса... О томъ припомнилось мнѣ, что ко временамъ давно минувшимъ относится...

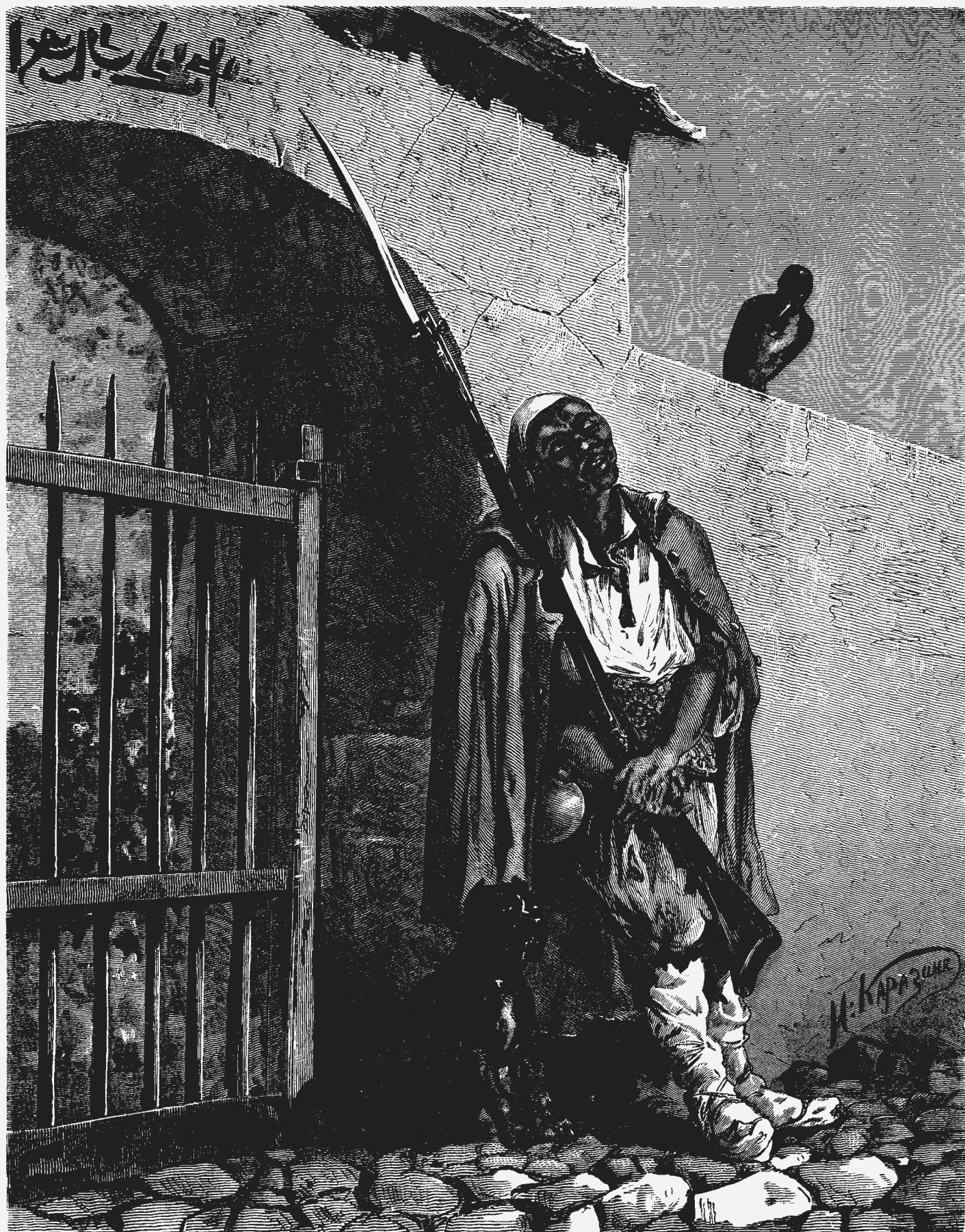
Тутъ оканчивается первая тетрадь рукописи. Герръ

Общій видъ города Эрзерума. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

Общій видъ города Сухумъ-Кале. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.
Библиотека "Руниверс"

Турецкая стража. Оригинальный рисунок И. Карзинина, грав. Бренд'Амурь.

Иоаннъ, конечно, былъ въ домѣ „милаго Иосіи“, гдѣ и крестилъ внучку свою и, можетъ быть, тамъ на его долю выпало нѣсколько веселыхъ, отрадныхъ часовъ, облегчившихъ его сердце.

И глядѣлъ на старинный портретъ и былъ увѣренъ, что этотъ величавый старикъ—самъ герръ Гергардусъ. Но чей-же былъ мертвый мальчикъ, трупъ котораго мейстеръ Иоаннъ положилъ на руки старику?.. Въ раздумьѣ взялъ я вторую и послѣднюю тетрадку стараго манускрипта... Почеркъ хотя былъ тотъ же, но уже не такой твердый.

Герръ Иоаннъ началъ вторую тетрадь словами:

„Подобно исчезновенію дыма и пыли
Исчезаютъ и сыны человѣческіе“.

Камень, въ которомъ были высѣчены эти слова, былъ вдѣланъ надъ дверью одного стараго дома, поясняетъ художникъ и повѣствуетъ далѣе такъ:

„Каждый разъ, какъ мимо (дома) проходилъ я, взоръ мой на эту надпись невольно устремлялся. Когда же, осенью прошлою домъ древній тотъ сломали, выискалъ я изъ груды развалинъ этотъ камень, и нынѣ онъ красуется надъ дверью дома моего. Пусть онъ и по смерти моей о ничтожествѣ всего земного проходимъ напоминаетъ. Для меня же этотъ камень напоминаемъ служить того, что прежде чѣмъ и мой часъ пробьетъ—долженъ я описаніе жизни своей окончить. Тебѣ, сынъ сестры моей любезной, тебѣ, долженствующему въ скоромъ времени, какъ наслѣднику, сдѣлаться владѣльцемъ всего имущества моего—завѣщаю я и повѣсть о скорбной моей жизни. Пока же я живъ—никому, даже тебѣ, хотя горячо люблю тебя, страданій моихъ не хочу повѣрить“.

Герръ Иоаннъ рассказываетъ далѣе, что въ первый разъ—„anno 1666“—пріѣхалъ въ этотъ городокъ на берегу Нѣмецкаго моря. Одна богатая женщина, вдова винокура, заказала ему нарисовать „Воскресеніе Лазаря“ въ память мужа своего, имѣя намѣреніе эту картину украсить мѣстную церковь. Художникъ имѣлъ и другой заказъ: бургомистръ герръ Титусъ Аксень, котораго онъ знавалъ еще въ Гамбургѣ, пожелалъ имѣть свой портретъ работы герръ Иоанна. Такимъ образомъ живописцу предстояло надолго остаться въ этомъ городкѣ. Квартировалъ онъ у своего старшаго и единственнаго брата холостяка, который уже много лѣтъ занималъ должность „градскаго секретаря“. Домъ, гдѣ жилъ братъ художника, и былъ тотъ самый, „съ двумя липами“, что стоялъ на углу Торговой улицы, выходящей на базарную площадь.

Послѣ смерти „градскаго секретаря“, домъ перешелъ по наслѣдству къ герръ Иоанну, который и доживалъ въ немъ дни свои, „часа своего ожидая и соединенія съ дорогими сердцу, въ вѣчность уже отошедшими“.

Мастерскую свою живописецъ устроилъ въ просторномъ мезонинѣ дома вдовы винокура и принялся изображать „Воскресеніе Лазаря“.

Однажды утромъ герръ Иоанну что-то не работалось и онъ, оставивъ мезонинъ, пошелъ домой. Очутьившись въ комнатѣ своей, подселъ къ окошку и сталъ глядѣть на базарную площадь. Такъ какъ былъ четвертъ, слѣдовательно, день базарный, то на площади было весьмалюдно и шумно. Около вожовъ толпились женщины, щеголяя своими красными юбками, а на возахъ важно сидѣли крестьяне въ желтыхъ кожаныхъ штанахъ. Эта пестрая, движущаяся картина мало однако занимала молодого художника, ибо „тяжелое душевное настроеніе было тому помѣхою“. Но на этотъ разъ не раскаяніе, часто посѣщавшее герръ Иоанна, мучило его,—какое-то „страстное томленіе“ все сильнѣе и сильнѣе овлаживало имъ... Передъ нимъ была оживленная, ярко залитая солнцемъ площадь, а ему мерещи-

лась лунная ночь... плещъ съ серебристымъ отблескомъ... Онъ видѣлъ зубчатые фронтоны замка, слышалъ, какъ надъ его головой оторилось окно.... чу! соловьиная трель..

Вдругъ, подъ окномъ, чей-то суровый голосъ произнесъ имя живописца. Взглянувъ изъ окна герръ Иоаннъ увидѣлъ высокаго, худощаваго челоуѣка въ обыкновенномъ костюмѣ пастора. Мрачная физіономія незнакомца, густые черные волосы и рѣзко-очерченныя брови его напоминали скорѣе браваго воина, чѣмъ смиреннаго священника. Пасторъ былъ не одинъ: рядомъ съ нимъ стоялъ небольшого роста челоуѣкъ, съ виду крестьянинъ, хотя и у него были черные шерстяные чулки и башмаки съ пряжками. Сказавъ что-то этому челоуѣку и указавъ ему палкой на дверь дома „градскаго секретаря“, пасторъ повернулся и скрылся въ базарной толпѣ. Внизу постучались, и герръ Иоаннъ, отворивъ дверь, пригласилъ незнакомца войти въ пріемную. Усѣвшись на стулѣ, челоуѣкъ этотъ принялся внимательно разсматривать художника. Оказалось, что это былъ завѣдывающій хозяйственною частью въ церкви сосѣдней деревни, лежащей къ сѣверу отъ города. Онъ объявилъ живописцу, что нуженъ имъ портретныхъ дѣлъ мастеръ, такъ какъ они желаютъ имѣть портретъ своего пастора для украшенія церкви.

Герръ Иоаннъ полюбопытствовалъ узнать, какія такія важныя услуги оказалъ пасторъ общинѣ, которая хочетъ такъ почитать его? Онъ вѣдь еще не очень старъ, значить—пастырствуетъ не особенно долго? Пришедшій отвѣтилъ, что, дѣйствительно, имъ неизвѣстно ничего о заслугахъ этого пастора... Впрочемъ, однажды онъ завелъ процессъ съ общиной изъ-за куска земли... Ну да дѣло въ томъ, прибавилъ онъ, что такъ какъ у насъ въ церкви висятъ уже портреты трехъ пасторовъ, а мы слышали, что мастеръ вы хорошій, искусный, то вотъ и захотѣли воспользоваться случаемъ—заказать написать портретъ съ четвертаго пастора... Для порядка, значить. А самъ-то пасторъ касательно этого мало интересуется.

Герръ Иоаннъ, желая на время оставить картину „Воскресеніе Лазаря“ (бургомистръ былъ боленъ, съ него нельзя было снимать портретъ), ухватился за этотъ новый заказъ и спросилъ относительно условій. Хотя плата обѣщана была весьма умѣренная и не стоило-бы принимать подобнаго заказа, художникъ однако, согласился на предложеніе съ условіемъ, что портретъ этотъ онъ будетъ рисовать на мѣстѣ, т. е. въ деревнѣ, ибо въ этомъ домѣ нѣтъ подходящей комнаты.

Герръ Иоанну вдругъ показалось весьма заманчивымъ совершать ежедневно утреннія прогулки за городъ и обратно, а деревня отстояла отъ городка на часъ ходьбы. Осень была отличная.

Пасторъ съ своей стороны то же требовалъ, чтобы портретъ съ него снимали въ деревнѣ. Для этого назначили классную комнату въ церковномъ домѣ, а домъ этотъ стоитъ неподалеку отъ пастората, такъ что пастору придется переходить черезъ одинъ выгонъ. Школьники, на время сеанса, будутъ отсылаться по домамъ.

Тутъ „портретныхъ дѣлъ мастеръ“ и завѣдывающій хозяйствомъ церкви разстались, пожавъ другъ другу руку. Предосмотрительный экономъ захватилъ съ собою мѣрку портрета, поэтому герръ Иоаннъ въ тотъ же день, послѣ обѣда, могъ отправить въ деревню на пасторской подводѣ всѣ принадлежности своего „благороднаго“ ремесла: полотно, краски, кисти и пр.

Когда братъ герръ Иоанна вернулся изъ должности, художникъ сообщилъ ему о новомъ заказѣ. Градской секретарь замѣтилъ, что пасторъ этотъ—довольно оригинальная личность и посоветовалъ брату захватить съ собою побольше черной и красно-бурой краски... чтобы удачнѣе изобразить физіономію этого челоуѣка. Иоаннъ узналъ также отъ брата, что деревенскій пасторъ прибылъ въ эти края вмѣстѣ съ бранденбург-

скими войсками, въ качествѣ полкового священника, и что въ то время сей военный пастырь кутилъ, пожалуй, лучше самихъ офицеровъ, но потомъ перемѣнился, а теперь сталъ ревностнымъ служителемъ церкви и славнымъ „управляющимъ“ относительно крестьянъ. Градской секретарь прибавилъ еще, что пасторъ мѣстомъ своимъ при деревенской церкви обязанъ ходатайству какого-то дворянина изъ Голштиніи, что онъ слышалъ это отъ монастырскаго архидіакона, а подробности дѣла не знаетъ, да онъ его и не интересуется.

На другой день, утромъ (солнце такъ ярко свѣтило), герръ Іоаннъ бодро зашагалъ по пустырю, поросшему кустарникомъ, который—увы, уже не имѣлъ зеленой листвы. Подвигаясь впередъ, живописецъ наконецъ увидѣлъ вдали колокольню деревенской церкви, а потомъ уже могъ даже разглядывать, что она была сложена изъ гранитныхъ плитъ. Группа домиковъ съ потемнѣвшими соломенными крышами окружала церковь.

Когда герръ Іоаннъ подходилъ къ церковному дому навстрѣчу къ нему выпала веселая ватага ребят-шекъ, а за нею вышелъ и самъ экономъ.

— Глядите-ка,—воскликнулъ онъ,—какъ эти мальчуганы весело отъ книжки удираютъ! Одинъ изъ нихъ завидѣлъ васъ—ну, всѣ и обрадовались, зная, что ихъ выгонять изъ классной!

Тутъ подошелъ герръ пасторъ. Въ немъ художникъ узналъ того самаго человѣка, который наканунѣ былъ у его дома, съ экономомъ. Но сегодня мрачная физіономія бывшаго полкового попа казалась какъ будто-бы свѣтлѣе. Онъ велъ за руку прелестнаго блѣднолицаго мальчика лѣтъ трехъ-четырехъ. Рядомъ съ высокой, коренастой фигурой священника ребенокъ казался просто куклой.

Такъ какъ художникъ пожелалъ видѣть портреты прежнихъ пасторовъ, то его и пригласили отправиться въ церковь. Церковь эта была построена на возвышенномъ мѣстѣ и видъ отсюда открывался довольно обширный, хотя и однообразный: низменные равнины, пустыри и только лишь вдали, на западѣ, чуть поблескивала полоска—тамъ было море.

— А вонъ, видите тамъ мысокъ,—заговорилъ кистеръ,—вонъ тамъ—неподалеку отъ того островка? Тамъ стоялъ когда-то домъ моего отца... Но въ 1634 году, во время большого наводненія, его унесло въ море вмѣстѣ съ сотнею другихъ жилищъ. Я уцѣпился за крышу, а потомъ меня выбросило на берегъ... Отецъ же и братъ мой погибли.

Мальчикъ, который уже былъ на рукахъ пастора, крѣпко обвилъ рученками его шею и прижался нѣжнымъ личикомъ къ черному бородатому лицу священника, какъ-бы ища защиты отъ грозныхъ волнъ безпредѣльнаго моря, поблескивавшего вдали.

Вступивъ въ церковь, художникъ осматривалъ старые портреты и увидѣлъ, что эта живопись—произведение кисти маляра, а не артиста, и подумалъ: работа ученика ванъ-деръ Гельста будетъ красоваться рядомъ съ подобными грошевыми портретами!...

Въ эту минуту суровый голосъ пастора произнесъ:

— Я противъ того, чтобы изображеніе брэннаго тѣла, праха—оставалось послѣ отлета души... Но я не хотѣлъ идти наперекоръ желанію общины, а потому прошу васъ, мастеръ, снять портретъ съ меня поскорѣе: время для меня дорого, я не могу тратить его на подобныя пустяки.

Герръ Іоаннъ, которому физіономія этого мрачнаго пастыря понравилась, обѣщалъ не тянуть дѣла и тутъ же спросилъ о рѣзномъ изображеніи Дѣвы Маріи (братъ расхвалилъ ему это произведеніе).

Пасторъ улыбнулся почти презрительно и отвѣтилъ:

— Вы слишкомъ поздно явились сюда. Это рѣзное

изображеніе разбилось въ куски, когда его выносили отсюда... Я приказалъ удалить его изъ церкви.

Художникъ посмотрѣлъ на пастора съ нѣкоторымъ испугомъ и проговорилъ:

— Вы не потерѣли въ вашей церкви изображенія Матери Спасителя...

— Черты Ея лица никто не оставилъ намъ, мы не знаемъ ихъ.

— Хорошо, но развѣ вы не допускаете мысли о силѣ творчества? Развѣ искусство не можетъ создать образъ Дѣвы Маріи? Кисть или рѣзецъ въ рукѣ вдохновеннаго художника дѣлаетъ чудеса.

Пасторъ мрачно поглядѣлъ на живописца, и немного помолчавъ, сталъ запальчиво говорить въ духѣ протестантизма.—Молитесь и будьте на стражѣ, бодрствуйте! Ибо сатана и здѣсь рыщетъ изъ дома въ домъ... Искусство всегда мировило земному, любезничало съ міромъ!..

Во время этой рѣчи глаза лютеранскаго пастора горѣли мрачнымъ огнемъ, но рука его нѣжно гладила головку блѣднолицаго мальчика.

Герръ Іоаннъ, засмотрѣвшись на ребенка, ничего не отвѣтилъ священнику, а затѣмъ всѣ они вышли изъ церкви и отправились въ домъ кистера. „Пора и за дѣло было принятыся (пишетъ авторъ рукописи), поелику хотѣлось мнѣ благородное искусство мое попытать на противникѣ его“.

Почти ежедневно утромъ отиравался герръ Іоаннъ въ деревню и всегда находилъ пастора въ жилищѣ эконома. Они мало разговаривали, за то работа двигалась быстро впередъ. Экономъ обыкновенно сидѣлъ тутъ же и старательно вырѣзывалъ изъ дубоваго дерева разныя вещицы. „Въ сихъ мѣстахъ (замѣчаетъ мастеръ Іоаннъ) всѣ работами рѣзными занимаются. Ящичекъ, надъ коимъ тогда экономъ трудился, купилъ я у него, и много лѣтъ тому назадъ положилъ къ нему листы *первыя* записокъ сихъ... Питаю надежду, что съ помощію Божіею и *последніе* въ него вложу“.

Пасторъ не приглашалъ къ себѣ художника, который и самъ не заходилъ къ нему. Мальчикъ всегда сопровождалъ отца и, во время сеансовъ, или стоялъ прижавшись къ его колѣнямъ, или игралъ на полу съ дубовыми деревяшками.

Однажды какъ-то живописецъ спросилъ ребенка, какъ его зовутъ, и получилъ въ отвѣтъ: „Іоанномъ“.

— Іоанномъ? Такъ и меня зовутъ...

Мальчикъ поглядѣлъ на него съ удивленіемъ, но ничего больше не сказалъ.

„Почему взоръ ребенка сего въ глубину души моей проникалъ?“ спрашиваетъ герръ Іоаннъ и пишетъ далѣе:

„И случилось однажды такъ, что взглядъ мрачный пастора меня уловилъ въ тотъ моментъ, когда я о семь размышляя, праздно кисть свою на палитрѣ держалъ... Въ выраженіи лица этого ребенка нѣчто особенное было, нѣчто такое, чего еще жизнь малая его на черты напечатлѣть не могла, и выраженіе то было не веселое... Такъ, думалось мнѣ, должно смотрѣть такое только дитя, которое выношено подъ скорбящимъ сердцемъ. И часто у меня было желаніе младенца обнять, но тотъ суровый человѣкъ пугалъ: онъ, повидимому, надъ мальчикомъ, какъ надъ сокровищемъ дрожалъ. Часто также спрашивалъ я себя: какова мать этого мальчика?.. Однажды старухѣ-служанкѣ кистеровой вопросъ я задалъ о женѣ пастора, но старуха криво отвѣчала мнѣ: „Не знаемъ мы ея. Она къ крестьянамъ не жалуетъ ходить, развѣ что на крестины, либо на свадьбу придетъ“... Самъ же пасторъ о женѣ своей никогда слова не молвилъ. Однакоже изъ сада церковнаго дома разъ я примѣтилъ ее — медленно шла она къ дому своему черезъ выгонъ, но лица ея видѣть не могъ, потому что она шла въ противополож-

ную отъ меня сторону. Только стройный станъ женщины молодой, да кудри ея, по вѣтру развѣвавшіяся, примѣтилъ я... Такую прическу во время то носили лишь дамы благороднаго происхожденія, либо знатнаго рода. И тутъ образъ ея мрачнаго супруга предсталъ предъ моимъ умственнымъ взоромъ и невольно подумалъ я: чета эта другъ другу не соотвѣтствуетъ...

Въ тѣ дни, когда художникъ не ходилъ въ деревню, работалъ онъ надъ картиной „Воскресеніе Лазаря“, такимъ образомъ та и другая работа все таки двигались впередъ, что радовало его.

Однажды вечеромъ, по окончаніи дневныхъ трудовъ, герръ Іоаннъ и братъ его сидѣли у окна въ одной изъ комнатъ нижняго этажа. Было около одиннадцати часовъ. Свѣча почти уже логорѣла. Братья вели тихую бесѣду о быломъ, вспоминали о жизни подъ отчей кровлей и о преждевременной утратѣ единственной своей сестры, которая (давно уже это было) умерла скорѣй по-выходѣ замужъ. Оконные ставни не были закрыты, и оба брата любовались темнымъ, звѣзднымъ небомъ.

Наконецъ приутихли мы и думаемъ отдались (пишетъ герръ Іоаннъ), и тутъ мысли мои устремились мрачнымъ потокомъ къ той, съ которою мысленно я не разлучался никогда... Внезапно мысль одна, точно лучъ свѣта незримаго, душу мою озарила: *вѣдь ми этою прекраснаго, блѣднолицаго мальчика — были ся очи!* И какъ же я таковой случайности не примѣтилъ ранѣе?! Ну, а ежели тамъ, на выгонѣ, видѣлъ я ее, Катерину мою, шедшую къ дому? Отъ разныхъ, ужасающихъ свойства, представленій помутилось въ головѣ моей...

Тутъ братъ коснулся плеча моего и на темную площадь базарную указалъ, на коей въ этотъ моментъ огонечки яркіе замелькали.

— Погляди-ка, — промолвилъ онъ, — вѣдь толпа со свадьбы литейщика возвращается! По факеламъ примѣтить можно, что несущіе ихъ едва держатся на ногахъ.

И точно, огонечки пляшущіе свидѣтельствовали о томъ, что пирушка свадебная была изрядно веселая.

Когда толпа мимо окна нашего шествовала, дабы войти въ Торговую улицу, услышалъ я, какъ кто-то сказалъ: „Э, братъ, конечно! То дѣволъ штуку скверную съ нами сыгралъ! А мнѣ давно послушать желалось, каково-то заправская колдунья стала бы на кострѣ, среди пламени, распѣвать!..“

Веселая компанія, освѣщенная факелами, скрылась, и въ городкѣ снова воцарились тишина и мракъ.

— Увы! вздохнуть братъ мой, — не только этого человѣка, но и компанію его, то печалить, что меня радуетъ!..

Тутъ лишь припомнилось мнѣ, что на утро слѣдующаго дня въ городкѣ

этомъ предстояло страшное зрѣлище... То правда, что персона молодая, которую, будто бы за доказанную связь ея съ сатаной, на сожженіе обрели, найдена была нынѣ утромъ мертвою въ темницѣ своей, тѣмъ не менѣе постановлено было казнь эту учинить надъ трупомъ покойницы.

Смерть несчастной жертвы невѣжества и суевѣрія обманула ожиданіе горожанъ. Когда герръ Іоаннъ зашелъ за газетнымъ листкомъ въ книжную лавочку вдовы Гертруды (лавочка находилась въ нижнемъ этажѣ церковной башни), вдова Гертруда стала горько жаловаться ему, что вотъ „пѣснь“, которую она заказала сочинить по случаю публичнаго сожженія колдуньи — теперь оказывается со-всѣмъ *неподходящей*, а вѣдь она, вдова, велѣла напечатать эту „пѣснь“... „Ну, и несую убытокъ!“... заключила Гертруда...

„Я же и дорогой братъ мой (замѣча-

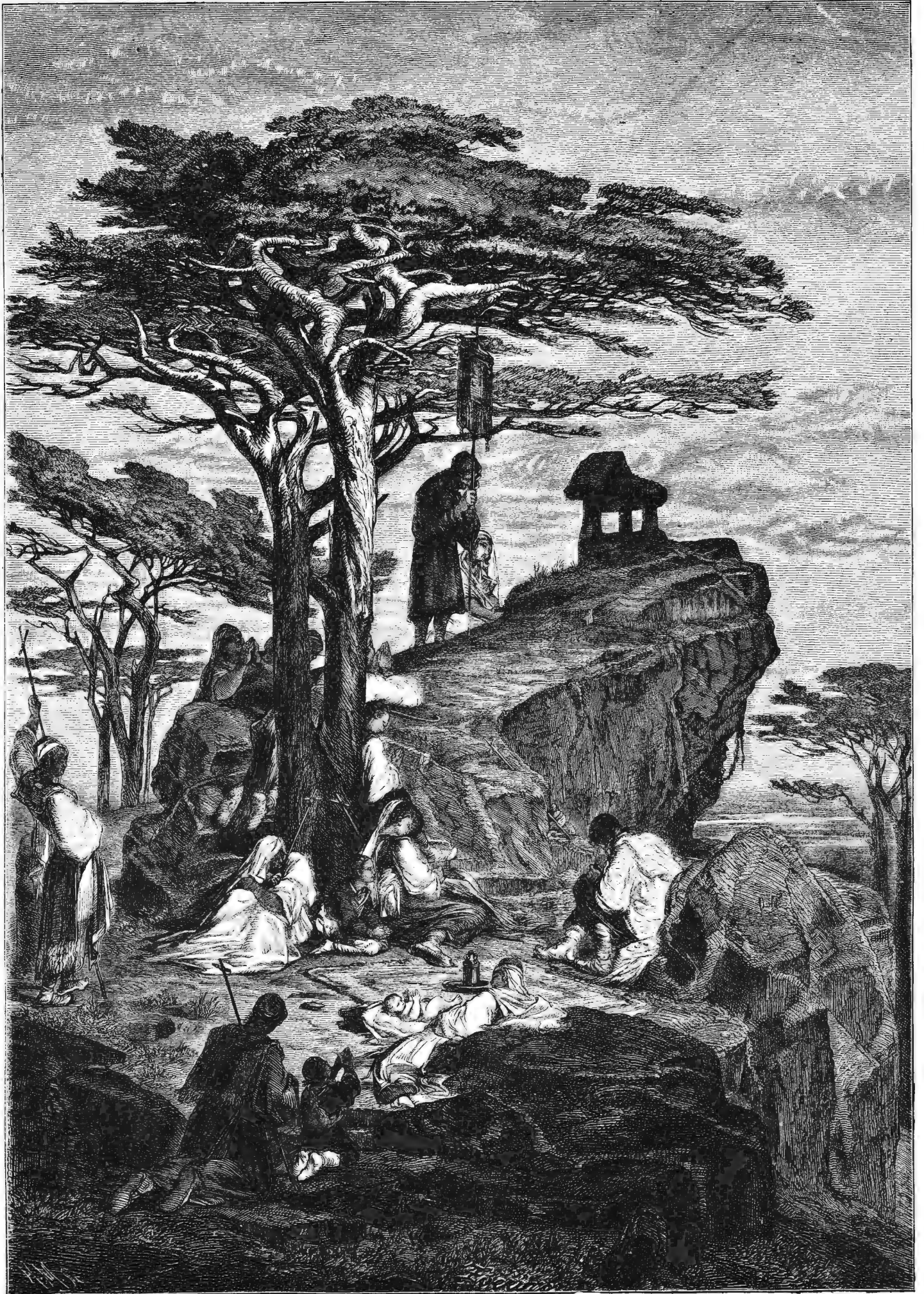
етъ герръ Іоаннъ) собственныя мысли свои касательно колдованія и вѣдмъ имѣли, а потому и радовались мы, что Господь Богъ милосердный, эту несчастную, молодую персону, отозвавъ къ Себѣ, тѣмъ самымъ избавилъ ее отъ смерти мучительной“.

Городской секретарь, имѣвшій доброе, чувствительное сердце, сталъ жаловаться брату на тяготу своихъ служебныхъ обязанностей. Ему, какъ секретарю при ратушѣ, предстояло прочесть во всеуслышаніе судебный приговоръ (въ то время, когда палачъ подвезетъ къ крыльцу ратуши трупъ *колдуньи*), а затѣмъ присутствовать при совершеніи казни.

Водяной паукъ *Argironeta aquatica*) и его подводное жилище.

Рис. Лаплаганъ, грав. Факс.

Вогомольцы въ Албаніи. Рис. Профессоръ Ф. Звѣринъ, грав. Михайловъ. Библиотека "Руниверс"

— У меня,—сказал онъ,—и теперь уже, при одной мысли, какъ толпа недовольная станетъ бушевать—сердце надрывется! Вѣдь всѣ эти ученики цеховыхъ мастеровъ и школьники будутъ освобождены отъ занятій на это утро... Большая толпа соберется! Я бы на твоёмъ мѣстѣ—а ты вѣдь вольный человекъ,—прибавилъ секретарь,—ушелъ бы на это время туда, въ деревню, и рисовалъ бы тамъ портретъ черномазаго пастора!

„Не смотря, однако-же, на уговоръ мой съ пасто-

ромъ (такъ пишетъ художникъ), которому сказалъ я, что только послѣ завтра приду портретъ рисовать,—удалось брату моему меня уговорить отправиться утромъ слѣдующаго дня въ деревню. Уговаривая меня, братъ и подозрѣнія не имѣлъ, что собственную нетерпѣливость мою подстрекаетъ... И, такимъ образомъ, то совершилось, чему предопредѣлено было совершиться и о чемъ я на страницахъ нижеслѣдующихъ записалъ правдиво“.

(Продолженіе будетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

ЭРЗЕРУМЪ.

Эрзерумъ, иначе Арзерумъ, расположенъ въ углу некрасивой долины, окруженной снѣжными вершинами. Городъ стоитъ на возвышеніи, на скатѣ горы; видъ его мрачный, дома мизерны; улицы кривы, грязны, немощены, шириною всего въ нѣсколько ярдовъ, такъ что человекъ, шагая по плоскимъ крышамъ домовъ, легко можетъ пройти съ одного конца города до друго-го. Тѣмъ не менѣ Эрзерумъ столица Малой Азіи, съ 60,000 населеніемъ изъ турокъ и армянъ, средоточіе большого торговаго пути изъ Тавриза въ Константинополь и главное складочное мѣсто товаровъ, привозимыхъ изъ лучшихъ городовъ Турціи. Крѣпость Эрзерумская съ двойными стѣнами, окружена широкимъ и глубокимъ рвомъ. Предмѣстья города также окружены валомъ и рвами. Точное время постройки Эрзерума неизвѣстно, но несомнѣнно, что 1,500 лѣтъ тому назадъ, Θεодосій, укрѣпивъ Эрзерумъ большимъ фортомъ, сдѣлалъ его столицей Арменіи, и что въ 632 году патриархъ Эзра съзвалъ здѣсь соборъ по приказанію императора Ираклія. Со всѣмъ тѣмъ, мѣсто это классическое и пылъ равнины, лежащей позади укрѣпленій, была вздымаема ногами знаменитыхъ 10,000, которые подъ предводительствомъ Ксенофонта, обнаружили предъ міромъ слабость Персіи. Существуетъ преданіе, будто дезертирами изъ арміи Ксенофонта построено одно изъ сохранившихся селеній, жители котораго и понынѣ говорятъ на болѣе чистомъ греческомъ языкѣ, чѣмъ любые изъ представителей этой націи, поселившіеся въ этой мѣстности.

Эрзерумъ открываетъ собою прямой путь къ берегамъ Босфора, и потому во всѣхъ нашихъ войнахъ съ турками занятіе Эрзерума всегда составляло главную нашу цѣль на азиатскомъ театрѣ войны. Паденіе его можетъ имѣть большое значеніе въ ходѣ войны и отсюда понятно то вниманіе, съ какимъ граничная печать слѣдитъ за результатами нашихъ наступленій на этотъ городъ.

Однако же, какъ говорятъ очевидцы, въ данное время въ Эрзерумѣ ничто не напоминаетъ о томъ, чтобы городъ служилъ операционнымъ базисомъ войны и незамѣтно никакого движенія по дорогѣ, ведущей къ главной квартирѣ Мухтарпашы. Неправильная въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, дорога отъ Трапезунда до Эрзерума испорчена такъ, что полевыя орудія приходится тащить людьми изъ окрестныхъ деревень, которыхъ турки принуждаютъ къ тому силою. Рассказы-ваютъ, что до трехъ сотъ крупновскихъ пушекъ и множество телѣгъ съ амуницией и снарядами заброшено въ пути по невозможности ихъ вытащить изъ грязи и выбоинъ. Встрѣчаются толпы оборванныхъ солдатъ, вмѣстѣ съ черкесами и банибузками, всѣ громко жалующіеся на нищету и голодь. Нѣкоторымъ солдатамъ жалованья не платили уже цѣлый годъ. Жители Эрзерума недовольны постоемъ солдатъ въ ихъ домахъ. Цѣны на провизію съ каждымъ днемъ увеличиваются. Таково положеніе этой мѣстности и говорятъ, что мусульманское населеніе, отказываясь служить туркамъ, съ радостью оказываетъ услуги русскимъ, щедро расплачивающимся за все сдѣланное имъ. Такъ, видѣли мусульманъ, тащившихъ русскія пушки и доставлявшихъ провизію въ русскій лагерь. Изъ всего этого можно заключить, что осада Эрзерума не будетъ такова, чтобы занять мѣсто въ числѣ трудныхъ осадъ настоящаго времени.

Судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, турки, послѣ взятія Баязета русскими войсками, дѣлаютъ всѣ усилія для того, чтобы привести Эрзерумъ въ возможно лучшее оборонительное положеніе. Горе Эрзеруму и его обитателямъ, если русская артиллерія, которую даже турецкіе офицеры считаютъ далеко лучшей ихъ артиллеріи, начнетъ бомбардировать городъ. Эрзерумъ, не смотря на то, что считается столицей Малой Азіи, есть ничто иное, какъ громадная куча деревянныхъ домовъ и хижинокъ, въ окнахъ которыхъ вмѣсто стеколъ—масляная бумага. При бомбардированіи городъ въ первый же день будетъ сожженъ. Понятно поэтому, съ какимъ чувствомъ жители Эрзерума, безъ различія религіи и національности, ожидаютъ дальнѣйшаго хода событій, особенно послѣ паденія Баязета и Ардагана. Нужно замѣтить, что мусульмане, прибывшіе въ Эрзерумъ изъ Баязета и другихъ занятыхъ русскими мѣстъ, от-

носятся въ высшей степени дестно о дисциплинѣ русскихъ войскъ и объ ихъ обращеніи съ мѣстными жителями. Наиболѣе сильное впечатлѣніе произвело на мусульманскихъ жителей извѣстіе, что русскіе, занявъ Баязетъ, поставили во главѣ введеннаго ими тамъ управленія мусульманскаго каймакама Шерифъ-Шивича-Оглу-эффенди. Если же таково настроеніе мусульманъ, то каковы должны быть чувства 200,000 христіанскаго населенія вилайета? По крайней мѣрѣ армяне, составляющіе треть всего населенія Эрзерума, не скрываютъ своей симпатіи къ Россіи. Дѣло въ этомъ отношеніи дошло уже до того, что турецкія власти нашли нужнымъ обсуждать вопросъ, не лучше ли будетъ, въ виду возможности осады Эрзерума, удалить христіанскихъ жителей этого города въ Ванскій и Мушскій округа и прибѣгнуть для этого, въ случаѣ надобности, даже къ силѣ. Наиболѣе зажиточная часть христіанъ уже покинула, впрочемъ, Эрзерумъ, опасаясь бомбардировки; остались только болѣе бѣдные жители, которые, по мнѣнію генераль-губернатора, и окажутся въ городѣ весьма нехоти во время осады. На рѣшеніе участи Эрзерума окажетъ также весьма важное вліяніе незначительность находящагося тамъ гарнизона и доставка провіанта. По извѣстіямъ изъ вполнѣ достовернаго источника, въ Эрзерумѣ находится провіанта только на 90 дней, да и то лишь для 1,500 человекъ; численность же гарнизона, включая и артиллерію, доходитъ до 4 тысячъ человекъ. Изъ этого видно, что для взятія Эрзерума достаточно будетъ блокировать его. Съ паденіемъ же Эрзерума будетъ рѣшена и участь эрзерумскаго вилайета и вся Арменія будетъ тогда потеряна для турокъ.

СУХУМЪ-КАЛЕ.

У подножія горнаго отрога, окружающаго съ трехъ сторонъ равнину, омываемую съ четвертой стороны водами Чернаго моря, расположенъ городъ Сухумъ-Кале.

Самый городъ имѣетъ чрезвычайно красивый видъ; вдоль всего города идетъ шоссе съ окаймляющими его по обѣимъ сторонамъ бульварами. Ботаническій садъ въ Сухумѣ устроенъ по проекту генерала Раевского для разведенія лучшихъ виноградниковъ, фруктовыхъ деревьевъ и тропическихъ растений. Рейдъ Сухумъ-Кале, обширный, глубокой, никогда не замерзающій, считается единственнымъ на восточномъ берегу Чернаго моря, хотя, за немнѣніемъ хорошихъ путей сообщенія съ внутреннимъ краемъ, онъ далеко уступаетъ въ торговомъ отношеніи Потійскому порту. По сказаніямъ греческихъ и римскихъ писателей, на мѣстѣ нынѣшняго Сухумъ-Кале въ древности находилась Великая Диоскурія. Груды развалинъ, обширныя трубы и каналы сохранились донынѣ. Но, вѣстатъ замѣтить, эти трубы и каналы до такой степени засорились, подернулись тиной, что образовали собою искусственная болота и произвели лихорадки, никогда теперь неоставляющія городъ.

Въ 1785 году турки, занявъ восточный берегъ Чернаго моря, построили здѣсь крѣпость, сдѣлавшуюся резиденціей главнаго пашы, котораго прислала порта для управленія татарскимъ берегомъ. Отсюда производился торгъ невольниками; но туземцы, притѣсняемые правительствомъ, взбунтовались и взяли Сухумъ подъ предводительствомъ Леванъ-бея и Сефиръ-бея. Тѣмъ не менѣ побѣдители удержать крѣпость не могли и Леванъ-бей продалъ ее туркамъ за 24,000 р. с. Далѣе крѣпостью овладѣлъ сынъ Леванъ-бея—Калишъ. Безпорядки, однако, не прекращались и по прежнему изъ-за обладанія крѣпостью шли несогласія, велись войны, такъ что русское правительство нашло нужнымъ, наконецъ, послать свои войска къ Сухуму и въ 1800 году крѣпость была взята русскими, а Сефиръ-бей назначенъ правителемъ. Адрианопольскимъ миромъ въ 1829 г. Турція отказалась навсегда отъ обладанія восточнымъ берегомъ Чернаго моря. Въ 1832 году въ Сухумѣ учреждена таможня; въ 1848 году онъ возведенъ на степень портового города, а съ 1866 г. Сухумъ сдѣланъ главнымъ городомъ, въ которомъ живетъ начальникъ Сухумскаго военнаго отдѣла.

Объ участіи, постигнутой Сухумъ-Кале во время настоящей войны, мы имѣли уже случай сообщить въ политическихъ и военныхъ извѣстіяхъ „Нивы“ (см. № 20, стр. 337) и теперь можемъ выразить только надежду, что городъ этотъ, благодаря

своему счастливому положению (въ смыслъ удобства для стоянки судовъ), въ свое время не замедлитъ застроиться.

ТУРЕЦКАЯ СТРАЖА.

Не смѣемъ предполагать, чтобы талантливый авторъ этого рисунка имѣлъ въ виду зло подсмѣяться надъ современнымъ состояніемъ Турціи, изображая въ такомъ видѣ ея стражу. Всего вѣроятнѣе, что этотъ рисунокъ сдѣланъ имъ съ натуры еще во время первой его поѣздки въ Русукъ (мѣсяца два назадъ). Но не можемъ не обратить вниманія на странное совпаденіе обстоятельствъ: ослабѣвшій и видимо изнемогающій стражъ, какъ бы олицетворяетъ собою современное положеніе Турціи какъ въ политическомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; будьто, конечно, не можетъ не напомнить собою Англии уже по одному тому, что его родоначальники получили свое земное бытіе въ этой странѣ „просвѣщенныхъ мореплавателей“, а при видѣ мрачной птицы, упыло посматривающей съ высоты на ослабѣвшаго стража, опять такъ нельзя не припомнить римскаго первосвященника, который, какъ извѣстно, тоже не менѣе англичанъ смнатицируетъ туркамъ и благословляетъ ихъ войну съ нами.

Все это, разумѣется, мы высказываемъ не въ объясненіе рисунка, неизмѣющаго въ себѣ и тѣни политической сатиры, а собственно по поводу его совпаденій съ характеромъ турецкихъ дѣлъ въ настоящее время.

Водяной паукъ (ARGIRONETA AQUATICA).

Не смотрите съ отвращеніемъ на вѣншее безобразіе паука, а всмотритесь внимательно въ образъ жизни, который онъ ведетъ, въ его поступки, отличающіеся разумной находчивостью. Вѣчный работникъ, онъ каждый день, каждый часъ долженъ извлекать изъ себя часть ткани для приобрѣтенія себѣ пищи. Чтобы выдѣлать изъ себя паутину, паукъ долженъ питаться, и чтобы питаться, онъ долженъ выдѣлать паутину. Нѣтъ основанія упрекать паука въ прожорливости, когда онъ долженъ питаться вдвойнѣ: для того, чтобы возстановить свое тѣло и для того, чтобы возстановить свою нить. Едва ли есть другое существо, которое было бы въ такой зависимости отъ случая, какъ паукъ. Неспособный къ быстрому преслѣдованію добычи, онъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что случайно попадетъ въ его тенета, а между тѣмъ сильный вѣтеръ, проливной дождь, черезъ-чуръ большая муха, запутавшаяся въ сѣтяхъ и старающаяся освободиться—все можетъ разрушить сѣть паука до основанія. Разорвутся нѣсколько разъ сряду нити—паукъ обреченъ голодать, потеряетъ способность выдѣлать свою паутину и такимъ образомъ долженъ будетъ погибнуть отъ голода. Паукъ такъ много испытываетъ несчастій, что въ немъ остается очень немного смѣлости. Въ своей паутинѣ онъ робѣетъ при видѣ самаго ничтожнаго существа: и муха, и муравей могутъ напугать его. Ожиданіе и надежда составляютъ отличительную черту его жалкаго положенія.

Строеніемъ своего тѣла паукъ сходенъ съ насѣкомыми: ни костей, ни легкихъ не имѣетъ; кровь его бѣлая, не выдыхаетъ воздуха ртомъ. Тѣло паука раздѣляется на двѣ части: голово-грудь, сросшіяся, и брюшко. Глазъ у паука 8; около рта находится родъ клещей. Каждая челюсть состоитъ изъ короткаго, толстаго членика, на концѣ котораго находится подвижной зубецъ. Около конца зубца есть небольшое отверстіе, чрезъ которое вытекаетъ ядъ изъ желѣзки, находящейся въ голово-грудѣ паука. Этотъ ядъ паукъ выпускаетъ въ тѣло своей добычи. Питается онъ различными насѣкомыми, но не глотаетъ ихъ цѣликомъ, а съѣдаетъ только мягкія части или высасываетъ кровь.

Ногъ у паука четыре пары; онѣ прикрѣплены къ нижней части груди. Брюшко соединяется съ голово-грудью стебелькомъ. На нижней части брюшка находятся служащіе для дыханія два, такъ называемые *дыхальца*. На самомъ концѣ брюшка помѣщается паутинный снарядъ—бугорки, изъ отверстій которыхъ вытекаютъ нити паука. Эти нити похожи на шелкъ шелковичнаго червя и другихъ гусеницъ, но гораздо тоньше. Впрочемъ, не всѣ нити имѣютъ одинаковую тонину. Одни изъ натуралистовъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ трубочекъ бугорковъ толще другихъ и слѣдовательно даютъ болѣе толстыя нити. Ногѣ служатъ единственнымъ вспомогательнымъ орудіемъ пауку при тканіи паутины: съ помощью вооружающихъ ихъ когтей онъ раздѣляетъ паутину на нѣсколько нитей. Размножаются пауки яйцами. Видовъ пауковъ великое множество. Вообще они относятся къ животнымъ полезнымъ, такъ какъ истребляютъ много вредныхъ насѣкомыхъ. Мелкіе пауки для человѣка не страшны; ядовитые зубы ихъ не настолько сильны, чтобы могли прокусить кожу человѣка.

Рисунокъ, помѣщенный въ этомъ № „Нивы“, представляетъ поверхность и дно пруда, на которомъ водяные пауки устроили свои жилища. Водяной паукъ даетъ собою образчикъ животнаго, дышащаго подъ водою атмосфернымъ воздухомъ. Устроивъ свое жилище подъ водою, въ формѣ яйца, или вѣрнѣе похуже на половину жолудя, разрѣзаннаго поперечно, водяной паукъ наполняетъ его воздухомъ. Какимъ образомъ это дѣлается—остается еще вопросомъ неокончательно рѣ-

шеннымъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, водяные пауки собираютъ кислородъ, выдѣляемый подводными растеніями и появляющійся на нихъ въ видѣ воздушныхъ пузырьковъ; по мнѣнію другихъ, и именно по изслѣдованію извѣстнаго натуралиста Бэлла, оказывается, что они добываютъ воздухъ въ свои жилища съ поверхности воды. Наблюденія этого ученаго показали ему, какъ водяные пауки, приготовивъ себѣ помѣщеніе подъ водою, поднимались по паутинкѣ, которую они прикрѣпляли къ листьямъ растеній, на поверхность, повертывались брюшкомъ кверху, выставляли его на воздухъ, а потомъ быстро, быстро, дѣлая какъ бы прыжокъ, складывали свои заднія ноги и опускались по той же паутинѣ къ своей ячейкѣ. Этотъ маневръ они повторяли нѣсколько разъ и, видимо, что они такимъ образомъ схватывали воздушные пузырьки. Яйца свои паукъ кладетъ въ ячейкѣ, свивая коконъ и прикрѣпляя его къ стѣнѣ ячейки. Въ коконѣ заключаются до 100 очень мелкихъ яицъ. Въ ячейкѣ молодые пауки остаются пока не въ силахъ сами устроить себѣ помѣщеніе и поситъ въ него свою добычу. Цвѣтъ водяного паука коричневый съ сѣровой поверхностью. Густые волоски покрываютъ его тѣло. Водится преимущественно въ тихой водѣ, капавахъ, прудахъ и озерахъ
Л.

Богомольцы въ Албани.

„Нива“ уже имѣла случай говорить объ одномъ изъ албанскихъ племенъ, именно о миридитахъ (см. „Ниву“, № 22). Рисунокъ, помѣщенный въ настоящемъ №, представляетъ албанцевъ-богомольцевъ, во время посѣщенія ими одной изъ многихъ часовенокъ, воздвигнутыхъ ревностностью ревностныхъ сыновъ этого племени. Извѣстно, что горы, проходящія по восточной сторонѣ Албаніи, склоняются утесами къ морю; вотъ на такомъ-то изъ утесовъ и высится изображенная на нашемъ рисункѣ часовенка, видимо бѣдная, какъ и самое племя, ее соорудившее. Къ этой часовенкѣ, какъ къ конечному пункту „богомолья“ пришла, замѣтно, цѣлая процессія, съ крестомъ въ рукахъ и даже съ хоругвью; нѣкоторые изъ пришедшихъ уже успѣли сѣсть на отдыхъ, нѣкоторые еще молятся. Вотъ содержаніе картинки. Судя по ревностной преданности религіи (по крайней мѣрѣ къ ея обрядовой сторонѣ) миридитовъ, всего скорѣе можно признать въ этихъ богомольцахъ именно ихъ, а не другихъ представителей албанскаго племени.

Нужно замѣтить, что всѣ албанцы прежде были христіанами, но по смерти ихъ героя Скандербека, въ 1467 г., значительная часть этого племени перешла въ магометанство, въ которомъ остается и до сихъ поръ за малыми исключеніями. Миридиты, какъ сказано выше, исповѣдуютъ католическую религію, подпавъ такимъ образомъ подъ власть римскаго первосвященника. Въ настоящее время они находятся въ весьма неопредѣленномъ положеніи, не зная, въ которую сторону идти. Турція имъ ненавистна, они явно противъ нея встаютъ, но непогрѣшимый папа не одобряетъ ихъ дѣйствій, видя въ этихъ дѣйствіяхъ первые шаги къ переходу миридитовъ въ православіе. Положеніе крайне неловкое и—Богъ знаетъ, чѣмъ оно въ концѣ концовъ разрѣшится. Быть можетъ, даже это богомолье предпринято съ тою цѣлью, чтобы облегчить тотъ тяжелый нравственный гнетъ, какой несомнѣнно долженъ давить cadaго ревностнаго къ вѣрѣ миридита, такъ высоко всегда чтившаго своего первосвященника, теперь явно оказывающагося на сторонѣ ненавистнаго султана.

Скажемъ нѣсколько словъ объ Албани.

Албанія имѣетъ живописное мѣстоположеніе (700 квадр. миль между Ионическимъ и Адриатическимъ морями и цѣлью горъ отъ Перчерима до Аспропотама). Плодородныя долины, омываемыя Бѣлымъ и Чернымъ Дриномъ, Воюссой и Аспромъ даютъ въ изобиліи масличное дерево, хлопчатую бумагу, виноградъ, табакъ; въ сѣверныхъ частяхъ—рисъ, манс и хлѣбъ. Албанцы или арнауцы, по мнѣнію однихъ,—потомки иллирійцевъ, по мнѣнію же другихъ—албанцевъ, жившихъ въ Азіи между Кавказомъ и Каспійскимъ моремъ. Албанцы красивы, храбры, но отличаются суровостью горскихъ жителей. То, что мы говорили о миридитахъ въ частности, по отношенію къ ихъ правамъ и обычаямъ, то вообще примѣнимо и ко всѣмъ другимъ представителямъ албанскаго племени. Здѣсь нелишнимъ будетъ рассказать о старинномъ албанскомъ героѣ Скандербекѣ, память о которомъ до сихъ поръ живетъ среди албанцевъ.

Георгъ Кастриотъ, сынъ Иоанна Кастриота, владѣтеля Эматеи, былъ въ молодости отданъ въ залогъ Султану Амурату II въ 1423 г. Султанъ его воспиталъ въ магометанствѣ и потомъ далъ ему управленіе губерніей (санджакомъ). Храбрость доставила ему имя Скандера (Александръ) и титулъ бел. По смерти отца его, Иоанна Кастриота, Амуратъ завладѣлъ его княжествомъ Эматеею—и Скандеръ бросилъ турокъ, стараясь возвратитъ отцовское наслѣдство. Онъ овладѣлъ столицею Албаніи, покорилъ въ теченіе одного мѣсяца всю страну и провозгласилъ себя (въ 1443 г.) владѣтелемъ Албаніи. Во всѣхъ битвахъ съ турками онъ всегда побѣждалъ ихъ и послѣ 18 лѣтней войны заключилъ съ султаномъ Магометомъ II въ 1461 году миръ. Вскорѣ началась снова война, но Скандербекъ умеръ (въ 1466 г.) и по смерти его Албанія подпала подъ власть турокъ.
М. Ж.

Какъ дѣлаются резиновые калоши.

Изобрѣтателями резиновыхъ калошъ были индѣйцы, обитатели Бразильскихъ странъ, гдѣ резиновыхъ деревьевъ были когда-то цѣлые лѣса. Способъ ихъ фабрикаціи состоялъ въ слѣдующемъ:

они изготовляли глиняныя формы и въ нѣсколько слоевъ покрывали ихъ резиновымъ сокомъ, причемъ каждый слой высушивался прежде, чѣмъ на него накладывался другой. Когда такимъ образомъ форма покрывалась слоевъ резины на достаточную толщину, ее держали нѣкоторое время въ дыму древеснаго огня, затѣмъ форма разбивалась и вынималась по кусочкамъ. Резиновые калоши стали извѣстны въ Соединенныхъ Штатахъ не раньше какъ съ 1825 года, именно когда одинъ бостонскій купецъ, по имени Томасъ Уэльсъ, въ незначительномъ количествѣ привезъ первобытное бразильское произведеніе. Какъ ни груба и не неприглядна была эта обувь, ее оцѣнили по достоинству, и для предохраненія ногъ отъ сырости предпочли ее бывшимъ до того времени въ употребленіи калошамъ. Вслѣдствіе этого, мистеръ Уэльсъ послалъ въ Бразилію большое количество хорошаго фасона формъ для изготовленія по нимъ калошъ. Вскорѣ торговля резиновыми калошами получила большое развитіе и черезъ три года изъ Бразиліи было вывезено уже полмилліона паръ такихъ калошъ въ Соединенные Штаты и Европу.

Еще раньше того какъ англичане, такъ и американцы пробовали примѣнить каучуковую смолу къ практическимъ цѣлямъ. Въ 1819 г. Гуммель въ Филадельфій получилъ патентъ на резиновый лакъ; въ томъ же году въ Англии, Макинтошъ изобрѣлъ непромокаемую пальто, которыя, подъ его именемъ, быстро распространились. Такие результаты, разумѣется, не были оставлены безъ вниманія предприимчивыми американцами; изобрѣтатели ревностно преслѣдовали цѣль по возможности удешевить производство вошедшихъ въ большой спросъ резиновыхъ калошъ. Въ 1832 г. Вайтъ Вебстеръ въ Нью-Йоркѣ получилъ патентъ на приспособленіе, посредствомъ котораго къ резиновымъ

калошамъ придѣлывалась подошва; въ слѣдующемъ году въ Роксбургѣ, въ Массачусеттѣ, была основана первая американская фабрика резиновыхъ калошъ, рукавовъ и проч., но способъ тогдашняго производства существенно отличался отъ теперешняго. Роксбургская фабрика резиновыхъ из-

дѣлій приняла огромные размѣры, ея акціи поднялись втрое и вчетверо противъ номинальной цѣны, и одновременно образовалось еще шесть другихъ обществъ для эксплуатированія этой вѣтви промышленности.

Въ 1835 г. Чарльзъ Гудайеръ открылъ способъ обработки посредствомъ селитряной кислоты, отнимающей у резины ея клейкость. Это вызвало новые методы въ производствѣ резиновыхъ галошъ, но особеннымъ усовершенствованіемъ обязано оно послѣдовавшему затѣмъ изобрѣтенію процесса вулканизации, который, хотя и въ измѣненной формѣ, примѣняется и въ настоящее время. Вотъ въ короткихъ словахъ исторія резиновыхъ калошъ, ставшихъ однимъ изъ необходимѣйшихъ предметовъ обыденной жизни, доказательствомъ чему служитъ то, что въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ ежегодно выдѣлывается ихъ до 6 милліоновъ паръ.

Нельзя не похвалить мысли „Национальной Гуттанерчевой Компаніи“ въ PROVIDENCE, которая выставила на Филадельфійской выставкѣ не только свои произведенія, но и свои машины, чтобы наглядно показывать посетителямъ способъ изготовленія резиновыхъ калошъ. Прилагаемая картинка показываетъ различныя операціи, посредствомъ которыхъ въ настоящее время комъ необра-

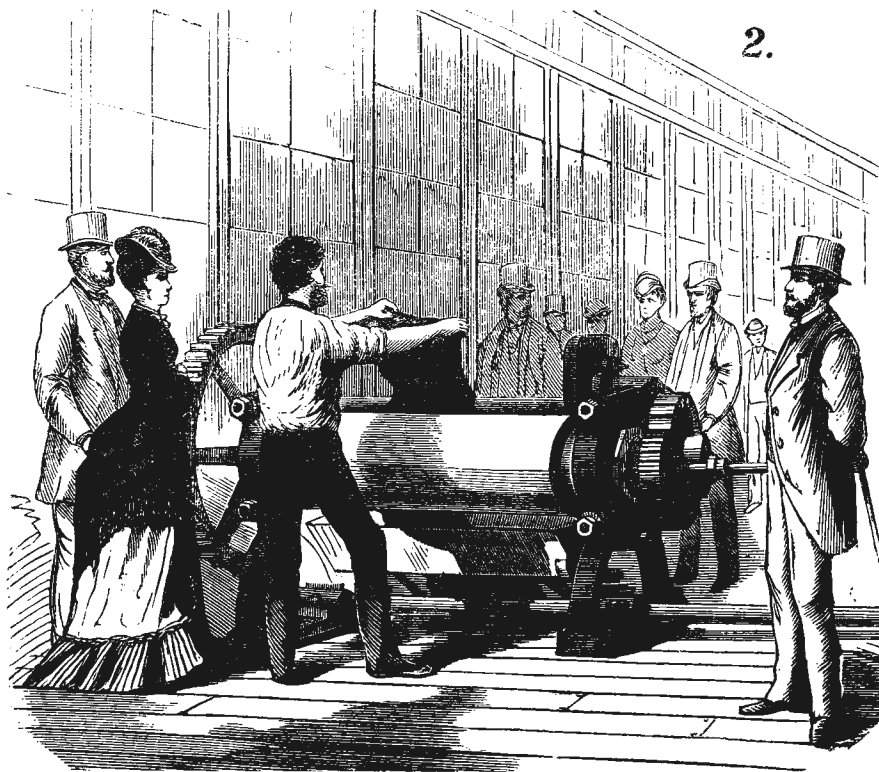
ботанной резины превращается въ элегантную обувь. На картинкѣ 1-й виденъ кусокъ сырой резины; эта масса разрѣзается ручнымъ ножомъ на куски извѣстной величины и про-

пускается между вальками, которые ее мѣсятъ и промываютъ дѣйствіемъ горячей воды; послѣ этой обработки масса принимаетъ видъ матта, какъ видно на картинкѣ 2. Затѣмъ ее опять прокатываютъ въ теченіе пятнадцати или двѣнадцати минутъ между гладкими, горячими вальками; во время этого процесса къ резинѣ примѣшивается сѣра, деготь и другіе ингредиенты. Послѣ этого резиновая масса превращается въ тонкую пластинку, въ видѣ длиннаго полотна, которое, пройдя еще черезъ пару вальковъ, гдѣ на немъ вытѣсняются контуры выкроекъ, а также

различныя украшенія, наматывается на барабанъ, какъ видно на картинкѣ 3-й. Между тѣмъ черная ткань, долженствующая служить подкладкой, накладывается на тотъ-же барабанъ и при вращеніи послѣдняго на него наматываются попеременно ряды каучуковыхъ листовъ и ткани. Остается крѣпко со-

1) Кусокъ сырой резины. 6) Лакированіе готовыхъ калошъ.
7) Тачка для перевозки калошъ въ печь.

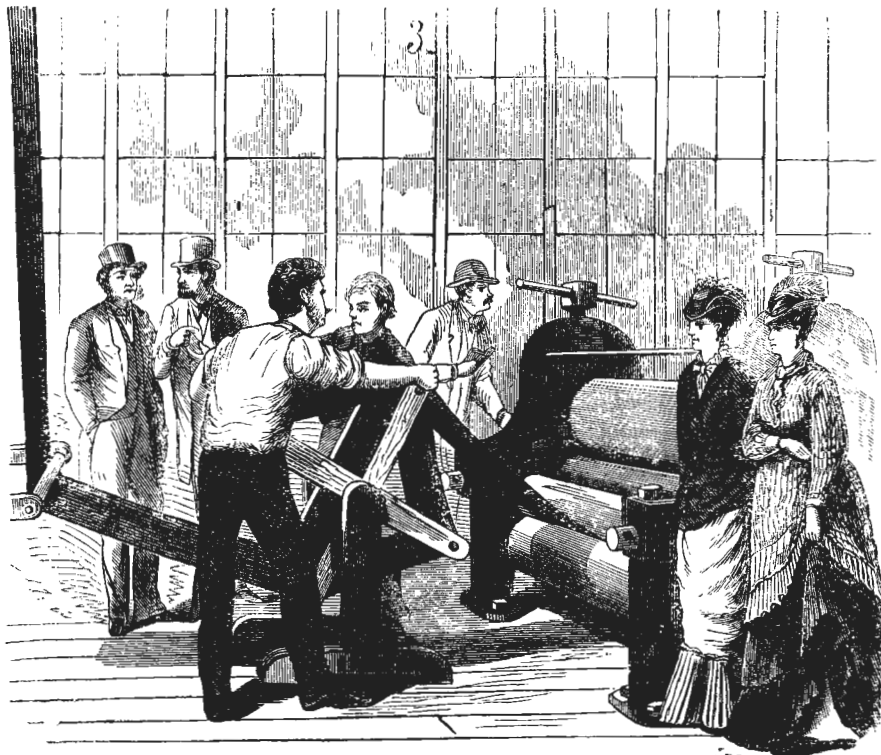
2) Валь для промывки резины.

единить между собою оба материала; это достигается пропусканием обоих плотнотеленных материалов между тя-

первой картинкѣ), и вотъ съ виду калоша готова, но на дѣлѣ еще нѣтъ: матерія еще слишкомъ мягка; въ такомъ состояннн при

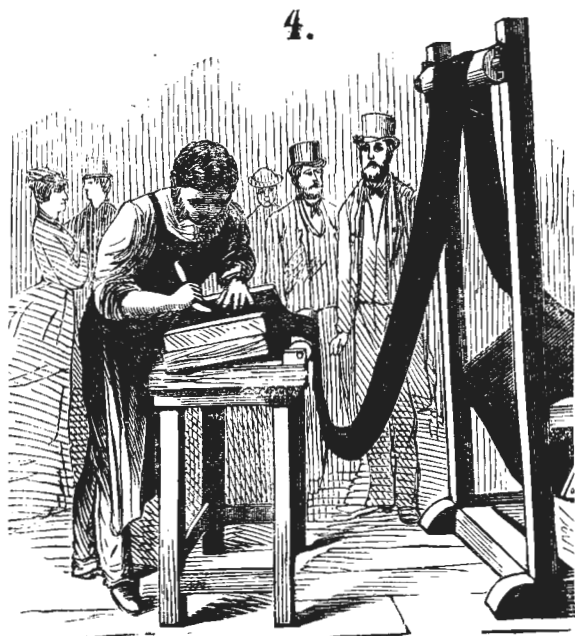
жельми вальками подѣ сильнѣмъ давлениѣмъ. Изъ приготовленннхъ такимъ образомъ листѣевъ, имѣющнхъ, смотря по частямъ, на которыя они назначаются, различную толщину, выкраиваются различныя части калошъ, какъ видно на картинкѣ 4-й. Работникъ проводитъ при этомъ кривымъ ножомъ по заранее отриснутымъ контурамъ. Каждая калоша состоитъ изъ девяти частей. Какъ скоро составныя части калоши выкроены, ихъ передаютъ мастерамъ, которыя сидятъ за высокимъ столомъ на возвышенныхъ стульяхъ. По серединѣ стола устроены желѣзныя грабли, держащія колодки, по которымъ формируются калоши. Составленне калоши, изображенное на картинкѣ 5, собственно говоря не трудно, но требуетъ нѣкоторой сноровки. Подкладка и

носкѣ калоша скоро бы растянулась и потеряла-бы всякій фасонъ. Остается еще процессъ вулканизированнн, послѣ чего калоша приобретаетъ твердость и крѣпость, не теряя вмѣстѣ съ тѣмъ своей эластичности. Фигура 7 изображаетъ позади рабочаго, занятаго лакировкой, пирамидальную желѣзную тачку, которую работникъ вдвигаетъ въ открытую дверцу. Въ постаментѣ укрѣплено нѣсколько рядовъ поперечныхъ жердей съ сидящими на нихъ отлакированными калошами. Когда экипажъ наполненъ, его вдвигаютъ въ вулканизационную печь, состоящую изъ узкаго выложеннаго изъ

3) Окончательная выдѣлка листа резины.

кирпича канала, черезъ который проходятъ длинныя паровыя трубы. Посредствомъ пара температура въ печи доводится до 150 град. Р.; въ теченн часовъ семи времени достигается пол-

4) Кройка резиновыхъ калошъ.

5) Составленне резиновыхъ калошъ.

внутренняя сторона накладываются на колодку, и потомъ по порядку слѣдующе куски, соединя ихъ каучуковой мастикой. Слѣдующая затѣмъ операція состоитъ въ лакированн (фиг. 6 на

ная вулканизация, состоящая въ томъ, что резина приходитъ въ химическое соединенне съ сѣрой и другими примѣшанными къ ней, какъ выше упомянуто, ингредиентами.

Человѣкъ-автоматъ.

Въ госпиталѣ св. Антонн въ Парижѣ находится одинъ человекъ, исполняющн обыкновенную должность больничнаго служителя, но подверженнн каждый мѣсяцъ такимъ необыкновеннымъ припадкамъ, которые, не смотря на обиле въ медицинской литературѣ странныхъ случаевъ, едва ли найдутъ себѣ что-либо равное. Болѣзнь ведетъ свое начало отъ раны, по-

лученной этимъ замѣчательнымъ субъектомъ въ кровопролитномъ сраженн въ день седанской битвы. Пуля попала въ лѣвую височную кость, и вслѣдствне произведенныхъ ею поврежденн явился въ мозговой массѣ, какъ обыкновенно, параличъ членовъ на противоположной сторонѣ тѣла, а именно правой руки и правой ноги. Послѣ двухъ лѣтъ тщатель-

наго лечения, парализы этот почти прошел; пациент может исправлять почти все госпитальные работы, и отличается веселым расположением духа и добросовестностью в исполнении своих обязанностей. Но каждый месяц, в продолжении одного или двух дней, в организм этомъ происходит кака-то таинственная перемена, таинственная уже потому, что обыкновенный наблюдатель может не замѣтить ея. Человѣкъ этотъ встаетъ, одѣвается, ходитъ, принимается за свои обычные занятія, свертываетъ свою папироску, курить, светит, и ѣсть. Однако внимательный наблюдатель скоро замѣтитъ, что при его постоянной бѣготѣ взадъ и впередъ, онъ безпрестанно наталкивается на людей и на вещи, которые встрѣчаются ему на пути, и только послѣ толчка объ нихъ, сворачиваетъ въ сторону. Вскорѣ пришли къ убѣжденію, что съ широко открытыми глазами, онъ ничего не видитъ, что вокругъ него происходитъ. Его зовутъ, онъ ничего не слышитъ; ему втыкаютъ въ руку иглолку, онъ ничего не чувствуетъ; ему проводятъ въ спину электрической токъ, онъ не вздрагиваетъ. Состояніе этого человѣка при болѣе точныхъ наблюденіяхъ нашли похожимъ на состояніе такъ называемаго лунатика, съ тою разницею, что здѣсь сонъ несравненно крупче. Единственное бодрствующее чувство, посредствомъ котораго большой сообщается съ вѣшнимъ міромъ, это чувство осязанія въ рукахъ и вообще въ кожныхъ. Что же касается до зрѣнія, слуха, обонянія и вкуса, то все эти чувства въ немъ погружены въ сонъ.

Поэтому вся внутренняя жизнь этого человѣка связывается съ чувствомъ осязанія, и къ каждому возбужденному въ немъ ощущенію, автоматически присоединяется цѣлый рядъ совокупныхъ между собой дѣйствій. Если ему въ одну руку дадутъ папиросную бумагу, то другую онъ механически засовываетъ въ карманъ, вынимаетъ оттуда табакъ, свертываетъ папиросу, и закуриваетъ ее при помощи спички. Если ему задуютъ спичку, онъ зажжетъ другую, но никогда не употребитъ спички, которая подана ему зажженной, хотя ему подносили ее къ самому носу, такъ что чуть не поджигали бороды, потому что онъ не видитъ поданной спички. Товарищи, подсовывали ему въсто табаку корпию: онъ набивалъ ею папиросу, которую выкуривалъ, непоморщась. Точно также если дать ему ложку, онъ проглотитъ все, чтобы ему ни подставили, какъ свои любимыя кушанья, такъ и кусочки нестерпимо горькаго алая или отвратительную асса-фѣтиду.

Чтобы узнать не вызоветъ-ли чувство осязанія въ этомъ, такъ называемомъ человѣкъ-автоматѣ болѣе давнишнихъ, не сохранившихся вслѣдствіе ежедневнаго упражненія, мышечныхъ и нервныхъ дѣятельностей, госпитальный врачъ, докторъ Месне, сдѣлалъ опытъ, основанный на томъ обстоятельстве, что пациентъ до войны часто выступалъ въ публичныхъ мѣстахъ какъ концертный пѣвецъ. Ему дали въ руку пару перчатокъ, которыя онъ поспѣшно надѣлъ. Послѣ этого онъ сейчасъ же началъ искать вокругъ себя руками, развернулъ подложенныя ему ноты, раскланялся, потомъ выправился, какъ обыкновенно дѣлаютъ, когда поютъ передъ публикой. Пѣлъ-ли онъ въ самомъ дѣлѣ, это не довольно ясно выражено въ отчетѣ доктора Месне; обыкновенно въ этомъ состояніи онъ только шевелитъ челюстями или тихонько бормочетъ про себя. Однимъ словомъ, все факты, взятые вмѣстѣ, показываютъ, что во время припадка человѣкъ этотъ сообщается съ вѣшнимъ міромъ только посредствомъ чувства осязанія, и что рядъ возбужденныхъ имъ дѣйствій можетъ быть прерванъ только силой или новымъ впечатлѣніемъ на чувство осязанія. Связаны ли эти дѣйствія съ извѣстнымъ дремотнымъ сознаниемъ, — неизвѣстно, такъ какъ послѣ припадка, больной ничего не помнитъ что происходило съ нимъ въ это время; однако можно предполагать въ немъ во время этого состоянія способность думать, какъ это бываетъ во снѣ, такъ какъ разъ, когда ему вложили въ руку перо, онъ началъ искать бумаги и чернилъ и написалъ довольно связное письмо о своей обиденной жизни. Это можно сравнить съ бессознательнымъ и забывающимся разговоромъ лунатиковъ. Извѣстны сильныя возбужденія заставляли его дѣлать внезапные возгласы. Такъ, разъ ему дали въ руки незаряженное ружье; онъ вдругъ бросился на полъ, протянулъ голову впередъ, между тѣмъ какъ руками искалъ патроновъ, и закричалъ: „Генрихъ, вонъ они, ихъ по крайней мѣрѣ человѣкъ двадцать, но ужъ мы вдвоемъ справимся съ ними“.

Какъ ни удивительны эти наблюденія, они больше заинтересовали, тѣмъ удивили современныхъ физиологовъ и психологовъ, потому что они только подтверждаютъ собой рядъ давно сдѣланныхъ выводовъ. Однако одно обстоятельство должно и въ нихъ возбуждать сильнѣйшее удивленіе. Это именно то, что человѣкъ-автоматъ, въ моральномъ отношеніи, представляетъ совсѣмъ другого человѣка, тѣмъ тотъ, какимъ онъ бываетъ въ свои здоровые дни, что слѣдовательно въ дѣйствительности онъ живетъ двумя жизнями. Въ обыкновенное время онъ олицетворяетъ добросовѣстность и честность, во время-же припадка онъ точно перерождается. Натолкнувшись на когонибудь, первымъ его движеніемъ бываетъ схватить его часы и портмоне и спрятать ихъ къ себѣ въ карманъ. Затѣмъ онъ безъ всякаго сопротивленія даетъ отобрать отъ себя присвоенные имъ предметы, потому что онъ такъ-же мало замѣчаетъ какъ грабятъ его, какъ и то, что онъ грабилъ другихъ. Однимъ словомъ,

онъ поступаетъ какъ человѣкъ, одержимый высшей степенью умопомѣшательства-воровства, между тѣмъ какъ въ здоровые дни это честнѣйшій въ мірѣ человѣкъ.

Какъ ни интересенъ для психологовъ тотъ фактъ, что съ потерей сознания и способности ощущения, можетъ исчезать и нравственное чувство, но физическое состояніе человѣка-автомата представляетъ еще несравненно болѣе глубокий интересъ, такъ что этотъ поразительный феноменъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе знаменитѣйшихъ европейскихъ физиологовъ. Главный интересъ представляетъ опытъ. Дѣйствительно при помощи нѣкоторыхъ весьма мало чувствительныхъ операцій можно тотчасъ же приводитъ животныхъ въ состояніе, представляющее величайшее сходство съ состояніемъ человѣка-автомата. Упомянемъ только объ одномъ изъ многихъ опытовъ, произведенныхъ профессоромъ Ф. Гольцемъ въ Страсбургѣ, гдѣ пять или шесть тому назадъ, надъ лягушками. Посредствомъ вѣсколькихъ, весьма скоро заживающихъ вовсе неопасныхъ для жизни животнаго разрѣзовъ, изслѣдователь этотъ сумѣлъ уничтожить связь между переднимъ мозгомъ лягушекъ и остальными центральными органами нервной системы; такимъ образомъ онъ приготовилъ для опытовъ животныхъ, которыя, если ихъ правильно кормить, цѣлые мѣсяцы, даже цѣлые годы, пользуются отличными здоровьемъ, хотя они суть ничто иное, какъ живыя машины, животныя-автоматы, какъ тотъ раненый въ мозгъ сержантъ Антоніевскаго госпиталя. Для оперированныхъ такимъ способомъ животныхъ вѣшній міръ, повидимому, вовсе не существуетъ; они неподвижно сидятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, пока ихъ не толкнутъ; ѣдятъ они только то, что имъ положить въ ротъ, иначе они околѣли бы съ голоду, имѣя передъ собой съѣстные припасы, какъ тѣ голуби, у которыхъ былъ вынутъ передній мозгъ. У нихъ также осязаніе—единственное чувство, соединяющее ихъ съ вѣшнимъ міромъ. Если взять изъ этихъ животныхъ лягушку-самца и тихонько гладить ее по спинѣ пальцемъ, то она заквакаетъ съ выраженіемъ величайшаго удовольствія, и повторяетъ это машинное кваканье всякій разъ, какъ ее будутъ гладить. Если на ногу такого животнаго каннуть ѣдкой жидкости, то оно другой ногой постарается удалить причину раздраженія, даже оно умѣетъ съ ловкостью акробата удерживать равновѣсіе на наклоняемомъ взадъ и впередъ ободкѣ, не имѣя ни малѣйшаго сознаниія о томъ, что дѣлаетъ. Это напоминаетъ о балансированіи лунатиковъ.

Такія цѣлесообразныя, но производимыя безъ участія сознаниія и воли, движенія животнаго тѣла, называются отраженными или рефлекторными движеніями. И въ человѣческомъ тѣлѣ наблюдается множество такихъ непроизвольныхъ движеній.

Нечего упоминать о тѣхъ случаяхъ, гдѣ вслѣдствіе болѣзней нарушается связь между головными и спинными мозгами, причемъ пораженные этимъ субъекты лишаются всякаго ощущенія въ ногахъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, бессознательно производятъ ими сильнѣйшія движенія, если шекотать имъ подошвы.

Даже здоровое человѣческое тѣло представляетъ массу такихъ явленій. „Когда лучший нашъ другъ,“ говоритъ Декартъ, „въ которомъ мы вполне увѣрены, что онъ не стукнетъ насъ кулакомъ въ глазъ, сдѣлаетъ такой видъ какъ будто хочетъ это сдѣлать, то мы, не смотря на величайшія усилія не будемъ въ состояніи не закрыть глаза въ моментъ приближенія къ нему кулака; слѣдовательно механизмъ тѣла сильнѣе воли“. Равнымъ образомъ извѣстно, какъ мало можемъ мы по своей волѣ удержаться отъ кашля, чихоты, и тому подобныхъ дѣйствій, вызываемыхъ раздраженіемъ слизистыхъ оболочекъ, даже иногда мы съ трудомъ можемъ подвить въ себѣ приходящую уже исключительно изнутри потребность смѣяться или громко вскрикнуть. Движенія дыханія, бѣшенія сердца, пищеварительныхъ органовъ и проч. суть совершенно вѣдъ нашего сознаниія и воли: онѣ идутъ сами по себѣ съ механической правильностью—это колесный механизмъ, повидимому, взаимно обусловлюющей правильное дѣйствіе отдѣльныхъ своихъ частей, но совершенно независимый отъ того, что мы называемъ мышленіемъ, сознаниемъ, душой.

Безъ сомнѣнія тѣло постоянно получаетъ инструкціи отъ центрального органа, въ которомъ сосредоточиваются возбужденія вѣшняго міра, но столь же часто бываетъ очевиднымъ, что тѣло повелѣваетъ, а духъ покоряется. Это взаимодѣйствіе всего яснѣе видно на томъ, какъ приобрѣтенное путемъ душевныхъ способностей, становится подъ конецъ полнымъ достояніемъ автоматизма тѣла. „Нашъ звѣрь“, какъ обыкновенно называлъ человѣческое тѣло остроумный Ксавье де Местръ, „не безъ малаго труда научается бѣгать, говорить, писать, играть на фортепьяно и т. п. Но разъ что мускулы навькли, духъ отдѣлалъ свое дѣло, и „нашъ звѣрь“ начинаетъ себѣ разгуливать при полнѣйшемъ отсутствіи мысли, танцуетъ, восхитительно играетъ на фортепьяно, бываютъ даже такіе восторженныя автоматы, которые могутъ цѣлые вечера болтать и писать толстыя книги, не имѣя при этомъ ни малѣйшей мысли“. Письмо бессознательно написанное парижскимъ человѣкомъ-автоматомъ, можно отнести къ этимъ примѣрамъ. Здѣсь автоматизмъ тѣла переходитъ въ автоматизмъ ума, и этотъ переходъ составляетъ главный пунктъ вопроса.

С М Ъ С Ъ.

Фальсификація древностей. Знаменитый археолог Момизень сдѣлалъ недавно жертвою ловкаго обмана, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. По возвращеніи своемъ изъ Италіи, онъ получилъ изъ Париза письмо, въ которомъ этому ученому предлагалось приобрести коллекцію древнихъ римскихъ метательныхъ свинцовыхъ ядеръ, которыя бросались древними римлянами на осаждаемыя ими крѣпости; въ письмѣ было обозначено, что эти ядра найдены случайно въ Италіи, въ окрестностяхъ Абрुццо. Профессоръ Момизень не замедлилъ войти въ сношеніе съ ледомъ, предлагающимъ ему купить замѣчательную коллекцію. Момизень приобрѣлъ эти ядра за 1,200 талеровъ. По полученіи коллекціи, знаменитый ученый жадно бросился на рѣдкій историческій кладъ, и чуть не плакалъ отъ радости, завидя, что на каждомъ свинцовомъ ядрѣ были вырѣзаны латинскія надписи, какъ-то: названія римскихъ кесарей, полководцевъ, изреченія Гомера, девизы и воинственные восклицанія: въ родѣ: «попадай хорошо», «рази врага», «уничтожай» и т. д. Послѣ болѣе подробнаго изслѣдованія, Момизень открылъ, что вся коллекція — ловкая поддѣлка нашего времени неграмотнаго латиниста, такъ какъ всѣ латинскія надписи изобиловали грубыми грамматическими ошибками и невѣрными историческими данными въ отношеніи именъ и изреченій того времени.

Въ Аравіи, близъ приморскаго города Мойлахъ, англійскій капитанъ Буртонъ сдѣлалъ интересный открытія. У подошвы хребта возвышенностей, идущихъ параллельно къ берегу моря, онъ нашелъ весьма богатые росыли золота и серебра; одновременно съ этимъ, у залива Аюбахъ онъ открылъ слѣды древнѣйшихъ признаковъ осядлости; продолжая поиски, онъ добылъ надписи, водопроводы и наконецъ остатки большого, ка-

менной стѣной обведеннаго города. По мнѣнію капитана Буртона, это ни что иное, какъ остатки столицы древней Медеи.

Въ Прагѣ не такъ давно открыли поддѣлку сѣмянъ клевера и люцерны; въ настоящее время появился въ торговлѣ новый продуктъ изобрѣтательности того же порядка, а именно: кофе въ зернахъ, приготовленный изъ крутого тѣста и совершенно симулирующій настоящей мока. Для окраски употребленъ ядовитый препаратъ. Прагская полиція накрыла обширную фабрику этого курьезнаго продукта.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, за время войны, погибло 8,000 сербскихъ солдатъ, какъ на полѣ битвы, такъ и въ госпиталяхъ; выздоровѣло 20,000 раненыхъ; 200 инвалидовъ будутъ содержаться военнымъ вѣдомствомъ.

Нѣмецкое гигиеническое общество особенно энергично занимается въ настоящее время изслѣдованіемъ доброкачественности воды для питья. Недавно въ одномъ изъ собраній означеннаго общества было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ предложеніе г-на Бера относительно практическаго и быстрого изслѣдованія годности воды для питья. Беръ опредѣляетъ сперва, сколько именно вредныхъ веществъ можетъ заключать вода, оставаясь въ тоже время безопасной для здоровья. Затѣмъ употребляетъ реактивъ и сравниваетъ произведенную имъ реакцію съ той, которая рядомъ съ этимъ будетъ вызвана въ подлежащей изслѣдованію водѣ. Изъ сравненія явствуетъ безвредна или нѣтъ эта послѣдняя.

Собраніе признало способъ Бера весьма пригоднымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо болѣе быстрое изслѣдованіе.

Политическія и военныя извѣстія.

Телеграммою Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, отъ 27 мая, сообщено, что турки 26-го мая пытались демаскировать устроенную ими въ Туртукаѣ батарею, но наша артиллерія изъ Ольтеницы (читатели припоминаютъ, что Ольтеница лежитъ противъ Туртукаа) нѣсколькими мѣтками выстрѣлами испортила амбразуры и мерлоны и принудила турокъ удалить орудія; затѣмъ турки открыли огонь изъ укрѣпленія, но наша артиллерія не только заставила замолчать, но даже принудила убрать орудія и изъ этого укрѣпленія, которое было почти разрушено нашими выстрѣлами. По окончаніи стрѣльбы съ нашихъ батарей, турки приступили къ исправленію поврежденій, но наша артиллерія картечными гранатами разогнала рабочихъ.

— 1 (13) іюня, по ту сторону Дуная, противъ Браилова у Гечета, воздвигнута русская батарея, на которой установлены русскія орудія. Отсюда заключаютъ, что наши войска стали твердою ногой на турецкомъ берегу Дуная.

Какое впечатлѣніе произведетъ на европейскіе кабинеты переходъ нашихъ войскъ черезъ Дунай — пока съ опредѣленностью сказать нельзя. Но теперь уже извѣстно, что, по телеграммѣ изъ Пешта отъ 2 (14) іюня, въ венгерской Палатѣ Представителей депутатъ Гельфонъ сдѣлалъ запросъ: намѣрено ли правительство оставаться безучастнымъ зрителемъ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай и допустить раздѣлъ Турціи? Такъ что, съ переходомъ нашихъ войскъ Дуная, нужно ожидать, что, по примѣру Венгріи, и другія державы выскажутся въ томъ или другомъ смыслѣ. Недавно, впрочемъ, намъ Англія, ни съ того, ни съ сего, хотѣла прописать рецептъ «почетнаго мира», смыслъ и духъ котораго, конечно, тотъ же, какъ и «отступленіе по золотому мосту», каковое совѣтовала намъ та-же Англія, послѣ неудавшейся конференціи.

Изъ Плошты телеграмма г. военнаго министра отъ 1 іюня сообщаетъ, что наши пароходы «Константинъ» и «Владимиръ» (первый съ 6 паровыми катерами на буксирахъ) двинулись къ Сулину, надѣясь встрѣтить крейсирующие здѣсь по ночамъ турецкіе броненосцы. При этомъ, однакожъ, наши суда не успѣли подвести мина подъ броненосцы, вслѣдствіе усиленной осторожности турокъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь, какъ и всегда, наши моряки показали себя истинными героями.

О ходѣ дѣлъ на западномъ театрѣ войны въ Черногоріи сообщаемъ наиболее выдающіяся данныя. Отъ 26 мая (7 іюня) изъ Рагузы сообщаютъ, что турки были совершенно разбиты подъ Мьялятомъ (о прежнемъ дѣлѣ подъ *Мамьятомъ* мы упоминали въ прошломъ обзорѣ). Въ Дужевомъ походѣ бой еще продолжается. Затѣмъ черногорцы взяли въ этой мѣстности 5 турецкихъ блокгаузовъ и, разрушивъ ихъ, перебили всѣхъ находящихся тамъ турецкихъ солдатъ. Подъ *Снужемъ*, въ Мартиничахъ, на черногорцевъ сдѣлано нападеніе со стороны всѣхъ сосредоточенныхъ здѣсь турецкихъ силъ, пока черногорцы не обратили турокъ въ бѣгство къ Служу. Одновременно съ этимъ

со стороны черногорцевъ открыто бомбардированіе сильнѣйшаго форта *Узримичи*, лежащаго по дорогѣ въ Никшичъ. Послѣ сильнаго обстрѣливанія, во время котораго нѣсколько снарядовъ попало въ Никшичъ, фортъ Узримичи перешелъ во власть черногорцевъ.

Съ Кавказскаго театра войны извѣщено, что выступившая 20 мая изъ Ардаганскаго отряда колонна войскъ заняла 21 августа утромъ *Ленякъ*, а вечеромъ гор. *Олту*, безъ боя, причемъ кавалерія сдѣлала 115 верстъ въ 36 часовъ, а пѣхота въ двое сутокъ. Неприятельская пѣхота съ артиллеріею, всего въ 4,000 человекъ, послѣдно отступила въ *Эрзерумъ*. Въ обояхъ пунктахъ нашими войсками найдены большіе склады зерна, ружей, патроновъ и палатокъ. Населеніе вездѣ встрѣчало наши войска радушно.

Начальникъ штаба Кавказскаго военнаго округа телеграфируетъ, что съ 26 мая войска наши подъ Карсомъ произвели нѣсколько рекогносцировокъ подъ огнемъ крѣпостныхъ верховъ. 28 мая произведенъ осмотръ неприятельскаго расположенія лично Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ. Въ эти дни наши потери состояли изъ 15 раненыхъ.

Крайне ослабленный (начиная со вѣятія Ардагана) и разбитый Мухтаръ-паша получалъ подкрѣпленіе въ 20 батальоновъ изъ Трапезунда. Генералъ Тергукасовъ принялъ покорность Хамурскихъ курдовъ и жителей Алашкерта. 28 мая Тергукасовъ занялъ этотъ городъ и съ авангардомъ вступилъ въ Зейдеканъ.

Въ довереніе пораженій турокъ въ Малой Азіи, бѣдствія ихъ увеличиваются отпаденіемъ нѣкоторыхъ доселѣ союзныхъ съ ними племенъ. Такъ, въ «Тюлисск. Вѣстн.» телеграфируютъ, что абхазцы начинаютъ оказывать сопротивленіе туркамъ и бѣгутъ отъ нихъ. Далѣе, черкесы, высадившіеся въ Сухумъ, начинаютъ изъявлять русскимъ властямъ покорность.

Послѣднія телеграммы извѣщаютъ, что *осада Карса уже началась*. Турецкія войска дѣлаютъ изъ крѣпости вылазки, но безуспѣшно. До сихъ поръ при этой осадѣ потери наши состоятъ изъ 6 раненыхъ и 1 убитаго рядовыхъ. У турокъ же подбито 2 орудія и много убитыхъ.

Въ Паризѣ даже держится упорный слухъ, что Карсъ и Эрзерумъ пали, а Мухтаръ-паша взятъ въ плѣнъ.

— Изъ Константинополя сообщаютъ, что послѣднее денеженіе здѣсь софтовъ вызвало крупныя итры со стороны Редивъ и Дамата-пашей. Начинаясь господствовать терроръ. Аресты и ссылки повторяются ежедневно. Существуетъ общее желаніе, чтобы извѣстный изгнанникъ Матхадъ-паша возвратился и сталъ во главѣ правленія. Дворцовая партія залулана. Султанъ не рѣшается ѣхать въ армію. Незабѣженъ для поправленія финансоваго бѣдствія принудительный внутренней заемъ. Въ вѣнѣ турецкое посольство уже нѣсколько дней остается безъ денегъ: англійскій банкъ отказалъ въ выдачѣ таковыхъ денегъ посольству.

Отъ 3 (15) мая, телеграфъ извѣстилъ, что возбудженіе въ Гре-

ция возрастает все съ большею силою. Въ Афинахъ ежедневно происходятъ народные сборища, принимающія чрезвычайно бурный характеръ. На сходкахъ население энергически требуетъ объявленія войны. Возстаніе въ Эпирѣ и Ѳессаліи все болѣе и болѣе возрастаетъ.

Франція быстрыми шагами идетъ къ страшнымъ катастрофамъ. Государственный переворотъ или такъ называемый Coup d'état можетъ послѣдовать не сегодня—завтра, и даже вопреки желанію маршала Макъ-Магона. Главное значеніе имѣетъ теперь во Франціи бонапартизмъ, г. Фуру. Ожидаютъ, что онъ пойдетъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ Морни, Монъ и друг. Легитимисты и орлеанисты усердно приветствовали 16 мая, начиная пугаться своего торжества. Сотни республиканскихъ газетъ ежедневно привлекаются къ суду подъ пустыми предлогами—что еще болѣе указываетъ на напряженное состояніе дѣлъ. Далѣе сообщаютъ, что Рузъ (министръ Наполеоновской им-

періи) недавно получилъ отъ принца Луи-Наполеона манифестъ, въ которомъ принцъ приглашаетъ своихъ приверженцевъ дѣятельно отстаивать его права. Такимъ образомъ опять возможно ожидать во Франціи Coup d'état въ пользу бонапартизма.

—Извѣстный французскій организаторъ Гамбетта произнесъ рѣчи въ Амьенѣ и Аббевилѣ, въ которыхъ онъ изложилъ программу республиканскаго большинства палаты депутатовъ. Г. Гамбетта въ рѣчахъ этихъ призываетъ всю Францію къ нравственному сопротивленію проискамъ клерикаловъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Генераль-лейтенантъ Павелъ Степановичъ Воинъ (съ портретомъ).—Aquis submersus. Новелла Теодора Шторма (продолженіе).—Эрзерумъ (съ рисункомъ).—Сухумъ-Кале (съ рисункомъ).—Турецкая стража (съ рисункомъ).—Водяной паучъ (Argoneta aquatica). Л. (съ рисункомъ).—Богомольцы въ Алоани. М. И. (съ рисункомъ).—Какъ дѣлаютъ резиновые матросы (съ 5-ю рисунками). Человѣкъ-автоматъ.—Смѣсь.—Политическія и военныя новостія.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

**ОБЪ ИЗДАНІИ
ГАЗЕТЫ**

**„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“
ВЪ ТЕКУЩЕМЪ ГОДУ.**

Съ 1-го мая текущего года мы открываемъ новую ежедневную газету, при ближайшемъ сотрудничествѣ В. Ѳ Норша и А. А. Головачева.

Въ наше трудное время въ виду войны, глубоко затрагивающей съ разныхъ сторонъ наши государственныя и общественныя интересы, въ виду назрѣвающихъ внутреннихъ вопросовъ, нельзя очернить въ немногихъ словахъ разнообразную и сложную задачу, которую должна снужать ежедневная печать. Внутренній смыслъ и ближайшія дѣла нашего изданія—путеводная нить его, безъ которой общественная дѣятельность обращается въ бѣсцѣльное блужданіе изъ стороны въ сторону—будутъ выяснены самими дѣлами, тѣми соображеніями и свѣдѣніями, которыя найдутъ мѣсто на страницахъ «Съвернаго Вѣстника». Мы можемъ только сказать, что прежде всего желаемъ положить основаніе серьезному и полному въ фактическомъ отношеніи органу, въ которомъ люди, мысля и дѣла могли бы встрѣчаться и выговариваться въ смыслѣ насущныхъ пользы и лучшихъ стремленій русскаго государства, общества и народа.

Программа нашего изданія обнимаетъ всѣ явленія инт-р-сы современности. Политика и литература займутъ въ немъ господствующее мѣсто. Мы будемъ слѣдить внимательно, какъ и за событіями военными и политическими, такъ и за движеніемъ науки и литературы, въ нашемъ отечествѣ и на Западѣ. Современныя событія и направленія въ славянскомъ мирѣ будутъ предметомъ особеннаго вниманія редакціи, поскольку они сопрягаются съ понятными здраво интересами нашего отечества и всего славянства, и съ задачами общечеловѣческой образности.

Слѣдующія лица сочувственно обещали намъ свое сотрудничество: К. Н. Арсеньевъ, А. Н. Бенетовъ, С. И. Кириллова, князь А. И. Васильчиковъ, Э. К. Ватсонъ, А. Н. Веселовскій, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, В. И. Герье, Д. Н. Гирсъ (редакторъ изданія «Съвернаго Вѣстника на Дунаѣ»), графъ А. А. Голицыневъ Нутузовъ, Ю. Ю. Гибнеръ, И. Д. Кавелинъ, П. П. Назанскій (проф. Военной Академіи), Н. П. Мопановъ, Е. Ѳ. Норшъ, И. И. Ностомаровъ, В. А. Крыловъ, Ц. А. Нюв, В. Ѳ. Лугининъ, О. Ѳ. Миллеръ, проф. И. П. Минаевъ, Б. А. Павловичъ, П. Н. Полевой, Л. А. Полонскій, А. Н. Пыпинъ, П. А. Ровинскій, В. Д. Спасовичъ, В. В. Стасовъ, В. Я. Стоюнинъ, И. М. Стенюновъ, И. С. Тургеневъ, А. М. Унковскій, Е. И. Утинъ, проф. А. С. Шиларевскій, Ю. З. Янсонъ и др.

Читатели уразднанаго «Судебнаго Вѣстника» найдутъ въ нашемъ изданіи статьи и замѣтки юридическаго содержанія, отчеты о замѣчательныхъ процессахъ, русскіхъ и иностранныхъ, и необходимую справочную часть в оѣ газетъ. Первый листъ «Съвернаго Вѣстника» выйдетъ 1-го мая.

Редакторъ В. Д. Рычновъ.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

**„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“
ПРИНИМАЕТСЯ:**

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ газетъ, при книжномъ магазинѣ Н. И. Маментова (Невскій проспектъ, л. № 46, противъ Гостиницы двора), и въ книжномъ складѣ при типографіи М. Стасюлевича (Вас. Остр., 2 л., д. № 7).
ВЪ МОСКВѢ: въ книжныхъ магазинахъ: Ѳ. И. Салаева, И. Г. Соловьева и Н. И. Маментова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписка на «Съверный Вѣстникъ» принимается на восемь мѣсяцевъ текущаго года. Желающіе подписаться на газету платятъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
На 8 мѣсяцевъ	10 р. 50 к.	11 р. 50 к.	13 р. — к.
7 »	9 » 50 »	10 » 50 »	12 » — »
6 »	8 » 50 »	9 » 50 »	10 » — »
5 »	7 » — »	8 » — »	9 » — »
4 »	5 » 50 »	6 » 50 »	7 » — »
3 »	4 » 50 »	4 » 80 »	5 » 50 »
2 »	2 » 80 »	4 » 30 »	4 » — »
1 »	1 » 50 »	1 » 80 »	2 » 50 »

Примѣчаніе 1. По соглашенію съ конторою допускается разсрочка подписной суммы.

Письма и деньги просимъ адресовать въ контору газетъ въ С.-Петербургѣ.
— Подписчики «Судебнаго Вѣстника» получаютъ газету бесплатно въ теченіе тѣхъ сроковъ, на которые она подписана.

Примѣчаніе 2. Справочная часть судебного отдѣла нашей газетъ будетъ содержать: а) своевременно сообщаемые списки дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ Правительствующему Сенатѣ и С.-Петербургскихъ Судебной Палаты, Окружномъ и Коммерческомъ судахъ, а также въ Столичномъ Създѣ Мирowychъ Судей. б) Краткія извѣщенія о состоявшихся резолюціяхъ къ кассационнымъ департаментахъ Правительствующаго Сената и С.-Петербургской Судебной Палаты. в) Ежедневныя (по понедельникамъ) извѣщенія изъ сенатскихъ объявленій—свѣдѣнія о дѣлахъ, вынимаемыхъ къ суду, объявленныхъ несоответственными дознаніями, и о вѣдочныхъ рѣшеніяхъ. Кроме того, газета будетъ сообщать периодически (за 2 или 3 мѣсяца) свѣдѣнія о важнѣйшихъ вопросахъ, рѣшаемыхъ кассационными департаментами Правительствующаго Сената

НОВАЯ КНИГА.

Память о Запоружьѣ и о послѣднихъ дняхъ Запорожской Сѣчи. Соч. Надхина. У книгопродавцевъ. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА

По вопросамъ о воспитаніи дѣтей, научномъ обученіи, женскомъ трудѣ, свободѣ женщины, бракѣ и объ отношеніи къ падшимъ женщинамъ. Въ приложеніи: о спиритизмѣ, что такое природа, рай и адъ по Сведенборгу. Душа и тѣло. Свобода воли. откуда вѣра въ безсмертіе души.—Евг. Ф.—съ СПб. 1877 г. Ц. 1 р.

Дозволено цензурою. СПб. 10 Юня 1877 г.

Главное Правленіе Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія о нижеслѣдующемъ:

1. Вятское Окружное Правленіе общества доноситъ: а) 11 апрѣля сего года крестьянка съ малолѣтнимъ сыномъ, переѣзжая на лошади по льду чрезъ Старину (заливъ рѣки Вятки), провалилась въ воду и на крикъ ее бывшіе въ близости одними изъ гребцовъ съ сѣе нвой станціи Ильею Хвостановичъ была вынесъ съ сыномъ благополучно вытаскана изъ воды. б) 13 апрѣля Вятскаго уѣзда крестьянскій сынъ Степанъ Бронниковъ 10 лѣтъ, ковыля въ майнахъ рѣки Вятки цроста (противъ города Вятки) и по неосторожности упалъ въ воду, но находящійся на берегу отставной кандидатъ Александръ Никифоровъ бросился съ багромъ на спасеніе лодкѣ въ уплывающему и благополучно вытаскалъ его изъ воды.
2. Екаторинославское Окружное Правленіе Общества доноситъ: что 28 апрѣля сего года въ 8 часовъ утра, во время сильной бури, лодчманами Екаторинославской спасательной станціи на льду съ бере у рѣки Днѣпра, спасены съ помощью багровъ, плывшіе на лодкѣ, почти уже залитой водой, въ г. Екаторинославъ, два крестьянина с. Камьяни: Кирилъ Кузьменко и Несторъ Сергѣевъ.
3. Комитетъ Нара-каго Портового мужества доноситъ: что 1 мая сего года въ 6 часовъ утра лодка, шедшая отъ стоянка на рейфъ Норвежскаго корабля «Норвея», была опрокинута въ бурныхъ. Находящіеся на этой лодкѣ шипперъ и два матроса съ вышесказаннаго корабля, были спасены помощью спасательной лодки, а затѣмъ принесены на спасательную станцію въ безчувственномъ состояніи, благодаря весьма тщательному уходу, были приведены въ чувство.

ДЛЯ ГГ. ВОЕННЫХЪ

КНИЖКА

ДЛЯ ДОНОСЕНІЙ И ПРИКАЗАНІЙ

ВЪ ПОЛѢ,

составленная полковникомъ Паренсовымъ, продается въ Магазинѣ В. Веллинга и №. Уголь Большой Морской и Невскаго пр., д. № 16—15, въ С.-Петербургѣ.

Цѣна книжкѣ безъ пересылки 50 коп., съ пересылкой 60 коп.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

ФР. ПАЗДИРЕКЪ.

Москва, Никольская, д. Славянскаго Базара поступъ въ продажу слѣдующ. новостя:

- 1) Молитва русскаго за Царя, Царя и Отечества, соч. І. Рѣба. Для пѣнія съ фортепiano цѣна 1 руб., для одного фортепiano цѣна 1 руб. съ роскошной картиной на заглавномъ листѣ профессора Трутовскаго.
- 2) Живно Матушка Москва, торжественный маршъ, соч. І. Рѣба. Для одного фортепiano въ 2 руки съ прекрасной картиной цѣна 1 руб.
- 3) Передъ Битвою, военный маршъ, соч. Ф. Лангера съ картиной. Цѣна 75 к.
- 4) Съ береговъ Дуная, торжественный маршъ на мотивъ Венгерской Рапсодіи Листа, соч. Ф. Лангера. Цѣна 75 коп.
- 5) Ура! Русскіе Храбрцы, русскій народный маршъ на картинномъ мотивѣ съ картинкой, соч. В. Львова. Цѣна 50 к.
- 6) Юго-Славянскій маршъ, соч. Романовскаго. Цѣна 75 к.
- 7) Серб-Русскій маршъ, соч. Чайковскаго. Цѣна 50 коп.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА А. САФОНОВА,

Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 88.

Выдаетъ ссуды подъ проц. бумаги и акціи.
Выдаетъ дополнителныя ссуды по банковымъ копіямъ съ обязательствъ, съ поручаюлемъ бумагу въ конторѣ.
Учитываетъ до срочна купоны и вышедшія въ тиражъ бумаги.
Продажа 5% съ выигрш. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по 20 р. на билетъ, страхованіе билетомъ обоимъ внутреннимъ съ выигрш. займа
По 30 коп. за билетъ.
Отъ гг. иногородныхъ, включая почтовые расходы
По 40 коп. за билетъ.
Гербовый сборъ, 5 коп., со страховой квитанціи уплачивается страхователями. съ биржевыми и банкирскими операціямъ по покупкѣ, продажѣ и залому бумагъ отъ гг. иногородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ чрезъ почту.
Подробную программу операцій можно получить въ Конторѣ.

СВѢЖІЯ СЪМЕНА

Огородныя, хлѣбныя, травяныя, цвѣточныя и древесныя имѣетъ часть предложить сѣменная торговля А. УШАКОВА въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1.

Подробный прѣсъ-курантъ на рускомъ и нѣмецкомъ языкахъ рождается и высылается по требованію бесплатно. 8—5

УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОПИСАНІЕ КРЫМА 4 т. въ 17-ти спец. частяхъ съ планшетами. Соч. Дѣйств. члена Император. Географическаго и другихъ обществъ, Василія Христооровича Кондакова, временно распродается по типограф. цѣнѣ 6 рубъ съ пересылкою. Адресоваться въ г. Ягуд (Таур. губ.) лично или письменно къ автору, до іюля мѣсяца. 8—3

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы

№ 25 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Выданъ 20 Июня 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕВЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ГODOBAY ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
„ „ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки черезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во все города Имперіи	5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ все
уже вышедшіе номера
«Нивы».

Контора журнала
«Нивы» помещается
въ С.-Петербурѣ, на Б.
Морской, въ д. № 9.

Генераль-адъютантъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.

Докторъ исторіи, почетный членъ и членъ-корреспондентъ | членъ семь и временно только отсутствующій, не отчуждается академіи наукъ, почетный членъ Михайловской артиллерійской академіи, председатель Военнаго Совѣта, военный министр, генераль-адъютантъ Генеральнаго Штаба Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ родился въ Москвѣ въ 1816 г. и воспитывался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ.

Журналъ „Нива“ уже имѣлъ случай говорить (см. „Ниву“ 1872 г., № 10, стр. 149) о первоначальной службѣ и дѣятельности Дмитрія Алексѣевича. Настоящее военное время, ясно указавшее при самомъ началѣ войны на замѣчательное во всехъ отношеніяхъ состояніе нашей арміи, даетъ намъ случай перечислить здѣсь въ краткихъ чертахъ заслуги Дмитрія Алексѣевича. Къ числу таковыхъ прежде всего нужно отнести введеніе общей воинской повинности. Тягота военной службы, несомая прежде исключительно простымъ народомъ податного состоянія, въ настоящее время распределена равномерно на все сословія, съ сохраненіемъ преимуществъ только по личному образованію; естественно, что отъ этого остается въ народѣ больше дѣйствующей, рабочей силъ. Благодаря сокращенному до 5—6 лѣтъ сроку службы,

Генераль-адъютантъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, Военный Министръ.
 Грав. К. Вейерманъ.

войны, по преобразованію въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и т. д.

отъ нея совсѣмъ, какъ это было прежде, а возвращается въ нее полнымъ еще силъ работникомъ и притомъ грамотнымъ. Больше тѣсное сближеніе разнородныхъ словесій, вынужденное служебной необходимостью, непременно тоже имѣетъ долю своего цивилизующаго вліянія на необразованный классъ, и въ результатѣ выходитъ, что мѣра всеобщей воинской повинности гораздо больше содѣйствуетъ всеобщему народному образованію, чѣмъ сравнительно малое количество народныхъ школъ, устраиваемыхъ съ этою единственною цѣлью. Будучи самъ человѣкомъ науки, съ высокимъ разностороннимъ образованіемъ, какъ истинный цѣнитель знаній, Дмитрій Алексѣевичъ отдалъ предпочтеніе лицамъ, окончившимъ какіе либо полные курсы (см. уставъ воинской повинности), выработавъ для нихъ большія преимущества. Засимъ можно указать на реформы во внутренней администраціи по обученію и образованію военныхъ чиновъ, по снабженію ихъ довольствіями разнаго рода, по мобилизаціи войскъ на случай

Необходимо замѣтить, что прежде вся хозяйственная и административная часть полка сосредоточивалась въ рукахъ одного полкового командира, бывшаго распорядителемъ и расходчикомъ суммъ. Такая система представляла множество случаевъ плачевнаго состоянія полкового хозяйства. Въ настоящее время вся хозяйственная часть находится въ рукахъ комитета, состоящаго изъ нѣсколькихъ чиновъ полка, постоянно мѣняющихся, притомъ лично заинтересованныхъ въ благополучіи частей его; полковому-же командиру предоставленъ только надзоръ за правильнымъ веденіемъ дѣлъ, расходованіемъ суммъ и строевое обученіе части. Подковныя хозяйства обогатились, солдатъ сталъ сытъ и получаетъ сполна все имъ заслуженное. Интендантства (бывшія коммисаріатскія и провіантскія коммисіи) также преобразованы до основанія. Разноречивое курсъ академіи Генеральнаго Штаба и постоянное поощреніе окончившихъ въ ней курсъ замѣщеніемъ ихъ на болѣе видныя должности привлекаютъ все болѣе и болѣе желающихъ воспользоваться преимуществами этого учрежденія. Но прямое участіе военнаго министра въ дѣлѣ преобразованія военно-учебныхъ заведеній—есть созданіе военныхъ училищъ, среднихъ учебныхъ заведеній, специально устроенныхъ для посвящающихъ себя военной службѣ. Со времени ихъ учрежденія, съ 1864 года, прекрасные результаты уже обозначились тѣмъ, что большинство офицеровъ, поступающихъ въ различныя академіи и по преимуществу въ академію Генеральнаго Штаба, а также и большинство лучшихъ строевыхъ офицеровъ какъ въ гвардіи, такъ и въ арміи, составляютъ воспитанники училищъ. Устройство конекскихъ училищъ, состоящихъ изъ вольноопредѣляющихся, подняло также общій уровень знаній офицеровъ вообще и теперь весьма трудно встрѣтить офицера, неумѣющаго читать и понимать карту, сдѣлать наброски мѣстности или же рѣшить какую-нибудь несложную военную задачу, относящуюся до распредѣленія войскъ при извѣстныхъ условіяхъ. Вообще весь составъ офицеровъ пѣхотной арміи, во всѣхъ отношеніяхъ, сталъ гораздо выше прежняго. Перевооруженіе войскъ соответственно новѣйшимъ требованіямъ, при безпрепятственно почти мѣняющихся изобрѣтеніяхъ по этой части, было

для Д. А. постоянною заботою и стоило не малаго труда и различныя системы скорострѣльныхъ ружей, заряжающихся съ казны, были вводимы, испытываемы и замѣняемы новыми, признаваемыми болѣе совершенными; то-же самое приходилось продѣлывать и съ орудіями. Окончательно же у насъ приняты винтовки Бердана и 9 и 4-хъ-фунтовыя мѣдныя орудія, заряжающіяся съ казны. Предыдущія кампаніи, австро-прусская и франко-прусская, послужили прекраснымъ примѣромъ и указателемъ достоинствъ и недостатковъ, которыми должна обладать боевая сила страны, и Дмитрій Алексѣевичъ пересоздалъ армію на удивленіе. Устройство желѣзно-дорожныхъ военныхъ командъ, подготовкою офицеровъ и нижнихъ чиновъ, состоящихъ въ мирное время для обученія при частныхъ обществахъ, даетъ въ настоящее время намъ возможность, гдѣ бы то ни было принять въ свое вѣдѣніе эксплоатацию желѣзныхъ дорогъ и тѣмъ содѣйствовать ускоренной и безрельсовой транспортной войскѣ. Мобилизація по случаю пѣхотной войны, не смотря на наше огромное пространство и еще только первый опытъ, произведена была съ замѣчательною скоростью и по этому опыту опредѣлилось, что въ 12 дней мы можемъ сосредоточить свои войска на какой угодно изъ нашихъ границъ въ количествѣ 4—5 корпусовъ. По отзывамъ компетентныхъ людей, никогда наша армія не была въ такомъ блестящемъ состояніи, во всѣхъ ея составныхъ частяхъ, въ какомъ она находится теперь. Всѣмъ этимъ мы обязаны высокопросвѣщенному уму и неутомимой энергіи Дмитрія Алексѣевича. Вдумываясь въ дѣятельность Дмитрія Алексѣевича, приходишь къ убѣжденію, что едва ли кто-либо изъ предшествовавшихъ ему людей былъ болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ онъ, какъ по высокому своему образованію и развитію, такъ и по разносторонней неустанной дѣятельности, обнимающей всѣ части его обширнаго управленія, не только прямо зависящія отъ него, но и тѣ даже, которыя только подвѣдомственны ему, имѣя самостоятельныхъ дѣятелей. Но представляемый нами очеркъ не въ состояніи дать даже приблизительно полнаго понятія объ этомъ государственномъ дѣятелѣ.

Н—евъ.

AQUIS SUBMERSUS.

Новелла ТЕОДОРА ШТОРМА.

(Окончаніе).

Герръ Иоаннъ такъ рассказываетъ далѣе:

„Утромъ слѣдующаго дня, едва только багнии церковная, что передъ окнами моими была, подъ первыми лучами утренней зари заалѣла, всталъ я съ постели. Одѣвшись, я вышелъ на базарную площадь, на которой булочники открыли уже свои лари. У ратуши суетились рабочіе; нѣкоторые изъ нихъ на перила главнаго крыльца черное сукно накладывали, я-же съ поспѣшностью подъ арку ратуши прошелъ и изъ города вышелъ.

На тропинку выйдя, что за садомъ замковымъ, примѣтилъ я то мѣсто, гдѣ была поставлена нова висѣлица и костеръ размѣровъ изрядныхъ. Нѣсколько человѣкъ около костра возилось, подкладывая подъ дрова солому и т. п., быстро загорающееся. Изъ города черезъ поле уже бѣжали къ костру мальчуганы. Болѣе ни на что вниманія не обращая, бодро шагаль я впередъ. Миновавъ группу деревъ, видѣлъ яhalbо море, зарумянившееся подъ сіяніемъ утра... И невольно я руки скрестилъ и стихъ молитвенный произнесъ:

О, Боже нашъ, о, нашъ Спаситель,
Прости надъ всѣми свой покровъ.
Ты—нашъ судья, но ты не мститель,
Ты—милость только и любовь.

Очутившись на большой дорогѣ, пролегавшей черезъ пустырь, повстрѣчалъ я толпу крестьянскую, въ коей много было обоего пола ребятъ.

— Куда спѣшите вы? спросилъ я; вѣдь нынѣ день не базарный?

Зналъ я ихъ отвѣтъ: желали они видѣть, какъ станутъ сжигать колдунью, *чортова отродь*. Но вѣдь она померла!

— Про то мы знаемъ и намъ очень досадно,—отвѣтили крестьяне и добавили:

— Вѣдь-то племянницей была нашей повитухѣ, старухѣ Маргаритѣ, такъ ужъ намъ въ деревнѣ оставать-

ся не приходится. Ну, что-жь, и то хорошо, что хоть трупъ-то сожгутъ!..

Тутъ съ дороги я свернулъ и пустыремъ пошелъ, а трава отъ росы была еще мокрая. Душа моя одиночества требовала... Издали казалось мнѣ, что словно вся деревня на дорогу высыпала и къ городу устремляется. До холма дойдя, что среди пустоши возвышался, я внезапно подумалъ: не слѣдуетъ ли и мнѣ тоже въ городъ вернуться илиhalbо, къ морю пойти, туда, гдѣ стоитъ на берегу деревушка?.. Но передо мною въ воздухѣ, какъ бы счастье мое плавало... И мною надежда безумная овладѣла; я весь трепеталъ. А что ежели та, которую я видѣлъ недавно, дѣйствительно была она, Катерина?...

Чувствовалъ я, какъ въ груди моей сердце стучало. Большой крюкъ по пустырю я сдѣлалъ, такъ какъ не хотѣлъ видѣть на повозкѣ пастора, также въ городъ отправляющагося... Но, въ концѣ концовъ, все-таки къ деревнѣ направился я, гдѣ обиталъ пасторъ.

Очутившись тамъ, я пошелъ поспѣшно къ церковному дому. Дверь, однако-же, заперта была. Въ нерѣшительности, съ минуту простоялъ я, не зная что мнѣ дѣлать—и потомъ кулакомъ началъ въ дверь стучать. Въ жилищѣ все тихо было. Когда я усилилъ стучаніе, изъ сосѣдняго дома вышла полуслѣпая старуха, служанка.

— Гдѣ экономя? спросилъ я.

— А онъ съ пасторомъ въ городъ поѣхалъ,—старуха мнѣ въ отвѣтъ.

Словно громомъ пораженный, стоялъ я, смотря на женщину.

— Не больны-ли вы, г. живописецъ?

Я отрицательно качнулъ головою и спросилъ:

— Такъ дѣти нынѣ не обучаются?

— Боже сохрани! вѣдь сегодня жгутъ тамъ колдунью... Ну, всѣ и побѣжали.

Я велѣлъ старухѣ отпереть дверь и, войдя, забралъ

рисовальныя принадлежности и портретъ, почти уже оконченный. Поставивъ портретъ на мольбертъ въ классной комнатѣ, я сталъ одѣжду пастора подрисовывать, но то было самообманываніе: не былъ я къ работѣ расположенъ, да и не писать явился я сюда!...

Старуха пришла ко мнѣ и жаловаться начала на времена тяжелыя, а мнѣ весьма желалось ее спросить о женѣ пастора: молода или стара она, откуда родомъ и проч., но не поворачивался языкъ мой, не могъ я ни одного вопроса задать. А старуха тутъ стала разглагольствовать о колдунѣ той и теткѣ ея Маргаритѣ, каковая одарена была способностью видѣть привидѣнія. И вотъ рассказала она мнѣ о томъ, какъ эта повитуха, ночью однажды, три савана видѣла, которые надъ пасторскимъ домомъ носились... А то дурнымъ предназначениемъ служить, да ужъ навѣрное даромъ не пройдетъ (такъ молвила она); пасторша, хотя барыня она знатная, но все же блѣднолица весьма и здоровьемъ слаба.

Не желая слушать долѣе ея болтовню, я изъ дому вышелъ и къ пасторату побрелъ, что выходитъ фасадомъ главнымъ на проѣзжую деревенскую дорогу. Въ какомъ-то страстномъ томленіи обращалъ я взоры на окошечки, но кромѣ горшковъ цвѣточныхъ ничего не примѣтилъ тамъ.

Вернуться мнѣ слѣдовало бы, а я впередъ двинулся, и на берегу морскомъ побывалъ, и куда ходилъ еще—не знаю, помню только, что къ полудню опять у церковнаго дома очутился. Но на этотъ разъ въ классную комнату я не пошелъ, а черезъ калитку на выгонъ вышелъ...

Никогда не забыть мнѣ того садика, что на выгонъ выходилъ, какъ и пасторатъ, но со стороны противоположной. Между садикомъ и пасторатомъ группа ивовыхъ кустовъ стояла, которая, окаймляла ровъ, повидимому, наполненный водою, ибо однажды видѣлъ я, какъ служанка оттуда шла съ ведрами въ рукахъ.

И когда я съ тревогою въ душѣ по этому садику бродилъ, внезапно услышалъ мелодичный женскій голосъ, звучавшій съ выгона... И пошелъ я на эти звуки, ласкавшіе мой слухъ. Миновавъ бузиновый кустарникъ, увидѣлъ я маленькаго Іоанна, шедшаго къ тѣмъ ивамъ и несшаго въ рученкахъ своихъ мохъ, здѣсь попадающійся.

Ребенку изъ этого мху хотѣлось устроить себѣ подобіе садика, что такъ часто дѣлають дѣти. Но вотъ опять до моего слуха долетаютъ слова: „Ну, подыми же это все теперь на ручки: вѣдь ты уже набралъ цѣлую охапку! да постой, я сама тебѣ поипу еще побольше, вѣдь тамъ, около бузиннаго куста, моху вдоволь!“

И вотъ она сама показала изъ-за ивы, не давъ мнѣ томиться въ сомнѣніи напрасномъ. Опустивъ глаза и смотря въ землю, она подходила ко мнѣ все ближе и ближе, такъ что я могъ разсмотрѣть ее безъ всякаго препятствія. Я опять увидѣлъ то-же съ дѣтскимъ выраженіемъ лице, напомнившее мнѣ чудное время, когда ради ея я подстрѣлил на деревѣ чудовищную сову. Нынѣ этотъ дѣтскій ликъ былъ блѣденъ и отпечатка счастья и бодрости духа въ немъ уже не было видно.

Такимъ образомъ, меня не замѣчая, она подошла ко мнѣ весьма близко; вотъ она опустила на колѣни на томъ мѣстѣ, гдѣ подъ кустомъ былъ мохъ; но руки ея до него не касались; голова ея упала на грудь и невидимая своимъ ребенкомъ, она какъ будто хотѣла хоть на минуту забыть свое тяжелое горе.

Тутъ тихо я сказалъ: „Катерина!“

Она подняла голову, я схватилъ ее за руку и сильно повлекъ за собою подъ тѣнь кустовъ. И тутъ послѣ того, какъ я наконецъ отыскалъ ее и стоялъ теперь передъ нею, не былъ въ состояніи вымолвить ни одного слова, она отворачивала отъ меня свои взоры

и въ заключеніе проговорила съ какимъ-то, почти безучастнымъ выраженіемъ въ голосѣ: „Такъ-то устроилась наша судьба, Іоаннъ! Я хорошо знала, что чужестранный художникъ, это былъ ты, но никакъ не думала, что сегодня ты придешь ко мнѣ!“

Я выслушалъ ея слова и потомъ сказалъ ей:

— Катерина, такъ ты теперь жена пастора?

Она стояла неподвижно и смотрѣла на меня съ какимъ-то оцѣпенѣніемъ и грустью. „Да, онъ приобрѣлъ право называть меня своей женой“, отвѣчала она, „а твое дитя носить честное имя“.

— Мое дитя, Катерина?

— И ты не чувствовалъ этого?... Вѣдь онъ сиживалъ у тебя на рукахъ; онъ самъ объ этомъ мнѣ однажды рассказывалъ.

— О, какъ не растерзать такому горю бѣдное человѣческое сердце! И ты, и мое дитя, вы оба потеряны для меня на вѣки!

Она смотрѣла на меня; не плакала, но была мертвенно блѣдна.

— Нѣтъ, я не хочу этого! вскричалъ я,—я требую...

И дикое бѣшенство овладѣло моимъ мозгомъ. Но ея маленькія ручки тотчасъ же взяли свѣжій, прохладный листъ и приложили его къ моему челу, а каріе глаза ея смотрѣли на меня изъ блѣднаго лица съ умоляющимъ выраженіемъ.

— Нѣтъ, Іоаннъ,—сказала она,—ты не сдѣлаешь этого, ты не захочешь, чтобы я стала еще болѣе несчастной.

— Но развѣ ты, Катерина, можешь жить подобнымъ образомъ?

— Жить? Довольно того, что онъ любитъ ребенка. Чего же еще больше требовать?

— Ну, а о насъ самихъ, о нашихъ прежнихъ отношеніяхъ, вѣдомо ли ему?

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула она стремительно. Онъ взялъ въ жены просто грѣшницу, ничего больше. О, Боже мой, не довольно ли того, что каждый новый день моей жизни всецѣло принадлежитъ ему.

Въ эту минуту донеслись до насъ звуки нѣжнаго, поющаго голоса.

— Это поетъ дитя; я должна идти къ нему; боюсь, чтобы не приключилось съ нимъ чего-либо!

— Останься; теперь онъ играетъ и забавляется мокомъ.

Она подошла ближе къ кустарнику и начала прислушиваться. Золотистое осеннее солнце еще порядочно грѣло, только со стороны моря вѣялъ легкій вѣтерокъ. За ивами раздавался голосокъ нашего дитяти, который пѣлъ:

„Два ангела меня хранять,
Два ангела меня ласкають,
Мнѣ въ очи ласково глядятъ
И райской жизни научають!“

Катерина пришла опять ко мнѣ и снова устремила на меня свои большіе, задумчивые глаза. „Ну, теперь прощай, Іоаннъ, тихо сказала она, больше мы не увидимся на этомъ свѣтѣ!“

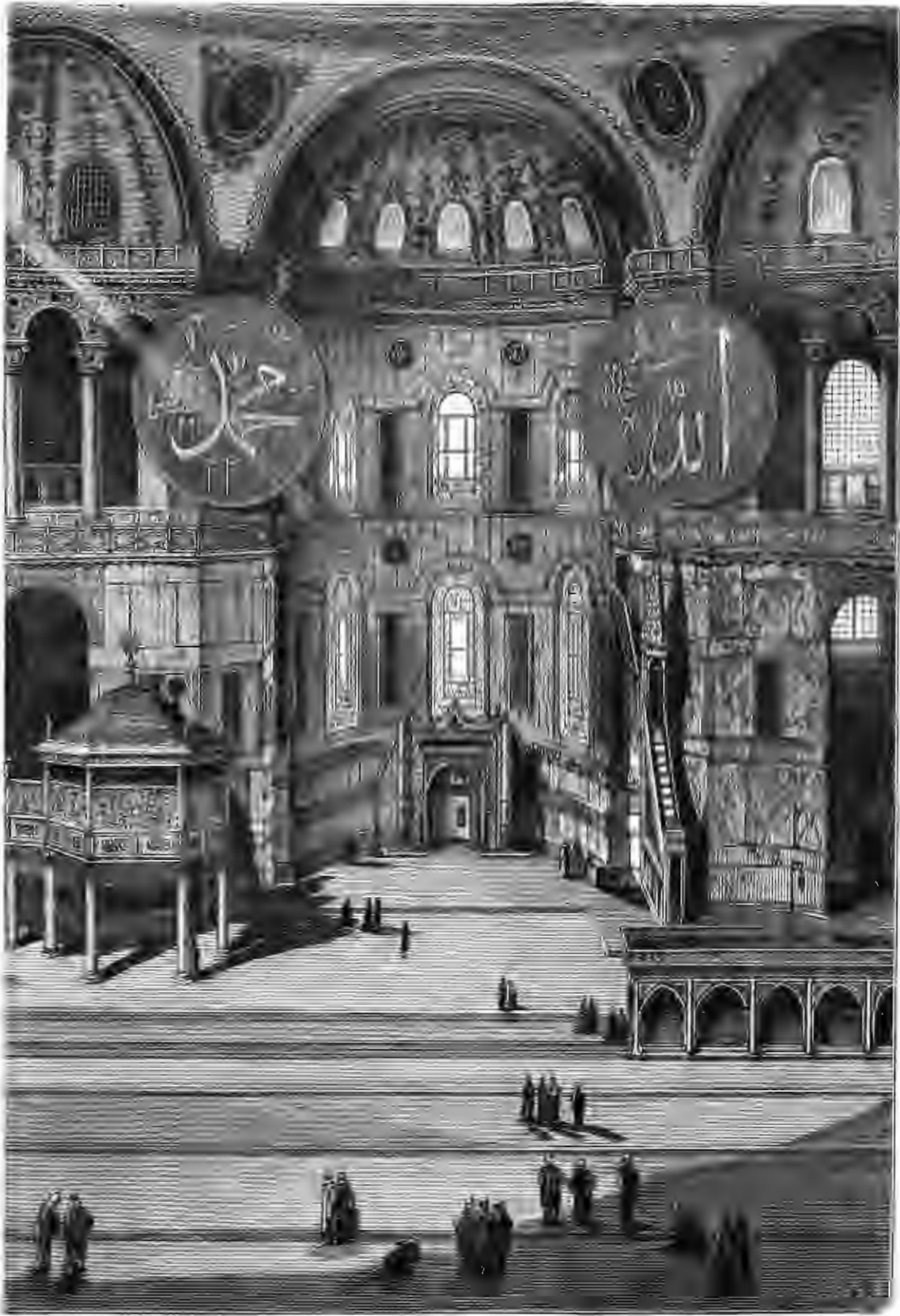
Напрасно я хотѣлъ прижать ее къ груди своей; я обхватилъ ее обѣими руками, но она оттолкнула меня и сказала съ бѣжностью:

— Ты знаешь, что я жена другого; не забывай этого.

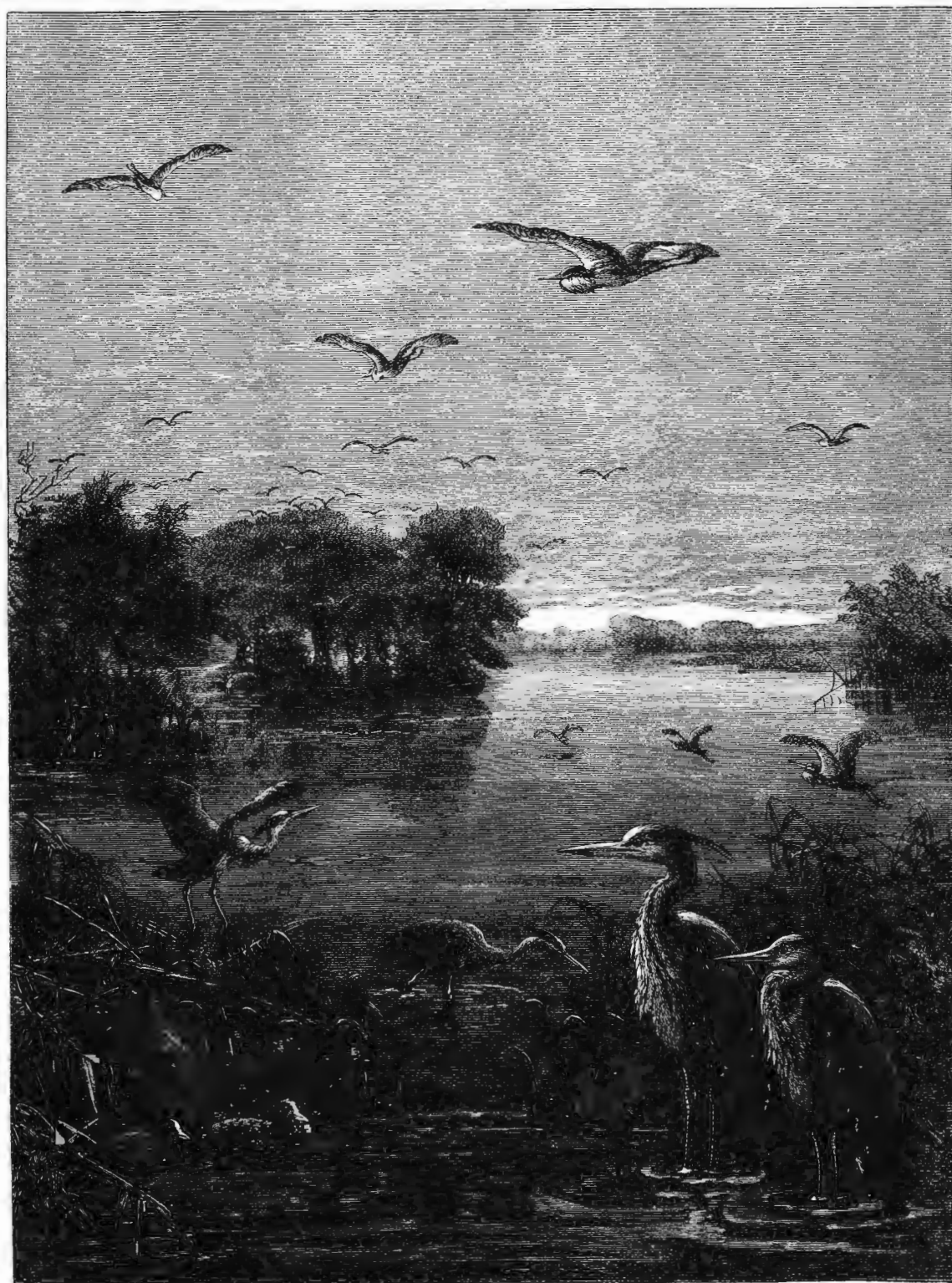
— А кому же, Катерина,—сказалъ я сурово,—принадлежала ты до того времени, когда начала принадлежать этому другому?

Болѣзненный стонъ вырвался изъ ея груди; она закрыла лицо руками и вскричала: „О, горе мнѣ! О, горе мнѣ бѣдному, опозоренному существу!“

Тогда я уже не могъ обуздать себя; я привлекъ ее къ себѣ на грудь и обхвативъ крѣпко, какъ бы же-

Мечеть Ая-Софія въ Константинополѣ. Рис. П. Пелье, грав. Робертъ.

Цапли (*Ardea*). Рис. Вольфъ, грав. Жоннаръ.

лѣзными объятіями сжималъ ее въ нихъ безъ конца! И ея очи смотрѣли въ мои, и ея алыя губки впились въ мои уста; мы страстно сжимали другъ друга: я бы въ силахъ былъ убить ее, если бы только намъ обоймъ можно было умереть въ одно и то-же время. И когда мой взглядъ, полный блаженства, любовался ея личикомъ, тогда она шептала мнѣ, почти задушаемая моими поцѣлуями: „О, какая долгая, грустная жизнь! О, Иисусъ милосердый, прости мнѣ этотъ часъ увлеченія!“

Вмѣсто отвѣта послышался суровый голосъ мужчины, изъ устъ котораго здѣсь впервые я услышала ея имя.

Зовъ раздавался со стороны сада пастора и былъ повторенъ гораздо громче: „Катерина!“ Минувало наше счастье: съ видомъ отчаянія посмотрѣла она на меня и молча, какъ тѣнь исчезла.

Когда я воротился въ домъ эконома, то послѣдній былъ уже тамъ. Онъ тотчасъ же началъ рассказывать объ исполненіи судебного приговора надъ бѣдной колдуньей. „Все это, вѣроятно, весьма мало интересовало васъ“, сказалъ онъ мнѣ, „въ противномъ случаѣ вы не воротились бы въ деревню, а пошли бы въ городъ, куда нашъ пасторъ погналъ всѣхъ мужиковъ и даже бабъ“.

Отвѣчать ему мнѣ не было времени; пронзительный крикъ раздался въ воздухъ: во всю жизнь я не забуду этого крика.

— Что такое тамъ случилось? вскричалъ я.

Экономъ вскочилъ на окно и сталъ прислушиваться, но болѣе ничего не было слышно. „Клянусь Богомъ“, сказалъ онъ, „это кричала женщина и этотъ крикъ доносился со стороны пасторскаго сада“.

Въ эту минуту вошла въ двери старуха-служанка. — Ну что, баринъ? кричала она мнѣ, саваны-то въ заправду упали на крышу пасторскаго дома!

— Что вы этимъ хотите сказать, бабушка?

— А то, что сына пастора, маленькаго Іоанна, только что вытащили изъ воды.

Я стремглавъ бросился вонъ изъ комнаты и миновавъ садъ добѣжалъ до пасторскаго двора, но подъ ивами текли по прежнему мутныя волны и тутъ же на травѣ видны были остатки мокраго ила. Не размышляя и не давая себѣ ни въ чемъ отчета я прешагнувъ бѣлую калитку и вошелъ въ садъ пастора. Я хотѣлъ уже войти въ самый пасторскій домъ, какъ самъ хозяинъ попался мнѣ на встрѣчу. Высокій, сухопарый мужчина былъ въ самомъ расположенномъ видѣ; глаза его были красные, а черные волосы въ беспорядкѣ падали на лобъ. „Что вамъ угодно?“ проговорилъ онъ. Я пристально глядѣлъ на него, но не могъ вымолвить ни одного слова. „Что же наконецъ вамъ угодно? Я васъ знаю!“ продолжалъ онъ. „Жена наконецъ все мнѣ рассказала“.

Эти слова развязали мнѣ языкъ.

— Гдѣ дитя мое? вскричалъ я. Тогда онъ произнесъ:

— Онъ утонулъ и оба родителя виноваты въ томъ, что умѣли охранять его.

— Такъ пустите меня къ моему мертвому ребенку!

И я, миновавъ его, хотѣлъ проникнуть въ самый домъ, но онъ заслонилъ мнѣ дорогу. „Жена“, сказалъ онъ, „склоняясь надъ трупомъ вопіеть къ Господу о грѣхахъ вашихъ. Вы не должны входить туда, ради спасенія бѣдной души вашей!“

Что отвѣчала я въ эту минуту, я почти не помню, но послѣдующія слова пастора глубоко запечатлѣлись въ моей памяти.

— Слушайте,—сказалъ онъ,—я васъ ненавижу всѣмъ сердцемъ; и вы, конечно, мнѣ платите тѣмъ же, хотя и надѣюсь, что Богъ по своему милосердію проститъ намъ и дастъ искупить эту взаимную ненависть, но кромѣ того у меня съ вами есть нѣчто общее, которое насъ связываетъ. Идите же теперь домой и заготовьте дос-

ку или полотно! Съ тѣмъ или другимъ приходите сюда завтра, рано утромъ, и снимите личико усопшаго. Не мнѣ и не моему дому, но здѣшней церкви, гдѣ онъ такъ часто бывалъ, въ продолженіи своей краткой и безгрѣшной жизни, вы можете пожертвовать вашу картину. Пусть она тамъ напомнитъ людямъ, что подъ костлявою рукою смерти все становится однимъ прахомъ!

Я удивленно посмотрѣлъ на моего собесѣдника, который еще не задолго передъ симъ, считалъ благородное искусство живописи какой-то всемірной блудницей, но все таки я обѣщавъ все учинить какъ слѣдуетъ.

Дома, между тѣмъ ожидало меня извѣстіе, которое изъ мрака прошлаго, вызвало грѣхъ и раскаяніе моей юности и я могъ узрѣть всѣ звенья, одно за другимъ, этой цѣпи моего бытія.

Братъ мой, котораго слабый организмъ сильно разстроился отъ страшнаго зрѣлища, при космѣ онъ долженъ былъ вчера присутствовать, захворалъ и залегъ въ постель. По приходѣ моемъ онъ поднялся. „Мнѣ еще нуженъ покой“, сказалъ онъ, подавая мнѣ листъ еженедѣльной газеты“; но прочти это самъ! Отсюда, ты увидишь, что замокъ Герръ Гергардуса перешелъ въ чужія руки, такъ какъ дворянчикъ Вульфъ, оставшійся холостымъ и бездѣтнымъ, отъ укушенія бѣшеннаго пса погибъ едва-ли не мучительной смертью“.

Я схватилъ листъ, который мой братъ подалъ мнѣ и это извѣстіе чуть не повергло меня въ обморокъ.

При этой страшной новости мнѣ казалось, что будто римскія ворота снова отворились передо мною, но ихъ оберегалъ ангель съ огненнымъ мечемъ и къ нему-то начало вопіять мое сердце: О, стражь, о, стражь Эдема, ты опоздалъ своимъ призывомъ!...

Эта смерть могла бы дать намъ жизнь; но теперь она можетъ лишь иныхъ устрашить и быть имъ ужаснымъ урокомъ. Я усѣлся въ моей верхней комнатѣ; прошли сумерки и настала ночь; я долго смотрѣлъ на вѣчныя звѣзды и наконецъ легъ въ постель; но успокоительный сонъ не смыкалъ очей моихъ. При моихъ возбужденныхъ чувствахъ, мнѣ представлялось странное явленіе. Мнѣ казалось будто надъ самымъ моимъ окномъ раздавались удары церковнаго колокола; я даже слышалъ эти удары надъ самою кроватью и считалъ ихъ въ теченіе всей ночи. Наконецъ замерцало утро. Бревна потолка моей комнаты еще казались какими-то туманными полосами, какъ я уже вскочилъ съ кровати и не успѣлъ еще жаворонокъ подняться надъ жнивой, какъ я уже былъ въ дорогѣ, оставивъ городъ далеко за собою.

Но какъ не рано я вышелъ со двора, я засталъ пастора уже стоящимъ на порогѣ его дома. Онъ проводилъ меня и сказалъ, что по его распоряженію уже сюда перенесли доску, краски и прочія художественныя принадлежности. При этомъ онъ взялся было за ручку дверей, ведущихъ въ ближайшую комнату.

Однако я удержалъ его, сказавъ: „если онъ въ этой комнатѣ, то дозвольте мнѣ остаться одному, чтобы заняться моей трудной работой!“

— Въ этомъ никто не будетъ вамъ препятствовать, возразилъ онъ и отнялъ руку отъ защелки дверей. Все, что необходимо для подкрѣпленія вашего тѣла, вы найдете на той сторонѣ, въ сосѣдней комнатѣ.

Онъ указалъ мнѣ на дверь по другую сторону сѣней и потомъ удалился. Моя рука коснулась той защелки, на которой только передъ этимъ покоилась рука пастора. Во всемъ домѣ стояла мертвая тишина; съ минуго я долженъ былъ собираться съ силами, чтобы отворить дверь. Это была большая, почти пустая горница, можетъ быть, служившая пастору для приготовления своихъ духовныхъ чадъ къ конфирмаціи; стѣны ея совершенно голыя были выбѣлены, а окна выходили на пустынное поле, тянувшееся вплоть до берега. Среди комнаты стоялъ бѣлый столъ, на подушкахъ котораго покоилось блѣдное, дѣт-

ское личико съ закрытыми глазками; маленькіе зубки подобно перламъ сверкали въ полуоткрытыхъ, невинныхъ устахъ.

Я припалъ къ трупъ моего сына и горячо молился. Потомъ я все приготовилъ, что для работы было нужно и началъ рисовать съ такою быстротою, кака я необходимо при снятіи портрета съ мертваго, такъ какъ ко второму сеансу это лицо можетъ совершенно измѣниться. Порою меня брала ужасъ отъ этой глубокой непрерывной тишины, но когда я переставалъ работать и начиналъ прислушиваться, то убѣждался, что все было тихо. Только разъ, какъ будто легкой вздохъ долетѣлъ до моего слуха.—Я подошелъ къ одру умершаго и наклонился къ его безжизненнымъ губкамъ, но при этомъ прикосновеніи, щеки мои почувствовали только одинъ холодъ смертный. Я оглянулся кругомъ; въ комнатѣ была видима лишь одна дверь; она, можетъ быть, вела въ спальню, откуда этотъ вздохъ и могъ долетѣть до моего слуха!

Но какъ я внимательно ни прислушивался, я не слышалъ ничего болѣе; можетъ статься, мои собственные чувства играли мною въ этомъ случаѣ. Я опять усѣлся и, поглядывая на маленькаго мертвеца, продолжалъ начатую работу; когда взглядъ мой упалъ на его ручки, которыя ничего не держали и покоились на покрывалѣ, мнѣ пришла мысль и я сказалъ самому себѣ: ты долженъ твоему ребенку сдѣлать какой-либо маленькій подарокъ! И я нарисовалъ на его портретѣ бѣлую водяную лилію, представивъ его держащимъ ее въ рученкахъ и какъ бы заснувшимъ, играя ею. Такого рода цвѣтокъ рѣдко встрѣчается въ этой мѣстности и потому онъ дѣйствительно могъ бы служить пріятнымъ подаркомъ.

Наконецъ голодъ оторвалъ меня отъ работы; мое утомленное тѣло требовало подкрѣпленія. Я отложилъ въ сторону кисть и палитру и черезъ сѣни направился въ комнату, указавшую мнѣ пасторомъ. Но лишь только я туда вошелъ, какъ чувство изумленія заставило меня попятиться обратно къ двери. Катерина стояла передо мною и, не смотря на черное, траурное платье, была очаровательно хороша; такъ счастье и любовь могутъ отразиться въ лицѣ женщины.

Но, увы, я скоро убѣдился, что передо мною не она, а лишь ея изображеніе, самимъ мною нѣкогда написанное. Вѣрно потому и не было ему мѣста въ отцовскомъ домѣ.—Но гдѣ же она сама? Или она увезена или заперта здѣсь гдѣ-либо?—Долго, очень долго смотрѣлъ я на портретъ; бывое время воскресало и терзало мнѣ сердце. Наконецъ, въ силу необходимости, отломивъ кусокъ хлѣба и проглотивъ двѣ рюмки вина, я снова возвратился къ моему дорогому усопшему ребенку. Когда я вошелъ въ комнату и снова хотѣлъ сѣсть за работу, мнѣ показалось, что вѣки глазъ маленькаго личика немного приподнялись. Тогда я наклонился надъ трупомъ, въ надеждѣ еще разъ уловить взглядъ моего ребенка, но передо мною по прежнему лежали холодныя очи, такъ что мнѣ даже сдѣлалось страшно. Смотра въ эти глаза мнѣ казалось, что въ нихъ выражается упрекъ ко-го-либо изъ моихъ предковъ и что этотъ незримый обличитель, черезъ посредство этого младенческаго взгляда хотѣлъ сказать мнѣ: „Мое проклетіе поразило васъ обонхъ“!—Но вдругъ, не будучи въ силахъ удержать своего порыва, я обнялъ обѣими руками маленькій, блѣдный трупикъ, и прижалъ его къ своей груди и, обливаясь горькими слезами, впервые лобызалъ моего возлюбленнаго ребенка.—Нѣтъ, нѣтъ, мой бѣдный мальчикъ, твоя душа, способная внушить любовь самому жестокому человѣку, не можетъ проявляться въ подобномъ взглядѣ; то, что въ немъ выражается, выражается только одною смертью. Тутъ вина всему не въ глубинѣ страшнаго прошлаго, но виновать во всемъ твой собственный отецъ; виновность поразила всѣхъ насъ ужаснымъ проклетіемъ.

Заботливо я положилъ опять моего ребенка въ подушку и тихо закрылъ ему глаза. Потомъ обмокнулъ свою кисть въ темно-красную краску и начертилъ внизу картины, на темномъ фонѣ, буквы: С. Р. А. S. То обозначало: *Soulra patris aquis submersus*. „По винѣ отца въ водѣ утонувшій“. И подъ впечатлѣніе этихъ словъ, постоянно раздававшихся въ ушахъ моихъ, и рѣзавшихъ мою душу, какъ бы лезвіемъ шпаги я докончилъ картину. Въ продолженіе моей работы во всемъ домѣ царствовала мертвая тишина только на послѣдокъ, за тою дверью, за которою я чаялъ существованіе спальни, слышенъ былъ иногда тихій порохъ. Не скрывалась-ли тамъ Катерина, чтобы невидимо присутствовать при моемъ тяжеломъ трудѣ? Я не могъ рѣшить этой загадки. Уже вечерѣло. Моя картина была готова, и я хотѣлъ удалиться, но не могъ оставить домъ, не сказавъ никому ни слова о своемъ уходѣ.—Такимъ образомъ, я стоялъ въ нерѣшимости, и смотрѣлъ въ окно, на пустынные поля, на которыя уже начинали ложиться сумерки; но вотъ со стороны сѣней отворилась дверь и вошелъ пасторъ; онъ молча поклонился; потомъ со сложными руками всталъ среди комнаты и началъ смотрѣть, то на портретъ, то на личико трупа, какъ бы дѣлая между оными тщательное сравненіе. Но когда его взоры упали на лилію, изображенную мною на портретѣ, то поднялъ обѣ руки какъ бы отъ чувства боли, и я видѣлъ, какъ неожиданно изъ глазъ его полились слезы обильнымъ потокомъ. Тогда простеръ и я мои руки надъ покойникомъ и громко воскликнулъ:

„Прощай, дитя мое! О, мой Іоаннъ, прощай!“

Въ этотъ моментъ мнѣ послышались тихіе шаги въ сосѣдней комнатѣ; кто-то шарилъ за дверью; я отчетливо слышалъ какъ произнесли мое имя или, можетъ быть, этотъ зовъ относился къ моему умершему ребенку? Потомъ за дверью зашумѣло какъ бы женское платье и послышался шумъ паденья какого-то тяжелаго тѣла. Катерина! вскричалъ я. И уже подскочилъ къ дверямъ и началъ трясти ручку замкнутой двери, когда пасторъ удержалъ меня за руку. „Это уже мое дѣло!“ произнесъ онъ, „теперь уходите, уходите съ миромъ и да умило-сердится Богъ надъ всѣми нами“!

И я тогда дѣйствительно ушелъ и не помню самъ, какъ очутился уже идущимъ по пустынной мѣстности по направленію къ городу. Еще одинъ разъ обернулся я назадъ чтобы посмотрѣть на только что покинутую мною деревню, которой неясныя очертанія еще виднѣлись среди вечерняго мрака. Тамъ я оставилъ моего мертваго сына, Катерину,—все, все!—Моя старая рана жгла грудь мою и было что-то необычайное въ томъ, что я вдругъ услышалъ прибой волнъ съ далекаго берега, когда до той поры никогда не было мнѣ слышно ничего подобнаго. Ни одна живая душа не встрѣчалась мнѣ на дорогѣ; ни одна птица не кричала въ воздухѣ; но глухой гулъ моря слышался мнѣ все внятнѣе и внятнѣе, подобно страшнѣйшей колыбельной пѣснѣ: *Aquis submersus—aquis submersus!*

Здѣсь кончается рукопись.

Да, было время когда этотъ самый художникъ Іоаннъ чувствовалъ въ себѣ задатки сильнаго таланта и надѣялся произвести нѣчто великое въ области своего искусства, но всѣ эти надежды остались одними словами, исчезнувшими въ воздушномъ пространствѣ.

Имя его не удостоилось извѣстности въ потомствѣ; и едва ли отыщете вы его въ какомъ либо биографическомъ словарѣ художниковъ; даже и на его незначительной по пространству родинѣ, никто не знаетъ ничего о живописцѣ этого имени. Большая картина, изображавшая „Воскресеніе Лазаря“ хотя и упоминается въ хроникѣ нашего города, но ужъ въ началѣ

настоящаго столѣтія, по сломкѣ нашей древней церкви, она вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными произведеніями

искусства была продана за безцѣннокъ и исчезла Богъ знаетъ куда.

Конецъ.

КАБАРДИНЦЫ.

Предки нынѣшнихъ кабардинцевъ жили давнымъ давно въ окрестностяхъ Анапы. Вмѣстѣ съ другимъ племенемъ, адиге, они составляли одинъ народъ, говорившій на одинаковомъ языкѣ и состоявшій только изъ одного сословія. По умноженіи населенія часть адиге, жившая близъ Анапы, перешла къ Азовскому морю, гдѣ и поселилась въ Крыму,

слившись съ народами, бѣжавшими сюда отъ нашествія гунновъ. Изъ этого слиянія возникло новое племя кабардинцевъ. Правитель кабардинцевъ, Берекъ, раздѣлилъ весь народъ на классы. Высшій образовался изъ туземныхъ старшинъ, иностранцевъ, пагайскихъ мурзъ, абазинскихъ и осетинскихъ узделей. Сюда входили „тврдые ходатан“, послѣдники между княземъ и народомъ; они наблюдали за сохраненіемъ старыхъ обычаевъ въ чистотѣ и за соблюденіемъ крестьянскихъ правъ. Ко второму классу отнесены „княжескіе дворяне“—родъ сваты князя; къ третьему—„молоды“, просто храбрые люди, возведенные владѣльцами въ свои родные сподвижники, какъ бы въ рыцари. Среднее сословіе—ядро племени адиге—было сильно численностью, богатствомъ и производительностью. Низшее—рабы и отщепенцы. Въ послѣднее время существованія независимыхъ Большой и Малой Кабарды вся власть сосредоточилась въ рукахъ валия и мекхеме. Валий, старшій по лѣтамъ кабардинскій князь, Мекхеме—собраніе. Положеніе князя было чрезвычайно высоко. Онъ всюду являлся окруженный приближенными, при чемъ строго былъ опредѣленъ церемоніалъ, гдѣ и въ какомъ порядкѣ должны были они размѣщаться; всякій верховой кабардинецъ, встрѣтившій князя, долженъ былъ вернуться назадъ и провожать его до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ отпущенъ. Если же князь не на конѣ, а идетъ пѣшкомъ, то всѣ встрѣчные кабардинцы спѣшивались. Случалось, что ревнуя объ исполненіи старинныхъ обычаевъ, кабардинскіе князья заставляли даже бѣжавшихъ въ тяжело нагруженныхъ арбахъ воротаться назадъ и сопутствовать себѣ на значительныхъ разстояніяхъ. Требовательностью въ этомъ отношеніи особенно раздражали князья Тахтамышевы. Непомѣрная гордость и заносчивость ихъ, наконецъ, стали нестерпимы и народъ общимъ собраніемъ своимъ лишилъ ихъ княжескаго званія. Даже умершіе князья не хоронились на общественныхъ кладбищахъ. Одиновія ихъ могилы всегда обозначены высокими памятниками, разбѣянными по всей Кабардѣ.

Рожденный отъ холопа и свободной женщины былъ свободнымъ; сынъ князя и женщины не княжескаго происхожденія не считается княземъ. Воспитаніе княжескихъ дѣтей до семилѣтнаго возраста предоставлялось какому-нибудь почтенному ворку (дворянину), въ домѣ у котораго они жили. Князья распространяли свое вліяніе на всѣ окрестныя племена, кромѣ кабардинскаго, а нѣкоторые довели даже до состоянія рабства. Если княжескимъ холопомъ положенъ былъ камень у дверей сакли карачаевца, чегемца, хуламца и безенгевца, то этого вполнѣ было достаточно для владѣльцамъ сакли входа и выхода изъ нея. Такъ точно и по отношенію къ пользованію пахотной и луговой землей князь имѣлъ неограниченную власть.

Кабардинскіе князья чрезвычайно уважались грузинскими царями, крымскими ханами, шамханами Тарковскими и другими ближайшими владѣльцами, а одна кабардинская княжна, Марья Темрюковна, была даже супругою цари и самодержца всея Россіи, Иоанна Грознаго. Русскіе князья Алецковы, Бекевичи Черкасскіе и просто Черкасскіе происходятъ изъ кабардинскихъ родовъ.

Кабардинцы—русскимъ болѣе известны были подъ именемъ „черкесъ“ и изстари составляли самую аристократическую расу въ Горномъ Кавказѣ.

Судебная власть въ сѣ сосредоточивалась прежде въ рукахъ главы семейства. Кабардинецъ Шора Ногмовъ въ своей „Исторіи адигейскаго народа“ говоритъ, что „народъ этотъ не терпѣлъ неограниченнаго влѣстителя на землѣ своей и думалъ, что лучшее благо человѣка—безусловная свобода. Но въ семьѣ старшій имѣлъ власть неограниченную. Отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрою. Всякій жилъ гдѣ и какъ хотѣлъ; но въ важныхъ случаяхъ единоплеменные сходились для совѣщаній и народъ уважалъ приговоръ старцевъ. Такимъ образомъ опредѣлялись войны, избирались вожди“. Потомъ, общія собранія, потерявъ права иниціативы, собиравались только для обсужденія предложеній владѣльцевъ и наконецъ народное представительство обратилось исключительно въ собраніе ворковъ (дворянъ) и духовенства. Самый популярный изъ всѣхъ владыкъ Кабардинскаго народа, князь Иналь, управлявшій адигейцами въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ поставилъ, вмѣсто главъ семейства, сорокъ судей надъ своимъ племенемъ. Только князь Бераланъ устраиваетъ здѣсь болѣе опредѣленную форму суда. Въ каждомъ аулѣ онъ учре-

Черкесъ изъ Кабарды (Терской области) Рис. В. Верещагинъ, грав. Лаплантъ.

при адигейскаго народа“ говоритъ, что „народъ этотъ не терпѣлъ неограниченнаго влѣстителя на землѣ своей и думалъ, что лучшее благо человѣка—безусловная свобода. Но въ семьѣ старшій имѣлъ власть неограниченную. Отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрою. Всякій жилъ гдѣ и какъ хотѣлъ; но въ важныхъ случаяхъ единоплеменные сходились для совѣщаній и народъ уважалъ приговоръ старцевъ. Такимъ образомъ опредѣлялись войны, избирались вожди“. Потомъ, общія собранія, потерявъ права иниціативы, собиравались только для обсужденія предложеній владѣльцевъ и наконецъ народное представительство обратилось исключительно въ собраніе ворковъ (дворянъ) и духовенства. Самый популярный изъ всѣхъ владыкъ Кабардинскаго народа, князь Иналь, управлявшій адигейцами въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ поставилъ, вмѣсто главъ семейства, сорокъ судей надъ своимъ племенемъ. Только князь Бераланъ устраиваетъ здѣсь болѣе опредѣленную форму суда. Въ каждомъ аулѣ онъ учре-

Часовой въ Москвѣ въ Дюпетровское время. Ориг. рис. И. Панова, грав. Бренд'Амуръ.

диль хазжи—трегетский судъ, гдѣ разбирались всѣ дѣла, за исключеніемъ уголовныхъ. Этотъ порядокъ существовалъ до XVIII вѣка, т. е. до окончательнаго обращенія народа изъ христіанства въ исламъ. Князь Адель-Гирей Хатожукинъ, первый главнымъ образомъ сталъ здѣсь вводить мусульманство систематически. Онъ ввелъ шеріатъ, по которому преступники всѣ безъизыятія, смотря по важности преступленія, подвергались смертной казни и тѣлесному наказанію. За воровство не болѣе рубля—рубилъ лѣвую руку, свыше рубля до 100 р. отнимали правую руку и лѣвую ногу. За развратъ—смерть, за убійство—тоже. Такимъ образомъ со введеніемъ сюда мусульманства судебная власть кабардинцевъ сосредоточилась въ рукахъ муллъ. Русскіе, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ опытовъ, въ 1807 году учредили судъ мекхеме, отдѣльный для каждаго колѣна Кабарды. Судъ мекхеме состоялъ изъ одного валия и 12 членовъ, изъ которыхъ двое было князей, остальные—уздени. Но судъ этотъ былъ сословнымъ судомъ и кабардинцы все таки въ большинствѣ случаевъ обращались къ безопадно грабившимъ ихъ мулламъ. Въ 1822 г. генералъ Ермоловъ устроилъ здѣсь временные смѣшанные суды, въ которыхъ принимали участіе князья, уздени и русскіе чиновники. Уголовныя преступленія, каковы: убійство, измѣна, возмущеніе, побѣгъ за предѣлы линій со злымъ намѣреніемъ, укрывательство и подвождъ хищниковъ къ злодѣйствамъ, сношенія съ ними, набѣги въ границы линій, обнаженіе оружія въ ссорахъ съ причиненіемъ ранъ, наказывались по рѣшеніямъ военнаго суда. Всѣ остальные преступленія вѣдались судомъ вновь учрежденнымъ. Суду духовному—суду муллъ—были предоставлены только преступленія противъ вѣры, несогласія между супругами, дѣла между родителями и дѣтьми и т. д. Суды этого рода, несмотря на ихъ крайнюю непопулярность, несмотря на то, что они себя не разъ скомпрометировали самыми несправедливыми приговорами, не смотря, наконецъ, на постоянныя ходатайства кабардинцевъ объ ихъ упраздненіи, существовали до 1858 года, когда былъ учрежденъ окружной народный судъ, оставшійся еще и до настоящаго времени. Имѣя въ виду, что ничѣмъ инымъ не характеризуются такъ хорошо народныя нравы, какъ судебными процессами, мы приведемъ, наиболѣе характерныя изъ нихъ.

Въ Малокабардинскомъ участкѣ, во время танцевъ на свадьбѣ, молодой человекъ хотѣлъ уступить танцовавшую съ нимъ дѣвушку гостю, тоже желавшему потанцовать. Братъ дѣвушки принялъ это за обиду и ранилъ кавалера своей сестры.

Въ Черекскомъ участкѣ старикъ, замѣтивъ, что 8-ми-лѣтній мальчикъ, прогоняя быковъ, пустилъ ихъ травить его сѣно, сталъ бранить его и ударилъ хворостиной. Ребенокъ, выхвативъ винжалъ, убилъ обидчика. Проѣзжій, разъ забѣжавъ къ своему знакомому и не заставъ его, взялъ у него со стѣны арканъ на время, за что и былъ убитъ хозяиномъ. Въ 1868 г. юноша, желавшій жениться на любимой дѣвушкѣ и не имѣя возможности заплатить за нее калыма, пригласилъ трехъ товарищей помочь ему увести ее силой. Ночью молодежь, подѣлавъ къ саклѣ дѣвушки и выломавъ дверь, ворвалась туда, пользуясь отсутствіемъ мужчинъ. Женщины, узнавъ намѣреніе ворвавшихся, стали защищать похищаемую дѣвушку, наконецъ 12-лѣтняя сестра ея, замѣтивъ, что молодежь ихъ одолеваетъ,

схватила ножницы, которыми стригутъ барановъ и переранивъ всѣхъ нападающихъ, убила жениха на мѣстѣ.

Каждый семьянинъ, у котораго здѣсь крадутъ дѣвушку, считаетъ себя глубоко оскорбленнымъ. Тотчасъ же начинается преслѣдованіе и если погоня удачна, дѣло непременно оканчивается убійствомъ. Обыкновенно же молодежь спѣшитъ похищенную красавицу спрятать куда-нибудь подалеже въ дѣсь, или въ домъ почетнаго родственника. Послѣ успѣшнаго похода похищенія, родственники жениха, чрезъ посредство почетныхъ людей, вступаютъ въ переговоры съ родителями дѣвушки. Если послѣдніе заупрямятся, то дѣвушка должна вернуться во чтобы то ни стало, хотя бы она иламенно хотѣла остаться женою похитителя. Большая часть похищеній дѣлается по взаимному уговору дѣвушки съ женихомъ при пособничествѣ ея подругъ. Чаще всего случаи этого рода совершаются на праздникахъ во время танцевъ. Подруги, составивъ группу, гуляютъ по двору, во время антрактовъ между двумя танцами. Такимъ образомъ онѣ будто случайно заходятъ въ саклю, оттуда заднимъ ходомъ, въ огородъ или садъ, гдѣ уже ждетъ женихъ съ товарищами. Похищеніе обнаруживается только по окончаніи праздника, когда бѣжавшіе уже находятся далеко.

По существовавшему въ прежнее время обычаю, дѣвушка, рискуяшая бѣжать и выйти замужъ за челоука, ниже ея происхожденія, отбиралась отъ послѣдняго и продавалась въ рабство, какъ неумѣвшая поддержать своего сословнаго достоинства, а похититель лишался жизни.

Воровство въ Кабардѣ—не преступленіе, а удалъ, молодецество; воровствомъ юноша хвалится передъ любимой дѣвушкой. Едва ли найдется много кабардинцевъ, которые, вспоминая свое прошлое, скажутъ, что они ничего не крали. Даже кабардинскіе суды не смотрѣли на воровство какъ на проступокъ. Въ 1866 г. они ходатайствовали передъ начальствомъ, чтобы вмѣсто арестантскихъ ротъ виновныхъ въ воровствѣ, какъ въ молодечествѣ и удалствѣ, опредѣлять въ военную службу. Понятно, что ходатайство это не могло имѣть успѣха.

Пойманный въ воровствѣ можетъ очиститься только присягою двухъ благонадежныхъ людей. Разъ случилось, что таковыя, прежде чѣмъ оправдать заподозрѣннаго, хотѣли его самого привести къ присягѣ. Присяга дается въ такой формѣ:

„Клянусь, что не воровалъ ничего съ тѣхъ поръ, какъ былъ спеленанъ и лежалъ въ люлькѣ“.

Обвиняемый присягнулъ, затѣмъ присягнули поручители и дѣло окончилось. Спустя нѣкоторое время хозяинъ украденной лошади случайно добылъ ясныя улики противъ оправданнаго. Немедленно представивъ ихъ, онъ потребовалъ обвиненія воровъ въ клятвенномъ преступленіи.

— Гауръ проклятый! напустился на него всѣ, посоветился бы класть страмъ на наши сѣдья головы... Говори: принялъ ложную присягу?

— Нѣтъ! улыбаясь и спокойно отвѣчалъ обвиняемый.

— Какже такъ?

— Пока вы совѣщались съ присяжными, я сходилъ въ саклю матери, попросилъ спеленать себя и прилежъ на минуточку въ люльку, ну а послѣ и далъ вамъ присягу.

Немировичъ-Данченко.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Мечеть Ая-Софія въ Константинополь.

Среди немногихъ памятниковъ древняго византійскаго зодчества, храмъ св. Софіи, нынѣ мечеть Ая-Софія, стоитъ совершенно особнякомъ и нигдѣ не имѣетъ ничего себѣ подобнаго. Это, безспорно, грандіознѣе зданіе Константинополя; своими массивными размѣрами выдѣляется оно изъ всѣхъ зданій его окружающихъ и издалека видно путнику, приближающемуся къ столицѣ высокой Порты. Но кромѣ того, помимо своей важности, какъ драгоцѣнный памятникъ средневѣковаго искусства, храмъ св. Софіи имѣетъ еще велико-духовное, мистическое значеніе. Этотъ храмъ, святыня для всѣхъ православныхъ, нынѣ поруганъ, обращенъ въ мечеть, лишены своихъ лучшихъ украшеній; но греки глубоко увѣрены, что дорогой имъ храмъ не всегда будетъ во власти турокъ, что придетъ время когда снова крестъ замѣнитъ на храмѣ ненавистную лулу и снова надъ сводами св. Софіи раздастся славословіе Спасителя. Эту надежду выражаютъ они и въ своихъ предаціяхъ и въ своихъ народныхъ пѣсняхъ. И дѣйствительно, исторія храма, обильная знаменательными событиями, можетъ служить достаточнымъ основаніемъ того глубокаго религіознаго чувства и того обожанія, которыя питаютъ къ нему греки. Извѣстно, что въ то время, когда восточная римская имперія, управляемая Юстиніаномъ, стояла въ зенитѣ своего могущества, а именно въ 530 г., сгорѣла въ Царьградѣ церковь, построенная еще Константиномъ Великимъ во имя св. Софіи премудрости божіей. Тогда Юстиніанъ, вообще любившій роскошь и великолѣпіе, возымѣлъ мысль построить на этомъ самомъ мѣстѣ такой храмъ, который могъ бы затмить собою пресловутый храмъ Соломона. Онъ поручилъ эту постройку двумъ способнѣйшимъ строителямъ своего вре-

мени, Антениосу изъ Траллеса и Исидору изъ Минета и отпустилъ на нее громадную сумму. Работы по сооруженію продолжались шестнадцать лѣтъ, причемъ до десяти тысячъ рабочихъ трудились надъ постройкой. Планъ храма представляетъ крестъ заключенный въ квадратъ, каждая сторона котораго ровна 33-мъ сажанямъ. Надъ его сосредоточіемъ возвышается пологій куполь, покоющійся на четырехъ массивныхъ столбахъ. Вышина главнаго купола, построеннаго изъ легковѣсныхъ материаловъ, какъ то: пемзы и родосскаго кирпича, отъ помоста равна 180 футамъ. Все зданіе поддерживается 80 колоннами и 104 столбами. Материалы для постройки, состоящіе изъ мрамора, гранита, порфира и прочаго, свозились изъ разныхъ частей имперіи. Такъ, четыре красныхъ порфировыхъ колонны были доставлены изъ бельбевскаго храма, а восемь малахитовыхъ столбовъ изъ Эфеса, изъ храма Діаны. Внутренняя отдѣлка и украшенія храма столь были роскошны, что Юстиніанъ, посѣтивъ его въ первый разъ, громко воскликнулъ: „О Соломонъ, я побѣдилъ тебя“!... Тысячи поклонниковъ стекались ежегодно со всего христіанскаго востока, чтобы подивиться чудесной въ то время постройкѣ. 20 лѣтъ спустя землетрясеніе разрушило восточный куполь и повредило средній, но храмъ былъ поправленъ съ прежнею роскошью, пока его снова не опустошили и не ограбили латиняне послѣ взятія ими Константинополя. Съ тѣхъ поръ храмъ лишился многихъ своихъ драгоцѣнныхъ украшеній и приходилъ болѣе и болѣе въ упадокъ. Когда султанъ Мухамедъ II, взявъ Царьградъ, обратилъ его въ мечеть, тогда этотъ храмъ обезобразили минаретами и другими атрибутами мусульманской религіи, и зачислили въ число 14 султанскихъ мечетей или Джаміи.

Благодаря послѣднему обстоятельству этотъ храмъ былъ сох-

раняемъ весьма бережно и, кромѣ того, турки приняли его за образецъ для постройки всѣхъ своихъ мечетей, не взирая на то что, крестъ составляетъ основной планъ постройки.

При султанѣ Абдуль-Меджидѣ, храмъ былъ значительно реставрированъ братьями Фоссети, которые освободили его отъ излишнихъ пристроекъ и конترفосовъ, а внутри сняли известъ съ драгоценной мозаики, такъ что нынѣ всѣ изображенія ангеловъ и святыхъ почти совершенно открыты, за исключеніемъ ихъ ликовъ, которые по прежнему замазаны. Повсюду просвѣчиваютъ различныя узоры и херувимы громаднаго размѣра, а надъ горнымъ мѣстомъ сквозитъ ликъ Богоматери съ младенцемъ Иисусомъ. Турки прибавили лишь къ общему убранству каедръ и мѣсто, гдѣ хранится коранъ; то и другое обращены къ Меккѣ. Даже циновки устилающія весь храмъ расположены перпендикулярно по тому же направленію. На массивныхъ столбахъ, поддерживающихъ куполъ и арки, привѣшены огромныя щиты съ золотыми шифрами на зеленомъ полѣ, царствующаго султана. Многочисленные хоры храма, украшены красивыми перилами, съ изваяніями орловъ и цвѣтвъ и эмѣями извивающагося около колоннъ и на громадной высотѣ ихъ перила кажутся снизу какимъ-то причудливымъ кружевомъ. Если же смотрѣть съ этихъ хоръ на помостъ храма, то всѣ молящіяся представляются карликами, и только тогда понимаешь всю колоссальность размѣровъ этой грандіозной постройки и все великолѣпіе плана ея строителей.

ЦАПЛЯ (ARDEA).

Семейство цапель чрезвычайно богато видами и водится повсюду, за исключеніемъ дальняго сѣвера. Близость воды—необходимѣе условіе для ихъ мѣстожителства. Живутъ онѣ большею частію цѣлыми обществами, но общественная жизнь ихъ чрезвычайно мало развита, и дерущихся изъ-за добычи цапель можно встрѣтить сплошь да рядомъ. Походка ихъ медленная, какъ бы обдуманная, полетъ, хотя и быстрый, но однообразный, онѣ даже умѣютъ плавать, но такъ не ловко и неуклюже, что вызываютъ невольный смѣхъ наблюдателя; голосъ ихъ далеко не гармоничный, скорѣе даже неприятный, похожъ на скрипъ несмазаннаго колеса; изъ всѣхъ чувствъ, больше всего развито зрѣніе. Въ лицѣ цапли мало разборчивы: онѣ ѣдятъ маленькихъ млекопитающихъ, рыбъ, разныхъ пресмыкающихся, улитокъ, червей, раковъ и даже мелкихъ птицъ.

Тихо, какой-то важной и размѣренной поступью, шествуетъ цапля по вязкому болоту, согнувъ свою длинную шею такъ, что голова лежитъ на плечахъ, а клювъ вытянутъ вдоль шеи. Зорко осматриваетъ она свое болото и, не смотря на кажущуюся апатичность, сильно занята отысканіемъ добычи; она жадно глядитъ въ воду и съ быстротою молнии вонзаетъ свой острый клювъ въ избранную жертву. Очень часто можно видѣть на болотѣ меланхолически стоящую цаплю; кажется она спитъ и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на окружающее, но это только кажется: ея зоркій глазъ не упуститъ добычи, и такое спокойное положеніе служитъ лишь для того, чтобы легче обмануть беспечную жертву. Ходитъ цапля очень осторожно и нападаетъ на добычу быстро, выбрасывая свой клювъ точно стрѣлу изъ лука. Лягушка—любимое блюдо цапель и ловлею ихъ онѣ очень охотно занимаются. Курьезно видѣть цаплю, поймавшую лягушку: для того, чтобы ее проглотить и непремѣнно съ головы, цапля швырнетъ ее вверхъ, или въ стороны, вновь ее ловитъ и вновь бросаетъ, играя съ нею какъ кошка съ мышью, но лишь только добыча попадетъ въ ея клювъ удобно—лягушка проглатывается цѣликомъ. Клювъ у цапли очень сильное оружіе какъ для добыванія пищи, такъ равно и для самозащиты. Гнѣзды свои цапли вьютъ большею частью въ болотѣ—въ камышахъ, весьма не затѣйливо, но прочно. Яицъ самка наноситъ не болѣе 6 и высиживаетъ ихъ безъ помощи самца, который, во все время высиживанія, кормитъ свою подругу. Молодня долго сидятъ въ гнѣздѣ и заботливо выкармливаются родителями; но чуть только окрѣпнутъ и выйдутъ изъ гнѣзда родители предоставляютъ ихъ самимъ себѣ, прекращая всякую заботливость о своихъ дѣтяхъ.

Цапли весьма сильно уничтожаютъ рыбу и тамъ, гдѣ ихъ много, гдѣ онѣ живутъ цѣлыми стаями, рыба уменьшается весьма замѣтно, вслѣдствіе чего, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи устраиваются цѣлыя охоты на цапель, и онѣ избираваются въ громадномъ количествѣ.

Не смотря на сильное вооруженіе, цапля очень боится орловъ, ястребовъ, соколовъ, совъ и даже воронъ и сорокъ; послѣднія любятъ полакомиться яйцами и молодыми птенцами цапель. Въ прежнее время была развита соколиная охота и любятели ея весьма большое удовольствіе доставляла случай пустить сокола на цаплю. Этимъ дѣломъ въ старину и у насъ любилъ потѣшаться. Цапля, замѣтивъ сокола, старалась поспѣшно подняться на воздухъ. Соколъ нападалъ съверху, какъ камень падалъ на цаплю, и оба кружились на воздухѣ спускались на землю. Случалось, что цапля вступала въ бой съ своимъ сильнымъ противникомъ и эта воздушная битва, кончавшаяся большею частью побѣдой сокола надъ цаплей, доставляла интересное зрѣлище нашимъ дѣдамъ.

Лучшимъ представителемъ цапель считается такъ называемая

благородная серебристо-бѣлая цапля; живетъ она въ южной Европѣ, южн. Сибири и Азіи и въ Сѣв. Америкѣ. Она имѣетъ великолѣпное ослѣпительно-бѣлое опереніе, отличается отъ всѣхъ своихъ родичей красотой, величиною и нѣкоторою граціозностью. Выслѣживая добычу, бѣлая цапля очень часто любитъ стоять на одной ногѣ, представляя изъ себя какъ бы козусъ, обращенный вершиною къ водѣ. Хотя эта цапля очень осторожна и робка, но тѣмъ не менѣе она скорѣе всѣхъ своихъ родственниковъ способна приручаться.

Е. В.

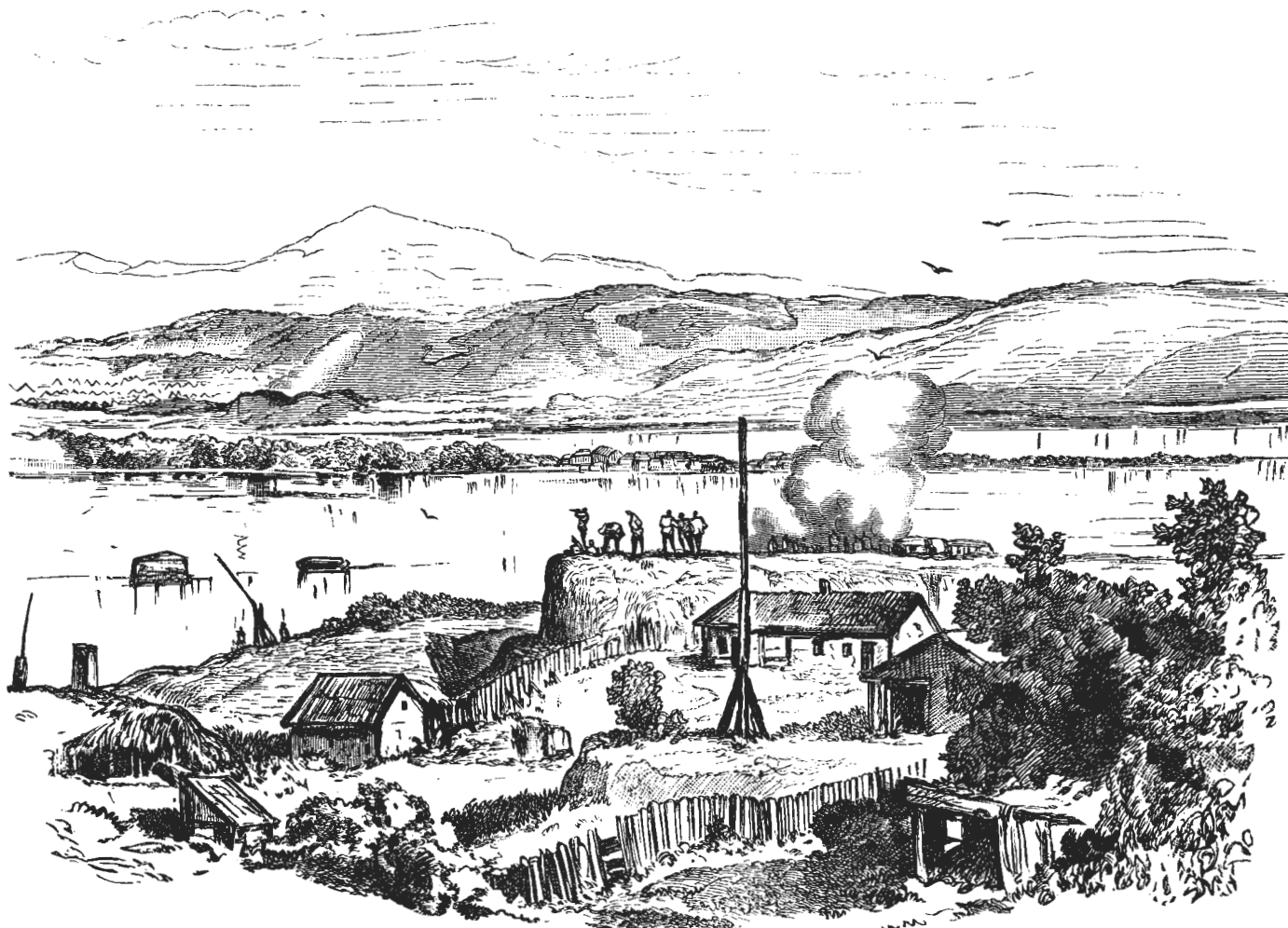
Часовой въ Москвѣ въ Допетровское время.

Часовой, здѣсь представленный, стоитъ въ полдень на посту. Но время это было тяжелое для стариннаго русскаго человека, чтобы провести его въ бодрственномъ состояніи. Въ старину русскіе люди непремѣнно въ полдень спали; еще Владимиръ Мономахъ говорилъ своимъ дѣтямъ: „для спанья время отъ Бога присуждено—полдень“. Первому самозванцу, Григорію Отрепьеву, не прошло даромъ то обстоятельство, что въ полдень онъ бродилъ по Москвѣ, а не отдыхалъ, какъ прочіе православные. Въ этомъ обстоятельствѣ между прочимъ усматривали признаки его нечарственнаго происхожденія. Сынъ Грознаго, говорили, долженъ бы имѣть благочестивую привычку спать днемъ, а онъ не спитъ, стало быть не русскій человекъ, а если не русскій человекъ, то какой же онъ сынъ Грознаго? Нашъ воинъ, представленный на посту, былъ въ этомъ отношеніи несомнѣнно русскій человекъ и если бы не поставили его на постъ, то онъ давно лежалъ бы, какъ говорится, „безъ заднихъ ногъ“, да онъ и теперь-то на половину уже во власти Морфея, и ему не малыхъ усилій стоить поддержать себя въ бодрственномъ состояніи. Не будь этихъ котятъ, которые развлекаютъ его полусонное вниманіе, то онъ изъ положенія человека, опирающагося о стѣну, перенесся бы нечувствительно въ позу сидячую, а тамъ бы недалеко было и до того, чтобы растянуться на землѣ, насколько еще времени хватить его силъ, чтобы противустоять одолюющему наитію сна? Дождется-ль онъ въ стоячемъ, хотя и несомнѣнно прямомъ положеніи, какъ бы приличествовало воину, до смѣны? Сомнительно. Лѣтнее солнце къ тому же печетъ немилосердно и еще болѣе склоняетъ ко сну. Впрочемъ не одно солнце и приобретенная многими лѣтами привычка будить виною нарушенія военной дисциплины, если на этотъ разъ суждено ей быть нарушенной. Передъ постановкой на постъ, а можетъ быть и во время самаго стоянья на немъ, воинъ нашъ услышалъ какъ то хлебнуть хмѣльнаго, можетъ быть зашелъ къ куму на пмянины передъ постановкой на часы, а можетъ быть и во время самыхъ часовъ, догадливая кума, подъ видомъ кваску принесла ему промочить горлышко чѣмъ покрѣпче. Какъ бы то ни было, часовой находится въ опасномъ положеніи относительно своего долга и по всей вѣроятности заснетъ. Да отчего-жь и не заснуть, кажется? Вѣдь ни Москвы, ни даже той стѣны, о которую онъ оперся, не унесутъ. Это, положимъ, правда, но не стѣну-же въ самомъ дѣлѣ онъ приставленъ стеречь. Нужно замѣтить, что въ Москвѣ въ старину не было смирно. Тамъ бывали такіе случаи, что цѣлыя дворни въ сотни человекъ среди бѣла дня выходили на грабежъ. Таковы напр. въ XVII столѣтіи были дворни на Дмитровкѣ околицичаго Стрѣгинаева, князей Голицына и Титова. Не уступала имъ въ дурной славы и дворня кн. Ромодановскаго. Въ 1675 г. велѣно было чистить дороги на 50 верстъ отъ Москвы, чтобы не было здѣсь разбоя и душегубства. О мелкихъ промышленникахъ какъ за чужими карманами и клѣтками и говорить нечего, при такихъ условіяхъ спать часовому на посту, пожалуй, что и не простительно. Добродушный человекъ того отдаленнаго отъ насъ уже двумя вѣками времени, проходя мимо такого дремлющаго часоваго, вѣроятно, не могъ не пожелать ему крѣпости душевной и тѣлесной въ борьбѣ со сномъ, могучей силою котораго, въ особенности въ часъ полуденный, несомнѣнно былъ побѣждаемъ тогда каждый „настоящій русскій человекъ“.

Н. Зѣтревъ.

Гаштейнскія минеральныя воды.

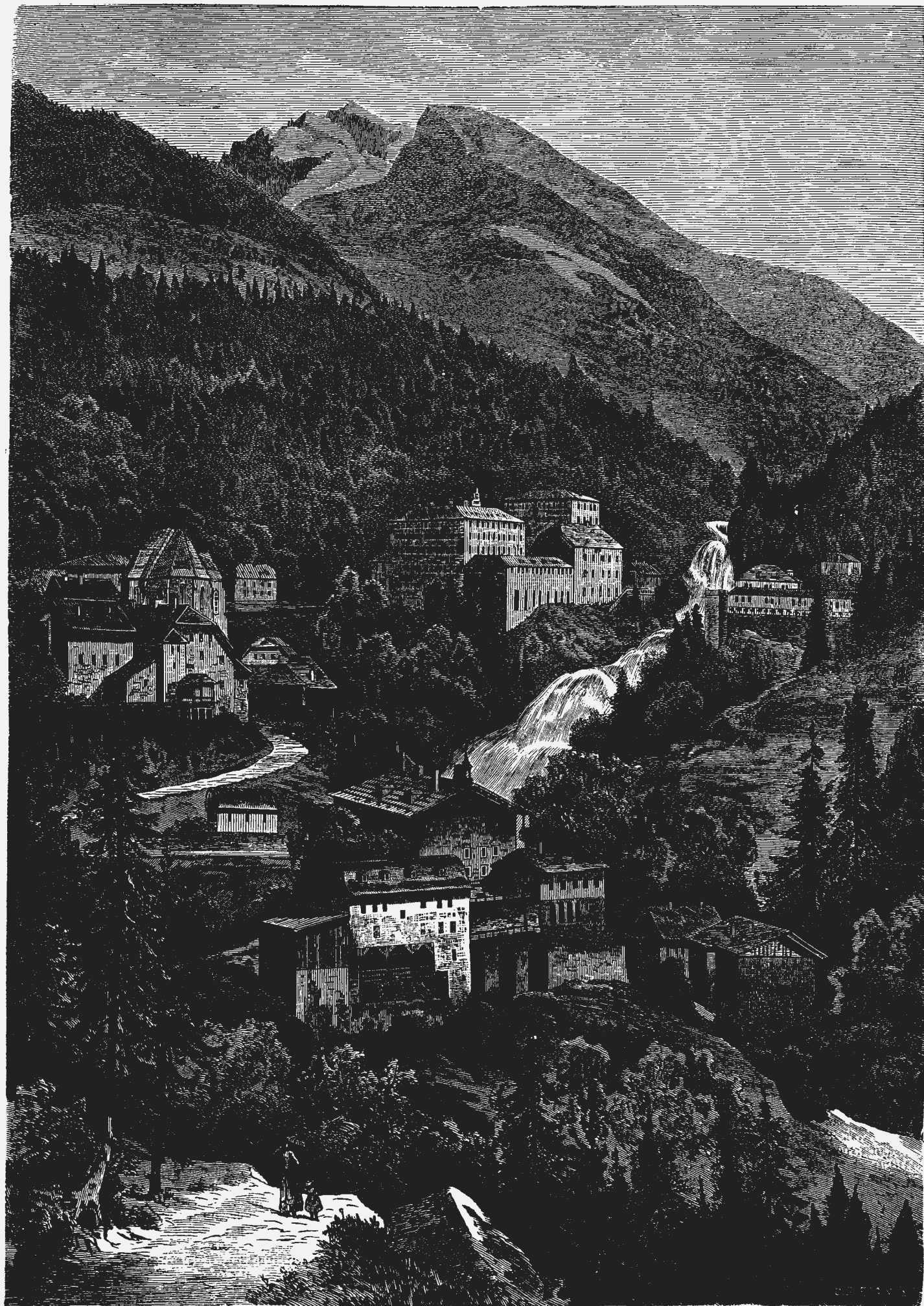
Въ прекрасную долину быстрога Зальц-Аха, текущаго съ запада на востокъ, спускается другая долина—бурилаго Гаштейнскаго Аха, которую обыкновенно называютъ просто Гаштейнъ. Эта послѣдняя, составляющая по красѣ своей жемчужину живописнаго Зальцкаммергутта, врѣзывается въ Зальцахскую долину и не представляетъ препятствій для ѣзды до самаго Насфельда. Ежегодно лѣтомъ сюда валитъ масса путешественниковъ: одни прѣзжаютъ полюбоваться, насладиться красотами альпійской природы, другіе—ради возстановленія здоровья, прокуренныхъ силъ (теплые и горячіе ключи Гаштейна издавна славятся цѣлебными своими свойствами), третіе просто отъ скуки, ибо надо же на лѣтнее время куда нибудь уѣхать, дѣвать куда нибудь свою особу, одержимую сплиномъ, „блага насладѣе богатыхъ отцовъ освободило отъ малыхъ трудовъ“.— Въ настоящее время побѣзда въ Гаштейнъ не представляетъ никакихъ трудностей, потому что линия Зальцбургъ—Инструкской

Центральная батарея Румынских войск въ Калафатѣ. Рис. нашъ спец. корресп. Н. Карзинъ, грав. Вейерманъ.

Главный лагерь Румынскихъ войскъ близъ Калафата. Рис. нашъ спец. корресп. Н. Карзинъ, грав. Вейерманъ.
Библиотека "Руниверс"

Гаштейнскія минеральныя воды. Съ натуры, рис. Штилеръ, грав. Дейсъ.
Библиотека "Руниверс"

ж. дороги идет через Лендь, отсюда и поворачивает на юг къ Гаштейну. Отъ Зальбахской долины дорога круто подымается въ гору, затѣмъ поѣздъ катится среди живописной мѣстности и черезъ 2½ часа останавливается въ Гаштейндоर्फъ, а спустя еще 2 часа подбѣгаетъ къ "Гаштейнгофу", гдѣ въ былыя времена добывалось довольно много золота и серебра. Въ Гаштейнгофъ, благодаря системѣ трубъ, проведена вода изъ гаштейнскихъ горячихъ минеральныхъ ключей, почему и температура этой воды, въ мѣстѣ употребленія, понижается до 30° R, Охлажденная такимъ образомъ минеральная вода идетъ на дѣлебныя ванны. Попадъ въ Гаштейнгофъ, можно властью налюбоваться великолѣпными горными видами и затѣмъ по дорогѣ, ведущей въ гору, черезъ полтора часа достигнуть Вильдбадъ — Гаштейна (минеральныхъ теплицъ), лежащаго почти на четыреста саженъ выше уровня моря. Здѣсь бьетъ семь горячихъ ключей, дающихъ ежедневно слишкомъ 2500 куб. фут. воды, температура которой отъ 20°—40° R. Вода эта безъ запаха и безъ особеннаго вкуса, осадка почти не даетъ, но за то очень наэлектризована. Пить такую воду и купаться въ ней — весьма здорово; особенно хорошо дѣйствуетъ она противъ подагры, ревматизма, катарра желудка, перваго расстройства, вообще способна *подновить* человека. Вильдбадъ Гаштейнъ — очаровательное мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ, особенно если принять во вниманіе его чудесныя минеральныя воды. Заведенія "минеральныхъ водъ" устроены хорошо, не дурны и гостиницы, хотя относительно роскоши онѣ уступаютъ отелямъ другихъ германскихъ водъ. Впрочемъ, въ такъ называемомъ "Купальномъ замкѣ," въ которомъ обыкновенно останавливается германскій императоръ, можно найти роскошныя помѣщенія. Тутъ есть католическая церковь, евангелическая капелла и довольно богатая чинальня. О мѣстахъ прогулокъ нечего и говорить — иди куда хочешь, вездѣ хорошо! Захочешь полюбоваться горнымъ пейзажемъ — передъ тобой грандіозныя вершины Виндшгренна, Шиллера и Шварценберга. Бурный Ахъ образуетъ въ Гаштейнѣ два великолѣпные водопада... Горы, водопады, зеленъ, чистый здоровый воздухъ, хороший аппетитъ — освѣжающимъ образомъ дѣйствуетъ на душу человека, поддерживая въ немъ жажду къ жизни.

Поездка изъ Бухареста въ Калафатъ.

(Письмо нашего корреспондента).

Поездъ въ Крайово выходитъ изъ Бухареста рано утромъ, въ семь часовъ, значитъ, въ Крайово мы должны были прибыть часа въ три пополудни. Изъ Крайова въ Калафатъ нѣтъ желѣзной дороги, эти два пункта соединяются превосходнымъ шоссе, разстояніе не болѣе 80 верстъ, мы предполагали во всякомъ случаѣ въ тотъ же день къ ночи прибыть въ Калафатъ. Однако предположенія наши не оправдались. Въ Бухарестскомъ вокзалѣ мы узнали, что желѣзнодорожный мостъ между Слатиною и Пятрою обрушился, сообщеніе между этими двумя станціями прервано и посему билеты выдають только до Слатины, а отсюда до Пятры пассажиры могутъ пробираться какъ имъ угодно. Дѣлать нечего—пришлось покориться необходимости и взять билетъ только до Слатины. Поездъ тронулся. Слатина—это предѣльный пунктъ территоріи, занятой нашими войсками, за нею уже начинается районъ румынской арміи, примыкающей лѣвымъ флангомъ къ нашему правому, такъ какъ фронтъ обѣихъ союзныхъ армій, само собою разумѣется, обращенъ къ Дунаю. Въ настоящую минуту всѣ войска уже на своихъ мѣстахъ, ждутъ только спада воды въ Дунаѣ. Признаки этого вонистаго нашествія встрѣчаются на каждомъ шагу. Въ окно вагона, по обѣимъ сторонамъ, около селеній стройные ряды бѣлыхъ палатокъ, дымки солдатскихъ кухонь, по дорогамъ военные обозы и транспорты, на станціяхъ, на платформахъ и въ буфетахъ многочисленныя группы офицеровъ, даже персоналъ служащихъ на желѣзнодорожной станціи на половину состоитъ теперь изъ нашихъ офицеровъ и солдатъ (вы уже знаете объ этой полезной для военного времени мѣрѣ, назначенной на станціи военныхъ комендантовъ со всѣмъ персоналомъ), рельсовый путь тщательно охраняется военными постами; почти на каждой верстѣ вы видите эти маленькіе караулы, расположившіеся у самаго полотна дороги: низенькая палатка-тентабри, въ ея тѣни два-три солдата или дремлющихъ отъ скуки, или занятыхъ своимъ обыденнымъ дѣломъ,—навѣрное что-нибудь чинятъ—и около неподвижнаго фигура часового, выгнувшася въ струнку при приближеніи поѣзда. Изъ Тулы, изъ Пензы, изъ Астрахани—со всѣхъ концовъ земли русской забрели сюда въ румынскую землю эти солдатики—собрались "подъ турку" идти, да *турка*-то этотъ за широкой, бурно-разлившейся рѣкою прячется... Терпѣливо ждутъ русскіе войны, когда Дунай для нихъ смилостивится и станетъ поуже, оно хотъ и скучновато ждать, да ничего, дѣло привычное. Отъ этого вонидлы Румыніи въ большихъ барышахъ, цѣны на продукты поднялись страшно, особенно на сѣно, котораго въ странѣ и въ другое время немного, а теперь, при колоссальномъ требованіи просто не хватаетъ; каждый возъ сѣна, понавший на базаръ, немедленно покупается наип безъ торга, да и купившіе зорко берегутъ эту драгоценность, пока не доставятъ на мѣсто. Рѣдко увидишь по дорогѣ возъ съ сѣ-

номъ, чтобы его не конвоировали казаки или кавалеристы: не ровень часъ, другой кто перехватитъ. Лошадямъ плохо, людамъ же хорошо: вмѣсто ржаного хлѣба—пшеничный, только отъ гречневой каши, этого любимаго блюда русскаго солдата, приходится отвыкать: гречневой крупы нельзя здѣсь достать ни за какія деньги и продуктъ этотъ замѣняется рисомъ и бобами; дѣя разнообразія и это недурно...

Мѣстность начинаетъ волноваться; окружающіе Бухарестъ равнины переходятъ въ холмы; холмы эти становятся все круче и круче, за ними снѣжетъ гряда горъ—это Карпаты; кое-гдѣ ярко сверкаютъ на солнцѣ ихъ снѣжные гребни... Какія чудныя, восхитительныя картины разстилаются справа и слѣва дороги! Эти лѣсистыя горы, эти котловины и долины, густо поросшія садами, виноградники на южныхъ скатахъ горъ, сверкающіе обитые жестью куполы церквей и колоколенъ, красныя, черепичныя крыши чистенькихъ домиковъ, превосходныя дороги, вьющіяся между селеніями, тучныя, дымящіяся пашни... уютность, порядокъ, довольство... Завидно даже смотрѣть, право на все это—и невольно думаешь: когда же и у насъ будетъ хоть что-нибудь подобное, да и будетъ ли еще... Станемъ надѣяться, что *когда нибудь* да будетъ. Любуясь этими чудными пейзажами, мы почти незамѣтно добрались до Слатина. Это маленькій, очень красивый городокъ, имѣющій до трехъ тысячъ жителей, расположенъ въ котловинѣ, между тремя горами, по ту сторону этихъ горъ разстилается прелестная зеленая долина рѣки Ольты съ ея разливами и водными озерами. По эту сторону Слатины, у станціи желѣзной дороги нашъ лагерь, по ту, у самой Ольты—румынскій. Въ Слатинѣ мы достали коляску четверкой, которая за двадцать франковъ взялась довести насъ до Пятры, разстояніе всего двѣнадцать верстъ и вдобавокъ по превосходному шоссе. Дорого, очень дорого, но что дѣлать! румыны, надо отдать имъ полную справедливость, не пропускаютъ случая, чтобы сорвать вдвое и втрое противъ существующихъ цѣнъ съ своихъ великодушныхъ союзниковъ. Черезъ часъ ѣзды мы были въ Пятрѣ. Это крохотная деревенка, да и то далеко отъ станціи. Самая станція стоитъ на мутьрѣ. Пассажирскій поѣздъ уже ушелъ и намъ пришлось дожидаться здѣсь до завтрашняго утра; къ счастью для насъ, скоро долженъ былъ отойти въ Крайово товарный поѣздъ, нагруженный волами. Обязательный начальникъ станціи предложилъ намъ занять мѣсто на этомъ поѣздѣ. Въ одномъ изъ вагоновъ было всего два вола, а потому, значитъ, могло хватить мѣста и для четырехъ корреспондентовъ. Не обладая аристократическими привычками, мы рѣшились пробовать эти два съ половиною часа въ обществѣ почтенныхъ четвероногихъ; помѣстившись очень комфортабельно на разостланныхъ плѣдахъ и тронувшись. Вола оказались спутниками очень скромными и покойными, чего нельзя сказать про многихъ разумныхъ, двуногихъ тварей, а главное—мы выпиграли цѣлыхъ шестнадцать часовъ времени. Солнце садилось, когда мы прибыли въ Крайово, этотъ большой старинный городъ. Осматривать городъ было некогда, да и усталость начинала брать свое. Завтра на разсвѣтѣ, не теряя времени, мы должны были выѣхать въ Калафатъ. Коласка была нанята съ вечера и мы расположились на отдыхъ въ чистенькихъ, комфортабельно меблированныхъ комнатахъ одной изъ здѣшнихъ гостиницъ.

Отъ Крайово до первой станціи, Радовы, мѣстность довольно гористая, но за Радовой уже начинается все сглаживаться и мало по малу переходитъ въ равнину совершенно степного характера. Расположеніе деревень, типы построекъ—все носитъ на себѣ отпечатокъ степи и безлѣсности. Дороговизна лѣсного строительнаго матеріала заставила жителей устроить свои жилища до половинны въ землѣ; на ея поверхности видна только крыша, покрытая дерномъ и торчащія дымовыя трубы, плетенныя изъ хвороста и обмазанныя глиною; входъ широкой съ отлогою покатостью, окно въ видѣ косыхъ трубообразныхъ отдушинъ, напоминающихъ амбразуры казематированныхъ верковъ. Болѣе возвышенными постройками являются сараи для склада кукурузы; это просто громадные корзины на столбахъ; воздухъ проходитъ свободно какъ въ стѣны такого сарая, такъ и сквозъ его плетеное, отдѣленное отъ земли, по крайней мѣрѣ, на два аршина дно—условіе очень важное, чтобы крупное, мясистое зерно кукурузы не загнивало и не пускало преждевременнаго ростка. Не смотря на нѣкоторую бѣдность и мизерный видъ жилищъ, землянокъ, обитатели этого края пользуются изряднымъ достаткомъ; они очень чисто и красиво одѣваются. Типъ лица красивый, напоминаящій сильно цыганъ, и ростъ болѣею частью высокій, особенно женщины, тѣ положительнo поражаютъ своею граціозностью и благородствомъ осанки и движеній. Намъ безпрестанно попадались онѣ на дорогѣ, то идущими въ одиночку, то группами. Онѣ несли на головахъ корзины съ сельскими продуктами на мѣстный рынокъ—это были фигуры, положительно классическія, словно съ полотна картины. День былъ праздничный и боковыя тропинки, продолженныя по сторонамъ шоссе, были оживлены пѣшеходами. Оригиналенъ, между прочимъ, способъ перевозки на базаръ свѣжей бринзы—этого мѣстнаго сыра: потная масса створожившася, перебродившаго молока укладывается въ конусообразные холщевыя мѣшки, эти мѣшки подвязываются на концахъ коромысла, положеннаго черезъ сѣдло и удобно, и легко. Дорогою

лишняя жидкость стекает, отчасти испаряется, сыр дѣлается плотнѣе и совсѣмъ уже готовый прибываетъ на мѣсто продаж. Ближе къ Калафату намъ стали попадаться и военные типы, пока это были только доробанцы, мѣстная милиція. Пользуясь продолжительнымъ бездѣйствіемъ и ожиданіемъ болѣе крупныхъ событій, людей отпускаютъ иногда на короткую побывку, дня на два или на три домой, особенно тѣхъ—чьи жилища и семьи расположены поблизости. Какую смѣшную, полудюинственную, полумирную фигуру представляютъ идущіе въ отпускъ милиціонеры, въ широкихъ бѣлыхъ рубахахъ, вышитыхъ по краямъ синею бумагою, въ короткихъ штанахъ, въ опанкахъ, а то и просто босоногихъ, въ громадныхъ мѣховыхъ шапкахъ съ пидюшечнымъ перомъ. Перекинетъ такой воинъ свое ружье черезъ плечо, какъ коромысло съ ведрами, навѣшаетъ на концѣ свою боевую амуницію и лѣниво бредетъ домой, чтобы отдохнуть, проѣхать своихъ и снова вернуться въ ряды, на боевую позицію. Для многихъ изъ нихъ, можетъ быть, это послѣднее свиданіе съ родными, со всѣмъ, что только дорого сердцу. Кто знаетъ, вернувшись во фронтъ, придется идти въ дѣло, а тамъ турецкая пуля или осколокъ гранаты и... прощай: схоронятъ бѣднягу далеко отъ своей хаты, гдѣ-нибудь въ полѣ, развѣ, можетъ быть, кто изъ родныхъ узнаетъ во время и перетащитъ тѣло на свое общее сельское кладбище... Кстати объ этихъ кладбищахъ. Валахи обыкновенно устраиваютъ ихъ посреди селенія. Могильные кресты и памятники валаховъ поражаютъ путешественника своею оригинальностью: это толстая, широкая доска на столбѣ: въ ней прорѣзано какъ-то изображение креста или написанъ образъ, бываетъ то и другое вмѣстѣ; ниже написано имя покойника и

эпитафія, все сверху прикрыто конусообразною крышкою. Смотря издали на такое кладбище, оно точно группа грибовъ на тоненькихъ ножкахъ. Въ условные дни на такихъ кладбищахъ собираются оживленные группы поминальщиковъ. Мы и теперь видимъ преимущественно женщинъ и дѣтей, съ аппетитомъ поминającychъ вокругъ блюда съ мамалыгою своихъ покойниковъ.

Калафатъ уже близокъ; вдали, прямо передъ нами, за синею туманною линіею турецкаго берега, поднимаются новыя горныя громады—это Балканы. Бывающіе отряды румынскихъ войскъ попадаютъ чаще и чаще. Вотъ и по дорогѣ стоятъ цѣлая рота карауломъ; солдаты расположились на травкѣ у длиннаго ряда ружейныхъ козелъ. У самого шоссе торчитъ громадный, грубо высѣченный изъ цѣлага камня крестъ, около него часовой стрѣлокъ, въ своей красивой тирольской шапочкѣ съ зеленымъ помпономъ; пониже видны двѣ осѣдланныя лошади и сидящіе около нихъ фигуры каларашей, въ синихъ венгеркахъ съ красными шнурами и въ бѣлыхъ рейтузахъ. У этого поста насъ остановили. Статный офицеръ, тоже стрѣлокъ, любезно привѣтствовалъ насъ, осмотрѣлъ наши документы и отпустилъ насъ, давъ намъ въ проводники одного изъ конныхъ каларашей. Отсюда мы должны были поѣхать въ лагерь представиться какому-то полковнику, а отъ него къ коменданту города и крѣпости, а уже послѣ, какъ господину коменданту будетъ угодно: или попросить насъ удалиться по добру по здорову, или допустить насъ къ осмотру позиціи и прогулкѣ по Калафату и нагорному берегу Дуная, откуда Видинъ и его окрестности какъ на ладони. Но объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Н. Карзинъ.

Политическія и военныя извѣстія.

На дунайскомъ театрѣ войны теперь сосредоточено напряженное вниманіе нашего общества въ ожиданіи давно желаннаго перехода черезъ Дунай. Въ пониманіи, что до сихъ поръ бывшія успѣшныя операціи нашихъ силъ были только подготовительными дѣйствіями будущихъ и важнѣйшихъ операцій. До сихъ поръ бывшіе доблестные подвиги нашихъ моряковъ на Дунаѣ служатъ добрымъ предвѣстіемъ и ручательствомъ, что и за Дунаемъ подвиги нашихъ мужественныхъ воиновъ будутъ также самоотверженны и блестящи, какими были до сихъ поръ. Въ этомъ повидимому убѣждены и наши европейскіе друзья и враги. Не даромъ г. Лейардъ англійскій уполномоченный въ Константинополь, недавно совѣтовалъ Портъ заключить съ Россіею миръ или просто попробовать начать мирные переговоры, утверждая, что условія возможнаго мира не многимъ будутъ превышать программу Константинопольской конференціи (!?) Но султаны, говорятъ, отклонялъ этотъ совѣтъ. Съ этою же цѣлю обсужденія проекта мирныхъ переговоровъ собрался турецкій совѣтъ министровъ у Германскаго посла въ Константинополь, принца Рейса, въ зданіи, принадлежащемъ нашему посольству. Дѣло и въ этомъ случаѣ не пришло ни къ какому результату. Конечно, уже по простому здравому смыслу, мирные переговоры, которые повзоила бы себѣ Россія съ Турціей—просто невозможны, могшая родиться въ головѣ туркофила Лейарда, очевидно растерявагося при видѣ твердыхъ и несомнѣнныхъ успѣховъ нашего оружія и на Дунаѣ и за Кавказомъ. Одна мысль о мирныхъ переговорахъ съ Турціей унизила бы достоинство Россіи.

Турки на прошлой недѣлѣ построили укрѣпленія у Никополя и Ольтеницы. Наши войска перестрѣливались съ ними, Огонь турецкихъ орудій причинилъ намъ только ничтожныя поврежденія.

Изъ числа выдающихся фактовъ прошлой недѣли нужно упомянуть о печальной судьбѣ храбраго лейтенанта Пуцина. Онъ взятъ турками, какъ теперь уже несомнѣнно извѣстно, въ плѣнъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Онъ былъ посланъ на пароходъ съ миноноснымъ катеромъ отыскивать пароходъ „Арионавъ“, одновременно съ тѣмъ отправлены и другіе пароходы, „Константинъ“, и „Владимиръ“, которые благополучно возвратились въ Одессу, счастливо исполнивъ свое порученіе. Пароходъ „Константинъ“, состоящій подъ командою лейтенанта Макарова, подойдя къ Сулину въ 2 часа ночи, на разстояніи 5 миль, открылъ 3 неприятельскіе броненосца, на которые и пустилъ миноносные катеры. Одинъ изъ этихъ катеровъ подъ командою лейтенанта Рождественскаго, смѣло атаковалъ близъ лежавшій броненосецъ и у борта его произвелъ взрывъ. Слышавъ былъ тоже еще одинъ взрывъ, отъ катера лейтенанта Пуцина. Но затѣмъ на три или четыре дня извѣстія о Пуцинѣ и его катерѣ или шлюпкѣ умолкаютъ, и затѣмъ получили вѣсть о вѣнчии его въ плѣнъ турками. Самъ онъ телеграфировалъ, что его шлюпка разбилась о бокъ, и что самъ онъ съ командою *едва вытасненъ изъ воды*. Гобартъ-паша телеграфировалъ по поводу плѣннаго его родственникамъ, что Пуцина въ плѣну содержатъ хорошо.

— 6 іюня турки въ числѣ около 800 человекъ высадились близъ Турнь-Магурели (противъ Никополя) и захватили пасшійся на луку румынскій скотъ. Но подоспѣвшія части уланъ и казаковъ и 1 рота Тамбовскаго полка отбили большую часть скота. Турки ушли, потерявъ 8 человекъ. У насъ 1 уланъ и 1

казакъ ранены. Вообще массы турецкихъ войскъ въ послѣднее время стали направляться къ Никополю. Это отъ того, что турки испугались сосредоточенія значительныхъ русскихъ силъ въ Турнь-Магурели, и прониклись опасеніемъ, что именно въ этомъ пунктѣ наши войска перейдутъ Дунай. Паническій страхъ турокъ увеличивается еще тѣмъ, что порта получаетъ о предстоящемъ переходѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай извѣстія весьма противорѣчивыя. Такъ, недавно въ Стабулѣ распространился слухъ, что русскіе намѣрены перейти Дунай не на востокъ, а на западъ, по направленію къ Сербіи. Ясно, извѣстіе произвело понику, и турки пришли въ крайнее затрудненіе—въ какомъ же пунктѣ Дуная имъ сосредоточить свои силы?

На Азіатскомъ театрѣ войны наши дѣйствія сосредоточены были, по прежнему около Карса, такъ что Карсъ до сихъ поръ представляется центромъ, вокругъ котораго группируются всѣ наши дѣйствія въ Азії.

Затѣмъ, слѣдуетъ еще отмѣтить блестящую побѣду генерала Тергукасова.

Изъ Баязета, отъ 8 (20) іюня получена газетою «Русскій Миръ» телеграмма, извѣщающая о побѣдѣ генерала Тергукасова надъ 16-ю турецкими батальонами, сбѣжавшими попытку задержатъ наступленія нашего эриванскаго отряда. Турки укрѣпились на одномъ изъ пунктовъ эрзерумскаго пути для встрѣчи нашихъ колоннъ. На какомъ пунктѣ эрзерумской дороги укрѣпились турки—опредѣлить пока довольно трудно. 5 іюня начато бомбардированіе Карскихъ фортвъ Карадага, Араба и Мухлиса, продолжающееся съ 8 батарей, вооруженныхъ 25-ю орудіями и мортирами. Потеря наша за два дня состоитъ въ 2 убитыхъ и 30 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Прапорщикъ осадной артиллеріи, Цейдлеръ, тяжело раненъ. По свѣдѣніямъ изъ Карса, уронъ турокъ въ дѣлѣ отъ 3 іюня простирается до 200 убитыхъ и 250 раненыхъ. Это весьма счастливое для русскихъ дѣло произвело на Карскій горнизонъ сильное впечатлѣніе. Генералъ Тергукасовъ выступилъ изъ Зейдекана къ Сеприкеву; отрядъ генерала Алхазова произвелъ рекогносцировку Очемчизы и Моквы, не встрѣтивъ неприятеля.—Телеграммоу г. начальника штаба кавказскаго округа изъ Мадры, отъ 8 іюня, сообщается, что при рекогносцировкѣ 5 іюня отъ Баязета по Ванской дорогѣ произведенной двумя ротами, послѣ перестрѣлки съ неприятельскими иррегулярными войсками, послѣдніе были отброшены. У насъ при этомъ дѣлѣ убитыхъ было 2, раненыхъ 7 человекъ.

— Изъ осаждаемой нами крѣпости Карса происходили и вылазки находящагося тамъ горнизона, но онѣ были безуспѣшны. Наиболѣе значительная вылазка произошла 2 іюня. Гарнизонъ Карса сбѣжалъ эту вылазку противъ нашего праваго фланга, въ составѣ 9 батальоновъ, при 2 батареяхъ, отбѣснѣли наши аванпосты и занялъ высоты у Чевтлина. Тогда генералъ Гейманъ (герой Ардагана) завязалъ перестрѣлку съ неприятельскою пѣхотою; въ то же время князь Чавчавадзе, съ двумя батальонами грузинскаго полка, двинулся въ тылъ неприятелю и бросился въ штыки. Турки были выбиты съ занятыхъ высотъ и начали отступать; но когда на лѣвый ихъ флангъ врѣзался направленный княземъ Чавчавадзе Сѣверскій драгунскій полкъ, то отступление неприятеля обратилось въ бѣгство, и подоспѣвшая конная батарея привела его окончательно въ безпорядокъ. Турки оставили на мѣстѣ до 200 тѣлъ. У насъ же убитыхъ 11 и ра-

ненныхъ 106 нижнихъ чиновъ, между ними легко раненъ прапорщикъ Автовскій. Затѣмъ, того же числа, турки 2 раза атаковали авангардную часть праваго фланга позиціи генерала Окложіо, но оба раза были отбиты, оставивъ на мѣстѣ 10 тѣлъ.

— За тѣмъ на Черноморскомъ берегу были успѣшныя для насъ стычки съ горцами.

Съ театра войны въ Черногоріи за послѣднее время получаютъ извѣстія противурѣчивыя—по весьма понятнымъ причинамъ. Константинопольскія телеграммы малѣйшій даже успѣхъ турокъ раздуваютъ въ дѣлую гору. Черногорцы вездѣ оказываютъ на голову разбитыми, а турки побѣдоносными. Разумѣется, по здравому смыслу выходитъ, что если массы турецкихъ войскъ вторгнутся въ маленькую Черногорію, то онѣ должны одолѣть ее уже одною массивностью силъ; не смотря на то что Черногорцы вѣд до одного богатыри, но вѣд сила солону ломитъ. Съ другой стороны, подвергнуть безпристрастной критикѣ хвастовство Константинопольскихъ телеграммъ также не трудно. Нѣсколько времени тому назадъ многочисленныя турецкія силы прорывались сквозь извѣстный Дужскій проходъ на выручку Никшича и на снабженіе этой крѣпости провіантомъ, такъ какъ свѣстныхъ запасы тамъ истощились. Если турки и ворвались сквозь Дужское ущелье въ Черногорію, то только съ большими потерями и послѣ геройскаго и продолжительнаго сопротивленія Черногорцевъ, старавшихся отбить турецкій обозъ. Успѣхъ турокъ, слѣдовательно, далеко нельзя представлять безусловнымъ и обезпечивающимъ дальнѣйшіе успѣхи,—тѣмъ болѣе, что, по послѣднимъ телеграммамъ (отъ 8 (20) іюня) въ сраженіи подъ Служемъ блестящій успѣхъ оказался на сторонѣ Черногорцевъ. Именно, телеграмма сообщаетъ, что подъ Служемъ армія Али-Сайба-паша совершенно разбита войсками Божо Петровича. Телеграммы же изъ Константинополя, отъ того же числа сообщаютъ, что Али-Сайб-паша продолжаетъ свое наступательное движеніе! Что нибудь одно: или Али-Сайбъ разбитъ, и тогда наступательное движеніе для него не возможно, или онъ побѣдоносно шествуетъ впередъ,—и тогда побѣда Петровича надъ Турками у Служа—утна. Но мы склонны признать уткою скорѣе послѣднее, чѣмъ первое предположеніе. Сообщаютъ далѣе, тоже изъ Стамбульскихъ источниковъ, что войска Али-Сайба вскорѣ соединятся въ Черногоріи съ войсками Сулейма-паша. Будущія событія, конечно, не замедлятъ показать, есть ли тутъ правда и на сколько правды.

Провіантъ турки доставили въ Никшичъ безъ боя, говорятъ намъ, но предварительно былъ ожесточенный бой, дорого стоившій туркамъ.

— Въ Пештѣ получено извѣстіе о сформированіи двухъ австрійскихъ армейскихъ корпусовъ на границѣ Босніи. Командирами этихъ корпусовъ назначены генералы Молинари и Родичъ. Это извѣстіе произвело сильное возбужденіе въ Венгерскомъ министерствѣ и венгерской печати. Затѣмъ есть уже слухъ, что австрійское правительство намѣрено поставить на военную ногу 40,00 человекъ. Но общей мобилизаціи всей австрійской арміи пока не предполагается. Въ связи съ этимъ въ Пештѣ Палатѣ представителей опять-таки поднятъ нескончаемый вопросъ о парижскомъ трактатѣ, какъ гарантирующемъ цѣлость Турціи. По предположенію депутата Симоньи, дѣлавшаго Палатѣ запросъ, дѣйствіями Россіи и Румыніи нарушенъ парижскій трактатъ, а также и цѣлость Турціи (?). По мнѣнію Симоньи, можетъ быть «наступило время пригласить Францію и Англію, какъ державы, подписавшія трактатъ, къ принятію мѣръ, согласно этому трактату, совместно съ Портою» (?). Вотъ что значитъ высказать свои задушевныя убѣжденія не женируясь, это по крайней мѣрѣ искренно. Но мнѣніе Симоньи не есть еще мнѣніе всей Австро-Венгрии, а можетъ быть только Венгрии или части Венгрии, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ не трепетать за цѣлость излюбленной Турціи, хотя этой цѣлости никто и ничто не угрожаетъ. Какъ бы то ни было, намъ кажется, что нашъ переходъ за Дунай, когда онъ совершится фактически, развяжетъ языки и вызоветъ на искренность нашихъ друзей и недруговъ. Вотъ ужъ и теперь не мо-

гутъ сдерживать языковъ, когда переходъ за Дунай только ожидается!..

— Въ Бѣлградѣ 8 (20) іюня получены извѣстія, что сильный турецкій корпусъ приближается къ сербской границѣ, угрожая долины Тимока. Вслѣдствіе такихъ тревожныхъ слуховъ въ Бѣлградѣ, въ правительственныхъ сферахъ началась усиленная дѣятельность. Недавно происходило продолжительное засѣданіе совѣта министровъ, на которомъ присутствовала княгиня Наталиа.

— Въ Парижѣ въ засѣданіи Палаты Депутатовъ отъ 7 (19) іюня произнесли рѣчи противъ образовавшагося во Франціи реакціоннаго министерства Броли-Фурту—Луи-Бланъ и бывший префектъ Парижа, Леонъ Рено. Затѣмъ было приступлено къ голосованію, и большинствомъ 370 голосовъ противъ 155 принято предложеніе, выражающее недовѣріе палаты къ министерству. Объявленіе такого результата голосованія было встрѣчено громкими знаками одобренія.

— Изъ Плоешты отъ 5 (17) іюня получена телеграмма, что Государь Императоръ 4 (16) іюня изволилъ принимать прибывшаго изъ Бѣлграда князя сербскаго Милана, который, въ тотъ же день, послѣ обѣда у Его Величества, выѣхалъ изъ Плоешты.

— Отъ 11 іюня получена слѣдующая телеграмма: Государь Императоръ изволилъ вчера, въ 9 часовъ вечера, выѣхать изъ Плоешты и сегодня въ три часа пополудни прибылъ въ Браиловъ, откуда послѣ краткой остановки продолжалъ путь до Галаца. Прямо со станціи желѣзной дороги Его Величество изволилъ отправиться въ военно-временной госпиталь и посѣтилъ палаты, гдѣ размѣщены чины 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи, раненыя во вчерашнемъ дѣлѣ съ турками, при переправѣ черезъ Дунай у Галаца. Его Величество милостиво изволилъ разговаривать съ ранеными и лично вручилъ орденъ св. Георгія 4-й степени поручику 69 рязанскаго полка Эльснеру, который подъ убійственнымъ огнемъ первый вышелъ на неприятельскій берегъ и былъ раненъ. Во всѣхъ палатахъ раненыя радостно привѣтствовали Государя Императора. Въ 7 часовъ утра Его Величество выѣхалъ изъ Галаца и возвратился въ Браиловъ; посѣтилъ бивуакъ расположенныхъ здѣсь войскъ и затѣмъ батарею № 4, гдѣ находятся орудія, взорвавшія первый турецкій мониторъ. Въ 11 часовъ утра Императорскій поѣздъ тронулся изъ Браилова, и Его Величество возвратился въ Плоешты въ 5 часовъ пополудни. Государя Императора сопровождали въ настоящей поѣздкѣ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великіе князья—Владиміръ, Алексѣй и Сергій Александровичи.

Заявленіе.

Редакція журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. подписчиковъ, которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе, — въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики теряютъ право на полученіе премій, слѣдующихъ гг. годовымъ подписчикамъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Генералъ-адъютантъ Дмитрій Александровичъ Милютинъ (съ портретомъ) и ева.—АQUIS subtergus. Новелла Теодора Шторма (Окончаніе).—Набардинцы. Немировича-Данченко (съ рисункомъ).—Мечеть Ай-София въ Константинополѣ (съ рисункомъ).—Цапля (Agave) (съ рисункомъ) Е. В.—Часовой въ Москвѣ въ допетровское время (съ рисункомъ) И. Зѣрева.—Гаштейнскія минеральныя воды (съ рисункомъ).—Поѣздка изъ Бухареста въ Налафатъ (письмо нашего корреспондента) Н. Нарзина (съ 2 рисунками).—Политическія и военныя извѣстія.—Заявленія.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,

Васильевскій Островъ, 11 линия, № 56.

Товарищество Чемберсъ и К^о.

Магазинъ: Адмиралъ.
Противъ Острожной.

„KNABEN“ PENSIONAT
von F. Scheffer in der Universitätsstadt Marburg in Hessen (Preussen). Auf frankirte Anfragen stehen beste Referenzen etc. etc. zu Diensten.
2-1

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскармливанія грудныхъ детей.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи
въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, на
Валовской линіи, № 4. Единственный агентъ для
всей Россіи *Александръ Венцель*

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отъѣзжаю только въ тѣ мѣстности, на которыхъ находится **СИНІЙ ПИГМЕНТЪ и ПОДПИСЬ** Александра Венцеля, **ЕДИНСТВЕННОГО** агента моего для всей Россіи.
№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ** въ Веве (Швейцарія). 26-28

СВѢЖІЯ СѢМЕНА
Огородныя, хлѣбныя, травяныя, цвѣточныя и древесныя
имѣютъ честь предложить
сѣменная торговля А. УШАКОВА
въ С.-Петербургѣ, Большая Коммунальная д. 1.
Подробный каталогъ—куралъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ раздается и высылается по требованію безплатно.
8-6

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 26 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 27 Юня 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ НА 1877 ГОДЪ:

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
все уже вышедшіе
номера «Нивы».

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.

„ съ доставкою . . 5 „

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж.
маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во все города Имперіи 5 „ 50 „

Контора журнала
«Нива» помѣщается
въ С.-П.-Бургѣ, на Б.
Морской, въ д. № 9.

Командиръ 11-го армейскаго корпуса дѣйствующей арміи, генералъ-лейтенантъ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской 1-й.

Князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской 1-й на службѣ съ 1838 года. До 1854 года служилъ на Кавказѣ. Быстрое повышение его въ чинахъ и занимаемая имъ теперь важная должность корпуснаго командира несомнѣнно завистли отъ его неутомимой дѣятельности по службѣ и личныхъ подвиговъ, совершенныхъ имъ въ разныхъ экспедиціяхъ противъ горцевъ.

Въ 18 лѣтъ службы, онъ изъ прапорщикова достигъ чина генералъ-майора. Правда, что дѣятельность кавказскихъ служилыхъ людей едва ли можетъ быть сравнима съ какою бы то ни было другою службою. Истинно боевая служба изо дня въ день, изъ года въ годъ, въ борьбѣ съ такими настойчивыми, хитрыми врагами, каковы горцы, не могла не отличать уцѣлѣвшихъ отъ вражеской пули. Князь Алексѣй Ивановичъ будучи еще только въ чинѣ штабсъ-капитана гвардейской артиллеріи, участвовалъ въ маѣ 1848 г. въ усиленной рекогносцировкѣ къ сторонѣ Ассмъ, въ дѣлѣ съ гораздо сильнѣею непріятельскою кавалеріею, и своею находчивостью и распорядительностью, содѣйствовавшей къ полному поражению непріятеля, обратилъ

Генералъ-лейтенантъ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской, командиръ 11 армейскаго корпуса. Рис. и грав. Вейерманъ.

на себя вниманіе такого цѣнителя храбрости, какъ знаменитый Слѣпцовъ, котораго мало чѣмъ можно было удивить. При основаніи новой станицы, названной Ассинской, князь опять заставилъ говорить о своей науграшимости, и всюду, гдѣ бы онъ ни участвовалъ, его дѣйствія обращали на себя вниманіе и товарищей и начальниковъ. Онъ отличался: при слѣдованіи отряда къ Койсу-Верзавеской переправѣ; близъ аула Самомки истребилъ небольшую партію абрековъ; подъ начальствомъ полковника Библикова совершенно истребилъ аулъ Шалажи, защищаемый огромной партіей горцевъ, подъ предводительствомъ Нувъ-Али и Магометь-Мурзы-Анзарова, спустя 10 дней разгромилъ и разсѣялъ при встрѣчѣ новую большую партію горцевъ. Все это происходило въ 1848 г.

1850 годъ снова представляетъ рядъ подвиговъ и отличій князя; участвуя въ зимней экспедиціи въ Большой и Малой Чечнѣ, онъ чуть не ежедневно бывалъ въ огнѣ: 16-го января при переправѣ черезъ рѣку Аргунь, 18-го — въ усиленной рекогносцировкѣ, предназначенной для вырубкы гѣса, при сильнѣйшей перестрѣлкѣ съ непріятелемъ:

19-го — въ отраженіи непріятеля, нападавшаго на наши работы, 20-го — подъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ непріятеля, старавшагося помѣшать работѣ просѣки, 23-го — въ дѣлѣ нанесшемъ пораженіе горцамъ, 24-го — въ капонатѣ по непріятельскому лагерю, съ 25-го по 11-е — въ ежедневныхъ стычкахъ, а 11-го — въ дѣлѣ съ горцами, окончившемся ихъ пораженіемъ и бѣгствомъ. Изъ этого краткаго перечня 2-хъ лѣтней дѣятельности князя можно заключить, какъ полна опасностей и боевыхъ тревогъ жизнь каждаго кавказскаго воина. Кого Богъ сохранилъ и кто выдержалъ такую жизнь, того смѣло можно считать закаленнымъ въ бояхъ, и опасности полевой войны должны быть для него ничтожны. За подвиги 1850 г. князь Алексѣй Ивановичъ награжденъ былъ золотою саблею за храбрость. Въ 1854 г. произведенъ въ полковника и затѣмъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1855 г. получилъ назначеніе, командовать Старо-Ингерманландскимъ пѣхотнымъ полкомъ,

прокомандовавъ которымъ 2 г., получилъ новос назначеніе, командира лейбъ-гвардіи 1-го стрѣльцоваго Его Величества батальона (гдѣ числится и по нынѣ). Въ 1856 г. произведенъ въ генералъ-маіора съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества и съ оставленіемъ въ той же должности. Въ послѣдствіи назначенный начальникомъ стрѣлковой Кавказской бригады, въ 1868 году, за отличіе по службѣ, произведенъ въ генералъ-лейтенанта. Замѣчательный стрѣлокъ въ молодости, князь Шаховской еще въ 1861 году, почти 50 лѣтъ, удостоился получить призъ за стрѣльбу въ цѣль, на состязаніи, произведенномъ въ Высочайшемъ присутствіи. И до сего времени едва ли у него найдется много соперниковъ въ этомъ искусствѣ. Кавказскій герой, несмотря на годы, бодрый и дѣятельный, обладающій практической опытностью, весьма естественно онъ долженъ былъ остановить на себѣ вниманіе при назначеніи командировъ корпусовъ дѣйствующей арміи на Дунай.

А. И.—овъ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

(Повѣсть изъ вѣта провинціальныхъ чиновниковъ).

I.

Андрей Петровичъ только что проснулся и былъ здоровъ, веселъ. Онъ, молча, сидѣлъ въ креслахъ и курилъ сигару.

— Семень! позволь, Андрей Петровичъ, когда увидать что стрѣлка на часахъ показывала семь.

Вошелъ слуга.

— Одѣваться!

— Еще рано, Андрей Петровичъ... вамъ вѣдь въ девять часовъ нужно...

— По дальше отъ дому—дальше отъ грѣха, сказалъ Андрей Петровичъ. Снаряжай-ка, братъ, меня! Андрей Петровичъ надѣлъ вицмундиръ, взялъ портфель подъ мышку и, крихтя и охая, пошелъ въ дверь.

Мать Андрея Петровича, бабушка, Ольга Андреевна, — не родная мать Андрея Петровича: она его мачиха; но онъ всегда называетъ ее маменькой. У Андрея Петровича есть жена, Елизавета Андреевна, которой онъ сказать правду, очень побаивается, и сынъ, Ваня лѣтъ уже подъ восемнадцать любимецъ бабушки.

Заглянемъ съ вами въ сѣренкій домикъ въ три окошка, куда сѣбшить нашъ герой Ваня.

Если вы взойдете въ этотъ домикъ, васъ встрѣтитъ Саша, старшая дочь чиновника, квартирующаго здѣсь.

Саша одѣта всегда въ простенькое платье, шитое ея руками, что придаетъ ей еще больше прелести. Иванъ Ивановичъ Добряковъ, ея отецъ, не даромъ выбралъ квартиру въ глухой части города. Три маленькія комнаты, которыя занимали они, стоили ему двѣнадцать рублей, а онъ всего получаетъ сорокъ. Онъ служилъ въ палатѣ чиновникомъ и посѣдѣлъ уже на службѣ. Саша видѣла, что отецъ ея трудится, по этому и она хотѣла помогать ему. Она ничуть не походила на тѣхъ бѣлоручекъ барышень, которыя избрали для себя благую часть читать романы, а матери уступили мѣсто у печки. Напротивъ, она вездѣ успѣвала: и у печки она была первая. За то какія вкусныя алады пекла она! Вы вѣрно никогда такихъ не ѣдали! Подбравъ платье, засуча рукава, она вперегонку съ матерью начинала стирать бѣлье. Саша была весьма умная дѣвушка. Въ своемъ трудѣ она не видѣла той цѣли, чтобы при его помощи нарядиться и щеголять какъ дѣлаютъ инныя дѣвушки. Нѣтъ, она трудилась сознательно, чувствуя бѣдность всего семейства. „Что-же, коли бѣдны, такъ будемъ честны“, — думала она. „Надо трудиться, чтобы не быть хуже людей“. Сашѣ было семнадцать лѣтъ. Хотя она выросла изъ тѣхъ платьевъ, въ которыхъ бѣгала десяти лѣтъ, хотя и плечи стали шире, и грудь выше, хотя и загарались порой у ней глаза какимъ-то невѣдомымъ блескомъ, а сердце билось сильнѣй и чаще какъ будто въ ожиданіи чего-то... но Саша еще никого не любила. Лю-

бимыми занятіями ея были уходъ за курами и за цвѣтами, цвѣтовъ она насажала множество въ саду, въ комнаткѣ на окнахъ тоже были цвѣты. Держала себя Саша просто и мило. Однажды она увидѣла Ваню, въ ихъ домикѣ. Это знакомство устроилъ самъ ея отецъ. Иванъ Ивановичъ пригласилъ его къ себѣ будто-бы по дѣлу, между тѣмъ онъ просто считалъ нужнымъ окружить Сашу молодежью, чтобы она хоть по воскресеньямъ проводила весело время. Онъ устраивалъ у себя вечеринки, на которыхъ молодые люди танцевали, а онъ самъ бывалъ въ это время „музыкой“, то есть, подыгрывалъ имъ на скрипкѣ, по иногда, развеселившись, любилъ пускаться въ пляскъ во всеобщему хохоту. Думала-ли Саша, когда въ первый разъ увидѣла Ваню, что ей суждено полюбить его? Думала, или нѣтъ, но она полюбила его всѣмъ молодымъ, неиспорченнымъ сердцемъ. Но и полюбивши, Саша осталась тою же покорною дочерью, честной дѣвушкой и хлопотливой хозяйкой въ домѣ...

Посмотримъ теперь, что у нихъ въ домѣ происходитъ.

Иванъ Ивановичъ только что пришелъ. Онъ скинулъ вицмундиръ, бережно свернулъ и положилъ его въ комодъ, накрывъ сверху газетнымъ листомъ бумага, а самъ надѣлъ бѣлый парусинный пиджакъ. Въ пиджакѣ онъ казался еще добрѣе. Эти свѣтлыя пуговицы, присутствіе чиновничьему мундиру, дѣлаютъ его физиономію озабоченною, дѣловою. Взглянувъ мелькомъ на Машу, шестилѣтнюю свою дочку, которая гладила кошечку на колѣняхъ, онъ оборотился и позвалъ:

— Андревна!

Андревна, какъ онъ называлъ жену свою, была старушка пятидесяти лѣтъ. Тридцать лѣтъ жила она съ своимъ мужемъ душа въ душу. Выйдя за него замужъ она только перемѣнила квартиру, но не жизнь, потому что и отецъ ея былъ чиновникомъ. У мужа ее ждали тѣ же обязанности. Каждый праздникъ, она знала, что ему нужна чистая сорочка; на ея отвѣтственности лежали всевозможныя заботы по дому—она должна была и печку истопить, и въ комнатахъ поприбраться и обѣдъ приготовить. Впрочемъ, Марфа Андреевна была по своему счастлива: мужъ ея былъ не пьющій, никогда не билъ ее, и она даже, умѣла его поприпугивать. Теперь оба сѣдые, оба старые, они возложили всѣ свои надежды на молоденькую Сашу.

Услыша голосъ мужа, Марфа Андревна отвѣчала изъ кухни:—чего тебѣ?

— Андревна, поди сюда!

— Охъ ужъ ты мнѣ надоѣдаешь; говорила она, выползая изъ кухни и опуская рукава, потому что и при старости лѣтъ она совѣстилась еще мужа.—Ну что, старый хрѣвъ, нужно?

— Старый-то хрѣвъ вкусенъ, сказалъ Иванъ Ивановичъ и добавилъ,—что же ты мнѣ не подаешь обѣдать?

— Вот смотрите на него, православные, проговорила Марфа Андревна, разводя руками и смотря по сторонам, как будто православные были предъ нею.— Старикъ съ ума спятилъ: самъ стрываетъ меня отъ дѣла, а удивляется, что кушанье не подано.

— Саша-то гдѣ у насъ? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Въ лавочку пошла..., за хрѣномъ. Вѣдь ты хрѣнъ, ну хрѣнъ ѣсть и будешь! сказала Марфа Андревна, засмѣявшись.

— Иди, иди, старая, сказалъ Иванъ Ивановичъ. Давай обѣдать.

Въ это время въ комнату поспѣшно вошла Саша.

— Саша, сказалъ Иванъ Ивановичъ—какова мать-то твоя называетъ меня старымъ хрѣномъ... А? Не молодецъ я, что-ли? Да я лучше всякого молодца! Гляди, вотъ Ваня придетъ... такъ я плясать предъ вами стану... ей-ей, стану...

— Молодецъ, огурцовъ-то будешь ѣсть, крикнула Марфа Андревна изъ кухни—такъ я пойду въ погребъ, достану.

— Почему вы думаете, что Ваня придетъ—спросила Саша, накрывая столъ бѣлой скатертью—ужь не видяли-ли вы его?

— Видѣть не видаль, только ужь я знаю, что онъ придетъ. У меня сердце вѣшунь.

А тебѣ плутовка хочется, чтобы онъ пришелъ, спросилъ Иванъ Ивановичъ, плутовски поглядывая на Сашу. О, я знаю, все знаю! сказалъ онъ, многозначительно поднимая палецъ кверху.

— Что же вы знаете, папаша? что я люблю его, такъ вы его сами любите...

— Такъ, такъ—люблю, любите... Ты знаешь у меня сприженіе глаголовъ-то. (Произошло молчаніе). Чтожъ это однако Андревна не идетъ, ужь не провалилась-ли она совсѣмъ въ погребъ-то?

Накрывши столы, Саша подала отцу борщъ.

— Саша, сказалъ онъ, чтожъ ты Машу погулять не отпустишь? Смотри, она ужь уснула у тебя!

Маша, которая въ самомъ дѣлѣ о чемъ-то задумалась, тотчасъ же взяла книжку и затвердила: буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва. А рука опять заходила по кошечкѣ, словно такъ и нужно.

— Маша, ступай-гуляй! сказала Саша. Мы съ тобой послѣ обѣда займемся.

— Ну ужь послѣ обѣда пожалуйста не занимайтесь. Послѣ обѣда часъ отдыха—и звѣрь, и птица отдыхаетъ, человѣку и вовсе не грѣхъ отдохнуть, сказалъ Иванъ Ивановичъ. Дочушка, ступай-обратился онъ къ Машѣ—гуляй на пропалую... Послѣ обѣда вы не будете заниматься.

Маша вскочила, сбросила съ колѣнъ кошку и, не закрывъ книги, побѣжала на дворъ. Въ это время кто-то хлопнулъ калиткой, и всѣ увидѣли входящаго Ваню.

— Легокъ на поминѣ! сказалъ Иванъ Ивановичъ. Андревна, закричалъ онъ—принимай гостя.

— Кто пришелъ? послышалось изъ кухни.

— Твой милый.

— Я васъ ждала, Ваня—сказала Саша, подавая ему руку. Мнѣ думалось, что вы непременно придете...

— Неправда, неправда, сказалъ Иванъ Ивановичъ. Она братъ вовсе не ждала тебя. Это мое сердце вѣшунь...

— Ну дѣти, сказалъ Иванъ Ивановичъ, помолившись Богу—болтайте, кричите, сколько угодно. Буде захотите, самоварчикъ поставить можете. А я пойду-поваляюсь немного. А поставите самоварчикъ, тогда и я встану.

— Идите, вы намъ не нужны! сказала Саша.

— Андревна! ты-бы самоварчикъ имъ поставила! крикнулъ Иванъ Ивановичъ.

— Да и то тороплюсь—отвяжись ужь—послышался голосъ изъ кухни.

Саша съ Ваней остались одни.

— А я, знаете-ли сѣвшиль къ вамъ, сказалъ Ваня—дома скука такая. По истинѣ сказать, мнѣ домъ то родной здѣсь, а не тамъ...

— Ходите по чаще, сказала Саша. Какой вы смѣшной, почему вы не ходите къ намъ каждый день...

— Самоваръ сейчасъ поспѣетъ, хлопотливо сказала Марфа Андревна, появляясь въ дверяхъ—ты-бы, Саша, накрывала на столъ!

Саша не заставила повторять себѣ два раза этого приказанія. Всѣ усѣлись вокругъ самовара. Пригласили и Ивана Ивановича. Ванѣ вся обстановка показалась, какъ будто въ комнатѣ бабушки.

— Ну братъ Ваня, не погнѣвайся—я тебѣ налью рому въ чай! сказалъ Иванъ Ивановичъ—и налилъ предварительно себѣ въ стаканъ.

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, избавьте... вкусъ испортится!...

— Вотъ испортится! сказалъ Иванъ Ивановичъ и добавилъ: развѣ кашу масломъ испортишь?... Что, Саша—а тебѣ налить?

— Ужь налейте въ такомъ случаѣ и ей, сказалъ Ваня—что-жъ она за свята!

— Налейте, налейте, проговорила Саша—я не хочу отстать отъ Ваня!

— Охъ грѣховодникъ! говорила Марфа Андревна, покачивая головой, когда Иванъ Ивановичъ налилъ тому и другому.

— Ну а тебѣ Андревна?

— Отвяжись ты отъ меня, грѣховодникъ!...

— Да, я знаю, ты съ ромомъ не пьешь! Ну я тебя принуждать не стану. У тебя свой Царь въ головѣ. Вотъ молодыхъ людей поучить надо.

— Добру это ты ихъ учишь то...

— Мамаша, да это очень сладко, сказала Саша, по-попробовавъ своего чаю. Ну а у васъ какъ? Саша отвѣдала ложечкой изъ стакана Ваня.

— И у меня хорошо, сказалъ Ваня—и сдѣлалъ то же самое съ ея стаканомъ.

Ромъ, хотя въ капляхъ, но оказалъ свое дѣйствіе. Всѣ развеселились. Иванъ Ивановичъ вдругъ выскочилъ изъ-за-стола и убѣжалъ изъ комнаты.

— Угорѣлъ, свѣтъ! сказала Марфа Андревна.

— Куда это онъ? спросила Саша.

Ваня тоже не понималъ. Но вдругъ раздались звуки скрипки, и Иванъ Ивановичъ явился со скрипкой, къ удовольствію молодыхъ людей, которые изъявили желаніе танцевать.

— Ну живо, веселѣй вскричалъ Иванъ Ивановичъ, молодецки отхватывая одну ноту.

— Давайте польку протанцуемъ! сказала Саша, ставъ въ обычное положеніе съ кавалеромъ.

Ваня вмѣсто отвѣта, махнулъ головою, и пара быстро закружилась подъ игру Ивана Ивановича, который чтобы не помѣшать, отодвинулся въ самый уголъ. Молодые люди танцевали хорошо. Иванъ Ивановичъ въ тактъ музыки тоналъ каблучками и только вскрикивалъ: браво, молодецъ... Андревна! давай мы съ тобой потанцуемъ. Марфа Андревна очень серьезно смотрѣла на танцующихъ, а когда молодые люди кончили танцевать, она подозвала Сашу и замѣтила ей, что она вовсе на плечо кладетъ кавалеру голову? Саша между тѣмъ чувствовала очень хорошо, что Ваня пожимаетъ ей руку и сама отвѣчала ему тѣмъ же...

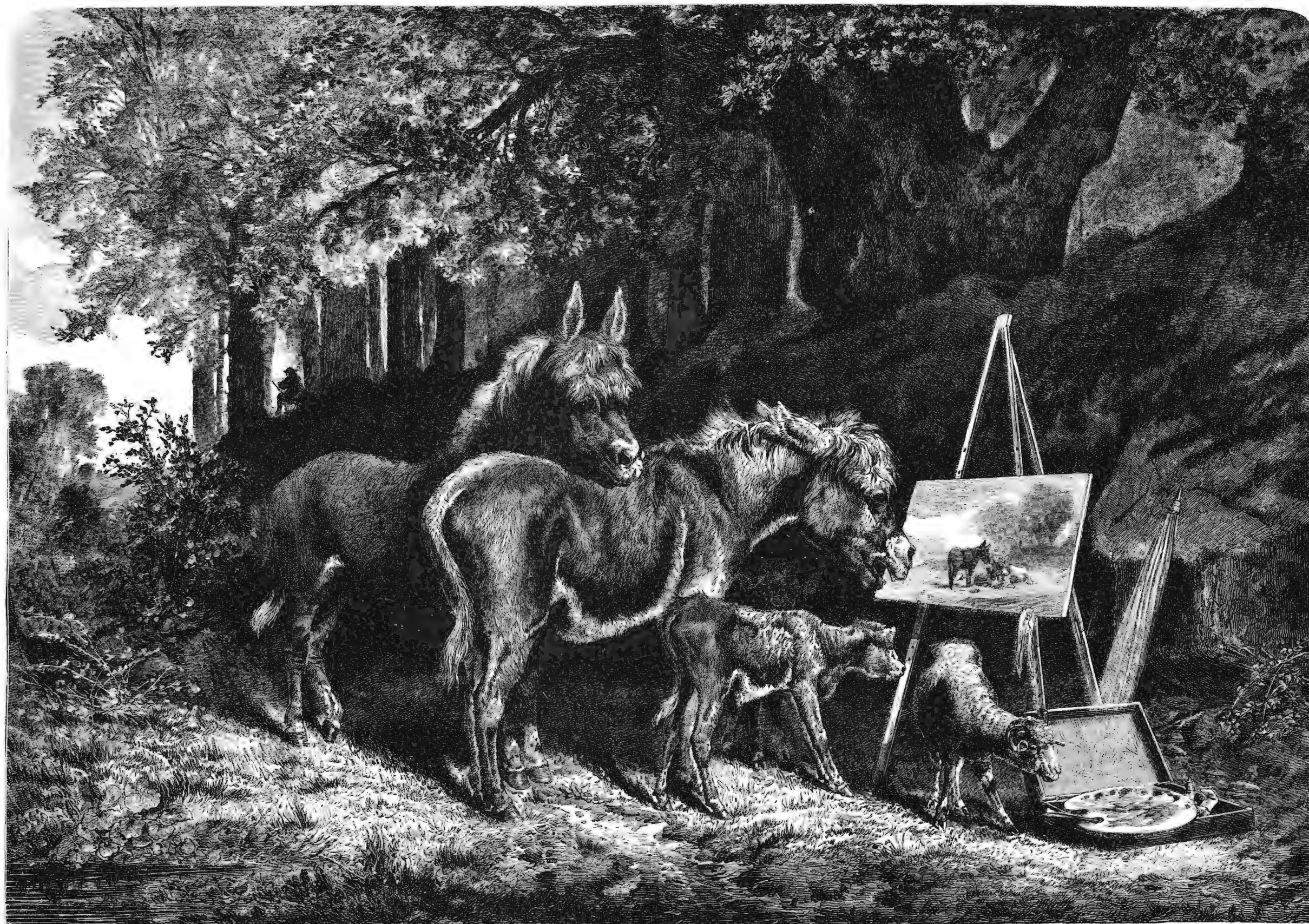
Для Ваня вечеръ пролетѣлъ незамѣтно, и онъ очень былъ недоволенъ, когда наступило время прощаться.

— Я къ вамъ опять скоро приду! сказалъ онъ.

— А то какже! сказала Саша.

— Да ты, пожалуйста, къ обѣду проговорила Марфа Андревна—право, ты какой-то неловкій кавалеръ...

Другой разъ смотрю на тебя—дурень дурнемъ и выходишь... Ты хоть-бы для Саши сдѣлалъ, вѣдь она кушанье-то готовить?...

Британ. Картина Морана, грав. Жоннаръ.

— Въ самомъ дѣлѣ—вы? спросилъ Ваня.

— Я, отвѣчала Саша.

— Она, она, братъ! подхватилъ Иванъ Ивановичъ.

— Послушай, Ванюха — сказалъ Иванъ Ивановичъ окончательно прощаясь съ Ваней на порогѣ—скоро мы съ тобой имининики, такъ ты ужь... таво... не выдай, не обмани—у насъ будь! Мнѣ очень пріятно видѣть тебя въ этотъ день въ своемъ семействѣ.

— Буду, непременно буду! сказалъ Ваня. И вполне счастливый, вышелъ на улицу.

Всѣ вечера, которые проводилъ Ваня въ семействѣ Добряковыхъ, были лучшими вечерами въ его жизни. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой любовью принимаютъ его здѣсь! Иванъ Ивановичъ считаетъ его какъ-бы за родного. Марфа Андревна то же. А Саша? Ваня знаетъ, что Саша любитъ его. Дома ему было не въ примѣръ хуже. Положимъ, тамъ была его бабушка, и няня. Но зато тамъ былъ и Андрей Петровичъ, его отецъ, который своимъ унылымъ видомъ въ состояніи былъ отравить всякое его удовольствіе. Тамъ была его мать, которую Ваня, не могъ полюбить.

Въ любви Саши и Вани Добряковы видѣли братскую любовь. Ваня имъ такъ нравился своимъ прямодушнымъ характеромъ, своею непринужденною веселостію, что они считали его за своего сына.

— Андреевна,—говорилъ иногда Иванъ Ивановичъ, развеселившись, когда Ваня засидится у нихъ слишкомъ долго, иногда за полночь,—а вѣдь Ваня женихъ Сашинъ, ей-ей женихъ. Ну гдѣ это видало, чтобы гость сидѣлъ такъ долго.

— Отвяжись съ пустяками, говорила Марфа Андревна, серьезно занимаясь сученіемъ нитокъ.

— Вотъ я такъ-то сидѣлъ у тебя, когда былъ посватавшись,—говорилъ Иванъ Ивановичъ,—только что-жъ это Ваня не дѣлаетъ предложенія!

Ивану Ивановичу и въ голову не приходило, что его шутка заставляла сердца Вани и Саши биться чаще и сильнѣе, а лица улыбаться.

— Почему бы мнѣ не объясниться, не сказать Ивану Ивановичу прямо, что я люблю васъ,—сказалъ однажды Ваня Сашѣ, когда они остались наединѣ. Онъ такъ насъ любитъ. Онъ вмѣстѣ бы съ нами порадовался.

— Нѣтъ, Ваня,—говорила Саша, подумавши,—это будетъ похоже на шутку: пока вы не поступите въ университетъ, свадьбы быть не можетъ, потому что, вы сами знаете, одному надо имѣть средства, а двоимъ еще больше! При томъ вамъ еще и лѣта не вышли...

II.

Наступилъ день именинъ Вани. Съ самаго утра онъ началъ получать поздравленія. Первая пришла къ нему бабушка. Она пришла къ нему еще въ то время, когда онъ полулежалъ на кровати и, подпершись на локоть, по обыкновенію думалъ о Сашѣ.

— Поздравляю тебя съ ангеломъ! сказала бабушка, цѣлуя его и въ тоже время одною рукою доставая изъ подъ платка что-то.

Ольга Андреевна принесла внуку денегъ. Деньги эти въ числѣ пяти рублей поступали отнынѣ въ полную его собственность.

— Каждый разъ, какъ я поздравляю тебя съ этимъ днемъ,—продолжала бабушка, отодвигая его ноги и садясь къ нему на кровати,—я смотрю на тебя. Въ моихъ глазахъ ты возмужалъ и выросъ. Не знаю, придется ли мнѣ вновь дожидаться этого дня... только смотри—всегда... когда меня и не будетъ... всегда, мой другъ, почитай этотъ день. Въ него старайся особенно не грѣшить.

— О, бабушка, то, что я чувствую теперь, ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать грѣхомъ! сказалъ взвол-

нованный Ваня, крѣпко прижавъ ее руку къ своимъ губамъ.

— А Саша? спросила бабушка. И видно было, что она съ трудомъ предложила этотъ вопросъ.

— Чтожъ, Саша? Я люблю ее, какъ ангела, мои отношенія къ ней чисты, воскликнулъ Ваня.

Въ залѣ раздался шелестъ платья и, шумя и гремя накрахмаленными юбками, вошла въ его комнату мать.

— Ты нынче имянинникъ—поздравляю тебя! сказала она, цѣлуя его въ лобъ и давъ ему поцѣловать свою руку. Затѣмъ, повернувшись въ комнатѣ, Елизавета Алексѣевна нашла нужнымъ замѣтить, что откуда-то несетъ, что чѣмъ-то дурно пахнетъ и, шумя и гремя юбками, опять ушла въ залу.

Ваня вздохнулъ свободнѣе. Онъ не очень то былъ радъ посѣщенію матери, и ея сухого приглашенія на чай ни за что въ свѣтѣ не промѣнялъ бы на приглашеніе бабушки. Прежде, однако, чѣмъ идти къ бабушкѣ, онъ прошелъ въ комнату отца. Андрей Петровичъ по обыкновенію сидѣлъ на своемъ креслѣ и былъ разстроены. Увидя Ваню, онъ постарался было скрыть это, но Ваня замѣтилъ.

— Папаша, что съ вами? для моихъ именинъ вы такъ разстроены!

— Опять мать твоя приходила за деньгами, Ну гдѣ я ей возьму? У меня нѣтъ денегъ! Я бы съ удовольствіемъ подарилъ тебя чѣмънибудь, но что же дѣлать, коли нѣтъ денегъ?

— Папаша, знаете что я вамъ скажу—приходите къ бабушкѣ чай пить! Мы всѣ тамъ будемъ, мы вамъ и денегъ достанемъ. Ваня уже рѣшилъ въ умѣ отдать отцу свои пять рублей.

— Ну, чтожъ, я приду, сказалъ Андрей Петровичъ, замѣтно повеселѣвъ,—приду раздѣлить вашу компанію.

Ваня пошелъ къ бабушкѣ утѣшенный. А тамъ уже стоялъ самоварчикъ. Столъ былъ убранъ по праздничному. И въ комнатѣ было по праздничному—занавѣски передъ кроватью были перемѣнены и лишніе стулья вынесены, словно въ комнаткѣ собирались танцевать. Пришелъ Андрей Петровичъ. Всѣ сѣли чай пить. Въ семейномъ кружкѣ только не доставало Елизаветы Алексѣевны: она пила чай въ своей комнатѣ. Да и хорошо, что ея не было! Всѣ желали возможныхъ благъ имениннику. Говорила же больше бабушка. Между прочимъ она сказала:

— Поступить Ваня въ университетъ, а тогда что же сдѣлаемъ—женить его?..

Андрей Петровичъ вздохнулъ.

— Да поговори чтонибудь ты, — приставала къ нему бабушка,—ну что, какъ нюня какой губы развѣсиль... Постой, куда же ты? спросила она, увидя, что онъ собирается уйти.

— Пойду въ свою комнату, такъ что-то не по себѣ.

— Эхъ, не по себѣ,—сказала бабушка, между тѣмъ какъ Андрей Петровичъ ушелъ,—сынъ именинникъ — не хочеть посидѣть здѣсь...

— Неужели онъ всегда-то былъ таковъ? спросилъ Ваня. А молодость, скажите, какъ онъ провелъ свою молодость?

Ольга Андреевна, которая хорошо знала, какъ онъ проводилъ молодость, вздохнула при этомъ и вдругъ, оживляясь, проговорила:

— Молодость свою онъ провелъ лучше твоей, мать его была лучше твоей, при томъ никогда не повѣрю я, чтобы твоя Саша была такъ хороша, какъ хороша была когда-то Елизавета Алексѣевна!..

Ольга Андреевна, сказавши это, задумалась немного. Ваня самъ задумался. Закрывъ лицо руками, онъ самъ какъ будто угадывалъ, что ожидаетъ его за предѣлами молодости.

Грустное впечатлѣніе не долго оставалось на душѣ Вани. Когда онъ открылъ лицо, взглядъ его былъ

снова свѣтель, а порывистое движеніе обнять бабушку показало, что ему очень весело. Онъ теперь раздумывалъ о Саиѣ. Какъ-то она его истрѣбитъ? Что она ему

скажетъ? А Иванъ Ивановичъ? а Марфа Андреевна? Ваня на скорую руку докончилъ чай и пошелъ переодѣваться.

(Продолженіе будетъ).

Н. Соколицнй.

ВЪ КАЛАФАТЪ.

(Письмо нашего корреспондента)*).

Подъ конвоемъ калараша тронулись мы впередъ и не доѣзжая немного до заставы Калафата, свернули влѣво къ главному лагерю. Лагерь этотъ расположенъ на мѣстѣ старыхъ турецкихъ укрѣпленій. Во всѣ прошедшія кампаніи съ Россіей, турки обыкновенно заблаговременно занимали нѣсколько береговыхъ пунктовъ на этой сторонѣ Дуная. Не мало затрудненій предстояло тогда для русскихъ войскъ вытѣснить турокъ и заставить ихъ обратно перейти за Дунай; иногда эти попытки удавались, иногда нѣтъ—припомнимъ хотя прошедшую кампанію 1853 года, сраженіе подъ Ольтеницей и неудачные попытки атаковать Калафатъ въ 1828 году, когда корпусъ Гейсмара, потерпѣвъ неудачу, долженъ былъ наконецъ отказаться отъ этого предпріятія. Калафатъ всегда былъ во время войны занимаемъ турками—безъ Калафата Виддинъ представляетъ весьма слабую позицію:—онъ весь расположенъ гораздо ниже, и батареи Калафата положительно господствуютъ надъ городомъ и его укрѣпленіями. На этотъ разъ турки измѣнили своимъ традиціямъ, почему—это Аллаху извѣстно, времени у нихъ было, довольно со дня объявленія войны. Слабыя силы румынскихъ войскъ, находившихся въ тотъ моментъ въ Калафатѣ, врядъ ли могли попрепятствовать переходу турокъ, имѣвшихъ тогда громадное артиллерійское превосходство. Теперь этотъ переходъ уже немислимъ, войска румынскія успѣли сосредоточиться, берегъ укрѣпленъ, орудія поставлены и Виддину грозитъ участь быть разрушеннымъ и пасты, участь, которую ему до сихъ поръ еще не разу не приключилось испытывать. Коляска наша то поднималась по скатамъ старыхъ, сглаженныхъ временемъ турецкихъ брустверовъ, то опускалась во рвы—дорога была страшно пересѣчена и неудобна, хотя ее и раздѣляли нѣсколько съ помощью саперныхъ командъ и мѣстныхъ рабочихъ. Лагерь расположенъ на обширномъ плацдормѣ, обращенномъ къ сѣверу, остатками своихъ бастионовъ, опирающимися тыломъ на сады Калафата. Здѣсь стройными линіями стояли палатки стрѣлковыхъ батальоновъ, за ними, по ту сторону бруствера—колонны линейныхъ войскъ; по сторонамъ живописно безпорядочными группами разбросаны солдатскія кухни и разная хозяйственная приспособленія. Солнце уже сѣло за горы; пользуясь вечерней прохладой, солдаты повисли изъ палатокъ и расположились группами на линіяхъ у ружейныхъ возель и сложенныхъ въ пирамиды барабановъ, слышались звуки трубъ, громыханья барабановъ, изъ лагеря въ стройномъ порядкѣ выступали ночные караулы, управляясь на береговыхъ позиціи. Коляска остановилась передъ большою палаткою командира стрѣлковъ, отъ насъ снова потребовали документы и потомъ, найдя все въ порядкѣ, съ тѣмъ же каларашемъ позволили намъ наконецъ вѣзхать въ городъ и явиться къ коменданту. Стежнѣло пока тянулись всѣ эти, необходимыя, впрочемъ, въ военное время церемоніи. Пусты и безлюдны были пыльные улицы Калафата, обстроенныя крохотными домиками, часто даже просто деревянными мазанками. Всѣ окна и двери были заперты и заставлены ставнями, большинство жителей, боясь бомбардировки, покинули городъ и разсѣлись по болѣе мирнымъ, спокойнымъ мѣстамъ, удаленнымъ отъ опасностей военного времени. Въ городѣ теперь за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ, видно только военныхъ и военныхъ. Это скорѣе боевой бивуакъ—лагерь, чѣмъ мирный городъ, кивѣвшій въ обыкновенное время оживленною торговою дѣятельностью. Комендантъ Калафата помѣщается въ довольно большомъ, красивомъ зданіи, къ которому примыкаетъ хорошенькій, тѣнистый такой садъ. Садовъ въ Калафатѣ вообще очень много; домики города положительно тонутъ въ массахъ зелени. Комендантъ мы не застали дома, пришлось дожидаться, впрочемъ, не долго. На наше счастье комендантъ оказался болѣе любезнымъ, чѣмъ мы могли даже предполагать. Онъ намъ обѣщалъ дать на другой день утромъ офицера, который самъ насъ проводитъ на пункты, наиболѣе удобныя для наблюденій. Конечно, за эту любезность крылось и нѣкоторое недоверіе, такъ сказать мѣра предосторожности, но мы уже въ такія тонкости не входили и, поблагодаривъ коменданта за его вниманіе къ намъ, русскимъ корреспондентамъ, отъправились розыскивать себѣ мѣсто ночлега, что оказалось дѣломъ весьма затруднительнымъ, въ которомъ намъ помогъ все таки тотъ же любезный комендантъ, приказавъ указать намъ гостиницу и распорядившись, чтобы въ этой гостинницѣ о-

вели бы намъ мѣсто во что бы то ни стало. Только единственная гостинница въ городѣ и небольшой ресторанъ противъ нея, остались въ распоряженіи посѣтителей, все же остальное заперто и покинуто хозяевами. Намъ отвели комнату у самой кухни, проходную, служившею кладовой для припасовъ и складомъ посуды, постелей не было вовсе, и мы кое какъ расположились на узенькомъ, обитомъ кожей диванчикѣ и на составленныхъ стульяхъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря усталости, мы довольно покойно провели ночь и утромъ рано, часовъ въ 5, были уже на ногахъ, готовые начать свои корреспондентскія экскурсіи. Часамъ къ восьми утра пришелъ обѣщанный намъ комендантомъ провожатый, и мы отправились. Пройдя съ версту по одной изъ продольныхъ улицъ Калафата, ведущей параллельно Дунаю, мы свернули вправо, поднялись на довольно высокую гору и очутились надъ самымъ обрывомъ берега. Отсюда передъ нами разстилалась роскошная панорама Виддина, его лагеря, фортовъ, всѣхъ окрестностей, съ помощью бинокля можно было уловить всѣ малѣйшія подробности, рассмотреть почти все, что творится на томъ берегу. Виддинъ окруженъ каменными крѣпостными верками старыхъ типовъ, расположенъ въ долинѣ, примыкающей только къ самой рѣкѣ, въ центрѣ его фронта возвышаются древнія стѣны и оригинальныя башни стараго болгарскаго замка—это цитадель позиціи—за замкомъ идутъ сплошныя массы турецкихъ домовъ, между ними и вокругъ крѣпостныхъ стѣнъ зеленыютъ фруктовые сады, стройные тополи—эти граціозныя зеленныя колонны словно конкурируютъ съ не менѣе стройными колонками бесчисленныхъ минаретовъ; дальше пологіе холмы, съ ведущими по ихъ скатамъ извивающимися дорогами, на дорогахъ столбы члны, это двигаются войска и обозы, дальше все сливается въ одну сплошную сѣнюю полосу и эта полоса—Балканы, съ снѣжнымъ верхомъ, рѣзко выдѣляющимся наливоматомъ фонѣ утренняя неба. День былъ превосходный солнечный... становилось уже жарко и на горизонтѣ протягивались уже эти мглыстые, дрожащія полосы южнаго зноя... Правѣ города, значительно сзади, бѣлѣли палатки громаднаго, широко раскинувшегося лагеря. Сильные бинокли наши не могли отыскать въ немъ никакого движенія, да и не мудрено. Провожавшій насъ офицеръ объяснилъ намъ, что это лагерь—декорация для внушенія страха врагу и для кажущагося увеличенія турецкихъ силъ, палатки поставлены, но они пусты и необитаемы, войска турецкія занимаютъ только крѣпостныя верки и тотъ лагерь, что виднѣтъ правѣ Виддина, на скатахъ холмовъ, за отдѣльно стоящимъ фортомъ. Этотъ фортъ составляетъ главный олотъ Виддина, онъ построенъ по требованіямъ современной фортификаціи и вооруженъ орудіями большого калибра, по крайней мѣрѣ, во время пушечныхъ перестрѣлокъ съ Калафатомъ, сюда именно съ того форта долетаютъ болѣе крупныя снаряды. Разливы Дуная еще широки, вода не спадаетъ нисколько, томы причиною необыкновенно дождливая погода, стоящая почти въ теченіе всей первой половины мая. Окрестности береговъ еще на половину затоплены водою, отъ острововъ остались на поверхности воды только наиболѣе возвышенныя пункты и на нихъ виднѣются ослѣпые сторожевые блокгаузы.

Румынскія батареи расположены на возвышенностяхъ лѣваго, Калафатскаго берега; онѣ начинаются далеко выше Калафата, верстахъ въ трехъ отъ города и тянутся, взаимно фланкируя другъ друга, внизъ, оканчиваясь батареею, показанною на рисункѣ (см. „Ниву“ № 25). Противъ центра Калафата, а значитъ и центра позиціи, видна сильная батарея, вооруженная крупными пушками. Удобная мѣстность и готовыя природныя насѣки сильно облегчили трудную и спѣшную работу инженеровъ, и глядя на эти грозныя, вновь возведенныя позиціи, невольно чувствуешь безсиліе Виддина, беззащитно раскинувшаяся внизу, подъ ихъ выстрѣлами. Однако особенно долго любоваться всѣмъ этимъ намъ не позволили, особенно когда замѣтили, что наши карандаши ни на минуту не оставались въ бездѣйствіи. Альбомы наши были представлены коменданту, все имъ разрѣшенное посылается вмѣстѣ съ этою корреспонденціею, неразрѣшенное остается скромно въ портфеляхъ корреспондентовъ, впрочемъ, этого послѣдняго очень немного. Описывать обратную поѣзду не стоить, такъ какъ она не представляла ничего новаго и потому до слѣдующей поѣздки!

9 іюня.

Н. Каразинъ.

АѦОНЪ.

Цвѣтущій періодъ среднихъ вѣковъ представляетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, высшую кульминаціонную точку того религиознаго движенія, которое всего сильнѣе выразилось въ стран-

ствованіи пилигримовъ по святымъ мѣстамъ. Въ этомъ странствованіи, предшествовавшемъ крестовымъ походамъ, сколько

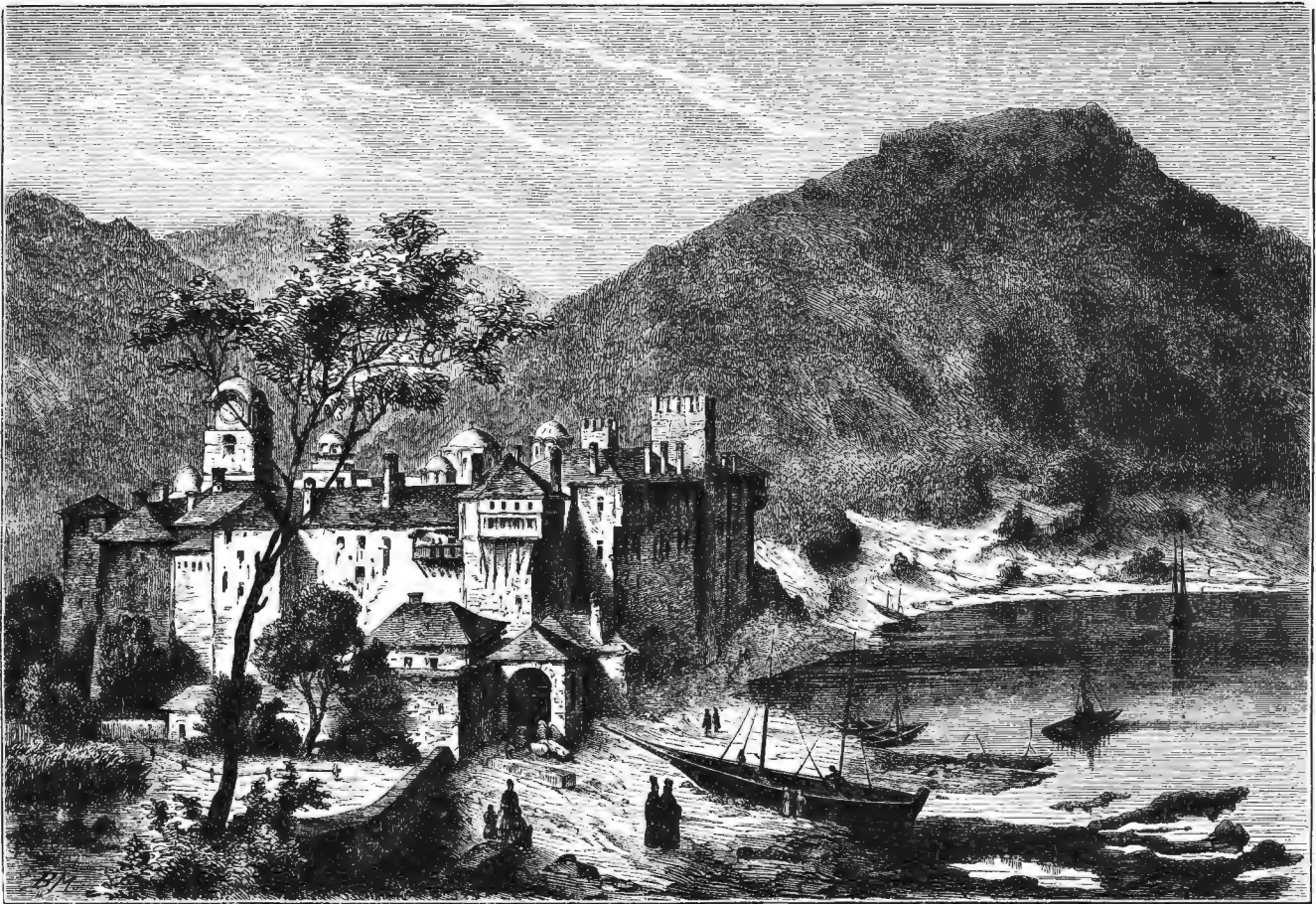
* См. „Ниву“ № 25.

заклчается трогательнаго, умиительнаго, поэтическаго!.. Пилигримъ, цѣною всяческихъ усилій, трудовъ, жертвъ, желалъ только видѣть Святую землю, облобызать почву, по которой ходилъ Господь, выкупаться въ рѣкѣ Иорданѣ, гдѣ Онъ крестился. Но въ послѣдовавшихъ за этими скромными странствіями шумныхъ крестовыхъ походахъ, уже замѣчается политическая тенденція рыцарей—овладѣть Иерусалимомъ; и затѣмъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ этихъ походахъ западное рыцарство, такъ сказать, расточило и промотало свои рыцарскія доблести, и затѣмъ въ страстномъ и неноятномъ стремленіи къ Риму и папству, этому колоссальному продукту средневѣковой жизни, разстратило и массы своихъ богатыхъ вѣковыхъ сбереженій. Однакоже реформація, это порожденіе германскаго духа, произвела замѣтную въ этомъ отношеніи перемену даже въ католическихъ земляхъ запада. Въ римскихъ церквяхъ пилигримы сдѣлались рѣдкимъ явленіемъ даже въ юбилейные годы, а на священныя мѣста далекой Палестины теперь едва уже ступала нога западнаго странника—таковы путешествія въ Палестину съ католическаго и реформаціоннаго запада послѣ реформаціи.

Совсѣмъ другое явленіе встрѣчаемъ мы въ православной,

называвшагося Эгейскимъ моремъ, параллельно другъ другу, вдаются въ это море три узкія косы, оконечности которыхъ получили историческую извѣстность бурями, виновницами несчастій и неудачъ многихъ древнихъ экспедицій, напимѣръ, персидскихъ, направленныхъ противъ грековъ. Эти три глубоко вдающіяся въ Эгейское море косы, составляютъ, въ свою очередь, продолженіе обширнаго полуострова, простирающагося отъ Халкидики, служащей преддверіемъ обширной Македоніи.

Самая восточная изъ трехъ упомянутыхъ нами выше косъ оканчивается знаменитымъ и колоссальнымъ мысомъ *Аеонскимъ*, который греки издавна называли „Святою горою“. На сѣверной части этой косы, около того мѣста, гдѣ глубоко вдается на востокъ въ море мысъ Платы, полуостровъ перерѣзывается извѣстнымъ каналомъ Ксеркса, который приказалъ выкопать его для обхода бурнаго и опаснаго для плаванія Аеонскаго мыса, близъ котораго даже нельзя стать судну на якорь, потому что уже въ самой близости глубина моря, и по сіе время, достигаетъ глубины 70 сажень. Ксерсовъ каналъ служитъ естественною гранью, съ которой пачинаются монастыри Аеонской горы *). Наиболѣе богатые изъ этихъ монастырей расположены на восточной сторонѣ Аеонской горы **).

Гора Аеонъ I. Видъ монастыря Еонименумъ. Рис. Менфельдъ, грав. Максимовъ.

греко-католической церкви. Въ православной церкви странствованія по святымъ мѣстамъ продолжались послѣ періода западной реформаціи и даже увеличились. Всѣ улицы и площади святаго града Иерусалима, весь круглый годъ, буквально кишѣли православными пилигримами. Какая это была пестрая, разнообразная, живописная масса лицъ, костюмовъ, драпировокъ! Тутъ были и обитатели греческихъ острововъ и Малой Азіи, стройные и гибкіе кавказцы, и коренные обитатели нашей русской равнины, тяжелые на поступь, обутое въ наши національные лапти-шестуны. Даже уединенныя печальныя пустыни Святой земли оживлялись обширными караванами странниковъ. Караваны эти, дѣйствительно, такъ бывали обширны, какъ будто совершалось переселеніе цѣлыхъ племенъ, такъ что иной караванъ численностью не уступалъ населенію какой либо палестинской веси и даже города...

Но предметомъ благочестивыхъ странствованій православныхъ пилигримовъ была не одна только Палестина. Былъ и существуетъ еще для православныхъ странниковъ весьма важный пунктъ, имѣвшій большое значеніе и вообще въ исторіи. Пунктъ этотъ — Аеонъ.

На сѣверной сторонѣ Греческаго Архипелага, въ древности

Если объѣхать весь берегъ обширнаго Эгейскаго моря, начиная отъ острова Крита (Кандіи) до Дарданеллъ, то намъ, при всемъ гористомъ характерѣ Греціи вообще, все таки не придется встрѣтить такого *исполина горы*, который хотя бы приблизительно напоминалъ Аеонъ, исключая Олимпа ***). Самый высшій пунктъ Аеона составляетъ 6,400 фут. надъ поверхностью моря. Темя этой высочайшей вершины составляетъ площадка въ 4 квадр. сажени и на этой-то площадкѣ построена церковь. Олимпъ по величинѣ и грандіозности не только равняется Аеону, но и превосходитъ эту Священную гору. Впрочемъ и въ физическомъ характерѣ, и въ самой внѣшней формѣ, у Олимпа есть весьма характеристическое отличіе отъ Аеона. Олимпъ представляетъ громадный узелъ далеко протянутаго гребня горъ, и склоны этихъ горъ образуютъ сочныя пажити, на которыхъ, въ настоящее время, пасутся многочисленныя стада рогатаго скота.

*) Богатые монастыри: *Хиландарь*, *Ватопедскій*, *Иверскій*, *Лавра* и *Еонименумъ*. Видъ этого послѣдняго помѣщенъ въ настоящемъ номерѣ «Нивы».

**) Самый сѣверный изъ этихъ монастырей и ближайшій къ Ксерсову каналу и мысу Платы—это *Хиландарь*.

***) Въ Фессалии. Именно эту гору греческая мифологія населяла своими антропоморфическими божествами.

Война въ лѣсу: Открытіе убѣжища совы. Оригин. рис. И. С. Панова, грав. Бренд'Амуръ.

Что касается Аэона, то онъ представляет собою величественную пирамиду, впечатлѣніе которой на каждого зрителя поразительно. Его можно назвать „Маттергорномъ“ *) греческихъ острововъ. Самый полуостровъ, оконечностью котораго служитъ Аэонъ, имѣетъ живописно-волнообразную поверхность; возвышенія направляются отъ края полуострова къ срединѣ, пока наконецъ они въ этой срединѣ не сольются въ острый гребень, и южный конецъ этого гребня, возносясь въ облака, крутымъ, обрывистымъ утесомъ падаетъ въ море, такъ что форма этого страннаго утеса образуетъ падающую скалистую пирамиду. Самая же фигура полуострова имѣетъ отдаленное сходство съ кровлею какого-либо собора, оканчивающеюся высоко возносящеюся въ облака башнею.

Этотъ „Гибралтаръ Эгейскаго моря“, въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и до нашихъ дней служилъ и служитъ торжественно возносящимся свѣточемъ для православной восточной церкви, горниломъ ея духовныхъ интересовъ, подобно тому, какъ Вагикапъ составляетъ горнило духовныхъ интересовъ запада. Однакожъ, если мы попытаемся изслѣдовать исторически происхождение того и другого пункта, мы разумѣтся потеряемъ нить исторіи и должны остаться въ лабиринтѣ легендъ и чудесныхъ сказаній. Новогреческое преданіе, напримеръ, гласитъ, о началѣ и происхожденіи Аэона, что сама Пресвятая Дѣва вышивала своими руками торжественную праздничную богослужебную одежду для монаховъ**), а также одѣваемые при нашемъ богослуженіи поручи. Эту одежду и поручи Богоматерь вышивала для Лазаря, друга Христова—котораго Христосъ, какъ извѣстно, незадолго передъ Своими страданіями воскресилъ изъ мертвыхъ. Но о дальнѣйшей судьбѣ Лазаря, кромѣ темнаго и неопредѣленнаго преданія, что онъ былъ епископомъ на островѣ Кипрѣ, мы ничего не знаемъ.

Затѣмъ мы узнаемъ изъ преданія, что сама Богоматерь благословила Аэонъ и сказала: „Это мѣсто выпало мнѣ, по жребію, на вѣки. Да пребудетъ надъ нимъ милость Моего Сына!“

По собственно народнымъ преданіямъ объ основаніи Аэона, а

также наши русскія преданія объ этомъ же предметѣ, гораздо отчлѣвѣе и рельефнѣе. Сущность этихъ послѣднихъ преданій слѣдующая. Когда св. Апостолы вышли изъ Іерусалима проповѣдать Евангеліе во всемірѣ, Богоматерь осталась въ Іерусалимѣ, и сгорала желаніемъ отправиться тоже на дѣло проповѣди и затѣмъ съ певными слутниками съѣла въ корабль; но изъ кормчихъ никто не зналъ, куда направить плаваніе. Рѣшили дать кораблю полную волю—пусть плыветъ куда хочетъ, и корабль, послѣ продолжительнаго плаванія, остановился у восточнаго берега Афона. Въ это самое время въ близкихъ идолевскихъ капищахъ совершался торжественный праздникъ съ жертвоприношеніями. Какъ вдругъ идолевскіе иступаны, почувявъ приближеніе Богоматери, воскликнули: Смотрите! Идетъ Матерь Божія... Слѣшите и падайте передъ Нею ницѣ!“ Пронзнесенъ это, идолы сами собою попадали и разбились въдребезги. Изумленный народъ тотчасъ всею массою устремился изъ капищъ къ берегу и тамъ въ благоговѣніи палъ предъ необыкновенной посѣтительницей, прося св. крещенія. Капища идолевскія немедленно превратились въ церкви и Богоматерь осталась на Афонѣ до самой своей кончины.

Дѣйствительно, наше церковное преданіе говоритъ, что Успеніе Божіей Матери совершилось на Аэонѣ, и на Аэонѣ плѣтъ въ самомъ дѣлѣ ни одной церкви, въ которой бы образъ Успенія Богоматери не составлялъ главнаго украшенія.

Извѣстно также, что знаменитѣйшій и древнѣйшій изъ нашихъ монастырей Кіево-Печерскій, построенъ святыми Антоніемъ и Теодосіемъ по образу и подобію монастырей горы Афонской, а по образу монастыря Кіево-Печерскаго устроены и всѣ прочіе наши монастыри. И самая Кіево-Печерская церковь создана по имя Успенія Богоматери, какъ говоритъ преданіе по чудесно предначертанному на небѣ плану. *) Такимъ образомъ связь нашихъ православныхъ отечественныхъ обителей съ Аэономъ, какъ первоначальнымъ ихъ центромъ и родоначальникомъ, весьма ясна и неоспорима.

(Окончаніе будетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Критики.

(Картина Жоннара).

Превосходное произведеніе Жоннара замѣчательно, конечно, въ томъ отношеніи, что такъ живо передаетъ впечатлѣніе, произведенное на оловъ картиной, случайно ими встрѣченной въ лѣсу, на которую они даже, такъ сказать, наткнулись. Уловить это впечатлѣніе и сумѣть его передать въ своемъ произведеніи, понятно, заслуга почтенная; но кромѣ того, картина Жоннара, разумѣтся, имѣетъ еще и другія стороны, дающія ей право называться замѣчательнымъ произведеніемъ. Изъ этихъ „другихъ“ сторонъ мы, главнѣе всего обратимъ вниманіе на прелестный пейзажъ, мягкость тона и вообще на удивительную прелесть всѣхъ частей картины; ну а за симиъ является еще въ ней сторона такъ сказать „обличительная“, по ужъ здѣсь-то широкій просторъ сужденію: каждый можетъ самъ по себѣ „примѣрять“ къ кому и къ чему угодно „идею“ автора картины. Въ этомъ случаѣ, конечно, мнѣнія могутъ быть различны. Пословица говоритъ: „сколько головъ—столько и умовъ“. Напримеръ, блаженной памяти Загорѣцкій („Горе отъ ума“) говоритъ, что если бы онъ былъ цензоромъ, то

„На басни бы налегъ. Охъ, басни—смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами...“

Кто что ни говори—

Хоть и животныя, а все таки цари!

Положимъ, Загорѣцкій, такъ сказать, хватилъ черезъ край, но вѣдь точныя границы этого „края“ трудно указать.

С О В А.

Въ расѣлинахъ скалъ, въ развалинахъ старыхъ строеній, въ широкихъ дуплахъ вообще въ мѣстахъ уединенныхъ, дающихъ возможность укрыться въ темнотѣ, избираетъ сова себѣ убѣжище. Скрываясь такимъ образомъ отъ свѣта, чуждая симпатій, одиноко проводитъ она свою жизнь, вылетая на добычу только въ темнотѣ ночи. Такая жизнь оруджила сову таинственностію, сдѣлала ее ненавистой дневнымъ птицамъ, а раздающийся въ темнотѣ ночи ея неприятный голосъ, у нѣкоторыхъ отличающийся отвратительными хриплыми звуками, или фырканьемъ, у другихъ похожий на жалобный вой, у третьихъ сопровождаемый злобнымъ щелканьемъ клюва,—произвелъ къ ней и въ людяхъ какое-то непонятное отвращеніе и былъ причиною сложившихся въ народѣ повѣрій, будто крикъ совы на

крышѣ дома грозитъ большимъ несчастіемъ. Стоить лишь птичкѣ замѣтить сову въ ея убѣжищѣ, какъ съ крикомъ слетаются отъ ней и начинаютъ ципать и дразнить, вымѣняя свою ненависть. Попробуетъ сова отлетѣть на другое мѣсто, но отъ преслѣдователей не легко укрыться, остается ей единственное средство—терпѣніе. Сидитъ сова, да пощелкиваетъ только челюстями и поводитъ глазами. Самыми злѣйшими врагами совы изъ міра пернатыхъ—вороны. Увидятъ сова такой переполохъ надѣлаютъ, что—Боже упаси! Оглашая воздухъ немолчаемымъ озлобленнымъ крикомъ и шумно махая своими крыльями, носятся тогда они взадъ и впередъ мимо совы, то поднимаясь въ высь, то опускаясь до самой земли. Завидятъ сова люди—и также рѣдкій изъ нихъ не пуститъ въ нее камнемъ, не разбирая за что онъ-то казнитъ. Сова принадлежитъ къ ночнымъ хищнымъ; къ семейству совъ относятся: неясыть, сирень, сипуха, филинъ, смѣчъ.

Всѣ совы безъ исключенія отличаются самыми ограниченными умственными способностями, (несмотря на то что древніе греки и дѣлали сову слутницей богини мудрости—Минервы). Питаются совы исключительно добычей своей охоты. Большіе виды совъ нападаютъ на довольно большихъ млекопитающихъ и птицъ, большая же часть совъ питается мелкими млекопитающими и птицами. Вообще совы во множествѣ уничтожаютъ мышей, сусликовъ, кротовъ и такимъ образомъ, ненавистныя и всѣмъ преслѣдуемыя, онѣ являются благодѣтелями земледѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Маленькихъ звѣрьковъ и птицъ совы проглатываютъ вмѣстѣ съ кожей, перьями и костями; а у большихъ онѣ сначала обрываютъ голову, затѣмъ болѣе или менѣе опципываютъ тѣло и отрываютъ мясо кусками. Кости, шерсть или перья обыкновенно свертываются въ ихъ желудкахъ въ такъ называемую погадку и изрыгаются.

Совы имѣютъ нѣчто странное въ своей наружности. Голова большая, толстая; верхняя челюсть загнута острымъ крючкомъ; глаза также большіе, съ круглыми зрачками, украшенныя какъ-бы вѣрами, кругообразно расположенными перьями.

Разсказы о слѣпотѣ совъ при дневномъ свѣтѣ опровергаются изслѣдованіями, которые доказали, что совы и днемъ видятъ, но только въ весьма слабой степени, именно вслѣдствіе того что дневной свѣтъ слишкомъ сильно дѣйствуетъ на ихъ зрительные органы.

Совы обладаютъ весьма чуткимъ слухомъ. Летаютъ онѣ безшумно, волнообразно и низко. Ночью впрочемъ совы летаютъ живѣе и поднимаются высоко.

Во время спариванія самецъ и самка живутъ вмѣстѣ. Выводятъ дѣтей не больше одного раза въ годъ. Гнѣзда устраиваютъ весьма неуклюже и нерѣдко пользуются оставленными старыми гнѣздами воронъ и другихъ птицъ; случается что кла-

*) Маттергоръ, иначе Монтъ-Сервъ, одна изъ вершинъ дѣла Монтъ-Блана, съ абсолютною высотой надъ поверхностью моря въ 4,522 метра.

**) Такъ называемый по гречески *панааръ* (*Παναρς*), что значитъ собственно воронка, а потомъ—плетеная или руками шитая одежда... Таковъ былъ раздѣленный по жребію хитонъ Иисуса Христа, сплетенный или сотканный, по преданію, Пресвятою Дѣвою.

*) См. „Патерикъ Печерскій“ статью подъ заглавіемъ: „Откровеніе Симону“ (или Симону такъ какъ онъ былъ варягъ) о созданіи церкви Печерскій.

дуть свои яйца прямо въ разщелинахъ скалъ, безъ всякой постылки. Самка несетъ отъ 2 до 3 яицъ; насиживаетъ въ продолженіи 2—3 недѣль. Молодые птенцы очень прожорливы—и родители представляются много труда воспитать свое потомство.

Пойманная въ молодомъ возрастѣ, совы могутъ дѣлаться ручными, но вслѣдствіе своего угрюмаго нрава не представляютъ ничего пріятнаго.

Ночной переходъ по Дунаю.

Рисунокъ представляетъ одну изъ сценъ современной войны на Дунаѣ. Въ то время, когда еще, вслѣдствіе различныхъ военныхъ условій и препятствій по причинѣ разлива Дуная, нельзя было сдѣлать общаго перехода нашихъ войскъ съ румынскаго берега на турецкій, казаки отдѣльными отрядами отправлялись въ тѣ или другія доступныя для набѣговъ мѣста. Въ данномъ случаѣ избранъ былъ ими одинъ изъ дунайскихъ островковъ, гдѣ, вѣроятно, представилась возможность нанести неприятелю вредъ, уничтожить, можетъ быть, сдѣланные имъ на этомъ островѣ запасы, сжечь ихъ, разбить сторожевые шкеты и т. п. Извѣстно, что въ дѣлѣ набѣговъ наши казаки неимѣютъ себѣ соперниковъ въ войскахъ другихъ странъ, и исторія о ихъ доблестяхъ на этомъ поприщѣ войны уже давно сказала свое слово. Нельзя незамѣтить что ихъ военные доблести не имѣютъ въ себѣ руководящимъ началомъ отчасти и корыстные помыслы, такъ напримѣръ, возможность добычи, какъ извѣстно, представляемой въ такихъ случаяхъ въ собственность ихъ; но личная храбрость и удалство не могутъ быть при этомъ забыты. О нравахъ казаковъ вообще рассказываютъ много и хорошаго и дурного, упрекая ихъ въ деспотизмъ и преданности „древнимъ обычаямъ“. Конечно, какъ для кого, но полагаемъ, что не тѣ обычаи дурны, которые стары (по нашему даже чѣмъ древнѣе, тѣмъ лучше), но тѣ, которые въ самихъ себѣ имѣютъ недостатки. Расскажемъ здѣсь только одинъ обычай, характеризующій отчасти казацкіе нравы.

Когда казакамъ случается отбѣзжать изъ дома на войну, какъ въ настоящемъ случаѣ, то они вывозятъ часто по году и по нѣскольку лѣтъ въ разлукѣ съ семьей. Тѣмъ временемъ жены ихъ, конечно, не всѣ живутъ безупречно. Мужьямъ это небезизвѣстно, и они даже съ такой философской точки смотрятъ на этотъ вопросъ, что многие изъ нихъ, возвращаясь за родину, еще дорогого закупаютъ бѣлые платки, вотъ на какое употребленіе. Лишь только вѣбзажаютъ казаки въ родную деревню, какъ всѣ обитатели выходятъ ихъ встрѣчать. Невѣрныя мужьямъ жены тутъ же выступаютъ изъ толпы, становятся передъ своими владыками на колѣни, лицомъ къ землѣ и ставятъ ихъ ногу къ себѣ на затылокъ, что служитъ въ одно и то же время признаніемъ вины и просьбой о прощеніи. Хотя не малое бываетъ число этихъ кающихся Магдалинъ, но мужья почти всегда ихъ прощаютъ, и въ знакъ того прощающій покрываетъ голову жены бѣлымъ платкомъ. Съ тѣхъ поръ не бываетъ помину о прошломъ, никто не смѣетъ и попрекнуть жену ея невѣрностью, такъ какъ мужъ дѣлается заступникомъ ея чести, покрывъ ее разъ бѣлымъ платкомъ въ знакъ прощенья и забвенія. Если же мужъ отказывается простить виновную, то она тутъ же возвращается въ домъ своего отца и считается съ мужемъ въ разводѣ.

Таково у людей „древняго обычая“ рѣшеніе этого вопроса. Вѣроятно не безъ душевной борьбы и у нихъ, но за то исходе прямой и рѣшительной и нѣтъ той страшной фальши и лжи, которая является въ этомъ случаѣ у людей „цивилизованныхъ“.

Сестры милосердія.

Практическіе уроки предъ вступленіемъ на высокое служеніе дѣлу помощи раненымъ, будутъ, разумѣется, полезны, и нѣтъ сомнѣнія, что въ рядахъ стальныхъ женщинъ всѣхъ званій, всѣхъ состояній нашего общества, стремящихся и принятыхъ на слушаніе низшихъ аптекарскихъ курсовъ, есть и въ большомъ количествѣ задатки той нравственной высоты, которая сама собою приведетъ ихъ и поставитъ всецѣло на путь горячаго самоотверженнаго служенія символу Краснаго мученическаго Креста. Но нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г-жи Кохановской (Рус. Миръ № 153) что простой, святой образъ сестры милосердія становится у насъ какой-то новой степенью женской, медицинской науки, въ родѣ степени ученой фельдшерницы? Какъ не желательно подобное совмѣщеніе въ сестрѣ милосердія, но оно можетъ быть и не быть. Да и не въ фельдшерствѣ главная сила и назначеніе той, которая призывается къ постели страждущихъ и умирающихъ не лечитъ ихъ (на это есть докторъ и ихъ помощники, и фельдшера): а чтобы неусыпающей заботой, нѣжностію и вниманіемъ женской попечительности въ уходѣ за больнымъ унизить страждущаго и просіять ему въ смиренномъ подвигѣ самоотверженія, чтобы болящій и умирающій увидѣлъ свѣтъ Христовъ,—вотъ единственный вѣрный нравственный обликъ сестры милосердія. Разумѣется, мы ничуть не хотимъ сказать, что сестрѣ милосердія знанія излишни. Знаніе вездѣ полезно и вездѣ—сила, и въ данномъ случаѣ даже не только медицинскія, но и знанія того языка, на которомъ говоритъ больной. Такъ напри-

мѣръ, изъ Кишинева извѣщаютъ что прибывшія туда изъ Петербурга сестры общинъ св. Георгія и евангелическо-лютеранской и фельдшерницы с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета занялись изученіемъ турецкаго языка, въ виду того, что въ числѣ раненыхъ могутъ встрѣтятся и турки. Преподананіе взялъ на себя членъ общества Краснаго креста, мѣстный дивизионный пасторъ. Слушательницы, по словамъ корреспондента, въ теченіи трехъ недѣль уже на столько успѣли пріобрѣсти познаній въ языкѣ, что изъ выученныхъ словъ составляютъ правильныя предложенія. Кто же можетъ возражать противъ пользы такого изученія языка; но все таки главное и первое мѣсто занимающее въ дѣлѣ помощи раненымъ—это именно—подвигъ самоотверженія, способность „просіять“ въ этомъ смиренномъ подвигѣ.

Мины и торпедо.

(По поводу рисунка: взрывъ монитора „Хивзи-Рахманъ“.)

Мины и торпедо уже давно практиковались на сушѣ, но только недавно начали ими пользоваться на водѣ. Торпедо дѣлается на два вида: такъ называемыя мѣстныя и на подвижныя. Зарядъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ помѣщается въ герметически-закупоренныхъ ящикахъ. Форма ящика бываетъ различна, вообще на нее не слѣдуетъ смотрѣть какъ на нѣчто существенное. Важенъ вопросъ: какимъ взрывчатымъ составомъ ящикъ начинять? Въ послѣднее время обратили на себя вниманіе динамитъ и влажный прессованный хлопчатобумажный порохъ Абеля. Этотъ порохъ въ 5 разъ сильнѣе обыкновеннаго пороха. Опыты, произведенные надъ динамитомъ и порохомъ Абеля, съ цѣлью изученія ихъ разрушительныхъ свойствъ въ водѣ, показали, что если динамитное торпедо и торпедо Абеля плотно прилегаютъ къ разрушаемому предмету, то динамитное торпедо производитъ большее разрушительное дѣйствіе. При удаленіи же на извѣстное разстояніе отъ разрушаемаго предмета этихъ двухъ торпедъ, дѣятельность ихъ почти сравнивается. Но такъ какъ динамитъ не удобенъ для храненія, замерзаетъ при 8°, не всегда воспламеняется во время и, кромѣ того, торпедо изъ него обладаютъ особымъ свойствомъ—иногда взрываются при взрывѣ сосѣдняго торпедо, поэтому, не смотря на преимущества динамита (въ его разрушительной силѣ) предпочитаютъ все таки употреблять для торпедо порохъ Абеля. Мѣстныя торпедо можно располагать только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они, не занимая большого протяженія, вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть наблюдаемы съ берега, и болѣе или менѣе берегаемы отъ покушенія неприятеля ихъ уничтожить. Торпедо располагаютъ подъ водой въ нѣсколько линій. Для того, чтобы торпедо не потонуло, его прикрѣпляютъ къ деревянному обручку, или снабжаютъ съ этою цѣлью какимъ либо другимъ приспособленіемъ, а для того, чтобы оно не всплыло на поверхность воды и сохраняло при этомъ свое положеніе неизмѣнно, удерживается якоремъ. Торпедо должны быть такъ часто поставлены, чтобы между ними невозможно было пройти судну. Самовзрывчатая должны быть расположены на болѣе тѣсныхъ интервалахъ, нежели взрываема съ берега, точно также и зарядъ ихъ различенъ, и вообще для воспламеняемыхъ съ берега они должны быть болѣе, нежели для самовзрывчатыхъ. Установленныя торпедо снабжаютъ приспособленіями двухъ родовъ: капсулами—которыя при ударѣ о дно или бокъ нашедшаго на нихъ судна, сообщаютъ огонь взрывчатому составу, или же съ берега наблюдаютъ за ходомъ неприятельскаго судна, и когда оно взойдетъ въ линію торпедо, то его помощью электричества воспламеняютъ.

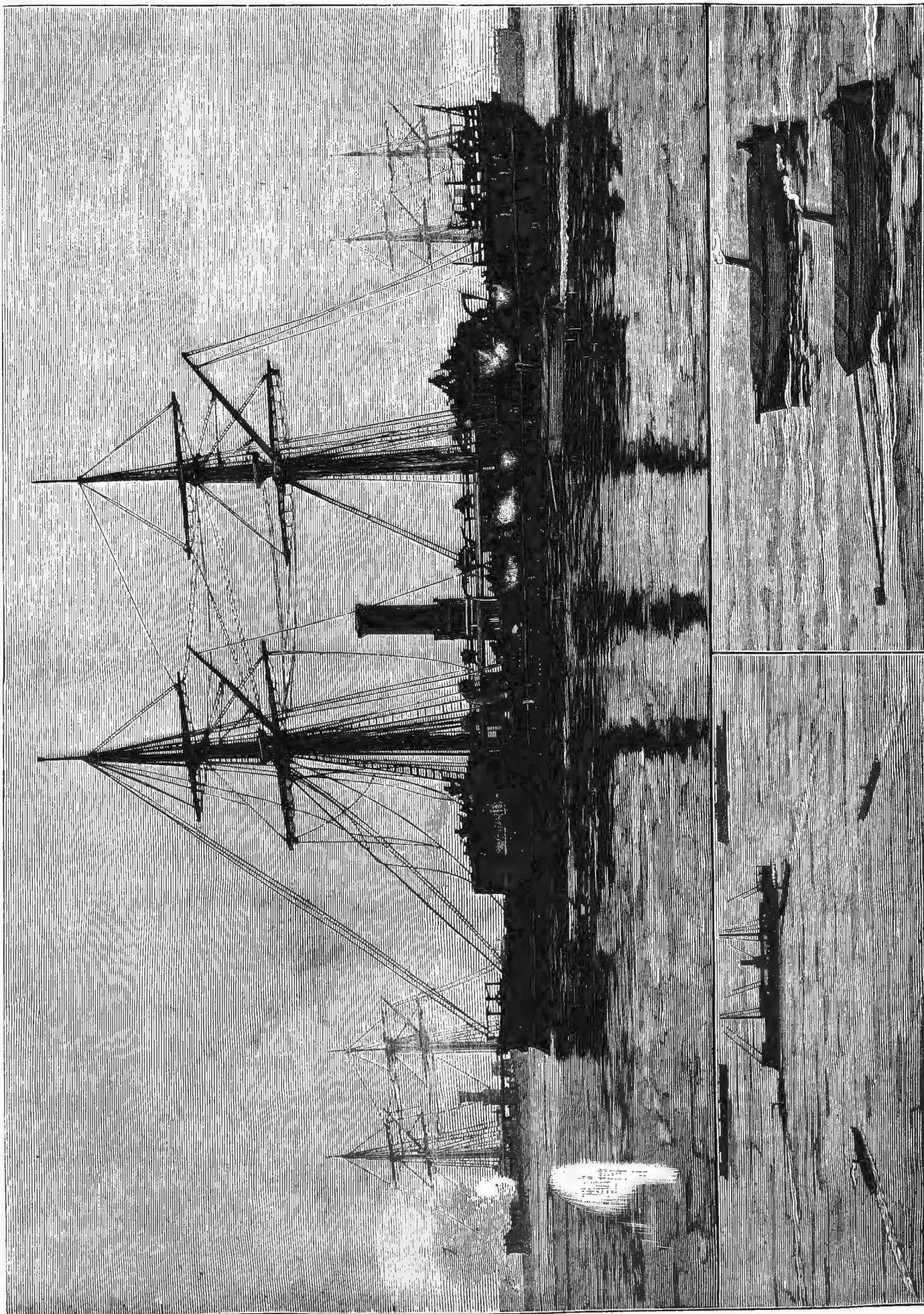
Берегъ, защищенный постоянными торпедо, можно считать почти вполне обезпеченнымъ отъ нападенія неприятельскаго флота, если только приняты мѣры къ воспрепятствованію неприятелю ихъ уничтожить. Уничтожить постоянныя торпедо неприятель можетъ или прямымъ ихъ вылавливаніемъ, или съ помощью контръ-минъ. Но если торпедныя загражденія обстрѣливаются съ береговыхъ баттарей, то уничтожить ихъ неприятель можетъ только ночью, подплывая къ нимъ на небольшихъ своихъ гребныхъ судахъ; но и обороняющійся имѣетъ возможность выслать на ночь впередъ торпедныхъ загражденій свои сторожевыя суда. Подвижнымъ торпедо, или иначе шестовымъ, называется обыкновенное торпедо (лищикъ, наполненный взрывчатымъ веществомъ), насаженное на крѣпкій, болѣе или менѣе длинный шестъ, въ 20—40 футовъ; такимъ торпедо снабжаются миноносцы, или вѣрнѣе, торпедоносныя суда. Американцы первая пришли къ заключенію, что обыкновеннымъ военнымъ судамъ въ видѣ вооруженія слѣдуетъ придавать шестовыя торпедо. На этотъ шагъ они рѣшились въ 1874 году, послѣ опытовъ, показавшихъ, что взорванное торпедо, разрушая предметъ, противъ котораго оно употреблено, никакого вреда не наноситъ самому торпедоносному судну. Для прикрѣпленія торпедныхъ шестовъ къ судну имѣются особыя приспособленія, устроенныя на носовой, кормовой и на боковыхъ его частяхъ. Способы прикрѣпленія шестовъ къ судамъ различны; но всегда наблюдается одно правило: шестъ долженъ имѣть къ поверхности воды наклонное положеніе и чтобы вѣншній конецъ его былъ погруженъ въ воду футовъ на шесть для того, чтобы насаженное на этотъ конецъ торпедо,

Ночной переходъ казановъ съ Румынскаго берега на одинъ изъ острововъ Дуная. Съ наброска К. В., грав. Вейерманъ.

Сестры милосердія на практическихъ урокахъ въ больницахъ передъ отъездомъ въ дѣйств. армию. Съ наброска Бродлинга, грав. К. Вейерманъ.

а) "Царевна" (Мичманъ Баль).
 б) "Царевичъ" (Лект. Дубасовъ).
 в) "Косиня" (Лект. Шестаковъ).
 г) "Джигитъ" (Мичманъ Персиль).
 1) Турецкій мониторъ "Хивиз-Рахманъ" передъ взрывомъ нашими лейтенантами Дубасовымъ и Шестаковымъ. 2) Общій видъ дѣйствія русскихъ миноносныхъ катеровъ. 3) Миноносные катеры передъ дѣйствіемъ.

при ударѣ о непріятельское судно, разрушало его подводную часть. Воспламенение подвижного торпедо, как и торпедо постоянного, происходит или от удара о бокъ непріятельскаго судна, или же посредствомъ электричества, по усмотрѣнію завѣдывающаго гальванической батареей на торпедоносномъ суднѣ.

При вооруженіи судовъ обыкновенныхъ военныхъ, торпедо имѣетъ почти исключительно оборонительный характеръ. Судно, вооруженное такимъ образомъ, можетъ считать себя безопаснымъ отъ удара тарана противника, или утѣшать себя мыслию, что если и само погибнетъ отъ шпору непріятеля, то въ то же время погубитъ и его. Во всякомъ случаѣ торпедо не могутъ затруднять собою большого судна; шести ихъ падѣваются только тогда, когда предвидится скорая необходимость въ дѣйствіи торпедо. Суда, специально предназначенныя къ дѣйствію торпедо, составляютъ квинтъ-эссенцію морскаго дѣла настоящаго времени. Обшивка такого судна желѣзная, очень малой толщины; ихъ вооружаютъ также и пушками. Судно возвышается надъ поверхностью воды не больше 2—3 футовъ. Онѣ снабжены паровыми машинами, имѣющими весьма сильный, быстрый ходъ, и для большей поворотливости придаютъ особый руль съ гребками.

Цѣль судна-торпедо—бросаться на непріятельскій корабль и ударять его своимъ торпедоноснымъ шестомъ. Представляя изъ себя малую цѣль для артиллерійскаго огня и всегда старающаяся только догнать непріятельское судно, но не идти параллельно его килу, оно настолько обезпечено отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, что всегда можетъ считаться неуязвимымъ со стороны своей жертвы. Торпедо, взорванное у борта атакуемаго имъ судна, разворачиваетъ у него обшивку, производитъ громадный пробой въ подводной части, который уже нѣтъ возможности задрать. Только тогда, пораженный торпедо, корабль *можетъ* не потонуть, который снабженъ надежными *перборками*; но и въ этомъ случаѣ вредъ, причиненный кораблю, такъ великъ, что для дальнѣйшей службы въ боевомъ строю онъ уже дѣлается негоднымъ и требуетъ капитальнаго исправленія.

Дѣйствовать торпедоносныя суда съ наибольшею для себя пользою могутъ, исключительно, ночью. Понятно, что это необходимо для того, чтобы имѣть возможность приблизиться къ непріятельскому судну незамѣтно, т. е. по крайней мѣрѣ, на сколько возможно незамѣтно. Иначе, т. е. въ томъ случаѣ, если непріятель замѣтитъ приближеніе торпедоноснаго судна заблаговременно, то можетъ нанести ему огромный вредъ, разбить его пушечными выстрѣлами и т. п. Вообще не только днемъ, но и ночью, торпедоносныя суда подвергаются громадному риску... Но извѣстна пословица: „смѣлымъ Богъ владѣетъ“, такъ было и съ нашими храбрыми моряками при взрывѣ турецкаго монитора „Хивзи-Рахманъ“. Но прежде чѣмъ объ этомъ рассказать, мы для полноты свѣдѣній о другихъ примѣненіяхъ торпедо замѣтимъ, что конструкціи торпедоносныхъ судовъ весьма различны, и какъ ихъ практическое примѣненіе, такъ равно и устройство во многихъ случаяхъ неизвѣстно, ибо сохраняется въ тайнѣ и составляетъ секретъ государства.

Кромѣ такихъ судовъ есть суда, выбрасывающія торпедо. Въ подводной части такого судна устранивается продольное отверстие, параллельно килу, въ немъ помѣщается особый аппаратъ (сигарообразный или рыбообразный), снабженный двигателемъ (электро-магнитнымъ или газовымъ), съ помощью котораго онъ можетъ двигаться подъ водою съ значительною скоростью по прямому направленію на извѣстное разстояніе.

Если судно желаетъ напасть на непріятельскій корабль, то въ вышеописанную камеру вкладываютъ торпедоносный аппаратъ, такъ связать заряжаютъ судно. Потомъ это судно съ наибольшею своею скоростью бросается на атакуемый корабль и въ извѣстномъ ему разстояніи спускаетъ торпедоносный аппаратъ, тоже имѣющій на головной своей части обыкновенное шестовое торпедо.

Есть, кромѣ того, автоматическія торпедо. Онѣ двигаются подъ водою; ихъ движеніемъ управляютъ съ береговой гальванической батареей, посредствомъ двухъ или даже нѣсколькихъ проволокъ, соединенныхъ на автоматѣ съ большимъ электро-магнитнымъ приборомъ, который и составляетъ двигатель автомата. Автоматъ снабженъ рулемъ и шестовыми торпедо. Съ берега можно хорошо управлять рулемъ, давать лодкѣ передній и задній ходъ и увеличивать или уменьшать его, болѣе или менѣе глубоко погружать лодку въ воду и, наконецъ, въ извѣстный моментъ взрывать торпедо. Чтобы возможно было съ берега слѣдить за движеніемъ автомата, онъ снабжается небольшими флюгерами или другими приспособленіями, которыя въ ночное время—со стороны противоположной непріятелю—могутъ быть освѣщаемы электрическимъ свѣтомъ. Ко всему этому еще слѣдуетъ добавить, что механизмъ автомата такъ устроенъ, что въ моментъ взрыва торпедо онъ (автоматъ) получаетъ задній ходъ. Всѣ вышесказанныя движенія автоматъ исполняетъ по указанію съ берега.

Не говоря уже о томъ, что торпедо страшно для судовъ своимъ непосредственнымъ дѣйствіемъ: но одно предположеніе, что судно можетъ встрѣтить на пути своемъ торпедо, уже колеблетъ духъ экипажа корабля, убиваетъ его бодрость. Такое угнетенное состояніе духа экипажа, угрожаемаго торпедо,

весьма выгодно для торпедоносца: экипажъ не дѣлится, какъ слѣдуетъ, горюится и вообще дѣлаетъ все то, что дѣлается во время пожара...

Въ этомъ случаѣ нельзя сказать: я дерусь и или погибну, или уничтожу своего противника; здѣсь обратное—я не борюсь, а тешусь, или немного позже—погибну.

Расскажемъ здѣсь, со словъ слышавшаго, подробности о томъ, при какихъ условіяхъ былъ взорванъ турецкій мониторъ „Хивзи-Рахманъ“.

Задумавъ свое смѣлое, можно сказать даже безумно-смѣлое дѣло, наши храбрые моряки нѣсколько дней выслѣживали турецкій мониторъ. Въ ночь, наканунѣ, имъ удалось подойти къ нему на очень близкое разстояніе—они были саженьхъ въ трехстахъ отъ врага и хотѣли уже въ этотъ разъ рѣшиться на взрывъ. Ихъ остановило только то, что въ то время, какъ они подошли къ монитору, начинало уже свѣтать. Оедоръ Васильевичъ Дубасовъ, не смотря на это обстоятельство, хотѣлъ совершить задуманный ударъ, но А. П. отговорилъ его, находя, что при данныхъ условіяхъ дѣло было слишкомъ рискованно. Весь слѣдующій день лейтенантъ Дубасовъ удерживалъ своего товарища за то, что онъ удержалъ его отъ дѣла: такъ великъ было его желаніе нанести смѣлый ударъ врагу. Храбрые моряки съ нетерпѣніемъ ждали слѣдующей ночи. Ночь настала и притомъ самая благоприятная: темная, туманная. Но они не выходили до двѣнадцати часовъ—изъ стариннаго убѣжденія, что въ пятницу не слѣдуетъ начинать дѣла, а въ этотъ день была пятница, да еще не протаяла, а 13 мая. Такъ какъ послѣ полуночи всѣ неудобства пятницы устранились, то моряки отъправились. Мониторъ находился при выходѣ изъ Мачинскаго рукава, въ компаніи съ пароходомъ „Аркадіонъ“ и еще съ другимъ небольшимъ судномъ. Морской гигантъ стоялъ очень близко у берега, когда маленькая флотилія изъ четырехъ паровыхъ миноносныхъ лодокъ подошла къ нему. Во главѣ флотиліи шелъ на „Царевичъ“ лейтенантъ Дубасовъ, за нимъ на „Ксенія“ лейтенантъ Шестаковъ, Обѣ эти лодки были вооружены минами; двѣ остальные: „Джигитъ“ (командиръ мичманъ Персинъ), и „Чичаговъ“ (командиръ мичманъ Балъ) конвоировали ихъ. Лодка лейтенанта Дубасова была уже въ 30 саженьхъ отъ парохода, когда турецкій часовой окликнулъ ее. Лейтенантъ Дубасовъ отвѣчалъ: „сезимъ адамъ“ (вашъ человекъ). Часовой повторилъ окликъ еще два раза. На третій окликъ лейтенантъ Дубасовъ отвѣчалъ громко и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. Часовой выстрѣлилъ. На палубѣ мгновенно поднялась тревога, замелькали огни, забѣжали люди. Медлить было нечего. Рѣшительная минута наступила. „Царевичъ“ приблизился къ кормѣ монитора и подвелъ торпедо. Произошелъ взрывъ. Корма разсыпалась. На палубѣ монитора раздался страшный крикъ. О. В. Дубасовъ на слѣдующій день передавалъ, что впечатлѣніе этого крика было невыносимое: что-то ужасное, жалостное, безпомощное и вмѣстѣ нечеловѣчески-дикое слышалось въ этомъ крикѣ. „Я не могу забыть этого крика: онъ надрывалъ душу, онъ до сихъ поръ звучитъ у меня въ ушахъ“,—говорилъ мужественный морякъ... Громадная волна хлынула вслѣдъ за ударомъ мины и затопила „Царевича“. Между тѣмъ лодка лейтенанта Шестакова врѣзалась въ бокъ монитора и нанесла ему второй ударъ. Градъ пуль посыпался съ палубы монитора, загремѣли выстрѣлы орудій съ „Аркадіона“ и другого судна. Разбитая взрывомъ тяжелая дверь полетѣла на миноноску и задрала, по счастью не сильно, лейтенанта Шестакова и одного изъ матросовъ. „Ксенія“ бросилась назадъ, но тѣсно давали ей задній ходъ: она не могла двинуться, винтъ запутался въ какихъ-то веревкахъ, веревки задрли за якорь лодки. Лейтенантъ Шестаковъ приказалъ сбросить якорь.

— Помилуйте, ваше благородіе,—отозвался въ эту критическую минуту матросъ Кисловъ,—зачѣмъ же туркамъ верпъ (якорь) оставлять?

Будучи поставлена въ невозможность двинуться впередъ, „Ксенія“ начала давать сигнальные свистки. Но ни „Царевичъ“, ни „Джигитъ“, ни „Чичаговъ“ не могли оказать помощи, ибо первый самъ едва справился, выкачивая залившую его воду, а второго ядро ударило въ корму, и онъ, не зная степеней поврежденія и опасаясь затопить, подошелъ къ берегу, откуда былъ оснаженъ выстрѣлами береговой турецкой команды. Кое-какъ, однакоже, „Ксенія“ успѣла освободиться отъ веревки, запутавшихъ винтъ, и отошла отъ монитора. Рассказывая о выстрѣлахъ, которыми преслѣдовали уходившихъ миноносокъ, лейтенантъ Шестаковъ выразился такъ: „это былъ адъ“. Но вотъ что всего удивительнѣе въ этомъ по истинѣ удивительномъ дѣлѣ: никто изъ моряковъ не былъ не только раненъ, но даже оцарапанъ; они и сами себя не вѣрили, что это такъ, и рѣшительно не могли понять, какимъ образомъ это случилось. Слушая рассказъ о подробностяхъ дѣла, не знаешь чему болѣе удивиться: храбрости ли и почти безумной дерзости участниковъ дѣла, или же тому необыкновенному счастью, которое сопровождало ихъ подвигъ. Въ Браиловѣ все ихъ товарищи, слышавшіе громъ взрыва и выстрѣлы, считали ихъ уже погибшими; когда они воротились—радости и привѣтствій имъ не было конца. Турки, по предположеніямъ моряковъ, потеряли немного изъ команды монитора: большая часть людей могла спастись вилавъ, такъ какъ мониторъ стоялъ близко отъ

берега. Но, надо думать,—говорилъ А. П. Шестаковъ,—что погубило много офицеровъ, такъ какъ офицерскія каюты помѣщаются въ кормовой части. До какой степени взрывъ навелъ панику на турокъ, видно изъ того, что ихъ суда ушли къ самому Мачину и теперь не смѣютъ показываться даже издали.

А какіе характерные эпизоды встрѣчаются въ легендарномъ подвигѣ моряковъ. Матросъ Ничепоренко, въ страшный моментъ, когда освобождали винтъ „Ксенія“ отъ запутавшихъ его веревокъ, наклонился съ борта. Въ это время пуля пролетѣла около его головы, ударила въ воду и всплескомъ забрызгала ему лицо.

— Тыфу, проклятая,—обтирая лицо хладнокровно проговорилъ Ничепоренко: ажно глаза запорошила: дѣло дѣлать мѣшаетъ.

Матросъ Стѣпанинъ, въ то время, когда миноноски уходили подъ громомъ пуль и ядеръ, прехладнокровно шарилъ на днѣ лодки.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ кто-то его.

— Винтикъ иду, винтикъ, ваше благородіе, винтикъ потерялся отъ батарей (гальванической).

— А да, ну его къ чорту, винтикъ! До винтика-ли тутъ!

— Нельзя, ваше благородіе: безъ винтика машина не будетъ дѣйствовать, винтикъ казенный.

И онъ таки подъ выстрѣлами отыскалъ этотъ казенный винтикъ!

Таковы наши молодцы моряки, удивляющія въ настоящее время весь міръ своею неустранимою храбростію.

Политическія и военныя извѣстія.

Дунай, наконецъ, перейденъ нашими храбрыми, доблестными войсками!—вотъ отрадная сердцу каждого русскаго новость, (о которой уже вкратцѣ нами упомянуто въ предыдущемъ обзорѣ «Нивы» № 25) занимающая въ настоящее время всѣхъ и каждого, даже не грамотнаго, не знающаго, гдѣ протекаетъ рѣка Дунай. Наша Сѣверная столица 16 іюня, въ четвертъ, украсилась флагами, этими знаками торжества, ясно понятными каждому простому человѣку. Съ этого момента событія очевидно примутъ рѣшительный оборотъ, и наши военныя операціи въ Дунайской долинѣ, какъ говорится, возрастуть въ своей силѣ.

Дунай перейденъ нашими войсками 15 іюня у города *Систова* расположеннаго какъ разъ противъ румынскаго селенія *Зимницы*. Систова лежитъ на самомъ живомъ пунктѣ того громаднаго выгиба, который дѣлаетъ Дунай къ югу. По этому выгибу расположены всѣ важнѣйшія дунайскія крѣпости Турціи, начиная отъ Виддина лежащаго на западѣ; затѣмъ слѣдуютъ, по направленію къ востоку: *Рагова*, *Никополь*, *Систова*, *Рушукъ*, *Силистрія*. Къ востоку отъ Систова расположенъ знаменитый въ исторіи стратегіи *четыреугольникъ* крѣпостей, составляемый *Рушукомъ*, *Шумлою*, *Варною* и *Силистріей*, при чемъ Варна и Шумла составляютъ южную сторону *четыреугольника*, параллельную теченію Дуная и линіи образуемой разстояніемъ между Рушукомъ и Силистріей. Систова лежитъ рѣшительно въ сторонѣ отъ описаннаго *четыреугольника* между Никополемъ и Рушукомъ. Во время всѣхъ войнъ нашихъ съ турками, послѣдніе на высотахъ этого города, обыкновенно, устраивали большія сооруженія, служившія какъ для противодѣйствія переходу нашихъ войскъ черезъ Дунай, такъ и для прикрытія всегда находившихся тамъ значительныхъ отрядовъ войскъ. Значительныя батареи устроены были турками въ Систовѣ и въ нынѣшнюю войну, собрано было также значительное войско, но оно было выбито изъ позицій первыми же рядами нашихъ переднихъ Дунай войскъ. Коснемся нѣсколько подробностей перехода. Переправу съ разсвѣтомъ 15 іюня, начали первыми войска 8 корпуса, которыми командуетъ генералъ-лейтенантъ Радецкий. Переднія лодки, начавшія переправу, заняла 14-я пѣхотная дивизія, подъ начальствомъ генералъ-майора Драгомира. Вотъ первые то ряды этой дивизіи и выбили турокъ изъ занимаемой ими позиціи. Въ военномъ отношеніи этотъ пунктъ перехода Дуная важенъ еще и потому, что чрезъ него открывается прямой путь къ Балканамъ чрезъ Тирнову, Габраву и Казанлыкъ.

Но кромѣ этого, такъ сказать главнаго перехода предварительно состоялась еще переправа черезъ Дунай у Галаца и Браилова, гораздо восточнѣ Систова, тамъ гдѣ Дунай дѣлаетъ огромное колено, круто поднимаясь къ северу и отъ Рени и Галаца, крайнихъ сѣверныхъ пунктовъ, направляясь къ Черному морю. Этотъ переходъ совершенъ подъ начальствомъ генерала Циммермана. Естественнымъ слѣдствіемъ переправы нашихъ войскъ у Галаца и Браилова было занятіе *Мачина*. Этотъ предварительный переходъ имѣетъ важное стратегическое значеніе. Онъ такъ сказать, передалъ въ наши руки Добруджу, т. е. значительную приморскую полосу между Дунаемъ и Чернымъ моремъ; и въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ вступленія въ Добруджу, наши войска вступили въ *Гирсово*, *Исакчу* и *Тулчу*, эти пункты турки очистили и отступили къ Кюстенджи, (приморскому пункту).

17 іюня напечатана въ газетахъ слѣдующая телеграмма Его Величества Государя Императора къ Государынѣ Императрицѣ, отъ 15 іюня: «войска 8 корпуса, имѣя 14-ю дивизію впереди переправились сегодня на разсвѣтъ, черезъ Дунай, близъ Зимницы. Непріятель сбѣгъ съ первыхъ позицій; переправа на лодкахъ совершается безпрепятственно. Городъ Никополь горитъ отъ бомбардированія. Войска Циммермана переправились всѣ и заняли Исакчу, Тулчу и Гирсово».

Телеграммоу Его Высочества Главнокомандующаго сообщено отъ 15 іюня вечеромъ, что въ это время уже весь 8-й корпусъ и 4-я стрѣлковая бригада были на той сторонѣ Дуная и переправлялась 35-я дивизія.

Съ восточнаго театра войны за прошлую недѣлю, извѣстно: а) что бомбардированіе Карса непрерывно продолжалось и продолжается по сіе время, когда мы пишемъ эти строки. Бомбар-

дируютъ Карсъ прежними батареями, которыхъ въ ночь съ 11-го на 12-е и 14-е іюня значительно прибавлено, а именно: возведено 9 новыхъ батарей съ 36-ю орудіями. Отъ 12 (24) іюня телеграфъ сообщилъ намъ, что въ то время противъ Карса дѣйствовали 62 орудія, изъ которыхъ 28 были выдвинуты дальше впередъ. Слѣдовательно передъ Карсомъ число осаждающихъ орудій нужно положить теперь въ 98. Затѣмъ въ другихъ пунктахъ театра войны были успѣшныя дѣйствія. Особенно отличился Эриванскій отрядъ генерала Тергукасова. Такъ 4-го іюня генералъ Тергукасовъ разбилъ турецкія войска *Ферика* Мехметъ-паши, въ горахъ между *Зейдеканомъ* и *Дали-Баба*. Турецкія войска были отборныя и защищались упорно. Побѣда наша была полная. Непріятель бѣжалъ. Наша потеря убитыми 94 нижнихъ чиновъ и ранено 119 нижнихъ чиновъ. При этомъ убитъ самъ Мехметъ-паша, начальствовавшій турецкимъ войскомъ. Одновременно съ этимъ нашъ байазетскій гарнизонъ отбился отъ массъ курдскихъ всадниковъ, участвовавшихъ свои набѣги на Байазетъ со стороны озера Вана. Телеграмма изъ Константинополя отъ 11 (23) іюня сообщила, что Байазетъ снова взятъ турецкими войсками. Это турецкое извѣстіе нашло на другой день себѣ подтвержденіе въ томъ смыслѣ, что въ Байазетъ снова поставлены турецкія власти.

Но послѣ славнаго дѣла Тергукасова 4 іюня, о которомъ говорено было выше, войска его были атакованы близъ селенія Даяръ, 9 іюня, 20 батальонами, при 12 орудіяхъ и 4,500 человекъ конницы. Бой длился 10 часовъ. Непріятель *отбитъ*, но и наши потери *значительны*. Убито нижнихъ чиновъ 51, ранено 363. Убито также нѣсколько нашихъ офицеровъ. Сраженіе это было вообще *весьма замѣчательно* какъ по несоразмѣрности силъ, такъ и по пламенной энергіи войскъ Тергукасова. Наша позиція растянута на 5 верстъ.

Войска генерала Оклюбю атаковали 11 іюля Цихледзире. Бой былъ упорный и длился цѣлымъ днемъ. У насъ убитъ елигель-адъютантъ полковникъ Теріевъ и ранено нѣсколько офицеровъ. Убито же и ранено нижнихъ чиновъ до 400. На другой день, 12-го іюня, непріятель атаковалъ нашъ лѣвый флангъ и центръ позиціи у Самеба. 9-ти часовой бой былъ ожесточенный. Турки отброшены съ огромною потерей. Потеря наша около 150 убитыхъ и раненыхъ.

Затѣмъ было еще за эту недѣлю въ Азіи и нѣсколько другихъ значительныхъ стычекъ.

— Съ Черногорскаго театра войны извѣстно, (по Константинопольской телеграммѣ), что ожидается соединеніе войскъ Али-Саиба и Сулеймана, идущихъ отъ Служа къ Никшицу, дѣйствительно состоялось. Отъ 11 (23) іюня телеграфъ извѣстилъ насъ, что происходилъ уже 7 дней до послѣднихъ телеграммъ ожесточенный бой, на лѣвомъ берегу рѣчки Зеты, по берегамъ которой и лежатъ Даниловградъ и Служа. Потеря турокъ уже состояла тогда въ 3,000 человекъ, но и потери черногорцевъ значительны. Эта битва происходила, по всей вѣроятности, для воспрепятствованія соединенія войскъ Саиба и Сулеймана.

Въ политическомъ отношеніи за прошлую недѣлю не было недостатка въ важныхъ фактахъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ восточному вопросу и къ текущей войнѣ. Изъ нихъ весьма важное значеніе имѣетъ для насъ тотъ фактъ, что Австро-Венгрія весьма ясно опредѣлила теперь свое отношеніе къ восточному вопросу. Участіе ея въ предпріятіи Россіи теперь представляется несомнѣннымъ. Австрійскія войска, стоящія въ Далмаціи и Хорватіи, теперь уже официально приготовлены къ походу.

— Многихъ интересуетъ вопросъ: будетъ ли воевать съ турками Сербія. Здравый смыслъ и нравственное чувство говорятъ, что она должна воевать, должна явиться союзницей Россіи въ томъ великомъ и святомъ дѣлѣ, въ которомъ она сдѣлала такой благородный и мужественный починъ. Есть полное основаніе думать, что событія подтвердятъ подобное предположеніе. Добавимъ, что сербское военное мѣнестерство, говорятъ, дѣлательно занято заготовкою батарей.

— Въ Вѣну недавно прибылъ нашъ государственный канцлеръ, князь Горчаковъ, вмѣстѣ съ дипломатическимъ канцеляріей.

— Вѣнскія газеты сообщаютъ, что между лондонскими и вѣнскими кабинетами дѣлательно ведутся переговоры по восточному

вопросу. Въ венгерской Палатѣ Представителей тоже продолжаютъ пренія по восточному вопросу. Нѣкоторые депутаты, по обыкновенію, указываютъ на необходимость сохраненія цѣлости Турціи.

13-го іюня, генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, съ колонною генерала Геймана атаковалъ укрѣпленный лагерь Измаилъ-паши подѣ Зивинюмъ. Бой продолжался съ 2-хъ часовъ пополуночи до темноты. Войска наши выбили неприятеля, у котораго было 23 батальона, изъ его передовыхъ позицій.

Изъ телеграммы Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, отъ 17 іюня, видно, что 16-го іюня главная квартира Государя и Главнокомандующаго переведены въ Зимницу. Послѣ полудня 16-го іюня Государь Императоръ переправился черезъ Дунай. Его Величество, при восторженныхъ крикахъ «ура» съ обѣихъ береговъ, изволилъ выйти на болгарскій берегъ, объѣхалъ войска 14-й и 35-й дивизій, милостиво благодарилъ гвардейскую роту и изволилъ взять ее съ Собою, поблагодаривъ за блестящую храбрость. Въ Систовѣ Его Величество былъ встрѣченъ духовенствомъ и христіанскимъ населеніемъ съ восторгомъ; приложился къ кресту и въ соборѣ прослушалъ многолѣтіе. Путь Государя женщины усыпали цвѣтами, бросались къ ногамъ Государя. Вечеромъ вернулись въ Зимницу; мостъ у Систова строится безпрепятственно; переправа на понтонахъ въ то же время идетъ безостановочно.

Телеграмма изъ Вены сообщаетъ той же газетѣ, что въ Журжевѣ, во время бомбардированія Рушукъ, турецкая бомба рязорвалась близъ Государя Императора. Его Величество спокойно спросилъ: не раненъ ли кто? и, зная, что ось остались невредимы, — осыпалъ себя троекратно крестнымъ знаменіемъ.

О большихъ преміяхъ „Нивы“ 1877 года.

Значительное увеличеніе подписчиковъ на журналъ „Ниву“ дало издателю его возможность приобрести въ собственность, для премій 1877 года, двѣ превосходныя олеографическія картины (pendants) Фердинанда Келлера, подѣ названіемъ:

У НЕАПОЛИТАНСКАГО ЗАЛИВА:

- 1) Семья рыбаковъ.
- 2) Тарантелла.

Цѣна этихъ картинъ въ отдѣльной продажѣ 4 р., т. е. по 2 р. за каждую.

Только гг. годовые подписчики на журналъ „Нива“ 1877 года, имѣютъ право на бесплатное полученіе ихъ.

Обѣ эти картины будутъ разосланы всѣмъ гг. годовымъ подписчикамъ, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ (получающимъ журналъ чрезъ почту) въ прочномъ картонномъ футлярѣ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, прочимъ же подписчикамъ (получающимъ журналъ безъ доставки) преміи эти будутъ выданы или въ конторѣ редакціи, или въ тѣхъ книжныхъ магазинахъ, гдѣ они получаютъ журналъ, при томъ же №, при которомъ эти преміи будутъ приложены подписчикамъ, получающимъ журналъ съ доставкою или пересылкою.

Имѣя уже теперь нѣсколько экземпляровъ означенныхъ картинъ, контора редакціи, разослала ихъ нижепоименованнымъ книгопродавцамъ, у которыхъ можно видѣть эти будущія преміи „Нивы“.

Въ С.-Петербургѣ: Въ Главной Конторѣ Редакціи „Нивы“, и у книгопродавца: Я. А. Исакова, Анисимова, Колесова, Михина, Мамонтова и Бителана.

„ Москва: у книгопродавцевъ; И. Г. Соловьева, А. Лангъ и Н. И. Мамонтова, Живарева и Васильева.

Въ Одессѣ: въ книжныхъ магазинахъ В. П. Дубецкаго (бывшій Борнневскаго) и Пушкина.
 „ Казани, въ книжномъ магазинѣ Дубровина.
 „ Кіевѣ, книж. магаз. Литова (владѣлецъ Оглоблинъ), у Гюнтера и Малецкаго.
 „ Екатеринбургѣ, въ книжномъ магазинѣ Наумова.
 „ Вяткѣ, въ книж. магаз. В. Красовскаго.
 „ Калугѣ, у книгопродавца Н. Ив. Мясникова.
 „ Кишиневѣ, въ книж. магазинѣ, Андр. Тараненко.
 „ Костромѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. Солодовникова.
 „ Кронштадтѣ, въ Ред. „Кронштадтскаго Вѣстника“.
 „ Курскѣ, въ книжномъ магазинѣ Васил. Сулова.
 „ Нижнемъ-Новгородѣ, въ книж. магаз. Павла Богданова.
 „ Новгородѣ, въ книж. магаз. Парамонова.
 „ Новочеркасскѣ, въ книж. магаз. Васил. Дюжикова.
 „ Пензѣ, въ книж. магазинѣ, г. Шемаева.
 „ Перми, въ книжной лавкѣ Гусева.
 „ Полтавѣ, въ книжной торговлѣ Богоявленской.
 „ Ростовѣ на Дону, у книгопродавца Ден. Прѣснава.
 „ Рязани въ книж. маг. Константина Федор. Александрова.
 „ Саратовѣ, въ книж. магаз. Стеф. Сем. Знаменскаго.
 „ Симбирскѣ, въ Карамзинской общественной библиотекѣ.
 „ Таганрогѣ, въ книж. магазинѣ Ващиненно.
 „ Твери, въ Городской общественной библиотекѣ.
 „ Тулѣ, въ Публичной библиотекѣ Дворянскаго Собранія.
 „ Харьковѣ, въ книж. маг. и библиотекѣ Максимовича.
 „ Ярославлѣ, въ книж. маг. и библиотекѣ Раф. Кокуева.
 „ Варшавѣ, въ книж. магаз. Г. Истомина.
 „ Тифлисѣ, въ книжномъ магазинѣ Г. Вартанова.
 „ Томскѣ, въ книжномъ магазинѣ Макушина.

Подписка на журналъ „Нива“ принимается постоянно, и каждый новый подписчикъ имѣетъ право на полученіе, какъ всѣхъ премій, такъ и всѣхъ вышедшихъ уже №№ журнала съ 1-го января.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Редакція журнала „Нива“ покорнѣйше просить тѣхъ немногихъ изъ гг. подписчиковъ, которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе, — въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики теряютъ право на полученіе премій, слѣдующихъ гг. годовымъ подписчикамъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Командиръ 11-го армейскаго корпуса дѣйствующей арміи, генераль-лейтенантъ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской 1-й. А. Н. — ева (съ портретомъ). — Первые шаги. (Повѣсть изъ быта провинціальныхъ чиновниковъ) Н. Со sneцаго. — Въ Малафатѣ. (Письмо нашего корреспондента) Н. Каразина. — Аонъ (съ рисункомъ). — Критики (картина Жюльера) (съ рисункомъ). — Сова (съ рисункомъ). — Ночной переходъ по Дунаю (съ рисункомъ). — Сестры милосердія (съ рисункомъ). — Мины и торпеды (съ рисункомъ). — Политическія и военныя извѣстія — О большихъ преміяхъ „Нивы“ 1877 года. — Заявленіе. — Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3,

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,

Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.

Товарищество Чижберсъ и К^о.

Магазинъ: Адмиралъ. Прогіезъ: Остроляной.

„KNABEN“ PENSIONAT

von F. Scheffer in der Universitätsstadt Marburg in Hessen (Preussen). Auf frankirte Anfragen stehen beste Referenzen etc. etc. zu Diensten. 2-2

Дозволено цензурою. СПб. 24 Іюня 1877 г.

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи
въ С.-Петербургѣ, у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, по
Валковской линіи, № 4. Единственный агентъ для
всей Россіи *Александръ Венцель*

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отбѣгаю только въ тѣ мѣстности, на которыхъ находится **СИНІЙ ПИТМЕНШЕЛЪ** и **ПОДПИСЬ** Александра Венцеля, **ЕДИНСТВЕННАГО** агента моего для всей Россіи.

№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ** въ Веве (Швейцарія). 26-24

Цѣна
ЖЕСТИНКИ
1 р.
безъ пече-
смаки, вѣст
1 1/2 ф.

Вышло въ свѣтъ второе изданіе (исправленное и дополненное) новаго романа, подѣ заглавіемъ:

„ЛЮБОВЬ И ВОЙНА.“

Сочин. Николая Якобсона. Цѣна 60 к., за пересылку 25 к.

Съ требованіемъ обращаться въ издателя А. А. Мартынову, въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., д. № 91, кв. № 23. Гг. иногородные могутъ вмѣсто денегъ присылать почтовыми марками, въ соответствующемъ количествѣ. 1-1

ТѢБЪ МОЛОЧКА И РЖИВАРСКЪ 10.

